

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

The Journal
is published
by Moscow State
University of Education

Журнал издаётся
Московским педагогическим
государственным
университетом

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Moscow State
University of Education

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Московский педагогический
государственный университет

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

Fjodor B. Uspenskij

The Editorial Board

Iskra Hristova-Shomova,
Angel Nikolov (*Bulgaria*); Milan
Mihaljević, Mate Kapović (*Cro-
atia*); Václav Čermák (*Czech
Republic*); Roland Marti, Björn
Wiemer (*Germany*); András Zoltán
(*Hungary*); Marcello Garzaniti
(*Italy*); Jos Schaecken (*Netherlands*);
Alexander I. Grishchenko,
Ekaterina I. Kislova, Roman N.
Krivko, Sergey L. Nikolaev, Maxim
M. Makartsev, Philip R. Minlos,
Alexander M. Moldovan, Tatiana
V. Rozhdestvenskaia, Alexei D.
Shmelev, Anatolij A. Turilov,
Boris A. Uspenskij, Rev. Mikhail
Zheltovtov (*Russia*); Jasmina Grković-
Major, Tatjana Subotin-Golubović
(*Serbia*); Robert Romanchuk, Alan
Timberlake, William Veder,
Alexander Zholkovsky (*USA*)

Главный редактор

Фёдор Б. Успенский

Редакционная коллегия

Ангел Николов, Искра Христова-
Шомова (*Болгария*); Андраш Золтан
(*Венгрия*); Бьёрн Вимер, Роланд
Марти (*Германия*); Марчелло
Гардзанити (*Италия*);
Йос Схакен (*Нидерланды*); Александр
И. Грищенко, свящ. Михаил Желтов,
Екатерина И. Кислова, Роман Н.
Кривко, Максим М. Макарец,
Филипп Р. Минлос, Александр М.
Молдован, Сергей Л. Николаев,
Татьяна Вс. Рождественская,
Анатолий А. Турилов, Борис А.
Успенский, Алексей Д. Шмелев
(*Россия*); Ясмина Грекович-Мейджор,
Татьяна Суботин-Голубович (*Сербия*);
Александр Жолковский, Роберт
Романчук, Алан Тимберлейк,
Уильям Федер (*США*); Милан
Михалевиц, Мате Капович
(*Хорватия*); Вацлав Чермак (*Чехия*)

Moscow

2017

Москва

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Moscow State
University of Education

Московский педагогический
государственный университет

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 6

№ 1

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Журнал включён в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Included in / Журнал включён в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Linguistic Bibliography Online
Slavic Humanities Index
Ulrich's Periodicals Directory
Directory of Open Access Journals
EBSCOhost
Index Copernicus
ERIH PLUS
MLA International Bibliography,
MLA Directory of Periodicals
Linguistics Abstracts Online

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>
<http://bibliographies.brillonline.com/>
<http://slavus.ca>
<http://ulrichsweb.serialssolutions.com>
<https://doaj.org>
<http://www.ebscohost.com>
<http://www.indexcopernicus.com>
<http://erihplus.nsd.no>

<https://www.mla.org/>
<http://www.linguisticsabstracts.com/>

Academic Editors

Fjodor B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Institute for Slavic Studies, Moscow
Alexander I. Grishchenko (Executive Editor),
Moscow State University of Education

Ekaterina I. Kislova, Lomonosov Moscow State
University
Roman N. Krivko, National Research University
Higher School of Economics, Moscow
Philip R. Minlos, Yandex N. V., Moscow
Roland Marti, Saarland University,
Saarbrücken

Managing Editors

Alexander I. Grishchenko, Roman N. Krivko,
Roland Marti

Technical Copy Editors

Alexandra E. Soboleva, Alexander I. Grishchenko,
Elizaveta S. Morozova

Russian Language Copy Editor, Proofreader

Maria S. Yakovleva

Italian Language Copy Editor, Proofreader

Vittorio Springfield Tomelleri

Croatian Language Copy Editor, Proofreader

Katarina Begović

English Language Copy Editor, Proofreader

Claudia R. Jensen

Layout Editor Marfa N. Tolstaya

Design (2012)

Igor' N. Ermolaev

Научная редакция

Фёдор Б. Успенский (главный редактор),
Институт славяноведения РАН, Москва
Александр И. Грищенко (ответственный
редактор), Московский педагогический
государственный университет
Ekaterina I. Kislova, Московский государ-
ственный университет им. М. В. Ломоносова
Roman N. Krivko, НИУ Высшая школа
экономики, Москва
Филипп Р. Минлос, ООО "Яндекс", Москва
Roland Marti, Университет земли Саар,
Саарбрюкен

Редакторы выпуска

Александр И. Грищенко, Роман Н. Кривко,
Roland Marti

Технические редакторы

Александра Е. Соболева, Александр И.
Грищенко, Elizaveta S. Morozova

Литературный редактор, корректор
(русский язык) Мария С. Яковлева

Letture e correttore (lingua italiana)

Vittorio Springfield Tomelleri

Lektura i korektura (hrvatski jezik)

Katarina Begović

Литературный редактор, корректор
(английский язык) Клаудиа Р. Дженсен

Вёрстка Марфа Н. Толстая

Дизайн (2012)

Игорь Н. Ермолаев

Slovene = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 6. № 1. — Москва:
Московский педагогический государственный университет, 2017. — 592 с.

Номер издан при поддержке Фонда инновационных научно-образовательных программ
"Современное Естествознание".

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons "Attribution-NoDerivatives"
4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a

Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Moscow State University
of Education, 2017

© Authors, 2017

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents / Содержание

Articles / Статии

- 8 Гельмут Кайперт (Бонн). *Церковнославянский язык: круг понятий* (перевод с немецкого Марины А. Бобрик, Москва)
Helmut Keipert (Bonn). *Conceptions of Church Slavonic* (translated from German by Marina A. Bobrik, Moscow)
- 76 Михаил Н. Саенко (Москва). *История семантики праславянских лексем *edīnъ и *samъ*
Mikhail N. Saenko (Moscow). *History of the Semantics of the Proto-Slavic Lexemes *Edinŭ and *Samŭ*
- 95 Barbara Sonnenhauser (Zürich). *'Knowing How' in Slovene: Treading the Other Path*
Барбара Зонненхаузер (Цюрих). *'Зная, как' в словенском языке: идя по иному пути*
- 118 Maria A. Kholodilova (St. Petersburg). *Competition Between 'Who' and 'Which' in Slavic Light-Headed Relative Clauses*
Мария А. Холодилова (С.-Петербург). *Конкуренция местоимений 'кто' и 'который' в славянских относительных предложениях без существительного в вершине*
- 148 Ana Kovačević (Zagreb). *Sročnost višičlanih subjekata s predikatom: raščlamba hrvatskoga crkvenoslavenskoga korpusa*
Ana Kovačević (Zagreb). *The Agreement between Conjoined Subjects and Predicate: Croatian Church Slavonic Corpus Analysis*
Ана Ковачевич (Загреб). *Согласование однородных подлежащих со сказуемым: анализ корпуса церковнославянского языка хорватской редакции*
- 171 Борис А. Успенский (Москва). *Митрополит Климент Смолятич и его послания*
Boris A. Uspenskij (Moscow). *Metropolitan Kliment Smoliatich and His Epistles*
- 219 Андрей Ю. Виноградов (Москва), Максим И. Коробов (Иркутск). *Бравлин — бранлив или кроток?*
Andrey Yu. Vinogradov (Moscow), Maksim I. Korobov (Irkutsk). *Bravlin—Brave or Humble?*
- 236 Victor S. Savelyev (Moscow). *Indirect Speech Acts in the Speech of the Characters of the Tale of Bygone Years*
Виктор С. Савельев (Москва). *Косвенные речевые акты в речи персонажей "Повести временных лет"*
- 256 Йитка Комендова (Оломоуц). *"Летопись Монаха Сазавского" и Киевская летопись: сравнение методов историописания*
Jitka Komendová (Olomouc). *The Chronicle of the Monk of Sazava and the Kievan Chronicle: A Comparison of the Historiographical Method*

- 273 Francesca Romoli (Pisa). *La predicazione esegetica di Kirill Turovskij: lo Slovo o rasslablennom*
 Francesca Romoli (Pisa). *Exegetical Preaching by Kirill Turovskij: The Sermon on the Paralytic*
 Франческа Ромоли (Пиза). *Экзегетическое проповедничество Кирилла Туровского: "Слово о
 расслабленном"*
- 290 Мария О. Новак (Казань). *Феноменология и типология ошибок в древнерусских списках Апостола XII–XIV вв.*
 Maria O. Novak (Kazan). *On the Phenomenology and Typology of Errors in Old Russian Apostolos Manuscripts from the 12th–14th Centuries*
- 307 Мария В. Корогодина (С.-Петербург). *Неизвестный славянский перевод фрагмента "Послания трех патриархов императору Феофилу" в сборнике русского книжника XV века*
 Maria V. Korogodina (St. Petersburg). *An Unknown Slavic Translation of a Fragment of the "Letter of the Three Oriental Patriarchs to Emperor Theophilos" in the 15th-century Miscellany by a Russian Scribe*
- 333 Артём Е. Жуков (С.-Петербург). *К истории текста "Рассказа о предсказании Ионе Новгородскому архиепископства"*
 Artem Ye. Zhukov (St. Petersburg). *On the Textual History of the "Tale about the Prophecy of Iona's Archbishopric"*
- 350 Наталья В. Пак (С.-Петербург). *Об источниках Жития Александра Сvirского: глава "о списавшемъ житие святаго"*
 Natalia V. Pak (St. Petersburg). *On the Sources for the "Life of Alexander of Svir": The Chapter "About the Person Who Wrote the Life of the Saint"*
- 381 Борис Н. Флоря (Москва). *Славянский мир и его судьбы в древнейшую эпоху его истории в первой редакции "Хроники" Мартина Кромера*
 Boris N. Floria (Moscow). *The Slavic World and Its Destiny in the Earliest Epoch of Its History according to the First Redaction of the Chronicle by Marcin Kromer*
- 393 Евгений М. Матвеев (С.-Петербург). *К вопросу о библейских и богослужебных заимствованиях у М. В. Ломоносова*
 Yevgeniy M. Matveev (St. Petersburg). *On the Problem of Biblical and Liturgical Citation by Mikhail Lomonosov*
- 413 Елена Л. Березович, Валерия С. Кучко (Екатеринбург). *Еще раз об этимологии рус. мазурик 'мошенник' (в свете культурно-языкового образа мазура в славянских традициях)*
 Elena L. Berezovich, Valeria S. Kuchko (Yekaterinburg). *Once More on the Etymology of the Russian Word Mazurik 'Cheater' (in Light of the Cultural and Linguistic Image of Mazur in Slavic Traditions)*
- 449 Сергей С. Скорвид (Москва). *К типологии инославянских переселенческих говоров в России*
 Sergey S. Skorvid (Moscow). *On the Typology of Immigrant Slavic Dialects in Russia*
- 485 Ася В. Кулакова (Москва). *Образ Византии в романе В. А. Каверина "Перед зеркалом"*
 Asia V. Kulakova (Moscow). *The Image of Byzantium in the Novel In Front of the Mirror by Veniamin Kaverin*

Notes / Заметки

- 498 Александр Л. Лифшиц (Москва). *Два благословения посадника Остромира*
Alexander L. Lifshits (Moscow). *Two Blessings for Ostromir the Posadnik*

Publications / Публикации

- 504 Сергей Ю. Темчин (Вильнюс). *Церковнославянская Повесть о грешной матери (Синодик, Патерик, Пролог, Измарагд) и ее греческий оригинал (ВНГ 1449d)*
Sergejus Temčinas (Vilnius). *An Old Church Slavonic Tale about a Sinful Mother (Sinodik, Patericon, Synaxarion, Izmaragd) and Its Greek Original (ВНГ 1449d)*
- 518 Анастасия И. Рыко (С.-Петербург). *Литературный текст в традиционном бытовании ("Сказка о царе Салтане" в Новгородской области)*
Anastasia I. Ryko (St. Petersburg). *The Folklore Life of a Literary Text: Narration of The Tale of Tsar Saltan in Traditional Discourse*
- 540 Михаил А. Бабкин (Москва). *Законопроект Временного правительства о "легализации" в России третьей Православной церкви — Древлеправославной, имеющей Белокриницкую иерархию*
Mikhail A. Babkin (Moscow). *The Provisional Government's Bill regarding the "Legalization" of Russia's Third Orthodox Church—Old Orthodox Belokrinitckaya Hierarchy*

Reviews / Рецензии

- 561 ЛУВОР КРАЉИК, *Stručný etymologický slovník slovenčiny*, Bratislava, VEDA, 2015, 700 s.
Рецензия Жанны Ж. Варбот (Москва)
Reviewed by Zhanna Zh. Varbot (Moscow)
- 565 АФАНАСЬЕВА Т. И., КОЗАК В. В., СОБОЛЕВ А. Н., *Глаголическая письменность Западных Балкан X–XVI веков. Учебно-методическое пособие*, С.-Петербург, Наука, 2016, 71 с.
Рецензия Татьяны В. Рождественской (С.-Петербург)
Reviewed by Tatiana V. Rozhdestvenskaia (St. Petersburg)
- 569 АМОСОВА С., отв. ред., *Лепель: память о еврейском местечке*, Москва, Сэфер, 2015, 496 с.
Рецензия Бориса Е. Рашковского (Москва)
Reviewed by Boris Ye. Rashkovskiy (Moscow)

Conference notes / Хроника

- 576 Валерий М. Мокиенко (С.-Петербург). *Психолингвистические аспекты славянской фразеологии: "Славофраз-2016"*
Valerij M. Mokienko (St. Petersburg). *Psycholinguistic Aspects of Slavic Phraseology: "Slavofraz-2016"*

In memoriam

- 588 Ольга Н. Афиногенова (Москва). *Ольга Викторовна Лосева (22.02.1971–18.03.2017)*
Olga N. Afinogenova (Moscow). *Olga V. Loseva (22.02.1971–18.03.2017)*

Церковнославянский
язык:
круг понятий

Conceptions
of Church Slavonic

Гельмут Кайперт

Рейнский университет
им. Фридриха Вильгельма
Бонн, Германия

Helmut Keipert

University of Bonn
Bonn, Germany

Резюме

Церковнославянский в наше время — это “язык без носителей”, но он не во всех отношениях “мертвый”. Именно по этой причине он получил у славян разнообразные названия, различное использование которых в филологических публикациях во многом зависит от соответствующих коннотативных (национальных, идеологических и т. д.) намерений авторов. Описание этого языка, как правило, основано на анализе письменных и печатных текстов. Лишь недавно в научный оборот были введены некоторые новые корпусы, дополняющие хорошо известную группу “классических” старославянских рукописей, которые при всем своем авторитете в истории славистики могут дать лишь очень приблизительное представление о богатстве языковой традиции церковнославянского языка в целом, так как в качестве средства реальной (устной) коммуникации этот язык сегодня можно наблюдать только в богослужении. В статье обсуждаются основные лингвистические концепции, применявшиеся к церковнославянскому языку в прошлом и настоящем (праязык, общий язык, литературный язык, язык-расширение и др.); выделяются различные бинаристские подходы, в которых церковнославянский противопоставляется разговорным идиомам; дается обзор многочисленных внутриязыковых вариантов (связанных с определенным регионом, эпохой, функцией, личностью или группой); обращается внимание на роль реконструкции в современных изданиях церковнославянских текстов и в учебной литературе, а также на часто игнорируемую роль языкового конструирования в ранних церковнославянских грамматиках и словарях; наконец, обсуждается возможность описания

церковнославянского языка как модели для сравнительного изучения структурного разнообразия славянских языков в его эволюции.

Ключевые слова

церковнославянский язык, старославянский язык, варианты языка, лингвистические концепции

Abstract

In our time Church Slavonic is a “language without native speakers,” but it is not in all respects a “dead” one. It is for this reason that the Slavs have given it a great variety of names, the different use of which in philological publications heavily depends on the respective linguists’ connotative purposes (e.g., national and ideological interests and so forth). As a rule, the description of the language is based on the analysis of written or printed texts. Only recently have a few additional corpora been introduced in addition to the well-known group of “classical” Old Church Slavonic manuscripts, which, for all their merits in the history of Slavistics, can give only a vague idea of the rich language tradition of Church Slavonic as a whole, since, as a means of actual (oral) communication, it can nowadays be observed only in the liturgy. The article discusses the main linguistic conceptions applied to Church Slavonic in the past and present (root language, i.e., proto-language, common language, literary language [*Schriftsprache*], *Ausbau* language, etc.); singles out binaristic approaches in opposition to vernaculars; gives an overview of the numerous varieties to be differentiated within the language (connected to regions, chronology, functions, individuals, and groups); recalls the role of reconstruction in modern textbooks and the widely neglected construction devices used in early grammars and dictionaries; and, at the end, refers to the possibility of including Church Slavonic as a model for comparative judgments on degrees of diversity in the structural development of Slavonic languages.

Keywords

Church Slavonic, Old Church Slavonic, language varieties, linguistic conceptions

От редакции

Научная редакция журнала “Словѣне” приняла решение о публикации русского перевода статьи проф. Г. Кайперта “Kirchenslavisch-Begriffe”¹ по двум основным причинам. Во-первых, перевод обобщающей концептуальной работы на другой язык неизбежно обогащает этот язык новым категориальным аппаратом: редакция уверена, что благодаря переводу русский терминологический инструментарий славистики обогатится новыми продуктивными понятиями²; во-вторых, публикация статьи на русском языке в

¹ Впервые в: [KEIPERT 2014].

² Существенные различия между немецко- и русскоязычной традициями в терминологии церковнославянского языка побудили нас рядом с переводом того или иного термина нередко помещать в скобках его эквивалент из оригинала статьи. (Если иное не оговорено, здесь и далее подстрочные примечания принадлежат переводчице.)

международном журнале с открытым доступом несомненно расширит аудиторию её потенциальных читателей. Редакция приносит свою глубокую благодарность издательству “De Gruyter” за любезное разрешение опубликовать перевод. Предлагаемая статья была изначально задумана редакторами справочника и автором как общее введение в специально планируемые тогда более или менее обширные статьи обо всех редакциях церковнославянского языка, и лишь по этой причине может показаться, что многие обсуждаемые здесь проблемы рассмотрены недостаточно глубоко. Автор статьи передаёт переводчице свою искреннюю благодарность как за сделанные ею библиографические дополнения, так и — прежде всего — за её предложение перевести статью на русский язык, за тщательное и добросовестное осуществление этой идеи и за содержательные замечания, способствовавшие улучшению самого текста.

От научной редакции — Р. К.

Оглавление

1. Предварительные замечания	11
2. Церковнославянский как “язык без народа” (“Sprache ohne Volk”)	12
3. Термин <i>церковнославянский</i> как обозначение языка	13
4. Церковнославянский как славянский праязык (slavische Ursprache)	15
5. Церковнославянский как язык корпуса текстов (Korpusprache)	17
6. Церковнославянский как элемент противопоставления (Oppositionsbegriff)	20
7. Церковнославянский как общеславянский (литературный) язык (Gemeinsprache)	23
8. Церковнославянский как литературный язык (Schriftsprache)	25
9. Церковнославянский как язык-расширение (Ausbausprache)	29
10. Периодизация и диахронические (исторические) разновидности	31
11. Диатопные (региональные) разновидности	33
12. Диафазные (функциональные) разновидности	40
13. Индивидуальные и групповые разновидности	43
14. Церковнославянский как “реконструкт” (rekonstruiertes Kirchenslavisch)	45
15. Церковнославянский как конструктор (Konstrukt)	45
16. Церковнославянский как язык-эталон (Etalonsprache)	47
17. Библиографическая ситуация	49
18. Библиография	51

1. Предварительные замечания

Церковнославянский язык (далее: ЦСЛ) используется сейчас исключительно в качестве языка богослужения, в первую очередь у православных славян и славян-униатов (русских, украинцев, русинов, белорусов, болгар, македонцев и сербов), кое-где также в богослужении Римско-католической церкви у хорватов и чехов. Создан этот язык был на болгарско-македонской диалектной основе в середине IX в. для целей византийской миссии в Моравии. Во главе миссии патриарх Фотий в 860 г. поставил братьев Константина (Кирилла) и Мефодия, которые, будучи уроженцами Салоник, владели языком-диалектом славянского населения региона. Вслед за переводами, сделанными в миссионерских целях этими, как их обычно называют, апостолами славян и их сотрудниками, создавались переводы авторитетных сочинений с греческого (реже — латинского и древнееврейского, в одном случае — древневерхненемецкого) и одновременно — оригинальные сочинения славянских авторов. Так по мере распространения христианства на Балканах и у восточных славян возникла постоянно растущая письменность преимущественно церковно-религиозного содержания, которая поставила ЦСЛ в один ряд с греческим и латынью как основными языками европейского Средневековья, ср.: [Grasjotti 2006: 192–222]. ЦСЛ обладает более чем тысячелетней языковой и литературной традицией — от древнейших южнославянских рукописей X–XI вв. вплоть до нынешних русских церковных печатных книг. Удивительная устойчивость этой традиции проявляется, в частности, в том, что Евангелие и Псалтырь русского православного богослужения до сих пор, за исключением сравнительно немногих изменений, сохраняют текст IX в. Кроме того, благодаря своей древности церковнославянские тексты позволяют лингвисту наблюдать некоторые явления раннего состояния славянского языка, которые в других регионах Славии, где письменность запаздывала, уже недоступны наблюдению. Большой лингвистический интерес церковнославянская письменность представляет, наконец, как чрезвычайно богатый, хотя и во многом недооцениваемый источник многочисленных заимствований в славянские национальные языки, в первую очередь в русский. Современный статус “языка без народа” сделал ЦСЛ для славистики феноменом *sui generis*, поэтому в данной обзорной статье, предваряющей статьи с описанием функционирования ЦСЛ в ряде отдельных славянских регионов³, предлагается характеристика более общих надрегиональных культурно-языковых концепций, которые были созданы в науке для

³ В разделе “Церковнославянский язык” справочного пособия “Die slavischen Sprachen” вслед за этой, обзорной, работой Г. Кейперта помещены статьи: [Miklas, Sadovski 2014; Živov 2014; Reinhart 2014; Ziffer 2014; Trunte 2014; Marti 2014; Bujukliev 2014].

исследования текстов, относимых к церковнославянской письменности, а затем дается представление об основных разновидностях ЦСЛ, которые стоило бы различать.

2. Церковнославянский как “язык без народа” (“Sprache ohne Volk”)

От других славянских письменных языков ЦСЛ отличается прежде всего тем, что за время своего существования он стал “языком без народа” и поэтому не может быть определен с точки зрения конститутивного отношения к одной из славянских языковых общностей, подобно тому как мы определяем украинский как язык украинцев или болгарский как язык болгар. Не существует “церковнославян”, языком которых мог бы считаться ЦСЛ и которые становились бы его носителями в результате естественной социализации. Поэтому и нет людей, которые так же безоговорочно отождествляли бы себя с текстами, относимыми к ЦСЛ письменности, и испытывали бы к ним такую же эмоциональную привязанность, как сербы или словаки в отношении, соответственно, сербской или словацкой письменности и языкового наследия. За пояснениями, потребность в которых возникает нередко, мы вынуждены обращаться не к носителям ЦСЛ, владеющим им как родным, а — как и латинист в занятиях классической латынью — в лучшем случае к знатокам данных текстов (о границах сравнения ЦСЛ с латынью ср.: [КЕРПЕРТ 1987]). Не находится места для ЦСЛ и среди национальных языков, с XIX в. распрелившихся — в принципе без лакун и пересечений — по славянской территории. На языковых картах ЦСЛ можно представить разве что как своего рода “второй язык” с богослужебной функцией (ср. несколько проблематичное представление средневековой сферы его распространения в: [МАРЕЃ 1990: 2255]). В XX в. под действием как усиливающейся секуляризации, так и национально-филологической рефлексии ЦСЛ как таковой отошел в тень — частично по причине содержания, так как связанная с этим языком церковно-религиозная письменность утратила, как многим казалось, актуальность, а преобладающие в ней переводы содержали, на первый взгляд, мало национальной специфики; частично же потому, что под “присваивающими” именованиями эта письменность причислялась к той или иной национальной литературе. Проблемы обозначения и дефиниции ЦСЛ (ср. п. 3 и 5), порождаемые отсутствием у него естественных носителей, не в последнюю очередь связаны с тем напряжением, которое существовало (и еще существует) между наднациональным характером распространения текстов на ЦСЛ и частными патриотическими интересами современных национальных филологий, не говоря уже о последствиях временами решительно атеистических направлений в культурной политике отдельных стран.

3. Термин *церковнославянский* как обозначение языка

Название *церковнославянский*, которое используется в этой работе, призвано терминологически подчеркнуть ту тесную внутреннюю связь, которую обнаруживает церковнославянская языковая и литературная традиция от кирилло-мефодиевских миссионерских переводов IX в. до современных богослужебных текстов православных славян, старообрядцев, униатов и частично славян-католиков. Такой терминологический выбор имеет то преимущество, что легко позволяет (из историко-научных соображений) выделить уточняющим термином *древнецерковнославянский* древнейшие памятники, не нарушая при этом представления о преемственности языковой традиции, которая проявляется в продолжающемся более тысячи лет использовании определенных богослужебных текстов на ЦСЛ, ср.: [Рисню 1967: 1532; Пиккио 2003: 403–428]. Это представление, безусловно, несколько смазывается в двойственной, принятой, в частности, в России терминологии: с одной стороны, *старославянский* для древнецерковнославянского корпуса, а с другой стороны, *церковнославянский* для позднейшего ЦСЛ (иногда также *древнеславянский*, если он не включает упомянутого корпуса) (ср. для времени до 1917 г.: [Булич 1893: 130]; о вопросах терминологии советского и постсоветского времени см., например: [Толстой 1961: 34–52; Касаткин 1990; IDEM 1997; Герд 1998: 3–5; Супрун, Молдован 2005: 29]). Диссоциация усиливается, если авторы исходят из того, что (в синхронной перспективе родного языка) *старославянский язык* (Altkirchenslavisch) и *церковнославянский язык русского извода* (Russisch-Kirchenslavisch) представляют собою две различные языковые системы [ХАБУРГАЕВ 1984: 20 и след.]. Представление о преемственности церковнославянской традиции не находит поддержки и в Болгарии, где принято различать, с одной стороны, *старобългарски книжовен език* с многочисленными его редакциями до XVI в. и, с другой стороны — с середины XVII в. — *черковнославянски / църковнославянски език*, употребляемый в России или оттуда исходящий (ср., в частности: [Филкова 1988; Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999, 231–255]). Заметной чертой ЦСЛ как самостоятельного славянского языка *sui generis* является также то, что даже для языка древнейших его рукописей в науке существует несколько конкурирующих обозначений и время от времени разгораются дискуссии о том, какое из них лучшее или даже единственно верное, ср.: [Копыленко 1966; Иванова-Мирчева 1969; Кронштейнер 1985] и др. В такого рода расхождениях, которые в особенности резко обнажились во время русско-болгарских разногласий 1985 г. вокруг Святославова (или Симеонова?) изборника 1073 г. [Венедиктов 2007], речь идет не столько об усовершенствовании терминологии (чего, без

сомнения, можно было бы достичь в рамках любого из двух конкурирующих вариантов), сколько об использовании или неиспользовании тех коннотативно-когнитивных возможностей, которые связываются или могут быть связаны с данными обозначениями ЦСЛ. Каждое из них способно, помимо первичной своей функции обозначения данного текста или корпуса текстов, приобретать определенный дополнительный акцент, предсказуемым образом влияющий на восприятие. И в специальной литературе на немецком языке встречаются разные обозначения этого языка-объекта, которые обращают внимание читателя на разные дополнительные его аспекты. Термин *altslavisch* ‘старославянский’ подчеркивает, что в данных текстах явлены древнейшие формы славянского языка и что их язык ближе к не дошедшему до нас праславянскому, чем любой другой славянский язык, ср.: [VIELFELDT 1961: 21]. Термин *altbulgarisch* ‘древнеболгарский’ (ср., в частности: [AITZETMÜLLER 1991]) или *altmakedonisch* ‘древнемакедонский’ заставляет думать, что возникший на македонско-болгарской диалектной основе язык данных рукописей должен рассматриваться как этап исторического развития болгарского или македонского языка — развития, ведущего от этих древнейших свидетельств через средний период (который следует понимать как переходный) к современному состоянию. Напротив, термин *altkirchenslavisch* ‘древнецерковнославянский’ (ср., например: [TRUNTE 2003]) указывает на то, что речь идет о языке древнейшей церковно-религиозной письменности славян (главным образом православных), наследники которого могут быть, как говорилось, терминологически ясно обозначены как средний церковнославянский и новый церковнославянский современного богослужения (не только) славянского православия (ср. п. 10). В заголовке знаменитого пособия А. Лескина “Handbuch” появляются даже все три мотива: в немецком оригинале *древнеболгарский* (*altbulgarisch*) дублируется в скобках термином *древнецерковнославянский* (*altkirchenslavisch*), в то время как в русском переводе А. Шахматова и В. Щепкина фигурирует *старославянский язык* [LESKIEN 1886; ЛЕСКИН 1890]. Показательно также, что Р. Айтцетмюллер [AITZETMÜLLER 1991: ix и след.], предпочитая в целом термин *древнеболгарский*, в своем предисловии говорит именно о том, что он соответствует скорее термину *древнеславянский* (*altslavisch*) или *древнецерковнославянский* (*altkirchenslavisch*) (об этой терминологической множественности едва ли не во всех языках славистической литературы см. из чешской перспективы: [VEŠERKA 1984: 32], из русской — [Молдован 1986: 239]). Не следует при этом забывать, что заметное в публикациях советского времени стремление избежать термина *церковнославянский* и других подобных слишком явно связанных с церковью и религией выражений имело и идеологические причины

[Робинсон 1998: 127; КЕИПЕРТ 2006в] и привело к довольно устойчивому употреблению разнообразных терминов-заменителей — *древнеславянский язык*, (*древний*) *общеславянский литературный язык*, *первый литературный язык славян* и под. В последнее время, похоже, в употребление вновь все более входит *церковнославянский* (ср., в частности: [УСПЕНСКИЙ 1984] и категорический отказ от терминов *старославянский* и *древнеславянский* как от “неудачных” в работе [ВЕРЕЩАГИН 2001: 606]). В отличие от только что названных, обозначение *славяно-русский*, используемое, в частности, в заголовке “Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.” [ШМИДТ 1984] и продолжающих его изданий, не подразумевает, как можно было бы подумать, конкуренции с *церковнославянский*, но должно пониматься скорее как копулятивное сложение, отвечающее задаче охватить “памятники русской и славянской письменности”, ср. [ЖУКОВСКАЯ 1969]; в последнее время, однако, *славяно-русский* все чаще используется как название языка в значении *церковнославянский* (ср. попытку разграничения в работе [ВЕРЕЩАГИН 2001: 197, примеч. 103]).

Глоттоним *kirchenslavisch* и параллельные ему *церковнославянский* и (чуть позднее) *славяноцерковный* появляются уже в начале XIX в. Русские прилагательные возникли, очевидно, в качестве копулятивных сложений из традиционного старого обозначения *славянский* (*словенский*) язык и известного с начала XVIII в. *церковный язык*, когда (в частности, в работах: [ВОСТОКОВ 1810; ИДЕМ 1820] потребовалось терминологически точно назвать, не смешивая между собою — в отличие еще от [SCHLÖZER 1802], — и язык церковных книг, со времени петровских реформ отличавшихся своим шрифтом от гражданских изданий, и не сохранившийся, однако с растущей вероятностью реконструируемый общий пра-образ [Urform] славянских языков (ср., в дополнение к [ГОРШКОВ 1987: 8 и след.; КЕИПЕРТ 1998; ИДЕМ 2006а: 52–58]). Примерно в то же время или, возможно, чуть позднее, в русском языке появляется термин *старославянский* (язык) (вероятно, не без влияния слабо разграниченных обозначений *Altslavonisch* и *Slavonisch*, принятых уже у Шлёцера). Тогда же делаются первые попытки найти русский термин для ‘altbulgarisch’, а именно *древний славеноболгарский* [ИДЕМ 2004: 497].

4. Церковнославянский как славянский праязык

В прежнее время представления об историчности ЦСЛ, по-видимому, не существовало; напротив, церковнославянские тексты столетиями сохраняли для их читателей и слушателей удивительный “потенциал современности” [ТОЛСТОЙ 1961: 55], не допуская исторической перспективы, ср.: [МАРТИ 1987а]. Об архаичности этого языка впервые,

пожалуй, заговорили наблюдатели-неславяне и — вероятно, по аналогии с западноевропейской ренессансной моделью возникновения романских языков из латыни — видели в ЦСЛ общего предка славянских языков, ср., в частности, различие у Лудольфа *Russica dialectus / lingua Slavonica* и обозначение последнего как одной из *diversarum dialectorum matres* [LUDOLF 1696: 4, или A1]. Такое отождествление ЦСЛ и праславянского не было редкостью вплоть до начала XIX в., хотя уже в 1764 г. в полемике со Шлёцером оно было справедливо отвергнуто Ломоносовым [УСПЕНСКИЙ 1988в], отчетливо различавшим *antiqua Slaveno-Moravica lingua* и *antiqua lingua Slavica*. Тем не менее в 1802 г. Шлёцер повторил свою точку зрения, вызвав решительное противодействие (1806) со стороны Добровского (ср.: [КЕИРЕРТ 2006а]), который своим контррезисом о ЦСЛ как отдельном славянском языке, а именно сербском, в свою очередь спровоцировал длительную полемику о региональных истоках ЦСЛ. Во второй половине XIX в. эта контроверза завершилась утверждением в качестве *communis opinio* обсуждавшейся уже в 1771 г. Шлёцером и поддержанной в 1820 г. Востоковым (македонско-)болгарской гипотезы. В формулировке Добровского, полагавшего, что лишь нынешний сербский мог быть “образован и преобразован” (*gebildet und verbildet*) из ЦСЛ, можно, вероятно, видеть поздний рефлекс “коррупционной” теории в романистике, согласно которой романские языки в основе своей представляют испорченную латынь; в 1816 г. также Ст. Стратимирович характеризует сербский как со временем утративший чистоту ЦСЛ [COSTANTINI 1972: 215].

По своему характеру язык древнейших церковнославянских текстов, несомненно, стоит в ряду отдельных славянских языков, и тем не менее при ретроспективном взгляде он столь архаичен, что сравнительно-историческим языкознанием может использоваться как надежная основа для реконструкции ряда праславянских структур, ср.: [АЙТЗЕТМÜLLER 1991], а в классической индогерманистике (индоевропеистике) он нередко служил представителем славянской группы. При проспективном взгляде из древности подчеркивается, что древнейший ЦСЛ представляет собою якобы ветвь общеславянского, промежуточного между этапом усилившейся дифференциации праславянского и отдельными славянскими языками, и тем самым содержит “до известной степени общий знаменатель дальнейшего развития отдельных славянских языков [. . .] (в частности, в отношении еров, носовых гласных и системы времен)” [МАРЕЃ 1986: 15]. И этим может объясняться сознательное использование ЦСЛ в качестве языка-эталона при описании растущего языкового многообразия Славии (ср. п. 16). В перспективе отдельных языков ЦСЛ представляет древнейший этап письменно

засвидетельствованного развития славянского языка в болгарско-македонской языковой области. Тексты этого этапа дают представление о раннем состоянии системы звуков и форм диалектов этого региона, позволяют увидеть (принимая во внимание вероятные заимствования) развитую систему возможностей синтаксических сочетаний, документирует в рамках содержания дошедших до нас текстов актуальный в раннюю эпоху, тематически отнюдь не бедный словарный запас. Свидетельства этих памятников включаются в историческую грамматику и историческую лексикологию болгарского и македонского языков как факты регионального языкового развития [Младенов 1929; Младенов 1979; Мирчев 1978; Конески 1967]; при этом учитываются также характерные для балканского ареала надъязыковые тенденции, первые проявления которых наблюдаются уже в древнейших рукописях [Минчева 1987].

5. Церковнославянский как язык корпуса текстов

Так как ЦСЛ нельзя соотносить ни с каким сообществом носителей, которые говорили бы на нем в быту и передавали бы язык от старших к младшим в процессе естественной социализации, то лингвистическое описание ЦСЛ возможно только на основании корпусов, относимых к ЦСЛ текстов. Целый ряд таких корпусов уже созданы или создаются.

5.1. Древнецерковнославянский корпус

Лучше всего известен церковнославянский корпус древнейших памятников, ср.: [Вирнбаум, Schnaeken 1999], который здесь называется древнецерковнославянским и составляет, хотя и в разном, всегда сознательно выбираемом объеме, основу всех учебников, грамматик и словарей древнецерковнославянского. От других корпусов, речь о которых впереди, этот отличается уже тем, что он как корпус не планировался, но обязан своим возникновением конфликту мнений о региональных истоках ЦСЛ; был начат поиск древнейших рукописей этого языка, приведший к датировке их примерно X–XI вв. и локализации преимущественно (за исключением Киевских листков) в болгарско-македонской языковой области. Этот корпус принципиально открыт: вновь обнаруженные рукописи, эпиграфические тексты и др. могут быть добавлены, если обнаружат достаточно релевантных признаков⁴; некоторые тексты вызывают, однако, временами дискуссии о правомерности причисления их к корпусу, ср., несмотря на большую область пересечения, различия в круге цитируемых текстов в работах [Sadnik, Aitzetmüller 1955;

⁴ Из самых последних находок см. найденный в монастыре св. Екатерины на Синае среди фрагментов эфиопских рукописей пока не имеющий шифра лист глаголической литургической рукописи: [Glibetić 2015] (прим. ред. — P. K.).

SJS 1966–1997; Цейтлин 1994; Иванова-Мирчева 1999–2009; Miklas 2000; Miklas, Sadovski 2014]. В своем традиционном ядре древнецерковно-славянский корпус является, по-видимому, наиболее основательно исследованной областью славянского языкознания: благодаря полным, не раз перепроверенным указателям мы знаем все содержащиеся в корпусе слова и словоформы, а также по сути все примеры (ср., в частности, о глаголе: [Косн 1990]); о каждой рукописи мы знаем, какие кириллические или глаголические буквы в ней употреблены и каких букв нет; и вряд ли в корпусе найдется синтаксический феномен, который бы не был учтен в пятитомном труде “Древнецерковнославянский (древнеболгарский) синтаксис” [Веґерка 1989–2003]. В то же время эта фактически ставшая корпусом группа древнейших рукописей во многих отношениях перестала соответствовать интересам сегодняшних исследователей, потому что эти памятники, случайно уцелевшие от раннего времени в Болгарии и Македонии, ни в коей мере не репрезентативны для общей картины созданных и бытовавших в ту эпоху текстов и тем менее — для картины церковнославянской письменности в целом. Имея в виду, например, многочисленные переводы богословских трудов, хотя и сделанные в X в., но сохранившиеся в поздних списках за пределами Болгарии, стоит подумать о словаре древнеболгарского языка, который был бы ориентирован не на датировку и локализацию рукописей, а на дату и место возникновения текста перевода (ср. [Voss 1999] о предложенном Тайссеном [Theissen 1996] проекте так называемого словаря текстов в отличие от традиционного словаря рукописей). Можно напомнить также высказанное когда-то предложение Дурново использовать древнейшие восточнославянские списки церковнославянских текстов южнославянского происхождения не только в качестве источника исторической грамматики восточнославянских языков — имея в виду характерные ошибки писцов, но и отдать им должное как представителям орфографических и морфологических норм ЦСЛ, сохраняющих и претерпевающих специфические для данного региона модификации в одном из его “литературных диалектов” [Дурново 1924–1927; idem 2000: 391–494]; из новых авторов, в частности: [Миронова 2001; Живов 2006; idem 2017].

5.2. Среднецерковнославянские корпусы

Одновременно с началом публикации Пражского “Словаря старославянского языка” и в связи с докладом его редактора Й. Курца на Московском съезде славистов 1958 г. решено было подготовить в качестве пособия по изучению истории восточно- и южнославянских языков, литератур и культур “единый словарь церковнославянского языка различных редакций” и создать для этой цели международную комиссию. В ходе

последовавших обсуждений эта комиссия пришла к выводу, что единый словарь всех редакций периода до XVI или XVIII в. реализовать невозможно и, соответственно, старалась инициировать работу над отдельными словарями различных редакций ЦСЛ, поручив их подготовку рабочим группам прежде всего в Загребе, Скопье, Сараеве и Белграде (ср.: [Молдован 1986: 22–26]; отчет в [Советуванје 1989]; о культурно-политических аспектах: [КЕИПЕРТ 2006в]). Дальше других из этих региональных словарей продвинулся, пожалуй, выходящий с 1991 г. словарь ЦСЛ хорватской редакции [РСЈНР 1991–]⁵; с 2000 г. выходит и словарь ЦСЛ македонской редакции [РЦЈМР 2000–]⁶; в сербском проекте по изданию словаря церковнославянского Евангелия вышел пробный выпуск [САВИЋ, ЈОБАНОВИЋ 2007]⁷. О подготовке в Киеве “Словаря старославянского языка восточнославянского извода XI–XIII вв.” сообщается в проспекте [КАРПОВА, НИМЧУК 1987] (см. также: [Молдован 1986: 26]). Все эти корпусы задуманы в первую очередь для документации словарного состава; насколько репрезентативны они будут для данной традиции в целом, сказать пока трудно. Углубленное исследование лексики, подобное предпринятому в отношении старославянского корпуса, похоже, не предусматривается. Однако и первоначально намеченная цель, а именно создание своего рода тезауруса, который давал бы представление, в частности, о развитии словарного состава славянских языков, с нынешними скудными словниками оказывается недостижима, так как они едва ли адекватно отражают лексическое многообразие множества небиблейских текстов, не говоря уже о том, что лексикографическая работа над особенно богатой восточнославянской письменностью продвигается крайне медленно.

5.3. Современный русский церковнославянский

Современный русский ЦСЛ [РЛАНН 1975], или иначе — новый церковнославянский русского типа [МАКЕЅ 1988], до сих пор странным образом почти не рассматривался как язык корпуса текстов, хотя, казалось бы, отчетливое его графическое противопоставление русским изданиям и исключительно богослужебная функция делают насущность такого обобщения очевидной, и не позднее чем с XVIII в. для соответствующего феномена существует содержательное понятие ‘церковный круг’

⁵ См. обобщающую монографию о хорватской редакции ЦСЛ, впрочем, названной авторами “хорватский церковнославянский язык”: [ГАДЏИЈЕВА ET AL. 2014] (прим. ред. — Р. К.).

⁶ См. в связи с историей македонской редакции ЦСЛ: [ЦРВЕНКОВСКА 2016] (прим. ред. — Р. К.).

⁷ См. новейшую публикацию об истории сербской редакции ЦСЛ: [САВИЋ 2016] (прим. ред. — Р. К.).

“собрание всех богослужебных книг” [СлРЯ XVIII в. 2000, 11: 39]). К корпусу современных богослужебных книг, согласно Ю. Плэну (на основании авторитетного свидетельства из Москвы), относятся “Четвероевангелие, Апостол, Паримийник, Псалтирь следованная, Часослов, Минея месячная, Минея праздничная, Минея общая, Октоих, Триодь постная, Триодь цветная, Служебник, Требник, Типикон и жития святых” [РЛАН 1975: 90] (подробнее см.: [ИДЕМ 1978: 45–48]; ср. также: [ОНАСН 1962: 96–102]). Несмотря на внушительное число грамматик и учебников современного русского ЦСЛ, ни орфография, ни морфология всех этих текстов, не говоря уже о синтаксисе и лексике, не имеют полного описания. Кроме того, большая часть иллюстраций в этих пособиях взята из Евангелия, Апостола и Псалтыри, так что существенно отличающиеся от них в синтаксическом и лексическом отношении небиблейские богослужебные тексты, в частности церковнославянская гимнография, оказываются за пределами рассмотрения [РЛАН 1975: 99]. Лексикографически хорошо обработаны только Новый завет и Псалтырь [ГИЛЬТЕНБРАНДТ 1882–1885; ИДЕМ 1898]; систематически изучены, в частности, морфология глагола в церковнославянской Библии [МАТНЕСЕН 1972] и сокращения слов в “Октоихе учебном” [РЛАН 1973], ср. также: [МАРЕЅ 1988]. Начальное представление о сложных орфографических правилах новоцерковнославянского и о его грамматических структурах дают соответствующие учебные пособия. Как правило, они подразумевают знакомство пользователя с русским языком и поэтому описывают ЦСЛ не вполне как самостоятельный феномен. Еще в большей степени контрастивны (и тем самым заведомо неполны) существующие словари современного русского ЦСЛ, однако новейшие из них содержат и небиблейскую лексику, и эта тенденция усиливается, ср.: [ЗНОСКО 1996; БОНЧЕВ 2002–2012; DESCHLER 2003]. Очерк начальной стадии обработки корпуса церковнославянских текстов исключительно русской православной церкви см. в работе: [ЛЮДОГОВСКИЙ 2003]⁸.

6. Церковнославянский как элемент противопоставления

Лингвистический анализ церковнославянских корпусов следует принципиально отличать от взгляда на ЦСЛ, довольно распространенного в академической практике, из перспективы того или иного местного

⁸ В настоящее время в ИРЯ РАН идет работа над двуязычным церковнославянско-русским словарем современного ЦСЛ, вышел первый его том: [КРАВЕЦКИЙ, ПЛЕТНЕВА 2016]. В круг основных источников, на основании которых составлен словник, включены богослужебные книги: Евангелие, Апостол, Псалтырь, Минея (общая и праздничная), Октоих, Триоди (Постная и Цветная), Часослов, Служебник, Требник. Дополнительные источники включают Священное писание и тексты основных употребительных жанровых типов: Типикон, Акафисты, Молитвы частного (кеелейного) богослужения, Книга правил, Алфавит духовный, Добротолюбие.

славянского языка. Методологически такой взгляд основан на оппозициях, которые предполагают существование как соответствующих корпусов, так и их описаний. Церковнославянским при таком взгляде оказывается то, что отклоняется от соответствующего местного языка (*Wirtssprache*). Вследствие этого из различных перспектив (разных славянских языков или различных исторических стадий одного и того же славянского языка) могут складываться очень различающиеся картины того, что именно расценивается как церковнославянское. Такое различие особенно важно для рассуждения о том, какие именно языковые явления должны в том или ином славянском языке считаться церковнославянизмами.

6.1. Оппозиции на синхронном уровне

Синхронными можно назвать такие оппозиции, которые возникают из сопоставления в рамках одного периода времени церковнославянских текстов и данного местного языка в его устной или письменной форме. Первые систематические сопоставления такого рода известны нам в Западной (Юго-Западной) Руси около 1600 г., в частности, по словарям Лаврентия Зизания (1596 г.: *словенский язык vs. простой Русский диалект*), Памвы Берынды (1627) и из чуть позднее составленной “Синонимы славеноросской” [Німчук 1964]. В особенности наглядно противопоставление *lingua sacra* и *lingua popularis* в переводном разговорнике Ивана Ужевича [BUNČIĆ 2006]. Этой традиции с очевидностью принадлежит принятая ныне антитеза ‘русский’ vs. ‘ЦСЛ’ [Успенский 1983: 64 и след.; IDEM 1987: 268, 275]. В отношении Московской Руси конца XVII в. краткий, но довольно разнообразный список противопоставлений дает Г. В. Лудольф; он приводит звуковые (*глава vs. голова, единъ vs. одинъ, ночь vs. ночь, такого vs. таково*), морфологические (*руць vs. рукъ, любихъ vs. любилъ*), синтаксические (*между с. instr. vs. с. gen.*) и лексические пары (*глаголю vs. говорю, истина vs. правда*), с помощью которых он демонстрирует “*differentia Russicae dialectus a lingua Slavonica*” [LUDOLF 1696: 4f]. Успенский [1987: 298] обращает внимание на то, что в ударениях Лудольф отчасти следует традиции Юго-Западной Руси. Похожий, но гораздо более обширный перечень из 53 позиций несколькими десятилетиями позднее находим в рукописной грамматике Й. В. Пауса [Живов, Кайперт 1996]. Такой взгляд, при котором церковнославянскими объявляются и более старые восточнославянские формы, коих в разговорном русском XVIII в. уже не было (*руць, любихъ*), объясняет, почему, скажем, Шлёцер еще и в 1802 г. держится мнения о том, что “Несторова хроника” написана “на ее славянском коренном языке” (“in ihrer Slavonischen GrundSprache” [так на титуле!]). Сейчас результатом такого синхронного

противопоставления может стать, к примеру, список так наз. церковно-славянско-русских паронимов — слов, которые в русском языке и в языке текстов “церковного круга” имеют различные значения и потому вызывают затруднения в понимании [СЕДАКОВА 2005; ЕАДЕМ 2008].

6.2. Генетические оппозиции

Благодаря обоснованному Востоковым [1820] пониманию южнославянского происхождения ЦСЛ и успехам сравнительно-исторического языкознания, стало возможным представить многие оппозиции ЦСЛ vs. местный славянский язык как результаты дивергентной языковой эволюции. Высокая регулярность таких различий в лексике и морфологии между южнославянским по происхождению ЦСЛ и восточнославянским по характеру русским языком побудила Шахматова в качестве инструмента для определения церковнославянизмов в русском языке составить список церковнославянско-русских противопоставлений в области звуков и звуковых сочетаний, хотя и Шахматов был уверен в том, что такими соотносительными парами различия между двумя языками не исчерпываются [ШАХМАТОВ 1925: 19–45]; ср. обсуждение концепции Шахматова в очерке Шевелева при издании немецкого перевода этой работы [ШАХМАТОВ, SHEVELOV 1960: 43–107]. Впоследствии шахматовские “церковнославянские элементы” сыграли существенную роль в полемике о генезисе стандартного языка, которую принято обозначать как спор о происхождении русского литературного языка: именно к этим “элементам” прибегали участники полемики при своих основанных на формальных признаках подсчетах церковнославянской доли в современном русском лексиконе, ср.: [Филин 1981: 7–86]; ср. об этом: [Герд 1998: 6], — и именно они определили состав внушительного (в 28 000 слов!) словаря “древнеболгаризмов и церковнославянизмов” в русском языке [Филкова 1986]. Самое удивительное в этом очевидно рассчитанном на панхроническое применение методе то, что с его помощью “церковнославянскость” текстов и церковнославянизмы в них, по-видимому, могли (и все еще, бывает, могут) быть установлены без обращения хотя бы к одному произведению письменности, которую можно считать церковнославянской. В южнославянских филологических традициях такие контрастивные списки значительно менее популярны, при этом они не столь длинны, так как генетически южнославянский ЦСЛ обнаруживает меньше отличий от отдельных южнославянских языков; кроме того, в церковнославянскую часть списка попадают данные не самой древней церковнославянской письменности. Так, Дамьянович на основе хорватско-глаголических текстов предлагает перечень проникших в них в результате интерференции чакавских элементов, дополняя его обзором

обнаруженных в этих текстах кайкавизмов [DAMJANOVIĆ 1984: 43–150, 151–176]; для анализа языка славеносербских текстов XVIII – начала XIX в. Младенович составил список из шестнадцати признаков, по которым народно-разговорный сербский и русский ЦСЛ (или русский) составляют статистически фиксируемые оппозиции [Младеновић 1969].

6.3. Гипотеза о диглоссии

Модель истории русского языка XI–XVII вв., предложенная Б. А. Успенским и В. М. Живовым и основанная на понятии диглоссии Фергюсона, также ставит ЦСЛ и местный восточнославянский язык (русский) в определенные отношения друг к другу, а именно такие, что при строгом функциональном распределении внутри языка, осознаваемого говорящими как единый, ЦСЛ должен был восприниматься как его ‘high version’ (*книжный язык*), а бытовой разговорный язык – как его ‘low version’ (*некнижный язык*) [УСПЕНСКИЙ 1983; ИДЕМ 1987]. Бинарность этой далеко не всеми принимаемой модели не только позволяет объяснить, почему в XVIII в. элементы собственно восточнославянские по происхождению, но вышедшие в русском языке из употребления могли оцениваться как церковнославянские (ср. п. 6.1), но и проясняет характер восприятия русского ЦСЛ южными славянами начиная с XVIII в.: становится понятно, почему в каждом регионе в каждую эпоху из перспективы бытового разговорного языка развивались собственные представления о том, какие феномены считать церковнославянскими. Противопоставление элементов книжного языка элементам некнижного языка заставляет предполагать, что в сознании говорящих вырабатывался своеобразный “механизм пересчета”, который при создании собственных, непереводаемых, произведений приводил к возникновению “гибридных языков”, в которых специфические элементы книжного языка более или менее последовательно употреблялись уже не в функции семантического различения, но лишь как “признак книжности”, к которой стремился автор [ЖИВОВ 1988: 54–63]; ср. примеры “пересчета” в: [ЗАПОЛЬСКАЯ 1991: 4–19]. О дальнейшей разработке этой оппозиции и ее трансформации ср., с одной стороны: [УСПЕНСКИЙ 1985; ИДЕМ 1995; ИДЕМ 2002], и – с другой стороны: [ЖИВОВ 2004: 37–130; ŽIVOV 2014], в особенности [ЖИВОВ 2017].

7. Церковнославянский как общеславянский (литературный) язык
В концепции ЦСЛ как общего языка доминирует представление о том, что до сих пор он используется в православном богослужении на территории, охватывающей сферы распространения нескольких стандартных языков. А если вместе с автором пражского тезиса о ЦСЛ (ср.: [КЕИПЕРТ 1999с; ЖИВОВ 2000: 32]) полагать, что этот язык уже в эпоху своего

создания в IX в. предназначался для надрегионального использования, то следует принять, что качество общности присуще ему с самого начала [DURNOVO 1929a; ИДЕМ 1929b]; ср. не всегда точный русский перевод тезиса в: [Кондрашов 1967: 32–34]. В истории ЦСЛ достаточно свидетельств, указывающих на использование его у различных славянских народов. Ломоносов был склонен объяснять этой общностью литургического языка не только сравнительную однородность русского языкового пространства, вопреки его обширности, но и тот факт, что живущих далеко за Дунаем сербов русские понимают будто бы лучше, чем соседних поляков [Ломоносов 1758/2011]. Историю распространения ЦСЛ как общеславянского языка впервые очертил А. С. Будилович [1892: 26–168]; ср.: [Толстой 1995: 89–90], о политическом контексте см.: [КЕРРЕРТ 2009]. Не называя Будиловича, однако, очевидно, по его следам, Н. С. Трубецкой [1927] назвал ЦСЛ *общеславянским литературным языком*, искусно используя при этом оба значения термина *общеславянский* — ‘(поздне)праславянский’ и ‘общий для славян’. На этой основе Трубецкой развил детальную генеалогию испытавших воздействие ЦСЛ разновидностей славянских письменных языков [ibid.: 162–208]. Эпитет *общеславянский* вновь используется для обозначения ЦСЛ после 1958 г. в связи с планами создания словарей средневекового ЦСЛ (среднецерковнославянского), ср.: [Молдован 1986: 22–25; КЕРРЕРТ 2006b]. Вслед за тем некоторые авторы употребляют обозначение *общеславянский* и его переводы едва ли не терминологически в том же значении, в каком до этого использовался термин ЦСЛ, ср.: [ДАМЈАНОВИЋ 1993; ВЕРЕЩАГИН 1997], другие, напротив, решительно его отвергают, ср.: [ИВАНОВА-МИРЧЕВА, ХАРАЛАМПИЕВ 1999: 238]. Говорилось даже, что это вполне полезное понятие есть не что иное, как спущенная сверху “коммунистическая выдумка” (*komunistička izmišljotina* [ДАМЈАНОВИЋ 1995: 40]; ср. работу того же автора: [ИДЕМ 2002: 27], в которой он, наоборот, отстаивает этот термин). Начиная с 1960-х гг. самым ярким представителем концепции общего языка, несомненно, остается Р. Пиккио с его моделью “*Slavia ortodossa*”. В этой модели друг другу противопоставлены сфера “*Slavia romana*” на западе славянства, которая в конфессиональном отношении определяется Римской церковью, а в языковом — латынью, и культурно-языковая общность на востоке славянства, принявшая христианство из Византии и в течение длительного времени объединенная более или менее гомогенным употреблением ЦСЛ (*comunità linguistica slava ecclesiastica*), ср.: [ПИСНИО 1991], об этом также: [Толстой 1995]; краткое изложение доступно теперь в: [ПИСНИО, GOLDVЛАТТ 2008: 72–77; ZIFFER 2014]; ср.: [Пиккио 2003] и, в согласии с его концепцией, [МАТНЕСЕН 2008].

8. Церковнославянский как литературный язык

Концепция ЦСЛ как литературного языка, подразумевающая больше, чем только надрегиональный характер употребления, восходит по сути к упомянутому четвёртому тезису Пражского лингвистического кружка, но коренится также и в работах Трубецкого [1927] и Будиловича [1892]. В отталкивание от господствующих младограмматических взглядов, в пражских тезисах 1929 г. поднимается требование тот (древне)-церковнославянский язык (*vieux-slave*), который с X–XII вв. стал литературным языком (*langue littéraire*) всех славян со славянской литургией, не просто отождествить с одним из так называемых исторических славянских языков (*langues slaves historiques*) и исследовать его с точки зрения исторической диалектологии, а интерпретировать его эволюцию на тех же основаниях, на которых обычно строится история литературных языков. Каждая из локальных редакций должна быть изучена с точки зрения присущих ей как “литературному диалекту” (*dialecte littéraire*) индивидуальных норм; кроме изучения редакций так называемого среднецерковнославянского (*moyen slave d'église*), насущной задачей является научная история ЦСЛ вплоть до современности [DURNOVO 1929a; IDEM 1929b]. После А. Достала [DOSTÁL 1959] о своей приверженности этой программе наиболее ясно заявил своими работами Н. И. Толстой, говоривший, правда (очевидно, под давлением обстоятельств времени, ср.: [АЛЕКСЕЕВ 1989: 151]), о *древнеславянском литературном языке*, лишь иногда используя традиционный термин *церковнославянский язык* или компромиссный термин В. В. Виноградова *книжнославянский язык*, ср.: [Толстой 1961; IDEM 1962; IDEM 1963], а также составленную на основе книги [IDEM 1988] выжимку о ЦСЛ в: [ВЕРЕЩАГИН 1989: 129–133; IDEM 1997]; далее: [Толстой 1982; IDEM 1989]; на точку зрения Трубецкого и на 4-й тезис ссылается также Г. А. ХАБУРГАЕВ [1988: 7 и след.; IDEM 1994: 12–18]. Ныне наиболее известные критерии “литературного языка” в пражском понимании (полифункциональность, стилистическая дифференцированность, кодифицированность и общеобязательность норм) лишь с существенными ограничениями могут быть применены к ЦСЛ (как подчеркивал уже Исаченко [1958] и отчасти Толстой); скорее к нему применимы те черты литературных языков, которые были поставлены в центр внимания в 1929 г., а именно:

- caractère conservateur,
- intellectualisation de la langue,
- caractère plus réglé et plus normatif,
- tendance à l'expansion,
- monopole et marque de la classe dominante [THÈSES 1929: 15–17];

ср. соответственно в: [Кондрашов 1967: 26–28]:

- консервативный характер,
- интеллектуализация языка,
- более упорядоченный и нормативный характер,
- тенденция к распространению,
- монопольное положение и отличительная черта господствующего класса.

С известными ограничениями, однако, можно, вероятно, и эволюцию ЦСЛ в качестве литературного языка представить с помощью соответствующего корпуса текстов как историю постепенного расширения полифункциональности (что хотя и не без дефицита, но все же в принципе похоже на историю других славянских стандартных языков), включая выработку функционально специализированных языковых средств, как историю нормализации, полемики о нормах, традициях и кодификации норм в церковнославянской письменности, а также как историю утверждения определенных норм в региональном или надрегиональном масштабе в той части населения, которая непосредственно затронута ЦСЛ.

В истории функционирования ЦСЛ должны учитываться все типы текстов, письменных и устных (преимущественно богослужебных), которые входили в его сферу на протяжении более чем тысячелетней его истории. Иными словами, задача состоит не в том, чтобы проследить (так сказать, ретроспективно) становление нынешнего “церковного круга” текстов, а в том, чтобы описать всё созданное — в первую очередь путем перевода — в различных регионах и в различные периоды времени церковнославянское наследие библейских, агиографических, гимнографических, гомилетических, догматических, церковно-юридических, историографических и т. д. текстов (о богатстве этого наследия на примере восточнославянской и русской традиции дает представление компактный обзор в: [Турилов 2000], ср. общий обзор в: [MATHIASSEN 2008]). Описание заслуживает, разумеется, и начавшееся в новое время отступление ЦСЛ из целого ряда этих функциональных областей, то есть сокращение его функционирования до языка богослужения: патристику и тексты церковного права в нынешнее время читают в оригинале или в переводе на современные языки!

Говоря о выработке функционально обусловленных языковых средств, нужно прежде всего иметь в виду, что необходимость в создании адекватных средств выражения для новой религии возникла не в процессе переводческой работы “апостолов славян”, но уже раньше — во время христианизации славян в окрестностях Салоник (по преимуществу, вероятно, устной) и в ходе моравской миссии, и тем

самым было положено начало характерному для литературных языков “существованию элементов искусственных, комбинированных и конвенциональных” (*existence d'éléments artificiels, amalgamés et conventionnels* [DURNOVO 1929A: 22], ср. также: [DE VINCENZ 1988; SCHRAMM 2007]). О приемах такого все разрастающегося созидания, которые использовались переводчиками того или иного региона, той или иной эпохи в отдельных типах текстов (под приемами здесь понимаются решения в отношении заимствованного слова, семантической или словообразовательной кальки, а также в синтаксисе — в отношении соблюдения места слова в конструкции или более свободного перевода) приходится судить индивидуально: деловые или нарративные тексты ставят перед переводчиком другие задачи, чем в случае диалогического формуляра литургии или привязанных к мелодии гимнов. Вопреки распространенному мнению о том, что ЦСЛ в ходе своей истории изменялся и развивался якобы в первую очередь в силу своей взаимосвязи с соответствующими местными славянскими языками, следует подчеркнуть, что его языковые инновации в значительной мере объясняются функционально-семантическими потребностями выражения, возникавшими при переводе греческих текстов большой синтаксической и лексической сложности. Когнитивный прирост, полученный ЦСЛ в результате начавшихся таким образом адаптационных процессов, оценить пока трудно, так как лексикографический дефицит не позволяет с должной полнотой проследить, какие слова с какими значениями были в определенное время в употреблении в церковнославянской письменности и потому должны были бы быть включены в систематическую картину данной степени развития ЦСЛ. Ономаσιологических исследований церковнославянской лексики со времени классического труда Ф. Миклошича [MİKLOSICH 1876] предпринималось мало, назовем работу Вендиной [2002], выполненную показательным образом на материале только древнецерковнославянского корпуса. Как показывают даже небольшие по материалу исследования, столетиями шедшая в ЦСЛ работа привела к созданию множества новых слов сверх лексики древнецерковнославянского корпуса и к развитию новых словообразовательных возможностей [KEIPERT 1977–1985]; ср. также: [ZETT 1970; TROST 1978]. С разветвлением лексической полисемии нашли выражение дополнительные нюансы значений, а появление новых связей между словами (синонимии, антонимии, гипо- и гиперонимии) способствовало развитию семантического устройства церковнославянского словаря. Утрата ЦСЛ ряда функций и ограничение его применения сферой *lingua sacra* привели к тому, что ряда слов, которые нам известны из средневековых переводов патристической литературы, в нынешнем “церковном круге”

уже не встретишь; за мощным приростом здесь фактически последовало заметное сокращение лексики, однако немало “утраченных” выражений удержалось в лексике местных языков (в отношении русского языка ср.: [Копорская 1988]). Любопытно продолжающееся (в известных масштабах) пополнение современного “церковного круга” и его языковых возможностей в связи с канонизацией новых святых и актуализацией ряда молитв. Благодаря этому ЦСЛ и в ограниченных рамках литургического языка сохраняет известную витальность, которая (как и ежедневное использование его в богослужении) не может позволить объявить этот язык “мертвым” или причислить его к “исчезнувшему” [НААМАНН 2002]. Скепсис У. Федер в публикации [VEDER 2005] года под заголовком “Dead on Arrival” также проблематичен.

Н о р м ы ЦСЛ возникли первоначально путем создания текстов, а затем в процессе использования текстов и их как можно более тщательного переписывания нормы передавались по традиции; параллельное использование книгопечатания с конца XV в. способствовало унификации текстов и норм. Грамматики ЦСЛ существуют — если отвлечься от едва ли соответствующего такому обозначению трактата XIV в. “О восьми частях слова” — с конца XVI в., но лишь в XIX в. они приобретают все более дескриптивный характер. В какой мере осуществлялись прескриптивные цели более ранних грамматических сочинений, остается малоисследованным, при этом почти не обращают внимания на то, что в старых грамматиках нередко кодифицировался “ЦСЛ как конструкт”, так как их авторы следовали неславянским грамматическим сочинениям (ср. п. 15). Не существует даже полного грамматического, как и лексикографического, описания современного “церковного круга” (ср. п. 5.3 и прим. 8).

Как развивающийся литературный язык, ЦСЛ сопровождается в своей истории немалым числом м е т а я з ы к о в ы х в ы с к а з ы в а н и й — от фрагментарно сохранившихся сопоставительных наблюдений над греческим и славянским в так называемом кириллическом Македонском листке и апологии славянского письма в трактате черноризца Храбра “О писменех” (IX–X в.) до современных дискуссий вокруг перевода богослужебных текстов на русский язык. Специфической чертой метаязыковых высказываний о ЦСЛ можно считать то, что они, как правило, относятся к определенным текстам и, таким образом, носят не исключительно языковой характер и, кроме того, обычно имеют теологическую подоплеку (ср., в частности: [Бобрик 1990; Кравецкий, Плетнева 2001]). Теологический слой обнаруживают и ранние грамматики, ср.: [КЕРПЕРТ 1988: 336–337; ИДЕМ 1999В].

Об общеобязательности норм, обычно связываемой с письменными языками, в случае ЦСЛ не может быть и речи, так как

соблюдение норм возлагалось прежде всего на писцов скриптория или (с конца XV в.) наборщиков немногочисленных типографий, и ЦСЛ, который читался или пелся за богослужением, в прошлом, очевидно, варьировал гораздо больше, чем об этом можно судить по рукописным или печатным культовым книгам. Хотя еще в конце XVIII в. особенно тщательно контролируемая церковная печать считалась образцом орфографической правильности (русского языка!), в то же время уже в 1675 г. царь Алексей Михайлович в собственном “Указе об орфографии” предостерегал от того, чтобы по-видимому ошибочные (т. е. не совпадающие с исправленными месяцесловами. — Г. К.) написания собственных имен и титулов принимались за оскорбление: как видим, мирская скоропись челобитчиков и церковный полуустав подчиняются орфографическим правилам различной степени строгости.

Кроме некоторых новейших обзорных статей, ср.: [Pіссню 1980; Pіссню, Goldblatt 2008; Matthesen 1984; Mareš 1990; Живов 1988; IDEM 1996b; IDEM 1998–1999], все еще не существует — по понятным причинам — настоящей истории ЦСЛ как литературного языка. Нет у нас и актуализированного обзора метаязыковых высказываний по вопросам ЦСЛ, который бы соотнес труд В. Ягича [Jagić 1896/1968] или И. Буюклиева [Bujukliev 2014] с нынешним состоянием наших знаний.

9. Церковнославянский как язык-расширение (Ausbausprache)

История каждого литературного языка характеризуется ростом, состоящим в функционально обусловленном расширении возможностей выражения. ЦСЛ большей частью своего прироста обязан текстам, не принадлежащим к числу лексикографически хорошо документированного древнецерковнославянского корпуса. Представляется поэтому не лишним ввести в этот обзор специальное понятие ‘язык-расширение’, чтобы напомнить об этом постоянно совершаемом (в первую очередь переводчиками) языковом освоении мира, тем более что все еще широко распространено мнение, с которым трудно согласиться, — что ЦСЛ в своей истории изменялся якобы прежде всего под влиянием местных славянских языков.

Кроме того, в своей многообразной истории ЦСЛ обнаруживает приметы процессов, которые можно связывать с предложенной Хайнцем Клоссом в рамках типологии литературных языков оппозицией *Ausbausprachen* vs. *Abstandsprachen*, хотя его дефиниции *Ausbausprache*, выработанной для классификации различий между современными языками [Kloss 1987: 302], ЦСЛ отвечает лишь частично. Речь идет о разработке языка, которая при опоре на общую основу протекает параллельно в географически удаленных друг от друга регионах и приводит к

очевидному, по крайней мере временному, расщеплению церковнославянской языковой традиции, появлению вариативности и параллельных путей развития.

“Охрид” vs. “Преслав”. Уже в древнецерковнославянской Супрасльской рукописи под № 5 находим легенду, в тексте которой объединены “более древний” (заключительная часть) и “более новый” перевод (начало текста). Обе версии перевода теперь известны и целиком, в неконтаминированном виде; сходные различия обнаруживают как “более новый” № 4 в Suprasliensis по отношению к своей “более древней” параллели, так и “более древний” № 7 — по отношению к своей “более новой” параллели [КЕИРЕРТ 1999А]. Таким образом, можно говорить о следах двух довольно ранних переводов по крайней мере отдельных частей четых миней. Если считать, что к осуществлению столь мощного переводческого дела вряд ли бы приступили, будь известно о параллельной работе над аналогичным переводом, то многочисленные различия между этими параллельными переводами свидетельствуют, вероятно, о несколько различавшихся уже в древнецерковнославянскую эпоху направлениях разработки церковнославянской письменности. Названные выше города — Охрид и Преслав — используются здесь лишь в качестве шифров для скрипториев в, вероятно, македонском (западноболгарском) и болгарском (восточноболгарском) регионах⁹.

Московская vs. Западная (Юго-Западная) Русь. Процессы дивергентного развития привели к тому, что из “древнерусского ЦСЛ с XIV в.” развились параллельно “Московский ЦСЛ” и “Киевский ЦСЛ” (ср. генеалогию славянских литературных языков в: [ТРУБЕЦКОЙ 1927]). О том, насколько явственно уже тогда ощущалось своеобразие каждой версии, свидетельствует, с одной стороны, сдержанность в отношении Геннадиевской Библии в Остроге при подготовке к печати Библии 1581 г. [FREIDHOFF 1972], а с другой стороны — основательная проверка и исправление книги “западной” печати в Москве XVII в., ср.: [СИРОМАХА, УСПЕНСКИЙ 1987].

Проект Копитара 1827 г. В 1827 г. Е. Копитар подал князю Меттерниху план разработки ЦСЛ, задуманный несомненно в духе сепаратизма по отношению к русскому новоцерковнославянскому; Копитар рекомендовал создать для богослужения православных славян Австрии действительно южнославянский ЦСЛ (ср.: [ЛУКАН 1995] и п. 11). По крайней мере, в этом случае было ясно заявлено намерение путем установления необходимой дистанции создать новый ЦСЛ как язык-расширение (в отталкивании от русского ЦСЛ).

⁹ Наблюдения о параллельной церковнославянской письменной традиции, зародившейся в западных регионах Болгарского царства кон. IX–X вв., нашли дальнейшее подтверждение в ряде недавних работ, см., напр.: [ПИЧХАДЗЕ 2011, 57–76; КРИВКО 2016] (прим. ред. — Р. К.).

10. Периодизация и диахронические (исторические) разновидности

Верующие столетиями воспринимали церковнославянские богослужебные тексты как языковую современность; именно в этом, думается, можно видеть причину заметно позднего осознания историчности ЦСЛ в сфере “*Slavia ortodossa*”. Историческая изменчивость ЦСЛ становится предметом внимания лишь в XVIII в., а соответствующая терминология появляется, как кажется, не ранее начала XIX в. Если у Шлёцера в работе 1802 г. остается неясным, всегда ли он имеет в виду историчность ЦСЛ, когда наряду с термином *Slavonisch* ‘славянский’ без дополнительных пояснений использует также *AltSlavonisch* ‘старославянский’, то Добровский в своем комментарии к Шлёцеру недвусмысленно говорит о супине как о форме, которая есть в старших текстах, но отсутствует в текстах более позднего времени [Добровský 1806: 381 и след.]. Вслед за Добровским, но прежде всего в соответствии с предложенной Я. Гриммом общей трехчастной периодизацией истории германских языков, в 1820 г. А. Х. Востоков выделил в эволюции ЦСЛ три периода — *древний, средний и новый славянский язык*; границы периодов определялись, с одной стороны, меной юсов (для Востокова — XIII–XIV вв.), с другой стороны — распространением книгопечатания; кроме супина, Востоков назвал еще ряд языковых явлений, характеризующих древнейший этап, в частности сохранение этимологических *ъ* и *ь*, а также вариацию именных и местоименных форм прилагательных [Keipert 2002]. Таким образом, разделение истории ЦСЛ на три периода, пропагандируемое во второй половине XX в. Толстым, Матиесеном, Трунте, Верещагиным и другими, имеет за собою почтенную традицию, подзабытую по той, очевидно, причине, что в России второй половины XIX в. утвердилось двучастное деление: язык древнецерковнославянского корпуса, в рамках младограмматической парадигмы все более выдвигавшегося на первый план, стало предпочтительным называть *старославянским*, а для противопоставляемого ему языка более поздних текстов использовать термин *церковнославянский*, ср.: [Касаткин 1990; Толстой 1990]; ср. сходный подход уже в: [Булич 1893: 130 и след.]. Трехчастное деление на *ранний, средний, поздний древнеславянский* (или *ранне-, средне-, позднедревнеславянский*) заново вводится в качестве программного — со ссылкой на Пражский тезис 1929 г. — Н. И. Толстым [1961: 66, 65; IDEM 1988: 47–48, 46], но не становится авторитетным (ср. позднюю попытку его популяризации в: [Верещагин 1989: 132 и след.; IDEM 1997: 308]); не случайно в “Лингвистическом энциклопедическом словаре” *древнеславянский* не составляет отдельной леммы, отсутствует в указателе языков этого словаря и встречается только в дефиниции понятия *церковнославянский* (!).

Строго говоря, периодизация Толстого четырехчастна, так как охватывает только время употребления ЦСЛ в качестве общего письменного языка южных и восточных славян до XVIII в. и не включает период последующего ограничения его функционирования сферой богослужения. Мареш действительно говорит о четырех эпохах ЦСЛ, когда последовательности из *Altkirchenslavisch*, *Kirchenslavisch* и *Neukirchenslavisch* он предпосылает “нулевую стадию” *Urkirchenslavisch*, имея в виду не сохранившуюся первоначальную, созданную “апостолами славян” форму стандартного языка IX в. [MAREŠ 1988: vi–vii]; ср. *Old Church Slavonic, Church Slavonic, New Church Slavonic* and *Proto-CS* [ИДЕМ 1979: 11–13]. Сходным образом поступает Р. Матиесен, который использует термины *Early*, *Middle* и *Late Church Slavonic* соответственно плюс *Earliest Church Slavonic* [МАТИЕСЕН 1984: 46–47], ср. недавнюю, несколько модернизированную по сравнению с Толстым, четырехчастную модель в работе: [СУПРУН, МОЛДОВАН 2005: 36–41]. Еще ранее Ю. Плэн, ссылаясь на Н. С. Трубецкого, предложил делить историю ЦСЛ на русской почве на пять периодов [PLÄNN 1978: 24–27]. Разумным может оказаться выделение внутри крупных периодов более мелких частных; о такой возможности свидетельствует известное различие вариантов внутри древнецерковнославянского, которые, хотя и определяются обычно в региональных терминах (ср. п. 10), являются, по крайней мере частично, диахроническими.

Названные варианты периодизации различаются между собою не только числом, но в немалой степени и границами выделяемых периодов на оси времени. Если, к примеру, Булич [1893: 130] под ЦСЛ понимает исключительно язык богослужбных печатных книг в России, то Толстой [1990: 492] объединяет под этим термином все вообще тексты, не относящиеся к древнецерковнославянскому корпусу (в статьях [КАСАТКИН 1990: 576; ИДЕМ 1997: 616] сюда, с разной степенью определенности, включается современный “церковный круг”); *neukirchenslavisch* ‘новоцерковнославянский’ значит у Мареша жестко нормированный язык церковнославянского богослужения в России начиная с середины XVIII в. [MAREŠ 1988: vii], у Н. Трунте это обозначение охватывает также и попытки нормализации и кодификации ЦСЛ в Юго-Западной Руси XVII в. [TRUNTE 1998: xiii–xiv], а для Матиесена *Late Period* начинается там же, и уже в конце XVI века! Замечу, что у Мареша смена периодов связана не столько с временными границами, сколько с изменением статуса языка — от древнецерковнославянского как “живого” языка через (средне-)церковнославянский как “язык книг” (*Buchsprache*) к новоцерковнославянскому как *lingua sacra* в сфере утвержденного местного письменного языка — и изменения эти в различных регионах происходят не одновременно.

В итоге приходится констатировать, что, как свидетельствует разнородность предложенных до сих пор периодизаций ЦСЛ, взгляды на преемственность его развития далеки от единства. За пределами изменений в орфографии и орфоэпии многообразие исторических вариантов ЦСЛ исследовалось до сих пор недостаточно, так что после книги Булича [1893: 130–406] о печатной Библии ощущается нехватка прежде всего сквозных исследований языковой системы, которые бы могли служить структурноязыковым основанием периодизации (ср., однако, п. 16 о Петербургском корпусе). Впрочем, подобного рода анализ затрудняется тем, что в рукописях и печатных книгах тексты очень разного происхождения собраны подчас в гетерогенный в языковом отношении ансамбль. Так, Библия на новоцерковнославянском языке (Елизаветинская Библия, первое изд. 1751 г.), несмотря на известную однородность в орфографии и языке, содержит тексты по меньшей мере пяти различных эволюционных слоев ЦСЛ, а именно кирилло-мефодиевские тексты IX в., тексты эпохи Первого Болгарского царства, тексты, дополненные сотрудниками Новгородского архиепископа Геннадия в конце XV в., острожские тексты 1581 г. и, наконец, тексты, внесенные при подготовке самой Елизаветинской Библии [MATTHIEN 1979: 10]; ср.: [АЛЕКСЕЕВ 1999; ВОВРИК 2011] и в отношении особенно сложной истории церковнославянского Ветхого завета: [THOMSON 1998]. Контаминация переводных текстов, различных по происхождению и языку, имела место, как известно, уже в древнецерковнославянской Супрасльской рукописи. При такой гетерогенности источников выявление структурноязыковых признаков, которые служили бы надежными критериями различения диахронических вариантов ЦСЛ, без предварительного тщательного обследования истории отдельных текстов вряд ли возможно, ср.: [ZIFFER 1998].

11. Диатопные (региональные) разновидности

Региональные варианты ЦСЛ известны, по-видимому, гораздо лучше, чем диахронические, и речь часто идет о болгарском, сербском, хорватском, румынском, русском и т. д. ЦСЛ, ср., в частности, структуру среднецерковнославянских корпусов (см. п. 5.2). Различия такого рода были обнаружены, очевидно, давно: уже в 1552 г. русский книжник Нил Курлятев дает — удивительно точный, как выясняется! — перечень “сербских”, с его точки зрения, черт орфографии и даже фонетики [KEIPERT 1985]. Сравнительно-историческое языкознание XIX в. внесло важнейший вклад в выявление — на основании прежде всего графико-орфографических систем локализуемых рукописей — специфических для отдельных регионов звуковых реализаций, что позволило выработать крите-

рии довольно точного определения времени и места происхождения того или иного кодекса даже при отсутствии прямых данных.

Обычно такие разновидности ЦСЛ, наблюдаемые в рукописях и печатных книгах, называют *редакциями* (*Redaktionen*, реже — *Rezensionen*; ср.: [ЈЕДЛІСКА 1977: 48 след.])¹⁰. С понятием редакции связано скорее представление о содержательных и стилистических изменениях, чем только смена орфографического и языкового облика [ЛИХАЧЕВ 1962: 116–127; ЖУКОВСКАЯ 1976; РІССНЮ 1980: 19; ДАМЈАНОВІЋ 1995: 42]; ср. в то же время *редакции* с конкретными примерами в: [ТОЛСТОЙ 1989: 14 и след.]). С точки зрения статуса локальных норм, изводы называли также *местными литературными диалектами старославянского и церковнославянского языков* [ДУРНОВО 2000: 649], *церковнославянскими языками* (*slavons* А. Вайана [РІССНЮ 1967: 1542] — в русском переводе *древнеславянские языки* [ПИККИО 2003: 403] или *славянские языки* [ІВІД.: 418], *Kirchenslavinen* Р. Марти [МАРТИ 1987А: 120 и след.]) или — с акцентом на множественности и различиях — *русский, сербский, хорватский, чешский церковнославянские языки* [ЦЕЙТЛИН 1963]. Для чешско-словацкой редакции Вайнгарт [ВЕЙНГАРТ 1949] и другие избрали термин *typ*, но нередко используется и термин *redakce*. Сходным образом в случае хорватского извода *tip* [НАММ 1963] используется наряду с *redakcija* [РСЈНР 1991–; МИНАЉЕВИЋ, РЕЙНАРТ 2005]. В Сербии также говорится о *српска редакција црквенословенског* (или *старословенског*) *језика* или даже просто о *српскословенски језик* [МИЛАНОВИЋ 2004: 35–55]. Хорватская, сербская и боснийская письменные традиции ЦСЛ сопоставляются друг с другом как *редакции* и в работе [КУНА 1965]¹¹.

С понятием извода (или редакции) можно связать распространенную практику разделять на изводы только памятники, возникшие позднее древнецерковнославянских, и таким образом рассматривать древнецерковнославянский как, так сказать, ЦСЛ *κατ' ἐξοχήν* 'в идеальном виде', от которого изводы отличаются каждый своим набором специфических признаков (ср. т.ж. п. 16), и уже Востоков [1863: 9] говорит в этом смысле о *собственно церковнославянском!* Проблематичен такой взгляд прежде всего потому, что, как известно, и даже *per definitionem* и древнецерковнославянские рукописи в зависимости от места происхождения обнаруживают специфические черты региональных диалектов. По этой причине вполне последовательно поступают авторы классических пособий по славянской палеографии, выделяя, наряду с другими изводами, также древнецерковнославянский извод. Так, КАРСКИЙ [1928: 315–347] использует в этом смысле термин *церковнославянская редакция*,

¹⁰ В русской традиции принято говорить скорее об *изводах*, чем о *редакциях* ЦСЛ.

¹¹ См. также прим. 5, 6, 7 (прим. ред. — Р. К.).

ставя его в один ряд с обозначениями *среднеболгарская, сербская, румынская* и *русская редакция* (которые, в свою очередь, дробятся и образуют смешанные формы); у ЩЕПКИНА [1918: 30–36] это *старославянский извод* — наряду с понятиями *русский, болгарский, сербский, хорватский, чешский, моравский, румынский извод* (также с дальнейшими видоизменениями). Однако и у этих авторов особое положение древнецерковнославянского языка выделено терминологически, и, в духе языкознания того времени, этот язык пользуется первостепенным вниманием. Это дало повод Дурново выступить с предостережением: неверно считать, полагал он, будто лишь одна-единственная редакция представляет собою “правильный” ЦСЛ (*vieux-slave correct*), а другие являются некими отклонениями (*déviations*) от нее, напротив, все редакции заслуживают рассмотрения как полноправные *dialectes littéraires* ‘литературные диалекты’ [DURNOVO 1929A: 22]. По мере осознания того, что ЦСЛ как такового (т. е. текстов, которые могли бы быть названы церковнославянскими и при этом были бы лишены региональной специфики) по сути не существует, в современных пособиях все чаще подчеркивается, что и древнейшие рукописи следует включать в систематику изводов, а исходным пунктом филиации считать не сохранившийся в рукописях праЦСЛ — язык первых переводов славянских апостолов [ХАБУРГАЕВ 1984: 6–22; HOLZER 2002; TRUNTE 2003: 234–237]; последний, в свою очередь, создавался, вероятно, с опорой на устную речь христианизированных славян Салоник и окрестностей и, возможно, даже нес в себе определенные “импульсы внутрибалканского христианства” (*Ausstrahlungen einer innerbalkanischen Christenheit* [SCHRAMM 2007: особенно 21–47]).

В свете позднейшего развития балканизмов в македонско-болгарском языковом пространстве “славянский язык Салоник”, рассматриваемый в качестве языковой основы праЦСЛ, предстает, с точки зрения некоторых ученых, как периферийный и сравнительно консервативный (архаичный) диалект, и если соглашаться с тезисом о том, что “радикальная перестройка, которую переживает новоболгарский язык по отношению как к древнеболгарскому, так и к другим славянским языкам” в ходе действующего начиная с VII в. “интенсивного симбиоза протоболгар и славян”, начинается в эпоху Первого Болгарского царства [HINRICHS 2004A: 232 и след.], то объяснимым становится, с одной стороны, почему “славянский язык Салоник”, на котором говорили в подвластной Византии области, этой перестройкой затронут не был, а с другой стороны, следует вновь особенно подчеркнуть, что язык древнецерковнославянских рукописей не только в лексике, но и в грамматике мог гораздо дальше отстоять от разговорного “охридского” или “преславского” славянского, чем это обычно предполагается, иначе говоря,

что постоянно обсуждаемые черты аналитизма в древнецерковнославянском свидетельствуют не о начальной фазе изменений, а о процессе, уже давно начавшемся в народном языке, но на письме находившем лишь частичное отражение [ИВІД.: 240] (подробнее см.: [ИДЕМ 2004в]).

Число выделяемых в литературе редакций значительно колеблется даже в пределах древнецерковнославянского корпуса (например, [HOLZER 2002], в отличие от [MAREŠ 1988]). Настоятельно необходимым — и не только по причине объема и гетерогенности материала — представляется различать внутри редакции, традиционно именуемой русской, (обще)восточнославянскую и затем более поздние русскую, украинскую и, возможно, также западнорусско-белорусскую редакции (см., в частности, [Запольская 1991: 8–9], где внутри “церковнославянского восточнославянской редакции” различаются, наряду с надрегиональными правилами узуса, также региональные — киевские и новгородские, и, таким образом, и эта, едва получившая собственное название редакция оказывается не единой). С учетом писцовых школ, а также смешанных традиций можно и для других ареалов выделять дополнительные “литературные диалекты” в смысле Дурново. В соответствии с нашим нынешним пониманием многообразия ЦСЛ список редакций времени после праЦСЛ мог бы быть таким: *моравско-паннонско-чешская редакция* (словацкий, отчасти чешский субстрат), *хорватская редакция* (чакавский, отчасти кайкавский субстрат), *боснийско-герцеговинско-рагузская редакция* (по большей части западноштокавский субстрат), *сербская редакция* (восточноштокавский субстрат), *болгарско-македонские редакции* вокруг Преслава (позднее Тырнова) и Охрида в качестве центров и, наконец, *восточнославянские редакции* с центрами Киев, Галич, Новгород и Псков, впоследствии также Москва, а в (Юго-)Западной Руси — Волынь с центрами во Львове и Вильне [TRUNTE 2003: 236]. Упоминание соответствующих местных языков имеет смысл потому, что тексты, называемые здесь церковнославянскими, в данном регионе могли восприниматься как кодифицированная письменная разновидность данного языка и определенным образом связываться со структурами местного идиома (о ЦСЛ в восточнославянском регионе см.: [ХАБУРГАЕВ 1984: 10–22]). Иначе, чем со славянскими местными языками, связан ЦСЛ с разговорным языком в Молдавии и Валахии [DЖАМО-DІАСОНИŢĂ 1975], а также в монастырях Афона (их “экстерриториальное” положение не позволяет, тем не менее, забыть того чрезвычайного вклада, который они внесли в создание и распространение церковнославянских текстов). С точки зрения этого нового видения проблемы, согласно которому в каждом регионе складывается свой образ ЦСЛ, целесообразным представляется то терминологическое решение, которое Мареш предложил

для своей трехчастной периодизации истории ЦСЛ, а именно: в древнецерковнославянском — *варианты* (по Марешу, *моравский, болгарско-македонский и словенский*), в среднецерковнославянском — *редакции* (у Мареша: *среднеболгарская [болгарско-македонская], сербская, хорватско-глаголическая, чешская, русская и румынская*), а в новоцерковнославянском — *типы* (Мареш: *русский, хорватский и чешский*). Соответственно, эти термины (оставляющие возможность дальнейшей дифференциации и выделения субредакций, орфоэпических субтипов и т. д.) можно соотнести с меняющимся статусом ЦСЛ в данном регионе — от древнецерковнославянского как живого языка (*lebende Sprache*) через (средне)церковнославянский как книжный язык (*Buchsprache*) к новоцерковнославянскому, существующему рядом с этаблированным местным литературным языком на правах исключительно *lingua sacra* [Мареш 1979: 11–13; Идем 1988: 6–7]. Впрочем, при всей дробности приведенных обозначений не следует забывать, что все эти разновидности ЦСЛ мы пока научились различать главным образом на основании графических и фонетико-орфографических признаков. Не стоит также упускать из виду, что за региональной спецификой, столь интересной для национальных филологий, мы гораздо меньше обращаем внимание на инвариант всех этих разновидностей, для которого Пиккио предложил обозначение “церковнославянские изонормы” [Риснио 1967: 1533 и след.; Идем 1982], хотя именно в нем, в этом инварианте, и следует искать собственно ЦСЛ.

Н. И. Толстой [1961: 41, 47 и след.] — вероятно, вслед за Будиловичем [1892: 1 и след.] или Шахматовым [1915: 5, 36] — предложил описывать эволюцию ЦСЛ как смену эпох централизации и децентрализации. Центростремительные процессы, согласно этому взгляду, состоят в том, что графико-орфографические и другие нормы одного определенного региона воспринимаются в других регионах как образец, в то время как при центробежном развитии в каждом регионе нормы складываются по-своему. Если язык церковнославянских текстов не именуется (как в большинстве случаев) *словенский (славенский, славянский)*, он, как правило, получает то же обозначение, что и местный язык, т. е. у восточных славян / русских — *русский*, у болгар — *болгарский*, у сербов — *сербский*. В рамках теории диглоссии в этом можно было бы увидеть указание на то, что ЦСЛ расценивался как *high version* соответствующего местного языка. Бросается, однако, в глаза, что не так уж редко носители отмечали и противопоставленность ЦСЛ своему языку, в частности, когда у южных славян его называли “русским” или в России — “сербским” [Толстой 1976: 123]. Ясное осознание региональной специфики можно видеть там, где в орфографическом отношении источники из другого

региона (например, древнеболгарские тексты в восточнославянских землях) подвергаются адаптации к местным правилам (о такого рода механизмах см.: [Запольская 1991]). Такое местное “awareness of the norm” (‘сознание нормы’ [GARVIN 1959]) еще более явно тогда, когда книжники, ссылаясь на собственную языковую традицию, отвергают какие-либо тексты из-за чуждых написаний, как делает, в частности, Нил Курлятев, который в 1552 г. усматривает в приписываемых митрополиту Киприану рукописях “сербский или болгарский” элемент [КЕИРЕРТ 1985], или когда при переиздании в Москве грамматики М. Смотрицкого в 1648 г. даже язык-объект первоиздания 1619 г. подвергается тщательному редактированию [Норватсч 1964: 37–49]. Однако и при ретроспективном взгляде современной науки представляемые как “влияния” феномены централизации вызывают дискуссии. Ряд историков языка решительно отвергают введенное в науку Соболевским в 1894 г. понятие (“второе”) южнославянское влияние” на русскую письменность XIV–XV в. (см. о нем: [Успенский 1987: 181–226]) на том основании, что якобы не все связанные с этим процессом языковые новшества обязательно имели южнославянское происхождение [WORTH 1983] и, в частности, новые орфограммы могли бы найти объяснение во внутренних процессах русской письменности [Жуковская 1987А]. Напротив, вне дискуссий находится основательная переориентация московского ЦСЛ в середине XVII в., с которой начинается сведение воедино юго-западнорусской (рутенской) и московской традиций языка и текстов и образование единого “общерусского” типа новоцерковнославянского языка (*общерусского церковнославянского языка* — ср. вслед за [Будилович 1892: 149–152] и за [Трубецкой 1927: 176] в наше время: [Успенский 1987: 275–345], однако имеет значение, идет ли речь, как у Успенского, о “третьем южнославянском влиянии”, или, как у Шевелева, о “третьем церковнославянском влиянии”, или же, как у Шахматова, просто о “южнорусском [т. е. украинском — Г. К.] влиянии” [ШАХМАТОВ, СНЕВЕЛОВ 1960: 38, 78]).

Нельзя не сказать и о том, что редакции ЦСЛ в прошлом открыто конкурировали между собой и что подчас с их помощью целенаправленно делалась политика, по крайней мере культурная.

Так, в истории хорватского глаголического книгопечатания XVII и XVIII века слышат “римской” или “русской” эпохой, в которую “глаголяши получили книги, но утратили язык”. Дело в том, что *Congregatio de propaganda fide* была заинтересована в употреблении единого для всех славян ЦСЛ, и начиная с 1648 г. язык издававшихся по преимуществу в Риме литургических книг был ориентирован на орфографические и грамматические нормы восточнославянских грамматик ЦСЛ, что в ретроспективе может рассматриваться как одна из причин позднейшего

затухания глаголической традиции (см.: [NAZOR 2002: 48–49] и, кроме [НАММ 1971], в особенности [ВАВИЃ 2000], а также [TRUNTE 2009]).

Путем административных мер Святейший синод в XVIII в. подчинил, как известно, киевскую церковную печать С.-Петербургу и тем самым утвердил в сфере своего влияния единый ЦСЛ, который Трубецкой назвал общерусским [PLÄHN 1978: 202]. Равным образом подавление неуютной конкурирующей редакции имело место в отношении старообрядцев, которые хотели удержать дониконовские тексты: долгое время возможность печатать книги в своей стране была для них закрыта [ВОЗНЕСЕНСКИЙ 1996].

Кроме того, не без далеко идущих планов, Россия начиная с XVIII в. весьма успешно распространяла свои церковные издания в южнославянских землях. Понятно, почему Е. Копитар в своем “Библиотечном отчете” (“Bibliothekarischer Bericht”) 1827 г. предлагал, как уже упоминалось, покупать славянские рукописи с Афона: “Они имеют неизмеримое политическое значение для того времени, когда станет возможным тем девяти или десяти миллионам добрых южных славян, которые за последние 150 лет при попустительстве соседей попали под русское влияние, дать свой, отечественный, национальный и антирусский центр на очищенном от следов русского употребления, истинном и законном церковном языке Мефодия” [ЛУКАН 1995: 192]. Речь в данном случае шла о том, чтобы путем целенаправленного создания нового типа новоцерковнославянского языка в австро-славянских целях противостоять российскому влиянию на Балканах.

В XX в. противостояние хотя и ограничивалось вопросами терминологии, но и не было делом лишь отдельных ученых. На Пражском съезде славистов 1929 г. Ст. Младенов решительно выступил против четвертого тезиса Дурново и сделал попытку — тщетную — путем голосования участников добиться того, чтобы впредь язык “славянских апостолов” именовался исключительно “древнеболгарским” [МЛАДЕНОВ 1931: 307]. Еще в 1980-е гг. между болгарской и советской Академиями наук сохранялись ощутимые разногласия по поводу того, что в факсимильном издании Святославова изборника 1073 г., вышедшем в 1983 г. в СССР, язык этого памятника назван “древнерусским” [ВЕНЕДИКТОВ 2007]. В современном учебнике по истории болгарского языка можно даже прочитать, что ЦСЛ вообще вплоть до XVI или XVII в. должен называться “древнеболгарским”; терминология локальных вариантов здесь такова: *моравско-панонската, хърватската, сръбската, руската и румънската редакция на Кирило-Методиевия* (или: *старобългарския*) *език*; “церковнославянским” авторы называют только язык издаваемых в России в XVIII–XX вв. церковных книг [ИВАНОВА-МИРЧЕВА,

ХАРАЛАМПИЕВ 1999: 241]. Впрочем, лишь немногие из коллег за пределами Болгарии склонны поддержать такого рода рекомендации (ср., однако: [Тот 1985]).

12. Диафазные (функциональные) разновидности

Независимо от исторической изменчивости и региональных различий, ЦСЛ обычно рассматривается как в значительной степени гомогенный язык. Возможно, и тут мы имеем дело с одним из предрассудков, порожденных пиететом по отношению к древнецерковнославянскому и рассмотрением его по преимуществу со структурно-языковой (в младограмматическом духе) точки зрения, ведь в определенный момент в определенном регионе можно констатировать известную языковую вариативность ЦСЛ в текстах различных жанров и типов.

С функциональной точки зрения ЦСЛ сейчас богослужебный язык, т. е. его употребление ограничено сферой богослужения. На связь с церковным узусом указывает появляющееся в XVIII в. обозначение *церковный язык*, которое в то время было тем более точным, что после реформы алфавита, проведенной Петром I в начале века, печать на ЦСЛ явственно отличалась от новой *гражданской печати* (указание на ранний, 1726 года, пример именованного ЦСЛ “церковным” — *ecclesiasticus slavonicus stylus* — см. в: [Живов 1996а: 12]; понятно в этой связи, почему свой словарь нуждающихся в объяснении слов Петр Алексеев публикует в 1771 г. под заголовком “Церковный словарь” (немецкие современники называли его *Kirchenlexikon*).

Функционально обусловленная вариативность лексико-синтаксических средств выражения в ЦСЛ в значительной мере, как можно показать, объясняется различиями в лексической и синтаксической сложности тех иноязычных текстов (греческих, латинских или древнееврейских), которые служили оригиналами славянских переводов. Еще М. Вайнгарт отмечал, что наглядный рассказ евангелий предъявляет иные требования к языку перевода, чем затрудненное построение фразы и многочисленные специальные термины догматических или церковно-юридических сочинений [WEINGART 1939: 570]. Существенное влияние на формулировки перевода оказывал выбор переводческой техники, также зависимый от функции текста (см., в частности: [КЕРПЕРТ 1977, 1: 84–99; TROST 1978: 13–22; МАТХАУЗЕРОВА 1979: 27–56; TASEVA, VOSS 2005]). Крайне любопытно понять, в какой мере ЦСЛ переводов, составляющих существенную часть той письменности, которую следует считать церковнославянской, отличается от ЦСЛ непереводаемых текстов тех же жанровых / функциональных типов. По крайней мере в лексике безусловно есть некоторое количество единиц, употребление которых ограничено

переводными текстами, а определенные синтаксические конструкции употребляются по крайней мере с разной частотой в переводных и непереводных текстах (ср. о синтаксических стратегиях разных древнеславянских письменных регистров: [Живов 2017, 1: 325–657]). Интересно также узнать, чем именно достоверные переводы с латыни [Соболевский 1900; FREIDNOF 1972; WESTERS-DILGER 1992; TOMELLERI 2004; IDEM 2006; DIDDI 2007] отличаются от значительно более многочисленных переводов с греческого; существенно различен как минимум спектр переводческих ошибок, объясняющихся структурами оригинала; типология таких ошибок в переводах с греческого [THOMSON 1988] включает и обусловленные греческой диглоссией ляпусы [Voss 2004].

Очевидно в любом случае, что в ЦСЛ существовала (и существует сейчас) значительная, обусловленная модусом употребления вариативность и что в употреблении ЦСЛ следует принципиально различать письменную форму, устное произнесение и пение. Другое дело, что устная речь далеких времен давно отзвучала, и ее непосредственное изучение невозможно, не говоря уже о том, чтобы последовательно и во всех деталях выявить несоответствия между письменной и устной речью / пением (см.: [GARDNER 1983–1987] и недавно: [Лозовая, Шевчук 2000]) или даже реконструировать всю систему правил церковного произношения в разных регионах на протяжении столетий.

О том, что ЦСЛ раньше ассоциировался прежде всего с письменным языком, свидетельствуют, в частности, словосочетания с прилагательным *книжный*, в которых это слово выступает едва ли не как синоним прилагательного *церковнославянский*, ср., например, *книжный месяц* vs. *лунный месяц* у Кирика Новгородца (XII в.), *книжная речь* vs. *общая речь* у Зиновия Отенского (XVI в.) или *книжное письмо* vs. *скорописное письмо* (XVII в.). Это значение эпитета *книжный* давало возможность в советское время использовать термин *книжно-славянский* в качестве эвфемизма для *церковнославянский* (как это делал В. В. Виноградов). Долгое время полагали, что церковнославянские тексты читали просто по правилам фонетики местного языка, так как орфография, как казалось, свидетельствует о довольно последовательном приспособлении ее к соответствующей языковой среде. Однако особые правила произношения существуют еще и сегодня, в частности, в русском ЦСЛ [PLÄHN 1978], и уже ШАХМАТОВ [1925: 28–31, 32–37; ШАХМАТОВ, SNEVELOV 1960: 17–21, 23–28] находил в современном русском словаре многочисленные следы существования в прошлом специфического церковного произношения, в частности такие, как нерегулярная вокализация слабых редуцированных (*совет, множество*) или отсутствие перехода *e > o* в словах *крест, современный*. Предположение об особых орфоэпических традициях

ЦСЛ было затем подкреплено исследованиями произношения ряда старообрядческих общин, сохранявшего вплоть до XX в. следы дониконовской устной литургической традиции [Успенский 1968], а также систематическим анализом древних гимнографических рукописей [Успенский 1973: 209–245; ИДЕМ 1988а: 143–208] и данными церковной антропоники [ИДЕМ 1969] (ср., однако, мнение Малковой [1987], по-прежнему настаивающей на тезисе о гомогенности).

Каковы языковые особенности различных жанров церковнославянской письменности, ясно пока только в самых общих чертах, так как хорошо исследованный древнецерковнославянский корпус отражает не весь спектр функциональных типов текстов, а соответствующие исследования позднейших текстов по большей части отсутствуют. О таких обусловленных тематикой и жанром различиях в словаре можно составить представление путем сравнения словоуказателя к одному из древнецерковнославянских четвероевангелий со словоуказателем, к примеру, к “Богословию” или “Шестодневу” Иоанна экзарха Болгарского [SADNIK 1983; AITZETMÜLLER 1975, 7], или к служебной декабрьской минее [CHRISTIANS 2001], или же к “Ильине книге” [КРЫСЬКО 2005]. Примером грамматических особенностей может служить необычный для существительного среднего рода *слово* вокатив *слове*, обязанный своим возникновением христианскому значению греч. *Λόγος* как обозначения Иисуса Христа при обращении; прагматически обусловлена и довольно ранняя замена — прежде всего в служебниках и гимнографии — форм 2 ед. аориста и имперфекта, совпадающих с формой 3 ед., на перфектную *л*-форму с *еси* [Успенский 1987: 226, 151–166]: богослужение требовало однозначности языковых действий. О функциональных и жанровых различиях как важной проблеме изучения ЦСЛ впервые подробно заговорил Н. И. Толстой на примере сербской традиции, правда, он обращал внимание не столько на “внутрицерковнославянскую” гетерогенность языка, сколько на различия в доле местного языка, в данном случае сербского, и включал в свою классификацию также непере译ную сербскую письменность. Модель Толстого строится как пирамида и включает 14 классов текстов; вершину образуют те из них, которые в наибольшей степени контролировались церковью и допускали наименьшее число местных языковых черт, в то время как следующие по порядку ярусы характеризуются возрастающим их числом:

1. Конфессионально-литургическая литература
2. Конфессионально-гимнографическая литература
3. Агиографическая литература
4. Панегирическая литература
5. Конфессионально-учительная литература и патристика

6. Конфессионально-юридическая литература
7. Апокрифическая литература
8. Историческая литература
9. Повествовательная литература
10. Паломническая литература
11. Натуралистическая и философско-филологическая литература
12. Светско-юридическая литература
13. Деловая письменность
14. Бытовая письменность

У основания этой дополненной переходными явлениями пирамиды располагается, согласно Толстому, фольклор, который, имея только устную традицию, не сохранился, но несомненно содержал наибольшую долю сербского элемента, точно так же как вершинный класс текстов был, очевидно, наиболее церковнославянским [Толстой 1978], ср. также: [ИДЕМ 1989:19]. Против этой модели были выдвинуты, не без оснований, возражения [АЛЕКСЕЕВ 1989: 153], но есть и ученые, которые настоятельно рекомендуют применять ее в отношении восточнославянской письменности [ВЕРЕЩАГИН 1989]. Проверка этой модели в отношении норм ЦСЛ ждет своего осуществления, однако имеет смысл подумать и об альтернативных моделях.

13. Индивидуальные и групповые разновидности

Некоторые обозначения ЦСЛ связаны с определенными людьми и группами людей, которым более или менее прямо приписывается авторство данного варианта этого языка. Самое известное из этих обозначений, пожалуй, — термин *кирилло-мефодиевский церковнославянский*. В узком смысле он подразумевает язык созданных в IX в. и дошедших до нас лишь в более поздних рукописях переводов “славянских апостолов” Константина-Кирилла и Мефодия (в самом же узком смысле — только несохранившийся праЦСЛ, см. о нем п. 10) [МАРТИ 1987в]; в более широком смысле имеется в виду древнецерковнославянский / древнеболгарский / старославянский рукописного корпуса в целом, а в еще, быть может, более широком смысле — язык культурно-языковой общности, которую Р. Марти назвал “*Slavia cyrillo-methodiana*” [МАРТИ 1988: 197 и далее]. В ходу и такие обозначения, как *Евфимиев* и *Мелетиев ЦСЛ* — и тогда речь идет о языке текстов, относящихся к деятельности болгарского патриарха Евфимия и, как полагают, созданной им “Тырновской школы” (не все атрибуции убедительны [ТАЛЕВ 1973]); или о таких текстах, которые лежат в сфере влиятельной западноевропейской по происхождению традиции церковнославянской грамматики

Мелетия Смотрицкого 1619 г. и последующих ее изданий. Различение, далее, *дониконовского* и (*после*)*никоновского ЦСЛ* маркирует тот глубокий языковой рубеж, который был результатом реформ, проведенных московским патриархом Никоном в середине XVII в., и вызванного ими раскола церкви на “никониан” и “староверов”, или “старообрядцев”. Используется, наконец, название *синодальный ЦСЛ*, относящееся к языку последних подготовленных в России под контролем Святейшего синода редакций прежде всего (но не только) библейских новоцерковнославянских текстов [МАТНЕСЕН 1972]. Перечень этот можно было бы продолжить. Рассматривая ЦСЛ под таким углом зрения, целесообразно было бы не ограничиваться только описанием языка-объекта определенных текстов и групп текстов, но, вслед за Матиесеном [ИДЕМ 1984: 56], направлять внимание на стоящие за данными текстами или по меньшей мере выводимые из них метаязыковые взгляды (*metalinguistic doctrine* — см. также: [МАТХАУЗЕРОВА 1979: 25–55]). Такой подход успешно осуществлен, в частности, при анализе источников грамматики Смотрицкого 1619 г. [КОСИУВА 1975], а также в исследованиях загребской рукописи Шестоднева 1469 г. [ТРОСТ 1978], “Догматики” в переводе Курбского [BESTERS-DILGER 1992], славянского “Паренесиса” Ефрема Сирина [VOSS 1997] или монументального “*Corpus Aegrapagiticum*” Исаяи Серского [ФАИЛ, ФАИЛ 2013], что позволило прийти к более ясным представлениям о, возможно, поддающихся персонализации стратегиях перевода, а также о принципах работы целых “переводческих школ” (ср. уже в [HANSACK 1975: 18]: “пословный перевод [. . .] в стиле Кирилла”, “свободная перефразирование оригинала [. . .] в духе экзарха Иоанна”, “стиль XIV века”).

Внимания заслуживает также вопрос о том, в какой мере различные религиозные сообщества, использующие сейчас ЦСЛ: русско-православное, грекокатолическое и старообрядческое в восточнославянском ареале или римскокатолическое у чехов и хорватов, — сами по себе, помимо обусловленных местным языком черт, повлияли на облик “своего” типа ЦСЛ, при этом важно, вероятно, учитывать расхождения между греческими и латинскими текстами, составившими основу переводов. Пиккио пробовал определять *Orthodox Slavonic* как более широкое, общекультурное, понятие, а (*Liturgical*) *Church Slavonic* — как более узкий, имеющий религиозную составляющую, термин [ПИСНИО 1980: 22] (ср. также: [ИДЕМ 1998]); иначе говоря, прилагательное *Orthodox* он использовал в переносном смысле, не только как обозначение конфессионального направления, и в силу этого не противопоставлял этому термину никакого **Catholic Slavonic*. Бирнбаум, наоборот, под *Westkirchenslavisch* подразумевает именно ЦСЛ, употребляемый на Западе, в

римско-католической церкви, но не вводит никакого **Ostkirchenslavisch* для других вариантов [ВІРНВАУМ 1985], ср. термин *vzhodna cerkvena slovanščina* [ВАВИЋ 2000]. Ни одно из названных здесь простых бинарных противопоставлений не отвечает вполне многообразию религиозных сообществ, которые используют ЦСЛ как богослужебный (литургический) язык.

14. Церковнославянский как “реконструкт”

Многочисленные лакуны в церковнославянской традиции, объясняющиеся утратой текстов или поздними их фиксациями, стали причиной церковнославянских реконструкций — от отдельных снабженных астериском форм, без которых парадигма того или иного слова была бы неполной, и восстановленных в учебных целях “древнецерковнославянских” глав “Жития Константина”, дошедшего до нас в рукописи XV в. [ТРУНТЕ 2003] вплоть до критического издания Й. Вайсом Евангелия (ср.: [НАННИК 1998]) или “Шестоднева” Иоанна экзарха [АЙТЗЕТМÜLLER 1958, 1: 10–11]. Поскольку в этих идеализированных версиях речь заходит о написаниях, формах, конструкциях, которые отсутствуют в древнецерковнославянском корпусе, постольку такого рода реконструкты, подобно формам под звездочкой, заполняющим лакуны парадигмы, следует считать особой разновидностью ЦСЛ, тем более что формы-реконструкты подчас включаются и в описания более поздних стадий ЦСЛ [КÄММЕГЕР 1977]. Вновь найденные в монастыре св. Екатерины на Синае листы Синайской Псалтыри расширили древнецерковнославянский корпус и принесли не зафиксированную до тех пор форму И. ед. *кры* [ВІРНВАУМ, СНАЕКЕН 1997: 147] (ранее известна была только форма *кръвь*), подтвердившую верность ее реконструкции. Однако в то же время в грамматиках и словарях древнецерковнославянского для, скажем, глагола *бъдѣти* указывается — из соображений систематичности (формуляр словарной статьи!) — форма 1 ед. презенса, и она не снабжается при этом звездочкой, которая указывала бы на отсутствие этой формы в реальных текстах.

15. Церковнославянский как конструкт

Путем реконструкции лингвист пытается гипотетически восстановить то, что, по-видимому, когда-то существовало, но в силу неблагоприятных обстоятельств не сохранилось. Тот, кто конструирует ЦСЛ, напротив, создает ЦСЛ заново, давая жизнь конструкциям, которых в этом языке прежде не было. Известный, возможно, даже весьма значительный конструктивно-творческий потенциал (Дурново называл его

“искусственным”, *artificiel*, элементом ЦСЛ) присущ этому языку с самого начала его существования, так как всякий переводчик на ЦСЛ должен был для множества новых подлежащих переводу смыслов найти новые формы выражения на славянском языке, как, например, упоминавшийся уже неславянский вокатив *слове* в качестве точного соответствия для христианского смысла греческого Λόγε. К таким переводческим конструктам следует, по-видимому, причислять и неологизм *естьство*- (притяжательное прилагательное к *естьство*), введенный редактором славянского трактата “О восьми частях слова” и обусловленный, вероятно, теми же теологическими соображениями, что и искусственные формы двойственного и множественного числа этого абстрактного существительного [КЕРПЕРТ 1999в: 35 и далее]. Наряду с этим в известной мере “нормальным”, “естественным”, “непосредственным” производством церковнославянских конструктов в текстах, существует также некое “системное” конструирование новых элементов ЦСЛ в некоторых старых грамматиках и словарях, т. е. в сочинениях, в которых современный человек привык видеть скорее описания уже существующих феноменов языка и не ожидает встретить ничего “не-церковнославянского” [КЕРПЕРТ 2001: 376–381].

ЦСЛ язык-объект в парадигмах “Грамматики” Мелетия Смотрицкого (впервые изданной в 1619 г. под заголовком “Грамматики Славенския правилное свнтагма”) в значительной мере заново сконструирован. Так, по аналогии с латинскими грамматиками, в которых склонение греческих слов подчиняется особым правилам, Смотрицкий вводит специальные типы словоизменения для греческих и латинских заимствований различных субстантивных классов; многие формы его многочисленной системы глагольных времен и наклонений едва ли можно обнаружить в церковнославянских текстах; рекомендуемое в этой грамматике “причastoдѣтие”, вводимое по образцу латинских герундия / герундива и греческой -τέου-конструкции, также, как кажется, изобретено Смотрицким, который, между прочим, без смущения предлагает своим читателям в качестве примера согласования прилагательных в роде, числе и падеже не какой-нибудь подходящий пассаж из Нового Завета, а перевод обычного в латинских грамматиках стиха Энния *amicus certus in re incerta cernitur*.

Лексикографические церковнославянские конструкты встречаются в симфониях XVIII в. к церковнославянской Библии: глагольные формы разных лиц и чисел фиксируются в симфонии всегда под заголовочной формой 1 ед. презенса нсв. Так, в симфонии на Псалтырь Антиоха Кантемира (1727) многочисленные употребления глагола совершенного вида *воззвами* приводятся под заголовочной формой *взываю*, хотя формы

от основы несовершенного вида *взывати* в Псалтыри вообще не встречаются. Зачастую в качестве заголовочной формы приводятся даже итеративы на *-ыва-*, которые в ЦСЛ, в отличие от русского, отсутствуют: например, *увьдываю(ся)* для форм, которые, по нынешним представлениям, относятся к глаголу *увьдѣти* или *увѣсти*. Еще дальше идет Андрей Богданов в своей симфонии на Апостол и Апокалипсис (1737), когда он одну форму глагола *положити* помещает не вместе со множеством других форм под *полагаю*, а под русским глаголом *кладу*. В таких случаях церковнославянский глагол получает русскую аспектуальную характеристику.

Искусственного ЦСЛ немало и у Аврама Мразовича, если считать грамматикой ЦСЛ (как обычно и делается) его изданный в 1794 г. учебник для сербов “Руководство къ славенстѣи граматичѣ”. Множество примеров этого пособия происходят не из церковнославянских текстов, но взяты из немецких примеров венского учебника немецкого языка “Verbesserte Anleitung zur deutschen Sprachlehre” Й. И. Фельбигера (издание 1777 г. и последующие), и это же можно сказать о системе изложения в сербском.

Искусственный характер такого рода грамматических рекомендаций, как, например, у Смотрицкого, не помешал, тем не менее, их позднему применению в реальных текстах.

16. Церковнославянский как язык-эталон

Сорок лет назад группа петербургских ученых под руководством Н. А. Мещерского и А. С. Герда подготовила, опираясь на ранние церковнославянские рукописи, сравнительное синхронное описание различий в эволюции субстантивного склонения в славянских языках в период до XVI в. включительно. Анализу был подвергнут внушительный корпус из более чем 100 текстов и — в случае грамот — собраний текстов южно-, западно- и восточнославянского происхождения. Из каждого источника было учтено по 12 000 словоформ, все именные окончания классифицированы и статистически обработаны, а результаты сведены в таблицы частотности по двум периодам — XI–XIV вв. и XV–XVI вв. Таблицы наглядно показывают более или менее частое употребление или неупотребление того или иного окончания и — на основании этого — сходство и различия между вовлеченными в сравнение регионами, периодами и типами текстов [Герд et al. 1974; 1977]; ср.: [Кемрген 1995: 85]. В своей работе 1998 г. “Церковнославянский язык” с программным подзаголовком “Лингвистические аспекты” Герд вновь обращается к этому исследованию, так как, по мнению ученого, его результаты позволяют с помощью собственно лингвистических критериев определить

синхронную (в названные периоды) меру церковнославянского элемента текста, его “церковнославянскость” (Kirchenslavizität) — многолетний предмет дискуссии прежде всего в русской исторической русистике. В этой связи Герд называет семь основных проблем, которые в его понимании составляют содержание понятия ЦСЛ:

1. ЦСЛ как языковая система определенного типа;
2. Репрезентирующие этот язык тексты;
3. Семантическая и функциональная типология этих текстов;
4. Варьирование ЦСЛ во времени
5. Ареальная типология текстов на ЦСЛ;
6. Степень языковой и стилистической нормативности и литературности текстов на ЦСЛ;
7. Место и роль ЦСЛ в истории славянских письменных языков [Герд 1998: 3].

В качестве иллюстрации первой из названных проблем Герд использует извлеченную из материалов 1970-х гг. таблицу, в которой показана частотность субстантивных окончаний: в проанализированных пробных текстах она колеблется между 42% и 10%. Ранние церковнославянские рукописи Псалтыри, Евангелия и Апостола располагаются в таблице сравнительно плотно на участке от 15% до 11%, что, в интерпретации Герда, демонстрирует в этом интервале один из четырех выделяемых им “типов древнеславянских текстов”, а именно “тип южно-восточнославянских собственно конфессиональных текстов XI–XIV веков” [Герд 1998: 7–9] (в позднейшей версии [Герд, ФЕДЕР 2003: 153–157] добавление материала Остромирова Евангелия расширяет интервал до 16%, и вместо “конфессиональных” речь идет о “церковных” текстах). С языковой точки зрения Герд определяет ЦСЛ как “язык славянских текстов, в которых статистически доминирует определенная языковая эталонная модель”, при этом в качестве эталона для оценки текстов XI–XIV вв. он предлагает древнецерковнославянский (*старославянский язык*), а для текстов XV–XVI вв. — созданную в Тырнове и/или последователями “Тырновской школы” агиографическую прозу [Герд 1998: 11, 9] (о соотношении показателей тырновских текстов и текстов других регионов см.: [ИДЕМ 1986; ИДЕМ 1991]). В 2003 г. Герд заново представил свою модель ЦСЛ, уточнив при этом дефиницию этого языка: “Понятие ‘церковнославянский язык’ представляет собой совокупность эталонных моделей в графике, орфографии, морфологии и синтаксисе, выделенных на статистической основе” [Герд, ФЕДЕР 2003: 150], см. также: [ИВІД.: 143–194]. На первый взгляд, такое определение кажется удовлетворительным; возникают, однако, сомнения, действительно ли выбранные

эталонные группы текстов могут быть применены в этом качестве к церковнославянской языковой традиции, годятся ли они для этого. Как известно, в древнецерковнославянском, рекомендованном в работе 1998 г. в качестве эталона для периода XI–XIV вв., служебники и гимнография, составляющие в восточнославянской традиции почти половину всех сохранившихся рукописей, почти не представлены, а среди тырновских текстов (ср. “конфессионально-повествовательные тексты” в [Герд ет ал. 1974: 11; еідем 1977: 9 и след.]), предложенных на роль эталона для периода XV–XVI вв., совсем нет богослужебных текстов. В работе 2003 г. “эталонная модель именного склонения” для ЦСЛ первого и второго периодов обеспечивается данными вообще только “конфессионально-повествовательных текстов” [Герд, Федер 2003: 157–166]. Даже при чисто лингвистическом анализе церковнославянской письменности не следует забывать о том, что с самого ее начала и по сей день исконную и главнейшую сферу употребления ЦСЛ составляет богослужение и что ЦСЛ всегда был литургическим языком и остается им сейчас (ср.: [Живов 2009]).

17. Библиографическая ситуация

До тех пор, пока не мы не будем иметь более или менее четко очерченных корпусов церковнославянских текстов (или — при другой дефиниции — таких текстов, которые можно назвать церковнославянскими), степень библиографической освоенности научной литературы о ЦСЛ, в настоящее время очень низкая, вряд ли изменится и вряд ли может измениться. Почти во всех библиографических справочниках нельзя не заметить перекося лингвистического интереса (славистики к ЦСЛ) в сторону древнецерковнославянского: систематически подобранную литературу, собранную в одном определенном месте, в них можно найти в лучшем случае для древнецерковнославянского корпуса, в то время как литература к другим церковнославянским текстам если и упоминается, то обычно среди работ по истории того или иного национального языка и там тонет, а и без того немногочисленные работы по современному ЦСЛ или вовсе не попадают в поле зрения читателей-славистов, или оказываются запрятанными в разделах “древнецерковнославянский”, “vieux-slave”, “старославянский язык” и подобных. Составить представление о существующих исследованиях тем более трудно, что во многих библиографиях по славистике, созданных в славянских странах, иностранные публикации или совсем отсутствуют, или учитываются более или менее случайно.

Лучше всего, и к тому же с интернациональным охватом, в ретроспективных библиографиях отражены, безусловно, кирилло-мефодиевские (в широком смысле) штудии. За период до 1980 г. см.: [Ильинский 1934;

Попруженко, Романски 1942; Можаяева 1980; Дуйчев, Кирмагова, Паунова 1983]; продолжение отсутствует, так что для периода после 1980 г. в качестве не вполне настоящей замены можно использовать библиографические данные в теперь уже завершенной “Кирилло-Мефодиевской энциклопедии” [Динеков, Грашева 1985–2004] или в [BIRNVAUM, SCHNAEKEN 1997; EIDEM 1999], а также в статье Дуйчева “Библиографии” в издании [Динекова, Грашева 1985, 1: 177–183]¹². По-прежнему полезен обзор русских публикаций о ЦСЛ за период с 1825 по 1880 г. у Виноградова [1955: 36–65, 188–249], так как “старославянский и церковнославянский язык” он рассматривает как целое; к сожалению, между 1880-м и 1918-м годом, с которого начинается обзор славянского языкознания в Советском Союзе, остается пробел, тем более досадный, что на этот период приходится ряд важных эдиционных и исследовательских публикаций. Важнейшие из существующей массы публикаций, без учета нового ЦСЛ, составили раздел “Древнецерковнославянский и его редакции” (Old Church Slavonic and Recensions) в международной “Избранной библиографии по славянскому языкознанию” [STANKIEWICZ, WORTH 1964]. Насколько жесткой должна была быть селекция для такой “избранной библиографии” — хотя бы из соображений места — можно примерно судить, если сравнить ее с библиографическими сведениями о каждой отдельной глаголической или кириллической рукописи в “Сводном каталоге” [Шмидт 1984; Турилов 2002]. Сам “Сводный каталог”, ввиду отсутствия специальных библиографий по ЦСЛ, может быть рекомендован в качестве вспомогательного инструмента, как и аннотации к ранним церковнославянским изданиям в новейших библиографиях (о таких библиографиях, как и о многочисленных каталогах рукописных книг, здесь нет возможности говорить подробно). Полезно регулярно просматривать списки литературы в книгах и статьях: опыт показывает, что такое чтение почти всегда приносит то или иное старое название, которое может пригодиться в работе, но не обнаруживалось в библиографиях — или потому, что его там нет, или потому, что помещено не там, где его искали. В области церковнославянской лексикографии при взгляде на предшествующую историю славистики в особенности насущна потребность в возможно полной библиографии словоуказателей и выборочных списков слов к отдельным церковнославянским текстам, подчас скрытых в изданиях текстов и в исследовательских работах.

Продолжающиеся библиографии исследований по ЦСЛ включены в ежегодники “Bibliographie linguistique” (Utrecht, Bruxelles, 1949–, 1–) и

¹² Для периода после 1980 г. — преимущественно для памятников, бытовавших на Руси, в том числе западно- и южнославянских по происхождению, однако без учета южнославянских рукописей — см. также: [Буланин 2014] (прим. ред. — А. Г.).

“Rocznik slawistyczny” (Kraków, 1908–1991, 1–46; затем под названием “Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1992–”: Warszawa, 1995–), а также — в рамках определенной тематики — в журнал “Byzantinoslavica” (Praha, 1929–1994; о прекращении этой традиции см. Т. 57, 1996: 212–215). Все эти издания как международные органы печати могут, однако, отражать лишь часть действительного объема публикаций и только то, о чем им сообщают из разных стран их корреспонденты. Особенно следует указать на журналы, специально посвященные ЦСЛ или древнейшей славянской письменности и тем самым ее языку: “Slovo. Časopis staroslavenskog zavoda u Zagrebu” (Zagreb, 1952–, 1–), “Старобългаристика / Palaeobulgarica” (София, 1977–, 1–), “Cyrrillomethodianum” (Thessalonique, 1971–1993/1994, 1–17/18), “Полата књигописнама = Polata knjigopis'naja. An information bulletin for the study of early Slavic books, texts and literatures” (Nijmegen или Amsterdam, 1978–1999, 1–30/31.), “Palaeoslavica. International journal for the study of Slavic medieval literature, history and ethnology” (Cambridge, MA, 1993–, 1–) и подобные.

Таким образом, ЦСЛ и со своим пористым библиографическим фундаментом, неудивительным для “языка без народа”, — это совершенно особенный славянский язык с особой судьбой в истории славистики.

Библиография

АЛЕКСЕЕВ 1989

АЛЕКСЕЕВ А. А., “[рец.:] [Толстой 1988], *Вопросы языкознания*, 4, 1989, 149–155.

— 1999

АЛЕКСЕЕВ А. А., *Текстология славянской Библии = Textgeschichte der slavischen Bibel*, С.-Петербург et al., 1999.

БОБРИК 1990

БОБРИК М. А., “Представления о правильности текста и языка в истории книжной справы в России (от XI до XVIII в.)”, *Вопросы языкознания*, 4, 1990, 61–85.

БОНЧЕВ 2002–2012

БОНЧЕВ А., *Речник на църковнославянския език*, 1–2, София, 2002–2012.

БУДИЛОВИЧ 1892

БУДИЛОВИЧ А. С., *Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы*, 2: *Зарождение общего языка на славянском востоке*, Варшава, 1892.

БУЛАНИН 2014

БУЛАНИН Д. М., отв. ред., ИДЕМ, РОМАНОВА А. А., ТВОРОГОВ О. В., ТОМСОН Ф., ТУРИЛОВ А. А., *Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (рукописные книги)* (= *Studiorum slavico-orbis*, 7), С.-Петербург, 2014.

БУЛИЧ 1893

БУЛИЧ С. К., *Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке*, 1, С.-Петербург, 1893 [репринт: München, 1986].

ВЕНДИНА 2002

ВЕНДИНА Т. И., *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*, Москва, 2002.

ВЕНЕДИКТОВ 2007

ВЕНЕДИКТОВ Г. К., “Материалы к советско-болгарской дискуссии по некоторым вопросам современной палеославистики”, *Славяноведение*, 2, 2007, 58–94.

ВЕРЕЩАГИН 1989

ВЕРЕЩАГИН Е. М., “Проблемы истории древнеславянского и русского литературного языков”, *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 48/2, 1989, 126–136.

——— 1997

ВЕРЕЩАГИН Е. М., *История возникновения древнеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников*, Москва, 1997.

——— 2001

ВЕРЕЩАГИН А. М., *Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания*, Москва, 2002.

ВИНОГРАДОВ 1955

ВИНОГРАДОВ В. В., ред., *Библиографический указатель по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год*, 3, Москва, 1955.

ВОСТОКОВ 1810

ВОСТОКОВ А. Х., “Примечания Богемца на Шлецерово рассуждение о славенском языке”, in: [КЕИРЕКТ 2006а: 95–127].

——— 1820

ВОСТОКОВ А. Х., “Рассуждение о Славянском языке, служащее введением к Грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оною письменным памятникам”, *Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском Университете*, 17, 1820, 5–61.

——— 1863

ВОСТОКОВ А. Х., *Грамматика церковно-славянского языка, изложенная по древнейшим оною письменным памятникам*, С.-Петербург, 1863 [репринт: Leipzig, Köln, Wien, 1980].

ВОЗНЕСЕНСКИЙ 1996

ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. В., *Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века. Введение в изучение*, С.-Петербург, 1996.

ГЕРД 1986

ГЕРД А. С., “О синхроническом описании языка древнеславянских центров письменности”, *Вестник Ленинградского университета. Серия 2*, 1, 1986, 62–67.

——— 1991

ГЕРД А. С., “К реконструкции эталонной модели церковнославянского языка”, *Советское славяноведение*, 3, 1991, 64–60.

——— 1998

ГЕРД А. С., *Церковнославянский язык. Лингвистические аспекты*, С.-Петербург, 1998.

ГЕРД, ФЕДЕР 2003

ГЕРД А. С., ФЕДЕР В., *Церковнославянские тексты и церковнославянский язык*, С.-Петербург, 2003.

ГЕРД ET AL. 1974

МЕЩЕРСКИЙ Н. А., отв. ред., ГЕРД А. С., КАПОРУЛИНА Л. В., КОЛЕСОВ В. В., РУСКОВА М. П., ЧЕРЕПАНОВА О. А., *Именное склонение в славянских языках XI–XIV вв. Лингвостатистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности*, Ленинград, 1974.

——— 1977

МЕЩЕРСКИЙ Н. А., отв. ред., ГЕРД А. С., КАПОРУЛИНА Л. В., КОЛЕСОВ В. В., РУСКОВА М. П., ЧЕРЕПАНОВА О. А., *Именное склонение в славянских языках XV–*

- XVI вв. *Лингвостатистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности*, Ленинград, 1977.
- ГИЛЬТБРАНДТ 1882–1885
Гильтбрандт П. А., *Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету*, 1–6, С.-Петербург, 1882–1885 [репринт: München, 1988–1989].
- 1898
Гильтбрандт П. А., *Справочный и объяснительный словарь к Псалтыри*, С.-Петербург, 1898 [репринт: München, 1993].
- ГОРШКОВ 1987
Горшков А. И., “Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке”, in: [Жуковская 1987в: 7–29].
- ДИНЕКОВ, ГРАШЕВА 1985–2004
Диников П., Грашева Л., ред., *Кирило-Методиевска енциклопедия*, 1–4, София, 1985–2004.
- ДУЙЧЕВ, КИРМАГОВА, ПАУНОВА 1983
Дуйчев И., Кирмагова А., Паунова А., *Кирилometодиевска библиография, 1940–1980*, София, 1983.
- ДУРНОВО 1924–1927
Дурново Н. Н., “Русские рукописи XI–XII вв. как памятники старославянского языка”, *Južnoslovenski filolog*, 6, 1924, 72–94; 5, 1925–1926, 93–117; 6, 1926–1927, 11, 64 (Перепечатано в: [Идем 2000: 391–49]).
- 2000
Дурново Н. Н., *Избранные работы по истории русского языка*, Москва, 2000.
- ЖИВОВ 1988
Живов В. М., “Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков”, in: *Актуальные проблемы славянского языкознания*, Москва, 1988, 49–98.
- 1996а
Живов В. М., *Язык и культура в России XVIII века*, Москва, 1996.
- 1996в
Живов В. М., “О церковнославянском языке”, in: А. А. Плетнева, А. Г. Кравецкий, *Церковно-славянский язык*, Москва, 1996, 12–23.
- 1998–1999
Живов В. М., “Первый литературный язык славян”, *Ricerche slavistiche*, 45–46, 1998–1999, 99–136.
- 2000
Живов В. М., “Н. Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания”, in: [Дурново 2000: 7–37].
- 2004
Живов В. М., *Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков*, Москва, 2004.
- 2006
Живов В. М., *Восточнославянское правописание XI–XIII века*, Москва, 2006.
- 2009
Живов В. М., “[рец.:] Герд А. С., Лингвистическая типология древнеславянских текстов. С.-Петербург, 2008”, *Русский язык в научном освещении*, 1, 2009, 312–314.
- 2017
Живов В. М., *История языка русской письменности*, 1–2, Москва, 2017.

Живов, Кайперт 1996

Живов В. М., Кайперт Г., “О месте грамматики И. В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского”, *Вопросы языкознания*, 6, 1996, 3–30.

Жуковская 1969

Жуковская Л. П., “Памятники русской и славянской письменности XI–XIV вв. в книгохранилищах СССР”, *Советское славяноведение*, 1, 1969, 57–71.

— 1976

Жуковская Л. П., *Текстология и язык древнейших славянских памятников*, Москва, 1976.

— 1987А

Жуковская Л. П., “Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV – 1-й пол. XVI в. (Об ошибочном понятии ‘второе южнославянское влияние’)”, in: [ЕАДЕМ 1987В: 144–176].

— 1987В

Жуковская Л. П., отв. ред., *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому*, Москва, 1987.

Запольская 1991

Запольская Н. Н., *История русского литературного языка. Методические указания для студентов филологических факультетов государственных университетов*, Москва, 1991.

Иванова-Мирчева 1969

Иванова-Мирчева Д., “Старобългарски, старославянски и среднебългарската редакция на старославянски”, in: *Константин-Кирил Философ*, София, 1969, 45–62.

— 1999–2009

Иванова-Мирчева Д., *Старобългарски речник*, 1–2, София, 1999–2009.

Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999

Иванова-Мирчева Д., Харалампиев И., *История на българския език*, Велико Търново, 1999.

Ильинский 1934

Ильинский Г. А., *Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии*, София, 1934.

Исаченко 1958

Исаченко А. В., “Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов”, *Вопросы языкознания*, 3, 1958, 42–45.

Карпова, Нимчук 1987

Карпова В. Л., Нимчук В. В., ред., *Словарь старославянского языка восточнославянской редакции XI–XIII вв.*, Киев, 1987.

Карский 1928

Карский Е. Ф., *Славянская кирилловская палеография*, Ленинград, 1928 [репринт: Москва, 1979].

Касаткин 1990

Касаткин Л. Л., “Церковнославянский язык”, in: В. Н. Ярцева, ред., *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва, 1990, 575–576.

— 1997

Касаткин Л. Л., “Церковно-славянский язык”, in: Ю. Н. Караулов, глав. ред., *Русский язык. Энциклопедия*, Москва, 1997, 615–616.

Кондрашов 1967

Кондрашов Н. А., сост., ред., *Пражский лингвистический кружок. Сборник статей*, Москва, 1967.

- КОНЕСКИ 1967
КОНЕСКИ Б., *Историја на македонскиот јазик*, Скопје, 1967.
- КОПОРСКАЯ 1988
КОПОРСКАЯ Е. С., *Семантичка историја славянизмов в руском литературном языке нового времени*, Москва, 1988.
- КОПЫЛЕНКО 1966
КОПЫЛЕНКО М. М., “Как следует называть язык древнейших памятников славянской письменности?”, *Советское славяноведение*, 1, 1966, 36–41.
- КРАВЕЦКИЙ, ПЛЕТНЕВА 2001
КРАВЕЦКИЙ А. Г., ПЛЕТНЕВА А. А., *История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.)*, Москва, 2001.
- 2016
КРАВЕЦКИЙ А. Г., ПЛЕТНЕВА А. А., ред., *Большой словарь церковнославянского языка нового времени*, 1: А–Б, Москва, 2016.
- КРИВКО 2016
КРИВКО Р. Н., “Языковые особенности древнейшего списка Учительного евангелия Константина Пресвитера: от восточнославянской рукописи к южнославянскому архетипу”, *Slověne*, 5/2, 2016, 340–363.
- КРЫСЬКО 2005
КРЫСЬКО В. Б., изд., подг. греч. текста, коммент., словоуказатели, *Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131*, Москва, 2005.
- ЛЕСКИН 1890
ЛЕСКИН А., *Грамматика старославянского языка А. Лескина. Перевод с немецкого с дополнением по языку Остромирова Евангелия*, Москва, 1890.
- ЛИХАЧЕВ 1962
ЛИХАЧЕВ Д. С., *Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.)*, Москва, Ленинград, 1962.
- ЛОЗОВАЯ, ШЕВЧУК 2000
ЛОЗОВАЯ И. Е., ШЕВЧУК Е. Ю., “Церковное пение”, in: *Православная энциклопедия. Русская православная церковь*, Москва, 2000, 599–610.
- ЛОМОНОСОВ 1758/2011
ЛОМОНОСОВ М. В., “Предисловие о пользе книг церковных в российском языке”, in: ИДЕМ, *Полное собрание сочинений, 7: Труды по филологии, 1739–1758*, Москва, С.-Петербург, 2011, 467–472, 785–794.
- ЛЮДОГОВСКИЙ 2003
ЛЮДОГОВСКИЙ Ф. Б., “Современный церковнославянский минейный корпус: состав и структура”, in: А. М. Молдован, А. Г. Кравецкий, ред., *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2002–2003*, Москва, 2003, 500–528.
- МАЛКОВА 1987
МАЛКОВА О. В., “Древнерусское литургическое произношение в южной Руси в XII–XIII вв.”, in: [Жуковская 1987в: 129–143].
- МАТХАУЗЕРОВА 1979
МАТХАУЗЕРОВА С., *Древнерусские теории искусства слова (= Acta Universitatis Carolinae Philologica: Monographia, 63)*, Прага, 1976 [1979].
- МИЛАНОВИЋ 2004
МИЛАНОВИЋ А., *Кратка историја српског књижевног језика*, Београд, 2004.
- МИНЧЕВА 1987
МИНЧЕВА А., *Старобългарският език в светлината на балканистиката*, София, 1987.

МИРОНОВА 2001

МИРОНОВА Т. Л., *Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X–XI вв.*, Москва, 2001.

МИРЧЕВ 1978

МИРЧЕВ К., *Историческа граматика на българския език*, София, 1978.

МЛАДЕНОВ 1931

МЛАДЕНОВ С., “Последните възражения против старобългарското име на кирило-методиевия език с оглед към новобългарски”, *Prace filologiczne*, 15/2, 1931, 305–335.

——— 1979

МЛАДЕНОВ С., *История на българския език*, София, 1979.

МЛАДЕНОВИЋ 1969

МЛАДЕНОВИЋ А., “Однос између домаћих и рускословенских елемената у књижевном језику код Срба пре његове Вуковске стандардизације”, *Зборник за филологију и лингвистику*, 12, 1969, 43–51.

МОЖАЕВА 1980

МОЖАЕВА И. Е., *Библиографија по кирилло-мефодиевској проблематици, 1945–1974 гг.*, Москва, 1980.

МОЛДОВАН 1986

МОЛДОВАН А. М., “Палеославянская лексикография”, in: *Славянская историческая и этимологическая лексикография (1970–1980 гг.): итоги и перспективы*, Москва, 1986, 18–28.

НИМЧУК 1964

НИМЧУК В. В., підг. текстів, вступ. ст., *Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская*, Київ, 1964.

ПИККИО 2003

ПИККИО Р., *Slavia orthodoxa: Литература и язык*, Москва, 2003.

ПИЧХАДЗЕ 2011

ПИЧХАДЗЕ А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*, Москва, 2011.

ПОПРУЖЕНКО, РОМАНСКИ 1942

ПОПРУЖЕНКО М. Г., РОМАНСКИ С., *Кирилометодиевска библиографија за 1934–1940 год*, София, 1942.

РОБИНСОН 1998

РОБИНСОН М., “Влияние идеологии на изучение литературы русского средневековья”, in: *Veda a ideológia v dejinách slavistiky. Materiály z konferencie Stará Lesná, September 1997*, Bratislava, 1998, 122–135.

РЦЈМР 2000–

РИБАРОВА З., ред., *Речник на црковнословенскиот јазик од македонска редакција*, 1–9–, Скопје, 2000–2008–.

САВИЋ 2016

САВИЋ В., “Српска редакција црквенославенског језика: од св. Климента, епископа словенског, до св. Саве, архиепископа српског”, *Slověne*, 5/2, 2016, 231–339.

САВИЋ, ЈОВАНОВИЋ 2007

САВИЋ В., сост., ЈОВАНОВИЋ Г., ур., *Српскословенски речник јеванђеља. Огледна свеска*, Београд, 2007.

СЕДАКОВА 2005

СЕДАКОВА О. А., *Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю*, Москва, 2005.

— 2008

СЕДАКОВА О. А., *Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы*, Москва, 2008.

СИРОМАХА, УСПЕНСКИЙ 1987

СИРОМАХА В. Г., УСПЕНСКИЙ Б. А., “Кавычные книги 50-х гг. XVII века”, in: *Археографический ежегодник за 1986 год*, Москва, 1987, 75–84.

СЛРЯ XVIII в. 1984–2011, 1–19–

Словарь русского языка XVIII века, 1–19–, Ленинград, С.-Петербург, 1984–2011–.

СОБОЛЕВСКИЙ 1900

СОБОЛЕВСКИЙ А. И., “Церковнославянские тексты моравского происхождения”, *Русский филологический вестник*, 43, 1900, 150–217.

СОВЕТУВАНЈЕ 1989

Советуванје за работата врз редакциските речници на црковнословенскиот јазик во југословенските центри, Скопје, 1989.

СУПРУН, МОЛДОВАН 2005

СУПРУН А. Е., МОЛДОВАН А. М., “Старославянский и церковнославянский язык”, in: *Языки мира. Славянские языки*, Москва, 2005, 29–69.

ТОЛСТОЙ 1961

ТОЛСТОЙ Н. И., “К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян”, *Вопросы языкознания*, 1, 1961, 52–66 (перепечатано в: [ИДЕМ 1988: 34–52]).

— 1962

ТОЛСТОЙ Н. И., “Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII–XVIII вв.”, in: *Вопросы образования восточнославянских национальных языков*, Москва, 1962, 5–21 (перепечатано в: [ИДЕМ 1988: 87–108]).

— 1963

ТОЛСТОЙ Н. И., “Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.)”, in: *Славянское языкознание, 5-й Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*, Москва, 1963, 230–272 (перепечатано в: [ИДЕМ 1988: 52–87]).

— 1976

ТОЛСТОЙ Н. И., “Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.)”, in: *Вопросы русского языкознания*, 1, Москва, 1976, 177–204 (перепечатано в: [ИДЕМ 1988: 108–127]).

— 1978

ТОЛСТОЙ Н., “Однос старог српског књишког језика према старом словенском језику”, in: *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 8, Београд, 1978, 15–25 (русский перевод “Отношение древнесербского книжного языка к древнеславянскому языку (В связи с развитием жанров в древнесербской литературе)”, in: [Толстой 1988: 164–173]).

— 1982

ТОЛСТОЙ Н. И., “Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян”, in: *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*, Москва, 1982, 236–249.

— 1988

ТОЛСТОЙ Н. И., *История и структура славянских литературных языков*, Москва, 1988.

— 1989

ТОЛСТОЙ Н. И., “Древнеславянский литературный язык в XII–XIV вв. (его функции и специфика)”, in: *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма*, Москва, 1989, 14–24.

——— 1990

Толстой Н. И., “Старославянский язык”, in: В. Н. ЯРЦЕВА, ред., *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва, 1990, 491–492.

——— 1995

Толстой Н. И., “*Slavia orthodoxa* и *Slavia latina*. Общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки)”, *Ricerche slavistiche*, 42, 1995, 89–102.

Тот 1985

Тот И., *Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI – начале XII вв.*, София, 1985.

Трубецкой 1927

Трубецкой Н. С., “Общеславянский элемент в русской культуре”, in: ИДЕМ, *К проблеме русского самопознания*, Париж, 1927, 54–94 (перепечатано: *Вопросы языкознания*, 2, 1990, 121–139; 3, 114–134; здесь цит. по: ИДЕМ, *История. Культура. Язык*, Москва, 1995, 162–208).

Турилов 2000

Турилов А. А., “Духовная литература и письменность. X–XVII вв.”, in: *Православная энциклопедия. Русская православная церковь*, Москва, 2000, 372–406.

——— 2002

Турилов А. А., гл. ред., *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век, 1: Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская*, Москва, 2002.

Успенский 1968

Успенский Б. А., *Архаическая система церковнославянского произношения. (Из истории литургического произношения в России)*, Москва, 1968.

——— 1969

Успенский Б. А., *Из истории русских канонических имен. (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам)*, Москва, 1969.

——— 1973

Успенский Б. А., “Древнерусские кондакари как фонетический источник”, in: *Славянское языкознание. 7-ой Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*, Москва, 1973, 314–346 (перепечатано в: [ИДЕМ 1997: 209–245]).

——— 1983

Успенский Б. А., *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка*, Москва, 1983.

——— 1984

Успенский Б. А., “Старославянский и церковнославянский”, in: *Актуальные проблемы изучения и преподавания старославянского языка*, Москва, 1984, 43–53.

——— 1985

Успенский Б. А., *Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни*, Москва, 1985.

——— 1987

Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, München, 1987.

——— 1988А

Успенский Б. А., “Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (чтение еров)”, in: *Актуальные проблемы славянского языкознания*, Москва, 1988, 99–156 (перепечатано в: [ИДЕМ 1997: 143–208]).

- 1988в
Успенский Б. А., “М. В. Ломоносов о соотношении церковнославянского, древнерусского и «древнего славянского» языков”, *Kalbotyra: Mokslo darbai*, 39/2, 1988, 13–20 (перепечатано в: [ИДЕМ 1997: 657–666]).
- 1995
Успенский Б. А., “История русского литературного языка как межславянская дисциплина”, *Вопросы языкознания*, 1, 1995, 121–142 (перепечатано в: [ИДЕМ 1997: 121–142]).
- 1997
Успенский Б. А., *Избранные труды*, 3: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 1997.
- 2002
Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, Москва, 2002.
- Филин 1981
Филин Ф. П., *Истоки и судьбы русского литературного языка*, Москва, 1981.
- Филкова 1986
Филкова П. Д., *Староболгаризмы и церковнославянизмы в лексике русского литературного языка. Учебный словарь*, 1–3, София, 1986.
- 1988
Филкова П. Д., “Староболгарский вклад в развитие лексики русского литературного языка”, in: *Славянска филология*, 19: *Езикознание*, София, 1988, 64–74.
- ХАБУРГАЕВ 1984
ХАБУРГАЕВ Г. А., “Старославянский – церковнославянский – русский литературный”, in: *История русского языка в древнейший период* (= Вопросы русского языкознания, 5), Москва, 1984, 5–35.
- 1988
ХАБУРГАЕВ Г. А., “Старославянский как язык средневековой славянской культуры”, in: *Актуальные проблемы славянского языкознания*, Москва, 1988, 5–48.
- 1994
ХАБУРГАЕВ Г. А., *Первые столетия славянской письменной культуры. Истоки древнерусской книжности*, Москва, 1994.
- Цейтлин 1963
Цейтлин Р. М., “[Ответ]”, in: *Славянска филология*, 1: *Отговори на въпросите за научната анкета по езикознание*, София, 1963, 15.
- 1994
Цейтлин Р. М., ред., *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, Москва, 1994.
- Црвенковска 2016
Црвенковска Э., “Првобитниот словенски комплекс на богослужбени книги по византиски обред («корпусот на Климент») и формирањето на македонската редакција на црковнословенскиот”, *Slovĕne*, 5/2, 2016, 198–230.
- ШАХМАТОВ 1915
ШАХМАТОВ А. А., *Очерк древнейшего периода истории русского языка*, Петроград, 1915.
- 1925
ШАХМАТОВ А. А., *Очерк современного русского литературного языка*, Ленинград, 1925.
- Шмидт 1984
Шмидт С. О., ред., *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.*, Москва, 1984.
- Щепкин 1918
Щепкин В. Н., *Русская палеография*, Москва, 1918 [репринт: Москва, 1967].

AITZETMÜLLER 1958–1975, 1–7

AITZETMÜLLER R., *Das Hexaameron des Exarchen Johannes*, 1–7, Graz, 1958–1975.

——— 1991

AITZETMÜLLER R., *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft*, 2., verbesserte und erweiterte Auflage, Freiburg i. Br., 1991.

BABIČ 2000

BABIČ W., *Vpliv vzhodne cerkvene slovanščine na hrvaške glagolske tekste v 17. in 18. stoletju*, Ljubljana, 2000.

BESTERS-DILGER 1992

BESTERS-DILGER J., *Andrej M. Kurbskij als Übersetzer. Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert*, Freiburg i. Br., 1992.

BIELFELDT 1961

BIELFELDT H. H., *Altslawische Grammatik. Einführung in die slawischen Sprachen*, Halle (Saale), 1961.

BIRNBAUM 1985

BIRNBAUM H., "Zur Problematik des Westkirchenslavischen," in: *Litterae slavicae Medii aevi Fr. V. Mareš Sexagenario oblatae*, München, 1985, 53–65.

BIRNBAUM, SCHAEKEN 1997

BIRNBAUM H., SCHAEKEN J., *Das altkirchenslavische Wort. Bildung – Bedeutung – Herleitung* (= Altkirchenslavische Studien, 1), München 1997.

——— 1999

BIRNBAUM J., SCHAEKEN J., *Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte – Laute und Schriftzeichen – Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionsmustern)* (= Altkirchenslavische Studien, 2), München, 1999.

BOBRIK 2011

BOBRIK M., "Zwischen Ostrog und Petersburg: Die kirchenslavische Bibel im 16. – 18. Jh.," *Ostkirchliche Studien*, 60/1, 2011, 48–68.

BUJUKLIEV 2014

BUJUKLIEV I., "Sprachbewusstsein bei den orthodoxen Slaven," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1335–1344].

BUNČIĆ 2006

BUNČIĆ D., *Die ruthenische Schriftsprache bei Ivan Uževyč unter besonderer Berücksichtigung der Lexik seines Gesprächsbuchs Rozmova/Besěda. Mit Wörterverzeichnis und Indizes zu seinem ruthenischen und kirchenslavischen Gesamtwerk*, München, 2006.

CAPALDO 2006

CAPALDO M., dir., *Lo spazio letterario del Medioevo*, 3: *Le culture circostanti*, 3: *Le culture slave*, Roma, 2006.

CHRISTIANS 2001

CHRISTIANS D., *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember. Slavisch-griechisch-deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts*, Wiesbaden, 2002.

COSTANTINI 1972

COSTANTINI L., "Note sulla questione della lingua presso i Serbi tra il XVIII e il XIX secolo," in: *Studi sulla questione della lingua presso gli Slavi*, Roma, 1972, 163–224.

DAMJANOVIĆ 1984

DAMJANOVIĆ S., *Tragom jezika hrvatskih glagoljaša*, Zagreb, 1984.

——— 1993

DAMJANOVIĆ S., *Glasovi i oblici općeslavenskoga književnog jezika*, Zagreb, 1993.

- 1995
DAMJANOVIĆ S., *Jezik otačaski*, Zagreb, 1995.
- 2002
DAMJANOVIĆ S., *Slovo iskona. Staroslavenska/starohrvatska čitanka*, Zagreb, 2002.
- DE VINCENZ 1988
DE VINCENZ A., “Zum Wortschatz der westlichen Slavenmission,” *Slavistische Studien zum X. Internationalen Slavistenkongreß in Sofia 1988*, Köln, Wien, 1988, 273–295.
- DESCHLER 2003
DESCHLER J.-P., *Kleines Wörterbuch der kirchenslavischen Sprache*, München, 2003.
- DIDDI 2007
DIDDI CR., “Sul problema delle traduzioni dal latino in paleoslavo (annotazioni in margine),” *Europa orientalis*, 26, 2007, 181–202.
- DJAMO-DIACONIȚĂ 1975
DJAMO-DIACONIȚĂ L., “Redacția românească limbii slavone,” in: P. OLTEANU, coord., *Slava veche și slavona românească*, București, 1975, 256–301.
- DOBROVSKÝ 1806
DOBROVSKÝ J., “Über die Altslawonische Sprache nach Schlözer, mit Anmerkungen von J. D.,” in: *Slavin*, Prag, 1806, 362–388.
- DOSTÁL 1959
DOSTÁL A., “Staroslověňština jako spisovný jazyk,” *Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury*, 3, 1959, 129–137.
- DURNOVO 1929A
[DURNOVO N. N.,] “Les problèmes actuels du slave d’église,” *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1, 1929, 21–23.
- 1929B
DURNOVO N. N., “Sur le problème du vieux-slave,” *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1, 1929, 139–145.
- FAHL, FAHL 2013
GOLTZ H., PROCHOROV G. M., Hrsg., *Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von starec Isaija (14. Jahrhundert)*, 5, S. FAHL, D. FAHL, Hrsg., *Untersuchungen*, Freiburg i. Br., 2013.
- FREIDHOF 1972
FREIDHOF G., *Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabäer*, Frankfurt a. M., 1972.
- GADŽIJEVA ET AL. 2014
GADŽIJEVA S., KOVAČEVIĆ A., MIHALJEVIĆ M., POŽAR S., REINHART J., ŠIMIĆ M., VINCE J., *Hrvatski crkvenoslavenski jezik*, M. MIHALJEVIĆ, ur. (= Bibliotheca glagolitica croatica, 1), Zagreb, 2014.
- GARDNER 1983–1987
GARDNER, J. VON., *Gesang der russisch-orthodoxen Kirche*, 1–2, Wiesbaden, 1983–1987.
- GARVIN 1959
GARVIN P., “The Standard Language Problem—Concepts and Methods,” *Anthropological Linguistics*, 1/3, 1959, 28–31.
- GLIBETIĆ 2015
GLIBETIĆ N., “A New 11th Century Glagolitic Fragment from St Catherine’s Monastery: The Midnight Prayer of Early Slavic Monks in the Sinai,” *Археолошки прилози*, 37, 2015, 11–47.

GRACIOTTI 2006

GRACIOTTI S., "Le lingue letterarie degli Slavi in epoca medievale," in: [CAPALDO 2006: 187–241].

GUTSCHMIDT ET AL. 2014

GUTSCHMIDT K., KEMPGEN S., BERGER T., KOSTA P., Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 2, Berlin, New York, 2014.

HAARMANN 2002

HAARMANN H., *Lexikon der untergegangenen Sprachen*, München, 2002.

HAMM 1963

HAMM J., "Hrvatski tip crkvenoslovenskog jezika," *Slovo*, 13, 1963, 43–67.

——— 1971

HAMM J., "Ruska redakcija u glagoljskim spomenicima," *Slovo*, 21, 1971, 213–222.

HANNICK 1998

HANNICK CHR., "Die Rekonstruktion der altslavischen Evangelien bei Josef Vajs und ihre vermeintlichen griechischen Vorlagen," in: *Interpretation of the Bible*, Ljubljana, Sheffield, 1998, 943–958.

HANSACK 1975

HANSACK E., *Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung*, 1, Würzburg, 1975.

HINRICHS 2004A

HINRICHS U., "Ist das Bulgarische kreolisiertes Altbulgarisch?" in: U. Hinrichs, U. Büttner, Hrsg., *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp*, Wiesbaden, 2004, 231–242.

——— 2004B

HINRICHS U., "Wann, warum und wie wurde das Bulgarische zu einer analytischen Sprache? – Ein Beitrag zur Entmystifizierung der Slavistik," *Zeitschrift für Slawistik*, 49, 2004, 381–419.

HOLZER 2002

HOLZER G., "Altkirchenslawisch," in: *Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens*, Klagenfurt, Celovec, 2002, 187–202.

HORBATSCH 1964

HORBATSCH O., *Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryc'kyj*, Wiesbaden, 1964.

JAGIĆ 1896/1968

JAGIĆ V., *Codex slavonicus rerum grammaticarum. = Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке*, Berlin 1896 [reprint: München, 1968].

JEDLIČKA 1977

JEDLIČKA A., ed., *Slovník slovanské lingvistické terminologie*, Praha, 1977.

KÄMMERER 1977

KÄMMERER H., *Untersuchungen zur Flexion der Substantive in der bulgarischen Schriftsprache des 14./15. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur historischen Morphologie*, München, 1977.

KEIPERT 1977–1985, 1–2

KEIPERT H., *Die Adjektive auf -теѣнь. Studien zu einem kirchenslavischen Wortbildungstyp*, 1–2, Wiesbaden, 1977–1985.

——— 1985

KEIPERT H., "Nil Kurljatev und die russische Sprachgeschichte," in: *Litterae slavicae Medii aevi Fr. V. Mareš Sexagenario oblatae*, München, 1985, 143–156.

- 1987
KEIPERT H., "Kirchenslavisch und Latein. Über die Vergleichbarkeit zweier mittelalterlicher Kultursprachen," in: *Sprache und Literatur Altrußlands. Aufsatzsammlung*, Münster, 1987, 81–109.
- 1988
Keipert H., "Die Christianisierung Rußlands als Gegenstand der russischen Sprachgeschichte," in: *Tausend Jahre Christentum in Rußland. Zum Millennium der Taufe der Kiever Rus'*, Göttingen, 1988, 313–346.
- 1998
KEIPERT H., "Cerkovnoslavjanskij: eine Sprachbezeichnung als Problem der Wortbildungslehre," in: *Лику языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской*, Москва, 1998, 143–152.
- 1999A
KEIPERT H., "Nochmals zur Kontaminationsproblematik in Nr. 5 des »Codex Suprasliensis«, " *Prace filologiczne*, 44, 1999, 275–280.
- 1999B
KEIPERT H., "Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile," *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 58, 1999, 19–42.
- 1999C
KEIPERT H., "Die Kirchenslavisch-These des Cercle linguistique de Prague," in: *Festschrift für Klaus Trost zum 65. Geburtstag*, München, 1999, 123–133.
- 2001
KEIPERT H., "Kirchenslavisch als Konstrukt," *Slavia*, 70, 2001, 374–381.
- 2002
KEIPERT H., "Die Historizität des Slavischen in A. Ch. Vostokovs »Rassuždenie o Slavjanskom jazyke«, " in: *Historizem v raziskovanju slovenskega jezika, literature in kulture*, Ljubljana, 2002, 109–126.
- 2004
KEIPERT H., "Wie alt ist der Altbulgarisch-Begriff?" in: *Normen, Namen und Tendenzen der Slavia. Festschrift für K. Gutschmidt*, München, 2004, 493–500.
- 2006A
KEIPERT H., Hrsg. mit M. Š.FAJNŠTEJN, *Das „Sprache“-Kapitel in August Ludwig Schlözers „Nestor“ und die Grundlegung der historisch-vergleichenden Methode für die slavische Sprachwissenschaft. Mit einem Anhang: Josef Dobrovskýs „Slavin“-Artikel „Über die Altslawonische Sprache nach Schlözer“ und dessen russische Übersetzung von Aleksandr Chr. Vostokov*, Göttingen, 2006.
- 2006B
KEIPERT K., "Церковнославянский in verordnetem Vergessen," in: *Jezikovna predanost. Akademiku prof. dr. Jožetu Toporišiču ob 80-letnici*, Maribor, 2006, 129–144.
- 2009
KEIPERT K., "Das Kirchenslavisch-Kapitel in A. S. Budilovičs »Общеславянский язык« (1892)," *Slavia*, 78/3–4, 2009, 379–387.
- 2014
KEIPERT H., "Kirchenslavisch-Begriffe," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1212–1252].
- KEMPGEN 1995
KEMPGEN S., *Russische Sprachstatistik. Systematischer Überblick und Bibliographie*, München, 1995.
- KLOSS 1987
KLOSS H., "Abstandsprache und Ausbausprache," in: *Sociolinguistics / Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society*, 1, Berlin, New York, 1987, 302–308.

KOCH 1990

KOCH CHR., *Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums*, 1–2, München, 1990.

KOCIUBA 1975

KOCIUBA O., "The Grammatical Sources of Meletij Smotryč'kyj's Church Slavonic Grammar of 1619" (Ph.D. Diss., Columbia University, Ann Arbor, 1975).

KRONSTEINER 1985

KRONSTEINER O., "Altbulgarisch und/oder Altkirchenslavisch. Eine Glosse zu slavistischen Benennungsmythen," *Die slavischen Sprachen*, 9, 1985, 119–128.

KUNA 1965

KUNA H., "Redakcije staroslovenskog kao literarni jezik Srba i Hrvata," *Slovo*, 15–16, 1965, 183–199.

LESKIEN 1886

LESKIEN A., *Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik, Texte, Glossar*, Weimar, 1886.

LUDOLF 1696

LUDOLF H. W., *Grammatica Russica*, Oxonii, A.D. MDCXCVI [Nachdruck: Oxford, 1959].

LUKAN 1995

LUKAN W., "Bartholomäus Kopitars »Bibliothekarischer Bericht« – Ein Dokument des Austroslawismus und die Probleme seiner Veröffentlichung," *Österreichische Osthefte*, 37/1, 1995, 147–194.

MAREŠ 1979

MAREŠ FR. W., *An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin*, München, 1979.

— 1986

MAREŠ FR. V., "Vom Urslavischen zum Kirchenslavischen," in: *Einführung in die slavischen Sprachen*, Darmstadt, 1986, 1–19.

— 1988

MAREŠ FR. V., "Die neukirchenslavische Sprache des russischen Typus und ihr Schriftsystem," in: П. А. ГИЛЬТБРАНДТ, *Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету. Nachdruck*, 2, München, 1988, v–xxxvii.

— 1990

MAREŠ FR. W., "Altkirchenslavische Lexikographie," in: *Wörterbücher [. . .]. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie*, 2, Berlin, New York, 1990, 2255–2268.

MARTI 1987A

MARTI R., "Archaismen im Altrussischen," in: *Sprache und Literatur Altrußlands. Aufsatzsammlung*, Münster, 1987, 111–124.

— 1987B

MARTI R., "La langue de Constantine-Cyrille et Méthode," *Cyrrillomethodianum*, 11, 1987, 89–102.

— 1988

MARTI R., "Slavia orthodoxa als literar- und sprachhistorischer Begriff," in: *Studies on the Slavo-Byzantine and West-European Middle Ages. In Memoriam Ivan Dujčev* (= *Studia slavico-byzantina et medievalia europensia*, 1), Sofia, 1988, 193–200.

— 2014

MARTI R., "Wirkungsgeschichte des Kirchenslavischen," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1326–1335].

MATHIESEN 1972

MATHIESEN R., "The Inflectional Morphology of the Synodal Church Slavonic Verb" (Ph.D. Diss., Columbia University, New York, 1972, Ann Arbor 1972).

- 1979
MATHIESEN R., "Bible, Church Slavonic," in: *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literature*, 3, Gulf Breeze, 1979, 5–12.
- 1984
MATHIESEN R., "The Church Slavonic Language Question: An Overview (IX–XX Centuries)," in: *Aspects of the Slavic Language Question*, 1: *Church Slavonic–South Slavic–West Slavic*, New Haven, 1984, 46–65.
- 2008
MATHIESEN R., "The System and Nature of Church Slavonic Literature (Fifty Theses)," in: *Slavia Orthodoxa & Slavia Romana. Essays Presented to Riccardo Picchio by his Students on the Occasion of his Eightieth Birthday*, New Haven, 2008, 175–207.
- MIHALJEVIĆ, REINHART 2005
MIHALJEVIĆ M., REINHART J., "The Croatian Redaction: Language and Literature," *Incontri linguistici*, 28, 2005, 31–82.
- MIKLAS 2000
MIKLAS H., Hrsg., *Glagolitica: Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur* (= Schriften der Balkan-Kommission, philologische Abteilung, 41), Wien, 2000.
- MIKLAS, SADOVSKI 2014
MIKLAS H., SADOVSKI V., "Die Struktur des Altkirchenslavischen," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1252–1275].
- MIKLOSICH 1876
MIKLOSICH FR., *Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung*, Wien, 1876.
- MLADENOV 1929
MLADENOV S., *Geschichte der bulgarischen Sprache*, Berlin, Leipzig, 1929.
- NAZOR 2002
NAZOR A., "Die glagolitische Schrift," in: *Drei Schriften, Drei Sprachen. Kroatische Schriftdenkmäler und Drucke durch Jahrhunderte*, Zagreb, 2002, 31–49, 251–257.
- ONASCH 1962
ONASCH K., *Einführung in die Konfessionskunde der orthodoxen Kirchen*, Berlin, 1962.
- PICCHIO 1967
PICCHIO R., "Slave ecclésiastique, slavons et rédactions," in: *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventeenth Birthday*, 2, The Hague, Paris, 1967, 1527–1544.
- 1980
PICCHIO R., "Church Slavonic," in: *The Slavic Literary Languages*, New Haven, 1980, 1–33, 248–252.
- 1982
PICCHIO R., "On Church Slavonic Isonorms," *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 25–26, 1982, 367–379.
- 1991
PICCHIO R., "Slavia ortodossa e Slavia romana," in: IDEM, *Letteratura della Slavia ortodossa (IX–XVIII sec.)*, Bari, 1991, 7–83.
- 1998
PICCHIO R., "Open Questions in the Study of the 'Orthodox Slavic' and 'Roman Slavic' Variants of Slavic Culture," in: *Contributi italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti (Cracovia 26 Agosto – 3 Settembre 1998)*, Napoli, 1998, 1–23.
- PICCHIO, GOLDBLATT 2008
PICCHIO R., GOLDBLATT H., "Guidelines to the Study of the Literary Civilization of Orthodox Slavdom," *Miscellanea Slavica. Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского*, Москва, 2008, 66–85.

PLÄHN 1973

PLÄHN J., *Die Wortabkürzungen des Oktoichъ učebnyj von 1915*, Wiesbaden, 1973.

——— 1975

PLÄHN J., "Das moderne russische Kirchenslavisch als linguistischer Gegenstand," *Zeitschrift für slavische Philologie*, 38, 1975, 90–110.

——— 1978

PLÄHN J., *Der Gebrauch des Modernen Russischen Kirchenslavisch in der Russischen Kirche*, Hamburg, 1978.

RCJHR 1991–

NAZOR A., ur., *Rečnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije*, 1–15–, Zagreb, 1991–2008–.

REINHART 2014

REINHART J., "Das Kroatisch-Kirchenslavische," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1294–1308].

SADNIK 1983

SADNIK L., *Des Hl. Johannes von Damaskus "Εκδοσις ἀκριβῆς τῆς ὁρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes, 4: Index und rückläufiges Wörterverzeichnis*, R. AITZETMÜLLER, Hrsg., Freiburg i. Br., 1983.

SADNIK, AITZETMÜLLER 1955

SADNIK L., AITZETMÜLLER R., *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*, Heidelberg, 's-Gravenhage, 1955.

SCHLÖZER 1802

SCHLÖZER A. L., "[Slavonische] Sprache," in: IDEM, *Nestorъ. Russische Annalen in ihrer Slavonischen GrundSprache verglichen, übersetzt, und erklärt*, 1, Göttingen 1802, 46–52.

SCHRAMM 2007

SCHRAMM G., *Slawisch im Gottesdienst. Kirchenwortschatz und neue Schriftsprachen auf dem Weg zu einem christlichen Südosteuropa*, München, 2007.

SJS 1966–1997

Slovník jazyka staroslověnského, 1–4, Praha, 1966–1997.

ŠACHMATOV, SHEVELOV 1960

ŠACHMATOV A. A., SHEVELOV G. Y., *Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache*, Wiesbaden, 1960.

STANKIEWICZ, WORTH 1964

STANKIEWICZ E., WORTH D. S., *A Selected Bibliography of Slavic Linguistics*, 1, The Hague, Paris, 1964.

TALEV 1973

TALEV I., *Some Problems of the Second South Slavic Influence in Russia*, München, 1973.

TASEVA, VOSS 2005

TASEVA L., VOSS CHR., "Altkirchenslavische Übersetzungen aus dem Griechischen," *Incontri linguistici*, 28, 2005, 101–117.

THEISSEN 1996

THEISSEN U., *Altbulgarisch-Deutsches Wörterbuch*, Salzburg, 1996.

THÈSES 1929

"Thèses," in: *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1, 1929, 5–29.

THOMSON 1988

THOMSON FR. J., "Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations," in: *Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius. Acts of the International Congress Held on the Eleventh Centenary of the Death of St. Methodius. Rome, October 8–11, 1985*, Roma, 1988, 351–380.

- 1998
THOMSON FR. J., "The Slavonic Translation of the Old Testament," in: *Interpretation of the Bible*, Ljubljana, Sheffield, 1998, 605–920.
- TOMELLERI 2004
TOMELLERI V. S., *Il Salterio commentato di Brunone di Würzburg in area slavo-orientale. Fra traduzione a tradizione (Con un appendice di testi)*, München, 2004.
- 2006
TOMELLERI V. S., "Traduzioni dal latino nella Slavia ortodossa," in: [CAPALDO 2006: 499–520].
- TROST 1978
TROST K., *Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchenslavischen. Die Abstrakta in der Hexaameronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469*, München, 1978.
- TRUNTE 1998
TRUNTE N. H., *Славенскии языкъ. Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen. Zugleich eine Einführung in die slavische Philologie, 2: Mittel- und Neukirchenslavisch*, München, 1998.
- 2003
TRUNTE N. H., *Словньнскѣи языкъ. Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen. Zugleich eine Einführung in die slavische Philologie, 1: Altkirchenslavisch, 5., völlig neu bearbeitete Auflage*, München, 2003.
- 2009
TRUNTE N. H., "Von Levaković zu Karaman. Die Überwindung der babylonischen Sprachverwirrung bei den Kroaten," in: *Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher*, München, Berlin, 2009, 295–319.
- 2014
TRUNTE N., "Neukirchenslavisch," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1320–1326].
- VEČERKA 1984
VEČERKA R., *Staroslověnština*, Praha, 1984.
- 1989–2003
VEČERKA R., *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*, 1–5, Freiburg i. Br., 1989–2003.
- VEDER 2005
VEDER W. R., "Dead on Arrival. Why Church Slavic Would Not Be Reanimated," in: *Speculum Slaviae Orientalis. Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*, Moscow, 2005, 222–231.
- VOSS 1997
VOSS CHR., *Die Paränesis Ephraim des Syrerers in südslavischen Handschriften des 14.–16. Jahrhunderts. Zur Lexik der altbulgarischen Erstübersetzung und ihrer Überlieferung*, Freiburg i. Br., 1997.
- 1999
VOSS CHR., "[Rez. zu:] Theissen, Ulrich: *Altbulgarisch-Deutsches Wörterbuch*. Salzburg 1996," *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 58, 1998, 185–188.
- 2004
VOSS CHR., "Südslavische Übersetzungskunst im Licht der griechischen Diglossieproblematik," in: *Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция, София 26-28 юни 2003*, София, 2004, 47–8.
- WEINGART 1939
WEINGART M., "Le vocabulaire du vieux-slave dans ses relations avec le vocabulaire grec," in: *Atti del V Congresso internazionale di studi bizantini*, 1: *Storia, filologia, diritto*, Roma, 1939, 564–577.

——— 1949

WEINGART M., *Československý typ církevní slovančiny, jeho památky a význam*, Bratislava, 1949.

WORTH 1983

WORTH D. S., "The 'Second South Slavic Influence' in the History of the Russian Literary Language (Materials for a Discussion)," in: *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983*, 1: *Linguistics*, Columbus (OH), 1983, 349–372.

ZETT 1970

ZETT R., *Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altserbische Periode*, Köln, Wien, 1970.

ZIFFER 1998

ZIFFER G., "Appunti sul problema della contaminazione nella letteratura slava ecclesiastica," in: *Contributi Italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti (Cracovia, 26 Agosto – 3 Settembre 1998)*, Napoli, 1998, 131–146.

——— 2014

ZIFFER G., "Slavia orthodoxa und Slavia romana," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1308–1319].

ZNOSKO 1996

ZNOSKO A., *Słownik cerkiewnosłowiański-polski*, Białystok, 1996.

ŽIVOV 2014

ŽIVOV V. M., "Das Kirchenslavische bei den Ostslaven," in: [GUTSCHMIDT ET AL. 2014: 1276–1294].

References

Aitzetmüller R., *Das Hexaëron des Exarchen Johannes*, 1–7, Graz, 1958–1975.

Aitzetmüller R., *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft*, 2., verbesserte und erweiterte Auflage, Freiburg i. Br., 1991.

Alekseev A. A., "[rev.:] Tolstoj N. I. History and Structure of Slavic Literary Languages," *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 1989, 149–155.

Alekseev A. A., *Textgeschichte der slavischen Bibel*, St. Petersburg et al., 1999.

Babič W., *Vpliv vzhodne cerkvene slovanščine na hrvaške glagolske tekste v 17. in 18. stoletju*, Ljubljana, 2000.

Besters-Dilger J., *Andrej M. Kurbskij als Übersetzer. Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert*, Freiburg i. Br., 1992.

Bielfeldt H. H., *Altslawische Grammatik. Einführung in die slavischen Sprachen*, Halle (Saale), 1961.

Birnbaum H., "Zur Problematik des Westkirchenslavischen," in: *Litterae slavicae Medii aevi Fr. V. Mareš Sexagenario oblatae*, München, 1985, 53–65.

Birnbaum H., Schaeken J., *Das altkirchenslavische Wort. Bildung – Bedeutung – Herleitung* (= Altkirchenslavische Studien, 1), München 1997.

Birnbaum J., Schaeken J., *Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte – Laute und Schriftzeichen – Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und*

Flexionsmustern) (= Altkirchenslavische Studien, 2), München, 1999.

Bobrik M. A., "Conceptions of the Correctness of Text and Language in the History of Book Emendation in Russia (XI–XVIII centuries)," *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 1990, 61–85.

Bobrik M., "Zwischen Ostrog und Petersburg: Die kirchenslavische Bibel im 16. – 18. Jh.," *Ostkirchliche Studien*, 60/1, 2011, 48–68.

Bonchev A., *Rechnik na tsürkovnoslavianskita ezik*, 1–2, Sofia, 2002–2012.

Bujukliev I., "Sprachbewusstsein bei den orthodoxen Slaven," in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*. = *The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 2, Berlin, New York, 2014, 1335–1344.

Bulanin D. M., Romanova A. A., Tvorogov O. V., Thomson Fr. J., Turilov A. A., *Katalog pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv. (rukopisnye knigi)* (= Studiorum slavicornum orbis, 7), St. Petersburg, 2014.

Bunčić D., *Die ruthenische Schriftsprache bei Ivan Uževič unter besonderer Berücksichtigung der Lexik seines Gesprächsbuchs Rozmova/Besëda. Mit Wörterverzeichnis und Indizes zu seinem ruthenischen und kirchenslavischen Gesamtwerk*, München, 2006.

Christians D., *Wörterbuch zum Gottesdienstmenämo für den Monat Dezember. Slavisch-griechisch-deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts*, Wiesbaden, 2002.

Costantini L., "Note sulla questione della lingua presso i Serbi tra il XVIII e il XIX secolo," in: *Studi sulla questione della lingua presso gli Slavi*, Roma, 1972, 163–224.

Crvenkovska E. "The Primary Slavic Complex of Liturgical Books of the Byzantine Rite ("Clement's corpus") and the Formation of the Macedonian Redaction of Church Slavonic," *Slověne*, 5/2, 2016, 198–230.

Damjanović S., *Tragom jezika hrvatskih glagoljaša*, Zagreb, 1984.

Damjanović S., *Glasovi i oblici općeslavenskoga književnog jezika*, Zagreb, 1993.

Damjanović S., *Jezik otačkasi*, Zagreb, 1995.

Damjanović S., *Slovo iskona. Staroslavenska/starohrvatska čitanka*, Zagreb, 2002.

De Vincenz A., "Zum Wortschatz der westlichen Slavenmission," *Slavistische Studien zum X. Internationalen Slavistenkongress in Sofia 1988*, Köln, Wien, 1988, 273–295.

Deschler J.-P., *Kleines Wörterbuch der kirchenslavischen Sprache*, München, 2003.

Diddi Cr., "Sul problema delle traduzioni dal latino in paleoslavo (annotazioni in margine)," *Europa orientalis*, 26, 2007, 181–202.

Dinekov P., Grasheva L., eds., *Kirilo-Metodievska entsiklopediia*, 1–4, Sofia, 1985–2004.

Djamo-Diaconiță L., "Redacția românească limbii slavone," in: P. Olteanu, coord., *Slava veche și slavona românească*, București, 1975, 256–301.

Dostál A., "Staroslověština jako spisovný jazyk," *Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury*, 3, 1959, 129–137.

Duichev I., Kirmagova A., Paunova A., *Kirilometodievska bibliografija, 1940–1980*, Sofia, 1983.

Durnovo N. N., "Les problèmes actuels du slave déglise," *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1, 1929, 21–23.

Durnovo N. N., "Sur le problème du vieux-slave," *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1, 1929, 139–145.

Durnovo N. N., *Izbrannye raboty po istorii russkogo iazyka*, Moscow, 2000.

Filin F. P., *Istoki i sud'by russkogo literaturnogo iazyka*, Moscow, 1981.

Filkova P. D., *Starobolgarizmy i tserkovnoslavianizmy v leksike russkogo literaturnogo iazyka. Uchebnyi slovar'*, 1–3, Sofia, 1986.

Filkova P. D., "Starobolgarskii vklad v razvitie leksiki russkogo literaturnogo iazyka," in: *Slavianska filologija*, 19: *Ezikoznanie*, Sofia, 1988, 64–74.

Freidhof G., *Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias,*

Judith, Sapientia und Makkabäer, Frankfurt a. M., 1972.

Gadžijeva S., Kovačević A., Mihaljević M., Požar S., Reinhart J., Šimić M., Vince J., *Hrvatski crkvenoslavenski jezik*, M. Mihaljević, ur. (= Bibliotheca glagolitica croatica, 1), Zagreb, 2014.

Gardner, J. von., *Gesang der russisch-orthodoxen Kirche*, 1–2, Wiesbaden, 1983–1987.

Garvin P., "The Standard Language Problem—Concepts and Methods," *Anthropological Linguistics*, 1/3, 1959, 28–31.

Gerd A. S., "O sinkhronicheskom opisaniu iazyka drevneslavianskikh tsvetov pis'mennosti," *Vestnik Leningradskogo universiteta. Serija 2*, 1, 1986, 62–67.

Gerd A. S., "Toward Reconstruction of the Standard Model of the Church-Slavic Language," *Sovetskoe Slavianovedenie*, 3, 1991, 64–60.

Gerd A. S., *Tserkovnoslavianskii iazyk. Lingvističeskie aspekty*, St. Petersburg, 1998.

Gerd A. S., Veder W., *Tserkovnoslavianskie teksty i tserkovnoslavianskii iazyk*, St. Petersburg, 2003.

Glibetić N., "A New 11th Century Glagolitic Fragment from St Catherine's Monastery: The Midnight Prayer of Early Slavic Monks in the Sinai," *Arheografski prilozci*, 37, 2015, 11–47.

Goltz H., Prochorov G. M., Hrsg., *Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von starec Isaija (14. Jahrhundert)*, 5, S. Fahl, D. Fahl, Hrsg., *Untersuchungen*, Freiburg i. Br., 2013.

Gorshkov A. I., "Otechestvennye filologi o staroslavianskom i drevnerusskom literaturnom iazyke," in: *Drevnerusskii literaturnyi iazyk v ego otnoshenii k staroslavianskomu*, Moscow, 1987, 7–29.

Graciotti S., "Le lingue letterarie degli Slavi in epoca medievale," in: M. Capaldo, dir., *Lo spazio letterario del Medioevo*, 3: *Le culture circostanti*, 3: *Le culture slave*, Roma, 2006, 187–241.

Haarmann H., *Lexikon der untergegangenen Sprachen*, München, 2002.

Hamm J., "Hrvatski tip crkvenoslovenskog jezika," *Slovo*, 13, 1963, 43–67.

Hamm J., "Ruska redakcija u glagoljskim spomepicima," *Slovo*, 21, 1971, 213–222.

Hannick Chr., "Die Rekonstruktion der alt-slavischen Evangelien bei Josef Vajs und ihre vermeintlichen griechischen Vorlagen," in: *Interpretation of the Bible*, Ljubljana, Sheffield, 1998, 943–958.

Hansack E., *Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung*, 1, Würzburg, 1975.

Hinrichs U., "Ist das Bulgarische kreolisierendes Altbulgarisch?" in: U. Hinrichs, U. Büttner, Hrsg., *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp*, Wiesbaden, 2004, 231–242.

Hinrichs U., "Wann, warum und wie wurde das Bulgarische zu einer analytischen Sprache? – Ein Beitrag zur Entmystifizierung der Slavistik," *Zeitschrift für Slavistik*, 49, 2004, 381–419.

Holzer G., "Altkirchenslawisch," in: *Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens*, Klagenfurt, Celovec, 2002, 187–202.

Horbatsch O., *Die vier Ausgaben der kirchenslawischen Grammatik von M. Smotryc'kyj*, Wiesbaden, 1964.

Ilyinskiy G. A., *Opyt sistematicheskoi kirillo-mefodievskoi bibliografii*, Sofia, 1934.

Ivanova-Mircheva D., "Starobŭlgarski, staroslavianski i srednebulgarskata redaktsiia na staroslavianski," in: *Konstantin-Kiril Filosof*, Sofia, 1969, 45–62.

Ivanova-Mircheva D., *Starobŭlgarski rechnik*, 1–2, Sofia, 1999–2009.

Ivanova-Mircheva D., Kharalampiev I., *Istoriia na bulgarskii ezik*, Veliko Tarnovo, 1999.

Issatschenko A. V., "Kakova spetsifika literaturnogo dvuiazychiia v istorii slavianskikh narodov," *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 1958, 42–45.

Jedlička A., ed., *Slovník slovanské lingvistické terminologie*, Praha, 1977.

Kämmerer H., *Untersuchungen zur Flexion der Substantive in der bulgarischen Schriftsprache des 14./15. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur historischen Morphologie*, München, 1977.

Karpova V. L., Nimchuk V. V., eds., *Slovar staroslavianskogo iazyka vostochnoslavianskoi redaktsii XI–XIII vv.*, Kiev, 1987.

Karskiy E. F., *Slavianskaia kirillovskaia paleografii*, Leningrad, 1928.

Kasatkina L. L., "Tserkovnoslavianskii iazyk," in: V. N. Yartseva, ed., *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar*, Moscow, 1990, 575–576.

Kasatkina L. L., "Tserkovno-slavianskii iazyk," in: Yu. N. Karaulov, ed., *Russkii iazyk. Entsiklopediia*, Moscow, 1997, 615–616.

Keipert H., *Die Adjektive auf -telъnъ. Studien zu einem kirchenslawischen Wortbildungstyp*, 1–2, Wiesbaden, 1977–1985.

Keipert H., "Nil Kurljatev und die russische Sprachgeschichte," in: *Litterae slavicae Medii aevi Fr. V. Mareš Sexagenario oblatae*, München, 1985, 143–156.

Keipert H., "Kirchenslavisch und Latein. Über die Vergleichbarkeit zweier mittelalterlicher Kultursprachen," in: *Sprache und Literatur Altrußlands. Aufsatzsammlung*, Münster, 1987, 81–109.

Keipert H., "Die Christianisierung Rußlands als Gegenstand der russischen Sprachgeschichte," in: *Tausend Jahre Christentum in Rußland. Zum Millennium der Taufe der Kiever Rus'*, Göttingen, 1988, 313–346.

Keipert H., "Cerkovnoslavjanskij: eine Sprachbezeichnung als Problem der Wortbildungslehre," in: *Liki jazyka*, Moscow, 1998, 143–152.

Keipert H., "Nochmals zur Kontaminationsproblematik in Nr. 5 des »Codex Suprasliensis«,» *Prace filologiczne*, 44, 1999, 275–280.

Keipert H., "Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile," *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 58, 1999, 19–42.

Keipert H., "Die Kirchenslavisch-These des Cercle linguistique de Prague," in: *Festschrift für Klaus Trost zum 65. Geburtstag*, München, 1999, 123–133.

Keipert H., "Kirchenslavisch als Konstrukt," *Slavia*, 70, 2001, 374–381.

Keipert H., "Die Historizität des Slavischen in A. Ch. Vostokovs »Rassuždenie o Slavjanskom jazyke«,» in: *Historizem v raziskovanju slovenskega jezika, literature in kulture*, Ljubljana, 2002, 109–126.

Keipert H., "Wie alt ist der Altbulgarisch-Begriff?" in: *Normen, Namen und Tendenzen der Slavia. Festschrift für K. Gutschmidt*, München, 2004, 493–500.

Keipert H., Hrsg. mit M. Š.Fajnštejn, *Das „Sprache“-Kapitel in August Ludwig Schölzers „Nestors“ und die Grundlegung der historisch-vergleichenden Methode für die slavische Sprachwissenschaft. Mit einem Anhang: Josef Dobrovskýs „Slavin“-Artikel „Über die Altslawonische Sprache nach Schölzer“ und dessen russische Übersetzung von Aleksandr Chr. Vostokov*, Göttingen, 2006.

Keipert K., "Cerkonoslavjanskij in verordnetem Vergessen," in: *Jezičkovna predanost. Akademiku prof. dr. Jožetu Toporišču ob 80-letnici*, Maribor, 2006, 129–144.

Keipert K., "Das Kirchenslavisch-Kapitel in A. S. Budilovičs »Obščeslavjanskij jazyk« (1892)," *Slavia*, 78/3–4, 2009, 379–387.

Keipert H., "Kirchenslavisch-Begriffe," in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 2, Berlin, New York, 2014, 1212–1252.

Kempgen S., *Russische Sprachstatistik. Systematischer Überblick und Bibliographie*, München, 1995.

Khaburgaev G. A., "Staroslavianskii – tserkovnoslavianskii – russkii literaturnyi," in: *Istoriia russkogo iazyka v drevnejšii period* (= *Voprosy russkogo iazykoznanija*, 5), Moscow, 1984, 5–35.

Khaburgaev G. A., "Staroslavianskii kak iazyk srednevekovoi slavianskoi kul'tury," in: *Aktual'nye problemy slavianskogo iazykoznanija*, Moscow, 1988, 5–48.

Khaburgaev G. A., *Pervye stoletii slavianskoi pis'mennoi kul'tury. Istoki drevnerusskoi knižnosti*, Moscow, 1994.

Kloss H., "Abstandsprache und Ausbausprache," in: *Sociolinguistics / Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society*, 1, Berlin, New York, 1987, 302–308.

Koch Chr., *Das morphologische System des altkirchenslawischen Verbuns*, 1–2, München, 1990.

Kondrashov N. A., ed., *Pražskii lingvističeskii kruzhok*, Moscow, 1967.

Koneski B., *Istorija na makedonskiot jazik*, Skopje, 1967.

Koporskaya E. S., *Semantičeskaja istorija slavjanizmov v russkom literaturnom iazyke novogo vremeni*, Moscow, 1988.

Kopylenko M. M., "How Should the Language of the Earliest Slavic Written Texts Be Called?" *Sovetskoe Slavjanovedenie*, 1, 1966, 36–41.

Kravetsky A. G., Pletneva A. A., *Istorija tserkovnoslavianskogo iazyka v Rossii (konets XIX–XX v.)*, Moscow, 2001.

Kravetsky A. G., Pletneva A. A., eds., *Bol'shoi slovar' tserkovnoslavianskogo iazyka novogo vremeni*, 1, Moscow, 2016.

Krivko R. N., "Linguistic Features of the Earliest Copy of the Didactic Gospel by Constantine the Presbyteros: From the East Slavic Manuscript to the South Slavic Archetype," *Slověne*, 5/2, 2016, 340–363.

Krysko V. B., ed., *Il'ina kniga. Rukopis' RGADA, Tip. 131*, Moscow, 2005.

Kronsteiner O., "Altbulgarisch und/oder Altkirchenslavisch. Eine Glosse zu slavistischen Benennungsmythen," *Die slavischen Sprachen*, 9, 1985, 119–128.

Kuna H., "Redakcije staroslovenskog kao literarni jezik Srba i Hrvata," *Slovo*, 15–16, 1965, 183–199.

Likhachev D. S., *Tekstologija (na materiale ruskoj literatury X–XVII vv.)*, Moscow, Leningrad, 1962.

Lozovaya I. E., Shevchuk E. Yu., "Tserkovnoe penie," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia. Russkaia pravoslavnaia tserkov'*, Moscow, 2000, 599–610.

Ludogovsky F. B., "Sovremennyi tserkovnoslavianskii mineinyi korpus: sostav i struktura," in: A. M. Moldovan, A. G. Kravetsky, eds., *Lingvističeskoe istočnikovedenie i istorija russkogo iazyka. 2002–2003*, Moscow, 2003, 500–528.

Lukan W., "Bartholomäus Kopitars »Bibliothekarischer Bericht« – Ein Dokument des Austroslawismus und die Probleme seiner Veröffentlichung," *Österreichische Osthefte*, 37/1, 1995, 147–194.

Malkova O. V., "Drevnerusskoe liturgičeskoe proiznošenie v iuzhnoi Rusi v XII–XIII vv.," in: *Drevnerusskii literaturnyi iazyk v ego otnošenii k staroslavianskomu*, Moscow, 1987, 129–143.

Mareš Fr. W., *An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin*, München, 1979.

Mareš Fr. V., "Vom Urslavischen zum Kirchen-slavischen," in: *Einführung in die slavischen Sprachen*, Darmstadt, 1986, 1–19.

Mareš Fr. V., "Die neukirchenslavische Sprache des russischen Typus und ihr Schriftsystem," in: P. A. Giljebbrandt, *Spravočny i ob'jasnitel'nyj slovarj k Novomu Zavetu. Nachdruck*, 2, München, 1988, v–xxxvii.

Mareš Fr. W., "Altkirchenslavische Lexikographie," in: *Wörterbücher [...]. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie*, 2, Berlin, New York, 1990, 2255–2268.

Marti R., "Archaismen im Altrussischen," in: *Sprache und Literatur Altrußlands. Aufsatzsammlung*, Münster, 1987, 111–124.

Marti R., "La langue de Constantine-Cyrille et Méthode," *Cyrrilomethodianum*, 11, 1987, 89–102.

Marti R., "Slavia orthodoxa als literar- und sprachhistorischer Begriff," in: *Studies on the Slavo-Byzantine and West-European Middle Ages. In Memoriam Ivan Dujčev* (= Studia slavico-byzantina et mediaevalia europensia, 1), Sofia, 1988, 193–200.

Marti R., "Wirkungsgeschichte des Kirchenslavischen," in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 2, Berlin, New York, 2014, 1326–1335.

Mathauserová S., *Drevnerusskie teorii iskusstva slova* (= Acta Universitatis Carolinae Philologica: Monographia, 63), Prague, 1976.

Mathiesen R., "Bible, Church Slavonic," in: *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literature*, 3, Gulf Breeze, 1979, 5–12.

Mathiesen R., "The Church Slavonic Language Question: An Overview (IX–XX Centuries)," in: *Aspects of the Slavic Language Question. 1: Church Slavonic–South Slavic–West Slavic*, New Haven, 1984, 46–65.

Mathiesen R., "The System and Nature of Church Slavonic Literature (Fifty Theses)," in: *Slavia Orthodoxa & Slavia Romana. Essays Presented to Riccardo Picchio by his Students on the Occasion of his Eightieth Birthday*, New Haven, 2008, 175–207.

Meshcherskiy N. A., ed., Gerd A. S., Kaporulina L. V., Kolesov V. V., Ruskova M. P., Cherepanova O. A., *Imennoe sklonenie v slavianskikh iazykakh XI–XIV vv. Lingvostatističeskii analiz po materialam pamiatnikov drevneslavianskoi pis'mennosti*, Leningrad, 1974.

Meshcherskiy N. A., ed., Gerd A. S., Kaporulina L. V., Kolesov V. V., Ruskova M. P., Cherepanova O. A., *Imennoe sklonenie v slavianskikh iazykakh XV–XVI vv. Lingvostatističeskii analiz po materialam pamiatnikov drevneslavianskoi pis'mennosti*, Leningrad, 1977.

Mihaljević M., Reinhart J., "The Croatian Redaction: Language and Literature," *Incontri linguistici*, 28, 2005, 31–82.

Miklas H., Hrsg., *Glagolitica: Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur* (= Schriften der Balkan-Kommission, philologische Abteilung, 41), Wien, 2000.

Miklas H., Sadovski V., "Die Struktur des Altkirchenslavischen," in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen*.

Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation, 2, Berlin, New York, 2014, 1252–1275.

Milanović A., *Kratka istorija srpskog književnog jezika*, Belgrade, 2004.

Mincheva A., *Starobŭlgarskii ezik v svetlinata na balkanistikata*, Sofia, 1987.

Mirchev K., *Istoričeska gramatika na bŭlgarskii ezik*, Sofia, 1978.

Mironova T. L., *Khronologiia staroslavianskikh i drevnerusskikh rukopisnykh knig X–XI vv.*, Moscow, 2001.

Mladenov S., *Geschichte der bulgarischen Sprache*, Berlin, Leipzig, 1929.

Mladenov S., *Istoriia na bŭlgarskii ezik*, Sofia, 1979.

Mladenov S., “Poslednite vŭzrazheniia protiv starobŭlgarskoto ime na kirilo-metodievii ezik s ogleđ kŭm novobŭgarski,” *Prace filologiczne*, 15/2, 1931, 305–335.

Mladenović A., “Odnos između domaćih i rusko-slovenskih elemenata u književnom jeziku kod Srba pre njegove Vukovske standardizacije,” *Zbornik za filologiju i lingvistiku*, 12, 1969, 43–51.

Moldovan A. M., “Paleoslavianskaia leksikografii,” in: *Slavianskaia istoričeskaia i etimologičeskaia leksikografiia (1970–1980 gg.): itogi i perspektivy*, Moscow, 1986, 18–28.

Mozhaeva I. E., *Bibliografiia po kirillo-mefodievskoi problematike, 1945–1974 gg.*, Moscow, 1980.

Nazor A., “Die glagolitische Schrift,” in: *Drei Sprachen, Drei Sprachen. Kroatische Schriftdenkmäler und Drucke durch Jahrhunderte*, Zagreb, 2002, 31–49, 251–257.

Nimchuk V. V., ed., *Leksy Lavrentiia Zizaniia. Synonima slavenorosskaia*, Kiev, 1964.

Onasch K., *Einführung in die Konfessionskunde der orthodoxen Kirchen*, Berlin, 1962.

Picchio R., “Slave ecclésiastique, slavons et rédactions,” in: *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventeenth Birthday*, 2, The Hague, Paris, 1967, 1527–1544.

Picchio R., “Church Slavonic,” in: *The Slavic Literary Languages*, New Haven, 1980, 1–33, 248–252.

Picchio R., “On Church Slavonic Isonorms,” *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 25–26, 1982, 367–379.

Picchio R., “Slavia ortodossa e Slavia romana,” in: idem, *Letteratura della Slavia ortodossa (IX–XVIII sec.)*, Bari, 1991, 7–83.

Picchio R., “Open Questions in the Study of the ‘Orthodox Slavic’ and ‘Roman Slavic’ Variants of Slavic Culture,” in: *Contributi italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti (Cracovia 26 Agosto – 3 Settembre 1998)*, Napoli, 1998, 1–23.

Picchio R., *Slavia orthodoxa: Literatura i iazyk*, Moscow, 2003.

Picchio R., Goldblatt H., “Guidelines to the Study of the Literary Civilization of Orthodox Slavdom,” *Miscellanea Slavica*, Moscow, 2008, 66–85.

Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaia deiatel'nost' v domogol'skoi Rusi: lingvisticheski aspekt*, Moscow, 2011.

Plähn J., *Die Wortabkürzungen des Oktoich učebnyj von 1915*, Wiesbaden, 1973.

Plähn J., “Das moderne russische Kirchenslavisch als linguistischer Gegenstand,” *Zeitschrift für slavische Philologie*, 38, 1975, 90–110.

Plähn J., *Der Gebrauch des Modernen Russischen Kirchenslavisch in der Russischen Kirche*, Hamburg, 1978.

Popruzenko M. G., Romanski S., *Kirilometodievskaja bibliografiia za 1934–1940 god*, Sofia, 1942.

Reinhart J., “Das Kroatisch-Kirchenslavische,” in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 2, Berlin, New York, 2014, 1294–1308.

Robinson M., “Vliianie ideologii na izučenie literatury russkogo srednevekov'ia,” in: *Veda a ideológia v dejniach slavistiky. Materiály z konferencie Stará Lesná, September 1997*, Bratislava, 1998, 122–135.

Sadnik L., *Des Hl. Johannes von Damaskus Ekdosis akribēs tēs orthodoxosou pisteōs in der Übersetzung des Exarchen Johannes, 4: Index und rückläufiges Wörterverzeichnis*, R. Aitzetmüller, Hrsg., Freiburg i. Br., 1983.

Sadnik L., Aitzetmüller R., *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*, Heidelberg, 's-Gravenhage, 1955.

Savić V., “The Serbian Redaction of the Church Slavonic Language: From St. Clement, the Bishop of the Slavs, to St. Sava, the Serbian Archbishop,” *Slověne*, 5/2, 2016, 231–339.

Savić V., Jovanović G., *Srpskoslovenski rečnik jevanđelja. Ogleđna sveska*, Belgrade, 2007.

Schramm G., *Slawisch im Gottesdienst. Kirchensprache und neue Schriftsprachen auf dem Weg zu einem christlichen Südosteuropa*, München, 2007.

Shakhmatov A. A., *Očerok sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka*, Leningrad, 1925.

Shchepkin V. N., *Russkaia paleografiia*, Moscow, 1918.

Shmidt S. O., ed., *Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khраниashchikhisia v SSSR. XI–XIII vv.*, Moscow, 1984.

Šachmatov A. A., Shevelov G. Y., *Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache*, Wiesbaden, 1960.

Sedakova O. A., *Tserkovnoslaviano-russkie paronimy: Materialy k slovari*, Moscow, 2005.

Sedakova O. A., *Slovar' trudnykh slov iz bogosluženiia: Tserkovnoslaviano-russkie paronimy*, Moscow, 2008.

Siromakha V. G., Uspenskij B. A., "Kavychnye knigi 50-kh gg. XVII veka," in: *Arkhograficheskie ezhegodnik za 1986 god*, Moscow, 1987, 75–84.

Stankiewicz E., Worth D. S., *A Selected Bibliography of Slavic Linguistics*, 1, The Hague, Paris, 1964.

Suprun A. E., Moldovan A. M., "Staroslavianskii i tserkovnoslavianskii iazyk," in: *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*, Moscow, 2005, 29–69.

Talev I., *Some Problems of the Second South Slavic Influence in Russia*, München, 1973.

Taseva L., Voss Chr., "Altkirchenslavische Übersetzungen aus dem Griechischen," *Incontri linguistici*, 28, 2005, 101–117.

Theissen U., *Altbulgarisch-Deutsches Wörterbuch*, Salzburg, 1996.

Thomson Fr. J., "Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations," in: *Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius. Acts of the International Congress Held on the Eleventh Centenary of the Death of St. Methodius. Rome, October 8–11, 1985*, Roma, 1988, 351–380.

Thomson Fr. J., "The Slavonic Translation of the Old Testament," in: *Interpretation of the Bible*, Ljubljana, Sheffield, 1998, 605–920.

Tolstoj N. I., "Old Slavonic as a Common Literary Language of the Southern and Eastern Slavs," *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 1961, 52–66.

Tolstoj N. I., "Rol' drevneslavianskogo literaturnogo iazyka v istorii russkogo, serbskogo i bolgarskogo literaturnykh iazykov v XVII–XVIII vv.," in: *Voprosy obrazovaniia vostochnoslavianskikh natsionalnykh iazykov*, Moscow, 1962, 5–21.

Tolstoj N. I., "Vzaimootnoshenie lokalnykh tipov drevneslavianskogo literaturnogo iazyka pozdnego perioda (vtoraia polovina XVI–XVII vv.)," in: *Slavianskoe iazykoznanie, 5-i Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady sovet'skoi delegatsii*, Moscow, 1963, 230–272.

Tolstoj N. I., "Starinnye predstavleniia o narodno-iazikovoi baze drevneslavianskogo literaturnogo iazyka (XVI–XVII vv.)," in: *Voprosy russkogo iazykoznanija*, 1, Moscow, 1976, 177–204.

Tolstoj N. I., "Odnos starog srpskog knjiškog jezika prema starom slovenskom jeziku," in: *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*, 8, Belgrade, 1978, 15–25.

Tolstoj N. I., "Drevniaia slavianskaia pis'mennost' i stanovlenie etnicheskogo samosoznaniia u slavian," in: *Razvitie etnicheskogo samosoznaniia slavianskikh narodov v epokhu rannego srednevekov'ia*, Moscow, 1982, 236–249.

Tolstoj N. I., *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov*, Moscow, 1988.

Tolstoj N. I., "Drevneslavianskii literaturnyi iazyk v XII–XIV vv. (ego funktsii i spetsifika)," in: *Razvitie*

etnicheskogo samosoznaniia slavianskikh narodov v epokhu zrelogo feodalizma, Moscow, 1989, 14–24.

Tolstoj N. I., "Staroslavianskii iazyk," in: V. N. Yartseva, ed., *Lingvisticheskie entsiklopedicheskie slovar'*, Moscow, 1990, 491–492.

Tolstoj N. I., "Slavia orthodoxa i Slavia latina. Obsheche i razlichnoe v literaturno-iazikovoi situatsii (opyt predvaritel'noi otsenki)," *Ricerche slavistiche*, 42, 1995, 89–102.

Tomelleri V. S., "Traduzioni dal latino nella Slavia ortodossa," in: M. Capaldo, dir., *Lo spazio letterario del Medioevo*, 3: *Le culture circostanti*, 3: *Le culture slave*, Roma, 2006, 499–520.

Tot I., *Russkaia redaktsiia drevnebolgarskogo iazyka v kontse XI – nachale XII vv.*, Sofia, 1985.

Trost K., *Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchenslavischen. Die Abstrakta in der Hexameronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469*, München, 1978.

Trubetzkoy N. S., *K probleme russkogo samopoznaniia*, Paris, 1927.

Trunte N. H., *Slavenskii jazyk. Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen. Zugleich eine Einführung in die slavische Philologie*, 2: *Mittel- und Neukirchenslavisch*, München, 1988.

Trunte N. H., *Slověnsk'j jazyk. Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen. Zugleich eine Einführung in die slavische Philologie*, 1: *Altkirchenslavisch*, 5., völlig neu bearbeitete Auflage, München, 2003.

Trunte N. H., "Von Levaković zu Karaman. Die Überwindung der babylonischen Sprachverwirrung bei den Kroaten," in: *Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher*, München, Berlin, 2009, 295–319.

Trunte N., "Neukirchenslavisch," in: K. Guttschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 2, Berlin, New York, 2014, 1320–1326.

Turilov A. A., "Dukhovnaia literatura i pis'mennost'. X–XVII vv.," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia. Russkaia pravoslavnaia tserkov'*, Moscow, 2000, 372–406.

Turilov A. A., *Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khраниashchikhsia v Rossii, stranakh SNG i Baltii. XIV vek*, 1, Moscow, 2002.

Uspenskij B. A., *Arkhaischeskaia sistema tserkovnoslavianskogo proiznosheniia. (Iz istorii liturgicheskogo proiznosheniia v Rossii)*, Moscow, 1968.

Uspenskij B. A., *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen. (Istoriia udarenii v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)*, Moscow, 1969.

Uspenskij B. A., "Drevnerusskie kondakari kak foneticheskii istochnik," in: *Slavianskoe iazykoznanie. 7-oi Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady*

sovetskoj delegatsii, Moscow, 1973, 314–346

Uspenskij B. A., *Iazykovaia situatsii Kievskoi Rusi i ee znachenie dlia istorii russkogo literaturnogo iazyka*, Moscow, 1983.

Uspenskij B. A., "Staroslavianskii i tserkovnoslavianskii," in: *Aktual'nye problemy izuchenia i prepodavaniia staroslavianskogo iazyka*, Moscow, 1984, 43–53.

Uspenskij B. A., *Iz istorii russkogo literaturnogo iazyka XVIII – nachala XIX veka. Iazykovaia programma Karamzina i ee istoricheskie korni*, Moscow, 1985.

Uspenskij B. A., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, München, 1987.

Uspenskij B. A., "Russkoe knizhnoe proiznoshenie XI–XII vv. i ego sviaz' s iuzhnoslavianskoi traditsiei (chtenie erov)," in: *Aktual'nye problemy slavianskogo iazykoznanii*, Moscow, 1988, 99–156

Uspenskij B. A., "M. V. Lomonosov o sootnoshenii tserkovnoslavianskogo, drevnerusskogo i 'drevnego slavianskogo' iazykov," *Kalbotyra: Mokslo darbai*, 39/2, 1988, 13–20.

Uspenskij B. A., "The History of the Russian Literary Language as an Inter-Slavic Field of Research," *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 1995, 121–142.

Uspenskij B. A., *Izbrannye trudy*, 3, Moscow, 1997.

Uspenskij B. A., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, Moscow, 2002.

Večerka R., *Staroslověnština*, Praha, 1984.

Večerka R., *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*, 1–5, Freiburg i. Br., 1989–2003.

Veder W. R., "Dead on Arrival. Why Church Slavic Would Not Be Reanimated," in: *Speculum Slaviae Orientalis. Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*, Moscow, 2005, 222–231.

Vendina T. I., *Srednevekovi chelovek v zerkale staroslavianskogo iazyka*, Moscow, 2002.

Venediktov G. K., "Soviet-Bulgarian Discussions on Some Questions of Contemporary Paleo-Slavics," *Slavianovedenie*, 2, 2007, 58–94.

Vereshchagin E. M., "Problemy istorii drevneslavianskogo i russkogo literaturnogo iazykov," *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, 48/2, 1989, 126–136.

Vereshchagin E. M., *Istoriia vznikenoveniia drevneslavianskogo literaturnogo iazyka. Perevodchenskaia deiatel'nost' Kirilla i Mefodiia i ikh uchenikov*, Moscow, 1997.

Vereshchagin E. M., *Tserkovnoslavianskaia knizhnost' na Rusi. Lingvotekstologicheskie razyskaniia*, Moscow, 2002.

Vinogradov V. V., ed., *Bibliograficheskii ukazatel' po russkomu iazykoznaniiu s 1825 po 1880 god*, 3, Moscow, 1955.

Voss Chr., *Die Paränesis Ephraim des Syrers in südslavischen Handschriften des 14.–16. Jahrhunderts. Zur Lexik der altbulgarischen Erstübersetzung und ihrer Überlieferung*, Freiburg i. Br., 1997.

Voss Chr., "[Rez. zu:] Theissen, Ulrich: Altbulgarisch-Deutsches Wörterbuch. Salzburg 1996," *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 58, 1998, 185–188.

Voss Chr., "Südslavische Übersetzungskunst im Licht der griechischen Diglossieproblematik," in: *Prevodite prez XIV stoletie na Balkanite*, Sofia, 2004, 47–48.

Voznesenskij A. V., *Starobriadcheskie izdaniia XVIII – nachala XIX veka. Vvedenie v izuchenie*, St. Petersburg, 1996.

Weingart M., "Le vocabulaire du vieux-slave dans ses relations avec le vocabulaire grec," in: *Atti del V Congresso internazionale di studi bizantini*, 1: *Storia, filologia, diritto*, Roma, 1939, 564–577.

Weingart M., *Československý typ církevní slovančiny, jeho pamiatky a význam*, Bratislava, 1949.

Worth D. S., "The 'Second South Slavic Influence' in the History of the Russian Literary Language (Materials for a Discussion)," in: *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983*, 1: *Linguistics*, Columbus (OH), 1983, 349–372.

Zapolskaya N. N., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka. Metodicheskie ukazaniia dlia studentov filologicheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov*, Moscow, 1991.

Zett R., *Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altserbische Periode*, Köln, Wien, 1970.

Zhivov V. M., "Rol' russkogo tserkovnoslavianskogo v istorii slavianskikh literaturnykh iazykov," in: *Aktual'nye problemy slavianskogo iazykoznanii*, Moscow, 1988, 49–98.

Zhivov V. M., *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*, Moscow, 1996.

Zhivov V. M., "O tserkovnoslavianskom iazyke," in: A. A. Pletneva, A. G. Kravetsky, *Tserkovno-slavianskii iazyk*, Moscow, 1996, 12–23.

Zhivov V. M., "Pervyi literaturnyi iazyk slavian," *Ricerche slavistiche*, 45–46, 1998–1999, 99–136.

Zhivov V. M., "N. N. Durnovo i ego idei v oblasti slavianskogo istoricheskogo iazykoznanii," in: N. N. Durnovo, *Izbrannye raboty po istorii russkogo iazyka*, Moscow, 2000, 7–37.

Zhivov V. M., *Očerki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka XVII–XVIII vekov*, Moscow, 2004.

Zhivov V. M., *Vostochnoslavianskoe pravopisanie XI–XIII veka*, Moscow, 2006.

Zhivov V. M., "[rev.:] Gerd A. S., Lingvisticheskaiia tipologii drevneslavianskikh tekstov. St. Petersburg, 2008," *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 1, 2009, 312–314.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 1–2, Moscow, 2017.

Zhukovskaya L. P., "Monuments of the Russian and Slav Writing of the XI–XIV Centuries at the Soviet Libraries," *Sovetskoe Slavianovedenie*, 1, 1969, 57–71.

Zhukovskaya L. P., *Tekstologija i iazyk drevnei-shikh slavianskikh pamiatnikov*, Moscow, 1976.

Zhukovskaya L. P., "Gretsizatsiia i arkhazatsiia russkogo pis'ma 2-i pol. XV – 1-i pol. XVI v. (Ob oshibochnom poniatii 'vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie')," in: *Drevnerusskii literaturnyi iazyk v ego otnoshenii k staroslavianskomu*, Moscow, 1987, 144–176.

Ziffer G., "Appunti sul problema della contaminazione nella letteratura slava ecclesiastica," in: *Contributi Italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti (Cracovia, 26 Agosto – 3 Settembre 1998)*, Napoli, 1998, 131–146.

Ziffer G., "Slavia orthodoxa und Slavia romana," in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer*

Erforschung. = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation, 2, Berlin, New York, 2014, 1308–1319.

Znosko A., *Słownik cerkiewnosłowiański-polski*, Białystok, 1996.

Živov V. M., "Das Kirchenslavische bei den Ostslaven," in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. = The Slavic languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 2, Berlin, New York, 2014, 1276–1294.

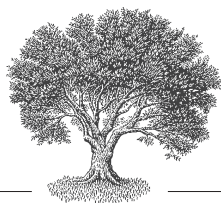
Živov V. M., Keipert H., "The Importance of I. V. Paus's Grammar for the Development of Russian Grammatical Tradition," *Voprosy Jazykoznanija*, 6, 1996, 3–30.

Prof. Dr. Dr. h.c. **Helmut Keipert**
 Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität
 Abteilung für Osteuropäische Geschichte
 Adenauerallee 4-6
 53113 Bonn
 Deutschland/Germany
 h.keipert@uni-bonn.de

Перевод с немецкого:

Марина Анатольевна Бобрик, канд. филол. наук
 Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
 доцент Школы лингвистики Факультета гуманитарных наук
 105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1
 Россия/Russia
 marina.bobrik@online.de

Received December 26, 2016

История семантики праславянских лексем *edīnъ и *samъ

**Михаил Николаевич
Саенко**

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

History of the Semantics of the Proto-Slavic Lexemes *Edinŭ and *Samŭ

Mikhail N. Saenko

Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Согласно наиболее обоснованной точке зрения, в праиндоевропейском языке *sem- означало 'unus', а *HoīH- — 'solus'. В статье подробно разбираются аргументы за и против такой гипотезы. В праславянском мы наблюдаем распределение, обратное праиндоевропейскому: *samъ, опосредованно восходящее к *sem-, значило 'solus', а *edīnъ, продолжающее *HoīH-, имело значение 'unus'. В данной статье рассматривается, как именно в праславянском *somHos (> *samъ) 'idem' расширило значение сначала на 'ipse', а затем на 'solus'. Хотя в индоевропейских языках более распространённой является противоположная ситуация ('ipse' приобретает значение 'idem'), определённую параллель для такого перехода мы находим в истории древнегреческого αὐτός.

Ключевые слова

праславянский язык, праиндоевропейский язык, числительные, местоимения

Abstract

According to one of the most well-founded hypotheses, in the Proto-Indo-European language *sem- meant 'unus,' whereas *HoīH- meant 'solus.' In this article arguments for and against this hypothesis are examined in detail. In Proto-Slavic the reverse distribution is observed: *samъ, indirectly originating from *sem-, meant 'solus,' whereas *edīnъ, going back to *HoīH-, meant 'unus.' This article is an attempt to determine how *somHos (> *samъ) 'idem' in Proto-Slavic extended its

meaning first to 'ipse' and then to 'solus' and to analyze exactly how it happened. Although for the Indo-European languages the reverse situation is more common ('ipse' acquires the meaning 'idem'), a similar pattern for such a shift in meaning can be found in the history of Ancient Greek $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$.

Keywords

Proto-Slavic, Proto-Indo-European, numerals, pronouns

1. Данная статья ставит перед собой задачу описания процесса изменения семантики праславянских лексем **edinъ* 'unus' и **samъ* 'idem, solus, ipse', история которых неотделима друг от друга.

Поскольку эти слова были многозначны, то для корректного решения поставленной задачи нам понадобится нечто вроде семантической карты, включающей в себя сферу основных значений этих лексем. При составлении такой карты мы будем применять следующий формальный критерий: выделение оппозиции значений проводится только в том случае, если в каком-нибудь языке данная оппозиция выражается в противопоставлении отдельных лексем [Ельмслев 2006: 75–78] (графическое представление см. в [Насрелматн 2014: 237–238]).

Классификация значений, полученная при помощи такого метода, является более объективной, чем классификации, построенные на менее строгих основаниях и вследствие этого имеющие значительный элемент произвольности.

Для построения карты привлекались данные польского, чешского, болгарского, литовского, латышского, французского, итальянского, английского, немецкого, финского и венгерского языков. Использовались материалы двуязычных словарей, а также параллельных текстов (современных переводов Библии и параллельных подкорпусов Национального корпуса русского языка).

Поскольку для целей данной статьи такая семантическая карта является вспомогательной, мы выстроили лишь упрощённую модель, учитывающую только самые базовые значения и не принимающую во внимание многие нюансы. Так, классификации значений русского *сам* могут быть очень сложными и охватывать множество значений [Борисова 1990: 118–119; Кибрик, Богданова 1995; Кибрик 1996; Янко 2001: 286–287], то же относится и к его аналогам в других языках, однако нас в данном случае интересует только прототипическая для данного слова группа значений.

Согласно полученным данным, русскому *один* соответствуют следующие значения: 1) указание на количество предметов (*У тебя два яблока или одно?*); 2) неопределённое местоимение (*Он встретил одного*

друга); 3) определительное местоимение (*Они живут в одном (и том же) доме*); 4) показатель единичности субъекта, о котором идёт речь, причём здесь следует выделить три подзначения: 4а) других существей, кроме субъекта, нет (*Он живёт один*), 4б) других существей, кроме субъекта, нет (*У них [в семье] одни мальчики*), 4в) другие существей есть, но выбрана данная (*Только он / один он может сделать это*).

Русскому *сам* соответствуют такие значения: 5а) = 'лично' ([*В прошлый раз он попросил друга, теперь он сделал это сам*]); 5б) = 'без чужой помощи' ([*В прошлый раз ему помогли, теперь он сделал это сам*]); 5в) = 'по своему желанию' ([*В прошлый раз его заставили, теперь он сделал это сам*]).

Таблица 1. Соответствия русским лексемам *один* и *сам*
в некоторых европейских языках

	рус.	пол.	чеш.	болг.	лит.	лтш.
1	один	jeden	jeden	един	vienas	viens
2	один	jeden	jeden	един	vienas	viens
3	один (и тот же)	jeden	jeden / stejný	един (и същ)	vienas (ir tas pats)	viens (un tas pats)
4а	один	sam	sám	сам	vienas	viens (pats)
4б	один / только	sam / tylko	sám	само	(tik) vienas / tik	viens / vien
4в	один / только	jeden / tylko	jediný / jenom	само	(tik) vienas / tik	viens pats
5а	сам	sam	sám	сам	pats	pats
5б	сам	sam	sám	сам	pats	pats
5в	сам	sam	sám	сам	pats	pats
	фр.	ит.	англ.	нем.	фин.	венг.
1	un	uno	one	ein	yksi	egy
2	un	uno	one	ein	yksi / eräs	egy
3	le même	lo stesso	one / the same	ein / derselbe	yksi / sama	egy
4а	seul	solo / da solo	alone / by oneself	allein	yksin	egyedül
4б	seul	solo	only	nur	yksin / ainoastaan	egyedül
4в	seul	da solo	alone / only	allein / nur	ainoastaan	egyedül / csak
5а	même	stesso	oneself	selbst	itse	maga
5б	même	da solo / da sé	oneself	selbst	itse	maga
5в	même	da sé	oneself	selbst	itse	maga

Как видно из таблицы, значения 5а–в часто характеризуют одно и то же слово, из выбранных языков только итальянский использует разные лексемы (литературный синоним слова *stesso* — *medesimo* французского происхождения [РАТОТА 2002: 138] не учитывался). Далее мы увидим, что это немаловажно для понимания сдвигов в семантике интересующих нас праязыковых лексем.

2.1. Для праиндоевропейского традиционно реконструируются два корня со значением «один»: *sem- и *HoǵH-. Первый в основном значении 'один' сохранился только в греческом (εἷς 'один' (< *sems), gen. ἑνός; μία 'одна' (< *smih₂), gen. μιᾶς; ἕν 'одно' (< *sem), gen. ἑνός [БЕЕКЕС 2010: 394]), армянском (*mi* 'один' (изначально форма ж. р.) [МАТИРОСЯН 2010: 467–468]) и тохарском (тох. В *ʃe* 'один, тот же самый', тох. А *ʃa-* выступает только в словосложениях), при этом в тохарском формы косвенных падежей образованы от основы *som- [ADAMS 2013: 721–722]. Против реконструкции ном. sg. masc. в виде *sém [RINGE 2006: 52–53] или *sōm [МАТАСОВИЧ 1997: 171] с законом Семереньи говорит греческая форма.

Второй корень (варианты реконструкции: *oinos [СЕМЕРЕНЬИ 2002: 237]; *ou-k^wo- [IEN 1992: 370]; *oj-no-, *oj-ko-, *oj-wo- [WATKINS 1998: 67]; *Hoi(H)nos [БЕЕКЕС 2011: 237]; *h₁oi-no-s [ADAMS, MALLORY 2006: 308]; *h₁ou [BLAŽEK 1999: 157]; *h₃eyno- [МАТАСОВИЧ 2009: 305]) в значении 'один' распространён значительно шире. Балто-славянский акут указывает на наличие второго ларингала. Р. Матасович считает, что этого основания недостаточно, однако развёрнутой аргументации не приводит [Ibid.: 305]. Ф. Кортландт и Р. Дерксен здесь видят влияние форманта -īnas [DERKSEN 2015: 501].

В разных ветвях на эту основу были наращены три элемента: *-n- (греч. οἶνῃ / οἶνός 'очко на игральной кости', арх. лат. *oinos* 'один', пракельт. *oīnos 'один' [МАТАСОВИЧ 2009: 304–305], прагерм. *ainaz 'один' [KROONEN 2013: 11], алб. *një* 'один' (< *ainja) [OREL 1998: 304–305], п.-сл. *edinь, лит. *vienas*, лтш. *viēns*, прус. *ains*); *-k- (др.-инд. *ékaḥ*) и *-w- (греч. οἷος 'один, единственный, одинокий', авест. *aēuiō* 'один' (< *aiwá- [ЭСИЯ, 1: 134–136]); санскр. *evá* 'так, едва, только, именно'). Существует вероятность, что этот корень присутствует и в анатolianской группе. Х. Айхнер считает, что хеттское '1' можно читать как *ā- (< *oyo- или *oiyo-). Другими авторами предлагается чтение *šanna- и *ašma- [IEN 1992: 34]. Хеттск. 1-anki 'однажды' Айхнер толкует как образованное от *ām (ном.-асс. п.) или от *ānt- [Ibid.: 42–43]. Пухвел и Клухорст читают его как *ānki* и возводят к *Hoǵonki [KLOEKHORST 2008: 181–182].

Имеется также и третий корень — *si-, восстанавливаемый на основании хеттск. *šia-* 'один' и гомеровского ἓα 'одна'. Р. Бекес полагает, что в прагреческом *sem было формой мужского рода, а *sih₂ — женского, и

приводит в качестве параллели санскритские формы дат. п. *tasmai* ‘ему’ и *tasyai* ‘ей’, где в элементах *-sm-* и *-sy-* он усматривает формы числительного ‘один’ [КЛОЕКНОРСТ 2008: 751]. Пино относит сюда же тохарские формы именительного падежа [PINAULT 2006]. Если эта гипотеза верна, то *si- может быть раннепраиндоевропейским числительным ‘один’, впоследствии вытесненным новым корнем *sem-.

2.2.1. А. Мейе считал *sem- основным обозначением числа ‘1’, а *oi- он приписывает прототипическое значение ‘seul’ [MEILLET 1949: 410]. Эту гипотезу поддержал Арумаа [ARUMAA 1985: 188–189]. К близкому, но не идентичному мнению склонялся О. Семереньи, рассматривавший *sem- как ‘один’ в значении совместности, единства, а *oi- как ‘einzig, allein’ [СЕМЕРЕНЬИ 2002: 237]. Р. Коулман тоже полагает, что корень *oi- имел значение ‘isolation, separateness’, в то время как *sem- — ‘inclusion, togetherness’, а суффикс *-no-, по его мнению, обозначал ‘completeness of a state’ [IEN 1992: 389]. Э. Зилер присоединяется к этому мнению, постулируя основное значение *ou- как ‘one-alone’, а *sem- как ‘one-together’ [SINLER 1995: 388]. Д. Адамс также определяет *sem-s как ‘united as one, one together’, однако основным обозначением ‘одного’ в праиндоевропейском он считает *h₁oi- [ADAMS, MALLORY 2006: 309–310]. В. Блажек проводит разграничение иначе: *sem- он определяет как ‘one = unity, togetherness’, а *H₁ou как ‘one [of two]’ [BLAŽEK 1999: 157].

Очевидно, что некоторые из этих авторов смешивают ‘один’ как числительное, служащее для обозначения количества (“ты видишь там одну овцу или две?”, значение 1 в нашей семантической карте), и ‘один’ как местоимение или прилагательное (значения 2–4). Даже если не выделять числительные в отдельную часть речи, как поступает ряд европейских грамматистов в отношении своих языков, нужно строго различать эти две вещи. Сложно себе представить, чтобы ‘один’ в плане количества обозначался двумя словами, различающимися семантически (‘один-вместе’ и ‘один-порознь’). Как будет показано ниже, такое представление о семантике этих корней происходит в первую очередь из дериватов, где подобная разница действительно возможна: ср. греч. *μόνο-πους* ‘одноногий’ и *ἀ-δελφός* ‘брат’ (внутренняя форма: ‘со-маточный’, то есть вышедший из одной матки).

Таким образом, только одно из этих слов могло употребляться как числительное, а второе имело изначально какое-то другое значение, со временем его изменив.

В пользу большей архаичности корня *sem- приводят следующие аргументы: географическое распределение; бóльшая морфологическая архаичность *sem-; бóльшая распространённость *sem- в дериватах; этимологическая непрозрачность *sem- при наличии у *HoiH- этимологии [SINLER 1995: 405].

2.2.2. Географическое распределение действительно говорит в пользу того, что в позднепраиндоевропейском в роли числительного 'один' скорее выступало слово *sems, а *НоїНs стало приобретать это значение уже на этапе распада праязыка, после чего заняло большую часть индоевропейского ареала, не сумев вытеснить старый корень только на двух не связанных между собой островках (греко-армянском и тохарском). Тем не менее теоретически такое распространение можно списать на независимые инновации в отдельных группах, поэтому большое внимание следует уделить и другим аргументам.

2.2.3. Атематическое склонение *sems, противопоставленное более новому тематическому склонению дериватов *НоїН-, иногда рассматривается как показатель архаичности первого корня и инновативности второго [SINLER 1995: 405].

Однако есть все основания полагать, что *НоїН- также изначально было свойственно именно атематическое склонение. Так, балто-славянская форма с другой ступенью аблаута (*einos) говорит о наличии в склонении *НоїН- чередования по аблауту в корне, наиболее характерного именно для атематических основ. Перевод при помощи различных суффиксов из атематического склонения в тематическое при помощи различных суффиксов чрезвычайно распространён в индоевропейских языках как у существительных, так и у местоимений.

Параллель элементу *-ц- обнаруживается в греч. *μόνος* 'один' < *monwos [БЕЕКЕС 2010: 965–966] и греч. *ὅλος*, санскр. *sárvaḥ*, авест. *haurva-* 'весь, целый', тох. А *salu* 'полный, полностью', алб. *gjallë* 'живой' < *sol(H)цос, лат. *salvus* 'целый, невредимый' < *s|Hu-; с другими суффиксами: хеттск. *šalli-* 'большой' < *solH-i-, тох. В *solme* 'полный, полностью', хотанск. *harmä* 'каждый, всякий' < *solmos, лат. *sollus* 'целый, полный' < *sol(H)nos [КЛОЕКНОРСТ 2008: 709–711; ЭСИЯ, 3: 372–373; БЕЕКЕС 2010: 1072; OREL 1998: 129–130; DE VAAN 2008: 537, 571–572; ADAMS 2013: 771]. Форму *solh₂wos Бекес считает вторичной тематизацией *solh₂-u- [БЕЕКЕС 2010: 1072]. Ср. аналогичную тематизацию у праславянских существительных *doru > *derwo 'дерево' и *lendu > *lędwo 'ляжка', а также у лит. *leñgvas* 'лёгкий' вместо *lengus и жем. *tėvas* 'тонкий' вместо *tinHus (оба прилагательных с вриддхированием корня) [SMOCZYŃSKI 2007: 673].

Суффикс *-k- в праславянском активно использовался для образования диминутивов. Он же участвовал в тематизации атематических существительных и прилагательных: *āblu > *ablъko 'яблоко' (первоначально 'яблочко'), *sirdi > *sъrdъko 'сердце' (первоначально 'сердечко'), *sulni > *sъlnъko 'солнце' (первоначально 'солнышко'), *inzūs > *ęzyкъ 'язык', *k(u)цос (G. *kunes) 'собака' > *soцkā > *suka 'сука', *owis > *owikā > *owъka, *w|k^wiH > *wilkī > *wылčika 'волчица'; *česнь (*-u-) >

*česnъкъ ‘чеснок’, а также *blizъкъ ‘близкий’ < *bleizus, *gladъкъ ‘гладкий’ < *glādus, *kortъкъ ‘короткий’ < *kortus, *lъgъкъ ‘лёгкий’ < *lingus, *mъkъкъ ‘мягкий’ < *minkus, *nizъкъ ‘низкий’ < *neizus, *qzъкъ ‘узкий’ < *onzus, *soldъкъ ‘сладкий’ < *soldus, *тъпъкъ ‘тонкий’ < *tinus и др.

Встречается в этой роли и суффикс *-n-: п.-сл. *sěнь < *skoHi- [DERKSEN 2008: 447]. Исходное праиндоевропейское существительное реконструируется как *skéh₂-ih₂ (gen. *skh₂-iéh₂-s) [BEEKES 2010: 1351] или *skoih_a (gen. *skiyéh_as) [ADAMS 2013: 773]. Интересно, что к тому же корню, скорее всего, относится образование с элементом *-w-: лат. *scaevus* ‘левый’, греч. *σκαίός* ‘левый’ [DE VAAN 2008: 541–542].

Любопытную параллель в использовании суффиксов *-w-, *-k- и *-n- демонстрируют производные от глагола *(H)reiH- ‘течь’: п.-сл. *rěka ‘река’, лат. *rīvus* ‘ручей’ [DE VAAN 2008: 524–525], ср.-ирл. *rián* ‘море, океан’ < *rēnos [MATASOVIĆ 2009: 309]. Если допустить, что в праиндоевропейском существовало атематическое существительное *(H)reiHs ‘поток’, а суффикс *-k- в данном случае идентичен *-k-, о котором говорилось выше, параллель становится полной.

Эти данные позволяют предположить, что *HoĭH- первоначально изменялось по корневому типу с качественным аблаутом: ном. *HoĭHs, ген. *HeĭHes. Затем эта основа была распространена при помощи суффиксов, использовавшихся для тематизации. Это хорошо объясняет высокую вариативность континуантов данного слова.

В качестве аналогии можно привести ситуацию из славянских языков: континуанты п.-сл. *тъ были всевозможными способами расширены в большинстве языков-потомков: русск. *том*, укр., бел. *той*, с.-хр. *tâj*, болг. *той* ‘он’, *този* ‘этот’, чеш., слвц., польск., н.-луж. *ten*, в.-луж. *tón*. Если бы мы располагали данными только современных языков, восстановить исходную форму без внешнего сравнения было бы не так уж легко (правда, здесь бы нам помогли формы косвенных падежей). Расширению подверглись в ряде славянских языков и формы местоимения *wъхъ ‘весь’: болг. *всичкият* (опр. форма), польск. *wszystek*, чеш. *všechen*, *všesek* (в литературном языке сохраняется и *veš*), слвц. *všetok*, причём если в чешском старая основа сохраняется в косвенных падежах, то в польском и словацком наращение проникло во все падежные формы. Высокая вариативность расширений очень похожа на ситуацию с праиндоевропейским *HoĭH-.

Вероятно, ошибочной является гипотеза, при которой суффиксальные элементы сопоставляются с дейктическими элементами в иранских указательных местоимениях [ЭСИЯ, 1: 134–136], поскольку праиранские указательные местоимения (*ai-ša-, *ai-ta-, *ai-ua-, *ai-na- [ЭДЕЛЬМАН 1990: 56]) не вполне параллельны в этом отношении: указательного

местоимения с основой *k- или *k^w- в праиндоевропейском не было, следовательно, санскритская форма остаётся необъяснённой.

Таким образом, бóльшая морфологическая архаичность является довольно слабым аргументом: если принять, что суффиксы *-n-, *-w- и *-k- служили для тематизации старой атематической основы, то *NoiNs оказывается ничуть не менее архаичным, чем *sems.

2.2.4. К этимологическому аргументу также следует отнестись с осторожностью: выведение *NoiNs из анафорического местоимения *Ni- (что подкрепляют наличием гомеровского ἓα ‘одна’ < якобы *NiH- [SINLER 1995: 405]) сталкивается с серьёзной трудностью в виде наличия в праформе второго ларингала. Сходство с анафорическим местоимением может быть и случайным, особенно если учесть наличие внешних параллелей в уральских и алтайских языках [ВЛАЖЕК 1999: 156]. Кроме того, как уже упоминалось выше, гомеровская форма может восходить к совсем другому корню.

2.2.5. Намного большее значение имеет распространение дериватов от корня *sem-, встречающихся практически во всех ветвях индоевропейской семьи, в том числе в виде изолированных реликтов.

Среди дериватов имеются как древние и широкораспространённые, так и новые, появившиеся уже после распада праиндоевропейского языка. Один из самых распространённых дериватов — местоимение *somNos (ларингал постулируется из-за отсутствия действия закона Бругмана в санскрите). Рефлексы в отдельных ветвях см. в 3.1.

Другие распространённые дериваты — с суффиксом *-ter-: греч. ἕτερος ‘другой, один (из обоих), тот или другой, кто-либо из обоих’ < *sm^h-tero- [BEEKES 2010: 475]; др.-валл. *hanther* ‘середина, половина’ < п.-кельт. *santero- [MATASOVIĆ 2009: 351]; готск. *sundro* ‘по одиночке, порознь’ < п.-герм. *sundra- (есть и альтернативная этимология) [LENMANN 1986: 329; OREL 2003: 386–387]; с суффиксом *-l-: лат. *similis* ‘похожий, подобный’ < *sm^h₂-el-i- [DE VAAN 2008: 564–565], греч. ὀμᾶλος ‘равнинный, ровный’ < *semh₂-l- [BEEKES 2010: 1074–1075], п.-кельт. *samali- ‘сходство’ (др.-ирл. *samail* ‘похожий’) < *sm^h₂-eli- или *semh₂-li- [MATASOVIĆ 2009: 320].

Возможно, сюда же относится форма *sēmi, которую, как правило, возводят к loc. sg. от *sems: санскр. *sāmī-* ‘полу-’ [MAURHOFFER, 2: 725]; лат. *sēmi-* ‘полу-’, греч. ἡμι- ‘полу-’; п.-герм. *sēmi- > днв. *sāmi-*, д.-англ. *sām-* ‘полу-’ [OREL 2003: 328]. Де Ван предполагает сдвиг значений ‘в одном’ > ‘один из двух’ > ‘полу-’ [DE VAAN 2008: 553]. Бекес считает, что первоначальным значением было ‘в одной части (из двух)’ [BEEKES 2010: 519–520]. Айхнер полагает, что первичным значением было ‘belonging to a unity, forming a whole’ (степень долготы он объясняет двойным вриджированием:

*sm- ‘one’ > **semó- ‘unit’ > *sēmí- ‘forming a unit’) [IEN 1992: 63]. Гамкрелидзе и Иванов видят в *-i- не окончание местного падежа, а тематический элемент прилагательного при словосложении [ГАМКРЕЛИДЗЕ, ИВАНОВ 1984: 843]. Зилер отрицает связь этих двух корней и выводит *sēmi из *seh₁mi- [SINLER 1995: 406–407].

Новые дериваты: лат. *semper* ‘всегда’ < *sm̥-per [DE VAAN 2008: 553]; лат. *simplex* ‘простой’ < *sm̥-plak- [IBID.: 553]; лат. *simpulus* ‘простой’ < *sm̥-plo- [IBID.: 553]; лат. *semel* ‘однажды, один раз’ < *sm̥-mēlom [SINLER 1995: 406]; лат. *sincērus* ‘настоящий, неподдельный, подлинный’ < *sm̥-keh₂i-r/so- ‘целый’ [DE VAAN 2008: 565]; готск. *simle* ‘однажды’ < *semlom [LENMANN 1986: 304]; готск. *sinteins* ‘ежедневно’ < *sem-dey-no- [IBID.: 305]; санскр. *sakṣt* ‘один раз’, ав. *hakərəṭ* ‘один раз’ < *sm̥-k^(w)ṛt- [MAYRHOFFER, 2: 683]; греч. ἄπαξ ‘один раз, однажды’ < *sm̥- + *peh₂ĝ- (πήγνυμι ‘вонзаю, всаживаю, втыкаю’) [BEEKES 2010: 113].

Сюда же относятся балто-славянские префиксы со значением совместности: прусск. *sen-*, лит. *sán-/sám-/sá-*, прасл. *sɔ/*sъp-, которые соответствуют ведическому предлогу *sam*: **sam** *uṣadbhir ajāyathāḥ* (Ригведа I: 6, 3) “**Вместе** с зорями ты родился” [Елизаренкова, 1: 9]; **sam** *māgne varcasā srja sam prajāyā sam āyuṣā* (Ригведа I: 23, 24) “**С** блеском меня соеди́ни, **с** потомством, **с** долгой жизнью!” [IBID.: 28].

В хеттском данный корень сохранился в виде частицы *-(š)šan* < *som, выражающей нахождение сверху чего-то, вблизи чего-то и употребляющейся в обозначениях счёта или измерения [КЛОЕКНОРСТ 2008: 718]. Айхнер также возводит к этому корню хеттск. *šanai-* / *šani-* ‘one and the same, a single one’ [IEN 1992: 45–46], что оспаривается Клуэкнорстом [КЛОЕКНОРСТ 2008: 722–723].

Представление о *sem-, выражающем совместность, единство, базируется именно на префиксе *sm̥-, поэтому важно отметить, что имеются примеры, в которых *sem-/*sm̥- выступает в значении отдельной единичности, например, санскр. *sahásram* ‘тысяча’, ав. *hazaṅra-* ‘тысяча’ < *sm̥ ĝ^héslom ‘одна тысяча’¹ [MAYRHOFFER, 2: 719–720]; лат. *mille* ‘тысяча’ < *smih₂ ĝ^heslih₂ [DE VAAN 2008: 379–380] при греч. χίλιοι ‘тысяча’ < ĝ^heslo- [BEEKES 2010: 1633–1634]. Другим ярким примером является лат. *singulus* ‘одиночный, единичный, отдельный, единственный’ < *sem-go-lo- [WALDE, HOFFMANN 2: 544], где значение ‘совместной’ единичности совершенно не просматривается.

Это позволяет считать, что исконным числительным ‘1’ было именно *sems, а *HoјHs имело некое близкое к нему значение. Позднее *HoјHs вытеснило *sems в значении ‘1’ в большинстве ветвей, кроме греческой,

¹ Впрочем, здесь возможна и альтернативная трактовка: не ‘одна тысяча’, а ‘целая тысяча’.

тохарской и армянской, однако *sems широко сохранилось в виде дериватов.

Следует отметить, что в ситуации, когда на роль праиндоевропейского ‘один’ претендует целых два хорошо засвидетельствованных кандидата, причём восстанавливается картина замещения одного из них другим, было бы ошибочным отказывать праиндоевропейскому в существовании числительного ‘один’ вовсе, как это делает Мажюлис [1956: 54], а также Гамкрелидзе и Иванов [1984: 843–844].

2.3. Важно, что в греческом сохраняются оба корня. В Илиаде мы встречаем противопоставление εἷς ‘один’ (значение 1) — οἷος ‘один’ (значение 4а–4в), переносимое Мейе на праиндоевропейский уровень.

Примеры на первое значение: αὐτὰρ ἐμοὶ γέρας αὐτίχ' ἐτοιμάσατ' ὄφρα μὴ οἷος // Ἀργείων ἀγέραστος ἔω, ἐπεὶ οὐδὲ εἶοικε “Вы ж мне в сей день замените награду, да в стане аргивском // Я без награды **один** не останусь: позорно б то было” (перевод Н. И. Гнедича) — “But provide me with a prize of honour forthwith, lest I **alone** of the Argives be without one, since that would not be proper” (перевод О. Мюррея) (Илиада I: 118–119); οὐκ οἷος, ἅμα τῷ γε Λεοντεὺς ὄζος Ἄρηος // υἱὸς ὑπερθύμοιο Κορώνου Καίνεϊδαο “Он предводил не **один**, но при нем Леонтей бранодушный, // Отрасль Ареева, чадо Кеня, Коронова сына” — “Not **alone** was he, but with him was Leonteus, scion of Ares, the son of Caenus' son, Coronus, high of heart” (Илиада II: 745–746).

Примеры на значение 4а–в: στῆ δ' ὀπίθεν, ξανθῆς δὲ κόμης ἔλε Πηλεΐωνα // οἷφ φαινομένη τῶν δ' ἄλλων οὐ τις ὄρατο “Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида, // **Только** ему лишь явленная, прочим незримая в сонме” — “She stood behind him, and seized the son of Peleus by his fair hair, appearing to him **alone**” (Илиада II: 197–198); πολλὰκι γὰρ σεο πατρός ἐνὶ μεγάροισιν ἄκουσα // εὐχομένης ὅτ' ἔφησθα κελαινεφεῖ Κρονίωνι // οἷῃ ἐν ἀθανάτοισιν ἀεικέα λοιγὸν ἀμῦναι “Часто я в доме родителя, в дни еще юности, слышал, // Часто хвалилася ты, что от Зевса, сгустителя облак, // Ты из бессмертных **одна** отвратила презренные козни” — “For often I have heard you glorying in the halls of my father, and declaring that you **alone** among the immortals warded off shameful ruin from the son of Cronos, lord of the dark clouds” (Илиада I: 396–398).

После распада праязыка в отдельных группах стали возникать новые слова для обозначения ‘alone’. Сюда относятся греческое μόνος < *mónwos < *men- ‘маленький’ [БЕЕКЕС 2010: 965–966]; алб. *vetëmë* ‘alone’ < *vetë* ‘сам’ (< *swe-) [MEYER 1891: 468]; класс. арм. *miaynak* ‘alone’ < *mi* ‘один’ [MARTIROSYAN 2010: 467].

В латыни появилось слово *sólus*, образованное от того же корня *s₁H-, что *sollus* ‘целый, полный’ и *salvus* ‘целый’ [DE VAAN 2008: 573]. В языке

Плавта *solus* употребляется в значении 4а, при этом в значениях 4б–в используется *unus*: *hic soli sumus* “мы **одни**” (Poenulus, 891); *ПАМФН. Solus cenabo domi? GEL. Non enim solus: me vocato* “ПАМФИЛИПП: **Одному** обедать дома? ГЕЛАСИМ: Нет, не **одному**: меня пригласи” (Sticchus, 599–600); *est illic mi una spes cenatica* “надежда на обед **одна** мне там” (Captive, 496); *Te unum ex omnibus amat* “Тебя она **единственного** любит” (Truculentus, 186). Немаловажно, что у Плавта *solus* употребляется также в значении 5б: *dimidiam partem nationum usque omnium subegit solus intra viginti dies* “И половину всех как есть народностей — за двадцать дней все это покорил **один**” (Curculio, 447–448).

В готском *ains* употребляется и как числительное и как местоимение (в значениях 4а–в): *Jah anaks insafhwandans ni þanaseiþs Iēsu áinana miþ sis* [WRIGHT 1966: 246] “καὶ ἐξάπινα περιβλεψάμενοι οὐδέτι οὐδένα εἶδον ἀλλὰ τὸν ἰησοῦν **μόνον** μεθ’ ἐαυτῶν” — “И, внезапно посмотрев вокруг, никого более с собою не видели, кроме **одного** Иисуса” (Мк 9:8); *nibái kaurnō hūateis gadriusandō in airþa gaswiltiþ, silbō áinata aflifniþ* [IBID.: 279] “ἐὰν μὴ ὁ κόκκος τοῦ σίτου πεσὼν εἰς τὴν γῆν ἀποθάνῃ, αὐτὸς **μόνος** μένει” — “если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется **одно**” (Ин 12:24). Позднее в германских языках появился новый способ выражения значения *solus* — из словосочетания ‘весь один’: нем. *allein*, датск. *alene*, англ. *alone*.

В древнеирландском *óin/óen* также употребляется не только как числительное, но и в значениях 4б–в, ср.: *Mad uathad dochanat form, // ní airfithud nach n-oenchorn* “Wenn es wenige sind, die für mich ertönen, // **ein einzelnes** Horn ist kein Ergötzen!” — “Few make music here for me, // Joy I’ve none in **single** horn”; *Senfocul so srethaib cland, // ni lassamain cech n-oenchrand* “Ein altes Wort dieses in Reihen von Geschlechtern: // Kein Flammen jedes **einzelne** Scheit!” — “This old saying, ages old: // **Single** log gives forth no flame” [WINDISCH 1905: 320–321; DUNN 1914: 173]. В значении 4а употребляется словосложение *óenar* ‘один человек’: *M’oenurán dam ar eitib // acht nis leicim nis étaim, // atu im ulc, nim fuil im maith, // m’oenur dam ar ilathaib* “**Allein** muss ich sein bei den Herden, // lass ich sie auch nicht, so bekomme ich sie (doch auch) nicht! // Es geht mir schlecht, nicht geht es mir gut, // **allein** ich an den vielen Furten!” — “I **alone** these cattle guard, // Leave them not, yet hold them not. // Ill my plight, no hope for me, // Thus **alone** on many fords!” [WINDISCH 1905: 320–321; DUNN 1914: 173].

Напротив, в Ригведе, как кажется, все значения выражаются словом *ekaḥ*: *ko asya śusmaṁ taviṣiṁ varāta eko dhanā bharate apratitaḥ* (Ригведа V: 32, 9) “Кто удержит его ярость, (его) силу? // Тот, кому нет равных, **один** уносит награды” [ЕЛИЗАРЕНКОВА, 2: 33]; *ya ekaś carṣanīnām vasūnām irajyati indrah pañca kṣitinām* (Ригведа I: 7, 9) “Кто **один** над людьми, //

Над богатствами царствует, // Индра — над пятью поселениями (племен) [ИВІД., 1: 11]; *sthiram manaś cakṛṣe jāta indra veṣīd eko yudhaye bhūyasaś cit* (Ригведа V: 30, 4) “Едва родившись, ты закалил (свой) дух, о Индра. Ты стремишься **один** побороть даже превосходящих (врагов)” [ИВІД., 2: 30].

В прабалтославянском **óinos*, как и в большинстве других ветвей, вытеснило **sems* в качестве числительного, при этом в праславянском и правосточно-балтийском в корне была обобщена ступень аблаута ‘e’.

В литовском и латышском *vienas* и *viens* используются во всём спектре значений 1–4. Однако для позднего праславянского слову **edinъ* можно приписывать только значение ‘one’, в качестве ‘alone’ служило слово **samъ*, производное от корня **sem-*, то есть в праславянском корне **sem-* и **НоїН-* как будто поменялись местами.

3.1. Праиндоевропейское **somNos* хорошо представлено в различных ветвях: тох. В *somo* ‘одну’ (acc. sg. f.), *seme* ‘одного’ (acc. sg. m.) [ADAMS 2013: 722]; санскр. *samāh* ‘равный, одинаковый, подобный’; ав. *hama-* ‘тот же самый’ [МАУРНОФЕР, 2: 733]; греч. *ὁμός* ‘один и тот же, одинаковый, равный, общий, один’ < **som-h₂-ó-* [ВЕЕКЕС 2010: 1079]; п.-герм. **sama(n)-* > готск. *sama*, д.-сканд. *samr*, *sami*, д.-в.-н. *samo* (все означают ‘тот же самый’) [ЛЕНМАНН 1986: 294–295; OREL 2003: 317–318; КРООНЕН 2013: 425], дериват: **samjanan* > готск. *samjan* ‘стараться угодить’, д.-сканд. *semja* ‘приводить в порядок; расставлять’ [ЛЕНМАНН 1986: 295; OREL 2003: 317]; п.-кельт. **somo-* > др.-ирл. *-som* эмфатическое местоимение 3-го лица [МАТАСОВИĆ 2009: 351]; прасл. **самъ* ‘сам, один’. Сюда же относится **sm̥Nos* > п.-герм. **suma-* > гот. *sums*, д.-сканд. *sumr*, д.-анг. *sum*, д.-в.-н. *sum* (все означают ‘some(one)’) [ЛЕНМАНН 1986: 328–329; OREL 2003: 385–386; КРООНЕН 2013: 491], санскр. *samaḥ* ‘каждый, любой’ [МАУРНОФЕР, 3: 436–437]. Зилер рассматривает эту форму как тематизацию двойственного числа (**semh₁*) от **sem-* с этимологическим значением ‘пара’ [SINLER 1995: 406]. Наличие этих слов заставляет Гамкрелидзе и Иванову считать, что числительное **sems* — местоименного происхождения [ГАМКРЕЛИДЗЕ, ИВАНОВ 1984: 842–843]. Однако куда вероятнее, что производно именно местоимение, имеющее в своём составе суффикс.

В чешском “Этимологическом словаре славянских языков” **самъ* пытаются вывести из праиндоевропейского **s(e)w(o)* [ESSJ, 2: 594], однако при наличии хорошо реконструирующегося **somNos* и выводимости значений 4 и 5 из 3 (см. ниже) такая этимологизация является избыточной.

По всей видимости, исходным значением **somNos* было ‘тот же самый, одинаковый, равный’ (значение 3). Об этом говорит схожее употребление этого слова в Ригведе и у Гомера: *samau cid dhastau na samam*

viviṣṭaḥ sammātarā cin na samam duhāte yamayōs cin na samā vīryāṇi jñātī cit santau na samam prñītaḥ (Ригведа X: 117, 9) “Две руки, хоть и **одинаковы**, не делают **одинаковой** работы. Две коровы, хоть и от **одной** матери, **неодинаково** доятся. Даже у близнецов силы не **одинаковы**. **Неодинаково** дарят двое даже кровных родных” [Елизаренкова, 3: 175]; οὐ γὰρ πάντων ἦεν ὁμοῦς θρόος οὐδ' ἴα γῆρυς, // ἀλλὰ γλῶσσα μέμιχτο, πολύκλητοι δ' ἔσαν ἄνδρες “крик сей и звук их речей не у всех **одинаковы** были, // но различный язык разноземных народов союзных” — “for they had not all like speech or one language, // but their tongues were mingled, and they were a folk summoned from many lands” (Илиада IV, 437–438); ἦ μὰν ἀμφοτέροισιν ὁμὸν γένος ἦδ' ἴα πάτρη, // ἀλλὰ Ζεὺς πρότερος γεγόνει καὶ πλείονα ἦδῃ “Оба они и единая кровь и **единое** племя; // Зевс лишь Кронион и прежде родился и более ведал” — “Both the twain verily were of **one** stock and of one parentage, but Zeus was the elder born and the wiser” (Илиада XIII, 354–355).

Параллели для такого словообразования мы находим не только в русск. ‘один’ > ‘одинаковый’, но и в лтш. *viens* ‘один’ > *vienāds* ‘одинаковый, равный’.

В “Этимологическом словаре славянских языков” слову *samъ пытаются приписать конкретное значение ‘человек (как член семьи)’ [ESSJ, 2: 594], однако у такой этимологизации нет никаких фактических оснований (значение ‘глава семьи, муж’ у *samъ явно вторично).

Фонетически *samъ (< *sōmos) выводится из *somNos с точностью до вокализма корня. При этом в авестийском наряду с *hama-* мы находим также вариант *hāma-* [ВАРНОЛОМАЕ 1904: 1803]. Существует мнение, что долгота в авестийском может быть ошибочным чтением графики среднеперсидских писарей [МАСНЕК 1968: 537; DE VAAN 2003: 71]. Даже если согласиться с этим спорным утверждением, мы всё равно должны будем постулировать для праиндоиранского дублетную форму с долгим вокализмом из-за пали *sātam* ‘сам’, панджаби *sāvā*, *sātā* ‘равный, ровный’, фарси *hāmīn* ‘равнина’ [МАУРНОФЕР, 3: 437]. Таким образом, долгий гласный в п.-сл. *samъ появился ещё в допраславянскую эпоху.

3.2. В праславянском данное слово должно было расширить сферу своего значения с 3 на 4 и 5. Так, в “Этимологическом словаре украинского языка” предлагают следующую цепочку изменений: подобный > такой же > не иной > не другой > именно этот > только этот > один, сам [ЕСУМ, 5: 171]. Однако подобную цепочку можно придумать для любых двух произвольно взятых слов, и реконструкция праязыковой семантики, конечно, должна осуществляться на более строгих основаниях.

Если же попытаться доказать возможность такого сдвига данными других языков, то мы столкнёмся с тем, что очень часто встречается обратное расширение значений: ‘сам’ (значение 5) > ‘тот же самый’ (значение 3). Например, во французском *même* означает ‘сам; тот же самый’, но первично значение ‘сам’, поскольку *même* восходит к нар.-лат. *metipsimus, производного от *metipse — сложения *met* ‘сам’ и *ipse* ‘сам’. То же относится и к итальянскому *stesso* ‘сам (5a); тот же самый’, этимологически *iste* ‘этот’ + *ipse* ‘сам’.

Параллель к расширению значения ‘сам’ (значение 5) > ‘один’ (значение 4a) мы также находим в английском, где *by oneself* ‘сам’ может употребляться в качестве синонима слова *alone*: *But Bosch said he was going by himself if Edgar didn't come in* “Но Босх сказал, что если Эдгар не поедет, то он отправится туда **сам**” (M. Connelly, *City Of Bones*); *He mostly was by himself* “Он почти все время проводил **в одиночестве**” (M. Connelly, *City Of Bones*; цитируется по Национальному корпусу русского языка: <http://ruscorpora.ru/>).

Точкой перехода в случае с французским, вероятно, является значение 5a (= ‘лично’), а с английским — 5б (‘сам = без чужой помощи’).

Ещё один хороший пример мы находим в албанском: *vetëmë* ‘alone’ < *vetë* ‘сам’ (< *swe-) [MEYER 1891: 468].

Тем не менее определённую параллель праславянскому семантическому изменению можно найти в древнегреческом, в котором *αὐτός* означало ‘сам, один (alone), тот же самый’ (значения 5, 4, 3), в последнем случае с артиклем — *ὁ αὐτός*, стяжённая форма — *αὐτός: ἀλγῆσας ὀδύνησι, μέσῳ δ' ἐνὶ κάββαλ' ὀμίλῳ, // αὐτὸς δὲ κλάγξας πέτετο πνοιῆς ἀνέμοιο* “змея, отбросил орел, уронил посреди ополчения; // **сам** же, крикнувши звучно, понесся по веяню ветра” (Илиада XII: 206–207); *Τυδείδης δ' αὐτός περ ἐὼν προμάχοισιν ἐμίχθη* “но Диомед, и **один** оставаясь, вперед устремился” (Илиада VIII: 99); *οὐ κόσμῳ παρὰ ναῦφιν ἐλευσόμεθ' αὐτὰ κέλευθα* “но от судов не в устройстве мы **тем же** путем возвратимся” (Илиада XII: 225).

Данное слово возводят к слиянию *αῦ* ‘снова’ и *τόν* ‘это’ [BEEKES 2010: 173]. Если эта этимология верна, то первоначальным значением данного слова должно было быть ‘тот же самый’, а ‘сам’ и ‘один (alone)’ появились позже. В таком случае, возможно расширение значения не только в направлении 5 > 4, 3, но и в обратном, что, по всей видимости, и произошло в праславянском.

3.3. Таким образом, для исследуемой группы значений в праиндоевропейском, прабалтийском и праславянском можно восстановить следующую картину:

Таблица 2. Соотношение праиндоевропейских, прабалтийских и праславянских слов для 'unus', 'idem', 'solus' и 'ipse'

значения	поздне-праиндоевр.	прабалт.	позднепраслав.
1, 2	*sems	*a _i nas ~ *e _i nas	*edinъ
3	*somHos	*a _i nas ~ *e _i nas / *tas subas	*edinъ / *тъ samъ
4	*Ho _i Hs	*a _i nas ~ *e _i nas	*samъ
5	*suce-	*subas	*samъ

При этом реконструируется следующая история семантических переходов:

а) В большинстве диалектов позднепраиндоевропейского континуанты *Ho_iHs расширяют сферу своей семантики, вытесняя *sems в значениях 1 и 2. Аналогичная инновация впоследствии произошла в русском, причём она носит не всеобщий характер: 'сам' в значении 4 фиксируется в русских говорах [СРНГ, 36: 72]. Поэтому стремления отказать слову *samъ в значении 'solus' [ESSJ, 2: 590; REJZEK 2001: 560–561] беспочвенны.

б) В праславянском *samъ расширяет значение с 3 на 5, а затем и на 4. Попытка перечисления значений *samъ в славянских языках сделана в [ESSJ, 2: 589–592].

в) В прабалтийском континуанты *somHos утрачиваются.

г) В восточно-балтийском инновативное *pats* (от *patis 'хозяин', ср. авест. х^ваёрати- 'сам' < *х^ва_i-пати- 'сам (себе) хозяин' [ЭСИЯ, 3: 427] и противоположное изменение у лат. *ipse* 'сам' > 'сам, хозяин') вытесняет старое *subas, восстанавливаемое на основании прусск. *sup* 'сам, (тот же) самый' [STANG 1966: 238] в значениях 3 и 5.

4. Заключение

Произведённый в статье анализ позволяет сделать следующие выводы:

а) Индоевропейский материал подтверждает предположение Мейе, согласно которому *sems изначально выступало в роли числительного 'unus', а *Ho_iHs было местоимением 'solus'. Попытки приписать им значения вроде 'one-alone' и 'one-together' необоснованны и базируются на неполном учёте данных словообразования. Исконная семантика этих лексем сохранилась в древнегреческом. Впоследствии в большинстве ветвей индоевропейской семьи *Ho_iHs расширило свою семантику, вытеснив *sems в значении 'unus'.

б) Есть основания полагать, что *НојНs изначально было корневой основой с качественным аблаутом в корне.

в) Дериват *sems — *somNos первоначально означал ‘idem’. В праславянском он расширил своё значение на ‘ipse’ (где исконным было *sъe-), а затем и на ‘solus’. Параллель для такого перехода мы находим в истории греческого αὐτός.

г) В прабалтийском *somNos, напротив, утратилось, зато в виде *subas сохранилось п.-и.-е. *sъe ‘ipse’. Затем, уже в истории правосточнобалтийского, в этом значении возникло новообразование *pats.

Библиография

БОРИСОВА 1990

БОРИСОВА Е. Г., “Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении”, *Вопросы языкознания*, 2, 1990, 113–120.

ГАМКРЕЛИДZE, ИВАНОВ 1984

ГАМКРЕЛИДZE Т. В., ИВАНОВ Вяч. ВС., *Индоевропейский язык и индоевропейцы*, Тбилиси, 1984.

ЕЛИЗАРЕНКОВА, 1–3

ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я., *Ригведа*, 1–3, Москва, 1999.

ЕЛЬМСЛЕВ 2006

ЕЛЬМСЛЕВ Л., *Пролегомены к теории языка*, Москва, 2006.

ЕСУМ, 1–6

Етимологічний словник української мови, 1–6, Київ, 1982–2012.

КИБРИК 1996

КИБРИК А. Е., “Связанные употребления лексемы САМ (системно-когнитивный анализ)”, in: *Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка*, Москва, 1996, 494–509.

КИБРИК, БОГДАНОВА 1995

КИБРИК А. Е., БОГДАНОВА Е. А., “Сам как оператор коррекции ожиданий результата”, *Вопросы языкознания*, 3, 1995, 28–47.

МАЖЮЛИС 1956

МАЖЮЛИС В. П., “Индоевропейская десятичная система числительных”, *Вопросы языкознания*, 4, 1956, 53–59.

СЕМЕРЕНЬИ 2002

СЕМЕРЕНЬИ О., *Введение в сравнительное языкознание*, Москва, 2002.

СРНГ, 1–48

Словарь русских народных говоров, 1–48–, Москва, 1965–2015–.

ЭДЕЛЬМАН 1990

ЭДЕЛЬМАН Д. И., *Сравнительная грамматика восточноиранских языков*, Москва, 1990.

ЭСИЯ, 1–4

Этимологический словарь иранских языков, 1–4–, Москва, 2000–2007–.

ЯНКО 2001

ЯНКО Т. Е., *Коммуникативные стратегии русской речи*, Москва, 2001.

ADAMS 2013

ADAMS D. Q., *A Dictionary of Tokharian B*, Amsterdam, New York, 2013.

ADAMS, MALLORY 2006

ADAMS D. Q., MALLORY J. P. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*, Oxford, 2006.

ARUMAA 1985

ARUMAA P., *Urslavische Grammatik, 3: Formenlehre*, Heidelberg, 1985.

BARTHOLOMAE 1904

BARTHOLOMAE CHR., *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg, 1904.

BEEKES 2010

BEEKES R., *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden, Boston, 2010.

——— 2011

BEEKES R., *Comparative Indo-European Linguistics*, Amsterdam, Philadelphia, 2011.

BLAŽEK 1999

BLAŽEK V., *Numerals*, Brno, 1999.

DERKSEN 2008

DERKSEN R., *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2008.

DUNN 1914

DUNN J., *The Ancient Irish Epic Tale Táin Bó Cúalnge*, London, 1914.

ESSJ, 1–2

Etymologický slovník slovanských jazyků, 1–2, Praha 1973–1980.

HASPELMATH 2014

HASPELMATH M., "The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison," in: *The New Psychology of Language*, 2, Hove, 2014, 211–242.

IEN 1992

Indo-European Numerals, Berlin, New York, 1992.

KLOEKHORST 2008

KLOEKHORST A., *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2008.

KROONEN 2013

KROONEN G., *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*, Leiden, Boston, 2013.

LEHMANN 1986

LEHMANN W., *A Gothic Etymological Dictionary*, Leiden, 1986.

MACHEK 1968

MACHEK V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1968.

MARTIROSYAN 2010

MARTIROSYAN H. K., *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden, Boston, 2010.

MATASOVIĆ 1997

MATASOVIĆ R., *Kratka poredbenopovijesna gramatika latinskoga jezika*, Zagreb, 1997.

——— 2009

MATASOVIĆ R., *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*, Leiden, Boston, 2009.

MAYRHOFER, 1–4

MAYRHOFER M., *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, 1–4, Heidelberg, 1956–1980.

MEILLET 1949

MEILLET A., *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes*, Paris, 1949.

- MEYER 1891
MEYER G., *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache*, Strassburg, 1891.
- OREL 1998
OREL V., *Albanian Etymological Dictionary*, Leiden, Boston, Köln, 1998.
- 2003
OREL V., *A Handbook of Germanic Etymology*, Leiden, Boston, 2003.
- PATOTA 2002
PATOTA G., *Lineamenti di grammatica storica dell'italiano*, Bologna, 2002.
- PINAULT 2006
PINAULT G.-J., "Retour sur le numéral «un» en tokharien," *Indogermanische Forschungen*, 111, 2006, 71–97.
- REJZEK 2001
REJZEK J., *Český etymologický slovník*, Brno, 2001.
- RINGE 2006
RINGE D., *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic*, Oxford, 2006.
- SIHLER 1995
SIHLER A., *New Comparative Grammar of Greek and Latin*, New York, Oxford, 1995.
- SMOCZYŃSKI 2007
SMOCZYŃSKI W., *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, Wilno, 2007.
- STANG 1966
STANG CHR. S., *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*, Oslo, Bergen, Tromsø, 1966.
- DE VAAN 2003
DE VAAN M., *The Avestan Vowels*, Amsterdam, New York, 2003.
- 2008
DE VAAN M., *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*, Leiden, Boston, 2008.
- WALDE, HOFMANN, 1–2
WALDE A., HOFMANN J., *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, 1–2, Heidelberg, 1938–1954.
- WATKINS 1998
WATKINS C., "Proto-Indo-European: Comparison and Reconstruction," in: *The Indo-European Languages*, London, New York, 1998, 25–73.
- WINDISCH 1905
WINDISCH E., *Die altirische Heldensage Táin Bó Cúalnge*, Leipzig, 1905.
- WRIGHT 1966
WRIGHT J., *Grammar of the Gothic Language*, Oxford, 1966.

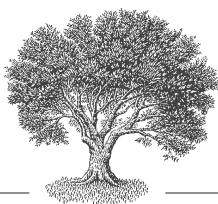
References

- Adams D. Q., *A Dictionary of Tokharian B*, Amsterdam, New York, 2013.
- Adams D. Q., Mallory J. P. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*, Oxford, 2006.
- Arumaa P., *Urslavische Grammatik, 3: Formenlehre*, Heidelberg, 1985.
- Beekes R., *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden, Boston, 2010.
- Beekes R., *Comparative Indo-European Linguistics*, Amsterdam, Philadelphia, 2011.
- Blažek V., *Numerals*, Brno, 1999.
- Borisova E. G., "The Communicative Structuring of the Utterance as Reflected in the Lexical Meaning," *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 1990, 113–120.
- Derksen R., *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2008.

- Edel'man D. I., *Sravnitel'naia grammatika vos-tochnoiranskikh iazykov*, Moscow, 1990.
- Gamkrelidze T. V., Ivanov Viach. Vs., *Indoevro-peiskii iazyk i indoevropeitsy*, Tbilisi, 1984.
- Haspelmath M., "The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison," in: *The New Psychology of Language*, 2, Hove, 2014, 211–242.
- Hjelmslev L. T., *Prolegomena to a Theory of Lan-guage*, Moscow, 2006.
- Kibrik A. E., "Sviazannye upotrebleniia leksemy SAM (sistemno-kognitivnyi analiz)," in: *Rusistika. Sla-vistika. Indoevropeistika*, Moscow, 1996, 494–509.
- Kibrik A. E., Bogdanova E. A., "Russian 'Sam' as an Operator of Correction of the Hearer's Expectations," *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 1995, 28–47.
- Kloekhorst A., *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2008.
- Kroonen G., *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*, Leiden, Boston, 2013.
- Lehmann W., *A Gothic Etymological Dictionary*, Leiden, 1986.
- Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1968.
- Martirosyan H. K., *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*, Leiden, Boston, 2010.
- Matasović R., *Kratka poredbenopovijesna grama-tika latinskoga jezika*, Zagreb, 1997.
- Matasović R., *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*, Leiden, Boston, 2009.
- Mayrhofer M., *Kurzgefaßtes etymologisches Wör-terbuch des Altindischen*, 1–4, Heidelberg, 1956–1980.
- Mažiulis V., "Indoeuropeiskaia detsimal'naia sistema chislitel'nykh," *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 1956, 53–59.
- Meillet A., *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes*, Paris, 1949.
- Orel V., *Albanian Etymological Dictionary*, Lei-den, Boston, Köln, 1998.
- Orel V., *A Handbook of Germanic Etymology*, Lei-den, Boston, 2003.
- Patota G., *Lineamenti di grammatica storica dell'italiano*, Bologna, 2002.
- Pinault G.-J., "Retour sur le numéral «un» en tokharien," *Indogermanische Forschungen*, 111, 2006, 71–97.
- Rejzek J., *Český etymologický slovník*, Brno, 2001.
- Ringe D., *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic*, Oxford, 2006.
- Sihler A., *New Comparative Grammar of Greek and Latin*, New York, Oxford, 1995.
- Smoczyński W., *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, Wilno, 2007.
- Stang Chr. S., *Vergleichende Grammatik der Bal-tischen Sprachen*, Oslo, Bergen, Tromsø, 1966.
- Szemerényi O. J. L., *Introduction to Indo-Euro-pean Linguistics*, Moscow, 2002.
- de Vaan M., *The Avestan Vowels*, Amsterdam, New York, 2003.
- de Vaan M., *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*, Leiden, Boston, 2008.
- Walde A., Hofmann J., *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, 1–2, Heidelberg, 1938–1954.
- Watkins C., "Proto-Indo-European: Comparison and Reconstruction," in: *The Indo-European Lan-guages*, London, New York, 1998, 25–73.
- Wright J., *Grammar of the Gothic Language*, Ox-ford, 1966.
- Yanko T. E., *Kommunikativnye strategii russkoi rechi*, Moscow, 2001.

Михаил Николаевич Саенко, канд. филол. наук
Институт славяноведения РАН, научный сотрудник
Отдела славянского языкознания
11991 Москва, Ленинский проспект, д. 32А
Россия/Russia
veraetatis@yandex.ru

Received June 3, 2016

‘Knowing How’ in Slovene: Treading the Other Path*

Barbara Sonnenhauser

University of Zürich,
Zürich, Switzerland

‘Зная, как’ в СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ: ИДЯ ПО ИНОМУ ПУТИ

Барбара Зонненхаузер

Цюрихский университет,
Цюрих, Швейцария

Abstract

For the linguistic expression of the concept of knowledge, the Slavic languages use verbs deriving from the Indo-European roots **ǵnō* and **ueǵd*. They differ in terms of the availability of both types of verbs in the contemporary standard languages and in terms of their semantic range. As will be shown in this paper, these differences are interesting not only from a language-specific lexicological point of view, but also in the context of the intersection of lexicon and grammar. Covering the domain of ‘knowing how,’ the **ǵnō*-based verb in Slovene (*znati*) has been extending into the domain of possibility and, on this basis, developing into a modal verb. While this development is not surprising from a typological point of view, it is remarkable from a Slavic perspective, since this particular grammaticalisation path towards possibility is otherwise unknown to Slavic. This peculiar feature of Slovene, which most probably relates to its long-lasting and intensive contact with German, is illustrated in the present paper by comparing Slovene to Russian on the basis of three main questions: 1) the semantic range of *vedeti / vedat’* and *znati / znat’*; 2) the lexicalisation of ‘know how,’ and 3) the relation between knowledge, ability, and possibility. The focus is on contemporary Slovene and Russian, leaving a detailed diachronic investigation and the further embedding into a larger Slavic and areal perspective for future analyses.

* I would like to thank the two anonymous reviewers for their valuable comments and suggestions. The research for this paper has been carried out within the project *Language Description as Filter and Prism: The ‘Individuality’ of Slovene* funded by the Swiss National Science Foundation SNF (grant number 10001B_162970/1; http://www.slav.uzh.ch/de/forschunguebersicht/sprachwissprojekte/snf_slovenisch.html).

Keywords

knowledge, ability, modality, Slovene, Russian

Резюме

Для выражения понятия знания славянские языки используют глаголы, производные от индоевропейских корней **ǵnō* и **ueǵd*, но различаются условиями употребления обоих типов этих глаголов в современной литературной норме и условиями их семантического ранжирования. Как показано в настоящей статье, эти различия интересны не только сточки зрения лингвоспецифичности лексики, но также в контексте пересечения лексики и грамматики. Обслуживая сферу значений 'зная, как', словенский глагол с основой **ǵnō* (*znati*) распространился и на семантическую сферу возможности и благодаря этому стал модальным глаголом. Хотя этот сдвиг и не удивителен с типологической точки зрения, он примечателен в общеславянской перспективе, поскольку этот особый путь грамматикализации в сторону семантики возможности в целом не известен прочим славянским языкам. Эта характерная черта словенского языка, которая, скорее всего, связана с длительными и интенсивными его контактами с немецким, проиллюстрирована в настоящей статье сравнением словенского языка с русским в трёх главных аспектах: 1) семантический диапазон глаголов *vedeti* / *ведать* и *znati* / *знать*, 2) лексикализация значения 'знать, как' и 3) взаимоотношения между понятиями знания, способности и возможности. Основное внимание уделено современным словенскому и русскому языкам, без подробных экскурсов в их историю, но с прицелом на дальнейшее исследование данного вопроса в широкой славянской и ареальной перспективе.

Ключевые слова

знание, возможность, модальность, словенский язык, русский язык

1. Introduction

As concerns the expression of KNOWLEDGE,¹ the Germanic and Slavic languages exhibit verbs that derive from the Indo-European roots **ǵnō* and **ueǵd*. The contemporary standard languages differ, however, in two main regards: as concerns the lexical partitioning of KNOWLEDGE by these verbs and as concerns the semantic extension of the verbs based on **ǵnō*. This is illustrated in (1) and (1'):² Slovene displays **ǵnō*-based *poznati* and *znati* alongside **ueǵd*-based *vedeti*. German, too, has verbs of both roots (*kennen* and *können* < **ǵnō*, *wissen* < **ueǵd*), while Russian and English use **ǵnō*-based verbs only (*znat'* and *know*, respectively). That is, the two members of the Germanic family differ in that English has one verb only (*know*), whereas German displays three different verbs (*kennen*, *wissen*, *können*). A similar relation obtains between Slovene and Russian as representatives of Slavic:

¹ Uppercase letters indicate concepts.

² Eng = English, Ger = German, Ru = Russian, Slo = Slovene.

Slovene uses two different verbs ((*po*)*znati*, *vedeti*), as opposed to one verb (*znat'*) in Russian. Moreover, it does not seem possible to use ru. *znat'* in translating slo. *znam prisluhniti*, which points towards a difference in the semantic extension of *znat'* and *znati*.

- (1) a. Slo: Kdor me *pozna*, *ve*, da *znam* prisluhniti ljudem! [GIGAFIDA: Dnevnik 2000]
 b. Ger: wer mich kennt, weiss, dass ich den Menschen zuhören kann!
- (1') a. Ru: Te, kto menja *znaet*, *znajut*, čto ja xorošo *umeju* prislušivat' sja k ljudjam!
 b. Eng: [*lit.*] Who *knows* me *knows* that I *know* how to listen to the people!

Remarkably, then, the differences in the expression KNOWLEDGE by means of **ġnō* and **yeid* seem to be more pronounced within than across the Slavic and German families.

Against this background, Slovene turns out to be quite particular among Slavic in two main respects: First, it lexicalises KNOWLEDGE by means of verbs deriving from both roots, with the **ġnō*-based verb having entered the domains of 'knowing how' and ability, see (1). Second, and even more particular, this semantic expansion constitutes a recent starting point for the grammaticalisation of possibility—a path that is not observed for the other Slavic languages. This usage of *znati* as expressing epistemic possibility is illustrated in (2):

- (2) Do polovice meseca bo sicer retrogradni Merkur delal težave v komunikaciji, tako da *zna priti* do kakšnih nerodnih situacij.
 'Until the middle of the month Mercury will cause communication troubles, such that uncomfortable situations *may arise*.'
 (<http://slowwwenia.ena.com/Novice/Horoskop/Mesecni-horoskop-za-december2011.html>, 23.1.2012)

The link between 'knowing how,' ability and modality has been stated previously (e.g., [KIEFER 1997]), as has the status of 'know' as one possible lexical source of possibility (e.g., [BYBEE ET AL. 1994; AUWERA, PLUNGIAN 1998; HANSEN 2001; NARROG 2012]). This has been done mainly retrospectively, i.e., from the perspective of modality. The present paper will shift the focus towards the concept of KNOWLEDGE as the starting point of this development. This allows for stating the links mentioned above more precisely in that a language-independent point of reference is provided. It thus also becomes possible to show the closeness of Slovene to German and its differences from Russian, which is taken here as the exemplary representative³ of Slavic.

The paper is structured as follows: Section 2 introduces three sub-domains of KNOWLEDGE and their verbal lexicalisation in Germanic and Slavic. The

³ This is, of course, a broad oversimplification, but suffices for the purposes of the present paper.

intra-Slavic differences concerning these lexicalisation patterns of KNOWLEDGE in terms of **ġnō*- and **uēid*-based verbs are illustrated in section 3 on the examples of Slovene and Russian. Section 4 focuses on 'knowing how' and its relation to ABILITY on the one hand, and the differences between Slovene and Russian in the lexicalisation of ABILITY by their **ġnō*-based verbs on the other. On this basis, Slovene *znati* is shown to constitute an emerging modal verb in section 5. In this way, the linguistic expression of KNOWLEDGE becomes relevant from a lexical-typological and areal perspective, as will be concluded in section 6.

2. KNOWLEDGE

In the philosophical tradition (e.g., [RYLE 1945; VENDLER 1957; STANLEY 2011]), three main domains of KNOWLEDGE are commonly differentiated: factual knowledge ('knowing that'), knowledge concerning how to do something ('knowing how') and acquaintance with something or somebody ('knowing sb / sth'). APRESJAN [1995] refers to these domains as *propozicional'noe znanie* 'propositional knowledge,' *znanie-umenie* 'knowledge-ability' and *znanie-znakomstvo* 'knowledge-acquaintance' and thereby captures the different targets or types of content of knowledge: propositions, actions and objects, cf. table 1. In order to abstract away, as far as possible, from any language-specific connotations, the three domains will be referred to as KNOW-1, KNOW-2 and KNOW-3 in the remainder of this paper.

Table 1. The concept of KNOWLEDGE

	subdomains	target	shortcut
KNOWLEDGE	'knowing that' / propositional knowledge	proposition	KNOW-1
	'knowing how' / knowledge-ability	action	KNOW-2
	'know sb / sth' / knowledge-acquaintance	object	KNOW-3

In his survey of synonyms for selected basic concepts in the main Indo-European languages, BUCK [1949: 1208] notes in the entry for 'know' that "know as a fact" (that is, KNOW-1) and "be acquainted with" (that is, KNOW-3) are both covered by *know* in contemporary English, while in other Indo-European languages both domains "were originally expressed by different words and still are." These different words typically derive from the roots **ġnō* and **uēid*, which originally described two kinds of knowledge (e.g., [GRKOVIĆ-MEJDŽOR 2007: 315]⁴): perceptive knowledge for which the subject is a passive

⁴ Stating that "[r]ani indoevropski, kao jezik aktivne tipologije, ovu razliku markirao je leksički" 'early Indo-European, as a language of the active typology, marked this difference on a lexical basis,' GRKOVIĆ-MEJDŽOR [2007: 315] regards the lexical differentiation of both types of knowledge as a characteristic feature of early Indo-European, being in line with its 'active' character (see [KLIMOV 1972] for more details

recipient (**ueid*) and inferential knowledge, in which the subject is actively involved (**ĝnō*). In some languages, the sense of ‘know how to do’ “became dominant” [BUCK 1949: 1208] for **ĝnō*. That is, words of this root developed to cover KNOW-2 and thereby started being “used as ‘know how’ and so virtually ‘can,’ like Fr. *il sait lire* ‘he (knows how to) can read’” [IBID.: 647]. In addition, one further kind of development can be observed, “displacing the older meaning ‘know’ and the old words for ‘can’” [IBID.: 647]. One case in point is English, where large parts of KNOW-2, in particular the possibility readings (see section 5), are expressed by the modal *can*, leaving *know* as a lexical verb.

The differences in English and German concerning the linguistic partitioning of KNOWLEDGE by means of the verbs under discussion are illustrated in table 2. English uses *know* for all three subdomains, distinguishing the content of knowledge—proposition, action, object—on syntactic grounds (complement clause, infinitive, direct object). Within KNOW-2, a particular part has been taken over by *can* (< *cunnan*), a cognate of *know* (e.g., [WATKINS 1985: 32]), such that *can* and *know* now divide up this domain. German has verbs derived from **ĝnō* for KNOW-2 (*können*) and KNOW-3 (*kennen*), whereas **ueid*-based *wissen* is used for KNOW-1. That is, while in English *can* split off and developed into a fully fledged modal, in German *kennen* split off as a lexical verb, leaving *können* with modal functions. Differently from English, contemporary German marks the partition of KNOWLEDGE also on a lexical basis.

Table 2. Germanic

	English	German
KNOW-1	<i>*ĝnō</i> > <i>know</i>	<i>*ueid</i> > <i>wissen</i>
KNOW-2	<i>*ĝnō</i> > <i>know, can</i>	<i>*ĝnō</i> > <i>können</i>
KNOW-3	<i>*ĝnō</i> > <i>know</i>	<i>*ĝnō</i> > <i>kennen</i>

The difference between English and German concerning the expression of KNOW-1 and KNOW-3 by verbs derived from one and the same root (English) or from two different roots (German) can be observed within the Slavic family as well. The contemporary Slavic languages divide into two groups [ПОПОВИЋ 1960: 3; GRKOVIĆ-MEJDŽOR 2007: 317–318], as can be seen in table 3. The languages of the former group, which includes East Slavic (except for Ukrainian), Eastern BCS, Bulgarian and Macedonian, employ **ĝnō* for KNOW-1 and KNOW-3, whereas the latter—including Slovene, Western BCS, West Slavic and Ukrainian—have **ĝnō* for KNOW-3 and **ueid* for KNOW-1. As concerns

on active languages). The fact that in Russian, for instance, **ueid* but not **ĝnō* appears in the context of impersonal predicatives such as *mne izvestno* ‘I know,’ ‘I am aware of’ (lit. ‘it is known to me’) might be taken as attesting to this quality.

the lexical expression of KNOW-1 and KNOW-3, Russian thus ties in with the 'English type' and Slovene with the 'German type' (see also (1) and (1') above).

Table 3. Slavic

	East Slavic, Eastern BCS, Bulg., Mac.	Slovene, Western BCS, West Slavic
KNOW-1	* <i>ġnō</i> > <i>znat'</i>	* <i>ueid</i> > <i>vedeti</i>
KNOW-2	?	?
KNOW-3	* <i>ġnō</i> > <i>znat'</i>	* <i>ġnō</i> > (<i>po</i>) <i>znati</i>

As the overview in BUCK [1949: 1207] shows, the lexical differentiation of KNOWLEDGE by means of **ġnō* and **ueid* is characteristic of older stages of Germanic and Slavic (on Slavic see also [GRKOVIĆ-MEJDŽOR 2007: 317]). This distinction has been lost in some of the contemporary languages, such as English or Russian,⁵ while others have retained it, such as German, Danish and Swedish, and the Slavic languages given in table 3. The geographical location of the languages of the latter type suggests a division of European languages into a periphery, where the distinction has been given up, and a centre, where it is still kept (see also the overview in [KEY, COMRIE 2015]),⁶ albeit with slightly diverging semantic characteristics for the verbs of both roots.

Strikingly, neither POPOVIĆ [1960] nor GRKOVIĆ-MEJDŽOR [2007] considers KNOW-2 in their intra-Slavic differentiation. Most probably, this relates to the fact that in Slavic, KNOW-2 is expressed by verbs deriving from the root **mog* 'power, be strong' (e.g., Russian *moč*, BCS *moći*, Czech *moci*). At first sight, therefore, the linguistic expression of KNOW-2 does not seem to be relevant for the lexical distinctions within KNOWLEDGE in Slavic.

3. KNOWLEDGE in Slovene and Russian

This section offers a closer look at the semantic characteristics and preferred contexts of the usage of verbs derived from **ġnō* and **ueid* in Slovene and Russian as representatives of the two groups introduced in section 2.

⁵ The question as to when, where and under what conditions **ueid* started to fall into desuetude in these languages remains to be investigated, ideally taking into account factors such as genre, language contact (written and oral) and prescriptive tradition.

⁶ This is not congruent with HASPELMATH's [1998] distinction of Standard Average European into nucleus, core and periphery, which he bases on morpho-syntactic features dating—with all due caution—to the "time of the great migrations at the transition between antiquity and the Middle Ages" [IBID.: 285]. The lexical partition under discussion here seems to be younger and subject to processes which are still in need of closer inspection. As concerns the Slavic languages, extra-linguistic factors such as translations of prestigious texts (most importantly, the Bible) or the tradition of (mainly German and, secondarily, Czech) grammar writing might have played a role, in particular for the retention of **ueid* alongside **ġnō*.

3.1 Lexicological descriptions

According to [MAS], Russian *vedat'* expresses the possession of information about something or somebody; for this interpretation, *znat'* is given as a synonym expression. In literary styles, *vedat'* is described as expressing sentience. However, it is indicated as being outdated in both interpretations and as being restricted to phraseological expressions such as *vedat' ne vedaet* 's/he does not have the slightest idea' (see also [PTENCOVA 2008: 267] on the constantly decreasing usage of *vedat'* as evinced in the Russian National Corpus⁷).

For *znat'*, [MAS] distinguishes the four main interpretations listed in (3):

- (3) a. to possess information about sb / sth
 b. to have skills in a particular domain (e.g., *znat' matematiku* 'know mathematics')
 c. to know sb / sth (*ja znal korotko éтого starika* 'I have known this old man closely'); to experience sth
 d. to understand, recognise, comprehend

Since with interpretations (3a) and (3d), *znat'* covers domains that are also mentioned for the outdated *vedat'*, the contemporary distribution seems to result from the semantic expansion of *znat'* at the expense of *vedat'* (see also [APRESJAN 1995: 46]; PTENCOVA [2008: 274, 277] dates the beginning of the expansion of *znat'* into the semantic domain of *vedat'* to the 15th c.). In none of the interpretations listed is *znat'* directed towards an action, which suggests that it does not cover KNOW-2. This is also reflected in APRESJAN's [2004: 398–399] description, which gives the factive interpretation (i.e., KNOW-1) as the main meaning for *znat'*, alongside 'imet' svedenija o čem-libo' 'have information about something' (i.e., KNOW-3). Two further interpretations, 'obladat' umenijami v opredelennoj oblasti (*znat' francuzskij* [. . .]) 'possess capabilities in a particular domain (*know French*),' which is close to KNOW-2, and 'byt' znakomym s kem-libo' 'be acquainted with somebody' [IBID.: 399], which can be regarded as an instance of KNOW-3, are mentioned as additional, but peripheral, interpretations.⁸

For Slovene *vedeti*, [SSKJ] lists the interpretations given in (4). All of them testify to the passive character of the kind of KNOWLEDGE lexicalised by

⁷ Apart from "za poslednee stoletie" 'over the last century,' PTENCOVA [2008: 267] does not give any details as to the time span covered by her analysis. She neither dwells upon the method of query, but simply notes that "*vedat'* vstrečaetsja v 20 raz reže čem *znat'*" '*vedat'* is met 20 times less frequently than *znat'*" [IBID.]. Nonetheless, this can be taken as indicating the general trend.

⁸ Citing example (i), one of the reviewers points out an additional usage of *znat'*, which does not seem to be related to KNOWLEDGE but instead carries the aspectual meaning of stativity:

(i) *Étot gorod znal i vremena procvetanija, i époxi upadka.*

'This city *has known* times of prosperity as well as epochs of decline.'

This usage is not covered by the present paper. However, because it exhibits an inanimate subject, it might possibly be analysed as an expansion of KNOW-3.

**ueid* (cf. section 2). The main domain of *vedeti* appears to be KNOW-1, while KNOW-2 is covered only marginally. It is described as being outdated in usage (4d), i.e., in the sense of KNOW-3.

- (4) a. to be aware of sth / have sth in mind on the basis of perception or learning
 b. to be aware of / have in mind basic properties of sth on the basis of personal experience
 c. to be in a position to carry out some action because of personal experience
 d. outdated 'znati': *vedeti tuje jezike* 'to know foreign languages'

For *znati*, [SSKJ] gives the interpretations in (5):

- (5) a. to memorise what has been learnt and be able to convey and apply it
 b. to be able to successfully execute and perform a particular capability
 c. vernacular: possibly to be the case: *tam bi znala biti zaseda* 'there might be an ambush'
 d. outdated 'vedeti': *za njegov dolg so znali vsi* 'everyone knew about his debts'

Being directed towards an action, interpretations (5a) and (5b) cover the domain of KNOW-2. Interpretation (5c) is not captured by the subdomains of KNOWLEDGE established so far; it will be dealt with in sections 4 and 5 (see (2) for a first illustration). There is one usage for which *znati* is listed as being outdated, namely, as a synonym for a particular use of *vedeti*, (5d). Taken together, these descriptions suggest a division of labour in Slovene. Contrary to Russian, Slovene **gnō* (*znati*) has not ousted **ueid* (*vedeti*). Instead, both still retain the original semantics of active vs. passive knowledge and each cover particular domains of KNOWLEDGE.

The differences between Slovene *znati* and *vedeti* on the one hand, and between Slovene and Russian on the other can be seen in (6), a parallel passage retrieved from the PARASOL corpus:

- (6) a. Slo: (i) *Vem, da* (ii) *ničesar ne znam dobro*. (iii) *Vem, da nisem lepa*. . .
 [PARASOL]
 'I know that I don't know [= don't know how to do] anything well. I know that I am not beautiful. . .'
 b. Ru: (i) *Znaju, što* (iia) *ja glupa*. (iib) *Znaju, što ničego kak sleduet* (iic) *ne umeju*. (iii) *Znaju, što ja nekrasivaja*. . . [PARASOL]
 'I know that I am stupid. I know that I am not able to do anything as it should be done. I know that I am not beautiful.'

In Slovene, (6a), *vem* has a proposition as target (KNOW-1), *znam* a nominalised action (KNOW-2)—as becomes obvious by the Russian translation. In Russian, (6b), *znaju* is used as an equivalent for *vem* (KNOW-1), while *znam* and its target

ničesar ‘nothing’ are rendered by (iia)-(iic): (iia) *ja glupa* ‘I am stupid’ serves as a general paraphrase, while the actional complement implicit in *ničesar* is paraphrased by (iib) *znaju* and its propositional complement (iic) *ničego kak sleduet ne umeju* ‘I am not able to do anything the way it should be done.’ The actional content of KNOWLEDGE (KNOW-2) needs to be introduced by *umet’* ‘to be able,’ since this is not an option for *znat’*—contrary to Slovene *znati*. For the second instance of propositional KNOWLEDGE in (iii), Slovene and Russian again use *vedeti* and *znat’* respectively.

3.2 Usage

The differences between Russian and Slovene in the semantic coverage of the verbs under discussion surface more distinctly in parallel texts.⁹ Examples (7)–(9) show different ways in which Slovene *vedeti* as expressing KNOW-1 may be rendered in Russian: except for a very few examples of *vedat’* (see (7)), this meaning is expressed by *znat’* (see (8)), or predicative constructions, such as *izvestno* ‘it is known’ (with *vest’* < **uejd*; see also footnote 4) (see (9)).

- (7) a. Slo: Kaznovati nekoga, ki ni *vedel*, *kaj* dela, je navadno barbarstvo. [PARASOL]
 b. Ru: Nakazyvat’ kogo-to, kto ne *vedal*, *čto* tvoril, ne čto inoe, kak varvarstvo. [PARASOL]
 ‘Punishing somebody who did not *know*, *what* he was doing, is barbarism.’
- (8) a. Slo: kajti on dobro *ve*, *da* [PARASOL]
 b. Ru: ibo prekrasno *znaet*, *što* [PARASOL]
 ‘since he *knows* very well *that*’
- (9) a. Slo: *nihče* ne *ve*, kakšna misel je tedaj obšla Ivana [PARASOL]
 b. Ru: *nikomu* ne *izvestno*, kakaja tut mysl’ ovladela Ivanom [PARASOL]
 ‘*nobody* *knew*, what thought has crept over Ivan’

KNOW-3 is expressed by means of (*po*)*znati* and *znat’*, respectively, see (10):

- (10) a. Slo: Seveda vas *poznam!* [PARASOL]
 b. Ru: Razumeetsja, ja *znaju* vas. [PARASOL]
 ‘Of course, I *know* you.’

Example (11) oscillates between KNOW-3, which is suggested by the nominal object, and KNOW-2, which is suggested by the semantics of this object, which includes an action:¹⁰

⁹ It is important to note that the comparison in this section is not to be taken as a detailed corpus study nor does it aim at providing a detailed survey of the means of expressing ability in Russian (see, e.g., [BELJAEVA 1990; BELYAEVA-STANDEN 2002; HANSEN 2001] for concise overviews and analyses).

¹⁰ The further context of this example does not contribute to solving this equivocality, see (ii):

- (11) a. Slo: *Znam še tajsko masažo.* [PARASOL]
 b. Ru: Ja eščé tajskij massaž *znaju.* [PARASOL]
 'I *know* the Thai massage.'

As concerns KNOW-2, *znati* is common in Slovene, while in Russian, *znat'* is listed (see 3b) as expressing this sense of KNOWLEDGE only in examples such as (12):

- (12) a. Slo: Poleg domačéga *znam* pet jezikov. [PARASOL]
 b. Ru: Ja *znaju* pjat' jazykov, krome rodnogo. [PARASOL]
 'I *know* five languages besides my native one.'

Actually, however, in cases like (12), knowledge seems to be targeted at an object rather than at an action, whereby such uses of *znat'* seem much closer to KNOW-3, i.e., know something / somebody. Obviously, we are dealing with the same kind of oscillation as observed for (11), which derives from the divergence of syntax (nominal object) and semantics (nominal object suggesting an action).

Apart from this restricted usage of *znat'*, which is also the only example APRESJAN [2004: 399] lists for *znanie-umenie*, Russian exhibits various equivalents to Slovene *znati* in this domain. These equivalents encompass, most prominently, implicit coding, (13), *umet'* 'be able,' (14), and *moč'* 'be able, can,' (15).

- (13) a. Slo: Ah, kako *zna* *streljati!* [PARASOL]
 b. Ru: ax, kak on *streljaet* [PARASOL]
 'Ah, how he shoots!'
- (14) a. Slo: Zakaj hodiš na bazen, če ne *znaš* *plavat?* [PARASOL]
 b. Ru: Začem ty xodiš' v bassejn, esli *plavat'* ne *umeeš?* [PARASOL]
 'Why do you go to the pool if you cannot swim?'
- (15) a. Slo: Tega ti ne *znam* *povedati* drugače [PARASOL]
 b. Ru: Ja ne *mogu* tebe *ob"jasnit'* ètogo. [PARASOL]
 'I *cannot explain* this in a different way.'

Based on (7)–(15), the semantic scope of *znati* / *znat'* and *vedeti* / *vedat'* can be summarised as in table 4: whereas in Russian, *znati* has ousted *vedat'* for KNOW-1, both verbs have specialised for KNOW-1 and KNOW-3, respectively, in Slovene. In addition, Slovene *znati* covers KNOW-2, an option not available for Russian *znat'*.

(ii) "Znam še tajsko masažo," je rekla . "Kakšna pa je ta?" je vprašal [. . .] "To se dela s stopali. Ulegel se boš na tla, jaz pa bom preprosto hodila po tebi. . ." [PARASOL]
 "I also know the Thai massage," she said. "What [kind of massage] is this," he asked.
 "It is done with your feet. You lay down on the floor, and I will simply walk on you.'

Table 4. KNOW-2 in Russian and Slovene

		KNOW-1	KNOW-2	KNOW-3
Russian	<i>vedat'</i>	(+)	–	(+)
	<i>znat'</i>	+	(+)	+
Slovene	<i>vedeti</i>	+	(+)	–
	<i>znati</i>	(+)	+	+

The data presented in this section show that Slovene is among the languages for which the sense of ‘know how to do,’ i.e., KNOW-2, became dominant—or at least possible—for **ĝnō* (cf. section 2). Being directed towards an action, KNOW-2 is closely related to ability, as will be discussed in more detail in section 4.

4. KNOW-2 and ABILITY

ABILITY is not a uniform concept but comprises several subdomains. MAIER [2014] differentiates dispositions, powers and abilities. Dispositions are ascribed to subjects as particular properties (e.g., *is-fragile*). Powers, such as *understand a language*, in addition require a subject possessing cognitive capacities. Abilities, such as *speak a language*, require a cognitive subject, too; moreover, they are actional, i.e., directed towards an activity. This type of singular belongs to what MELE [2003: 447] calls ‘practical’ abilities. They come in three variants: simple, general and promise-level [IBID.: 447]. Simple and general abilities differ according to whether they depend upon an enabling situation (specific) or not (general), as MELE [2003: 447] illustrates in the following example:

Although I have not golfed for years, I am able to golf. I am not able to golf just now, however. I am in my office now, and it is too small to house a golf course. The ability to golf that I claimed that I have may be termed a *general* practical ability. It is the kind of ability to *A* that we attribute to agents even though we know that they have no opportunity to *A* at the time of attribution, and we have no specific occasion for their *A*-ing in mind. The ability to golf that I denied I have is a *specific* practical ability, an ability an agent has at a time to *A* then or to *A* on some specified later occasion.

As to the third type, an ability is a promise-level ability of an agent if it is “a sufficiently reliable ability to ground, in an [. . .] agent who knows her own abilities, complete confidence that, barring unexpected substantial obstacles, if she sincerely promises to *A*, she will *A*” [MELE 2003: 464]. That is, promise-level abilities can be understood as an agent’s assurance and belief in her capacities to carry out a particular action. They concern the estimation as to the possible success of her action and are thereby close to an assessment of the likelihood of the occurrence of a situation.

On the basis of these subtypes of abilities, the uses of Slovene *znati* and their Russian equivalents introduced in section 3.2 can be classified more coherently. For the expression of dispositions, i.e., property-like 'abilities,' medium constructions are preferred in both languages, see (16). This comes as no surprise given that medium constructions resemble statives, ascribing a state to an individual (e.g., [SPENCER, ZARETSKAYA 2003]).

- (16) a. Slo: Pod njegovim pogelodom *se je težko odločiti*. [PARASOL]
 b. Ru: Pod ego vzgljadam tjaželo *dumaetsja!* [PARASOL]
 'Being exposed to his gaze it is difficult to decide/think.'

As illustrated by examples (17)–(30), Slovene *znati* is an option for the expression of powers describing a capability of an agent, for general abilities which are independent of an enabling situation, and for specific abilities requiring a particular occasion to be carried out. Russian, however, uses various different means for the expression of these abilities.

Typically, powers are expressed indirectly in Russian, as in (17). Such instances of what KRATZER [2002] calls 'inherent modality' often go by the label of 'potential reading' of the imperfective aspect (see [SONNENHAUSER 2008] for more details on this particular interpretation). In addition, *moč'* is an option, see (18). The rare occurrences found in the NKRJA of *znat'* expressing powers, such as (19), stem from older and rather literary texts, which suggests that this usage is not—or no longer—very typical for *znat'*.

- (17) Slo: *zna* dokaj dobro *govoriti* s tukajšnjimi ljudmi [PARASOL]
 Ru: bez truda *razgovarivaet* s mestnymi [PARASOL]
 'he *can speak* easily with the local people'
 (18) Ru: čto *možet ponimat'* o žizni devočka v 14 let [. . .]? [NKRJA]
 'What would a 14-year-old girl *be able to understand* about life?'
 (19) Ru: — O, bože! — Tol'ko i *znaeš' pridirat'sja*. . . [NKRJA]
 '—Oh, Lord! —All you *can* do is *carp*. . .'

The most common expression of general abilities is *umet'*, as in (20) and (21), with *moč'* being possible as well, see (22). Rarely, *znat'* is attested, see (23). But again, such examples appear to be restricted to older and literary texts.

- (20) a. Slo: Bog [. . .] pa *zna* tudi kaznovati. [PARASOL]
 b. Ru: No Gospod' *umeet* karat! [PARASOL]
 'God *knows how* to punish.'
 (21) Ru: Moja mama [. . .] tože *umela šit'* (èto *umeli delat'* vse v sem'e ee roditeljev [. . .]), no ne vseгда u nee bylo dlja ètogo vremja. [NKRJA]
 'My mum *could sew*, too (everybody in her parents' family *could do* this), but she did not always have enough time.'

- (22) Ru: Proizvol'nost' — éto kogda rebenok *možet upravljat'* svojim povedeniem [NKRJA]
'Voluntariness—this is when the child *is able to control* its behaviour'
- (23) Ru: Drevnie *znali čitat'* éti načertanija. [NKRJA]
'the ancients *could read* [*knew how to read*] these inscriptions'

Specific abilities, which require an enabling situation, can only be expressed by *moč'* in Russian. In (24), the enabling situation is very general ('in all possible circumstances'), in (25) it is given by 'reasons of illness':

- (24) a. Slo: Pilot, ki se ne *zna* v vsakih okoliščinah *orientirati*, ali kak pojav traja pet sekund ali deset, ne bo nikoli kaj dosti vreden. [PARASOL]
b. Ru: Pilot, kotoryj ne *možet*, nezavisimo ot obstojatel'stv, *sorientirovat'sja*, skol'ko prošlo sekund — pjat' ili desjat', nikogda ne stanet masterom svojego dela. [PARASOL]
'A pilot who is not able to orient himself in all possible circumstances whether some phenomenon lasts for five seconds or ten, is for the birds.'
- (25) Ru: po bolezni *ne možet učastvovat'* v sudebnom razbiratel'stve [NKRJA]
'for reasons of illness, he *cannot attend* the court hearing'

That the means sketched in (20)–(25) cannot be used interchangeably in Russian but that each have their particular preferences for certain subdomains of ABILITY becomes evident by (26) and (27). These examples illustrate the difference between inherent and overtly expressed ability on the one hand, and between *umet'* and *moč'* on the other. In both cases, particular communicative effects arise from the usage of *umet'* in contexts that, as a default, require a different means of expressing ability. The kind of ability to be expected for a non-intentional subject such as a kitchen machine is a disposition. However, the usage of *umet'* in (26) suggests an intentional subject, as pointed out, e.g., by HANSEN [2001: 182], who describes the semantics of *umet'* as 'a possibility that is assigned to an animate being because of know-how or practice.' It is this mismatch that underlies the interpretation of the kitchen machine having human-like powers in (26)—an effect that can be exploited in advertising, selling this machine as an active, independently operating helper in kitchen work.

- (26) Ru: Novyj kuxonnyj kombajn Philips Essence pojmet vse s pervogo slova. On *umeet rezat'* lomtikami, [. . .] *vyžimat'* sok. . . [NKRJA]
'The most recent kitchen machine will understand anything straightaway. It is *able to* cut slices, to press out juice'

In (27), *umet'* is used with a cognitive subject for which *dumat'* is an inherent characteristic. It is nothing that can willingly be brought about by carrying out a particular action. In this case, it is a mismatch in actionality that triggers pragmatic enrichment yielding particular communicative effects (irony, for instance).

- (27) Ru: Okazyvaetsja, naš režisser *umeet dumat'* [NKRJA]
 'Obviously, our stage director *is able to think!*'

The third type of ability, promise-level ability, can be expressed in Russian only by *moč'*, as in (28):

- (28) Ru: Ja ne znaju, gde okažus' čerez 20 minut, [. . .]. *Mogu byt' zanjata* 8 časov podrjad. . . [NKRJA]
 'I don't know where I will be in 20 minutes. I *may be* continuously *busy* for 8 hours.'

Remarkably, Slovene *znati* reaches also into the domain of promise-level ability. This can be seen in (29), where *znam biti razumska* may be interpreted as expressing self-assessment:

- (29) Slo: A to ni res, saj *znam biti razumska*, [. . .] [GIGAFIDA]
 'But this is not true, I *may indeed be sensible.*' [lit. 'I know to be sensible']

This semantic extension of *znati* becomes even more evident in (30a). Since *pozabljivost* 'forgetfulness' is not an agentive, cognitive subject, *zna stati* may receive an epistemic interpretation only. In Russian, *moč'* is the only option to express this meaning, see (30b):

- (30) a. Slo: Tokrat jih *zna* pozabljivost *stati* 1.666.000 tolarjev. [FIDAPLUS]
 'This time, their forgetfulness *may cost* them 1.666.000 Tolars.'
 b. Ru: Durnoe slovo *možet obojtis'* vam očen' dorogo. [NKRJA]
 'A bad word *may cost* you dearly.'

With uses such as (29) and (30), *znati* clearly reaches into the modal domain. The transition from ABILITY to MODALITY¹¹ will be sketched in section 5.

¹¹ 'The transition from ABILITY to MODALITY' refers to the expansion of *znati* from a lexical to a modal verb. BYBEE ET AL. [1994] show the diachronic path from ability to modality, which consists in the increasing grammaticalisation of lexical elements originally expressing various senses of 'capability.' KIEFER [1997: 252] offers a pragmatic account of the "genetic" relationship between ability and root modality." Due to this close relationship, ABILITY is sometimes subsumed under MODALITY (e.g., [AUWERA, PLUNGIAN 1998]).

5. From ABILITY to MODALITY

The subtypes of ABILITY listed in section 4 can be characterised by a specific set of features each, as summarised in table 5. Dispositions are ascribed as properties to a subject which does not need to have cognitive capacities but may well be a simple ‘bearer’ of properties. This is different for powers, which can be predicated only of cognitive subjects. General and specific abilities have an additional actional component. Both are distinguished by the relevance of situational factors for the latter. With the factor of situation coming to the fore, specific abilities shade into what might be called ‘circumstantial’ ability. For promise-level abilities, the factors of cognitive subject and situation lose their relevance. What becomes relevant instead is the agent’s assessment concerning the likelihood of the successful execution of an action and the concomitant occurrence of a particular situation.

Table 5. ABILITY

Parameter	ABILITY
+subject	disposition
+subject, +cognitive	power
+subject, +cognitive, +actional	general ability
+subject, +cognitive, +actional, +situation	specific ability
[+subject, +cognitive, +actional], +situation	circumstantial ability / possibility
[±subject, ±cognitive, ±actional, ±situation], +assessment	promise-level ability / possibility

Based on these feature sets, the relation between ABILITY and MODALITY can be stated more explicitly, in particular, the points of transgression towards the different types of modality. First of all, it becomes clear why dispositions are not expressed by *znati*: they are not a mental phenomenon and hence outside the range of KNOWLEDGE in general, and of KNOW-2 in particular; actually, it may be questioned whether they belong to the domain of ABILITY at all. Pertaining to an agent’s inherent capacities, general abilities are closely related to dynamic modality. With the situational circumstances becoming more important, specific abilities shade into circumstantial possibility (see also [KIEFER 1997]). The more the factor ‘situation’ comes to the fore, the more all other factors are relegated to the background, as is indicated by the brackets in the table. Once the focus is on the enabling situation, circumstantial possibility shades into deontic possibility.

An example of the transition from ability to modality related to the factor of situation is given in (31). Even though *obraz* ‘face’ is not a cognitive agent, *znati* is used. Here, the enabling background is provided by situational factors—emotional circumstances in this particular case.

- (31) Slo: in prvič sem videl, kako *zna biti* njegov sicer otožni obraz tudi srdit [PARASOL]
 'and for the first time I saw his sorrow turn into rage.'
 [lit. 'how his otherwise wistful face *could be angry* as well]

For promise-level abilities, assessment comes to the fore and a split may occur between the subject as possessor of a particular capacity and an evaluator assessing the likelihood of this capacity being successfully implemented. By this feature of assessment, promise-level abilities bridge towards epistemic modality. Instead of relating an agent to her action, promise-level abilities pertain to the occurrence of a situation.

Along the transition from KNOWLEDGE to ABILITY and MODALITY, it is possible to map the differences between *znat'* and *znati*; see table 6:

Table 6. From KNOWLEDGE to MODALITY

conceptual domain	KNOWLEDGE \iff ABILITY		\iff MODALITY			
	disposition	power	general ability	specific ability		
linguistic expression				circumstantial possibility	deontic possibility	epistemic possibility
Russian	medium	[<i>znat'</i>] implicit <i>moč'</i>	[<i>znat'</i>] <i>umet'</i> <i>moč'</i>	<i>moč'</i>	<i>moč'</i>	<i>moč'</i>
Slovene	medium	<i>znati</i>	<i>znati</i>	<i>znati</i>	(<i>znati</i>)	<i>znati</i>

The Russian equivalents to Slovene *znati* are restricted to—or at least strongly preferred for—one particular type of ability each: medium constructions for dispositions, implicit expression for powers and *umet'* for general abilities. Applying to all domains from powers to epistemic possibility, *moč'* is least specific or, to put it another way, most polysemous. This polysemy is visible in (32), where *ne možit paxnut'* is to be interpreted epistemically (note that the infant is the source of sensation, not the experience), while *ne možit govorit'*, *begat' ili pisat'* expresses general abilities:

- (32) Ru: No on ne slyšal ničego. Kak ni staralsja. Verovatno, mladency ne paxnut, dumal on. Naverno, v etom delo. V tom-to i delo, čto mladenec, esli ego soderžat' v čistote, voobščje *ne možit paxnut'*, kak *ne možit govorit'*, *begat' ili pisat'*. Èti vešči prihodjat tol'ko s vozrastom. [PARASOL]
 'But he smelled nothing. For the life of him he couldn't. Apparently an infant has no odour, he thought, that must be it. An infant, assuming it is kept clean simply *doesn't smell* [lit: *it is not possible* for an infant to smell], any more than it *speaks, or walks, or writes* [lit: *than it is able to speak, walk or write*]. Such things come only with age.'

Because of this polysemy, *moč'* can be considered a prototypical modal verb (e.g., [HANSEN 2001]). The domain covered by *moč'* is congruent with Slovene *znati*, which covers the lexical meaning of KNOW-2 and various modal possibility meanings. It can thus indeed be considered a modal verb of contemporary Slovene.¹²

There is one modal domain that does not seem to be covered by *znati*, namely deontic possibility. Whether this is related to the data investigated in this paper or whether this is a systematic restriction, possibly resulting from the fact that *znati* as a **ĝnō*-based verb expresses 'active' knowledge (see section 2), needs to be investigated in more detail, also on a diachronic basis (see also [SONNENHAUSER 2014]).¹³ In any case, this does not contradict the typologically observable development of participant external possibility towards deontic and/or epistemic possibility. As VAN DER AUWERA and PLUNGIAN [1998: 88–89] emphasise, participant external possibility may develop in both directions with no temporal ordering or implicational relation obtaining between them.

Given that in BYBEE ET AL.'s [1994] database, verbs meaning 'to know' appear as the "most commonly documented lexical source for ability" [IBID.: 190], the fact that Slovene *znati* has been semantically extending into the domain of KNOW-2 and acquiring modal functions is not very remarkable—at least judging from a general and Euro-typological perspective. It is striking, however, from a Slavic point of view, since this development is not attested for **ĝnō*-based verbs in the other Slavic languages. This is shown, e.g., by HANSEN [2001] in his diachronic investigation of modality in OCS, Russian, Polish and BCS, which leads him to conclude that for these languages, no other grammaticalisation path besides 'power' (**mog*) can be observed [IBID.: 409].¹⁴ The path from **mog* resembles that of **ĝnō*, in that the original meaning of

¹² The diachronic development of the modal functions still needs to be analysed in more detail. For a first and very rough overview see [SONNENHAUSER 2014].

¹³ There are very rare occurrences of what might be considered deontic usages in older texts, such as (iii) and (iv). However, for (iv) an epistemic interpretation seems possible as well.

(iii) Vunder si ti Gol'pod taisti, / K'dir nam *sna* grehe odpustit'. [IMP: Gašpar Rupnik, *Pesmi krščanskega nauka*, 1784]

'You are that wonder, Lord, / You, who *can* forgive us our sins.'

(iv) Je vže vse e napravlenu? — Zdej vže *znajo* priti.

[IMP: Anton Linhart, *Županova Micka*, 1790]

'Is everything prepared? — Now they *can / may* come already.'

It remains to be investigated how far these uses are influenced by the underlying model texts and the specific language background of the authors. Many texts of the 17th and 18th century are close translations from German, oftentimes by writers who were educated in German (with Slovene still not being a polyfunctional literary language by the end of the 18th century).

¹⁴ See also BUCK [1946: 648], who notes cognates of **mog* as 'general Slavic' in his entry for 'can, may.'

'might, power' [BUCK 1949: 647] develops into ability and possibility [HANSEN 2001: 414].¹⁵

Obviously, Slovene and Russian instantiate the two main paths towards modality in what may be called Standard Average European, corresponding to the cross-linguistic pattern that "ability grams may come either from verbs such as 'know,' which express mental ability, or verbs such as 'have the power or might,' which express physical ability" [BYBEE ET AL. 1994: 191]. They differ in that one path (**mog*) is to be expected for Slavic, while the other (**ĝnō*) constitutes a peculiarity within this family.

6. Conclusion and further embedding

As has been shown, with respect to the lexicalisation of KNOWLEDGE, Slovene is special among the Slavic languages in two respects. First, it has preserved verbs based on **ĝnō* and **uejǵd*. While this can be observed for part of the other Slavic languages as well, the semantic coverage of both is particular in Slovene. This is specifically striking for **ĝnō*, which reaches into the domain of KNOW-2. Second, **ĝnō*-based *znati* has not only been entering the domain of KNOW-2, i.e., the ability domain, but in addition has been continuing to develop into a marker of participant-internal, participant-external and even epistemic possibility. In this respect, Slovene resembles German, which has *können* (< **ĝnō*) as a fully-fledged modal. By the division of KNOWLEDGE and the particular development of **ĝnō*, Slovene is closer to German than to any other Slavic language. The differences between Slovene *znati* and Russian *znat'* on the one hand, and the similarities between Slovene *znati* and German *können* on the other concerning the coverage of KNOW-2 / ABILITY are summarised in table 7.

Table 7. Slovene between Slavic and German

lexicalisation \ ABILITY		general	specific (~> deontic possibility)	promise-level (~> epistemic possibility)
		German	<i>*ĝnō</i> > <i>können</i>	+
Slovene	<i>*ĝnō</i> > <i>znati</i>	+	(+?)	+
Russian	<i>*ĝnō</i> > <i>znat'</i>	–	–	–

As has been pointed out, there is one feature shared by all Slavic languages that have preserved verbs based on **uejǵd* vs. **ĝnō*: they are the most central of

¹⁵ Slovene has also *moči*, a cognate of Russian *moč'*. However, *moči* is restricted to negative possibility in contemporary Slovene, being in polarity-based complementary distribution with *lahko* (for details cf. [ROEDER, HANSEN 2006; MARUŠIČ, ŽAUCER 2016]).

their family and have all been in contact with German on various levels: oral contact, literacy contact and contact on the level of grammatical description. The lexical division of KNOWLEDGE therefore seems likely to be an areal phenomenon, with the specific semantic range of Slovene *znati* being indicative of a particularly close, intensive and long lasting contact to German. Whether the lexicalisation of KNOWLEDGE could also be taken as a feature of a possible Central European area (e.g., [NEWERKLA 2002]), encompassing Slovene, German, Western South Slavic (i.e., Kajkavian) and West Slavic (in particular Czech), remains to be investigated.

In any case, the linguistic expression of KNOWLEDGE turns from a mere lexicological peculiarity into a grammatically relevant phenomenon. Thereby, the lexicalisation of KNOWLEDGE emerges as a potential object of investigation for lexical typology (along the lines of, e.g., [KOPTJEVSKAJA-TAMM 2012; RAXILINA, PLUNGJAN 2007]), as indicated in table 8.

Table 8. KNOWLEDGE between lexicon and grammar

concept	linguistic level	Slovene vs. Russian
KNOWLEDGE	lexicon: KNOW 1, 2, 3	<i>znati / vedeti</i> vs. <i>znat' / vedat'</i> → different partitions
ABILITY	lexicon ↔ grammar	<i>znati</i> vs. <i>znat'</i> → ± grammaticalisation
MODALITY	grammaticalisation paths	* <i>ġnō</i> ; * <i>mog</i> → typological differences

Moreover, tracing the development of **ġnō* and **ueid* in the European languages might also have implications concerning different 'naïve models of the world' (along the lines of [APRESJAN 1986]).

From a primarily Slovene point of view, further research needs to take into account the relation between the modal uses of *znati* as compared to *moči* and *lahko*. While the latter prove to be in polarity-based complementary distribution (see [ROEDER, HANSEN 2006]), the possible functional division between *lahko* and *znati*, and between *ne moči* and (*ne*) *znati*, has not yet been investigated in detail. The parallel texts in (33) give a short indication of the kinds of relations between those verbs: German has *können* used in different senses: (i) and (ii) express dynamic modality (ability), (iii) gives the assessment of the likelihood of the situation, i.e., is used epistemically, with the following context ('would be greater than Frangipani') providing the basis for this assessment. In Slovene, the dynamic meanings are expressed by *znati*, (i) and (iii), whereas *ne more*, (ii), gives the epistemic assessment. Whether the usage of *ne more* is due to the negation or whether this is simply for stylistic reasons remains to be analysed on a more systematic basis.

- (33) a. Ger: Ich weiß zwar, dass er das, was er behauptet, (i) *nicht kann*, ja gar nicht (ii) *können* (iii) *kann*, er wäre denn noch größer als der große Frangipani. [PARASOL]
- b. Slo: Vem sicer, da tega, kar zatrjuje, (i) *ne zna*, seveda tega niti (ii) *ne more* (iii) *znati*, ker bi bil sicer še večji od velikega Frangipanija.

This potential division of labour between the various possibility predicates in Slovene needs to be investigated also from a diachronic perspective. Of particular interest is the rise of modal functions for *znati* and its possible relation to the 'modal cycle' (as suggested by [MARUŠIČ, ŽAUCER 2016]) underlying the development of the modal adverb *lahko* at the expense of *moči*.

Bibliography

Sources

FIDAPLUS

Korpus slovenskega jezika (<http://www.fidaplus.net/>)

GIGAFIDA

Korpus Gigafida (<http://www.gigafida.net/>)

IMP

Jezikovni viri starejše slovenščine IMP (<http://nl.ijs.si/imp/>); about IMP, see [ERJAVEC 2015].

MAS

ЕВГЕНЬЕВА А. П., ред., *Словарь русского языка* [= "*Малый академический словарь*"], 1–4, Москва, 1999.

NKRJA

Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)

PARASOL

ParaSol: A Parallel Corpus of Slavic and Other Languages (www.slavist.de); about ParaSol, see [VON WALDENFELS 2011].

SSKJ

Slovar slovenskega knjižnega jezika, Spletna izdaja, Ljubljana, 2000 (<http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html>)

Literature

АПРЕСЯН 1986

АПРЕСЯН Ю. Д., "Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира", *Семиотика и информатика*, 28, 1986, 5–33.

— 1995

АПРЕСЯН Ю. Д., "Проблема фактивности: *знать* и его синонимы", *Вопросы языкознания*, 4, 1995, 43–63.

— 2004

АПРЕСЯН Ю. Д., "Знание", "Знать", in: ИДЕМ, ред., *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* (= Wiener Slawistischer Almanach, 60), 2-е изд., испр. и доп., Москва, Вена, 2004, 389–402.

- AUWERA, PLUNGIAN 1998
AUWERA J., VAN DER, PLUNGIAN V. A., "Modality's Semantic Map," *Linguistic Typology*, 2, 1998, 79–124.
- ВЕЛЈАЕВА 1990
БЕЛЯЕВА Е. И., "Возможность", in: А. В. БОНДАРКО, ред., *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*, Ленинград, 1990, 126–142.
- BELYAEVA-STANDEN 2002
BELYAEVA-STANDEN Y., "The Functional-pragmatic Field of Possibility in Russian: Meaning and Structure," *Language Sciences*, 25, 2002, 239–262.
- BUCK 1949
BUCK C. D., *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal European Languages*, Chicago, 1949.
- БУБЕЕ ET AL. 1994
БУБЕЕ J., PERKINS R., PAGLIUCA W., *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*, Chicago, 1994.
- ERJAVEC 2015
ERJAVEC T., "The IMP Historical Slovene Language Resources," *Language resources and evaluation*, 49/3, 2015, 753–775.
- GRKOVIĆ-MEJDŽOR 2007
ГРКОВИЋ-МЕЈДЖОР J., "Знати и семантички примитив »знати« у дијахроној перспективи", ЕАДЕМ, *Списи из историјске лингвистике*, Нови Сад, 2007, 311–323.
- HANSEN 2001
HANSEN B., *Das slavische Modalauxiliar. Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen*, München, 2001.
- HASPELMATH 1998
HASPELMATH M., "How Young is Standard Average European?" *Language Sciences*, 29/3, 1998, 271–287.
- KEY, COMRIE 2015
"Entry 17-170 'Know,'" in: M. R. KEY, B. COMRIE, eds., *The Intercontinental Dictionary Series*, Leipzig, 2015 (available online: <http://ids.cld.org>; accessed on 2016-12-13).
- KIEFER 1997
KIEFER F., "Modality and pragmatics," *Folia Linguistica*, 31/3-4, 1997, 241–253.
- KLIMOV 1972
КЛИМОВ Г. А., "К характеристике языков активного строя", *Вопросы языкознания*, 4, 1972, 3-13.
- KORTJEVSKAJA-TAMM 2012
КОРТЈЕВСКАЈА-ТАММ М., "New Directions in Lexical Typology," *Linguistics*, 50/3, 2012, 373–394.
- KRATZER 2002
KRATZER A., "The Notional Category of Modality," in: P. PORTNER, B. PARTEE, eds., *Formal Semantics. The Essential Readings*, Oxford, 2002, 289–323.
- MAIER 2014
MAIER J., "Abilities," in: E. N. ZALTA, ed., *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Fall Edition, 2014 (available online: <http://plato.stanford.edu/>; accessed on 2016-12-13).
- MARUŠIČ, ŽAUCER 2016
МАРУШИЋ F. L., ŽAUCER R., "The Modal Cycle vs. Negation in Slovene," in: EIDEM, eds., *Formal Studies in Slovenian syntax. In Honor of Janez Orešnik* (= Linguistics Today, 236), Amsterdam, Philadelphia, 2016, 167–191.

MELE 2003

MELE A. R., "Agents' Abilities," *Noûs*, 37/3, 2003, 447–470.

NARROG 2012

NARROG H., *Modality, Subjectivity, and Semantic Change*, Oxford, 2012.

NEWERKLA 2002

NEWERKLA S., "Sprachliche Konvergenzprozesse in Mitteleuropa," in: I. POSPÍŠIL, ed., *Crossroads of Cultures: Central Europe* (= *Litteraria humanitas*, 11), Brno, 2002, 211–236.

POPOVIĆ 1960

POPOVIĆ I., *Geschichte der Serbokroatischen Sprache*, Wiesbaden, 1960.

PTENCOVA 2008

ПТЕНЦОВА А. В., "Семантическая оппозиция глаголов *знати* и *вѣдѣти* на материале русских оригинальных памятников XI–XVI вв.," *Die Welt der Slaven*, 53, 2008, 265–278.

RAHILINA, PLUNGIAN 2007

РАХИЛИНА Е. В., ПЛУНГЯН В. А., "О лексико-семантической типологии", в: Т. А. МАЙСАК, Е. В. РАХИЛИНА, ред., *Глаголы движения в воде: лексическая типология*, Москва, 2007, 9–26.

ROEDER, HANSEN 2006

ROEDER C., HANSEN B., "Modals in Contemporary Slovene," *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 52, 2006, 153–170.

RYLE 1945

RYLE G., "Knowing How and Knowing That," *Proceedings of the Aristotelian Society. New Series*, 46, 1945, 1–16.

SONNENHAUSER 2008

SONNENHAUSER B., "The 'Potential Reading' in Russian," *Russian Linguistics*, 32/3, 2008, 185–201.

——— 2014

SONNENHAUSER B., "Wissen, kennen, können: *znati* als Modalverb im Slovenischen," in: H. PITSCH, ed., *Beiträge zur Slavistik*, 21, München, 2014, 177–197.

SPENCER, ZARETSKAYA 2003

SPENCER A., ZARETSKAYA M., "Stative Middles in Russian," 2003-05-12 (available online: <http://privatwww.essex.ac.uk/~spena/papers/russmid.pdf>; accessed on 2016-12-13).

STANLEY 2011

STANLEY J., "Knowing (How)," *Noûs*, 45/2, 2011, 207–238.

VENDLER 1957

VENDLER Z., "Verbs and Times," *The Philosophical Review*, 66/2, 1957, 143–160.

VON WALDENFELS 2011

VON WALDENFELS R., "Recent Developments in ParaSol: Breadth for Depth and XSLT Based Web ConCORDancing with CWB," in: D. MAJCHRÁKOVÁ, R. GARABÍK, eds., *Natural Language Processing: Multilinguality. Proceedings of Slovko 2011, Modra, Slovakia, 20–21 October 2011*, Bratislava, 2011, 156–162.

WATKINS 1985

WATKINS C., *The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots*, Boston, New York, 1985.

References

Apresyan Yu. D., "Deiksis v leksike i grammatike i naivnaia model' mira," *Semiotics and Informatics*, 28, 1986, 5–33.

Apresyan Yu. D., "The Problem of Factivity: Russian *znat'* 'to Know' and Its Synonyms," *Voprosy jazykoznanija*, 4, 1995, 43–63.

Apresyan Yu. D., "Znanie," "Znat'," in: Yu. D. Apresyan, ed., *The New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms* (= *Wiener Slavistischer Almanach*, 60), 2nd edition, Moscow, Vienna, 2004, 389–402.

Auwera J., van der, Plungian V. A., "Modality's Semantic Map," *Linguistic Typology*, 2, 1998, 79–124.

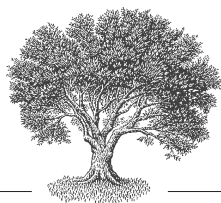
- Belyaeva E. I., "Vozmozhnost'," in: A. V. Bondarko, ed., *Teoriia funkcional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*, Leningrad, 1990, 126–142.
- Belyaeva-Standen Y., "The Functional-pragmatic Field of Possibility in Russian: Meaning and Structure," *Language Sciences*, 25, 2002, 239–262.
- Buck C. D., *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal European Languages*, Chicago, 1949.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W., *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*, Chicago, 1994.
- Erjavec T., "The IMP Historical Slovene Language Resources," *Language resources and evaluation*, 49/3, 2015, 753–775.
- Grković-Mejdžor J., *Spisi iz istorijske lingvistike*, Novi Sad, 2007.
- Hansen B., *Das slavische Modalauxiliar. Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen*, München, 2001.
- Haspelmath M., "How Young is Standard Average European?" *Language Sciences*, 29/3, 1998, 271–287.
- Kiefer F., "Modality and pragmatics," *Folia Linguistica*, 31/3–4, 1997, 241–253.
- Klimov G. A., "Characteristics of Languages of Active Structure," *Voprosy jazykoznanija*, 4, 1972, 3–3.
- Koptjevskaja-Tamm M., "New Directions in Lexical Typology," *Linguistics*, 50/3, 2012, 373–394.
- Kratzer A., "The Notional Category of Modality," in: P. Portner, B. Partee, eds., *Formal Semantics. The Essential Readings*, Oxford, 2002, 289–323.
- Maier J., "Abilities," in: E. N. Zalta, ed., *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Fall Edition, 2014 (available online: <http://plato.stanford.edu/>; accessed on 2016-12-13).
- Marušič F. L., Žaucer R., "The Modal Cycle vs. Negation in Slovene," in: Eidem, eds., *Formal Studies in Slovenian syntax. In Honor of Janez Orešnik* (= *Linguistics Today*, 236), Amsterdam, Philadelphia, 2016, 167–191.
- Mele A. R., "Agents' Abilities," *Noûs*, 37/3, 2003, 447–470.
- Narrog H., *Modality, Subjectivity, and Semantic Change*, Oxford, 2012.
- Newerkla S., "Sprachliche Konvergenzprozesse in Mitteleuropa," in: I. Pospíšil, ed., *Crossroads of Cultures: Central Europe* (= *Litteraria humanitas*, 11), Brno, 2002, 211–236.
- Popović I., *Geschichte der Serbokroatischen Sprache*, Wiesbaden, 1960.
- Ptentsova A. V., "Semanticheskaia oppozitsiia glagolov znati i věděti na materiale russkikh original'nykh pamiatnikov XI–XVI vv.," *Die Welt der Slaven*, 53, 2008, 265–278.
- Rakhilina E. V., Plungian V. A., "On the Lexical-semantic Typology," in: T. A. Maisak, E. V. Rakhilina, eds., *Verbs of Aqua-motion: Lexical Typology*, Moscow, 2007, 9–26.
- Roeder C., Hansen B., "Modals in Contemporary Slovene," *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 52, 2006, 153–170.
- Ryle G., "Knowing How and Knowing That," *Proceedings of the Aristotelian Society. New Series*, 46, 1945, 1–16.
- Sonnenhauser B., "The 'Potential Reading' in Russian," *Russian Linguistics*, 32/3, 2008, 185–201.
- Sonnenhauser B., "Wissen, kennen, können: znati als Modalverb im Slovenischen," in: H. Pitsch, ed., *Beiträge zur Slavistik*, 21, München, 2014, 177–197.
- Stanley J., "Knowing (How)," *Noûs*, 45/2, 2011, 207–238.
- Vendler Z., "Verbs and Times," *The Philosophical Review*, 66/2, 1957, 143–160.
- von Waldenfels R., "Recent Developments in ParaSol: Breadth for Depth and XSLT Based Web Concordancing with CWB," in: D. Majchráková, R. Garabík, eds., *Natural Language Processing; Multilinguality. Proceedings of Slovko 2011, Modra, Slovakia, 20–21 October 2011*, Bratislava, 2011, 156–162.
- Watkins C., *The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots*, Boston, New York, 1985.

Acknowledgements

Swiss National Science Foundation (SNF). Grant No. 10001B_162970/1.

Prof. Dr. Barbara Sonnenhauser
 Universität Zürich, Slavisches Seminar
 Plattenstr. 43
 CH-8032 Zürich
 Schweiz/Switzerland
 barbara.sonnenhauser@uzh.ch

Received July 2, 2016

Competition
between
'Who' and 'Which'
in Slavic
Light-Headed
Relative Clauses*

Конкуренция
местоимений
'кто' и 'который'
в славянских
относительных
предложениях без
существительного
в вершине

Maria A. Kholodilova

Institute for Linguistic Studies of the
Russian Academy of Sciences;
National Research University
Higher School of Economics
St. Petersburg, Russia

**Мария Александровна
Холодилова**

Институт лингвистических
исследований РАН; Национальный
исследовательский университет
"Высшая школа экономики"
С.-Петербург, Россия

Abstract

The relativization systems of most Slavic languages include relative pronouns that can be conventionally labelled as 'who' and 'which' and differ in a number of logically independent parameters (etymology, animacy, grammaticality of attributive contexts, and morphological distinction for number and gender). Prior research has shown that the choice between 'who' and 'which' in Slavic languages is largely dependent on the head type. Some of the languages allow the 'who' pronouns to be used with pronominal heads, but not with nouns in the head, while in others, the pronominal heads in the plural are also ungrammatical with the pronoun 'who.'

* This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project 14-06-31212). I wish to thank Alexander Piperski and the anonymous reviewers for their comments. All remaining errors are my own.

The present study aims to complement the available qualitative data on the distribution of the relativizers with quantitative data and to propose a unified account for all the observed tendencies. A corpus-based study was conducted in order to establish language-internal statistical tendencies comparable to the known grammaticality restrictions. The results show much agreement between the qualitative and quantitative tendencies. Thus, the head 'those,' unlike the head 'that,' is incompatible with the relativizer 'who' in Slovak, Polish, Upper Sorbian, and Lower Sorbian languages, while the same tendency is quantitative in Czech, Slovene, Serbo-Croatian, Ukrainian, Belarusian, and the older varieties of Russian. Corpus data suggest that there is also a stronger tendency for the relative pronoun 'who' to be avoided with the head 'those' than with the head 'all.' One more relevant parameter is the semantic type of the clause, maximalizing semantics being the preferred option for 'who.' I suggest that all these and some other tendencies can be subsumed under a macroparameter of the extent to which the head is integrated into the relative clause.

Keywords

Slavic languages, relativization, relative pronouns, interrogative pronouns, light-headed relatives, free relatives

Резюме

В большинстве славянских языков система релятивизации включает относительные местоимения типов 'кто' и 'который', противопоставленные по ряду признаков (этимология, одушевленность, допустимость атрибутивных контекстов, состав парадигмы). Из существующих исследований известно, что на выбор между этими местоимениями во многом влияет тип вершины, в частности, местоимения типа 'кто' более допустимы в некоторых языках при вершинах, выраженных местоимениями ('те', 'все', 'тот' и др.), а из них — при вершинах в единственном числе. Целью настоящего исследования является дополнение известных тенденций по распределению релятивизаторов количественными данными и обобщение доступных данных по допустимости и частотности относительных местоимений в рамках единого подхода. Для получения количественных данных, сопоставимых с известными различиями по допустимости, статистически значимые количественные различия устанавливаются на материале корпусов славянских языков. Согласно проведенному исследованию, количественные и качественные тенденции по распределению местоимений 'кто' и 'который' хотя бы частично подчиняются общим закономерностям. Так, в словацком, польском и лужицких языках вершина 'те' в отличие от вершины 'тот' не допускает использования местоимения 'кто', тогда как в чешском, словенском, сербо-хорватском, украинском, белорусском и в русском языке XVIII века та же тенденция проявляется в количественных предпочтениях. Кроме того, корпусные данные позволяют установить различие между вершинами 'все' и 'те', которое не приводит к грамматическим запретам ни в одном из исследованных языков. Еще одним параметром, влияющим на распределение относительных местоимений, оказывается семантический тип относительной клаузы: местоимение 'кто' наиболее предпочтительно в максимализирующих относительных предложениях и наименее предпочтительно в нерестриктивных. Можно предположить, что эти и некоторые другие тенденции в дистрибуции местоимений 'кто' и 'который' определяются одним макропараметром — степенью вложенности вершины в относительную клаузу.

Ключевые слова

славянские языки, релятивизация, относительные местоимения, вопросительные местоимения, бессубстантивные относительные предложения, безвершинные относительные предложения

1. Introduction

Slavic languages exhibit considerable variation in the use of relativizers, which manifests itself both language-internally and cross-linguistically, see among others [BAUER 1967; БАУЭР 1967; KŘÍŽKOVÁ 1970; GOŁĄB, FRIEDMAN 1972; MURELLI 2011]. A particular problem within the variation system concerns the competition of the relative pronouns that can be labelled as 'who' and 'which.' The former label is meant to cover the relativizers which directly continue interrogative pronouns of the protolanguage with the meaning 'who,' refer to people, do not decline for number and gender, and cannot be used attributively. The latter label refers to relativizers of a different origin, applicable to both animate and inanimate objects, which decline for number and gender, and can, under some conditions, be used attributively. Relative pronouns of these classes are present in most Slavic languages [GOŁĄB, FRIEDMAN 1972].

Language-internally, the distinction between 'who' and 'which' gives rise to a competition between syntactic synonyms, as illustrated in (1) by two Serbian translations from the same Russian original. The translation in (1a) contains the relative pronoun *koji* 'which,' while a similar meaning in (1b) is rendered by *ko* 'who.'

(1) Mikhail Bulgakov. The Master and Margarita (Parasol)

Serbian¹

a. *I upravo tu Ivan Nikolajevič konačno izgubi onoga*
and exactly here Ivan Nikolaevich finally lost him

koji mu je bio toliko potreban.
which for.him was so necessary

b. *I eto tu Ivan Nikolajevič konačno izgubi onoga*
and this here Ivan Nikolaevich finally lost him

ko mu je bio toliko potreban.
who for.him was so necessary

'And it was here that Ivan Nikolaevich definitively lost him whom he needed so much.'

¹ All originally Cyrillic examples in the paper are transliterated. Examples are given in professional translations extracted from parallel corpora wherever possible.

Cross-linguistically, the variation results in differences between Slavic languages with respect to the grammaticality and frequency of relative pronouns in different contexts. A preliminary idea of the variation is given by (2), where Slavic translations of a single passage contain either ‘who’ (2a) or ‘which’ (2b). The original Russian extract is given under (2a) and contains the pronoun ‘who.’

(2) Mikhail Bulgakov. *The Master and Margarita* (RNC)

a. ‘who’

<i>te,</i>	<i>kto</i>	<i>videl ego</i>	<i>v pervye. . .</i>	Russian
<i>tyja,</i>	<i>xto</i>	<i>bačyŭ jaho</i>	<i>ŭperšynju</i>	Belarusian
<i>ty,</i>	<i>kdo</i>	<i>ho viděli</i>	<i>poprvé</i>	Czech
those	who	saw him	first	

b. ‘which’

<i>ti,</i>	<i>jaki</i>	<i>bačyly joho</i>	<i>vperše. . .</i>	Ukrainian
<i>ci,</i>	<i>którzy</i>	<i>widzieli go</i>	<i>po raz pierwszy</i>	Polish
<i>oni</i>	<i>koji</i>	<i>su ga vidjeli</i>	<i>prvi put</i>	Croatian
those	which	saw him	first	

‘Those who saw him for the first time. . .’

The distribution of Slavic ‘who’ and ‘which’ has been surveyed in the literature, most notably by KŘÍŽKOVÁ [1970] for all the modern standard Slavic languages, see also [BROWNE 1986; KORDIĆ 1994; 1999; MITROVIĆ 2012; ПАВЛОВИЋ 2012] for Serbo-Croatian, [ZUBATÝ 1918; SVOBODA 1967; KARLÍK 1988] for Czech, [DAROVEC 1985: 109–111; РОДНАЈЕСКА 2010; ЕАДЕМ 2012] for Slovak, [POLAŇSKI 1967: 78–79; FASSKE, MIČHALK 1981: 615–617, 626–627] for Upper Sorbian, [JANAŠ 1976: 184–185] for Lower Sorbian, and [ЗАЛИЗНЯК, ПАДУЧЕВА 1975; SPENCER 1993: 38–41; НИКУНЛАССИ 2008] for Russian. However, most of these studies, with the notable exception of [KORDIĆ 1994; IDEM 1999: 196–197], are based only on qualitative data. To the best of my knowledge, no prior study has attempted to consider this whole sub-system of variation between relativizers in view of both qualitative and quantitative data. At the same time, such data could shed some light on the consistency of relative clause patterning across Slavic languages.

The primary objective of the present study is therefore to bring together the newly acquired quantitative data and the available qualitative data. The competition between ‘who’ and ‘which’ is most consistently observed in light-headed relatives, i.e., relative constructions without a noun in the head,

whether overt or elided.² I will therefore primarily confine the discussion to this class of relative constructions, even though some remarks on a more general picture will also be given.

The study needs a consistent definition of the notions 'who' and 'which,' which is introduced in **part 2**. I go on to sketch the qualitative data on the distribution (**part 3**) and present the quantitative data (**part 4**). A discussion follows in **part 5** to specify the observed tendencies. In **part 6**, I summarize the tendencies and propose a unifying macro-parameter of variation, namely the extent to which the head is integrated into the relative clause.

2. The definition of 'who' and 'which' pronouns

As stated in the introduction, I base the distinction between 'who' and 'which' on several properties. The preliminary list of properties and sources of information follows below:

1) whether the relativizer directly continues an animate interrogative pronoun ('who') of a proto-language (Proto-Slavic **kъto* in the case of Slavic languages) [VAILLANT 1958; BAUER 1967; ТРУБАЧЕВ 1987: 125];

2) synchronic semantic restrictions on its use with non-human referents [KŘÍŽKOVÁ 1970];

3) the presence of number and gender distinctions in its paradigm (individual grammatical descriptions);

4) the grammaticality of attributive uses [KŘÍŽKOVÁ 1970].

It is important to note that the terms 'who' and 'which' are conventional labels for comparative concepts in the sense of [HASPELMATH 2010] and need not reflect the properties of the English pronouns *who* and *which*.³

Two common Slavic patterns with respect to the properties listed above are presented in Table 1. I preliminarily define 'who' and 'which' pronouns as those which adhere to these patterns.⁴

² The term "light-headed relatives" for the relative clauses without a noun in the head was coined by СРГКО [2000; 2004]. Another common term for this group of relative constructions is "false free relatives" [DE VRIES 2002].

³ The English *who* does happen to fall into the 'who' group, whereas *which* does not quite correspond to the set of features of the 'which' group because it does not have distinct plural forms.

⁴ An anonymous reviewer suggests Slavic possessive relative pronouns ('whose') should be regarded as possessive forms of the 'who' pronouns. My data suggest that these pronouns consistently show different syntactic properties and different patterns of use, see among others [БЕЛИЧОВА 1988; КНОЛОДИЛОВА 2013]. They are therefore not included in this survey.

Table 1. The differences between the typical Slavic 'who' and 'which'

	stems from the interrogative 'who'	human reference only	does not have number or gender distinctions	cannot be used attributively
pattern 1 (≈ 'who')	+	+	+	+
pattern 2 (≈ 'which')	–	–	–	–

Although the proposed definition is new, the distinction itself is commonly drawn in papers specifically addressing relative clauses [KŘÍŽKOVÁ 1970; ЗАЛИЗНЯК, ПАДУЧЕВА 1975] as well as general grammatical descriptions of Slavic languages and is often construed as that between adjectival and substantive relativizers. I follow [BAUER 1967: 301] and [KŘÍŽKOVÁ 1970: 13–17] among others in classifying Slavic relative pronouns in the manner reflected in Tables 2 and 3, and I attempt only to articulate the underlying intuition more precisely.

Two additional remarks are due.

First, a straightforward classification according to etymological origin is problematic for Upper Sorbian *štóž* 'who,' Bulgarian *kojto* 'which,' and Macedonian *koj* 'which' and *kojšto* 'which.' All these pronouns retain the etymological root which directly continues **keto* only in (some of) the forms other than the nominative [VAILLANT 1958: 411, 417]. This complex etymology is reflected in Tables 2 and 3 as "+/–" for Upper Sorbian *štóž* 'who,' which does not have any restrictions specific to the use of the non-nominative forms, and "–/+ " for Bulgarian and Macedonian pronouns, which only use this stem, unlike the nominative forms, in animate contexts. In other words, if these Bulgarian and Macedonian pronouns are viewed as single items, it is natural to assume that the non-animate accusative forms are either derived from the *koj* stem or lacking altogether, and in either case the etymologically animate stem is only used in a subclass of oblique forms. In all cases of an intermediate status, I consider this property non-decisive for the classification of the pronouns and rely on other features.⁵

Second, among the relativizers with the properties of 'which' pronouns, I consider in this study only those with high frequency.

Tables 2 and 3 summarize the data on the definitional properties of Slavic pronouns. I consider here only the modern standard varieties of the languages, while some deviations from these descriptions are reported for dialects and older varieties.

⁵ Note that this criterion is etymological rather than synchronical. Bulgarian, Macedonian, and Serbo-Croatian pronouns classified here as 'which' can be used in the contexts of the interrogative 'who' in the modern language, but do not directly continue the Proto-Slavic **keto*.

Table 2. Slavic 'who' pronouns

			only human	stems from the interrogative 'who'		no number or gender distinctions	cannot be used attributively
				= 'who'	= 'who' + smth.		
East Slavic	Russian	<i>kto</i>	+	+		+	+
	Ukrainian	<i>xto</i>	+	+		+	+
	Belarusian	<i>xto</i>	+	+		+	+
West Slavic	Polish	<i>kto</i>	+	+		+	+
	Czech	<i>kdo</i>	+	+		+	+
	Slovak	<i>kto</i>	+	+		+	+
	Upper Sorbian	<i>štóž</i>	+ ⁶		+/-	?	+
	Lower Sorbian	<i>chtož</i>	+		+	? ⁷	+
South Slavic	Slovene	<i>kdor</i>	+		+	+	+
	Serbo-Croatian	<i>(t)ko</i>	+	+		+	+

Table 3. Slavic 'which' pronouns

			only human	stems from the interrogative 'who'	no number or gender distinctions	cannot be used attributively
East Slavic	Russian	<i>kotoryj</i>	-	-	-	-
	Ukrainian	<i>kotryj</i>	-	-	-	-
		<i>jakyj</i>	-	-	-	-
	Belarusian	<i>katory</i>	-	-	-	-
		<i>jaki</i>	-	-	-	-
West Slavic	Polish	<i>który</i>	-	-	-	-
	Czech	<i>který</i>	-	-	-	-
	Slovak	<i>ktorý</i>	-	-	-	-
	Upper Sorbian	<i>kotryž</i>	-	-	-	-
	Lower Sorbian	<i>kótaryž</i>	-	-	-	-
South Slavic	Slovene	<i>kateri</i>	-	-	-	-
	Serbo-Croatian	<i>koji</i>	-	-	-	-
		<i>koj</i>	-	-/+	-	-
	Macedonian	<i>kojšto</i>	-	-/+	-	-
		Bulgarian	<i>kojto</i>	-	-/+	-

⁶ According to [BARTELS, SPIESS 2012], the relative 'who' can refer to inanimates in older literary Lower Sorbian and non-standard Upper Sorbian, unlike the present-day standard languages.

⁷ MUCKE [1891: 428] provides a paradigm of the interrogative *chto*, which includes instrumental plural and dual forms; however, these forms are not mentioned by JANÁŠ [1976: 179].

Macedonian *koj* and *kojšto*, as well as Bulgarian *kojto*, do not have a counterpart belonging to the ‘who’ group and are therefore not considered below in any detail.

As is evident from the data in Tables 2 and 3, the four properties strongly tend to pattern together in Slavic languages. It is therefore impossible to tear them apart, building on the Slavic data only. Although a comparative concept based on a single property would be more desirable, choosing any one of the properties listed above in this study would be largely arbitrary and could yield incorrect conclusions.

3. Qualitative data on the distribution of Slavic ‘who’ and ‘which’

To the best of my knowledge, the most systematic overview of the distribution in question is provided by KŘÍŽKOVÁ [1970], who describes the use of ‘who’ and ‘which’ in questions (3), correlatives (4), and postnominal relative constructions headed by the pronouns ‘someone,’ ‘nobody,’ ‘each,’ etc. (5), ‘that’ (6), ‘all’ or ‘those’ (7), and nouns (8). The paper also contains some data on constructions with ‘first,’ ‘last,’ ‘that’ in the feminine, and personal pronouns in the head, as well as cleft constructions; the evidence of this data, however, is more sketchy, and I leave it out in the following discussion.

(3) question, Carlo Collodi. Pinocchio (RNC)

Kto	<i>vas</i>	<i>oskorbljaet?</i>	Russian
Kto	<i>wam</i>	<i>ubliża?</i>	Polish
Tko	<i>vas</i>	<i>vrijeđa?</i>	Croatian
who	you	insults	
‘Who is insulting you?’			

(4) correlative, Ivo Andrić. The Bridge on the Drina (Parasol)

Xto	<i>ne bačyc'</i>	<i>zaraz,</i>	<i>toj</i>	<i>ne pabačyc' nikoli.</i>	Belarusian
Kto	<i>nevidí</i>	<i>teraz,</i>	<i>ten</i>	<i>neuvídí nikdy.</i>	Slovak
Ko	<i>ne vidi</i>	<i>sada,</i>	<i>taj</i>	<i>neće nikad vidjeti.</i>	Serbian
who	doesn't see	now	that	will never see	
‘The one who does not see now will never see.’					

(5) ‘each’ in the head, Ivo Andrić. The Bridge on the Drina (Parasol)

...	<i>Kožnomu,</i>	xto	<i>joho</i>	<i>xotiv</i>	<i>sluxaty</i>	...	Ukrainian
...	<i>každému,</i>	kdo	<i>ho</i>	<i>byl ochoten</i>	<i>poslouchat</i>	...	Czech
...	<i>vsakomur,</i>	kdor	<i>ga</i>	<i>je hotel</i>	<i>poslušati</i>	...	Slovenian
	each.one	who	him	wanted	to listen		
‘... to everyone who wanted to listen to him.’							

(6) ‘that’ in the head, Nikolai Ostrovsky. How the Steel was Tempered (Parasol)

- a. ... *zvjarnuŕšja ěn da taho, kaho zvali Moc'kam* Belarusian
 ... *obratise on onome koga su zvali Močka* Croatian
 turned he to the one whom called Motka
- b. ... *přiwobroći so k tomu, kotrehož běchu Motku wotali* Upper Sorbian
 ... turned to the one which called Motka
 ‘He addresses the one who was called Motka.’

(7) ‘those’ in the head, Umberto Eco. The Name of the Rose (Parasol)

- a. *I te, kto ubival obezumevšix kajal'ščikov...* Russian
 and those who killed crazed penitents
- b. *A ci, którzy zabijali oszalałych pokutników...* Polish
A oni koji su ubijali pomahnitale pokajnike... Serbian
 and those which killed crazed penitents
 ‘And they who killed the crazed penitents...’

(8) noun in the head, Dan Brown. The Da Vinci Code (RNC)

- ... *vrag, o ktorom ee predupreždali* Russian
 ... *nepriateľ, pred ktorým ju vystríhali* Slovak
 ... *sovražnik, pred katerim so jo posvarili* Slovene
 enemy about which they warned her
 ‘... the enemy they had warned her about’

Table 4 summarizes KŘÍŽKOVÁ’s [1970] data. Some of the data points are corrected and highlighted in bold.⁸

First, *pace* KŘÍŽKOVÁ, Upper Sorbian does allow ‘who’ to be used with indefinites [FASSKE, MICHALK 1981: 616], cf. a corpus example:

(9) Upper Sorbian, Nikolai Ostrovsky. How the Steel Was Tempered (Parasol)

- Ale bydlenje běše prózdne, a nictó tu njeběše, kohož by so woprasat*
 but flat was empty and nobody there wasn’t whom would ask
 ‘But the flat was empty, and there was nobody to ask.’

Second, corpus data show that Lower Sorbian allows ‘which’ with the head ‘that’:

⁸ KŘÍŽKOVÁ [1970] sometimes does not state explicitly that one of the pronouns is ungrammatical in a given context, but she gives lists of languages using different strategies which could be expected to be exhaustive.

Table 4. The use of 'who' and 'which' in Slavic languages, according to the data in KŘÍŽKOVÁ [1970] with minor corrections

	questions	correlatives	'someone,' 'nobody,' 'each'	'that'	'all,' 'those'	nouns in the head
Russian	<i>who</i>	<i>who/which</i>	<i>who</i>	<i>who/which</i>	<i>who/which</i>	<i>which/who</i>
Ukrainian	<i>who</i>	<i>who</i>	<i>who</i>	<i>who/which</i>	<i>who/which</i>	<i>which/who</i>
Belarusian	<i>who</i>	<i>who</i>	<i>who</i>	<i>who/which</i>	<i>who/which</i>	<i>which/who</i>
Czech	<i>who</i>	<i>who</i>	<i>who</i>	<i>who/which</i>	<i>who/which</i>	<i>which?</i>
Slovene	<i>who</i>	<i>who</i>	<i>which</i>	<i>who/which</i>	<i>who/which</i>	<i>which</i>
Polish	<i>who</i>	<i>who</i>	<i>who</i>	<i>who/which</i>	<i>which</i>	<i>which</i>
Lower Sorbian	<i>who</i>	<i>who</i>	<i>who/which</i>	<i>who/which</i>	<i>which</i>	<i>which</i>
Slovak	<i>who</i>	<i>who</i>	<i>who/which</i>	<i>who/which</i>	<i>which</i>	<i>which</i>
Upper Sorbian ¹⁰	<i>who</i>	<i>who/which</i>	<i>who/which</i>	<i>who/which</i>	<i>which</i>	<i>which</i>
Serbo-Croatian ¹¹	<i>who/which</i>	<i>who/which</i>	<i>who/which</i>	<i>who/which</i>	<i>who/which</i>	<i>which</i>

(10) Lower Sorbian, James 2:13 (DOTKO)¹²

Njefmilny šud smějo ten, kótaryž smilnosćz nějo zynit
 Merciless judgment will.have that which mercy didn't do
 'For judgment is without mercy to the one who has shown no mercy.'

Third, the data on the heads 'someone,' 'nobody,' and 'each' in Lower Sorbian are missing from [KŘÍŽKOVÁ 1970]. Both 'who' and 'which' pronouns are attested in such contexts in DOTKO. Cf. also the following example:

(11) Lower Sorbian, Antoine de Saint-Exupéry. The Little Prince (ASPAC)

... *mimo někogo, z kótarymž by mógał se derje wulicowaš*
 ... without someone with which would be able well talk
 'without anyone that I could really talk to'

⁹ Slovak and Polish examples of this kind can also be found, although they are extremely rare.

¹⁰ Czech examples of 'who' pronouns with a noun in the head can be found, but they are extremely infrequent.

¹¹ 'Who' is attested more widely in older literary Lower Sorbian and non-standard Upper Sorbian [BARTELS, SPIESS 2012: 227].

¹² Lower Sorbian writing in DOTKO texts deviates from the modern orthography; see a description of the correspondences at http://dolnosorbiski.de/korpus/psawopisne_warianty.

Fourth, Slovene examples with 'which' following the head 'all' are also attested:¹³

(12) Slovene (Fida Plus)

Vsekakor pa vsi, kateri so sodelovali pri popravilu, zaslužijo pohvalo!
anyway but all which participated in repairs deserve praise
'Anyway, everyone who took part in the repair deserves praise!'

Most of the data in the table is consistent with the hierarchy in (13), the positions to the left being increasingly preferred for the 'who' pronouns.

(13) questions > correlatives > 'someone,' 'nobody,' 'each'; 'that' > 'all,' 'those' > heads with nouns

The only exception to this rule is represented by Russian correlatives, which unexpectedly allow the pronoun 'which.' Three comments are due here. First, standard Russian does not allow 'which' in any of the relative constructions without a noun in the head, i.e., standard Russian data clearly fits into the hierarchy in (13). Second, 'which' in non-standard Russian also occurs in the "intermediate" group, namely, with the head 'each,' in a clearly non-elliptical context, and these examples are relatively acceptable, at least when the head is feminine, as in (14).¹⁴

(14) Russian, T. Putilova ("Komsomol'skaya Pravda," 2002)

Pravda, po ego slovam, on ženilsja na každyj, kotoruju celoval.
truth according.to his words he married on each.F which kissed
'However, according to him, he married every girl he kissed.'

Third, even though correlatives with 'which' are slightly more acceptable and frequent than this intermediate step, it is only true for the correlatives with the relative pronoun in the plural. However, comparable conditions are impossible for the group 'someone,' 'nobody,' and 'each,' and the data discussed in 5.2 show that plural number is an independent parameter which makes 'which' pronouns more acceptable.

It is therefore possible to suggest that the hierarchy in (13) only holds if other things are equal, i.e., if the features unspecified in the group descriptions coincide.

¹³ Slovak and Polish examples of this kind can also be found, although they are extremely rare.

¹⁴ The examples with 'nobody' and 'someone' are, however, ungrammatical, which suggests that this group is not quite homogeneous. I will not go into further details in this paper.

The greatest variation in the table is observed in the ‘that’ and ‘all,’ as well as ‘those’ columns, which is why further discussion is mainly confined to this class of light-headed relatives.

4. Quantitative data on the distribution of Slavic ‘who’ and ‘which’

The basic idea behind this study is to propose a unified account for qualitative and quantitative data on the distribution of ‘who’ and ‘which.’ The desired quantitative data point must therefore be directly comparable to the qualitative data in Table 4. It is possible to establish such comparative data by looking at information on the presence of a quantitative tendency established language-internally, which can be compared to the qualitative tendencies summarized in (13).

A potentially attractive option for a quantitative cross-linguistic study is to increase comparability of the data by using parallel corpora, such as ASPAC, InterCorp, the parallel subcorpus of the RNC, or Parasol, as advocated for Slavic languages by VON WALDENFELS [2014]. However, this methodology seems less suited for this study. Using parallel texts does not seem to make the data of basic interest for this study any more reliable, specifically, the data on language-internal quantitative tendencies (or, to put it in other words, the differences between columns in Table 4). It could be more useful if the intended results included not only a comparison of contexts, but also a quantitative comparison of languages (i.e., differences between rows in Table 4). However, this aim does not seem to be fully achievable. Only one text in all the Slavic varieties considered in this study can be currently found in the corpora mentioned above. This is largely due to the fact that very few texts are available in Lower Sorbian. Moreover, even if Lower Sorbian is excluded from consideration, we still end up with only four texts. The constructions in question are relatively infrequent; therefore the small amount of data could simply be non-sufficient. To give one example, the four texts mentioned above with multiple translations contain only a total of nine examples of Russian relative clauses with the head ‘all’ immediately preceding relative pronouns.¹⁵ Moreover, the longest of these texts is of Russian origin, which would also be a major problem for this study. For instance, it is plausible that the sentences originally in Russian would be more likely to be calqued in languages which are closer to it structurally and lexically. Finally, if only a few translated texts are taken into account, it is likely that the differences “between rows of Table 4” will reflect the individual translators’ preferences rather than the intrinsic properties of the languages.

¹⁵ I only consider the first Russian translation when more than one variant is available.

To sum up, consistent use of translated texts would not provide any advantages for the core of this study and could in some respects be harmful. I therefore do not intend to collect directly comparable quantitative data on the absolute frequency of relativizers in different languages, but only the data on the tendencies of their use. This implies, among other things, that not only the corpora and texts, but also the principles of the search, such as the search query and sampling, need not be exactly the same across the languages, as long as there is no independent reason to expect that these features can reverse the correlations.

Table 5 presents the data obtained in this study.

The first column corresponds to the surveyed languages. I do not consider modern Russian data, because *kotoryj* 'which' in modern standard Russian is used almost exclusively with nouns in the head, see, e.g., [SPENCER 1993]. Surveying non-standard data poses additional problems related to the distinction between light-headed relatives and relatives with elided heads, which are extremely frequent in non-standard texts. However, to fill this gap, the data on Russian of the 18th century is included.¹⁶

The second column lists the pronouns in the head that were included in the search queries.¹⁷

The columns 'who' and 'which' contain the raw frequencies of the corresponding constructions. In all cases, the relative pronouns were included in the queries in the nominative. All the search results were inspected manually in order to exclude the relative clauses with elided nouns in the head. The next column conveys the ratio the 'who' constructions constitute among the relatives of both types.

The last column lists the corpora used in the substudies.

¹⁶ The legitimacy of including an earlier language variety in the sample, which was questioned by anonymous reviewers, derives from the following assumption. The aim of this study is to propose a generalization that would hold true for as many language varieties as possible. I therefore build a sample of language varieties which are, first, suitable for this study and, second, as distantly related as possible. In most cases, this sample happens to coincide with the list of modern standard Slavic languages, because they are distantly related and have large corpora. In Russian, however, the modern language does not satisfy the first condition, and therefore another variety must be considered. The choice of the century is largely random. A supplementary micro-diachronic study shows a gradual decline in the frequency of the 'which' pronoun in this construction over the last three centuries, and the end of the 18th century is a cut-off point as good as any other.

¹⁷ The preferable option was to search only for the heads in the nominative; however, this would not be sufficient for Slovene, in which both constructions under study are extremely infrequent, whereas the preferred option is the indeclinable relativizer. Moreover, the nominative forms were not considered in the Slovene sample of demonstrative pronouns because they do not differentiate between singular and plural.

Table 5. Quantitative data on the use of 'who' in different contexts

	head	'who'	'which'	ratio of 'who'	Corpora
Belarusian	<i>toj</i> 'that'	180	8	1.0	RNC, parallel subcorpus
	<i>use</i> 'all'	43	1	1.0	
	<i>tyja</i> 'those'	105	12	0.9	
Ukrainian	<i>toj</i> 'that'	64	1	1.0	
	<i>usi</i> / <i>ysi</i> 'all'	16	0	1.0	
	<i>ti</i> 'those'	32	11	0.7	
Slovene	<i>tisti</i> 'that'	10	0	1.0	FidaPLUS
	<i>ysi</i> 'all'	4	4	0.5	
	<i>tisti</i> 'those'	0	9	0.0	
Czech	<i>ten</i> 'that'	91	9	0.9	InterCorp
	<i>všichni</i> 'all'	78	22	0.8	
	<i>ti</i> 'those'	54	46	0.5	
Russian of the 18th c.	<i>tot</i> 'that'	206	83	0.7	RNC, main subcorpus
	<i> vse</i> 'all'	3	7	0.3	
	<i>te</i> 'those'	6	161	0.0	
Serbo-Croatian ¹⁸	<i>onaj</i> 'that'	16	17	0.5	InterCorp
	<i>svi</i> 'all'	0	10	0.0	
	<i>oni</i> 'those'	0	94	0.0	
Slovak	<i>ten</i> 'that'	61	14	0.8	
	<i>všetci</i> 'all'	0	11	0.0	
	<i>tí</i> 'those'	0	33	0.0	
Polish	<i>ten</i> 'that'	53	47	0.5	
	<i>wszyscy</i> 'all'	0	100	0.0	
	<i>ci</i> 'those'	0	100	0.0	
Lower Sorbian	<i>ten</i> 'that'	4	20	0.2	DOTKO
	<i>wšykne</i> 'all'	0	9	0.0	
	<i>te</i> 'those'	0	71	0.0	
Upper Sorbian	<i>tón</i> 'that'	0	100	0.0	HOTKO
	<i>wšitcy</i> 'all'	0	100	0.0	
	<i>ći</i> 'those'	0	100	0.0	

¹⁸ Serbian and Croatian were surveyed separately; however, the results did not show any difference. The results in the table are taken from the Croatian subcorpus.

Table 6 is a reminder of the differences between 'that,' 'those,' and 'all' observed in the qualitative data. The vertical lines mark the cases where 'who' is acceptable in one of the contexts, but not the other. The relativizer 'which' is attested in all these languages with all three head types.

Table 6. Grammaticality of 'who' in different contexts, according to the data in KRÍŽKOVÁ [1970] with minor corrections

	'those who,' 'all who'	'that who'
Belarusian	+	+
Ukrainian	+	+
Slovene	+	+
Czech	+	+
Russian	+	+
Serbo-Croatian	+	+
Slovak	–	+
Polish	–	+
Lower Sorbian	–	+
Upper Sorbian	–	+

Table 7 summarizes the results of the quantitative study. The numbers in the cells correspond to the ratio of 'who' in these contexts. The dashed vertical lines designate statistically significant differences between two contexts with $p < .05$.¹⁹ The normal lines are copied from Table 6. The last column reflects statistically significant differences between the leftmost ('that') and the rightmost ('those') columns.

Table 7. Quantitative and qualitative data on the use of 'who' in different contexts. Summary (ratio of 'who')

	'that who'	'all who'	'those who'	statistically significant difference between 'that' and 'those'
Belarusian	1.0	1.0	0.9	+
Ukrainian	1.0	1.0	0.7	+
Slovene	1.0	0.5	0.0	+
Czech	0.9	0.8	0.5	+
Russian of the 18th c.	0.7	0.3	0.0	+
Serbo-Croatian	0.5	0.0	0.0	+
Slovak	0.8	0.0	0.0	+ (also qualitative)
Polish	0.5	0.0	0.0	+ (also qualitative)
Lower Sorbian	0.2	0.0	0.0	+ (also qualitative)
Upper Sorbian	0.0	0.0	0.0	– (qualitative)

¹⁹ Two-sided Fisher's exact test was applied if at least one of the expected values was lower than 5; χ^2 test was used in all other cases.

Two points are worth noting. First, the qualitative and quantitative data on the use of relative pronouns with ‘that’ and ‘those’ follow a common tendency for ‘who’ to be less preferred (either disallowed or less frequent) with the head ‘those.’ As shown in Table 7, this tendency is observed or was observed in **all** the standard Slavic varieties considered in this study. Second, the quantitative data suggests a further difference between ‘these’ and ‘all,’ the relativizer ‘who’ being more frequent in the latter case. This tendency is observed in at least four of the five Slavic languages for which the frequency of both relative pronouns with plural heads is not vanishingly small.

I assume that the two differences have a common nature, even though the second one happens not to be reflected in the grammaticality constraints of any of the languages in the study. I therefore propose the second interim summary (15) with the newly found distinction taken into account.

(15) questions > correlatives > ‘someone,’ ‘nobody,’ ‘each’; ‘that’ > **‘all’** > **‘those’** > heads with nouns

5. Discussion

The hierarchy in (15) incorporates many different properties that could be responsible for the observed grammatical differences. The discussion in **parts 5.1–5.2** is intended to clarify which of them could be relevant.

5.1. Positional types of relative clauses and “lightness” of the head

At least some parts of the hierarchy in (15) can be described in terms of a diachronical cline, the positions to the left being diachronically prior.

The first step in the hierarchy (15) corresponds to a well-established grammaticalization path:

(16) interrogatives > (indefinites) > relative markers [LEHMANN 1984: 384; HENDERREY 2012: 48–56]

One more part of the hierarchy which can be interpreted in diachronical terms is given in (17).

(17) correlatives > **light-headed relatives** > relatives with nouns in the head

This subhierarchy captures the synchronical fact that relative clauses without a noun in the head are in a sense intermediate between free relatives and relatives with full heads.

The fact that free relatives often share the relativizer with (some) relative clauses with pronouns in the head was noted on a typological basis already in [ЗАЛИЗНЯК, ПАДУЧЕВА 1975] and [LEHMANN 1984]. According to LEHMANN [1984: 326], if a relative pronoun coincides with an interrogative pronoun in

noun-headed relatives, it always does so in light-headed relatives. This suggests that light-headed relatives might constitute an intermediate diachronical stage between correlatives and postnominal relative clauses.²⁰

As noted in the literature, light-headed relatives have some properties in common with noun-headed relatives, such as the lack of matching effects, a similar set of semantic interpretations, and non-compatibility with *ever* [SZUCSICH 2003; СІТКО 2004]. A link between light-headed relatives and relatives with a noun in the head is also part of a proposed grammaticalization cline of relative pronouns by HEINE and KUTEVA [2006], see also [MITHUN 2012].

5.2. Specificity, number, and semantic type

Several researchers have independently claimed that a difference relevant for the choice of relativizers in light-headed relative clauses is that between relatives with specific and non-specific reference. This idea is proposed in these or in slightly different terms (in part due to different languages) by KŘÍŽKOVÁ [1970], LEHMANN [1984], and SPENCER [1993]. According to all these studies, ‘who’ is more pervasive in relative clauses with non-specific reference.

According to KŘÍŽKOVÁ [1970], ‘which’ in Czech, Slovak, Russian, Ukrainian, and Belarusian can be used with the singular head ‘that’ only in definite specific contexts. As demonstrated by (17) and (18), this rule is not without exceptions, at least in Slovak and Czech, but the general tendency clearly holds.

(18) Slovak, Love and Death (Intercorp, subtitles)

<i>Ten,</i>	<i>ktorý</i>	<i>žije</i>	<i>s</i>	<i>mečom,</i>	<i>zomrie</i>	<i>mečom.</i>
that	which	lives	with	sword	dies	with.sword

{Political assassination doesn’t work. Violence leads to violence.} ‘He who lives by the sword dies by the sword.’

(19) Czech, My Name Is Bruce (Intercorp, subtitles)

<i>Ten,</i>	<i>který</i>	<i>se bude chtít utkat</i>	<i>s</i>	<i>Guan-Dim,</i>	—
that	which	will want to encounter	with	Guan-Di	
<i>utká se</i>		<i>také se</i>	<i>samotnou</i>	<i>smrtí.</i>	
will encounter		too with	itself	death	

‘He who would confront Guan-Di,—would also confront death itself.’

²⁰ Diachronically, however, the development of Slavic relatives did not follow this scenario unidirectionally. The group of relatives with nouns in the head is attested for Slavic ‘who’ in a few Slavic non-modern varieties which do not allow this construction now, at least, older varieties of Serbo-Croatian [DEZSÓ 1982: 219; MURELLI 2011: 314], Middle Polish [SENDERSKA 2013: 333], and older Lower Sorbian [BARTELS, SPIESS 2012: 227]. It was also more frequent in Middle Russian [БОРКОВСКИЙ 1973].

Keeping this in mind, it is natural to suppose that this tendency could account for the observed difference between ‘that’ and ‘these.’ Plural heads could just be more likely to be specific, because the singular ‘that’ pronouns frequently participate in constructions with generalizing semantics. To check whether specificity could be the sole relevant factor, a pilot study was conducted based on the 18th-century Russian material. The relative clauses with the head ‘those’ were compared to relative clauses with the head ‘that,’ further divided into relative constructions with specific reference (20) and relative constructions with non-specific reference (21).

(20) Russian, Nikolai Karamzin, 1793 (RNC)

*Esli on sam poslal tebja — tot, **kotorogo** strašnoe prokljatie*
 if he himself sent you that of.which terrifying curse
gremit vseгда v moem sluxe...
 thunders always in my hearing

‘If he sent you himself, he whose terrible curse always sounds in my ears. . .’

(21) Russian, Denis Fonvizin, 1788 (RNC)

*Basn' učit, čto tot, **kotoryj** pervee vsech prinimaet mody,*
 fable teaches that that which earlier than.everyone accepts vogue
i tot, kotoryj deržitsja stariny, — oba ravnye duraki.
 and that which keeps.to the.old both equal fools

‘The fable teaches us that the one who is the first to accept the new fashion and the one who keeps to the old are equally fools.’

The study was designed to check whether specificity correlates with the choice of the relative pronoun in this Russian variety and whether this difference could account for the deviant behavior of the plural heads.

In the singular, the difference was drawn between the constructions with generalized reference, classified here as non-specific, and all other cases. The difference in specificity is difficult to observe in the plural, which is why no attempt was made to classify the occurrences of the plural into these two groups.

The results are given in Table 8. The data show statistically significant differences in both pairs. The difference between specific and non-specific ‘that’ (χ^2 , $p < .05$) suggests that this property was relevant for Russian of the 18th century. The difference between specific ‘that’ and all the occurrences of ‘those’ (χ^2 , $p < .05$) suggests that even if we presume that all the examples with ‘those’ are specific, the number is still a different factor.

Table 8. Frequency of 'who' and 'which' in Russian of the 18th century:
The impact of number and specificity (RNC)

		'who'	'which'	ratio of 'who'
'that'	non-specific	79	21	0.79
	specific	29	71 ²¹	0.29
'those'		4	96	0.04

To sum up, both number and specificity influenced the choice of relative pronouns in at least one Slavic variety. As the number distinction shows up in all the Slavic varieties considered in this study, it is likely to be an independent parameter in at least some of these varieties.

I suggest that the data on number distinctions presented so far can be summarized as follows:

(22) SG > PL

(23) no (semantically regular) SG/PL distinction > SG/PL distinction

As in all the hierarchies above, the properties at the left make the choice of 'who' more favorable. The hierarchy in (22) is a proposed summary for the discussion of the difference between 'that' and 'those,' and (23) is a suggested way to account for the difference between 'all' and 'those.'²²

Bulgarian, which is not considered in the core of this study, gives some additional data in favor of (22). As mentioned in part 2, Bulgarian does not distinguish between 'who' and 'which' in the terms of this study, and the two etymological roots constitute a single paradigm. However, according to [НИЦОЛОВА 1986; ИЛИЕВ 2012: 192], the forms derived from the former 'who' stem can only be used in **singular** masculine animate contexts, i.e., the remnants of the 'who' pronoun in Bulgarian are preferred in the singular in accordance with the hierarchy in (22).

Returning to the question of specificity, it is plausible to suggest that this distinction can be rephrased as that between maximalizing and restrictive relative clauses, as described by [GROSU, LANDMAN 1998], maximalizing relative clauses corresponding to the non-specificity condition. As claimed in [IBID.], maximalizing relatives demand universal or definite semantics. While definiteness of examples like (20) can easily be explained by the presence of a definite pronoun in the head, the universal semantics of (21) is likely to result from a maximalizing operation. With this assumption, the generalization

²¹ About half of the examples in this group have reference to God. This subgroup has a stronger tendency to contain the pronoun 'which.' The tendencies presented in Table 7 hold true if these examples are excluded from the survey.

²² This generalization could also capture the colloquial Russian data discussed in footnote 14.

of the observed data might be laid out as follows: the relative pronouns of the ‘who’ class prefer maximalizing relative clauses over restrictive relative clauses.²³

A further distinction between semantic types of relative clauses is drawn in East Slavic languages, where ‘who’ is possible in (a subclass of) restrictive relative clauses with nouns in the head and impossible in appositive relative clauses with nouns in the head.²⁴ As illustrated by (24)–(29), Russian *kto*, Ukrainian *xto*, and Belarusian *xto* ‘who’ allow only the restrictive interpretation, while *kotoryj*, *kotry*, and *jaki* ‘which’ are grammatical with both restrictive (24a), (26a), (28a) and appositive (24b), (26b), (28b) interpretations.

(24) Russian, M. Sergeev. The Magic Galosha (RNC)

Vzroslye, kto v etot čas byl svoboden ot raboty, prinesli stul'ja...
grown-ups who in this hour was free from work brought chairs

‘The grown-ups who were free at that time brought chairs.’

a. ^{OK}‘Some of the grown-ups were free.’

b. *‘All the grown-ups were free, and the speaker knows it.’

(25) Russian, (constructed)

Vzroslye, kotorye v etot čas byli svobodny ot raboty, prinesli stul'ja...
grown-ups which in this hour was free from work brought chairs

‘The grown-ups(.) who were free at that time(.) brought chairs.’

a. ^{OK}‘Some of the grown-ups were free.’

b. ^{OK}‘All the grown-ups were free, and the speaker knows it.’

(26) Ukrainian, M. Frolova. The Ball in the Firmament (RNC)²⁵

Zbihlys' susidy, xto buv nedaleko...
came.running neighbors who was not.far

‘The neighbors who were nearby came running.’

a. ^{OK}‘Some of the neighbors were nearby.’

b. *‘All the neighbors were nearby, and the speaker knows it.’

²³ Alternatively, both (20) and (21) can be viewed as maximalizing, universal semantics being diachronically the first step by which interrogative pronouns acquire maximalizing semantics [BELYAEV, HAUG]. In this case, this tendency reflects the general inclination of interrogative pronouns to be used in diachronically early contexts.

²⁴ An anonymous reviewer suggests that these relative clauses could be free relatives juxtaposed to the noun. The data that prove *kto*-relatives can modify nouns in the head includes the agreement of the predicate in these clauses with the head [Холодилова 2015] and the fact that the head can contain the word *tot* ‘that’ without the deictic meaning, which is impossible without a modifying relative clause.

²⁵ I would like to thank Viktor A. Stegnij for the grammaticality judgments of the Ukrainian sentences and Zhanna Duko for the judgments of the Belarusian sentences.

(27) Ukrainian (constructed)

Zbihlys' susidy, kotri buly nedaleko...
came.running neighbors which were not.far

'The neighbors(,) who were nearby(,) came running.'

a. ^{OK}'Some of the neighbors were nearby.'

b. ^{OK}'All the neighbors were nearby, and the speaker knows it.'

(28) Belarusian, I. Chigrinov. Blood Acquittal (RNC)

Palonnyja, xto jašče stajaŭ lja scjany, pačali aziracca na kryk
captives who still stood.SG near wall started look.around on cry
i adyxodzic' na sjaredzinu dvara.
and step.away on middle of.yard

'The captives who were still standing near the wall started to turn to the cry and move to the center of the yard.'

a. ^{OK}'Some of the captives were near the wall.'

b. *'All the captives were near the wall.'

(29) Belarusian, I. Chigrinov. Blood Acquittal (RNC)

Palonnyja, jakija jašče stajali lja scjany, pačali aziracca na kryk
captives which still stood.PL near wall started look.around on cry
i adyxodzic' na sjaredzinu dvara.
and step.away on middle of.yard

'The captives(,) who were still standing near the wall(,) started to turn to the cry and move to the center of the yard.'

a. ^{OK}'Some of the captives were near the wall.'

b. ^{OK}'All the captives were near the wall.'

It is therefore possible to provisionally summarize the differences between semantic types of clauses which favor the use of 'who' as follows:

(30) maximalizing > restrictive > appositive

6. Summary

The tendencies discussed in part 5 are brought together in the following schema (see Figure 1).

Most of these generalizations are based on the hierarchy (15) which is justified by the data of numerous Slavic languages. The second part of the hierarchy (34) is less reliable, because it is backed only by the data of East Slavic languages.

Figure 1

'who' ←————→ 'which'

HEAD:

(31) no external head > external head without a pronoun > external head with a noun

(32) no semantically regular SG/PL distinction > SG/PL distinction

(33) SG > PL

CLAUSE:

(34) maximalizing > restrictive > appositive

The choice of relative pronoun is usually regarded as the sole argument in favor of a separate analysis of light-headed vs. noun-headed relative constructions, see, e.g., [SZUCSICH 2003; СІТКО 2004]. It follows naturally from the hierarchies related to the properties of the head that light-headed relatives do not constitute a homogeneous typologically relevant grammatical class. In other words, if this distinction is preserved, it is typologically more useful to postulate a gradual opposition between “lighter” and “heavier” heads rather than a binary opposition between light vs. noun-headed relatives.

Building on the data in (31)–(34), I would like to propose that all these differences can be derived from a single macro-parameter, namely, the extent to which the head is integrated into the relative clause. The more integrated heads are more likely to take ‘who’ in the relative clause.

This macro-parameter would naturally explain (34), because, according to GROSU and LANDMAN [1998: 126], the semantic impact of the material external to the relative clause on the overall semantics of the construction declines along the following hierarchy:

(35) Simplex XPs—Appositives—Restrictives—Maximalizers—Simplex CPs

As a head gets more integrated into the relative clause it is natural to assume that it is less likely to have an independent impact on the overall semantics; see also the discussion in [ЛАНДЕР 2012: 411–417].

Integration is also more natural for a head that is simply smaller segmentally and structurally (31) and has less “semantic material” (32). The difference in (33) could be regarded as that between the more and the less frequent options, which are, accordingly, less or more informative. The more informative plural form can have more impact on the semantics of the construction.

The generalization is additionally supported by four other phenomena in Russian, all of which involve some kind of interaction between the material inside the relative clause and the material outside the relative clause. These phenomena are the following:

– Agreement of the relative clause predicate with the head in Russian relative constructions [ХОЛОДИЛОВА 2015].

– Inverse attraction in non-standard Russian [ХОЛОДИЛОВА 2015]. Under inverse attraction, the head of the relative clause is case-marked as if it belonged to the dependent clause, as in (36); see, e.g., BIANCHI [2000] for an overview of attraction phenomena in relative clauses.

(36) Non-standard Russian (Yandex search engine)

ʔVsem, komu eto nado, sami razberutsja.
to.everybody to.whom this is.necessary themselves will.figure.out

'Everybody who needs it (lit. to whom it is necessary) will figure it out himself.'

– Case attraction in non-standard Russian [ХОЛОДИЛОВА 2015], i.e., constructions in which the relative pronoun receives case from the main clause, as in (37).

(37) Non-standard Russian (Yandex search engine)

Bolšuju sobaku zvali Dulkan, kotoruju pomenše – Tom.
big.ACC dog.ACC they.called Dulkan which.ACC smaller Tom

'The big dog was called Dulkan, the smaller one was called Tom.'

– Transparent relatives in non-standard Russian [ХОЛОДИЛОВА 2016]. Transparent relative constructions can be roughly defined as those which allow the nominal predicate of the relative clause to participate in the main clause, for instance, by triggering agreement as in (38), and see [VAN RIEMSDIJK 2001] for more details.

(38) Non-standard Russian (RNC)

V každoj strane byli i est' to, što nazyvaetsja "social'nye problemy".
in every country were and is/are that what is.called social problems

'In every country, there are what is called social problems'

Table 9 summarizes the grammatical tendencies these constructions have in common. The list might be non-exhaustive. Fuller data on these tendencies can be found in the works cited above.

Table 9. Russian relative constructions with a grammatical interaction between the main and the subordinate clause: Common tendencies

		relative pronoun choice	predicate agreement	inverse attraction	case attraction	transparency
“lightness” of the head	no head > pronoun		(logically impossible)	(logically impossible)	+	+
	pronoun > noun	+	+	+	+	+
semantic types	maximalizing > restrictive	+		+	+	
	restrictive > appositive	+	+		+	

Finally, some phenomena suggest that the distinction between more and less integrated heads is typologically relevant.

First, the idea that the opposition between internal and external relative heads is gradual was advanced by Lander [ЛАНДЕР 2012: 403–417] on the basis of Adyge and some typological data.

Second, inverse attraction (see the definition above) in Standard Moksha and Standard Udmurt is only possible if the head of the clause does not contain a noun [KHOLODILOVA, PRIVIZENTSEVA 2015], and, according to AGHAEI [2003], as cited in CINQUE [2015], inverse attraction in Persian is impossible in appositive relative clauses. These facts suggest that inverse attraction tends cross-linguistically to show tendencies similar to those listed in Table 9.

A small piece of evidence in favor of the overall idea is also supplied by Finnish punctuation as related to pausation. If some of the heads are more integrated into the relative clause than others, it is natural to expect that this difference will be reflected in their intonation patterns, which can in turn be reflected by the punctuation. According to [ITKONEN, MAAMIES 2012], a comma can be absent before a relative clause in Finnish if and only if it is headed by a demonstrative pronoun. A corpus study presented in Table 10 shows that a further difference can be found between the singular and the plural of the relative demonstrative pronoun, and commas are left out more often if the head is in the singular. This means that Finnish punctuation obeys at least two of the tendencies described above, the tendency for the demonstrative pronouns to be more integrated than nouns (31) and the tendency for singular to be more liable to integration than plural (33).

Table 10. Commas in Finnish relative clauses with pronominal heads and the pronoun *joka* ‘which’ (InterCorp)

	no comma	comma	ratio of missing commas
<i>se</i> ‘that’	284	591	0.3
<i>ne</i> ‘those’	154	1208	0.1

To summarize, I suggest, following [ЛАНДЕР 2012: 403–417], that the level of integration of the head into the relative clause is a typologically relevant gradual macro-parameter. I also argue that this macro-parameter includes the opposition between nouns and demonstrative pronouns in the head, as well as that between plural and singular demonstrative pronouns. Finally, I suggest that this macro-parameter manifests itself, among other things, in the choice of relative pronouns in Slavic languages.

Bibliography

Sources

- ASPAC, Amsterdam Slavic Parallel Aligned Corpus compiled by Adrian Barentsen²⁶
- DOTKO, Dolnoserbški tekstowy korpus (www.dolnoserbški.de/korpus/, accessed via “Kontext” interface at kontext.korpus.cz)
- HOTKO, Hornolužický textový korpus (korpus.cz/corpora/run.cgi/first_form, accessed via “Kontext” interface at kontext.korpus.cz)
- InterCorp (<https://ucnk.ff.cuni.cz/intercorp/>, accessed via “Kontext” interface at kontext.korpus.cz)
- FidaPLUS, Korpus slovenskega jezika
- Parasol (von Waldenfels, Ruprecht and Meyer, Roland (2006–): ParaSol, a Corpus of Slavic and Other Languages. Available at parasolcorpus.org. Bern, Regensburg)
- RNC, Russian National Corpus (ruscorpora.ru), the main and parallel subcorpora

Literature

- AGHAEI 2003
AGHAEI B., “Case attraction: Evidence for raising analysis for relative clauses in Farsi. Paper presented at SALA 23” (unpublished manuscript).
- BARTELS, SPIESS 2012
BARTELS H., SPIESS G., “Restrictive relative clauses in the Sorbian languages,” *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 65/3, 2012, 221–245.
- BAUER 1967
BAUER J., “K vývoji vztažných vět v slovanských jazycích,” *Slavica Slovaca*, 2, 1967, 297–320.
- BELYAEV, HAUG
BELYAEV O., HAUG D., “Correlatives in Indo-European and Beyond” (unpublished manuscript).
- BIANCHI 2000
BIANCHI V., “Some Issues in the Syntax of Relative Determiners,” in: *The Syntax of Relative Clauses*, Amsterdam, Philadelphia, 2000, 53–81.
- BROWNE 1986
BROWNE W., *Relative Clauses in Serbo-Croatian in Comparison with English*, Zagreb, 1986.
- CINQUE 2015
CINQUE G., “Three Phenomena Discriminating between “Raising” and “Matching” Relative Clauses,” *Semantic-Syntax Interface*, 2, 1, 2015, 1–27.
- CITKO 2000
CITKO B., “Parallel Merge and the Syntax of Free Relatives” (PhD Thesis, New York, 2000).

²⁶ I am grateful to Adrian A. Barentsen for access to the corpus data.

——— 2004

CITKO B., "On Headed, Headless, and Light-headed Relatives," *Natural Language and Linguistic Theory*, 22/1, 2004, 95–126.

DAROVEC 1985

DAROVEC M., "Vzťažné věty v slovenčině," *Studia Academica Slovaca*, 14, 1985, 107–131.

DEZSŐ 1982

DEZSŐ L., *Typological Studies in Old Serbo-Croatian Syntax*, Budapest, 1982.

DE VRIES 2002

DE VRIES M., "The Syntax of Relativization" (PhD Thesis, University of Amsterdam, 2002).

FASSKE, MICHALK 1981

FASSKE H., MICHALK S., *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie*, Bautzen, 1981.

GOŁĄB, FRIEDMAN 1972

GOŁĄB Z., FRIEDMAN V. A., "The Relative Clause in Slavic," in: P. PERANTEAU, J. LEVI, G. PHARES, eds., *The Chicago Which Hunt. Papers from the Relative Clause Festival*, Chicago, 1972, 30–46.

GROSU, LANDMAN 1998

GROSU A., LANDMAN F., "Strange Relatives of the Third Kind," *Natural Language Semantics*, 6, 1998, 125–170.

HASPELMATH 2010

HASPELMATH M., "Comparative Concepts and Descriptive Categories in Cross-linguistic Studies," *Language*, 86/3, 2010, 663–687.

HEINE, KUTEVA 2006

HEINE B., KUTEVA T., *The Changing Languages of Europe*, Oxford, 2006.

HENDEREY 2012

HENDEREY R., *Relatives in Time and Space: A Case Study in the Methods of Diachronic Typology*, Amsterdam, Philadelphia, 2012.

ITKONEN, MAAMIES 2012

ITKONEN T., MAAMIES S., *Uusi kieliopas*, 5. painos, Helsinki, 2012.

JANAŠ 1976

JANAŠ P., *Niedersorbische Grammatik für den Gebrauch der Sorbischen Erweiterten Oberschule*, Bautzen, 1976.

KARLÍK 1988

KARLÍK P., "Relativní věty z hlediska reference," *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A: Řada jazykovědná*, 37/A36, 59–66.

KHOLODILOVA 2013

KHOLODILOVA M., "Animacy Distinction in (Mostly) Slavic Possessive Relative Pronouns. Talk at CoQuaT 2013, Leipzig, August 14, 2013" (unpublished manuscript).

——— 2015

KHOLODILOVA M., "Case Attraction in Non-standard Russian. Talk at 'Insufficient Strength to Defend Its Case': Case Attraction and Related Phenomena, Wrocław, September 18–19, 2015" (unpublished manuscript).

KHOLODILOVA, PRIVIZENTSEVA 2015

KHOLODILOVA M., PRIVIZENTSEVA M., "Inverse Attraction in Finno-Ugric Languages. Talk at 'Insufficient Strength to Defend Its Case': Case Attraction and Related Phenomena, Wrocław, September 18–19, 2015" (unpublished manuscript).

KORDIĆ 1994

KORDIĆ S., "Relativna rečenica s formalnim antecedentom," *Radovi Zavoda za slavensku filologiju*, 28–29, 1994, 81–93.

——— 1999

KORDIĆ S., *Der Relativsatz im Serbokroatischen*, München, 1999.

KŘÍŽKOVÁ 1970

KŘÍŽKOVÁ H., "Relativní věty v současných slovanských jazycích," *Slávia*, 39, 1970, 10–40.

LEHMANN 1984

LEHMANN CH., *Der Relativsatz: Typologie seiner Strukturen; Theorie seiner Funktionen; Compendium seiner Grammatik*, Tübingen, 1984.

MITHUN 2012

MITHUN M., "Questionable Relatives," in: B. COMRIE, Z. ESTRADA-FERNÁNDEZ, eds., *Relative Clauses in Languages of the Americas: A Typological Overview*, Amsterdam, Philadelphia, 2012.

MITROVIĆ 2012

MITROVIĆ I., "Relative Clauses in Serbian. Talk at 'Syntax Lab,' September 11, 2012" (unpublished manuscript).

MUCKE 1891

MUCKE K. E., *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialekte und des Obersorbischen*, Leipzig, 1891.

MURELLI 2011

MURELLI A., *Relative Constructions in European Non-standard Varieties*, Berlin, Boston, 2011.

PODHAJECKÁ 2010

PODHAJECKÁ K., "Komunikačný potenciál operátora kto v súčasnej písanej slovenčine," in: *Zborník plných príspevkov z XIX. kolokvia mladých jazykovedcov (Trnava – Modra-Harmónia, 18.–20.11.2009)*, Trnava, 2010, 276–282.

——— 2012

PODHAJECKÁ K., "Operátory čo, kto a ktorý ako prostriedky rozvíjania výpovede," in: M. Chovanec, ed., *Studentská vedecká konferencia. Zborník príspevkov*, 7, Prešov, 2012, 757–764.

POLAŃSKI 1967

POLAŃSKI K., *Składnia zdania złożonego w języku górnotużyckim*, Wrocław, 1967.

SENDERSKA 2013

SENDERSKA J., "Zdania względne w dobie średniopolskiej," *Polonica*, 33, 2013, 327–342.

SPENCER 1993

SPENCER D., "Aspects of the Syntax of Relative Clauses in Colloquial and Standard Russian" (PhD Thesis, University of Toronto, 1993).

SVOBODA 1967

SVOBODA K., "K některým otázkám vět vztažných," *Slavica Slovaca*, 2/4, 1967, 334–339.

SZUCSICH 2003

SZUCSICH L., "The Structure of Relative Clauses in Slavic," in: P. KOSTA ET AL., eds., *Investigations into Formal Slavic Linguistics*, 2, Frankfurt a. M., 2003, 697–713.

VAILLANT 1958

VAILLANT A., *Grammaire comparée des langues slaves, 2: Morphologie*, Lyon, 1958.

VAN RIEMSDIJK 2001

VAN RIEMSDIJK H., "A Far from Simple Matter: Syntactic Reflexes of Syntax-pragmatics Misalignments," in: I. KENESEI, R. M. HARNISH, eds., *Semantics, Pragmatics, and Discourse. Perspectives and Connections. A Festschrift for Ferenc Kiefer*, 2001, 21–41.

VON WALDENFELS 2014

VON WALDENFELS R., "Explorations into Variation across Slavic: Taking a Bottom-up Approach," in: B. SZMRECSANYI, B. WÄLCHLI, eds., *Aggregating Dialectology and Typology: Linguistic variation in text and speech, within and across languages*, Berlin, New York, 2014, 290–323.

ZUBATÝ 1918

ZUBATÝ J. "Jenž, který, kdo, co," *Naše řeč*, 2, 1918, 37–44.

БАУЭР 1967

БАУЭР Я., "К развитию относительных придаточных предложений в славянских языках", *Вопросы языкознания*, 5, 1967, 47–59.

Беличова 1988

Беличова Е., "Придаточные предложения относительные и посессивность в современных славянских языках", in: Ю. Н. КАРАУЛОВ, ред., *Язык: система и функционирование*, Москва, 1988, 22–30.

Борковский 1973

Борковский В. И., *Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения*, Москва, 1973.

Зализняк, Падучева 1975

Зализняк А. А., Падучева Е. В., "К типологии относительного предложения", *Семиотика и информатика*, 6, 1975, 51–101.

Илиев 2012

Илиев И. Г., *Теория на относителността. Българските относителни местоимения – произход и развой*, Пловдив, 2012.

Ландер 2012

Ландер Ю. А., "Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе" (Дисс. . . . канд. филол. наук, Москва, Институт востоковедения РАН, 2012).

Никунласси 2008

Никунласси А., *Приместоименно-относительные конструкции в современном русском языке* (= *Slavica Helsingiensia*, 33), Helsinki, 2008.

Ницолова 1986

Ницолова Р., *Българските местоимения*, София, 1986.

Павловић 2012

Павловић С., "Систем релативизатора у српском језику", *Зборник матице српске за славистику*, 82, 2012, 71–86.

Трубачев 1987

Трубачев О. Н., ред., *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*, 13, Москва, 1987.

Холодилова 2015

Холодилова М. А., "Согласование с вершиной относительных конструкций и обособленных именных оборотов в русском языке", *Русский язык в научном освещении*, 2, 2015, 74–97.

— 2016

Холодилова М. А., "(То) что называется: между относительной конструкцией и устойчивым вводным оборотом", *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, 12/3, 2016, 763–780.

References

- Bartels H., Spiess G., "Restrictive relative clauses in the Sorbian languages," *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 65/3, 2012, 221–245.
- Bauer J., "On the Development of Relative Subordinate Clauses in the Slavonic Languages," *Voprosy jazykoznanija*, 5, 1967, 47–59.
- Bauer J., "K vývoji vztažných vět v slovanských jazycích," *Slavica Slovaca*, 2, 1967, 297–320.
- Belichova E., "Pridatochnye predloženiia otnositel'nye i possessivnost' v sovremennykh slavianskikh iazykakh," in: Yu. N. Karaulov, ed., *Iazyk: sistema i funkcionirovanie*, Moscow, 1988, 22–30.
- Bianchi V., "Some Issues in the Syntax of Relative Determiners," in: *The Syntax of Relative Clauses*, Amsterdam, Philadelphia, 2000, 53–81.
- Borkovsky V. I., *Sravnitel'no-istoricheskie sintaksis vostochnoslavianskikh iazykov. Slozhnopodchinennye predloženiia*, Moscow, 1973.
- Browne W., *Relative Clauses in Serbo-Croatian in Comparison with English*, Zagreb, 1986.
- Cinque G., "Three Phenomena Discriminating between «Raising» and «Matching» Relative Clauses," *Semantic-Syntax Interface*, 2, 1, 2015, 1–27.
- Citko B., "On Headed, Headless, and Light-headed Relatives," *Natural Language and Linguistic Theory*, 22/1, 2004, 95–126.
- Darovec M., "Vztažné věty v slovenčině," *Studia Academica Slovaca*, 14, 1985, 107–131.
- Dezső L., *Typological Studies in Old Serbo-Croatian Syntax*, Budapest, 1982.
- Faßke H., Michalk S., *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie*, Bautzen, 1981.
- Gołąb Z., Friedman V. A., "The Relative Clause in Slavic," in: P. Peranteau, J. Levi, G. Phares, eds., *The Chicago Which Hunt. Papers from the Relative Clause Festival*, Chicago, 1972, 30–46.
- Grosu A., Landman F., "Strange Relatives of the Third Kind," *Natural Language Semantics*, 6, 1998, 125–170.
- Haspelmath M., "Comparative Concepts and Descriptive Categories in Cross-linguistic Studies," *Language*, 86/3, 2010, 663–687.
- Heine B., Kuteva T., *The Changing Languages of Europe*, Oxford, 2006.
- Henderey R., *Relatives in Time and Space: A Case Study in the Methods of Diachronic Typology*, Amsterdam, Philadelphia, 2012.
- Iliev I. G., *Teoriia na otnositel'nostta. Bŭlgarskite otnositelni mestoimeniia – proizkhod i razvoi*, Plovdiv, 2012.
- Itkonen T., Maamies S., *Uusi kieliopas*, 5. painos, Helsinki, 2012.
- Janaš P., *Niedersorbische Grammatik für den Gebrauch der Sorbischen Erweiterten Oberschule*, Bautzen, 1976.
- Karlik P., "Relativní věty z hlediska reference," *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A: Řada jazykovědná*, 37/A36, 59–66.
- Kholodilova M. A., "Agreement with the Head of Russian Relative Constructions and Detached Attributive Phrases," *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (= Russian Language and Linguistic Theory)*, 2, 2015, 74–97.
- Kholodilova M. A., "(To) Čto Nazывaetsja '(That) What Is Called': Halfway Between a Relative Construction and a Set Parenthetical Expression," *Acta linguistica Petropolitana*, 12/3, 2016, 763–780.
- Kordić S., "Relativna rečenica s formalnim antecedentom," *Radovi Zavoda za slavensku filologiju*, 28–29, 1994, 81–93.
- Kordić S., *Der Relativsatz im Serbokroatischen*, München, 1999.
- Křížková H., "Relativní věty v současných slovanských jazycích," *Slávia*, 39, 1970, 10–40.
- Lehmann Ch., *Der Relativsatz: Typologie seiner Strukturen; Theorie seiner Funktionen; Kompendium seiner Grammatik*, Tübingen, 1984.
- Mithun M., "Questionable Relatives," in: B. Comrie, Z. Estrada-Fernández, eds., *Relative Clauses in Languages of the Americas: A Typological Overview*, Amsterdam, Philadelphia, 2012.
- Murelli A., *Relative Constructions in European Non-standard Varieties*, Berlin, Boston, 2011.
- Nikunlassi A., *Relative Constructions with Pronominal Heads in Contemporary Russian (= Slavica Helsingiensia, 33)*, Helsinki, 2008.
- Nitsolova R., *Bŭlgarskite mestoimeniia*, Sofia, 1986.
- Pavlović S., "Sistem relativizatora u srpskom jeziku," *Zbornik matice srpske za slavistiku*, 82, 2012, 71–86.
- Podhajecká K., "Komunikačný potenciál operátora kto v súčasnej písanej slovenčine," in: *Zborník plných príspevkov z XIX. kolokvia mladých jazykovedcov (Trnava – Modra-Harmónia, 18.–20.11.2009)*, Trnava, 2010, 276–282.
- Podhajecká K., "Operátory čo, kto a ktorý ako prostriedky rozvíjania výpovede," in: M. Chovanec, ed., *Študentská vedecká konferencia. Zborník príspevkov*, 7, Prešov, 2012, 757–764.
- Polański K., *Składnia zdania złożonego w języku górnołużyckim*, Wrocław, 1967.
- Senderska J., "Zdania wzgledne w dobie średniopolskiej," *Polonica*, 33, 2013, 327–342.
- Svoboda K., "K některým otázkám vět vztažných," *Slavica Slovaca*, 2/4, 1967, 334–339.
- Szucsics L., "The Structure of Relative Clauses in Slavic," in: P. Kosta et al., eds., *Investigations into Formal Slavic Linguistics*, 2, Frankfurt a. M., 2003, 697–713.
- Vaillant A., *Grammaire comparée des langues slaves*, 2: *Morphologie*, Lyon, 1958.
- van Riemsdijk H., "A Far from Simple Matter: Syntactic Reflexes of Syntax-pragmatics Misalignments,"

in: I. Kenesei, R. M. Harnish, eds., *Semantics, Pragmatics, and Discourse. Perspectives and Connections. A Festschrift for Ferenc Kiefer*, 2001, 21–41.

von Waldenfels R., "Explorations into Variation across Slavic: Taking a Bottom-up Approach," in: B. Szmrecsanyi, B. Wälchli, eds., *Aggregating Diachronology and Typology: Linguistic variation in text*

and speech, within and across languages, Berlin, New York, 2014, 290–323.

Zalizniak A. A., Paducheva E. V., "K tipologii odnositel'nogo predlozheniia," *Semiotics and Informatics*, 6, 1975, 51–101.

Zubatý J. "Jenž, který, kdo, co," *Naše řeč*, 2, 1918, 37–44.

Acknowledgements

Russian Foundation for Basic Research. Project No. 14-06-31212.

Мария Александровна Холодилова, магистр филологии

Институт лингвистических исследований РАН, младший научный сотрудник

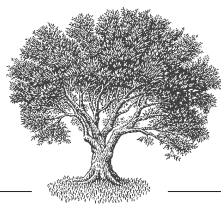
Лаборатории типологического изучения языков

199053 С.-Петербург, Тучков пер., 9

Россия/Russia

hol_m@mail.ru

Received February 11, 2016

Sročnost
višečlanih subjekata
s predikatom:
raščlamba
hrvatskoga
crkvenoslavenskoga
korpusa*

Ana Kovačević

Staroslavenski institut
Zagreb, Hrvatska

Согласование
однородных
подлежащих со
сказуемым:
анализ корпуса
церковнославянского
языка хорватской
редакции

Ана Ковачевич

Старославянский институт
Загреб, Хорватия

Nacrtak

Bogatstvo slavenskih gramatičkih kategorija i njihovo prožimanje do izražaja posebno dolaze u sročnosti višečlanoga subjekta (združenih subjekata) s predikatom. Pridodaju li se tomu uvjeti takve sročnosti, a u slavenskim su jezicima to red riječi i semantička živost, mogu se očekivati raznoliki sročnosti obrasci, koji će dijelom ovisiti i o konkretnom kontekstu kao i o govorniku. U ovom se radu sročnost višečlanoga subjekta s predikatom istražuje na korpusu srednjovjekovnih glagoljskih tekstova pisanih hrvatskim crkvenoslavenskim jezikom. Gramatičke kategorije na kojima se očituje sročnost višečlanoga subjekta i predikata u zadanom su korpusu broj, rod i lice. Raščlamba uključuje subjekte povezane sastavnim i nesastavnim veznicima kao i subjekte povezane gradacijskom strukturom (sa značenjem 'ne samo . . . nego i').

* Ovaj rad financirala je Hrvatska zaklada za znanost projektom 2462. Istraživanje o sročnosti započela sam u vrijeme studijskoga boravka u Austriji zahvaljujući stipendiji „Ernst Mach“ koju mi je za akademsku godinu 2013./2014. dodijelio OeAD – Austrijska agencija za međunarodnu suradnju u obrazovanju i istraživanjima, financirana od Austrijskoga federalnoga ministarstva znanosti i istraživanja (BMWf).

Osim toga, raščlanjuju se i komitativne i uzajamne imenske skupine. Istraživanje otkriva kako se u raščlanjenim primjerima ostvaruje sintaktička sročnost (sročnost predikata s jednim subjektom) ili semantička sročnost (sročnost predikata sa svim subjektima). Sintaktička sročnost može biti kontaktna (sročnost predikata s najbližim subjektom) ili udaljena (sročnost predikata s udaljenim subjektom). Semantička se pak sročnost u zadanome korpusu ostvaruje uglavnom u skladu s tzv. pravilima za razlučivanje, koje je za slavenske jezike utvrdio G. G. Corbett. No istraživanje je pokazalo da je potrebna revizija pravila razlučivanja kategorije broja i to zbog dvojine, koja, iako odsutna iz većine suvremenih slavenskih jezika, upravo u povijesnim slavenskim jezicima pokazuje puninu svoga identiteta, koji se očituje i u sročnosti.

Ključne riječi

višečlani subjekt, predikat, sročnost, hrvatski crkvenoslavenski, pravila za razlučivanje

Резюме

Богатство славянских грамматических категорий и их взаимопроникновение особенно ярко выражается в согласовании однородных подлежащих со сказуемым. С учетом дополнительных условий (в славянских языках это порядок слов и семантическая категория одушевленности) можно ожидать разнообразные формы согласования, которые могут зависеть как от конкретного контекста, так и от говорящего. В данной статье согласование однородных подлежащих со сказуемым исследуется на материале средневековых текстов, написанных глаголицей на хорватском церковнославянском языке. Грамматическими категориями, в которых проявляется согласование однородных подлежащих со сказуемым в данном корпусе текстов, являются число, род и лицо. Анализ включает подлежащие, связанные соединительными и несоединительными союзами, и подлежащие, связанные структурой градации (то есть “не только . . . , но и”). Кроме того, проанализированы комитативные и взаимные группы подлежащих. Исследование показывает, как в проанализированных примерах реализуется синтаксическое согласование (согласование сказуемого с одним подлежащим) или семантическое согласование (согласование сказуемого со всеми подлежащими). Синтаксическое согласование может быть контактным (согласование сказуемого с ближайшим подлежащим) или дальним (согласование сказуемого с отдалённым подлежащим). Семантическое согласование в данном корпусе текстов реализуется в основном в соответствии с так называемыми правилами разрешения, открытыми для славянских языков Г. Г. Корбеттом. Однако исследование показало, что пересмотр правил для распознавания категории числа необходим прежде всего из-за двойственного числа, которое, хотя и отсутствует в большинстве современных славянских языков, именно в истории славянских языков в полной мере проявляет свои свойства, которые выражаются в согласовании.

Ключевые слова

сочиненные подлежащие, сказуемое, согласование, церковнославянский язык хорватской редакции, правила разрешения

1. Uvod

Sročnost je višečlanih subjekata s predikatom jedno od zanimljivijih područja istraživanja sročnosti jer je ono u svojoj biti nesročnost, tj. neslaganje [CORBETT 2006: 168]. Predikat se u velikoj većini primjera ne može istovremeno slagati s više subjekata; najčešće se slaže ili s jednim (slaganje po obliku, *ad formam*, sintaktičko slaganje) ili se slaže sa svima (slaganje po smislu, *ad sensum*, semantičko slaganje). U potonjem slučaju broj, rod i lice predikata formalno ne odgovara pojedinačnim subjektima ili barem ne svima. Slučajevi kada tomu nije tako, primjerice, oni su s dva ili više predikata u množini istoga roda u kojima se izbor predikata u množini istoga roda može tumačiti istovremeno i kao sintaktičko i semantičko slaganje.

Hoće li se predikat kao meta sročnosti slagati sa subjektom ili subjektima kao kontrolorima sročnosti,¹ u slavenskim je jezicima često povezano s redom riječi, tj. preponiranošću ili postponiranošću subjekata u odnosu na predikat te sa semantičkom živosti subjekata [CORBETT 1983: 139]. U tom smislu red riječi i živost CORBETT [2006: 4–5, 176] naziva uvjetima sročnosti.

Ovaj rad donosi opći pregled mogućnosti za sročnost višečlanih subjekata s predikatom u hrvatskom crkvenoslavenskom jeziku.² Kategorije koje se u hrvatskom crkvenoslavenskom očituju u (ne)sročnosti višečlanoga subjekta s predikatom su broj (jednina, dvojina, množina), rod (muški, ženski, srednji) i lice (prvo, drugo, treće).³ U ovom će se članku ponajprije govoriti o kategoriji broja, a manje o kategorijama roda i lica jer je primjera s različitim rodом i licem manje, a i teže ih je pronaći u korpusu (vidi više 1.1.).

O sročnosti višečlanih subjekata s predikatom u hrvatskom crkvenoslavenskom govori REINHART [2014: 341–342]. Za kategoriju roda uočava kako u velikoj većini slučajeva uz dvije imenice različita roda, od kojih je jedna imenica muškoga roda, dolaze sročni oblici muškoga roda. Za kategoriju broja navodi podatak o subjektima u jednini uz koje predikat može biti u jednini ili dvojnini. Istraživanje će predstavljeno ovim radom proširiti i produbiti Reinhartove uvide, a uzet će u obzir širi opseg mogućnosti izražavanja višečlanih subjekata: onih tipičnih (povezanih sastavnim veznicima), ali i ostalih (povezanih nesastavnim veznicima i gradacijskom strukturom) kao i komitativne i

¹ Termini *kontrolor* i *meta* sročnosti preuzeti su od G. G. CORBETTA [2006: 4]. Kontrolor sročnosti je riječ koja određuje sročnost, dok je meta ona riječ čija je sročnost određena kontrolorom.

² O hrvatskom crkvenoslavenskom vidi [HCSL 2014].

³ U navođenju primjera iz korpusa zbog lakšega su praćenja razlaganja glosirane kategorije broja, roda i lica subjekta, predikata i predikatnih imena. Osim toga, u svim su primjerima masno otisnuti predikati i predikatna imena. Padež je glosiran ondje gdje je relevantna kategorija: u potpoglavlju o komitativnim skupinama (3.4.), da bi se jasno razlikovao gramatički subjekt u nominativu od semantičkoga suvršitelja radnje izraženoga prijedložnim izrazom, te u potpoglavlju o uzajamnim skupinama (3.5.), da bi se razložio gramatički identitet sastavnica uzajamnih skupina.

uzajamne imenske skupine u kojima se formalno ne može govoriti o višečlanom subjektu, ali semantički podrazumijevaju više vršitelja.

1.1. O korpusu

U ovom se radu istraživanje sročnosti višečlanih subjekata s predikatom temelji na raščlambi reprezentativnoga i referentnoga korpusa *Rječnika crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije*, čija građa obuhvaća preko šezdeset jedinica glagoljskih rukopisa i tiskanih knjiga.⁴ Izvori na kojima je ekscerpiran korpus obuhvaćaju sačuvane fragmente, misale, brevijare, psaltire, rituale i zbornike čije vrijeme nastanka seže od 12. do 16. stoljeća.

S obzirom na činjenicu da korpus nije digitaliziran, nego je u kartičnom obliku, potkorpus potreban za ovo istraživanje nije iscrpan, a tako ni statistički obradiv, jer bi u protivnom zahtijevao ručno pregledavanje oko 420,000 kartica.⁵ Potkorpus obuhvaća kartice koje su izdvojene za leksikografski opis sastavnoga veznika *i*, kao tipičnoga veznika združenih subjekata, kartice koje se odnose na leksikografsku obradu veznika *ni*, *a*, *ili*, *i na*, predloga *ś*, česticu *ne*, prilog *takmo*; zatim drugi svezak *Rječnika crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije* [RCJHR 2016] te autoričinu vlastitu bazu podataka skupljenu tijekom drugih jezičnih istraživanja zadanoga korpusa. Na temelju toga izdvojeno je tristotinjak primjera, tj. rečenica sa združenim subjektima na kojima se temelji ovo istraživanje. Zbog nemogućnosti da se zasada stvori iscrpan potkorpus koji će obuhvatiti baš sve primjere združenih subjekata u zadanome korpusu, generalizacije su opisne i približne, a ne statistički precizne.

2. Subjekti združeni sastavnim veznicima

2.1. Subjekti u jednini

Kada se u rečenici nađe više subjekata, od kojih je svaki u jednini, predikat može biti u jednini, dvojini i množini. Za potrebe su istraživanja izdvojene dvije skupine višečlanih subjekata: prva se odnosi na dva subjekta u jednini, a druga na više od dva subjekta u jednini.

2.1.1. Dva subjekta u jednini

2.1.1.1. Broj

S dva združena subjekta u jednini predikat je u zadanom korpusu potvrđen u sva tri broja: jednini (*1a*), dvojini (*1b*) i množini (*1c*):

- (1) a. *vsako danie bl(a)go i vsakъ darъ svršenъ sviše estъ* MNov 119a (Ja 1,17)

N.SG

M.SG

3SG

⁴ O korpusu vidi [VUKOJA 2012; EADEM 2014].

⁵ O broju kartica vidi [VUKOJA 2012: 214]. Dobra je vijest da je kartični korpus trenutno u procesu digitalizacije, točnije, skenirane se kartice pretvaraju u strojno čitljive oblike.

- b. *brat i sestra es'ta stablo edno kako esta edna krv'* CPet 139v
 M.SG F.SG 3DU 3DU
- c. *greděše iliê i elisêi ot galgali* BrPm 154a (4Rg 2,1)
 3PL M.SG M.SG

Kada je predikat u dvojini, velika je vjerojatnost da združeni subjekti označavaju što živo (kao u *1b*). Drugim riječima, obilježje je dvojine predikata povezano sa semantičkom živosti subjekta, koja se u zadanome korpusu gramatički očituje i u genitivno-akuzativnom sinkretizmu imenica muškoga roda. Pritom, valja primijetiti kako se semantička živost u sročnosti višečlanih subjekata s predikatom u zadanom korpusu odnosi na osobe i živa bića (životinje).

Među rijetkim slučajevima u kojima subjekti koji označavaju što neživo podrazumijevaju predikat u dvojini su sljedeći:

- (2) a. *sr(ǫd)ce že moe i plt̃ moê vzradovasta se o bozê živê* PsLob 56r (Ps 83,3)
 N.SG F.SG 3DU
- b. *ne bol'sê li ubo esta avan' i par'pir' rêcê damaskovê pače êrdana i vsêh rêk'*
 M.DU 3DU M.SG M.SG
- iz(drai)levskih'* MVat₄ 46a (4Rg 5,12)

U primjeru *2a* subjekti nisu prototipno semantički živi, ali su sastavnim dijelom ljudskoga bića koji u danom primjeru predstavljaju ljudsko biće. Da je tomu tako, potvrđuje i glagol *vzradovati se* čije će se značenje vezati za živo stvaranje: čovjek se raduje, ali kamen se, primjerice, ne može radovati. U primjeru *2b* semantička povezanost s živosti nije tako očita, ali se otkriva u kontekstu. Subjekti su dvije rijeke u Damasku koje spominje Naaman nakon Elizejeve upute da se okupa u izraelskoj rijeci Jordanu jer će ga ona očistiti od gube. Rijeke same po sebi očituju određenu dinamiku jer teku, tj. ne stoje. Ta ih dinamičnost povezuje s kategorijom živosti kao i činjenica da su staništa i obitavališta brojnih životinjskih vrsta. Osim toga, riječna voda može biti ljekovita, može *izliječiti*, što je opet karakteristika koja je veže za živost.

Premda se za subjekte u navedena dva primjera može uspostaviti određeni odnos sa semantičkom živosti, u zadanom je korpusu vrlo visoka vjerojatnost da će uz subjekte koji ne označuju osobu ili životinju predikat u najvećem broju slučajeva biti u jednini (kao u *1a*).

No predikat se u jednini ne pojavljuje samo s dva subjekta koji označuju što neživo, nego i s onima koji označuju živu, konkretnu osobu:

- (3) *eg(o)že t(ê)lo priêt̃ grêgor̃ i orozii erêi* BrVat₆ 155c
 3SG M.SG M.SG

Osim predikata u jednini (3) i dvojini (1b), subjekti koji označuju nešto živo nemali su broj puta potvrđeni i s predikatom u množini, što je pokazao ranije navedeni primjer *1c*. Može se reći da s obzirom na te tri mogućnosti u korpusu preteže ona s predikatom u dvojini.

Osim te zanimljive iznimke, većina raščlanjenoga potkorpusa s više od dva predikata u jednini očituje pravilnost koja je utvrđena za onaj s dva predikata: subjekti koji označavaju što živo podrazumijevaju predikate u množini (kao u 7a), a oni koji označavaju što neživo predikate u jednini (kao u 7b):

- (7) a. *rěše lazare̯ i oštêrin̯ i antonii i êkov̯ eferas̯ i samuil' i d'êk' i tin̯i krisp̯*
 3PL M.SG M.SG M.SG M.SG M.SG M.SG M.SG M.SG M.SG M.SG
i agripa omnês̯ i ijuda FgNic 1b
 M.SG M.SG M.SG
 b. *hvala čast' dika krasota i slava budi s(ve)têi i nerazdêlnêi troici* BrVb₁ 2c
 F.SG F.SG F.SG F.SG F.SG 3SG

Sljedeći primjer s predikatom u množini potvrđuje da se semantička živost odnosi i na životinje, u konkretnom slučaju na ptice:

- (8) *grlica i lastovica i cikoniê vr(ê)me svoego poz'naše prišas'tiê* BrN₂ 181d
 F.SG F.SG F.SG 3PL

U korpusu su rijetki primjeri koji združuju subjekte koji označuju što živo s onima koji označuju što neživo:

- (9) *b(og)̯ ... može v črêvo d(ê)vi bez s'voego iskušeniê s'mêsiti i uediniti da edin̯*
bil' bi h(r̯bst)̯ i č(lovê)k̯ edino edin'stvo i edino sučas'tvo BrVat₉ 338
 M.SG 3SG M.SG M.SG N.SG N.SG

U navedenom se primjeru predikat slaže s prvim, ujedno i bližim subjektom (*h(r̯bst)̯*), i to ne samo u broju nego i u rodu.

2.1.2.2. Rod

Slično kao i u primjeru 9, kontrolor je sročnosti prvi, ujedno i bliži subjekt i u primjeru 10a₁:

- (10) a₁. *pisano b(ê)še v nem̯ plač̯ i ridanie i êk̯ i želêsnoe i gorkoe*
 M.SG 3SG M.SG N.SG M.SG N.SG N.SG
 BrVat₅ 231d (Ez 2,10)

Zanimljivo je da druga inačica netom citiranoga retka, za razliku od prve, tj. 10a₁ ne pokazuje taj tip sročnosti:

- a₂. *pisano bêše v nem̯ plač̯ i ek̯ i želêsnoe i gor'koe* BrVO 434a (Ez 2,10)
 N.SG 3SG M.SG M.SG N.SG N.SG

U primjeru je 10a₂ predikatno ime u srednjem rodu (*pisano*), što pokazuje da predikatu najbliži subjekt nije bez iznimke uvijek kontrolor sročnosti.

Pitanje je kako protumačiti ovaj tip sročnosti. U njemu se predikatno ime u rodu slaže sa subjektima, u obliku poimeničenih pridjeva (*želêsnoe, gorkoe*), koji

su mu udaljeni. No ono što ga razlikuje od tzv. udaljene sročnosti i njezine definicije (vidi primjer 5a) jest red riječi. Udaljena se sročnost odnosi na rečenice u kojima su subjekti na prvom mjestu. U primjeru 10a₂ subjekti slijede tek nakon predikata. U [CORBETT 2006: 170] takva se mogućnost označava kao sročnost s posljednjim udaljenim subjektom (eng. *agreement with the distant last conjunct*), pri čemu Corbett navodi da nisu pronađeni primjeri za taj tip sročnosti (usp. [FRANKS, WILLER-GOLD 2014: 94]). Navedeni hrvatski crkvenoslavenski primjer bio bi takav primjer, ali bi bilo dobro da daljnja istraživanja korpusa nađu na još koju sličnu potvrdu kako bi se odista s punim pravom moglo reći da je sročnost s posljednjim udaljenim subjektom potvrđena u hrvatskom crkvenoslavenskom jeziku.⁹

2.2. Subjekti u dvojini i množini

2.2.1. Broj

Kada je u rečenici više združenih subjekata od kojih je svaki u množini, predikat je očekivano i bez iznimke u množini, što pokazuje i sljedeći primjer:

- (11) *mitari i grěšnici pristupiše ka otkup(i)t(e)lju n(a)šemu* BrBar 259d
M.PL M.PL 3PL

Kada je o dvojini riječ, u MIHALJEVIĆ 2011: 134 zabilježen je primjer s dvama subjektima u dvojini i predikatom u množini:

- (12) *rucê i nozê uvěnuše i v' grobъ polagaût' me* CBč 40r
F.DU F.DU 3PL 3.PL.

Zasada nisu poznati drugi primjeri s dva subjekta u dvojini, te nije moguće donijeti pouzdane zaključke o očekivanoj sročnosti. Za primjer 12 valja naglasiti da je riječ o zborničkom tekstu, a u zbornicima je, za razliku od, primjerice, brevijara i misala, crkvenoslavenska norma slabija.

2.2.2. Rod

Među rijetkim primjerima koji omogućuju uvođenje pitanja sročnosti roda, oni su sa subjektima istoga roda, pa je i predikatna riječ u odgovarajućem rodu:

- (13) *bivaše da sami c(ěsa)ri i knezi mēsto prěvelieju častiju dostoino držali bi*
M.PL M.PL M.PL 3PL
BrVO 424d (2Mach 3,2)

Osim njih, potvrđeni su i oni u kojima su subjekti različita roda, pri čemu je rod imenskoga predikata usklađen s rodom prvoga, ujedno i najbližega mu subjekta, primjerice:

⁹ Ne valja zaboraviti da su hrvatskoglagoljski izvori rukopisni kodeksi, te da nikada nije isključena mogućnost nesvjesne pisarove pogreške. S druge strane, istraživač mora voditi računa i o tome da ne definira svako odstupanje od očekivanoga kao pogrešku. Valja se nadati da će daljnja istraživanja sročnosti u zadanome korpusu moći reći još ponešto o ovakvim slučajevima.

- (14) **bl(aže)ne neplođive** i **črêva êže ne rodiše** i **sasci iže ne doiše** MLab 76c (L 23,29)
 F.PL F.PL N.PL M.PL

2.3. Subjekti različita broja

2.3.1. Broj

Kada je u rečenici više subjekata različita broja, predikat može biti u množini i jednini. Hoće li biti u jednini ili množini, u najvećem broju primjera ovisi o redu riječi. Ukoliko je predikatu bliži subjekt u jednini, i predikat će biti u jednini (15a, 15c). S druge strane, ako mu je bliži subjekt u množini, množina će biti ponovljena i u broju predikata (15b):

- (15) a. **vñide ubo d(a)v(i)đb** i **dvi ženi ego** BrVat₅ 157b (2Rg 2,2)
 3SG M.SG F.DU
- b. **dêđb moi** i **o(tb)cb moi** i **ini mnozi iskv'se** **togo nêsutb obrêli** to BrLab 34b
 M.SG M.SG M.PL M.PL. 3PL M.PL.
- c. **da nikadare ni ona dva ni ini** **č(lovê)kb ki ljubo ne smiđb** **emu** **ča ljubo**
 M.DU M.SG 3SG
vzdati iminbê RegBen 40a

Primjer 15c jasna je potvrda tzv. kontaktne sročnosti, tj. sročnosti predikata i najbližega mu subjekta, usp. [REINHART 2014: 341].¹⁰

U prethodnim je slučajevima riječ o sintaktičkoj sročnosti. Rijedak primjer semantičke sročnosti je sljedeći:

- (16) **i hodiše vsu nočb ioav'** i **muži iže bêhu š nim'** BrVO (2Rg 2,32)
 3PL M.SG M.PL

Izostanak sintaktičke sročnosti s prvim subjektom vjerojatno je potaknut time što predikat i prvi subjekt ne slijede neposredno jedan za drugim, tj. diskontinuirani su priložnim izrazom (*vsu nočb*).

U korpusu zasada nije pronađen primjer s više subjekata različitoga broja od kojih bi onaj najbliži predikatu bio u dvojini.

Zanimljivima se u ovom kontekstu mogu pokazati rečenice u kojima su subjekti ili jedan od subjekata kvantifikacijske skupine, obrojčene i neobrojčene. Takva je sljedeća:

- (17) **se pridoše** **·i· (=10) anj(e)la** i **dve sile nebeske** CŽg 34v
 3PL M.PL. F.DU

U zadanom je korpusu obrojčena kvantifikacijska skupina s brojem deset podrazumijevala predikat u jednini, a one s brojem dva predikat u dvojini, vidi

¹⁰ Jasan je zato što je redosljed sastavnica subjekt – predikat, a ne obratno kao što je to, primjerice, slučaj u primjerima 9, 10a, i 14. U njima je zbog redosljeda predikat – subjekt pitanje je li riječ o prvom subjektu ili najbližem, vidi [CORBETT 2006: 169]. Primjer 15c potvrđuje da bi se i takvi primjeri mogli tumačiti kao kontaktna sročnost.

[VINCE 2014: 194, 192]. U primjeru je 17 predikat *pridoše* u množini, pa je riječ o semantičkoj sročnosti.

2.3.2. Rod

Slično kao u broju, za sročnost je roda zasada pronađen primjer u kojem se predikat (u participskom obliku) slaže s rodom bližega subjekta:

(18) a. *nebo i zemla noći i dni i vse tvari posluš'ne sutb b(og)u* ČŽg 36v
 N.SG F.SG F.PL M.PL F.PL F.PL 3PL

U primjeru je 18, stoga, sročnost predikata sa subjektima sintaktička.

2.3.3. Lice

Kada je o licu riječ, poznati su primjeri s uočljivom pravilnosti: ako se u rečenici uz subjekt(e) trećega lica nalazi subjekt prvoga ili drugoga lica, predikat će se neovisno o redu riječi slagati s licem subjekta prvoga (19a) odnosno drugoga lica (19b):

(19) a. *eda azb i mati tvoê i br(a)tiê tvoê poklonim se tebê* BrVO (Gn 37,10)
 1SG F.SG F.COLL 1PL
 b. *budeši ti i s(i)nove tvoi meu priêтели c(êsa)revimi* BrN₂ 240b (1Mach 2,18)
 2SG 2SG M.PL

Zasada u korpusu nisu pronađeni primjeri združenih subjekata prvoga i drugoga lica.

3. Subjekti združeni nesastavnim gramatičkim sredstvima

3.1. Subjekti združeni veznikom *ili*

Iako se veznik *ili* tradicionalno zove rastavnim veznikom, on može imati i sastavno značenje. Točnije, za veznik se *ili* u zadanome korpusu mogu utvrditi dva značenja: rastavno i sastavno. Potonje podrazumijeva 'i/ili' značenje, tj. povezuje pojmove koji se međusobno ne isključuju i koji se u određenom kontekstu mogu, ali ne moraju naći zajedno. Npr.:

(20) a₁. *nečist' ili ljubodêinik' nimata dela v c(êsa)rstvê boži* CAC70r
 M.SG M.SG 3DU
 a₂. [?]*nečist' i ljubodêinik' nimaju dela v c(êsa)rstvê boži*¹¹
 M.SG M.SG 3PL

Oba navedena primjera imaju isto značenje, ali drukčiji konektor pogoduje drukčijem slaganju predikata. U navedenome primjeru 20a₁, s obzirom na komunicirani svjetonazor i nauk, za oba subjekta nesumnjivo vrijedi ono izrečeno

¹¹ Znak [?] na početku primjera 20a₂ označava da primjer nije potvrđen u zadanom korpusu. Riječ je o parafrazi prethodnoga primjera, 20a₁, koja je u skladu s gramatičkom normom hrvatskoga crkvenoslavenskoga, ali nije potvrđena u korpusu.

predikatom. U zadanom korpusu u rečenicama s više subjekata združenih veznikom *ili* u značenju 'i/ili' predikat u pravilu dolazi u broju u kojem su pojedinačni subjekti. Ako su oni u jednini, i predikat je u jednini (kao u 20a₁). Ako su u množini, i predikat je u množini.

No zabilježen je zanimljiv primjer u kojem dva subjekta u jednini koja označuju živa bića prethode predikatu u dvojini:

(21) *aće li brat' ili sestra naga budeta i lišena dnevnago žitiê* BrVO 283c (Ja 2,15)
 M.SG F.SG M.DU 3DU M.DU

Takva je kombinacija kategorije živosti i broja te reda riječi izazivala dvojину predikata i u potkorpusu združenih subjekata sa sastavnim veznikom *i* (vidi 2.1.1.1.). Izbor muškoga roda u imenskom dijelu imenskoga predikata (*naga, lišena*), govori da se sa subjektima različita roda može očekivati nefinitni glagolski oblik u muškom rodu (vidi i primjer 5b). No da to nije nužno i pravilo, pokazao je ranije navedeni primjer 5a.

Zanimljiv je i izbor roda u sljedećem primjeru:

(22) *ta ista opona ili odêlo oče prebivaetb v knjigahb staroga z(a)k(o)na*
 F.SG N.SG 3SG
da bi ne pričib n(a)mь ili zagradiľ vsega puti d(u)h(o)vnago BrN₂ 378d
 3SG M.SG M.SG

Subjekti su, dakle, u ženskom (*opona*) i srednjem rodu (*odêlo*) jednine, a najbliži je predikat također u jednini (*prebivaetb*) kao i drugi predikat (*bi ne pričib . . . zagradiľ*), koji se pak u izboru roda ne slaže ni s prvim ni s drugim subjektom: drugi aktivni particip preterita kao dio kondicionala drugoga predikata u muškom je rodu (*pričib, zagradiľ*). Taj izbor potvrđuje da je prevodilac i/ili pisar subjekt, imensku skupinu *opona ili odêlo* poimao kao dva subjekta, a budući da su različita roda, upotrijebio je muški rod nefinitnoga dijela predikata.

3.2. Subjekti združeni veznikom *a*

Iako se *a* redovito svrstava u skupinu tzv. suprotnih veznika, to ne znači da nije moguće da ima i sastavno značenje. Tomu u prilog govori i primjer 23a₁, u kojem upravo broj nefinitnoga dijela predikata pokazuje da su subjekti poimani kao združeni, a ne suprotstavljeni. Riječ je o dva subjekta u jednini preponirana predikatu koji označuju što živo, tj. osobe. Takva je kombinacija reda riječi s dvojinom vrlo dobro potvrđena u prototipnim združenim subjektima s veznikom *i* (vidi 2.1.1.1.). Primjer 23a₂, tj. inačica istoga retka u drugom rukopisu pokazuje očekivani izbor nefinitnoga dijela predikata u jednini:

(23) a₁. *egda s(i)nu zavedêovu mati iskaše všadši da edinb o desnoju ego a drugi o šuju*
 M.SG M.SG
ego sêdêti imêla bi BrN₂ 327b
 M.DU 3DU

a₂. . . *sêdêti imêl' bi* BrAc 41d
M.SG 3SG

Čini se da je dvojinjski oblik predikata u 23a₁ bio potaknut i time što su mu oba subjekta preponirana.¹²

3.3. Subjekti združeni gradacijskom strukturom

Riječ je o subjektima unutar gradacijskoga okvira sa značenjem 'ne samo . . . nego i', koje u hrvatskom crkvenoslavenskom, između ostalih, ima i prepoznatljiv oblik *ne tkmo . . . na (i / oêe)*. Zasada su iz korpusa ponajviše poznati primjeri u kojima je prvi subjekt, tj. onaj iz prvoga dijela gradacijskoga okvira ('ne samo') u prvom licu jednine, pri čemu predikat pokazuje da se u licu slaže s tim subjektom:

(24) *raduju se ne takmo az na vsaka duša slišêci slovesa g(ospo)dna* CTk 91r
1SG 1SG F.SG

Zasada u korpusu nije nađen primjer sa subjektima različita broja od kojih bi prvi bio u množini. Potvrđen je onaj s oba subjekta u množini pri čemu je predikat također, očekivano, u množini:

(25) *ne tak'mo č(lovê)ci na i s'koti vrazdovaše se o prišas'tvii h(r'sto)vê*
M.PL M.PL 3PL
PsFr 32c (CommPs 35,7)

Zanimljiv je, međutim, primjer koji govori da prvi subjekt unutar gradacijskoga okvira ipak nije isključivi kontrolor sročnosti:

(26) *da vshodet' [. . .] ne tkmo dva nê oêe veêe svedoki g(ospod)nih'* BrVO 34c
3PL M.DU M.PL

Broj je *dva* u zadanome korpusu u pravilu podrazumijevao predikat u dvojini, vidi [VINCE 2014: 192], dok je kvantifikacijska skupina s prilogom kao kvantifikatorom (u navedenom slučaju to je prilog *veêe*) podrazumijevala predikat u jednini. Sročnost se stoga združenih gradacijskih subjekata s predikatom u množini u primjeru 26 valja tumačiti kao semantička, *ad sensum*.

3.4. Komitativne imenske skupine

Komitativne imenske skupine odnose se na imenice združene prijedlogom *sb*, vidi [CORBETT 1983: 95–96; IDEM 2004: 228]. Za ovaj tip združenih vršitelja

¹² Anonimnom recenzentu zahvaljujem na primjedbi da bi bilo preporučljivo ne uključivati u raspravu primjere u kojima subjekti imaju dopune, kao što je to slučaj u 23a₁. Budući da je za isti redak u dva različita rukopisa upotrijebljen drukčiji oblik predikata, držim da je riječ o relevantnom podatku za raspravu koji može služiti daljnjem istraživanju sročnosti združenih subjekata (s dopunama) i predikata. Tim više što u korpusu zasada ne nalazim mnogo primjera sa subjektima združenima nesastavnim sredstvima, pa je primjer 23a₁ vrijedan spomena.

radnje valja napomenuti da se gramatički neće tumačiti kao primjeri združenih subjekata. Pokazuje to i činjenica da uz prijedlog *sb* imenska riječ dolazi u instrumentalu, a ne u nominativu, te se prijedložni izraz najčešće tumači kao doatak subjektu, a ne sam subjekt. Potvrđuje to i predikat koji se slaže s prvim suvršiteljem, ujedno i gramatičkim subjektom u nominativu, npr.:

(27) *naviĉamo da sie ·b· (=2) or(a)cii sb an(tipon)i i ps(al)mi govorita se*
 F.NOM.DU M.INS.PL M.INS.PL 3DU

BrN₂ 358d

Semantičku pak sličnost komitativnih i sastavnih imenskih skupina pokazuju sljedeće inačice iste rečenice u različitim hrvatskoglagolskim rukopisima:

(28) a₁. *pop' oblĉen' bes planite i sb ž(a)kni oblĉenimi pristupi pred' oltar'*
 M.NOM.SG M.INS.PL 3SG

MVat₄ 175c

a₂. *p(o)p' oblĉen' bez' planiti i žakni oblĉeni pristupet' prĉd' olt(a)r'*
 M.NOM.SG M.NOM.PL 3PL

MLab 155a

Primjer 28a₁, sa sročnim subjektom (*pop'*) i predikatom (*pristupi*) u jednini te prijedložnim izrazom sa značenjem društva (*sb ž(a)kni oblĉenimi*) semantički je podudaran primjeru 28a₂, u kojem su vršitelji, ujedno i subjekti, združeni veznikom *i*, pri čemu je predikat u množini (*pristupet'*).

Sljedeći je pak primjer još jedna inačica navedenoga retka, te konačno pokazuje da je vršitelj u prijedložnom izrazu (*i s žakni oblĉeni*), premda ne gramatički subjekt, potencirao izbor predikata u množini (*pristupe*):

(28) a₃. *pop' oblĉen' bez planite i s žakni oblĉeni pristupe pred' oltar'*
 M.NOM.SG M.INS.PL 3PL

RitSegn 53r

Među takvim su, u korpusu rijetkim primjerima, u kojima komitativne imenske skupine za mete imaju predikate u množini, i sljedeći:

(29) a. *<io>ram že c(ĕsa)r' iz(drai)l(e)v'ski s c(ĕsa)rem' ijudĕskim'osopatom'*
 M.NOM.SG M.INS.SG

i c(ĕsa)rem' edom'skim' voi idoše na moĕviti BrVO 324c
 M.INS.SG 3PL

b. *križ' s blizn'ci gvozdi po vsemu miru sv'tĕhu se* MVat₄ 224d
 M.NOM.SG M.INS.PL 3PL

3.5. Uzajamne imenske skupine

Uzajamne imenske skupine o kojima je ovdje riječ dijelom su leksičko-sintaktički izražene uzajamnosti (recipročnosti), vidi [NEJALKOV 2007: 11]. U zadanom su korpusu to skupine: *drug družna, edan' k drugomu, drug' ot' druga*,

Posljednji primjer s drugim predikatom u jednini (*gr'dit se*) pokazuje da uzajamni izraz, tj. njegov prvi dio, imenska riječ u nominativu jednine, može biti kontrolor sročnosti.

4. Tablica sročnosti višečlanih subjekata s predikatom

Zbog preglednosti radu se prilaže tablica sročnosti višečlanih subjekata s predikatom (P) s obzirom na kategorije broja (SG, DU, PL) i roda. U tablici su navedeni primjeri koji se odnose na uočene mogućnosti sročnosti. Komitativne i uzajamne skupine nisu uključene u tablicu jer gramatički nije riječ o višečlanim subjektima. Za kategoriju broja valja ponoviti utjecaj uvjeta sročnosti, a to su red riječi i živost: subjekti koji označuju što živo i preponirani su subjekti najčešće za mete imaju predikate u dvojini, a onda i u množini.

SROČNOST s predikatom u BROJU	Subjekti u JEDNINI		2 subjekta u DVOJINI	2 i više subjekata u MNOŽINI	2 i više subjekata RAZLIČITA BROJA
	2 subjekta u jednini	Više od 2 subjekta u jednini			
SINTAKTIČKA	P u SG (1a, 3, 4, 5a, 24)	P u SG (7b, 9, 10a ₁ , 10a ₂)			P u SG (15a, 15c, 19b)
SEMANTIČKA	P u DU (1b, 2a, 2b, 4, 21, 23a ₁) P u PL (1c, 5b)	P u PL (7a, 8)	P u PL (12)		P u PL (16, 17, 19a, 26)
SEMANTIČKA i SINTAKTIČKA		P u DU (6)		P u PL (11, 13, 14, 25)	P u PL (15b, 18, 28a ₂)
SROČNOST s predikatom u RODU					
SINTAKTIČKA	5a	9, 10a ₁ , 10a ₂		14	18
SEMANTIČKA	4, 5b, 21, 22				
SEMANTIČKA i SINTAKTIČKA	2b, 23a ₁ , 23a ₂			13	

5. Corbettova pravila za razlučivanje u zadanome korpusu

Jedan od najmarljivijih istraživača sročnosti G. G. Corbett utvrdio je *pravila za razlučivanje* (eng. *resolution rules*) u rečenicama s višečlanim subjektima.¹³ Ona se odnose na one primjere u kojima je sročnost predikata semantička, tj. odnosi se na sve sastavnice višečlane subjektne skupine. Pravila su za razlučivanje

¹³ Hrvatski je prijevod Corbettova termina prema Pišković [2015: 120, 121].

prema CORBETTU [1983: 177] jedno od najzanimljivijih područja slavenske sintakse uopće.

Za kategoriju lica ona glase [CORBETT 1983: 178; 2006: 240]: 1) ako je neki član višječlanoga kontrolora u prvom licu, predikat će biti u prvom licu; 2) u protivnom, ako je neki član u drugom licu, predikat će također biti u drugom licu; 3) zadana je sročnost u trećem licu. Ova su pravila potvrđena i u zadanom hrvatskoglagoljskom korpusu (vidi primjere *5b*, *19a*, *19b*, *24*).

Pravila za razlučivanje kategorije roda [CORBETT 2006: 244] (usp. [IDEM 1983: 186]) glase: 1) ako su svi subjekti ženskoga roda, onda je i predikat u ženskom rodu; 2) u svim je drugim slučajevima predikat u muškom rodu. Sudeći prema oskudnim primjerima u kojima se može vidjeti semantička sročnost roda (vidi primjere *4*, *5b*, *22*), može se reći da drugo pravilo vrijedi, a za prvo zasada nema primjera.

Pravila za razlučivanje kategorije broja glase [CORBETT 2004: 198; IDEM 2006: 242] (usp. [IDEM 1983: 182]): 1) ako su u rečenici dva subjekta, oba u jednini, predikat će biti u dvojini; 2) u svim drugim slučajevima predikat je u množini. CORBETT [1983: 182] navodi kako unutar porodice slavenskih jezika prvo pravilo vrijedi za starocrkvenoslavenski, slovenski i lužičkosrpski, odnosno za jezike koji imaju dvojinu. Zadani pak hrvatskoglagoljski korpus pokazuje da ipak nije riječ o univerzalnim pravilima. Uz dva je subjekta predikat posve uobičajeno dolazio i u množini (vidi primjere *1c* i *5b*), a poznat je i primjer u kojem su tri subjekta u jednini potvrđena s predikatom u dvojini (vidi primjer *6*).

No pri ovim posebnostima vezanima za kategoriju broja valja imati na umu status dvojine uopće u slavenskim jezicima. U slovenskom, primjerice, postoje određena ograničenja. Primjerice, dvojinu će se izražavati na zamjenicama i na glagolskim oblicima kada je eksplicitno ili implicitno jasno da se odnose na dva referenta, dok će imenice koje označuju parne dijelove tijela (*oči*, *stopala*) biti u dvojini uglavnom onda kada ih prati riječ koja znači *dva* ili *oba* [PRIESTLY 1993: 440, 441]. Ova je pojava u skladu s ljestvicom živosti koju uspostavlja CORBETT [2004: 182] i na kojoj su zamjenice na samom vrhu kao vrsta riječi koja će, u jezicima s dvojinom, biti najmanje sklona tome da je izgubi.¹⁴

Kada je riječ o zadanome hrvatskom crkvenoslavenskom korpusu, primjeri sročnosti koordiniranih dvaju subjekata u jednini s predikatom u množini (poput primjera *1c* i *5b*) pokazatelj su da nastupa, odnosno da je nastupilo gubljenje relevantnosti dvojine, kao prvi stupanj njezina slabljenja.¹⁵ Tomu u prilog idu i sasvim rijetki primjeri u korpusu u kojima s jednim subjektom u

¹⁴ O odnosu dvojine i množine s ljestvicom živosti u slovenskom vidi i CORBETT [2004: 94].

¹⁵ Druga su dva stupnja gubljenja funkcije i gubljenje oblika, o čemu vidi MIHALJEVIĆ [2014: 34, 35].

dvojnini dolazi predikat u množini. Zasada mi je poznat samo jedan takav primjer:¹⁶

(34) *běli stvoreni sutb rucê ee* BrVat₅ 235a
 F.PL 3PL F.DU

Zbog toga i primjere s dva subjekta u jednini, a predikatom u množini valja ponajprije promatrati u kontekstu slabljenja dvojnine u povijesti slavenskih jezika.

Primjer je 6, kao što je ranije rečeno, zasada jedini poznat hrvatski crkvenoslavenski redak s tri subjekta i predikatom u jednini. Svakako ga valja primiti na znanje, ali ozbiljnije tek onda ako se pokaže da nije osamljen u korpusu. Drugim riječima, valja sigurnije otkloniti mogućnost da je rezultatom slabo čitljivoga predložka ili prevoditeljeve omaške.

U svakom slučaju, zadana tema ovim radom nije iscrpljena, te će buduća istraživanja sročnosti i tipološke generalizacije imati još mnogo toga reći o dvojnini, pri čemu im mogu pomoći proučavanja najstarije povijesti slavenskih jezika u kojima je ona bila živa kategorija.

6. Zaključne napomene

Predstavljena je raščlamba hrvatskoglagoljskoga korpusa još jednom potvrdila opravdanost proučavanja sročnosti združenih, odnosno višečlanih subjekata s predikatom. U njima se zrcali raznolikost i bogatstvo mogućih sročnosnih obrazaca koji ovise o gramatici jednako kao i o semantici, ali i o konkretnom govorniku, tj. pisaru i/ili prevoditelju, odnosno o njegovu jezičnom osjećaju i jezičnom izboru.

U zadanom se korpusu ostvaruju dvije vrste sročnosti višečlanoga subjekta s predikatom: sintaktička, *ad formam*, i semantička, *ad sensum*. Prva se odnosi na sročnost predikata s jednim od subjekata, a druga na sročnost predikata sa svim subjektima. Sintaktička sročnost može biti kontaktna, ako je kontrolor sročnosti predikatu najbliži subjekat, ili udaljena, ako tomu nije slučaj. Izbor je sročnosnoga obrasca u zadanom korpusu često uvjetovan redom riječi, tj. preponiranošću odnosno postponiranošću predikata u odnosu na subjekte, kao i semantičkom živosti koja obuhvaća lekseme koji označuju osobe i živa bića (ljude i životinje). To se posebno odnosi na kategoriju broja, odnosno na izbor dvojnine predikata za dva živa subjekta koja su mu preponirana.

Osim prototipnih rečenica s višečlanim subjektima, onih sa sastavnim veznicima, provedena je raščlamba hrvatskoglagoljskoga korpusa uključila i one sa suprotnim i rastavnim veznicima kao i rečenice sa subjektima združenima gradacijskom strukturom te komitativne i uzajamne imenske skupine. U komitativnim se i uzajamnim imenskim skupinama strogo formalno ne govori

¹⁶ Srdačno zahvaljujem Milanu Mihaljeviću što me uputio na njega.

o višičlanim subjektima, ali upravo pojedini primjeri sročnosti s predikatom (množinske kod komitativnih i jedninske u uzajamnim) govori da se vršitelji poimaju kao subjekti.

Daljna bi istraživanja sročnosti višičlanih subjekata i njima sličnih struktura u zadanome korpusu valjala uzeti u obzir odnos s grčkim i latinskim predloščima. Uz to, zanimljiva bi bila i usporedba sa starocrkvenoslavenskim jezikom. Kada razlaže pravila sročnosti broja višičlanih subjekata i njihova predikata u starocrkvenoslavenskom jeziku, VEČERKA [1993: 390–394] uočava utjecaj reda riječi, ali živost ne spominje. Osim toga, mogućnost da dva subjekta potenciraju semantičku sročnost s predikatom u dvojini veže za spomenike mlađe od kanonskoga razdoblja [IBID.: 393], što zadani korpus potvrđuje. Riječ je stoga o naznakama koje otvaraju mogućnost ne samo dijakronijskoga opisa sročnosti uopće nego i boljega poznavanja kategorija njome obuhvaćenih, pogotovo dvojine u slavenskim jezicima, o kojoj je upravo paleoslavistika, pa tako i paleokroatistika, pozvana govoriti.

Bibliografija

Skraćeni nazivi knjižnica i ustanova čuvanja

BAV	Biblioteca Apostolica Vaticana
BL	Bodleian Library, Oxford
HAZU	Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, Zagreb
NSK	Nacionalna i sveučilišna knjižnica, Zagreb
NUK	Narodna in univerzitetna knjižnica, Ljubljana
ÖNB	Österreichische Nationalbibliothek, Beč
RNB	Rossijskaja nacionalnaja biblioteka, S.-Peterburg
SK	Státní knihovna (Lobkovicá knihovna), Prag

Izvori

Rukopisi

BrAc

HAZU, III c 12. Akademijin brevijar, hrvatskoglagoljski brevijar, 14. st. (1348.?).

BrLab

NUK, Ms 161 (stara sign. C 161a/2), 1. Ljubljanski brevijar, hrvatskoglagoljski brevijar, kraj 14. st.

BrN₂

Župni ured u Novom Vinodolskom, II. novljanski brevijar, hrvatskoglagoljski brevijar, 1495.

BrPm

HAZU, III b 10, Pašmanski brevijar, hrvatskoglagoljski brevijar, druga polovica 14. ili prva polovica 15. st.

BrVat₅

BAV, Borg. illir. 5, Vatikanski brevijar Illirico 5, hrvatskologoljski brevijar, sredina 14. st.

BrVat₆

BAV, Borg. illir. 6, Vatikanski brevijar Illirico 6, hrvatskologoljski brevijar, sredina / treća četvrt 14. st. (1379.?)

BrVat₁₉

BAV, Vat. Slav. 19, Vatikanski brevijar Vat. Slav. 19, hrvatskologoljski brevijar, 1465.

BrVb₁

Župni ured u Vrbniku, I. vrbnički brevijar, hrvatskologoljski brevijar, 13./14. st.

BrVO

ÖNB, Cod. Slav. 3, Brevijar Vida Omišljanina, hrvatskologoljski brevijar, 1396.

CAc

HAZU, IV a 48, Zbornik duhovnog štiva, hrvatskologoljski zbornik, kraj 15. st.

CBč

RNB, Bč5, Zbornik u Berčićevoj zbirci br. 5, hrvatskologoljski zbornik, 15. st.

COxf

BL, Ms. Canon. Lit. 414, Oxfordski zbornik, hrvatskologoljski zbornik, 15. st.

CPet

NSK, R 4001, Petrisov zbornik, hrvatskologoljski zbornik, 1468.

CTk

HAZU, Iv a 120, Tkonski zbornik, hrvatskologoljski zbornik, prva četvrtina 16. st.

CŽg

HAZU, VII 30, Žgombićev zbornik, hrvatskologoljski zbornik, 16. st.

FgApost

HAZU, Fragm. glag. 54, Dvolist apostola brevijara, kraj 14. st.

FgLign

HAZU, Fragm. glag. 90, Odlomci Legende o Drvu Križa, početak 14. st.

FgNic

HAZU, Fragm. glag. 90, Odlomci Nikodemova evanđelja, početak 14. st.

MLab

NUK, Ms 162 (ranije C 162a/2), Prvi ljubljanski misal, hrvatskologoljski misal, 15. st.

MNov

ÖNB, Cod. Slav. 8, Misal kneza Novaka, hrvatskologoljski misal, 1368.

MRoč

ÖNB, Cod. Slav. 4, Ročki misal, hrvatskologoljski misal, oko 1420.

MVat₄

BAV, Borg. illir. 4, Vatikanski misal Illirico 4, najstariji hrvatskologoljski misal, početak 14. st.

PsFr

ÖNB, Cod. Slav. 77, Frašičićev psaltir, hrvatskologoljski psaltir s komentarom, 1463.

PsLob

SK, XXIII G 67, Lobkovicov psaltir, hrvatskologoljski časoslov za laike s potpunim psaltirom, 1359.

RegBen

HAZU, Ia 74, Regula svetoga Benedikta, hrvatskologoljska inačica *Pravila sv. Benedikta*, kraj. 14. st.

Izdanja

BrBar

NSK, R1-16°-1a, Baromićev brevijar, hrvatskologoljski brevijar, Venecija, 1493.

RitSegn

NSK, R II A-16°-7. „Senjski ritual“. Hrvatskologoljski ritual tiskan s knjižicom *Meštrija od dobra umrtija* (*Ars bene moriendi*) u Senju 1507. ili 1508. godine.

Literatura

BABIĆ 1998

BABIĆ S., *Sročnost u hrvatskome književnome jeziku*, Zagreb, 1998.

COMRIE 1975

COMRIE B., “Polite Plurals and Predicate Agreement,” *Language*, 51/2, 1975, 406–418.

CORBETT 1983

CORBETT G. G., *Hierarchies, Targets and Controllers. Agreement Patterns in Slavic*, University Park (PA), 1983.

——— 2004

CORBETT G. G., *Number*, Cambridge, 2004.

——— 2006

CORBETT G. G., *Agreement*, New York, 2006.

FRANKS, WILLER-GOLD 2014

FRANKS S., WILLER-GOLD J., “Agreement Strategies with Conjoined Subjects in Croatian,” in: J. WITKOŠ, S. JAWORSKI, eds., *New Insights into Slavic Linguistics*, Frankfurt a. M. et al., 2014, 91–113.

HCSL 2014

MIHALJEVIĆ M., *prir.*, *Hrvatski crkvenoslavenski jezik*, Zagreb, 2014.

MIHALJEVIĆ 2011

MIHALJEVIĆ M., “Der Dual im Kroatisch-Kirchenslavischen,” *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 57, 2011, 131–138.

——— 2014

MIHALJEVIĆ M., *Slavenska poredbena gramatika*, 2, Zagreb, 2014.

NEDJALKOV 2007

NEDJALKOV V. P., “Overview of the Research. Definitions of Terms, Framework, and Related Issues”, in: V. P. NEDJALKOV, E. Š. GENIUŠIENĖ, Z. GUENTSCHEVA, eds., *Reciprocal Constructions*, Amsterdam, Philadelphia, 2007, 3–114.

PIŠKOVIĆ 2015

PIŠKOVIĆ T., “Utjecaj uvjeta sročnosti na izbor sročnosnih obrazaca,” *Fluminensia*, 2, 2015, 117–128.

PRIESTLY 1993

PRIESTLY T. M. S., “Slovene,” in: B. COMRIE, G. G. CORBETT, eds., *The Slavonic Languages*, London, 1993, 388–451.

RCJHR 2016

Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije, 2: vrěđьнь — zapovědnica, Zagreb, 2016.

REINHART 2014

REINHART J., "Sintaksa," in: [HCSL 2014: 305–364].

TNEB 1974

The New English Bible with the Apocrypha, Harmondsworth, 1974.

VEČERKA 1993

VEČERKA R. *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax, 2: Die innere Satzstruktur*, Freiburg i. Br., 1993.

VINCE 2014

VINCE J., "Brojevi," in: [HCSL 2014: 189–204].

VUKOJA 2012

VUKOJA V., "O korpusu *Rječnika crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije* i njegovu odnosu prema korpusima hrvatskoga jezika," *Filologija*, 59, 2012, 207–229.

VUKOJA 2014

VUKOJA V., "The Corpus of the Croatian Church Slavonic Texts and the Current State of Affairs Concerning the *Dictionary of the Croatian Redaction of Church Slavonic* Compiling," in: A. ABEL, C. VETTORI, N. RALLI, eds., *Proceedings of the XVI EURALEX International Congress: The User in Focus. 15–19 July 2014, Bolzano/Bozen*, Bolzano/Bozen, 2014, 1221–1235.

Ana Kovačević

Old Church Slavonic Institute
Zagreb, Croatia

The Agreement between Conjoined Subjects and Predicate: Croatian Church Slavonic Corpus Analysis

Abstract

The abundance of grammatical categories in Slavonic and their overlap are particularly evident in the agreement between conjoined subjects and predicate. When they are accompanied by agreement conditions, such as word order and animacy in Slavic languages, different agreement patterns, dependent also on concrete context and speaker, are to be expected. In this paper the study of the agreement between conjoined subjects and predicate is based on an analysis of the medieval Glagolitic Croatian Church Slavonic corpus. Number, gender, and person are grammatical categories, i. e., features of conjoined noun phrases and predicate agreement. The analysis includes noun phrases conjoined by coordinating and some non-coordinating conjunctions as well as noun phrases conjoined by a gradational 'not only [...] but also' structure. Comitative and reciprocal noun phrases are included as well. The research in the given corpus shows that the conjoined noun phrases with predicate agreement can be syntactic (predicate showing agreement with one conjunct) or semantic (predicate showing agreement with all conjuncts). Syntactic agreement appears as the so-called contact agreement (predicate showing agreement with the closest conjunct) and as distant agreement (predicate showing agreement with the most distant conjunct). Semantic agreement is applied mostly in accordance with G. G. Corbett's resolution rules for Slavic languages. However, the analysis shows that some resolution rules for number should be revised due to dual number. Although absent from the majority of contemporary Slavic languages, it is precisely

in historical Slavic idioms that dual number reveals its identity, highlighted in agreement study as well.

Keywords

conjoined noun phrases, predicate, agreement, Croatian Church Slavonic, resolution rules

References

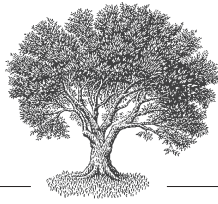
- Babić S., *Sročnost u hrvatskome književnome jeziku*, Zagreb, 1998.
- Corbett G. G., *Hierarchies, Targets and Controllers. Agreement Patterns in Slavic*, University Park (PA), 1983.
- Comrie B., "Polite Plurals and Predicate Agreement," *Language*, 51/2, 1975, 406–418.
- Corbett G. G., *Number*, Cambridge, 2004.
- Corbett G. G., *Agreement*, New York, 2006.
- Franks S., Willer-Gold J., "Agreement Strategies with Conjoined Subjects in Croatian," in: J. Witkoš, S. Jaworski, eds., *New Insights into Slavic Linguistics*, Frankfurt a. M. et al., 2014, 91–113.
- Mihaljević M., prir., *Hrvatski crkvenoslavenski jezik*, Zagreb, 2014.
- Mihaljević M., "Der Dual im Kroatisch-Kirchen-slavischen," *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 57, 2011, 131–138.
- Mihaljević M., *Slavenska poredbena gramatika*, 2, Zagreb, 2014.
- Nedjalkov V. P., "Overview of the Research. Definitions of Terms, Framework, and Related Issues", in: V. P. Nedjalkov, E. Š. Geniušienė, Z. Guentschéva, eds., *Reciprocal Constructions*, Amsterdam, Philadelphia, 2007, 3–114.
- Pišković T., "Utjecaj uvjeta sročnosti na izbor sročnosnih obrazaca," *Fluminensia*, 2, 2015, 117–128.
- Priestly T. M. S., "Slovene," in: B. Comrie, G. G. Corbett, eds., *The Slavonic Languages*, London, 1993, 388–451.
- Reinhart J., "Sintaksa," in: *Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije*, 2: *vrěđьнь – zapovědnica*, Zagreb, 2016, 305–364.
- Večerka R. *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax*, 2: *Die innere Satzstruktur*, Freiburg i. Br., 1993.
- Vince J., "Brojevi," in: *Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije*, 2: *vrěđьнь – zapovědnica*, Zagreb, 2016, 189–204.
- Vukoja V., "O korpusu *Rječnika crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije* i njegovu odnosu prema korpusima hrvatskoga jezika," *Filologija*, 59, 2012, 207–229.
- Vukoja V., "The Corpus of the Croatian Church Slavonic Texts and the Current State of Affairs Concerning the *Dictionary of the Croatian Redaction of Church Slavonic* Compiling," in: A. Abel, C. Vettori, N. Ralli, eds., *Proceedings of the XVI EURALEX International Congress: The User in Focus.15–19 July 2014, Bolzano/Bozen*, Bolzano/Bozen, 2014, 1221–1235.

Acknowledgements

Croatian science foundation. Project No. 2462.
Ernst-Mach-Stipendien granted by the OeAD.

dr. sc. **Ana Kovačević**
Staroslavenski institut, znanstvena suradnica
Demetrova 11
HR-10000 Zagreb
Hrvatska/Croatia
ana.kovacevic@stin.hr

Received June 1, 2016

Митрополит Климент Смолятич и его послания*

Metropolitan Kliment Smoliatich and His Epistles

**Борис Андреевич
Успенский**

Национальный исследовательский
университет “Высшая школа
экономики”, Москва, Россия

Boris A. Uspenskij

National Research University Higher
School of Economics, Moscow, Russia

Резюме

В статье анализируются послания Климента Смолятича, митрополита Киевского, написанные между 1147 и 1154 гг. и направленные в Смоленск — священнику Фоме и князю Ростиславу Мстиславичу. Послание Климента Фоме хорошо известно, послание же его Ростиславу не сохранилось и является предметом реконструкции. Показывается, что содержание обоих посланий обусловлено внутрицерковным конфликтом, возникшим после неканонического поставления Климента на киевскую митрополию в 1147 г.

Ключевые слова

митрополит Климент Смолятич, князь Изяслав Мстиславич, князь Ростислав Мстиславич, епископ Мануил Грек, епископ Нифонт, посвящение в митрополиты, аллегорический метод толкования Св. Писания, каноническое подчинение

* Автор считает своим долгом поблагодарить Д. Г. Полонского, который ознакомился с данной работой на стадии ее подготовки к печати и высказал ряд ценных замечаний. При цитировании текст, взятый в квадратные скобки (конъектурного или комментирующего характера), всегда принадлежит автору.

Abstract

The present article analyzes the two epistles of Kliment Smoliatich, the metropolitan of Kiev, written between 1147 and 1154, and sent to Smolensk. The addressees of the epistles were Foma (Thomas) the Presbyter and Prince Rostislav of Smolensk. The epistle to Foma is well known, whereas the epistle to Rostislav is not preserved and is known only through reconstruction. It is argued that both epistles were provoked by the ecclesiastical struggle created by the uncanonical installment of Kliment Smoliatich as metropolitan.

Keywords

Metropolitan Kliment Smoliatich, Prince Iziaslav, Prince Rostislav, Bishop Manuil, Bishop Nifont, consecration of a metropolitan, allegorical interpretation of the Holy Scripture, canonical jurisdiction

I. Постановление на митрополию

§ I–1. Климент Смолятич (или *Клим*, как он сам себя называл и как его называли другие), — несомненно, одна из самых интересных и противоречивых фигур домонгольской Руси. Аскет и схимник, “книжник и философ”, как его именует летописец (см. ниже § I–2), он неожиданно становится митрополитом Киевским¹.

¹ О жизни Климента Смолятича до постановления в митрополиты мы знаем немного. Достоверно известно лишь то, что перед тем, как стать митрополитом, он был схимником Зарубского монастыря (см. ниже, § I–2). В “Вопрошании Кирика” (XII в.) фигурирует книжник, именуемый *Климом*, знаток греческого церковного обихода, в частности, константинопольских обычаев (вопросы 21, 30, 38, 43, 101 (пункт 4) [РИБ, 6: № 2, стлб. 29, 31, 32, 33, 52]. Скорее всего, речь идет о Клименте Смолятиче [МАКАРИЙ, 2: 388, ср. с. 518, примеч. 277; Павлов 1890: 296, примеч. 3; Никольский 1892: 2]. При этом Климент, возможно, еще не был митрополитом, ср. вопрос 43: “И се вопроша Климиъ нашего кпископа wt полотьскаго кпископа . . .” (стлб. 33). Ранее предполагалось, что он именуется здесь *митрополитом*, ср. вопрос 20: “Рѣхъ митрополитоу [или: Рече митрополить]” (стлб. 29), но далее цитируется правило киевского митрополита Георгия (1061–1075) (см.: [БРАНКОВА 2008: 90]); следовательно, *митрополитом* может называться у Кирика не Климент, а Георгий.

Можно предположить, что Климент Смолятич какое-то время жил на Афоне. Так думает А. П. Толочко, основываясь на словах Кирика: “Въ томъ монастыри, идѣ-то Климиъ, кресты въздвизакѣ попинъ чернець не игоумень въ росьстѣмъ, а въ гречьстѣмъ — игоумень” [РИБ, 6: № 2, стлб. 29; вопрос 21]. Мы знаем, кажется, только одно место, где русский монастырь в сер. XII в. соседствовал с греческим, — Афон (см.: [Толочко 2009: 548–549]). Толочко предположил, что Климент оказался на Афоне после смерти князя Изяслава Мстиславича († 1154 г.). Это

В качестве митрополита он призван был объединить под своей властью русские епархии, духовно их окормляя, однако результатом его поставления оказывается фактическое разделение Киевской митрополии. В самом деле, поставление Климента Смолятича обусловило стремление к независимости как северо-западных, так и северо-восточных диоцезов и, в конечном счете, определило противопоставление в церковном отношении Северной и Южной Руси; в дальнейшем они будут называться Великой и Малой Русью, а позднее — Московской и Литовской. Равным образом это событие отразилось и в Галицкой Руси, что приводит к образованию в сер. XII в. самостоятельной Галицкой епархии, которая превращается затем в Галицкую митрополию. Можно сказать, таким образом, что поставление Климента Смолятича обуславливает дезинтеграционные процессы в Киевской митрополии, которые и приводят в конечном итоге к ее разделению (см.: [Успенский 1998: 229–331]).

Как реакция на это разделение в титуле киевского митрополита появляется определение “всея Руси”, которое, собственно, и означало претензию на власть над всеми русскими территориями после того, как власть эта оказалась чисто номинальной. Этот титул митрополита появляется во второй пол. XII в. — у преемников Климента по Киевской кафедре (впервые у митрополита Константина II, 1167–1169/1170, т. е. вскоре после ухода Климента с политической сцены; см.: [Успенский 1998: 331–332]).

Поставление Климента в митрополиты русскими епископами без санкции константинопольского патриарха оказалось неудачным экспериментом, и сам Климент вскоре сходит со сцены. Однако, как это часто бывает, незначительный, казалось бы, эпизод оказывается весьма значительным по своим последствиям — не прямым, но косвенным. Не отразившись непосредственно на судьбе киевской кафедры, где вскоре был восстановлен традиционный порядок поставления митрополитов, поставление Климента существенным образом отразилось на церковно-политической истории Древней Руси².

кажется сомнительным. Полагаем, что речь у Кирика идет о времени, предшествующем поставлению Климента в митрополиты.

Е. Э. Гранстрем, основываясь на том, что Климента называли *философом*, считала, что он получил образование в Константинопольском университете (см.: [Гранстрем 1970: 26–27]).

² Поставление Климента Смолятича создает прецедент, на которые ссылаются затем как в Литовской Руси при поставлении митрополита Григория Цамблака в 1415 г., так и в Московской Руси при поставлении митрополита Ионы в 1448 г. Во всех этих случаях митрополит ставится епископами без участия константинопольского патриарха, которому формально подчинены эти епископы. См.: [Успенский 1998: 31–32].

Был ли он политическим авантюристом или оказался жертвой сложившейся ситуации? Стремился ли он к власти и славе (в чем его обвиняли современники) или воспринимал случившееся как волю Божию и княжескую, от которой он не считал возможным отказаться (так утверждал он сам, см. ниже, § IV–2)?

Несколько слов о наименовании нашего героя. Подчиняясь историографической традиции, мы называем его *Климентом*, но в ранних летописях (Киевской, Суздальской, Новгородской) он именуется исключительно *Климом*. Строго говоря, *Климент* — это реконструируемая форма имени, восстанавливаемая из реально встречающейся формы *Клим*. Полагаем, что это не уменьшительная форма имени *Климент*, призванная выразить отрицательное к нему отношение — подобно тому, например, как отрицательное отношение к лжеепископу Феодору († ок. 1169 г.) выражалось в наименовании его *Федорцем*, а также *белым клобучком*³, — а прямая греческая форма соответствующего греческого имени (Κλήμης, Κλήμεντος). Иначе говоря, форма *Клим* выступает в данном случае не как сокращение от *Климент* (как в современном русском языке), т. е. не как разговорная (гипокористическая и т. п.) форма, а как грецизм. Она отвечает греческой форме именительного падежа Κλήμης, тогда как форма *Климент* образована от основы косвенных падежей, в точности соответствуя, например, форме родительного падежа Κλήμεντος (см.: [Успенский 1969: 143]). Климента Смолятича называют так, как называли его в греческих землях, где он, несомненно, много бывал и, по всей вероятности, подолгу жил. Если греки его называли Κλήμης, то русские, воспроизводя это наименование, должны были

³ О Феодоре, нареченном епископе Владимирском (кандидате на Владимирскую митрополию), и о его наименованиях см.: [Успенский 1998: 311–315, 319–323, 437–438 (примеч. 21); Успенские 2017: 154–155 (§ X–2)]. Летописи, а также Кирилл Туровский, говорят, что он был именуем *Федорцем* “за укоризну”; при этом именуется в виду его притязания на духовную власть. Выражение *белый клобучок* явно образовано по аналогии с уменьшительной формой *Федорец* (о белом клобуке как знаке духовной власти см. вообще: [Успенский 1998: 429–439]).

По тем же причинам архимандрита Михаила († 1379 г.), ставленника Дмитрия Донского, который (Михаил) претендовал на то, чтобы стать митрополитом Киевским, летописи последовательно именуют *Митяем* — мирским именем в уменьшительной форме (см.: [Успенские 2017: 191–196, § X–8]).

Исходя из наименования Федорца, В. А. Водов предположил, что форма *Клим* как наименование Климента Смолятича выражает в летописи неправомерное притязание на духовную власть (см.: [Водов 1974: 205, примеч. 95]; см. также: [Успенский 1998: 438, примеч. 21]). Это объяснение не может быть принято: ни из чего не видно, чтобы форма *Клим* выражала отрицательное отношение летописца.

называть его *Климом* (подобно тому, как Петра Андреевича Безухова, героя “Войны и мира” Толстого, называют в России *Пьером*).

Что же касается прозвания *Смолятич*, то оно принципе может быть как отчеством, так и катойконимом. Иначе говоря, оно может быть производным как от личного имени, так и от топонима. При всем том, вопреки традиционному мнению, имеющему давние корни, нет никаких оснований видеть здесь указание на происхождение Климента из Смоленска⁴. Древнерусское название для жителя Смоленска — *смольнянин* или *смолянин* (ср. *смольнянинъ* в смоленской грамоте 1229 г., *сомолняине* им. ед. в новгородской берестяной грамоте № 343, XIII в. [Смол. гр 1963: по указателю; Нов. гр. 1963: 30]): имя *Смолятич* морфологически не выводится из топонима *Смольньскъ* (*Смоленьскъ*, *Смольнескъ*, *Смольньскъ*, *Смолиньскъ* и т. п.) (ср.: [Трубачев 2005: 93, 97–98]).

В Древней Руси было распространено имя *Смола* [Тупиков 1903: 420, 809; Веселовский 1974: 293]); уменьшительной формой этого имени является *Смолята*. В настоящее время в разных местах встречаются деревни с названием *Смолята*, однако в интересующий нас период этот топоним, как кажется, не зафиксирован в исторических источниках. Таким образом, с большой вероятностью *Смолятич* следует рассматривать как отчество (ср.: *Янь Вышатич*). Сочетание монашеского имени с отчеством, к тому же нехристианского происхождения, представляет собой уникальное явление в домонгольской Руси⁵.

⁴ Уже Никоновская летопись (XVI в.) понимает дело таким образом, называя *Клима Смолятича* — *Климентом Смольнянином*: “. . . поставиша себѣ митрополита Киеву и всей Руси инока Клименьта, Смольнянина, выведше его из молчяльна кѣліи его” [ПСРЛ 9 (1862): 172]. Ср. затем в Густынской летописи (нач. XVII в.): “. . . посвятити [. . .] митрополита Климентия Смольнянина” [ПСРЛ 40 (2003): 82].

⁵ Мы знаем всего лишь один пример такого рода, но пример этот, возможно, говорит как раз об обратном, т. е. о невозможности или непринятии подобного сочетания. В Сказании о начале киевского Печерского монастыря, написанном неизвестным монахом, постриженником Феодосия Печерского, и вошедшем как в Повесть временных лет (под 1051 и 1074 гг. [ПСРЛ 1/1 (1926): стлб. 155–160, 183–198], так и в Киево-Печерский патерик (слова 7-е и 12-е), рассказывается о старце Матфее Прозорливом, который обладал даром видеть бесов, и иноке Михале, ушедшем из монастыря. Согласно этому рассказу, старец увидел беса, сидящего на свинье, и других бесов рядом с ним. “Камо идете?”, — спрашивает старец, и бес отвечает: “По Михалю по Тольбековича [*вариант*: Толбоковича]” [ПСРЛ 1/1 (1926): стлб. 191; Абрамович 1911: 71]). Сам старец называет инока *Михалем* (без отчества): таким образом, речь бесов контрастирует с речью монахов. Кажется, что наименование с отчеством имеет в данном случае уничижительный характер, подчеркивая, что иннок этот вернулся в мир и не принадлежит более к монашеству — его называют так, как

§ I–2. Мы располагаем двумя видами источников, в которых содержится информация о Клименте Смолятиче: летописями и его посланием, которое будет предметом нашего специального рассмотрения. Начнем с исторических источников (летописей).

Суздальская летопись сообщает, что Климент (Клим) Смолятич был поставлен в митрополиты 27 июля 1147 г., в день св. Пантелеймона, по повелению великого князя киевского Изяслава Мстиславича (1146–1154):

В лѣт[о] 6655 [1147 г.] Изаславъ постави митрополита Клина калугера русина *w*собѣ с шестью еп[и]с[ко]пы м[ѣ]с[а]ца июля въ 27, на памат[ь] с[в.]таг[о] Пантелѣмана [ПСРЛ 1/2 (1927): стлб. 315].

Здесь особенно важно слово *особь* — ‘самостоятельно, основываясь на собственном рассуждении’ [СРЕЗНЕВСКИЙ, 2: стлб. 732]; *постави особь* означает: ‘поставил самостоятельно’. Несомненно, имеется в виду то обстоятельство, что Климент был поставлен в митрополиты без санкции константинопольского патриарха. Слово *русин* означает восточного славянина, но, вопреки часто встречающемуся мнению, не указывает на южнорусское происхождение (см.: [Сл.РЯ XI–XVII вв., 22: 259]).

Св. Пантелеймон был патроном великого князя — иначе говоря, *Пантелеймон* было крестильным именем Изяслава Мстиславича; таким образом, Климент был поставлен на его именины. На княжеские именины по традиции съезжались другие князья (ср.: [Литвина, Успенский 2010: 24–25]), и можно предположить, что поставление Климента было с ними как-то согласовано. Княжеские именины — вообще важное событие, но в данном случае они имели особое значение: это были первые именины, которые Изяслав, в крещении Пантелеймон, праздновал в Киеве, в качестве великого князя (он овладел Киевом в августе 1146 г. и был торжественно наставлен в соборе св. Софии [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 327]).

27 июля 1147 г. приходился на воскресенье, и выбор этого дня был особенно удобен для поставления митрополита.

Роль великого князя киевского (Изяслава Мстиславича) в судьбе Климента Смолятича вырисовывается вообще чрезвычайно отчетливо.

называли в миру. Нельзя исключать при этом, что *Михаль* было не только иноческим, но и мирским именем этого инокa (т. е. что он не поменял имя в монастыре, см. в этой связи: [Успенские 2017: 148, § X–1]); но и в этом случае наличие отчества подчеркивает мирской характер наименования.

В Московской Руси сочетание монашеского имени с отчеством указывало на знатное происхождение монаха (например, *Филарет Никитич* и т. п.); однако отчество в этих случаях всегда принадлежало христианскому именованному. См.: [Успенские 2017: 145–147 (§ X–1)].

Когда летом 1149 г. Юрий Долгорукий захватил Киев, Изяслав бежал во Владимир Волынский “и митрополита Климита под съ собою” [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 383]; Климент вернулся в Киев, по-видимому, в марте 1151 г., когда удалось окончательно прогнать Долгорукого и власть Изяслава была восстановлена. Не случайно только после смерти Изяслава Мстиславича (в 1154 г.) в Киеве появляется другой митрополит, Константин I († 1159 г.), присланный из Константинополя⁶.

Следует отметить, что во время поставления Климента Смолятича на киевскую кафедру в Константинополе не было патриарха: Косма II Аттик (1146–1147) был смещен в феврале 1147 г., тогда как Николай IV Музалон (1147–1151) стал патриархом в декабре 1147 г.⁷ При этом положение Николая Музалона было весьма шатким: он сам был обвинен в неканоническом поставлении⁸ и в конце концов вынужден был оставить патриарший престол; таким образом, он должен был прежде всего отстаивать собственную позицию, тогда как проблема поставления киевского митрополита в какой-то мере теряла свою актуальность.

Равным образом киевская митрополичья кафедра была вакантной: в 1145 г. митрополит Михаил (1130–1145) уехал из Киева в Константи-

⁶ Исследователи сходятся на том, что Константин был поставлен на киевскую кафедру по просьбе Юрия Долгорукого. Скорее всего, это произошло в середине 1155 г., после того как Юрий окончательно овладел Киевом. Не исключено, однако, что это случилось раньше — в 1149–1151 гг., когда Киев был захвачен Долгоруким. С. Франклин отождествляет с Константином гипотетического “митрополита Руси”, который, возможно, упоминается в письме Георгия Торника (ок. 1110 – ок. 1157), митрополита эфесского. Франклин относит это упоминание к 1154 г. и предполагает, что Константин был к тому времени поставлен в митрополиты Киевские, хотя и не имел возможности приступить к своим обязанностям (см.: [FRANKLIN 1999: 225–226]). Письмо Георгия Торника само по себе не дает оснований для такого предположения (в частности, ключевое для этой темы слово *митрополит* отсутствует в тексте и является конъектурой исследователей; ничто не говорит о том, что речь идет именно о Константине; датировка письма достаточно произвольна). Тем не менее, возможность такого рода представляется аргіог правдоподобной.

⁷ Иначе обстояло дело в 1051 г., когда при князе Ярославле Мудром русские епископы — также без санкции Константинополя — поставили митрополита Илариона. В Константинополе в это время был патриарх Михаил Кируларий (1043–1058).

⁸ До своего поставления в патриархи Николай Музалон был архиепископом кипрским, однако затем отказался от кафедры и жил на покое в монастыре. Когда он стал патриархом, возник вопрос: является ли он епископом и законно ли занимает новую кафедру. Это было связано с тем, что он был поставлен на константинопольскую кафедру как епископ (без хиротонии); если он не был епископом, поставление в патриархи предполагало епископскую хиротонию. См.: [Успенский 1998: 67–68 (примеч. 66)].

нополь; фактически он оставил свою кафедру (см.: [Успенский 1998: 260–261, примеч. 1]).

Киевская летопись сопровождает известие о поставлении Климента (Клима) в митрополиты панегирической характеристикой:

Въ то же лѣто постави Изаславъ митрополитомъ Клима Смолатича, выведъ изъ Заруба. Бѣ бо черноризечъ скимникъ, и быс[тъ] книжникъ и философъ, такъ ѡкоже в Роуской земли не башеть [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 340)]⁹.

Заруб — очевидно, Зарубский (Трехтемировский) монастырь, расположенный в Киевском княжестве (при впадении Трубежа в Днепр)¹⁰.

Поставление схимника в архиереи может казаться отступлением от традиции. Так, Е. Е. Голубинский писал о Клименте Смолятиче: “Замечательно, что при избрании кандидата в митрополиты было отступлено от обычаев греческих: в Греции не ставили в епископы монахов великого образа или схимников, каков был Климент” [Голубинский 1901, 1/1: 306, примеч. 2, ср.: 356, примеч. 2]). Тем не менее, поставление Климента Смолятича не противоречило каноническим правилам и подобные случаи бывали как в Византии, так впоследствии и на Руси¹¹. По каноническим

⁹ Ср. затем в Галицкой летописи под 1288 г. сходную характеристику волынского князя Владимира Васильковича: “Володимѣръ же бѣ разумѣа придгчѣ [sic! читай: притгчѣ] и темно слово [. . .] много ѡт книгъ, зане быс[тъ] книжникъ великъ и филофъ [sic! читай: философъ], акоже не быс[тъ] во всеи земли и ни по немъ не боудеть” [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 913].

Об известности Климента Смолятича как “книжника и философа” можно судить как по вероятному упоминанию его в “Вопрашании Кирика” (см. выше, примеч. 1), так и по тому, что отрывок с его именем встречается в толковом сборнике XVI в. (см. ниже, § II–1). Как отмечает К. В. Вершинин, “Климент является единственным славянским автором, названным по имени в ранних толковых сборниках. Его имя было авторитетным для создателей компиляции. . .” [Вершинин 2017: 25].

¹⁰ Ср. в Ермолаевском списке Ипатьевской летописи: “. . . виведъ изъ Заруба где теперь монастырь Терехтемѣрскій” [ПСРЛ 2 (1908), прилож.: 27].

¹¹ Из схимников был поставлен, например, константинопольский патриарх Афанасий I (1289–1293, 1303–1309): имя *Афанасий* он получил в великой схиме (его крестильным именем было *Алексий*, в монашестве он стал *Акакий*, в великой схиме — *Афанасий* [Пападопуло-Керамевс 1905: 3, 4, 10]. В 1389 г. константинопольский Синод постановил: если епископ-мирянин принял монашество после своего рукоположения, он лишается епископства (как это и предписано 2-м правилом Софийского собора 879 г.); если же монах поставляется в епископы, он освобождается от монашеских обязанностей [Darrouzès 1979: 138–139, № 2846].

В Древней Руси был случай, когда принятие епископом схимы не явилось препятствием к возвращению на кафедру. Так, в 1330 г. новгородский архиепископ Моисей принял схиму и, соответственно, оставил

правилам, епископ, принимающий схиму, не может действовать как архиерей¹², однако обратное, вообще говоря, возможно: схимник в принципе может снять с себя схиму и стать архиереем, — что и произошло в данном случае.

§ I–3. Судя по всему, епископы собирались поставить Климента, основываясь на 4-м правиле I Никейского (I Вселенского) собора¹³, согласно которому новый епископ избирается и ставится всеми епископами области, — правиле, предполагающем общее согласие всех епископов диоцеза (в данном случае — митрополии)¹⁴.

кафедру, ср.: “Пострижеса въ скиму архиепископъ Моисии, по своеи воли, и много молиша ѥ новгородци всѣмъ Новымъгородомъ с поклономъ, абы паки сълъ на своемъ престолѣ, и не послуша. . .” [ПСРЛ 3 (2000): 99, 342]; тем не менее, в 1352 г. Моисей вновь становится архиепископом новгородским [ивид.: 163, 474; Строев 1877: стлб. 34]. Сходные случаи известны и в новейшее время (см.: [Успенские 2017: 59–61, § IV–6]).

Следует признать, вместе с тем, что схимников в епископы ставили не часто и что вопрос о возможности их поставления на практике мог решаться по-разному. Так, в декабре 1664 г. царь Алексей Михайлович спрашивал архиереев: можно ли священно-схимонаха поставить в епископы? Мнения разошлись: одни архиереи отвечали, что невозможно, другие, что можно; по их мнению, епископ, принявший схиму, перестает быть епископом, однако схимник может стать епископом (см.: [Дело Никона 1897: №№ 29–30, 113–120]).

¹² Согласно 2-му правилу Константинопольского, или Софийского, собора 879 г. епископ, становящийся монахом, отказывается от архиерейства, т. е. снимает с себя сан [Правила помест. соборов, 2: 869–873]. После того как епископы начинают ставиться из монахов, это правило применяется к схимникам: соответственно, архиерей, принимающий схиму, отказывался от архиерейства (см.: [РИБ, 6: № 12, стлб. 134, вопр. 15; Бенешевич 1987: № 17, с. 116, вопр. 20]).

¹³ А не на 1-м апостольском правиле, как утверждает Никоновская летопись (см. ниже, примеч. 16).

¹⁴ “Епископа поставлати наиболѣе прилично всѣмъ тоа области епископамъ. Аще же сіе неудобно, или по належашей нѣждѣ, или по дальности пѣти: по крайней мѣрѣ три во едино мѣсто да соберѣтса, а вѣстѣвѣющіе да из аватъ согласіе посредствомъ граматъ: и тогда совершати рѣкоположеніе. Оутверждати же таковыа дѣйствіа въ каждой области подобаетъ еа митрополитѣ» [Правила всел. соборов, 1: 14–15]; аналогично в Ефремовской кормчей XII в.: [Бенешевич 1906: 84–85]. По толкованию Аристина, епископ избирается и рукополагается епископами (о митрополите сказано лишь то, что он может после избрания из трех избранных выбрать одного, кого захочет). Зонара и Вальсамон считают, что это правило говорит только о избрании епископа, утверждает же и рукополагает его митрополит [Правила всел. соборов, 1: 15–17].

Ср. еще 3-е правило II-го Никейского (VII Вселенского) собора 787 г. [Правила всел. соборов, 2: 628–631; Бенешевич 1906: 208].

Так, на соборе 1147 г. черниговский епископ Онуфрий заявил:

Азь свѣдѣ, како достоить съшедшеа еп[и]с[ко]помъ митрополита поставити [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 340].

Правило Никейского собора говорит о поставлении *епископа*, а не *митрополита*, однако поставление епископа на первопрестольную — киевскую — кафедру было, очевидно, осмыслено как поставление митрополита (точно так же, например, епископ римский именуется *папой*, епископ константинопольский — *патриархом*, и т. п.)¹⁵.

¹⁵ В дальнейшем такого рода формулировка фигурирует при поставлении на киевскую митрополию Григория Цамблака в 1415 г. в Новогрудке: епископы Литовской Руси, поставившие Цамблака в митрополиты, утверждали, что действуют по “преданию святых апостол, якоже пишут в своих правилах: «два или три епископи рукополагають м и т р о п о л и т а»» [РИБ, 6: № 38, стлб. 311–312]. В данном случае имеет место, однако, ссылка не на 4-е правило I Никейского собора, а на 1-е апостольское правило: “Епископа да поставляют два или три епископа” [Правила апост. 1876: 14; Бенешевич 1906: 62].

Поставление Григория Цамблака не могло быть обосновано ссылкой на 4-е правило I Никейского собора, которое предполагало бы участие в его избрании и поставлении всех епископов митрополии (а не только литовских).

В таком же положении оказывался и Иона, епископ Рязанский, который был поставлен в митрополиты Киевские и всея Руси в Москве в 1448 г.: он был поставлен только великорусскими епископами (без участия епископов литовских), и поэтому его поставление должно было основываться на 1-м апостольском правиле. Впоследствии, в окружном послании литовским епископам (второй пол. 1461 г.), Иона так говорит о своем поставлении: “А ведомо вам, моим детем, что есмь от Бога и его милостию поставлен на той превеликой степень святительства зборне и по первому изложению святых апостол и святых отец божественных священных правил, и по иным многим правильным главицам, еже пишут сие: «Три епископи дольжни суть, безо всякого извета, поставляти большаго святителя». А сами, сынове, добре ведаете [. . .] божественая писания, и вы и поищите и четвертаго правила, иже в Никеи перваго сбора. Яз паки [. . .] поставлен на той превеликий степень не от трех, ни от пятый епископов, но от всех архиепископов и епископов сдешнего православнаго великаго самодержьства господина и сына моего великаго князя” [РФА, 1: № 51, с. 187, ср.: РФА, 5: 998; РИБ, 6: № 81, стлб. 622–623]. Как видим, Иона ссылается здесь как на 1-е апостольское правило, так и на 4-е правило I Никейского собора. Хотя он и был поставлен на основании 1-го апостольского правила, его поставление — объясняет Иона — в условиях разделения Киевской митрополии после Флорентийской унии по существу соответствовало никейскому правилу, поскольку он был поставлен всеми епископами “сдешнего православнаго великаго самодержьства”; понятие митрополии фактически заменяется при этом понятием государства, управляемого православным самодержавным монархом.

Мы можем догадываться, что на основании того же правила при Ярославле Мудром был поставлен и митрополит Иларион (1051 г.)¹⁶.

Итак, предложение Онуфрия, епископа черниговского, предполагало согласие всех епископов митрополии. Однако среди епископов не обнаружилось единодушия, необходимого для реализации этого предложения: два епископа — новгородский Нифонт и смоленский Мануил — выступили против такого решения [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 341]. Скорее всего, их не было на соборе (см.: [Голубинский 1901, 1/1: 305]), и при этом они, видимо, отказались прислать повольные грамоты, изъявляющие согласие на поставление Климента¹⁷.

Иона стал митрополитом, будучи уже епископом, поэтому он употребляет выражение *больший святитель* (то же выражение употребляет, говоря о поставлении Ионы, и Василий II в послании императору Константину XI, 1451 г. [РФА, 1: № 13, с. 90; РИБ, 6: № 71, стлб. 583; ср.: РФА, 4: 913]). При этом Иона был поставлен через новое рукоположение, т. е. над ним была вторично произведена хиротония [Успенский 1998: 47–49]. Слово *митрополит* при этом приобретает новый смысл: оно понимается не как епископ, занимающий первопрестольную кафедру, а как особый святительский чин [ивид.: 74, 77–78].

¹⁶ Никоновская летопись, говоря как о поставлении Климента Смолятича, так и о поставлении Илариона, называет другое каноническое правило, а именно, 1-е апостольское, согласно которому два или три епископа поставляют епископа [ПСРЛ 9 (1862): 83, 172]. Это может быть обусловлено характером поставления митрополита Ионы в 1448 г. (см. выше, примеч. 15). Иначе говоря, каноническое обоснование поставления Ионы задним числом было перенесено, по-видимому, на поставление Илариона и Климента Смолятича (ср.: [Успенский 1998: 43–44]).

¹⁷ Киевская летопись после перечисления участников собора называет этих двух епископов [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 340–341] (ср. ниже, § III–1). Судя по тому, что далее следует глагол в двойственном числе, надо полагать, что их имена фигурируют здесь не как имена участников собора, т. е. не являются продолжением перечня тех, кто участвовал в соборе, а начинают новое предложение.

Суздальская летопись говорит, что Изяслав Мстиславич поставил Климента с шестью епископами [ПСРЛ 1/2 (1927): стлб. 315] (см. выше, § I–2). Киевская же летопись называет пять епископов, а именно: черниговского Онуфрия, белгородского Феодора, юрьевского Дамиана, переяславского Евфимия, владими́ро-во́льнского Феодора [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 340–341]. Шестым епископом был, видимо, Косма Полоцкий; поскольку он не назван по имени, можно думать, что он не явился на собор, а прислал повольную грамоту. Едва ли в поставлении Климента мог участвовать Иоаким Туровский (как считали Хр. Лопарев или Пл. Соколов, см.: [Лопарев 1892: 1; Соколов 1913: 66]), который в 1146 г. был сведен с кафедры по политическим причинам [ПСРЛ 1/2 (1927): стлб. 314; ПСРЛ 2 (1908): стлб. 330; ср.: Голубинский 1901, 1/1: 304–305, 680]. Об участии в соборе 1147 г. ростовского епископа ничего неизвестно, возможно, ростовская кафедра была в это время вакантной; о Несторе, епископе Ростовском, мы знаем с 1148 г. (см.: [Успенский 1998: 277]).

Тогда тот же Онуфрий Черниговский предложил другое решение:

Азь свѣде, достоить ны поставити, а глава оу насъ есть с[в.а]т[а]го Кли-
мента, ѡкоже ставать Грѣци роукою с[в.а]т[а]го Ивана [ПСРЛ 2 (1908):
стлб. 341].

Онуфрий ссылается при этом на византийскую традицию поставления императоров: византийских императоров ставили рукой Иоанна Предтечи (при этом император, очевидно, уподоблялся Христу на иконах Крещения). Равным образом константинопольских патриархов ставили рукой св. Германа I, патриарха Константинопольского; Онуфрий не упоминает об этой последней традиции, но она, вообще говоря, могла быть известна участникам собора, особенно грекам¹⁸.

Так и было сделано: русские епископы поставили Климента в митрополиты главой св. Климента, папы Римского:

И тако сгадавше еп[и]с[ко]пи славою [*по др. спискам: главою*] с[в.а]-
т[а]го Климента поставиша [Клима] митрополитомъ [ПСРЛ 2 (1908):
стлб. 341].

§ I–4. Если поставление Климента основывалось на 4-м правиле I Никейского собора, то оно предполагало последующее утверждение вышестоящим иерархом, в данном случае — патриархом. В Константинополе в это время патриарха не было (см. выше, § I–2); возможно, первоначально, когда возникла эта идея, имелось в виду получить благословение патриарха *postfactum*, по окончании периода межпатриаршества. Однако, это сделано не было — может быть, потому, что поставление мощами меняло канонические основания совершенного действия и правило Никейского собора в этом случае теряло свою актуальность. Можно предположить, что поставление главой св. Климента, папы Римского, ориентированное на поставление византийского императора и, может быть, константинопольского патриарха (см. выше, § I–3), делало патриаршее благословение — по крайней мере, в глазах Климента Смолятича и его сторонников — в принципе не столь обязательным. Нельзя

Таким образом, Климент Смолятич был поставлен, в сущности, епископами Южной Руси.

¹⁸ О той и другой традиции сообщает новгородский паломник Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ новгородский Антоний, посетивший Константинополь ок. 1200 г. [Савваитов 1872: стлб. 30, 87–89 и 13–14, 66] (см. подробнее: [Успенский 1998: 263–266]). Пл. Соколов считал, что имя *Иван* появилось в летописи по ошибке вместо имени *Герман* [Соколов 1913: 79–80]; такое предположение не кажется обязательным.

исключать, вместе с тем, что в Константинополе и не собирались благословлять. Климента, поскольку как у князя Изяслава, так и у самого Климента были противники; противником Изяслава и Климента Смоленячича был Юрий Долгорукий, который воевал с Изяславом и который поддерживал отношения с Константинополем.

В любом случае епископы, совершившие поставление от мощей, едва ли могли рассчитывать на благословение патриарха.

Напротив, для противников Климента Смоленячича этот вопрос никоим образом не терял актуальности, оставаясь принципиально важным. Два епископа, не признавшие поставления Климента (Нифонт Новгородский и Мануил Смоленский), отказывались его признавать, пока тот не *исправится*, получив патриаршее благословение:

Аще ли са исправиши бл[а]гословишиса ѿ патриарха, и тогда ти са поклонивѣ [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 341]¹⁹.

В дальнейшем Климента признавали только на “Руси” в собственном смысле слова, т. е. в южной Руси (см. подробнее: [Успенский 1998: 260–336]). Новгородская летопись так говорит о “Климе митрополите”:

ставиль бо его бѣше Изяслав съ епископы Русскыя области, не славѣ Цесарюграду [ПСРЛ 3 (2000): 28, ср. 214].

После смерти великого князя Изяслава Мстиславича (в 1154 г.) в Киеве появляется новый митрополит, Константин I (см. выше, § I–2), и поставленные Климентом священники и дьяконы должны были дать этому митрополиту письменное отречение от Климента:

Тогда же [1156 г.] митрополить Костантинъ приде ись Ц[еса]рагорода [. . .] испровергъши Климову службу и ставления и створивше б[о]ж[е]-ственную службу и бл[а]гословиша [sic!] кн[а]за Дюрга Володимирича. А потомъ [sic! *читай*: попомъ] и дьякономъ ставление ѿтда, иже бѣ Клима ставиль митрополить, писаша бо к нему рукописание на Клима [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 485].

Насколько можно понять, ставленники Климента — священники и дьяконы — были запрещены в служении, но не лишены сана; после

¹⁹ Подчеркнем, что речь идет именно о благословении, а не о хиротонии: рукоположение Климента само по себе не вызывало сомнений.

Практика патриаршего благословения уже совершившейся хиротонии известна для более позднего времени. После разделения Киевской митрополии (во второй пол. XV в.) она существовала в Юго-Западной (Литовской) Руси. См., в частности, о поставлении митрополита Макария Черта в 1495 г.: [Успенский 1998: 42].

отречения от Климента они были восстановлены в своем сане²⁰. Это означает, что сакраментальный характер действий, произведенных Климентом Смолятичем, в сущности, не подвергался сомнению: иначе говоря, сам он признавался архиереем. В самом деле, по логике данного запрета, митрополит Климент имел в о з м о ж н о с т ь ставить священнослужителей, однако не имел п р а в а — не был уполномочен — это делать (см.: [Успенский 1998: 33, примеч. 6, с. 47, примеч. 32])²¹.

Как видим, епископская хиротония Климента Смолятича сама по себе не подвергалась сомнению: Климент, по-видимому, не считался лжеепископом, восхитившим святительский сан. Сомнения вызывало не характер его поставления, а отсутствие благословения патриарха. В самом деле, если бы Климент признавался лжеепископом и узурпатором, его противники не предлагали бы ему *исправиться*, т. е. довершить свое поставление церковным благословением (см. выше). В дальнейшем, как мы увидим, именно это предлагает, заняв киевский стол, князь Ростислав Мстиславич, который отправляет посла в Константинополь, чтобы получить благословение патриарха (см. ниже, § III–2)²².

²⁰ Принято считать, что только дьяконы, поставленные Климентом, получили разрешение священнодействовать (см.: [Никольский 1892: VI; Лопарев 1892: 2; Соколов 1913: 90; Поппе 1996: 456–457; Поньрко 2014: 486; Карпов 2016: 229]). Это недоразумение: *потомъ* вместо *попомъ* в Ипатьевской летописи — несомненная описка. В других летописях читается *попом* и *дьяконом* [ПСРЛ 24 (1921): стлб. 78; ПСРЛ 25 (1949): 61]. См.: [Успенский 1998: 33].

²¹ Иначе обстояло дело после поставления Григория Цамблака (см. выше, примеч. 15): митрополит Фотий (и, видимо, константинопольский престол) считал отлученными от церкви как самого Цамблака, так и его ставленников [ПСРЛ 39 (1994): 141–142; см.: Успенский 1998: 34, примеч. 7].

²² Менее понятно, что имеется в виду в цитированном сообщении летописи под “испровержениемъ Климовой службы” (“митрополитъ Константинъ приде и съ Ц[е]са[р]агорода [. . .] испровергъши Климову службу и ставленниа и створивше б[о]ж[е]ственную службу. . .”). По предположению А. Ю. Виноградова (высказанному при обсуждении нашей работы на семинаре в Высшей школе экономики 20 февраля 2017 г.), речь идет здесь о пересвящении киевского Софийского собора: сменив Климента Смолятича, митрополит Константин не только запретил в служении ставленников своего предшественника, но и заново освятил кафедральный собор, где тот служил. Митрополит Константин действовал, по-видимому, так же, как столетием раньше (в 1052 г.) действовал его предшественник, митрополит Ефрем: после смещения митрополита Илариона (так же, как и Климент, поставленного русскими епископами без санкции константинопольского патриарха) Ефрем освятил киевский Софийский собор, где совершал богослужение нелегитимный митрополит (см. ниже, примеч. 23).

В сборнике XVI–XVII вв. (РНБ, Погод. 1571, л. 16), составленном при митрополите Симоне (1495–1511), Климент Смолятич фигурирует

Поставление Климента Смолятича повторяло поставление митрополита Илариона при Ярославе Мудром (1051 г.) и очевидным образом было так или иначе с ним связано. Следует иметь в виду при этом, что, подобно поставлению Климента, поставление Илариона также может быть названо неудавшимся экспериментом. Вопреки распространенному мнению (см., в частности: [МАКАРИЙ, 2: 130; Соколов 1913: 51–52; ОВОЛЕНСКИЙ 1957: 63–64; MÜLLER 1988–1989: 342; УСПЕНСКИЙ 1998: 32; КАРПОВ 2016: 149–150]), поставление Илариона не было признано — санкционировано или ратифицировано — Константинополем: уже через год после своего поставления Иларион вынужден был покинуть кафедру, уступив место новому митрополиту, Ефрему († до 1062 г.), присланному из Константинополя²³. Нечто подобное, хотя и не столь быстро, произошло затем с Климентом Смолятичем.

в перечне русских митрополитов — под формой *Клим* — среди тех, кого не надлежит помянуть: “развѣ Клима, и Пимина, и Діонисіа, и Григорія Цамблака, и Герасима, и Исидора” [Бычков 1882: 69, № 31].

²³ Об этом говорит графито киевского Софийского собора, опубликованное В. В. Корниенко [2015: 121, № 3541 и табл. слхххvii] и интерпретированное А. А. Гиппиусом [2016: 80]: “[Въ] лѣ[т]ѣ ѿфѣ сваще[н]а стаа С[о]ф[и]и[а] Е[фре]м[о]мъ ми[т]р[опо]литѣмъ [. . .] но[а]бра въ дѣ”. Это сообщение, как отмечает А. А. Гиппиус, соответствует указанию месяцеслова Мстислава евангелия (1103–1117 гг.): “Въ тѣ ж[е] д[ѣ]нь с[ва]щеник с[ва]тъа Софиѣ иже кѣсть въ Кыкѣвѣ град[ѣ] с[ва]щ[е]на Ефремъ митрополитъ” [Мстисл. ев.: л.174 г.]; см. также: [ЛОСЕВА 2001: 193]. Таким образом выясняется, что осенью 1052 г. киевским митрополитом был не Иларион, а Ефрем (ранее считалось, что Ефрем оказался в Киеве после смерти Ярослава Мудрого) и что 4 ноября 1052 г. этот новый митрополит (Ефрем) заново освятил Софийский собор. По словам А. А. Гиппиуса, “поставленный в 1051 г. Иларион занимал митрополию не более года и был смещен еще при жизни Ярослава Владимировича, а не после его смерти, как обычно считается” [Гиппиус 2016: 80].

Едва ли можно думать, что появление нового митрополита в Киеве было вызвано скоропостижной кончиной Илариона: это событие, скорее всего, было бы отмечено в летописи. Судя по всему, освящение Софийского собора новым митрополитом (Ефремом) было связано с нелегитимностью поставления митрополита предшествующего (Илариона).

От митрополита Ефрема сохранилась печать, из которой следует, что он носил придворный титул протопроэдра (советника) [Янин 1970, 1: 44], а также антилатинский трактат, где он, между прочим, осуждает правителей, ставящих архиереев, — возможный намек на Ярослава Мудрого, поставившего на новгородскую кафедру Луку Жидяту (1036 г.), а на киевскую — Илариона (1051 г.) [Чичуров 1997: 52]; Ефрем смещает и того, и другого. (О поставлении и смещении Луки Жидяты см.: [ПСРЛ 1/1 (1926): стлб. 150; ПСРЛ 2 (1908): стлб. 138; ПСРЛ 3 (2000): 183, ср. 473].)

II. Послание Фоме

§II-1. Мы рассмотрели исторические источники (летописи); обратимся теперь к источнику литературному — собственноручному произведению Климента Смолятича. До нас дошло послание Климента к смоленскому пресвитеру Фоме, посвященное библейской эзгетике, а именно, обоснованию аллегорического толкования Священного Писания. Это послание было дополнено толкованиями некоего Афанасия мниха, о котором мы ничего не знаем²⁴. Мы не всегда знаем также, как отделить толкования Афанасия от толкований Климента. В целом это послание представляет собой полемический богословский трактат и в качестве такового распространялось в списках. Можно предположить, что послание Климента превратилось в богословский трактат именно под пером Афанасия: оно стало восприниматься как вопросо-ответное сочинение, аналогичное другим сочинениям такого рода. Впрочем, предпосылки к этому находятся в сочинении самого Климента; в начале письма после вводных фраз, где говорится о Фоме и о нем самом, Клименте, и где Климент отвергает обвинения в стремлении к славе и богатстве (см. подробнее ниже, §IV-2), Климент говорит:

Гѣтселѣ, любимиче, ѡтвѣта да не сотворю ти, но на въпрос твое бл[а]-
гооуміе понѣжаю [Никольский 1892: 105; Лопарев 1892: 14];

после этого следуют собственно богословские рассуждения, периодически перемежающиеся обращениями к Фоме.

До нас дошли два относительно полных списка послания Климента к Фоме, XV – нач. XVI в., восходящие к одному оригиналу, — РНБ, ф. 351 (Кир.-Бел.), № 134/1211, л. 214 об.–231 (“Посланіе написано Климентом митрополитом рѣским Фомѣ прозвѣтерѣ истолковано Афонасіемъ мнихомъ”, см. изд.: [Никольский 1892: 103–136]) и РНБ, ф. 536 (ОЛДП), № F.91, л. 186 об.–194 (“Послание исписан[о] Климом митрополитом рускимъ к Фомѣ прозвѣтеру смоленскому истолковано Адамаемъ мнихомъ”, см. изд.: [Лопарев 1892: 13–31]). Кроме того, известны несколько фрагментарных списков, в названии которых указано имя митрополита Климента. Сюда относится список, не имеющий начала и конца, сер. XVII в. из Института литовского языка в Вильнюсе (рукопись без инвентарного номера, л. 178 об.–183 (“Сіе грамота Клина митрополита”, см. изд.: [Темчин 2015: 97–99]); он лишь отчасти соответствует первым двум спискам, в какой-то мере их дополняя. Другой фрагмент послания Климента Фоме с именем Климента Смолятича представлен в толковом сборнике сер. XVI в. РГАДА, ф. 381 (МГАМИД), № 478/958, л. 375 об.–

²⁴ В одном списке он именуется не *Афанасием*, а *Адамаем* (такого имени нет в православном именослове). См. ниже.

379 об. (“А се толк Климента митрополита”, см.: [Вершинин 2017: 16–17])²⁵. Наконец, совсем небольшой, всего в несколько слов, фрагмент, воспроизводящий начало послания, содержится в рукописи XVI в. РНБ, ф. 536 (ОЛДП), № F.191, л. 32 об. (“Послание написано Климентом митрополитом роускымъ к Фомѣ прозвитероу смоленскомуу истолкована [sic!] Афонасиемъ мнихом”, см. изд.: [Лопарев 1892: 13]).

Далее мы цитируем послание Климента Смолятича к Фоме по рукописи РНБ, ф. 351 (Кир.-Бел.), № 134/1211 (сигла *H*); варианты даются по рукописи РНБ, ф. 536, № F.91 (сигла *L*); кроме того, мы ссылаемся на сводный текст, опубликованный по обеим рукописям Н. В. Понырко (см.: [Понырко 1997: 118–141] (сигла *П*)²⁶. В некоторых случаях, как мы увидим, Послание Климента Смолятича обнаруживает дословные совпадения с двумя источниками — с Толстовским изборником нач. XIII в. (РНБ, ф. 550 (ОСРК), № Q.п.I.18), опубликованном Г. Вонтрубской (см. изд.: [Wątrówska 1987])²⁷, и с приписываемыми Григорию Богослову так называемыми “Словесами избранными. . .” (РГБ, ф. 304.I (Тр.-Серг.), № 122, л. 125–195, XV в.), опубликованными Н. К. Никольским (см. изд.: [Никольский 1892: 161–199]); при ссылках на эти источники мы пользуемся, соответственно, сиглами *I* и *G*. О соотношении этих источников с посланием Климента Смолятича к Фоме будет сказано ниже (см. §IV–2)²⁸.

Во всех этих случаях рукописи цитируются по обозначенным выше изданиям. После указания сиглы даются страницы соответствующего издания.

§ II–2. Послание Фоме, несомненно, было написано после того, как Климент стал митрополитом: именно в этом смысле следует понимать слова, что он не искал славы и власти, что он много молился, чтобы быть избавлену от власти, но не мог сопротивляться Божьему смотрению (этот текст будет процитирован позднее, см. ниже, § IV–2). Его хронологические границы определяются периодом между 1147 г. (годом восшествия Климента на митрополию) и 1154 г. (годом смерти князя

²⁵ Как указывает К. В. Вершинин, тот же фрагмент, никак не озаглавленный, читается в сборнике кон. XV в. из собр. Н. П. Никифорова (БАН, № 41.11.16, л. 143–145).

²⁶ В этом издании последовательность пассажей, составляющих послание Климента, изменена: исследовательница выделила пассажи, принадлежащие, по ее мнению, не Клименту, а “мниху Афанасию”, и переставила их в той логической последовательности, которая ей представляется правильной.

²⁷ См. описание этой рукописи: [Турилов 2009]. О ее языке см.: [Владимиров 1893: 13].

²⁸ Некоторые фрагменты, соответствующие посланию Климента, находятся в компилятивных сборниках XV–XVI вв. См.: [Вершинин 2017; Анисимова 2017].

Изяслава — последний упоминается в послании Климента к Фоме как здравствующий, см. ниже, § II–3).

Эти границы, как кажется, можно несколько сузить. Послание Климента Смолятича к Фоме начинается фразой, повторяющей начало эпистолии Льва Великого к Флавиану, архиепископу Константинопольскому, в переводе Феодосия, так называемого Феодосия Грека (см.: [Лященко 1900: 10–11]²⁹. Ср. начало послания:

Почет писанїе твоеа любве, ѡж[е] аще и медмено <Л: медлено>³⁰ быс[ть], почюдихса и в чинъ вѣспомановенїа приникъ (Н 103; Л 13; П 118).

Начало Эпистолии:

Почетьше писание твоеа любве, не мало почюдихомса закоснѣнїа того дѣлма толика врѣмене, ны[нѣ] же въ чинъ вѣспоминанїа приникше. . . [Бодянский 1848, прилож.: 5]³¹.

Эпистолия Льва Великого была переведена Феодосием “Греком”, по-видимому, в 1151 г. (см.: [Полонский 2013])³². Это позволяет датировать

²⁹ Наименование переводчика Эпистолии Льва Великого “Феодосием Греком”, принятое в научной литературе, является условным. Сам он называет себя “инокии Феод[о]сии” или просто “Феодоси” [Бодянский 1848, прилож.: 5, 18]. Судя по тому, что он призывает на князя Николу Святошу патриархии молитвы (см. ниже, примеч. 32), он был приближен к константинопольскому патриарху или как-то с ним связан. Тем не менее, о его греческом происхождении ничего не известно. Перевод Феодосия выполнен в буквалистской манере; в нем представлены бесспорные южнославянские и почти нетипичные русизмы (см.: [Пичхадзе 2011: 353]), гречизмы сводятся к калькам (см.: [Лященко 1900: 5]), что не так показательно для определения этнической принадлежности переводчика.

³⁰ В списке РНБ, ф. 536 (ОЛДП), № F.191, л. 32 об., где сохранилось только начало этой фразы, — “медлено” [Лопарев 1892: 103].

³¹ В. М. Истрин цитирует данный пример, полагая, что здесь имеет место “не заимствование, а результат одинаковой начитанности” [Истрин 1922: 81]; это не кажется убедительным.

³² Основания для датировки таковы. Из предисловия Феодосия мы знаем, что перевод Эпистолии Льва Великого был выполнен для князя Николы Святоши (Святослава Давыдовича) (см.: [Бодянский 1848: xv–xxii]). Никола Святоша принял постриг 17 февраля 1106 г. [ПСРЛ 1/1 (1926): стлб. 281; ср.: ПСРЛ 6/1 (2000): стлб. 218], в канун памяти Льва Великого. Именно поэтому, по всей вероятности, он и заказал перевод Эпистолии. Последнее упоминание Николы Святоши в летописи относится к 1142 г. [ПСРЛ 2 (1908): 312]; есть основания полагать, что он скончался между 1151 и 1156 г. [Карпов 2016: 331].

Феодосий снабдил свой перевод как предисловием, так и послесловием: как в предисловии, так и в послесловии значится его (Феодосия) имя [Бодянский 1848, прилож.: 5, 18]. В предисловии Феодосий говорит

послание Климента 1151–1154 г. — временем, когда Изяслав Мстиславич, а вместе с ним и Климент, окончательно обосновался в Киеве (не ранее весны 1151 г.).

§ II–3. Послание Климента представляет собой ответ на полученное им перед тем послание Фомы. В письме Фомы содержались какие-то нарекания в адрес Климента, и тот прочел послание Фомы перед князем Изяславом и перед многими свидетелями (“послухами”):

Имать писаніе твое наказаніе с любовію к нашему тщеславію и такѣ <sic! Л: тако> с радостію прочет пред многими послѣхи и пред кн[а]земъ Изяславом тобою преславное <Л: присланое> къ мнѣ писаніе. И винѣ ми исповѣдавѣ, его ж[е] ради пишеш, ты ж[е] любимиче, не тажко мни мноу восписаноу ти хартию (Н 103; Л 13; П 118)³³.

о Николе Святоше как о живом, призывая на него патриархии молитвы (“призываю же рабъ твои инокии Февд[о]сии моего патриарха м[о]л[и] твы” [ивд.: 5]), послесловие же заканчивается провозглашением ему вечной памяти: “Еуан[ге]льскыя же рад[и] заповѣди сие посланіе аки талантъ трѣжником намъ прѣдавшему, христолюбивому и б[лаг]ородному С[ва]т[о]ши вѣчнаѣ памат[ь]. Люд[ие]: вѣчнаѣ пам[ат]ь” [ивд.: 20]. В рукописях в этом месте обычно имеется уставное указание: “Сіє рцы високогласно (сѣло)” [Полонский 2014: 150]. Таким образом, послание Льва Великого, переведенное иноком Феодосием по поручению князя Святослава Давыдовича (Никола Святоши), читалось вслух — по-видимому, за богослужением. А. И. Лященко полагал, что вечная память князю-благотворителю провозглашалась в Печерском монастыре во время трапезного чтения [Лященко 1900: 6], но это сомнительно: в монастыре должно было бы звучать иноческое имя *Никола*, а не светское *Святоша*.

В предисловии Феодосия можно усмотреть указание на то, что он начал свой перевод в Неделю сыропустную, т. е. в Прощеное воскресенье (упоминается “сыропустнаго кондака разумъ” [Бодянский 1848, прилож.: 5]). Следует при этом иметь в виду, что память Льва Великого отмечалась как 18 февраля, так и в Неделю сыропустную: эта традиция восходит к Типикону Великой церкви и отразилась, между прочим, в Типографском уставе XI–XII в. [Тип. устав, 1: л. 1 об.] (см. подробнее: [Успенские 2017: 169, примеч. 34 (§X–4)]). Судя по всему, Феодосий начал работу над переводом в год, когда день поминание Льва Великого (18 февраля) приходилось на Неделю сыропустную. В XII в. такое совпадение имело место в 1140, 1151, 1162 и 1173 гг. Никола Святоша скончался до 1156 г. [Карпов 2016: 331]. Поскольку Феодосий начал работу над переводом Эпистолии Льва Великого при жизни Никола Святоши, а закончил ее после его смерти, мы должны отнести начало работы Феодосия к 1151 г. (ср.: [Полонский 2013: 108]). Действительно, послесловие Феодосия было написано, когда Никола Святоши уже не было в живых (см. выше); таким образом, смерть этого князя с вероятностью можно датировать тем же 1151 годом.

³³ Перевод последней фразы: “После того, как я поведал (князю Изяславу и послухам) причину, чего ради пишеш, ты, любимый, не посетуй на мое

Описанная здесь ситуация представляется крайне необычной. Станным образом священник поучает митрополита; митрополит же читает это письмо в присутствии князя и других людей. Все это можно объяснить только, имея в виду особый характер поставления Климента в митрополиты.

Что же это за нарекания? Это прежде всего обвинения в тщеславии, в желании прославиться, и характерным образом Климент, как мы видели, смиренно именуется *наше тщеславие* (ср. *наше смирение* как обычный способ самонаименования духовных лиц). Ниже (см. §IV–2) мы увидим, что слово *слава* при этом имеет разные семантические наполнения: стремление к славе может пониматься, в частности, как стремление к богатству (Климент отвергает это обвинение), к власти (Климент признается в этом искушении) и распространяется на метод богословской аргументации, используемый Климентом. Говоря о тщеславии Климента Смолятича, Фома упрекает его в том, что тот “творит себя философом” и “пишет философией”³⁴. Заметим, что этот упрек соответствует тому, что говорится в летописи: Климент был известен как “книжник и философ” (как мы помним, летописец называет его “философом, какого не было в Русской земле”, вкладывая — в отличие от Фомы — в слово *философ* положительный, а не отрицательный смысл, см. выше, § I–2). В своем ответе Климент писал:

Р[е]чеши ми, “Славишис[а] пиша, философ са твора”, а первѣ сам са вб-
личаеши: егда к тобѣ что писах, нъ ни писах, ни писати имам. А реч[е]ши
ми “Философ[ѣ]ю пишешши”, а то велми криво пишешши, а да вставль аз
почитаемаа писанїа аз писах вт Омира, и вт Аристо[те]ла, и вт Платона,

к тебе послание”. Ср. другие переводы: “После того, как поведал ты мне, чего ради пишешь, и сам ты, любимый мой, не пообидься на мою, написанную к тебе хартию” [Понырко 1997: 119]; “I acknowledge the cause which prompts you to write. Nevertheless, dear Foma, do not think harshly of the letter which I wrote to you” [FRANKLIN 1991: 31]. Более удачен перевод Л. Я. Лавровского: “И так с радостію я прочитал присланное тобой послание в присутствии многих слушателей, указав при этом и повод, по которому ты мне пишешь. И ты, любезнейший, не подумай дурно о написанном мною к тебе письме” [Лавровский 1894: 85].

³⁴ О возможных значениях слова *философ* (и, соответственно, производных от него слов) см.: [Франклин 1992]. В русских сообщениях о Флорентийском соборе 1438–1439 гг. рассказывалось, что на соборе латинскую речь переводили на три языка: греческий, фряжский и философский (ср. здесь также упоминание о философском и богословском столах на соборе, за которыми сидели философы и богословы [ПСРЛ 8 (1859): 101–102; ПСРЛ 12 (1901): 26–27]. Под *философским языком* понимается иносказательная речь, толкования.

иж[е] во елиньских нырѣхъ славнѣ бѣша. Аще и писах, но не к тебѣ, но к кн[а]зю, и к томѣ ж[е] не скоро (Н 103–104; Л 13; П 118)³⁵.

Здесь усматривается своего рода риторический поединок, взаимный обмен уколами. Фома говорит, что Климент выставляет себя *философом*, поскольку Климент Смолятич известен вообще как *философ*. Климент, в свою очередь, не без иронии называет себя *наше тщеславие*, поскольку Фома упрекает его в тщеславии³⁶.

³⁵ Перевод: “Говоришь мне: «Ты себя восхваляешь, выставляя себя философом». И сам же себя разоблачаешь: будто я к тебе что писал; но не писал, и писать не буду. А говоришь мне: «Философией пишешь», — и то ты неправду говоришь, что я, оставив почитаемые писания, писал от Гомера, Аристотеля и Платона, знаменитых языческих хитрецов (обманщиков). Если я и писал, то не к тебе, а к князю, и притом не поспешно (с тщанием, осмотрительно)”. К слову *ныр* ср.: *ныр* ‘ныряльщик, трюкач’, *нирение* ‘хитрость, заблуждение, обман’, *ныривый* ‘обманный, коварный’ [Срезневский, 2: 482; СЛРЯ XI–XVII вв., 11: 452; СЛДРЯ XI–XIV вв., 5: 450], ср. также совр. *проныра*. Слово *ныр* встречается в Словах Григория Богослова XI в. как перевод греч. *κωβιστής* от *κωβιστάω* ‘ныряю, кувыркаюсь’), ср. в рукописи РНБ, Q.п.1.16 (л. 288γ) “нырове словесьни безмѣстнии” (*κωβισται λόγου*) [Будилович 1875: 217] — Слово XXVII “Против евномиан”), там же (л. 1α) “ни елиньскааго нырѣниа, ни пидаьства. . .” (*οὐκ [. . .] τῆς Ἑλληνικῆς πλάνης, καὶ μεθῆς*) [вид.: 1] — Слово XXXIX “На святые светы”; *ἡ πλάνη* ‘обман зрения, заблуждение, обольщение’). Слово *нырять*, видимо, имело первоначальное значение ‘исчезать, обманывать’.

Отметим, что и Феодосий, переводчик Эпистолии Льва Великого, в предисловии к своему переводу ссылается на Гомера и на сочинения языческих риториков: говоря о том, что он недостоин возложенного на него поручения (перевести Эпистолию Льва Великого), он восклицает, обращаясь к князю Николе Святоше (ср. выше, примеч. 32): “Вѣдѣ бо, г[о]с[под]и мои, вѣдѣ, іако оучившимъ са ѡт младѣ ноготь ѡмирьскимъ и риторьскимъ кнѣгамъ таково естъ дѣло” [Бодянский 1848, прилож.: 4]. В случае Феодосия перед нами, по-видимому, традиционная декларация авторского самоуничижения.

³⁶ Климент решительно отказывается признать, что он “писал философией”. Едва ли отсюда можно заключить, что для самого Климента слово *философ* несет отрицательные коннотации. Употребление этого термина обусловлено у него полемическим контекстом: как это часто бывает в диалогическом дискурсе, Климент употребляет это слово в том смысле, который вкладывает в него (слово) его оппонент.

Ср.: “Фома обвиняет Клина не в том, что он философ, а лишь в том, что он старается им быть: по мнению Фомы, Клима выдает себя за философа («философ ся творя»), балуется философией [. . .] В ответ Клима не отстаивает подлинную философичность своих занятий (ведь по традиции «философствовати» может означать аллегорическое истолкование священных писаний — то, чем Клима, по собственным словам, и занимается): наоборот, он от философии отнекивается” [Франклин 1992: 83; ср. также: Живов 2017, 1: 114, примеч. 49].

Послание Климента Смолятича собственно и посвящено ответу на эти обвинения. Он защищает метод иносказательного толкования, обнаружения скрытого смысла, который он противопоставляет профанному, буквальному пониманию сказанного. Именно эти его рассуждения (и прежде всего относящиеся сюда примеры) были, очевидно, дополнены Афанасием мнихом, что и превратило послание Климента в богословский трактат.

§ II–4. Обратим внимание на слова Климента:

Егда к тобѣ что писах, нъ ни писах, ни писати имам [. . .] Аще и писах, но не к тебѣ, но ко кн[А]зю, и к томѣ ж[e] не скоро (Н 103; Л 13; П 132).

Несомненно, имеется в виду Ростислав Мстиславич, брат великого князя Изяслава Мстиславича. Действительно, далее Климент говорит:

Но ѿ писанїи моем воспоминаю, иже къ кн[А]зю твоємѣ, к моемѣ же напръснѣ г[осподи]нѣ (Н 123; Л 24; П 132)³⁷.

Князем Фомы, пресвитера смоленского, был Ростислав Мстиславич, князь Смоленский. Климент пишет о нем как о своем вечном (или, точнее, всегдашнем) господине, но это нельзя понимать буквально (так же, например, как буквально нельзя понимать обращение *Милостивый государь* или подпись *Ваш покорный слуга*). Выражение *напръсный господин*, в отличие от выражения *твой князь*, — очевидная метафора, которую нельзя понимать в прямом смысле³⁸.

Можно предположить, что Фома был духовником Ростислава Мстиславича; вполне вероятно, что князь Ростислав, получив послание Климента Смолятича, поручил ответить на него своему духовнику (ср.: [Голубинский 1904: 49]). Как бы то ни было, Фома, надо думать, написал свое послание от своего имени, а не от имени князя (хотя, вероятно, и с его ведома). Ср. слова Климента: “. . . сам са ѿбличаеши: егда к тобѣ что писах, нъ ни писах, ни писати имам” (Н 103; Л 13; П 132).

³⁷ Слово *воспоминаю* может восприниматься как отсылка к фразе *в чин воспоминаения приник* в начале послания к Фоме. Вместе с тем, как уже отмечалось, эта последняя фраза восходит к Эпистолии Льва Великого (см. выше, § II–2).

³⁸ Н. В. Поньрко не совсем точно трактует это выражение: с ее точки зрения, оно говорит о том, что Климент давно был знаком с князем Ростиславом (см.: [Поньрко 2014: 487]). За такой трактовкой стоит, видимо, предположение о том, что Климент Смолятич был родом из Смоленской земли, которое основывается на ложной этимологии имени *Смолятич*: как упоминалось выше, форма *Смолятич* не дает оснований для подобного предположения (см. § I–1).

Необходимо отметить, вместе с тем, что в письме князю Ростиславу Мстиславичу Климент упомянул Фому в каком-то полемическом или неблагоприятном для того контексте:

А еже сожалил еси, вже та есмь вмѣнилъ, а Б[о]гъ свѣдѣтел[ь], яко не искѣшаа твоего бл[а]гоумїа, но яко просто писавь (*Н* 104; *Л* 13; *П* 132).

Не исключено, что это упоминание в какой-то мере спровоцировало послание Фомы к Клименту. В любом случае не дошедшее до нас послание Фомы к Клименту не имело частного характера и не сводилось к личной обиде. Не случайно Климент счел необходимым огласить это послание перед князем Изяславом и другими свидетелями (см. выше, § II–3): оно явно имело общественную значимость, и его содержание, по-видимому, выходило за рамки тех конкретных вопросов, которые в нем затрагивались (и которые обсуждаются в ответе Климента).

Итак, Климент использовал аллегорические толкования Св. Писания как метод аргументации в письме к князю, а не к Фоме. Фома же, познакомившись с этим письмом, отвечает на него, возражая против этого метода. Вместе с тем, то обстоятельство, что Климент читал послание Фомы перед князем Изяславом Мстиславичем и “многими послухи”, заставляет думать, что этот ответ (послание Фомы) был санкционирован князем Ростиславом (ср.: [Понырко 1992: 97]). Климент, по всей вероятности, вынужден был ознакомить своего князя (Изяслава) с посланием Фомы, поскольку Ростислав и Изяслав были в очень близких отношениях: Ростислав, как известно, был не только братом, но и ближайшим союзником Изяслава.

Отказываясь отвечать сколько-нибудь подробно на частные — более или менее конкретные — обвинения, носящие личный характер, Климент Смолятич сосредоточивается на главном: на вопросе о интерпретации Священного Писания, на необходимости аллегорического его толкования:

Ътселѣ, любимиче, втвѣта да не сотворю ти, но на въпрос твое бл[а]-гоумїе понѣжаю. Нѣс[ть] ли лѣпо пытати по тонкѣ Б[о]ж[е]ств[е]ных Писанїй? (*Н* 105; *Л* 14; *П* 120).

И далее следуют многочисленные примеры иносказательных толкований. Сопровождая их полемическим комментарием и отвергая обвинения в тщеславии и философствовании, Климент настаивает на том, что сказанное в Писании необходимо понимать не в прямом (профанном), а в аллегорическом (таинственном) смысле: необходимо “по тонку” воспринимать сакральный текст, отвлекаясь от его буквального содержания и ища в нем скрытый смысл³⁹.

³⁹ Так, например, Климент цитирует притчи Соломона о богатстве (Притч 13:4–5) и восклицает: “Оуже[ли] и Соломон, сл[а]вы ища, тако пишет?”.

III. Киев и Смоленск

§ III–1. Исключительно важно для нашей темы, что оба послания Климентя направлены в Смоленск. То обстоятельство, что Фома называется в двух списках послания Климентя к Фоме “пресвитером Смоленским”⁴⁰, оказывается ключевым фактором, позволяющим не только определить, о каком князе идет речь, но и реконструировать общий контекст переписки⁴¹.

Мы знаем, что смоленский епископ Мануил был одним из двух епископов (вторым был Нифонт, епископ новгородский), которые с самого начала не признали поставления Климентя в митрополиты и отказались служить вместе с ним, поскольку тот был поставлен в митрополиты без санкции Константинополя (см. выше, § I–3).

Или он приводит другую притчу: “Премудрость созда себѣ храм и утверди седмь столпов” (Притч 9:5), спрашивая своего корреспондента: “А то, славы же ли ища, пишет [Соломон]?” (Н 105, Л 14, П 120). Климент поясняет, что все это надо понимать иносказательно: Премудрость — это Божество, храм — человечество: “аки во храм бо вселиса въ плвть, юж[е] прѣтъ ѡт пр[е]ч[и]стыа вл[а]д[ы]ч[и]ца наша Б[о]городи[ца] истинныи н[а]шъ Х[ри]сто[с] Б[о]гъ. А еже оутвердивъ 7 столпѡв, сирѣч 7 соборѡв с[в]а[т]ых и б[о]гоносных н[а]ших ѡт[е]цъ”. Таким образом, речь идет здесь о Церкви. Ср. также: “Аще ли почитаю <Л: почитати ж> бытииских книгъ б[о]говидца Мѡвсѣя: реч[е] бо Г[оспо]дъ Б[о]гъ: «Се быс[тъ] Адам, ѡко и мы и ѡко един ѡт нас, и нѣнѣ [sic! Л: нынѣ] да не простеръ рѣкѡ возмет ѡт дрѣва жизни» [Быт 3:22]. Ни ли того почитати тщеславѣа рад[и]? [т. е.: ‘И эти слова (Господа) читаются (имеется в виду: толкуются) из тщеславия?’]” (Н 105–106, Л 15, П 120); “Что ж[е] ми Зарож и Фаресѡм (Мф 1:3)! Но нуждѡса их оувѣдѣти прѣводнѣ [т. е.: иносказательно, не в буквальном смысле]. Егда тщеславѣе и тои ес[тъ]?” (Н 111, Л 19, П 122); “Или ѡже въ леоугитскихъ книгѡх ѡт[е]риганѣи [ср.: Лев 11:3] рѣчь <Л: рѣчь>. Еда и то оувѣдѣти тщеславѣе ес[тъ]?” (Н 121, Л 23, П 130); “Или на патое лѣто ѡт дрѣва ѡсти плѡд [Лев 19:25], а и то славитиса?” (Н 122, Л 24, П 130); “То ли, брате, славы ища, пишѡ? Повелику соблазниса еси! Ицѣляеть I[сх]с[т]с[у] славленаго, имѡща 30 и 8 лѣт, на Овчии купѣли, ѡж[е] имать патъ притворъ [Ин 5: 2–5]. Что ли 30 и 8 лѣт? И реч[е]ть ми <Л: ли> авва [Никита Ираклийский]: кѡпѣль — кр[е]щение ес[тъ], идѣ покѡпаса <Л: по кѡпѣли> овца Х[ри]сто[с] [. . .]; 30 лѣт ослаблены ес[тъ] всакъ иже въ Тр[ои]цю не вѣрѣеть; ѡсмъ же лѣт повѣсть ти Соломон, рекль: «Да же <Л: даждь> часть седми, таче и осмомѡ» [Ек 11:2]. Ища сего по тонкѡ, тщеславити ли са велиши, любимиче?” (Н 126, Л 26, П 134).

Слово *льча* в цитате из книги Левит (11:3) читается в толковом переводе Песни Песней. Во всех других славянских текстах книги Левит в этом стихе стоит другое слово — *жъваниѣ* или *пища*. См.: [Алексеев 1999: 73].

⁴⁰ В рукописях РНБ, ф. 536 (ОЛДП), № F.91, л. 196 об. и РНБ, ф. 536 (ОЛДП), № F.191, л. 32 об. См. выше, § II–1.

⁴¹ Значение этого обстоятельства ранее не было оценено по достоинству, поскольку прозвище *Смолятич* интерпретировалось как ‘смолянин’ (см. выше, § I–1, а также примеч. 38).

Киевская летопись после перечисления участников собора 1147 г., созванного для поставления Климента, сообщает:

Новгородский Нифонтъ, Смоленский Маноуиль рекоста: “не есть того в законѣ како ставити еп[и]с[ко]помъ митрополита безъ патриарха, но ставитъ патриархъ митрополита, а не поклонивъ ти са, ни слоуживъ с тобою, зане не взаль еси бл[а]г[о]с[ло]в[е]ннѣ оу с[в]а[т]ѣ Софѣ, ни ѡт патриарха . Аще ли са исправиши, бл[а]гословиши са ѡт патриарха, и тогда ти са поклонивъ” [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 341]⁴².

Климент на них “про то тажко с[е]рдце имѣа”, — отмечает летописец [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 341]. Нифонт в 1149 г. был заточен в Печерском монастыре⁴³, а Мануил, по-видимому, должен был прятаться от него в

⁴² При этом оба епископа ссылаются на распоряжение митрополита Михаила, покинувшего Киев в 1145 г., запрещающее им служить без митрополита: “Въ взала ѡт Михаила ѡт митрополита роукописание како не до стоить намъ безъ митрополита въ с[в]а[т]ѣ Софѣ слоужити” [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 341]. По правдоподобному предположению Пл. Соколова, в тексте первоначально стояло не “въ сватѣ Софѣ”, а “от сватѣ Софѣ”, т. е. исходный смысл этой фразы был таков: не достоин нам служить без митрополита, поставленного в константинопольском Софийском соборе [Соколов 1913: 75]. Местоимение *нам* — во множественном, а не в двойственном числе — позволяет предположить, что речь идет о всех епископах Киевской митрополии, а не только об этих двух. А. В. Поппе видит в этом запрете прямое указание на то, что “Михаил сложил с себя сан митрополита” и “напоминал об исконных правах Константинополя, чтобы избежать осложнений с назначением своего преемника” [Поппе 1996: 454–455].

Как Нифонт, так и Мануил были поставлены митрополитом Михаилом: Нифонт в 1130 г., Мануил в 1137 г. (на только что созданную смоленскую кафедру).

⁴³ Он был освобожден Юрием Долгоруким, занявшим Киев 26 августа 1149 г., и в 1150 г. вернулся в Новгород. Ср.: “Въ лѣто 6657 (= 1149 г.) иде архиепископъ новгородскыи Нифонтъ въ Русь, позванъ Изяславомъ и Климомъ митрополитомъ: ставиль бо его бѣше Изяслав съ епископы Русскыя области, не славъ Цесарюграду; а Нифонтъ тако мълвляше: «не достоинъ есть сталь, оже не благословенъ есть от великаго сбора [т. е. патриаршего синода], ни ставленъ»; а онъ [Климент] про то не бързо отрядивъ его, нъ посади ѥ въ Печерьстѣмъ монастыри [. . .] Въ лѣто 6658 (= 1150 г.) приде архиепископъ Нифонтъ ис Києва, пущень Гюргемъ княземъ; и ради быша людѣ Новѣгородѣ” [ПСРЛ 3 (2000): 28, 214–215].

Непонятно, зачем Изяслав и Климент позвали Нифонта в Киев — может быть, с целью увещевать его. Во всяком случае в уста Нифонта в Новгородской летописи вкладываются слова, которые в Киевской летописи приписываются Нифонту и Мануилу и относятся ко времени поставления Климента в митрополиты, т. е. к 1147 г.; выражение *не бързо отрядивъ* означает: ‘через некоторое время отправил’ (или: ‘оставил’, см.: [Срезневский, 2: стлб. 769]). Похоже, что в Новгородской летописи совмещены разновременные известия.

Смоленске: “Мануиль Смоленский еп[и]с[ко]пъ иже бѣ бѣгаль перед Климомъ”, — говорит о нем летопись [ивд.: стлб. 485]⁴⁴.

Летопись сообщает о грамотах, полученных Нифонтом от патриарха — видимо, речь идет о Николае IV Музалоне (1147–1151), — где давалась высокая оценка его поведению (“патриархъ [. . .] присла к нему грамоты, блажа ѿ, и причитаѿ к св[ѣ]т[ы]мъ” [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 484])⁴⁵; одно из посланий патриарха к Нифонту дошло до нас в составе Жития Нифонта [Кушелев-Безбородко, 4: 5; Макарий, 2: 581], однако подлинность этого документа вызывает сомнения (см.: [Роѿяков 1988: 287–299]). В 1148 г. Нифонт именуется архиепископом — по-видимому, он получает этот титул от патриарха как награду за непризнание Климента Смолятича (см.: [Успенский 1998: 276–279]).

О Мануиле, епископе Смоленском, мы знаем меньше, чем о Нифонте, однако он куда более важен для нашей темы — именно потому, что он возглавлял смоленскую епархию; очевидным образом он должен был быть связан с обоими адресатами посланий Климента Смолятича — как с князем Ростиславом Мстиславичем, так и с пресвитером Фомой.

§ III-2. Мы едва ли ошибемся, предположив, что не дошедшее до нас послание Климента князю Ростиславу Мстиславичу было связано с поставлением Климента и с непризнанием его смоленским епископом: Климент, надо думать, отстаивал свое положение и говорил о необходимости подчинения ему как киевскому митрополиту. В своей аргументации, как мы знаем из его переписки с Фомой, он пользовался методом аллегорического толкования Св. Писания. Реакцией на это и явилось

⁴⁴ По остроумной гипотезе С. Франклина, это выражение является переводом греческого семейного прозвища Мануила *ὁ Πρόδρομος*, букв. ‘Предтеча’ [FRANKLIN 1984: 44; ср.: Литвина, Успенский 2010: 57, 157] (предполагается, что Мануил был дядей поэта Феодора Продрома). Даже если эта догадка верна, в летописном тексте отразились отношения Мануила и Климента (и как будто то, что он должен был скрываться от Климента).

О том, что Мануил был греком, мы знаем из летописи: Мануил характеризуется в ней как скопец и певчий, который в свое время пришел из Греческой земли с другими двумя греками к князю Мстиславу [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 300].

⁴⁵ Можно было бы думать, что грамоты Николая Музалона были отправлены в 1149–1151 гг., после заточения Нифонта в Киево-Печерском монастыре (см.: [ПСРЛ 3 (2000): 28]), откуда он был освобожден Юрием Долгоруким, сторонником патриарха и противником как Изяслава, так и Климента Смолятича (см. выше, примеч. 43). Вместе с тем, если принять, что Нифонт получил титул архиепископа от патриарха — и если связывать грамоты патриарха с получением Нифонтом архиепископского титула — эти грамоты приходится датировать временем между второй пол. 1147 г. и второй пол. 1148 г. (см.: [Роѿяков 1988: 299, примеч. 20]).

послание Фомы: Фома, видимо, обсуждал не столько (или не только) канонические вопросы, возникающие в создавшейся ситуации, сколько правомерность такого рода аргументации. Вместе с тем, то обстоятельство, что Климент читал послание Фомы перед князем Изяславом Мстиславичем и “многими послухи” (см. выше, § II–3), заставляет думать, что этот ответ (послание Фомы) в какой-то мере касался его, Климента, статуса.

Если Изяслав Мстиславич, насколько мы знаем, всегда поддерживал Климента, то у Ростислава Мстиславича, его брата, по-видимому, были какие-то сомнения на его счет: будучи единодушны в вопросах внутренней политики (в клановой борьбе), братья могли расходиться в церковных вопросах. В своем отношении к Клименту Смолятичу Ростислав, возможно, был под определенным влиянием Мануила, епископа Смоленского. Мануил был первым епископом Смоленским; Смоленская епархия была образована по инициативе Ростислава в 1137 г., будучи выделена из переяславской⁴⁶. Подобно тому как Климент был ставленником Изяслава, Мануил был ставленником Ростислава. Князь Ростислав, судя по всему, поддерживал Мануила и, соответственно, не поддерживал Климента.

Мы можем до некоторой степени судить об отношении Ростислава Мстиславича к Клименту Смолятичу по более поздним фактам.

После смерти Изяслава Мстиславича (в ноябре 1154 г.), великим князем Киевским вскоре — в марте 1155 г. — становится Юрий Долгорукий, не признававший митрополита Климента⁴⁷. После этого из Константинополя в Киев отправляется новый митрополит, призванный сменить Климента Смолятича, — митрополит Константин I († 1159)⁴⁸. Константин приезжает в Киев весной или летом 1156 г., и его встречают два епископа — Мануил Смоленский и Косма Полоцкий [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 485]; Нифонт Новгородский, отправившийся на встречу нового

⁴⁶ В Переяславле княжил в это время Андрей Владимирович Добрый, брат и сторонник Юрия Владимировича Долгорукого; с обоими братьями за Переяславль боролись их племянники, Изяслав и Ростислав Мстиславичи. В связи с учреждением Смоленской епархии князь Ростислав написал уставную грамоту, а епископ Мануил — грамоту подтверждающую [Щапов 1976: 141–145].

Образование Смоленской епархии произошло, разумеется не без участия митрополита Михаила, который поставил Мануила в епископы в 1137 г.

⁴⁷ До этого власть в Киеве менялась. В частности, короткое время киевский стол занимал Ростислав Мстиславич, но он сидел в Киеве всего неделю [ПСРЛ 3 (2000): 216 (под 1154 г.)].

⁴⁸ Относительно времени поставления митрополита Константина см. выше (примеч. 6),

митрополита, скончался в Киеве 21 апреля 1156 г., еще до приезда Константина [Ивд.: стлб. 483; ПСРЛ 1/2 (1927): стлб. 347; ПСРЛ 3 (2000): 216]⁴⁹. Оказавшись в Киеве, митрополит Константин “испровергъши Климову службу и ставлениа”, запрещает в служении попов и дьяконов, поставленных митрополитом Климентом, и разрешает им служить после того, как они дадут письменное отречение от Климента (см. выше, § I–4); он благословляет Юрия Долгорукого и, напротив, “клянет” (прокликает, предает анафеме?) покойного князя Изяслава [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 485, 503] (см. ниже).

О судьбе Климента после смерти Изяслава Мстиславича мы почти ничего не знаем. Перед приездом нового митрополита Климент должен был покинуть Киев; по всей вероятности, он уехал во Владимир Волынский к Мстиславу Изяславичу, сыну Изяслава Мстиславича⁵⁰.

Так же как и Климент, Константин фактически не обладал властью над всей территорией Киевской митрополии: если власть Климента после поставления на киевскую кафедру распространялась только на южнорусские епархии, то власть Константина не распространялась, напротив, на некоторые южнорусские епархии — например, на Волынскую землю, где, видимо, нашел прибежище Климент и где, надо полагать, тот по-прежнему признавался как митрополит.

В 1157 г. скончался Юрий Долгорукий; 22 декабря 1158 г. Мстислав Изяславич, сын Изяслава Мстиславича, вместе с другими участниками похода вступает в Киев [ПСРЛ 1908, 2: стлб. 502, под 6667 г. по ультрамартовскому стилю], после чего весной 1159 г. зовет на киевский стол своего дядю, Ростислава Мстиславича⁵¹. Он хочет вернуть Климента Смолятича, однако против этого резко возражает Ростислав, заявивший:

Ѓже ма въ правду [т. е.: по справедливости, в соответствии с установленным порядком] зовете с любовию, то да всако иду Киеву на свою волю [т. е.: волею, самовластное правление], дако вы [*по др. списку*: вам] имѣти ма штц[е]мь собѣ въ правду и въ моемъ вы послушаньи ходити. А се вы даваю: “не хочу Клима оу митропольи видити [яко не] взаль бл[а]г[о]с[ло]в[е]нниа шт с[ва]тъа Софѣа и шт патриарха” [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 503].

⁴⁹ Относительно даты смерти Нифонта см.: [Бережков 1963: 157].

⁵⁰ Когда в июле 1149 г. Юрий Долгорукий временно занял Киев, Изяслав бежал в Владимир Волынский и “митрополита Клима поа съ собою” [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 383]. Ср. выше, § I–2.

⁵¹ Ростислав вступил в Киев 12 апреля 1159 г., на Пасху [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 504, под 6668 г. по ультрамартовскому стилю]. Суздальская летопись говорит, что Мстислав отдал Киев Ростиславу весной 1159 г. [ПСРЛ 1/2 (1927): стлб. 348].

Как видим, Ростислав Мстиславич говорит то, что ранее, согласно летописцу, говорили Мануил, епископ Смоленский и Нифонт, епископ Новгородский (см. выше, § I–4)⁵². Как предполагал еще Макарий (Булгаков), Ростислав мог действовать по внушению Мануила [МАКАРИЙ, 2: 293]⁵³; полагаем, что влияние Мануила и ранее могло определять отношение Ростислава к Клименту.

Мстислав, однако, настаивал на том, что митрополитом должен быть Климент Смолятич, поскольку Константин «клял» его отца [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 503]:

Мъстиславъ же крѣпко прашеса по Климѣ, река тако: “не будет Костантинъ въ митропольи, зане клал ми ѡт[ъ]ца” [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 503].

Слово *кляти* может означать либо ‘бранить, ругать’, либо ‘проклинать, отлучать от церкви’; в последнем случае речь должна идти о посмертной анафеме⁵⁴.

Последовали ожесточенные споры, “Ростиславу Клима не хоташу митрополитомъ, а Мъстиславу Костантина не хоташу”. В конце концов было решено, чтобы на митрополичьем столе не был ни тот, ни другой и “инога митрополита привести исъ Ц[еса]рагорода”:

И тако ѡтложиста ѡба ѡко не сѣсти има на столѣ митрополитьстемъ, и на том цѣловаста хр[е]стъ ѡко инога митрополита привести им[а] исъ Ц[еса]рагорода [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 503–504]⁵⁵.

В результате в Киев в августе 1160 г. приезжает митрополит Феодор († 1162 г.), поставленный в Константинополе по ходатайству Ростислава Мстиславича как великого князя Киевского [ПСРЛ 1/2 (1927): стлб. 514–515, под 6669 г. ультрамартовского стиля; ср.: Бережков 1963: 175–176]. Константин же еще раньше, после того как Киев оказался в руках

⁵² Ранее в Киевской летописи те же слова вложены в уста Нифонту, “егоже Климиъ понуживаше служити съ собою, ѡн же ему тако молвашеть: «Нѣси приималъ бл[а]гословениа ѡт с[ва]тѣи Софѣѣ и ѡт с[ва]т[а]го великаго сбора и ѡт патриарха, тѣм же не могу с тобою служити, ни въспоминати тебе въ с[ва]тѣи службѣ, но поминаю патриарха»” [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 484]. В Новгородской летописи эти слова Нифонт произносит, придя в Киев в 1149 г. (см. выше, примеч. 43).

⁵³ Возражения Голубинского [1/1: 313, примеч. 1] не кажутся основательными.

⁵⁴ О практике анафематствования умерших после смерти см. вообще: [Никольский 1879: 243 сл.] Именно так, например, был предан анафеме в 1606 г. Григорий Отрепьев.

⁵⁵ Отметим выражение: “не сѣсти има на столѣ митрополитьстем”. Оно означает, видимо: ‘не быть настолованным действующим митрополитом’.

Мстислава Изяславича, был вынужден бежать в Чернигов, где и скончался в 1159 г. [ПСРЛ 1/2 (1927): стлб. 349]⁵⁶.

Как видим, отношение Ростислава Мстиславича к Клименту Смолятичу в 1159 г. было определенно негативным.

Тем не менее, после смерти митрополита Феодора (летом 1162 г.)⁵⁷ Ростислав Мстиславич отправил посольство в Константинополь с просьбой признать Климента митрополитом; однако к этому времени уже был назначен новый митрополит, Иоанн IV (1163/1164–1166/1167).

Ростислав Мстиславич не сразу согласился принять нового митрополита, поскольку у него был свой кандидат, Климент, но затем уступил. Киевская летопись сообщает под 1163/1164 г. (6672 г. по ультрамартовскому стилю):

Приде митрополить Иванъ в Русь, и не хотѣ его Ростислав приати, за неже втрадилъ баше Ростиславъ Гюряту Семковича к ц[е]са[r]п[е]ви хотя вправити Клима въ митрополью [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 522; ср.: Бережков 1963: 176]⁵⁸.

Это последнее упоминание о Клименте Смолятиче в исторических источниках. Дальнейшая его судьба остается неизвестной.

Позиция князя Ростислава в целом выглядит достаточно последовательной: в соответствии с каноническими правилами он признает лишь митрополита, поставленного с санкции патриарха. Поэтому он настаивает на том, чтобы поставление Климента было санкционировано патриархом (князь же Изяслав на этом, похоже, не настаивал).

IV. Послание Ростиславу Мстиславичу

§IV–1. О чем же писал Климент Смолятич князю Ростиславу? Мы можем попытаться это понять, исходя из его послания к Фоме, пресвитеру

⁵⁶ Весной 1159 г., когда состоялись переговоры Мстислава Изяславича и Ростислава Мстиславича, Константин был еще жив.

⁵⁷ Киевская летопись сообщает о смерти митрополита Феодора под 6671 ультрамартовским годом [ПСРЛ 2 (1908): стлб. 522]. О проблемах, возникающих при интерпретации этого сообщения, см.: [Бережков 1963: 176, ср.: 334, примеч. 110; Карпов 2016: 408].

⁵⁸ Слово *оправити*, возможно, имеет то же значение, что *исправити* в словах Нифонта Новгородского и Мануила Смоленского, которые мы цитировали выше (см. § I–4): “Аще ли са исправиши бл[а]гословишиса от патриарха. . .” — речь идет, видимо, о легимитизации положения Климента Смолятича.

Гюрят Семкович — посол киевского князя (Ростислава Мстиславича), отправленный в Константинополь, для того чтобы Климент Смолятич получил благословение на митрополию.

смоленскому. Что-то сказано здесь прямо (так, мы точно знаем, что в послании Климента Ростиславу был упомянут Фома, которому Климент что-то “вменил”, см. § II–4), о чем-то приходится догадываться.

Так, например, Фома в своем послании ссылался на своего учителя Григория, ученого книжника, которого Климент знал и даже готов называть святым⁵⁹.

Вот что пишет Климент в начале послания к Фоме, по-видимому, не подвергнутому редактуре Афанасия:

А еже <Л: аже> сожалил <Л: съжалалъ> еси, вже та есмь вмѣнилъ, а Б[о]гъ <Л: Богъ ми> свѣдѣтел[ь], ѡко не искѣшаа твоего <Л: того> бл[а]гоуоумїа, но ѡко просто писавь. Да аще того не могль еси разѣмѣти, то всѣе приводиши на ма оугчителеи <sic! Л: учителя> своего Григорѡ. Реч[е]ши бо: “Оу Григорѡ бесѣдовал есмь ѡ сп[а]сенїи д[ѣ]шевнѣмъ”. А еда <Л: егда> коли порекох ли оукорих Григорѡ? Но еще исповѣдаю, ѡко не токмо праведенъ, но и пр[е]п[о]доб[е]нъ, нъ аще дерзо реши, с[ва]тъ есть. Но обаче того аще <Л: еще> не оучиль та, то не вѣдѣ, ѡткѣдѣ хошеши порѣчившаас[а] тебѣ д[ѣ]ша рѣководити, Григорю бо и тебѣ того не вѣдати (Н 104, л 13–14, л 118)⁶⁰.

Этот пассаж следует непосредственно за текстом, который мы уже приводили выше (см. § II–4), — текстом, где говорится о послании Климента князю (Ростиславу):

Егда к тобѣ что писах, нъ ни писах, ни писати имам [. . .] Аще и писах, но не к тебѣ, но ко кн[язю]. . .

Судя по всему, цитированный выше пассаж (слова о Григории) относится именно к этому посланию — к письму Климента князю Ростиславу, которое стало известно Фоме и которое спровоцировало его (Фомы) ответ Клименту.

⁵⁹ Ко времени написания послания к Фоме Григория, по-видимому, уже не было в живых: Климент говорит о нем в прошедшем времени.

⁶⁰ Перевод: “А что ты осерчал, что я тебя приписал (обвинил), то видит Бог, что я писал просто (без умысления), не искушая твоего благого ума. И если ты не смог этого понять, напрасно ссылаешься на своего учителя Григория. Говоришь: «С Григорием беседовал я о спасении душевном». Да разве я упомянул или укорил Григория? Я считаю, что он не только праведен, но и преподобен, и, осмелюсь сказать, свят. Но если он не учил тебя (тому), то не знаю, как ты можешь руководить порученными тебе душами, раз ни Григорию, ни тебе это неведомо”.

Отметим противопоставленность слов *преподобный* и *святой* (ср. *преподобие* ‘добродетель’, *преподобный* ‘добродетельный’ [СРЕЗНЕВСКИЙ, 2: стлб. 1681]).

Итак, Климент в письме князю Ростиславу в чем-то упрекнул Фому — или тем или иным образом упомянул его в полемическом контексте, — но написал это “просто”, без умысла, никак не искушая “благоумие” Фомы (см. выше, § II–4). Фома, однако, этого не понял — или же не захотел понять — и обсуждал в этой связи со своим учителем Григорием тему душевного спасения. Но если Григорий не смог тебе этого объяснить, не знаю, — говорит Климент, — как ты можешь руководить порученными тебе душами, раз ни тебе, Фоме, ни Григорию это неведомо.

Как видим, под душевным спасением имеется в виду не сотериология в широком смысле, но конкретно душепастырская работа — руководство священнослужителем порученными ему душами (которое предназначено для их спасения). Речь идет о пастырских (в случае Фомы) или архиерейских (в случае Климента) обязанностях.

В чем-то взгляды Григория (и, соответственно, Фомы) и Климента на душевное спасение не совпадали? В чем же именно? Не связано ли это каким-то образом с отказом Мануила, их епископа, подчиниться Клименту?

Мысль Климента, возможно, следующая: нет спасения вне Церкви, которую представляет первоиерарх (в данном случае — митрополит). Если ты не подчиняешься митрополиту, как ты можешь руководить порученными тебе душами, заботясь о их спасении?

О Григории, наставнике Фомы, Климент вспоминает затем в связи с проблемой иносказательного толкования Священного Писания. Он еще раз подчеркивает, что не стыдится его назвать святым. Он упоминает его знание греческого, подчеркивая, впрочем, что уровень его образованности является вполне обычным, но не выдающимся. Ср.:

Поминаю же паки реч[e]наго тобою оучителя Григоріа, егоже и <Л: нет> с[ва]та рекъ <Л: рекль>, не стьжюса. Но не сѣда его хошѣ рещи, но истиньствѣа: Григорей зналъ алфу, іакоже и ты, и витѣ, под[о]бно и <Л: нет> всю 20 и 4 словесь грамотѣ. А слышиши ты <Л: нет> ю <Л: нет> оу мене мѣжи, имже есмь самовидецъ, иже может единѣ рещи алфу, не рекѣ на сто или двѣстѣ или триста или 4ста, а витѣ також[e] (Н 126–127; Л 26; П 135).

Речь идет о схедеографии (*σχεδογραφία* от *σχέδος* ‘упражнение’ и *γράφω* ‘пишу’) ⁶¹ — составной части византийского образования, высшем курсе

⁶¹ Ср. другие переводы слова *σχέδος* как компонента слова *σχεδογραφία*: ‘грамматический разбор слова’ [Голубинский 1904: 50–51], ‘sketch, improvisation’ [АГАРИТОС 2013: 89], ‘note, composition’ [КАЗНДАН 1991]. Это слово производят от *σχίζω* ‘раздираю, расщепляю, разлагаю’; в соответствии с этой этимологией *σχέδος* могло бы переводиться как ‘анализ’.

греческой грамотности, предполагающем заучивание наизусть текстов (примеров) на каждую букву алфавита (см.: [Голубинский 1904; Гранстрем 1970: 24; Литвина, Успенский 2010: 58]⁶². Ср. сходный фрагмент в компилятивном сборнике сер. XVI в. — в толковании с именем Климента Смолятича (“А се толк Климента митрополита”, см. выше, § II–1):

Кто может оувѣдати альфѣ силѣ или выты [род. пад. от *vita*] разгаданіа на три ста или на четыре без Божіа дарованіа. Но поз'наите се иже самъ Г[оспод]ь рече: “Без' мене бо не оумѣете ни можете что твѣрити”. Не плвт'нымъ то ѣмомъ разоумѣти мощ'но но д[ѣ]хв'нымъ (РГАДА, ф. 381 (МГАМИД), № 478/958, л. 379 об.; см.: [Вершинин 2017: 23])⁶³.

Похоже вообще, что Климент относится к Григорию с некоторым скепсисом, возлагая на него ответственность за невежество Фомы. Ср. в конце послания к Фоме:

Повеликѣ, брате, дивлюса, аще тако оулѣчилъ <Л: ѣчилъ> та Григорь, аще бо ѡ всемъ томъ не дал ти выникнѣти <Л: выкнѣти>. Ѡт <Л: то> дивлюса! (Н 136; Л 31; П 140).

§ IV–2. В другом месте Климент Смолятич прямо цитирует свое послание к князю (см. выше, § II–4):

Но ѡ писаніи моемъ воспоминаю, иже къ кн[а]зю твоємѣ, к моемѣ же напѣснѣ г[осподи]нѣ.

Эта фраза в принципе может относиться к предыдущему либо последующему тексту, но, судя по контексту, относится к тексту последующему (который вводится союзом *понеже*). Далее следует отсылка к книге Притчей (30:15), где говорится о пиавице как образе ненасытности, и при этом поясняется, что речь идет о стремлении к власти и славе, которое присуще не только светским людям, но и монахам. Несомненно, Климент говорит о себе.

Поставление Климента Смолятича в митрополиты, очевидно, наводило на подозрения такого рода, и Клименту приходилось отвечать

⁶² Ср. схедеографический лексикон XII в., состоящий из стихов, расположенных в алфавитном порядке (*Λεξικὸν σχεδογραφικόν*, см. изд.: [Boissonade 1832: 366–412; ср. также: Rovins 1993: 146–147]). Нечто подобное, несомненно, и имел в виду Климент Смолятич. Схедеография относилась к школьному образованию: ей обучались дети 10–12 лет (см.: [Agaritos 2013: 61–62]).

⁶³ Написание *выты*, вместо *виты* (греч. βῆτα), может указывать на южно-русское происхождение протографа данного фрагмента.

на подобные обвинения. Об этом он и писал, по-видимому, князю Ростиславу, признавая, что он боролся с этими искушениями, которые, как он говорит, являются вообще естественным следствием человеческой природы. В этой связи Климент в очередной раз защищает аллегорический метод толкования, отвечая на упрек Фомы, что он, Климент, пишет философией (см. выше, § II–3).

Приведем полностью весь этот пассаж:

Но в писаніи моем воспоминаю, иже къ кн[а]зю твоєм⁸, к моем⁸ же на-
прѣсн⁸ г[осподи]н⁸. Понеж[е] <И: е; Г: есть> и <И, Г: нет> **пїавица оноа не**
<Л: нет> **оустрегохса** (Притч 30:15). **Пїавицю оубо гл[агол]еть Пи-**
саніе и власть и славѣ, ѡкож[е] не ток'мо егвптанѡм, но и ер[о]-
с[а]лимланом послѣдзет <И: вѣслѣдоуежъ> **добро** <Л, И: и до гроба>*. **А**
егвптане <Л, И: нет> **свт[ь] мирьстїи, иер[о]с[а]лимлане ж[е] мниси.**
Славы иж[е] <Л: же> **и сласти** <Л, И, Г: власти> **не токмо мирьстїи** <И, Г:
мирьстїи ѣдини> **желаютъ, но и мниси** <И, Г: чьрньци>, **елж[е]** <Г: еюже>
хотѣніе комѣждо нас послѣдзетъ и <Л: нет> **до гроба. Аще бо и кто**
нас во глѣбокѣ старость доидеть <И, Г: доидемъ>, **то и тѣ никакого** <И,
Г: никако> **ж[е] славолубїа** <Л: словолюбїа; Г: славою люба> **остатис[а]** <Г:
встати> **не может** <И: можемъ; Г: можемса>. **Ибо и** <Л: идїи къ> **диктаторѣ**
моемѡу <sic! Л, И, Г: моему> **втнемогшѣ чювьственными и вещественны-**
ми <И, Г: безвеществьны(ми)> **расбойники иерихонска прехода еж[е]**
вт Ер[о]с[а]лима (ср.: Лк 10:30). **И диктаторѣ оумъ сказаетса, тѣм-**
же гл[агол]ет: “и оубо <Л: оубо и; И, Г: ибо и> **оумѣ моемѣ втнемогшѣ**
<Г: втнемогшю са>”; **чювьственни же** <И, Г: чювьствьныѣ же рекше види-
мыѣ> и безвещественна расбойники гл[агол]ет бѣсы; Ерихон же
мирь сказетса. Се бо и <Л, Г: нет> **въ Еуа[н]г[е]лїи оуказает** <Л, И:
оуказа; Г: рече> **Г[оспод]ь н[а]шь І[св]с Х[ристо]с, гл[агол]а: “Ч[е]л[о-]**
вѣ]къ схожааше вт Иер[о]с[а]лима на Ерихонъ и в расбойники
<Г: разбой> **впаде, и съвлекше ѡ** <Г: нет>, **ѡзвы возложиша на нь”**
(Лк 10:30). **Едемъ оубо Иер[о]с[а]лима сказаетса** <И, Г: гл[аголе]тъса>.
Иерихон же миръ, ч[е]л[о]вѣ]къ же исходаи <И, Г: исходаи> **Адамъ,**
расбойници ж[е] <Л: иже> **бѣси, прелщенїем бо тѣхъ боготканна**
одежда обнажиса <Л: обнаже ѡ; Г: вбнажиша>, **раны же гл[агол]ет**
грѣхи*.**

Что <Л: цсо> философ[і]ю писах, не свѣмъ! Х[ристо]с рекль с[ва]-
тымъ оуч[е]н[и]ком и ап[о]с[то]ломъ: “Вамъ ес[ть] дано вѣдати тайны
ц[е]сарствїа <Л: ц[е]сарства>, а прочимъ въ притчахъ” (Мф 13:11, Лк 8:10, ср.:
Мк 4:10). То ли, любимиче, философ[і]а, еюже славы ищѣ вт ч[е]л[о]вѣ]къ
къ? (Н 123–124, Л 24–25, П 132, И 161–162, Г 161–162)⁶⁴.

⁶⁴ Перевод: “Но вспоминаю о своем писании ко князю твоему, а моему на веки господину: Ибо «и пивавицы той я не уберегся». Пивавицей называет

Примечания к тексту:

* Эта фраза есть только в послании Климента Фоме (Н, Л). Она не читается в Изборнике и в “Словесах избранных. . .” (И, Г), см. ниже. После этой фразы текст послания дословно совпадает с этими двумя источниками (и мы приводим соответствующие различия).

** В “Словесах избранных. . .” (Г) отсутствует конец фразы: “ѡкож[е] не ток'мо егѡптанѡм, но и ер[о]с[а]лимланом послѣдѣет <И: вьслѣдоукъ> добро <Л, И: и до гроба>”.

*** Здесь заканчиваются совпадения послания Климента к Фоме с Изборником и со “Словесами избранными. . .”.

Необходимо отметить, что цитированный пассаж, за исключением обращения к Фоме в начале и в конце — а именно весь текст от слов “пѡвица оноа не оустрегохса. . .” до слов “. . . раны же глаголет грѣхи” (мы выделили этот текст, отметив его полужирным шрифтом), — находит дословное соответствие как в Толстовском изборнике нач. XIII в. (РНБ, Q.п.1.18, л. 161–162; см. изд.: [Вагнѡвска 1987: 161–162]), так и в “Словесах избранных. . .”, приписываемых Григорию Богослову (РГБ, ф. 304.1 (Тр.-Серг.), № 122, л. 155, см. изд.: [Никольский 1892: 161–162]); различия с текстом послания Климента показаны сиглами И и Г. Как видно из представленного материала, Изборник и “Словеса избранные. . .” практически совпадают друг с другом в этом месте; по-видимому,

Писание властолюбие и славолюбие, которые не только египтян, но и иерусалимлян преследуют до гроба. Египтяне — это миряне, иерусалимляне же — монахи. Славы же и власти не только миряне желают, но и монахи; желание это преследует каждого из нас до самого гроба; даже если кто из нас достигнет глубокой старости, то и тогда не может избежать славолюбия. Ибо и диктатор мой изнемог от чувственных и духовных (бесплотных, невещественных) разбойников на пути из Иерусалима в Иерихон. Диктатором ум называется, так что здесь сказано: «И ум мой изнемог»; чувственными же, то есть видимыми, и духовными (бесплотными, невещественными) разбойниками называются бесы; Иерихоном же называется мир. На это в Евангелии указывает Господь наш Иисус Христос, говоря: «Человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, и, раздевши его, изранили его». Иерусалимом называется Эдем, Иерихоном же — мир, исходящий же человек — Адам, разбойники же — бесы, ибо их прельщением обнажился он от боготканной одежды, ранами же именуется грехи.

Что я по-философски писал, не пойму! Христос сказал апостолам, святым ученикам: «Вам дано знать тайны царствия Божьего, а остальным — в притчах». Это ли, любимый, философия, с помощью которой я славы ишу пред людьми?».

Латинизм *диктатор* заимствован не непосредственно из латыни, а из греческого. Слово *δικτάτωρ* встречается в патристической литературе. См.: [Du Sange 1688, 1: 310–311] (со ссылкой на схолию к Григорию Богослову).

Климент Смолятич пользовался славянским протографом обоих сочинений (см. аргументы: [Никольский 1892: 46 сл.]; ср. другую точку зрения: [Понырко 1992: 98 сл.])⁶⁵.

Итак, перед нами цитата из какого-то вопросо-ответного сочинения. Эта цитата как-то связана с не дошедшим до нас посланием Климента Смолятича князю Ростиславу Мстиславичу — но как именно? Должны ли мы думать, что Климент вставил эту цитату (цитируемый текст) в свое послание князю, предполагая, может быть, что князю известен ее источник? Или — другая возможность — Климент написал что-то князю, а в письме Фоме, ученому книжнику, выразил то же содержание ученым образом? В первом случае предполагается двойное цитирование: в письме Фоме Климент вставляет цитату из послания князю, которая, в свою очередь, представляет собой цитату из протографа Толстовского сборника и “Словес избранных. . .”. Во втором случае перед нами прямая цитата из этого источника. Как бы то ни было, содержание данного текста вполне понятно: Климент говорит здесь об искушении славой и властью.

И в начале послания к Фоме, говоря непосредственно от своего лица (а не цитируя другой какой-то текст), Климент ассоциирует славу с богатством и властью⁶⁶:

Но чюдо реч[е]ши мнѣ: “Славишис[а]”. Да скажу ти сѣщих славы хотащих: иже прилагают домъ к домѣ, и села к селомъ (Ис 5:8), изгой же и сабры, и бърти, и пожни, лада же, и старины, wt них же wкаанныи Климы

⁶⁵ Это отнюдь не единственная цитата из того, что можно было бы назвать протографом обоих названных сочинений. См. перечень соответствий между Посланием Климента Смолятича и Толстовским сборником: [Никольский 1892: 56].

К числу таких соответствий относится, между прочим, и цитата из толкований Никиты Ираклийского на слова Григория Богослова. Климент дважды ссылается на Никиту Ираклийского (см.: [Понырко 2008: 135]); одна из этих цитат находит соответствие в Сборнике [Никольский 1892: 125–126]. Н. В. Понырко предположила, что Климент Смолятич перевел толкования Никиты Ираклийского (см.: [Понырко 2008]). Это мнение было оспорено А. М. Бруни, указавшего, что цитаты в послании Климента существенно отличаются от древнейшего перевода толкований Никиты (см.: [Понырко 2008; Бруни 2013]). По-видимому, фрагменты из сочинений Никиты Ираклийского, которые цитирует Климент, находились в составе какого-то компилятивного вопросо-ответного сочинения и были переведены на славянский язык в составе этого сочинения.

⁶⁶ Ср., вместе с тем, противопоставление *чести* и *славы* в “Слове о полку Игореве” (“ищуце себе чти, а князю славу” [Слово 1950: 12–13]), где *честь*, в отличие от *славы*, понимается, видимо, как вознаграждение, т. е. ассоциируется с материальными ценностями (см.: [Успенский 2010: 234, примеч. 11]).

sъльw свободен. Нъ за дома, и села, и борти, и пожни, сабрь же и изгой — землж 4 лакти, идъже грѡб копати, емѡ же грѡбѡ самовидци мнози. Да аще грѡб свои вижу по вса дни седмь крѡты, не вѣмь, ѡткъдѡ славити ми са. Не бо ми, реч[е] <Л: нет>, мощно иногѡ пѣти имѣти до ц[е]ркви, кромѣ грѡба <Л: хлѣба>. Аще похотѣль бых славы, по великѡ Златоузычникѡ <Л: Златословесникѡ>, то не чюд[о]: мнози богатство прѣзрѣша, славы же ни единъ*. А первое искаль бых власти по своеи силѣ. Но съвѣдьи с[е]рдца и вбистья <Л: бытъа>**, Тъ единъ съвѣсть, но <Л: нет> елико молихса, да бых избавилса власти. Паки ли по Егѡ смотренію, а слѣдити ми са <Л: са то>, сѡпротивити ми са Ему нѣсть лѣпо (Н 104–105, Л 14, П 118, 120)⁶⁷.

Примечания к тексту:

* Приписываемая здесь Златоусту фраза соответствует греческой поговорке Πολλοὶ τὸν πλοῦτον ἐμίσησαν τὴν δόξαν οὐδεὶς [Вершинин 2017: 25].

** Выражение “съвѣдьи с[е]рдца и вбистья” представляет собой цитату. См. толковый Апостол 1220 г. (ГИМ, Син. 7, л. 19), толкование на (Рим 2:29): “нъ испытана сердца обистик и оутробы (καρδίας καὶ νεφροῦς)” [Горский, Невоструев 1857: 152; Воскресенский 1879: 67; Срезневский, 2: 510]. Ср. также: “Азь Г[оспод]ь испытала с[е]рдце ѿ искѡшааи оутробы” (Иер 17:10), “Азь емь испытанаи с[е]рдца и оутробы” (Откр 2:23); цит. по Острожской Библии 1581 г. (лл. 101 об., 61 об. соответствующих книг этого издания). — В другом месте послания к Фоме Климент говорит: “испытает бо [Бог] с[е]рдца и оутробы” (Н 109, Л 17, П 130).

Итак, в послании Фоме Климент говорит об искушении властью. Об этом же он писал, насколько можно понять, и князю Ростиславу.

⁶⁷ Перевод: “Чудно ты говоришь мне: «Славишься». Скажу тебе, кто хочет славы: те, кто, кто присовокупляет дом к дому, села к селам, умножает холопов и крестьян, борти, пожни, поля и владения. От всего этого окаянный Клим совсем избавлен. Вместо домов, сел, бортей, пожен, крестьян и холопов — только земля в 4 локтя, чтобы ископать гроб (могилу), который многие видели. И если вижу свой гроб по семи раз на день, не знаю, где тут мне славиться. Ведь, как сказано, нет другого пути к церкви, кроме гроба [имеется в виду, видимо, аскетическая практика, отказ от земных благ как средство очищения души]. Если бы я захотел славы, это, по словам великого Златоуста, не было бы удивительно: «Многие пренебрегали богатством, славой же — никто». И прежде всего искал бы власти соразмерно со своими возможностями. Но Тот, Кто ведает сердце и естество человека, Тот один только знает, сколько я молился, чтобы избавиться от власти. Если же, по Егѡ изволенію, этому (суждено) со мной случиться, сопротивляться Ему мне не подобает”.

О союзе *пакы ли а* см.: [Срезневский, 2: 867; СЛРЯ XI–XVII вв., 14: 127]. О словах *изгой* ‘крестьяне’, *лада* ‘terra inculta’ см.: [Никольский 1892: 79].

§ IV–3. Еще одним местом, которое, может быть, имеет отношение к нашей теме, является следующее:

Ч[е]л[овѣ]къ [. . .] почтен Б[о]гомъ, вещью пещь <Л: вѣщъ> учищает. Да аще мы оубо тварь сѣще Б[о]жїа, ѡт Него сотвореную тварїю дѣйствуемъ, ѡкѡ ж[е] хотимъ, то, что ны ес[ть], возлюбленїи, пач[е] напаче <Л: ина паче> помышлати о Б[о]сѣ, Егѡж[е] совѣта и прем[ѣ]дрости н[а]шь оумъ ни хѣдѣ достигнѣти не можеть, — не токмо ж[е] н[а]шь оумъ, но и ти с[в]а[тїи] анг[е]ли и арханг[е]ли и вса чиноначалїа. То нѣс[ть] ли Емѣ лѣпо дѣйствовати ѡт Него сѣтворе[н]о ж тварїю, ѡкѡже хочеть оуправлати великоимениты свои корабль. Смотренїю же Егѡ нѣс[ть] ны са лѣпо сѣпротивити, токмо славити и бл[а]годарити, ѡкѡж[е] приахѡм законнаа и бл[а]г[о]д[а]тънаа с[в]а[т]ых писанїи ѡт о б щ е г о в л [а] д [ы] кы, Г[о]спод[а] н[а]шег[о] Ис[х]р[и]ст[а], сп[а]са и правителя н[а]ших д[ѣ]л[ъ], ѡт с[в]а[т]ых и б[о]ж[е]ственных Егѡ ап[о]стол[ъ], по дарѣ и бл[а]г[о]д[а]ти и силѣ Д[ѣ]ха. Да держимса оубо, возлюбленїи, за тѣс[я] предлежащю надежду, не оукланяющес[я] ни на шѡ, ни на десно, да не в самое то дно падемса <Л: нет> пагѣббы впадемса, но ко ц[е]рковнымъ истиннымъ и честнымъ с[в]а[т]ителемъ г[р]а[д]ш[е], и тако дойдемъ вышнїи свѣтлости въ приходашемъ ц[е]рствїи г[о]спод[а] н[а]шег[о] Ис[х]р[и]ст[а]. . . (Н 134–135, Л 30–31, П 134)⁶⁸.

Речь идет, насколько можно понять, о Церкви (корабле, которым управляет Бог через свои творения), и о об апостольской преемственности: святители (епископы) восприняли закон и благодать от “общего владыки”, Иисуса Христа, через его апостолов. Христос именуется “правителем наших душ”, что заставляет вспомнить то, что говорит Климент об обретении “душевного спасения” (см. выше, § IV–1)⁶⁹. Ассоциация

⁶⁸ Перевод: “Человек, будучи почтен Богом, вещью вещь очищает. Коль мы творение Божие и действуем, как хотим, Им же сотворенным творением, надлежит нам, возлюбленные, все более и более помышлять о Боге, замысел и премудрость Которого не только мы ни мало постигнуть не можем, но (не могут) и святые ангелы, и архангелы, и все ангельские чины. Не подобает ли Ему действовать, как Он хочет, Им же Самим сотворенным творением, чтобы управлять великославным Своим кораблем? Нам же не подобает промыслу Божию противиться, (но) только славить и благодарить, поскольку мы приняли закон и благодать от общего владыки, Господа нашего Иисуса Христа, спасителя и правителя душ наших, от святых и божественных Его апостолов, по дару, и благодати, и силе (Святого) Духа. Будем же держаться, возлюбленные, за поданную нам надежду, не уклоняясь ни влево, ни вправо, чтобы не свергнуться на дно пагубы, но, устремляясь к истинным и достойным святителям, достигнем высшей светлости в грядущем царстве Иисуса Христа. . .”

⁶⁹ Ср. тот же образ в Житии Авраамия Смоленского (в цитате из Повести от отца духовного к сыну духовному): “Корабль есмы мы, кормникъ же

Церкви с очищением отвечает старославянскому наименованию священника — *чиститель*, ср. *великѣи чиститель* как обозначение архиерея [Соболевский 1910: 121–123; Алексеев 1999: 73; SJS, 4: 871].

Обращает на себя внимание слово *возлюбленїи* — во множественном числе. Оно свидетельствует о том, что этот текст не может быть обращен к Фоме и, следовательно, едва ли может принадлежать посланию к Фоме. Не может ли это быть цитатой из послания Климента к князю Ростиславу? Может быть, Климент обращался не только к князю, но и к отколовшейся от него пастве (подданным смоленского князя)? Разумеется, это не более чем гипотеза⁷⁰.

* * *

Подведем итоги нашему анализу. Они сводятся к следующим тезисам.

I. После поставления в митрополиты Климент Смолятич написал послание в Смоленск князю Ростиславу Мстиславичу. Это послание было связано с тем, что смоленский епископ Мануил отказался признать Климента. В послании Климент, по-видимому, оправдывал свое поставление и призывал к подчинению, апеллируя к Священному Писанию и сопровождая его аллегорическими толкованиями.

II. Этот метод аргументации вызвал протест смоленского священника Фомы, которого митрополит Климент упомянул — в полемическом контексте — в письме к князю Ростиславу. Послание Фомы Клименту, в сущности, является ответом на послание Климента князю Ростиславу Мстиславичу.

III. Очевидно, что князь Ростислав, получив послание Климента, познакомил с ним представителей церкви. Возможно, Фома был княжеским духовником. В любом случае, наставления, полученные от протого священника, должны были показаться Клименту оскорбительными (ср. его реплику: “Аще и писах, но не к тебѣ, но ко князю. . .”, § II–4).

Богъ, всего мира направляя и спасая своими присными рабы, реку же про-
роки и апостолы, святителя и вся оучителя Божїа. . .” [Розанов 1912: 14].

⁷⁰ Обращение “возлюбленїи” содержится еще в одном месте послания к Фоме: “расмотри ны ес[ть] лѣпо возлюбленїи и раз[с]мѣ[ти]. Виж бо, іако ж[е] <Л: нет> се ѡгнь о каменїа исѣкаем, и ѡт дрѣва исхода иже составлем естѣ и сѣгнѣшаемъ челоѡчѣьскими, вещественными рѣками. Егда же силѣ из горѣнїа примет ѡгнь, смотри како ти ч[е]л[овѣ]чьскими хытростыми чистѣйшаа вещь влагаема въ нь ѡчищаеца. . .” (Н 109–110; Л 17; П 134). Перевод: “Смотри, как огонь высекается из камня и, исходя из дерева, возникает и возжигается; когда же разгорится, смотри, как человеческой хитростью самая чистая вещь, положенная в огонь, очищается. . .”. Ср.: “Б[о]гъ бо ѡгнь поадаа (Втор 4:24; Евр 12:29) и ѡчищаа грѣхы” (Н 108; Л 16; П 128).

IV. С точки зрения Фомы, аргументация Климента является ничем иным, как “философией”, т. е. чисто умозрительными рассуждениями, не имеющими отношения к существу дела. Послание Климента к Фоме — дошедшее до нас, — собственно говоря, и посвящено обоснованию правомерности такого подхода (т. е. аллегорического толкования как метода аргументации).

V. Таким образом, послание Климента князю Ростиславу и послание Фомы Клименту, строго говоря, посвящены разным сюжетам, хотя и вызвано одним и тем же событием — поставлением Климента в митрополиты.

VI. Послание Фомы было написано, надо полагать, с ведома — и, может быть, по прямому приказу — князя Ростислава (это особенно вероятно, если Фома был княжеским духовником). Именно поэтому, по видимому, Климент счел нужным познакомить с этим посланием (посвященным специальной богословской проблематике) своего князя, Изяслава Мстиславича, и других свидетелей и сообщить им причину послания к нему Фоме: ясно, что причина эта кроется не только в методе толкования Писания, хотя именно этот метод становится предметом обсуждения.

Не случайно в начале послания Фоме Климент говорит о том, что он не искал богатства, и славы и власти, вскрывая таким образом подоплеку развернувшейся полемики. Такого рода обвинения и лежали, видимо, в основе послания Фомы.

VII. Равным образом и ответное послание Климента, скорее всего, было не только обращено к его непосредственному адресату (Фоме), но предназначено для более широкой аудитории — в первую очередь, для князя Ростислава. Таким образом, как то, так и другое послание было, видимо, рассчитано на общественный резонанс.

Цитируемая литература

АБРАМОВИЧ 1911

[АБРАМОВИЧ Д. И., подг. текста, коммент.,] *Патерик Киевского Печерского монастыря* (= Памятники славяно-русской письменности, изданные Археографической комиссией, 2), С.-Петербург, 1911.

АЛЕКСЕЕВ 1999

АЛЕКСЕЕВ А. А., *Текстология славянской Библии*, С.-Петербург, 1999.

АНИСИМОВА 2017

АНИСИМОВА Т. В., “Фрагменты Послания митрополита Климента Смолятича к пресвитеру Фоме в Тихонравовском хронографе и библейском Сборнике Троице-Сергиева монастыря”, *Palaeoslavica*, 25/2, 2017, 63–79.

БАРАНКОВА 2008

БАРАНКОВА Г. С., “Древнейшее русское каноническое сочинение киевского митрополита Георгия”, *Русская речь*, 5, 2008, 84–93.

БЕНЕШЕВИЧ 1906

БЕНЕШЕВИЧ В. Н., *Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований*, 1, С.-Петербург, 1906 [репринт: *Syntagma XIV titularum sine scholiis secundum versionem Palaeo-Slovenicam, adjecto textu Graeco e vetustissimis codicibus manuscriptis exarato* (= *Subsidia Byzantina*, 2b), Leipzig, 1974].

— 1987

БЕНЕШЕВИЧ В. Н., *Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований*, 2, Ю. К. БЕГУНОВ, И. С. ЧИЧУРОВ, Я. Н. ЩАПОВ, ред., София, 1987.

БЕРЕЖКОВ 1963

БЕРЕЖКОВ Н. Г., *Хронология русского летописания*, Москва, 1963.

БОДЯНСКИЙ 1848

БОДЯНСКИЙ О.М., “Славянорусские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского”, *Чтения в Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете*, 7, 1848, Отд. II, xv–xxx, 1–20.

БРУНИ 2013

БРУНИ А. М., “К сопоставительному изучению византийской и древнейшей славянской традиций толкований Никиты Ираклийского к словам Григория Богослова”, in: *Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов (Материалы Международной научной конференции в честь 75-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской академии Бориса Львовича Фонкича, Москва 27–28 февраля 2013 г.)*, Москва, 2013, 29–42.

БУДИЛОВИЧ 1875

БУДИЛОВИЧ А. С., *XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи императорской Публичной библиотеки XI века: Критико-палеографический обзор*, С.-Петербург, 1875.

БЫЧКОВ 1882

БЫЧКОВ А. Ф., *Описание церковнославянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки*, 1, С.-Петербург, 1882.

ВЕРШИНИН 2017

ВЕРШИНИН К., “Послание Климента Смолятича и толковые сборники”, in: *Текстология и историко-литературный процесс*, 5, Москва, 2017, 16–27.

ВЕСЕЛОВСКИЙ 1974

ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б., *Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии*, Москва, 1974.

ВЛАДИМИРОВ 1893

ВЛАДИМИРОВ П., “Критико-библиографические заметки об изданиях и исследованиях по русской словесности за 1892 год”, *Университетские известия [Университета св. Владимира в Киеве]*, 3/1, 1893, отд. v, 1–52.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ 1879

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Г. А., *Древнеславянский перевод Апостола и его судьбы до XV в.: Опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII–XV вв.*, Москва, 1879.

ГИППИУС 2016

ГИППИУС А. А., “К прочтению надписи № 3541 Софии Киевской”, in: *Восточная Европа в древности и средневековье. XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Вла-*

димира Терентьевича Папуто, Москва, 20–22 апреля 2016 г. Письменность как элемент государственной инфраструктуры, Москва, 2016, 79–81.

Голубинский 1901–1917, 1–2

Голубинский Е. [Е.], *История русской церкви*, 1 (изд. 2-е, испр. и доп.) – 2, Москва, 1901–1917.

— 1904

Голубинский Е. [Е.], “Вопрос о заимствовании домонгольскими русскими от греков так называемой схедеографии, представлявшей собой у последних высший курс грамотности”, *Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук*, 9/2, 1904, 49–59.

Горский, Невоструев 1857

Горский Александр, прот., Невоструев К. И., *Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, 2: Писания святых Отцев, 1: Толкование Священного Писания*, Москва, 1857.

Гранстрем 1970

Гранстрем Е. Э., “Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом»”, in: *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР*, 25, Москва, Ленинград, 1970, 20–28.

Дело Никона 1897

Дело о патриархе Никоне. Издание Археографической комиссии по документам Московской Синодальной (бывшей Патриаршей) Библиотеки, С.-Петербург, 1897.

Живов 2017, 1–2

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 1–2, Москва, 2017.

Истрин 1922

Истрин В. М., *Очерк истории русской литературы домонгольского периода (XI–XIII вв.)*, Петроград, 1922.

Карпов 2016

Карпов А. Ю., *Русская Церковь X–XIII вв.: Биографический словарь*, Москва, 2016.

Корниенко 2015

Корниенко В. В., *Корпус графіті Софії Київської, 5: Приділ свв. Іоакима та Анни (південна сторона)*, Київ, 2015.

Кушелев-Безбородко, 1–4

Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко, 1–4, С.-Петербург, 1860–1862.

Лавровский 1894

Лавровский Л. Я., *Послание митрополита Климента Смолятича к Фоме, пресвитеру смоленскому, как историко-литературный памятник XII века*, Смоленск, 1894.

Литвина, Успенский 2010

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века*, Москва, 2010.

Лопарев 1892

Лопарев Хр., *Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме: Неизданный памятник литературы XII века (= Памятники древней письменности. Издание Общества любителей древней письменности, 90)*, С.-Петербург, 1892.

Лосева 2001

Лосева О. В., *Русские месяцесловы XI–XIV веков*, Москва, 2001.

Лященко 1900

Лященко А. И., *Заметка о сочинениях Феодосия, писателя XII века* [оттиск из: *Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1899–1900*], С.-Петербург, 1900.

МАКАРИЙ, 1–7

МАКАРИЙ (Булгаков), митр., *История русской церкви*, 1–7, Москва, 1994–1997⁷¹.

МСТИСЛ. ЕВ.

Мстиславово евангелие (между 1103 и 1117 г.), ГИМ, Син. 1203, по изд.: Жуковская Л. П., ред., *Апракос Мстислава Великого*, Москва, 1983.

Никольский 1879

Никольский Н. [К.], *Анафематствование (отлучение от Церкви), совершаемое в первую неделю Великого Поста: Историческое исследование о Чине Православия*, С.-Петербург, 1879.

— 1892

Никольский Н. [К.], *О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века*, С.-Петербург, 1892.

Нов. гр. 1963

Арциховский А. В., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.)*, Москва, 1963.

Павлов 1890

Павлов А. С., “Неизданный памятник русского церковного права XII века”, *Журнал Министерства народного просвещения*, 271 (октябрь), 1890, 239–300.

ПАПАДОПУЛО-КЕРАМЕВС 1905

ПАПАДОПУЛО-КЕРАМЕВС А., изд., *Жития двух вселенских патриархов XIV в., свв. Афанасия I и Исидора I* (= Записки историко-филологического ф-та имп. С.-Петербургского ун-та, 76), СПб., 1905⁷².

Пичхадзе 2011

Пичхадзе А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: Лингвистический аспект*, Москва, 2011.

Полонский 2013

Полонский Д. Г., “Почему киевский монах Феодосий перевел послание римского папы Льва Великого (К проблеме мотивации книжника и датировке восточнославянского памятника XII в.)”, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 2013, 3 (53), с. 108–109.

— 2014

Полонский Д. Г., “Историческая эрудиция составителя «Слова о Халкидонском соборе»”, *Slověne*, 3/2, 2014, 130–174.

Понырко 1992

Понырко Н. В., “Послание митрополита Климента смоленскому пресвитеру Фоме”, in: ЕАДЕМ, *Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII [вв.]*: Исследования, тексты, переводы, С.-Петербург, 1992, 94–148.

— 1997

Понырко Н. В., подг. текста, пер., коммент., “Послание Климента Смолятича”, in: *Библиотека литературы Древней Руси*, 4, С.-Петербург, 1997, 118–141, 599–604.

⁷¹ Кн. 1 воспроизводит изд.: МАКАРИЙ (Булгаков), митр., *История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как Введение в Историю русской церкви*, изд. 2-е, испр., С.-Петербург, 1868. Кн. 2–7 воспроизводят изд.: МАКАРИЙ (Булгаков), митр., *История русской церкви*, 1–12, изд. 2-е, испр., С.-Петербург, 1868–1910.

⁷² Опубликованное здесь житие Афанасия I (ок. 1235–1315), патриарха Константинопольского (ок. 1289–1293, 1303–1309), написано учеником его, Феоктистом Студитом.

——— 2008

Понырко Н. В., “Был ли Климент Смолятич создателем первого славянского перевода Толкований Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова”, in: *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН*, 59, С.-Петербург, 2008, 133–143.

——— 2014

Понырко Н. В., “Клим (Климент Смолятич)”, in: *Православная энциклопедия*, 35, Москва, 2014, 486–488.

Поппе 1996

Поппэ А., “Митрополиты и князья Киевской Руси”, in: Г. Подскальски, *Христианство и богословская литература в Киевской Руси 988–1237 гг.*, Изд. 2-е, испр. и доп. (= *Studia Byzantinorossica*, 1), С.-Петербург, 1996, 441–499.

Правила апост. 1876

Правила святых апостол с толкованиями. Издание Московского общества любителей духовного просвещения, Москва, 1876.

Правила всел. соборов, 1–2

Правила святых вселенских соборов с толкованиями. Издание Московского общества любителей духовного просвещения, 1–2, Москва, 1877.

Правила помест. соборов, 1–2

Правила святых поместных соборов с толкованиями. Издание Московского общества любителей духовного просвещения, 1–2, Москва, 1880–1881.

ПСРЛ, 1–43

Полное собрание русских летописей, 1–43, С.-Петербург, Петроград, Ленинград, Москва, 1841–2004.

РИБ, 1–39

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, 1–39, С.-Петербург, Петроград, Ленинград, 1872–1927.

Розанов 1912

Розанов С. П., *Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему* (= Памятники древнерусской литературы, 1), С.-Петербург, 1912.

РФА, 1–5

Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века, 1–5, Москва, 1986–1992.

Савваитов 1872

Савваитов П., подг. текста, пред. и прим., *Путешествие Новгородскаго архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия*, С.-Петербург, 1872.

СлДРЯ XI–XIV вв., 1–11

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., 1–11–, Москва, 1988–2016–.

Слово 1950

Слово о полку Игореве, В. П. Адрианова-Перетц, ред., Москва, Ленинград, 1950.

СлРЯ XI–XVII вв., 1–30–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1975–2015–.

Смол. гр. 1963

Сумникова Т. А., Лопатин В. В., подг. текста, коммент., *Смоленские грамоты*, Москва, 1963.

Соболевский, 1910

Соболевский А. И., *Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии* (= Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, 88), С.-Петербург, 1910.

Соколов 1913

Соколов П. П., *Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века*, Киев, 1913.

Срезневский, 1–3

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1–3, С.-Петербург, 1893–1903 (дополнения: С.-Петербург, 1912).

Строев 1877

Строев П. М., *Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви*, С.-Петербург, 1877.

Темчин 2015

Темчин С. Ю., “Вильнюсский список Послания киевского митрополита Климента Смолятича смоленскому пресвитеру Фоме с толкованиями мниха Афанасия”, *Rocznik Teologiczny Chrześcijańskiej Akademii Teologicznej*, 57/1, 2015, 93–115.

Тип.Уст., 1–3

Государственная Третьяковская галерея (Москва), К-5349, “Типографский Устав” (богослужбный сборник, включающий фрагменты Студийско-алексиевского устава, кондаки и другие песнопения), XI–XII вв., по изд.: Успенский Б. А., ред., *Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI – начала XII века*, 1–3, Москва, 2006.

Толочко 2009

Толочко А. П., “Клим Смолятич после низвержения из митрополии”, in: [А. Е. Мусин, ред.-сост.], *Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева*, Великий Новгород, С.-Петербург, Москва, 2009, 547–551.

Трубачев 2005

Трубачев О. Н., “Смоленские мотивы”, in: ИДЕМ, *В поисках единства: взгляд филолога на проблему истории Руси*, Москва, 2005, 90–125.

Тупиков 1903

Тупиков Н. М., *Словарь древнерусских личных собственных имен*, С.-Петербург, 1903.

Турилов 2009

Турилов А. А., “Изборник XIII в.”, in: *Православная энциклопедия*, 21, Москва, 2009, 540–541.

Успенские 2017

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси*, Москва, С.-Петербург, 2017.

Успенский 1969

Успенский Б. А., *Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам)*, Москва, 1969.

— 1998

Успенский Б. А., *Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление)*, Москва, 1998.

— 2010

Успенский Б. А., “Право и религия в Московской Руси”, in: *Россика / Русистика / Россиеведение*, 1: *Язык / История / Культура*, Москва, 2010, 194–286.

Франклин 1992

Франклин С., “О «философах» и «философии» в Киевской Руси”, *Byzantinoslavica*, 53/1, 1992, 74–86.

Чичуров 1997

Чичуров И. С., “Схизма 1054 г. и антилатинская полемика в Киеве (середина XI – начало XII в.)”, *Russia mediaevalis*, 9/1, [1997], 42–53.

ЩАПОВ 1976

ЩАПОВ Я. Н., *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.*, Москва, 1976.

Янин 1970, 1–2

Янин В. Л., *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.*, 1–2, Москва, 1970.

AGARITOS 2013

AGARITOS P. A., “Anna Komnene and the Politics of Schedographic Training and Colloquial Discourse,” *Νέα Ρώμη. Rivista di ricerche bizantinistiche*, 10, 2013 [Roma, 2014], 89–107.

BOISSONADE 1832

Anecdota Græca e codicibus regiis descripsit, annotatione illustravit J. FR. BOISSONADE, 4, Parisiis, 1832.

DARROUZÈS 1979

DARROUZÈS J., *Les Regestes des Actes du patriarcat de Constantinople*, 1: *Les Actes des patriarches*, 6: *Les Regestes de 1377 à 1410*, Paris, 1979.

DU CANGE 1688, 1–2

DU FRESNE C., DOM. DU CANGE, *Glossarium ad Scriptores Mediæ et infimæ Græcitatatis*, 1–2, Lugduni, 1688.

FRANKLIN 1984

FRANKLIN S., “Who Was the Uncle of Theodore Prodromus,” *Byzantinoslavica*, 45, 1984, 40–45.

——— 1991

FRANKLIN S., *Sermons and Rhetoric of Kievan Rus*, Cambridge (MA), 1991.

——— 1999

FRANKLIN S., “Annotationes Byzantino-Russicæ,” in: *ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ: К 70-летию академика Г. Г. Литаврина*, Москва, 1999, 223–231.

KAZHDAN 1991

KAZHDAN A.P., “Schedographia,” in: *The Oxford Dictionary of Byzantium*, 3, New-York, Oxford, 1991, 1849.

MÜLLER 1988–1989

MÜLLER L., “Iarion und die Nestorchronik,” in: O. PRITSAK, I. ŠEVČENKO, M. LABUNKA, eds, *Proceedings of the International Congress Commemorating the Millenium of Christianity in Rus'-Ukraine: Commemorative Edition* (= Harvard Ukrainian Studies, 12–13), Cambridge, 1988–1989 [1990], 324–345.

OBOLENSKY 1957

OBOLENSKY D., “Byzantium, Kiev and Moscow: A Study in Ecclesiastical Relations,” *Dumbarton Oaks Papers*, 11, 1957, 21–78 [репринт: OBOLENSKY D., *Byzantium and the Slavs: Collected Studies*, London, 1971].

POJAKOV 1988

POJAKOV F. B., “Zur Authentizität des Briefes vom Patriarchen Nikolaos IV. Muzalon an den Novgoroder Erzbischof Nifont,” *Die Welt der Slawen*, 33 (N. F. 12) /2, 1988, 283–302.

ROBINS 1993

ROBINS R. N., *The Byzantine Grammarians: Their Place in History*, Berlin, New-York, 1993.

SJS, 1–4

Slovník jazyka staroslověnského = *Lexicon linguae palaeoslovenicae*, Praha, 1958–1997 [репринт: *Словарь старославянского языка*, 1–4, С.-Петербург, 2004–2006].

VODOFF 1974

VODOFF W., “Un «parti théocratique» dans la Russie de XIIe siècle?” *Cahiers de civilisation médiévale: X^e – XIIe siècles*, 17/3, 1974, 193–215.

WAȚRÓBSKA 1987

WAȚRÓBSKA H., “The Izbornik of the XIIIth Century (Cod. Leningrad, GPB, Q.p.1.18). Text in Transcription,” *Полата књигописьнам*, 19–20, Nijmegen, 1987.

References

- Agapitos P. A., "Anna Komnene and the Politics of Schedographic Training and Colloquial Discourse," *Nea Rōmē. Rivista di ricerche bizantinistiche*, 10, 2013, 89–107.
- Alekseev A. A., *Textgeschichte der slavischen Bibel* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte: A; N.F., 24), St. Petersburg, 1999.
- Anisimova T. V., "Fragmenty Poslaniia mitropolita Klimenta Smoliaticha k presviteru Fome v Tikhonravovskom khronografe i bibleiskom Sbornike Troitse-Sergieva monastyria," *Palaeoslavica*, 25/2, 2017, 63–79.
- Artsikhovskiy A. V., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1958–1961 gg.)*, Moscow, 1963.
- Barankova G. S., "Drevneishee russkoe kanonicheskoe sochinenie kievskogo mitropolita Georgiia," *Russkaia rech'*, 5, 2008, 84–93.
- Berezhkov N. G., *Khronologiia russkogo letopisaniia*, Moscow, 1963.
- Bruni A. M., "K sopostavitel'nomu izucheniiu vizantiiskoi i drevneishei slavianskoi traditsii tolkovanii Nikity Irakliiskogo k slovam Grigorii Bogoslova," in: *Paleografiia, kodikologiia, diplomatika: Sovremennyi opyt issledovaniia grecheskikh, latinskikh i slavianskikh rukopisei i dokumentov*, Moscow, 2013, 29–42.
- Chichurov I. S., "Skhizma 1054 g. i antilatinskaiia polemika v Kieve (seredina XI – nachalo XII v.)," *Russia mediaevalis*, 9/1, 1997, 42–53.
- Darrouzès J., *Les Regestes des Actes du patriarcat de Constantinople*, 1: *Les Actes des patriarches*, 6: *Les Regestes de 1377 à 1410*, Paris, 1979.
- Franklin S., "Who Was the Uncle of Theodore Prodromus," *Byzantinoslavica*, 45, 1984, 40–45.
- Franklin S., *Sermons and Rhetoric of Kievan Rus*, Cambridge (MA), 1991.
- Franklin S., "O 'filosofakh' i 'filosofii' v Kievskoi Rusi," *Byzantinoslavica*, 53/1, 1992, 74–86.
- Franklin S., "Annotationes Byzantino-Russicae," in: *Gennadios*, Moscow, 1999, 223–231.
- Gippius A. A., "K prochteniiu nadsipis № 3541 Sofii Kievskoi," in: *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e-XXVIII. Pis'mennost' kak element gosudarstvennoi infrastruktury*, Moscow, 2016, 79–81.
- Granstrem E. E., "Pochemu mitropolita Klimenta Smoliaticha nazyvali 'filosofom'," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 25, Moscow, Leningrad, 1970, 20–28.
- Istrin V. M., *Ocherk istorii russkoi literatury domongol'skogo perioda (XI–XIII vv.)*, Petrograd, 1922.
- Karpov A. Yu., *Russkaia Tserkov' X–XIII vv.: Biograficheskii slovar'*, Moscow, 2016.
- Kazhdan A.P., "Schedographia," in: *The Oxford Dictionary of Byzantium*, 3, New-York, Oxford, 1991, 1849.
- Korniienko V. V., *Korpus grafiti Sofii Kyiv's'koï*, 5: *Prydil' sv. Ioakyma ta Anny (pivdenna storona)*, Kiev, 2015.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Traektorii traditsii: Glavy iz istorii dinastii i tserkvi na Rusi kontsa XI – nachala XIII veka*, Moscow, 2010.
- Loseva O. V., *Russkie mesiatsevslovy XI–XIV vekov*, Moscow, 2001.
- Müller L., "Ilarion und die Nestorchronik," in: O. Pritsak, I. Ševčenko, M. Labunka, eds, *Proceedings of the International Congress Commemorating the Millenium of Christianity in Rus'-Ukraine: Commemorative Edition* (= Harvard Ukrainian Studies, 12–13), Cambridge, 1988–1989 [1990], 324–345.
- Obolensky D., "Byzantium, Kiev and Moscow: A Study in Ecclesiastical Relations," *Dumbarton Oaks Papers*, 11, 1957, 21–78.
- Obolensky D., *Byzantium and the Slavs: Collected Studies*, London, 1971.
- Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongol'skoi Rusi: Lingvisticheskii aspekt*, Moscow, 2011.
- Poljakov F. B., "Zur Authentizität des Briefes vom Patriarchen Nikolaos IV. Muzalon an den Novgoroder Erzbischof Nifont," *Die Welt der Slawen*, 33/2, 1988, 283–302.
- Polonski D. G., "Pochemu kievskii monakh Feodosii perevel poslanie rimskogo papy L'va Velikogo (K probleme motivatsii knizhnika i datirovke vos-tochnoslavianskogo pamiatnika XII v.)," *Drevnyaya Rus—Voprosy Medievistiki*, 3 (53), 2013, 108–109.
- Polonski D. G., "The Historical Erudition of the Compiler of 'The Word on the Council of Chalcedon'," *Slověne*, 3/2, 2014, 130–174.
- Ponyrko N. V., *Epistoliarhoe nasledie Drevnei Rusi XI–XIII vv.: Issledovaniia, teksty, perevody*, St. Petersburg, 1992.
- Ponyrko N. V., "Poslanie Klimenta Smoliaticha," in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 4, St. Petersburg, 1997, 118–141, 599–604.
- Ponyrko N. V., "Byl li Kliment Smoliatich sozdatelem pervogo slavianskogo perevoda Tolkovanii Nikity Irakliiskogo na 16 Slova Grigorii Bogoslova," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 59, St. Petersburg, 2008, 133–143.
- Ponyrko N. V., "Klim (Kliment Smoliatich)," in: *Pra-voslavnaia entsiklopediia*, 35, Moscow, 2014, 486–488.
- Poppe A., "Mitropolit y kniaz'ia Kievskoi Rusi," in: G. Podskalski, *Khristianstvo i bogoslovskaiia literatura v Kievskoi Rusi 988–1237 gg.* (= Studia Byzantinorossica, 1), St. Petersburg, 1996, 441–499.
- Robins R. N., *The Byzantine Grammarians: Their Place in History*, Berlin, New-York, 1993.
- Shchapov Ya. N., *Drevnerusskie kniazheskie ustavy XI–XV vv.*, Moscow, 1976.

Sumnikova T. A., Lopatin V. V., eds., *Smolenskie gramoty*, Moscow, 1963.

Temčinas S., "The Vilnius Manuscript Copy of the Letter by Kievan Metropolitan Kliment Smoliatic to the Smolensk Presbyter Thomas Commented by Monk Athanasius," *Teologiczny Chrześcijańskiej Akademii Teologicznej*, 57/1, 2015, 93–115.

Tolochko A. P., "Klim Smoliatic posle nizverzheniia iz mitropolii," in: A. E. Musin, ed., *Khoroshie dni. Pamiati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva*, Velikiy Novgorod, St. Petersburg, Moscow, 2009, 547–551.

Trubachev O. N., *V poiskakh edinstva: vzgliad filologa na problemu istorii Rusi*, Moscow, 2005.

Turilov A. A., "Izbornik XIII v.," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 21, Moscow, 2009, 540–541.

Uspenskij B. A., *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen (Istoriia udareniiia v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)*, Moscow, 1969.

Uspenskij B. A., *Tsar' i patriarkh: kharizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie)*, Moscow, 1998.

Uspenskij B. A., *Tipografskii Ustav: Ustav s kondakarem kontsa XI – nachala XII veka*, 1–3, Moscow, 2006.

Uspenskij B. A., Uspenskij F. B., *Inocheskie imena na Rusi*, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Uspenskij B. A., "Pravo i religiiia v Moskovskoi Rusi," in: *Rossika / Rusistika / Rossievedenie*, 1: *Iazyk / Istoriia / Kul'tura*, Moscow, 2010, 194–286.

Vershinin K., "Poslanie Klimenta Smoliatica i tolkovnye sborniki," in: *Tekstologiiia i istoriko-literaturnyi protsess*, 5, Moscow, 2017, 16–27.

Veselovskiy S. B., *Onomastikon: Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii*, Moscow, 1974.

Vodoff W., "Un «parti théocratique» dans la Russie de XIIe siècle?" *Cahiers de civilisation médiévale: Xe – XIIe siècles*, 17/3, 1974, 193–215.

Wątróbska H., *The Izbornik of the XIIIth Century (Cod. Leningrad, GPB, Q.p.1.18). Text in Transcription (= Polata künigopis'naja, 19–20)*, Nijmegen, 1987.

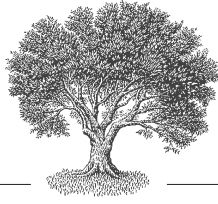
Yanin V. L., *Aktovye pečhati Drevnei Rusi X–XV vv.*, 1–2, Moscow, 1970.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 1–2, Moscow, 2017.

Zhukovskay L. P., ed., *Aprakos Mstislava Velikogo*, Moscow, 1983.

проф. **Борис Андреевич Успенский**, д. филол. наук
 Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
 Факультет гуманитарных наук, Школа филологии, заведующий
 Лабораторией лингвосемиотических исследований
 105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1
 Россия/Russia
 borisusp@gmail.com

Received March 1, 2017

Бравлин — бранлив или кроток?*

**Андрей Юрьевич
Виноградов**

Национальный исследовательский
университет “Высшая школа экономики”
Москва, Россия

Максим Игоревич Коробов

Независимый исследователь,
Иркутск, Россия

Bravlin— Brave or Humble?

Andrey Yu. Vinogradov

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

Maksim I. Korobov

Independent scholar,
Irkutsk, Russia

Резюме

Статья посвящена этимологии имени варварского вождя из первого посмертного чуда в «Житии св. Стефана Суроожского», который в древнерусском переводе называется *Бравлинъ*, а в армянском, опубликованном в 2006 г., — Պրավլիս (*/Praulis/* или */Braulis/*). Эти формы заставляют реконструировать в утраченном греческом оригинале жития форму Μπραυλις. Авторы последовательно рассматривают известные попытки этимологически сблизить это имя с различными словами и именами: с древнерусским *бран(ъ)ливъ* (списки древнерусского перевода жития), со шведским топонимом *Bråvalla* (А. А. Куник, Г. В. Вернадский, Н. Т. Беляев, О. Прицак), с индоарийским **pravlin(a)-* (О. Н. Трубочев), с именем епископа Сарагосы *Braulio* (В. Г. Васильевский), с готским именем **Bra(h)vila*, реконструируемым М. Шёнфельдом (Н. А. Ганина). По лингвистическим соображениям ни одна из этих этимологий не может быть признана безупречной. Засвидетельствованное в поздневизантийское время позиционное озвончение

* В данной научной работе использованы результаты проекта “«Центры» и «периферии» в средневековой Европе”, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 году. Авторы благодарят за помощь Д. В. Каштанова и Л. Бекер.

начального П- позволяет осторожно предположить в качестве источника для имени нашего героя хорошо известное греческое имя Πραῦλις (от πραῦς ‘кроткий, смиренный’).

Ключевые слова

Судак, древнерусский язык, армянский язык, готский язык, греческий язык, агиография, Бравлин, ономастика

Abstract

The paper focuses on the name of the barbarian warlord that appears in the Slavic and (recently discovered) Armenian versions of the *Life* of St. Stephen of Sougdaia as *Бравлинъ* and Պրաւլի /*Praulis*/, respectively. These forms seem to point to Πραῦλις or Ππραῦλις in the lost Greek *Vorlage*. None of the previous attempts at constructing an etymology of the name—Slavic *бран(в)ливъ* (Russian copies of the *Life*), Swedish *Brävalla* (G. Vernadsky, N. Belyaev, and O. Pritsak), Indo-Aryan **pravlīn(a)-* (O. Trubachev), Spanish *Braulio* (V. Vasilievsky), or Gothic **Bra(h)vila* (N. Ganina)—may be considered satisfactory. Having revisited the historical and linguistic arguments, we suggest that the name given to the barbarian prince humbled by the miracle of St. Stephen in the Greek text of the *Life* represented, in fact, good Greek: Πραῦλιος or Πραῦλις (from πραῦς ‘mild, humble’); furthermore, we suggest that the positional voicing of Π- > Μπ- [b] in Late Middle Greek might account for the initial Б-/Պ- (West Armenian [b]) of the attested forms.

Keywords

Sudak, Old Russian, Armenian, Gothic, Greek, hagiography, Bravlin, onomastics

Фигура и имя Бравлина из “Жития св. Стефана Сурожского” — один из *monstres sacrés* русской истории, предмет острых дискуссий, не утихающих уже более полутора веков. Долгое время этот персонаж был известен только из древнерусских источников. Согласно древнейшему списку русской версии упомянутого жития (РГБ, Троицк. 745, л. 230об.), “По смрти же стго мало лѣтъ миноу . приде рать велика роуьская из Новагорода князь Бравлинъ силенъ зѣло”. В списках древнерусского Жития в Маркарьевских Минеях-четых вместо *Бравлинъ* стоит *бранливъ* [ВМЧ 1904: 1029], а в более поздних русских рассказах о Бравлине его имя передается как *Бравалинъ*¹. Впрочем, никакого сомнения в оригинальности формы *Бравлинъ* для древнерусского текста нет².

Однако после публикации исправной версии армянского синаксарного жития св. Стефана в 2006 г. стало очевидно, что ситуация с Бравлином выглядит намного сложнее, чем представлялось прежде, поскольку здесь рассказ о нем начинается так: “Спустя времена некий Правлис,

¹ Подробнее см.: [Никон (Лысенко), Заец 2003: 135–136].

² Подробнее см.: [IVANOV 2006].

из злого и неверного народа, пришедши с войском. . .”³. Во-первых, эпизод с Бравлином помещается здесь не во время вскоре после смерти св. Стефана (т. е. в конце IX в.), а в некую неопределенную эпоху. Вторых, следующее чудо, о царице Анне, напротив, непосредственно связывается здесь хронологически с историей Бравлина, в отличие от древнерусского жития. В-третьих, в армянской версии нет ни Новгорода, ни русского войска, а лишь некое абстрактное указание на “злой и неверный народ”. Наконец, само имя варварского вождя выглядит здесь как Պրաւլիս (классическ. арм. /*Praulis*/).

Общепризнано, что как армянская, так и древнерусская форма должны быть возведены к оригиналу жития, написанному по-гречески и ставшему основой также для греческого синаксарного жития святого. Чтобы приблизиться к реконструкции формы имени в этом оригинале, следует вначале обратить внимание на особенности армянской исторической фонетики и орфографии. Как известно, в среднеармянский период (XI–XVII вв.) ареал говорящих по-армянски уже разделялся на две большие диалектные зоны — западную и восточную. Это различие сохраняется и поныне, причем современный литературный язык Республики Армения является восточноармянским. Западноармянский литературный стандарт культивировался в эпоху Киликийского царства (XI–XIV вв.), в том числе — как престижный язык — за его пределами в армянской диаспоре.

Одним из отличий между западно- и восточноармянским является фонетическая реализация согласных, записывающихся буквами լ, լի и լի. В то время как восточноармянский сохраняет классическое произношение этих согласных как глухих неаспирированных смычных [p], [k] и [t], западноармянский озвончает их в [b], [g] и [d]⁴. Таким образом, возможны два варианта транслитерации для формы Պրաւլիս армянской версии жития: /*Praulis*/ (классический армянский, восточноармянский) и /*Braulis*/ (западноармянский). Важно отметить, что исторический диалект армян Крыма (нор-нахичеванский, крымско-новонахичеванский)⁵ относится к западноармянской диалектной группе и демонстрирует звонкие смычные на месте классических глухих [МАРТИРОСЯН 2013: 334–338]. Պրաւլիս в западноармянском произношении

³ Յէտ ժամանակաց Պրաւլիս սնս ի չար եւ յանհաւատ ազգէս եկն զարար. . . [BOZOYAN 2006: 105]; русский перевод приводится по: [МОГАРИЧЕВ ET AL. 2009: 29].

⁴ Звонкие смычные բ [b], գ [g] и դ [d] классического армянского в западноармянском реализуются как глухие аспираты [p^h], [k^h] и [t^h] соответственно.

⁵ В 1779 г. по указу Екатерины II армянское население Крыма было переселено на Дон, где ими был основан город Нор-Нахичеван (Նոր Նախիճեւան, т. е. “Новый Нахичеван” по-армянски) [МАРТИРОСЯН 2013: 356].

[braulis]⁶ максимально приближается к древнерусской форме *Бравлинъ*⁷, тем более что в западноармянском известны случаи передачи иноязычного [b] через щ в личных именах и апеллятивах⁸.

Казалось бы, это дает основание реконструировать для греческого прототекста форму **Βραυλις*⁹ с начальной витой, продолжавшей в средневизантийский период по традиции использоваться для записи иноязычного [b], особенно в анлауте¹⁰. Но в этом случае в древнерусском переводе жития следовало бы ожидать не *Бравлинъ*, а **Вравлинъ*, так как это имя не относилось к числу активно используемых и находящихся на слуху. Поэтому, реконструируя способ, которым [bravlis] могло быть записано в греческом первоисточнике, следует предложить иное решение. Но для начала обратимся к существующим в литературе этимологиям др.-рус. *Бравлинъ*¹¹.

Самой ранней интерпретацией этого загадочного имени было объяснение его через прилагательное *бран(ъ)ливъ* ‘воинственный’, заменившее имя в некоторых списках древнерусской редакции жития [Востоков 1842: 689; Голубинский 1901: 59–60]¹². Однако с введением в

⁶ Дифтонг ш [au] классического армянского прогрессивно стягивался в монофтонг [o], для записи которого в XII в. была введена новая буква о [HÜBSCSMANN 1897: 328]. Сравнение с *Бравлинъ*, кажется, говорит в пользу сохранения дифтонгического произношения ш в армянском тексте [САРГСЯН 2008: 283].

⁷ Возможное объяснение финали *-инъ* древнерусской формы см. ниже, прим. 36.

⁸ Ср., например, Պարիսի (классич. /*Pauris*/, зап.-арм. /*Bauris*/, с [au] > [o], о чем см. выше) в армянском переводе мученичества Бориса и Глеба, датированном серединой XIII в.; Բարոնի (классич. /*paron*/, зап.-арм. /*baron*/) < ст.-фр. *baron*.

⁹ Здесь можно было бы вспомнить загадочное имя (?) *Βραῦλος*, фиксируемое в IV (?) веке (Arcadius, De accentibus 59: *Βραῦλος Παῦλος Δαῦλος*).

¹⁰ Ср., например, *Βορίσης*, *Βωρίσης*, *Βορής*, *Βωρίς* для имени, соответствующего др.-рус. *Борисъ* [MORAVCSIK 1983: 96].

¹¹ В нем иногда видят заимствование неизвестного происхождения. Однако никакого источника такого рода до сих пор найти не удалось, поэтому эта версия нами не рассматривается. Мы не рассматриваем здесь также исторически маловероятные (например, [Рахно 2012: 57–58] — возведение к древнебретонскому *Branwalatr*) и совершенно ненаучные этимологии данного имени (“Велесовой книги”, С. В. Рябчикова, В. В. Тена, В. С. Казакова и др.). Высказываемое в [Могаричев 2007: 188] предположение о происхождении имени *Пролис* (т. е. *Правлис*) из имени *Песах* (др.-евр. פסח /*psḥ*/ в Кембриджском документе) со ссылкой на разнообразные искажения греческих имен и названий в армянском переводе не учитывает близость армянской и древнерусской форм (что смещает гипотетическое превращение *Песаха* в *Правлиса*/*Бравлина* на древнееврейско-греческое звено в цепочке передачи) и оставляет без комментариев как собственно лингвистическую или палеографическую, так и общеисторическую сторону такого превращения (а именно возможность использования составителем жития источника на иврите).

¹² Мы присоединяемся к мнению исследователей (напр., [Васильевский 1915: ССLXXXIV]), видевших здесь попытку народно-этимологического толкования семантически непрозрачного имени.

научный оборот армянской версии жития эта этимология окончательно упраздняется, равно как и бывшая некогда популярной этимология А. Н. Веселовского [1890: 22] из **Мравлинъ* — гипотетической кальки с греч. Μορμίδων, традиционно связываемого с μύρμηξ ‘муравей’, к тому же фантастическая с исторической точки зрения.

А. А. Куником в очень осторожной форме была предложена связь др.-рус. *Бравлинъ* со шведским топонимом *Bråvalla* — местом знаменитой битвы VIII в. между свеями, данами и их союзниками [KUNIK 1844: 140–142]¹³. Эта версия была позднее развита Н. Т. Беляевым [1929: 220–221] и другими. Она требует отдать предпочтение варианту *Бравалинъ* поздних списков, который сам Куник считал вторичным, возникшим под влиянием восточнославянского полногласия, и затем трактовать его как quasi-патронимическое славянское образование от *Bråvalla*. Но совр. шв. *Bråvalla* продолжает др.-сев. *Brávalla*, генитив от *Brávellir* (pl.), букв. ‘бровяные поля’¹⁴. Не совсем прозрачен механизм рецепции в славянский язык древнешведской формы родительного падежа, но главное — этой версией игнорируется факт греческого посредства¹⁵ и то, какие выводы о форме имени в греческом позволяет сделать армянская форма Պրիւլի (см. выше).

Не так давно О. Н. Трубачев в рамках своей неоднозначной гипотезы об индоарийских языковых реликтах в Северном Причерноморье сформулировал версию, согласно которой др.-рус. *Бравлинъ* восходит к слову **pravlin(a)*- на языке тавров, объясняемому автором через др.-инд. *pravlina-* ‘раздавленный, поверженный, свалившийся’ [Труба́чев 1999: 88–90]. Таковым должно было быть мотивированное описанными в житии событиями прозвище князя, бытовавшее в устном обиходе крымских индоариев и принятое затем греческим составителем жития за личное имя. В греческой записи Трубачев восстанавливает его как **Βραβλινος*, с ассимиляцией согласных. Эта реконструкция не согласуется ни с древнерусской (ожидалось бы, опять же, **Вравлинъ*), ни тем более с армянской формой (с которой автор не мог быть знаком).

¹³ Впрочем, ниже [KUNIK 1844: 495] автор отказывается от своей гипотезы в пользу мнения Востокова (*Бравлинъ* < *бранливъ*).

¹⁴ Аналогично шведскому *Uppsala* из др.-сев. *Uppsalir* (pl.), букв. ‘верхние селения’, ген. *Uppsalu* в высокочастотных сочетаниях типа *til Uppsalu* ‘в Уппсалу’. К слову, связь др.-рус. *Бравлинъ* с германским словом, обозначающим ‘бровь’ (др.-в.-н. *brāwa*), предлагалась и независимо от *Brávellir* [MÜLLER 1987: 31].

¹⁵ К этой проблеме в рамках версии с *Bråvalla* обращался О. Прицак. Для греческого оригинала жития он реконструировал греч. **βραβλινος* как адъективное образование от */bravala/* со значением «бравальский», которое могло быть переводом др.-сев. *Brávalla-kappi* ‘бравальский витязь’ (как эпитет участника битвы) или подобного [PRITSAK 1988: 105]. Формальным недостатком такого решения, как и других, предполагающих начальную виту в греческой праформе, является необъяснимость соответствия β = б в др.-рус. *Брав(а)линъ*.

Наконец, В. Г. Васильевский, в рамках своей крайне смелой гипотезы о приходе Бравлина из Неаполя Скифского (*Новгород* русской редакции) и его крымскоготском происхождении¹⁶, на основании подобозвучия сопоставил имя *Бравлинъ* с именем епископа Сарагосы Браулиона [Васильевский 1915: сслxxxiv]. Васильевский не предпринимал попыток объяснить это сходство этимологически, вместо этого предложив несколько других возможных, с его точки зрения, толкований загадочного имени. Действительно, как участники Великого переселения народов, готы могли быть связующим звеном между раннесредневековой Испанией и Крымом¹⁷. Но гипотеза Васильевского прежде всего требует ответить на вопрос о возможности возведения имен *Браулион* (*Braulio*) и *Бравлинъ* к единому прототипу, позволяющему этимологизировать себя на материале известной готской ономастики и языка. Недостающее лингвистическое решение¹⁸ недавно было предложено Н. А. Ганиной (положительно оценивающей и этимологию Трубачева) [ГАНИНА 2010: 60–62]. Для объяснения сходства *Braulio* и *Бравлинъ* ею привлекается готское имя **Brahvila*, реконструированное Морицем Шёнфельдом [SCHÖNFELD 1911: 53]. Позволим себе подробнее остановиться на этой версии.

Начнем с того, что **Brahvila* реконструируется Шёнфельдом для объяснения имени, которое в источниках на латыни выглядит как *Bracila*, *Brachila* и — единожды — *Bravila* [PLRE 1980: 241]¹⁹. Этимология Шёнфельда, по нашему мнению, неудовлетворительна. Во-первых, сразу же бросается в глаза ее искусственный характер. Она явно сконструирована в попытке учесть и примирить все письменные фиксации имени в

¹⁶ Между тем Неаполь Скифский, как теперь известно, прекратил свое существование в III в. от Р. Х., как раз в результате вторжения в Крым готов [Зайцев 2003].

¹⁷ Известно, что большая часть Иберийского полуострова была завоевана вестготами во второй половине V в. Вместе с ними в Испании появляется готская ономастика, постепенно приобретающая популярность и в среде местного романского населения [RIEL, KREMER 1976]. В Крым же готы пришли двумя столетиями раньше. Личные имена восточногерманского (готского) происхождения отмечены и здесь, правда, в гораздо более скромном количестве [Tischler 1978: 15–17]. На сохранение готами Крыма собственного языка и элементов культуры указывают, помимо известного свидетельства О. де Бусбека (XVI в.), недавние находки пяти мангупских граффити на готском языке, датированных второй половиной IX – началом X в. [КОРОВОВ, VINOGRADOV 2016: 141–157], а также ранее неизвестные образчики готской ономастики в греческих надписях Северного Причерноморья (наша статья о них готовится в настоящее время к печати).

¹⁸ Готская этимология, предлагавшаяся П. Галиндо [LYNCH, GALINDO 1950: 310] и производящая имя *Браулион* от корня *bar* (не указано при этом, какого языка этот корень, но, судя по предложенной тут же “готской” этимологии имени *Фронимиан* (от *froh* и *Mann*), имеется в виду современный немецкий), не может быть оценена иначе как курьез.

¹⁹ Так звали одного из варварских вождей (комитов) в Италии, убитого Одоакром в 477 г.

источниках, без должной критики самих этих форм²⁰. Но в известном нам древнегерманском ономастиконе отсутствуют имена с элементами, производными от корня **breh(w)*- ‘мерцать, блестеть’²¹. Само наличие в германском глагольной основы с *w*-расширением, как ее постулирует Шёнфельд, сомнительно²². Во-вторых, очень сомнительным выглядит отражение гот. *-hv-* [h^w] как лат. *-c(h)-* [k] в формах *Bracila*, *Brachila*. Надежные примеры для готского отсутствуют²³, но то, что мы можем наблюдать на материале других древнегерманских языков, заставляет думать, что в латинской передаче *-hv-* ожидалась бы редукция велярного, а не лабиального элемента. Как отражение гипотетического гот. **Brahila* гораздо более адекватна форма *Bravila* из *Fastae Vindobonenses*, но как раз ее Шёнфельд предпочитает объяснять иначе. Он предлагает видеть здесь эффект германского “грамматического чередования” глухого и звонкого согласных по Закону Вернера²⁴, а именно *h^w* : *g^w* (с дальнейшим развитием *g^w* > *w*). Таким образом, согласно Шёнфельду, непосредственным готским прототипом *Bravila* латинского источника оказывается не **Brahila*, а **Brawila*. С этим трудно согласиться. Уже в библейском готском (IV в.) вернеровское чередование по глухости/звонкости было мертвым реликтом более древнего языкового состояния (ср. его выравнивание в сильном глаголе [BRAUNE, HEIDERMANNS 2004: 61]). Предположение, что оно почему-то оставалось активным в личных именах,

²⁰ По сути **Brahila* в нотации Шёнфельда даже орфографически представляет собой компромисс между *Brac(h)ila* и *Bravila*. О грамматическом чередовании см. ниже.

²¹ Шёнфельд указывает на тюрингское личное имя *Brachio* [FÖRSTEMANN 1900: 1638], но его этимологическая интерпретация проблематична. Фёрстеманн с некоторым сомнением возводил это имя к элементу VRAC (гот. *wrikan*, pt. sg. *wrak* ‘преследовать, гнать’, *wrakja* ‘гонение’), сравнивая его с *Wrachio*, *Uurecheo* et sim. (к др.-сакс. *wrekkio*, др.-в.-н. *reccheo*, собств. ‘изгнанник’ > ‘богатырь, витязь’). Впрочем, сюда же у Фёрстеманна были отнесены и *Brac(h)ila* [ИВІД.], и даже *Bracarius* [ИВІД.: 1639] — имя севильского епископа V или VII в., которое гораздо лучше объясняется как ‘уроженец /житель Бракары’ (лат. *Bracara*, совр. португальск. *Braga*).

²² Гот. **braihvan*, но см.: [OREL 2003: 55] (s.v. **brexanan* ~ **brexōjanan*). Готское существительное *brahv-* (в выражении *in brahva augins* ‘во мгновение ока’, 1 Кор 15:52) может быть производным от **breh-* с аблаутом и суффиксом *-wa-* (так в [LENMANN 1986: 78–79 (B92 **brah*)], обзор других мнений в [OREL 2003: 57 (s.v. **brēxwō* ~ **braxwan*)]), и формально шёнфельдовское **Brahila* можно было бы возвести непосредственно к этой основе, оставляя за скобками семантический (весьма странное значение для личного имени) и исторический (отсутствие параллелей) аспекты.

²³ В Крыму у нас имеется сравнительно поздний (XIV в.) пример передачи гот. *hv* греческим алфавитом: *Χοιῦτάνη* < гот. **hveita* (слаб. скл., основа на *-n-*), букв. ‘белый’ в одной надписи из Мангупа [Трубачев 1999: 215]. Запись *wichtgata* ‘album’ в крымскоготском словаре Бусбека, возможно, отражает метатезу *wichtgata* < **chwit(g)ata*, к библ. гот. *hveit-* [Ганина 2011: 162].

²⁴ Вернеровское чередование было обусловлено подвижностью индоевропейского ударения в эпоху, предшествовавшую его фиксации на начальном слоге в прагерманском.

более того — в единственном имени одного и того же человека, как нам кажется, полностью выходит за рамки вероятного²⁵.

Если всё же принять реконструкцию Шёнфельда гот. **Brahila* как реально существовавшую и сравнить ее с *Braulio* и $\Psi\rho\psi\lambda\eta$ / *Бравлинъ*, то мы сталкиваемся с проблемой нерегулярности соответствия этих форм друг другу. Предположив, что **Brahila* в поздней иберийской латыни отразилось как **Bravila* или даже **Bravilo*²⁶, далее придется допустить нетривиальную (не подтверждаемую другими примерами аналогичного развития) метатезу **Brauilo* > *Braulio*, и точно такую же метатезу, произошедшую независимо от первого случая, мы вынуждены будем постулировать и в греческом языке Сугдеи: $*\text{B}\rho\alpha\upsilon\acute{\iota}\lambda\alpha\varsigma$ > $*\text{B}\rho\alpha\upsilon\acute{\iota}(\alpha)\varsigma$ > $\Psi\rho\psi\lambda\eta$, *Бравлинъ*. Добавим к этому то, что форма имени сарагосского епископа у Исидора Севильского (dat. *Braulioni*, gen. *Braulionis*), искусившая Васильевского своим сходством с Бравлином, не является единственной засвидетельствованной. Помимо писем Исидора, она встречается в письмах самого Браулиона (nom. *Braulio*), в названии одного из его трудов и в актах Толедских соборов, в которых он принимал участие, а наряду с ней мы находим в источниках формы *Braolio*, *Braholio*, *Bravolio*, *Bragulio*, *Vraulio* и образованные от этого имени патронимики *Braoliz*, *Brauliz*, *Braolit*, *Brooliz*, *Bravolgez*, *Bragoloyz* [БЕСКЕР 2009: 296–297]. Строго говоря, в нашем распоряжении нет никаких данных, позволяющих уверенно предпочесть одну из них в качестве исходной. Допустим, что в *Bravolio*, *Bragulio* мы наблюдаем эпентезу глайда, но с тем же правом в *Braolio*, *Braulio* можно думать о выпадении согласного в интервокальной позиции. Отдельного внимания заслуживает форма номинатива *Braulius* (*Braolius*, *Brauolius*). Ее соприсутствие с *Braulione* et sim. относит имя к категории мужских имен смешанного склонения на *-o/-us*, *-one*, выделяемой Л. Бекер на иберороманском ономастическом материале²⁷. Сама автор

²⁵ На наш взгляд, продуктивнее объяснять *Brac(h)ila* как отражение гот. **Brakila* — от *brikan*, pt. sg. *brak* ‘ломать, крушить’, *brakja* ‘битва’ (ср. германские имена *Brecho*, *Brecosind*, *Briceold* [FÖRSTEMANN 1900: 335]). Единжды же засвидетельствованную форму *Bravila* предпочтительнее игнорировать как испорченную, тем более что она сохранилась в ренессансной копии каролингского списка с раннего оригинала — вопреки мнению Ганиной, допускающей возможность сосуществования форм *Brac(h)ila* < **Brakila* и *Bravila* < **Brahila* со ссылкой на феномен двуименности у древних германцев и, в частности, у готов [ГАНИНА 2010: 46–48, 61]. Собственно, сомнения в правильности *Bravila* допускал и сам Шёнфельд [SCHÖNFELD 1911: 53].

²⁶ В большинстве случаев готские имена с диминутивным суффиксом *-ila* (асс. *-ilan*, основа на *-n-*) усваивались поздней латынью как относящиеся к консонантному типу склонения на *-a*, *-ane*, возникшему или, как минимум, существенно расширившему свою базу под готским влиянием, напр. nom. *Suinthila* (из гот. **Swinþila*), асс. *Suinthilanem*, abl. *Suinthilane*, с окказиональным переходом в склонение на *-us* в номинативе (*Suinthilanus*) [SCHÖNFELD 1911: xxiv–xxv; БЕСКЕР *im Druck*].

²⁷ Типа *Titus* ~ *Titone*, *Petrus* ~ *Petrone*, а также с обратным переходом *Scipio* ~ *Scipioni* (gen.!) [БЕСКЕР *im Druck*].

(per litteras) считает форму на *-us* плодом искусственной латинизации, существовавшим только на письме. По нашему мнению, равно возможен сценарий, в котором именно *Braulius* является исходной, а появление форм с *-o(n-)* обусловлено описанной Бекер интерференцией деклинационных парадигм после преобразования номинативного окончания *-us* в *-o* в народной латыни. В этом случае исчезает формальное основание для реконструкции готского имени слабого склонения (на *-ila* или какого-либо другого) в качестве прототипа.

В литературе имя Браулиона считается этимологически темным. По мнению Л. Бекер, оно может быть дороманским [БЕКЕР 2009: 296]. Во всяком случае, оно отсутствует в “Hispano-gotisches Namenbuch” Й. Пилля и Д. Кремера [PIEL, KREMER 1976] — обобщающем исследовании готской ономастики и топонимики Иберийского полуострова. Имеющиеся просопографические данные также не дают оснований для вывода о готском происхождении сарагосского епископа. Браулион происходил из влиятельной семьи, представители которой занимали высокие должности в католической иерархии Тарраконской провинции²⁸. Это может указывать на старокатолический бэкграунд семьи и, как следствие, на ее испанороманские корни. Что не менее существенно, все известные родственники нашего героя носят христианские имена еврейского, греческого и латинского происхождения. Разумеется, возможность наречения ребенка готским именем в католической испанороманской семье конца VI в. нельзя полностью исключать, но до обращения готов из арианства в католицизм такая практика вряд ли могла быть сколь угодно массовым явлением²⁹.

Продемонстрированная невозможность готской этимологии для имени Браулиона, как кажется, упраздняет тезис о крымскоготском происхождении Бравлина. Следует, тем не менее, признать, что формально вариант *Braulius* не столь уж далек от наших крымских фактов, в особенности от Մրաւլի армянской редакции жития. Настало время вернуться к ним.

²⁸ Его старший брат Иоанн предшествовал ему на посту епископа Сарагосы. Второй брат Фронимиан (от греч. *φρόνιμος* ‘разумный’) был аббатом в монастыре св. Эмилиана, сестра Помпония также служила настоятельницей. Об отце по имени Григорий известно, что он был носителем высокого церковного сана (вероятно, епископом Осмы) [LYNCH, GALINDO 1950: 6; KAMPERS 2008: 315; КОСН 2012: 314–316].

²⁹ Обращение вестготов произошло в 80–90-е годы VI в. при короле Реккареде I (586–601). Дату рождения самого Браулиона помещают между 585 и 595 гг. [КОСН 2012: 315]. Рассуждая об этнической принадлежности Браулиона, авторы испанской монографии [LYNCH, GALINDO 1950: 5] подчеркивают, что в рассматриваемый период готское имя указывало на носителя-гота, а латинское (вероятно, в широком смысле — античное или христианское) могло принадлежать как готу, так и испанороманцу.

Думается, что присутствующие в переводах характеристики Правлиса/Бравлина как представителя “злого и неверного народа” (и предводителя “русской рати” соответственно) не совсем заслуженно сместили внимание исследователей на поиск этимона имени в варварской среде. Между тем автором исходного текста жития, несомненно, был византийский грек (вероятнее всего, клирик), агиография же представляет собой жанр, отличный от этнографии, и своей целью имеет не точное описание исторических деталей, а преподание верующим нравственных образцов для подражания (*ἡ μίμησις τῶν ἀγίων*). Этой цели подчинена как вся композиция (обобщенно-типическая с использованием стандартных мотивов и риторических фигур), так и отдельные элементы рассказа, включая личные имена протагонистов. Последние могли свободно черпаться автором из фонда реально существовавшей и известной ему ономастики, в данном случае греческой, подвергаясь сюжетно необходимым переосмыслениям. С учетом сказанного мы хотим предложить для рассмотрения новую версию происхождения форм *Πρωσλιν* и *Бравлинъ*, возводящую их независимо друг от друга к греческому личному имени *Πραῦλιος*, которое, в свою очередь, образовано от прилагательного *πραῦς* ‘кроткий, смирный’. Возможную мотивировку такого именованья варварского князя в протографе жития мы попытаемся прояснить чуть ниже, сейчас же обратимся к формальной стороне проблемы.

Имя *Πραῦλιος* фиксируется с III в. от Р. Х. Оно особенно характерно для ранневизантийской Малой Азии [CORSTEN 2010: 379]. Известен епископ Иерусалима (417–422 гг.) и несколько других исторических лиц, носивших это имя.

Написание имени в справочниках, основанное на этимологии, — *Πραῦλιος*, однако в источниках зафиксирована только форма *Πραύλιος*, без знака диерезы, который в надписях и рукописях (кроме высокоученых) обычно не ставился³⁰. Стяжение окончания *-ιος* > *-ις* в личных

³⁰ На самом деле разница в произношении между *-αυ-* и *-αῦ-* в интересующую нас эпоху была не столь велика: до IX в. в Византии гласный, обозначаемый “ипсилоном”, совпав по звучанию с древним дифтонгом *οι* (ср. форму *Πραοῖλιος* в надписи 530 г. из Филадельфии [CORSTEN 2010: 379]), сохранял огубленную артикуляцию. В ранних славянских памятниках *ο* и *οι* чаще всего транслитерируются с помощью буквы *ѵ* (“ижица”), генетически продолжающей греческий ипсилон. При ученой транслитерации греч. *Πραῦλιος* давало форму *Праῦли* (см. славянский перевод “Жития св. Порфирия Газийского” в рукописи РГБ, МДА 92.1, с. 285). Начиная с XIII в. появляются примеры, говорящие об итацизирующем произношении *ѵ* под влиянием современного памятникам греческого [Кривко 2004: 321]. Об огубленной артикуляции в более раннюю эпоху могут свидетельствовать нередкие случаи передачи греч. *ο* с помощью диграфа *οϋ* [DIELS 1932: 27–28]. Ученую латинскую передачу этого имени (*Praylius*) мы видим, например, у Кассиодора (*Historia ecclesiastica* 10, 2129, 91: “Hierosolymis vero post Ioannem Praylius suscepit Ecclesiae praesulatum”). Любопытна форма *Prelius*, встречающаяся в латинском переводе греческого “Мученичества свв. Киприана

именах хорошо документируется, в т. ч. материалом греческой эпиграфики Северного Причерноморья [Тохтасьев 2007]. Действительно, форма ΠΡΑΥΛΙΣ засвидетельствована в эфесской надписи III–IV вв. (IEph 2223A). Она идеально соотносится с Պրաւլիս (/Praulis/ или /Braulis/) армянского перевода³¹.

Далее следует вспомнить, что все материальные свидетельства нашего жития относятся ко времени не ранее начала XIV в. и что у нас нет никаких оснований датировать его оригинал — и тем паче оригинал его чудес — значительно более ранним периодом. Между тем в поздневизантийскую эпоху в исконно греческих именах собственных наблюдаются случаи написания Μπ- вместо Π-, указывающие на приобретенную звонкость начального согласного. Так, старое греческое название вифинского города Προῦσα превращается в Μπροῦσα [ˈbrusa] (совр. тур. *Bursa*)³². Объяснимо это характерным для среднегреческого языка озвончением глухих взрывных в позиции перед носовым, а именно в такой позиции оказывался анлаутный согласный, например в сочетании имени с артиклем винительного падежа: (εἰς) τὴν Προῦσαν [is timˈbrusan]³³. Написание τὴν Μπροῦσαν, таким образом, всего лишь отражает фактическое произношение. Звонкий анлаут впоследствии был генерализован, вследствие чего мы наблюдаем ἡ Μπροῦσα в номинативе³⁴. Аналогичное явление наблюдается и в румейском языке — наследнике языка крымских греков (например, ἡ πόρτα произносится в нем как [iˈborta]) [Кисилиер 2009: 195, прим. 12; 418, прим. 5]. Мы считаем, что в рамках того же процесса в греческом языке поздневизантийской Сугдеи, где, очевидно, и было составлено “Житие св. Стефана Сурожского” (или по крайней мере интересующий нас эпизод), произошел переход Πραῦλις > *Μπραῦλις³⁵.

и Иустины” (*Acta sanctorum*, Sept., VII, 217: “Hæc erat audiens Prelium diaconum per suam fenestram”; *ibid.*, 218: “quem per diaconum Prelium didici perfecte; una cum Prelio diacono”). Возможно, что здесь мы имеем дело с псевдоэтимологизирующим написанием (quasi от позднелат. *prelium* < *proelium* ‘битва’), случайно совпавшим по семантике с древнерусским *бранливъ* (от *брань* ‘битва’) вместо *Бравливъ* (см. выше).

³¹ К проблеме ü на этапе Πραῦλις > Պրաւլիս, *Бравливъ* мы вернемся чуть ниже.

³² *Chronica Byzantina breviora* 70, 2, 8: καὶ πάλιν ἔστρεψεν εἰς τὴν Ἀνατολήν, εἰς τὴν Μπροῦσαν; *ibid.* 91, 8: ἡ πόλις ἐχάλασθη ἡ Μπροῦσα.

³³ Изменение формы имени в зависимости от падежа можно наблюдать в среднегреческом названии города Падуя: ἡ Πάδουσα (*Chronica Byzantina breviora* 50A, 6) [iˈpaðuva]; τὴν Μπάδουσα (*ibid.* 51,3, 11) [timˈbaðuva]. Ср. еще ср.-греч. εἰς τὴν πόλιν [is timˈbolin], букв. ‘в Город’ > тур. *Istanbul*.

³⁴ Этот феномен недооценивает в принципе довольно трезвая работа [Кузенков 2012: 57–58], пытающаяся, однако, спасти русское происхождение Бравлина (с “бравальской” этимологией) и не замечающая хронологических проблем последних двух чудес, порожденных публикацией армянской версии жития.

³⁵ При этом западноармянское произношение цц как [b], о чем говорилось в начале статьи, не является релевантным для определения способа записи начального согласного греческой праформы, так как, во-первых, при транслитерации греческих

Представляется, что и здесь триггером озвончения выступила форма аккумулятива с предшествующим артиклем τὸν Πραῦλιν [tomˈbraˈylin] > τὸν *Μπραῦλιν; более того, нельзя исключать и известного по рукописям и надписям написания артикля перед начальной “пи” как τὸμ, что в слитном рукописном тексте дало бы τὸμπραῦλιν. Такая письменная форма могла явиться непосредственным прототипом для *Бравлинъ* древнерусского перевода³⁶. Впрочем, возможно и то, что озвончение начального согласного в греческом имени произошло на некоей более ранней стадии³⁷.

Что же касается проблемы ÷ греческой формы (в этимологическом написании Πραῦλις, см. выше), то мы полагаем, что отсутствие специального обозначения слогового характера “ипсилон” в протографе (посредством знака диерезы, см. выше) не оставляло переводчикам иного выбора, кроме как трактовать греч. -αυ- как /av/ и соответствующим образом транслитерировать его средствами своих алфавитов³⁸.

Остается только догадываться, что могло заставить автора жития назвать варварского вождя именем Πραῦλις. Но поскольку, как указывалось, это имя весьма прозрачно восходит к πραῦς ‘кроткий’, то можно предположить, что сделал он это cum grano salis: дикий варвар-насилник оказался укрощен силой св. Стефана. Впрочем, если образ Правлиса-Бравлина действительно является переработкой фигуры князя Владимира Святого из “корсунской легенды” [Виноградов 2017], то, возможно, в будущем появятся и другие истолкования этого имени.

пот. грор. армянский переводчик мог следовать классическому языку, в котором π регулярно передается через щ [HÜBSCHMANN 1897: 325–326], а во-вторых, звонкий западноармянский щ [b] вполне мог служить для передачи диграфа μπ-.

³⁶ Финаль *-инъ* в др.-рус. *Бравлинъ* указывает на то, что в греческом тексте имя князя впервые появлялось именно как Μπραῦλιν (асс.). Однако же ни в древнерусском, ни в армянском переводе оно не встречается в синтаксической позиции, требующей винительного падежа. Остается очень осторожно предположить, что весь отрывок про нашествие в Vorlage вводился оборотом accusativus cum infinitivo, например: “. . . συνέβη (или λέγουσιν) τὸν Μπραῦλιν [. . .] ἐλθεῖν (соотв. др.-рус. *приде* [. . .] *Бравлинъ* и арм. Պրաւլիս [. . .] էկի).

³⁷ Возвращаясь к “очевидному” сходству имен Πραῦλις и *Braulius* (которое может быть и случайным), следует отметить, что аргументация в пользу их этимологической связи — а направление заимствования в таком случае не вызывает вопросов — должна включать объяснение звонкости начального согласного в испанском имени, подтверждаемой всеми без исключения формами имени в источниках. Обратим здесь внимание на то, что передача имени Πραῦλις вышеупомянутого патриарха Иерусалимского в написанных по-арабски “Анналах” Евтихия Александрийского сер. X в. [Еутусни 1658: 549] как بر ايلوس /brˈylws/ — не что иное, как пример регулярной субституции греч. π через арабск. ب [b].

³⁸ В древнерусской транслитерации греческих диграфов αυ и ευ, где “ипсилон” исторически обозначал второй элемент нисходящего дифтонга, а в интересующую нас эпоху приобрел консонантный характер, наблюдается чередование *av*, *ev* и *av*, *ev*, при этом в памятниках нередко встречается quasi-гиперкорректное (а на деле, вероятнее всего, просто орнаментальное) написание со знаком диерезы, например *Паῦль*, *юῗжинъ* (при *сважино* там же) в Путятиной минее [Кривко 2004: 351].

Библиография

Беляев 1929

Беляев Н. Т., “Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи”, in: *Seminarium konđakovianum. Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова*, 3, Прага, 1929, 215–270.

Васильевский 1915

Васильевский В. Г., *Труды*, 3, Петроград, 1915.

Веселовский 1890

Веселовский А. Н. “Мелкие заметки к былинам”, in: *Журнал Министерства народного просвещения*, 168, 1890, 1–55.

Виноградов 2017

Виноградов А. Ю., “Где крестился князь Владимир? Новые источники и новые версии”, in: А. В. Назаренко, ред., *Эпоха Владимира Святого: государство, церковь, культура*, Москва, 2017, 58–68.

ВМЧ 1904

Великие минеи-четии, собранные всероссийским Митрополитом Макарием. Декабрь. Дни 6–17, Москва, 1904.

Востоков 1842

Востоков А. Х., *Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея*. С.-Петербург, 1842.

Ганина 2010

Ганина Н. А., “Готские имена: проблемы и интерпретации”, in: *Именослов. История языка. История культуры*, С.-Петербург, 2010, 42–63.

——— 2011

Ганина Н. А., *Крымско-готский язык*, С.-Петербург, 2011.

Голубинский 1901

Голубинский Е. Е., *История русской церкви*, 1, Москва, 1901.

Зайцев 2003

Зайцев Ю. П., *Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.)*, Симферополь, 2003.

Кисилиер 2009

Кисилиер М. Л., отв. ред., *Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов*, С.-Петербург, 2009.

Кривко 2004

Кривко Р. Н., “Функции буквы У в древних славянских рукописях: (Преимущественно на материале Бычковско-Синайской псалтири)”, *Russian Linguistics*, 28/3, 2004, 317–359.

Кузенков 2012

Кузенков П. В., “Из истории начального этапа византийско-русских отношений”, *Исторический вестник*, 1, 2012, 52–97.

Мартиросян 2013

Мартиросян Г., “Армянские диалекты (характеристика отдельных диалектов)”, in: *Языки мира: реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии*, Москва, 2013, 334–385.

Могаричев 2007

Могаричев Ю. М., “Об одном из сюжетов Жития Стефана Сурожского (Бравлин из Новгорода или Песах из С-М-К-Рая?)”, in: *Хазарский Альманах*, 6, Киев, Харьков, 2007, 181–191.

МОГАРИЧЕВ ET AL. 2009

МОГАРИЧЕВ Ю. М., САЗАНОВ А. В., СТЕПАНОВА Е. В., ШАПОШНИКОВ А. К., *Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени*, Симферополь, 2009.

НИКОН (ЛЫСЕНКО), ЗАЕЦ 2003

НИКОН (ЛЫСЕНКО), архим., ЗАЕЦ О. Н., “Бравлин”, in: *Православная энциклопедия*, 6, Москва, 2003, 135–136.

РАХНО 2012

РАХНО М. Ю., “Кельтский субстрат крымской Готии”, *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*, 4, 2012, 55–68.

САРГСЯН 2008

САРГСЯН Т. Э., “Житие Стефана Сурожского в армянских манускриптах”, in: *Бахчисарайский историко-археологический сборник*, 3, Симферополь, 2008, 282–298.

ТОХТАСЬЕВ 2007

ТОХТАСЬЕВ С. Р., “Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии”, in: *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского*, С.-Петербург, 2007, 82–118.

ТРУБАЧЕВ 1999

ТРУБАЧЕВ О. Н., *Indoarica в Северном Причерноморье*, Москва, 1999.

ВЕСКЕР 2009

ВЕСКЕР L., *Hispano-romanisches Namenbuch: Untersuchung der Personennamen vorrömischer, griechischer und lateinisch-romanischer Etymologie auf der Iberischen Halbinsel im Mittelalter (6.–12. Jahrhundert)*, Tübingen, 2009.

— im Druck

ВЕСКЕР L., “Konsonantische Deklinationsmuster auf -a, -ane und -o/-us, -one in iberoromanischen Sprachen: Lateinische Kontinuität oder germanischer Superstrateinfluss?” *Onoma* (im Druck).

ВОЗОЯН 2006

ВОЗОЯН А., “La Vie Armenienne de Saint Etienne de Sougdaia,” in: *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*, Paris, 2006, 87–108.

BRAUNE, HEIDERMANNS 2004

BRAUNE W., *Gotische Grammatik mit Lesestücken und Wörterverzeichnis*, 20. Aufl., neu bearbeitet von FR. HEIDERMANNS (= Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte, A1), Tübingen, 2004.

CORSTEN 2010

CORSTEN T., ed., *A Lexicon of Greek Personal Names*, 5A, Oxford, 2010.

DIELS 1932

DIELS P., *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch*, Heidelberg, 1932.

EUTYCHII 1658

РОСОКЦИУС E., ed., *Contextio Gemmarum, sive Eutychie Patriarchae Alexandrini Annales*, Oxoniae, 1658.

FÖRSTEMANN 1900

FÖRSTEMANN E., *Altdeutsches Namenbuch*, 1: *Personennamen*, 2. Aufl., Bonn, 1900.

HÜBSCHMANN 1897

HÜBSCHMANN H., *Armenische Grammatik*, 1: *Armenische Etymologie* (= Bibliothek indogermanischer Grammatiken, 6), Leipzig, 1897.

- IVANOV 2006
IVANOV S., "The Slavonic Life of Stefan of Surozh," in: *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*, Paris, 2006, 118–163.
- KAMPERS 2008
KAMPERS G., *Geschichte der Westgoten*, Paderborn, 2008.
- KOCH 2012
KOCH M., *Ethnische Identität im Entstehungsprozess des spanischen Westgotenreiches*, Berlin, Boston, 2012.
- KOROBOV, VINOGRADOV 2016
KOROBOV M., VINOGRADOV A., "Gotische Graffito-Inschriften aus der Bergkrim," *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, 145, 2016, 141–157.
- KUNIK 1844
KUNIK E., *Die Berufung der schwedischen Rotsen durch die Finnen und Slawen*, S.-Petersburg, 1844.
- LEHMANN 1986
LEHMANN W. P., *A Gothic Etymological Dictionary*, Leiden, 1986.
- LYNCH, GALINDO 1950
LYNCH C. H., GALINDO P., *San Braulio, obispo de Zaragoza (631–651), su vida y sus obras*, Madrid, 1950.
- MORAVCSIK 1983
MORAVCSIK G., *Byzantinoturcica II: Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen*, Leiden, 1983.
- MÜLLER 1987
MÜLLER L., *Die Taufe Rußlands: die Frühgeschichte des russischen Christentums bis zum Jahre 988*, München, 1987.
- OREL 2003
OREL V., *A Handbook of Germanic Etymology*, Leiden, Boston, 2003.
- PIEL, KREMER 1976
PIEL J. M., KREMER D., *Hispano-gotisches Namenbuch: Der Niederschlag des Westgotischen in den alten und heutigen Personen- und Ortsnamen der Iberischen Halbinsel*, Heidelberg, 1976.
- PLRE 1980
MARTINDALE J. R., *The Prosopography of the Later Roman Empire*, 2: A.D. 395–527, Cambridge et al., 1980.
- PRITSAK 1988
PRITSAK O., "At the Dawn of Christianity in Rus': East meets West," *Harvard Ukrainian Studies*, 12/13 (= Proceedings of the International Congress Commemorating the Millenium of Christianity in Rus'-Ukraine, 1988/1989), 1988, 87–113.
- SCHÖNFELD 1911
SCHÖNFELD M., *Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen nach der Überlieferung des klassischen Altertums*, Heidelberg, 1911.
- TISCHLER 1978
TISCHLER J., *Neu- und wiederentdeckte Zeugnisse des Krimgotischen* (= Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Vorträge und kleinere Schriften, 21), Innsbruck, 1978.

References

- Becker L., *Hispano-romanisches Namenbuch: Untersuchung der Personennamen vorrömischer, griechischer und lateinisch-romanischer Etymologie auf der Iberischen Halbinsel im Mittelalter (6.–12. Jahrhundert)*, Tübingen, 2009.
- Becker L., "Konsonantische Deklinationsmuster auf -a, -ane und -o/-us, -one in iberoromanischen Sprachen: Lateinische Kontinuität oder germanischer Superstrateinfluss?" *Onoma* (im Druck).
- Beliaev N. T., "Rorik Iutlandskii i Riurik nachal'noi letopisi," in: *Seminarium kondakovianum*, 3, Prague, 1929, 215–270.
- Bozoyan A., "La Vie Armenienne de Saint Etienne de Sougdaia," in: *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*, Paris, 2006, 87–108.
- Braune W., *Gotische Grammatik mit Lesestücken und Wörterverzeichnis*, 20. Aufl., neu bearbeitet von Fr. Heidermanns (= Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte, A1), Tübingen, 2004.
- Corsten T., ed., *A Lexicon of Greek Personal Names*, 5A, Oxford, 2010.
- Diels P., *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch*, Heidelberg, 1932.
- Ganina N. A., "Gotskie imena: problemy i interpretatsii," in: *Imenoslov. Istoriia iazyka. Istoriia kul'tury*, St. Petersburg, 2010, 42–63.
- Ganina N. A., *Krymsko-gotskii iazyk*, St. Petersburg, 2011.
- Ivanov S., "The Slavonic Life of Stefan of Surozh," in: *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*, Paris, 2006, 118–163.
- Kampers G., *Geschichte der Westgoten*, Paderborn, 2008.
- Kisiliev M. L., ed., *Lingvisticheskaia i etnokul'turnaia situatsiia v grecheskikh selakh Priazov'ia. Po materialam ekspeditsii 2001–2004 godov*, St. Petersburg, 2009.
- Koch M., *Ethnische Identität im Entstehungsprozess des spanischen Westgotenreiches*, Berlin, Boston, 2012.
- Korobov M., Vinogradov A., "Gotische Graffiti-Inschriften aus der Bergkrim," *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, 145, 2016, 141–157.
- Krivko R. N., "The Functions of the Letter y in Old Slavonic Manuscripts (primarily on the Basis of the Material of the Byčkovsko-Sinajskoj Psal'tir)," *Russian Linguistics*, 28/3, 2004, 317–359.
- Kuzenkov P. V., "The Early Stage of Relations between Byzantium and Russia (Historiographical Analysis)," *Historical Reporter*, 1, 2012, 52–97.
- Lehmann W. P., *A Gothic Etymological Dictionary*, Leiden, 1986.
- Lynch C. H., Galindo P., *San Braulio, obispo de Zaragoza (631–651), su vida y sus obras*, Madrid, 1950.
- Martirosyan G., "Armiánskie dialekty (kharakteristika otdel'nykh dialektov)," in: *Iazyki mira: relikto-vye indoevropéiskie iazyki Perednei i Tsentral'noi Azii*, Moscow, 2013, 334–385.
- Mogarichev Yu. M., "About the Plot of Slavonic Life of Saint Stefan of Surozh (Bravlin of Novgorod or Pesakh of Samkray?)," in: *Khazarskii almanakh*, 6, Kiev, Kharkov, 2007, 181–191.
- Mogarichev Yu. M., Sazanov A. V., Stepanova E. V., Shaposhnikov A. K., *Zhitie Stefana Surozhskogo v kontekste istorii Kryma ikonoborcheskogo vremeni*, Simferopol, 2009.
- Moravcsik G., *Byzantinoturcica II: Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen*, Leiden, 1983.
- Müller L., *Die Taufe Rußlands: die Frühgeschichte des russischen Christentums bis zum Jahre 988*, München, 1987.
- Nikon (Lysenko), Zaets O. N., "Bravlin," in: *Pra-voslavaia entsiklopediia*, 6, Moscow, 2003, 135–136.
- Orel V., *A Handbook of Germanic Etymology*, Leiden, Boston, 2003.
- Piel J. M., Kremer D., *Hispano-gotisches Namenbuch: Der Niederschlag des Westgotischen in den alten und heutigen Personen- und Ortsnamen der Iberischen Halbinsel*, Heidelberg, 1976.
- Martindale J. R., *The Prosopography of the Later Roman Empire*, 2: A.D. 395–527, Cambridge et al., 1980.
- Pritsak O., "At the Dawn of Christianity in Rus': East meets West," *Harvard Ukrainian Studies*, 12/13 (= Proceedings of the International Congress Commemorating the Millenium of Christianity in Rus'-Ukraine, 1988/1989), 1988, 87–113.
- Rahno M. Yu., "Celtic substrate of Crimean Gothia," *Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy*, 4, 2012, 55–68.
- Sargsyan T. E., "Zhitie Stefana Surozhskogo v armiánskikh manuskriptakh," in: *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, 3, Simferopol, 2008, 282–298.
- Tischler J., *Neu- und wiederentdeckte Zeugnisse des Krimgotischen* (= Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Vorträge und kleinere Schriften, 21), Innsbruck, 1978.
- Tokhtashev S. R., "Iz onomastiki Severnogo Prichernomor'ia. XX: Zametki po morfologii," *EUCHARISTĒRION*, St. Petersburg, 2007, 82–118.
- Trubachev O. N., *Indoaria v Severnom Prichernomor'e*, Moscow, 1999.
- Vinogradov A. Yu., "Gde krestilsia kniaz' Vladimir? Noveye istochniki i novye versii," in: A. V. Nazarenko, ed., *Epokha Vladimira Sviatogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura*, Moscow, 2017, 58–68.
- Zaytsev Yu. P., *Neapol' skifskii (II v. do n. e. – III v. n. e.)*, Simferopol, 2003.

Acknowledgements

Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2017. Project “Centres’ and ‘Peripheries’ in Medieval Europe.”

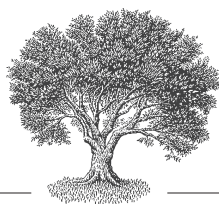
Denis V. Kashtanov

Lidia Becker

доц. **Андрей Юрьевич Виноградов**, канд. ист. наук
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”,
доцент Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук
105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, корп. 1
Россия/Russia
auvinogradov@hse.ru

Максим Игоревич Коробов
Независимый исследователь, Иркутск
Россия/Russia
kormakss@mail.ru

Received June 14, 2016

Indirect Speech Acts in the Speech of the Characters of the *Tale of Bygone Years*

Victor S. Savelyev

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Косвенные речевые акты в речи персонажей “Повести временных лет”

**Виктор Сергеевич
Савельев**

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Abstract

The article states that communication in Old Russian as well as in modern Russian discourse is characterized by the use of mono-functional and poly-functional indirect speech acts. Moreover, the important aspect that helps to specify the illocutive functions of indirect speech acts in Old Russian is their verifiability: the verbal or non-verbal response of the interlocutor as well as the frame constructions, which introduce direct speech (preposition). These constructions are also used in the middle of the utterance (interposition) or at the end of the utterance (post-position). The author of the chronicles observes the communicative purposes of both the speaker and the interlocutor, indicating that the given utterance should be regarded as an indirect speech act. By analyzing the use of mono-functional indirect speech acts in the original dialogue fragments of the Tale of Bygone Years, the author works out their typology. The groups of interrogative and non-interrogative indirect speech acts have been singled out, each of them having certain typical characteristics. The semantics of non-interrogative utterances in most cases is connected with the expression of indirect meanings of time and aspect of verbal forms. The use of interrogative utterances as indirect speech acts is mostly connected with the changes not only in the illocutive function, but also in the propositional meaning of the predicative unit: interrogative utterances with negations should be interpreted as affirmative non-interrogative utterances and vice versa.

The author comes to the conclusion that the use of modern mono-functional indirect speech acts is traditional, since it is identical to their functioning in Old Russian.

Key words

Tale of Bygone Years, mono-functional and poly-functional indirect speech acts

Резюме

В статье устанавливается, что для древнерусской коммуникации так же, как и для современного русского дискурса, свойственно употребление монофункциональных и полифункциональных косвенных речевых актов. При этом важным аспектом определения иллокутивных функций древнерусских косвенных речевых актов является их верифицируемость: о том, что высказывание воспринимается в качестве косвенного речевого акта, свидетельствует вербальная и/или невербальная реакция собеседника, а также то, что в рамочных конструкциях, предваряющих и завершающих реплики, автором текста указываются коммуникативные целеустановки говорящего и собеседника. Анализируя использование монофункциональных косвенных речевых актов в оригинальных (не восходящих к другим текстам) диалогических фрагментах “Повести временных лет”, автор статьи выстраивает их типологию. Выделяются группы невопросительных и вопросительных косвенных речевых актов, для каждой из которых определяются характерные для нее признаки. Семантика невопросительных высказываний в большинстве случаев связана с выражением непрямых видо-временных значений глагольных форм. Использование вопросительных высказываний в качестве косвенных речевых актов чаще всего связано с изменением не только иллокутивной функции, но и пропозитивного содержания предикативной единицы: вопросительные высказывания с отрицанием должны восприниматься в качестве утвердительных невопросительных высказываний, и наоборот. Автор приходит к выводу, что использование современных монофункциональных косвенных речевых актов имеет традиционный характер, будучи тождественным их функционированию в древнерусской речи.

Ключевые слова

Повесть временных лет, монофункциональные и полифункциональные косвенные речевые акты

1. State of the Art

One of the basic concepts used in modern communicative science is the notion of the **indirect speech act** (hereafter—ISA). The ISAs, described in terms of the theory of speech acts [СЕРЛЬ 1986], will be regarded as utterances not with direct illocutionary functions, those “arising from the literal meaning of a sentence” [ПАДУЧЕВА 2001: 44], but utterances with indirect functions. The notion of the ISA allows one to allocate within the communicative potential of an utterance, which is a set of its possible illocutionary functions (hereafter—

IF), the main (direct) one, perceived as devoid of context, and the peripheral (indirect) functions, which are realized in the ISA. The recipient should be able to distinguish between the ISAs and the direct speech acts (hereafter—DSA), and adequately interpret the communicative intention of the speaker, incidentally reconstructing the non-explicatory meanings “hidden” in the ISA. The basis of this ability is that “the use of indirect speech acts is, to a greater or lesser extent, conventionalized” [Лайонз 2003: 269].

The types of ISAs characteristic of Russian speech have been streamlined during the study of the modern discourse, which is quite natural. Meanwhile, an analysis of the Old Russian texts shows that statements with indirect IF were also used in Old Russian communication.

Let us now turn to the analysis of the dialogue fragments of the *Tale of Bygone Years* (hereafter—the *TBY*).¹

The important aspect that helps to define the illocutive functions of ISAs in Old Russian is their verifiability. On the one hand, the IF of the utterance can be established on the basis of the judgment of the response of the interlocutor, who either gives a response or commits a response action. On the other hand, the chronicle dialogue is preceded and followed by a **frame construction**, which lists the participants of the communicative act, their communicative goals and perlocutionary effect, the specific features of the given speech act, the physical conditions of communication, the author’s assessment of the dialogue, etc. For example, in the following fragment **И воевода нача Гѣтополчъ, кажда възлѣ вѣрегѣ, оукарати новгородци, гла: “(а) Что приидосте с хромьцемъ симъ, а вы, плотници сущє? (б) А приставимъ вы хоромъ рѣвентъ нашихъ”. Се слышавше новгородци и рѣша Гѣрославъ, тако: (с) “Заоутра перевеземьса на нихъ. Аще кто не поидеть с**

¹ The material for this research is the *TBY* text from the Hypatian Codex published by [ПСРЛ 1908]. In cases when the text of the Hypatian Codex has certain omissions, they are reconstructed in accordance with the Khlebnikov Chronicle (the comparison of the two chronicles is given in the same edition). In cases when the interpretation of the Hypatian Codex is considered to be erroneous by the *TBY* researchers engaged in the publication of the text, footnotes are provided to the corresponding places in the Khlebnikov Codex and to the chronicles used to reconstruct the Laurentian Codex: the Laurentian, the Radziwill, and the Academic chronicles [ПСРЛ 1926]. The footnotes generally include the Khlebnikov and Laurentian Codex variations, and if only one of them is used, the absence of the second one indicates the coincidence of its interpretation with the interpretation of the Hypatian Codex. Various interpretations can be useful and even necessary for the analysis of the fragments of the *TBY*, which are difficult to analyze without consulting the texts of different chronicles.

To split the text into words, the edition of [ПСРЛ 1908] has been used. However, to split the text into sentences and to punctuate it (if punctuation marks were non-existent in the *TBY*), modern standards have been used. The parentheses after the examples specify the year of the quoted fragment (in accordance with the Byzantine chronology accepted in the *TBY*, from the creation of the world, and the timeline of Christianity). In some cases, it was necessary to give a Modern Russian translation of the corresponding fragments.

нами, то сами потнѣ”. [. . .] Гдрославъ же заоутра, исполчивъ дружиню, противу свѣту перевезеса (6524/1016) the voivode of Svjatopolk utters two ISAs, which formally represent an informative question (a) and the message of an intention (b). However, the reaction of the interlocutor (c—the decision to attack the enemy) and the evaluation of the statement IF by the chronicler in the framework structure (оукарати), as well as the fact that he points to the utterance of the voivode as the cause of the reaction of the Novgorod citizens (се слышавше), confirm that (a) and (b) are indeed ISAs.

The same example shows another important feature of the Old Russian utterances: many of them are illocutionarily poly-functional, which means that the statement can be used simultaneously in several illocutionary functions in the course of one locutionary act.² For example, the utterance (a) is both an evaluative judgment (*Зачем вы пришли . . . ? = Незачем вам было приходить . . . !*) and an insult (the propositive content of the utterance should appear offensive to the interlocutor: the speaker “lowers” the social status of both the interlocutor and his leader). Statement (b) is also polyfunctional: it not only informs about the intention of the speaker but it is also an insult. While (a) is an ISA (the speaker does not expect an answer, and the interlocutor does not perceive this “question” as an actual question), then (b) is a DSA: in order to understand the offensiveness of (b), it is necessary to link it with (a) and to consider (b) as an intention motivated by a derogatory assessment of the abilities of the interlocutor (вы, плотници сүще ⇒ приставимъ вы хоромъ рүбити нашихъ).

In this article, we are going to turn to the analysis of mono-functional ISAs—utterances used with one IF.³ When identifying the types of ISAs, we first list the basic IF of the utterance (the one in which it could be used as a DSA), and then the indirect IF of the utterance (the one in which it is used as an ISA in the given dialogue fragment).

2. Typology of Mono-functional Indirect Speech Acts in the Speech of TBY Characters

I. Statement Concerning the Present

1. Statement Concerning the Past

(1) (a) Црь же наоутрѣа призва га, и рѣ црь: “Да глѣють послѣ рүсци”. Уни же ркоша: “Тако глѣть князь нашъ: «Хочю имѣти любовь съ царѣ грѣцькымъ свѣршену прочаа вса лѣта»” (6479/971), (b) И заоутра Вльга, сѣдши в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ, глѣюще: “Зоветь вы Вльга на чѣть великѣ” (6453/945).

² For details, see [САВЕЛЬЕВ 2016А].

³ The issue of the illocutionarily poly-functional ISA is developed in [САВЕЛЬЕВ 2016А].

The speaker informs of an event that took place prior to the moment of speech, using the present tense. The reason for using the present tense is as follows: under the conditions of the violation of the canonical speech situation, he is guided by the time when his interlocutor gets the message. The most illustrative example in this regard is (1a): the Greek king hears the words of the Russian prince as if they were uttered in his presence.⁴

2. Statement Concerning the Intention of the Speaker

(2) И посла къ дравляноѣ, ркѹщи сице: “Се оуже ндѹ к вамъ, да пристроите меды многы оу города, идеже оубисте мѹжа моего, да поплачюся надъ гробомъ ѣ и створю трызну мѹжю моему”. Уни же, слышавше, свежоша меды многы зъло (6453/945).

When pronouncing the given utterance, Princess Olga is only going to visit the Drevlyane, however, as in (1a) and (1b), she focuses on the time when the interlocutor gets her message.

3. Statement Concerning the Intention of a Person Who is not Involved in the Dialogue

(3) Оу единѹ ноць присла по ма князь Дѣдъ. И придохѹ к нему, и сѣдахѹ дружина около его, и посади ма и рече ми: “[. . .] Да се, Василю, шлю тѹ: ѣди к Василкови со сима штрокома, и молви ему тако: «Уже хоцеша послати мѹжа своего, и воротитса Володимеръ, то вдам ти которыи любо городъ: любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль»”. Азъ же идехѹ к Василкови и повѣдахѹ ему всю рѣчь Дѣдѹ. Ун же рче: “[. . .] Послю к Володимерѹ, да быша не пролыали крови мене дѣла. Но сему ми дивно: да етъ ми градъ свои, або и Теревовль, мота волость, пождавше и ннѣ” (6605/1097).

Prince Vasilko talks of the proposal of Prince Davyd, pointing out that the latter *is* giving him one of the cities; however, Prince Davyd has only declared his intention, the implementation of which depends on the further actions of Prince Vasilko. Thus, Prince Vasilko judges the situation as if the condition of

⁴ The use of the present tense in this type of context is not necessary (for example, По семъ же придоша нѣмци ѿ Рима, гл҃юще, тако: “Придохомъ послани ѿ папежа”. И ркоша ему: “Реклъ ти папѣжь: «Земля твоя тако земля нѣ, а вѣра ваша не акы вѣра наша». [. . .]” (6494 / 986), И рекоша новгородци Ст҃ополку: “Се мы, княже, прислани к тобѣ, и рекли намъ тако: «Не хоцѣмъ Ст҃ополака, ни сѣа его. [. . .]»” (6610 / 1102); the choices of verbal forms in the context of distant communication are described in detail in the article [САВЕЛЬЕВ 2016Б].

It should also be pointed out that in modern communication, when the rules of the canonical speech situation are violated, we often convey the words of another person using statements like *Александра просит Вам передать. . . , Александра говорит, что. . . , Александра обещает Вам. . .*, etc. together with the possible variants like *Александра просила Вам передать. . . , Александра сказала, что. . . , Александра обещала, что. . .*

Prince Davyd has already been fulfilled. In the preceding part of his utterance, Prince Vasilko does agree to fulfill the request of his interlocutor.

4. Call for Action

(4) (a) **Сѣтославъ же и Всеволодъ посласта къ Изяславу, гл҃ше:** “[. . .] **Аще ли хоцеши гнѣвомъ ити и погубити гра, то вѣси, тако намъ жаль штна стола**”. То слышавъ, **Изяславъ остави лахы, иде с Болеславомъ, мало лаховъ поемъ (6577/1069), (b) И послашася паки кигане к Володимеру, глаше:** “**Понди, княже, Киеву. Аще ли не пондеси, то вѣси, тако много зла оудвигнетъса. [. . .]**”. **Се же слышавъ, Володимеръ понде в Киевъ (6621/1113).**

Using the present tense, the speaker urges the interlocutor to perform the action (*сам знаешь > знай, прими во внимание*). It is significant that the verb used here is **вѣдѣти**: modeling the alleged mental state of the interlocutor, who supposedly knows himself what is reported, the speaker is “forcing” him to accept his point of view.

5. Call for Joint Action

(5) (a) **И съѣхаста, и рече Редедѣ къ Мьстиславу:** “**Не шрѣжьемъ са вье-вѣ, но борьвою**”. **И гаста са бороти крѣпко (6530/1022), (b) Половци же, слышавше, тако идуть русь, и собрашася бес числа и начаша думати. И рече Рѣсова:** “**Просимъ мира в руси, тако крѣпко са имуть бити с нами, мы бо много зла ѣворохомъ Рускон земли**” (6611/1103).

As in (4a) and (4b), in (5a) and (5b) the speaker is talking as if the desirable joint action has already been committed.

6. Institutional Statement

(6) **Придоша Сѣтополкъ, и Володимеръ, и Дѣдъ Игоревичъ, и Василко Ростиславичъ, и Дѣдъ Сѣтославичъ, и братъ его Шлегъ, и снаша Любчи на строенье мира. И гше к советѣ, рекуще:** “**Почто гувимъ Рускую землю [. . .]? Шселѣ имѣмъ-са по едино срѣце и съблюдемъ Рускую землю. Кождо держитъ вчѣчинѣ свою: Сѣтополкъ — Киевъ Изяславъ, Володимеръ — Всеволожь [. . .]**”. **И на томъ цѣловаша хрестъ (6605/1097).**

In uttering this (6), the speaker is establishing a norm according to which he is going to act in the future. Thus, the present tense describes what should happen after the Council of Princes in Liubech.⁵

⁵ In all fairness, it should be pointed out that the Laurentian Codex uses the form **да держитъ**.

7. Prediction

(7) Бонакъ же приѣха, повѣда Давыдови, тако: “Побѣда ны естъ на угры”. И завѣтра Бонакъ исполчивъ вон свои — Давыдово .р., а Бонакъ оу .т. стѣхъ — и разлѣли на .г. полкы и поиде ко оугромъ (6605/1097).

Using the present tense, Bonyak is talking about a victory in a battle which has not yet even started as if it were a fait accompli.

Thus, in most cases the use of the present tense in an ISA allows the speaker to describe the event that has not yet occurred as one that is taking place; to convince the interlocutor that the given event is inevitable.

II. Statement Concerning the Future

1. Statement Concerning the Present (Present Tense)

(8) (a) Пришедшию ми в Ладогѹ, повѣдаша ми ладожане, тако сдѣ естъ: “Егда бѹдетъ тѹча велика, нахѣтъ дѣти наши глазкы стекланыи, и малы и великыи, повертаны, а дрыа подлѣ Волховъ верѹтъ, еже выполоскываетъ вода” (6622/1114), (b) И иде въ варагы, и приде въ Римъ, исповѣда, елико наоучи и елико видѣ, и рѣ имъ: “Дивно видѣхъ землю словеньскѹ, идѹщию ми сѣмо. Видѣхъ банѣ древаныи, и пережыгѹтъ я велми, и съвлекѹтсѧ, и бѹдѹтъ нази, и швольютсѧ мытелью, и возмѹтъ вѣнники, и начнѹтъ хвостати, и того собѣ довью, шдва вылѣзѹтъ ле живыи, и обольютсѧ водою стѹденою, и тако шживѹт. И тако творатъ по всѧ дни не мѹчими никым же [. . .]”.

Such ISAs can be found in fragments of the narrative type of the dialogue: the speaker talks about things that can happen, with the ISA contained in an initial predicative unit (hereafter—PU), which describes the condition of the emergence of such a typical situation (see 8a), or in the main part of the story, which describes the sequence of the events (see 8b). The other parts of the utterance contain DSAs with the forms of the present tense in the function of the usual present (8a: нахѣтъ дѣти наши глазкы стекланыи; 8b: тако творатъ по всѧ дни).

2. Statement Concerning the Present (the Present Gnomic)

(9) В се лѣѣ придоша послѣ из немецъ къ Сѹтославоу. Сѹтослав же, величашѣ, показа имъ бѧтѣство свое. Они же, видивше бесценное множество злѧ, и сребра, и паволоѣ, рѣша: “Се ни во что же естъ, се во лежить мрѣво. Сего сѹтъ смѣтъе лѹчше. Мѹжи бѣ доншѹтъ и болша сего” (6583/1075).

The ambassadors, responding to the approval of Prince Svyatoslav, point out that the warriors are more valuable, meaning not a single action in the future but their ability to commit the action.

3. Statement Concerning the Decision

(10) (a) И ре еμϣ ѡдинъ кудесникъ: “Кнаже! Конь, егоже любвиши и ѣздиши на немъ, ѡ того ти оумрети”. Шлегъ же примъ въ оумѣ, си рече: “Николи же всадѣ на конь, ни вижю его боле того”. И повѣлѣ кормити и не водити его к нему (6420/912), (b) Стѡполкъ же шканьнин, злыи оуби Стѣслава, пославъ къ горѣ Оугорькон, бѣжащѣ еμϣ въ оугры. И нача помышлати, тако: “Извѣю всю братью свою и примѣ власть рѣскѣю единъ”. Помысли високооумьемъ своимъ, а не вѣды, тако . . . (6523/1015), (c) Изаслав же иде в лахы со имѣниемъ многимъ и съ женою, оуповаѣ бѣтствомъ многимъ, глѣ, тако: “Симъ налѣзѣ воѣ”. Съже взаша оу него лахове, показаша еμϣ пѣтъ ѡ себе (6581/1073), (d) Азъ же ндохъ к Василякови и повѣдахъ еμϣ всю рѣчь Дѣдѣ. Онъ же рче: “[. . .] ИАко приде ми вѣсть, тако идѣтъ ко мнѣ вереньдичи, и печенѣзи, и торци, и [. . .] помыслихъ: “На землю Ладьскѣю наступлю на зимѣ ꙗ на лѣто и возмѣ землю Ладьскѣю и мѣшю землю Рѣсьскѣю” (6605/1097).

The speaker utters his decision to perform an action in the future or to follow a certain pattern of behavior. More often than not, these utterances are addressed to the speaker himself: the narrator introduces the thoughts of the character to the reader, verbalizing his “inner speech.” This theory is backed up by the fact that it is mentioned in the framework construction that the character (10a) *примъ въ оумѣ, си рече*, (10b) *нача помышлати и помысли високооумьемъ своимъ*, (10c) *иде оуповаѣ бѣтствомъ многимъ*, (10d) *приде ми вѣсть и помыслихъ*. Example (10d) is the most illustrative because in this example, it is not the narrator but the character himself—Prince Vasilko—who tells his interlocutor about his thoughts, seeing them as the reason for the misfortunes he had to endure: *А иное помышленье въ срѣци моемъ не было ни на Стѡполка, ни на Дѣда. [. . .] Но за мое оузнесенье — иже пондоша вереньдичи ко мнѣ, и веселася срѣце мое, и възвеселиса оумъ мои, — и низложи ма Бѣ и смѣри ма.*

4. Call for Action

(11) Рѣ же имъ Шла: “[. . .] Азъ оутро пошлю по вы, вы же рѣте: «Не ѣдемъ ни на конехъ, ни пѣши идемъ, но понесете ны в лодыи», и възвнесутъ вы в лодыи”. И ѡпѣсти ѣа в лодыю (6453/945).

The form of the future tense describes the action Princess Olga encourages her interlocutor to perform. As in (4a), (4b), (5a), and (5b), the speaker uses the ISA as a rhetorical device, allowing them to “impose” their point of view on the recipient.

5. Call for Joint Action

(12) (a) **И не вѣ в ниуѣ правды, и вѣста родѣ на рѣ, и быша оузовициѣ в ни, и воевати сами на сѧ почаша. И ркоша: “Понщемъ сами в советѣ князѧ, иже бы володѣлѣ нами и радилѣ по радѣ, по правѣ”. Идоша за море к варягѣмъ, к рѣси (6370/862), (b) И вѣспаша пре паволочитыгѣ, а словѣне кропинныа, и раздра га вѣтрѣ. И рѣша словенѣ: “И мемъ сѧ свой толѣстинамъ: не даны сѣуть словѣнѣ пре кропинныа” (6415/907), (c) И рѣ Гѣтославѣ: “[. . .] И не имамъ оубѣгнѣти, но станемъ крѣпко, азъ же предѣ вами пондѣ. Аще мога глава лажеть, тоже промыслите ш советѣ”. И ркоша вон: “Идеже главѣ твоеа лажеть, тѣ и главы наша сложимъ” (6479/971), (d) Гѣтославѣ же приа дары и почѣ дѣматн сѣ дружинною своею, река сице: “[. . .] Но створи миръ сѣ црѣмъ, се во ны сѧ по дань галѣ, и то буди доволно намъ. [. . .]”. И любя бы рѣчь сѣ дружинѣ, и послаша лѣпшыни мѣжи кѣ црѣви (6479/971), (e) И рѣ Гвенгелдѣ и Асмѣдѣ: “Князъ оуже почалѣ. Потлгнемъ, дружино, по князи!” И повѣдиша деревьялны (6454/946), (f) И глѣше Володимерѣ, тако: “Гдѣ стоаще чересѣ рѣкѣ, оу грозѣ сен, створимъ мирѣ с ними”. И присташа свѣтѣ семѣ смысленѣи мѣжи — Иднѣ и прочи. Книанѣ же не восхотѣша свѣта сего, но рекоша: “Хощемъ сѧ бити. Постѣпимъ на шнѣ сторону рѣкѣ” (6601/1093).**

ISAs with the forms of the future tense are used to encourage the interlocutor to perform a joint action, the speaker and interlocutor constituting a single social group.⁶ In some cases, this group is undifferentiated (12a, 12b): the utterance of such statements demonstrates the making of a common decision concerning further actions, which labels such statements as self-addressed ones (the whole group is specified as the speaker), and which brings these statements closer to those described in (10). In some other cases, the “head” of the group appeals to all the rest. If the recipient accepts the call, the chronicler either gives his response utterance (12c: **Идеже главѣ твоеа лажеть, тѣ и главы наша сложимъ**)—a response utterance of the warriors, motivated by the second part of Prince Svyatopolk’s speech, expresses their consent to follow him to the end); or gives the response of the recipient in the frame construction (12d: **и любя бы рѣчь сѣ дружинѣ**); or says nothing, giving the reader an opportunity to withdraw the implicit information from the correlation of the appeal and

⁶ We believe that there is no reason to speak about the use of certain specific 1st person plural forms of the imperative, “homonymous” to the 1st person plural forms of the future tense, in the given paragraphs: otherwise researchers would have to define specific “homonymous” forms for each case of the use of verbal forms in a figurative (i.e., non-direct) sense. The morphemic structure of these forms in the chronicles shows that they are not the etymological forms of the imperative, and the use of the present or future tense forms to express inducement, as pointed out by A. I. Sobolevsky [СОБОЛЕВСКИЙ 2005: 253], seems quite natural, since we mean an action that the speaker intends to perform immediately after the speech act or in the near future, and wants to involve his interlocutor in it. The fact that these forms are not grammatically formed as imperative indicators, such as the modern *пойдем* vs. *пойдемте*, is essential.

the descriptions of the subsequent actions (12e: и повѣдиша деревьланы).⁷ If the recipient does not agree with the call—which is a rare case—the narrator states this in the frame construction and gives an utterance explaining the disagreement of the interlocutor (12f: Кианѣ же не восхотѣша свѣта сего, но рекоша: “Хоцѣмъ съ бити. Поступимъ на шнѹ сторону рѣкъ”).

All ISA forms of this type contain the forms of the 1st person plural, with most statements containing clichés uttered in typical communicative situations (“the discussion of ‘the search for’ the Prince”: Понцѣмъ!, Понимѣмъ!; “the speech of the headman, calling to make peace with the enemy”; Створимъ миръ!). It is characteristic that six of fourteen ISAs with IF “call for joint action” contain a cliché Потагнемъ! (Пондемъ!), and the information about the consent of the recipient is given as implicit information (see 12e)—this way of describing events characterizes the speech genre of “a warlord addresses his warriors before a battle.”

6. Institutional Statement

(13) Стѣполкъ и Володимеръ посласта к Олгови, глѣща сице: “Понди Кыкву, ать радъ оучинимъ в Рускон земьлѣ [. . .]. Улегъ же [. . .] не восхотѣ ити къ братома своима, послѣшавъ злыхъ свѣтниківъ. Стѣполкъ же и Володимеръ рекоста к нему: “Да се ты ни на поганыха идеши с нама, ни на дѹмѹ, то ты и ты зло мыслиши на наю и помогати хоцѣши поганымъ. А Бѣ промежи нама бѹдетъ”. Стѣполкъ же и Володимеръ идоста на Волга къ Черниговѹ (6604/1096).

Just as in (6), the speaker sets the standard (*Бог нас рассудит*), which will henceforth determine the relationship between the dissenting brothers-princes.

7. Promise (Oath)

(14) И рѣ Стѣславъ: “[. . .] И не имамъ оубѣгнути, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пондѹ. Аще моя глава лжетъ, тоже промыслите в себѣ”. И ркоша вон: “Идеже главѣ твоя лжетъ, тѹ и главы наша сложѣ” (6479/971).

Uttering a response statement, the warriors do not report about possible future events, but swear allegiance to Prince Svyatoslav.

III. Report of an Event that did not Happen due to the Non-implementation of a Certain Condition

1. Evaluative Judgment, Condemnation of the Events of the Past

(15) Шни же рѣша: “Разъгнѣвалъса Бѣ на ѿци наѣ и расточи ны по странѣ грѣхъ рѣ нашихъ, и предана бы земля наша хрѣтыаномъ”. Володимеръ же рѣ: “То како вы инѣхъ оучите, а сами ѿвѣржени Бѣ? Аще вы Бѣ любилъ

⁷ The latter method of description is the most frequently used one.

ВАСЪ, ТО НЕ БЫСТЕ РАСТОЧЕНИ ПО ЧУЖИМЪ ЗЕМЛЯМЪ. ЕДИНАМЪ ТО ЖЕ МЫСЛИТЕ ЗЛО ПРІАТИ?” (6494/986).

The utterance states, *Вы рассеяны по чужим землям, потому что Бог не любит вас*. It should be noted that the understanding of the ISA in this case is impossible without reference to the content of the two parts of the utterance: the speaker describes a situation exactly the opposite to the one which is true (*Вы не были бы рассеяны по чужим землям vs. В действительности вы рассеяны по чужим землям*), which gives a pejorative connotation to the views expressed in the second part of the structure (*Бог любил бы вас vs. В действительности Бог не любит вас*).

All the statements given above are non-interrogative. As we can see, in most cases their use as an ISA is associated with the use of special verbal forms. Present forms are used in constructions describing events that took place prior to the moment of speech or the events that, according to the speaker, should occur in the future, and the degree of probability of their implementation is estimated differently. Future tense forms express the meaning of the usual present and the gnomic present, and are also used in the constructions describing future events, the implementation of which seems problematic to the speaker, which makes him add to them a modal evaluation. It is characteristic that the use of past tenses in mono-functional ISAs is extremely rare.⁸ Example (15) may be considered as an exception—a statement that describes the condition in which the past situation would not have emerged. Thus, the use of mono-functional non-interrogative ISAs is primarily related to the changes of the semantics of the verb forms—in terms of tenses or modality.

IV. Call for Information (Verifying Question)

1. Call for ACTION

(16) (a) **И заутра, въставъ, рече к сущимъ с нимъ оученикомъ: “Видите горы сиа? Іако на сихъ горахъ възсидеть блѣтъ Бѣжиа. Имаѣ и городъ великъ быти, и цркви многы имаѣ Бѣ въздвигнути”, (b) И послаша киянѣ къ Стославу, глюще: “Ты, княже, чюжен земли ищеш и блюдеш, а своета са лишивъ. Малѣ во на не въззаша печенѣзи, и мѣрь твою и дѣти твоихъ. Аще не придеши, ни вброниши на, да паки въззмуть. Аще ти не жаль втѣчины своета, и мѣрь, стары суща, и дѣти свой?” То слышавъ, Стославъ вборзѣ въсѣдъ на кони съ дружиною своею и приде къ Киеву, и цѣлова мѣрь свою и дѣти своа, съжалиси ѡ бывшѣ ѡ печенѣгъ (6476/968).**

Uttering an interrogative sentence, St. Apostle Andrew encourages his disciples to look in the necessary direction. The citizens of Kiev do not want to

⁸ At the same time, they can be found in the poly-functional ISA; see [СОВОЛЕВСКИЙ 2005: 253].

know if Prince Svyatoslav has pity either for his own homeland or for his loved ones, but urge him to have pity for them, and manage to put their message across: **то слышавъ, Стѣславъ [. . .] съжалиси ѿ бывшеѣ ѿ печенѣгъ.**

The example (16b) is characterized by a feature already mentioned in (15) and characteristic of the majority of interrogative ISAs (both verificative and informative): the utterance with a negation should be seen as an affirmative one and vice versa (*Тебе не жаль?* > *Пожалей!*).⁹

2. Evaluative Judgment

(17) (a) **И придоша въ градъ, и рекаша людие: “Почто гүбите себе? Коли можете перестопати наѣ? Аще стонте ꙗко лѣ, что можете створити намъ? Имѣмъ во кормлю ѿ землѣ. Аще ли не вѣрүете, да видите свонма шчима”** (6505/997), (b) **И створиша вѣче въ граѣ и рѣша: “Се хочемъ помрети ѿ глада, а ѿ княза помочи нѣтъ. Да лүче ли ны оүмрети? Вдадимса печенѣгомъ, да кого ли шживѣ, кого ли оүмртѣвать. Оүже помраемъ ѿ глада”. И тако свѣтъ створиша** (6505/997).

The speaker expresses his judgment on the impossibility of performing an action in the future (see 17a) or that it would have negative consequences (17b).

3. Reminder

(18) **Всеволодъ же исповѣда емү все бывшек. ꙗко рѣ емү Изаславъ: “Брате, не түжи! Видиши во, колко са мнѣ сключи зла? Первое во, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разгравниша? И пакн, кюю винү створилъ есмь? Не изгнаста ли вы мене, врата своа? И не блүди ли по чюжимъ земламъ, имѣнья лишень выхъ, не створи зла ничтоже? ꙗко нынѣ, врдѣ, не түживѣ. [. . .]”. И се рекъ, гүтѣши Всеволода и повѣ зврнати воа ѿ мала до велика** (6586/1078).

It should be pointed out that the IF “reproach” detected in connection with the whole utterance (18) is derived from the correlation of this syntagm with other syntagms, complementing it: if these “additional” syntagms were not pronounced, the statement would not be understood as a reproach (cf: **И не блүди ли по чюжимъ земламъ + имѣнья лишень выхъ + не створи зла ничтоже?** > *Я скитался по чужим землям, хотя и пострадал безвинно: меня лишили имущества, хотя никакого зла я не сотворил* vs. ***И не блүди ли по чюжимъ земламъ** > *Я скитался по чужим землям*). Thus, this additional IF is characteristic of a complex of speech moves¹⁰ rather than of each taken individually, and therefore the ISA (18) should not be considered a poly-functional statement.

⁹ This feature of the interrogative ISA will be given more attention after the description of the ISA of the given type.

¹⁰ Read more about the elementary and complex speech moves and turns in [Соволевский 2005: 253].

In contrast to (18), the utterance in the same question **Не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбнша?** is poly-functional: the speaker simultaneously reminds his brother of the past and reproaches him, and each PU, constituting a statement, is seen as a reminder and as a reproach, even if the second PU is “removed.”

The utterance **Не изгнаста ли вы мене, брата свога?** is more difficult. On the one hand, the IF “rebuke” is set by correlating the contents of two syntagms, constituting a complex speech move (**Не изгнаста ли вы мене + брата свога?** > *Вы поступили плохо, изгнав своего брата*). On the other hand, even if the second part of the structure is omitted, the first will be illocutionarily poly-functional due to its personal mode of address: the subject of a proposition, describing a negatively evaluated event, coincides with the recipient, and therefore this part of the statement is perceived as a reminder and as a reproach (***Не изгнаста ли вы мене?** > *Это вы меня изгнали*). The second part of the structure, because it is not propositive, has no illocutionary poly-functionality, but is communicatively significant: it does not allow the recipient to doubt that the speaker is turning his attention to his being involved in a negatively evaluated action.

4. Call for Information (Informative Question)

(19) (a) **И въстѹжиша люде в городѣ и ркоша: “Нѣ ли кѣ, иже вы на шнѹ странѹ могла донти?”**¹¹ «аще не пристѹпите оутро подѣ городѣ, преда-тиса имамѣ печенѣгѣ». **И рѣ ѡдинѣ штрокѣ: “Азѣ могу пренти”** (6476/968), (b) **Шнѣ же изыде изѣ града съ оуздою и хожаше сквѣзѣ печенѣгы, глѣ: “Не видѣ ли конѣ никтоже?”** — **бѣ бо оумѣта печенѣскы, и и мнѣхѹ и своныхѣ** (6476/968).

ISAs (19a) and (19b), as formally negative utterances which require the validation of the stated information, are actually pronounced in order to see who can be the agent of the proposition described in the utterance (the pronouns **кто** and **никто** are used in the same function): *Нет ли кого, кто мог бы . . . ?* should be seen as *Кто может . . . ?* and *Никто не видел коня?* means *Кто видел коня?*

V. Information Required (Informative Question)

1. Evaluative Judgment

The ISAs of the given type can be observed in the *Tale of Bygone Years* most frequently. They often include pronominals in the cataphoric function, which replace the syntactic positions in the predicative units [PU]. These syntactic positions can correlate both with nouns and with proposition predicates.

¹¹ Laurentian Codex: add. **и рѣ имѣ.**

A. Utterances with **КТО**

(20) Мъстиславъ же, ѡ свѣтъ збоуѣтра и видѣ лежачи исѣчени ѿ сво^ѡхъ сѣвѣръ и варагы Іарославѣ, и рѣ: “Кто сему не р^а? Се лежитъ сѣверанинъ, а се варагъ, а своа дружина цѣла” (6532/1024).

The pronoun **кто** refers to the grammatical patient in the position of the subject.

B. Utterances with **ЧТО**

(21) (a) Рѣша ему: “Данъ сѣна свое^ѡ, дамы и вѣмъ”. Онъ же рѣ: “Аще сѣтъ вѣзи, то единого себе послють бѣ, да помутъ сѣна моего. А вы чѣму перетеребуете илтъ?” И клануша и “сѣкоша сѣни подъ ними, и тако повиша га (6491/983), (b) И се слышавъ, Глѣбъ въспи велми съ слезами и плачаша по шѣци, паче же и по братѣ, и нача молитиса со слезами, глѣ: “[. . .] Аще бо выхъ, брате, видилъ лице твое ангѣлоу, оумерлъ выхъ с тобою. Нынѣ же что ради всташъ азъ единъ? [. . .]” (6523/1015), (c) И рѣша ему¹² мѣжѣ смысленѣи: “По что вы распрю имата межн собою, а погани гѣбать землю Рускую? Послѣдъ са смирита, а нѣтъ пондита противу имъ, любо с миромъ, любо ратью” (6601/1093), (d) Іарополкъ же идаше по немъ, плачаша съ дружиною своею: “Шче, шче мон! Что еси бес печали пожн на свѣтъѣ семь, многи напасти приемъ ѿ людѣи и ѿ братья своета? [. . .]” (6586/1078).

The use of the pronoun **что** (21a: чѣму; 21b: что ради; 21c: по что) with or without prepositions is mainly connected with the expression of the meanings of cause and motive, but, at the same time, they cannot be differentiated. The use of the pronoun **что** in (21d), where it expresses a quantitative meaning, should be mentioned as an individual case.

C. Utterances with **КАКО**

(22) (a) И не послуша сего, помышляа: “Како ма хотѣть яти, шногды цѣловали хрестъ, рекуще: «Аще кто на кого бѣдетъ, хрестъ на того и мы вси?»» И помысливъ си, перехрестиса, река: “Волъ Гнѣ да бѣдетъ” (6605/1097), (b) И рече Гѣтополкъ: “Брате, ты почни”. И рече Володимерь: “Како га хочю молвити, а на ма хотѣть молвити твоа дружина и моа, рекуще: «Хощетъ погѣбити смерды и ролью смердомъ!»? [. . .]” (6619/1111), (c) И въпросиша колодникъ, глше: “Како васъ толка сила и многое множество, не могосте са противити, но воскорѣ повѣгостѣ?” Си же швѣщеваху, глюще: “Како можемъ вѣтиса с вами? А дружинъ вѣдаху верху васъ въ шрѣжн свѣтлѣ и страшнн, иже помагаху вамъ!” (6619/1111).

In all ISAs, which include the pronominal adverb **како**, there can be observed predicates which consist of a modal verb and the infinitive of a notional verb. At the same time, the PU which includes **како** describes the event which is

¹² Laurentian Codex: *има*.

being evaluated and the implementation of which is ‘limited’ by the condition, stated in the following PU.

The utterances which include the verb **хотѣти** in the present tense form refer to the intention of the subject of the proposition to take action, expressed by the infinitive, either at some time after the moment of speech (see 22a) or shortly after the given utterance was made (see 22b). In the second case, the speaker evaluates the possibility of taking the verbal action, which he, supposedly, does not dare to take (*Как же мне говорить, если . . .*): this so-called masking strategy of both speech and behavior allows him to express his point of view and, at the same time, to forestall the possible objections of the interlocutor.

In (22c) the modal verb **моци** is used. It is remarkable that although the given event took place in the past, the speaker uses the form of the present tense as in (22a) and (22b) in the meaning of the *gnomic present*.

D. Utterances with **КИИ**

(23) (a) **Рѣ** же има **Іань**: “[. . .] Которому **Бѣ** вѣрѣта?” **Вна** же рекоста: “**Антихрѣстѣ**”. **Вн** же **рѣ** има: “То гдѣ естъ?” **Вна** же рекоста: “**Сѣднѣ** въ **безднѣ**”. **И рѣ** има **Іань**: “То **кии** естъ **Бѣ**, **сѣдѣ** въ **безднѣ**? То естъ **бѣсѣ** [. . .]” (6579/1071), (b) **Всеволодѣ** же исповѣда ему все бывшєк. **І рѣ** ему **Изяславѣ**: “**Братє**, не тѣжи! **Видиши** бо, колко **са** **мнѣ** **склѣчи** **зла**? **Первое** бо, **не** **выгнаша** ли **мене** и **имѣнє** **мое** **разгравнѣша**? **И** **паки**, **кѣю** **винѣ** **створила** **есмь**? [. . .]” (6586/1078).

The pronoun **кии** takes the position of an attribute of the noun, the truthfulness of its denotative meaning is somehow discredited by the speaker (the Magi’s god is not god, thus, the fault of Iziaslav is not a fault).

E. Utterances with **КДЕ**

(24) **И** **се** **слышавѣ**, **Глѣбѣ** **въспи** **велми** **съ** **слезами** и **плачасѣ** **по** **вѣтци**, **паче** **же** и **по** **братѣ**, и **нача** **молнитсѣ** **со** **слезами**, **глѣ**: “[. . .] **Аще** **бо** **выхѣ**, **братє**, **виднѣ** **лице** **твое** **анѣлокє**, **оумерлѣ** **выхѣ** **с** **товою**. **Нынѣ** **же** **что** **ради** **встахѣ** **азѣ** **единѣ**? **Кде** **сѣуть** **словеса** **твоя**, **паче** **глѣ** **аше** **ко** **мнѣ**, **братє** **мон** **любимыи**? [. . .]” (6523/1015).

The ISA with the pronominal adverb **кде** [where] is observed in the same passage as (21b). The use of two ISAs, one after another, allows the speaker to express the sorrow he feels after he lost his beloved brother.

F. Utterances with **ЧТО СДѢЛАТИ**

(25) **И рѣ** **варягѣ**: “**Не** **сѣ** **то** **вѣи**, **но** **дрєво**. [. . .] **А** **Бѣ** **единѣ** **естъ**, **емѣже** **слѣ** **жати** **грѣци** и **кланѣютсѣ**, **иже** **створила** **нєво**, и **землю**, и **члѣвка**, и **зѣвѣзды**, и **слнцє**, и **лунѣ** и **далѣ** **естъ** **жити** **на** **земли**. **А** **си** **вѣи** **что** **сдѣлаша**? **Гамн** **дѣлани** **сѣуть**. [. . .]” (6491/983).

The pronominal use of a verb can also be observed in the *TBY*: the predicative combination (predicative complex) *что сдѣлаша* replaces those predicative combinations that could have been used in the response utterance if the speaker's question had not been an ISA, implying that pagan 'gods' did nothing [*ничего не сделали*].

2. Reminding of the Past, Stating Intentions, and Describing the Current Situation and Affairs

(26) (a, b, c) *Давыдъ же, имъ вѣры лживымъ словесемъ, нача молвити на Василка, гла сице: "(а) Кто есть оубилъ брата твоего Ярополка, (b) а нынѣ мыслить на та и на ма (с) и сложилъся есть с Володиме-ромъ? Да промышляи си в своен головѣ!"* (6605/1097).

Example (26) presents a number of ISAs united by a common agent and expressed by the pronoun *кто*. Example (26a) reminds the interlocutor of an action, which the person they talk about committed earlier; (26b) states his intention; and (26c) speaks about the current situation, which is the result of his previous actions. Correlation of the propositive meanings of these three PUs should make the interlocutor consider the speaker's words as a warning (26a, 26b, and 26c cannot be regarded as a warning individually), moreover, the given IF is also typical of the PU *Да промышляи си в своен головѣ!*—the utterance, used here as a DSA.

3. Unfavorable Forecast

(27) (a) *Стѣславъ же приа дары и почѣ думати съ дружиною своею, река сице: "[. . .] А Рѣкаа земля далече есть, а печенѣзи с нами ратни, а кто ны поможѣ? [. . .]"* (6479/971), (b) *И рѣша оубиши Оурусовѣ: "Аще са ты боиши рѣси, но мы са не боимъ. Сихъ во избивше, и поидемъ в землю ихъ, и примемъ вса грады ихъ. И кто избавить ихъ ѿ насъ?"* (6611/1103), (c) *И стопа Ольга лѣто цѣло, и не можаше взати города, и оумысли сице: посла къ городѣ, ркѣши: "Чего хоцете досѣдѣти? [. . .] А вы хоцете голодомъ измерети, не имѣчися по дань"* (6454/946), (d) *И придоша въ градъ, и рекаша людие: "Почто гвѣните себе? Коли можете перестоати на? Аще стоите .і. лѣтъ, что можете створити намъ? [. . .]"* (6505/997).

In examples (27a) and (27b), the pronoun *кто* refers to the agent. In example (27c), the pronoun *что* at the verb *досѣдѣти* replaces the object, which should be taken as a proposition (at the end of the utterance, made by Princess Olga, this proposition is verbalized: *вы хоцете голодомъ измерети*). In (27d), a pronominal verb is used (comp. to 25).

It should be stressed that (27a) is a forecast unfavorable for the speaker; (27b) for the participant of the proposition who is not a communicant; and (27c) and (27d) for the interlocutor.

4. Apprehension

(28) (a) Володимиръ же рѣ: “То како вы нигѣхъ оучите, а сами ѿвѣржени Бѣ? Аще бы Бѣ любилъ васъ, то не бысте расточени по чужимъ землямъ. Еда и намъ то же мыслите зло прѣати?” (6494/986), (b) Видѣвъ же мало дружины своѣа, рѣ в себе: “Егда, како прелѣстивше, изъвьють дружиню мою и мене?”, бѣша бо мнози погыбли на полку. И рѣ: “Пондѣ в Рѣ и приведу боле дружины” (6479/971).

The speaker expresses apprehension that the event unfavorable for him can take place. At the same time, he addresses his utterance either to the interlocutor (see 28a), or to himself (see 28b): in the second case, as in (10), the narrator verbalizes the ‘inner speech’ of the character, showing its specific nature in the frame construction (рѣ в себе).¹³

5. Hope

(29) Она же не хоташе ити, яко в поганыа, и рѣ им: “Ачче бы ми сде оумрети”. И рѣста е врата: “Егда како швратить Бѣ Рѣскую землю в покаяние, а Грѣчкюю землю избавиши ѿ лютыа рати? [. . .]” (6496/988).

In contrast to (28b), the speaker expresses his hope that the mentioned event will take place; in both cases the conjunction *егда* is used, but at the same time its meaning is so different from the meaning of a time conjunction “when” *когда* that there is a question as to whether these interrogative utterances are verificative. However, attention should be paid to the fact that both in (28) and in (29), the participants of communication speak about future events, and the possibility of their implementation is the subject the speaker is really worried about. It is the combination of two time zones—the moment of speech and the event following it—that accounts for the use of a time conjunction.

VI. Call for Information (Combination of Verifying and Informative Questions)

A number of *TBY* passages include constructions where two ISAs are used together: the verifiable question, the IF of which is ‘calling to an action,’ and the informative question, the IF of which is the ‘evaluative judgment’:

(30) (a) И рѣ Блѣдъ Гѣрополку: “Видиши ли, колко вон оу брата тѣвѣ? Намъ ихъ не вереворѣти. И твори миръ съ брѣмъ своимъ”, лста подь нн, се

¹³ It should be pointed out that the conjunctions *егда* and *еда* are used synonymously in the given fragments (this feature was noted by I. I. Sreznevsky, who used the contexts in the given type of ISAs as examples; see [СРЕЗНЕВСКИЙ 1893: 807, 808]). Particularly, they can be used in the same sentences in various chronicles; thus, in the fragment *Ркоша же дружина Игорева*: “Да аще сице глѣтъ ѣръ, то что хошемъ воле того: не вивши, имати злато, и серебро, и паволокы? Еда кто вѣсть, кто шдолѣть: мы ли, они ли? Или с моремъ кто свѣтень? Се во и не по земан ходимъ, но по глѣвинѣ морьстни, и швѣча смѣръ всѣмъ” (6452/944), the conjunction *еда* is used in the Hypatian Codex and *егда* is used in the Laurentian Codex.

рѣ. И рѣ Пдрополкъ: “Тако бѹди” (6488/980), (b) Уна же не хоташе ни, тако в поганьша, и рѣ им: “Лѹче бы ми сѣде оумрети”. И рѣста еи брата: “[. . .] Видиши ли, колко зло створиша рѹсь грѣкомъ? Нынѣ же, аще не идеши, то же имѹтъ творитъ намъ”. И удва принѹдиста (6496/988), (c) І рѣ емѹ Изяславъ: “Братѣ, не тѹжи! Видиши бо, колко сѹ мнѣ склѹчи зла? [. . .]”. И се рекъ, ѹтѣши Всеволода (6586/1078).

In all of these utterances the first position is taken by the ISA in the form of the 2nd person present tense **видиши**, which forms the mental modus structure:¹⁴ the interlocutor, supposedly, evaluates the current situation himself, although in fact the speaker adduces his own point of view, which is expressed by the following ISA with the pronoun **колко**, meaning a great number/amount of the evaluated thing: (30a: *Сколько воинов?* = *Много воинов*; 30b и 30c: *Сколько зла?* = *Много зла*).¹⁵

It should be pointed out that such ‘compound’ ISAs are observed in dialogues in which the speaker, by means of changing different strategies of speech and behavior,¹⁶ tries to convince the interlocutor of something, and each time he succeeds. Thus, the chronicler regards ‘compound’ ISAs as utterances that allow him to achieve the perlocutive effect he wants in a discussion the result of which is not obvious.

*

Concluding the analysis of interrogative ISAs, let us once again discuss the feature that has been discovered when describing example (16b). As we can observe, in most cases the use of interrogative utterances as ISAs is connected with the following semantic changes in the propositions:

- if an utterance, which is understood literally, expresses a negative judgment (formally, it is expressed by the negative particle **не**), it should be interpreted as a positive one (16b: *Тебе не жаль?* > *Пожалей!*; 18: *Не скитался ли я по чужим землям?* = *Я скитался по чужим землям!*; 19a: *Нет ли кого, кто мог бы. . . ?* = *Кто может. . . ?*; 19b: *Никто не видел. . . ?* = *Кто видел. . . ?*; 20: *Кто этому не рад?* = *Все этому рады!*),

- if an utterance, which is understood literally, expresses a positive judgment, it should be interpreted as a negative one (17a: *Можете ли вы перестоять нас?* = *Вы не можете перестоять нас!*; 17b: *Лучше ли нам будет, если мы умрем?* = *Если мы умрем, нам лучше не будет!*; 21a: *Зачем вы совершаете им*

¹⁴ Compare with (16a), where the verb is used in its literal sense.

¹⁵ This reveals a pattern: in cases when, determining the number of the positively evaluated object, the speaker refers to the lack of it (see 21d: *Сколько ты без горестей пожил на этом свете?* = *Мало ты пожил на этом свете без горестей!*), and in cases when, determining the number of the negatively evaluated object, the speaker refers to its redundancy (see 30a, 30b, and 30c).

¹⁶ Concerning speech behavioral tactics, see [ВЕРЕЩАГИН, КОСТОМАРОВ 2005: 524, 525].

требы? = *Вам незачем совершать им требы!*; 21b: *Зачем я остался один?* = *Мне незачем оставаться одному!*; 21с: *Зачем вы ссоритесь?* = *Вам не следует ссориться!*; 22а: *Как же меня собираются схватить, если. . . ?* = *Меня не могут собираться схватить, поскольку. . . !*; 22b: *Как же я буду говорить, если. . . ?* = *Я не могу говорить, поскольку. . . !*; 22с: *Как мы можем биться с вами, если. . . ?* = *Мы не можем биться с вами, поскольку. . . !*; 23а: *Какой это Бог. . . ?* = *Это не Бог. . . !*; 23b: *Какой я проступок совершил?* = *Я никакого проступка не совершал!*; 24: *Где твои речи. . . ?* = *Твоих речей больше нет. . . !*; 25: *Что эти “боги” сделали?* = *Эти “боги” ничего не сделали!*; 27а: *Кто нам поможет?* = *Никто нам не поможет!*; 27b: *Кто избавит их от нас?* = *Никто не избавит их от нас!*; 27с: *Чего вы хотите дождаться?* = *Ничего хорошего вы не дождетесь!*; 27d: *Что можете нам сделать?* = *Ничего нам не можете сделать!*.

Thus, as it has turned out, the feature that is so typical of modern Russian discourse has a long history and is quite traditional.

3. Conclusions

The analysis allows for the following conclusions:

1. The use of ISAs is typical not only of modern but also of Old Russian communication. ISAs in Old Russian can be used both as mono-functional and poly-functional utterances.

2. Mono-functional ISAs can be observed in 33 of 320 original (i.e., not observed in other texts) dialogue passages of the *TBY*. At the same time, more often than not, more than one ISA is used in a certain dialogue passage: the total number of mono-functional ISAs is 82 utterances.

3. The semantics of non-interrogative mono-functional ISAs (44 utterances) in most cases is connected with the expression of indirect time and aspect of verbal forms (present forms referring to events in the past, future forms to unreal events, and so forth).

4. 38 mono-functional ISAs are interrogative utterances. In the majority of cases their semantics is narrowed to the statement of a certain evaluative judgment; at the same time, in the structure of the proposition the semantic operator of negation is replaced by the semantic operator of assertion and vice versa.

5. The types of mono-functional ISAs, singled out in the course of the analysis, can be observed in modern Russian discourse as well, which allows us to assume that they are quite traditional.

Bibliography

ВЕРЕЩАГИН, КОСТОМАРОВ 2005

ВЕРЕЩАГИН Е. М., КОСТОМАРОВ В. Г., *Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы*, Москва, 2005.

Лайонз 2003

Лайонз Дж., *Лингвистическая семантика. Введение*, Москва, 2003.

Падучева 2001

Падучева Е. В., *Высказывание и его соотносительность с действительностью*, 2-е изд., Москва, 2001.

ПСРЛ 1908

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, 2-е изд., С.-Петербург, 1908.

— 1926

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, 1: Повесть временных лет, 2-е изд., Ленинград, 1926.

САВЕЛЬЕВ 2016А

Савельев В. С., “Древнерусские иллокутивно полифункциональные высказывания: сообщения о бывшем, настоящем и будущем (на материале «Повести временных лет»)”, *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2, 2016, 79–105.

— 2016Б

Савельев В. С., “Функции глагольных форм настоящего времени в речи персонажей «Повести временных лет»”, *Филология и человек*, 2, 2016, 127–142.

СЕРЛЬ 1986

Серль Дж. Р., “Косвенные речевые акты”, in: *Новое в зарубежной лингвистике*, 17, Москва, 1986, 195–222.

СОБОЛЕВСКИЙ 2005

Соболевский А. И., *Лекции по истории русского языка*, 5-е стер. изд., Москва, 2005.

СРЗНЕВСКИЙ 1893

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка*, 1, С.-Петербург, 1893.

References

Lyons J., *Linguistic Semantics: An introduction*, transl. into Russian, Moscow, 2003.

Paducheva E. V., *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu*, 2nd ed., Moscow, 2001.

Savelyev V. S., “Old Russian Utterances with Illocutionary Multifunctionality: Communications about the Past, Present and Future (on the basis of ‘The Tale of Bygone Years’).” *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2, 2016, 79–105.

Savelyev V. S., “Functions of Present Tense Forms in Direct Speech in ‘The Tale of Bygone Years’,” *Filologiya i chelovek*, 2, 2016, 127–142.

Searle J. R., “Indirect Speech Acts (transl. into Russian),” in: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, 17, Moscow, 1986, 195–222.

Sobolevskiy A. I., *Lektsii po istorii russkogo yazyka*, 5th ed., Moscow, 2005.

Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G., *Iazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientny*, Moscow, 2005.

Виктор Сергеевич Савельев, канд. филол. наук

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

филологический факультет, доцент кафедры русского языка

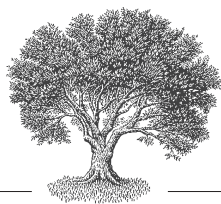
119991 Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ, 1-й корпус гуманитарных

факультетов, филологический факультет

Россия / Russia

alfertinbox@mail.ru

Received May 25, 2016

“Летопись Монаха Сазавского” и Киевская летопись: сравнение методов историописания*

Йитка Комендова

Университет им. Ф. Палацкого
Оломоуц, Чехия

The Chronicle of the Monk of Sazava and the Kievan Chronicle: A Comparison of the Historiographical Method

Jitka Komendová

Palacký University Olomouc
Olomouc, Czech Republic

Резюме

Статья посвящена определению основных черт историописания, характерных для “Летописи Монаха Сазавского”, одного из чешских латиноязычных историографических произведений, относящихся к группе так называемых “Продолжений Козьмы Пражского” (*Continuationes Cosmae*), и соотнесению авторского метода Сазавского монаха с методом, использованным в древнерусском летописании того же времени, а именно в Киевской летописи. В статье исследуется роль хронологической линии в нарративной структуре обоих произведений и выявляется тенденция к нарушению или ослаблению погодной сети, которое, однако, не имеет последовательного характера, и хронологическая линия не заменяется другим структурообразующим принципом (как, например, в Галицко-Волынской летописи). Данный подход определяется как гибридизация анналистической структуры. Тенденция к нарушению погодной сети связана и с включением самостоятельных литературных памятников в хронологически построенное изложение истории, что особенно наглядно в способе,

* Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky finanční podpoře Filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci v letech 2016–2018 z Fondu pro podporu vědecké činnosti.

которым Монах Сазавский вставил в хронологическое повествование Козьмы текст под заголовком “De exordio Zazavensis monasterii”. Типологическое сходство между “Летописью Монаха Сазавского” и Киевской летописью проявляется также в способности инкорпорировать тексты нелитературного (юридического) характера. В обоих сравниваемых памятниках авторский субъект играет большую роль, чем в анналах, однако — особенно в Киевской летописи — не настолько значительную, как в авторских хрониках латинского средневековья, в том числе Чешской хронике Козьмы Пражского. В этом смысле анализируемые памятники определяются как тексты, вышедшие за рамки жанра анналов, но и не ставшие хрониками, так как их авторы не смогли преодолеть разнородный характер используемых источников, дать тексту цельную повествовательную перспективу и выступать в тексте в качестве авторитета, определяющего способ повествования, а также гарантирующего качество использованных источников и достоверность оценочных суждений.

Ключевые слова

Летопись Монаха Сазавского, Киевская летопись, Древняя Русь, Чехия, жанр, историография

Abstract

The article defines the main characteristic features of the Chronicle of the Monk of Sazava, one of a number of Bohemian Latin historiographic works that belong to the group of so-called continuations of Cosmas’s chronicles (*Continuationes Cosmae*); the article compares the method of the Monk of Sazava with the method used in Old Russian historiography of the same period, namely in the Kievan Chronicle. It focuses on the role of the chronological line in the narrative structure of both texts, and reveals their tendency to break the chronological narrative frame. This tendency, however, is not consistent, and the chronological line is not replaced by another structural principle (as happens, for example, in the Galician-Volhynian Chronicle). Such an approach is defined as hybridization of annalistic structure. The tendency to break the year-by-year structure is related to the insertion of independent literary works into the chronologically organized historical narration, which is particularly evident in the way in which the Monk of Sazava incorporated the text entitled *De exordio Zazavensis monasterii* into the chronological narration of Cosmas. The typological similarity of the Chronicle of the Monk of Sazava and the Kievan Chronicle is also evident in their ability to incorporate the texts of a non-literary (legal) character. In both chronicles under consideration, the role of the author is more important than in annals, however, the importance of the author is still lower (particularly in the case of the Kievan Chronicle) than in such Latin medieval works by an individual author, as in the Chronicle of Bohemians by Cosmas of Prague. In this respect, the texts analysed here are defined as texts that exceeded the frame of the genre of annals, but did not become chronicles, since their authors could not overcome the diverse character of the sources they used; they were not able to provide the text with a unified narrative perspective and thus to act as an authority defining the method of narration and guaranteeing the credibility of judgment.

Keywords

Chronicle of the Monk of Sazava, Kievan Chronicle, Medieval Russia, Bohemia, genre, historiography

В эпоху, ограниченную с одной стороны Чешской хроникой (*Chronica Boemorum*) Козьмы Пражского и с другой — Збравской хроникой (*Chronicon Aulae Regiae*), в чешской среде возник ряд менее обширных историографических трудов. За исключением нескольких чисто анналистических произведений, все чешские историографические тексты XII–XIII вв. находятся на стыке нескольких жанров: анналов, хроник, жития, светской биографии, мемуаров и деяний (*gesta*) [VLÁNOVÁ 1988: 176]. Сложность жанрового определения текстов чешского историописания данной эпохи проявляется и в том, что традиционные названия отдельных текстов не отражают их настоящего жанрового характера, а у некоторых даже нет одного общепринятого названия¹.

К данной группе текстов относится произведение, традиционно обозначаемое как “Летопись Монаха Сазавского” и принадлежащее вместе с “Летописью Каноника Вышеградского” к так называемым “Первым продолжениям Козьмы” [FRB, 2]. Оба памятника резко расходятся с точки зрения подхода к труду Козьмы: если Каноник Вышеградский действительно начинает работу там, где закончил свою хронику Козьма (1126 г.), и ведет свое изложение до 1142 г., то Монах Сазавский не только продолжает Чешскую хронику, но также вносит ряд дополнений прямо в текст Козьмы. Поэтому, по мнению исследователей, следует говорить не о продолжении, а о самостоятельном изводе Хроники Козьмы [PRAŽÁK 1986: 26; VLÁNOVÁ 1995A: 146; ZELENKA 2009: 51]. Подход Монаха Сазавского к труду Козьмы является довольно нетрадиционным в контексте чешской средневековой письменности. Чешские историографы, как правило, не вмешивались в “авторский текст” своих предшественников, а в случае, когда старшие версии изложения истории по любым причинам их не удовлетворяли, они предлагали свои собственные, новые версии. Напротив, в рамках древнерусского летописания метод, использованный Монахом Сазавским, является широко распространенным, если не основополагающим.

Целью настоящей статьи является определение основных черт историописания Монаха Сазавского и соотнесение его авторского метода с методом, использованным в древнерусском летописании того же времени, а именно в Киевской летописи. Данная летопись была выбрана для сравнения не только по причине хронологической близости к труду Монаха Сазавского, но также по другим её особенностям, в первую очередь структурным. Киевская летопись дошла до нас как часть Ипатьевской летописи, где ей предшествует “Повесть временных лет”, и после нее следует Галицко-Волынская летопись. Вадим Аристов обратил внимание на тот факт, что характерной чертой Киевской, Галицкой и

¹ Sázavský letopis и Sázavská kronika, Jarlochův letopis и Jarlochova kronika и т. д.

Волынской летописей является отсутствие начала и конца текстов: авторы, воспринимавшие свое произведение не как самостоятельное целое, а как продолжение старшего текста, начинали свое изложение непосредственно там, где по любым причинам закончили свою работу их предшественники. В этом смысле подход летописцев очень близок подходу авторов, создававших в латинской письменности продолжение (*continuatio*) крупных авторских хроник [Аристов 2013: 112–114].

Анонимный сазавский автор создал свой труд в 70-е гг. XII в., т. е. уже в латинский период Сазавского монастыря, когда любые контакты с Киевской Русью давно ушли в прошлое. Сравнение сазавского историописания с киевским летописанием того же времени имеет чисто типологический характер, и нельзя предполагать влияние одного памятника на другой. Данный факт, по нашему мнению, никак не уменьшает значения сравнительно-типологического анализа, так как и без поисков мнимого “влияния” можно сквозь призму компаративистики лучше понять жанровую специфику обоих текстов и использованные авторами методы историописания, а также по-другому взглянуть на вопрос соотношения жанра древнерусской летописи с жанром хроники и анналов в латинской средневековой письменности.

1. Погодная сеть и её нарушение

Летопись Монаха Сазавского резко отличается от Киевской летописи по своим размерам и объему охваченного временного периода, однако общей чертой обоих текстов является, с одной стороны, использование анналистической линии как основного принципа структурирования текста, с другой стороны — нарушение этой линии. Сазавский бенедиктинец, как и монах-сводчик, составляющий в конце XII в. Киевскую летопись, использовали для своей работы погодные записи, тем не менее окончательный текст возник *ex-post*, что особенно очевидно у Монаха Сазавского, закончившего свое изложение истории в 1162 г., т. е. более чем за десять лет до возникновения текста.

Козьма Пражский, ориентирующийся на образец хроники Регино Прюмского, построил свое произведение на хронологическом членении текста [BLÁNOVÁ 1995в: 22]. Его продолжатели и другие чешские средневековые историографы относятся к анналистической структуре по-разному: некоторые ее полностью соблюдают, другие разным способом перешагивают ее рамки, но ни одно дошедшее до нас произведение не отказывается полностью от этой структуры и не заменяет хронологическую линию другим принципом наррации.

В древнерусском летописании от анналистической формы повествования отказался только автор первой части Галицко-Волынской

летописи. “Автор, называющий самого себя хронографом, — пишет А. П. Толочко, — составлял свое произведение как подражание византийским хроникам, для которых погодная сеть и точные даты были не обязательны” [Толочко 2005: 84]. Однако Галицко-Волынская летопись осталась в данном смысле единичным экспериментом, и для историописания древней Руси принцип хронологического изложения истории остался единственным определяющим.

Хронологические данные типа “A.d. . . .”, “Eodem anno”, “Deinde eiusdem anni”, или же “В лѣто . . .”, “Того же лѣта”, “Въ се же лѣто”, “Тогда же”, “Потом же . . .” выполняют двоякую роль: во-первых, передают прямой факт датировки, во-вторых, они представляют собой формулу перехода от одного сообщения к другому. Они служат как элемент и сегментации, и интеграции текста. Таким образом, хронологическая линия представляет собой основной принцип композиции.

Автор сазавского продолжения (извода) Чешской хроники, придерживаясь хронологического структурирования текста, не настаивает на нем настолько, чтобы отдельные сведения образовали замкнутые более или менее обширные единицы, не связанные с другими записями, как это характерно для синхронных анналов. Хронология представляет собой основной принцип наррации, однако автор прямо сообщает читателю, что он — автор — держит текст полностью в своих руках и сам решает, когда и в какой форме включить какое-либо сообщение. Для этого служат авторские комментарии типа: “Каково же было усердие его . . . , будет сказано на своем месте” (об аббате Сильвестре под 1123 г.)², к чему относится сообщение под 1134 г.: “Здесь представляется место, чтобы исполнить ранее обещанное”³. Подобный приём встречается и под 1161 г.: “В самом деле, о его достохвальной жизни можно было бы сказать многое, [. . .] но, поскольку я помню, что ранее я уже частично говорил о ней, [. . .] довольно здесь об этом”⁴.

В Киевской летописи тенденция к ослаблению структурообразующей функции погодной сети проявляется в том, что на первый план выдвигается другой принцип сегментации текста, а именно членение по времени правления отдельных князей. Данный принцип не противоречит традиционной погодной упорядоченности текста, но одновременно дает летописцу возможность образовать большие, эпически богатые, нарративно законченные единицы текста по сравнению с классическими

² “Cuius quanta fuerit diligentia in divinis et ecclesiasticis rebus amplificandis, loco suo dicetur” [FBR, 2: 253].

³ “Hic locus sese tulit, quod superius promissimus absolvere . . .” [FBR, 2: 259].

⁴ “De cuius vitae laudabili qualitate multa quidem [. . .] dici possent, sed quia superius iam inde me ex parte dixisse memini, [. . .] hoc in loco ista sufficiant” [FBR, 2: 267].

анналами. Если в ходе изложения истории нарушается основная линия повествования, автор возвращается к предыдущей теме с помощью традиционной летописной формулы: “Мы же на преднее възвратимся” [ПСРЛ, 2: 112об.]⁵, — или предваряет последующее повествование формулой: “егоже и послѣди скажемъ” [Ibid.: 241]. В связи с тем, что распределение по периодам княжения отдельных Рюриковичей в Киевской летописи наслаивается на погодную структуру, не разбивая ее принципиальным образом, авторские структурообразующие комментарии в данной летописи развиты в гораздо меньшей степени, чем в Галицко-Волынской летописи, где отсутствие погодной линии требовало другого подхода к формированию нарративной структуры.

2. Агиографический дискурс в летописи

Как Монах Сазавский, так и древнерусские летописцы в отдельных частях своего текста или интенсивно использовали дискурс, характерный для литературных произведений других жанров, или прямо вставляли в свое изложение истории законченные литературные произведения других авторов⁶. Благодаря этому приему в тексте усиливается эпический характер по сравнению со сжатым анналистическим изложением, а также углубляется его дискретность, так как использованные тексты отличаются своей жанровой природой, стилем, характером образов, традиционными топосами. В случае, когда использовались тексты, сопротивляющиеся механической разбивке на отдельные годы, в летописи происходят различные формы гибридизации анналистической структуры.

Наибольшую привлекательность для средневековых историографов имели житийные произведения. В тексте Монаха Сазавского проявилось влияние агиографического дискурса настолько сильно, что данный памятник можно считать типичным примером *opus mixtum* — жанрово гибридного текста, соединяющего историографический и агиографический принцип наррации.

Сазавский монах включил в хронику Козьмы обширный текст неизвестного автора под заголовком “De exordio Zazavensis monasterii”. В изложении анонимного автора передается жизнь св. Прокопия и история Сазавского монастыря приблизительно со второго десятилетия XI в. до 1096 г.⁷ Сазавский монах должен был решать вопрос, как включить

⁵ Ср. аналогичную фразу: “мы же на предлежащее възвратимсѧ” [ПСРЛ, 2: 240, 241об.].

⁶ Например, жития Александра Невского, Михаила Черниговского, Довмонта Псковского или Дмитрия Донского, сохранившиеся в составе древнерусских летописей, — ср. [Гимон 2012: 233–234].

⁷ Детально о возникновении сазавского историописания и роли агиографии в этом процессе ср. [ВЛАНОВА́ 2005].

такой текст в погодную структуру целого произведения, и вставил его в конец первой книги Чешской хроники, после повествования Козьмы о смерти князя Ольдржиха и начале правления Бржетислава I, так как оба правителя имели решающее значение для судьбы Сазавского монастыря. Таким образом, повествуя о наиболее давних событиях, текст “*De exordio Zazavensis monasterii*” возвращается в прошлое, после чего описываются события, хронологически параллельные повествованию Козьмы во второй книге (характеризирующие развитие чешского государства с 1038 г. до смерти короля Вратислава II в 1092 г.) и началу третьей книги. В результате обширное повествование о св. Прокопии и начале Сазавского монастыря резко нарушает хронологическую сеть Чешской хроники.

Для древнерусского летописания подобное использование самостоятельных литературных памятников было распространено гораздо больше, чем в чешском историописании того же периода. Повествование “*De exordio Zazavensis monasterii*”, содержащее ряд топосов, характерных для жанра *historiae foundationum monasteriorum* [VLÁNOVÁ 2005: 197], во многих отношениях близко изложению о начале Печерского монастыря в Повести временных лет [ПСРЛ, 1: 156 об.]. В Киевской летописи мы не найдем житийного текста, близкого повествованию “*De exordio Zazavensis monasterii*”, что связано с однозначной ориентированностью данной летописи на историю князей. Тем не менее житийный дискурс отразился в историографическом изложении и здесь, а именно в княжеских панегириках. В частую резко драматических обстоятельствах смерти открывалась возможность дать более комплексный образ того или иного князя, ретроспективно оценить его жизнь. Именно этот подход является и причиной нарушения основной хронологической линии повествования. Особенно наглядно это видно во фрагменте, связанном со смертью князя Давида Ростиславича, где в сравнительно небольшом объеме текста летописец даже дважды оговаривает нарушение хронологической линии повествования [ПСРЛ, 2: 241–241об.]. Сильное влияние агиографии на историографический дискурс очевидно и в статье “Летописи Монаха Сазавского”, посвященной смерти князя Спытинева и построенной по тому же нарративному принципу, что и княжеские панегирики в Киевской летописи⁸.

⁸ 1157. V Idus Januarii Spitigneus dux, inmo flos et honor ducum, proh dolor! nimis intempestiva morte vitae praesentis accepit terminum, vir prae ceteris divinae pietatis dote magnifice praeditus, et ut pace omnium dictum sit, totus ex omni virtutum elegantia compositus, cuius qui digne meminit, dolore et lacrimis nequaquam carere poterit. Cecidit quippe aureus ecclesiae dei clypeus, clericorum pater, pupillorum mater, moerentium intimus consolator, totius honestatis et bonitatis sollertissimus indagator, cui virtus amor, vitium fuit horrori, cuius in iudicio arcem victoriae misericordia et veritas semper obtinuit. Ad miserendum denique nullus eo facilius, ad irascendum et vindicandum in

Среди повествований о смерти князей наибольший интерес исследователей вызывает (и своей эстетикой наиболее привлекает сегодняшнего читателя) текст, известный как “Повесть об убийстве Андрея Боголюбского”. Несмотря на усилия исследователей, авторство и точное происхождение “Повести” не удалось установить, однако создание этого произведения вскоре после описанных в тексте событий, безусловно, связано с кем-то из ближайшего окружения убитого князя.⁹ На историографическое изложение убийства князя Андрея сильно повлиял агиографический дискурс, отразившийся и в повести об убийстве Игоря Ольговича. Топосы и образность данных повестей тесно связаны со “Сказанием о Борисе и Глебе”, пользовавшимся в XII в. большой популярностью [Еремин 1949: 86] и исходившим из общеевропейской (в том числе чешской) традиции житий князей-страстотерпцев.

Остается до конца не решенным вопрос, можно ли считать повести о князях, дошедшие до нас в рамках Киевской летописи, самостоятельными литературными произведениями, включенными в летописное повествование, или они являются самой сутью киевского историописания. Н. Ф. Котляр убежден, что повести,

... выделяемые учеными в составе Киевского свода [...] являются вовсе не его источниками, переработанными затем и составившими основу текста (как многие думали ранее), а его составными частями, соединенными между собой отдельными краткими погодными статьями. [...] а и в тексте самих повестей эти статьи обязательно присутствуют, пусть даже для удобства изложения событий, соблюдения их последовательности и хронологии [Котляр 2006: 42, 54].

Тем не менее можно заключить, что проникновение агиографического дискурса в историописание в обоих сравниваемых произведениях связано не только со сферой образности, то есть содержательной стороной текста, но и с другими способами наррации, что в свою очередь приводит к гибридизации традиционной анналистической структуры.

3. Юридический материал в летописи

Самостоятельную тему представляет собой включение нелитературного материала в историографический труд.

reos nemo difficilior. Quem etiam deus virga benignae suae correctionis multo tempore in praesenti flagellavit, sed baculum consolationis ad percipienda vitae futurae praemia reservavit. Longa siquidem et difficilia apud exterarum nationum passus exilia, tandem tam praeceptione quam petitione Friderici, Romani imperatoris, a Wladizlao duce recipitur in patria, sed brevi temporis interstitio, fatis urgentibus migrat ab hoc seculo, pro temporali dispendio felicitatis aeternae beandus solatio” [FRB, 2: 263–264].

⁹ Основную информацию об этом тексте и обзор гипотез об авторстве см. в: [Колесов 1987].

Сазавский монах вставил в изложение истории монастыря юридическое подтверждение имущественных прав Сазавского монастыря¹⁰. Цитирование актового материала не было в рамках чешской средневековой историографии аномальным явлением, однако, при том что отдельные тексты представляют несомненный интерес, в целом актовый материал, сохранившийся в нарративных памятниках, не играет такой важной роли, как в древнерусском контексте, где по не вполне ясным и в науке живо обсуждаемым причинам сохранилось несравнимо меньшее количество грамот, чем в других странах Европы того же периода.

В Киевской летописи, особенно в части, посвященной правлению Изяслава Мстиславича, находятся тексты юридического и дипломатического характера, отличающиеся специфической стилистикой и не тождественные по языку летописной наррации [Франчук 1986]. В качестве примера можно привести речь Вячеслава Владимировича к Изяславу Мстиславичу, записанную под 6659 г.:

сѣу Бѣ ти помози . вже на мене еси чѣть возложилъ . акы на своемъ вѣци а ꙗ пакы сѣу тобѣ молвлю . а есмь оуже старъ а всѣ радовѣ не могу оуже радити но будевѣ вба Киевѣ . аче на будѣ которыи радѣ или хрѣтъанѣ или поганыхъ . а идевѣ вба по мѣсту . а дружина моя и полкъ мои . а то буди вбою нама ты же ради . аче кдѣ на будеть мочно вбѣима ѣхати . а вба ѣдевѣ пакы ли а ты ѣзди с мой полкомъ . и съ своимъ . Изславъ же със великою радостью и с великою чѣтью поклониса вѣцю своему . и рѣ вѣце кланю ти сѧ . како есвѣ рекла тако же на и даи Бѣ быти по мѣсту . доколѣ же и жива будевѣ [ПСРЛ, 2: 152–152об.].

Остается предметом споров то, когда можно говорить о прямом цитировании письменных памятников (грамот), а когда в летопись был записан устный юридический акт [Лавренченко 2016], что не совсем ясно и в связи с цитированием юридических материалов в чешской средневековой историографии, в частности в “Летописи Монаха Сазавского”¹¹.

¹⁰ “Facta ergo celebri promotione Bracizlaus primo quidem donationem, quam pater suus eidem patri adhuc ante susceptionem abbatiae fecerat, flumen videlicet subterfluens a Milobuz usque ad speluncam, quae vulgo Zacolnica dicitur, cum pratis et silva circumiacente, principali corroboravit auctoritate, dein etiam hanc eandem donationem supervenientibus heredibus et eam suo iuri usurpative vindicare molientibus, nolens paterna cessare statuta, semet opposuit, litem diremit, et eidem patri Procopio omnem utilitatem in aqua et silva a praedictis terminis redonavit, agros vero et prata ex utraque parte adiacentia sub testimonio et confirmatione filii sui Wratizlai et principum suorum DC denariorum pretio redemit, et abbati Procopio scripsit et legitimis testibus reconsignavit. Ad extremum quoque ex propria largitione terram, quae circa est, usque ad silvam Strnounic, nec non villam Zcrarnnik, et unum stagnum et structuram lignorum ad piscandum centum denariis comparatam eidem abbati et suis successoribus pro remedio animae suae in perpetuum possidenda contradidit” [FRB, 2: 244].

¹¹ Cp.: “Wenn wir die Denkweise des Autors der Mitte des 12. Jahrhunderts beiseite lassen, geht hier klar hervor, dass wir mit einem Akt zu tun haben, der nach dem

Тем не менее само наличие документального материала в нарративном памятнике является очередным доказательством факта, что древнерусская летопись отличалась высокой степенью способности инкорпорировать жанрово многообразные тексты.

4. Авторский замысел и авторский субъект в тексте

Одним из важнейших критериев при оценке любого историографического труда, а также при определении отдельных жанров историописания является цельность замысла и способ выражения авторского субъекта, этот замысел осуществившего [Гимон 2012: 84–85].

Текст сазавского автора не оставляет у читателя сомнений, что изложение истории определяется стремлением выразить значение Сазавского монастыря и его роли в истории Чешского государства [VLÁNOVÁ 2005: 204]. Сазавская агиография и историография XII в. имели в первую очередь оборонительный характер, так как бенедиктинцы в данное время должны были все больше уступать давлению новых орденов цистерцианцев и премонстратов и искали защиту в исторической традиции и авторитете своего основоположника [PRAŽÁK 1986: 29–30; VLÁNOVÁ 1995a: 145].

Авторская точка зрения в труде Монаха Сазавского играет важную роль, но ее резко усиливает форма, в которой текст предлагает современным читателям Йозеф Эмлер, издавший его как самостоятельное произведение¹². Однако не следует забывать, что для средневекового читателя авторское “я” только дополняло голос Козьмы, с которым оно сосуществовало и перекликалось в рамках одного текста. Авторский субъект в сазавском произведении выступает от первого лица и эксплицитно объявляет себя ответственным за структуру повествования и отбор фактов, но не выступает в качестве гаранта достоверности. Он также никак не оговаривает свои источники и их информативную ценность, не тематизирует историографическую работу как таковую, ее принципы

mündlichen Rechtsverfahren des Herzogs vom Kloster verfertigt und mit Angaben über die Zeugen der Handlung verstehen wurde. Mit einer Urkunde im wahren Sinne des Wortes ist in dieser Zeit nicht zu rechnen” [HLAVÁČEK 1979: 90–91].

¹² Йозеф Эмлер в своих изданиях чешских латиноязычных историографических памятников XII–XIII вв. стремился реконструировать “оригинальные” авторские тексты путем отделения их от разного типа глосс и вставок, в связи с чем сохранившийся текст разбивал на ряд гипотетических единиц. Однако новейшие издания чешских переводов данных памятников отказываются от подхода Эмлера и передают текст конкретной рукописи. Издание “Второго продолжения Козьмы” 1974 г. берет за основу текст Дражицкой рукописи как одно целое [VLÁNOVÁ 1974: 7, 214], и точно так же новейшее издание произведений Винценция и Ярлоха передает данные тексты по одной Милевской рукописи [MORAVOVÁ 2013].

и смысл. В этом отношении он ближе авторскому субъекту древнерусского летописания, чем роли повествователя у Козьмы Пражского в Чешской хронике.

Учитывая сложную структуру Киевской летописи, можно в связи с данным памятником говорить о цельности авторского замысла только в рамках отдельных частей текста. Явной содержательной цельностью и связанной с этим целостностью оценки описываемых событий особенно отличается обширная часть летописи, посвященная правлению Изяслава Мстиславича. Сводчик, составивший дошедший до нас текст, не смог преодолеть разногласий в авторском замысле отдельных статей летописи. Особенно ярко это видно, когда под 6698 г. приводится текст, прославляющий латинских рыцарей Третьего крестового похода:

В то же лѣто иде црѣ Немѣцкѣи со всею своею землею битиса за гробъ Гнѣ проавиль бо башеть емоу Гѣ анѣлмъ вела емоу ити . и пришедъшимъ имъ . и бьющимса крѣпко . с бѣгостоуднѣими тѣми Агараны . Бѣу же тако попоустившоу гнѣвъ свои на весь миръ . зане исполниса злобъ нашихъ вса земля . и си вса наведе на ны грѣхъ ради нашихъ . во истинуо соудъ створи и правы соудбы его . и преда мѣсто стна своего инѣмъ . иноплеменикомъ . сии же Нѣмци яко моученици стии . прольаша кровь свою за Хѣ . со цри своими ѡ сихъ бо Гѣ Бѣ нашъ намениа проави . аще кто ѿ нихъ в брани ѿ иноплеменихъ оубѣни бѣша . и по трехъ днехъ . телеса ѿ невидимо из гробъ ихъ анѣлмъ гнѣмъ взата бывахоуть . и прочии видаще се тоснахоутьса пострадати за Хѣ . ѡ сихъ бо вола Гѣна да сбѣстьса . и причте како избранномуу своему стадоу в ликъ моученицкѣи . се бо створи Гѣ за грѣхы наша . казна всъ миръ . и пакы вбращаа . яко же сгрѣшихомъ . и безаконновахомъ . и не вправдихомъса пред нимъ . кто бо свѣсть оумъ Гнѣ . и таинаа его творенаа кто вѣсть [ПСРЛ, 2: 231 об.].

Данное сообщение резко выделяется на фоне всей летописи не только своей темой (сюжет о немецких рыцарях на Ближнем Востоке никак не соотносится с общей ориентацией летописи на жизнь и правление киевских князей), но и своим мировидением, ценностной системой; оно никак не связано с остальным текстом летописи, так как прославление латинских рыцарей никак не соотносится с отрицательным, или по крайней мере сдержанным отношением древнерусских книжников к представителям латинского мира. В Киевской летописи в целом отсутствует единый взгляд на историю, из чего следует, что, несмотря на неоспоримые высокие эпические достоинства, данное произведение невозможно приравнивать к хроникам латиноязычного мира.

5. Древнерусская летопись в контексте дискуссий о жанрах средневековой историографии

Выше мы уже коснулись факта, что группа чешских историографических повествований XII–XIII вв. может пролить новый свет и на одну из интенсивно обсуждаемых проблем, связанных с древнерусским летописанием, — на спор о соотносимости древнерусской летописи с жанром западноевропейских *annales*, или хроники.

Данная дискуссия ведется в медиевистике уже с XIX в. и, кроме всего прочего, связана с проблемой перевода названий произведений древнерусского историописания. Во многих языках используется для летописей понятие “хроника” (*Nestorchronik*, *Primary Chronicle*, *Chronique des temps passés*, *Crónica de Néstor*, *Elmúlt idők krónikája* и т. д.), даже тогда, когда данный памятник имеет однозначно анналистический характер (*Die Erste Nowgoroder Chronik*, *Novgorod First Chronicle*, *Première chronique de Novgorod*, *Crónica de Nóvgorod* и т. п.). В чешской среде тексты древнерусской историографии традиционно обозначаются как “*letopis*”, тем не менее и здесь наблюдается тенденция перейти от понятия “летопись” к “хронике”¹³.

В российской науке можно выделить два полюса данной дискуссии: на одном древнерусская летопись оценивается как вполне оригинальный жанр, на другом допускается возможность ее соотнесения с определенными жанрами других европейских литератур или византийского, или латинского происхождения. Отношение к данной проблематике в значительной мере связано с общественной атмосферой: если дореволюционная наука находила аналогии древнерусских летописей в жанрах византийской и латинской письменности, то в советской науке, наоборот, подчеркивался специфический характер данного древнерусского жанра. В последней это был прежде всего Д. С. Лихачев, резко выступавший как против ученых, усматривающих генетическую связь между древнерусским летописанием и византийской историографией (В. М. Истрин, М. Д. Приселков), так и против теории связи с западославянским историописанием (Н. К. Никольский); своим авторитетом он на долгое время задавал тон в интерпретации летописей [Гимон 2012: 85–92]. Общеизвестным стало утверждение Лихачева, что

... жанр русских летописных статей создан далеко не сразу, исходил из готовых образцов, но затем под влиянием требований русской жизни изменился и приобрел, наконец, ту характерную форму и те характерные

¹³ Ср. и новейший чешский перевод “Повести временных лет”, где в предисловии издатель вводит неясное понятие “коллективная хроника” и считает, что “в связи с традицией мы будем в дальнейшем использовать для данного произведения понятие летопись, хотя можно было бы назвать его и хроникой” [Тéра 2014: 12–13].

особенности, которые составляют отличие русской хронографии и от византийской, и от западноевропейской [Лихачев 1947: 62].

Современная российская наука, напротив, возвращается к идее, что вполне обосновано сравнивать историографические жанры в широком культурном контексте и искать аналоги древнерусского летописания за рубежами Восточной Европы¹⁴. Список работ, посвященных данной теме, остается пока относительно узким. Исследователи сосредотачиваются не на византийских, а на латинских историографических формах, причем не находят параллелей между древнерусской летописью и хроникой латинского средневековья¹⁵ и придерживаются в основном двух взглядов: если Н. И. Щавелева считает древнерусскую летопись “хронографическим произведением, синтезирующим в себе хронику и аннал” [Щавелева 1990: 140], то А. А. Гиппиус и Т. В. Гимон доказывают аналогию между древнерусским летописанием и западно- и центральноевропейскими анналами [Гимон 2012; Гимон, Гиппиус 2005: 174–200; Гиппиус 1997: 24–27; *идем* 1999: 345–364; *идем* 2003: 25–43]. По мнению обоих авторов, анналы как самая простая форма историописания могли возникнуть параллельно в разных культурных средах [Гимон, Гиппиус 2005: 192], тем не менее А. А. Гиппиус считает связь между древнерусским летописанием и западноевропейскими анналами явлением не только типологического, но и генетического порядка:

Древнерусское летописание есть все основания считать одним из важнейших элементов этой “невизантийской” культурной парадигмы, возникшим, как можно думать, при непосредственном западном влиянии. Во всяком случае именно к такому предположению подталкивает рисуемая исследователями европейской анналистики картина ее постепенного продвижения с запада на восток, с VII в., когда анналистический жанр в форме так называемых “пасхальных анналов” зарождается в Англии и в ходе деятельности британских миссий переносится на континент, по конец X – середину XI в., когда первые анналы появляются в Чехии, Польше и Венгрии. В возникновении летописания на Руси естественно видеть заключительный этап этого поступательного движения жанра [Гиппиус 1997: 25].

Если в наших размышлениях мы ограничимся двумя основными жанрами средневековой историографии, анналами и хрониками, и будем понимать древнерусское летописание как единое целое, то утверждение А. А. Гиппиуса и Т. В. Гимона об аналогиях между древнерусскими

¹⁴ Этот вопрос затронул и С. М. Каштанов, формулируя цели т. н. сравнительного источниковедения [Каштанов 2001: 158–168].

¹⁵ Это мнение появляется исключительно в связи с Галицко-Волынской летописью, которая, однако, в контексте древнерусской историографии уникальна с жанровой точки зрения.

летописями и западными анналами не вызывает сомнений. Однако как жанр древнерусских летописей, так и историописание других народов весьма многообразны, и более детальное сравнение конкретных текстов может немного уточнить вышеприведенное утверждение. В рамках чешского средневекового историописания мы находим наиболее близкие аналогии для Киевской летописи не с классическими анналами и не с крупными авторскими хрониками, а именно с жанрово гибридными текстами XII–XIII вв., к которым вполне можно применить характеристику, данную А. А. Гиппиусом древнерусским летописям: “памятники сложного состава, во всех отношениях (текстологическом, литературном, языковом и др.) многослойные и гетерогенные” [Гиппиус 1999: 350]. Как и киевское летописание, стоящее между двумя уникальными текстами древнерусской письменности — “Повестью временных лет” и Галицко-Волынской летописью, так и чешские произведения, возникшие в эпоху между Чешской хроникой Козьмы Пражского и Збраславской хроникой, уже довольно далеки от анналов, но не стали хрониками, в первую очередь потому, что субъект автора в тексте не утвердился настолько, чтобы преодолеть разнородный характер используемых источников, дать тексту цельную повествовательную перспективу и выступить в тексте как авторитет, определяющий способ повествования, а также гарантирующий качество использованных источников и достоверность оценочных суждений.

Библиография

Источники

ПСРЛ, 1

Полное собрание русских летописей, 1, Ленинград, 1926–1928.

—, 2

Полное собрание русских летописей, 2, С.-Петербург, 1908.

FRB, 2

EMLER J., ed., *Cosmae Chronicon Boemorum cum continuatoribus. Fontes rerum Bohemicarum*, 2, Praha, 1874.

Литература

Аристов 2013

Аристов В. Ю., “Свод, сборник или хроника? (О характере древнерусских летописных памятников XI–XIII вв.)”, in: *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 2013, 105–129.

Гимон 2012

Гимон Т. В., *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование*, Москва, 2012.

Гимон, Гиппиус 2005

Гимон Т. В., Гиппиус А. А., “Русское летописание в свете типологических параллелей”, in: *Жанры и формы в письменной культуре средневековья*, Москва, 2005, 174–200.

Гиппиус 1997

Гиппиус А. А., “Древнерусские летописи в зеркале западноевропейской анналистики”, in: Г. Г. Литаврин, Л. В. Заборовский, ред., *Славяне и немцы. Средние века – раннее Новое время*, Москва, 1997, 24–27.

——— 1999

Гиппиус А. А., “К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв.”, in: *Великий Новгород – истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина*, Москва, 1999, 345–364.

——— 2003

Гиппиус А. А., “У истоков древнерусской исторической традиции”, in: *Славянский альманах 2002*, Москва, 2003, 25–43.

Еремин 1949

Еремин И. П., “Киевская летопись как памятник литературы”, in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 7, Ленинград, 1949, 67–97.

Каштанов 2001

Каштанов С. М., “К теории и практике сравнительного источниковедения”, in: Т. Н. Джаксон et al., ред., *Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой*, Москва, 2001, 158–168.

Колесов 1987

Колесов В. В., “Повесть о убиении Андрея Боголюбского”, in: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 1, Ленинград, 1987, 365–367.

Котляр 2006

Котляр Н. Ф., “О возможной природе нетрадиционности структуры и формы Галицко-Волынской летописи”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2 (24), 2006, 36–54.

Лавренченко 2016

Лавренченко М. Л., “Устная речь и публичная коммуникация: К вопросу о княжеских речах Киевской летописи”, in: *Восточная Европа в древности и средневековье*, 28: Государственная территория как фактор политогенеза: XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пауто, 20–22 апреля 2016 г.: Мат-лы конф., Москва, 2016, 165–169.

Лихачев 1947

Лихачев Д. С., *Русские летописи и их культурно-историческое значение*, Москва, Ленинград, 1947.

Толочко 2005

Толочко А. П., “Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи”, *Paleoslavica*, 13/1, 2005, 81–108.

Франчук 1986

Франчук В. Ю., *Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении*, Киев, 1986.

Щавелева 1990

Щавелева Н. И., *Польские латиноязычные средневековые источники (тексты, перевод, комментарий)*, Москва, 1990.

VLANOVA 1974

VLÁNOVÁ M., *Pokračovatelé Kosmovi*, Praha, 1974.

——— 1988

VLÁNOVÁ M., “Klasifikace předhusitských narativních pramenů české provenience,” in: L. VEVR. red., *200 let pomocných věd historických na Filozofické fakultě UK v Praze*, Praha, 1988, 165–199.

——— 1995A

VLÁNOVÁ M., “Klášterní historiografie ve středověkých Čechách,” in: A. POBÓG-LENARTOWICZ, red., *Klasztor w kulturze średniowiecznej Polski*, Opole, 1995, 143–157.

——— 1995B

BLÁHOVÁ M., *Staročeská kronika tak řečeného Dalimila v kontextu středověké historiografie latinského kulturního okruhu a její pramenná hodnota*, Praha, 1995.

——— 2005

BLÁHOVÁ M., "Sázaver Geschichtsschreibung," in: P. SOMMER, Hrsg., *Der heilige Prokop, Böhmen und Mitteleuropa*, Praha, 2005, 185–204.

HLAVÁČEK 1979

HLAVÁČEK I., "Diplomatisches Material in den narrativen Quellen des böhmischen Mittelalters bis zum Anfang des 13. Jahrhunderts," in: *Palaeographica, diplomatica et archivistica*, Roma, 1979, 73–96.

MORAVOVA 2013

MORAVOVÁ M., *Milevský letopis. Zápisky Vincencia, Jarlocha a Ansberta*, Praha, 2013.

PRAŽÁK 1986

PRAŽÁK E., "Kosmas a Sázavský letopis," *Slavia*, 55/1, 1986, 19–38.

TERA 2014

TERA M., *Vyprávění o minulých letech aneb Nestorův letopis ruský*, Červený Kostelec, 2014.

ZELENKA 2009

ZELENKA J., "Kosmas, Mnich sázavský, Jarloch a sedmdesátá léta 12 století," in: M. MAŠEK ET AL., *Vladislav II., druhý král z Přemyslova rodu*, Praha, 2009, 50–68.

References

Aristov V. Yu., "Redaction, Compilation, or Chronicle? (On the Genre of Rus' Annalistic Sources of 11th–13th Century)," *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 2013, 105–129.

Bláhová M., *Pokračovatelé Kosmovi*, Praha, 1974.

Bláhová M., "Klasifikace předhusitských narativních pramenů české provenience," in: L. Vebr. red., *200 let pomocných věd historických na Filozofické fakultě UK v Praze*, Praha, 1988, 165–199.

Bláhová M., "Klášterní historiografie ve středověkých Čechách," in: A. Pobóg-Lenartowicz, red., *Klasztor w kulturze średniowiecznej Polski*, Opole, 1995, 143–157.

Bláhová M., *Staročeská kronika tak řečeného Dalimila v kontextu středověké historiografie latinského kulturního okruhu a její pramenná hodnota*, Praha, 1995.

Bláhová M., "Sázaver Geschichtsschreibung," in: P. Sommer, Hrsg., *Der heilige Prokop, Böhmen und Mitteleuropa*, Praha, 2005, 185–204.

Eremin I. P., "Kievskaja letopis' kak pamiatnik literatury," in: *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*, 7, Leningrad, 1949, 67–97.

Franchuk V. Yu., *Kievskaja letopis'. Sostav i istochniki v lingvisticheskom osvshchenii*, Kiev, 1986.

Gimon T. V., *Historical Writing in Early Medieval England and Early Rus: A Comparative Study*, Moscow, 2012.

Gimon T. V., Gippius A. A., "Russkoe letopisanie v svete tipologicheskikh paralelei," in: *Zhanny i*

formy v pis'mennoj kul'ture srednevekov'ia, Moscow, 2005, 174–200.

Gippius A. A., "Drevnerusskie letopisi v zerkale zapadnoevropejskoj annalistiki," in: G. G. Litavrin, L. V. Zaborovskiy, eds., *Slaviane i nemtsy. Srednie veka – rannee Novoe vremia*, Moscow, 1997, 24–27.

Gippius A. A., "K kharakteristike novgorodskogo vladychnogo letopisanii XII–XIV vv.," in: *Velikii Novgorod – istorii srednevekovoi Evropy*, Moscow, 1999, 345–364.

Gippius A. A., "U istokov drevnerusskoj istoricheskoi traditsii," in: *Slavianskii al'manakh 2002*, Moscow, 2003, 25–43.

Hlaváček I., "Diplomatisches Material in den narrativen Quellen des böhmischen Mittelalters bis zum Anfang des 13. Jahrhunderts," in: *Palaeographica, diplomatica et archivistica*, Roma, 1979, 73–96.

Kashtanov S. M., "K teorii i praktike sravnitel'nogo istochnikovedeniia," in: T. N. Dzhakson et al., eds., *Norna u istochnika Sud'by*, Moscow, 2001, 158–168.

Kolesov V. V., "Povest' o ubienii Andreia Bogoliubskogo," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 1, Leningrad, 1987, 365–367.

Kotliar N. F., "O vozmozhnoi prirode netraditsionnosti struktury i formy Galitsko-Volynskoi letopisi," *Drevnyaya Rus – Voprosy Medievistiki*, 2 (24), 2006, 36–54.

Lavrenchenko M. L., "Ustnaia rech' i publichnaia kommunikatsiia: K voprosu o kniazheskikh rechakh Kievskoi letopisi," in: *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'*, 28: *Gosudarstvennaia territorii kak faktor politogeneza*, Moscow, 2016, 165–169.

Likhachev D. S., *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie*, Moscow, Leningrad, 1947.

Moravová M., *Milevský letopis. Zápisky Vincencia, Jarlocha a Anšberta*, Praha, 2013.

Pražák E., "Kosmas a Sázavský letopis," *Slavia*, 55/1, 1986, 19–38.

Shchaveleva N. I., *Pol'skie latinoiazychnye srednevekovekye istochniki (teksty, perevod, kommentarii)*, Moscow, 1990.

Tera M., *Vyprávění o minulých letech aneb Nestorův letopis ruský*, Červený Kostelec, 2014.

Tolochko A. P., "Proiskhozhenie khronologii Ipat'evskogo spiska Galitsko-Volynskoi letopisi," *Paleoslavica*, 13/1, 2005, 81–108.

Zelenka J., "Kosmas, Mnich sázavský, Jarloch a sedmdesátá léta 12 století," in: M. Mašek et al., *Vladislav II., druhý král z Přemyslova rodu*, Praha, 2009, 50–68.

Acknowledgements

Palacký University Olomouc, Foundation of Support for Academic Activities, 2016–2018

Doc. Mgr. **Jitka Komendová**, Ph.D.

Filozofická fakulta Univerzity Palackého, docent na katedře slavistiky

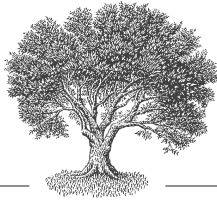
Křížkovského 10

77180 Olomouc

Česká Republika / Czech Republic

jitka.komendova@seznam.cz

Received July 12, 2016

La predicazione
esegetica
di Kirill Turovskij: lo
Slovo o rasslablennom

Francesca Romoli

Università di Pisa,
Pisa, Italia

Экзегетическое
проповедничество
Кирилла Туровского:
Слово о расслабленном

Франческа Ромоли

Пизанский университет,
Пиза, Италия

Abstract

Scopo del presente saggio è la disamina delle funzioni delle citazioni bibliche nello *Slovo o rasslablennom* (*Sermone sul paralitico*) di Kirill Turovskij (1130–1182), finalizzata alla verifica della validità e stabilità del ‘modello funzionale’ esemplato dallo *Slovo na verbnoe voskresen’e* (*Sermone per la domenica delle palme*) dello stesso autore. L’analisi del testo mostra che entrambe queste prediche si discostano dal ‘modello funzionale’ condiviso dalle prediche del vescovo Luka Židjata († 1059), del metropolita Nikifor I († 1121), dell’igumeno Moisej († 1187) e del vescovo Serapion Vladimirskij († 1275) in ragione della loro finalità esegetica prevalente. Per la suddetta finalità, che si esprime in una particolare funzione ‘esegetico-liturgica’ delle citazioni bibliche, queste prediche richiamano piuttosto il modello esegetico patristico. Posta la mediazione liturgica della tradizione patristica, l’autrice individua un esempio concreto di tale modello nell’*Omelia* 36 di Giovanni Crisostomo sul Vangelo di Giovanni.

Parole-chiave

predicazione medievale slava orientale, Kirill Turovskij, *Slovo o rasslablennom*, citazioni bibliche, tradizione liturgica, tradizione patristica

Резюме

Статья посвящена исследованию функций библейских цитат в “Слове о расслабленном” Кирилла Туровского (1130–1182) и нацелена на проверку

основательности и стабильности той “функциональной модели”, которая была выведена нами ранее из “Слова на вербное воскресенье” того же автора. Анализ показывает, что обе этих проповеди отталкиваются от “функциональной модели”, характерной для проповедей епископа Луки Жидяты († 1059), митрополита Никифора I († 1121), игумена Моисея († 1187) и епископа Серапиона Владимирского († 1275), поскольку имеют общую основную экзегетическую цель. Эта цель достигается при помощи особой “литургико-экзегетической” функции библейских цитат, что сближает модель данных проповедей с моделью патристической экзегезы. С учетом посреднической роли литургии и литургических книг в 36-й “Беседе” Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна был обнаружен конкретный пример такой модели.

Ключевые слова

восточнославянская средневековая проповедь, Кирилл Туровский, “Слово о расслабленном”, библейские цитаты, литургическая традиция, патристическая традиция

Premessa

I risultati che sono emersi da una recente indagine incentrata sullo *Slovo na verbnoe voskresen'e* (*Sermone per la domenica delle palme*) di Kirill Turovskij (1130–1182, vescovo dal 1169) sembrano far registrare un progresso nello studio della tradizione scrittoria del medioevo slavo orientale. Per la sua vocazione esegetica, infatti, lo *Slovo* richiama il modello esegetico patristico, offrendo una testimonianza indiziaria della sussistenza, nell’ambito della predicazione slava orientale dei primi secoli, di una suddivisione pratica fra prediche con una prevalente elaborazione esegetica e prediche con una finalità eminentemente didattico-correttiva, che apparentemente riecheggia la suddivisione bizantina fra omelie esegetiche e omelie festive, e *lato sensu* quella occidentale fra ‘omelia’ e ‘sermone’ [ROMOLI 2016c]¹. Nel presente saggio è mia intenzione sviluppare ulteriormente la pista di ricerca che si è così delineata, sottoponendo a indagine una seconda predica dello stesso autore e intraprendendo contestualmente un tentativo di individuazione di un esempio concreto del modello esegetico patristico di riferimento.

1. Le funzioni delle citazioni bibliche nella predicazione di epoca kieviana
Dallo studio delle prediche che la tradizione manoscritta attribuisce al vescovo Luka Židjata († 1059), al metropolita Nikifor I († 1121), all’igumeno Moisej († 1187) e al vescovo Serapion Vladimirkij († 1275) è emerso che queste opere, apertamente orientate all’ortoprassi, sono animate da un’intenzione

¹ Sulla predicazione bizantina si può consultare [CUNNINGHAM, ALLEN 1998]; su quella occidentale [KIENZLE 1993; DE REU 1993; VALENTE BACCI 1993]. Per la distinzione fra ‘omelia’ e ‘sermone’ si rimanda a [SACHOT 1994].

morale di carattere didattico-correttivo che si realizza nell'attualizzazione della parola di Dio e nell'attuazione del suo potenziale metamorfico, e si esprime in una struttura funzionalmente unitaria. Le citazioni bibliche, pertanto, costituiscono il fulcro del loro funzionamento, servendo ora da guida alla comprensione e all'interpretazione dei sensi del discorso (funzione ermeneutica), ora da pungolo all'ortoprassi (funzione pragmatica), ora da elemento di raccordo con la tradizione liturgica (funzione liturgica) [ROMOLI 2009; EADEM 2014]².

Lo *Slovo na verbnoe voskresen'e* contraddice questo 'modello funzionale' in ragione della finalità esegetica che è posta alla sua base. Ferma restando la centralità della componente biblica, la specificità dell'opera risiede in particolare nel rapporto fra predica e liturgia e nell'approccio alla liturgia: al suo interno, infatti, lungi dal servire da mero elemento di raccordo con le celebrazioni, le citazioni bibliche liturgiche sono rese oggetto di specifica esegesi, determinando i contenuti del discorso, la loro elaborazione e strutturazione. Il funzionamento del testo è dunque regolato da una specifica funzione 'esegetico-liturgica' delle citazioni bibliche, cui si affiancano le funzioni ermeneutica e pragmatica, che invece si dimostrano stabili nel confronto con le prediche del *corpus* [ROMOLI 2016c].

Assumendo come ipotesi di lavoro che anche questo secondo 'modello funzionale', esemplato appunto dallo *Slovo na verbnoe voskresen'e*, possa avere valore tipologico, mi propongo qui di verificarne validità e stabilità attraverso la disamina delle funzioni che le citazioni bibliche svolgono nello *Slovo o ras-slablennom* (*Sermone sul paralitico*)³.

² Sulla finalità pragmatica della tradizione scrittoria di epoca kieviana si vedano [ЗЕЕМАНН 1993; GARZANTI 1998; ГАРДЗАНІТИ 2014]. Posta l'intenzione didattico-correttiva ('perlocutoria' o 'attuativa' in termini di pragmatica linguistica) che anima il predicatore e si realizza attraverso il ricorso intenzionale e sistematico a una varietà di stilemi ed espedienti retorici, la predica può essere considerata un macro-atto linguistico [AUSTIN 1988; CONTE 1977; VAN DIJK 1980]. Sulla correlazione fra retorica e pragmatica linguistica si rimanda a [VENIER 2008]. Sul ruolo delle Scritture e le funzioni delle citazioni bibliche nella civiltà letteraria slava ecclesiastica si può consultare [GARZANTI, ROMOLI 2013], con la bibliografia ivi citata. La funzione primaria di una citazione biblica, che può parimenti ammetterne di secondarie, consegue direttamente dal contesto comunicativo entro il quale è inserita ed è univocamente determinabile a partire da quello.

³ Si adotta qui l'edizione [ЕРЕМІН 1958: 331–335] (poi riprodotta in [КОЛЕСОВ, ПОНЬРКО 1997: 190–199, 615–616]), che si basa sul ms. RNB, Tolstoj, I.39, XIII sec., ff. 16–23. Per un inventario delle opere attribuite a Kirill Turovskij, per notizie sulla tradizione manoscritta e a stampa delle stesse e sulla sua vita si vedano [ТВОРОГОВ 1987; КОЛЕСОВ, ПОНЬРКО 1997], con la bibliografia ivi citata. Fra gli studi dedicati alla produzione letteraria di Kirill Turovskij che affrontano, fra le altre, la questione del rapporto con le Scritture si ricordano, a titolo di esempio, oltre al classico [СУХОМЛИНОВ 1858] (a cui si deve l'identificazione della maggior parte delle citazioni bibliche presenti nella sua opera), [РОГАЧЕВСКАЯ 1989А; ЕАДЕМ 1989Б; ЕАДЕМ 1992; ЕАДЕМ 1995; FRANKLIN 1991; НАУМОВ 1991; ДВИНЯТИН 1995; LUNDE 2001]. Il volume collettaneo [LUNDE 2000] raccoglie saggi incentrati su vari aspetti dell'opera

1.1. Le funzioni delle citazioni bibliche nello *Slovo o rasslablennom*

1.1.1. La funzione 'esegetico-liturgica'

La citazione della pericope Gv 5: 1–15 instaura un legame univoco, reso stabile da ulteriori riferimenti liturgici (cf. *infra*), fra lo *Slovo o rasslablennom* e la Festa del paralitico (primo ciclo liturgico, quarta domenica dopo Pasqua), manifestando la destinazione liturgica del discorso⁴. L'approccio esegetico alla medesima pericope palesa invece la natura del testo e ne realizza la finalità, determinando la strutturazione e l'elaborazione dei contenuti al suo interno. Così, nell'*expositio* e all'inizio della *tractatio thematis* è enunciato il tema biblico dello *Slovo* (о расслабленѣмъ), definito il suo scopo (побесѣдуим), demarcato il contesto liturgico della sua declamazione (нынѣ, днесѣ) ed esplicitata la fonte della citazione diretta di Gv 5: 1 (глаголетъ бо евангелист), che apre la serie espositivo-interpretativa:

Нынѣ же о расслабленѣмъ побесѣдуим, его же днесѣ сам Бог въспоманул [. . .] его же нынѣ Христос, благый челоуѣколюбецъ, словомъ ищѣли: врачъ бо есть душамъ нашимъ и тѣломъ, и слово его дѣломъ бысть [. . .] Глаголетъ бо евангелист: “Възиде Исусъ в Иерусалимъ, в преполовление жидовска праздника” [ЕРЕМИН 1958: 331].

L'accento al potere salvifico del Verbo fatto carne, di cui la guarigione del paralitico attraverso la parola è prefigurazione, preannuncia i contenuti della *tractatio thematis*, alludendo al doppio livello di significato che in essa si esprime (cf. § 1.1.2). Qui, in particolare, la pericope giovannea, che costituisce l'ossatura biblica e tematica dell'intero discorso, è elaborata secondo un paradigma logico-retorico costruito sull'alternanza fra esposizione degli eventi della storia biblica (*hypotyposis*, con o senza drammatizzazione), e loro interpretazione esegetica (*epexegetis*, con o senza drammatizzazione). Così, la citazione diretta di Gv 5: 2–4 richiama le guarigioni per immersione che accadevano nella vasca di Betzaetà per intervento di un angelo:

Того ради при мноуѣ приде народѣ к Соломони вододържи, иже нарицаеться Вифезда, сирѣчь Овѣча купѣль, понеже ту полокаху [sic! – F. R.] жъртвѣныхъ овецъ утробы. Надъ симъ бѣ храмъ, пять притворъ имѣя, и ту лежаше множество болящихъ, хромыхъ же и слѣпыхъ, и инѣми недугы болящеи, чающе

di Kirill Turovskij, ivi compresa un'analisi dei contenuti dello *Slovo o rasslablennom* [Двинятин 2000], parimenti indagati in [КОЖЫНАВА 1988]. Nell'ultimo decennio, la figura di Kirill Turovskij e le sue opere sono state poste al centro di nuove indagini. Si segnalano qui, senza pretesa di esaustività, le relazioni a conferenze internazionali [Мильков 2007; Бедина 2013], e i saggi [БАРАНКОВА 2010; ЕАДЕМ 2011; МАКЕЕВА 2009; ЕАДЕМ 2010; Мильков 2011].

⁴ La verifica della destinazione liturgica del testo è stata condotta sulla traduzione slava del *Typikon* del patriarca Alessio Studita [ПЕНТКОВСКИЙ 2001: 265–267] e del *Triodo pasquale* [Триодъ 1992]. Il dato trova conferma sia nel *Typikon della Grande Chiesa* [МАТЕОС 1963: 119], sia nel *Lezionario Vangelo* [GARZANITI 2001: 484].

движения водѣ; ангел бо господень приходя въмушаше воду, и по возмуще-
нии первое вълъзый цѣл бываше [ЕРЕМИН 1958: 331–332].

Il commento esplicativo a questa citazione ravvisa nelle suddette guarigioni la prefigurazione del santo battesimo, illustrando l'affinità fra queste due realtà in termini di *antithesis*: se, infatti, la discesa dell'angelo nella vasca sanava il corpo di un solo malato una sola volta all'anno, la discesa dello Spirito nel fonte battesimale sana ogni giorno il corpo e l'anima di molti, manifestando l'infinita potenza di Dio:

Си же бѣ образ святаго крещения: понеже не всегда вода та ицѣляше, нѣ егда ю ангел възмутяше. Ныня же к крещения купѣли сам ангелский владыка Святыи Дух приходя освящает ю и даеть сдравие душам и тѣлом, и грѣхом очищение; аще кто слѣп есть разумомъ, ли хром невѣриемъ, ли сух мнозѣх безаконий отчаяниемъ, ли раслаблен еретичьскимъ учениемъ — всѣх вода крещения съдравы творить. Она купѣль многы приимаючи, а единого ицѣляше, и тоже не всегда, нѣ единою лѣта, — а крещения купѣль по вся дъни многы оживляючи съдравы створить; к крещению бо аще и вся земля придуть человѣци, не умалиться божия благодать, всѣм даючи ицѣление от грѣховных недуг [ЕРЕМИН 1958: 332].

Questa esegesi costituisce un ulteriore elemento indiziario ai fini dello svelamento del doppio livello di significato dello *Slovo* (cf. § 1.1.2); la stessa esegesi rappresenta inoltre uno degli 'indici liturgici' supplementari che recano conferma della destinazione liturgica del discorso, riecheggiando in particolare il mattutino della Domenica del paralitico:

Въ купѣль иногда ѿвѣчу аггѣл съждаше, / и единого ицѣлеваше на всѣкое лѣто:
/ крещеніемъ же вѣетвеннымъ нынѣ ѡчищаетъ / безчисленнаа множество хрѣтово
(*Kanon o rasslablennom, glas 3, pesn' 1*)⁵.

Аггѣл ѡубо гдѣнь, на всѣкое лѣто съждаа, / водѣ въ купѣли възмушаше, со-
вершаа здрава единого тоѣю: / хрѣтово же множество безчисленное вѣтвеннымъ
крещеніемъ спасаетъ (*irmos*).

Il paradigma logico-retorico che informa questo passo, con la citazione diretta e il commento di alcuni versetti della pericope giovannea, occorre anche nella variante con drammatizzazione. La citazione diretta di Gv 5: 5–7, con l'interrogazione e la replica del paralitico, e con l'enunciazione delle ragioni della sua mancata guarigione – Рыцѣм же о господни благодати, како приде к Овчи

⁵ Qui e oltre, per il testo delle celebrazioni della Domenica del paralitico si fa riferimento all'edizione [Триодъ 1992]. Sulla scia di S. P. Ševyrev, che richiamava l'attenzione sui possibili modelli innografici dell'omiletica di Kirill Turovskij, A. I. Ponomarev indica questo passo, insieme a un secondo che segnalaremo, come probabile fonte di ispirazione dello *Slovo* [ПОНОМАРЕВ 1894: 191].

купѣли, и видѣ челоуѣка раслаблена, долго врѣмя на одрѣ в недузѣ лежаща, и въпроси его глаголя: “Хощеши ли сдрав быти?” – “Ей, рече, Господи! Хотѣл бых, нѣ не имѣю челоуѣка, дабы по възмущени ангеловѣ въвергл мя бы в купѣль” [ЕРЕМИН 1958: 332] –, è resa esplicita nel suo significato anagogico proprio dalla rielaborazione in termini di drammatizzazione e con *accumulatio* di riferimenti biblici dei medesimi versetti (Gv 5: 5–7[8]).

Per il paralitico, infatti, lo stato di infermità che lo affligge è il giusto castigo inflittogli da Dio per i peccati e le passioni che hanno leso le sue membra e offeso la sua anima: ecco che allora l'invocazione dell'aiuto di Dio cade inascoltata (Sal 38[37]: 5, citazione diretta), i rimedi dei medici si dimostrano inefficaci (cf. Lc 8: 43), la sua condizione suscita disprezzo (cf. Gb 2: 7), vergogna, derisione (cf. Sal 69[68], *passim*), il corpo è prostrato per la fame (cf. Lc 16: 21) e la nudità (cf. Gen 3); qualsiasi possibilità di aiuto viene meno: Enoch ed Elia sono stati rapiti in cielo (cf. Gen 5: 24, 2[4] Re 2: 11), Abramo e Giobbe hanno guadagnato la vita eterna (cf. Gen 25: 8, Gb 42: 17) e nessun altro è rimasto fedele a Dio (cf. Sal 14[13]: 3–4), avendo peccato anche Mosè (cf. Nm 20: 7–12) e Salomone (cf. 1[3] Re 11: 1–13; 2[4] Re 23: 13; Ne 13: 26) [ЕРЕМИН 1958: 332–333].

Le lamentazioni del paralitico suscitano il biasimo di Cristo, che ne argomenta l'inconsistenza richiamando ora l'incarnazione che compie la profezia veterotestamentaria (cf. Is 53: 4–12), è sacrificio (cf. Mt 20: 28), strumento di salvezza (cf. Gv 3: 17) e deificazione dell'uomo (Sal 82[81]: 6, citazione diretta), ora il creato che è stato posto al servizio dell'uomo (cf. Gen 1), il compimento della promessa resa ad Abramo (cf. Gen 21: 12, Gen 22: 16–18), lo sgorgare delle acque nel deserto (Is 35: 6, citazione diretta) e la promessa resa agli assetati (cf. Mt 5: 6), ora, infine, la resurrezione di Lazzaro (cf. Gv 11) [ЕРЕМИН 1958: 333–334].

Come si mostrerà, la citazione diretta di Gv 5: 8, che si innesta in questa drammatizzazione, rende manifesta la funzione ermeneutica dell'elemento biblico, svelando il doppio livello di significato dello *Slovo*, già anticipato dall'allusione al potere salvifico dell'incarnazione e dall'esegesi di Gv 5: 4 (cf. *supra* e § 1.1.2). Il rimprovero che Cristo rivolge al paralitico, rielaborazione drammatizzata del dialogo trasmesso appunto da Gv 5: 6–8, costituisce inoltre un ulteriore 'indice' della destinazione liturgica dello *Slovo*, ricordando nel suo *incipit* il grande vespro della Domenica del paralitico, come emerge dal confronto fra i passi di seguito riportati:

И си вся от уст раслабленаго слышав, благый нашъ врачъ Господь Исус Христос отвѣщавъ к раслабленому: “Что глаголеши: Челоуѣка не имамъ”? Аз тебе ради челоуѣк бых, — щедр и милостив, не сългавъ обѣта моего въчелоуѣчениа [Slovo o rasslablennom; ЕРЕМИН 1958: 333].

и ѿвѣ оумножерднвса спсх, глаголетъ къ немѹ: / тебѣ радн человекъкъ бывхъ, / тебѣ радн въ плѣтъ ѡблекѡхса, / и глаголеши: человекъка не ѿмамъ: / возмнѣ ѡдръ твоѣи и хѡднѣ (Slava, *glas* 5; cf. [ПОНОМАРЕВ 1894: 191]).

Il paradigma logico-retorico che presiede all'esposizione commentata di Gv 5: 1–8 evolve poi nel senso di una netta semplificazione. I versetti Gv 5: 9–15, che esauriscono la pericope giovannea ricavata dalla liturgia della Festa del paralitico, sono infatti attualizzati e resi intellegibili da una catena di citazioni dirette intramezzate dalla drammatizzazione di alcuni episodi. Così, la citazione di Gv 5: 9 attualizza il miracolo della guarigione del paralitico: И скоро въскочи раслабленный с одра, съдрав всѣми уды телесе и силою мощнъ, и възем носивъшаго и одра, посредѣ народа хожаше [ЕРЕМИН 1958: 334]; la citazione di Gv 5: 10–11 – “Субота есть, и недостоить ти взяти одра” [. . .] “нѣ иже мя есть створил цѣла, тѣ мнѣ рече: «Въстани, възми одр свой и ходи!»” [ИВІД.] –, sottoposta a procedimento di drammatizzazione, rende manifesti lo sdegno dei giudei per il mancato rispetto del sabato e il biasimo del paralitico per la loro malvagità; la citazione di Gv 5: 12–13 – Отвѣщаша книжъници: “Кто есть он, иже тя створи цѣла?”. Носѣя же одр не вѣдаше, Исусу уклоньшюся от народа [ИВІД.] –, seguita dalla drammatizzazione di Gv 5: 15, esprime la richiesta dei giudei di conoscere l'identità del guaritore e la replica del paralitico, con l'esortazione a riconoscere il miracolo della sua guarigione; infine, la citazione di Gv 5: 14 – Обрѣте же его пакы Исус в церкви и глагола ему: “Се цѣл еси, ктому [sic! – F. R.] не съгрѣшай, да не горе ти что будетъ” [ИВІД.: 335] –, introdotta dalla drammatizzazione di Gv 5: 12, narra dell'incontro con Cristo al tempio, con la comunicazione del miracolo e il monito a non peccare più.

1.1.2. La funzione ermeneutica

La funzione ermeneutica⁶ è affidata nello *Slovo* alla citazione di Gv 5: 8, con l'esortazione rivolta al paralitico a prendere il suo lettuccio e camminare – “Въстани, възми одр свой” [ЕРЕМИН 1958: 334] –, che, come si accennava, è funzionale alla drammatizzazione dei versetti Gv 5: 5–7 nella *tractatio thematicis* (cf. § 1.1.1). Il doppio livello di significato del discorso consegue direttamente dal procedimento interpretativo adottato ai fini dell'esegesi di questa esortazione, che è resa attuale nei suoi contenuti ed esplicita nelle sue implicazioni sulla base dello stesso paradigma logico-retorico fondato sull'alternanza fra *hypotyposis* ed *epexegesis* sopra enunciato. In particolare, la guarigione miracolosa del paralitico (senso letterale, storico) diventa per relazione tipologica di affinità prefigurazione (τύποζ) del santo battesimo (senso spirituale, analogico; *allegoria in factis*), richiamando l'allusione al potere salvifico

⁶ Questa funzione delle citazioni bibliche equivale a quella della “chiave biblica tematica” nella definizione a suo tempo elaborata da R. ПИСНИО [1977].

dell'incarnazione nell'*expositio*, il significato delle guarigioni a Betzaetà (Gv 5: 4) nella *tractatio thematis* (cf. § 1.1.1) e la valenza del monito a non peccare più (Gv 5: 14) nell'*admonitio* (cf. § 1.1.3): “да слышать мя Адам и обновиться ныня с тобою от истълѣния, в тобѣ бо първаго прѣступления Евѣжину клятву исцѣляю” [IBID.].⁷ La citazione di Gv 5: 8 sviluppa così un doppio livello di significato in tutto il discorso, che poggia sull'equivalenza fra la malattia del paralitico e il peccato originale, le parole che lo guariscono e il Verbo fatto carne, la sua guarigione e il sacrificio di Cristo per la salvezza dell'umanità, caricando la parenesi finale di evidenti implicazioni escatologiche (cf. § 1.1.3).

1.1.3. La funzione pragmatica

Nell'*admonitio* al paradigma logico-retorico su cui si fondano l'*expositio* e la *tractatio thematis* se ne sovrappone un secondo, costruito sull'alternanza fra avvertimenti di mali incombenti (*paraenesis*) e minacce di punizione (*cataplexis*), che rende manifesta la funzione pragmatica (ortopratica) delle citazioni bibliche. In particolare, hanno valore di avvertimento l'allusione alla parabola del buon samaritano (Lc 10: 29–37) e l'allusione al monito di Gv 15: 22 che sono integrate nell'esegesi con drammatizzazione di Gv 5: 14 (che a sua volta richiama il doppio livello di significato dello *Slovo*, cf. § 1.1.2): il monito a non peccare rivolto al paralitico, infatti, è monito per tutti i battezzati, la guarigione del paralitico è redenzione del genere umano dal peccato originale attraverso il battesimo, Cristo è il buon samaritano che mostra compassione e si prende cura dei peccatori, ma guai maggiori sopraggiungeranno per chiunque pecchi avendone coscienza [ЕРЕМИН 1958: 335]. Si risolve invece in un'*accumulatio* di minacce l'esegesi di Gv 15: 22, che prospetta la punizione per tutti i peccatori e per chiunque non abbia timore di Dio [IBID.].

2. Esegesi patristica e mediazione liturgica

Lo *Slovo o rasslablennom*, regolato nel suo funzionamento dalle diverse funzioni che le citazioni bibliche svolgono al suo interno, sembra convalidare i risultati emersi dalla disamina dello *Slovo na verbnoe voskresen'e*, richiamando con quello il modello esegetico patristico (cf. § 1.1). Posto il ruolo modellizzante dell'esegesi patristica, reso effettivo dalla mediazione liturgica degli scritti dei

⁷ Il santo battesimo è evocato anche dalla funzione liturgica della citazione di Sal 32(31): 9 – “Не будѣте яко конь и мѣск, им же нѣсть разума” [ЕРЕМИН 1958: 334] –, che costituiva parte del rito battesimale. Ciò conferma una volta di più la centralità della liturgia e della memoria collettiva (personale o comunitaria) nella definizione (e ai fini della comprensione) dei principi compositivi, dei meccanismi di funzionamento e di creazione di significato che regolavano la prassi scrittoria slava ecclesiastica. Sulla mediazione liturgica delle Scritture e sul concetto di ‘memoria collettiva’ (teorizzato da M. HALBWACHS [1992] e sviluppato da J. ASSMANN [1992]), che M. Garzaniti ha applicato allo studio della cultura scrittoria della *Slavia orthodoxa*, si rimanda a [DANIIL 1991; GARZANITI 1998; IDEM 2009; ГАРДЗАНИТИ 2014; GARZANITI, ROMOLI 2013].

Padri, l'indagine della tradizione liturgica può allora conferire dimensione di concretezza al suddetto modello teorico, offrendo esempi di opere che lo esemplano e che possono dunque essere state prese a modello nel processo di creazione di nuovi testi. La ricerca di possibili esempi di testi-modello sarà qui condotta nell'ambito delle celebrazioni liturgiche della festa di dedica dello *Slovo o rasslablennom*. Eventuali riscontri positivi potrebbero permettere di valutare l'effettivo apporto dell'esegesi patristica alla sua compilazione.

2.1. Le celebrazioni della Domenica del paralitico: letture crisostomiane

In occasione della Domenica del paralitico, il *Typikon* studiata prescriveva la lettura dell'*Omelia 36* sul Vangelo giovanneo di Giovanni Crisostomo [ΠΕΝΤΚΟΒΣΚΙЙ 2001: 265; PG, 59: 203–208] (= [CPG 4425]). Lo studio comparativo di questa omelia e dello *Slovo o rasslablennom* ha permesso di stabilire che, pur conservando la propria 'originalità'⁸, lo *Slovo* ne ricalca sia la tipologia testuale, sia il procedimento esegetico generale e l'interpretazione particolare che essa offre della lezione evangelica resa oggetto di esegesi. Al pari dell'*Omelia 36*, infatti, lo *Slovo* mostra una finalità esegetica che si esprime nell'alternanza fra esegesi e parenesi, adotta il procedimento tipologico e interpreta le guarigioni a Betzaetà come prefigurazione del santo battesimo (cf. § 1.1). L'esegesi tipologica delle guarigioni a Betzaetà riecheggia in particolare il commento della citazione di Gv 5: 2–3 nell'*Omelia 36*:

τίς ὁ τῆς θεραπείας τρόπος οὗτος; ποῖον ἡμῖν μυστήριον αἰνίττεται [. . .] Τί οὖν ἐστὶν ὃ ὑπογράφει; Ἐμελλε βάπτισμα δίδοσθαι, πολλήν δύναμιν ἔχον καὶ δωρεάν μεγίστην, βάπτισμα πάσας ἀμαρτίας καθαῖρον, καὶ ἀντὶ νεκρῶν ζῶντας ποιοῦν. Καθάπερ οὖν ἐν εἰκόνι προγράφεται ταῦτα τῇ κολυμβήθρᾳ καὶ ἑτέροις πλείοσι [PG, 59: 203]⁹.

Alcune delle caratteristiche che lo *Slovo* condivide con l'*Omelia 36* sono comuni anche ad altre omelie crisostomiane dedicate al medesimo tema evangelico, in particolare alle *Omelie 37* e *38* sul Vangelo Giovanneo [PG, 59: 207–212, 211–220] (= [CPG 4425]) e all'omelia *Sul paralitico* [PG, 51: 47–64] (= [CPG 4370]): sono comuni a tutte la finalità esegetica con l'alternanza fra esegesi e parenesi e il metodo esegetico; comune alle *Omelie 37* e *38* il procedimento di drammatizzazione. Considerata tuttavia l'effettiva mediazione esercitata dalle celebrazioni per la Festa del paralitico, le suddette analogie, che possono essere interpretate

⁸ Sotto questo rispetto, la produzione omiletica di Kirill Turovskij meriterebbe forse di essere valutata anche nel confronto con l'omiletica bizantina di epoca post-patristica.

⁹ “Cosa è, dunque, questo modo di cura? Quale mistero addita? [. . .] Che cosa mai è, dunque, questa descrizione? Stava per esser concesso il battesimo, pieno di virtù e grandissima grazia, il battesimo che lava via ogni peccato, che da morti rende vivi. Queste cose dunque sono descritte come in un'immagine nella piscina e in molte altre cose”.

come il risultato di un'approccio imitativo al modello esegetico patristico, permettono di individuare un esempio concreto di tale modello proprio nell'*Omelia* 36, lasciando ipotizzare che questa omelia possa essere servita da testo-modello per lo *Slovo o rasslablennom*¹⁰.

Conclusioni

L'analisi dello *Slovo o rasslablennom* sembra comprovare la validità e la stabilità del 'modello funzionale' esemplato dallo *Slovo na verbnoe voskresen'e*, corroborando l'ipotesi che tale modello abbia valore tipologico e offrendo un'ulteriore testimonianza indiziaria della sussistenza nell'ambito della predicazione slava orientale di epoca kieviana di una suddivisione pratica fra prediche esegetiche e prediche 'didattico-morali'. In particolare, i risultati dell'analisi confermano che il funzionamento di queste prediche è regolato da una specifica funzione 'esegetico-liturgica' delle citazioni bibliche, che ne esprime la vocazione esegetica. Ferme restando le funzioni ermeneutica e pragmatica delle citazioni bibliche, il rapporto fra predica e liturgia e l'approccio alla liturgia determina infatti la loro specificità nel confronto con le prediche 'didattico-morali' del *corpus* omiletico di riferimento, richiamando il modello esegetico patristico (§ 1). In questo ambito, considerata l'effettiva mediazione esercitata dalle celebrazioni per la Festa del paralitico, è stato possibile individuare nell'*Omelia* 36 sul Vangelo giovanneo di Giovanni Crisostomo un esempio concreto di tale modello teorico, ipotizzando che la stessa possa essere servita da testo-modello per lo *Slovo o rasslablennom* (§ 2).

La pista di ricerca qui indagata necessita di essere ulteriormente percorsa, *in primis* attraverso la disamina delle altre prediche che la tradizione manoscritta attribuisce a Kirill Turovskij. Si reputa auspicabile, in particolare, l'ulteriore verifica del 'modello funzionale' cui si uniformano entrambi lo *Slovo o rasslablennom* e lo *Slovo na verbnoe voskresen'e*, e con essa la verifica dell'ipotesi, già al vaglio di chi scrive, che queste prediche, dedicate rispettivamente all'eucaristia e al battesimo, costituiscano parte di un ciclo omiletico incentrato

¹⁰ All'esegesi crisostomiana quale possibile fonte dello *Slovo* fanno riferimento sia [ИОНОМАРЕВ 1894: 190–191], che ipotizza la mediazione dei *Commenti ai Vangeli* di Teofilatto di Ocrida, sia A. VAILLANT [1950: 35–37], che rigetta tale ipotesi. A Vaillant [IBID.: 34–35] si deve inoltre l'identificazione di una serie di anacronismi e imprecisioni che, malgrado l'ispirazione patristica dello *Slovo*, ne provano l'"originalità" (fra questi lo svelamento dell'identità di Cristo prima della guarigione del paralitico, la confusione del paralitico con l'emorroissa (cf. Lc 8: 40–56), della sua infermità con la piaga di Giobbe (cf. Gb 2: 7), della piscina di Betzaetà con il portico di Salomone cf. (Gv 10: 23), e l'antiorità della resurrezione di Lazzaro cf. (Gv 11:1–44) rispetto alla guarigione del paralitico). Sull'esegesi scritturale di Giovanni Crisostomo e più in generale sulla scuola di Antiochia, di cui egli è considerato il massimo rappresentante, si può consultare la sezione dedicata a *L'esegesi del Crisostomo* nel volume collettaneo [CRISOSTOMO 2005]. Per una ricognizione delle traduzioni slave ecclesiastiche delle opere crisostomiane si veda almeno [ГРАХТРЕМ ET AL. 1998].

sui sacramenti. Nell'ambito della mediazione esercitata dalla liturgia e dai libri liturgici, invece, sulla scia di alcuni studi recentemente avviati [ROMOLI 2016A; EADEM 2016B], ci riserviamo di valutare l'apporto delle citazioni bibliche liturgiche e patristiche trasmesse dallo *Slovo o rasslablennom* ai fini della ricostituzione della memoria collettiva associata alla Festa del paralitico.

Abbreviazioni

RNB: *Rossijskaja Nacional'naja Biblioteka* (Biblioteca nazionale russa, S. Pietroburgo, Russia).

Bibliografia

Fonti

DANIIL 1991

DANIIL EGUMENO, *Itinerario in Terra Santa*, M. GARZANITI, ed., Roma, 1991.

PG, 1–161

MIGNE J. P., ed., *Patrologiae cursus completus. Series graeca*, 1–161, Paris, 1857–1866.

ЕРЕМИН 1958

ЕРЕМИН И. П., “Литературное наследие Кирилла Туровского”, in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 15, Ленинград, 1958, 331–348.

КОЛОСОВ, ПОНЫРКО 1997

КОЛОСОВ В. В., ПОНЫРКО Н. В., “Слова и поучения Кирилла Туровского”, in: Д. С. ЛИХАЧЕВ ET AL., ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 4, С.-Петербург, 1997, 142–205, 604–616.

ПЕНТКОВСКИЙ 2001

ПЕНТКОВСКИЙ А. М., *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*, Москва, 2001.

ТРИОДЬ 1992

Триодь цветная, Москва, 1992.

Studi

ASSMANN 1992

ASSMANN J., *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*, München, 1992 [trad. it.: *La memoria culturale. Scrittura, ricordo e identità politica nelle grandi civiltà antiche*, Torino, 1997].

AUSTIN 1988

AUSTIN J. L., *Come fare cose con le parole. Le William James lectures tenute alla Harvard university nel 1955*, C. PENCO, M. SBISÀ, ed., Genova, 1988 [ed. or.: *How to do Things with Words. The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955*, Oxford, 1962].

CONTE 1977

CONTE M.-E., ed., *La linguistica testuale*, Milano, 1977.

CPG 1–6

GEERARD M., GLOIRE F., NORET J., *Clavis patrum graecorum*, 1–6 (= Corpus Christianorum, Claves), Turnhout, 1974–2003.

CRISOSTOMO 2005

Giovanni Crisostomo. Oriente e Occidente tra IV e V secolo. XXXIII Incontro di studiosi dell'antichità cristiana. Roma, 6–8 maggio 2004 (= Studia Ephemeridis Augustinianum, 93), 1–2, Roma, 2005.

CUNNINGHAM, ALLEN 1998

CUNNINGHAM M. B., ALLEN P., "Introduction," in: EIDEM, *Preacher and Audience. Studies in Early Christian and Byzantine Homiletics* (= A New History of the Sermon, 1), Leiden, Boston, Köln, 1998, 1–20.

DE REU 1993

DE REU M., "Divers chemins pour étudier un sermon," in: [HAMESSE, HERMAND 1993: 331–340].

VAN DIJK 1980

VAN DIJK T. A., *Testo e contesto. Semantica e pragmatica del discorso*, Bologna, 1980 [ed. or.: *Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*, London, 1977].

FRANKLIN 1991

FRANKLIN S., *Sermons and Rhetoric of Kievan Rus'* (= Harvard Library of Early Ukrainian Literature. English Translations, 5), Cambridge (MA), 1991.

GARZANITI 1998

GARZANITI M., "L'agiografia slavo-ecclesiastica nel contesto della liturgia bizantina. Sacra Scrittura e liturgia nella composizione letteraria della Vita di Paraskeva," in: F. Esvan, ed., *Contributi italiani al XII Congresso internazionale degli slavisti (Cracovia 26 agosto – 3 settembre 1998)*, Napoli, 1998, 87–129.

——— 2001

GARZANITI M., *Die altslavische Version der Evangelien. Forschungsgeschichte und zeitgenössische Forschung* (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe A, Slavistische Forschungen, N.F., 33), Köln, Weimar, Wien, 2001.

——— 2009

GARZANITI M., "Bible and Liturgy in Church Slavonic Literature. A New Perspective for Research in Medieval Slavonic Studies," in: J. A. ÁLVAREZ-PEDROSA, S. TORRES PRIETO, eds., *Medieval Slavonic Studies. New Perspectives for Research = Études slaves médiévales. Nouvelles perspectives de recherche*, Paris, 2009, 127–148.

GARZANITI, ROMOLI 2013

GARZANITI M., ROMOLI F., "Le funzioni delle citazioni bibliche nella letteratura della Slavia ortodossa," in: M. GARZANITI, A. ALBERTI, M. PEROTTO, B. SULPASSO, eds., *Contributi italiani al XV Congresso Internazionale degli Slavisti (Minsk, 20–27 settembre 2013)* (= Biblioteca di Studi Slavistici, 19), Firenze, 2013, 121–156.

HALBWACHS 1992

HALBWACHS M., *On Collective Memory*, Chicago, 1992.

HAMESSE, HERMAND 1993

HAMESSE J., HERMAND X., eds., *De l'homélie au sermon. Histoire de la prédication médiévale. Actes du Colloque international de Louvain-la-Neuve (9–11 juillet 1992)* (= Textes, Études, Congrès, 14), Louvain-la-Neuve, 1993.

KIENZLE 1993

KIENZLE B. M., "The Typology of the Medieval Sermon and Its Development in the Middle Ages. Report on Work in Progress," in: [HAMESSE, HERMAND 1993: 83–101].

LUNDE 2000

LUNDE I., ed., *Kirill of Turov. Bishop, Preacher, Hymnographer* (= Slavica Bergensia, 2), Bergen, 2000.

——— 2001

LUNDE I., *Verbal Celebrations. Kirill of Turov's Homiletic Rhetoric and its Byzantine Sources* (= Slavistische Veröffentlichungen Fachbereich Philosophie und Geisteswissenschaften der Freien Universität Berlin, 86), Wiesbaden, 2001.

MATEOS 1963

MATEOS J., *Le Typicon de la Grande Église, 2: Le cycle des fêtes mobiles* (= Orientalia Christiana Analecta, 166), Roma, 1963.

PICCHIO 1977

PICCHIO R., "The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of 'Slavia Orthodoxa'," *Slavica Hierosolymitana*, 1, 1977, 1–31 [trad. it. in: IDEM, *Letteratura della Slavia ortodossa (IX–XVIII sec.)*, Bari, 1991, 363–403].

ROMOLI 2009

ROMOLI F., *Predicatori nelle terre slavo-orientali (XI–XIII sec.)*. *Retorica e strategie comunicative* (= Biblioteca di Studi Slavistici, 9), Firenze, 2009.

——— 2014

ROMOLI F., "Le citazioni bibliche nell'omiletica e nella letteratura di direzione spirituale del medioevo slavo orientale," *Mediaevistik*, 27, 2014, 119–140.

——— 2016A

ROMOLI F., "La memoria collettiva per la festa della tirofagia. La testimonianza del *Poslanie Vladimiru Monomachu o poste*," *Bizantinistica*, 17, 2016, 97–114.

——— 2016B

ROMOLI F., "Le citazioni bibliche nel *Poučenie v nedelju syrputnuju*. Liturgia, tradizione patristica e memoria collettiva," in: A. ALBERTI, M. C. FERRO, F. ROMOLI, eds., *Mosty mostite. Studi in onore di Marcello Garzaniti* (= Biblioteca di Studi Slavistici, 34), Firenze, 2016, 167–190.

——— 2016C

ROMOLI F., "Le funzioni delle citazioni bibliche nello *Slovo na verbnoe voskresen'e di Kirill Turovskij*," *Studi Slavistici*, 13, 2016, 31–41, DOI: 10.13128/Studi_Slavis-20443.

SACHOT 1994

SACHOT M., "Homilie," in: *Reallexikon für Antike und Christentum*, 16, Stuttgart, 1994, 148–175.

VAILLANT 1950

VAILLANT A., "Cyrille de Turov et Grégoire de Nazianze," *Revue des études slaves*, 26/1–4, 1950, 34–50.

VALENTE BACCI 1993

VALENTE BACCI A. M., "The Typology of Medieval German Preaching," in: [HAMESSE, HERMAND 1993: 313–329].

VENIER 2008

VENIER F., *Il potere del discorso. Retorica e pragmatica linguistica*, Roma, 2008.

БАРАНКОВА 2010

БАРАНКОВА Г. С., "Текстология и язык «Повести о беспечном царе и мудром советнике» Кирилла Туровского", in: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2006–2009)*, Москва, 2010, 313–354.

——— 2011

БАРАНКОВА Г. С., "Сочинения Кирилла Туровского в собрании Иосифо-Волоколамского монастыря", *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1 (43), 2011, 61–75.

БЕДИНА 2013

БЕДИНА Н. Н., "Ассоциативность как метод мышления и моления. Особенности гимнографии св. Кирилла Туровского", *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3 (45), 2013, 14–15.

ГАРДЗАНИТИ 2014

ГАРДЗАНИТИ М., *Библейские цитаты в церковнославянской книжности*, Москва, 2014.

ГРАНСТРЕМ ET AL. 1998

ГРАНСТРЕМ Е. Э., ТВОРОГОВ О. В., ВАЛЕВИЧЮС А., СОСТ., ТВОРОГОВ О. В., РЕД., *Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков. Каталог гомилий*, С.-Петербург, 1998.

Двинятин 1995

Двинятин Ф. Н., "Традиционный текст в торжественных словах св. Кирилла Туровского. Библейская цитация", in: *Герменевтика древнерусской литературы*, 8, Москва, 1995, 81–101.

— 2000

Двинятин Ф. Н., "Семантические оппозиции в торжественных словах Кирилла Туровского: Бог/человек в *Слове о расслабленном*", in: [Lunde 2000: 76–102].

ЗЕЕМАНН 1993

Зееманн К. Д., "Приемы аллегорической экзегезы в литературе киевской Руси", in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 48, С.-Петербург, 1993, 105–120.

КОЖЫНАВА 1988

Кожынава А. А., "Да пытаньня аб прынцыпах вылучэння сэнсавых груп у тэксце", *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серія 4*, 2, 1988, 35–38.

МАКЕЕВА 2009

Макеева И. И., "«Сказание о черноризском чине» Кирилла Туровского. К вопросу об авторском тексте", *Русский язык в научном освещении*, 2 (18), 2009, 175–205.

— 2010

Макеева И. И., "«Сказание о черноризском чине» Кирилла Туровского в русских Кормчих", in: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2006–2009)*, Москва, 2010, 355–381.

Мильков 2007

Мильков В. В., "Идейное своеобразие религиозных и нравственных возрений Кирилла Туровского", *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3 (29), 2007, 71–72.

— 2011

Мильков В. В., "Религиозно-философское значение литературных приемов древнерусского политического памфлета (на материалах «Притчи о душе и теле» Кирилла Туровского)", *История философии*, 16, 2011, 56–78.

НАУМОВ 1991

Наумов А., "Св. Кирилл Туровский и Священное Писание", in: В. Н. Топоров, ред., *Filologia Slavica. К 70-летию академика Н. И. Толстого*, Москва, 1993, 114–124.

ПОНОМАРЕВ 1894

Пономарев А. И., *Памятники древнерусской церковно-учительной литературы*, 1, С.-Петербург, 1894.

РОГАЧЕВСКАЯ 1989А

Рогачевская Е. Б., "Использование Ветхого Завета в сочинениях Кирилла Туровского", in: *Герменевтика древнерусской литературы*, 1, Москва, 1989, 98–105.

— 1989Б

Рогачевская Е. Б., "О некоторых особенностях средневековой цитации (на материале ораторской прозы Кирилла Туровского)", *Филологические науки*, 3, 1989, 16–20.

— 1992

Рогачевская Е. Б., "Библейские тексты в произведениях русских проповедников (к постановке проблемы)", in: *Герменевтика древнерусской литературы*, 3, Москва, 1992, 181–199.

— 1995

Рогачевская Е. Б., "Священное писание в 'Творжественных словах' (Иоанн Златоуст и Кирилл Туровский)", *Australian Slavonic and East European Studies (ASEES) Journal*, 9/2, 1995, 75–88.

СУХОМЛИНОВ 1858

Сухомлинов М. И., *О сочинения Кирилла Туровского*, С.-Петербург, 1858.

ТВОРОГОВ 1987

ТВОРОГОВ О. В., “Кирилл Туровский”, in: Д. С. ЛИХАЧЕВ, ред., *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 1, Ленинград, 1987, 217–221.

Francesca Romoli

University of Pisa, Pisa, Italy

Exegetical Preaching by Kirill Turovskij: The Sermon on the Paralytic

Abstract

Through the analysis of how biblical quotations function within the *Slovo o rasslablenom* (Sermon on the Paralytic) by Kirill Turovskij (1130–1182), the author aims at verifying the validity and stability of the “functional model” she previously deduced from the analysis of the same author’s *Slovo na verbnoe voskresen’e* (Sermon for Palm Sunday). Textual analysis demonstrates that both writings differ from the functional model shared by sermons of Bishop Luka Židjata († 1059), Metropolitan Nikifor I († 1121), Hegumen Moisej († 1187), and Bishop Serapion Vladimirskij († 1275) in that they pursue a chiefly exegetical aim. This aim, achieved through a particular “liturgical-exegetical” function of biblical quotations, recalls the patristic exegetical model. Given the liturgical mediation of Patristic literature, the author identifies a concrete example of such a model in Homily 36 on the Gospel by John Chrysostom.

Keywords

East Slavic medieval preaching, Kirill Turovskij, *Slovo o rasslablenom*, biblical quotations, liturgical tradition, Patristic tradition

References

- Assmann J., *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*, München, 1992.
- Assmann J., *La memoria culturale. Scrittura, ricordo e identità politica nelle grandi civiltà antiche*, Torino, 1997.
- Austin J. L., *How to do Things with Words. The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955*, Oxford, 1962.
- Austin J. L., *Come fare cose con le parole. Le William James lectures tenute alla Harvard university nel 1955*, C. Penco, M. Sbisà, ed., Genova, 1988.
- Barankova G. S., “Tekstologija i jazyk ‘Povesti o bespechnom tsare i mudrom sovetnike’ Kirilla Turovskogo,” in: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istorija russkogo jazyka (2006–2009)*, Moscow, 2010, 313–354.
- Barankova G. S., “Kirill Turovski Works in the Collection of the Joseph-Volokolamski Monastery,” *Drevnyaya Rus—Voprosy Medievistiki*, 1 (43), 2011, 61–75.
- Bedina N. N., “Assotsiativnost’ kak metod myshlenija i molenija. Osobennosti gimnografii sv. Kirilla Turovskogo,” *Drevnyaya Rus—Voprosy Medievistiki*, 3 (45), 2013, 14–15.
- Conte M.-E., ed., *La linguistica testuale*, Milano, 1977.
- Cunningham M. B., Allen P., *Preacher and Audience. Studies in Early Christian and Byzantine Homiletics* (= A New History of the Sermon, 1), Leiden, Boston, Köln, 1998.
- De Reu M., “Divers chemins pour étudier un sermon,” in: Hamesse J., Hermand X., eds., *De l’homélie au sermon. Histoire de la prédication médiévale. Actes du Colloque international de Louvain-la-Neuve (9–11 juillet 1992)* (= Textes, Études, Congrès, 14), Louvain-la-Neuve, 1993, 331–340.
- van Dijk T. A., *Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*, London, 1977.
- van Dijk T. A., *Testo e contesto. Semantica e pragmatica del discorso*, Bologna, 1980.
- Dviniatin F. N., “Traditsionnyi tekst v torzhestvennykh slovakh sv. Kirilla Turovskogo. Bibleiskaia tsitatsiia,” in: *Germenevtika drevnerusskoi literatury*, 8, Moscow, 1995, 81–101.

Dviniatin F. N., "Semanticheskie oppozitsii v torzhestvennykh slovakh Kirilla Turovskogo: Bog/che-lovek v *Slovo o rasslablennom*," in: I. Lunde, ed., *Kirill of Turov. Bishop, Preacher, Hymnographer* (= Slavica Bergensia, 2), Bergen, 2000, 76–102.

Franklin S., *Sermons and Rhetoric of Kievan Rus'* (= Harvard Library of Early Ukrainian Literature. English Translations, 5), Cambridge (MA), 1991.

Garzaniti M., ed., *Daniil egumeno. Itinerario in Terra Santa*, Roma, 1991.

Garzaniti M., "L'agiografia slavo-ecclesiastica nel contesto della liturgia bizantina. Sacra Scrittura e liturgia nella composizione letteraria della Vita di Paraskeva," in: F. Esvan, ed., *Contributi italiani al XII Congresso internazionale degli slavisti (Cracovia 26 agosto – 3 settembre 1998)*, Napoli, 1998, 87–129.

Garzaniti M., *Die altslavische Version der Evangelien. Forschungsgeschichte und zeitgenössische Forschung* (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe A, Slavistische Forschungen, N.F., 33), Köln, Weimar, Wien, 2001.

Garzaniti M., "Bible and Liturgy in Church Slavonic Literature. A New Perspective for Research in Medieval Slavonic Studies," in: J. A. Álvarez-Pedrosa, S. Torres Prieto, eds., *Medieval Slavonic Studies. New Perspectives for Research = Études slaves médiévales. Nouvelles perspectives de recherche*, Paris, 2009, 127–148.

Garzaniti M., *Bibleiskie tsitaty v tserkovnoslavianskoi knizhnosti*, Moscow, 2014.

Garzaniti M., Romoli F., "Le funzioni delle citazioni bibliche nella letteratura della Slavia ortodossa," in: M. Garzaniti, A. Alberti, M. Perotto, B. Sulpasso, eds., *Contributi italiani al XV Congresso Internazionale degli Slavisti (Minsk, 20–27 settembre 2013)* (= Biblioteca di Studi Slavistici, 19), Firenze, 2013, 121–156.

Granstrem E. E., Tvorogov O. V., Valevičius A., *Ioann Zlatoust v drevnerusskoi i uzhnoslavianskoi pis'mennosti XI–XVI vekov. Katalog gomilii*, St. Petersburg, 1998.

Halbwachs M., *On Collective Memory*, Chicago, 1992.

Hamesse J., Hermand X., eds., *De l'homélie au sermon. Histoire de la prédication médiévale. Actes du Colloque international de Louvain-la-Neuve (9–11 juillet 1992)* (= Textes, Études, Congrès, 14), Louvain-la-Neuve, 1993.

Kienzle B. M., "The Typology of the Medieval Sermon and Its Development in the Middle Ages. Report on Work in Progress," in: Hamesse J., Hermand X., eds., *De l'homélie au sermon. Histoire de la prédication médiévale. Actes du Colloque international de Louvain-la-Neuve (9–11 juillet 1992)* (= Textes, Études, Congrès, 14), Louvain-la-Neuve, 1993, 83–101.

Kolesov V. V., Ponyrko N. V., "Slova i poucheniia Kirilla Turovskogo," in: D. S. Likhachev et al., eds., *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 4, St. Petersburg, 1997, 142–205, 604–616.

Kozhynava A. A., "Da pytannia ab pryntsyypakh vyluchennia sensavykh hrup u tekstse," *Vesnik Belaruskaha dziarzhaunaha universitata. Serii 4*, 2, 1988, 35–38.

Lunde I., *Verbal Celebrations. Kirill of Turov's Homiletic Rhetoric and its Byzantine Sources* (= Slavistische Veröffentlichungen Fachbereich Philosophie und Geisteswissenschaften der Freien Universität Berlin, 86), Wiesbaden, 2001.

Makeeva I. I., "Skazanie o chernorizskom chine' Kirilla Turovskogo. K voprosu ob avtorskom tekste," *Russkij yazyk v nauchnom osvshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 2 (18), 2009, 175–205.

Makeeva I. I., "Skazanie o chernorizskom chine' Kirilla Turovskogo v russkikh Kormchikh," in: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka* (2006–2009), Moscow, 2010, 355–381.

Mateos J., *Le Typicon de la Grande Église, 2: Le cycle des fêtes mobiles* (= Orientalia Christiana Analecta, 166), Roma, 1963.

Milkov V. V., "Ideinoe svoebrazie religioznykh i nrastvennykh vozrenii Kirilla Turovskogo," *Drevnyaya Rus—Voprosy Medievistiki*, 3 (29), 2007, 71–72.

Milkov V. V., "A Religious-philosophical Value of Literary Methods in the Old Russian Political Pamphlet (by the Example of 'A Parable about the Soul and the Body' by Cyril Turovsky)," *History of Philosophy (Istoriya Filosofii)*, 16, 2011, 56–78.

Naumov A., "Sv. Kirill Turovskii i Sviashchennoe Pisanie," in: V. N. Toporov, ed., *Filologia Slavica. K 70-letiiu akademika N. I. Tolstogo*, Moscow, 1993, 114–124.

Pentkovskiy A. M., *Tipikon patriarkha Aleksiiia Studita v Vizantii i na Rusi*, Moscow, 2001.

Picchio R., "The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of 'Slavia Orthodoxa,'" *Slavica Hierosolymitana*, 1, 1977, 1–31.

Picchio R., *Letteratura della Slavia ortodossa [IX–XVIII sec.]*, Bari, 1991.

Rogachevskaya E. B., "Ispolzovanie Vetkhogo Zaveta v sochineniiakh Kirilla Turovskogo," in: *Germenevtika drevnerusskoi literatury*, 1, Moscow, 1989, 98–105.

Rogachevskaya E. B., "O nekotorykh osobennostiakh srednevekovoi tsitatsii (na materiale oratorskoi prozy Kirilla Turovskogo)," *Filologicheskie nauki*, 3, 1989, 16–20.

Rogachevskaya E. B., "Bibleiskie teksty v proizvedeniiax russkikh propovednikov (k postanovke problemy)," in: *Germenevtika drevnerusskoi literatury*, 3, Moscow, 1992, 181–199.

Rogachevskaya E. B., "Sviashchennoe pisanie v 'Tvorzhestvennykh slovakh' (Ioann Zlatoust i Kirill Turovskii)," *Australian Slavonic and East European Studies (ASEES) Journal*, 9/2, 1995, 75–88.

Romoli F., *Predicatori nelle terre slavo-orientali (XI–XIII sec.). Retorica e strategie comunicative* (= Biblioteca di Studi Slavistici, 9), Firenze, 2009.

Romoli F., "Le citazioni bibliche nell'omiletica e nella letteratura di direzione spirituale del medioevo slavo orientale," *Mediaevistik*, 27, 2014, 119–140.

Romoli F., "La memoria collettiva per la festa della tirofagia. La testimonianza del *Poslanie Vladimiru Monomachu o poste*," *Bizantinistica*, 17, 2016, 97–114.

Romoli F., "Le citazioni bibliche nel *Poučenie v nedelju syrpuస్తుnuju*. Liturgia, tradizione patristica e memoria collettiva," in: A. Alberti, M. C. Ferro, F. Romoli, eds., *Mosty mostite. Studi in onore di Marcello Garzaniti* (= Biblioteca di Studi Slavistici, 34), Firenze, 2016, 167–190.

Romoli F., "Le funzioni delle citazioni bibliche nello *Slovo na verbnoe voskresen'e di Kirill Turovskij*," *Studi Slavistici*, 13, 2016, 31–41, DOI: 10.13128/Studi_Slavis-20443.

Sachot M., "Homilie," in: *Reallexikon für Antike und Christentum*, 16, Stuttgart, 1994, 148–175.

Seemann K. D., "Priemy allegoricheskoi ekzegezy v literature kievskoi Rusi," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 48, St. Petersburg, 1993, 105–120.

Tvorogov O. V., "Kirill Turovskii," in: D. S. Likhachev, ed., *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 1, Leningrad, 1987, 217–221.

Vaillant A., "Cyrille de Turov et Grégoire de Nazianze," *Revue des études slaves*, 26/1–4, 1950, 34–50.

Valente Bacci A. M., "The Typology of Medieval German Preaching," in: Hamesse J., Hermand X., eds., *De l'homélie au sermon. Histoire de la prédication médiévale. Actes du Colloque international de Louvain-la-Neuve (9–11 juillet 1992)* (= Textes, Études, Congrès, 14), Louvain-la-Neuve, 1993, 313–329.

Venier F., *Il potere del discorso. Retorica e pragmatica linguistica*, Roma, 2008.

Yeremin I. P., "Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 15, Leningrad, 1958, 331–348.

Dr. Francesca Romoli

Ricercatore confermato di Slavistica

Università degli Studi di Pisa

Dipartimento di Filologia, Letteratura e Linguistica

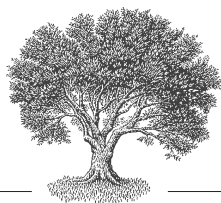
Via Santa Maria, 36

I-56126 Pisa

Italia/Italy

francesca.romoli@unipi.it

Received May 24, 2016

Феноменология и
типология ошибок
в древнерусских
списках Апостола
XII–XIV вв.*

Мария Олеговна Новак

Казанский федеральный университет
Казань, Россия

On the Phenomenology
and Typology of Errors
in Old Russian
Apostolos Manuscripts
from the 12th–14th
Centuries

Maria O. Novak

Kazan Federal University
Kazan, Russia

Резюме

В статье проанализированы ошибки, зафиксированные в Христинопольском (толковом XII в.) и Толстовском (последовательном XIV в.) списках Апостола. В результате получены новые сведения о характере восприятия заимствованной лексики, переосмысления текста, влияния антиграфов и текста толкований, а также о личности писца Толстовского списка, где неточности встречаются наиболее часто. Выявлены ошибки на лексическом (в том числе зависящие от искажений в греческом первоисточнике) и на грамматическом уровне. На уровне лексики это несоответствия, спровоцированные смешением паронимов либо омонимов в греческом тексте, различные трансформации апеллятивов в онимы и наоборот. Все это могло как присутствовать в антиграфе, так и появиться непосредственно в изучаемом списке. Грамматические ошибки зафиксированы на микро- и макроуровне. Выявлены случаи неверного синтаксического

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-04-00213 “Древнерусские списки Апостола XII–XIV вв.: лингвистическое исследование и электронная публикация”). Данная статья подготовлена с использованием материала неопубликованных докладов, прозвучавших на V и VI Римских Кирилло-Мефодиевских чтениях (Рим, 3–6 февраля 2015 и 23–26 февраля 2016 гг.). Автор сердечно благодарит анонимного рецензента журнала за ценные замечания.

членения в рамках синтагм либо на границе рубрик, присутствующих в Толстовском списке в силу влияния на его структуру апракосного и толкового типов текста. Для обоих списков характерно также влияние толкований, которое проявляется либо в грамматической и содержательной перестройке основного текста, либо в прямом включении толкований в текстовое поле рукописи (последнее не предусмотрено для последовательного текста, представленного в Толстовском списке). Относительно писца Толстовского Апостола можно заключить, что он не отличался высоким уровнем грамотности и знания новозаветных реалий, а также не имел в своем распоряжении копии греческого оригинала и более исправных славянских антиграфов.

Ключевые слова

Апостол, древнерусские списки, ошибки, лексика, грамматика, тип текста, толкования

Abstract

The article analyzes errors in two Old-Russian Apostolos manuscripts: *Apostolus Christinopolitanus* from the 12th century (an example of the commented type) and *Tolstovskiy Apostolus* from the 14th century (an example of the continuous type). The result of this research is new information about the reception of loan words, text reinterpretation, the influence of antigraphs and comments, and the personality of the Tolstovskiy scribe. The author corrects errors on both lexical and grammatical levels. Some of the lexical errors are provoked by deformations in the Greek text (homonym and paronym mixing). There are also various transformations of appellatives to onyms, and vice versa. All of this might occur in the antigraph as well as in the Tolstovskiy manuscript. Grammatical errors are fixed on the macro- and microlevels. There are cases of incorrect text segmentation within syntagms and between paragraphs in the Tolstovskiy manuscript which take place owing to the influence of the Praxapostolos and the commented type of Apostolos. Both manuscripts are also influenced by comments. This is reflected in grammatical and semantic alteration of the main text and, more rarely, in direct comments included in the main text, although the latter is not supposed for the continuous type to which the Tolstovskiy manuscript belongs. As for the chirographer of the Tolstovskiy manuscript, his background could not be characterized by a high level of literacy or by rich knowledge of the New Testament. He obviously did not have any Greek copies or more correct Slavonic copies at his disposal.

Keywords

Apostolarium, Old Russian manuscripts, errors, vocabulary, grammar, text type, comments

Статья представляет ряд наблюдений в рамках исследовательского проекта, предусматривающего комплексное описание и электронную публикацию двух древнерусских списков Апостола — толкового Христинопольского XII в. (далее *Христ*) и последовательного Толстовского XIV в. (далее *Толст*). Комплексный анализ рукописей предполагает

выявление параметров описания, или тех уровней, которые позволяют получить новые данные в области текстологии и языка изучаемого памятника. Рассмотрение ошибок представляется в связи с этим весьма плодотворным. Нам близка точка зрения Ф. Бадалановой Геллер, которая в статье с красноречивым заглавием “Poetics of Errors” утверждала следующее (имея в виду в принципе любой текст, частности — древнеславянские переводы): “. . . it can be even argued that scribal errors contain the collective memory of its fluctuating transmission through space and time” [BADALANOVA GELLER 2012: 207]. Действительно, ошибки могут быть зафиксированы на любом уровне текста — от фонетико-орфографического до синтаксического — и могут представить немало сведений и о различных факторах, сформировавших тот или иной облик рукописи, и о личности писца. С этой точки зрения различного рода нарушения, коль скоро они оказываются проводниками важной лингвотекстологической информации, не всегда можно считать банальными дефектами (литературу вопроса и ссылки на дискуссию в этой связи см. в [ИВІD.]; сходные идеи см. в [МАРКОВ 2001]). Поэтому ниже мы будем употреблять термин “ошибка” с известной долей условности, отделяя в каждом конкретном случае прямые неточности следования первоисточнику либо внутренним конвенциям славянского текста Апостола от более сложных феноменов.

Обсуждая характер ошибок в *Христ* и *Толст*, мы учитываем широко известную и применяемую (см., например, [ИВАНОВ 2012; КРИВКО 2016]) классификацию ошибок, предложенную Ф. Томсоном [TOMSON 1988]. Однако не все ошибки древнеславянского текста объясняются связями с первоисточником и совпадают со списком Ф. Томсона.

Рукописи цитируются по цифровой копии (*Христ*) и копии с микрофильма (*Толст*), греческий текст приводится по [GNT⁴], в случае цитирования аппарата Евфалия — по [MIGNE 1864: 627–788]. Также для сравнения привлекается по мере необходимости материал Чудовского Нового Завета (далее ЧНЗ) и рукописей Апостола XV–XVI вв. (см. списки источников). Значения греческих лексем поясняются по [ДВОРЕЦКИЙ 1958].

В *Христ* и *Толст* выявлены разнородные и разноуровневые ошибки, которые могут быть связаны: а) с орфографической вариантностью внутри греческого текста, б) с редактурой славянского текста, в) с копированием последнего. Ниже, однако, с целью избежать излишней атомизации материала, дается разграничение ошибок на основе языковых критериев — на уровне лексики и грамматики, а связи того или иного явления с вышеперечисленными факторами комментируются в каждом конкретном случае.

1. Уровень лексики

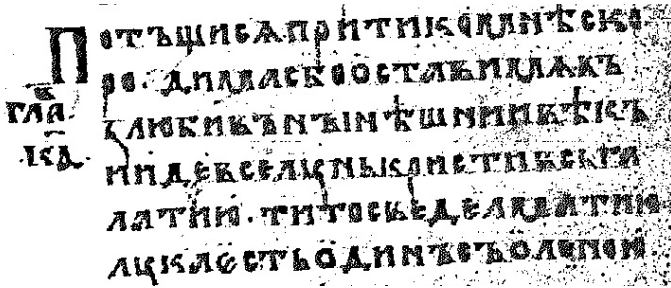
Наиболее очевидные неточности, обусловленные зависимостью от греческого первоисточника, фиксируются на лексическом уровне.

1.1. Неверный перевод как следствие смешения греческих паронимов **Хощеши ли же разꙋмѣти. о новѣ. члвчѣ** (Иак 2:20) [Толст, л. 51г], ср. **члвчѣ тѣщѣ** [Христ, л. 47] — греч. ἄνθρωπε κενέ. В данном случае Толст отражает ошибку греческого текста, где произошло смешение вокатива от κενός ‘пустой, неосновательный’ и καινός ‘новый’, что нетрудно объяснить явлением итацизма в византийском греческом (у Томсона подобные ошибки фигурируют под рубрикой “Confusion of Vowels” (смешение гласных) [Томсон 1988: 357–358]). Вероятнее всего, эта ошибка присутствовала уже в антиграфе, поскольку, как мы увидим далее, писец Толст вряд ли обращался к греческому тексту.

1.2. Неверный перевод как следствие смешения греческих омонимов **зѣраціи кѣ ливѣ и кѣ мѣстоꙋ** [Христ, л. 36об.–37], **на мѣсто** (Деян 27:12) [Толст, л. 82в] — греч. βλέποντα κατὰ λίβα καὶ κατὰ ἠῶρον [пристани Критской], лежащей против юго-западного и северо-западного ветра”. Очевидно, что здесь налицо смешение омонимичных аккузативных форм от ἠῶρος — “место, местность, страна” и Χῶρος — “хор, северо-западный ветер”.

1.3. В обоих списках фиксируются лексические ошибки, связанные с передачей имен собственных (как антропонимов, так и топонимов), при этом в Толст они гораздо более частотны и иногда могут концентрироваться на небольшом текстовом пространстве, например:

1.3.1. 2 Тим 4:10–11: . . . **димас** . . . **иде в селꙋнь кристивсыгалатию. титос веделматню. лꙋка есть одинъ съ оленю** [Толст, л. 41г], ср.: **димасъ . . . иде в ѳесалоникню. крискъ в галатию. титъ въ далматню. лꙋка есть еди** со мною [НЗ, л. 140а] (см. также Илл. 1; в Христ данное чтение

Илл. 1. Фрагмент Толстовского Апостола, л. 41г.

отсутствует) — греч. Δημᾶς . . . ἐπορεύθη εἰς θεσσαλονίκην, κρήσκης εἰς γαλατίαν, τίτος εἰς δαλματίαν· Λουκᾶς ἐστὶν μόνος μετ’ ἐμοῦ. “Димас . . . пошел в Фессалонику, Крискент в Галатию, Тит в Далматию; один Лука со мною”.

Фрагмент *Толст* приведен для демонстрации того, насколько не просто в ходе транскрипции установить словораздел в синтагмах, которые должны содержать имена Крискента и Тита, а также топонимы Галатия и Далматия. Можно предположить, что первое имя переписчик *Толст* (или его предшественник, поскольку нельзя исключить, что антиграф *Толст* уже содержал дефектные написания) переосмысливал в некоторой связи с лексической основой *крѣст-*. В следующей синтагме можно выделить форму **титос**, не адаптированную к славянской грамматике (ср. **титъ** в ЧНЗ). Это тем более вероятно, что в *Толст* представлены и другие подобные формы: **оуменаосъ** и **филитосъ** (2 Тим 2:17, л. 41а — греч. ὑμέναιος καὶ φίλιτος “Именей и Филит”), **пудисъ** и **линос** (2 Тим 4:21, л. 42а — греч. οὐδης καὶ λίνος “Пуд и Лин”), **фистосъ** (Деян 25:1, л. 81а — греч. φῆστος) и т. п. Что касается стыков антропонима и топонима в каждой синтагме, они представляют собой темные места. При этом обращает на себя внимание уверенный, как и в других местах рукописи, почерк и отсутствие каких-либо помарок или маргинальных приписок, как будто писец нимало не смущался несообразностями, выходящими из-под его пера. Это может свидетельствовать о том, что данное искажение присутствовало уже в антиграфе либо в протографе *Толст*.

Замечательно также появление антропонима **сѣ** **оленою** на месте формы личного местоимения. Очевидно, что данная метаморфоза была спровоцирована нечетким написанием антиграфа, которое содержало широкий уставный начерк графемы **М** (в силу ее широты одну графему можно было принять за две) и корректно отражало этимологически редуцированный **сѣ** **мъною** — иначе трудно объяснить появление гласного после группы **ол-**. Ясно также и то, что писец *Толст* не имел возможности в ходе работы сверяться ни с греческим текстом, ни с более исправными славянскими списками. Впрочем, появление женского собственного имени не противоречит данному контексту. Восточнославянская огласовка, как и огласовка соседнего числительного **одинъ**, отражает, по всей видимости, живой узус писца.

1.3.2. Нечто подобное наблюдается в Деян 21:5, где на месте адverbальной группы возникает притяжательное прилагательное, функционально близкое к топониму: **идохоумъ проважающемъ нты всѣмъ сѣ женами и сѣ дѣтьми до жидовьна града** [*Толст*, л. 76б], ср.: **сѣ женами и дѣтьми. до вѣтъ града** [*Христ*, л. 22об.], **с женами и чадъ до вѣ града** [ЧНЗ, л. 74а] — греч. ἕως ἕξω τῆς πόλεως “даже за город”. Очевидно,

что в прототипе *Толст* было представлено либо наречие *даже*, переосмысленное как соседство предлога *до* с начальным слогом следующего слова, либо наречие *доже*, также известное древнеславянской книжности [СДРЯ 1990: 33]. Переосмысление могло состояться как в антиграфе, так и уже непосредственно в *Толст*. Видимо, последовательность *даже / доже до в(ъ)нѣ града* казалась синтаксически искусственной и малопонятной и подверглась конъектуре. При этом связность текста как таковая не нарушена, поскольку прилагательное *жидовьнь* ‘относящийся к иудеям’ (зафиксированное “Лексиконом” Ф. Миклошича в сербском прологе XVI в. [LEXICON 1862–1865: 197]) вполне могло давать некую топонимическую отсылку, а более широкий контекст Деян 21, где упоминается дальнейшее отплытие ап. Павла и его спутников на корабле, по-видимому, был проигнорирован создателем *Толст* или его антиграфа.

1.3.3. В *Толст* отмечена и ситуация, когда антропоним трансформируется в этноним. Вот что происходит с именем римского проконсула Галлиона, упоминаемого в книге Деяний (18:12, 14, 17): 12 *Галелѣанинѹ же анфѹпатѹ сѹщю въ ахани*; 14 *ре' галелѣане. къ нюдеомѣ*; 17 *никакоже небрежаше о семь галнѣане* [*Толст*, л. 76а], ср.: *галлионѸ, галлионѣ* [*Христ*, л.16об.] — греч. соответственно *Γαλλίωνος, ὁ Γαλλίων, τῷ Γαλλίῳν*. Налицо явное нарушение связности текста: в конфликт вступают сингулярные и плюральные формы существительного — один “галилеянин” 12-го стиха превращается в нескольких “галилеян” в стихах 14-м и 17-м. Кроме того, отсутствует координация по числу между подлежащими и сказуемыми в стихах 14-м и 17-м (аорист *ре(че)*, имперфект *небрежаше*). Однако каких бы то ни было попыток конъектуры здесь нет. Этот факт также указывает на то, что писец вряд ли имел в своем распоряжении исправный антиграф, был лишен каких-либо подсказок и не обладал развитой интуицией. Интересно также и то, что дефектные формы имеют двойное орфографическое воплощение — через *ε* (*Галелѣанинѹ, галелѣане*) и через *и* (*галилѣане*), — отражая древнюю вариацию, характерную и для старославянского корпуса [SJS, 2: 390].

1.3.4. *Христ* в отношении личных имен гораздо более корректен, однако и там можно встретить трансформацию личного имени в апеллатив: *пишетъ же и къ архиппови* (предисловие Евфалия к посланиям ап. Павла, л. 86об.), ср. *пише" же и архиппоу* [*ЧНЗ*, л.9 4б] — греч. *Ἀρχίππῳ*. Удвоение слогов в форме существительного (*архиппови* вместо *архипови*) могло стать результатом как простой описки, так и сознательного решения. В целом появление лексемы **архипонѣ* не противоречило бы общему контексту Посланий и сопровождающих Послания текстов, а структурно эта лексема вполне могла бы быть калькой с греческого *ἀρχιερεύς*.

2. Уровень грамматики

Синтаксические несоответствия, зафиксированные в изучаемых рукописях, связаны с различными факторами и проявляются как на микро- (связи в синтагме и между синтагмами), так и на макроуровне (связи между рубриками текста).

2.1. Нарушение связей в синтагме:

2.1.1. Деян 22:11–12: **В одимъ ѿ соущими съ мною ... А наниа же нѣкыи моужь ѿговѣрънъ по законоу съвѣдѣтельствованъ всѣми живоущихъ въ дамасцѣ нюден [Христ, л. 26], ср.: ведомъ за рѣку сущими со мною ... по закону извѣстѣемъ всѣми живущими в дамасцѣ жидовы [Толст, л. 79б] — греч. χειραγωγούμενος ὑπὸ τῶν συνόντων μοι ... ὑπὸ πάντων τῶν κατοικοῦντων ἰουδαίων.**

В *Христ* присутствуют две синтагмы, в которых наблюдаются гибридные конструкции: с одной стороны, имеется предлог ѿ, обусловленный греческим первоисточником (как коррелят греч. ὑπὸ) и предполагающий последующее употребление формы родительного падежа, в сочетании с формой творительного падежа (водимъ ѿ соущими съ мною). С другой стороны, налицо опущение предлога ѿ в конструкции съвѣдѣтельствованъ всѣми живоущихъ въ дамасцѣ нюден (греческий текст предполагает перевод ѿ всѣхъ живоущихъ). Появление данного нарушения может быть объяснено редактурой, проведенной либо в антиграфе, либо непосредственно в *Христ*. В первом случае был предпочтен более органичный для славянской грамматики и для данного контекста беспредложный творительный падеж, однако предлог не устранен. Во втором случае, напротив, предлог намеренно опущен, но несоответствие соседствующих падежных форм друг другу не исправлено. В *Толст* мы видим гармоничную картину с полным взаимным согласием форм творительного падежа.

2.1.2. Деян 27:12: ... оу фонника ѿимѣги · пристаницю критьстѣ зръщю емѹ на вѣстоенъ и на мѣсто [Толст, л. 82в], ср.: въ пристаници критьстѣ зръщѣ [Христ, л. 36об.] — греч. εἰς φοῖνικα παραχειμάσαι λιμένα τῆς κρήτης βλέποντα κατὰ λίβα καὶ κατὰ ἠῶρον “в Финикии перезимовать, в пристани Крита, открытой юго-западному и северо-западному ветру”. В *Толст* не наблюдается согласования по местному падежу в словосочетании пристаницю критьстѣ, что вызвано немотивированным введением в следующую синтагму оборота “дательный самостоятельный”. Возможно, это произошло в результате редактуры по греческому тексту в протографе или антиграфе *Толст*. В *Христ* ожидаемое согласование, напротив, имеет место.

2.1.3. Рим 8:24–25: **Ѹже бо кто видить. то что и надѣеть сѧ. аще ли егоже невидими надѣемъ сѧ терпениемъ ждеть [Толст, л. 6г], ср.:**

КЪЖЕ БО ВИДИТЬ КЪТО. ЧЬТО ОУПЪВАКЪТЬ. АЩЕ ЛИ КГОЖЕ НЕ ВИДИМЪ НАДЪКЪМЪ СЛ. ТЪРПѢНИКЪМЪ ЧАКЪМЪ [Христ, л. 117об.] — греч. ὁ γὰρ βλέπει τίς τι καὶ ἐλπίζει; εἰ δὲ ὁ οὐ βλέπομεν ἐλπίζομεν δι' ὑπομονῆς ἀπεκδεχόμεθα. В *Толст*, прежде всего, имеется нестыковка между личными формами презенса в последней синтагме, относящимися к одному и тому же субъекту: **надѣмъ сл** — **ждеть**. Очевидно, появление **ждеть** вместо ожидаемого **ждемъ** связано с давлением форм третьего лица ед. ч. в предыдущей синтагме. Вторую проблему представляет форма **невидими**, которую можно, впрочем, интерпретировать и как сочетание **не видим и**, с утратой конечного ера в глаголе. Эти потери в области грамматической связности текста снова наводят на мысль либо об антиграфе, неисправность которого обусловлена незавершенной редактурой, либо о невнимательности писца *Толст*.

2.2. Нарушение связей между синтагмами

Обе рукописи имеют отчетливые строчные знаки — нижнюю точку и точку в середине строки, которые отделяют друг от друга интонационно-синтаксические единицы (синтагмы). Однако членение текста с помощью этих знаков не всегда корректно отражает смысловые связи в контексте.

2.2.1. Деян 24:10: **Ѡ многоъ лѣтъ соуца тѧ соудню правьдѧна пазыкоу сѧмоу · свѣдѣтин Ѡраднѣк Ѡвѣщавано себе дѣлма** [Христ, л. 30–30об.], ср.: **Ѡ многоъ лѣт соуца тѧ соудню пазыкоу сѧму свѣдѣтин · блгодѣшнѣк ꙗже о собѣ Ѡвѣщано** [ЧНЗ, л. 76в]. Постановка знака в *Христ* явно не соответствует синтаксическим связям, поскольку причастие **свѣдѣтин** управляет аккузативной группой **соуца тѧ соудню**, однако для создателя рукописи либо ее антиграфа данная инверсированная конструкция оказалась слишком сложной.

2.2.2. Флп 1:20: **акы присно и нына възвеличить сѧ хѣъ · тѣлѣ моемъ** [Толст, л. 30в], ср.: **възвеличить сѧ хѣъ тѣлѣмъ момъ** [Христ, л. 225] — греч. ... μεγαλυνθήσεται χριστός ἐν τῷ σώματί μου “... возвеличится Христос в теле моем”. Точка в *Толст* поставлена в результате переосмысления номинативной формы существительного как притяжательного прилагательного и ее сращения с предлогом локативной формы **тѣлѣ**. О том, что перед нами именно переосмысление, а не графическая случайность, говорит постановка титла с выносом буквы.

2.2.3. 2 Тим 4:5: **дѣло створи блго · вѣстника...** [Толст, л. 41г], ср.: **дѣло створи евангѣлиста** [ЧНЗ, л. 139г] — греч. ἔργον ποιήσον εὐαγγελιστοῦ. Ясно, что разрыв строгой структурной кальки **в(а)говѣстника** происходит в результате интерпретации первой основы сложения как определения к существительному **дѣло**. Вопрос о том, где происходит эта интерпретация — в *Толст* или в его антиграфе — вновь остается открытым.

2.3. Нарушение связей между рубриками текста

Ниже будет обсуждаться материал *Толст*, поскольку именно там существует своеобразное членение текста, написанного в два столбца, на более или менее крупные рубрики. Как уже было упомянуто выше, *Толст* представляет последовательный (continuous) тип Апостола, однако его рубрикация во многом зависит от структуры апракоса. Несмотря на то, что нумерация богослужебных зачал отсутствует, их начало отмечается не только красной строкой и малым инициалом, но и инципитом, а завершение — киноварной пометой кѣ (“конец”). Наиболее частотный инципит в посланиях ап. Павла — вокатив *братие* (*братия*), например Рим 13:11 (л. 9б, зач. 112):

Брѣта нѣина ѡ ближє намѣ сп̄сни
є нежели егда вѣровахомѣ. . .

В данном случае форма *Брѣта* отсутствует в последовательном тексте.

Вставка или метатеза (в случае, если обращение уже включено в контекст, оно может перемещаться на инициальную позицию) инципитной формы может изменять изначальную синтаксическую структуру фрагмента.

2.3.1. Вставка:

2.3.1.1. Рим 8:28 (л. 6г, зач. 99):

...вѣмь же ·: кѣ ·:
Брѣта іако любацимѣ ѡ · все поспѣ
еть сѧ вѣ б̄го. . .

Выделенная курсивом форма *Брѣта* находится между главным предложением и придаточным изъяснительным (ср. сплошной текст в *Христ*: *вѣмь же іако любацимѣ ѡ всѧ поспѣють сѧ вѣ б̄го* [л. 118] — греч. οἴδαμεν δὲ ὅτι τοῖς ἀγαπῶσιν τὸν θεὸν πάντα συνεργεῖ εἰς ἀγαθόν).

2.3.1.2. Вставка инципита может приводить к опущению части последовательного текста, см. 1 Кор 4:9 (л. 12в, зач. 131):

Брѣта бѣ ны а̄пл̄ты послѣднѧ
іави акты см̄рт̄ники. . .

(ср. в [ЧНЗ, л. 109г]: *Мню* ѡ іако бѣ ны а̄пл̄ты. . .).

2.3.2. Метатеза

1 Кор 4:6 (л. 12в, зач. 130): *Брѣта* се же преобразихѣ на сѧ. . . (ср. в [ЧНЗ, л. 109в]: *снѧ* же *брѣк* преобрази на себе).

В результате перестановки в начало фразы вокатив, изначальное присутствие в контексте (ср. греч. ταῦτα δὲ ἀδελφοὶ μετεσχημάτισα

εις ἑμαυτὸν “Это, *братия*, приложил я к себе”), приобретает статус инципита.

2.3.3. Присутствие формы-инципита в вышеперечисленных случаях вряд ли можно счесть ошибкой: это скорее издержки наложения структурных особенностей одного типа Апостола на другой. Факты, рассматриваемые ниже, лучше вписываются в перечень неточностей.

2.3.3.1. Добавление инципитной формы при сохранении в контексте изначального обращения, то есть не перестановка вокатива на инициальную позицию, как в 1 Кор 4:6, а его дублирование в контексте, см. 1 Кор 10:1 (л. 15а, зач. 143): *Брѣе не вѣлю же не вѣдѣти вамъ брѣе...*

2.3.3.2. Изменение синтаксической структуры происходит в *Толст* не только за счет вмешательства богослужебных маркеров. Также зафиксирован тройной повтор стиха, который входит в состав двух зачал, при этом помета конца зачала находится после второго повтора; третий повтор появляется, по-видимому, в силу механических причин, см. 2 Кор 5:15–16 (л. 21а, зач. 279–180):

Аще во любѣ вѣи̃а · сдержити
насъ · изволнѣше се · тако е
динъ за вса оумре · тѣмже
вси оумроша · и за вса оумре
да живѹции къ семѹ · не жи
вѹтъ себѣ · но оумершемѹ за
вса и вѣскрѣшемѹ ∴
Брѣе х̃ѣ за вса оумре · да жи
вѹции къ семѹ · не живѹтъ себѣ
но оумершемѹ за вса ꙗ̃ вскрѣше" ∴ кѣ̃.
И тѣмже мѣи̃ ѿселѣ · не вѣмь
ни единогоже по плоти · аще и
вѣдѣхомъ по плоти х̃а̃ · но ны
на котомѹ не вѣмь · х̃ѣ за вса
оумре · да живѹции къ семѹ
не живѹтъ себѣ · но оумерше
мѹ за вса · и вѣскрѣшемѹ ∴

2.3.3.3. Кроме того, на стыке двух зачал в *Толст* возможен синтаксический разрыв, при котором союз оторван от своего придаточного предложения, см. Еф 4:25 (л. 29а, зач. 226–227):

И овѣцѣте са въ новѣи члвкѣ
иже на вѣю създанъ въ правдѣ и
въ преподобѣи истинѣ тѣмже ∴
Отъвергше лъжю·глѣте истину ∴ кѣ̃

2.3.3.4. В рукописи также часто встречаются рубрики, связанные не с апракосным членением, но с разделением на так называемые Евфалиевы главы. На их границах нередки разрывы синтаксической структуры, аналогичные предыдущему случаю, см. Еф 1:6–7 (л. 27г):

По б̄л̄говолению хотѣнню его
въ похвалу славъ б̄л̄гти его
еюже б̄л̄го съдѣѡ намъ о възлю
бленѣмъ о немъже Гла^в ·в̄·
Имаиъ избавление кровью его

Как видим, налицо разрыв придаточного определительного предложения. Ср. то же чтение в ЧНЗ с сохранением синтаксического единства: О н̄еже им̄а избавлѣк кровью ѣ̄ (л. 125а). Относительное местоимение расположено на той же строке, что и все придаточное предложение в целом, открывающее новую главу и отмеченное инициалом.

2.3.3.5. Разграничение абзацев может и не зависеть от деления на зачала или главы. Причины появления произвольной, на первый взгляд, рубрикации будут рассмотрены далее; пока же отметим, что в таких случаях также нарушаются синтаксические связи, например, между однородными членами предложения, см. 2 Кор 8:4 (л. 22а, зач. 185):

... съ многымъ молениемъ
молаци с̄а намъ б̄л̄годѣтъ ∴
И обьщн̄у [так!] сл̄ужениа · еже къ ст̄ты
мъ · и не такоже надѣбахомъ
с̄а но сами с̄а даша...

2.3.3.6. Также разбиение текста на абзацы может спровоцировать нестыковку падежных форм, см. Рим 4:17–18 (л. 4г):

Икоже оца многомъ странамъ
поставихъ т̄а предъ б̄г̄мъ ем̄же
вѣрова ∴
Живы творящаго м̄ртвѣна · и на
рищюца не с̄ущаа акты с̄ущаа

Все эти и подобные факты, как и рассмотренные выше лексические неточности, указывают на невысокий уровень филологической подготовки писца Толст, который был не только слабо знаком с новозаветными реалиями (что проявилось на уровне передачи собственных имен), но и не слишком внимателен к сочетаемости грамматических форм, балансу синтаксиса и смысла в тексте. Вместе с тем очевидно, что целый ряд фактов обусловлен влиянием апракосной структуры, что недвусмысленно свидетельствует о характере одного из прототипов Толст.

3. Особого рассмотрения требуют осложненные случаи расхождения со стандартным текстом, связанные с различными интертекстуальными факторами.

3.1. Влияние толкового типа Апостола на структуру текста

3.1.1. Об этом факторе приходится говорить прежде всего в связи с *Христ* как представителем толкового типа Апостола. Обычно толкования располагаются в этом типе на полях, в Деяниях — в виде отдельных глосс, а в Посланиях — в виде обширных текстов (подробнее об этом см. [Бобрик 2011]). Однако зафиксирована и вставка толкования в основной текст книги Деяний, см. Деян 15:14 (л. 5об.–6):

... сѹмѣонъ повѣдова.
 ꙗже въ лоуцѣ прѣрече. нънѣ ѿпоу
 стиши раба своего ги. и пакы. се
 си лежить на паденьк и на въста||
 нык многомъ. . .

Окончание цитат из Евангелия от Луки (2:29, 34) в начале листа 6 (. . . нык многомъ. . .) затерто, как если бы писец вспомнил, что такое расположение толкования противоречит характеру оформления рукописи. Вместе с тем, предыдущие строки оставлены без вмешательства и сопровождаются пометой *тълкъ*, расположенной на левом поле. Факт интерполяции толкования может свидетельствовать о том, что в распоряжении создателя *Христ* был антиграф, в котором толкования располагались традиционным образом — непосредственно в текстовом поле.

3.1.2. Еще более обширные вставки толкового текста встречаются в *Толст*, на листах 37в–39б (в Первом послании к Тимофею). Толкования расположены в текстовом поле. Абзацы с основным текстом, сопровождаемые маргинальной пометой *апл(ъ)*, чередуются с абзацами толкований, снабженными пометой *тѣ*. На л. 37а и на л. 39а находятся киноарные приписки, сделанные тем же почерком, что и весь текст: *не чти толкѹ и толкѹ не чти* соответственно. После приписки на л. 39а толкования продолжают чередоваться с основным текстом на протяжении еще целого столбца. Все это указывает на то, что писец *Толст* имел дело с антиграфом, представлявшим собою толковый список Апостола. На остальном пространстве рукописи писец не забывал опускать толкования, но не изменял рубрикации, в результате чего и появлялись абзацы разной протяженности, не мотивированные ни требованиями апракосной структуры, ни разбивкой на главы.

3.2. Влияние толкований на грамматику текста

3.2.1. В *Христ* отмечена ситуация, при которой грамматика основного текста серьезно отклоняется от стандарта славянского перевода и форм греческого первоисточника, см. Иак 4:5 (л. 49об.): **или мнѣте ꙗко лъжю книгы глѣуть. въ завистью възлюбляете дхъ. иже въселитъ сѧ въ насъ**, ср.: **къ зависти възлюбляетъ дхъ** [Толст, л. 52в], **къ зависти вжелѣвакѣ дхъ** [ЧНЗ, л. 82об.] — греч. . . . *Πρὸς φθόνον ἐπιποθεῖ τὸ πνεῦμα ὃ κατῴκησεν ἐν ἡμῖν* “. . . с ревностью любит дух, который вселился в нас?”.

Как видим, субъектно-объектные связи в контексте *Христ* серьезно изменены, и можно было бы отнестись к этому как к простой порче, если бы не показания толкования и традиции толкового текста. Толкование, расположенное на поле л. 49об., гласит следующее: **завистю диаволею съмъртъ въниде въ миръ и въселисѧ въ ны хъ же по писанию въселисѧ. да завистию вѣвѣшъ съмъртъ проклетъ** [так!]. Таким образом, божественная ревность, о которой говорит апостол, обобщая несколько ветхозаветных высказываний о Боге-Ревнителе (Исх 6:3–7, 20:5, Втор 5:9, Наум 1:1, Зах 8:2), сотворившем дух человека (Быт 2:7; Еккл 12:7) и ревниво требующем служения человека только Богу (Быт 6:3–7), в толковании и в самом основном тексте толкового списка понята с обратным знаком — как зависть-ревность, внушаемая человеку дьяволом. Данное прочтение не является уникальным, но поддерживается традицией толкового Апостола: совершенно так же, например, выглядит текст (как основной, так и толковый) в *ТСЛ 118* [л. 531об.–532]. Остается только предположить, что интерпретация толкователей в любом случае вторична по отношению к новозаветному тексту и так или иначе спровоцирована неким весьма ранним искажением в первоисточнике.

Добавим также, что рубрикация *Толст*, которая не была показана выше, также искажает смысл контекста, но иначе. В результате несовпадения границы рубрик и синтаксических связей (что так нередко в данной рукописи) “зависть” становится характеристикой не адресатов послания, как в *Христ*, и не “духа”, как в *ЧНЗ*, а “книг”:

... или мнѣте ꙗ
ко вѣтѣще книгы глѣуть къ
зависти ∴
Възлюбляетъ дхъ иже въсе
ли сѧ въ ны. . .

3.2.2. Следующий случай (Кол 2:16–18) объединяет ряд списков:

Да не никѣтоже васъ осоужають. о ѣдении или о питии [. . .] ꙗже соутъ стѣнь градоуцимъ. тѣла же хва. никотеръын же васъ. да неврѣдоу сътворитъ [*Христ*, л. 237–237об.];

Д а никтоже оубо васъ осужаетъ · о ѣдении · ни о питии [...] се бо есть стѣнь бѣвающихъ ∴ Тѣла же хѣва · да никтоже васъ обидю да не премѣняетъ [Толст, л. 33б];

таже соутъ стѣнь градоуцихъ тѣла же хѣва ни едиѣ же васъ да подарьствоуетъ [ЧНЗ, л. 131а];

греч. . . . ἃ ἐστὶν σκιά τῶν μελλόντων τὸ δὲ σῶμα τοῦ χριστοῦ. μηδεὶς ὑμᾶς καταβραβεύετω “. . . которые суть тень будущего, тело же Христа. Пусть не лишат вас награды. . .”

При лексически разнохарактерном облике контекста, в приведенных списках обращает на себя внимание их единство в употреблении формы родительного падежа в словосочетании **тѣла же хѣва**, притом что в греческом тексте находится номинативная форма. Номинатив (**тѣло же хѣво**) отмечается — вслед за греческим — в более поздних славянских списках XV–XVI вв. *ТСЛ 71* и *ТСЛ 79*, близких к афонской редакции. Присутствие форм родительного падежа в старших рукописях объясняется наличием толкования, согласно которому интересующее нас словосочетание сопрягается по смыслу не с предыдущим контекстом (“ветхозаветные установления были тенью будущего, тело же, то есть истина, — Христова есть (во Христе)”), а с последующим. По блж. Феофилакту Болгарскому, “«тело же Христово», то есть вас, «никто да не обольщает» — (καταβραβεύετω, то есть лишает), ибо καταβραβεύειν значит, когда один одерживает победу, а другой получает награду” (Толкования на Послание Колоссянам ап. Павла; материалы сайта “Толкование Нового Завета Феофилактом Болгарским”: <http://feofilakt.ru/>). При таком прочтении (то есть при содержательном тождестве **тѣла же хѣва = васъ**) употребление форм генитива становится неизбежным, коль скоро далее следует глагол с отрицанием.

4. Выводы

4.1. Нами был рассмотрен ряд лексических и грамматических феноменов в древнерусских списках Апостола XII–XIV вв., среди которых можно отметить как собственно ошибки, так и более сложные явления, обусловленные факторами интерпретации текста. Христинопольский толковый список представляет гораздо более исправный текст, нежели Толстовский. Следует учесть, что *Толст* значительно уступает *Христ* и по оформлению: если последний представляет собой кодекс аристократического типа (формат in folio, крупный изящный устав, художественно выполненные инициалы), то *Толст* определенно принадлежит к массовому типу (формат 4°, устав позднего типа, мелкий и убористый, инициалы простого рисунка) (об этих критериях см. подробнее в [Левочкин 2009: 135–138]). Как кажется, массовое назначение и примитивное внешнее

исполнение манускрипта если не подразумевают посредственного уровня подготовки писца, то достаточно естественно соотносятся с ним.

4.2. Факты, обнаруженные на лексическом уровне, можно распределить по следующим двум группам:

4.2.1. ошибки, связанные с историей греческого первоисточника и искажениями в нем, а именно лексические решения, появившиеся как реакция на смешение омонимов и паронимов в греческом;

4.2.2. неточная передача собственных имен, трансформации словоформ и сочетаний апеллятивов в онимы и наоборот — все то, что могло присутствовать в антиграфе либо быть результатом невысокой грамотности писца *Толст*; некоторые решения (например, сочетание *до жидовьнѣ града* в *Толст* вместо **даже до вѣѣ града*) формально не противостоят микроконтексту.

4.3. На уровне морфологии зафиксирована нестыковка падежных форм, которая в *Христ* может объясняться конкуренцией греческого и славянского грамматического узуса, в *Толст* — невниманием писца к контексту и (как и в случаях с лексическими ошибками) отсутствием возможности свериться с греческим первоисточником и с более исправными списками.

4.4. На уровне синтаксиса обнаружены разнородные явления двух типов:

4.4.1. неточное членение на синтагмы, провоцирующее те или иные разрывы синтаксических конструкций — как на микроуровне, так и на макроуровне, то есть в результате разграничения рубрик *Толст*;

4.4.2. грамматические несовпадения с греческим первоисточником, возникшие как результат воздействия толкований на текст Апостола.

4.5. Наконец, были отмечены случаи непосредственного включения фрагментов толкований в основной текст Апостола, хотя в *Христ* это не предусматривалось в силу маргинального расположения толкований, а в *Толст* — в силу принадлежности рукописи киному (последовательному, а не толковому) типу. Это говорит о том, что писцы обеих рукописей работали с антиграфами, содержащими текст толкований. В случае с *Толст* можно говорить о достаточно сложной предыстории, поскольку очевидно, что к созданию рукописи привлекались источники, содержащие текст как апракосного, так и толкового типа.

Таким образом, обзор разного рода неточностей и отклонений в двух рукописях Апостола дал нам возможность получить сведения, во-первых, о характере антиграфов, во-вторых, о довольно высокой степени влияния текста толкований, в-третьих, о тех ограничениях, которые обусловили невысокий уровень исправности *Толст*.

Библиография

Рукописи и издания

Христ

Львовский исторический музей, Отдел рукописей, № 37, Толковый Апостол, XII в.

Толст

Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Q.п.1.5, Последовательный Апостол, XIV в.

ЧНЗ

Чудовский Новый Завет, последовательный, XIV в., по изданию: *Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского*, Москва, 1892.

ТСЛ 71

Российская государственная библиотека (Москва), ф. 304.1 (Собрание рукописей Троице-Сергиевой Лавры), Последовательный Апостол, XVI в., по цифровой копии на сайте Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: <http://old.stsl.ru/manuscripts/>.

ТСЛ 79

РГБ, ф. 304.1, Апостол-апракос, XV в., по цифровой копии на сайте Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

ТСЛ 118

РГБ, ф. 304.1, Апостол толковый, 1519 г., по цифровой копии на сайте Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

GNT⁴

ALAND B., ALAND K., et al., eds., *The Greek New Testament*, 4th rev. ed., Stuttgart, 1998.

Литература и словари

Бобрик 2011

Бобрик М. А., “Терминология библейской цитаты и толкования в рукописях толкового Апостола XII–XVI веков”, in: *Библеистика. Славистика. Русистика: К 70-летию А. А. Алексеева*, С.-Петербург, 2011, 387–398.

Дворецкий 1958

Дворецкий И. Х., Древнегреческо-русский словарь, С. И. Соболевский, ред., Москва, 1958 [компьютерная версия: С. Гурин, помощь в корректуре — Т. Гурина, Ю. Обжерина, Томск, 2005; удаленная версия, режим доступа: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html> (последнее обращение: 15.05.2017)].

Иванов 2012

Иванов С. В., “К типологии ошибок на материале русского перевода немецкого «Сказания об антихристе»”, in: *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVI (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции*, С.-Петербург, 2012, 283–306.

Кривко 2016

Кривко Р. Н. “Текстология и язык славянских служебных миней XI–XIV вв.” (Дис. . . докт. филол. наук, Москва, 2016).

Левочкин 2009

Левочкин И. В., *Очерки по истории русской рукописной книги XI–XVI вв.*, Москва, 2009.

Марков 2001

Марков В. М. “Так в рукописи!”, in: *ИДЕМ, Избранные работы по русскому языку*, Казань, 2001, 173–184.

СДРЯ 1990

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 3, Москва, 1990.

BADALANOVA GELLER 2012

BADALANOVA GELLER F., “Poetics of Errors,” in: K. GEUS, M. J. GELLER, eds., *Productive Errors: Scientific Concepts in Antiquity* (= Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte Preprints, 430), Berlin, 2012, 207–217.

LEXICON 1862–1865

MIKLOSICH F., ed., *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum: emendatum auctum*, Vindobonae, 1862–1865.

MIGNE 1864

MIGNE J.-P., *Patrologiae cursus completus. Series graeca*, 85, Paris, Petit-Montrouge, 1864.

SJS, 1–4

Slovník jazyka staroslověnského, 1–4, Praha, 1966–1997.

THOMSON 1988

THOMSON F., “Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations,” in: E. FARRUGIA, R. TAFT, G. PIOVESANA, eds., *Christianity among the Slavs: The Heritage of Saints Cyril and Methodius. Acts of the International Congress Held on the Eleventh Century of the Death of Methodius, Rome, October 8–11, 1985* (= Orientalia Christiana Analecta, 231), Roma, 1988, 351–380.

References

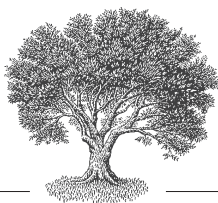
Badalanova Geller F., “Poetics of Errors,” in: K. Geus, M. J. Geller, eds., *Productive Errors: Scientific Concepts in Antiquity* (= Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte Preprints, 430), Berlin, 2012, 207–217.Bobrik M. A., “Terminologija bibleiskoi tsitaty i tolkovaniia v rukopisiakh tolkovogo Apostola XII–XVI vekov,” in: *Bibleistika. Slavistika. Rusistika: K 70-letiiu A. A. Alekseeva*, St. Petersburg, 2011, 387–398.Ivanov S. V., “Towards a Typology of Errors in the Russian Translation of the German ‘Antichrist-Bildertext’,” in: *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologija* – XVI, St. Petersburg, 2012, 283–306.Levochkin I. V., *Ocherki po istorii russkoi rukopisnoi knigi XI–XVI vv.*, Moscow, 2009.Markov V. M., *Izbrannye raboty po russkomu iazyku*, Kazan, 2001.Thomson F., “Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations,” in: E. Farrugia, R. Taft, G. Piovesana, eds., *Christianity among the Slavs: The Heritage of Saints Cyril and Methodius. Acts of the International Congress Held on the Eleventh Century of the Death of Methodius, Rome, October 8–11, 1985* (= Orientalia Christiana Analecta, 231), Roma, 1988, 351–380.

Acknowledgements

Russian Foundation for Basic Research. Project No. 15-04-00213.

доц. **Мария Олеговна Новак**, докт. филол. наук
 Казанский федеральный университет,
 Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого,
 доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики
 420008 Казань, ул. Кремлевская, 18
 Россия/Russia
 mariaonovak@gmail.com

Received August 11, 2017

Неизвестный
славянский перевод
фрагмента “Послания
трех патриархов
императору
Феофилу” в сборнике
русского книжника
XV века*

An Unknown Slavic
Translation of a
Fragment of the
“Letter of the Three
Oriental Patriarchs to
Emperor Theophilos”
in the 15th-century
Miscellany by a
Russian Scribe

**Мария Владимировна
Корогодина**

Библиотека Российской академии наук
С.-Петербург, Россия

Maria V. Korogodina

Russian Academy of Sciences Library
St. Petersburg, Russia

Резюме

В рукописи второй половины XV в. сохранился фрагмент славянского перевода “Послания трех восточных патриархов императору Феофилу”. Фрагмент охватывает начальные статьи послания, формулирующие взаимоотношение светской и церковной власти. Сопоставление с полным текстом перевода, известным как “Многосложный свиток”, показывает, что в рукописи сохранился иной перевод, отличающийся от известного исследователям. Сравнение с

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-31-01017: “Славяно-русские рукописи первой половины XVI века Библиотеки Российской Академии наук: исследование и подготовка каталога”.

греческими списками "Послания трех восточных патриархов" позволяет указать, к какой из греческих рукописей наиболее близок неизвестный до сих пор славянский перевод. Изучение рукописи, в которой находится фрагмент перевода, приводит к выводу, что кодекс был составлен книжником, которого волновали вопросы, связанные со становлением структуры государственной власти в России.

Ключевые слова

переводы с греческого на русский язык, славянские рукописи, древнерусская книжность, палеография, "Послание трех восточных патриархов императору Феофилу"

Abstract

There is a fragment of a Slavic translation of the "Letter of the Three Oriental Patriarchs to Emperor Theophilus" in a 15th-century Russian manuscript. The fragment contains the opening part of the "Letter" and considers the relations between state and church authorities. Comparison with the translation of the entire "Letter," which is known as "Mnogoslozhnyi svitok," proves that these translations are different. A comparison with the Greek text of the "Letter" allows us to identify the Greek manuscript closest to the Russian fragment. One can suggest that the manuscript belongs to a Russian scribe who was interested in texts related to the formation of the structure of state authority in Russia.

Keywords

translation from Greek into Church Slavonic, Slavic manuscripts, Old Russian literature, paleography, "Letter of the Three Oriental Patriarchs to Emperor Theophilus"

"Послание трех патриархов императору Феофилу", одно из ключевых сочинений в защиту иконопочитания, наиболее известно в славянской книжности как "Многосложный свиток". Славянский перевод этого сочинения интересовал не только славистов, но и исследователей Византии, поскольку в нем, как было показано Д. Е. Афиногеновым, сохранились фрагменты древнего текста, утраченные в греческой рукописной традиции [Афиногенов 2013; АФИНОГЕНОВ 2014]. Таким образом, "Многосложный свиток" является одним из ярких примеров того, как сохранившийся на периферии христианского мира перевод донес свидетельства об истории Византии и о древних текстах, бесследно исчезнувших в митрополии.

Это объемное переводное сочинение привлекает тем большее внимание исследователей, что его начальная часть посвящена прославлению царской власти как гаранта государственного и церковного благополучия. Эти идеи оказали значительное влияние на формирование на Руси в конце XV – начале XVI в. представлений о царской власти, наиболее ярко

выраженные в “Послании инок Филофея”. Сюжеты, связанные с рецепцией идей “Многосложного свитка” в русской традиции, были досконально рассмотрены в работах Н. В. Сеницыной [1998: 135–138] и М. Б. Плюхановой [2014]. Исследование “Послания трех патриархов” вышло на новый уровень после появления критического издания греческого текста, подготовленного Дж. Мунитисом [MUNITIZ ET AL. 1997]. История славянского текста “Многосложного свитка” наиболее тщательно была проанализирована Д. Е. Афиногеновым, который основное внимание уделил сопоставлению греческого текста со славянским переводом и опубликовал текст послания на славянском, английском и современном русском языках. Издание представляет собой реконструкцию архетипа славянского перевода, выполненную исследователем в результате изучения четырех рукописей XV–XVII вв. и двух изданий 1640-х гг. [АФИНОГЕНОВ 2014]¹.

Старшим списком славянского перевода, известным в настоящее время, является рукопись из Кирилло-Белозерского монастыря 1450–60-х гг. — *КБ53*, л. 356–387 [КАГАН ET AL. 1980: 196–215; ШИБАЕВ 2013: 222–226]. Сборник принадлежал знаменитому иноку Ефросину, но интересующий нас текст переписан другим почерком. Рукой Ефросина сделаны краткие выписки из “Многосложного свитка” в другой принадлежавшей ему рукописи — *Увар894*, л. 349–351 об. [КАГАН ET AL. 1980: 232; ШИБАЕВ 2013: 233–236]². С Кирилло-Белозерским монастырем и его старцами связано формирование сборника “Рай” (*Величко1*, 1510 г.), в который был включен “Многосложный свиток” [Плюханова 2014: 348–356]; согласно предположению М. Б. Плюхановой, с этим же северным монастырем связано происхождение еще одного полного списка “Многосложного свитка” второй четверти XVI века — *Соф1444* [ИВД.: 356–358]. Таким образом, вся ранняя рукописная традиция “Многосложного свитка” связана с Кирилло-Белозерским монастырем, и начинается эта

¹ К этим спискам следует добавить два, привлекаемых М. Б. Плюхановой: фрагмент в составе сборника Ефросина *Увар894* и обнаруженный исследовательницей список сборника “Рай” первой четверти XVI в., исключительно важный для истории бытования “Многосложного свитка” [Плюханова 2014: 348–356].

² Текст воспроизводит разделы 43–49 “Многосложного свитка” (по нумерации издания Д. Е. Афиногенова; в самом издании список *Увар894* не привлечен) и далее, отчасти сокращая, отчасти пересказывая, до раздела 59 включительно. Сопоставление с изданием показывает, что Ефросин делал выписки из принадлежавшей ему рукописи *КБ53*. Выписки заканчиваются доксологией: “Богу на[шему слава]”, что свидетельствует о завершенности их текста. Изучение рукописи *Увар894* показывает, что ни в самом “Многосложном свитке”, ни следом за ним нет утрат; таким образом, сокращенный характер текста не может объясняться механическими утратами, и выписки изначально присутствовали в рукописи в известном в настоящее время виде.

традиция с середины XV века. Ряд более поздних списков до сих пор не привлекался исследователями³.

Примерно к тому же времени, к которому относится старший список "Многосложного свитка", принадлежит и рукопись *Погод259*, содержащая фрагмент "Послания трех патриархов", причем его текст существенно отличается от "Многосложного свитка"; он намного ближе к сохранившемуся греческому посланию, чем "Многосложный свиток", который, по мнению Д. Е. Афиногенова, восходит к иному греческому оригиналу. Это заставляет нас предполагать, что перед нами иной перевод "Послания трех патриархов", чем "Многосложный свиток". Текст был впервые указан в Каталоге рукописей М. П. Погодина, однако прошел мимо внимания исследователей⁴. Фрагмент, сохранившийся на л. 83–83об., охватывает лишь самое начало Послания: *Titulus, Salutatio* и разделы 1a–1b по изданию Дж. Мунитиса [MUNITIZ ET AL. 1997: 3–5]. В Приложении мы публикуем фрагмент "Послания трех патриархов" по рукописи *Погод259* параллельно с греческим текстом и фрагментом "Многосложного свитка". Греческий текст для сопоставления воспроизведен нами по изданию Дж. Мунитиса, поскольку именно это издание, подготовленное по всем известным греческим спискам, позволяет определить, к какой греческой традиции ближе фрагмент в славянской рукописи. Кроме того, для сравнения техники перевода необходимо сопоставление двух славянских текстов; поэтому мы публикуем также и вводные статьи к "Многосложному свитку". Эти вводные статьи не раз издавались исследователями по разным спискам в связи с изучением посланий инока Филофея [КАМРФЕР 1989: 65; СИНИЦЫНА 1998: 137; ПЛЮХАНОВА 2014: 360–361]; также они входят в полное издание "Многосложного свитка", подготовленное Д. Е. Афиногеновым. Не ставя перед собой задачи текстологического изучения "Многосложного свитка", мы цитируем этот славянский перевод по наиболее раннему списку *КБ53*.

Как было отмечено исследователями "Многосложного свитка", старший список *КБ53* сохранил на полях греческие глоссы; подобно ему,

³ *Муз3057*, л. 107об.–159 (сер. XVII в.); *Рогож232*, л. 179об.–201 (сер. XVI в.); *Рогож585*, л. 300–333об. (около 1630 г.); *Рогож681*, л. 116об.–142 (1603 г.). Этот перечень, безусловно, далеко не полон. Из выявленных нами рукописей наибольший интерес представляет сборник *Рогож676*, л. 118об.–162об., датируемый кон. XV – нач. XVI в. (лист с окончанием "Многосложного свитка" — последними двумя строками — утрачен). Рукопись представляет собой сборник смешанного содержания рубежа XV–XVI вв., написанный на разной бумаге и разными почерками; часть, на которой располагается "Многосложный свиток", написана на бумаге с филигранью "Голова быка под крестом со змеей" (сходный: [BRIQUET 1968: № 15376] — 1498 г.). Эта рукопись представляет собой второй по времени полный список "Многосложного свитка". Согласно сообщению М. Б. Плюхановой, исследованием списков "Многосложного свитка" XVI века занимается О. В. Чумичева.

⁴ "Послание Константинопольского собора царю Феофилу" [Каталог 1988: 182].

текст в *Погод259* сохранил следы непереуведенных греческих слов; однако, в отличие от сборника Ефросина, в *Погод259* греческие фразы написаны кириллицей. Непереуведенным осталось указание на неделю Торжества православия, к которой было отнесено “Послание трех патриархов” в некоторых византийских рукописях [Плюханова 2014: 347]. Текст в *Погод259* открывается большим кинoварным заголовком: **ΚΙΡΥΛΑΚΙ ᾠΡΘΟΔΟΞῆ** (*Κυριακή της Ὀρθοδοξίας*), то есть “Неделя Православия”, после которого следует титульная часть послания. Обращение к императору (*Salutatio*) открывается другим кинoварным заголовком: **Εὐλογίσον Πτ^ρ σβ^νυ** (*ἐλόγησον πάτερ*), то есть “Благослови, отче, свыше”. Эти ремарки, указывающие на близость греческой традиции, могут говорить о том, что сборник *Погод259* был написан вскоре после создания нового перевода.

Как видно из сопоставления текстов, даже тот небольшой фрагмент перевода, который сохранился в рукописи *Погод259*, ближе к сохранившейся греческой традиции, чем “Многосложный свиток”:

- В *Погод259* отсутствует название “Многосложный свиток/послание”, как отсутствует он в греческих списках “Послания трех патриархов”, в то время как полный перевод “Многосложного свитка” неизменно сопровождается этим характерным названием.

- Перевод *Погод259* сохранил структуру титульной части греческого текста, где сначала названы три патриарха, затем — адресат, место написания послания и число участников собора. Титульная часть “Многосложного свитка” значительно изменена в сравнение с известным греческим текстом, так что в начале в ней указан адресат и цель послания, и лишь в конце названы его авторы — три патриарха.

- В рукописи *Погод259*, как и в греческом оригинале, сохранилось указание на число участников собора (185 епископов, 17 игуменов и 1153 инока), в то время как в “Многосложном свитке” дано суммарное число, с ошибкой в подсчете: 1455 вместо 1355 человек.

- По завершении титула и приветствия текст в *Погод259* продолжает следовать первому разделу послания в греческих рукописях; при этом переводчик *Погод259* сохранил все тонкости греческого текста, в том числе перевел цитаты заново, сохранив сопоставительный ряд оригинального текста. В “Многосложном свитке” текст первого раздела значительно отличается от греческого. В начальных разделах (1a–1b), как было отмечено М. Б. Плюхановой, редактор исключил из “Многосложного свитка” ряд сложных богословских пассажей, а также цитату из Евр 1:3 [Плюханова 2014: 364]. По этой причине в первом же разделе текст *Погод259* и “Многосложного свитка” полностью расходится; начало фрагмента “Многосложного свитка”, отсутствующее в греческих рукописях и в *Погод259*, выделено нами в издании курсивом.

В то же время текст в рукописи *Погод259* имеет ряд свойственных только ему особенностей. Так, в нем осталась не охарактеризованной тематика послания, и это одно из немногих существенных отличий от греческого оригинала, которое вряд ли можно счесть случайным. Перевод в рукописи *Погод259* не свободен и от случайных ошибок: Антиохийский патриарх, принимавший участие в соборе, назван Иваном (вместо Иова); неверно указан год, в который происходил собор: 6354 (846) г. вместо 6344 (836) г. Мы полагаем, эти разночтения объясняются ошибками прочтения, причина которых в палеографических особенностях оригинала, с которого копировался текст; однако возникли эти ошибки в греческой рукописи или в славянской, на данном этапе оценить трудно.

Из сказанного выше и из приведенных в Приложении текстов видно, что фрагмент в рукописи *Погод259* столь существенно отличается от "Многосложного свитка", что не мог возникнуть без привлечения греческого текста, причем этот текст был именно таким, какой сохранился в греческих рукописях. Критическое издание греческого текста "Послания трех патриархов" позволяет определить характерные черты оригинала, с которого делался новый перевод. Сопоставление показывает, что текст *Погод259* наиболее близок к рукописи *Ивер381* (список W в издании Дж. Мунитиса). Не повторяя абсолютно всех особенностей этой рукописи, славянский перевод, однако, содержит целый ряд чтений, близких именно к этому списку. Покажем это на нескольких сопоставлениях:

№	Основной греческий текст	Список W	<i>Погод259</i>	КБ53
1	πρὸς τὸν βασιλέα Θεόφιλον Κωνσταντινουπόλεως	πρὸς τὸν ἐν Κωνσταντίνου πόλει βασιλέα Θεόφιλον	въ Константинѣ ⁵ градѣ къ црю Феωφилу	къ Θεωφιλῷ греческыа сквптра Ѡ ѡца прѣемшоу жреви
2	περὶ τῶν ἁγίων καὶ τιμίων καὶ σεβασμίων εἰκόνων·	περὶ τῶν πανσέπτων καὶ τιμίων εἰκόνων·	всемирьнишии и чтнии ѡци	ѡ стѣх̄ нконѣ̄ чтии и поклонанїи.
3	συναθροισέντων αὐτῶν ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει, μετὰ μεγάλης συνόδου·	συναθροισέντων μετὰ μεγάλης συνόδου·	собрашася въ велицемъ съѡрѣ.	съшѣшеся вкѡпѣ
4	τὸν ἀριθμὸν ἐπισκόπων ρπε', ἡγουμένων ἰζ', μοναχῶν ,αρνη' μηνι Ἀπριλίῳ ἰνδικτιῶνος ἰδ', ἔτους ,ςτμδ'.	ἐπισκόπων ρπε', ἡγουμένων ἰζ', μοναχῶν ,αρνη' ἀπεστάλη δὲ ἐν ἔτει ,ςτμδ'.	ѣпкопи ρ пѣ ипгүмень зї и иноковѣ ѡ и ρ и нг послажася въ лѣто ,ςтїд.	пѡписавшї. пѡ десѣкъ тысьщн. и ѱ. и пѡ.

⁵ Написано по стертому.

5	κατ' ἐπίνευσιν και πρόσκλησιν τῆς θειᾶς προμηθείας τῆς ὁμοουσίου και ζωαρχικῆς Τριάδος	κατ' ἐπίνευσιν και πρόσκλησιν τῆς θειᾶς προμηθείας τῆς ζωοποιού και ὁμοουσίου και ζωαρχικῆς Τριάδος	изволениемъ и прозваниемъ вѣтвногого промысла животворѣла. и единосущныа. и живоначальна Трѣца.	повелѣнїемъ и званїемъ вѣѣа строенїа.
6	Ἐπεὶ οὖν ὁ ὑπερούσιος και ὑπέρθεος και ὑπεράρχιος ὁμοούσιος και συνάναρχος τοῦ Θεοῦ και Πατρὸς Υἱὸς Λόγος	Ἐπεὶ οὖν ὁ ὑπερούσιος και ὑπέρθεος και ὑπεράρχιος ὁμοούσιος και συνάναρχος τοῦ Θεοῦ και Πατρὸς Υἱὸς Λόγος	Понеже оубо пресъщное и превѣтвное и прѣначальное къ единосъщному. и везначальному Бг҃у и Уѣцу слово.	Понѣ оубо пресоу- щственныи. и превѣтвенныи и превезначал- ныи вѣѣии вчѣ оуставѣ
7	τὸ ἐκμαγεῖον τοῦ ἀρχετύπου, ἡ ἀπαράλλακτος εἰκὼν τοῦ Θεοῦ τοῦ ἀοράτου, ἡ ἰσότυπος σφραγίς	τὸ ἐκμαγεῖον τοῦ ἀρχετύπου, ἡ ἀπαράλλακτος εἰκὼν τοῦ Θεοῦ τοῦ ἀοράτου, ἡ ἰσότυπος σφραγίς	печать преначальнаа. сущиии вбра Бж҃ии. невидимаа и равнаа печать.	
8	ἀγγέλους τινὰς και ἀρχαγγέλους, θρόνους, κυριότητας, ἀρχὰς και ἐξουσίας, λαμπρότητας, ἀναβάσεις, νοεράς δυνάμεις, καφαράς φύσεις και ἀκιβδήλους	ἀγγέλους τινὰς και ἀρχαγγέλους, θρόνους, κυριότητας, ἀρχὰς και ἐξουσίας, λαμπρότητας, ἀναβάσεις, νοεράς δυνάμεις, καφαράς φύσεις και ἀκιβδήλους	арханглы и аглы прѣтлы. господьства. вышнѣа раздѣннѣа и естества.	
9	ἐκεῖθεν ἐκλαμπομένης τὴν καθαρωτάτην ἔκλαμψιν	ἐκεῖθεν ἐκδεχομένης τὴν καθαρωτάτην ἔκλαμψιν	ѡтгдѣ привлнжаются чѣтѣншии свѣтлости	

Как видим, ряд примеров представляет собой инверсию, добавление или пропуск одного-двух слов; таковы примеры 1, 3–6. Они мало значили бы поодиночке, однако в совокупности, подкрепляемые иными чтениями, повторяющимися особенности списка W, эти примеры говорят о близости перевода в рукописи *Πогоδ259* к указанному нами греческому списку.

Другие примеры более значимы для сопоставления *Πогод259* с греческим текстом послания и со славянским переводом “Многосложного свитка”. Так, во втором примере переводчик фрагмента из *Πогод259* повторил последовательность определений в списке W, передав *πανσέπτων*

как **всѣмирънишии**. В греческом тексте это определение, наряду с *τιμίων*, отнесено к иконам, однако, как мы уже отмечали, переводчик значительно сократил титульную часть, исключив из текста какие-либо упоминания об иконах и иконопочитании — главной теме оригинального послания. По этой причине в славянском переводе отсутствует фрагмент *εἰκόνων ἢ [. . .] ἢ τὸν Σωτῆρα*, а характеристика **всѣмирънишии и ѿтнни** отнесена славянским редактором к отцам, собравшимся на соборе. "Многосложный свиток" в этом месте по сути ближе к греческому тексту, сохраняя указание на главную цель сочинения: **ѡ иконѣ**, хотя синтаксически строение фразы в "Многосложном свитке" значительно отличается от имеющегося в греческом тексте.

В четвертом примере в *Погод259* отсутствует слово "числом" (*τὸν ἀριθμὸν*) перед подсчетом собравшихся епископов; остался неизвестным славянскому переводчику месяц и индикт проводимого собора. Все эти указания отсутствуют и в списке W; зато, вслед за тем же списком, в славянском переводе появляется уточнение **послажасѧ** (*ἀπεστάλη δὲ*), отсутствующее в других греческих рукописях. При этом славянский переводчик, как уже было сказано, спутал год проведения собора, возможно, приняв *μ* за *ν* или *м* за *н*.

Далее греческий текст, и вслед за ним перевод в *Погод259*, описывая основание для церковного собора, говорят об **изволении и прозвании** Троицы. "Многосложный свиток" слова о Троице опускает, в то время как перевод в рукописи *Погод259* не только сохраняет их, но и повторяет индивидуальное чтение списка W, добавляя к определениям Троицы эпитет **животворѧща**.

Впрочем, переводчик позволил себе некоторые отклонения от оригинала: в конце приветствия снова назван Иерусалим как место проведения собора (подобное указание не поддерживается ни одним греческим списком); несколько вольно переведен пассаж об участниках собора: **нвныѣ ревнителне чиновъ и красоты** (*οὐρανομιμή του ἱεραρχίας τὴν διακόσμησιν*). То же слово "красота" (очевидно, излюбленное переводчиком) вставлено ниже в перевод другого пассажа: **добротою и красотою сътворены** (*τῶ καλῶ τυπουμένας καὶ μορφουμένας*). Как видим, переводчик менял акценты в тексте, стремясь отразить смысловые оттенки словоформы *τῶ καλῶ*, в то же время обобщая одним словом раскрытые в греческом оригинале этапы Творения.

Сопоставление с греческим текстом показывает, что переводчик отнюдь не блестяще владел своим искусством, порой не понимая или неточно передавая греческий текст, а порой излишне вольно обращаясь с богословскими рассуждениями. Так, он пропустил упоминание Сына (*Υἱός*), являющееся ключевым для богословских рассуждений (пример б).

Этот пропуск, значительно влияющий на понимание текста, не является случайным, поскольку эпитеты **пресѣщное и преѣтвное и прѣночальное** согласованы с существительным **слово**, а не **Сынъ слово** (как было бы при случайном пропуске переписчика). Именно в этом месте проходит грань, после которой перевод “Многосложного свитка” полностью отличается от греческого текста.

Не вполне точным является и перевод определения ἀπαράλλακτος как **сѣщии**; в том же пассаже слово **невидими** отнесено к печати, а не к Богу, как в греческом тексте (пример 7). В этом же примере одним словом **печать** переводятся два разных греческих термина: τὸ ἐκμαγεῖον и ἡ σφραγίς. Совсем непереуведенной на славянский язык осталась часть фразы: ἀρχὰς καὶ ἐξουσίας, λαμβρότητας (пример 8); в целом перевод богословских рассуждений, касающихся небесной иерархии, достаточно волен, и переводчик зачастую опускал эпитеты, которыми в греческом тексте описывались различные небесные чины. Неточный перевод ἐκδεχομένης как **приближаются** (появление которого было бы вообще непонятным, если ориентироваться не на чтение списка W, а на иные греческие рукописи, в которых видим в этом месте ἐκλαμπόμενης), возможно, появился из-за вводного слова ὡςτις (ἐκεῖθεν), потребовавшего, с точки зрения переводчика, глагола движения.

Дословный перевод во многих случаях нарушил конструкцию греческой фразы, из-за чего славянский текст превратился в перечень один за другим переуведенных с греческого слов, без согласования их в предложении. Несмотря на некоторые неудачи в переводе, даже тот небольшой фрагмент, который мы находим в рукописи *Погод259*, свидетельствует о том, что перед нами не простое упражнение начинающего переводчика, но сознательно выбранный текст. Переводчика (или его заказчика) мало интересовали вопросы, связанные с почитанием икон, и он исключил фразу, характеризующую текст как сочинение в защиту иконопочитания. В результате фрагмент приобрел звучание формулярного послания от священного собора к императору. Новый перевод ближе всего к греческой рукописи 1426 г., происходящей из монастыря Ивирон на Афоне [MUNITIZ ET AL. 1997: 89–90]. Учитывая скудость греческой рукописной традиции “Послания трех патриархов”, можно предположить, что перевод был сделан если не с этой рукописи, то с очень близкой к ней, возможно — связанной с афонской рукописью общностью и временем происхождения. По этой причине мы полагаем, что перевод фрагмента “Послания трех патриархов” следует датировать временем не ранее второй четверти XV в.; а поправки в списке *Погод259* и следы греческих фраз могут говорить о том, что в *Погод259* сохранился беловой список черновика перевода. Текст занимает в рукописи неполных три столбца,

причем конец последнего столбца занят отрывком из Патерика⁶. Это позволяет предполагать, что переведен был не весь текст, но лишь тот фрагмент, который вошел в рукопись *Погод259*: он охватывал вводные разделы с обращением к императору. Именно в этих разделах сформулированы идеи о взаимоотношении светской и церковной власти, которые в наибольшей степени интересовали русских книжников на рубеже XV–XVI вв. Возможно, интересы переводчика (или заказчика перевода) ограничивались прославлением двух благодатных властей: светской и церковной, которые, согласно "Посланию трех патриархов", в равной степени имеют божественное происхождение.

Изучение столь небольшого фрагмента текста дает слишком мало сведений, чтобы судить об обстоятельствах создания перевода; однако особенности рукописи, в которой сохранилось начало "Послания трех патриархов", позволяют сделать некоторые наблюдения.

Рукопись *Погод259* состоит из двух частей, написанных на разной бумаге⁷. Части различаются и по содержанию: первая (л. 1–79об.) содержит канонические и учительные статьи; вторая часть (л. 79об.–154об.) близка к триодному Торжественнику. В начале рукописи отсутствует три тетради, о чем свидетельствует сигнатура на л. 7, завершающая четвертую тетрадь: это единственная сохранившаяся сигнатура в рукописи. Рукопись имеет переплет XIX в.⁸; возможно, рукопись была "приведена

⁶ Далее в рукописи утрачено несколько листов, так что невозможно судить о том, какой текст находился непосредственно вслед за фрагментом "Послания трех патриархов".

⁷ Описание рукописи выполнено Г. П. Ениным [Каталог 1988: 182]. Отмечая важнейшие особенности рукописи, датируя ее и раскрывая состав, данное описание, к сожалению, учитывает не все филигранные и не воспроизводит записи. По этой причине мы считаем необходимым ниже привести кодикологическое и палеографическое описание рукописи.

РНБ, Погод. 259, 2° (малое фолио), 154 л., 1460–70-е гг. Два столбца. Полуустав, один почерк. Первая часть (л. 1–79) содержит две чередующиеся филигранные: 1) Голова быка малая под Т-образным крестом, отдаленно сходен: [RISCARD 1978: 10, № 16] – 1474–76 гг.; [BRIQUET 1968: № 15150] – 1465–66 гг.; 2) Голова быка под шестилепестковой розеткой и трехлепестковой розеткой, вид: [ШИБАЕВ 2013: № 103] (1467 г.). Вторая часть (л. 80–154) содержит филигрань: Голова быка под короной и пятилепестковой розеткой, вид: [RISCARD 1978: xv, № 221] – 1474–78 гг. Записи: л. 57, срезанная запись XVIII в. – "Сия книга [. . .] слава [. . .] и святому Духу"; л. 154об. – "Преставися раб Божии Нефедее Семенов сын Угрим[о]в [на] память святого мученика Патрекия" (скоропись, XVII в.). О писцовых записях см. ниже. Возможно, названный в поздней записи Нефед Семенов сын Угримов упоминается в описании Обоянской десяти в 1650/51 г. [Танков 1913: 143].

⁸ Переплет: доски в светло-коричневой коже с золотым тиснением, с медными застежками; на корешке наклейка из красного сафьяна с надписью "Изъ Древлехранилища Погодина" и две печатные бумажные наклейки: "Номоканон" и "259". Переплет можно датировать по форзацным листам временем после 1816 г. (см. ниже); наклейки были выполнены значительно позже, после продажи собрания М. П. Погодина в Императорскую Публичную библиотеку в 1852 г. [Каталог 1988: 11].

в порядок” перед продажей одним из антикваров, стремившимся сбыть свой товар наиболее выгодно. Бумага, датированная 1816 г.⁹, использована не только для форзацных листов, ею же заклеен текст на лицевой стороне л. 1. Утраченная ныне статья завершалась на обороте первого листа, в начале столбца 1в; чтобы скрыть обрывок текста и орнамент, открывавший каноническую часть рукописи, сверху был наклеен фрагмент заставки от другой рукописи. Заставка принадлежала рукописи *in folio* и оказалась слишком велика для одного столбца, так что ее пришлось обрезать посередине, сохранив лишь левую половину. Но и этот фрагмент заставки был в плохом состоянии: часть листа в середине оказалась утрачена, так что через дыру был бы виден первоначальный текст рукописи; чтобы избежать этого, под заставку был подклеен кусочек чистой бумаги. Таким образом, вместо отрывка рукописи с утраченным началом получилась красивая рукопись, текст которой начинался с оборота листа (подобно древнейшим пергаменным кодексам) и открывался широкой плетеной заставкой. Рукопись стала открываться пространной канонической подборкой, благодаря чему в собрании М. П. Погодина получила название “Номоканон”¹⁰, хотя на деле канонические статьи — лишь один из разделов существовавшего когда-то кодекса, отнюдь не первый и не основной. Владелец рукописи (а мы полагаем, что им был букинист-антиквар) умело подобрал заставку, стиль которой не противоречил датировке рукописи, так что ее чужеродность не бросается в глаза.

Заставка — отнюдь не единственная подклейка в рукописи. Кодекс состоит из двух частей, соединенных друг с другом искусственно: фрагмент листа с началом новой статьи, которым открывается вторая часть, был приклеен на пустое место на л. 79об., которым завершалась первая часть книги. Приклеенный фрагмент представлял собой конец столбца 2, причем на его лицевой стороне тоже находился текст (скрытый сейчас); следовательно, вторая часть рукописи *Погод259* представляет собой отрывок книги, присоединенный к первой части кодекса. Вероятно, подклейки были выполнены в первой четверти XIX в. при подготовке рукописи к продаже; об этом говорит и то, что фрагмент наклеен поверх починенных в XIX в. разрывов. Это заставляет нас задаться вопросом, связаны ли части рукописи общностью происхождения или оказались случайно соединены умельцем-антикваром.

Казалось бы, подклейки, предпринятые в XIX в., должны указывать на то, что кодекс представляет собой соединение разнородных частей.

⁹ Филлигрань переплетных листов: Герб “Britania” (1816 г.).

¹⁰ В каталоге рукописей М.П. Погодина книга верно названа “сборником” [Каталог 1988: 182].

То же впечатление складывается и при первоначальном знакомстве с рукописью: вторая часть писана чернилами другого оттенка, иным пером. Однако более пристальное изучение рукописи приводит нас к выводу, что обе части написаны одним человеком, несмотря на то что в первой части рукописи преобладают иные начертания, чем во второй. Одинаковое оформление имеют киноварные заголовки и инициалы. Писец широко пользуется лигатурным письмом, характерным для рукописей второй половины XV – начала XVI в. и использовавшимся для украшения рукописей или для тайнописи. В упрощенном виде, для украшения, оно встречается в тексте как в первой, так и во второй части рукописи [Погод259: л. 34, 46об., 55об., 105, 147]. Разлиновка обеих частей кодекса и зеркало текста также говорит о том, что эти части были подготовлены одним человеком, который, вероятно, изначально задумал соединить их под одной крышкой переплета. Небольшая разница в датировке по водяным знакам двух частей рукописи, даже с учетом относительности подобных датировок, позволяет предполагать, что вторая часть несколько отстоит по времени от первой, хотя и принадлежит тому же писцу. Это заставляет нас рассматривать кодекс в целом, в равной степени уделяя внимание как первой части рукописи, так и второй, в которой находится фрагмент "Послания трех патриархов".

В целом первая часть рукописи производит впечатление более опрятной и выполненной с большим тщанием. Некоторая вычурность почерка, особенно в киноварных заголовках, говорит о стремлении писца украсить рукопись. Свою ошибку – случайно пропущенный столбец – писец оформляет в виде орнаментальной рамки, в которой замысловатым почерком, с использованием лигатур, оставлена запись: "Благословите мя, отци святии, и простите мя, грѣшнаго, облазнилъся есьми. Зрите, господа и братья, в времени сего небывшего времени чаемъ" [Погод259: л. 74]. В первой части нередко используются узкие орнаментальные заставки [*ibid.*, л. 1об., 66]; сходная орнаментальная строка открывает во второй части "Слово Тимофея Антиохийского": "О восстании еже от мертвых четверодневного Лазаря", из которого переписано лишь завершение текста [*ibid.*, л. 125об.–126об.]. Главным украшением первой части рукописи служит концовка "Жития Григория Константинопольского": сходящийся клином текст убран в орнаментальную рамку-воронку, которую держит рука; по бокам от рисунка располагается киноварный текст [*ibid.*, л. 65об.]. Аналогичное украшение в рукописи того же времени принадлежит Пахомию Логофету [ТСЛ116, л. 168]. Вне всякого сомнения, знаменитый сербский книжник не был причастен к созданию изучаемой нами рукописи: ни ее почерк, ни содержание не позволяют предполагать, что создателем мог быть Пахомий. Сходство украшений

в данном случае указывает на определенные традиции оформления рукописей в середине – третьей четверти XV в.

Еще одним украшением, которым широко пользуется каллиграф, служит лигатурное, или “связное”, письмо с грецизированными буквами, при котором одна литера перетекает в другую. К этому приему писец прибегает в обеих частях рукописи в заголовках, в конце строк и листов. Подобное лигатурное письмо было одним из любимых украшений искусных каллиграфов; особенно часто оно использовалось для записей¹¹. В одном из “строевских конволютов” сохранился образец упражнений каллиграфа первой половины XVI в., совершенствовавшего свое искусство и писавшего один и тот же текст все более вычурным и замысловатым “связным письмом” [*Погод1571*, л. 91–93]. В интересующей нас рукописи *Погод259* “связное письмо” также используется не только в тексте, но и в записях, оставленных писцом в конце как первой, так и второй части. В отличие от обычных неброских записей, оставлявшихся на пустом месте в конце листа, записи в конце первой части рукописи оформлены совсем иначе [*Погод259*, л. 79об.]. Выполненные кинноварью, каллиграфическим почерком, со специальными значками на поле, они призваны привлечь внимание; однако прочесть их сможет далеко не каждый. Одна из записей, по всей видимости, представляла собой каллиграфическое упражнение — писанная вычурным лигатурным письмом со множеством украшений, она перечисляет “казни египетские”: “Казни египтов: рѣкы въ кровь, жабы, мыши, псоа мухы, съмерть на скоты, прыщи горящии, градъ, пружи, тма три дни, мор первѣнцем”. Другая запись представляет бóльшую сложность: также писанная лигатурным письмом, она в то же время представляет собой тайнопись. Используя простую литорею, писец скрыл начало челобитной: члѣвци-поу і ѡнѡцамоу шесѣтѣроу тпа-ѡу лимока кшоа члѣвципе перѣвни (?) кшои гсрѣ цѣекѣ нсагдѣ. Расшифровка: “Господину и оподару великому князу сирота твоя, господине, немощи (?) твои челомъ бѣеть, плачьць”. Сочетание литореи со “связным” письмом особенно обращает на себя внимание. Маловероятно, чтобы подобная запись, исследователями обычно характеризующаяся как проба пера, предварительно была зашифрована где-то в черновике литореей, а потом переписана “связным” письмом. Скорее каллиграф записал ее сходу. Это означает, что он владел литореей в совершенстве и мог быстро, в уме, переиначивать буквы,

¹¹ См., например: *Соф191*, л. 66, 110, 238 (1438 г.); *Овч67*, л. 550об.–551 (1480/81 г.); *КБ130*, л. 275 (запись Игнатия Доброго в кирилло-белозерской рукописи XV в.; С. Н. Кистерев полагает, что запись оставлена старцем Ионой [Кистерев 2012: 329]). Более поздний образец лигатурного письма с использованием греческих букв представлен в писцовой записи кирилло-белозерского монаха Ионы Козы: *Муз6456*, л. 1 (1541/42 г.).

выводя одну лигатуру за другой, не пользуясь переводной таблицей для тайнописи. Запутался он в единственном сложном месте, где, очевидно, использовал не столь уж часто встречающееся слово, которое мы предположительно прочитываем как "немошный". Обращение "осподарь" в составе титулатуры великого князя представляет собой довольно ранний образец. Согласно наблюдениям А. Золтана, "осподарь" в значении 'государь' пришло в великорусские документы из западнорусского языка и стало регулярно использоваться с 40-х гг. XV в. [Золтан 2002: 573–575]; по мнению исследователя, решающую роль в введении нового титула сыграла митрополичья канцелярия [Ibid.: 576–577].

Наконец, третья киноvarная запись, оставленная составителем книги на том же листе, написана кириллическими буквами, четко и почти без использования лигатур: *κίεστωρ εκσκουβίτωρ σπείρα протέχτωρ νοτάριος*. Эта запись не скрыта литореей; она передает звучание греческих слов: *κυέστωρ ἐκσκουβίτωρ σπείρα протέχτωρ νοτάριος*. Несомненно, эти слова не были скопированы откуда-либо, — в этом случае они бы в большой степени воспроизводили орфографию греческих слов. Такое написание могло появиться только в результате записи со слуха человеком, не знавшим, как правильно пишутся эти слова. Перед нами перечень должностей, бытовавших при императорском дворе: *κυέστωρ* — глава императорской консистории, министр юстиции; *ἐκσκουβίτωρ* — член императорской дворцовой охраны; *σπείρα протέχτωρ* — телохранитель императора; *νοτάριος* — секретарь, писец, нотариус¹². Возможно, книжник записал для памяти названия должностей, не имевших аналогов в русском политическом устройстве XV века.

Ряд записей находится также в конце второй части рукописи, на л. 154об. Помимо выдержек из священной истории, исполненных лигатурным письмом, там же присутствует еще одна тайнопись пермскими буквами¹³. Общность обеих частей: сходный почерк, одинаковые киноvarные заголовки, инициалы и лигатурные начертания, одинаковая разливка и использование тайнописи в обеих частях книги — всё это не позволяет считать рукопись конволютом, в котором антикваром соединены две случайные, не связанные между собой части. Рукопись следует рассматривать как авторский конволют — сборник, в котором собраны материалы, подготовленные одним книжником и, возможно, переписанные с некоторым временным промежутком (учитывая небольшую разницу в датировке водяных знаков обеих частей рукописи)¹⁴. Деятельностью

¹² Для перевода использованы словари [Ламре 1961; Аргировски 2003].

¹³ Запись частично утрачена и не прочитывается как связный текст.

¹⁴ Сложные и ведущие к путанице термины "сборник", "сборная рукопись" и "конволют" наиболее подробно рассмотрены О. Л. Новиковой, которой удалось систематизировать типы конволютов [Новикова 2013: 93–101].

же антиквара, возможно, объясняются значительные утраты текста (перед л. 1, перед фрагментом, наклеенным на л. 79об., и после л. 83). Нам известен другой яркий пример “выкраивания” из одного кодекса двух рукописей, предназначенных на продажу, когда антиктвар разделил кодекс на две части и постарался придать им видимость полных (и украшенных) списков. Одна из разъединенных частей также была продана М. П. Погодину; вторая впоследствии оказалась в собрании П. М. Мальцева. Возможно, недостающие части рукописи *Погод259* со временем обнаружатся в каком-либо ином собрании.

Однако из тех текстов, которые уцелели в рукописи *Погод259*, обращает на себя внимание не только фрагмент “Послания трех патриархов”. В этой рукописи находится наиболее ранний список перевода Захехя Вагила “Похвального слова Андрея Критского св. Николаю Чудотворцу” с указанием имени переводчика¹⁵. Согласно наблюдениям А. А. Турилова, до сих пор “Похвальное слово” с упоминанием имени Захехя Вагила — афонского монаха, трудившегося в первой половине — середине XIV в., — было известно только в русских списках не ранее XVI в.; южнославянские списки имени переводчика не сохранили [Турилов 2008].

Наконец, в рукописи находится еще один необычный текст, который открывает первую часть кодекса — канонический сборник устойчивого состава, известный как “Номоканон Иоанна Постника”. Старшим древнерусским списком этого переводного сборника является рукопись *КБХII* (первая четверть XV в.) из Кирилло-Белозерского монастыря¹⁶. Как показало наше исследование, в XV–XVI вв. перевод, впервые зафиксированный в кирилло-белозерской традиции, получил значительное распространение в древнерусских рукописях (и только в них). В XVI столетии подобный канонический сборник назывался “Тверскими правилами”, а его появление на Руси древнерусскими книжниками связывалось с поездкой на Афон св. Саввы, основателя тверского Саввинова монастыря [Корогодина 2014].

Е. В. Крушельницкая при подготовке издания текста *КБХII* обратила внимание на рукопись *Погод259*, указав, что она содержит “почти точный славянский аналог [сборнику *КБХII*. – М. К.] [. . .] по составу и по последовательности статей” [ЭРИ 2003: 240]. Однако более пристальное сопоставление рукописи *Погод259* с *КБХII* показывает, что тексты в них значительно отличаются и, вероятно, принадлежат к разным переводам.

¹⁵ *Погод259*, л. 66–70об.: “Иже в святых отца нашего Андрея архиепископа Критскаго Похвала преподобному отцю нашему и в чюдесех великоименитому Николау архиепископу Мирьския ипархия, изложена Закхеом Вагилом”. Нач.: “Человѣче Божии верный рабе и състроителю его таинств . . .”.

¹⁶ Издание текста рукописи с комментариями см.: [ЭРИ 2003]. “Номоканон Иоанна Постника” находится на л. 1–45об. рукописи *КБХII*.

В Библиотеке Российской академии наук нами был обнаружен более близкий к погодинской рукописи текст в списке последней четверти XIV в. *Калужн9*¹⁷. Проведенное автором этих строк и А. Г. Сергеевым сопоставление текстов показало, что "Номоканон Иоанна Постника" в рукописях *Погод259* (л. 1–46об.) и *Калужн9* (л. 223–274об.) принадлежит одному переводу, но имеет существенные отличия, не позволяющие возвести одну рукопись к другой. Помимо целого ряда мелких разночтений, в этих списках находятся значительные фрагменты текста, сокращенные или изложенные иными словами в рукописи *Погод259* в сравнении с более ранней рукописью *Калужн9*¹⁸.

Таким образом, "Номоканон Иоанна Постника" в рукописи *Погод259* не принадлежит распространенной на Руси рукописной традиции этого текста, пришедшей с Афона в начале XV в. и возводимой к рукописи *КБХII*. Рукопись *Погод259* является одним из двух известных списков (и единственным русским) особого перевода "Номоканона Иоанна Постника". Кодекс *Калужн9*, в котором сохранился тот же перевод "Номоканона Иоанна Постника", согласно наблюдениям А. Г. Сергеева, был создан в последней четверти XIV в. двумя писцами: болгаринном и сербом [СЕРГЕЕВ 2017: 26]. Написанная на одной бумаге, рукопись не является конволютом, а участие в ее создании разных по происхождению писцов может объясняться тем, что кодекс был подготовлен в полиэтническом книгописном центре. В XVII–XVIII вв. рукопись *Калужн9* находилась в монастыре Молдовица на территории современной Румынии, однако попасть туда она могла не ранее 1532 г., когда был основан монастырь. Место создания и раннего бытования книги остается неизвестным.

Таким образом, в рукописи *Погод259* находятся тексты, которые только появляются в древнерусской книжности в XV столетии и интерес к которым особенно высок. При этом в данном списке новые сочинения представлены в особых редакциях, нехарактерных для основного пласта древнерусской книжности. Необычное оформление рукописи, использование "связного письма" и мастерское владение разными видами тайнописи говорит о профессионализме писца. Учитывая использование пермской азбуки, мы приходим к выводу, что книжник был русским по происхождению. Скромные познания в греческом языке не позволяют видеть в нем умелого переводчика. Скорее, это был человек, прекрасно ориентировавшийся в книжности и любящий книжные новинки, способный читать и разговаривать по-гречески и, возможно,

¹⁷ Прежний шифр рукописи — БАН, 12.3.9. Описание рукописи *Калужн9* см. [СЕРГЕЕВ 2017: 26–40].

¹⁸ Ср., например, текст в *Калужн9* (л. 227об.) с *Погод259* (л. 4об.–5) или *Калужн9* (л. 241об.–242) с *Погод259* (л. 18).

путешествовавший в иные земли христианского мира. В этом нас убеждают как появление в его книге греческих слов, вероятно, записанных со слуха, так и перевод фрагмента “Послания трех патриархов”, близкий к хранящейся на Афоне рукописи, а также необычная редакция “Номоканона Иоанна Постника”, единственный список которой был создан совместно болгаринном и сербом, возможно, на том же Афоне или в ином полиэтническом книгописном центре.

Во второй половине XV в., после Флорентийского собора, установления автокефалии Русской церкви и падения Константинополя в 1453 г., в Русской церкви и Русском государстве начинается формирование идеи особой роли русского православия, в том числе порчи христианской церкви в иных странах (включая Византию), и представления о России и русском государе как оплотах православия. Этот процесс, отразившийся в многочисленных исторических и книжных памятниках и сочинениях второй половины XV – начала XVI в., освещен в фундаментальных работах отечественных исследователей [Малинин 1901: 443–483; Успенский 1998: 222–243; Сеницына 1998]¹⁹. Тщательный анализ, проведенный Н. В. Сеницыной, показывает, как во второй половине XV столетия отношение к Византии как истоку русского православия, имевшей “великое смотрение и попечение о вере”, постепенно сменяется недоверием к грекам как хранителям веры и представлением об “изрушении греческого православия” [Сеницына 1998: 98–115]. Одним из результатов этого процесса, отмеченным исследователями, явилось существенное уменьшение контактов русских земель с Афоном [Максимович, Турилов 2002]. Известия о поездках на Афон русских иноков становятся исключительно редкими, но не исчезают совсем: именно в это время, в 60-х или 70-х гг. XV в., провел девять лет на Афоне и вернулся оттуда на Русь старец Митрофан Бывальцев²⁰. Возможно, появление в погодинской рукописи новых для русской книжности текстов также связано с поездкой на Афон.

Однако вероятно и иное происхождение этих текстов. Перевод начального фрагмента “Послания трех патриархов”, превращенного в формулярное послание священного собора к императору, наряду с перечнем должностей при императорском дворе раскрывает особый интерес неизвестного книжника к вопросам, связанным с репрезентацией власти и становлением иерархии чинов при княжеском дворе. Эти вопросы приобрели наибольшую актуальность в конце XV в. и особенно в первой

¹⁹ Особого взгляда на взаимоотношения Москвы и Константинополя после поставления митр. Ионы как на церковный раскол придерживается В. М. Лурье [2015].

²⁰ Сведения об этом находятся в “Сказании вкратце о святых отцах” Иосифа Волоцкого [ВМЧ 1868: 559].

половине XVI столетия, когда необходимо было обосновать легитимность царской власти. Однако, как видим, они волновали русских книжников и в более раннее время — в третьей четверти XV в., когда происходило окончательное утверждение главенства Москвы как центра, объединявшего русские земли и русскую церковь. К этому времени, когда положение великого князя стало на глазах меняться, отходя от принципа "первого среди равных" и, с приходом Ивана III, все больше приближаясь к идее царской власти, появляется как старший список "Многосложного свитка", так и интересующая нас рукопись. Перечень должностей при императоре наряду с переводом фрагмента "Послания трех патриархов", содержащим императорскую титулатуру и показывающим соотношение светской и церковной власти, говорит о несомненном интересе к вопросам, связанным со структурой монархии, и о первых попытках разобраться в этой структуре.

В 1460–70-х гг., когда создавалась рукопись и была оставлена запись, в системе управления формировавшегося московского государства еще не было аналогов этим должностям. Некоторые параллели им можно увидеть в казначее (для *κνέστωρ*), дьяке (для *νοτάριος*), конюшем (для *ἔκσχοῦβίτωρ*) и в целом в устройстве государева двора (для *ἔκσχοῦβίτωρ* и *σπεῖρα προτέκτωρ*), — однако все эти должности постепенно стали формироваться лишь к концу XV в. [Зимин 1982: 233–262], спустя два десятилетия после того, как была оставлена запись. Можно полагать, что для первой половины 70-х гг. XV в. функцию "квестора" выполнял московский наместник и ближайшее к Ивану III лицо — Иван Юрьевич Патрикеев [Идем 1988: 31–32], однако несомненно, что возложенные на него обязанности по отправлению суда и решению важнейших вопросов определялись не должностью, а личными взаимоотношениями с великим князем.

Таким образом, перечень должностей представляет собой не поиск аналогий между русским и византийским политическим устройством, а свидетельство интереса к системе византийского государственного управления, в то время еще отсутствующей в России. Структура государственной администрации московского великого князя, элементы которой фиксируются исследователями в 90-е гг. XV столетия, корнями уходит в более раннее время — конец 60-х – 70-е гг.

Безусловно, столь явный интерес к системе государственного устройства, положению государя и его взаимоотношению с церковными властями неслучаен именно для этого периода. В 1469 г. впервые прибыл в Москву Юрий Мануйлович Траханиот для переговоров о браке Ивана Васильевича III с Зоей (Софьей) Палеолог. Брак состоялся в 1472 г., и вместе с будущей великой княгиней в Москву приехало немало греков,

знатных и образованных, многие из которых тогда же или позже навсегда связали свою судьбу с Московией. Греки продолжали приезжать на Русь и позже: как показал Б. Н. Флоря [1982], на протяжении всей последней трети XV в. они были особенно востребованы для дипломатических поручений. Мог ли кто-либо из них привезти с собой тексты, отразившиеся в погодинском кодексе, — славянский канонический сборник и греческое “Послание трех патриархов”? Теоретически, разумеется, это возможно, однако, на наш взгляд, появление тех или иных сочинений в погодинской рукописи объясняется не случайными предпочтениями заезжего грека, а осознанным интересом русского книжника. Поэтому мы полагаем, что оригиналы этих текстов, скорее, были сознательно отобраны и привезены на Русь составителем сборника, и это находилось в русле тех вопросов, которые постепенно начинали волновать умы русских людей. Присутствие греков-аристократов и постепенно формировавшиеся в окружении великого князя претензии на то, что Россия является наследницей Византии, способствовали попыткам перенять имперскую идеологию и структуру государственного управления в московском государстве. Представление о порче греческого православия, характерное, как было показано Н. В. Сеницыной, для второй половины 1460-х гг. [Сеницына 1998: 100–115], только укрепляло стремление воссоздать в России ту систему церковного и государственного устройства, которая, с точки зрения русских книжников, была свойственна Византии во времена ее расцвета как православного государства. Одна из первых попыток подобного рода отразилась в рукописи неизвестного книжника третьей четверти XV века.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перевод фрагмента “Послания трех патриархов императору Феофилу” публикуется буква в букву по списку *Погод259*, л. 83–83об. Греческий текст “Послания” приводится по изданию [MUNITIZ ET AL. 1997: 3–5]. По этому же изданию воспроизведены все разночтения, относящиеся к афонскому списку *Ивер381* (список W).

Текст начального фрагмента “Многосложного послания” приведен буква в букву по старшему списку *КБ53*, л. 356–356об. Курсивом выделен отрывок, с которого начинается расхождение “Многосложного свитка” с “Посланием трех патриархов императору Феофилу” по рукописи *КБ53*.

Греческий текст	“Послание трех патриархов императору Феофилу”	“Многосложное послание”
<p>Ἐπιστολῆ²¹ τῶν ἁγιωτάτων πατριαρχῶν, Χριστοφόρου Ἀλεξανδρείας, Ἰωβ Ἀντιοχείας, Βασιλείου Ἱεροσολύμων· πρὸς τὸν²² βασιλέα Θεόφιλον Κωνσταντινουπόλεως²³· γραφεῖσα²⁴ ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει Ἱερουσαλὴμ ἐν τῇ ἁγίᾳ Ἀναστάσει· περὶ τῶν ἁγίων²⁵ καὶ τιμίων καὶ σεβασμίων²⁶ εἰχόνων· ἔχουσα ἐν κεφαλίδι τὸν ἅγιον χαρακτήρα τῆς παναγίας Θεοτόκου Μαρίας ἐζωγραφημένον, ἐν ἀγκάλαις φέρουσα τὸν Σωτῆρα· συναθροισθέντων αὐτῶν ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει²⁷, μετὰ μεγάλου συνόδου· τὸν ἀριθμὸν²⁸ ἐπισκόπων ρπε', ἡγουμένων ἰζ', μοναχῶν ἀρνγ'· μηνὶ Ἀπριλλίῳ ἰνδικτιῶνος ἰδ', ἔτους ς,τμδ'²⁹.</p>	<p>КИРЬЯКИ УРΘΟДОΞ. Послание сѣѣнишѣ патриарховъ Христофора Алеѣанѣрьскаго. Ивана Анѣтнѣфинскаго. Василья Іѣрлнимьскѣ въ црѣю Феофила. писано въ сѣѣмъ градѣ Ёрлме. въ сѣѣмъ въскрѣнни. всемирънишиши и ѣтнни ѡци собрашася въ велицемъ съворѣ. еѣкони р̄ пѣ игумень з̄ї и иноковъ ѣа и р̄ и нг̄ послажася въ лѣто ѣст̄нѣа.</p>	<p>МНОГОСЛОЖНОЕ ПОСЛАНИЕ ЄЖЕ СѢѢШИИ ПѢТрІарси. кѣ Θεοφιλѣ грѣчьскыя скиπтра ѡ ѡца прѣмшоу жреби. сѣшѣсѣа вкѣпѣ написаша посланіе съставително ѡ изрѣдѣнства бываемъ. ѡ сѣѣ иконѣ ѣтн и поклананіи. доволнѣ възѡмѣа въроу речены ѡ Алеѣанѣрьскыи Христофоръ. і Иѡвъ Анѣтнѣхінскыи. Василіи Іѣрлнимьскыи. и в τδ̄ πѡписавши. пѣ десѣкъ тысѣци. и γ̄. и пѣ. прѣсловіи посланіа. нмѣѣе сице : ~</p>
<p>Τῶ³¹ ἐκ τῆς ἄνωθεν θείας πανσθενοῦς παντοκρατορικῆς δεξιᾶς τοῦ ὑψίστου βασιλέως τῶν βασιλέων, καὶ κυρίου τῶν κυρίων, δι' οὗ βασιλεῖς βασιλεύουσιν, καὶ τύραννοι κρατοῦσι γῆς, δι' οὗ μεγιστᾶνες μεγαλύνονται, καὶ δυνάσται γράφουσι δικαιοσύνην, δόξη καὶ τιμῇ</p>	<p>ЄΟΥЛОГІѢОН ПТ' сѣѣм̄. ѡ̄ вѣжтвеныа вышныа всѣамогыцаа. всѣдержителныа десница. црѣа црѣтвѡгющицѣ. и г̄да госпдствгющицѣ. имъ же царне царьствѣютъ. и мѣчителне держать зѣмлю. имъ же велницѣ</p>	<p>Єже ѡ̄ вышнаго десница вѣѣа всемогыѣѣа. вышнаго црѣа црѣм̄. и г̄а г̄демъ. имже црѣе црѣтвѣютъ. и силнѣи дрѣжать зѣмлю. имже велницѣи велнѣаѡтсѣа. и мѡгыѣѣи пишѣтъ</p>

²¹ Вм. λόγος ἐπιστολιμαῖος.

²² Далее доб. ἐν Κωνσταντίνου πόλει.

²³ Нет.

²⁴ Вм. γραφεῖς.

²⁵ Вм. πανσέπτων.

²⁶ Нет καὶ σεβασμίων.

²⁷ Нет αὐτῶν ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει.

²⁸ Нет τὸν ἀριθμὸν.

²⁹ Вм. μηνὶ Ἀπριλλίῳ ἰνδικτιῶνος ἰδ', ἔτους ς,τμδ' — ἀπεστάλη δὲ ἐν ἔτει ς,τμδ'.

³⁰ Написано по стертому.

³¹ Вм. τῶ.

<p>κατεστεμμένω, θεοπροβλήτω, θεοστηρίκτω, θεοστέπτω, φερωνύμω βασιλεῖ κρατίστω Θεοφίλω, νικητῇ τροπαιούχῳ αὐτοκράτορι, αἰωνίῳ αὐγούστῳ, θεοτιμήτῳ δεσπότῃ, οἱ κατ'ἐπίνευσιν καὶ πρόσκλησιν τῆς θείας προμηθείας τῆς³² ὁμοουσίου καὶ ζωαρχικῆς Τριᾶδος τοὺς οἶακας τῶν ἀποστολικῶν καὶ πατριαρχικῶν θρόνων, Ἀλεξανδρείας, Ἀντιοχείας, Ἱεροσολύμων, καὶ οἱ μεθ' ἡμῶν οὐρανομιμῆ τοῦ ἱεραρχίας τὴν διακόσμησιν, ἀπὸ ἀνατολῶν ἡλίου μέχρι δυσμῶν ἐληλαχότες³³ κατέχειν, ἐν Κυρίῳ χαίρειν.</p>	<p>величаются и сильнѣи пишутъ правѣду // слава и честь и великолѣпье Бгѡмъ поставленому. и бгѡоукрѣпленному блговѣрному црю державѣному Феофилу. повѣдитель повѣдамъ. самодръжче вѣнечныи. и аугѡустъ вгѡчѣтныи влѣко. ижеволеннемъ и прозваннемъ вѣтвного промысла. животворащам. и единосѣщныи. и живоначальныи Трѣца. стронтели апльстни. прѣтловъ патрїаршаскїи Алєξανδρїскїхъ Анτναχїскїи и Ιερλїмскїи. и иже с нами нѣнѣи ревнителие чиновъ и красоты. Ѡ востока слнчнѡ и до запада прѣсѣдмшеї въ градѣ. Иерлїмьстѣ о Гн ρаватисл.</p>	<p>правдѣ. Главою и чьстїю вѣнчанномѣ. Бгѡ поставленомѣ. има имѡиоу бгѡлюбїа. самωдръжцѣ; црю и влѣцѣ. иже повелѣнїемъ и званїемъ вѣта строенїа. врьздодръ//жателе. апльскїи и патрїаршескїи прѣтлѣ, Алєξανδρїсскїи. Анτνωχїнскїи. Ιεροσολμкїи. и всне еїпπн и причѣ. иже пѡ нѣсემъ Ѡ вѣстѣ до запѡ сѣшѣнхсл ω Γδѣ ραδωати.</p>
<p>Ἐπει οὖν ὁ ὑπερούσιος καὶ ὑπέρθεος καὶ υπεράρχιος ὁμοούσιος καὶ συνάναρχος τοῦ Θεοῦ καὶ Πατὴρ οἶος Λόγος, τὸ ἀπαύγασμα τῆς δόξης αὐτοῦ, ὁ χαρακτήρ τῆς ὑποστάσεως αὐτοῦ, τὸ ἐκμαγεῖον τοῦ ἀρχετύπου, ἡ ἀπαράλλακτος εἰκὼν τοῦ Θεοῦ τοῦ ἀοράτου, ἡ ἰσότυπος σφραγίς, τὸ ἀκηλίδωτον εἶσοπτρον³⁴ τῆς τοῦ Θεοῦ ἐνεργείας, τὸ ἐκ τοῦ φωτὸς φῶς, ὁ συναΐδιος τοῦ παναγίου καὶ ζωαρχικοῦ Πνεύματος, ὁ φέρων τὰ πάντα τῷ ῥήματι τῆς δυνάμεως αὐτοῦ, ὁ τὴν νοητὴν καὶ ὑπερουράνιον τῶν ἀγγελικῶν ἀγίων δυνάμεων</p>	<p>Понєже оубо пресѣщное и прєвѣтвное и прѣнѡчальное кѣ единосѣщномѣ. и вєзнѡчальному Бгѣ и Ѡцю слово. и свѣтѣ славы е начертѡтание сѣстава его. печать прєначальнаѡ. сѣщини вєрѡ Бжїи. невнѣдимаѡ и равнаѡ печать. нескверное зерьцало. вѣтвнѣи дѣлѣ и Ѡ свѣта свѣ прѣвѣваюции. всєстѡго и животворащѡго Дѡха. иже привєде словомѣ силы его. всл мыслєныѡ прєнѣныѡ агѣльскѡя сѣтыѡ силы. рекѣша прѣстѡша єдннїцєю. ωгнѣныѡ дѡхѣ. нарєкошасл. арѡангылы и</p>	<p>Понѣ оубо прєсѡуѣщствєныи. и прєвѣтвєныи и прєвєзнѡчальныи вѣжїи ωчѣ оуставѣ. иже словѡ оустѣ свой Ѡ нєбытїа нѣ бытїи привєдыи. сѣтворивыи чѡка по образѡу сѡємѣ и по подѡвию блгѡстїю сѡєю и пѡша сєго нє прєзрѣвѣ. нѡ возѣва и закѡнѡ наказа и прѣркѣ. . .</p>

³² Далее доб. ζωοποιῶ καὶ.

³³ Вм. ἐληλαχότες.

³⁴ Вм. ἔσοπτρον.

<p>φύσιν παραστήσας διαμπάξ, πῦρ καὶ πνεῦμα προσαγορευομένας³⁵, ἀγγέλους τινάς καὶ ἀρχαγγέλους, θρόνους, κυριότητας, ἀρχὰς καὶ ἐξουσίας, λαμπρότητας, ἀναβάσεις, νοεράς δυνάμεις, καθαρὰς φύσεις καὶ ἀκιδόηλους, περὶ τὸ πρῶτον αἴτιον αἰεὶ χορευούσας, ἐκεῖθεν ἐκλαμπόμενας³⁶ τὴν καθαρωτάτην ἔκλαμψιν³⁷, τοσοῦτον τῷ καλῷ τυπούμενας καὶ μορφουμένας, ὥστε καὶ ἄλλα γίνεσθαι φῶτα, καὶ ἄλλους φωτίζειν δύνασθαι³⁸, ἐκ τοῦ πρώτου φωτὸς ἐπιρροαῖς τε καὶ διαδόσεσιν, ὕμνωδούς θείας μεγαλειότητος³⁹, θεωρὸς οὐσίας αἰδίου⁴⁰ καὶ⁴¹ τῆς Τριάδος αἰγλή λαμπρομένας.</p>	<p>а́глы прѣтлы. господьства. вышняа разѹмѣнна и естества. несквернаа и перваа вина. прѣноликѹюща. и ѡтгдѹ приближаютьса ѹтѣнишен свѣтлости. толико доброгю и красогю сѣтворены. тако и дрѹзини сѹще свѣтове и на нихѣ просвѣщати могѹща. ѡ перваго свѣтопролитна. пѣние вѣтвное вѣзнашающа. и разѹмомѣ сѹщимѣ прѣно истиньствѹюще и Трѣчьскою свѣтлостню свѣтѣщеся ∴</p>	
---	--	--

Библиография

Источники

Рукописи

Величко1

ИРЛИ, колл. В. В. Величко, № 1. “Рай”, 1510 г.

Ивер381

Афон, Иверский монастырь, № 381. Сборник, 1426 г.; описание: [LAMBROS 1900: 103–109, No. 4501].

Калужн9

БАН, собр. Э. И. Калужняцкого, № 9. Патерик сводный, XIV в.

КБХII

РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № XII. Сборник, пер. четв. XV в.

³⁵ Вм. προσαγορευομένους.

³⁶ Вм. ἐκδεχομένας.

³⁷ Вм. ἔκλαμψιν.

³⁸ Далее доб. ταῖς.

³⁹ Далее доб. καὶ.

⁴⁰ Вм. οὐσίας αἰδίου — αἰδίου οὐσας.

⁴¹ Далее доб. τῆς.

КБ53

РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 53/1130. Сборник Ефросина, втор. пол. XV в.

КБ130

РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 130/387. Сборник, XV в.

Муз3057

РГБ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3057. Сборник, сер. XVII в.

Муз6456

РГБ, ф. 78 (Музейное собр.), № 6456. Сборник, 1541/42 г.

Овч67

РГБ, ф. 209 (собр. П. А. Овчинникова), № 67. Сборник, 1480/81 г.

Погод259

РНБ, собр. М. П. Погодина, № 259. Сборник, тр. четв. XV в.

Погод1571

РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1571. Сборник-конволют, в том числе пер. пол. XVI в.

Рогож232

РГБ, ф. 247 (Рогожское собр.), № 232. Сборник, сер. XVI в.

Рогож585

РГБ, ф. 247 (Рогожское собр.), № 585. Сборник, ок. 1630 г.

Рогож676

РГБ, ф. 247 (Рогожское собр.), № 676. Сборник, кон. XV – нач. XVI в.

Рогож681

РГБ, ф. 247 (Рогожское собр.), № 681. Сборник, 1603 г.

Соф191

РНБ, Софийское собр., № 191. Сборник, 1438 г.

Соф1444

РНБ, Софийское собр., № 1444. Сборник, пер. пол. XVI в.

ТСЛ116

РГБ, ф. 304.1 (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 116. Апостол толковый, XV в.

Увар894

ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 894. Сборник Ефросина, 1470-е гг.

Издания

ВМЧ 1868

САВВАИТОВ П. И., ред., *Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием, 1: Сентябрь (1-13)*, С.-Петербург, 1868.

ЭРИ 2003

ПРОХОРОВ Г. М., отв. ред., *Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского: Российская Национальная Библиотека, Кирилло-Белозерское собрание, № XII*, С.-Петербург, 2003.

AFINOGENOV 2014

AFINOGENOV D., *Mnogosložnyj Svitok: The Church Slavonic Translation of the Letter of the Three Oriental Patriarchs to Emperor Theophilos*, Paris, 2014.

MUNITIZ ET AL. 1997

MUNITIZ, J. A., CHRYSOSTOMIDES J., HARVALIA-CROOK E., DENDRINOS C., *The Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilus and Related Texts*, Camberley (Surrey), 1997.

Словари и справочники

АРГИРОВСКИ 2003

АРГИРОВСКИ М., ред., *Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели*, Скопје, 2003.

КАТАЛОГ 1988

ТВОРОГОВ О. В., ЗАГРЕБИН В. М., ред., *Рукописные книги собрания М. П. Погодина*, 1, Ленинград, 1988.

СЕРГЕЕВ 2017

СЕРГЕЕВ А. Г., *Описание бумажных рукописей XIV века Библиотеки Российской академии наук*, Москва, С.-Петербург, 2017.

BRIQUET 1968

BRIQUET CH., *Les Filigranes dictionnaire historique des Marques du papier des leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600*, 1–4, Amsterdam, 1968.

LAMBROS 1900

LAMBROS S., *Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos*, 2, Cambridge, 1900.

LAMPE 1961

LAMPE G., *A Patristic Greek Lexicon*, Oxford, 1961.

PICCARD 1978

PICCARD G., *Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart*, 2: *Die Ochsenkopfwasserzeichen*, Stuttgart, 1978.

Литература

АФИНОГЕНОВ 2013

АФИНОГЕНОВ Д. Е., «Многосложный свиток» — славянский перевод Послания трех восточных патриархов императору Феофилу», *Богословские труды*, 45, 2013, 238–271.

ЗИМИН 1982

ЗИМИН А. А., *Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории*, Москва, 1982.

———1988

ЗИМИН А. А., *Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в.*, Москва, 1988.

ЗОЛТАН 2002

ЗОЛТАН А., «К предыстории русск. «государь»», in: *Из истории русской культуры*, 2/1: *Киевская и Московская Русь*, Москва, 2002, 554–590.

КАГАН ET AL. 1980

КАГАН М. Д., ПОНЫРКО Н. В., РОЖДЕСТВЕНСКАЯ М. В., «Описание сборников Кирилла Белозерского», in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 35, С.-Петербург, 1980, 3–300.

КИСТЕРЕВ 2012

КИСТЕРЕВ С. Н., *Лабиринты Ефросина Белозерского*, Москва, С.-Петербург, 2012.

КОРОГОДИНА 2014

КОРОГОДИНА М. В. «Какие Правила вывез со Святой Горы тверской инок Савва?», in: Ж. Л. Левшина, ред., *Афон и славянский мир (Материалы междунар. науч. конф., посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе, Белград, 16–18 мая 2013 г.)*, 1, Афон, 2014, 262–265.

Лурье 2015

Лурье В. М., “Прекращение московского церковного раскола 1467–1560 годов: финал истории в документах”, in: *Spicilegium Byzantino-Rossicum. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента РАН И. П. Медведева*, Москва, 2015, 199–223.

Максимович, Турилов 2002

Максимович К. А., Турилов А. А., “Русские иноки на Афоне в XI–XVII вв.”, in: *Православная энциклопедия*, 4, Москва, 2002, 103–81.

Малинин 1901

Малинин В. Н., *Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: историко-литературное исследование*, Киев, 1901.

Новикова 2013

Новикова О. Л., “Архивы кирилловских старцев”, in: *Очерки феодальной России*, 17, Москва, С.-Петербург, 2013, 93–132.

Плюханова 2014

Плюханова М. Б., “«Многосложное послание/свиток» как лаборатория идей”, in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 62, С.-Петербург, 2014, 343–374.

Синицына 1998

Синицына Н. В., *Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*, Москва, 1998.

Танков 1913

Танков А. А., *Историческая летопись Курского дворянства*, 1, Москва, 1913.

Турилов 2008

Турилов А. А. “Закхей”, in: *Православная энциклопедия*, 19, Москва, 2008, 576.

Успенский 1998

Успенский Б. А., *Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление)*, Москва, 1998.

Флоря 1982

Флоря Б. Н., “Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV – начала XVI вв. Политическая и культурная деятельность”, in: *Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья*, София, 1982, 123–143.

ШИБАЕВ 2013

ШИБАЕВ М. А., *Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря: Историко-кодикологическое исследование*, Москва, С.-Петербург, 2013.

KÄMPFER 1989

KÄMPFER F., “Autor und Entstehungszeit de Lehre «Moskau das Dritte Rom»,” in: *Roma alla Terza Roma (= IX Seminario internazionale di studi storici: Relazioni e comunicazioni)*, 1, Rom, 1989, 63–83.

References

Afinogenov D. E., “*Mnogosložnyj Svitok: The Church Slavonic Translation of the Letter of the Three Oriental Patriarchs to Emperor Theophilus*,” *Theological Studies*, 45, 2013, 238–271.

Afinogenov D., *Mnogosložnyj Svitok: The Church Slavonic Translation of the Letter of the Three Oriental Patriarchs to Emperor Theophilus*, Paris, 2014.

Argirovski M., ed., *Rečnik na grčko-crkovnoslovenski leksički paraleli*, Skopje, 2003.

Briquet Ch., *Les Filigranes dictionnaire historique des Marques du papier des leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600*, 1–4, Amsterdam, 1968.

Floria B. N., “Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV – начала XVI вв.

Politicheskaia i kul'turnaia deiatel'nost', in: *Russko-balkanskii kul'turnye svyazi v epokhu srednevekov'ia*, Sofia, 1982, 123–143.

Kagan M. D., Ponyrko N. V., Rozhdestvenskaia M. V., "Opisanie sbornikov Kirilla Belozerskogo," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 35, St. Petersburg, 1980, 3–300.

Kämpfer F., "Autor und Entstehungszeit de Lehre «Moskau das Dritte Rom»,» in: *Roma alla Terza Roma* (= IX Seminario internazionale di studi storici: Relazioni e comunicazioni), 1, Rom, 1989, 63–83.

Kisterev S. N., *Labirinty Efrosina Belozerskogo*, Moscow, St. Petersburg, 2012.

Korogodina M. V. "Kakie Pravila vyvez so Sviatoi Gory tverskoi inok Savva?" in: Zh. L. Levshina, ed., *Afon i slavianskii mir*, 1, Athos, 2014, 262–265.

Lampe G., *A Patristic Greek Lexicon*, Oxford, 1961.

Lourié B., "Prekrashchenie moskovskogo tserkovnogo raskola 1467–1560 godov: final istorii v dokumentakh," in: *Spicilegium Byzantino-Rossicum*, Moscow, 2015, 199–223.

Maksimovich K. A., Turilov A. A., "Russkie inoki na Afone v XI–XVII vv.," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 4, Moscow, 2002, 103–81.

Munitiz, J. A., Chrysostomides J., Harvalia-Crook E., Dendrinis C., *The Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilus and Related Texts*, Cambridge (Surrey), 1997.

Novikova O. L., "Arkhiv kirillovskikh startsev," in: *Ocherki feodal'noi Rossii*, 17, Moscow, St. Petersburg, 2013, 93–132.

Piccard G., *Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart, 2: Die Ochsenkopfwasserzeichen*, Stuttgart, 1978.

Pliukhanova M. B., "«Mnogoslozhnoe poslanie/ svitok' kak laboratoriiia idei," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 62, St. Petersburg, 2014, 343–374.

Prokhorov G. M., ed., *Entsiklopediia russkogo igumena XIV–XV vv. Sbornik prepodobnogo Kirilla Belozerskogo: Rossiiskaia Natsional'naia Biblioteka, Kirillo-Belozerskoe sobranie, N° XII*, St. Petersburg, 2003.

Sergeev A. G., *Opisanie bumazhnykh rukopisei XIV veka Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk*, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Shibaev M. A., *Rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyria: Istoriko-kodikologicheskoe issledovanie*, Moscow, St. Petersburg, 2013.

Sinitsyna N. V., *Tretii Rim: Istoki i evoliutsiia russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)*, Moscow, 1998.

Turilov A. A. "Zakkhei", in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 19, Moskva, 2008, 576.

Tvorogov O. V., Zagrebin V. M., eds., *Rukopisnye knigi sobrannia M. P. Pogodina*, 1, Leningrad, 1988.

Uspenskij B. A., *Tsar' i patriarkh: Kharizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie)*, Moscow, 1998.

Zimin A. A., *Rossia na rubezhe XV–XVI stoletii: Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii*, Moscow, 1982.

Zimin A. A., *Formirovanie boiarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi tretii XVI v.*, Moscow, 1988.

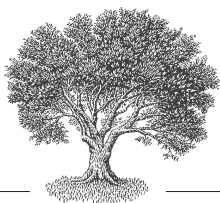
Zoltán A., "K predystorii russk. 'gosudar'," in: *Iz istorii russkoi kul'tury*, 2/1: *Kievskaia i Moskovskaia Rus'*, Moscow, 2002, 554–590.

Acknowledgements

Russian Foundation for Basic Research. Project No. 15-31-01017.

Мария Владимировна Корогодина, доктор ист. наук
Библиотека Российской академии наук (БАН),
заведующая Научно-исследовательским отделом рукописей
199034 С.-Петербург, Биржевая линия, д. 1
Россия/Russia
mkorogodina@rambler.ru

Received October 24, 2016

К истории текста “Рассказа о предсказании Ионе Новгородскому архиепископства”*

Артём Евгеньевич Жуков

Библиотека Российской академии наук
С.-Петербург, Россия

On the Textual History of the “Tale about the Prophecy of Iona’s Archbishopric”

Artem Ye. Zhukov

Russian Academy of Sciences Library
St. Petersburg, Russia

Резюме

Новгородский архиепископ Иона (1458–1470 гг.) — один из наиболее значительных русских церковных деятелей второй половины XV в., причисленный после кончины к лику святых. Сведения о нем отразились в ряде литературных памятников XV–XVI вв. Одним из них является краткий “Рассказ о предсказании Ионе архиепископства”. Данное произведение, по мнению исследователей, послужило источником “Жития” новгородского владыки. Вопросам истории текста “Рассказа” и посвящена настоящая статья. Во-первых, в работе рассматривается история изучения памятника. Во-вторых, дается обзор и характеристика всех известных списков произведения. В науку вводятся новые списки памятника. В-третьих, производится сопоставление редакций памятника, выявляются те их особенности, которые ранее в историографии не учитывались. В заключение рассматривается вопрос о влиянии “Рассказа” на “Житие архиепископа Ионы”, вошедшее в Великие Минеи Четы. Автор пытается установить, какой именно список “Рассказа” был использован в “Житии”.

Ключевые слова

житие, летопись, Новгород, архиепископ Иона, Михаил Клопский

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 15-31-01017 “Славяно-русские рукописи первой половины XVI века Библиотеки Российской Академии наук: исследование и подготовка каталога”.

Abstract

The Novgorod archbishop Iona was one of the most important Russian church personalities of the 15th century; he was canonized after his death. Information about his life is contained in different literary monuments of the 15th–16th centuries. One of them was the brief "Tale about the Prophecy of Iona's Archbishopric." Researchers believe that this monument became the source of the "Life of Iona." This article focuses on the history of the text of the "Tale." First, the article considers the history of research about the "Tale." Second, the author gives an overview and description of copies of the work, and examines new copies of the "Tale." Third, the researcher analyzes the editions of the "Tale," revealing their new features. In conclusion, the investigator considers the question of the influence of the "Tale" on the text of the "Life of Iona." The author tries to establish the copy of the "Tale" that was used in the "Life."

Keywords

life of the saint, Novgorod, Archbishop Iona, Michael of Klopsk

Новгородский архиепископ Иона (1458–1470 гг.) — один из крупнейших деятелей русской церкви XV в. Его владычество приходится на переломный для истории Новгорода период. В 1456 г. новгородцы потерпели сокрушительное поражение от войск Великого княжества Московского и были вынуждены подписать Яжелбицкий мирный договор (1456 г.), условия которого существенно ограничили их вольности. Несмотря на прекращение военных действий, к началу 1460-х гг. отношения Новгорода с Москвой оставались напряженными. В данной ситуации новоизбранный новгородский архиепископ должен был проводить достаточно гибкую политику в отношении московских светских и церковных властей. Сложно сказать, насколько хорошо Иона справился с данной задачей¹. Однако в годы его владычества военных конфликтов с Москвой не было.

Основным источником сведений об архиепископе Ионе является его "Житие"², но многие сведения, содержащиеся в данном памятнике, нуждаются в проверке³. Поэтому особое значение имеет вопрос об источниках

¹ Вопрос о политике архиепископа Ионы по отношению к Москве остается спорным. Так, Я. С. Лурье считал, что в описании отношений с великими князьями изображенная в "Житии Ионы" картина носит идиллический характер и далека от действительности. Исследователь заметил, в частности, что именно при Ионе был предпринят шаг, который впоследствии рассматривался как государственная измена: новгородцы обратились к Казимиру "о княжи възмущении еже на Великий на Новгород Ивана Васильевича" [Лурье 1993: 194].

² Изд.: [ВМЧ 1897: 169–177; Рождественская 1999: 232–253].

³ Сохраняет дискуссионный характер также вопрос о времени создания "Жития Ионы". По мнению Г. М. Прохорова, в основе известных редакций "Жития Ионы" лежит сочинение современника [Прохоров 1989: 175]. Я. С. Лурье

“Жития”. Одним из них, по мнению исследователей, является краткий “Рассказ о предсказании Ионе архиепископства” [Бобров 2003: 143–144; Турилов 2006: 187]. Данное произведение представляет собой краткую статью, записанную якобы со слов самого архиепископа. Согласно “Рассказу”, когда будущий архиепископ был младенцем, он осиротел. Его приютила вдова Наталья, бабушка прославленного книжника Михаила Медоварцева. Она же отдала его учиться грамоте вместе с другими детьми. Однажды мимо проходил юродивый, который, увидев Иону, предсказал ему, что в будущем он станет архиепископом. К истории текста “Рассказа” мы и обратимся в настоящей статье.

Прежде всего, рассмотрим историографию вопроса. Исследователи выделяют две основных разновидности текста “Рассказа” [Синицына 1972: 313–314, примеч. 67; Турилов 2006: 184–188]. По мнению Н. В. Синицыной, одна редакция отразилась в Летописце М. Я. Медоварцева (БАН, Арханг. Д. 193)⁴. В ней названо имя прорицателя. Согласно версии Медоварцевского летописца, это был Михаил Клопский. Другая редакция известна Н. В. Синицыной в составе сборника РГБ Волоч. 659, л.357об.–358об. В ней упомянуто, что Наталья была бабушкой Михаила Медоварцева, но при этом не названо имя Михаила Клопского. Предсказателем выступает некий безымянный блаженный [Синицына 1972: 313–314, примеч. 67]. Впоследствии А. А. Турилов установил, что редакция, в которой прорицатель не назван по имени, является первоначальной, а редакция, в которой пророчество приписано Михаилу Клопскому, — позднейшей. Исследователь считает отождествление безымянного юродивого с клопским чудотворцем позднейшей вставкой, осуществленной предположительно самим М. Я. Медоварцевым. По мнению А. А. Турилова, невозможно представить ситуацию, при которой имя юродивого предсказателя было бы исключено из текста сознательно. Обратная же ситуация не только возможна, но и закономерна [Турилов 2006: 187]. Вставка имени Михаила Клопского, “прославленного в Новгороде своими московскими симпатиями”, как считает исследователь, служила

относил создание произведения ко времени после 1480 г., поскольку в нем содержится предсказание об освобождении Руси от ордынских князей [Лурье 1993: 192–193]. А. Г. Бобров считает, что “Житие” было создано уже в 1472–1473 гг., так как в нем говорится: “И второму лету уже исходящу по успении его и никтоже донесь смрад обоняв явися от гроба его” [Бобров 2003: 144]. Наконец, А. А. Турилов считает, что “Житие” не является ранним источником, дошедшим в том виде, в каком оно было с о з д а н о в последней трети XV в. Во всяком случае, некоторые сведения явно являются позднейшими вставками. О позднем создании “Жития Ионы” свидетельствует также его рукописная традиция, которая не прослеживается ранее Великих Миней Четких [Турилов 2006: 184].

⁴ Летописец находится во второй части конволюта БАН, Арханг. Д.193 — в составе сборника М. Я. Медоварцева.

дополнительным доводом в пользу лояльности героя жития великокняжеской власти еще в годы независимости вечевой республики [ивид.: 187–188].

Таким образом, в историографии выделены основные редакции памятника. Кроме того, было установлено, какая из них является первоначальной. Однако исследователи не проводили сопоставления списков внутри каждой редакции. Многие важные разночтения не были учтены. Не установлено, почему во второй редакции пророк был отождествлен именно с Михаилом Клопским. Наконец, нуждается в уточнении вопрос о том, какая редакция была использована при создании "Жития архиепископа Ионы". К этим вопросам мы обратимся в настоящей статье.

Рассмотрим списки первой редакции "Рассказа". Ее текст вошел в состав цикла кратких повестей о новгородских святых, именуемого в рукописях "Повести древних лет". Наиболее ранний их список находится в составе сборника РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 659 (далее — Волоколамский список) на л. 352–367об. [Бобров 2003: 137]. Данная рукопись была переписана в 1536 г. по указу Нифонта Кормилицына, который в это время был игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря [ивид.]. Некоторые рассказы из "Повестей древних лет", в том числе и "Рассказ об архиепископе Ионе", Нифонт скопировал впоследствии в свой сборник (РНБ, Q.XVII.15)⁵.

Еще один список "Повестей" находится в составе рукописи ГАЯО № 1265, сходной по содержанию с Волоколамским сборником (XVI в., 1557–1558 гг., далее — Ярославский список) [Шмидт 1962: 319–325; Идем 1963: 148–152; Идем 1967: 355–363; Бобров 2003: 138]. Рукопись была переписана по велению Григория Никифорова и вложена в Михайловский Сквородский монастырь [ивид.]. Два списка были выявлены Л. А. Дмитриевым [1973: 171–172] в составе сборников РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 39 (XIX в., далее — Румянцевский список) и СПб ИИ РАН, собр. Н. П. Лихачева, оп. 1, № 294 (XVII в., далее — Лихачевский список). Еще один сборник, близкий по составу к Волоколамскому, хранится ныне в ИРЯ РАН, ф. 1, № 20 (XVII в., далее — Институтский список) [Голышенко 1979: 203–238]. Таким образом, известно шесть списков "Повестей древних лет". В каждом из них отразился "Рассказ об архиепископе Ионе". А. Г. Бобров, посвятивший "Повестям" специальное исследование, считает, что данный цикл был создан на исходе XV в. Пахомием Логофетом [Бобров 2003: 152]. На наш взгляд, затруднительно определить, был ли Пахомий Логофет составителем всего цикла. Однако он действительно

⁵ По мнению Р. П. Дмитриевой, Нифонт Кормилицын переписал из Волоколамского сборника в рукопись Q.XVII.15 лишь две статьи — "Повесть о посаднике Добрыне Новгородском" и "Повесть о Святогорском монастыре, зовомом Иверский" [Дмитриева 1974: 215–216]. На самом деле цикл включен в сборник Q.XVII.15 полностью.

мог записать некоторые рассказы. Пахомий Логофет был современником Ионы и мог записать “Рассказ о пророчестве” со слов архиепископа. Таким образом, если предположение А. Г. Боброва верно, в “Повестях древних лет” отразился наиболее ранний вариант данного произведения. Исследователь считает Волоколамский список наиболее исправным. Прочие пять списков наделены чертами вторичности по отношению к нему [Ibid.: 140]. Однако в тексте “Рассказа об архиепископе Ионе” между ними нет существенных различий. Исключением является Лихачевский список, в котором предсказателем назван Михаил Клопский, а не безымянный юродивый. Эта особенность, как было сказано выше, характерна для второй редакции “Рассказа об архиепископе Ионе”. Можно было бы предположить, что при создании Лихачевского списка были привлечены сразу две редакции памятника, но данная рукопись датируется XVII в., а к этому времени легенда о том, что предсказателем судьбы архиепископа Ионы был Михаил Клопский, получила широкое распространение⁶. На наш взгляд, нет оснований полагать, что вторая редакция “Рассказа” оказала какое-либо влияние на Лихачевский список, поскольку в нем не проявились другие характерные ее особенности (о них речь пойдет ниже). Переписчик мог указать имя Михаила Клопского, опираясь на другие источники.

Если в “Повестях древних лет” “Рассказ об архиепископе Ионе” является частью целого цикла кратких записей агиографического характера, то в рукописи ГИМ, Син. 630 (далее – Синодальный список), содержащей собрание служб русским святым с октября по июнь и датируемой XVI в., он отразился как самостоятельный, хотя и небольшой, памятник русской книжности [Горский, Невоструев 1917: 219–223]⁷. Синодальный список содержит некоторые отличия от “Повестей древних лет”. Так, в “Повестях” [Бобров 2003: 164] читается: “И положил Бог на сердце жене вдовице именем Наталии, матери Якова Дмитриевича *Медоварцове*”, а в Синодальном [Горский, Невоструев 1917: 223] – “Медоварове”; вместо “и *взя мя* в дом к себе” в Синодальном списке читается: “*Взяша мя* в дом *свой* к себе”; вместо “не приставах к прочим детям” в нем читается: “не приступах к прочим детям”. Чтение “Повестей” “притече ко мне и *взем мя*” в Синодальном списке изменено на “притече ко мне и *взял мя*”. После фразы “Повестей” “и начат звати именем, никога же знаа

⁶ Упоминание о Михаиле Клопском как о предсказателе судьбы архиепископа Ионы читается в “Житии Ионы”, которое к XVII в. получило распространение в рукописях. Концом XVI – нач. XVII в. датируется список РНБ, Софийское собр. № 1424 (Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском. С. 516). Кроме того, сведения о данном чуде вошли в позднюю обработку Тучковской редакции “Жития Михаила Клопского” [Васенко 1903: 46–47].

⁷ Текст “Рассказа” по данному списку был опубликован А. В. Горским и К. И. Невоструевым.

мя, ни отца моего, ни матере моеа” в Синодальном списке добавлено чтение “глаголя”. Наконец, во фрагменте “И ныне его молитвами, Христе Боже, помилуй нас” в Синодальном списке пропущено чтение “Христе Боже”. Всё это незначительные стилистические разночтения, которые не отразились на содержании текста.

Еще Н. В. Сеницына отметила, что “Рассказ” первой редакции вошел в Новгородскую летопись по списку П. П. Дубровского [ПСРЛ 43: 184]. Как впоследствии показала О. Л. Новикова, источником летописи были “Повести древних лет” [Новикова 2000: 78]. Однако список П. П. Дубровского содержит несколько уникальных чтений, которые необходимо отметить. Так, в “Повестях” [Бобров 2003: 164] читается: “Та же вда мя на учение грамоте *дьяку*”; в летописи [ПСРЛ 43: 184] написано “дьякону” вместо “дьяку”. В “Повестях” читается: “Никако же зная мя, ни отца моего, ни матере *моея*”; в летописи чтение “моея” пропущено. Наконец, в “Повестях” сообщается, что Иона “бысть на архиепископстве 12 лет и шесть месяцъ”; в летописном варианте “Рассказа” эта подробность опущена. Данный пропуск обусловлен тем, что указание количества лет владычества архиепископа Ионы дано в известии о его хиротонии, которое читается в летописи выше “Рассказа” [Ibid.]. Не было необходимости записывать одни и те же сведения дважды.

Таким образом, можно выделить три варианта первой редакции “Рассказа об архиепископе Ионе”. Первый вошел в состав цикла кратких агиографических заметок, получивших наименование “Повести древних лет”. Второй отразился в сборнике литургического содержания. Наконец, третий вариант читается в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского, которая является копией Новгородского владычного свода 1539 г. Между данными тремя вариантами нет существенных различий. Большинство разночтений возникли в результате ошибок прочтения и внутреннего диктанта.

Обратимся ко второй редакции “Рассказа”. Долгое время она была известна исследователям по единственному списку в составе летописца М. Я. Медоварцева: БАН, Арханг. Д.193, л. 460об.–461⁸. По мнению Н. В. Сеницыной, большую часть текста выполнил писец Минеи 1505 г. Однако “Рассказ об архиепископе Ионе” на полях записал сам Медоварцев [Сеницына 1972: 313, примеч. 67]. В ходе переплета сборника БАН, Арханг. Д.193 часть текста “Рассказа” была обрезана, в результате чего некоторые важные чтения были утрачены.

⁸ Данный манускрипт является конволютом, состоящим из пяти разновременных частей. Третья часть была переписана в 20–30-е гг. XVI в. в окружении М. Я. Медоварцева. Описание рукописи см.: [ОРО БАН 1965: 126–133]. Подробная кодикологическая характеристика: [Амосов 1976: 34–42]. Публикация летописца: [Сиренов 2015: 235–347].

Еще несколько списков “Рассказа” второй редакции в историографии не упоминались. Так, в начале XVII в. текст Медоварцевского летописца был переписан в рукопись РГАДА, МГАМИД, № 365, л. 212–242об.⁹ Вместе с ним туда попал и “Рассказ об архиепископе Ионе” (далее — Архивский список). Существенных разночтений между списками нет. Однако, как мы упоминали выше, часть текста в Медоварцевском списке была обрезана при переплете. В Архивском списке утраченные чтения сохранились. Так, в нем читается: “*Та же даде мя учитися грамоте*” (л. 228). В Медоварцевском списке выделенное курсивом чтение было обрезано (л. 460 об.). В Архивском списке читается: “*Мне же от убожества и нищеты тиху сущу*” (л. 228). В Медоварцевском списке чтение “мне же” утрачено (л. 460 об.). Наконец, предсказание юродивого Ионе передано в Архивском списке следующим образом: “Иванец, учися *Господне грамоте с прележанием, быти тебе* в Великом Новеграде архиепископом” (л. 228 об.). Выделенный фрагмент в Медоварцевском списке также был обрезан (л. 461). Таким образом, текст Медоварцевского списка еще не был поврежден, когда его переписывал составитель сборника РГАДА, МГАМИД, № 365. В связи с данным обстоятельством представляется более предпочтительным цитировать “Рассказ об архиепископе Ионе” не по Медоварцевскому, а по Архивскому списку¹⁰.

Известие о предсказании Ионе Новгородскому архиепископства читается также в Летописном своде 1560 г.¹¹ Б. М. Клосс возводит его к “Житию Михаила Клопского” [Клосс 1980: 201]. Согласиться с данным предположением затруднительно, поскольку “Чудо о предсказании архиепископу Ионе” было включено лишь в позднюю Тучковскую редакцию “Жития Михаила Клопского”, причем, по мнению П. Г. Васенко, это произошло не ранее XVII в. [Васенко 1903: 47]. Однако известие Свода 1560 г. дословно совпадает с Рассказом из Медоварцевского летописца. В одной из работ мы высказывали предположение о том, что Медоварцевский сборник послужил источником рассматриваемой летописной компиляции [Жуков 2016: 218–219]. Следовательно, “Рассказ об архиепископе Ионе” в Своде 1560 г. восходит к Медоварцевскому списку.

⁹ По мнению исследователей, значительная часть текстов, читающихся в рукописи РГАДА, МГАМИД, № 365, была переписана непосредственно из конволюта БАН, Арханг. Д.193 [Синицына 1998: 200–209; Зиборов, Шибаев: 2004. 108; Новикова 2009: 107–108, примеч. 10].

¹⁰ В издании Медоварцевского летописца, осуществленном А. В. Сиреновым [2015: 292–293], корректура недостающих чтений выполнена по [ПСРЛ 43].

¹¹ Текст Свода сохранился в нескольких списках XVI–XVIII вв. “Чудо Михаила Клопского” читается в Румянцевском списке (РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 255, л. 343–343об.), Архивском списке (РГАДА, МГАМИД, № 11, т. 2, л. 172–173) и в Эрмитажном II списке (РНБ, Эрм. 398), который восходит непосредственно к Архивскому [Клосс 1980: 200–201].

Данное обстоятельство проливает свет на историю бытования Медоварцевского сборника. Есть основания полагать, что Свод 1560 г. был создан при митрополичьей кафедре [ИДЕМ 2014: 185–187]. Следовательно, Медоварцевский сборник находился в это время там же.

Текст в Своде не имеет содержательных разночтений с другими списками второй редакции "Рассказа". Однако есть одно отличие, которое, как представляется, необходимо отметить. Если в Медоварцевском и Архивском списках повествование в "Рассказе" ведется от лица самого архиепископа Ионы, то в Своде 1560 г. о чуде сообщается от лица летописца. Так, в Медоварцевском и Архивском списках читается: "Егда *бех* еще младенец, оставшу *ми* сиротою" (л. 460 об. и 228 соответственно). В Своде 1560 г. чтение изменено на: "Егда, — *рече*, — *бе* еще младенец, оставшу *ему* сиротою" (РГАДА, МГАМИД, № 11, т. 2, л. 172). Изменения подобного характера были произведены в Своде на протяжении всего текста "Рассказа".

Перейдем к сравнению двух редакций "Рассказа"¹². Большинство отличий не являются существенными. Так, в первой редакции [Бобров 2003: 164] читается: "И положил Бог на сердце жене вдовице, именем Натальи, матери Якова Дмитриевича, Медоварове, а Михайлове бабе". Во второй редакции (РГАДА, МГАМИД, № 365, л. 228) это чтение было изменено на: "И положи Бог на сердце жене вдовице именем Натальи матери Яковли Медоварцеве". Таким образом, во второй редакции "Рассказа" не указано отчество Якова Медоварцева и нет упоминаний о его сыне Михаиле. Возможно, сам М. Я. Медоварцев не считал необходимым упоминать свое имя в сборнике, над текстом которого он работал. В первой редакции сообщается: "Та же мя дасть на учение грамоте *диаку*"; во второй чтение "диаку" отсутствует. Наконец, в списках первой редакции сообщается: "Бысть же при его святительстве мир со всеми землями и тишина и гобзование плодом"; во второй редакции приводится другое чтение: "Бысть же при его святительстве *Новуграду* мир с всеми землями и тишина и между себе любовь и веселие и плодом гобзование" (л. 228 об.). Таким образом, уточняется, что в мире с другими землями был при Ионе именно Новгород.

Однако некоторые отличия первой и второй редакции носят содержательный характер. Так, по-разному обозначена роль, которую сыграла вдова Наталья в судьбе будущего новгородского архиепископа Ионы. В первой редакции читается: "И взя мя в дом к собе, *и начат кормити и одевати, яко истинная мати родная*" [Бобров 2003: 164]; во второй редакции чтение передано иначе: "Взя мя в дом свои *и въспита мя Бога ради добре, яко сушая мати*" (РГАДА, МГАМИД, № 365, л. 228). Таким

¹² Цитаты первой редакции воспроизводятся по древнейшему Волоколамскому списку. Вторая редакция цитируется по Архивскому списку, т. к. наиболее ранний Медоварцевский список, как было упомянуто выше, содержит дефекты.

образом, если в первой редакции “Рассказа” обозначена материальная помощь, которую оказала вдова осиротевшему младенцу, то во второй акцент сделан на ее роли в его духовном воспитании.

О наиболее существенном отличии первой и второй редакций мы уже писали. Если в первой церковную карьеру архиепископу Ионе предсказал некий блаженный, имя которого не названо [Бобров 2003: 164], то во второй сказано, что к Ионе подошел “блаженный старец Михаил Клопкий, уродом ся творя” (РГАДА, МГАМИД, № 365, л. 228). Как мы упоминали выше, А. А. Турилов привел убедительные доводы в пользу того, что упоминание старца Михаила в качестве предсказателя является позднейшей вставкой, в первоначальном же тексте имя пророка отсутствовало [Турилов 2006: 187]. Данное различие двух редакций “Рассказа” нуждается в развернутых комментариях. В частности, необходимо уточнить причину, по которой текст был отредактирован и почему предсказатель был отождествлен с Михаилом Клопским. А. А. Турилов полагает, что данное изменение было внесено в текст “Рассказа” самим Михаилом Медоварцевым. Более того, по мнению исследователя, автором отождествления безымянного юродивого с Михаилом Клопским был сам прославленный книгописец [ibid.: 188]. Предположение исследователя о том, что вставка имени блаженного старца в “Рассказ” была выполнена Медоварцевым, представляется обоснованным. Однако затруднительно установить, был ли книжник автором отождествления двух святых. Неизвестно, опирался ли Медоварцев на уже существовавшее предание, в котором предсказание приписано клопскому чудотворцу, или руководствовался собственными представлениями и догадками.

Не располагая достоверными сведениями о личности, отождествившей безымянного юродивого и Михаила Клопского, остановимся на вопросе о причинах, по которым подобное отождествление стало возможным. По мнению А. А. Турилова, выбор имени был обусловлен тем, что блаженный Михаил действительно был современником Ионы и наиболее известным новгородским “юродивым Христа ради” [Турилов 2006: 188]. Отдельно исследователь останавливается на вопросе о том, насколько обосновано отождествление безымянного “блаженного мужа” с Михаилом Клопским. По мнению А. А. Турилова, ответ на данный вопрос может быть только отрицательным, поскольку Михаил Клопский не был юродивым. Он был монахом, не любившим покидать обитель и появляться в городе [ibid.: 188–189]¹³. Представляется, однако,

¹³ В принадлежности Михаила Клопского к числу юродивых сомневается и С. А. Иванов, который пишет, что чудотворец был монахом, ничего скандального не сотворил, а слова “творя ся похаб” появились лишь в поздней редакции его жития [Иванов 1994: 213, примеч. 44].

что задача определения исторической достоверности отождествления Михаила Клопского и безымянного юродивого не имеет однозначного решения. С одной стороны, имя клопского чудотворца в качестве предсказателя судьбы архиепископа Ионы является позднейшей вставкой. С другой стороны, выполнил эту вставку книжник, который не просто был младшим современником Ионы, но вырос с ним в одном доме. Михаил Медоварцев мог опираться на семейные предания и рассказы, достоверность которых, если они существовали, оценить крайне затруднительно. Кроме того, нуждается в уточнении вопрос о принадлежности Михаила Клопского к числу юродивых.

Прежде всего, современники и потомки действительно причисляли старца к "блаженным"¹⁴. Сведения о его "похабстве" содержатся в различных агиографических текстах. Михаил Клопский назван юродивым уже в первой редакции его "Жития"¹⁵. Впрочем, в ней отсутствуют какие-либо упоминания о "похабских" поступках святого. Во второй редакции тема юродства чудотворца раскрыта полнее. Так, в повествовании о появлении Михаила в Троицком монастыре читается: "Старец же преподобный свое смирение являя и отвеща те же речи, яко уродством казашеся: «Человек ли еси или бес? Что ти имя?» [ДМИТРИЕВ 1958: 113]. Ниже приводится следующий текст: "И паки старец от кадящаго темьяна закрывается, а крестом ся знаменается, яко похаб ся творя" [ИВІД.]. Еще более ярко тема юродства Михаила выведена в Тучковской редакции, составленной по указу митрополита Макария Василием Тучковым [ИВІД.: 141]. В повествовании о проживании Михаила Клопского в монастыре в ней сообщается: "Егда же труд телесный понужаше и тогда на землю пометашеся, по пророку вещая: «Прильпе земли душа мая», и яко похаб творяшеся. В келии ничтоже имеяше, ни ризы, ни рогожа, кроме единая, ею же тело покрываше" [ИВІД.: 146]. Ниже объясняются причины, по которым Михаил притворялся "похабом": "И хотя утаитися братии, урода себе творяше" [ИВІД.]. В тексте пророчества о разбойниках читается: "Стоящу некогда игумену в церкви во время святыя литургия, прииде к нему святыи, глаголя: «Нецьи же хотят ити к нам». И игумен же впроси: «Кто есть приходяи?» Михаил же, яко глумяся, рече: «Никтоже»". Таким образом, в каждой новой редакции количество упоминаний о юродстве Михаила Клопского увеличивалось. Можно предположить, что работа

¹⁴ В первой половине XVI в. юродство Михаила Клопского не вызывало никакого сомнения у церковных властей. Так, в постановлении собора 1547 г. о службах русским святым Михаил Клопский упомянут как юродивый Христа ради [ААЭ 1836: 203].

¹⁵ Название "Жития Михаила Клопского" в первой его редакции звучит следующим образом: "Прихождение Михайла уродиваго Христа ради ко святей Троицы на Клопъско" [ДМИТРИЕВ 1958: 89].

над агиографией чудотворца шла, в частности, по пути наращивания сведений о нем как о “похабе”. Говоря о юродстве Михаила Клопского, следует учитывать одну особенность русских блаженных, отличающую их от византийских: “Любопытно, что византийский юродивый не проявляет ни малейшей политической активности” [Иванов 1994: 113]. Иначе дело обстоит с русскими “похабами”. Многие из них вступали в открытое противостояние с властью имущими [ibid.: 137–156]. Михаил Клопский не был исключением. Достаточно вспомнить конфликт чудотворца с новгородским посадником Григорием Кирилловичем вокруг угодий Троицкого монастыря, который закончился болезнью и последующим раскаянием вельможи [Дмитриев 1958: 93–95].

Несмотря на все изложенные факты, основания сомневаться в юродстве Михаила Клопского все же остаются. Например, в Синодике 1552–1560 гг. Новгородской Борисоглебской церкви читается пространный список новгородских блаженных. Имя Михаила Клопского в нем отсутствует, притом что в другой части Синодика он упомянут [Шляпкин 1911: 6]¹⁶. Впрочем, к сведениям данного памятника следует также относиться осторожно, поскольку Михаил Клопский упомянут в Синодике церкви Бориса и Глеба как столпник [ibid.]. Столпничество клопского чудотворца еще более сомнительно, чем его юродство. Иных подобных упоминаний о нем нет. Возможно, в Синодике произошла ошибка. Таким образом, представление о том, что Михаил Клопский был юродивым Христа ради, было присуще уже его современникам и находило подтверждения в текстах, посвященных ему. Поэтому книжники, в том числе и М. Я. Медоварцев, имели определенные основания отождествить блаженного прорицателя с клопским чудотворцем.

На наш взгляд, отождествление безымянного юродивого с Михаилом Клопским связано еще с одним обстоятельством. Агиографическая традиция приписывает Михаилу Клопскому по крайней мере два пророчества, сходных с полученным архиепископом Ионой. Первое чудотворец дал игумену Феодосию. Михаил предсказал ему, что тот будет возглавлять Новгородскую епархию несколько лет, но так и не получит поставления в архиепископы [Дмитриев 1958: 104, 123, 150–151]. Второе было дано архиепископу Евфимию II [ibid.: 96, 105, 130–131, 152–153]. Таким образом, в агиографической традиции закрепилось представление о том, что чудотворец неоднократно пророчествовал о поставлении тех или иных архиепископов. Возможно, с этим связано и последующее его отождествление со святым, который предсказал церковную карьеру архиепископу Ионе.

¹⁶ За сведения о Синодике церкви Бориса и Глеба благодарим рецензента настоящей статьи.

В завершение рассмотрим вопрос о влиянии "Рассказа" на русскую агиографию. Чудо, описанное в нем, вошло в "Житие архиепископа Ионы" ("Повесть об Ионе")¹⁷. По мнению А. Г. Боброва, "Рассказ о предсказании архиепископу Ионе" был источником "Жития" святителя. Однако исследователь не уточняет, какая именно редакция "Рассказа" была использована в "Житии Ионы" [Бобров 2003: 144]. А. А. Турилов отмечает, что в "Житии", как и во второй редакции "Рассказа", безымянный святой отождествлен с Михаилом Клопским, из чего следует, что был использован текст памятника второй редакции [Турилов 2006: 187].

С одной стороны, описание чуда о предсказании Ионе архиепископства в "Житии" сходно со второй редакцией "Рассказа". Во-первых, для обоих памятников, как отметил А. А. Турилов, характерно отождествление Михаила Клопского и безымянного святого, предсказавшего судьбу архиепископа Ионы. Во-вторых, в первой редакции "Рассказа" о Наталье Медоварцевой сообщается, что она "начат кормити и одевати, яко истинная мати родная" [Бобров 2003: 164]. Во второй редакции данное чтение было измененное на "взя мя в дом свои и възпита мя Бога ради добре, яко суцаа м[ати]" (БАН, Арханг. Д.193, л. 460об.). В "Житии Ионы" о Наталье сообщается: "Матерьски поболееши о нем, възпита и, приемъ того аки истовая родителница" [ВМЧ 1897: 163]. В данном фрагменте "Житие" ближе ко второй редакции "Рассказа" по содержанию. Таким образом, список второй редакции "Рассказа" действительно привлекался при создании "Повести об архиепископе Ионе". Есть основания полагать, что был использован текст самого Медоварцевского сборника. Великие Минеи Четьи (Успенский комплект) создавались в окружении Макария, когда он уже был митрополитом. Медоварцевский же сборник был в распоряжении книжников митрополичьего круга в 60-е гг. XVI в., когда создавался Летописный свод 1560 г.

Однако в одном чтении "Житие архиепископа Ионы" сближается с первой редакцией "Рассказа". В нем читается: "Ею же вдану ему бывшу некоему *диакону* наказатися священным книгам" [ВМЧ 1897: 163]. Во второй редакции чтение "диакону" отсутствует (БАН, Арханг. Д. 193, л. 460 об.). Маловероятно, что утраченное слово было восстановлено без привлечения дополнительного источника. Следовательно, оно было восполнено по списку первой редакции "Рассказа".

Рассматриваемое чтение позволяет высказать некоторые суждения относительно списка первой редакции, привлеченного при создании "Жития". В большинстве ее списков читается не "диакону", а "дьяку"

¹⁷ Рукописная традиция данного памятника прослеживается с Великих Миней Четьих. В Софийский комплект его текст не вошел и появляется только в Успенском комплекте [Абрамович 1907: 169–177].

[Бобров 2003: 164]. Только в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского чтение совпадает с “Житием”: “Таже вда мя на учение грамоте *диякону*” [ПСРЛ 43: 184]. Список П. П. Дубровского не мог быть непосредственным источником “Жития”, поскольку датируется началом XVII в. [ивд.: 3–4]. Однако при создании “Повести об Ионе” мог быть использован протограф Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского — Новгородский владычный свод 1539 г. Составление данного памятника исследователи относят к 40-м гг. XVI в.¹⁸ Есть основания полагать, что его список хранился при митрополичьей библиотеке¹⁹.

Таким образом, в “Житие Ионы” были привлечены два списка “Рассказа об архиепископе Ионе”. Один из них принадлежал ко второй редакции памятника. Вероятно, составители Великих Миней Четьих пользовались непосредственно “Рассказом” из сборника М. Я. Медоварцева. Из него было заимствовано имя святого. Второй список “Рассказа”, скорее всего, находился в Новгородском владычном Своде 1539 г. Экземпляр данного памятника, следовательно, в конце 40-х гг. уже хранился при митрополичьей кафедре.

Подведем итоги проведенного исследования. “Рассказ о предсказании Ионе Новгородскому архиепископства”, судя по всему, появился в конце XV в. Впоследствии он попал в состав цикла “Повести древних лет”. Рукописная традиция данного цикла прослеживается лишь с 30-х гг. XVI в. В это время текстом заинтересовался игумен Иосифо-Волоколамского монастыря — видный книжник Нифонт Кормилицын. Кроме того, цикл был использован при создании Новгородского свода 1539 г., отразившегося в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского. В древнейшей редакции “Рассказа” пророчество было приписано юродивому, имя которого не названо. В конце 20-х гг. XVI в. к “Рассказу” обратился прославленный книгописец Михаил Медоварцев, который записал его на полях собственного сборника. При этом книжник внес в текст редакторские изменения. Основываясь на собственных догадках или легендах, которые имели устное бытование, Медоварцев приписал пророчество об архиепископстве Михаилу Клопскому. Он внес и другие, менее значительные, изменения. Насколько нам известно, данная версия “Рассказа” получила распространение исключительно в памятниках исторической книжности. Из Медоварцевского летописца текст попал в Летописный свод 1560 г.

¹⁸ А. А. Шахматов считал, что Новгородский свод 1539 г. был составлен между 1542–1548 гг. в Новгороде [Шахматов 1904: 64–66].

¹⁹ На данную мысль наводят два обстоятельства. Во-первых, Новгородский Свод 1539 г. послужил одним из источников свода 1560 г. [Насонов 1969: 460–462; Жуков 2014: 172–175]. Во-вторых, в митрополичьем Чудове монастыре хранилась Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского [Новикова, Сиренов 2004: 442].

В XVI в. книжники не включали чудо об архиепископе Ионе в "Житие Михаила Клопского". В агиографию данного святого оно вошло лишь в XVII в. Однако при создании Великих Миней Четых (Успенский комплект) описание чуда вошло в "Житие Ионы Новгородского". Примечательно, что при его создании были использованы сразу два списка. Основной текст был выполнен с опорой на вторую редакцию "Рассказа". Вероятно, она была привлечена по Медоварцевскому списку или рукописи, близкой к нему. Оттуда в "Житие" попало упоминание о Михаиле Клопском, а также сведения о роли, которую сыграла Наталья Медоварцева в жизни архиепископа Ионы, однако отдельные чтения были выправлены по первой редакции, и был привлечен её список, близкий к Новгородскому Своду 1539 г. Данное обстоятельство, возможно, объясняется тем, что на момент записи "Жития Ионы" в Великие Миней Четых Медоварцевский сборник и Свод 1539 г. находились уже при кафедре митрополита.

Библиография

ААЭ 1836

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографической экспедицией императорской Академии Наук, С.-Петербург, 1836.

АБРАМОВИЧ 1907

АБРАМОВИЧ Д. И., *Описание рукописей Санкт-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека, 2, С.-Петербург, 1907.*

АМОСОВ 1976

АМОСОВ А. А., "Из истории кодекса сборника Д. 193 Архангельского собрания", in: *Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР, Ленинград, 1976, 34–42.*

БОБРОВ 2003

БОБРОВ А. Г., "Повести древних лет", in: *Труды Отдела древнерусской литературы, 54, С.-Петербург, 2003, 136–171.*

ВАСЕНКО 1903

ВАСЕНКО П. Г., "Житие св. Михаила Клопского в ред. 1537 г. и печатное его издание", *Известия отделения русского языка и словесности Академии наук, 8/3, 1903, 44–58.*

ВМЧ 1897

Великие Миней Четых. Ноябрь. Дни 1–12, С.-Петербург, 1897.

ГОЛЫШЕНКО 1979

ГОЛЫШЕНКО В. С., "Сборник XVII в. из собрания Института русского языка АН СССР", in: *Памятники русского языка: Исследования и публикации, Москва, 1979, 203–238.*

ГОРСКИЙ, НЕВОСТРУЕВ 1917

ГОРСКИЙ А. В., НЕВОСТРУЕВ К. И., *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, 3: Книги богослужебные, Москва, 1917.*

ДМИТРИЕВ 1958

ДМИТРИЕВ Л. А., изд., *Повести о Житии Михаила Клопского, Москва, 1958.*

——— 1973

ДМИТРИЕВ Л. А., *Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний*, Ленинград, 1973.

ДМИТРИЕВА 1974

ДМИТРИЕВА Р. П., “Волоколамские четьи сборники XVI в.”, in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 28, Ленинград, 1974, 202–230.

Жуков 2014

Жуков А. Е., “К вопросу об источниках Свода 1560 г.”, in: *Историография и источниковедение отечественной истории, 7: Историческое повествование в Средневековой России: К 450-летию Степенной книги. Материалы всероссийской научной конференции*, Москва, С.-Петербург, 2014, 126–187.

——— 2016

Жуков А. Е., “Летописный свод 1560 г. и сборник Михаила Медоварцева в рукописи БАН. Арханг. Д. 193”, in: *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII Международной научной конференции. Москва 14–16 апр. 2016 г.*, Москва, 2016, 218–219.

ЗИБОРОВ, ШИБАЕВ 2004

ЗИБОРОВ В. К., ШИБАЕВ М. А., “Русские летописи конца XV–XVI вв. и Судебник 1497 г.”, in: И. Я. Фроянов, ред., *Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси*, С.-Петербург, 2004, 105–120.

ИВАНОВ 1994

ИВАНОВ С. А., *Византийское юродство*, Москва, 1994.

КЛОСС 1980

КЛОСС Б. М., *Никоновский свод и русские летописи XVII веков*, Москва, 1980.

ЛУРЬЕ 1993

ЛУРЬЕ Я. С., “Житийные памятники как источники по истории присоединения Новгорода”, in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 48, С.-Петербург, 1993, 192–195.

НАСОНОВ 1969

НАСОНОВ А. Н., *История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования*, Москва, 1969.

НОВИКОВА 2000

НОВИКОВА О. Л., “Новгородские сборники XVI–XVII веков: летописи, сказания, жития”, *Русская литература*, 3, 2000, 75–81.

——— 2009

НОВИКОВА О. Л., “Материалы для изучения русского летописания конца XV – перв. пол. XVI в.: II. Троицкий летописец: проблема протографа”, in: С. Н. КИСТЕРЕВ, ред., *Очерки Феодальной России*, 13, Москва, С.-Петербург, 2009, 105–196.

НОВИКОВА, СИРЕНОВ 2004

НОВИКОВА О. Л., СИРЕНОВ А. В., “Сделано в Чудове”, in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 55, С.-Петербург, 2004, 441–450.

ОРО БАН 1965

Описание рукописного отдела БАН СССР, 3/2: Исторические сборники XV–XVII вв., Москва, Ленинград, 1965.

ПРОХОРОВ 1989

ПРОХОРОВ Г. М., “Пахомий Серб”, in: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2/2, Ленинград, 1989, 167–177.

ПСРЛ 43

НОВИКОВА О. Л., изд., ЛЕГКИХ В. И., ФЕДОРОВА И. В., прилож., *Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского* (= Полное собрание русских летописей, 43), Москва, 2004.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ 1999

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ М. В., "Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском", in: *Библиотека литературы Древней Руси, 7: Вторая половина XV в.*, С.-Петербург, 1999, 232–253.

СИНИЦЫНА 1972

СИНИЦЫНА Н. В., "Книжный мастер Михаил Медоварцев", in: *Древнерусское искусство: Рукописная книга, 1*, Москва, 1972, 286–317.

— 1998

СИНИЦЫНА Н. В., *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*, Москва, 1998.

СИРЕНОВ 2015

СИРЕНОВ А. В., "Летописцы в рукописях Михаила Медоварцева", in: *Летописи и хроники. Новые исследования. 2013–2014*, Москва, С.-Петербург, 2015, 235–247.

ТУРИЛОВ 2006

ТУРИЛОВ А. А., "К биографии и генеалогии Михаила Клопского", in: *Средневековая Русь, 6*, Москва, 2006, 178–209.

ШАХМАТОВ 1904

ШАХМАТОВ А. А., *О так называемой Ростовской летописи*, Москва, 1904.

ШЛЯПКИН 1911

ШЛЯПКИН И. А., "Синодик 1552–1560 г. Новгородской Борисоглебской церкви", in: *Сборник Новгородского общества любителей древностей, 5*, Новгород, 1911, 1–9.

ШМИДТ 1962

ШМИДТ С. О., "Предания о чудесах при постройке Новгородской ропаты", in: *Историко-археологический сборник: (к 60-летию А. В. Арциховского)*, Москва, 1962, 319–325.

— 1963

ШМИДТ С. О., "Малоизвестная запись новгородского книжника XVI в.", in: *Лингвистическое источниковедение*, Москва, 1963, 148–152.

— 1967

ШМИДТ С. О., "Сказания об Афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века", in: *Древнерусская литература и ее связи с Новым временем*, Москва, 1967, 355–363.

References

Amosov A. A., "Iz istorii kodeksa sbornika D. 193 Arkhangel'skogo sobraniia," in: *Rukopisnye i redkie pechatnye knigi v fondakh Biblioteki AN SSSR*, Leningrad, 1976, 34–42.

Bobrov A. G., "Povesti drevnikh let," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury, 54*, St. Petersburg, 2003, 136–171.

Dmitriev L. A., ed., *Povesti o Zhitii Mikhaila Klopского*, Moscow, 1958.

Dmitriev L. A., *Zhitii nye povesti Russkogo Severa kak pamiatniki literatury XIII–XVII vv.: Evoliutsiia zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii*, Leningrad, 1973.

Dmitrieva R. P., "Volokolamskie chet'i sborniki XVI v.," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury, 28*, Leningrad, 1974, 202–230.

Golyshenko V. S., "Sbornik XVII v. iz sobraniia Instituta russkogo iazyka AN SSSR," in: *Pamiatniki*

russkogo iazyka: Issledovaniia i publikatsii, Moscow, 1979, 203–238.

Ivanov S. A., *Vizantiiskoe iurodstvo*, Moscow, 1994.

Kloss B. M., *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVII veka*, Moscow, 1980.

Lurye Ya. S., "Zhitii nye pamiatniki kak istochniki po istorii prisoedineniia Novgoroda," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury, 48*, St. Petersburg, 1993, 192–195.

Nasonov A. N., *Istoriia russkogo letopisaniia XI – nachala XVIII veka: Ocherki i issledovaniia*, Moscow, 1969.

Novikova O. L., "Novgorodskie sborniki XVI–XVII veka: letopisi, skazaniia, zhitiiia," *Russkaia Literatura, 3*, 2000, 75–81.

Novikova O. L., "Materialy dlia izucheniia russkogo letopisaniia kontsa XV – perv. pol. XVI v.: II. Troitskii letopisets: problema protografa," in:

S. N. Kisterev, ed., *Oчерки Feodal'noi Rossii*, 13, Moscow, St. Petersburg, 2009, 105–196.

Novikova O. L., ed., Legkikh V. I., Fedorova I. V., append., *Novgorodskaiia letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo*, Moscow, 2004.

Novikova O. L., Sirenov A. V., "Sdelano v Chudove," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 55, St. Petersburg, 2004, 441–450.

Prokhorov G. M., "Pakhomii Serb," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/2, Leningrad, 1989, 167–177.

Rozhdestvenskaia M. V., "Povest' ob Ione, arkhiepiskope Novgorodskom," in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 7, St. Petersburg, 1999, 232–253.

Sinititsyna N. V., "Knizhnyi master Mikhail Medovartsev," in: *Drevnerusskoe iskusstvo: Rukopisnaia kniga*, 1, Moscow, 1972, 286–317.

Sinititsyna N. V., *Tretii Rim. Istoki i evoliutsiia russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)*, Moscow, 1998.

Sirenov A. V., "Letopistsy v rukopisiakh Mikhaila Medovartseva," in: *Letopisi i khroniki. Novye issledovaniia. 2013–2014*, Moscow, St. Petersburg, 2015, 235–247.

Shmidt S. O., "Predaniia o chudesakh pri postroike Novgorodskoi ropaty," in: *Istoriko-arkheolo-*

gicheskii sbornik: (k 60-letiiu A. V. Artsikhovskogo), Moscow, 1962, 319–325.

Shmidt S. O., "Maloizvestnaia zapis' novgorodskogo knizhnika XVI v.," in: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie*, Moscow, 1963, 148–152.

Shmidt S. O., "Skazaniia ob Afonskikh monastyriakh v novgorodskoi rukopisi XVI veka," in: *Drevnerusskaia literatura i ee sviazi s Novym vremenem*, Moscow, 1967, 355–363.

Turilov A. A., "K biografii i genealogii Mikhaila Klopskogo," in: *Srednevekovaia Rus'*, 6, Moscow, 2006, 178–209.

Zhukov A. Ye., "K voprosu ob istochnikakh Svoda 1560 g.," in: *Istoriografiia i istochnikovedenie otechestvennoi istorii*, 7, Moscow, St. Petersburg, 2014, 126–187.

Zhukov A. Ye., "Letopisnyi svod 1560 g. i sbornik Mikhaila Medovartseva v rukopisi BAN. Arkhang. D. 193," in: *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii*, Moscow, 2016, 218–219.

Ziborov V. K., Shibaev M. A., "Russkie letopisi kontsa XV–XVI vv. i Sudebnik 1497 g.," in: I. Ya. Froyanov, ed., *Sudebnik Ivana III. Stanovlenie samodержavnogo gosudarstva na Rusi*, St. Petersburg, 2004, 105–120.

Acknowledgements

Russian Foundation for Basic Research. Project No. 15-31-01017.

Артём Евгеньевич Жуков, канд. ист. наук

Библиотека Российской академии наук (БАН),

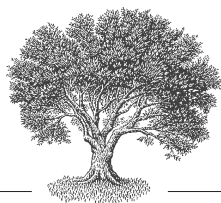
Научно-исследовательский отдел рукописей, младший научный сотрудник

199034 С.-Петербург, Биржевая линия, д. 1

Россия/Russia

artemnovgor@inbox.ru

Received September 3, 2016

Об источниках Жития Александра Свирского: глава “о списавшемъ житие святаго”

On the Sources for the “Life of Alexander of Svir”: The Chapter “About the Person who Wrote the Life of the Saint”

Наталья Викторовна Пак

Государственный университет
морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова
С.-Петербург, Россия

Natalia V. Pak

Admiral Makarov State University
of Maritime and Inland Shipping
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье анализируются литературные источники Жития Александра Свирского, написанного свирским игуменом Иродионом. Исследование показало, что заключительная глава с автобиографическими сведениями из жизни агиографа скомпилирована из трех источников: Жития Феодосия Печерского, Жития Никона Радонежского и послесловия книжника Афанасия к “Оку церковному”. Первый из них был указан еще И. Яхонтовым (1881), но заимствования из него в заключительной главе Жития Александра Свирского до сих не отмечались. Другие два источника выявлены впервые. В свое время Яхонтов пришел к выводу о том, что Иродион использовал в своей работе жития русских преподобных, основателей монастырей, преимущественно сочинения Пахомия Логофета. В настоящее время есть основание говорить о том, что свирский агиограф не руководствовался только лишь патриотическими или жанровыми соображениями и что он не был подражателем Пахомия. По всей видимости, выбор источника мотивировался конкретной литературной задачей и

каждой конкретной сценой, описание которой он создавал на основе текстов предшественников. Текст всех известных на сегодняшний день источников, особенно тех, которые при включении в Житие не подверглись изменениям, может быть привлечен в качестве контрольного при сличении списков памятника и построении их стеммы.

Ключевые слова

Древняя Русь, древнерусская литература, агиография, Александр Свирский, Пахомий Серб, Иродион Свирский, Житие Никона Радонежского

Abstract

The article analyzes the literary sources of the "Life of Alexander of Svir," which was written by Hegumen Herodion of Svir. The discovery of new sources significantly expands the methodological possibilities of studying this literary monument. Knowing which text the medieval author reworked, we can reveal and describe those changes which were made by the author in the adaptation of the borrowed texts. In addition, knowing which circle of sources the author borrowed from, we can come to a conclusion concerning the result that the author sought. The study shows that the final chapter, with autobiographical information on the hagiographer's life, was compiled on the basis of three sources: "The Life of Theodosius of Kiev," "The Life of Nikon of Radonezh," and the epilogue of scribe Athanasius to "Oko tserkovnoe." The first of these sources was pointed out by I. Yakhontov (1881), but the borrowings from this source that are found in the final chapter of "The Life of Alexander of Svir" have still not been studied. The other two sources are revealed for the first time. Yakhontov concluded that Herodion used in his work the lives of Russian venerables and monastery founders, mainly the works of Pachomius the Serb. Now we have reason to believe that Alexander of Svir's hagiographer was not ruled only by patriotic or genre considerations, and that he was not an imitator of Pachomius. As far as we can tell, the choice of the source was motivated by a specific literary purpose and by each separate episode, the description of which he created on the basis of the texts of his predecessors. (The examination of these motives, however, are beyond the scope of this article.) The texts of all of the sources known to date (especially those sources which were unchanged when they were included in the "Life" of the saint) can be used as a control element in the comparison of the copies of the literary monument and in the construction of a *stemma codicum*.

Keywords

medieval Rus', Old Russian literature, hagiography, Alexander of Svir, Pachomius the Serb, Herodion of Svir, Life of Nikon of Radonezh

В русской агиографии Житие Александра Свирского занимает особое место. Написанное вскоре после смерти Александра его учеником и постриженным, впоследствии игуменом Троицкого монастыря Иродионом [ДМИТРИЕВ 1988; МАКАРИЙ, Э. П. Р. 2011], содержащее несколько точных дат¹, упоминающее множество лиц и мест, Житие тем не менее разочаровывает отсутствием уникальных описаний и "любопытных подробностей" [ЯХОНТОВ 1881: 86–87], которые ценятся в свидетельствах современников и очевидцев.

Как было установлено в ряде исследований, многие сцены Жития представляют собой выписки и разного рода заимствования из житий Сергия Радонежского [НЕКРАСОВ 1871: 98], Феодосия Печерского, Кирилла Белоозерского, Варлаама Хутынского [ЯХОНТОВ 1881: 37–87, 334–376], Саввы Сербского [ГАВРЮШИНА 1985; ЕАДЕМ 2002], Евстафия Плакиды, Онуфрия Великого [ПАК 2001], Пахомия Великого [ПИГИН, ЗАПОЛЬСКАЯ 2004], Евфимия Великого [РУДИ 2006 : 437–438], а также из Чуда архистратига Михаила в Хонех [ПИГИН, ЗАПОЛЬСКАЯ 2004]².

Высказывались мнения, что агиограф при помощи обращений к образцовым житиям "отцов иночества" "позаботился отожествить жизнь

¹ Отмечены четыре даты из жизни Амоса-Александра: 15 июня 6957 г. — рождение [ЖАС: 27, л. 445d₁₉₋₂₀], 6993 г. — приход "в пустыню" [ИВІД.: 46, л. 465a₈], 7016 г. — видение Святой Троицы [ИВІД.: 59, л. 475c₁₆], 30 августа 7041 г. — преставление [ИВІД.: 88, л. 501b₁₀₋₁₂], а также 7033 г. — дата видения Даниила, "како видѣ(а) в ра(и). пре[по(до)бнаго вѣа алеѣа(н(д)ра з бра(т)ю" [ИВІД.: 72, л. 487b₁₆], и 7053 г. — дата написания Жития [ИВІД.: 105, л. 514d₂].

В одной из просмотренных рукописей встречается другая дата рождения святого — 6956 г. [Тр. 629, л. 295об.₆₋₇], которую нужно признать вторичной. Обе даты согласуются с указанием Иродиона на то, что Александр прожил 85 лет [ЖАС: 88, л. 501b₁₂₋₁₃], но одна предполагает так называемый "включающий" счет, а другая — привычный сегодня "исключающий". Между 15 июня 6957 г. и 30 августа 7041 г. 84 года, 75 полных и 2 неполных дня, то есть 85 лет, если неполный год считать за полный. Между 15 июня 6956 г. и 30 августа 7041 г. 85 лет, 75 полных и 2 неполных дня, то есть тоже 85 лет, если не считать неполный год. Происхождение даты "6956" из "6957", таким образом, можно связать с попыткой одного из книжников согласовать хронологические указания Жития и используемый им "исключающий" счет. Напротив, вывести дату "6957" из "6956" не представляется возможным (из даты "6956" выводится не засвидетельствованная рукописями дата "6955").

В других хронологических указаниях Иродион использует оба счета. При дате видения Даниила применен "исключающий" счет. Только таким образом между 7033 г. и 7041 г. получаются упоминаемые в тексте 7 лет: "и бы(с) же сіе видѣніе за се(д)мь лѣ(т) до преста|вленіа стго" [ЖАС: 76, л. 490c₁₁₋₁₄]. При дате составления Жития — счет "включающий". По словам агиографа, оно написано в 7053 г., "въ второе на де<ся>ть| лѣто по преста|вленіи стго вѣа алеѣа(н(д)ра", бывшего, как уже было сказано, в 7041 г. [ИВІД.: 105, л. 514d₃₋₆].

² Упоминание Жития Пафнутия Боровского в числе источников Жития Александра Свирского [МАКАРИЙ et al. 2000: 537] не подкреплено библиографической отсылкой и при проверке не находит текстуальных подтверждений. Ни в изложении Вассиана Саввина, ни в изложении старца Иннокентия нет мест, которые были перенесены в Житие Александра.

своего святого с жизнью тех лиц” [Яхонтов 1881: 87] и видел свою задачу в том, чтобы “рассказать о святом, имея в виду реальные факты его жизненного пути, во всяком случае хорошо зная эти факты, так, как об этом уже рассказывалось о других святых, предшественниках этого нового святого” [Дмитриев 1988: 441]. Нужно заметить, однако, что до Иродиона ни у одного русского агиографа мы не встречаем такой манеры обращения с источниками и, следовательно, такого понимания своей задачи³.

Для того чтобы найти истоки представлений книжника о своем труде, необходимо полное описание сделанных им литературных заимствований. В настоящей статье предпринят небольшой шаг для достижения этой цели: в ней заново рассматривается вопрос об источниках Иродиона, главным образом главы “о списавшемъ житие святого”, которой завершается текст памятника⁴.

1. Житие Сергия Радонежского

Заголовок анализируемой главы не совсем обычен для житий и читается полностью следующим образом: “и сѧ до з(д)е| прїидѣ ѡ(ж) ѡ житїи| и ѡ подвизѣ препо(до)||бна(г). також(д)е и ѡ спи|савше(м) житїи ст҃го.| до з(д)е сказѣ(т) повѣ(с).| и⁵ ѡ(ж) ѡ ст҃мъ.” [ЖАС: 103, лл. 513с₂₃–513д₄]. Если переводить его дословно, получится текст со сложным и не до конца понятным соподчинением частей: “И это (повествование) досюда [до сих пор, до этого места] дошло о житии и о подвиге преподобного, а также о написавшем житие святого, досюда повествует повесть, (и) о святом”. Попытаемся прояснить его смысл.

Формула “и сѧ до зде”, стоящая в самом начале заголовка, неоднократно встречается и в самом Житии: “и сѧ (ж) до з(д)ѣ” [ЖАС: 72, л. 487b₁₂], “ї сѧ (ж) до з(д)ѣ” [ІВІД.: 84, л. 498a_{16–17}], “и сѧ (ж) до з(д)е” [ІВІД.: 92, л. 505a_{3–4}], “ї сѧ до з(д)е” [ІВІД.: 93, л. 505d₅], “ї сѧ (ж) до з(д)е.” [ІВІД.: 97, л. 508d₇], “ї сѧ до з(д)е” [ІВІД.: 101, л. 511d₆]. Она обнаруживается

³ Более поздние русские агиографы, в частности игумен Пимен, автор Жития Кирилла Новозерского, стали подражать автору Жития Александра Свирского и в этом [КАРЬАСОВА 2008: 365].

⁴ По данным А. Е. Соболевой, именно такой состав имеет Житие в Успенском списке Великих Миней Четых и еще в семи списках XVI–XVII вв. [Соболева 2013: 35]. Другие списки включают дополнительные посмертные чудеса либо после главы “о списавшемъ житие святого”, либо до нее. В ряде рукописей содержатся также дополнительные прижизненные чудеса, видение игумену Иродиону и похвальное слово. Есть все основания полагать, что первоначальным является вариант без дополнительных статей, оканчивающийся послесловием Иродиона.

⁵ В некоторых рукописях отсутствует: *Тр.* 629, л. 393₁₂, *Тр.* 633, л. 312об.₄, *Тр.* 692, л. 289₇, *Тр.* 269, л. 151об.₆.

также в одном из уже известных источников Иродиона — Житии Сергия Радонежского, сразу в нескольких редакциях памятника:

- 2-я Пахомиевская по Клоссу, редакция А по Яблонскому, Епифаниевская редакция с изменениями, приписываемыми Пахомию, по Тихонравову: "и сѣа двъ zde" [Тихонравов 1892: отд. I, 83];

- 3-я Пахомиевская по Клоссу: "Сѣа же до здѣ" [Клосс 1998: 391], "Сѣа же до здѣ" [ИВІД.: 397], "Сѣа до zde" [ИВІД.: 399], "Сѣа же до здѣ о сихъ повѣсть" [ИВІД.: 402], "Сѣа же и до zde" [ИВІД.: 418], "Сѣе же до здѣ" [ИВІД.: 438], "Сѣа же до здѣ" [ИВІД.: 438];

- 5-я Пахомиевская по Клоссу, редакция Г по Яблонскому: "сѣа же до zde:~" [Тр. 762, л. 92₁₈], "сѣа же до zde:~" [Тр. 762, л. 100₁₄], "сѣа (ж) до zde:~" [Тр. 762, л. 109₃], "сѣа же до zde:~" [Тр. 762, л. 116₁₀], "w си|x же до zde:~" [Тр. 762, л. 127₃₋₄], "w сихъ же до zde:~" [Тр. 762, л. 130об.₅];

- 5-я Пахомиевская по Клоссу, редакция Д по Яблонскому, 2-я Пахомиевская по Тихонравову: "Сѣа же до zde" [ВМЧ 1883: 1423], "Сѣа же до zde" [ИВІД.: 1428], "Сѣа же до zde" [ИВІД.: 1434], "Сѣа же до zde" [ИВІД.: 1439], "О сихъ же до zde" [ИВІД.: 1447], "О сихъ же до zde" [ИВІД.: 1450]; "сѣа же до здѣ" [Тихонр. 247, л. 147об.₉], "сѣа до з(д)е" [Тихонр. 247, л. 156об.₁₆]; "сѣа же до zde" [Тихонр. 247, л. 166об.₁₉]; Тихонравов 1892: отд. II, 65], "сѣа же до zde" [Тихонр. 247, л. 175]; Тихонравов 1892: отд. II, 73], "w сихъ же до zde" [Тихонр. 247, л. 188₁₆], "w сихъ же до zde" [Тихонр. 247, л. 192об.₂]; "сѣа же двъ zde:~" [Тр. 643, л. 103₁₀], "сѣа же до здѣ:~" [Тр. 643, л. 111₁₇], "сѣа же до zde:~" [Тр. 643, л. 120об.₉], "си|а (ж) до zde" [Тр. 643, л. 128₁₈₋₁₉], "w сихъ же до zde:~" [Тр. 643, л. 140₁₉], "w си|x же до з(д)е:" [Тр. 643, л. 144₁₀₋₁₁];

- Пространная по Клоссу, редакция Е по Яблонскому: "Сѣа же до здѣ" [ВМЧ 1883: 1547], "Сѣа же до здѣ" [ИВІД.: 1552], "О сихъ же до здѣ" [ИВІД.: 1560], "сѣа же до здѣ" [Тр. 698, л. 131об.₄; Леонид 1885: 120]; "сѣа ж(е)| до здѣ" [Тр. 698, л. 139об.₅₋₆; Леонид 1885: 128]; "сѣа же до з(д)ѣ" [Тр. 663, л. 531об.₂₀], "сѣа же до здѣ" [Тр. 663, л. 539₅], "w си(x) же до| здѣ" [Тр. 663, л. 550₁₁₋₁₂; Леонид 1885: 140], "w си(x) же до з(д)ѣ" [Тр. 663, л. 553об.₈], "сѣа же двъ здѣ:~" [Волок. 644, л. 364₇], "сѣа (ж) до (з)де:" [Волок. 644, л. 371₁₅], "сѣа (ж) двъ (з)дѣ:~" [Волок. 644, л. 377₁₃], "w си(x) же двъ (з)дѣ:" [Волок. 644, л. 386₂₀], "w сихъ же двъ zde:~" [Волок. 644, л. 389₁₄].

Кроме того, в Житии Сергия эта же формула встречается в развернутом виде:

- 3-я Пахомиевская по Клоссу: "Сѣа же до здѣ, настоящее [да глаголется]" [Клосс 1998: 408];

- 5-я Пахомиевская по Клоссу, редакция Г по Яблонскому: "сѣа (ж) до zde преупокоити слѣво" [Тр. 762, л. 103₅], "сѣ|а же до з(д)е съкратимъ w сѣа|новъской wбитили. подобающе|е же да приложитсѣ. zde w видѣнїи"

аг҃ла слоужаща съ ст҃ымъ сергіемъ:” [Тр. 762, л. 111об.₃₋₈]; “сіа (ж) до zde не въ многоповѣданіе простремъ множества ради:~” [Тр. 762, л. 117об.₁₇₋₁₈];

• 5-я Пахомиевская по Клоссу, редакция Д по Яблонскому, 2-я Пахомиевская по Тихонравову: “Сіа же до здѣ преупокоити слово” [ВМЧ 1883: 1430], “Сіа же до zde сократимъ о Симановской обители; подобающее же да приложится zde” [ІВІД.: 1436], “Сіа же до zde не во многоповѣданіе простремъ множества ради” [ІВІД.: 1440], “Сіа же до zde, преднимъ же и сіа послѣдуютъ” [ІВІД.: 1446]; “сіа же до zde| преупокоити слово” [Тихонр. 247, л. 160₇₋₈], “сіа же до zde съкратимъ| в симановской обители. подобающее же да приложится| зди в видѣнїи аг҃ла слоужаща| съ ст҃ымъ сергіемъ” [Тихонр. 247, л. 169об.₁₄₋₁₈; ТИХОНРАВОВ 1892: отд. II, 68], “сіа же до zde. не многоповѣданіе (п)ростремъ множества| ра(ди)” [Тихонр. 247, л. 177₈₋₁₀; ТИХОНРАВОВ 1892: отд. II, 75], “сіа же до zde пре(д)нимъ же| сіа послѣдуютъ” [Тихонр. 247, л. 185об.₁₃₋₁₄; ТИХОНРАВОВ 1892: отд. II, 78]; “сіа (ж)| до zde предупокоити слово:~” [Тр. 643, л. 114₁₆₋₁₇], “сіа же до zde, съ| кратимъ в симановской обителї. подобающее же да приложится| зде. в видѣнїи аг҃ла слѣ| жаща съ ст҃ымъ сергіемъ:” [Тр. 643, л. 123₁₅₋₁₉], “сіа же до zde. не въ многоповѣданіе простремъ. множества| ради” [Тр. 643, л. 130₁₃₋₁₅], “сіа же до з(д)е. преднимъ же и сіа послѣдуютъ:~” [Тр. 643, л. 138₄₋₅];

• Пространная по Клоссу, редакция Е по Яблонскому: “Сіа же до здѣ съкратимъ о Симоновской обители; подобающее же да приложится здѣ” [ВМЧ 1883: 1548], “Сіа же до здѣ, пред ними же и сіа послѣдуютъ” [ІВІД.: 1559], “дѣла| бо сказанїа се е(с) а не житїа повѣ| сть. въ мно(ж)ство прострѣти и| зра(д)но но сіе до здѣ. да съкрати(м)| на пре(д)реченнаа (ж) да възврати(м)са” [Тр. 698, л. 117₁₂₋₁₆; ЛЕОНИД 1885: 108], “сіа же| до здѣ съкрати(м). в симонов|ской обители подобающее же| да приложится здѣ” [Тр. 698, л. 134₁₁₋₁₄; ЛЕОНИД 1885: 123], “сіа же до з(д)ѣ сокра| тимъ, в симановской обите| ли по(до)бающее (ж) да приложится з(д)ѣ:” [Тр. 663, л. 534₁₅₋₁₇], “сіа же до здѣ пре(д)ними [sic!] же и сіа| послѣдую(т)” [Тр. 663, л. 548₆₋₇; ЛЕОНИД 1885: 138], “сіа же до (з)дѣ предупокоити слв(в)” [Вол. 644, л. 366₁₄], “сіа же до здѣ| съкратимъ, в симановской обителї, подобающе же да приложи| ложится [sic!] з(д)ѣ:~” [Вол. 644, л. 373₁₆₋₁₉], “сіа же до (з)де пре(д)ни(м) же| и сіа послѣдую(т)” [Вол. 644, л. 384об.₆₋₇].

Первое Житие Сергия, написанное Епифанием Премудрым, было очень значительным по объему. Работа агиографов XV–XVI вв., из которых по имени нам известен только Пахомий Логофет, заключалась в сокращении Епифаниева труда, упорядочивании эпизодов, дополнении описанием посмертных чудес и отчасти в стилистической обработке текста. Зная это, мы можем расценивать приведенные фразы как указания на окончание статьи, которую надлежало списать, и на правильную

последовательность статей оригинала. В развернутом виде они могли быть не только техническими редакторскими пометами, но и фигурами речи, служившими украшению текста.

В Житии Александра Свирского "развернутые" формулы также встречаются: "и сїе| до з(д)ѣ преиде. на|стоашее (ж) да глѣ|тса" [ЖАС: 76, л. 490с₁₄₋₁₇], "и сїа до з(д)е да съкра|ти(м). настоашее (ж) да глѣтса" [Ibid.: 80, л. 494b₈₋₁₀]. Их появление в тексте Жития тоже можно объяснить влиянием Жития Сергия Радонежского.

В свете сказанного становятся понятными порядок слов в первой части заголовка, отсутствие подлежащего, форма глагола и сам глагол: они без изменений заимствованы Иродионом вместе с формулой "и сиа до зде (прииде)". Следующие затем слова "а(ж) ѡ житїи и ѡ подвизѣ препо(до)бна(г)" определяют тему повествования и принадлежат самому Иродиону.

При интерпретации оставшейся части заголовка, начиная от слов "також(д)е и", мы сталкиваемся с несоответствием между одинаковыми наречиями места ("до зде") и их логической соотнесенностью с разными частями Жития. В первом случае "до зде" подразумевает текст до момента речи, то есть все предшествующие главы ("ѡ житїи и ѡ подвизѣ препо(до)бна(г)"), во втором — текст после момента речи, то есть одну только заключительную главу ("ѡ спи|савше(м) житїи ст҃го"). Во втором случае более логичным было бы прямо противоположное по значению наречие "от зде".

Разрешением этого противоречия может быть допущение, что второе наречие фактически означает то же самое, что и "зде". В пользу такого вывода может свидетельствовать концовка Сказания о убиении Михаила Черниговского в редакции, которую приписывают Пахомию Логофету [Некрасов 1871: 75; Яблонский 1908: 100–105]: "и тако сбыстьса реченное. мнѣ ѿмще|ние. и азъ въздамъ мечь глѣтъ гѣ. до| здѣ оубо ѡже ѡ батыи⁶ повесть конецъ прїатъ" [Тр. 642, л. 143₁₁₋₁₃].

Тогда перевод заголовка будет выглядеть следующим образом: "Досюда <до сих пор, до этого места> дошло это (повествование) о житии и о подвиге преподобного; здесь <в этом месте рассказа, в этой главе> повесть о святом повествует также о написавшем житие святого"⁷.

2. Житие Феодосия Печерского

Собственно глава "о списавшемъ житие святого" начинается с повествования от лица агиографа, составленного из двух отрывков из Жития

⁶ В рукописи "ѡ батыи".

⁷ Благодарю А. А. Гиппиуса, А. М. Камчатнова и А. Е. Соболеву за участие в разборе этого места. Перевод публикуется в редакции А. А. Гиппиуса.

Феодосия Печерского. Хотя это Житие было названо в числе основных источников Иродиона еще И. Яхонтовым, в главе “о списавшем житие святаго” заимствования не опознал ни он⁸, ни последующие авторы. Первый заимствованный фрагмент находится в конце Жития Феодосия, на л. 61a₁₄₋₃₁ старшего списка XIII в. [УС 1971: 125], вторым заканчивается текст памятника, на лл. 67a₃₀–67b₂₆ того же списка [Ibid.: 134–135].

Иродион довольно точно следует своему источнику, но заменяет все имена собственные, некоторые архаичные формулы и устаревшие стилистические обороты. Единственная сделанная им сюжетная замена “на диаконъ|скыи санъ” — “на сц̄нни(ч)скы(и) чи(н)” представляет большой интерес для оценки Жития как исторического источника. Не подлежит сомнению, что эта подробность у Нестора имеет автобиографический характер: он был поставлен в иеродиаконы игуменом Стефаном, преемником Феодосия. Упоминание о том, что “на сц̄нни(ч)скы(и) чи(н)” Иродион был “произведен” Александром, тоже следует считать автобиографичным: в противном случае мы будем вынуждены признать, что свирский агиограф был самозванцем и фальсификатором.

Здесь и далее жирным шрифтом выделяется общий текст памятников, курсивом — исходный текст, бывший в распоряжении Иродиона, и внесенные им изменения. Не выделяются расхождения, которые могли возникнуть в рукописной традиции каждого из памятников.

Житие Феодосия Печерского	Житие Александра Свирского
<p>Се же житіє пр̄пдбна аго и блаженааго оц̄а нашего <i>феодосіа</i>. є же ѿ оуны вьрьсты до съде ѿ многоаго мало вьписахъ. къто бо до вьльнь вса по радуу съписати добраа оу правленія. сего бла женааго мужа. къ то же възможе по достоаінію кго похва лити. аще бо искоушю са того</p>	<p>Се житіє прп(до)бна(г) ѿца ншго и блжна(г) <i>алѣзан(д)ра</i>. е(ж) ѿ юны версты до з(д)е. ѿ мно га мало сп иса(х). кто бо доволен[ъ вса по] радз испов□□□⁹ добраа оу[правле]ніа се(г) бл̄жнн(г)□¹⁰ м8 жа. к̄то¹¹ ли възмо же(т) по достоаінію то(г) похвалити. аще бо и покзшз(с) то(г) </p>

⁸ Один отрывок (“Кто бо доволенъ вся порядку исписати добрая управления сего блаженнаго мужа? Кто же ли възможе по достоаінію того похвалити?”) Яхонтов [1881: 48] соотносит с Житием Кирилла Белозерского, а второй (от слов “радовахся благодаря того” до слов “отъ многа въ малое вписахъ”) — с Житием Сергия Радонежского.

⁹ Так в издании, в рукописи утрата. В других списках “исписати” [Тр. 629, л. 393₁₈; Тр. 632, л. 151₁; Тр. 633, л. 312об.₈; Тр. 692, л. 289₁₁; Тр. 269, л. 151об.₁₁].

¹⁰ Так в издании, в рукописи утрата.

¹¹ Добавлено “(ж)” [Тр. 629, л. 393об.₂; Тр. 632, л. 151₆; Тр. 633, л. 312об.₉; Тр. 692, л. 289₁₂; Тр. 269, л. 151об.₁₂].

<p>достоино проти воу исправлѣнїю юго похвалити. нѣ не въ змогуу гроубъ сы и не разоумичнѣнъ :· [УС 1971: 125, л. 61a₁₄₋₃₁]. [. . .] се бо е лико же выше в блаже нѣмъ и велицѣмъ оци нашемъ <i>еодоси</i>. оспы товаа слышахъ ѿ <i>дрѣ вншихъ</i> мене оць. бы вѣшихъ въ то врѣмѣ. та же въписахъ азъ грѣшныи <i>несторѣ</i>. мънии всѣхъ въ ма настыри блаженаго и оца всѣхъ <i>еодоси</i> а. приатъ же быхъ <i>въ нѣ прѣдбнымъ</i> <i>игоуменьмъ стефа нъмъ</i>. и тако же ѿ то го остриженъ бывъ. и мнишьскыа оде жа съподобленъ. па кы же и на <i>диконь скыи санъ</i> ѿ нкого зведенъ сыи. кмоу же и не бѣхъ достоинъ гроубъ сыи и невѣгла(с). наипаче же и множь ствъмъ грѣховъ на пльтѣнѣнъ сыи ѿ оу ности. вбаче же бѣи кю волю и <i>по любвѣи томоу</i> тако сътвори вшю. иже в братик. тако же многашды ми слышащю. доброе и чисток житик прѣдо бнаго и бѣносьнааго. и блаженааго рекоу оца нашего <i>еодоси</i>. радо вахъ са блгодарѣ того. тако тако потруди са. и тако жить въ послѣ дѣнимъ вѣцѣ. пакы же имъ же не бѣ ни ѿ ко го же въписано. печаль и скръбь</p>	<p>достоино. проти въ исправленію е(г) похвали(т). но ника ко(ж) възмогъ, грѣбъ (ж) есмь сыи нера змень. се бо ели ко в се(м) блжнне(м) и велицѣ(м) ѿцѣ наше(м) <i>алеѣан(д)рѣ</i>. испы товаа слыша(х) ѿ¹² <i>первы(х)</i> мене ѿцѣ. бы вѣши(х) с <i>ни(м)</i> в то вре мѣ. та(ж) и въписа(х) <i>е(ж) слыша(х) ѿ ни(х)</i>. азъ грѣшныи <i>ро(ди)внъ</i>. и менши(и) всѣ(х) въ [вбители стго]. и бла(ж) еннаго ѿца <i>алека н(д)ра</i>. [ѿ него(же) в мона сты(р)] [пріатъ и бл(с)в]нъ [бывъ. також(д)е и] ѿ само(е) [того роук]оу <i>прп(до)бна(е)</i> [встриже]нъ бы(в). и мни шеескыа одеж(д)а спо(д)oble(н). тако(ж) и на <i>сцѣнни(ч)скы(и) чи(н)</i> ѿ него произведе(н) сы(и) и емъ(ж) оубо не бѣ(х) достои(н) мно(ж)ства ра(ди) грѣхо(в) мои(х). и грѣ бости. нѣ вбаче (ж) бѣю волею, и стго произволеніемъ тако бгѣ сътвори вшъ, се (ж) братіе ка(к) мно гаж(д)ы ми <i>видлцѣ</i> и слышащъ доброе и ч(с)тное житіе. прп(до)бна(г) и бѣносна(г) сего. и блжна(г) рекъ ѿца <i>але ѣан(д)ра</i> ра(до)ва(х)са блго дара то(г). ка(к) тако потрѣди(е) и тако по жи(т) в послѣдѣ(м) <i>се(м)</i> вѣце <i>рода наше(е)</i>. и пакы (ж) еще не бѣ ни ѿ кого (ж) не списано <i>житіе стго</i>. и¹³ семъ (ж) ¹⁴многы(ми) печа(ли)¹⁴ и ско рбь</p>
---	---

¹² Так в рукописи, следует читать "ѿ".¹³ Так в рукописи, следует читать "и ѿ".¹⁴ "многа ми печаль" [Тр. 629, л. 394об.₈₋₉; Тр. 632, л. 152_б; Тр. 633, л. 313₁₉-313об.₁; Тр. 692, л. 289об.₁₆₋₁₇; Тр. 269, л. 152об.₁₀₋₁₁].

<p>д̄шю мою об̄ д̄ръжааше. т̄ѣмъ же ѿко же се люб̄вию с̄д̄ръжимъ. ꙗже къ ст̄о моу томоу и великомъ о̄цю нашему ѿеодосию. окоусихъ с̄а и ѿ гроубо ети ср̄дца моѣго ꙗже о н̄мъ слышашъ. и ѿ многа мала въписа хъ.</p> <p><i>на славою и чьсть. великому боу и с̄п̄соу нашему ꙗсу х̄оу. с̄з ни мъ же о̄цю слава коупь но и с̄з пр̄ѣст̄ымъ д̄х̄ъ мъ. нынѣ и присно и въ бесконьчьныа въ ны въкомъ аминь .: [УС 1971: 134–135, лл. 67a₃₀–67b₂₆].</i></p>	<p>ѡбдѣржа(ше) д̄шю мою. т̄ѣмъ(ж) ѿко мно́гоу па(ч) люб̄овію с̄д̄ръжи(м) е(с)мъ ко ст̄мъ и ве(ли)комъ ѡц̄ъ алек̄сан(д)р̄д̄. вокс̄и хса¹⁵ ѡ¹⁶ гр̄збости ср̄(д)ца мое(г). е(ж) ѿ не(з) слыша(х) и видѣ(х) [мн]ога¹⁷ въ ма лое въписа(х). [ЖАС: 103–104, лл. 513d₅–514c₁].</p> <p style="text-align: center;">—</p>
--	---

Выписывая без сокращений такой большой отрывок из Жития Феодосия Печерского, Иродион опустил самые последние слова — концовку “на славою и чьсть” и т. д. Как мы увидим далее, в свое сочинение он включил две другие заключительные формулы — из Жития Никона Радонежского и послесловия к “Оку церковному” (см. §3 и 5).

3. Житие Никона Радонежского

К заимствованиям из Жития Феодосия Печерского без всякого перехода присоединена выписка из Жития Никона Радонежского.

Это Житие известно в двух редакциях, Краткой и Пространной, взаимоотношение, атрибуция и датировка которых составляют предмет продолжительной дискуссии. Среди списков Краткой редакции выделяется особый вариант с упоминанием Никонова ученика Игнатия, рассматриваемый также в качестве отдельной редакции [Клосс 1998: 238–239]. В настоящее время выявлен литературный источник Краткой редакции, благодаря которому становится возможным вывод о ее первичности и принадлежности перу Пахомия Логофета¹⁸. Заимствованный Иродионом фрагмент тоже восходит к этому источнику:

¹⁵ Так в рукописи, следует читать “покс̄и|хса”.

¹⁶ Так в рукописи, следует читать “ѡ”.

¹⁷ “ѡ многа” [Тр. 629, л. 394об.₁₆; Тр. 632, л. 152₁₃; Тр. 633, л. 313об.₆; Тр. 269, л. 152об.₁₆].

¹⁸ Подробному разбору заимствованных фрагментов и вопросу о взаимоотношении редакций будет посвящена моя отдельная статья.

Похвальное слово патриарху Евфимию Григория Цамблака	Жития Никона Радонежского		
	Краткая редакция	Особая редакция	Пространная редакция
Мнѣ же прочее еже о немъ слово зде конецъ да прїиметь, идеже и онъ житїа имѣ конецъ, паче же страданїи конецъ и начало аже в Христѣ жизни, еже бжди въсѣм нам полоучити благодѣтїи и чловѣколюбіемъ господа нашего Ісоуса Христа, съ нимже безначалному его отцоу и прѣсватоумоу и животворящому его доухоу слава, чсть, дрѣжава, поклонѣнїе и[ы]нѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ, аминь [КАЕУЖНИАСКИ 1901: 60].	мнѣ же в немъ прочее здѣ слово конецъ. да въспрїиметь идеже онѣ. конецъ житїа въспрїатъ. и нача ло жизни вѣчна. еоуже боуди всѣмъ намъ полоучити. в х(с)ѣ ісѣ гїи нашемъ. емоуже слава съ вѣмъ и съ стымъ дѣх(м) и ннѣ и пр(с)но и въ вѣкы вѣк(м) амнѣ : ~ [Тр. 116, л. 421 ₂₈ -421об. ₆]	мнѣ же в не(м) здѣ слово конецъ да въспри мать. идеже внѣ конецъ житїа въспрїа(т). и на чало жизни вѣчнїе в х(с)ѣ [и(с)у х] ¹⁹ ісѣ гїи ннѣмъ емδ же слава въ вѣки аминь~ [Тр. 763, л. 414об. ₂₄₋₂₇].	— Бгоу нашемδ слѣва ннѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. [Яблонский 1908: LXXXI].

В Житие Александра Свирского вошел небольшой отрывок из Краткой редакции. Насколько можно судить по сохранившейся рукописной традиции обоих памятников, при заимствовании Иродион не изменил ни одного слова²⁰:

¹⁹ В рукописи зачеркнуто.

²⁰ Между Житием Александра Свирского и Житием Никона Радонежского есть еще одна параллель: первая половина Чуда о некоем старце Савватии именем, от слов "семоу (ж)| оубо саватїю слδ|чи(с) нѣког(д)а в боле|знѣ велию впасти" до слов "или проглати что може(т)" [ЖАС: 95–96, лл. 506d₁₅₋₂₂, 507a₁₁–507d₁₆], основывается на тексте двойного чуда Сергия и Никона Радонежских о купце Семене Антонове. Однако в Житие Александра Свирского Чудо о Семене Антонове вошло опосредованно, через Житие Сергия Радонежского. Житие Александра

Житие Никона Радонежского	Житие Александра Свирского
<p>многа же и ина ²¹бла женнаго чюдеса²¹. ѿже преминзх(м) множ(д)е ства ра(ди). ѿ(ж) в животѣ и по смр̄ти.</p> <p>сія²³ же ма ла²⁴ нѣчто писаниѡ(м) предах(м). к ревности послышателемъ.</p> <p>мнѣ же ѡ немь прочее здѣ слово конецъ. да въспр̄иметь идеже внѣ. конецъ житіа въспр̄іать. и нача ло жизни вѣчна.а. еюже²⁵ боуди всѣмъ намъ положити. ѡ х(с)ѣ ісѣ̄ ги нашемъ. емоуже слава съ ѡцм̄ь и съ ст̄ымъ д̄х(м) и н̄нѣ и пр(с)но и въ вѣкы вѣк(м) ам̄нь ·:~ [Тр. 116, лл. 421₂₄–421об.₆].</p>	<p>многа (ж) ²² ина чюдеса бл̄жна(г) ѿ(ж) преминзхо(м) мно(ж) ства ра(ди). ѿ(ж) в живо тѣ и по смр̄ти.</p> <p>сіе (ж) мало нѣчто піса ніе(м) предахо(м) къ ре вности послыша теле(м).</p> <p>мнѣ (ж) ѡ не(м) прочее з(д)ѣ слово ко нечъ да въспри име(т). идѣ(ж) внѣ ко нечъ [жи(ти)а] въсприа тъ. начало жизни вѣ чныа. еа(ж) бѣ(ди) всѣ(м) на(м) ползчити ѡ х(с)ѣ іс(с)ѣ. ѡ²⁶ г(с)дѣ н̄шемъ емз(ж) сла(в) съ ѡце(м) и съ ст̄ы(м) д̄х(м). н̄нѣ и при сно и в вѣ(ки) вѣко(м) ами(н). [ЖАС: 104, лл. 514_{с1-21}].</p>

Краткая редакция Жития Никона Радонежского публикуется в Приложении к настоящей статье по списку РГБ, ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 116 — Тр. 116.

4. Неустановленный источник

После дословной выписки из Жития Никона Радонежского следует авторская запись Иродиона, подражающая выходным записям монастырских рукописей, прямого образца для которой найти не удалось:

Свирского обнаруживает близость к тексту Второй редакции, по Тихонравову, ср. [Тихонр. 247, лл. 202об.₁₂–203об.₁₈; Тихонравов 1892: отд. II, 90–91]. Этот же эпизод Жития Сергия Радонежского был использован Иродионом ранее в описании видения Даниила от слов “и семѢ (ж)| оубо мѣжю слѣдчи(с)| нѣког(д)а в болѣзнь| сѣло ташкѢ впа|сти” до слов “и семѢ бы(в)шѢ на мно(г)| времѡ” [ЖАС: 73, л. 487_{с11-24}], ср. [Тихонр. 247, лл. 202об.₁₇–203; Тихонравов 1892: отд. II, 90]. Эти заимствования И. Яхонтовым не указаны.

²¹ “чюдеса бл̄жнаго” [Тр. 762, л. 70₁₅].

²² доб. “и” [Тр. 629, л. 394об.₁₈; Тр. 632, л. 152₁₄; Тр. 633, л. 313об.₇; Тр. 692, л. 289об.₂₂; Тр. 269, л. 152об.₁₇].

²³ “сіе” [Тр. 762, л. 70₁₇].

²⁴ “мало” [Тр. 762, л. 70₁₈].

²⁵ “еюже” [Тр. 762, л. 70об.₁].

²⁶ нет [Тр. 629, л. 395₁₃; Тр. 632, л. 152об.₆; Тр. 633, л. 313об.₁₆; Тр. 692, л. 290; Тр. 269, л. 153₃].

Списано (ж) бы(с) | житіе се. оу живо|началнѣи тр(о)ци. | въ вбите(ли) прп(до)бна(г) | вѣа а[ле]ксан(д)ра. || въ соз(д)анне(м) ѿ него| монасты(ри). В' лѣ(т). ѡзѣнѣ. | въ второе на деть²⁷ лѣто по преставле|ніи сѣго вѣа алеѡа|н(д)ра. въ хр(с)толюбивоє пр(с)тво цѣра и г(с)дра| велико(г) кнѣз ивана| васильев[ича всеа] рѣси са[модръжца]. | Повелені[емъ г(с)на пре]|сѣненна(г) [макаріа] ми|трополита [все]а| рѣси. и по блѣгвнїю г(с)на пресѣненна(г). ѡе|w(до)сїа архіеп(с)кпа ве|лико(г) новагорода| и пскова. [ЖАС: 104–105, лл. 514c₂₁–514d₁₈].

5. Послесловие к "Оку церковному"

Наконец, заключительная фраза Жития с небольшими изменениями повторяет последнюю фразу послесловия книжника Афанасия к "Оку церковному" — русской редакции Иерусалимского устава, созданной не позднее 1401 г.²⁸ Послесловие содержалось в несохранившейся рукописи 1401 г. и дошло до нас в двух копиях [Вздорнов 1968: 177, 191–192, № 6; Прохоров 1988: 80; Клосс 2002: 60], писцы которых воспроизвели оригинал слово в слово, вместе с его датой и именем Афанасия, а ниже оставили записи с собственными именами и датами написания рукописей. Публикуя текст копии 1428 г. в описании рукописей из собрания Румянцевского музея, А. Х. Востоков задал вопрос, не был ли упоминаемый здесь Афанасий тем самым игуменом серпуховского Высоцкого монастыря, "который в 1392 г.²⁹ отшел на безмолвие в Константинополь" [Востоков 1842: 711, прим. (*)]. Эта догадка была повторена уже как бесспорный факт Филаретом Черниговским [1850: 92, прим. 148], автором "Истории Русской Церкви", и многими последующими авторами. Более того, Афанасию, игумену Высоцкого монастыря, атрибутировали не только рукопись "Ока церковного" 1401 г., но и новый перевод Иерусалимского устава с греческого на славянский язык, который в свою очередь на основании записи был датирован 1401 г. [Леонид 1867: отд. I, 8–10; Сергей 1875: 137; Мансветов 1885: 274–280; Пентковский 2004: 168; Идем 2009: 506]. Г. И. Вздорнов считает, что "такое сближение основано исключительно на сходстве имен, и доказать его невозможно. Так как Афанасий Высоцкий жил в монастыре Иоанна Предтечи, а Устав церковный 1401 г. написан в монастыре Богородицы Перивлепты, то, надо полагать, и писец его был другой Афанасий, не Высоцкий" [Вздорнов 1968: 177]. Тем не менее, кем бы ни был писец Афанасий,

²⁷ Так в рукописи, следует читать "на десять".

²⁸ Параллель между Житием Александра Свирского и записями писцов из рукописей *Тр. 224* и *Тр. 123* была обнаружена мной; за указание на послесловие Афанасия из рукописи 1401 г. как их первоисточник и на несколько других восходящих к нему записей я признательна А. Г. Сергееву.

²⁹ В издании опечатка, следует читать "1382 г.".

рукопись Устава была прислана на Русь и скопирована в серпуховском Высоцком, московском Спасо-Андрониковом, Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском, Савво-Сторожевском и других монастырях [Клосс 1998: 57; Идем 2002: 60], а послесловие многократно повторено русскими писцами целиком или частично, и не только в списках Устава, но и в различных других памятниках³⁰. Одной из рукописей с послесловием мог воспользоваться свирский книжник Иродион, завершая Житие преподобного Александра.

Приведем заимствованный Иродионом отрывок по двум троицким рукописям:

Службник и Требник, 1474 г.	Творения Дионисия Ареопагита, 1524 г.	Житие Александра Свирского
<p>вѣи сѣи. и бра тїа в х(с)ѣ. проходяще <i>книгѣ сїю.</i> не по рецьте б̄а ра(ди) тагости на д̄шз мою.</p> <p>аще и нездобреніе зрите. или погрѣ шеніе вбращете. г(с)ь</p> <p>съ все̄ми ва ми и мл(с)ть его. и съ д̄х̄ьмъ ваши мъ аминь:~ [Тр. 224, л. 360об.₉₋₁₅]</p>	<p>вѣи сѣи, и братїа о х̄ѣ. Проходяще <i>книгѣ сїю,</i> не порецъте б̄а ра(ди) тагости на д̄шз мою.</p> <p>аще и неоудобреніе зри те. или погрѣшеніе вбращете. г̄ь</p> <p>со все̄ми вами и ми лость его. и съ д̄х̄омъ ваши(м). ам(н)ь:~ [Тр. 123, л. 429об.₂₀₋₂₄]</p>	<p><i>Молю (же) вы оубо.</i> вѣи сѣи и бра(ти)а в х(с)ѣ. прохо дащи житїе с̄тго, не порцете б̄а ра(ди) та гости на д̄шо мою <i>грѣшн̄ю. грѣбости моеа</i> <i>ра(ди).</i></p> <p>аще и не оудо [бре]нїе зрите, или погрѣшеніе вбращете. г̄ь нашъ іс̄ х̄с̄, с̄с̄ъ всего <i>мира да боу детъ</i> съ все̄ми вами. и мл(с)ть его съ д̄х̄омъ вашимъ, въ вѣкы, аминь.] [ЖАС: 105, лл. 514d₁₈–515a₅].</p>

Полный текст послесловия Афанасия, а также некоторые записи писцов, дословно воспроизводящие его заключительную формулу, помещены ниже.

5.1. Выходная запись (послесловие) писца Афанасия из “Ока церковного” 1401 г. по списку 1428 г.

в вѣи и сѣѣ и д̄с̄ѣ с̄т̄ьмъ. | оупованіе по вѣрѣ им̄ѣа косоноухся | троудолубн̄ѣ
книги сеа. иже е(с) уко цер|квное. бес тоа бо оудостоивати мя|ся ц̄рквное
исполненіе, в невѣд̄ѣнїи | іако въ тм̄ѣ шатається на(с) же рачите|льство

³⁰ В записи писца Онфима из Изборника 1403 г. сохранено название рукописи-протографа “Око церковное”, но имя писца и дата написания рукописи изменены (ГИМ, Синодальное собрание, № 275, л. 160об.), см. ниже §5.3.

желаніємъ распали к таковѣ|и коуплѣ троуда. аще же и не хоудо|жнѣ сию снисках(м). но вбаче троднѣ| краа достигохомъ. лѣтоу соуцоу| ꙗꙋꙋꙋ. маіа ѿ въ цр(с)твоушомъ гра|дѣ при державѣ црской іванна андр|никова сѣа. при архіеп(с)пѣ вселенстѣ(м)| патриарсе матфеи въ преч(с)тнѣи вби|тели цр(с)ской всестѣа бѣа. иперивлето.| в ча(с). г. днѣ. грѣшныи аѳанасіи малѣ|иши въ единообразны(х). **вѣи стїи и бра(т)|а в х(с)ѣ. проходяще книгоу сию. не поре|цѣте ба ради тягости на дшю мою. а|ще и неоудобрение зрите. или погрѣше|ние вбращете. г(с)ь со всѣми вами и мл(с)ть его и съ дѣмъ вашимъ аминь** (РГБ, ф. 256, собрание Н. П. Румянцева, № 445, Звенигород, Саввин-Сторожевский монастырь, писец Давыд, лл. 312об.–313; описания: [Востоков 1842: 710–711; Вздорнов 1968: 192, № 6; Идем 1980: № 83]).

5.2. Выходная запись (послесловие) писца Афанасия из "Ока церковного" 1401 г. по списку 1429 г.

О Оѣи и Снѣ и Дсѣ стѣмъ, оупованіе по вѣрѣ| имѣя, косну(х)ся трудолюбнѣ книги сея| иже е(с) око Црковное. бес тоя бо оудостоивати мняса црковное исполнение. въ не|вѣ(д)нїи ꙗко во тмѣ шатается. на(с) же рачі|тельство желаніємъ распали. къ такв|вѣи коупли троуда. аще же и нехоудожнѣ| сию снисках(м). но вбаче троднѣ краа до|стигох(м). лѣтоу сѣцоу. ꙗꙋꙋꙋ. маіа| ѿ. въ црѣствоующо(м) градѣ. при державѣ| црской. іванна ан(д)роникова сѣа при архі|епископѣ вселенстѣ(м) патриарсѣ матфеи| въ пречтнѣи обители црской всестѣа| бѣа. иперивлето. въ ча(с). г. днѣ. грѣшныи| аѳанасіи малѣиши въ единообразны(х).| **оѣи стїи и бра(т)іа о хѣ. проходяще книгоу сию. не поре|цѣте ба ради тягости на| дшю мою. аще и неоудобрение зрите, или| погрѣшение обрщете. гѣ съ въ|сѣми вами и млѣть его. и| съ дѣомъ ваші|мъ аминь** (Казанский университет, Научная библиотека имени Н. И. Лобачевского, № 4634, Троице-Сергиев монастырь, писец Иона, л. 271об.; описания: [Артемьев 1852: 71; Вздорнов 1980: № 78]).

5.3. Выходная запись писца Онфима из Изборника 1403 г.

О оѣи и снѣ и дсѣ стѣмъ оупо|вание по вѣрѣ имѣя. коснѣ|хса трѣдолубнѣ книги сеа.| иже е(с) вко црквное. бес тоа| бо оудостоивати мнаса цр|ковное исполнение. в невѣ|дѣнїи ꙗ(к) въ тмѣ шатается| на(с) же рачительство желание(м)| распали. к таковѣи кѣплѣ| труда. аще (ж) и не хоуд(д)жнѣ сию| снисках(м). но вба(ч) труднѣ кра|а достигох(м). лѣту суцоу. ꙗꙋꙋꙋ. ѿ. ѿ. ѿ. индикта. ѿ. м(с)ца. вкта|бра. въ. кд. на пама(т) стго м(ч)к| арефы. въ князьствоующо(м)| градѣ велико(м) москъвѣ. при| державѣ велика(г) княза васі|льа дмитрееви(ч). при архіе|пискупѣ всеа руси митропо|литѣ киприанѣ въ прч(с)тнѣи| вбители великаго сѣа. в|брана

6. Выводы

Итак, нам стало известно уже четвертое связанное с именем агиографа Пахомия Логофета (Житие Никона Радонежского) жизнеописание русских святых, из которого сделал заимствования автор Жития Александра Свирского. В то же время более половины известных источников Иродиона составляют сочинения книжников разного времени: египетского странника Пафнутия, палестинского монаха Кирилла, киевского монаха Нестора, монаха Хиландарского монастыря Феодосия, а также анонимные жития Пахомия Великого и Евстафия Плакиды. В Житии Александра Свирского использованы в равной мере жития русских святых, переводные жития и сербское житие святого Саввы. Кроме житийных памятников, источниками Иродиона явились Сказание о чуде архистратига Михаила в Хонех и послесловие к "Оку церковному".

Таким образом, у нас появляется основание для вывода о том, что Иродион не руководствовался в своей работе какими-либо патриотическими или жанровыми соображениями и не был подражателем Пахомия Логофета. По всей видимости, выбор источника мотивировался конкретной литературной задачей и каждой конкретной сценой, для описания которой агиограф и брал "краски" у своих предшественников. Изучение этих мотивов — дело будущего.

В свою очередь Житие Александра Свирского само создало литературную традицию, послужив источником житий целого ряда севернорусских святых: Ефрема Перекомского [Ключевский 1871: 263–264], Александра Ошевенского [Яхонтов 1881: 88–109], Антония Сийского [Ивд.: 111–114], Кирилла Новоезерского [Карбасова 2008]. Этот перечень нужно пополнить еще одним памятником — Повестью "о преложении тела" Антония Римлянина, среди источников которой Житие Александра Свирского, как кажется, до сих пор не называлось [Фет 1988: 246–247; Творогов 2005: № 14, 13–14].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Житие Никона Радонежского в Краткой редакции

В основу издания положен старший список Краткой редакции: РГБ, ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 116. Б. М. Клосс датировал содержащую список рукопись 1443–1445 гг. и определил в ней десять почерков [Клосс 1998: 172–173]. Житие Никона Радонежского находится на листах, переписанных девятым почерком: лл. 398об.–410 и 412–421об. [Ивд.: 173]; первый почерк атрибутирован Пахомию Логофету: лл. 1–176 [Ивд.: 172–173].

Текст публикуется буква в букву, с разделением на слова; конец строки и листа отмечены одной и двумя вертикальными чертами соответственно. Номер листа дается в круглых скобках и предшествует тексту. Для удобства читателей повествование разбито на главы, которым присвоены номера и заголовки. Киноварь передается полужирным шрифтом.

Воспроизводятся все буквы; варианты букв не различаются. Используются два вида титла: над одной буквой и над двумя. Вынесенные над строкой буквы, под титлом или без него, вносятся в строку в круглых скобках. Лигатуры разделяются. Прописные буквы и пунктуация рукописи сохранены.

В рукописи имеются исправления древнерусского редактора. В издании они переданы следующим образом: в угловые скобки помещаются слова, написанные на полях или над строкой; в квадратные скобки заключаются вычеркнутые или вымаранные слова или буквы.

Заимствования из Похвального слова патриарху Евфимию обозначены парными прописными латинскими буквами, которые выделяют начало и конец каждого фрагмента: А–А, В–В, С–С, D–D, E–E, F–F, G–G, H–H, I–I, J–J, K–K, L–L, M–M, N–N, O–O, P–P, Q–Q, R–R, S–S, T–T, U–U, X–X, Z–Z (всего 23).

Для прояснения некоторых трудных мест привлекаются список Краткой редакции *Тр. 670*, списки Особой редакции *Тр. 763* и *Тихонр. 705* и Пространная редакция по изданию В. Яблонского [1908]. Некоторые очевидные описки писца в издании исправляются, при этом чтение рукописи указывается в примечании.

Издается впервые.

(л. 415) **ЖИ(Т)Е СТГО НИКОНА ОУЧЕНИКА БЫВША БЛ|женаго
сергіа. све(д)но въкра(т)цѣ. бл(с)ви вѣче .: ~|**

1. О рождении, приходе к Сергию и пострижении в Высоцком монастыре

Съ бл҃женыи б҃гоносныи ѿцѣ никв(н). рож(д)е|ніе имѣше гра(д) юрьевъ зовв(м). еще же ѿ юна(г)| възраста. изволи боу работати. и прихо(ди)|тъ къ бл҃жному сергію. и молить е(г) въ еже| облещи въ иночьскыи вбразъ. он же посы|лаеть е(г) в манастирь высокое нарицаемъ.| къ своему8 оученику8 аванасью именемъ. и тамо повелѣ|нїемъ бл҃жнаго сергіа, възлагаю(т)| на нь иночьскыи вбразъ. и того бо пре(д)ре(ч)нна(г)| манастиря, начало сътвори прп(д)бныи сергіе.| и населителю прѣвѣ³¹ бывш8. и тамо бл҃же|ном8 никон8 пребывающю въ всакв(м) посл8|шанїи и смиренїи.

³¹ В рукописи “пръе”.

2. О поставлении в священники и о втором приходе к Сергию

доспѣвшю же емѸ съврѣшенанаго възраста. и сщѣнствѸ спо(д)бльшю(с).| и паки прихо(ди)ть къ блженомѸ сергію. и ѿ сего| навькъ тако ѿ искѸсна вож(д)а всемѸ иноч|скомѸ житію. сего бо блжнныи сергіе. | ^A слову(м) оученіа тако дѣж(д)ь нападе того дшю. | кшпно (ж) и тѣ расташе оусердіемъ и вѣрою е(ж)| къ стѣмѸ. и пло(д) дхвнныи по ап(с)лѸ послѣшаніа. | приношааше. ^A (Рим 6: 16–23) елма же шцѣ зра сего блгочи|ніе и по времени повелѣваетъ емѸ съ собою| в келіи пребывати. тѣи (ж) съ всаки(м) оусердіе(м). | тѣаше(с) повелѣннаа ѿ него сътворити. и не| тако на члѣка възираа, нѣ тако пре(д) бѣмъ стоати мна(с)|| (л. 415об.) И елика повелѣнна бывахоу ѿ блжнаго. тѣ| тако ѿ самы(х) х(с)выхъ оустъ пріимаше. и вса| сѣ вѣрою послѣшааше. елико многы(м) образы| быти зрачимъ ѿ него. тѣмъ же и шцѣ сѣ|ло веселашеса зра сего доброе произволеніе. | и сице в малѣ(х) днѣхъ промеж(д)ю внѣ(х) старецъ. | ^B тако сѣаше тако плотію единою оумаленъ| ѿ аггѣль познавати(с). ^B и ѿсѣдоу ^C показаше(с)| како на конци съврѣшенанаго възраста бѣде(т)| такоже и въ блгоро(д)ны(х) садо(х) бывае(т). егда ѿ| прѣваго прозабеніа прѣ(д)възвѣщаетъ| дѣлателью настоящимъ виду(м) цвѣта. | иже на послѣдв(к) добротѸ плода. ^C тако (ж)| и сего рас(д)телныи шцѣ сматраа внѣ|трннмаи вчима познаваше на послѣдв(к)| хоташаа быти. и помышлаше сего| пастыра вбителии мноа оустроити. | еже и бы(с).

3. О предсмертном завещании и преставлении Сергия. О поставлении в игумены

и преж(д)е шести(х) мѣихъ свое|го преставленіа. призываетъ весь ли|къ ѿ шцѣ тоа вбителии. и семоу предѣ| всѣми. аще томоу и не хоташѸ мана|стырское [строенье]³² ^D тако искоусноу во|жю блжнному никоноу предаеть рас(д)телныи шцѣ. сам же крайнее безъмль|віе любом(д)ръствоваше. ^D ^E елма же внѣ| повиновашеса повеленію шцѣ. и бра|тїи попеченіа прохож(д)аше слѣжбѸ. ^E не| тѣкмо в телесны(х) нѣ множае паче о дхвнны(х). || (л. 416) ^F по малѣ же времени блгоснаго шцѣ къ| г(с)Ѹ ѿше(д)ша. многыи почитаеть сле|зами, и ч(с)тнѣ гробѸ предаеть. новыи| ісаакъ новаго авраама. или такоже дрѣгыи| елисеи, вмѣсто милоти тѣло наслѣдова| вчѣе. ^F

4. Об исправлении научений Сергия

такъ видѣ блжнныи шцѣа къ гоу в|ше(д)ша. вса елика видѣ ѿ него тѣшасе ³³ съ| любовію³³ исправити. ^G и не бѣ погрѣшно| ѿноу(д) тоговы(х)³⁴ оучительствы(х). понеже бо| преж(д)е слышаніа такова на оучителии вчи|ма зраще. вобразѣ бѣ к

³² В рукописи затерто; в *Тр. 670* отсутствует; "строение" [*Тр. 763*, л. 408₁₄; *Тихонр. 705*, л. 288об.₈].

³³ "со|бою" [*Тр. 763*, л. 408об.₈₋₉; *Тихонр. 705*, л. 289₅].

³⁴ "таковы(х)" [*Тр. 763*, л. 408об.₁₀; *Тихонр. 705*, л. 289₆₋₇]; в Пространной редакции "того" [*Яблонский 1908*: LXXI].

наказанію дово|лень и кромѣ словесъ. себе пре(д)лагаа дѣли| всѣ(м) прѣвовобраз-
на^G H-іако ѿ видѣніа токъмо| и ѿ обычаа оустроенію доволнѣ пре(д)подава|ше³⁵
зращи(м) ползѣ.^H постъ же его и млѣвѣ| и noctное стоаніе. равностоателнѣ
прѣ|оупо(д)бити бесплотны(м). что же внѣ³⁶ оу|таити сіа вчима зращи(х) тща-
ше(с) I-стра(д)ше| по(д)бнѣ вномѣ. иже свѣтило посре(ди) стѣ|кла оутаити
хотащемѣ.^I

5. О нашествии Едигея и о видении Сергия и Петра и Алексея митрополитов

<w пришествіи едигеа>³⁷

И понеже слы|шашеса безбожнаго едегелъ съ прочими| варвары нашествие съ
силами оубо вели|кыми на роусьскѣю землю. и бѣше оубо все| православное въ
страстѣ сѣло оутѣсна|емо. что же блжнны оумнїи вчи на нѣо| възве(д) коупно
(ж) и роуцѣ. въ своемъ прави|лѣ в нощи молашеса. и млѣвы стго оца| призываше.
въ еже и тому оу млѣвѣ про||стрѣти (л. 416об.) къ вбщемоу вл(д)цѣ х(с)оу. іако
да не| предасть в запоустѣніе мѣсто вно ѿ бѣ|збожны(х). семоу же бываемоу,
сѣдѣ мало| почити. и абіе іако во истоуплѣнїи бы(с).| и ави(с) емоу блжнны
сергіе съ двѣма архїере|вма. съ петрѣ(м) новы(м) чудотворцемъ и але|ѣеумъ,
являюще іако тако ре(ч) соудбамъ| бжїимъ изволиса. ты же чадо не скорби| нѣ
моужаиса и да крѣпитса ср(д)це твое| аще бо искѣшенїе в малѣ боудеть. нѣ
ко|нечнаго запоустѣніа свобѣ(д)но боуде(т), и бо|лми распространитса вби-
тель. и тако| чю(до)творивыи петрѣ, и алеѣе, бл(с)вивше бла|женаго никона
мирѣ прирекше. и тако абіе| невидими быста. възбнѣв же блжнны ѿ ви|дѣніа,
скоро притече къ дверемъ келїа.| и видить келїю затворену. и ѣбо ѿврѣзъ|
видить явленно блжнны(х) ѿ келїи градоущи(х).| и ѿ сего разоумѣ истиннѣ
быти безбожн|ны(х) нашествїе. что же блжнны іако прѣ(д)|оувѣдѣ вола г(с)на
да боуде(т) рече бываемое.|

6. Об исполнении пророчества и разорении монастыря

и понеже J-мало врѣма прѣиде и проре(ч)ннаа| начало прїимаахоу. и варварѣ(м)
страни они| плѣнѣющы(м).^J доспѣша и блжнаго ѿца| обители. и вса елика об-
рѣтоша вгню предаше.| блжнному никоноу съ прочими братїа|ми нѣчто мало
оуклонившюса мѣсто дае|³⁸ градѣщемѣ гнѣвѣ. варварѣ(м) же ѿше(д)ши(м)|
(л. 417) паки блжнны къ обители възвращаетса.| и ви(ди)ть възлюбленное вно
мѣсто, и трѣ(ди)| оца вгнемъ сожжени. что оубо не по(д)ба|ше блжнної внои дшїи
печалны(х)³⁹ прїати| тог(д)а. зра елика бахоу стго его ѿца| памети достоина.
вса поправна ѿ безако|нны(х).^K нѣ оубо не низпаде печалїю. не оуны| или

³⁵ “преподаваше” [Tr. 763, л. 408об.₁₇], “пре(д)подаваше” [Тихонр. 705, л. 289₁₅].

³⁶ После “w” затерта буква “г”.

³⁷ Написано киноварью на внешнем поле, поперек листа.

³⁸ В Пространной редакции “даа” [Яблонский 1908: lxxv].

³⁹ В рукописи “печачны(х)”.

вслабѣ ѿ по(д)вига. Или паки что провѣ|ща мало или велико тогова любом(д)-
риа недо(с)|инѣ глѣ никакже.^{-K} нѣ абіе вѣстаетъ моу|жъскы ^Lтакоже нѣкыи
добліи воевода. по|бѣж(д)енѣ бывѣ ѿ спротивны(х), не дастъ⁴⁰ пле|щи в конецъ,
нѣ паки съвѣкоупльса съста|влаетъ побѣдоу. також(д)е и се.^{-L}

7. О строительстве монастыря

<о строеніи монастыря>⁴¹

^Mпонеже| црѣковѣ съгорѣвшѣ видѣвъ. множай|шимъ по(д)вигѣмъ вдаетъ себе.^{-M}
и братію| събравъ и скръбнаа съ радостію прѣноси|ти наказавъ. ^Nи абіе црѣвъ
прѣвѣе древа|ноу въз(д)визаетъ въ славоу сѣтыа тр(о)ца.^{-N} По сем же [еже]⁴²
<времени>⁴³ тщитса еже въз(д)вигноути| црѣвъ каман(н)оу надъ гробѣ(м)
своего шѣа. и зъдчи ѿвсюдоу събравъ и всемогущо|моу бгѣ по его произволенію
поспѣшество|вавшу. црѣвъ прекраснѣ въз(д)вижеть. | въ има иже на се поспѣш-
ствовавшомѣ. | въ тр(о)ци славимому бгѣ. и въ похвалоу| своемуу шѣю ^Oиже
сего поборникъ.^{-O} и мно|гами добротами оукрасивъ тоу. нѣ⁴⁴ оу||бо (л. 417об.)
зра тѣ по(д)писаніемъ неукрашеннѣ сѣ|ло болѣзноваше дхѣмъ. и тцаше(с)
всако и| симъ оукраситі ю. нѣ оубо ѿ нѣкы(х) въ|збранаемъ бѣ иже по скръни(х)
онѣ(х) бывши(х)| скоудости прилѣчившоиса. нѣ тѣ по|бѣжаемъ великы(м)
желаніемъ. еже оузрѣ|ти своима шѣима црѣвъ съврѣшеннѣ. | или паки тако нѣчто
провидѣ дхѣмъ въ|скорѣ дхѣвны(х) шнѣ(х) моужь и свое преста|вленіе. и сего
ра(ди) вѣскорѣ сврѣшити хо|тѣаше. бгѣоу на се поспѣшествовавшѣ| емоу еже и
бы(с). събравъ бо живописци| моужи въ добродѣтели съврѣшенны(х). | данила
именемъ и спо(с)тника его ан(д)реа. | и нѣкы(х) с ними. и абіе дѣлоу касаются.⁴⁵
и сѣло различными по(д)писаніи оудобри|вше тоу. могоуща всѣ(х) и донѣ
зрашихъ| оудивити. послѣ(д)нѣе се рѣкодѣліе на| пама(т) себе вставльше. и
такъ съврѣшише⁴⁶ вса. нѣчто мало пребывше. абіе сѣми|ренны ан(д)реи вставль
сию жизнь къ г(с)оу ѿ|идѣ. таже и съпостникъ его даніиль. | оба добрѣ поживше,
и въ старости| велицѣ бывше, блггii конецъ пріаше⁴⁷. егда| бо хотѣаше данииль
тѣлеснаго съоуза ра|з(д)рѣшити(с). абіе ви(ди)тъ възлюбленнаго емѣ| ан(д)реа
въ радости призывающа его. онъ же| тако видѣ его(ж) желаше сѣло радости
исполни(в)са. || (л. 418) и братіи пре(д)стоащимъ сказааше по(с)нѣка⁴⁸ е(г)|
пришествіе. видѣша же брата сихъ| преставленіе. познаше тако сего ра(ди)

⁴⁰ "даеть" [Tr. 670, л. 472₁₈; Tr. 763, л. 410₁₆; Тихонр. 705, л. 291₁₂].

⁴¹ Написано кинварью на внешнем поле, поперек листа.

⁴² Зачеркнуто; в Tr. 670 отсутствует.

⁴³ Вписано над строкой; "времени" [Tr. 670, л. 472об.₁].

⁴⁴ Замазано или испачкано, плохо читается; "но" [Tr. 670, л. 472об.₁₀].

⁴⁵ "касае(т)са" [Tr. 763, л. 411₈; Тихонр. 705, л. 292₁₈].

⁴⁶ "съве|рши(в)ше" [Tr. 670, л. 473₅₋₆].

⁴⁷ "пріаша" [Tr. 670, л. 473₁₁].

⁴⁸ "(с)|постника" [Tr. 670, л. 473₁₆₋₁₇].

вско|рѣ хоташе по(д)писаними црѣвъ ѿнѣ оукра|сити. за еже разоумѣти емоу дхвнихъ| ѿнѣ(х) моужи преставленіе. тѣмже| и блг(д)тъ емоу велію исповѣдахоу. видѣ|в же и блжѣи никв(н), црѣвъ съврѣшенѣ| сѣло веселаше(с) дхвмь. гла. блг(д)рю та х(с)е| всѣ(х) ц(с)рю ѿко не презрѣлъ еси мое проше|ніе. нѣ даровал ми еси сіа вса моима оу|зрѣти учима. многыми же и инѣми| добротами оукрашивѣ тѣ. ѿкоже и са|ма доброта црѣвѣнаѣ, и прочаѣ. аще и| не глѣсомъ вещи же паче ѿко трѣбою| проповѣдоуютъ стѣго по(д)виги. И еже на| неви(ди)-мыа врагы бореніа. також(д)е и ма|настырь болми распространити тѣца|шеса. и елико оубо сего блжѣнаго нико|на по члѣвскому бѣ его тѣчаніе. соу|гоубо помощь бжѣа поспѣшествоваше.| Елма же елика скрѣбѣнаѣ бѣхоу учима. зрѣ|щи(х) манастырскоую красотоу съгорѣвшю| сѣгоубо веселіе прѣимаше тѣ(х) дѣша зраще| второе еѣ блѣолѣпіе.

8. О процветании монастыря

^Pтѣмъ и ѿсоудоу| повсюдоу явлена баше моужа добродѣтель| и ѿко прѣстѣ(м) того показоуаше, еже ѿ жи(т)а.| еже ѿ слова солію растворена. еже ѿ смѣреніа.|| (л. 418об.) еже ѿ самого манастырскога строеніа.|^P ^Qѿкоже свѣ(д)тельствѣютъ тогови поти и| трѣди еше в тѣле ѿбрѣтающіа тоа же| ѿбители иноци свѣ(д)тели извѣстни.|^Q ^Rкъ симъ и слово ап(с)льское исполнаемо вида|шеса, еже роуцѣ мои послужиста ми и сѣ|щи(м) со мною. (Деян 20: 34) и дѣлв(м) оувѣраше глѣмое.^R ^Sкъ си(м)| и оученикѣ ликѣ зрашеса, и постничьскы(х)| съборы. елико ч(с)тнѣ елико доволенѣ нарица|тиса такова ѿца чадв(м). елико ищущихъ| лице бѣа ѿковла.^S и что многоглю вса соу|гоуба познавахоуса бл(д)тїю х(с)вою. елико при| блжѣнемъ ѿци сергїи, множае нынѣ. ^Tи бѣ| чю(д)-но видѣти, и промысла бжѣа достоино| творимое. прѣзирахоуса имѣніа дома| и ѿчѣства. и съ чюдными никв(н). искашеса| за еже подати тѣмъ дхвною пищуу.|^T ^Uповсю(д) бо бѣ никоно(в) има слышати. ѿко| сщѣніе нѣкое ѿносимо^U и всакыми оусты| члѣвчскими хвалимо.

9. О преставлении

<о преставленіи ѿца никона>⁴⁹

жив же стѣи в тв(м)| добрѣ(м) настоательствѣ, седмъ къ тридеса|тимъ лѣтѣ(м). ничтоже ѿ подвигъ погрѣ|шивѣ. елика видѣ ѿ оца, нѣ вса добрѣ и|справивѣ. и върѣченное⁵⁰ емоу стадо ѿ х(с)ѣ| оупасѣ. и к'вышнимъ подвизати(с) сѣтвори(в).| и по съврѣшеніи црѣвѣнѣмъ мало пребывѣ.| и м(с)ца ноеврїа в недоугѣ тѣлесныи впа(д). и при|зываетъ братїю, и все⁵¹ ѿсщѣнныи⁵² съборѣ.|| (л. 419) и поучивѣ и(х) ѿ ползи ^Xзаповѣдїи г(с)нихъ дрѣ|жатиса. и вѣроу съхранити непорочнѣ.|

⁴⁹ Написано киноварью на внешнем поле, поперек листа.

⁵⁰ Исправлено из "въреченное".

⁵¹ "все" [Тр. 670, л. 474об.3], "весь" [Тр. 763, л. 412об.19; Тихонр. 705, л. 294об.7].

⁵² "сщѣнни(и)" [Тр. 763, л. 412об.20], "сщѣнныи" [Тихонр. 705, л. 294об.7].

еаже ра(ди) не токмо къ вл(д)цѣ познаваецса лю|бѣвь, нъ и слава послѣдоуеть
иже сѣа съхра|нѣшимъ.⁵³ сѣа же ина мнѡга побѣивъ и(х) ѡ по|лѣѣ. проявлено же
емоу бы(с) прежд(е) тѣлѣ|снаго раз(д)рѣшенїа, съ блѣжнѣмъ ѡцѣмъ оуго|тованно(е)
покоище. и прѣ(д)стоащи(м) емоу оу|ченикѡ(м) глѣше. Ѡнесете ма прочее, въ
оно|свѣтлое жилище, иже оуготоваша ми|ѡца моего млѣтвы. сѣа же на мнѡгъ
ча(с) го|рѣ къ высотѣ роукою показоуа глѣше. и абїе|ч(с)тное и пр(с)тое тѣло и
кровь г(с)а нашего гв|х(с)а добраго съпоутника прїемь. и братїи| послѣднѣ
бл(с)венїе вставивъ. ч(с)тноую| и трудолюбною дшю съ млѣтвою г(с)ви ѡда(с).|
того же м(с)ца въ, зї. бра(т)а же проводивше| его ч(с)тно. Ѱлмопнїемъ и на(д)-
грѣбными| ѡкож(д)е достоить ѡца почетше. близъ| раки прп(д)бнаго сергїа
положиша. идѣже| вбрѣтаются и доннѣ. ч(с)тныа его и цѣ|лебныа мощи. исцѣ-
ленїа всѣмъ подава|юще иже вѣроу приходящи(м). и чудеса ѡко|же нѣкыи ис-
точникъ кыпаше. Ѡ ни(х)же| нечто речемъ ѡ мнѡгы(х) мало.

10. Чудо первое, об Акакии

<о акакїи>⁵³

Нѣкыи и|нокъ именемъ акакїе ѡ тоа же вбители| [акакїе именемъ.]⁵⁴ еще в сеи
жизни блѣжно|моу никоноу. посылаемъ бѣ ѡ прп(д)бна(г) ре(ч)ннѣи|| (л. 419об.)
акакїе, на нѣкою слоужбоу въ единою ѡ|веси монастыря оноу. онъ же не по-
виноу|шесѣ глѣ, ѡко не на се ѡреко(х)са мира въ ѡже|веси и грады вбхо(ди)-
ти. и мнѡго блѣжному| млѣвшю его, нъ тѣ никакоже на послоу|шанїе вбраща-
шесѣ. послѣ(ди)же ре(ч) емоу пре|по(д)бнѣи. блю(ди) брате егда когда своимъ
про|изволенїемъ вбращешиса тамо и мѣз(д)оу| влѣдшанїа прїимеши. по престав-
ленїи| же блѣжнаго никона. предре(ч)ннѣи акакїе| забвенїю предавъ ре(ч)ннаа
сѣтѣмъ. Ѡходить| въ пре(д)ре(ч)нноую весь. и тако постиже его| сѣ(д) проречен-
нѣи сѣтѣмъ. истоупивъ бо оу|мѡ(м) и тако братїами приведенъ бы(с) въ| мана-
стырь. и гависа емоу сѣтѣи никѡнѣ.| дрѣжа жезлъ в роуцѣ прѣта емоу глѣ.| на се
ли ѡречеса мира ѡ акакїе въ ѡже ве|си и гради вбхо(ди)ти. онъ же начатъ тре-
петати страхѡ(м) вдрѣжимъ. и нѣко|лико днїи тако емоу стражущоу, и пре|бы-
вающоу оу раки прп(д)бнѣи(х). моласа и пла|ча ѡ сѣгрѣшенїи свое(м). також(д)е
и братїа| ѡко любовни сѣще мѣлахоуа о немъ. и тако блг(д)тїю х(с)вою и млѣтва-
ми сѣтѣ(х) раз(д)рѣше|нїе полуучивъ братъ бы(с) з(д)равъ и смысленъ ѡкож(д)е
и прежд(е). сѣа же самъ мнѡгаж(д)и| въпросившимъ е(г) съ плачемъ извѣствѣаше.|

11. Чудо об исцелении больного, о Семене Антонове

<о семенѣ антѡновѣ>⁵⁵

Инъ же члѣкъ ѡ великы(х) коупецъ, семѡв(н), има|| (л. 420) емоу, слѣчиса емоу
в болѣзнѣ велїю впасти| ѡко на многы днїи ничтоже емоу вкоуси|вшоу, нъ тако

⁵³ Написано киноварью на внешнем поле, поперек листа.⁵⁴ Вымарано; в *Тр. 670* отсутствует.⁵⁵ Написано киноварью на нижнем поле.

сѣлноу болѣзнію томѣ| оутѣснаемоу ниже двигноутиса могоу|шоу. въ единую же ѿ ноши поману сѣго| сергіа чюдеса. и колика исцѣленіа твори(т)| его ра(ди) бѣ. и начатъ въ оумѣ млітиса| и глати сѣи сергіе помози ми и избави| ма ѿ болѣзні сеа. въспомани оубо егда| бѣ с нами в сеи жизни коликоу любовь и| блг(д)тъ имѣаше к' родителемъ моимъ.| також(д)е и на мнѣ блг(д)тльство покажи,| и избави ма ѿ болѣзні сеа. сѣа же и ина| многа на мѣлѣбоу простираше. тогда| ависа емоу прп(д)бныи сергіе, съ блжены|мъ никонѣмъ. свѣтилнику горащоу| всѣмъ же в домоу спашимъ. семешноу же| видѣвшѣ сѣихъ прихв(д), сѣго сергіа не по|знаваше. нѣ токмо никона единого.| и ѿ⁵⁶ того разоумѣ, егоже призываеши⁵⁷ се|ргіа тѣ есть. онъ же хотѣше въстати| нѣ не можаше. ниже паки проглати что.| сѣи же ста близъ его и знамена его кр(с)тв(м)| иже ношааше въ роуцѣ свои. по семъ же по|велѣваеть. и блжнному іако да и тѣ зна|менаеть его. також(д)е же и никв(н), възем| иконоу близъ соущоу ѡдра его. и тако| и тѣ знамена его. сѣа же икона дарова|на (л. 420об.) бѣ ѿ того же блжннаго никона. тѣмъ же| и онъ семешнѣ. бл(с)веніа⁵⁸ ра(ди) и въспоминаніа ра(ди)| еже къ сѣмоу любви дрѣжаше ю в домоу свое(м).| нѣ сѣа вставльше прележащи(х) коснемсѣ.| и іакоже знаменаше его ѡбои. по семъ же| въземше за власи главы его, и тог(д)а іако мнѣ|тиса съдраша кожѣ его. и абіе невиди|ми быста ѡбои. семешноу же пріемшоу| исцѣленіе. възбнѣвъ ѿ видѣніа разоумѣ| іако болѣзнь ѿша сѣи. възбудивъ же| и подрѣжие свое. начатъ радостнымъ гла|сумъ и свѣтлимъ ѡбразв(м) чюдеса сѣи(х) и|сповѣдати. имѣа свѣ(д)тела прибывшее| емоу⁵⁹ з(д)равіе. Въставъ же в' тои ча(с) сътвори| поклонъ, па(т)надесать. въ славѣ сѣи(х) и блго|дареніе :~

12. Чудо о Матфее архимандрите

<ѡ матѣеи архиман(д)ритѣ>⁶⁰

И нѣ же сщеникъ манасти|ра того ж(д)е. матѣеи именемъ. [изыде изъ ма|настирѣа того]⁶¹ <пребы(с)>⁶² на архиман(д)ритѣ[ю]⁶³ въ градѣ. и тамо емоу пребывшоу нѣ-колико время. въ болѣзнь впаде. и ѿнесенъ бы(с) [паки]⁶⁴ въ|манастирь <сѣго>⁶⁵

⁵⁶ В рукописи “ѡ”.

⁵⁷ “призываше” [Тр. 763, л. 413₉], “призываше” [Тихонр. 705, л. 297об.₄₋₅].

⁵⁸ В рукописи “бл(с)веша”.

⁵⁹ В рукописи “мз(д)оу”.

⁶⁰ Написано киноварью на внешнем поле, поперек листа.

⁶¹ Вымарано; в Тр. 670 отсутствует; “изиде изъ мона|стирьѣа того” [Тр. 763, л. 414₁₋₂], “и|зиде изъ манастирѣа то|го” [Тихонр. 705, л. 298об.₄₋₆].

⁶² Вписано над строкой; “пребы(с)” [Тр. 670, л. 476об.₁₃], в Тр. 763 отсутствует.

⁶³ Последняя буква исправлена на “и”; “и” [Тр. 670, л. 476об.₁₄], “ю” [Тр. 763, л. 414₂; Тихонр. 705, л. 298об.₆].

⁶⁴ Вымарано; в Тр. 670 отсутствует; “паки” [Тр. 763, л. 414₂; Тихонр. 705, л. 298об.₁₀].

⁶⁵ Вписано над строкой; “сѣго” [Тр. 670, л. 476об.₁₆], “сѣго сергіа” [Тр. 763, л. 414₆; Тихонр. 705, л. 298об.₁₁].

[Ѡнѡдоуже изыиде]⁶⁶. и млтва|ми блжны(х) ѡць сергіа, и никона исцѣленіе| полоучивъ. нъ славою сана побѣж(д)аемъ.| ѡкож(д)е и въ мноѡ(х) слѡчается. и паки въ|звращается въ пре(д)ре(ч)нныи манастырь| на архиман(д)ритъство. ѡко тамо ч(с)ти и по|клананіа ѡ всѡ(х) приемла. и паки по нѣ|колицѡ(х) време(х) в недѡгъ впаде. нѡ везенѡ|| (л. 421) емоу бывшоу въ манастырь. и оу ракъ сты(х)| преbывшоу исцѣленіе полоучивъ. нъ и та|ко не позна наказаніа. нъ паки възвращается въ пре(д)ре(ч)нное емѡ архиман(д)ритъ|ство. семоу же многаж(д) бываемоу. и ѡко| по нѣколицѡхъ временѡ(х) в недоугъ впаде.| и въ истѡпленіи бывшѡ. зреть себе прише(д)|ша въ обитель прп(д)бны(х). и срѣте его ѡць бла|женныи никѡ(н), дрѡжа жезль ѡбличаа его| и глѡ. что оубо лице-мѡрса к намъ прихо|диши болѣзнію ѡдрѡжимъ. исцѣле|ніе же получивъ паки ѡходиши ѡ насъ. нъ ѡнна пребоу(ди) тамо идеже възлюби|лъ еси жити. к нам же никакоже при|ходи. възбоуѡв же пре(д)ре(ч)нныи архиман(д)ри|тъ ѡ видѣ-ніа страхѡмъ ѡдрѡжимъ.| позна себе ѡко погрѣшивша за еже емоу| изыти из манастыра прп(д)бны(х) ѡць. и а|біе ѡходить въ манастырь помысливъ не| възвратити(с) въспа(т). исповѡдаше же и| братіи мл(с)твое⁶⁷ наказаніе блжнаго ни|кона. и тако мало поболѡвъ. въ покаа|ніи добрѡ(м) исповѡданіи престависа.| и положенъ бы(с) съ ѡци.

13. Заключение

многа же и ина бла|женнаго чюдеса. ѡже преминѡхѡ(м) множ(д)е|ства ра(ди). ѡ(ж) в животѡ и по смрті. сіа же ма|ла нѣчто писаниѡ(м) предахѡ(м). к ревности| послѡшателемъ. ^zмнѡ же ѡ немъ прочее|| (л. 421об.) здѡ слово конецъ. да възпріиметь идеже| ѡнѡ. конецъ житіа възпріатъ. и нача|ло жизни вѣчна. еоуже боуди всѡмъ| намъ полоучити. ѡ х(с)ѡ ісе ѡи нашемъ.| емоуже слава съ ѡцѡмъ и съ стымъ дѡхѡ(м) и ннѡ и пр(с)но и въ вѡкы вѡкѡ(м) амнѡ : ~^z

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва), Отдел рукописей

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва), Научно-исследовательский отдел рукописей⁶⁸

РНБ — Российская Национальная библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей

⁶⁶ Вымарано; в *Тр.* 670 отсутствует.

⁶⁷ "мл(с)твое" [*Тр.* 670, л. 477²²], "мл(с)тивное" [*Тр.* 763, л. 414об.¹⁸], "ми|лостивное" [*Тихонр.* 705, л. 299об.¹⁴⁻¹⁵].

⁶⁸ Цифровые фотокопии рукописей собраний Троице-Сергиевой лавры, Н. С. Тихонравова и Иосифо-Волоцкого монастыря см. на сайте Троице-Сергиевой лавры: <http://old.stsl.ru/manuscripts/> (последнее обращение: 11.08.2017).

Библиография

Источники

Рукописи

Житие Александра Свирского*Тр. 629*

РГБ, ф. 304/І (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 629, кон. XVI в., лл. 290₁-395об.₂₂. Описание: [Арсений 1878-1879: ч. 2, отд. VI, 212-214].

Тр. 632

РГБ, ф. 304/І (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 632, XVI в., лл. 31₁-157₁₃. Описание: [Арсений 1878-1879: ч. 2, отд. VI, 216].

Тр. 633

РГБ, ф. 304/І (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 633, XVI в., лл. 221об.₁-316об.₁₀. Описание: [Арсений 1878-1879: ч. 2, отд. VI, 216].

Тр. 692

РГБ, ф. 304/І (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 692, 60-е гг. XVI в., лл. 214₁-292об.₂₃. Описание: [Арсений 1878-1879: ч. 3, отд. VII, 52-55; Клосс 1998: 239].

Тр. 269

РГБ, ф. 304/ІІ (Дополнительное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 269, XVII в., лл. 21₁-153об.₁₄.

Житие Никона Радонежского*Тр. 116*

РГБ, ф. 304/І (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 116, 1443-1445 гг., лл. 415₁-421об.₆. Описание: [Арсений 1878-1879: ч. 1, отд. II, 85-86; Клосс 1998: 172-173].

Тр. 670

РГБ, ф. 304/І (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 670, вторая четверть XVI в., лл. 469об.₁₁-477об.₁₁. Описание: [Арсений 1878-1879: ч. 3, отд. VII, 15-17; Клосс 1998: 236].

Тр. 762

РГБ, ф. 304/І (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 762, 60-е гг. XV в., лл. 60об.₁-70об.₅. Описание: [Арсений 1878-1879: ч. 3, отд. VIII, 169-171; Клосс 1998: 207-208].

Тр. 763

РГБ, ф. 304/І (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 763, 50-е гг. XV в., лл. 407₁-415₇, между лл. 412 и 413 утрачено два листа. Описание: [Арсений 1878-1879: ч. 3, отд. VIII, 171-173; Клосс 1998: 238].

Тихонр. 705

РГБ, ф. 299 (собрание Н. С. Тихонравова), № 705, 60-е гг. XV в., лл. 287₁-300₉. Описание: [Тихонравов 1892: отд. II, 172-195; Клосс 1998: 181, 239].

Житие Сергия Радонежского*Волок. 644*

РГБ, ф. 113 (собрание рукописных книг Иосифо-Волоцкого монастыря), № 644, XVI в., лл. 260₁-407₁₈. Описание: [Иосиф 1882: 288-290, № 223; Клосс 1998: 219-220, Пространная редакция].

Тр. 643

РГБ, ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 643, кон. XV в., лл. 80об.₃–164об.₁₆. Описание: [Арсений 1878–1879: ч. 2, отд. VI, 221–222; Клосс 1998: 208–209, 5-я Пахомиевская редакция].

Тр. 663

РГБ, ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 663, 60-е гг. XVI в., лл. 410₁–575об.₁₉. Описание: [Арсений 1878–1879: ч. 3, отд. VII, 1–4; Клосс 1998: 217].

Тр. 698

РГБ, ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 698, 50-е гг. XVI в., без кон., лл. 1₁–156об.₂. Описание: [Арсений 1878–1879: ч. 3, отд. VII, 60–61; Клосс 1998: 216]. Издание: [Леонид 1885].

Тр. 762

РГБ, ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 762, 60-е гг. XV в., лл. 70об.₆–148об.₁₆. Описание: [Арсений 1878–1879: ч. 3, отд. VIII, 169–171; Клосс 1998: 207–208, 5-я Пахомиевская редакция].

Тихонр. 247

РГБ, ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова), № 247, сер. XVI в., без нач. и кон., лл. 134₁–214об.₁₉. Описание: [Тихонравов 1892: отд. II, 198–199, 2-я Пахомиевская редакция; Георгиевский 1913: 41; Клосс 1998: 210, 5-я Пахомиевская редакция]. Издание: [Тихонравов 1892: отд. II, 61–100].

Сказание о убиении Михаила Черниговского*Тр. 642*

РГБ, ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 642, кон. XV и XVI вв., лл. 132₁–143₁₃. Описание: [Арсений 1878–1879: ч. 2, отд. VI, 220–221].

Выходные записи писцов*Тр. 123*

РГБ, ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 123, Творения Дионисия Ареопагита, 1524 г., л. 429об. Описание: [Арсений 1878–1879: ч. 1, отд. III, 91–92].

Тр. 224

РГБ, ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 224, Службник и Требник, 1474 г., л. 361об. Описание: [Арсений 1878–1879: ч. 2, отд. VI, 6–9].

*Издания***Житие Александра Свирского***ЖАС*

АЗАРОВА И. В., АЛЕКСЕЕВА Е. Л., ЗАХАРОВА Л. А., ЛЕМЕШЕВ К. Н., сост., ГЕРД А. С., ред., *Житие Александра Свирского: Текст и словоуказатель*, С.-Петербург, 2002.

Житие Никона Радонежского*Яблонский 1908*

Яблонский В., *Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографически-литературный очерк*⁶⁹, С.-Петербург, 1908 [текст жития: LXIV–LXXXI].

⁶⁹ Пространная редакция издана по рукописи РНБ, ОСПК, F.I.278, XVI в. с вариантами по рукописи РНБ, Софийское собрание, № 1491, XVI в.

Житие Сергия Радонежского

ВМЧ 1883

Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 25–30, С.-Петербург, 1883, 1408–1463, 1463–1563.

Леонид 1885

ЛЕОНИД (КАВЕЛИН), АРХИМ., *Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца и Похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. Печатаются по Троицким спискам XVI века с разночтениями из Синодального списка Макарьевских Четьи-Миней, с присоединением стихир Преподобному Сергию по напеву, именуемому “Трезвон”, положенных на церковные линейные ноты в начале XVIII столетия (= Памятники древней письменности и искусства, 58), С.-Петербург, 1885.*

Тихонравов 1892

ТИХОНРАВОВ Н. С., *Древние жития преподобного Сергия Радонежского*⁷⁰, Москва, 1892 [текст жития: Отд. I, 70–144].

Житие Феодосия Печерского

УС 1971

КОТКОВ С. И., ред., КНЯЗЕВСКАЯ О. А., ДЕМЬЯНОВ В. Г., ЛЯПОН М. В., подгот., *Успенский сборник XII–XIII вв.*, Москва, 1971, 71–135.

Похвальное слово патриарху Евфимию Григория Цамблака

КАЉУЖНИАСКИ 1901

КАЉУЖНИАСКИ Е., *Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven*, Wien, 28–60.

Литература

АРТЕМЬЕВ 1852

АРТЕМЬЕВ А., “Исторические рукописи библиотеки Императорского Казанского университета”, *Журнал Министерства Народного просвещения*, 1852, сентябрь, 23–76.

АРСЕНИЙ 1878–1879

АРСЕНИЙ, ИЕРОМ., *Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры*, Москва, 1878–1879.

Вздорнов 1968

ВЗДОРНОВ Г. И., “Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв.”, in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 23, Ленинград, 1968, 171–198.

— 1980

ВЗДОРНОВ Г. И., *Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV веков*, Москва, 1980.

Востоков 1842

ВОСТОКОВ А., *Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музея*, С.-Петербург, 1842.

Гаврюшина 1985

ГАВРЮШИНА Л. К., “Из истории сербско-русских литературных связей (Житие Саввы Сербского и русские агиографы XVI в.)”, *Советское славяноведение*, 1, 1985, 76–81.

— 2002

ГАВРЮШИНА Л. К., “Жития преподобного Сергия Радонежского и святителя Саввы Сербского в русской агиографии XVI в.”, in: *Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и*

⁷⁰ 2-я Пахомиевская редакция издана по списку РНБ, Софийское собрание, № 1358, XVI в.

духовной жизни России: Материалы II Международной конференции 4–6 октября 2000 г., Сергиев Посад, 2002, 208–222.

ГЕОРГИЕВСКИЙ 1913

ГЕОРГИЕВСКИЙ Г., *Собрание Н. С. Тихонравова*, 1: *Рукописи*, Москва, 1913.

ГОРСКИЙ, НЕВОСТРУЕВ 1859

ГОРСКИЙ А., НЕВОСТРУЕВ К., *Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки*, 2: *Писания святых отцев*, 2: *Писания догматические и духовно-нравственные*, Москва, 1859.

ДМИТРИЕВ 1988

ДМИТРИЕВ Л. А., "Иродион", in: Д. С. Лихачев, отв. ред., *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2: *Вторая половина XIV–XVI вв.*, 1: А–К, Ленинград, 1988, 440–442.

ИОСИФ 1882

ИОСИФ, ИЕРОМ., *Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской Духовной Академии*, Москва, 1882.

КАРБАСОВА 2008

КАРБАСОВА Т. Б., "Литературные источники Жития Кирилла Новоезерского", in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 58, С.-Петербург, 2008, 332–365.

КЛОСС 1998

КЛОСС Б. М., *Избранные труды*, 1: *Житие Сергия Радонежского*, Москва, 1998.

— 2002

КЛОСС Б. М., "Афанасий Высоцкий Старший", in: *Православная Энциклопедия*, 4, Москва, 2002, 59–60.

КЛЮЧЕВСКИЙ 1871

КЛЮЧЕВСКИЙ В., *Древнерусские жития святых как исторический источник*, Москва, 1871.

ЛЕОНИД 1867

ЛЕОНИД (КАВЕЛИН), АРХИМ., "О славянских переводах церковного богослужебного Устава", *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете*, 2, 1867, 1–10.

МАКАРИЙ ET AL. 2000

МАКАРИЙ (ВЕРЕТЕННИКОВ), АРХИМ., ЖУРАВЛЕВА И. А., ПОЛЯКОВА О. А., "Александр Свирский", in: *Православная энциклопедия*, 1, Москва, 2000, 536–539.

МАКАРИЙ, Э. П. Р. 2011

МАКАРИЙ (ВЕРЕТЕННИКОВ), АРХИМ., Э. П. Р. [= Энциклопедии Православной Редакция], "Иродион (Кочнев)", in: *Православная энциклопедия*, 26, Москва, 2011, 665–666.

МАНСВЕТОВ 1885

МАНСВЕТОВ И., *Церковный устав (Типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви*, Москва, 1885.

НЕКРАСОВ 1871

НЕКРАСОВ И., *Пахомий Серб, писатель XV века*, Одесса, 1871.

ПАК 2001

ПАК Н. В., "К проблеме источников Жития Александра Свирского: переводные жития", in: *Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри*, С.-Петербург, 2001, 145–151.

ПЕНТКОВСКИЙ 2004

ПЕНТКОВСКИЙ А., "Иерусалимский устав и его славянские переводы в XIV столетии", in: *Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция, София, 26–28 юни 2003*, София, 2004, 153–171.

— 2009

Пентковский А. М., “Иерусалимский устав”, in: *Православная энциклопедия*, 21, Москва, 2009, 504–506.

Пигин, Запольская 2004

Пигин А. В., Запольская К. М., “К вопросу об источниках Жития Александра Свирского: (Житие Пахомия Великого и Чудо архистратига Михаила «иже в Хонех»)”, in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 55, С.-Петербург, 2004, 281–288.

Покровский 1916

Покровский А. А., *Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие. Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей Библиотек в связи с вопросом о времени образования этих хранилищ*, Москва, 1916.

Прохоров 1988

Прохоров Г. М. “Афанасий Высоцкий”, in: Д. С. Лихачев, отв. ред., *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2: *Вторая половина XIV–XVI вв.*, 1: А–К, Ленинград, 1988, 79–81.

Руди 2006

Руди Т. Р., “О композиции и топике житий преподобных”, in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 57, С.-Петербург, 2006, 431–500.

СЕРГИЙ 1875

СЕРГИЙ, арх., *Полный месяцеслов Востока*, 1: *Восточная агиология*, Москва, 1875.

СНЕГИРЕВ 1842–1845

СНЕГИРЕВ И., *Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы*, Москва, 1842–1845.

Соболева 2013

Соболева А. Е., “Житие Александра Свирского как источник по истории русского литературного языка” (дисс. [. . .] канд. филол. наук, Москва, 2013).

Творогов 2005

Творогов О. В., “О «Своде древнерусских житий»”, in: *Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика*, С.-Петербург, 2005, 3–58.

Фет 1988

Фет Е. А., “Житие Антония Римлянина”, in: Д. С. Лихачев, отв. ред., *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2: *Вторая половина XIV–XVI вв.*, 1: А–К, Ленинград, 1988, 245–247.

Филарет 1850

Филарет (Гумилевский), еп. Черниговский, *История Русской Церкви. Период второй, монгольский, от опустошения России монголами до разделения митрополии. 1237–1410 г.*, 2-е изд., Москва, 1850.

Щепкина et al. 1965

Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голыщенко В. С., “Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея. Ч. 1: Русские рукописи”, in: *Археографический ежегодник за 1964 год*, Москва, 1965, 135–234.

Яхонтов 1881

Яхонтов И., *Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Составлено по рукописям Соловецкой библиотеки*, Казань, 1881.

References

- Dmitriev L. A., "Irodion," in: D. S. Likhachev, ed., *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/1, Leningrad, 1988, 440–442.
- Fet E. A., "Zhitie Antoniiia Rimlianina," in: D. S. Likhachev, ed., *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/1, Leningrad, 1988, 245–247.
- Gavryushina K. L., "From the History of Serbian-Russian Literary Relations (Zhitie Savvy Serbskago and the Russian Hagiography of the 16th Century)," *Sovetskoe Slavianovedenie*, 1, 1985, 76–81.
- Gavryushina K. L., "Zhitiiia prepodobnogo Sergiia Radonezhskogo i sviatitelia Savvy Serbskogo v russkoi agiografii XVI v.," in: *Troitse-Sergieva lavra v istorii, kul'ture i dukhovnoi zhizni Rossii*, Sergiyev Posad, 2002, 208–222.
- Karbasova T. B., "Literaturnye istochniki Zhitiiia Kirilla Novoezerskogo," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 58, St. Petersburg, 2008, 332–365.
- Kloss B. M., *Izbrannye trudy*, 1, Moscow, 1998.
- Kloss B. M., "Afanasii Vysotskii Starshii," in: *Pravoslavnaia Entsiklopediia*, 4, Moscow, 2002, 59–60.
- Macarius (Veretennikov), Zhuravleva I. A., Poliakov O. A., "Aleksandr Svirskii," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 1, Moscow, 2000, 536–539.
- Macarius (Veretennikov), "Irodion (Kochnev)," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 26, Moscow, 2011, 665–666.
- Pak N. V., "K probleme istochnikov Zhitiiia Aleksandra Svirskogo: perevodnye zhitiiia," in: *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Severnorusskie monastyri*, St. Petersburg, 2001, 145–151.
- Pentkovskiy A., "Ierusalimskii ustav i ego slavianskie perevodny v XIV stoletii," in: *Prevodite prez XIV stoletie na Balkanite*, Sofia, 2004, 153–171.
- Pentkovskiy A. M., "Ierusalimskii ustav," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 21, Moscow, 2009, 504–506.
- Pigin A. V., Zapolskaya K. M., "K voprosu ob istochnikakh Zhitiiia Aleksandra Svirskogo: (Zhitie Pakhomiiia Velikogo i Chudo arkhistratiga Mikhaila 'izhe v Khonekh')," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 55, St. Petersburg, 2004, 281–288.
- Prokhorov G. M., "Afanasii Vysotskii," in: D. S. Likhachev, ed., *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/1, Leningrad, 1988, 79–81.
- Rudi T. R., "O kompozitsii i topike zhitii prepodobnykh," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 57, St. Petersburg, 2006, 431–500.
- Shchepkina M. V., Protasyeva T. N., Kostiukhina L. M., Golyshenko V. S., "Opisanie pergamentnykh rukopisei Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. 1: Russkie rukopisi," in: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1964 god*, Moscow, 1965, 135–234.
- Tvorogov O. V., "O 'Svode drevnerusskikh zhitii'," in: *Russkaia agiografiia. Issledovaniia. Publikatsii. Polemika*, St. Petersburg, 2005, 3–58.
- Vzdornov G. I., "Rol' slavianskikh masterskikh pis'ma Konstantinopolia i Afona v razvitiu knigopisanii i khudozhestvennogo oformleniia russkikh rukopisei na rubezhe XIV–XV vv.," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 23, Leningrad, 1968, 171–198.
- Vzdornov G. I., *Iskusstvo knigi v Drevnei Rusi: Rukopisnaia kniga Severo-Vostochnoi Rusi XII – nachala XV vekov*, Moscow, 1980.

Наталья Викторовна Пак, канд. филол. наук

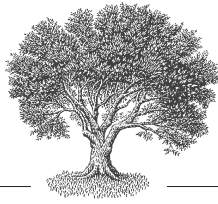
Государственный университет морского и речного флота имени адмирала
С. О. Макарова, специалист по учебно-методической работе

198035, С.-Петербург, ул. Двинская, д. 5/7

Russia/Россия

nataliya.pak@gmail.com

Received May 26, 2016

Славянский мир
и его судьбы
в древнейшую
эпоху его истории
в первой редакции
“Хроники”
Мартина Кромера

The Slavic World
and Its Destiny in
the Earliest Epoch of
Its History according
to the First Redaction
of the *Chronicle* by
Marcin Kromer

Борис Николаевич Флоря

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Boris N. Floria

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Изучение первого издания “Хроники” Мартина Кромера позволяет показать зарождение в польской исторической мысли середины XVI в. элементов научного исследования при рассмотрении таких вопросов, как прародина славян, пути и хронология их миграций на земли Центральной и Юго-Восточной Европы.

Ключевые слова

Мартин Кромер, XVI век, Польша, хроники, древние славяне, прародина славян, миграция древних славян

Abstract

Research on the first edition of the *Chronicle* by Marcin Kromer allows one to trace the genesis of elements of scholarly research into Polish historical thought of the mid-16th century; this includes the treatment of such issues as the homeland of the Slavs and the routes and chronology of their migration to the lands of Central and South-Eastern Europe.

Keywords

Marcin Kromer, 16th century, Poland, chronicles, early Slavs, homeland of the Slavs, migration of early Slavs

В середине XVI в. в сознании польского общества существовали разные представления об исторических судьбах славянского мира на заре его истории. Широким признанием пользовалась гипотеза о балканской прародине славян, которые, выйдя оттуда, перешли Дунай и поселились на землях к северу от него. Такое построение, детально разработанное Яном Длугошем во второй половине XV в., в своих основных чертах было воспроизведено в “Хронике” Матвея Меховского. Напечатанная в Польше в 1519 г. “Хроника” стала главным источником знаний о прошлом славянского мира для образованных верхов польского общества.

Такое построение, уже когда Меховский писал свою “Хронику”, встретилось с критикой итальянских ученых (в частности, Флавия Бьондо), утверждавших, ссылаясь на тексты византийских авторов, что славяне жили на север от Дуная и перешли через эту реку и стали селиться на Балканах лишь в правление императора Маврикия на рубеже VI–VII вв. Против этого построения выступил в своем труде и королевский историограф Бернард Ваповский, но он не успел завершить свой труд, он не был напечатан, и рукопись была доступна весьма узкому кругу людей (взглядам П. Ваповского, как их можно восстановить по ссылкам на него М. Бельского и М. Кромера, посвящено специальное исследование автора: [Флоря 2017]). Поэтому гипотеза о балканской прародине славян продолжала пользоваться широким признанием. Её излагал во введении к своим “Анналам” известный писатель и публицист середины XVI в. С. Ожеховский [Мыльников 1996: 88].

К тому времени, когда М. Меховский публиковал свою “Хронику”, против построения о балканской прародине славян стали выступать и немецкие ученые. Аргументы итальянцев Альберт Кранц использовал для обоснования построения, что славяне пришли вместе с германцами из Восточной Европы и входили в состав огромной державы, основанной прародителем древних германцев Туисконом, которая простиралась от Дона до Рейна. Славяне были потомками второго сына Туискона — Вандаля [Мыльников 1996: 9–40]. На польскую почву такие взгляды перенес эльзасский немец, придворный хронист короля Сигизмунда I Иост Людвиг Деций [Ulewicz 1950: 72–73].

Такова была историографическая ситуация, когда М. Кромер в 50-х гг. XVI в. завершил написание своего труда, напечатанного в Базеле в 1555 г. Древней истории славян в ней была посвящена первая книга. И выбор языка для изложения (латынь), и выбор места издания (Базель — один из главных центров европейского книгопечатания) говорит о том,

что труд был явно адресован не только польскому, но и европейскому читателю. Уже это ставило автора перед необходимостью изложить не только свое видение событий, но и обосновать его правильность в полемике с представителями других точек зрения, излагавших свои мнения в текстах известных образованному европейскому читателю.

Отразившиеся в этом труде представления автора о древней истории славян неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. Определенные итоги изучения этой части труда Кромера подвел А. С. Мыльников в ряде разделов своего обобщающего труда, содержащего характеристику изучения историографии XVI–XVIII вв. по древнейшей истории славян [Мыльников 1996: 165–168, 261–262, 272]. Важной задачей Кромера было не только изложить определенные взгляды, но и предложить их обоснование. В последующем изложении будет рассмотрено, как он приступил к решению этой задачи.

Хроника Кромера начинается несколько неожиданно: с утверждения, что до эпохи правления византийского императора Юстиниана (сер. VI в.) имя “славян” не было известно античным писателям. А с этого времени в руки славян перешли многие провинции Римской империи, часть Германии и часть Азии. Славяне “*Fines suos armis proparaget*”, очевидно, поэтому славянские народы, перечисление которых Кромер также поместил в этом разделе, именуются “*fortissimae gentes*”. Тем самым европейскому читателю показывалось, что славяне с VI в. стали принимать самое активное участие в мировой истории. При этом, перечисляя отдельные славянские народы, автор подчеркивает единство славянского мира. Все славянские народы говорят на одном славянском языке и “*commune slavorum nomen agnoscunt*” [КРОМЕР 1555: k. 1].

В последующих разделах труда Кромер излагает различные существующие точки зрения на происхождение славян и одновременно формулирует некоторые методологические подходы к решению вопроса. Это позволяет утверждать, что в этом историческом сочинении сер. XVI в. отчетливо прослеживаются элементы научного исследования.

Описывая версии о происхождении славян от Алана, потомка Иафета, сына Ноя, или от Хелизы, сына Явана, Кромер констатирует, что эти версии основаны на неких “генеалогиях” — перечнях потомков Ноя. Этой традиции автор отказывает в доверии, так как к составлению подобных текстов побуждает представителей того или иного народа желание доказать свою древность или автохтонность или иметь славных предков (так древние греки возводили свое происхождение “*a fabuloso-gum deo-gum*”). С явной иронией он отметил, что даже венгры, не довольствуясь происхождением от Аттилы, производят себя от Магора, сына Немврода. Вместе с тем по убеждению автора, варварские народы и не

могли иметь ранней и достоверной традиции, так как письменность они получили только вместе с христианством, и, следовательно, ранее существующая традиция никак не фиксировалась [СРОМЕР 1555: к. 2–3, 5].

В этих первых разделах труда Кромер формулирует и другой важный принцип своего исследования. В польской исторической традиции прочно сохранялось представление об автохтонности славян на тех землях, которые они занимают, и попытки поставить это положение под сомнение вызывали в местной среде резкую реакцию (как в отклике М. Меховского на “Вандалию” А. Кранца). Неслучайно поэтому Кромер поместил в своем труде рассуждение, что история народов в древности — это история их миграций, когда на той или иной земле один народ сменяет другого, меняя места обитания в поисках более благоприятных условий жизни. В другом разделе своего труда, наблюдая за передвижениями германских племен, он констатировал, что чаще всего миграции идут с севера на юг в поисках более благоприятных природных условий [СРОМЕР 1555: к. 5, 22–23; Мыльников 1996: 272].

Расчистив так почву для исследования, Кромер формулирует положения, которые нуждаются в проверке. Первое из них состоит в том, что славяне — это древнее население Далмации, со временем переселившееся на север. Второе — славяне — ветвь германцев, пришедшая из Восточной Европы вместе с другими германскими племенами. Критическому разбору этих двух положений посвящены последующие разделы труда.

В четвертой главе разбирается вопрос о соотношении славян и “далматов”. Для его решения автор использует два разных аргумента. Обращаясь к “Географии” Птолемея, он констатирует, что приведенные в ней названия городов, рек, племен по своей этимологии “*nihil commune habet cum lingua Slavorum*”, и резко отличаются от названий городов, основанных славянами. Дело обстоит иначе, если бы славяне заселяли этот регион “*ab initio*”. Другой довод — свидетельства Прокопия Кесарийского (а это — “*certissimus testis*”) о нападениях славян в VI веке с севера на земли Далмации и Иллирика. Вывод — славяне не являются древним населением Далмации [СРОМЕР 1555: к. 6–7].

Разбор этого фрагмента труда позволяет констатировать, что мы имеем дело с зачаточной формой научного исследования. Кромер не просто отвергает неправильную точку зрения, а приводит аргументы, заимствованные из разных областей нарождающегося научного знания. Обращает на себя внимание, что он хочет опираться на наиболее ранние и достоверные источники (в данном случае на свидетельства Прокопия). На этом пути он следовал по дороге, проложенной Бернардом Вавпским, незаконченную работу которого он хорошо знал, но остается

неизвестным, как Ваповский обосновывал выдвинутые им положения. В заключение раздела, говоря о вторжениях славян на Балканы, Кроммер ссылался на аналогичное мнение Флавио Бьонда, но ссылка эта имела вспомогательный характер.

Доказывая, что славяне не являлись древним населением Далмации, Кроммер фактически опровергал утверждения о миграции славян в некую древнюю эпоху с юга Европы на Север, но такого заключения в этом разделе хроники ещё не было.

В последующих разделах хроники М. Кроммер вступил в полемику с представлениями о древней истории славян в трудах его немецких современников. Так, А. Кранц в напечатанной в 1519 г. Вандалии, опираясь на свидетельство Псевдо-Бероза, писал об огромном государстве, охватывавшем земли от Дона до Рейна, основанном праотцом германцев — Туисконом. В состав этой державы входили и славяне — потомки Вандала, второго сына Туискона (германцы происходили от его старшего брата — Тевтона) [Мыльников 1996: 39–40]. При таком подходе древние славяне отождествлялись с “вандалами”, о которых говорилось в текстах латинских и греческих авторов. На польской почве, как уже отмечалось, такие взгляды были воспроизведены в хронике Иодюкса Людвига Деция “*De vetustatibus Polonorum*” (1521 г.), где подчеркивалось, что предков поляков и немцев объединяла дружба и жизнь в общем государстве. Среди народов, входивших в державу Туискона, были “*Vandali seu Venedi*”, которые жили на берегах Вислы [Ulewicz 1950: 71–72].

Задачей Кроммера стала критическая проверка утверждения о тождестве древних славян и “вандалов”. Здесь Кроммер снова прибег к аргументам от филологии. Он указывал, что по свидетельствам древних авторов вандалы — это часть германцев, о принадлежности их к германцам говорят и имена их королей. А славяне говорят на своем особом языке, который резко отличен от немецкого [Кроммер 1555: к. 9–10]. К этому аргументу Кроммер прибег и в седьмой главе первой книги “Хроники”, затрагивая более общий вопрос о соотношении между германцами и славянами. На наличие некоей древней связи между славянами и германцами указывал, как уже отмечалось выше, А. Кранц. В подтверждение этого он отмечал наличие большого количества немецких слов в языке чехов и поляков. Возражая, Кроммер указывал, что в этом случае немецкие заимствования должны были бы присутствовать в языках всех славянских народов, но в языке восточных и южных славян таких немецких заимствований нет [Ibid.: к. 12]. Хотя Кроммер и отмечал, что многие сомневаются в свидетельстве Псевдо-Бероза, он не отвергал возможности того, что славяне могли прийти в восточную часть Европы

вместе с Туисконом, он только доказывал, что они не являются его потомками [ibid.]. Кромером был использован и другой аргумент против тождества вандалов и древних славян — различия в их общественном строе. Во главе вандалов в V–VI вв. античные авторы постоянно упоминают королей (*sub regibus semper fuisse*), а славяне VI в., по свидетельству Прокопия, подобных предводителей не имели [ibid.: к. 9].

Исследование Кромера привело его к двум важным результатам. Во-первых, оказалось разрушено представление о миграции славян из Юго-Восточной Европы на север, и гипотеза о южной прародине славян прекращала свое существование. Во-вторых, свидетельства “самых достоверных свидетелей” (прежде всего Прокопия Кесарийского) указывали, что еще в VI в. славяне находились к северу от Дуная, на землях Центральной Европы, откуда они и нападали на Византийскую империю. В этих условиях актуальной становилась задача поиска на территории этого региона предков славян и в VI в. н. э. и в более древние времена.

В этой историографической ситуации внимание Кромера закономерно привлекли известия античных авторов о “венетах” — жителях такого региона. Известия эти, конечно, были известны и ранее (как сообщения в “Географии” Птолемея или в “Германии” Тацита), но внимания сторонников гипотезы о южной прародине славян эти известия не привлекали, а германские исследователи сближали название “венеты” с термином “венды”, как называли славян на землях полабских славян, вошедших в состав Империи, а сам этот термин оценивался как искаженное название “вандалы” и служил поводом в пользу установления связи между вандалами и древними славянами.

Это положение стало предметом критического анализа Кромера в шестой главе первой книги его труда. Ссылаясь на “Географию” Птолемея, он указывал, что в этом труде “венеты” — один из народов Сарматии, а вандалы — одно из германских племен. Другой важный аргумент он извлек из сочинения другого “свидетеля” событий VI в. Иордана. Иордан, как отмечает Кромер, пишет о миграции “вандалов” из Восточной Европы на земли Паннонии, а затем сообщает о войнах правителя готов IV в. Германариха с венетами [Кромер 1555: к. 10]. Отсюда заключение, что венеты (венеды) и вандалы — два разных народа. Кромер не отрицал сходства названий “венды” и “вандалы”. Он полагал, что исторические “венеты” были соседями “вандалов”, которые жили на берегу Вислы, более близком к Германии, а после ухода вандалов на юго-запад поселились на их территории и заимствовали их название [ibid.: к. 9–11].

Кто же были “венеты”? Ответ на этот вопрос дали Кромеру свидетельства Иордана, высказывания в двух местах его сочинения. Упомянутый рассказ Иордана заканчивался словами, что “из одного корня”

происходят три народа — венеты, анты и славяне, а в помещенном в труде описании “Скифии” говорится, что венеты “преимущественно называются славянами и антами” [Свод 1994: 106–107, 170–171].

Из этих высказываний Кроммер сделал вывод, что под разными названиями здесь выступает один народ, в древние времена заселивший территорию между Балтийским морем и Днестром и Дунаем на юге [СКОМЕР 1555: к. 11]. Закономерно, что как важный ориентир на этой территории хронист выделяет реку Вислу, на которой, по свидетельству Иордана, жили венеты. Для Кроммера это было важным свидетельством того, что предки поляков появились на территории современной хронисту Польши еще в древние времена.

Подводя итог разбора этой части повествования Кроммера, следует отметить, что критическое отношение к различным гипотезам о происхождении и путях миграций славян, использование доводов филологии, его стремление опираться на наиболее ранние и достоверные источники таких “достоверных свидетелей” событий VI в. н. э., как Прокопий Кесарийский и Иордан, позволили ему сделать крупный шаг вперед в изучении прошлого древних славян. Такие положения, что славяне не были древним населением Иллирика и Далмации и пришли туда лишь в VI в. из-за Дуная, что исторические судьбы славян и вандалов различны, стали прочным достижением науки. Поднятый же Кроммером вопрос об исторической связи между “венетами” и древними славянами является до сих пор предметом дискуссий между палеославистами.

Разбирая свидетельства Прокопия и Иордана, Кроммер констатировал, что с VI в. “славяне” стали обозначать себя таким названием. Хронист отмечает две возможных этимологии этого названия от “слова” — лат. *Verbum*, и от “слава” — *fama sive gloria*. Автор, писавший в самом начале своего труда, что славяне — “*fortissimae gentes*”, склоняется ко второй этимологии, ссылаясь на то, что славяне совершили “*res magnas [. . .] contra Romanum imperium*”. Этот выбор Кроммер подкрепил и научным аргументом: обозначения славян в латинских текстах как *sclavi* и *slavi* говорят в пользу именно второй этимологии [СКОМЕР 1555: к. 13].

Исследованные Кроммером тексты Иордана и Прокопия давали хронисту надежную точку опоры — к VI в. славяне заселили в восточной части Европы обширные земли на север от Дуная. “География” Птолемея говорила о “венетах”, которые жили у Балтийского моря в ещё более древние времена [Свод 1994: 50–51], но каких-либо свидетельств о ещё более древней истории славян известные Кроммеру источники не содержали.

Хронист приступил к таким разысканиям, опираясь на авторитет библейской легенды о “смешении языков”, из которой следовало, что

предки славян пришли в места своего обитания на север из Месопотамии. Предшественники Кромера полагали, что эта миграция на север происходила через Балканы. Кромер с полным основанием такой маршрут миграций отверг. В этих условиях оставался только один вариант: путь через Кавказ на земли Восточной Европы¹. При таком подходе Восточная Европа оказывалась своеобразной прародиной славян, и там следовало искать свидетельства о древнейшей истории славян.

Избранный Кромером метод представлял собой попытку найти в текстах древних авторов какие-либо свидетельства о восточнославянских общностях, известных хронисту. В начале своего труда Кромер, перечисляя восточнославянские общности, указал “Russi”, которых называют рутенами, “Volynij” и “Moschi” [КРОМЕР 1555: к. 1]. Причины выделения в особую группу жителей Волыни остаются неясными, но появление в перечне “мосхов” отражает реакцию образованной элиты польского общества на образование Русского государства [КАРНАУХОВ 2010: 67–68]. При изучении прошлого Восточной Европы Кромер оказался в весьма трудном положении, располагая по отношению к этому региону названиями городов и неких этнических общностей, о которых в его распоряжении не было по большей части каких-либо конкретных данных. В этих условиях, учитывая отсутствие у хрониста каких-либо познаний о древних языках европейских народов и какой-либо подготовки для сопоставления между собой языковых фактов разного происхождения, и в это время, и много позже дело сводилось к поискам простых созвучий, тем более что такие поиски давали, казалось, осязаемые результаты. Так, обнаружили город “Moschikos” в Каппадокии, “Мосхи” среди жителей Колхиды. Речь идет о народе, пишет Кромер, занимающем большую часть Азиатской Сарматии. Такая констатация сопровождается рядом важных комментариев. Ссылаясь на сочинение Сигизмунда Герберштейна — наиболее авторитетное в современной Кромеру научной литературе описание России (“Московии”), — Кромер отметил, что жители этой страны используют по отношению к себе “Russorum nomen”, московского митрополита называют митрополитом “Russie”, а сами правители Москвы называют себя правителями “Russiae totius”. Из этих наблюдений следовал вывод, явно расходившийся с тем, что Кромер написал в начале своего труда: жители “Московии” — “Russorum partem ac unum quendam populum eos esse” [КРОМЕР 1555: к. 15]. Следует отметить: выдающийся представитель культурной и политической элиты польского общества середины XVI в. знал об особенностях самосознания жителей современной ему России и принимал их во внимание.

¹ См. замечание Кромера, что первоначально предки славян находились, вероятно, в Азиатской Сарматии, так как оттуда ближе к Вавилонии [КРОМЕР 1555: к. 12].

Так как получалось, что люди, называющие себя “русскими”, заселяют очень обширные территории Восточной Европы, то есть того региона, через который, согласно Кроммеру, должны были идти славянские миграции, то именно здесь следовало искать следы древнего присутствия “русского народа”. На этот счет Кроммеру удалось найти некоторые достаточно ранние свидетельства. Так, в 38–39 главах книги пророка Иезекииля упоминается об ожидаемом нашествии на Израиль с Севера князей Роса и Мосоха. “Рос” мог быть родоначальником “руссов”, но никаких сведений об этом Росе Кроммер не нашел ни у древних авторов, ни в “генеалогиях” [СРОМЕР 1555: к. 18–19; КАРНАУХОВ 2010: 69]. Другое свидетельство принадлежало датскому хронисту начала XIII в. Саксону Грамматикку, что “русские” вели войны с датчанами и шведами ещё до Рождества Христова [СРОМЕР 1555: к. 16]. Свидетельство это Кроммер привел, но не сопроводил его какими-либо комментариями. По-видимому, оно не было для него авторитетным. Бóльшее внимание привлекло к себе построение одного из его предшественников Матвея Меховского, что предками живущих в Восточной Европе “русских” является такая общность, как “роксоланы”, о которых говорится у целого ряда античных авторов².

В собранных Кроммером свидетельствах он обнаружил сведения о местонахождении этого народа: Плиний и Птолемей помещают их в Сарматии, у Азовского моря, а Страбон говорит об их поселении между Днестром и Доном [СРОМЕР 1555: к. 16]. Разумеется, никаких оснований для отождествления “роксоланов” и “русских” эти свидетельства не давали, но такое построение хорошо соответствовало сконструированной Кроммером схеме миграции славян, и он стал строить своё повествование, отталкиваясь от неё. В последующем изложении, снова описывая расселение славян на землях Центральной и Юго-Восточной Европы, он закончил рассказ словами, что те, кто остались на своей родине, сохранили древнее имя Роксолан, которое приняло форму “Russianos et Russos”. Чтобы подкрепить свое построение, Кроммер указал, что в греческих текстах (в частности, в грамотах константинопольского патриарха, которые он видел в Вильно) читается форма “Rossia”, которая ещё ближе к названию Роксолан [ИВИД.: к. 17]. Весь же раздел, посвященный установлению “Slavorum origo”, Кроммер закончил словами: “Russis igitur Slavogum omnium originem” [ИВИД.].

Предпринятые Кроммером разыскания вели к пересмотру представлений о месте Руси в славянском мире, которые активно пропагандировал Ян Длугош, доказывавший, что “русские” — это часть польского народа, отделившаяся от него во время внутренних смут. В схеме Кроммера

² Об этих построениях М. Меховского см.: [КАРНАУХОВ 2010: 61–62].

Русь выступала как своеобразная прародина славян, тот источник, откуда шли на разные земли славянские миграции. Однако выбор такого подхода не был связан с какими-либо симпатиями к Руси, а объяснялся стремлением связать известные хронисту факты с библейской легендой.

Связь между древней историей славян и последующей историей Польши в польской исторической традиции образовывала легенда о Чехе и Лехе, двух братьях, которые в древние времена вышли со своими соплеменниками из Хорватии и переселились на север, в места, где позднее жили чешский и польский народы³.

При работе над этим сюжетом своих источников Кромер оказался довольно сложном положении. Дело было не только в том, что эта легенда занимала важное место в польской исторической традиции. Кромер был убежден в существовании правителей, которые дали чешскому и польскому народам свои имена. На полях соответствующего раздела его труда была помещена специальная глосса: “*Voemi et Poloni a ducibus nomina asserege*” [СРОМЕР 1555: к. 25]. По отношению к Леху и полякам Кромер мог подтвердить эту точку зрения рядом доводов. Он отметил, что неслучайно “*Russi et Moschi*” называют поляков “ляхи”, а венгры — “*lengyel*”, в Винцент Кадлубек называет поляков “лехитами”. Все эти свидетельства, по его мнению, говорили о поляках как о людях, связанных с Лехом, от него получивших свое имя [ibid.: к. 20].

Вместе с тем легенда в ее традиционном содержании находилась в принципиальном противоречии с теми представлениями о расселении славян по Европе, которые Кромер выработал на основе анализа источников. Все это заставило его в XIV–XVI главах первой книги труда снова обратиться к уже обсуждавшимся вопросам. Он снова констатирует и подчеркивает два положения. Во-первых, до эпохи Юстиниана на юге Европы славян не было, а Лех и Чех, которых Кромер считал славянами, не могли раньше этого времени поселиться в Хорватии. Во-вторых, к этому времени славяне, по свидетельству Иордана, уже жили на Висле [СРОМЕР 1555: к. 22–24]. Таким образом, хронист разрывает связь между приходом Леха и Чеха и заселением соответствующих территорий предками чехов и поляков. Для согласования имеющейся информации с преданиями о Чехе и Лехе хронист выдвигает свою гипотезу (*probabilior sententia*). Согласно этой гипотезе путешествие Чеха и Леха на север было связано с появлением у западных славян княжеской власти. Он цитирует свидетельство Прокопия об отсутствии у славян княжеской власти [Свод 1994: 182–183] в VI в., но позднее, по его мнению, такая

³ Об этой легенде см.: [Мыльников 1996: 141 и сл.]. В ряде вариантов легенды речь идет о трех братьях, Лехе, Чехе и Русе, но в системе взглядов Кромера для путешествия этих братьев вместе с Русом места не было и в тексте Кромера он не упоминается.

потребность могла появиться и местные славяне могли пригласить к себе “peregrinos reges” из Хорватии [СРОМЕР 1555: к. 25; Мыльников 1996: 167–168].

Такая интерпретация предания, сделанная, правда, в весьма осторожной форме, давала возможность Кромеру сохранить в своих основных положениях очерк древней истории славян и их расселения по Европе.

Подводя итоги, следует отметить, что рассмотрение всего текста первой книги сочинения Кромера позволяет рассматривать его как свидетельство зарождения методов научного исследования древней истории славян. Не случайно в его труде помещен перечень использованных автором источников и ссылки на них постоянно отмечаются и в тексте, и в глоссах к нему, то же касается и сочинений его предшественников. Налицо его стремление подвергнуть критическому анализу мнения его предшественников, опираясь на сведения источников, из которых он стремится выделить наиболее ранние и достоверные, и в целом ряде случаев такой выбор оказался верным, и это позволило Кромеру сделать важные исторические выводы. В этом выборе Кромер, как представляется, уже мог опираться на работы европейских исследователей античных и ранневизантийских текстов. Следует также отметить его стремление строить свою аргументацию на данных, почерпнутых из разных областей зарождающегося научного знания.

Наконец, надо отметить, что, реконструируя историческое прошлое древних славян, Кромер решительно отбрасывает свидетельства, находящиеся в противоречии с ранними и достоверными источниками. В его повествовании нет места ни рассказам о войнах древних поляков с галлами, македонцами и Юлием Цезарем⁴, ни грамоте Александра Македонского славянам (об этой грамоте см. [Мыльников 1996: 45 и сл.]). Помимо общих установок Кромера как представителя зарождающегося научного знания, имело значение, что труд обращался к европейскому образованному читателю. Вместе с тем методы исследования оставались еще достаточно несовершенными и далеко не всегда могли обеспечить достоверный результат. Кроме того, в каких-то моментах приходилось идти на компромисс с традицией (примером может служить предание о Чехе и Лехе) и искать в источниках подтверждения библейской легенды (отсюда поиски прародины восточных славян на территории Восточной Европы), но важный шаг по пути к научному познанию прошлого древних славян в середине XVI в. был сделан, и на польской почве он тесно связан с именем Кромера.

⁴ Рассказы эти читались в хронике Винченца Кадлубка (нач. XIII в.) и воспроизводились в последующей традиции.

Библиография

КАРНАУХОВ 2010

КАРНАУХОВ Д. В., *Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения*, Новосибирск, 2010.

МЫЛЬНИКОВ 1996

МЫЛЬНИКОВ А. С., *Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVII вв.*, С.-Петербург, 1996.

Свод 1994

ГИНДИН А. А., ИВАНОВ С. И., ЛИТАВРИН Г. Г., *Свод древнейших письменных известий о славянах, 1: I–VI вв.*, Москва, 1994.

Флоря 2017

Флоря Б. Н., «Славяне» и «сарматы» в сочинениях польских историков конца XV – середины XVI века», *Славянский альманах*, 1–2, 2017, 48–54.

CROMER 1555

MARTINI CROMERI *de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX*, Basileae, 1555.

ULEWICZ 1950

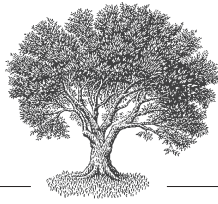
ULEWICZ T., *Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w.*, Kraków, 1950.

References

Floria B. N., “Slavs’ and ‘Sarmatians’ in the Works of Polish Historians at the End of 15th–Middle of 16th Century,” *Slavic Almanac*, 1–2, 2017, 48–54.Gindin A. A., Ivanov S. I., Litavrin G. G., *Svod drevneishikh pis'mennykh izvestii o slavianakh*, 1, Moscow, 1994.Karnaukhov D. V., *Kontseptsii istorii srednevekovoi Rusi v pol'skoi khronografii epokhi Vozrozhdeniia*, Novosibirsk, 2010.Myl'nikov A. S., *Kartina slavianskogo mira: vzgliad iz Vostochnoi Evropy. Etnogeneticheskie legendy, dogadki, protogipotezy XVI – nachala XVII vv.*, St. Petersburg, 1996.Ulewicz T., *Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w.*, Kraków, 1950.

член-корр. РАН **Борис Николаевич Флоря**, доктор ист. наук
 Институт славяноведения РАН,
 заведующий Отделом истории средних веков
 119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32А
 Россия/Russia

Received April 5, 2016

К вопросу о
библейских и
богослужебных
заимствованиях у
М. В. Ломоносова

On the Problem of
Biblical and
Liturgical Citation
by Mikhail
Lomonosov

**Евгений Михайлович
Матвеев**

С.-Петербургский государственный
университет
С.-Петербург, Россия

Yevgeniy M. Matveev

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Резюме

Главной задачей настоящей статьи является описание типов и функций библейских и богослужебных цитат в произведениях М. В. Ломоносова. Обращение к корпусу ломоносовских текстов показывает, что явные цитаты из библейских и богослужебных текстов можно найти как в поэзии, так и в прозе, причем не только в “поэтической” ораторской прозе. В статье рассматриваются различные формы использования библейско-богослужебного контекста в торжественных одах, естественнонаучных текстах, служебных документах и письмах Ломоносова. Источниками приводимых в статье библейско-богослужебных цитат послужили Московская Библия (1663), Минея праздничная (1730) и Октоих (1715). Исследование демонстрирует, что в произведениях Ломоносова библейский источник может упоминаться без цитирования, может быть использована маркированная цитата, библейско-богослужебный контекст может включаться в собственную речь Ломоносова без переосмысления, а может приобретать дополнительные смыслы. Особой формой следует считать использование библейско-богослужебной

фразеологии. Среди специфических функций библейско-богослужебных заимствований выделяются следующие: а) подключение библейского и богослужебного ассоциативного ряда к сюжету ломоносовской торжественной оды (важной проблемой при этом является определение того, какой именно ассоциативный ряд подключается — собственно библейский или богослужебный); б) иллюстрирование при помощи цитат рассуждения о совместимости науки и религии в естественнонаучных трудах; в) использование библейско-богослужебной речевой стихии для создания полемического и иронического контекста в прозаических произведениях разных жанров; г) акцентирование высказываний в ломоносовских письмах, в результате чего возникает своеобразный эффект “переключения языков”.

Ключевые слова

М. В. Ломоносов, библейские и богослужебные цитаты, библейская и богослужебная фразеология, источник, функция, Минея, Октоих

Abstract

The main objective of this paper is to describe the types and functions of biblical and liturgical citation in M. V. Lomonosov's works. This research into Lomonosov's text corpus shows that explicit biblical and liturgical citation can be revealed in the texts of different genres—both in his poetry and in his prose works (and not only in “poetic” rhetorical prose). The paper focuses on different forms of biblical and liturgical contexts in Lomonosov's panegyric odes, natural science texts, working papers, and letters. Three sources of biblical and liturgical parallels were used: the Moscow Bible (1663), the Festal Menaion (1730), and the Octoechos (1715); the latter includes Lomonosov's notes in the margins. The research shows that Lomonosov proceeds in various ways: he might mention a Bible source without citation; he might use marked citations; and he might include biblical and liturgical citations into his own speech without reinterpretation, sometimes giving them some additional semantics. Biblical and liturgical phraseology can be described as using the following specific forms: a) phrases that actuate biblical and liturgical semantics in Lomonosov's panegyric odes (an important issue is to reveal which context is relevant—the biblical or the liturgical); b) those that demonstrate logical consistency between science and religion in Lomonosov's natural science texts; c) those that construct polemic and ironic context in prose works of different genres; and d) those that emphasize some statements in Lomonosov's letters, creating the effect of “switching the languages.”

Keywords

Mikhail Lomonosov, Bible and liturgical citation, Bible and liturgical phraseology, source, function, Menaion, Octoechos

1

Прекрасное знание Библии и богослужебных книг М. В. Ломоносовым общеизвестно¹, и проблему библейских и богослужебных заимствований у Ломоносова нельзя причислить к числу неисследованных вопросов. Во-первых, весьма обширна литература, посвященная ломоносовским переложениям — “Оде, выбранной из Иова” и переложениям псалмов [Пумпянский 1983; СЕРМАН 1966; Западов 1979; Левитт 2006; Лотман 1983; Луцевич 2002]. Во-вторых, исследовались библейские и богослужебные заимствования в других — напрямую не связанных с библейско-богослужебным контекстом — поэтических произведениях Ломоносова, в частности, в торжественных одах. Этому вопросу посвящены две статьи, написанные еще в 10-е гг. XX века [Дороватовская 1911; Солосин 1913]. Некоторые библейские цитаты и аллюзии были отмечены комментаторами двух академических собраний сочинений М. В. Ломоносова [1891–1948; ИДЕМ 1950–1983²], а также в позднейших исследованиях [Живов 1994; ИДЕМ 2002].

Таким образом, предметом большинства существующих исследований являются заимствования в ломоносовских духовных одах, переложениях псалмов и других жанрах его поэзии, прежде всего торжественных одах³. Между тем обращение к корпусу ломоносовских текстов демонстрирует, что явные и скрытые цитаты из библейских и богослужебных текстов можно найти не только в поэзии, но и в прозе. Кроме того, функции таких цитат в различных жанрах (а иногда в различных текстах, относящихся к одному жанру) неодинаковы. Последнее обстоятельство заставляет вновь обратиться к проблеме ломоносовских библейских и богослужебных заимствований⁴. Цель настоящей статьи —

¹ Интерес Ломоносова к церковному богослужению проявился еще в детстве и ранней юности [ПЕКАРСКИЙ 1873: 269, 279] и не ослабевал в годы обучения в Славяно-греко-латинской академии [ВОСКРЕСЕНСКИЙ 1891] и в более позднее время. Одно из “вещественных доказательств” этого интереса — Октоих 1746 года, содержащий пометы М. В. Ломоносова [ЛЕОНОВ, КАРПЕВ, САВЕЛЬЕВА 2007].

² Далее ссылки на это издание оформляются в тексте статьи сокращенно в круглых скобках: первая цифра указывает том, вторая — страницу.

³ Отметим, однако, что в главных монографических работах, непосредственно посвященных русской торжественной оде [ПОГОСЯН 1997; АЛЕКСЕЕВА 2005], проблема библейско-богослужебных заимствований остается на периферии исследовательского внимания.

⁴ Использование термина “заимствование” по отношению к интертекстуальным связям произведений Ломоносова с Библией и богослужебной литературой с лингвистической точки зрения может показаться не вполне корректным. Так, например, может вызвать сомнение рассмотрение в качестве заимствований лексических и фразеологических славянизмов, поскольку предметом рассмотрения являются тексты, созданные в период формирования литературного языка как языка славенороссийского [Живов 1996: 265–418]. Однако по отношению к

на материале анализа отдельных примеров (как поэтических, так и — в большей степени — прозаических) показать функционирование заимствований, чему ранее, как представляется, не уделялось достаточного внимания⁵.

2

Значительная часть библейских и богослужебных заимствований, которые можно обнаружить в одической поэзии М. В. Ломоносова, утратили связь с конкретным религиозным источником. По словам В. М. Живова,

такие образы, как “райский крин”, “сломить / стереть рог гордых”, “отверзающаяся небесная дверь” и многие другие, настолько прочно входят в поэтический словарь оды, что, видимо, и ассоциируются прежде всего с одой, а не с Св. Писанием [Живов 2002: 651].

Рассмотрим подробнее один из примеров, указанных исследователем. В девятой строфе “Хотинской оды” рисуется картина сошествия с небес к сражающимся Петра Великого (который обозначен словом “Герой”): “Небесная отверзлась дверь; / Над войском облак вдруг развился; / Блеснул горящим вдруг лицом, / Умытым кровию мечем / Гоня врагов, Герой открылся” (8: 22–23). В. М. Живов указывает возможные источники строки *Небесная отверзлась дверь*. Это две собственно библейские параллели: “И заповеда облаком свыше, и двери небесе отверзе, и одожди им манну ясти, и хлеб небесный даде им” (Пс 77:23–24); “По сих

интересующему нас предмету сложилась длительная традиция использования именно этого термина. Он встречается в вышеупомянутых работах И. Солосина и В. Дороватовской. И. И. Солосин использует его в максимально широком смысле: “. . . заимствования можно найти повсюду в языке Ломоносова, не исключая его научных и прозаических статей, но они особенно ярки в его стихотворениях, в его лирике [. . .] В одних стихах Ломоносова мы находим почти буквальное воспроизведение текста книг священного писания, церковных песнопений и молитв, в других — отдельные слова и выражения церковные, умело вставленные в речь, в третьих — мысли и образы, навеянные тем или иным текстом книг церковных” [Солосин 1913: 241]. Показательно, что в статье В. М. Живова “Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века”, впервые опубликованной в 1981 г., используется тот же термин, причем представлено сходное с исследователями начала XX в. широкое его понимание: “Одним из основных источников формирования фразеологии высокого стиля служит Св. Писание и богослужение [. . .] При этом заимствования распространяются не только на отдельные церковнославянские слова, но и на выражения и образы” [Живов 2002: 649]. Представляется, что, несмотря на определенную лингвистическую спорность термина “заимствование”, именно он позволяет охватить все многообразие типов языковых и текстуальных связей между произведениями Ломоносова и библейско-литургическим корпусом текстов.

⁵ В ходе работы над статьей использовался электронный корпус текстов М. В. Ломоносова, подготовленный сотрудниками отдела “Словарь языка М. В. Ломоносова” ИЛИ РАН.

видех: и се, двери отверсты на небеси, и глас первый, егоже слышах яко трубу глаголющ со мною, глаголя: възиди семо, и покажу ти, емуже подобает быти по сих” (Откр 4:1)⁶; и один богослужебный контекст — стихира праздника Сретения: “да отверзется дверь Небесная днесь” (великая вечерня, стихира⁷) [Живов 1994: 74]. И в указанных библейско-богослужебных источниках, и в “Хотинской оде” Ломоносова образ *небесной двери*⁸ обладает сходными семантическими признаками: “небесная дверь” означает некую границу между двумя мирами — земным и небесным, миром живых и миром умерших, поэтому этот образ как нельзя лучше работает на идею преемственности, связи времен, соединения прошлого и настоящего. При этом вряд ли возможно указать один явный претекст “Хотинской оды”: отдавать предпочтение какому-либо одному из выявленных возможных источников у нас нет оснований⁹.

Похожая ситуация с источниками библеизма *мед и млеко*, который является одическим клише [Живов 2002: 652] и одним из устойчивых компонентов имперского “райского мифа” [Ваенр 1991: 2, 6, 33, 63, 174, 202] (ср. также: [Проскурина 2006: 57–104]). У Ломоносова это выражение встречается трижды с различными глаголами:

⁶ В цитатах, приводимых по тексту Московской Библии 1663 г. и по богослужебным книгам XVIII века, орфография и пунктуация модернизированы.

⁷ В богослужении Сретения есть еще одно песнопение, в котором обнаруживается это выражение: “ныне да отверзется дверь Небесная” (малая вечерня, стихира [Миняя 1730: л. 254 об.]).

⁸ Вообще сочетание *небесная дверь* с различной семантикой встречается в богослужебных песнопениях многократно. Ср.: “Небесную дверь воспоим Марию Деву” (Богородичен догматик, гл. 1-й [Октоих 1715: л. 3; Солосин 1913: 246]); “Украши твой чертог, Сионе, / и подыми Царя Христа, / целуй Марию, Небесную Дверь” (Сретение, великая вечерня, стихира на стиховне [Миняя 1730: л. 258]); “Взяшася двери Небесныя, и Ангели воспеша” (Успение, утренняя, канон [ивд.: л. 434]); “Двери Небесныя, примите Деву / во святая святых, / нескверную же Скинию Бога Вседержителя” (Введение, малая вечерня, стихира на стиховне [ивд.: л. 61]); “Гору и дверь Небесную и мысленную Тя лествицу / боголепно лик божественный пронарече” (Рождество Богородицы, канон [ивд.: л. 22]) и др. И. И. Солосин в качестве предполагаемого источника образа из “Хотинской оды” Ломоносова указывает первый пример из Октоиха, что, конечно, сомнительно, т. к., во-первых, в этом примере отсутствует глагол *отверзнуться*, во-вторых, здесь, в отличие от параллелей, приведенных В. М. Живовым, в которых *небесная дверь* обладает более абстрактной семантикой, значение этого выражения предельно конкретно (*небесная дверь* — это Богоматерь).

⁹ После “Хотинской оды” образ *небесной двери* неоднократно использовался в одической поэзии М. В. Ломоносова. Ср.: “Доброт чистейший лик вознес / Велику Анну в дверь небес” (8: 51); “Священный ужас мысль объемлет! / Отверз Олимп всесильный дверь. / Вся тварь со многим страхом внемлет, / Великих зря Монархов Дщерь” (8: 84); “На запад смотрит грозным оком / Сквозь дверь небесну Дух Петров, / Во гневе сильном и жестоком / Преступных он мятет врагов” (8: 97); “Верхи Парнасски восстали, / И Музы волею проводжали / В небесну дверь пресветлый дух” (8: 201). От Ломоносова это “прием одической механики” переходит к Сумарокову [Проскурина 2006: 72].

а) в оде “Первые трофеи Его Величества Иоанна III”: “К себе вас та земля влечет, / В которой *мед с млеком течет*?” (8: 45);

б) в “Оде на прибытие из Голстинии и на день рождения Петра Федоровича 1742 года”: “*Млеком и медом напоенны*, / Тучнеют влажны берега” (в отдельном издании оды 1742 года: “*Текут млеком и медом реки*”) (8: 67);

в) в “Слове похвальном Елисавете Петровне”: “Господствующая в земли, *мед и млеко точащей*, на камни ли неплодные с желанием взирать будет?” (8: 247).

Формула, связанная с образом “земли обетованной” из книги Исход, многократно встречается в различных библейских книгах: “И снидох изъяти их от руку египетску, и извести я из земли тоя, и ввести их в землю благу и многу, в землю *кипящу млеком и медом*” (Исх 3:8); “Изведу вы от земли и от работы египетския в землю хананейску и хетфейску, и евейску, и аморрейску, и ферезейску, и гергесейску, и евусейску, в землю *кипящу млеком и медом*” (Исх 3:17) [МБ 1663: л. 20 об.]; “И введу тя в землю *текущую млеком и медом*” (Исх 33:3) [ИВІД.: л. 32 об.]; “Вы наследите землю их, и аз дам вам ея в притяжание. Земля, из нея же *течет мед и млеко*, аз Господь Бог ваш, отлучивый вас от всех язык” (Лев 20:24) [ИВІД.: л. 43 об.]; “Того ради воздвигох руку мою на ня в пустыни, еже не ввести их в землю, юже дах им, *текущу млеком и медом*” (Иез 20:15) [ИВІД.: л. 338 об.] и др. [Солосин 1913: 248–249]. Один из фрагментов книги Исход находим в праздничной Минее, где он включен в паремийные чтения праздника Благовещения (заметим, что здесь использовано причастие *точащий* — как и в ломоносовском слове): “Вем бо болезнь их, и снидох, еже изъяти их от руки египтян, и извести их от земли оная, и ввести их в землю благу и многу, в землю, *точащу мед и млеко*” (Исх 3:8) [Минейя 1730: л. 285].

Несмотря на обилие в поэзии Ломоносова одических клише, генетически связанных с библейско-богослужебным контекстом, встречаются в его творчестве и примеры заимствований, которые нельзя назвать одическими штампами и которые, сохраняя связь с источником, подключают к сюжету торжественной оды библейский и богослужебный ассоциативные ряды. Важной проблемой при этом является соотношение библейского и богослужебного ассоциативного ряда, которое, как представляется, может влиять на интерпретацию ломоносовского текста.

Проанализируем в качестве примера выражение *Ветхий деньми*, которое встречается у Ломоносова единожды — в “Оде на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации”:

Благословенна вечно буди, —
 Вещает Ветхий деньми к ней, —
 И все твои с тобою люди,
 Что вверил власти я твоей.
 Твои любезные доброты
 Влекут к себе мои щедроты.
 Я в гнѣе россам был творец,
 Но ныне паки им отец:
 Души твоей кротчайшей сила
 Мой гнѣ на кротость преложила (8: 84).

М. И. Сухомлинов [Ломоносов 1891–1948, 1: 202] и И. И. Солосин [1913: 250] возводят наименование *Ветхий деньми* к книге пророка Даниила: “Зрях, дондеже престолы поставишася, и *Ветхий деньми* седяше” (Дан 7:9); “Видех во сне нощию, и се на облацех небесных, яко Сын человек идый бяше, и до *Ветхаго деньми* дойде, и пред ним приведеся ему” (Дан 7:13); “Дондеже приидет *Ветхий денми* и суд даст святым Вышняго” (Дан 7:22) [МБ 1663: л. 356 об.].

Л. В. Пумпянский убедительно показал, что несколько больших фрагментов оды 1742 года (строфы 6–8, строфа 10, части строк 18 и 21) стилистически резко расходятся со всем остальным текстом оды и образуют особый “богословский” текст, насыщенный библейской ветхозаветной фразеологией и напоминающий по своему стилю созданные (по мнению исследователя) в 1742–1743 гг. духовные оды Ломоносова — “Утреннее размышление о Божием величестве”, “Вечернее размышление о Божием величестве” и “Оду, выбранную из Иова”:

4 произведения (если богословские произведения антишведской оды [т. е. “Оды на прибытие”. — *Е. М.*] условно представить как отдельное произведение) связаны тождеством стилистических признаков и, в основном, тождеством темы, которую можно определить, как апологию бога [...] космологическими доводами, с энергической грандиозностью языка [Пумпянский 1935: 107].

Исследователь также отмечает общий лютеранский характер всех четырех произведений: “Нет следов не только церковного учения, но и тритеизма. Нет следов евангельской системы образов. Грандиозные образы все ветхозаветного типа” [Пумпянский 1935: 109]¹⁰. На наш взгляд, анализ 6-й строфы “Оды на прибытие”, содержащей выражение

¹⁰ К сходному выводу приходит Т. Е. Абрамзон, анализируя библейских “героев” всех ломоносовских торжественных од: “Наиболее важным и самым частотным «героем» данной группы является *ветхозаветный Бог*. Христианской Троицы одический мир Ломоносова не знает [...] Именно ветхозаветный Бог стоит во главе иерархии образов одического мира поэта-просветителя” [Абрамзон 2004: 11].

Ветхий деньми, а также привлечение к рассмотрению возможного богослужебного источника оды позволяет несколько скорректировать последнее положение исследователя и иначе интерпретировать оду 1742 года¹¹.

К 7-й строке 6-й строфы оды (“Я в гневе Россам был Творец”) в академическом полном собрании сочинений М. В. Ломоносова дается следующее примечание: “Ломоносов говорит в данном случае о современном ему новом поколении русских людей, которое сложилось в тяжелые времена бироновщины” (8: 897) (этот комментарий без изменений сохранен во втором, исправленном и дополненном, издании полного собрания сочинений [Ломоносов 2011, 8: 817]). Эпитет “Творец” — одно из характерных для Ветхого Завета имен-определений Бога [Иларион 2009, 1: 377], “Отец” же (не как наименование ипостаси, а как оценочный эпитет) — определение скорее новозаветное¹². Явно выраженная оппозиция *Творец — Отец* (поддержанная еще одной оппозицией *гнев — кротость*) позволяет заключить, что эпоха Анны Иоанновны осмысливается Ломоносовым как время Ветхого Завета (“Я в *гневе* Россам был *Творец*”)¹³, а эпоха Елизаветы Петровны — как Новый Завет (“Но ныне паки

¹¹ О несомненных “следах церковного учения” в двух ломоносовских “Размышлениях” см., в частности: [Левитт 2006].

¹² Ср. рассуждение об этом современного богослова: “Ветхий Завет лишь изредка упоминал о Боге как об Отце [. . .], и чувство нежной сыновней любви по отношению к Богу не было характерно для древних евреев: более характерным было чувство рабского страха и трепета перед Богом. В Новом Завете тема отцовства Бога является центральной” [Иларион 2009, 1: 392].

¹³ В одической поэзии и ораторской прозе 40-х гг. можно найти примеры использования ветхозаветной образности и стилистики для изображения и оценки эпохи Анны Иоанновны (обычно без названия имени самой императрицы). Ср., например, 9-ю строфу ломоносовской “Оды на день восшествия на престол Елизаветы Петровны 1746 года”, в которой аннинское царствование сопоставлено со Всемирным потопом: “Нам в оном ужасе казалось, / Что море в ярости своей / С пределами небес сражалось, / Земля стенала от зыбей, / Что вихри в вихри ударились, / И тучи с тучами спиральсь, / И устремлялся гром на гром, / И что надуты вод громады / Текли покрыть пространны грады, / Сравнять хребты гор с влажным дном” (8: 140–141). Такое же уподобление представлено и в разбираемой нами оде — в 7-й строфе: “Утешил Я в печали Ноя, / Когда потопом мир казнил, / Дугу поставил в знак покоя, / И тою с ним завет чинил. / Хотел Россию бед водою / И гневную казнить грозю” (8: 85). Как следствие гнева грозного и справедливого “ветхозаветного” Судии изображены несчастья россиян, предшествующие восшествию на престол Елизаветы, например, в “Слове на день коронации Елизаветы Петровны” (1742) епископа Гедеона (Криновского): “Сей фиал ярости Божия кто не исповедает, что подлинно велик излиан на тебе, Россия! Но унылые сынове твои, странным неким сном отягощенны имея очи свои, усмотреть того не могли чрез долгое время; а когда усмотрели, воздели немедленно руки свои к Богу, изливали пред Ним сердца своя, и молили обще все с прилежанием, чтоб язва сия отнялась от душ их. И правда, что котораго тридневный Ниневитян пост умягчить был доволен, недолго было, чтоб призрел Он на смирение и нас бедных рабов Своих” [Гедеон 1755: 271–272]. Здесь используется ветхозаветный

им *Отец*”; еще один тяготеющей к новозаветной линии образ — *милость*: “Пробавил *милость* в людех сих”¹⁴.

Таким образом, раздвоенность образа *Ветхого деньми* в оде 1742 года показывает, что с восшествием на престол Елизаветы меняются взаимоотношения Бога с Россией — подобно тому, как меняются отношения Бога с людьми в Новом Завете. Неслучайно в соседних строфах (5-й и 7-й) дважды используется слово “завет” в связи с образом новой императрицы: “Великих зря Монархов Дщерь [. . .] *Завет* крепит и утешает”; “Тебя поставил в знак *завета* / Над знатнейшею частью света” (8: 84–85).

Одним из источников образа *Ветхого деньми*, отчасти проясняющим его вышеописанную двойственность, на наш взгляд, может служить богослужение праздника Сретения Господня, откуда образ *Ветхого деньми* мог проникнуть в оду Ломоносова. *Ветхий деньми* является устойчивым образным наименованием Бога в богослужении Сретения, это выражение встречается здесь трижды: “*Ветхий Деньми*, иже закон древле в Синае дав Моисею, днесь Младенец видится” (великая вечерня, стихира на литии [Минея 1730: л. 257]); “*Ветхий деньми*, младенствовав плотию, Материю Девою в церковь приносится” (великая вечерня, стихира на литии [ивд.: л. 258]), “Младенствуеши мене ради, *Ветхий деньми*” (утреня, седален [ивд.: л. 259]). Это наименование, как и другие литургические тексты праздника Сретения, связано с темой боговоплощения и выражает идею парадоксальной “эквивалентности” ветхозаветного Бога и новозаветного Богомладенца¹⁵.

образ *фиала ярости Божией* (ср. Иер 25:15, Ис 51:17 и Пс 74:9), а также упомянуты ниневитяне — герои книги пророка Ионы. О различных формах противопоставления елизаветинского царствования эпохе Анны Иоанновны в проповеди елизаветинского времени см., в частности: [СЕРМАН 1966 27–29, 104 и др.; АФАНАСЬЕВ 2003; МАТВЕЕВ 2009: 33–82].

¹⁴ С нашей точки зрения, не следует преувеличивать роль ветхозаветных образов в одическом мире Ломоносова. Убедительно обосновывает влияние на Ломоносова богословия Нового Завета М. Левитт. Исследователь, анализируя световые образы у Ломоносова, доказывает, что на его поэтические взгляды могло повлиять учение крупнейшего православного богослова Григория Паламы (1296–1359) о нетварном Божественном свете [Левитт 2015: 129–145]. В отношении разбираемой нами оды исследователь говорит не о ветхозаветной, а об “иудео-христианской образности” [ивд.: 94].

¹⁵ Яркую иллюстрацию этой идеи в богослужении Сретения приводит митр. Иларион (Алфеев): “Подчеркивается, что Младенец, принесенный в храм Иосифом и Марией, не кто иной, как Тот, Кто дал закон Моисею. Из послушания закону Он на восьмой день принял обрезание, а теперь приносится в храм Господень к Самому Себе, в дом Отца и Свой собственный дом: *Днесь древле Моисею в Синаи закон подавый законным повинуетя велением, нас ради, яко Милосерд, по нам быв. Ныне Чистый Бог яко Отроча Свято, ложесна разверз чистыя, Себе Самому яко Бог приносится, законныя клятвы свободя и просвещая души наша* (Минея. Сретение Господне. Великая вечерня. Стихира

Одним из основных мотивов оды 1742 г. “На прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург” является мотив встречи (императрица прибывает в столицу). С другой стороны, в сюжете оды есть еще одна встреча — *Ветхого деньми* с Елизаветой, которая перед ним предстоит (“Стоящу пред Его лицом”). Параллельно с этим развивается тема противопоставления “ветхого” и “нового”, встречи двух эпох. Кажется допустимым предположение, что Ломоносов мог позаимствовать библейский образ из службы праздника Сретения по ассоциации: как и реальность, описанная в оде, событие праздника Сретения — это тоже встреча ветхого и нового, Симеона Богоприимца и Иисуса Христа. (Конечно, эта аналогия не является полной. Во-первых, сюжет праздника подчеркивает преемственность Ветхого и Нового Заветов; у Ломоносова же новая елизаветинская эпоха, как это было в большинстве панегирических текстов того времени, резко противопоставлена аннинской. Во-вторых, у Ломоносова “новозаветная” эпоха Елисаветы Петровны явно “рифмуется” с еще более ранним временем — петровским: “Но ныне *наки* им Отец”) ¹⁶.

В качестве косвенного подтверждения значимости для Ломоносова тематики и образности Сретения приведем еще один пример подключения сретенского библейско-богослужебного ассоциативного ряда к сюжету ломоносовской торжественной оды. Это фрагмент “Оды на рождение Великаго Князя Павла Петровича сентября 20 1754 года”. В 5-й строфе этой оды некий старик благодарит Бога за то, что смог дожить до рождения наследника:

Там слышны разны разговоры.
Иной, взводя на небо взоры:
“Велик Господь мой, — говорит, —
Мне видеть в старости судилось
И прежде смерти приключилось,
Что в радости Россия зрит!” (8: 558–559).

Речь старца — и идейно, и стилистически — отчасти напоминает слова Симеона Богоприимца, произнесенные им в день Сретения в Иерусалимском храме (Лк 2:29–32). В качестве богослужебного песнопения, входящего в чин вечерни, эти слова получили название Песни Симеона

на литии)” [Иларион 2010, 2: 473]. О различных богословских толкованиях и иконографии образа *Ветхого деньми* см., в частности: [Квливидзе 2004].

¹⁶ Выражение *Ветхий деньми*, помимо богослужения Сретения, можно обнаружить также в “Каноне молебном хранителю человеческия жизни ангелу”, входящем в Следованную Псалтирь: “Егда поставятся престолы, и книги разгнутся, и *Ветхий денми* сядет, и судятся человецы” [Псалтирь 1733: 371 об.]. Однако, с нашей точки зрения, какой-либо ассоциативной связи между этим тропарем, посвященным теме Страшного Суда, и разбираемой ломоносовской одой нет

Богоприимца: “Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей, свет во откровение языков, и славу людей Твоихъ Израиля”. При сопоставлении этого текста с фрагментом ломоносовской оды обращает на себя внимание целый комплекс повторяющихся мотивов: обращение старца к Богу; упоминание о долгожданной встрече, после которой можно умереть; мотив “увиденного”, которое явлено всем вокруг; “увиденное” прославляет государство или народ).

3

Отдельные библейские цитаты встречаются и в естественнонаучных трудах М. В. Ломоносова. В большинстве случаев ими доказывается излюбленная мысль М. В. Ломоносова о совместимости и “содружестве” науки и религии. Один из наиболее интересных примеров такого использования библейского контекста — это “Прибавление” к трактату “Явление Венеры на Солнце”, в котором помещены рассуждения о геоцентрической и гелиоцентрической системах мира. Говоря о церковном одобрении геоцентрической системы, Ломоносов противопоставляет мнения католических богословов отцам восточной церкви. Он пишет: “Богословы западныя церкви принимают слова Иисуса Навина, глава 10 стих 12, в точном грамматическом разуме и потому хотят доказать, что Земля стоит” (4: 371). Речь идет об эпизоде из книги Иисуса Навина, когда во время битвы с ханаанскими племенами в Аялонской долине Иисус Навин остановил на небе Солнце и Луну, чтобы противник не смог отступить под покровом ночи: “Да станет солнце прямо Гаваону, и месяц прямо дебри Алион” (Нав 10:12) [МБ 1663: л. 82; Ломоносов 1891–1948, 5: 78 (2 паг.)]. Заметим, что здесь не цитируется Священное писание, а лишь присутствует указание на адрес цитаты (глава 10, стих 12). По мнению Ломоносова, отцы восточной церкви, в отличие от западных богословов, полагали, что “Священное писание не должно везде разуметь грамматическим, но нередко и риторским разумом [т. е. иносказательно. — Е. М.]” (4: 372). Иллюстрируя это положение, Ломоносов далее приводит несколько фрагментов рассуждений Василия Великого (“Шестоднев”) и Иоанна Дамаскина (“Точное изложение православной веры”), внутри которых встречаются цитаты из Библии: 1. *Василий Великий*: “Аз утвердих столпы ея”. Ср.: “Растаяся земля и вси живущии на ней: Аз утвердих столпы ея” (Пс 74:4) [МБ 1663: л. 240; Ломоносов 1891–1948, 5, 78 (2 паг.)]; 2. *Василий Великий*: “И рече Бог” (Быт 1) [МБ 1663: л. 1]; 3. *Василий Великий*: “В проклятстве Израилю будет тебе небо медяно”. Ср.: “И будет небо над главою твоею медяно и земля под тобою железна” (Втор 28:3) [Ibid.: л. 75 об.]; 4. *Василий Великий*: “И виде Бог, яко добро”

(Быт 1) [ивид.: л. 1]; 5. *Иоанн Дамаскин*: “Се три небеса, яже божественный рече апостол”. Ср.: “Вем человека о Христе, прежде лет четыренадесяте, аще в теле, не вем, аще ли кроме тела, не вем, Бог весть: восхищена бывша такового до третиаго небесе” (2 Кор 12:2) [ивид.: л. 484об.; Ломоносов 1891–1948, 5: 80 (2 паг.)].

Несколько библейских цитат встречается и в собственных полемически-иронических рассуждениях Ломоносова, которые следуют далее и которые посвящены вопросу об инопланетянах:

Некоторые спрашивают, ежели-де на планетах есть живущие нам подобные люди, то какой они веры? Проповедано ли им евангелие? Крещены ли они в веру Христову? Сим дается ответ вопросный. В южных великих землях, коих берега в нынешние времена почти только примечены мореплавателями, тамошние жители, также и в других неведомых землях обитатели, люди видом, языком и всеми поведением от нас отменные, какой веры? И кто им проповедал евангелие? Ежели кто про то знать или их обратить и крестить хочет, тот пусть по евангельскому слову (“не стяжите ни злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапог, ни жезла”) туда пойдет. И как свою проповедь окончит, то после пусть поедет для того ж и на Венеру. Только бы труд его не был напрасен. Может быть, тамошние люди в Адаме не согрешили, и для того всех из того следствий не надобно (4: 374–375).

Кроме цитаты из Евангелия от Матфея (“Не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапог, ни жезл” (Мф 10:9–10) [МБ 1663: л. 406об.; Ломоносов 1891–1948, 5: 80 (2 паг.)]), в этом пассаже находим фразеологизм *согрешить в Адаме*, который означает ‘стать носителем первородного греха Адама’ и, вероятно, восходит к тексту послания апостола Павла к Римлянам: “Сего ради, якоже едином человеком грех в мир вниде, и грехом смерть: и тако смерть во вся человеки вниде, о немже вси согрешиша” (Рим 5:12) [МБ 1663: л. 482]. Завершается ломоносовское ироническое рассуждение о проповеди среди инопланетян следующими словами: “Многи пути ко спасению. Многи обители суть на небесех”. Вторая часть этого высказывания — “Многи обители суть на небесех” — является перефразированной цитатой из Евангелия от Иоанна: “В дому Отца моего обители многи суть” (Ин 14:2) [ивид.: л. 445; Ломоносов 1891–1948, 5: 80 (2 паг.)].

Итак, в “Явлении Венеры на Солнце” мы видим три способа включения библейского контекста: 1) ссылка на Библию без цитирования, но с указанием адреса цитаты, 2) точная цитата, 3) измененная цитата. Эти три разновидности встречаются и в других научных трудах Ломоносова. Например, в “Слове о происхождении света” точно цитируется Псалтирь: “Небеса поведают славу Божию” (3: 317). Ср.: “Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь” (Пс 18:1) [МБ 1663:

л. 231; Ломоносов 1891–1948, 4: 369 (2 паг.)]. Пример измененной цитаты из этого же произведения: “Селение свое положил он в солнце, то есть в нем сияние божества своего показал яснее, нежели в других тварах” (3: 317). Ср.: “В солнце положи селение Свое” (Пс 18:4) [МБ 1663: л. 231; Ломоносов 1891–1948, 4: 369 (2 паг.)]; как видно, изменен порядок слов. Пример ссылки на Библию без цитирования находим в “Слове о пользе химии”:

Между художествами первое место, по моему мнению, имеет металлургия, которая учит находить и очищать металлы и другие минералы. Сие преимущество дает ей не токмо великая древность, которая по свидетельству священного писания и по самим делам рода человеческого неспорима, но и несказанная и повсюду разливающаяся польза оное ей присволяет (2: 359).

К словам *священного писания* приводится примечание Ломоносова: “Бытия глава 4” (без более подробной расшифровки). Как отмечено в примечаниях М. И. Сухомлинова [Ломоносов 1891–1948, 4: 324], имеется в виду фрагмент книги Бытия, в котором описывается один из потомков Каина — Фовел: “Селла же и тая роди Фовела: сей бяше млатобиец, ковач меди и железа” (Быт 4:22) [МБ 1663: л. 2].

4

В “Явлении Венеры на Солнце” библейские цитаты включаются в полемический и иронический контекст. Похожую функцию — функцию создания стилистического контраста и иронического контекста — могут выполнять библейские и богослужебные цитаты в служебных документах М. В. Ломоносова и его письмах. Такой случай представляют, например, “Замечания на указ канцелярии Академии наук и на записку о сочинении «Карт продуктов российских»”. В проекте Академии 1763 г. предполагалось в короткие сроки создать три тома карт продуктов (российских, сибирских и малороссийских) с постоянными “обновлениями”:

А тому всему во всяком томе каталог в заглавии напечатается с приложением нумера страницы. И такой том будет прибавливаться, по мере как продукты во всем пространстве российском будут новые открываться, или фабрики, мануфактуры и прочие заводы, новые рукоделия заводиться.

Комментируя эту идею, Ломоносов, используя заключительные строки Евангелия от Иоанна, иронически пишет: “По сему расположению ни самому, мню, всему миру вместити пищевых книг. Аминь” (9: 289). Ср.: “Суть же и ина многа, яже сотвори Иисус, яже аще по единому писана бывають, ни самому мню миру вместити пищевых книг. Аминь” (Ин 21:25) [МБ 1663: л. 448] (9: 764).

Еще один любопытный пример использования библейского и богослужебного контекста находим в письме Ломоносова Шувалову, написанном в октябре 1753 года, которое посвящено рукописной сатире И. П. Елагина “На петиметра и кокеток” и полемически направлено не столько против Елагина, сколько против А. П. Сумарокова. Это ломоносовское письмо, как отмечают комментаторы академического полного собрания сочинений, “является превосходным образцом того полускрытого ‘насмешства’, о котором Ломоносов говорит в § 120 своей “Риторике” (9: 822). Речь идет о понятии ‘смех’ в первой книге “Краткого руководства к красноречию”:

Возбуждают авторы смех особливо в комедиях, сатирах и эпитаграммах, где главное и нужное сего употребление. Но в прозаичном, а особливо в важном слове должно оно остерегаться и не употреблять, как только соединив с некоторою осанкою и удаляясь от подлости, в чем Цицерон имел великое искусство (7: 194–195).

Ломоносов комментирует начальные строки сатиры Елагина, указывая на различные несообразности этого текста, из-за которых оказывается, что Елагин, “хотя его (Сумарокова) похвалить, но не зная толку, весьма нелепо выбрал”. По поводу первой строки “Открытель таинства любовныя нам лиры” Ломоносов пишет:

В первой строчке почитает Елагин за таинство, как делать любовные песни, чего себе Александр Петрович, как священнотайнику, приписать не позволит и Паном песенным назвать себя не допустит (10: 493).

Слова *таинство* и особенно *священнотайник* имеют явные церковно-богослужебные коннотации: словом *таинство*, как сказано в “Словаре Академии Российской”, “особенно называется каждый из семи церковных обрядов, Иисусом Христом установленных” [САР, 6: 12]. Слово *священнотайник* — редкое для русского языка XVIII века — отсутствует в “Словаре Академии Российской” и в картотеке “Словаря русского языка XVIII века” ИЛИ РАН. Оно зафиксировано “Словарем русского языка XI–XVII вв.”, где приведено четыре примера, три из Минеи, один — из сочинений соловецкого инок Герасима Фирсова (1660 г.) [СЛРЯ XI–XVII вв., 23: 226]. Встречается однокоренное наречие и в Октоихе: “Святым Духом всяка душа живится, и чистотою возвышается, светлеется Тройческим единством священнотайне” (утреня, степенный антифон 4-го гласа [Октоих 1715: л. 273 об.]). Далее в стихотворении Елагин называет Сумарокова “благим учителем”: “Защитник истины, гонитель злых пороков, / Благий учитель мой, скажи, о Сумароков! / Где рифмы ты берешь?” [Поэты 1972: 372]. Обличая неуместность использования

этого обращения, Ломоносов называет его “ругательским титулом”. Это обращение восходит к известному эпизоду Евангелия от Матфея: “И се един некий приступль рече ему: учителю благий, что благо сотворю, да имам живот вечный? Он же рече ему: что мя глаголеши блага? никтоже благ, токмо един Бог: аще ли хощеша внити въ живот, соблюди заповеди” (Мф 19:16–17) [МБ 1663: л. 410об.]. Ломоносов, используя евангельскую мотивировку, пишет:

Благий по-славянски добрый знаменует, и по точному разумению писаться надлежит до божества, как оно свидетельствует: “Никто же благ токмо един бог”. Я не сомневаюсь, что А[лександр] П[етрович] боготворить таким образом себя не позволит. Итак, одно нынешнее российское осталось знаменованье: ‘благой’ или ‘блажной’: нестерпимая обида! (10: 493)¹⁷.

Конечно, далеко не всегда библейские цитаты в служебных документах и письмах М. В. Ломоносова формируют полемический или иронический контекст. В некоторых случаях Псалтирь включается в речь Ломоносова, говорящего о себе при помощи библейского текста, при этом возникает своеобразный эффект “переключения языков”, акцентирующий мысль Ломоносова. Например, в письме И. И. Шувалову от декабря 1754 г. Ломоносов пишет:

Я прошу всевышнего господя бога, дабы он воздвиг и ободрил ваше великодушное сердце в мою помощь и чрез вас бы сотворил со мною знамение во благо, да видят ненавидящие мя и постыдятся, яко господь помог ми и утешил мя еси из двух единым, дабы или все сказали: камень, его же небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла, от господя бысть сей; или бы в мое отбытие из Академии ясно оказалось, чего она лишилась, потеряв такого человека, который чрез толь много лет украшал оную и всегда с гонительми наук боролся, несмотря на свои опасности (10: 519).

Здесь Ломоносов сначала пересказывает (переводит в косвенную речь) последний стих 85-го псалма: “Сотвори со мною знамение во благо, и да видят ненавидящие мя, и постыдятся, яко Ты, Господи, помог ми и утешил мя еси” (Пс 85:17) [МБ 1663: л. 242]. А затем — точно цитирует фрагмент 117-го псалма: “Камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла: от Господя бысть сей” (Пс 117:2–23) [ивид.: л. 247]¹⁸.

Тот же фрагмент 85 псалма находим в письме Ломоносова Федору Орлову от 26 июля 1762 года, где Ломоносов снова выступает в роли просителя:

¹⁷ Подробнее о литературном контексте полемики вокруг сатиры И. П. Елагина “На петиметра и кокеток” см.: [Берков 1936: 119–136].

¹⁸ Этот известный пассаж цитируется также в книгах Нового завета (Лк 20:17; Мф 21:42; Мк 12:10; Деян 4:11).

К оным присовокупить можно, что в Германии знатных профессоров жалуют высокими чинами, баронами и тайными советниками, например, Вольф, Бильфингер и другие; в Швеции профессор Линней носит кавалерию Северной звезды; в Париже Домеран — орден святого Людовика, Кондамин — святого Лазаря. Между тем, отдавая в божие благоволение, его прошу: сотвори со мною знамение во благо, да видят ненавидящие мя и постыдятся, яко ты, господи, помог ми и утешил мя еси. — Вышеписанное сообщая для примера, не для прошения, чтоб только желаемое во благо б исполнить; благодарность моя его превосходительству [т. е. Г. Г. Орлову. — Е. М.] бессмертна будет утверждена публичными памятниками” (10: 561–562).

В некоторых случаях цитаты из Псалтири существенно трансформируются. Например, в письме И. И. Шувалову от 19 января 1761 года Ломоносов, с негодованием отказываясь примириться с Сумароковым, пишет следующее: “И ежели, несмотря на мое усердие, будете гневаться, я полагаюсь на помощь всевышнего, который мне был в жизнь защитник и никогда не оставил, когда я пролил перед ним слезы в моей справедливости” [Ломоносов 1950–1983, 10: 546]. Здесь видим трансформированную цитату из 26 псалма: “Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь Защититель живота моего, от кого устрашуся?” (Пс 26:) [МБ 1663: л. 232]. Изменяя цитату, как видно, Ломоносов выбирает более употребительный для эпохи вариант — *защитник* (об этом свидетельствуют материалы картотеки “Словаря русского языка XVIII века” ИЛИ РАН; у самого Ломоносова, по данным частотного конкорданса словоформ, лексема *защитник* используется вдвое чаще, чем *защититель*). Кроме того, Ломоносов отказывается от славянизированного типа речи: *живот* заменяется на *жизнь*. Таким образом, эффект “переключения языков”, который мы видели в других примерах ранее, здесь исчезает.

Наконец, еще одна форма использования библейского контекста в письмах и служебных документах Ломоносова — это цитаты в узком смысле (маркированные цитаты). Такой случай встречается, например, когда Ломоносов размышляет о точности переводов Библии в письме В. Н. Татищеву от 27 января 1749 года:

Так, принявшись предлагать на стихи прекрасный псалом 103, для того покинул, что многие нашел в переводе погрешности, например: “Змий сей, его же создал еси ругаться ему” [Пс 103:26; МБ 1663: л. 244об. — Е. М.], вместо: “се кит, его же создал еси презирати оное” (то есть море, его пространство) (10: 462)¹⁹.

¹⁹ Здесь Ломоносов сопоставляет церковнославянский текст псалма с немецким переводом Лютера [КЕРПЕРТ 1999: 352].

Подводя итоги, следует отметить, что рассмотренный материал, явно недостаточный для системного рассмотрения форм и функций библейских и богослужебных заимствований у Ломоносова, демонстрирует разнообразие форм включения библейского и богослужебного контекста в ломоносовские тексты. Библейский источник может упоминаться без цитирования, может быть использована маркированная цитата, библейско-богослужебный контекст может включаться в собственную речь Ломоносова без переосмысления, а может переосмысливаться; наконец, особой формой следует считать использование библейско-богослужебной фразеологии (в ряде случаев как одического штапма, клише). Среди специфических функций библейско-богослужебных заимствований мы отметили следующие: 1) подключение библейского и богослужебного ассоциативного ряда к сюжету ломоносовской торжественной оды, 2) иллюстрация при помощи цитат мысли о совместимости науки и религии в естественнонаучных трудах, 3) использование библейско-богослужебного контекста в полемических целях (одним из главных средств здесь оказывается ирония), 4) акцентирование высказываний в ломоносовских письмах, в результате чего возникает своеобразный эффект “переключения языков”. Дальнейшее фронтальное исследование библейских и богослужебных заимствований и их функций, а также исследование соотношения библейских и богослужебных источников в различных жанрах ломоносовского словесного творчества продолжают быть среди наиболее перспективных задач.

Библиография

Источники

ГЕДЕОН 1755

ГЕДЕОН (Криновский), еп., *Собрание разных поучительных слов, при высочайшем дворе Ея Императорского Величества сказыванных придворным Ея Величества проповедником Иеромонахом Гедеоном*, 1, С.-Петербург, 1755.

ЛОМОНОСОВ 1891–1948, 1–8

Ломоносов М. В., *Сочинения*, 1–8, С.-Петербург, Москва, Ленинград, 1891–1948.

——— 1950–1983, 1–11

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений*, 1–11, Москва, Ленинград, 1950–1983.

——— 2011

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений*, 2-е изд., испр. и доп., 1–10, Москва, С.-Петербург, 2011.

МБ 1663

Библиа, сиречь книги Ветхаго и Новаго Завета, по языку славенску [Московская Библия], Москва, 1663.

МИНЕЯ 1730

Минья праздничная, Москва, 1730.

Октоих 1715

Октоих, Москва, 1715.

Поэты 1972

МАКОГОНЕНКО Г. П., СЕРМАН И. З., сост., *Поэты XVIII века*, 2, Ленинград, 1972.

Литература

АБРАМЗОН 2004

АБРАМЗОН Т. Е., *Одический тезаурус антропонимов, теонимов и топонимов (на материале 20-ти торжественных од М. В. Ломоносова): Материалы к спецкурсу*, Магнитогорск, 2004.

АЛЕКСЕЕВА 2005

АЛЕКСЕЕВА Н. Ю., *Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках*, С.-Петербург, 2005.

АФАНАСЬЕВ 2003

АФАНАСЬЕВ Э. Л., “Церковная проповедь елизаветинского времени о Западе и России”, in: *Россия и Запад: горизонты взаимопознания: Литературные источники XVIII века (1726–1762)*, 2, Москва, 2003, 621–641.

БЕРКОВ 1936

БЕРКОВ П. Н., *Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1756*, Москва, Ленинград, 1936.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ 1891

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Г., *Ломоносов и Московская Славяно-греко-латинская Академия*, Москва, 1891.

ДОРОВАТОВСКАЯ 1911

ДОРОВАТОВСКАЯ В., “О заимствованиях Ломоносова из Библии”, in: *М. В. Ломоносов. Сборник статей*, С.-Петербург, 1911, 33–65.

ЖИВОВ 1994

ЖИВОВ В. М., “Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII века и рецепция спора ‘древних’ и ‘новых’”, in: Н. В. Злыднева, Н. М. Куренная, Л. А. Софронова, ред., *История культуры и поэтика*, Москва, 1994, 62–82.

——— 1996

ЖИВОВ В. М., *Язык и культура в России XVIII века*, Москва, 1996.

——— 2002

ЖИВОВ В. М., “Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века”, in: ИДЕМ, *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*, Москва, 2002, 638–681.

ЗАПАДОВ 1979

ЗАПАДОВ А. В., *Поэты XVIII века: М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин: Литературные очерки*, Москва, 1979.

ИЛАРИОН 2009–2010, 1–2

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ), МИТР., *Православие*, 1–2, Москва, 2009–2010.

КВЛИВИДЗЕ 2004

КВЛИВИДЗЕ Н. В., “Ветхий денми”, in: *Православная энциклопедия*, 8, Москва, 2004, 54–55.

ЛЕВИТТ 2006

ЛЕВИТТ М., “«Вечернее размышление в Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве» Ломоносова: опыт определения теологического контекста”, in: *XVIII век*, 24, С.-Петербург, 2006, 57–70.

——— 2015

ЛЕВИТТ М., *Визуальная доминанта в России XVIII века*, Москва, 2015.

ЛЕОНОВ, КАРПЕЕВ, САВЕЛЬЕВА 2007

ЛЕОНОВ В. П., КАРПЕЕВ Э. П., САВЕЛЬЕВА Е. А., “Пометы М. В. Ломоносова на Синодальном издании Октоиха 1746 г.”, in: *Федоровские чтения*, Москва, 2007, 337–347.

ЛОТМАН 1983

ЛОТМАН Ю. М., “Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова”, *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 42/3, 1983, 253–262.

ЛУЦЕВИЧ 2002

ЛУЦЕВИЧ Л. Ф., *Псалтырь в русской поэзии*, С.-Петербург, 2002.

МАТВЕЕВ 2009

МАТВЕЕВ Е. М., *Русская ораторская проза середины XVIII века (панегирик в светской и духовной литературе)*, С.-Петербург, 2009.

ПЕКАРСКИЙ 1873

ПЕКАРСКИЙ П. П., *История Императорской Академии Наук*, 2, С.-Петербург, 1873.

ПОГОСЯН 1997

ПОГОСЯН Е. А., *Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг.*, Тарту, 1997.

ПРОСКУРИНА 2006

ПРОСКУРИНА В., *Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II*, Москва, 2006.

ПУМПЯНСКИЙ 1935

ПУМПЯНСКИЙ Л. В., “Очерки по литературе первой половины XVIII века”, in: *XVIII век*, Москва, Ленинград, 1935, 83–132.

——— 1983

ПУМПЯНСКИЙ Л. В., “Ломоносов и немецкая школа разума”, in: *XVIII век*, 14, Ленинград, 1983, 3–44.

САР, 1–6

Словарь Академии Российской, производным путем расположенный, 1–6, С.-Петербург, 1789–1794.

СЕРМАН 1966

СЕРМАН И. З., *Поэтический стиль Ломоносова*, Москва, Ленинград, 1966.

СЛРЯ XI–XVII вв., 1–30–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1975–2015–.

СОЛОСИН 1913

СОЛОСИН И. И., “Отражение языка и образов Св. Писания и книг богослужебных в стихотворениях Ломоносова”, *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук*, 18/2, 1913, 238–293.

ВАЕНР 1991

ВАЕНР S. L., *The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*, Stanford (CA), 1991.

КЕИПЕРТ 1999

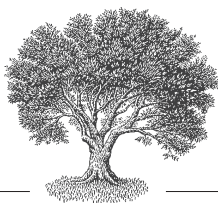
КЕИПЕРТ Н., “Курица не птица, а кит не змий: Zu Lomonosovs «Prelozhenie psalma 103»,” in: G. BROGI BERCOFF, M. DI SALVO, L. MARINELLI, a cura, M. PIACENTINI, red., *Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia. XVI–XVIII secolo*, Alessandria, 1999, 349–374.

References

- Abramzon T. E., *Odicheskii tezaurus antroponimov, teonimov i toponimov (na materiale 20-ti torzhestvennykh od M. V. Lomonosova): Materialy k spetskursu*, Magnitogorsk, 2004.
- Afanasyev E. L., "Tserkovnaia propoved' elizavetskogo vremeni o Zapade i Rossii," in: *Rossii i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniia: Literaturnye istochniki XVIII veka (1726–1762)*, 2, Moscow, 2003, 621–641.
- Alekseeva N. Yu., *Russkaia oda: Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh*, St. Petersburg, 2005.
- Baehr S. L., *The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*, Stanford (CA), 1991.
- Berkov P. N., *Lomonosov i literaturnaia polemika ego vremeni: 1750–1756*, Moscow, Leningrad, 1936.
- Keipert H., "Kuritsa ne ptitsa, a kit ne zmii: Zu Lomonosovs «Prelozhenie psalma 103»," in: G. Brogi Bercoff, M. Di Salvo, L. Marinelli, a cura, M. Piacentini, red., *Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia. XVI–XVIII secolo*, Alessandria, 1999, 349–374.
- Kvlividze N. V., "Vetkhii denmi," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 8, Moscow, 2004, 54–55.
- Leonov V. P., Karpeev E. P., Savelyeva E. A., "Pomety M. V. Lomonosova na Sinodal'nom izdanii Oktoikha 1746 g.," in: *Fedorovskie chteniia*, Moscow, 2007, 337–347.
- Levitt M., "«Vechernee razmyshlenie v Bozhiem velichestve» i «Utrennee razmyshlenie o Bozhiem velichestve» Lomonosova: opyt opredeleniia teologicheskogo konteksta," in: *XVIII vek*, 24, St. Petersburg, 2006, 57–70.
- Levitt M., *The Visual Dominant in Eighteenth-Century Russia*, Moscow, 2015.
- Lotman Yu. M., "Ob 'Ode, vybrannoi iz Iova' Lomonosova," *Izvestiia AN SSSR. Seriia literatury i iazyka*, 42/3, 1983, 253–262.
- Lutsevich L. F., *Psaltyr' v russkoi poezii*, St. Petersburg, 2002.
- Matveev E. M., *Russkaia oratorskaia proza serediny XVIII veka (panegirik v svetskoi i dukhovnoi literature)*, St. Petersburg, 2009.
- Metropolitan Hilarion Alfeyev, *Pravoslavie*, 1–2, Moscow, 2009–2010.
- Pogosjan Je., *Vostorg russkoi ody i reshenie temy poeta v russkom panegirike 1730–1762 gg.*, Tartu, 1997.
- Proskurina V. Yu., *Mify imperii: literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II*, Moscow, 2006.
- Pumpianskiy L. V., "Ocherki po literature pervoi poloviny XVIII veka," in: *XVIII vek*, Moscow, Leningrad, 1935, 83–132.
- Pumpianskiy L. V., "Lomonosov i nemetskaia shkola razuma," in: *XVIII vek*, 14, Leningrad, 1983, 3–44.
- Serman I. Z., *Poeticheskii stil' Lomonosova*, Moscow, Leningrad, 1966.
- Zapadov A. V., *Poety XVIII veka: M. V. Lomonosov, G. R. Derzhavin: Literaturnye ocherki*, Moscow, 1979.
- Zhivov V. M., "Tserkovnoslavianskaia literaturnaia traditsiia v russkoi literature XVIII veka i retseptsiia spora 'drevnikh' i 'novykh'," in: N. V. Zlydneva, N. M. Kurenaya, L. A. Sofronova, eds., *Istoriia kul'tury i poetika*, Moscow, 1994, 62–82.
- Zhivov V. M., *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*, Moscow, 1996.
- Zhivov V. M., *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*, Moscow, 2002.

Евгений Михайлович Матвеев, канд. филол. наук
С.-Петербургский государственный университет,
доцент кафедры истории русской литературы
199034 С.-Петербург, Университетская наб., д. 11
Россия/Russia
ematveev@list.ru

Received April 16, 2016

Еще раз об
этимологии
рус. *мазурик*
'мошенник'
(в свете культурно-
языкового образа
мазура в славянских
традициях)*

Елена Львовна Березович
Валерия Станиславовна
Кучко

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Once More on the
Etymology of the
Russian Word
Mazurik 'Cheater' (in
Light of the Cultural
and Linguistic Image
of *Mazur* in Slavic
Traditions)

Elena L. Berezovich
Valeria S. Kuchko

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Резюме

В статье обосновывается версия о происхождении русского просторечного слова *мазурик* от обозначения этнографической группы поляков *мазуры* (*Mazury*), относящегося к жителям Мазовии (земли в центральной и юго-восточной Польше), а также переселенцам из этой области в других направлениях, главным образом на северо-восток. Эта версия высказывалась ранее в литературе, но не получила развернутой аргументации. Авторы показывают, что слово *мазурик* входит в обширное семанτικο-деривационное гнездо с вершиной

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ "Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики" (проект 17-18-01351). Авторы благодарят Н. А. Власкину, Т. В. Володину, А. В. Гуру, М. В. Жуйкову, М. Ляшкевич, Ст. Небжеговскую-Бартминскую, А. Тырпу, которые поделились материалом и ценными соображениями, учтенными при подготовке статьи.

мазур, восстанавливаемое с учетом общенародных и диалектных фактов. С помощью данных лексической системы и фольклора реконструируется языковой портрет мазура в русской традиции, который сопоставляется с языковым стереотипом о мазурах в языке-источнике (польском) и в языках тех народов, которые тесно контактировали с мазурами (украинском и белорусском). Основные черты этих портретов совпадают в названных языках и создают ярконегативный образ мазура в славянских традициях, что делает "польскую" этимологическую версию семантически правомерной. Кроме того, авторы приводят аргументы в ее пользу с точки зрения словообразования, лингвогеографии и социолингвистических характеристик слов рассматриваемого гнезда. Отмечается, что дериваты гнезда *мазур* испытывают аттракцию к близким по форме и значению лексемам другого происхождения, в частности, к дериватам глагола *мазать*, словам *мурза* и *замурзанный*. Статья содержит комментированный обзор существующих в славянской этимологической литературе версий происхождения рус. *мазурик*. Предложены также мотивационные решения для некоторых других слов, восходящих в конечном счете к польск. *Mazur*.

Ключевые слова

этнолингвистика, славистика, славянская этимология, диалектная лексика, деривационное гнездо, этнолингвистический портрет, контаминация, лексические заимствования

Abstract

The article proves the hypothesis of the origin of the Russian colloquial word *mazurik* as deriving from the name of the Polish ethnographic group *mazury* 'Mazurs' —inhabitants of Mazovia (in central and south-eastern Poland) as well as immigrants from this area to other places, mainly in the north-east. This hypothesis had previously been stated in the literature, but it had not been demonstrated rigorously. The authors show that the word *mazurik* is included in the big semantic word family that is derived from *mazur*, by studies focused on nationwide usage and through dialects. Using data from the lexical system and from folklore, the linguistic portrait of the Mazurs in the Russian tradition is reconstructed, and it is compared with linguistic stereotypes of the Mazurs in the source language (Polish) and the languages of peoples in close contact with the Mazurs (Ukrainian and Belarusian). The main features of these portraits are the same in these languages, and they create a negative image of the Mazur in the Slavic tradition, making the "Polish" etymological version semantically legitimate. In addition, the authors prove this hypothesis from the point of view of word formation, linguogeography, and sociolinguistic characteristics of the words under consideration. It is noted that the derivatives of the word family derived from *mazur* are attracted to the lexemes which have similar form and meaning but different origin, in particular, to derivatives of the verb *mazat'* and the words *murza* and *zamurzannyi*. The article contains an overview with commentary of hypotheses about the origin of the Russian *mazurik* existing in Slavic etymological literature.

Keywords

ethnolinguistics, Slavic studies, Slavic etymology, dialectal vocabulary, derivational word family, ethnolinguistic portrait, contamination, lexical borrowings the Presbyteros

Введение

Словечко *мазурик* употребляется в русском языке в значении ‘плут, мошенник, вор’: “Баба гневно спросила, что я тут делаю, потом объявила мне, что много видала таких «мазуриков», да у ней нечего взять” (Н. А. Некрасов. Петербургские углы); “— Не тебя ли взять в кучера, мазурика этакого? — захрипел Захар” (И. А. Гончаров. Обломов) [БАС₁, 6: 496; БАС₂, 9: 413–414]. Словари русского языка второй половины XX – начала XXI в. трактуют его как факт просторечия, при этом интересно, что два иллюстративных контекста из трех, приведенных в БАС₁, извлечены из произведений “петербургской” литературы (как мы увидим дальше, это неслучайно).

Данная лексическая единица является спорной в плане этимологии: на сей день существует несколько версий относительно ее происхождения, но каждая из них, думается, оставляет проблему открытой. В настоящей статье предпринимается попытка обосновать одну из старых этимологических версий — о связи *мазурика* со словом *мазуры*, обозначающим этнографическую группу поляков, которая включала в себя в первую очередь жителей Мазовии (центральных и юго-восточных земель Польши), а также переселенцев из этой области во многих других направлениях, особенно на северо-восток.

Но статья основана на более представительном материале и, соответственно, имеет более широкую проблематику, чем требуется для реанимации указанного этимологического решения. Это сделано сознательно: мы попытаемся воссоздать — на основе фактов лексической системы и фольклора — черты культурно-языкового образа (стереотипа) мазура. Будут использованы данные народных традиций, носители которых наиболее тесно контактировали с мазурами, — польской, белорусской, украинской и русской (как показала проверка, в других славянских языках соответствующий стереотип выглядит гораздо бледнее или вообще отсутствует, — и это, разумеется, ожидаемо). Создание такого портрета преследует этнолингвистическую цель, давая возможность реконструировать значимый фрагмент народных представлений о территориальных (для поляков) или этнических (для восточных славян) соседях, “родственных инородцах”. Кроме того, такая реконструкция позволит объяснить происхождение не только слова *мазурик*, но и нескольких других слов, которые, по нашему мнению, тоже принадлежат семантико-derivационному гнезду с вершинным словом *мазура* или же являются результатами контаминационных процессов, в которых участвовали лексемы данного гнезда.

Композиция статьи основана на своеобразном челночном движении: осуществив обзор версий происхождения рус. *мазурик*, мы рассмотрим

данные языка-источника (польского) и соседних белорусского и украинского языков, а затем вернемся к фактам русского языка, выявляя специфику семантики, ареальные характеристики изучаемого слова и родственных ему лексических единиц, а также особенности взаимодействия с другими лексемами в русских говорах.

1. Обзор версий происхождения рус. *мазурик*

Как говорилось выше, общепринятой этимологии у изучаемого слова нет (как и у блр. *мазурык* 'то же'). В одних случаях авторы словарей склоняются к какому-либо мнению из излагаемых ниже; в других перечисляют решения, не отдавая никакого предпочтения, в чем чувствуется неудовлетворенность состоянием изучения вопроса (см., например: [ЭСБМ, 6: 64]).

А. Г. Преображенский трактует слово *мазурик* как заимствование из нем. *Mauser* 'воришка' от *mausen* 'воровать' [ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, 1: 502]. Это признается неубедительным по словообразовательным и фонетическим причинам [ФАСМЕР, ТРУБАЧЕВ, 2: 558; ЧЕРНЫХ, 1: 502].

Большинство исследователей предпочитает версию о том, что данное слово относится к гнезду глагола *мазать*, см. [ЧЕРНЫХ, 1: 502–503; ЭССЯ, 18: 32–33; OREL, 2: 651; РЖИЭС: 179–182] и др. При этом в качестве непосредственного производящего разные исследователи выбирают различные лексемы или лексико-семантические варианты слов данного гнезда. Можно выделить три этимологических решения, связанных в конечном счете с *мазать*.

А. И. Соболевский предполагал, что слово *мазурик* образовано от рус. диал. *мазура́* 'порода голубя (не очень ценного)' и имеет первоначальное значение 'невзрачный, с некрасивым лицом', а название голубя образовано от *мазать*, см. об этом в [ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, 1: 502; ФАСМЕР, ТРУБАЧЕВ, 2: 558; ЭСБМ, 6: 164]. Эта версия не принимается последующими комментаторами, которые выбирают другую словообразовательно-мотивационную линию в рамках гнезда *мазать* [ЧЕРНЫХ, 1: 502–503; ЭССЯ, 18: 32–33; OREL, 2: 651]. Авторы ЭССЯ полагают, что можно реконструировать праслав. **mazura* / **mazurъ*, континуантами которого являются, помимо обсуждаемого слова *мазурик*, рус. диал. *мазура* 'неопрятный человек, грязнуля', сербохорв. диал. *мазура* 'неженка', словен. *mazúr* 'балованный ребенок', словен. *mazûra* 'замарашка' [ЭССЯ, 18: 32–33]. При этом ЭССЯ не комментирует семантическую сторону данного этимологического решения. Такой комментарий дает П. Я. Черных: *мазурик* производно от формы *мазура*, ср. у Даля: *мазу́ра* 'неряха, чумичка, мазун'. *Мазура*, в свою очередь, образовано от глагола *мазать* при помощи суффикса *-ур-* (в качестве словообразовательной параллели

приводится чеш. диал. *těchura* ‘пирог из кислого теста’). Значение ‘воришка-халтурщик, воришка-неудачник, м а з и л а’ (разрядка П. Я. Черных) слово *мазурик* могло получить в жаргоне городских мошенников — “блатной музыке” или “языке петербургских мазуриков”, — который упоминает В. И. Даль в статье *мазурик*¹. Глагол *мазурить* ‘промышлять карманным воровством’ был образован также от формы *мазура*. В дальнейшем *мазурик* приобрел более широкое значение ‘вор, плут, обманщик’; см. [Черных, 1: 502–503].

Прокомментируем словообразовательный аспект этого решения. Единственный приведенный Черных пример отглагольного образования на *-ur(a)* — чеш. диал. *těchura*² — свидетельствует о редкости такой модели в славянских языках. Это подтверждается тем, что в “Очерке праславянского словообразования” Ф. Славского суффикс *-ur-* в отглагольных образованиях представлен единичными примерами, ср. *peřura*, *peřurka* ‘гриб шампиньон, *Agaricus campestris*’ от *pekti* ‘печь’, *řzdura* ‘глупость, вздор’ от *řzděti* ‘bǔdzieć, pedere’, чеш. диал. *chod’ura* от *chod’it* [Sławski 1976: 27]³. В русских говорах, по данным обратного индекса к первым 25 выпускам СРНГ [RI], отглагольные лексемы с суффиксом *-ур-* тоже раритетны, ср. разве что тамб., пенз. *некур* ‘маленький горшок, чугунок’, костр. *пекура* ‘печка’ [СРНГ, 25: 320], но при развитой вариативности суффиксов (подобный горшок, к примеру, может называться *пекуша*, *пекун*, *пекуль* и пр.) словообразовательная автономность слов *некур* и *пекура* весьма сомнительна.

Тем не менее, хочется обратить внимание на несколько языковых фактов, которые могут претендовать на статус семантически “бесспорных” дериватов корня *маз-* с этим суффиксом. Во-первых, это слова восточнославянских языков, обозначающие грязного (вымазавшегося в грязи) человека: ср., к примеру, без указ. места *мазура* ‘неопрятный человек’ [ДО: 108], влг. *мазурик* ‘неопрятный, грязный человек’: “Привела к тебе мазурика, где и измазался эдак” [СВГ, 4: 67], пск. *мазурка* ‘грязный, неряшливый человек’ [ПОС, 17: 325]⁴, блр. *мазур* ‘с запачканным

¹ Как известно, В. И. Даль записывал и изучал условный язык петербургских мошенников (*мазуриков*), см. об этом [Бондалетов 2012: 140–179]; в словаре этого языка, составленном Далем, слову *мазурик* дается дефиниция ‘мошенник, из наших’ [ibid.: 148].

² Вероятно, от чеш. *míchat* ‘мешать, смешивать’; см. образование от этого глагола с более продуктивным суффиксом — *těchačka* ‘мешалка’ [Маснек 1968: 365].

³ Для дальнейшего изложения (в ходе которого будет затрагиваться этимология польск. *Mazur* ‘житель Мазовии’) важно то обстоятельство, что в некоторых славянских языках суффикс *-urь* встречается в экспрессивных словах (чаще всего с пейоративным оттенком), например, польск. диал. *lisiur* ‘лиса’, чеш. диал. *kijur / kuj* ‘палка’ [Sławski 1976: 26].

⁴ Подробнее русские диалектизмы такого рода представлены в разделе 5.2 настоящей статьи.

лицом, грязный, смуглый', укр. *замазура* 'то же' [ЭСБМ, 6: 164] и др. — при наличии бессуффиксальных образований вроде пск. *маза* 'неряшливый человек, грязнуля' [ПОС, 17: 316]. Во-вторых, это южнославянские обозначения избалованного, изнеженного человека (того, кого "мажут" → глядят → балуют, ласкают): сербохорв. диал. *мазура* 'неженка', словен. *mazúr* 'балованный ребенок' [ЭССЯ, 18: 32–33], ср. с этим же корнем рус. диал. *маз* 'любовник', чеш. *mazlivý* 'избалованный', сербохорв. *мазница* 'неженка, любимица' [ивд.: 32–33, 35].

Если же оценивать версию о производности *мазурика* от *мазать* с точки зрения семантики, то надо признать, что не до конца ясен вопрос о развитии значения 'вор, мошенник, обманщик'. Предлагаемая П. Я. Черных семантическая цепочка 'грязнуля' → 'мазила, неудачник' → 'воришка-неудачник' → 'вор, мошенник' кажется искусственной конструкцией, тем более что два срединных звена не фиксируются словарями. Основанием для появления "обманных" и "мошеннических" значений у *мазурика* может служить скорее смысловой потенциал глагола *мазать*, ср., например, твер. *мазать* 'обманывать, надувать' [СРНГ, 17: 294], пск. *мазать* 'лестью располагать к себе', 'врать' [ПОС, 17: 318–319].

Существует еще одна гипотеза о происхождении *мазурика* от *мазать*, однако последний рассматривается в специализированном значении. В историко-этимологическом словаре "Русский жаргон" М. А. Грачева и В. М. Мокиенко высказывается мнение о том, что просторечное слово *мазурик* произошло от офенских лексем *маз* 'я', *мазыка* 'офеня, торговец', а они — от глагола *мазать* 'рисовать'. *Мазыками* офени называли также художников-богомазов из владимирских деревень, рисующих иконы для продажи. Предполагается, что у офеней существовало выражение *ходить по мазыке* 'скупать у иконописцев иконы с целью их перепродажи', которое затем получило значение 'мошенничать, плутовать' и могло трансформироваться в *ходить по музыке* 'совершать преступления'. В современном аргю сохраняются слова *маз*, *маза* 'главарь воровской шайки' [РЖИЭС: 179–182]⁵.

Данная версия, помимо нерешенной проблемы словообразования, ставит перед нами новые вопросы из области семантики: причины, по которым от глагола *мазать* 'рисовать' образуется у офеней обозначение богомазов, кажутся ясными, однако в рамках изложенной выше версии остается непонятным, почему от этого же глагола образуются и самоназвания офеней. Можно предположить, что слова *маз*, *мазыка* 'офеня' имели первоначальное значение 'тот, кто скупает и перепродает иконы' ←

⁵ Подобные жаргонные и арготические слова фиксировались и в источниках конца XIX – начала и середины XX в., ср. *маз* 'опытный во всех отношениях вор' [СРВС, 1: 40], *мазьё* 'мошенники, воры' [ивд.: 21], *мазь* 'мошенник высшей марки' [СРВС, 4: 31] и др.

‘тот, кто рисует иконы’, но в свете широкой семантики арготических слов *маз*, *маза*, *мазь* ‘опытный вор, мошенник’ это объяснение кажется неудовлетворительным. И еще один вопрос, более острый: если считать, что перед нами факт внутриарготической деривации (*маз* → *мазурик*), то неясно, почему именно производное слово *мазурик* широчайшим образом распространено в народных говорах и общенародном просторечии (см. далее), тогда как его предполагаемое производящее *маз* не употребляется вне рамок корпоративных социолектов.

Наконец, последняя версия (последняя для этого обзора, но одна из первых хронологически) происхождения слова *мазурик* основана на предположении о том, что пред нами полонизм, который возник из обозначения этнографической группы поляков. Автором этой версии является, по всей видимости, А. Брюкнер [Brückner 1914: 214]; она транслируется, в числе прочих, со ссылкой на Брюкнера в [ФАСМЕР, ТРУБАЧЕВ, 2: 558; ЭСБМ, 6: 164; ОРЕЛ, 2: 651]. А. С. Герд в своих “Материалах для этимологического словаря севернорусских говоров” приводит близкие *мазурику* диалектные слова вроде влг., карел., ленингр. *мазу́рик*, *мазу́рник* ‘озорник’ и др. (подробнее см. в разделе 4 настоящей статьи), указывая для них в качестве источника как польск. *Mazur* ‘житель Мазовии’, так и блр. *мазурик* ‘грязный, смуглый человек’ [Герд 2004: 228]. Возможность образования *мазурика* от *мазур* ‘поляк’ отмечал и В. И. Даль (наряду с версией о производности изучаемого слова от *мазуля* ‘замарашка, оборванец’) [Даль, 2: 295]. Все эти источники ничего не говорят о смысловых связях между польск. *Mazur* и рус. *мазурик* ‘жулик’. Кажется, единственный комментарий, где связь между польским и русским словом толкуется чуть более пространно, с указанием возможных путей проникновения польского слова в русский язык, принадлежит фольклористу П. В. Киреевскому (см. далее, в разделе 5.1), однако этот комментарий находился вне этимологической полемики и не получил должного признания у специалистов.

Итак, отсутствие мотивационного фундамента ослабило “польскую” версию в глазах последующих интерпретаторов и заставило искать другие решения.

Поиск мотивации для данной версии будет осуществлен в рамках настоящей статьи. Для этого, как говорилось выше, мы обратимся сначала к предполагаемому языку-источнику (польскому), а также белорусскому и украинскому языкам, попытаюсь проанализировать подробно значение слова *Mazur* (*мазур*) и собрать на межъязыковом уровне семантико-деривационный комплекс слов, восходящих к обозначению мазуров.

2. *Mazur* (мазур) в польском, украинском и белорусском языках: слово и стереотип

Стереотип мазура (польск. *Mazur, Mazurek*) в польской культурно-языковой традиции, а также история соответствующего слова не могли не привлекать внимание исследователей. Особо следует выделить две обстоятельные публикации — работу Яна Станислава Быстроны “*Mazurzy w opinii sąsiedzkiej*” (“Мазуры глазами соседей”), имеющую фольклорно-этнографическую направленность [BYSTRONŃ 1935], а также статью Анны Тырпы “*Losy etnonimu «Mazur»*” (“Судьбы этнонима *Mazur*”), в которой данное слово рассматривается в совокупности его лексико-семантических вариантов и дериватов в разных разрядах нарицательной лексики и ономастики (в антропонимии, топонимии, хрематонимии и др.) [ТЫРПА 2006]. В ходе последующего изложения мы будем нередко обращаться к этим трудам.

2.1. О происхождении слова *Mazur*

Существует несколько точек зрения на происхождение названия *Mazury* (*Mazurzy*) ‘мазуры’. По мнению одних исследователей (Я. Сембжицкий, А. Брюкнер), *Mazur* этимологически восходит к топониму *Mazowsze* (в плане словообразования см. *kocur* от *Kociewie*) [BRÜCKNER 1957: 326]. Несколько версий утверждают неоттопонимическое происхождение изучаемой лексемы. Согласно одним из них, слово является заимствованием; по другим, оно связано с *mazać, maź* (З. Глогер): мазуры жили в сосновых борах, добывали смолу — и с м а з ы в а л и е ю оси своих телег, см. [ТЫРПА 2006: 182]. Другое мотивационное решение в рамках “мажущей” линии предлагает А. Гейстор: в зоне проживания мазуров были особые почвы — сродни липкой грязи, см. [ibid.]. Есть и другие мнения относительно происхождения слов *Mazowsze* и *Mazury*; сводки разных версий представлены в [ЕСУМ, 3: 360; ЭСБМ, 6: 64; ТЫРПА 2006: 181–182].

2.2. Значения имени, связанные с территориальными группами населения

Кроме мазовшан — жителей Мазовии — слово *Mazury* может называть группы людей, проживающих и на некоторых других территориях. Такие обозначения появляются по разным причинам, из которых чаще всего срабатывают две: расширение семантики катойконима (распространяющегося на население соседних земель) вследствие естественных процессов расширения пространства, где проживает коллектив носителей имени, и/или метонимических переносов с части на целое; перенос имени на жителей несмежных территорий (либо из-за того, что туда переехал кто-то из носителей имени; либо на основе сходства каких-либо поведенческих, бытовых, языковых и прочих черт). Названные

процессы (результаты которых далеко не всегда можно отделить друг от друга) характерны для многих катойконимов, но в связи со словом *Mazury* они особенно активны — главным образом из-за того, что на протяжении столетий происходила мощная экспансия мазуров в различных направлениях, особенно в северном и северо-восточном; при этом мазуры заселяли не только соседние территории, но и появлялись на землях весьма отдаленных⁶ — например, в разных зонах современной Украины, в Восточной Пруссии etc. [Бустроў 1935: 223; Турра 2006: 181, 184, 190 и др.]. Неслучайно в говорах окрестностей г. Бучач⁷ слово *ma-dzur* имеет значение ‘колонист, поселенец’ [Турра 2006: 187].

Следы такой экспансии мазуров отражены и в польском фольклоре. Так, одна из легенд, приводимых О. Кольбергом, повествует о том, что “*nosił djabeł po świecie wór Mazurów*” (‘носил дьявол по свету мешок с мазурами’): из дырок в мешке мазуры выпадали то на Волини, то на Подоле, то в Литве. Дьявол заметил эту беду только под Цеханувом (город в Мазовецком воеводстве). Он разгневался и ударил мешком о землю. Там мазуры повылезали из мешка и осели (изложено по: [Турра 2006: 181]).

Анализ вторичных катойконимов, производных от слова *Mazur*, свидетельствует о том, что в языковом сознании жителей территорий, соседствовавших с Польшей, могло происходить уравнивание значений слов “мазурский” и “польский”, “мазур” и “католик” (см. [Турра 2006: 190], а также материал, приведенный в сноске 6). Неслучайно в энциклопедии верований белорусов в статье “Палякі” в качестве синонимов заглавному слову даются *ляхі, мазуры* [МифБ: 346]. С другой стороны, сложные исторические судьбы мазуров и непростые взаимоотношения с окружающими этническими и территориальными группами предопределили случаи, когда мазуры выделяются в глазах соседей из числа поляков; к примеру, в старобелорусском контексте (1549) говорится о “кривдахъ ихъ незносныхъ, которыи мають от пановъ Поляковъ и от пановъ Мазовшанъ” [ГСБМ, 17: 225]⁸. Приведем также некоторые

⁶ Так, имя *Mazur* (*мазур, мадзур, мазурія* etc.) применяется по отношению к людям, прибывшим из Мазовии или Малопольши и при этом говорящим по-польски, не русинам (польск.) [SW, 2: 907], к жителям нескольких деревень в бассейне р. Нотец (приток Варты); жителям одной из областей Силезии, переселившимся из Карпатской Буковины; населению контактных польско-украинских зон Подлясья; польским крестьянам в окрестностях Гродно; любым католикам Хелмского повета, участвующим в богослужениях на латинском языке [Турра 2006: 181–184, 187]; к полякам вообще (укр.) [ЕСУМ, 3: 360]; к украинцам, исповедующим католичество [Івід.: 360]; к так называемым “чернорусам” [Носович, 1: 277] и др.

⁷ Город в Тернопольской области, который находился на территории Галиции.

⁸ В пределах Польши, разумеется, противопоставление “поляк — мазур” встречается очень часто (см., к примеру, контексты в [НКРР, 2: 418]); есть такое противопоставление и собственно в Мазовии, где, например, разграничивается речь “польская” и “мазурская” (см. в [SGOWM, 4: 117]).

русские контексты из [НКРЯ]: “[Ремарка:] Входят музыканты — жида, мазуры, поляки и русские, и начинается дивертисмент” (А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский. 1823); “Это происходило в крошечном пограничном местечке Красилове, очень грязном и очень скучном, населенном тысячами тремя евреев и крестьян-мазуров. . .” (А. И. Куприн. 1895).

2.3. Черты мазуров в зеркале наивного культурно-языкового сознания

Языковые и фольклорные данные позволяют воссоздать довольно подробный портрет мазура. Представим этот портрет, но не полностью, а с особым вниманием к тем признакам и мотивам, учет которых в той или иной мере значим для решения задач, поставленных в настоящей статье.

Черты, которые выделяются в физическом облике мазура, являются по преимуществу необычными, “иномирными”, роднящими его с другими “популярными” инородцами.

В первую очередь это слепота, которой Быстроень посвятил специальный раздел своей работы о мазурах [Bystroń 1935: 214–216]. Мазуров дразнят: *Ślepy Mazur*, “Mazury ślepaکی, niezdarne jak raki” (‘Мазуры слепцы, неуклюжие, как раки’) и др. [ВЕНЕДУКТОВИЧ 2000: 132; НКРР, 2: 419]. Поляки и белорусы считают, что мазуры рождаются слепыми, как щенята или котята, и сохраняют это свойство до 3-го, 7-го или 9-го дня [Белова 2006: 113; БелФ, 2: 81; МиФБ: 346]; порой, по мнению поляков, мазурам (как и евреям) может потребоваться человеческая кровь, чтоб открыть глаза своим новорожденным [Белова 2006: 113]; ср. польск. “Mazur się ślepo rodzi” [НКРР, 2: 419], блр. “Мазуры родзяцца сляпыя”, “Мазур да сёмага дня сляпы” и т. п. [МиФБ: 346]. В Польше распространено присловье “Ślepy Mazur od ciemnej gwiazdy” [НКРР, 2: 420]: если учесть, что рождение человека под какой-либо звездой определяет его судьбу — счастливую или несчастливую, то слепой мазур, который, по народным представлениям, есть “худший сорт” человека (“podlejszy gatunek człowieka”), родился под темной звездой [Bystroń 1935: 215].

С представлениями о слепоте (“темноте”) мазуров перекликаются верования, согласно которым мазуры имеют черную глотку (н ё б о): польск. “U Mazura czarna gura” (‘У мазура черная глотка’: в комментариях указано, будто бы так дразнил литвин мазура) [НКРР, 2: 420], блр. “У кожнага мазура чорнае паднябенне” [МиФБ: 346]. Этот признак часто приписывают “демонизируемым” инородцам: сами мазуры — “литвинам” и “жмудзинам”, краковяки — гуралам, поляки — цыганам; в русской традиции *чернонёбыми* называют жителей Коломны [Белова 2006: 45; ЕАДЕМ 2012: 515]. В белорусском языке есть слово, заставляющее предположить, что чернота мазуров может “визуализироваться”,

проявляясь не в “невидимой” глотке, а в лице: блр. *ма́зур* ‘тот, у кого темная кожа; от природы черный лицом’: “Ён і радзіўся такім мазурам” [Носович 1870: 277; Станкевич: 665; ЧТС: 258]. Это слово связано с рядом других, имеющих значения за грязненности: блр. диал. *ма́зур* ‘замарашка; тот, кто ходит не моясь, с замаранным лицом’: “Помый ты гетаго мазура” [Носович 1870: 277; Шатэрнік 1929: 153], диал. *ма́зуром* (в знач. нареч.) ‘замаравшись’ [Носович 1870: 277], *мазура́ка* ‘грязнуля, неопрятный человек’ [ЭСБМ, 6: 64]. Авторы ЭСБМ (подавая *мазур* ‘замарашка’ как омоним к *мазур* в территориально-этническом значении) полагают, что слова с семантикой загрязненности являются образованиями с суффиксом *-ур-* от *мазаць* [вид.]; аналогичной версии придерживаются авторы ЕСУМ, рассматривая укр. диал. *мазу́р*, *мазура́ч* ‘грязнуля’, *мазури́стий* ‘о белой овце с черными пятнами у глаз’ [ЕСУМ, 3: 358, 360]. Представленные этимологические выкладки вполне убедительны (особенно если вспомнить о словен. *mazûra* ‘замарашка’, см. раздел 1 настоящей статьи), но в то же время для этих слов (возможно, части из них) есть смысл предполагать вторичное притяжение к этнониму (катойкониму) *мазур* или даже семантическую деривацию от последнего; см. рассуждения о подобных контаминациях на русском материале, где более наглядны семантические связи между словами, восходящими к польск. *Mazur*, и продолжениями **mazati* (раздел 5.2 статьи). Для блр. *ма́зур* ‘от природы черный лицом’ обоснованием для такой смысловой связи служат представления о “черноте” мазуров, которые воспринимаются территориально-этническими соседями как мифологизируемые чужаки (а черный цвет — классическая примета инородца в мифопоэтической картине мира славян, см. [Белова 2012: 515]).

Наконец, заканчивая описание физических черт мазура, отметим, что его “особость” обеспечивается даже специфическим типом черепа: *mazurskim* называют череп “короткоголовых” людей [Турра 2006: 187].

Перейдем к описанию психических, интеллектуальных и социальных качеств мазуров.

Мазур имеет низкий интеллект и уровень образования: польск. *mazur* ‘человек необразованный, простак’ [SW, 2: 907], мнихув. *gadanie mazurskie* ‘глупый вопрос’ [Турра 2006: 188]. Простодушие и бесхитрость мазуров, которые приписывают им поляки и белорусы (см. об этом в [Белова 2006: 139–140]), парадоксальным, но вполне объяснимым образом могут сочетаться в них с хитростью. Это качество так значимо в культурно-языковом портрете мазуров, что Быстро́нь посвятил ему целый раздел своего исследования [Быстро́нь 1935: 222–223], отметив, что, по народным представлениям, слепой мазур, прозревший лишь на десятый день, мог тем не менее всех

провести, обмануть [ВУСТРОЊ 1935: 222]. Говорили, что если мазура берут в услужение, то в первый год все смеются над ним, на второй год он смеется над другими, а в третий год — и над самим хозяином [ИВІД.]. Мазур может перехитрить самого дьявола: “*Maḏrzejszy Mazur niź diabeł*” [НКРР, 2: 419]. При этом в соединении хитрости и наивности, присущем мазуру, первая легко уступает место второй: укр. подляс. *Мудрий Мазур!* ‘о том, кто тщетно пытается обмануть кого-либо’ [Номис 1993: 168, № 3065].

Из хитрости мазуров вытекает их жуликоватость: блр. разг. *мазурьк* ‘мошенник, жулик’ [ТСБМ, 3: 85], мсцисл. *як мазурьк* ‘про хитрого, жуликоватого человека’ [СБНП: 251]. Последняя тянет за собой и вороватость, которая, по всей видимости, отражена в названии полевого воробья (известного тем, что он “ворует” зерно): польск. *mazurek* ‘полевой (красноголовый) воробей’ [SW, 8: 732], бучач. *madzur* ‘то же’ [ТУРРА 2006: 188], укр. надднестр. *мазур* ‘воробей’ [Шило 2008: 165], блр. *мазурак* ‘полевой воробей’ [ЖС: 41] (далее метонимически — укр. *мазур*, *мазурок* ‘воробей горный, *Fringilla montana*’ [Гринченко, 2: 397]). Для обозначения воробья есть характерный номинативный дублет, апеллирующий к образу другого хитрого “чужака”: польск. *żydek* ‘полевой (красноголовый) воробей’ [SW, 8: 732], укр. полес. *жид*, *жидок* ‘воробей’ [Аркушин, 1: 155], блр. диал. *жыд*, *жыдок*, *жыдзюк* ‘то же’ [ЖС: 41].

Простоватость мазуров тесно соседствует с их “дикостью”, ср. польск. ю.-вост. *mazur* ‘тот, кто живет вдали от людей, в лесу, не привык к обществу, не умеет себя вести’ [ТУРРА 2006: 187]. Слово *Mazur* употребляется с устойчивым эпитетом *dziki* [ВУСТРОЊ 1935: 215].

Из “неотесанности” мазуров вытекают их убожество и нищета, представления о которых широко отражены в польском фольклоре [ВУСТРОЊ 1935: 199–202, 221–222]. Так, “богатство” мазуров высмеивается в песне “*Oto ja Mazur tęgo bogaty*”, в которой рисуется мазур в пестром, аляповатом кунтуше, но при этом подвязанный поясом из грубой конопли [ИВІД.: 221–222]. В другой песне говорится о том, что мазурские невесты не имеют приданого: “*Ożeniłem się na Mazowszu, Wziąłem w posagu trzy ćwierci owsu*” (‘Женился на Мазовше, Взял в приданое три четверти овса’) [ИВІД.: 201]. Показательна поговорка “*Rozśmiał się by Mazur na żemłę*” (‘Обрадовался, как мазур белой булке’: в комментарии указано, что в “убогой” Мазовии белый хлеб был большой редкостью) [НКРР, 2: 420]. В системе польского языка представления о непривлекательном быте мазовшан тоже находят отражение, воплощаясь в ряде шуточных номинаций: у мазуров не хорошие лошади, а жалкие клячи (силез. *mazur* ‘негодная худая кляча’ [ТУРРА 2006: 188]); вместо куриц у них грачи (*mazowieckie kury* ‘грачи’ [SW, 2: 907]); у них неровные и разбитые

дороги (мазовецк. *mazurski tracht* “мазурский тракт” ‘каемка на фартуке’ [ТУРРА 2006: 189]).

Другая грань “дикости” мазуров — не обузданность, злобность, драчливость: польск. “Zawzięty (zacięty) jak Mazur” (‘Ожесточенный, яростный, как мазур’), “Uparty, jak Mazur” (‘Упертый, как мазур’), “Niechaj go, bo to Mazur” (‘Оставь его в покое, ибо он мазур (скандалист, авантюрист)’), “Zły jarmark na Mazurach, kiedy tylko pięciu zabiją” (‘Плоха та ярмарка у мазуров, если убьют только пятерых’) [НКРР, 2: 419–420], блр. “Мазуру біцца, так як людям хлеб з маслам з’есць” [МифБ: 346]. В этом контексте упомянем и бытующее у поляков представление о том, что целые семьи мазуров жили разбоем на дорогах [Бустроń 1935: 215]. Возможно, обсуждаемые черты мазуров нашли косвенное отражение в опольск. *mazurek* “‘каталажка”, камера для арестованных; будка ночного сторожа’ [ТУРРА 2006: 189].

С названными свойствами “рифмуются” склонность мазуров к пьянству (польск. варшав. *mazowiecki pacierz* “мазовецкая молитва” ‘водка’ [НКРР, 2: 418], “Skoro Mazur rodzi się, wnet chłopa zabije” (‘Как мазур напьется, так мужика <крестьянина> убьет’) [ИВІД.: 420]; см. также [Бустроń 1935: 203–206]) и их сексуальная “дикость”, похотливость (блр. “Мазур юрлівы, за дзеўкамі як кныр бегае” [МифБ: 346]).

Представления о драчливости мазуров отражаются и в “военных” мотивах, присутствующих в воссоздаваемом культурно-языковом портрете. Говоря о воинственности мазуров, Быстроń цитирует стихотворение польского поэта XVI–XVII вв. К. Мясковского “Na schwal Mazurów”, в котором мазовецкая шляхта сопоставляется с татарской ордой [Бустроń 1935: 199]. Белорусский фольклорный образ мазура обнаруживает сходство с образом солдата (в том числе польского), рекрута, казака [БелФ, 2: 81]. Возможно, апелляция к образу солдата, казака метафорически зашифрована в польск. люблин. *mazur, mazurek* ‘гриб подосиновик, *Leccinum aurantiacum*’ [ТУРРА 2006: 188]. На эту мысль наводят параллельные польские диалектные названия этого гриба — *ulan* [Марсзук 2003: 85], *moskalik* [ТУРРА 2011: 109]. Как свидетельствуют различные исторические источники, униформа польских военных нередко включала в себя элементы красного цвета (к примеру, полковым цветом польских уланов Наполеона был темно-красный, который присутствовал на верхней части конфедератки, а также на воротнике, лацканах, фалдах мундира, лампасах брюк). Показательно и то, что подосиновик имеет ряд “солдатско-инородческих” обозначений за пределами польского языка: блр. диал. *паніч* [РАСС: 277], *маскаль* [ЭСБМ, 6: 246], серб. *турчин, козак* [Симоновић 1959: 73], рус. яросл. *казачок* [ЛКТЭ]. Получается, что представления о ценном крепком грибе с красной шляпкой

находят удачное воплощение через образ бравого, молодцеватого солдата-инородца⁹. Возможно, “военные” ассоциации проявляются также в белорусском и украинском вариантах шуточной песни, где мы вновь встречаем наложение портретов москаля и мазура¹⁰: блр. “Ой, маці, маці, мазур у хаці” [БелФ, 2: 81] // укр. “Ой, мати, мати, москаль у хаті” [ЖП].

Говоря о социально значимых свойствах мазура, нельзя не отметить его специфическую речь. *Мазурение* (польск. *mazurzenie*) — фонетическое явление в ряде польских диалектов, в полабском языке и в некоторых восточнославянских говорах северо-восточной Польши, при котором смешиваются шипящие и свистящие согласные. Однако в наивном языковом сознании соседей мазуров это не просто феномен диалектной фонетики. С одной стороны, мазурение вписывается в народную этиологию: согласно легенде из Западной Белоруссии, мазуры начали шепелявить оттого, что “в начале света” предок мазуров потерял зубы в драке с чертом [Белова 2006: 147]. С другой стороны, оно имеет яркую экспрессивно-негативную оценку, ср. польские метаязыковые контексты: “U nas młodzi narod inaczej już gada, lepi po polsku nie tak po mazursku, polska mowa jest piękna, ale ta mazurska bary brzyska” (‘У нас молодежь уже иначе говорит, лучше <говорит> по-польски, не так уж по-мазурски, польская речь прекрасна, а эта мазурская — ужасная’) (жешув.) [Бондаренко 2016: 293]; “Joj! Nie zaciągaj tak brzydku jak pu mazursku” (‘Ой! Не растягивай слова так уродливо, как по-мазурски’) [Турра 2006: 188].

В целом ряде языковых и фольклорных фактов, приведенных выше, в той или иной мере была ощутима оценка (обычно пейоративная), которую дают мазурам их соседи. Есть и такие факты, где негативная экспрессия доминирует, — и можно говорить о том, что они выражают обобщенную оценку рассматриваемого феномена. К примеру, подобная оценка проявляется в поговорках типа польск. “Dobry człowiek, ale Mazur” (‘Хороший человек, хоть и мазур’) [НКРР, 2: 418], укр. “Ой жур, мати, жур! ліпший Русин, як Мазур” [Номис 1993: 549, № 12531]. Показателен и сюжет шуточного стихотворения о том, что мазура укусила в ногу змея: мазуру ничего не сделалось, а змея сдохла от его крови; комментируя этот текст, Быстронь отмечает, что то же самое рассказывают о жемайтах [Bystroń 1935: 215]. Вариативность этнических образов, которую мы наблюдали и ранее (польск. *mazurek* = *żydek* ‘левой воробей’, *mazurek* = *moskalik* ‘гриб подосиновик’), — верный признак явления ксеномотивации, под которой понимается воплощение

⁹ Сказанное, вероятно, помогает найти ключ и к объяснению укр. *мазу́рок* ‘вид гриба’ [ЕСУМ, 3: 360], которое ЕСУМ считает неясным, предполагая (без объяснений) возможную связь с названием этнической группы *мазуры* [ibid.].

¹⁰ О таких ассоциациях в связи с образом москаля см.: [БЕРЕЗОВИЧ, КРИВОШАПОВА 2015].

обобщенного представления о чужом в мотивировках слов и фразеологизмов, при этом чужое чаще всего трактуется как примитивное, некультурное, дикое, аномальное, неправильное и пр., см. [БЕРЕЗОВИЧ 2007: 407]. Данное явление наблюдается обычно в коннотативном поле тех этнонимов или катойконимов, которые обозначают наиболее “актуальных” для народа-номинатора чужаков — тех, кто обнаруживает самую высокую степень “непохожести”, конфликтности и т. п. Очевидно, мазуры входят в их число.

Отмечаются еще случаи ксеномотивации, отраженной в словах, являющихся семантическими дериватами на основе обозначения мазуров. Это в первую очередь названия насекомых, служащие обычно ярчайшими примерами ксенономинации [БЕРЕЗОВИЧ 2007: 426–432]. Среди них наименование таракана *Blatta germanica* — польск. варм.-мазов. *mazur*, входящее в ряд других “тараканьих” ксенонимов, которые отмечены в варминско-мазовецких говорах: *hiszpan*, *góral* ‘гураль’, *japones*, *moskal*, *szwab* [AGM: 81–82]. Такой распространенный ряд номинативных дублетов наилучшим образом свидетельствует о том, что в номинациях учитываются не конкретные этнографические особенности членов этого “парада наций”, а признаки, ассоциирующиеся со всеми недружественными инородцами, — “появление во множестве”, “вредоносность”, “нежданное вторжение”. Помимо тараканов, в мазурском “обличье” выступают сверчки и пчелы: польск. *mazurek* ‘сверчок’ [SW, 2: 907], силез. *mazurka* ‘пчела’ [ТУРА 2006: 188]. Возможно, толчком для этих номинаций стал признак издаваемых насекомыми “невнятных” (свистящих и шипящих) звуков, которые сравниваются с речью мазуров (в качестве параллели к названию сверчка можно привести его болгарское диалектное обозначение — *циганка* [Теллалова 1996: 577]).

Таким образом, обнаружение для ряда “мазурских” номинаций номинативных параллелей, образованных от других этнонимов, позволяет предполагать, что перед нами ксенонимы, в основе которых лежит обобщенная оценка чужого.¹¹ Этим материалом уместно завершить краткий обзор языковых (по преимуществу)¹² и фольклорных данных,

¹¹ Позволим себе не согласиться с мнением А. Тырпы, считающей, что “мазурские” слова со значениями ‘воробей’, ‘сверчок’, ‘пчела’, ‘гриб’ являются нейтральными в плане своей экспрессии [ТУРА 2006: 190].

¹² В наш обзор не попал целый ряд лексических единиц — в первую очередь тех, которые характеризуют материальную и духовную культуру мазуров. Дадим небольшую выборку фактов такого рода — с целью показать многогранность воссоздаваемого по языковым данным портрета и значимость образа мазура в культурно-языковом сознании поляков, украинцев и белорусов. Кушанья, напитки: польск. *mazur* ‘мазовецкое пиво’ [SW, 2: 907], *masło mazurskie*, *śmietana mazurska*, *kiełbasa mazurska* [ТУРА 2006: 188], диал. *mazur* ‘оладья из тертого сырого картофеля, запеченного в печи’ [ИВІД.: 188], *mazurek* ‘вид сладких пирогов с миндалем и маком’ [SW, 2: 907], *mazurek*, диал. *mazur* ‘вид пасхальной

позволяющих реконструировать стереотип мазура в польском, украинском и белорусском языках. Говоря о доминанте этого стереотипа, можно привести слова Е. Бартминьского, утверждавшего, что поляки центральной Польши в прошлом трактовали мазура “почти как «нечеловека»” [БАРТМИНСКИЙ 2005: 181].

Слово *мазур* и соответствующий стереотип проникли также в русскую культурно-языковую традицию — и это проникновение, как можно предполагать, осуществлялось как напрямую из польского, так и через украинское или белорусское (что более вероятно) посредничество. Очевидно, это относится и к *мазурику* (если считать его производным от *мазура*). Чтобы проверить эти предположения, следует изучить лингвогеографические и социолингвистические характеристики лексемы.

3. *Мазурик* в русском языке: социолингвистическая и лингвогеографическая характеристика

Первоначально слово *мазурик* было распространено, по-видимому, на территории русского северо-запада и центральной России, ср. фиксации XIX в.: петерб. *мазу́рик* ‘вор, мошенник’, пенз. *мазу́рник* ‘то же’ [Опыт: 109], пск. *мазу́рик* ‘нахал, наглец, пересмешник, зубоскал’ [ДО: 108], новг., пенз., пск. *мазу́рик, мазурник* ‘карманный вор, комнатный и уличный в городах, особ. в столицах’, пск. *мазу́рничать* ‘вести себя мазуриком, наглцом, пересмешником’ [Даль, 2: 752].

История русского языка XIX–XX вв. хранит наблюдение о том, что слово *мазурик* воспринималось в первую очередь как петербургское в отличие от московского *жулик*. Показательно, что М. И. Михельсон, составляя статью на слово *мазурик*, подает его так: *мазурик (петербургский)*; при этом приводится контекст из П. И. Мельникова-Печерского: “Улыбнулись часики, достались московским жуликам либо петербургским мазурикам” [Михельсон, 1: 530]. Об этом говорит и замечание из записанной Е. З. Барановым в 1928 г. в Москве городской легенды: “Какой жулик лучше — московский или петербургский? Только в Петербурге

выпечки’ [Турпа 2006: 188], укр. *мазу́рок* ‘сладкое печенье, приготовляемое преимущественно к Пасхе’ [Гринченко, 2: 397], полес. *мазу́рка* ‘испеченная в Пасху булочка витой формы’ [Аркушин, 1: 301], блр. центр. *мазу́рэк* ‘пирог из песочного теста’ [СЦРБ: 222]; культурные растения: польск. диал. *tazurek* ‘картофель’ [SW, 2: 907], укр. диал. *мазу́рки* ‘сорт яблок’ [ЕСУМ, 3: 360], надднестр. *мазу́рка* ‘сорт рябой фасоли’ [Шило 2008: 165]; приспособления, инвентарь: польск. *mazur* ‘местный мельничный жернов’ [SW, 2: 907] и др. Что касается названий из области духовной культуры, то здесь, разумеется, стоит напомнить об обладающей широчайшей известностью далеко за пределами Польши мазурке — как танце, так и музыкальном произведении в танцевальном ритме; соответствующие слова фиксируются как в литературных языках, так и в диалектах (например, польск. *mazur, tazurek, mazurka* ‘музыкальное произведение мазурка’, блр. сев.-зап. *мазу́р-полька* ‘танец мазурка’ [СПЗБ, 3: 12], укр. *мазу́р* ‘то же’ [Гринченко, 2: 397]).

называют не *жулик*, а *мазурик*. Ну да, честь одна: что в лоб, что по лбу” [Московские легенды: 68]. Ю. С. Сорокин комментирует ареальные характеристики слов *жулик* и *мазурик* в своей книге о развитии словарного состава русского литературного языка:

Первоначально эти синонимичные существительные [*жулик* и *мазурик* — Е. Б., В. К.] различались по месту распространения. Ср. примечание в романе Б. Маркевича “Перелом”: “На юге России мошенников называют «шарлатанами», как в Петербурге «мазуриками» и «жуликами» в Москве”. [. . .] Ср. *жулик* — Кал. [т. е. тверское — Е. Б., В. К.], Моск.; *мазурик* — Петрогр., Вят., Костром., Псков., Тихв., Яросл. Таким первоначальным диалектным распространением этих слов объясняется и соотношение их употребительности в литературной речи. При очевидном преобладании петербургской литературы и журналистики в XIX в. более употребительным было слово *мазурик* (в том числе и в расширительном смысле). [. . .] Позднее более распространенным оказывается московский вариант, а слово *мазурик* более ограниченным и специфическим [Сорокин 1965: 485–486].

Данные [НКРЯ] позволяют заключить, что изучаемое слово стало активно использоваться в литературе и публицистике со второй половины XIX в. Пик употребительности *мазурика* приходится на 1860–70-е гг. Слово устойчиво фиксируется в лексиконе писателей-“народников”, встречается также в произведениях Достоевского, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Чехова¹³. Оно входит в фонд литературного просторечия, при этом множество однокоренных ему слов фиксируется в говорах.

Петербургское прошлое *мазурика* хорошо вписывается в версию о том, что оно является полонизмом: как известно, язык Петербурга во многом подпитывался именно северо-западными говорами. Для того чтобы уточнить этот вывод и охарактеризовать смысловую структуру семантико-деривационного гнезда с вершинным словом *мазур* (верифицировав тем самым “мазурскую” версию со стороны значения), следует более пристально проанализировать данные русских диалектов.

4. Слова с основой *мазур-* в русских народных говорах: семантическая характеристика

Элементы обширного гнезда *мазур-*, существующего в русских говорах, имеют преимущественно негативную семантику.

¹³ В редких случаях как синоним *мазуриков* в значении ‘мошенники’ в русской литературе встречается существительное *мазура*: “Ах, ты, *мазура-мазура* оголтелая! Стащить хотел! В полицию бы тебя, каналью!” (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы, 1867). “Не господа вы, а шувалики, — говорю. Воры, *мазура* несчастная, — говорю” (А. В. Амфитеатров. Питерские контрабандистки, 1898), “Говорили: “Ведут арестантов, бродяг, *мазуру*”, т. е. *мазуриков*, мошенников. Особые конвои тюремной стражи, с саблями наголо, водили по Москве в кандалах преступников, приговоренных к каторжной работе” (К. А. Коровин. Арестанты, 1930–1938).

Они относятся в первую очередь к таким явлениям, как разбой, мошенничество, обман, хитрость. Целый ряд диалектных слов идентичен по смыслу просторечным *мазу́рик*, *мазу́рничать* 'быть мазуриком; плутовать, мошенничать', *мазу́рничество* 'занятие, поведение мазурика; плутовство, мошенничество', *мазу́рницкий* 'свойственный мазурику; плутовской, мошеннический', зафиксированным в [БАС₂, 9: 413–414]; слова из этого ряда мы не будем далее приводить. Отметим те лексемы, которые семантически отличаются от просторечных. В этой группе номинируются:

- ♦ те, кто совершают разбой, хулиганство, обман: пск. *мазу́рик*, *мазу́ра* 'бандит, убийца, разбойник': "Кагда людей чалавек убиваит, то мазурик" [ПОС, 17: 322, 324]; влг., твер., яросл. *мазу́р*, пск. *мазу́рок* 'вор, мошенник, негодяй' [ДЯОС, 2: 9; Селигер, 3: 247; СРНГ, 17: 299; ПОС, 17: 326]; новг. *мазурьё* 'хулиганы': "Сторожат и сторожат, а мазурья еще больше стало" [СРГК, 3: 186]; карел., новг. *ма́зур*, *ма́зура* 'обманщик, плут' [ивд.: 186; НОС: 539]; орл. *мазу́рик* 'тот, кто способен очернить, опорочить другого' [СОГ, 6: 102]; арх., влг., пск., твер. яросл. *мазу́рка*, твер. *мазу́рница* 'мошеница, обманщица': "Я не была какой-то мазуркой, я копейки себе не брала" (твер.) [Королева 2000: 117; КСГРС; ПОС, 17: 325; Селигер, 3: 247–248; ЯОС, 6: 28]; пск. *мазура́ш* 'обманщик, выдумщик, хитрый человек': "Ну и мазураш ты, Рость: или соврать что хочет или выдумать" [Королева 2000: 117];

- ♦ действия и их результаты (обозначаемые как глаголами, так и отглагольными существительными): пск. *мазу́рничать* 'заниматься разбоем': "Рота салдат ни вирнулась и стала мазурничать" [ПОС, 17: 325]; новг. *обмазу́рничать* 'обворовать': "Ты нас обмазурничал. Шапку дал. Шапка оказалась пустая, не действует" [СРНГ, 22: 117]; пск. *мазу́рить* 'мошенничать, воровать, обманывать': "Я ш сама даяркай работала, вадички падливали, мазурили даярки" [ПОС, 17: 324]; влг. *намазу́рить*, ленингр., пск., смол. *обмазу́рить* 'обмануть, перехитрить' [КСГРС; СРНГ, 22: 117]; ленингр., пск., смол. *обмазу́риться* 'стать хитрым, ловким, пронырливым': "Пожил в городе и обмазурился" [ивд.: 117]; арх. *смазу́рничать*, *намазу́рничать* 'скрытно что-то сделать, сплутовать, схитрить': "С тобой плохо дело иметь, опеть чево-нибудь намазурничашь" [УНС: 169]; *мазу́рство* арх., влг., новг., пск., твер. 'обман, жульничество' [КСГРС; НОС: 539; Селигер, 3: 248; ПОС, 17: 326], ленингр. 'воровство': "Там мазурство-то, у сына валешки, шапку украли, у дочки плат украли" [СРГК, 3: 186]; пск. *мазу́рево*, *мазури́на* 'хулиганство, мошенничество, обман' [ПОС, 17: 323, 324];

- ♦ характеристика действия: пск. *на мазурика* 'постоянно обманывающая, обворовывающая': "Эта уш на мазурика, гасударства амманывают" [ПОС, 17: 324];

♦ характеристика людей и предметов: ленингр., яросл. *мазуристый* ‘хитрый, ловкий, изворотливый’ [ДЯОС, 2: 9; СРГК, 3: 186]; *мазуроватый* пск. ‘склонный к воровству’; ‘хулиганистый, драчливый’; ‘любящий приврать’ [ПОС, 17: 326], новг. ‘хитрый, плутоватый’: “До чего ты, милый, хитер, до чего мазуроват. Говорил: «Готовься замуж», а сам ты на осень солдат” [НОС: 539; СРГК, 3: 186]; пск. *мазурочный* ‘лживый (?)’: “Какие я мазурачны письма палучал ат той, а я ни хател сверицца” [ПОС, 17: 326]; твер. *мазурнический* ‘нелегальный, подпольный’: “Мазурнических шинков наделать хотят, водку продавать дешёвую” [СЕЛИГЕР, 3: 248].

Приведа этот ряд слов, позволим себе небольшой этимологический экскурс. Есть смысл рассмотреть вопрос об отношениях глаголов данного гнезда (типа *мазурить*, *мазурничать*) со словами с начальным *б*: пск. *базурить* ‘жить обманом, плутовать’, пск., твер. *базурничать* ‘то же’ [ПОС, 1: 47; СРНГ, 2: 51]. Лексемы на *м* и *б* фиксируются на одной и той же псковской территории. В. Н. Топоров предполагает, что глаголы с начальным *б* восходят к праслав. диал. **bazuriti* (или, скорее, **obazuriti*), которое заимствовано из иран. **abi-zur* / **aba-zur-*, ср. авест. *zurah-* ‘несправедливость’, ‘обман’, др.-перс. *zūrah-* ‘то же’, перс. *zūr* ‘ложный; ложь’ [Топоров 1971: 450–458]. О. Н. Трубачев разделяет идею о существовании праслав. **bazuriti*, посвящая ему отдельную статью в [ЭССЯ, 1: 171], которая основана только на двух указанных выше фактах (пск. *базурить*, пск., твер. *базурничать*). А. Е. Аникин, считая эту версию сомнительной, предполагает, что рассматриваемые глаголы являются результатом переразложения рус. диал. *абазурить* ‘привыкнуть, обнаглеть’, *абазуриться* / *обазуриться* ‘облениваться; освоиться, стать бойким, смелым’, причем последнее слово (возможно, из **обо-зор-ити*, ср. пск., твер. *обозориться* ‘обознаться, оглядеться’) могло испытать влияние рус. диал. *обмазурить(ся)*, поскольку это позволяет объяснить появление *а* и *у* [Аникин РЭС, 1: 64–65; 2: 77]. Авторы настоящей статьи поддерживают версию А. Е. Аникина и считают, что вопрос об участии основы *мазур-* в появлении слов *базурить* и *базурничать* можно поставить более кардинально. Возможно, данные глаголы возникли не в результате контаминационных процессов, а собственно в гнезде *мазур-*: во-первых, они идентичны словам *мазурить*, *мазурничать* в плане семантики и словообразования, а значимость словообразовательной стороны особо возрастает, если учесть, что у слов с начальным *абазур-/обозур-* не фиксируются формы на *-ничать* (при наличии *базурничать* / *мазурничать*); во-вторых, глаголы с *б/м* фиксируются на одной и той же псковской территории; в-третьих, мена губных *б/м* (в том числе начальных) вполне типична для русских говоров, ср. н.-печор. *бладенец* ‘младенец’, олон. *болодой* ‘молодой’, арх. *ботыга* ‘мотыга’, арх. *бухоморник* ‘мухомор’

[Михайлова 2013: 40, 47, 54, 68], пск. *буржавель* 'можжевельник' (ср. пск. *муржавельник* 'то же') [ПОС, 2: 217; 19: 63]. Формы на *б* могли появиться не только вследствие мены губных, но и под влиянием глаголов, восходящих к **обо-зор-ити*. Таким образом, глаголы на *абазур-/абазор-/базур-* принадлежат гетерогенному морфо-семантическому полю — и в появлении каждого из них сработал свой "рецепт" участия различных основ, подвергшихся контаминациям.

Вернемся к анализу семантики русских диалектных слов с корневым *мазур-*. Ими обозначаются и менее серьезные, чем разбой и пр., отклонения от поведенческой нормы — озорство, шалость, шумное веселье, драчливость, пьянство, наглость: новг. *мазу́рик*, *мазу́ра*, влг. *маздурик*¹⁴ 'шалун, озорник': "Ах, мазурик ты этакой, зачем кошке на хвост фантик привязал?" (новг.) [КСГРС; НОС: 539]; яросл. *мазу́рик* 'скандалист' [ДЯОС, 2: 9]; *мазу́рик* пск. 'пьяница': "Вотку-та как хлешшит, мазурик", перм., пск. 'нахал, наглец', пск. 'насмешник, весельчак': "Мазурик, который ходит да мазурничает, комикам представляит сам сябя" [ПОС, 17: 323, 324; СПГ, 1: 501]; пск. *мазуря́га* 'драчун, задира': "Драксун, чиво ты лезиш, мазуряга, к нему" [ПОС, 17: 326]; яросл. *мазу́рить* 'шумно веселиться', влг., карел., ленингр., новг., пск., твер., яросл. *мазу́рничать* 'озорничать, шалить, хулиганить': "Он мазурничает, шалит больно" (влг.), пск. 'строить из себя шута' [ПОС, 17: 326; Селигер, 3: 248; СРГК, 3: 186; ЯОС, 6: 28–29]; новг. *мазурова́тый*, твер. *мазу́ристый* 'склонный к озорству' [НОС: 539; Селигер, 3: 248] и др.

Озорством и непослушанием чаще всего отличаются д е т и и ж и в о т н ы е: влг., карел., ленингр., пск., смол., костр. *мазу́рик*, твер. *мазурёнок*, ленингр. *мазу́рник*, *мазуроль*, *мазуря́тик* 'о детях: непослушный ребенок, озорник, хитрец': "У Марфы внуки вольные, самовольные мазурики, никого не послушают" (карел.) [Ганцовская 2015: 203; ПОС, 17: 324, 325; Селигер, 3: 247; СРГК, 3: 186; ССГ, 6: 74]; твер., ленингр., пск. *мазу́рик*, *мазу́рка*, *мазу́ра* 'о непослушном животном': "Мазурка, не слушается, тёлушка если, а если бычок — скажем «мазурик»" (твер.) [СРГК, 3: 186; Селигер, 3: 247–248; ПОС, 17: 325]; пск. *мазурной* 'непослушный (о ребенке)': "Ой ты мазурной какой, ты чаво бабу ни слушаиш" [ПОС, 17: 325]. Демонстрация своеволия приписывается, кроме детей и животных, ж е н щ и н а м: пск. *мазу́рка* 'своенравная женщина' [Ibid.]¹⁵.

¹⁴ Очевидно, здесь имеет место аттракция слова *мазурик* к какой-либо лексеме с корнем *дур-*.

¹⁵ Частое отнесение изучаемых слов к детям закрепляется в их "семантической памяти" — номинируя д е т е й, они могут утрачивать связь с отрицательным поведением: пск. *мазу́рик*, *мазурёнок* 'ласк. о ребенке': "Ах ты мой мазурёнок малинький, мазурик" [ПОС, 17: 324]; пск. *мазу́рка* 'ласк. о веселом, подвижном, общительном ребенке': "Ишь ты, мазурка какая! <грудному ребенку>" [Королева 2000: 117].

Комплекс негативных значений включает также семантику *лени*, *безделья*: пск. *мазу́рик*, *мазу́рник* ‘ленивый человек, бездельник’: “Мазурикам звали чылавека, ён ни работал” [ПОС, 17: 324]; ленингр. *мазу́рничать* ‘бездельничать, лентяйничать’: “Мазурничать, не делать ничего, а дело стоит всё” [СРГК, 3: 186]; *неумелости*: пск. *мазу́рица* ‘неумелая, неряшливая хозяйка’: “Ма́зурица, ты што воду-та разлила” [ПОС, 17: 325]. Проявлена и семантика *недружелюбия*: твер. *мазу́ра* ‘угрюмый, сердитый’ [ДО: 108]. Даже *внешний вид* “мазура” непривлекателен: яросл. *мазу́ристый* ‘маленький, худенький, некрасивый’: “Же-них ее такой мазуристый” [ЯОС, 6: 28].

Обобщенная негативная оценка, свойственная семантике данного деривационного гнезда, представлена в твер. *мазуря́та* ‘о мелких жалящих насекомых’: “Комары-то кусают, мне вот здесь-то разъели, мазуря́та, стервецы” [Селигер, 3: 247]. Контекст позволяет предположить, что слово используется говорящими как бранное без устойчивой референтной соотнесенности.

Представленный диалектный материал в основном зафиксирован на севере, северо-западе и западе России, а также в некоторых центральных областях. Наибольшее количество различных “мазуристых” слов записано на территории Псковщины¹⁶. Это как нельзя лучше вписывается в “польскую” версию о происхождении слова *мазурик*, ведь псковские земли граничат с белорусскими, которые, в свою очередь, соприкасаются с северо-востоком Польши — зоной проживания мазуров.

5. Процессы контаминации как фактор семантической адаптации слов с основой *мазур-*

В предыдущем разделе уже комментировались некоторые единичные лексические факты из гнезда *мазур-*, которые, вероятно, стали участниками контаминационных процессов. Процессы такого рода существенно влияют на векторы семантической адаптации слова в реципиентной языковой среде — в нашем случае в лексической системе русских говоров. В настоящем разделе речь пойдет о целых лексических блоках из изучаемого гнезда, которые испытывают аттракцию к близким по форме и значению словам иного происхождения.

5.1. Слова со значениями ‘тот, кто много перемещается’, ‘тот, кто приходит издалека’, ‘чужой’

Выделяется группа слов, называющих людей, которые ведут “кочевой” образ жизни, часто перемещаются с места на место. Среди них:

¹⁶ Помимо объективных причин (контактологических), здесь, видимо, есть и субъективные, к числу которых следует отнести богатство и полноту Псковского областного словаря [ПОС].

♦ матросы, бурлаки: [с пометой “обл.”] *мазур* ‘работник на судне’, без указ. места ‘бурлак’ [СРНГ, 17: 299], оренб. *мазур*, *мазурик* ‘матрос’: “На корабль не всё штрафованных, сажают и хороших нештрафованных, примерно, мазуриков, тоись матросиков, которые по компасу понимают” [Малеча, 2: 389], *музур* без указ. места ‘матрос на купеческом и промысловом судне Каспия, как бурлак — матрос на речном судне’ [Даль, 2: 934], оренб. ‘казак, выбираемый станичным обществом для охраны войсковых вод, он же гребец в лодках (сторожевых); матрос’: “Музур садится в будару на вёслы, а корщик — на корму”. “Впоследствии были сооружены маячные суда, т. е. стоевые лодки по границам войсковых морских вод с охранной командой из музуров-гребцов, кормщиков (управителей морскими водами) и стариков-депутатов (надзирателей по охране)” [Малеча, 2: 451];

♦ морские разбойники: астрах., нижегор. *мазурушки*, *музурюшки* ‘вольные люди, удалцы, промышляющие морским разбоем’ [СРНГ, 17: 300];

♦ вообще бродяги: бурят. *мазурки* ‘бездомные, часто меняющие место жительства люди’ [СРГС, 2: 248].

Упоминания морских *мазуров* (*мазурушек*) / *музуров* (*музурушек*) и даже *морзорушек*¹⁷ встречаются в исторических песнях, ср., к примеру, два отрывка из песен конца XVI – начала XVII в. о Ермаке, записанных у терских казаков и в Симбирске соответственно, причем в финале первой *мазурушки* отправляются на “сине море”, а во второй действие происходит непосредственно на море:

Как не сизые орлы
Ко соколикам солеталися —
Соезжались *мазурушки*
Всё персидские,
Они старые, стародавние,
Беспачпортные,
Из тумы-то тумов *мазурушки*,
Чернославские, прироженные.
Соезжались *мазурушки*
На высок курган,
Становилися *мазурушки*
Во единой круг [. . .]

[РИП: 101–102].

¹⁷ Ср. *морзорушка* ‘пират’ [Грачев 2003: 550]. Это слово М. А. Грачев фиксирует с отсылкой к исторической песне, отрывок из которой приведен ниже.

Как на славном море было на Каспийском,
 Вот не ясны тут соколы слетались,
 Собиралися *морзорушки* каспийские,
 Еще стары бродяги беспашпортные,
 Беспашпортные хайлы, да всё разбойнички
 [. . .]

[Ibid.: 102].

В комментариях Л. И. Емельянова к “местным, архаическим и малоупотребительным словам” из текстов песен встречаем: “*Музуры (мазурушки, морзорушки)* — матросы каспийских купеческих и промысловых судов, бурлаки” [РИП: 513].

“Морские” *мазуры* встречаются и в исторической песне XVIII в. о Петре I, записанной в Нижегородской губернии, причем *мазурушки* плывут там по Балтийскому морю:

А у нас было на синем море,
 На синем море на Балтийском,
 Выплывал-выбегал Муравей-корабль,
 Хорошо корабль изукрашенной,
 Мелким жемчугом изунизаной;
 На кораблике все снасточки шелковые,
 На нем *мазурушки* всё полковнички,

А пассажирушки всё енералушки.
 На носу сидит православной царь,
 Православной царь Петр Алексеевич,
 На корме сидит молодой Немец.
 Он бежит, корабль, из иной земли,
 Из иной земли, земли шведские,
 Во нашу мать во Россеюшку

[КИРЕЕВСКИЙ, 3/8: 166–167].

Сам П. В. Киреевский выстраивает следующую линию семантического развития слова: “*Мазурушки* — мелкие торговцы (афени) и чернорабочие на судне, то же, что «ярыжные», и так же получило после дурной смысл. Назывались так и «воры-разбойники», помельче, на судах, откуда всего ближе было слову перейти ко смыслу плута, мошенника. Еще старше это *ходебщики* и *мазуры* из *Мазовши* [разрядка наша. — Е. Б., В. К.], по Западной Руси: подобным образом ярыги по русскому словопроизводству и осмыслению сродны с названием варягов. Афени и мазуры больше сухопутные, ярыги — водяные. Нынче *мазурик* — ярыга, ёрник” [КИРЕЕВСКИЙ, 3/8: 167].

Этот комментарий представляется прозорливым и верным. Как мы видели ранее (см. раздел 2.2 настоящей статьи), в смысловом поле польск. *Mazur* присутствовал мотив активных переселений, ср. польск. *madzur* ‘колонист, поселенец’. Данный мотив сохранился и при заимствовании слова. Следует добавить, что превращение “ходебщиков”-*мазуров* в “водных” *мазурушек* в восприятии носителя русской культурно-языковой традиции совершенно закономерно, поскольку водные магистрали издавна

являлись основными путями передвижения и торговли (особенно в Поволжье и на Русском Севере, которые играли ключевую роль в экономико-политической жизни страны)¹⁸.

На этом этапе наших рассуждений о плавающих *мазурушках* уместно подключить фактор аттракции. Как мы видели выше, в “водном” значении может выступать форма с у в первом слоге (*музур*), очень похожая по вокализму на тюркизм. В вышеприведенном тексте о Ермаке у *мазурушек* есть “восточный” эпитет — *персидские*. В песне, записанной у терских казаков, находим прямое отождествление *мазурушек* и *турок*:

Не косицами да это сине море,
Ой, сине море взволновалось.
Не два сокола, они изъ дубровушки,
Ой, соколики вылетали,
Два корабличка, они изъ Царяграда,
Ой, кораблички выплывали.
На корабличкахъ, тамъ сидятъ *мазурушки*,
Ой, прехрабрые злые *турки* [. . .]

[СОБОЛЕВСКИЙ, 6: 201].

Неслучайно в СРНГ симб. *мазурьё* дается с дефиницией ‘вместо *мурза*’: “Не персидские *мазурьё* собиралися” [СРНГ, 17: 300]; *мурза* в данном случае вступает в своем литературном значении — ‘титул в тюркских государствах’. Эти факты говорят о явном притяжении слов *мазур* и *мурза*, которые обладают высокой степенью фонетической близости, а также общими смысловыми ассоциациями — “чужой, инородческий”.

Эти ассоциации выводят нас на еще более широкое лексическое поле, в котором смешиваются самым причудливым образом весьма далекие в фонетическом плане единицы, объединенные семантикой враждебности и чуждости, ср. фольклорные эпитеты *мурзамецкий*, *борзомецкий*, *бурзаменский* ‘басурманский, татарский’, которые обычно употребляются при названиях оружия: “вероятно, из *басурманский*, *бусурманский*, смешанного с *мазовецкий*, ср. *марзовецкая сабля*, смол. (Добровольский), от польск. *tazowiecki*, др.-польск. *tazowiecki* [. . .]; возможно, формы на -у- подверглись влиянию со стороны слова *мурза*” [ФАСМЕР, ТРУБАЧЕВ, 3: 12].

Таким образом, сила контаминационных процессов превращает *мазуров* в *турок* (и вообще в *басурман*)¹⁹.

¹⁸ Показательна, к примеру, история слова *караван*, которое поменяло в севернорусских говорах свою “сухопутную” семантику на “водную”, ср. арх., влг. *караванка* ‘вереница сплавных плотов; паром из нескольких плотов’ [СГРС, 5: 67].

¹⁹ Любопытно, что в польском фольклоре подобное сближение тоже фиксируется — на основании рифмы и семантики удаленности, ср. польск. *obejść Turki Mazurki* ‘много путешествовать, бывать в разных странах’ [SW, 7: 170].

Мотив “чужака” присутствует и в свадебном фольклоре. *Мазурами* именуются сваты: пск. *мазуры́* ‘о сватах’: “Из-за гары-гары едут мазуры́ <песня>” [ПОС, 17: 322–323]. Вариации этой песни фиксируются и в других словарных контекстах: смол. “Ой, из-за гор, горы едут мазуры, едут, едут мазурочки, везут, везут два веночки” [ССГ, 6: 74], сарат. “Едет, едет мазурочек, Он везет ко мне веночек” [СРНГ, 17: 300]. Интересный вариант отмечается в Самарской губернии: “Из-за гор-горы едут *мажуры́*” [ИВІД.: 293]: здесь мы вновь сталкиваемся с аттракцией, поскольку вследствие затемненности для исполнителей смысла слова *мазуры* последнее “притянулось” к южн., юго-зап. *мажára* ‘вид телеги’ [ИВІД.: 292]. Песня широко распространена в русском свадебном фольклоре; параллели имеются в польском, украинском, белорусском языках: польск. “Z góry Mazury, jedzie Mazurecek, Wiezie mi wianek” [KARŁOWICZ, 3: 131], “Z góry, z góry jada Mazury” [NKPP, 2: 420], блр. “Из-за гор, гары едуць мазуры” [БелФ, 2: 81], укр. “З-за гори-гори їдуть мазури” (сообщил В. Давыдюк). Встреча “стороны жениха”, приезжающей в дом невесты, с ее родней у славян может символически представляться как военное действие, где жених и его родственники воспринимаются как войско или полк, от которых необходимо обороняться, см. [Гура 2012: 645–649]. По этой причине “дружину” жениха могли называть именами чужих народов, ср., например, слова, которые поют о сватах подруги невесты в Черниговской губернии: “Приехала літва, будзе у нас бітва” [ИВІД.: 646].

5.2. Слова со значением загрязнения

У ряда слов с широкой географией представлены значения, связанные с ситуацией загрязнения. Эти слова обозначают как *грязных и неопрятных людей* (особо выделяются чумазые дети и неряшливые женщины), так и *действие загрязнения*: влад., твер., тул., смол. *мазу́ра*, влг., перм., омск. *мазу́рик*, пск. *мазу́рка*, волгогр. *мазу́ря*, н.-печор. *ма́зюр* ‘неопрятный, грязный, испачкавшийся человек’: “Привела к тебе мазурика, где и измазался эдак” (влг.), “А грязь размазал, дак ма́зюр” (н.-печор.) [Даль, 2: 751; ДО: 108; ПОС, 17: 325; СВГ, 4: 67; СДГВО: 308; СПГ, 1: 501; СРГНП, 1: 403; СРНГ, 17: 299; СРСГСП, 2: 114; ССГ, 6: 74]; смол., орл. *мазу́рик* ‘о грязном ребенке’: “Иде ета ты так вымызыуся, мазурик ты етький!” (смол.) [СОГ, 6: 101–102; ССГ, 6: 74]; волгогр., ростов. *мазу́ра* ‘грязная, неопрятная женщина’: “Да ана мазура сафсем, ма-занка грязная” [БТСДК: 274; СДГВО: 308]; рус. морд. *мазу́риться* ‘пачкаться’: “Дети глиньи мазурились” [СРГМ, 1: 513]; том. *обмазу́риться* ‘испачкаться, вымазаться’ [СРНГ, 22: 117].

Здесь несомненно притяжение к *мазать*, подтверждаемое и наличием многочисленных синонимичных слов типа *маза*, *мазуля* и пр., и

показаниями наивного языкового сознания (“Привела к тебе *мазурика*, где и *измазался* эдак”). Это притяжение подтверждается тем, что между словами со значением загрязнения и лексемами, отнесенными нами к семантико-derivационному гнезду полонизма *мазур* (см. раздел 4 настоящей статьи), есть отчетливые смысловые связи. К примеру, хорошо “рифмуются” значения ‘озорник, шалопай’ и ‘тот, кто вымазался, замарался’ (и то, и другое чаще употребляется по отношению к детям), ‘недряшловая хозяйка’ и ‘замарашка’ etc.

5.3. Слова со значениями ‘маляр’, ‘штукатур’, ‘живописец’

Лексические единицы, называющие тех, кто занимается обмазкой помещений глиной или их росписью, распространены главным образом в южных говорах: ворон., курск., рус. одесск. *мазур*, яросл. *мазурóчек* ‘штукатур, обмазывающий хаты глиной, известью; маляр’ [СРГО, 1: 294; СРНГ, 17: 299; ЯОС, 6: 29]; тул. *мазу́ра* ‘маляр’ [ДО: 108]; сарат., рус. одесск. *мазурка*, *мазуриха* ‘женщина-маляр’: “Есть у нас такая спицыялистка-мазурка, та, што стены хаты мазаить” (одесск.) [СРГО, 1: 294; СРНГ, 17: 300]; тамб. *мазури́чик* ‘живописец, расписывающий храмы’ [СРНГ, 17: 300]; ворон. *помазу́рка*, *помазу́рочка* ‘женщина, занимающаяся мазаньем (глиной) избы, сарая’: “Я б до хатки помазурочку нанял” [ивд., 29: 195]. Здесь несомненна связь с ворон., тамб., ставроп., костр. *мазать* ‘обмазывать глиной (хату, клеть, печку и пр.)’ [ивд., 17: 294]. Распространение слов связано с ограниченной областью их применения: постройки-мазанки характерны в основном для южнорусской, а также белорусской и украинской территории.

Таким образом, в рубриках 5.2 и 5.3 представлены лексические единицы, которые входят в морфо-семантическое поле, образованное дериватами *мазать* (в разных значениях) и словами, восходящими к полонизму *мазур*. Лексемы со значениями ‘штукатур’, ‘маляр’, ‘живописец’ следует скорее отнести к производным от *мазать* с редким суффиксом *-ур-*, в то время как слова с семантикой загрязнения явно имеют гетерогенное происхождение, но при этом их практически невозможно “расчленить” по генетическому принципу, особенно в том случае, когда они фиксируются на тех же территориях, что и “надежные” производные полонизма *мазур* (ср., к примеру, смол. *мазу́рик* в значениях ‘о грязном ребенке’ и ‘непослушный ребенок, озорник, хитрец’). Ситуация становится еще более сложной, если учесть, что “вступить в игру” может еще один актант взаимодействия, представленный диалектными словами, которые родственны просторечному *замурзанный*: моск., яросл., тул., зап.-брян., пск., смол., рост. *му́рза* и *мурза́* ‘грязный, неопрятный человек;

о человеке, чем-либо запачкавшемся' и мн. др. [СРНГ, 18: 354], ср. также блр. *мўрза* 'нечистоплотный, грязный человек', укр. *мурзатиий*, *марузатиий* 'грязный', *замўрза* 'грязный человек' и пр. Относительно происхождения этих слов высказывают разные мнения: некоторые исследователи считают их балтизмами (ср. литов. *mūrza*, латыш. *miūža* 'грязный человек') [ЭСБМ, 7: 96–97], другие возводят к польск. *turzać*, *turzyć* 'пачкать, чернить', далее — к *turzyn* 'человек черной расы, негр'²⁰ [Меркулова 1971: 80], etc. Обстоятельства взаимодействия разных актантов контаминационных процессов требуют отдельного исследования; здесь ограничимся повторением того факта, что слова, восходящие к польск. *Mazur*, являются одним из таких актантов, а сам процесс аттракции становится важным фактором семантической адаптации этих слов²¹.

6. Итоги

Просторечное русское слово *мазурик*, как и обширное гнездо родственных ему слов в русских говорах, является полонизмом, поскольку заимствовано из обозначения мазуров — этнографической группы поляков.

Вот краткая сводка аргументов в пользу такого решения.

♦ Если рассматривать словообразовательный аспект, то можно квалифицировать суффикс *-ик* как факт словообразовательной адаптации на восточнославянской почве, но более вероятно предположение о том, что рус. *мазурик* воспроизводит структуру польской формы *Mazurek* 'мазур', которая представлена в языке-источнике наряду с бессуффиксальной *Mazur* [SW, 2: 907]. Эта деталь, которую мы не акцентировали

²⁰ Если "негритянская" версия верна, то можно только удивляться той силе притяжения, которая вновь сводит друг с другом лексические единицы, связанные (на разных этапах своей истории) с образами инородцев.

²¹ В настоящий раздел не попали некоторые другие слова, которые тоже могли испытать контаминационное воздействие со стороны *мазурика* 'мошенника' — хотя бы на формальном уровне. Ср., к примеру, обозначение бутылки спиртного — пск. *мазурик* 'бутылка водки 0,25 л': "Вазьмиш мазурика, выпьшиш" [ПОС, 17: 324], карел. *мазуричек* 'бутылка спиртного емкостью в сто граммов': "Еще таки мазурички есть, маленьки бутылочки по сто грамм" [СРГК, 3: 186], рус. морд. *мазурик* 'старинная мера водки, равная 150 граммам': "Петьке дъ Масквы пишком шол, пятаму штъ деньги нъ мазурики истратил" [СРГМ, 1: 513]. Данные формы возникли на основе дериватов глагола *мазать*, ср. арх. *смазать горло* 'выпить вина' [СРНГ, 38: 339], жарг. *замазать* 'выпить спиртного' [СМЖ], *вмазать* 'то же' [БСЖ: 102], и формальной поддержки со стороны обозначений бутылки с алкоголем вроде жарг. *панфурик* [БСЖ: 418], костр. *фанфурик* [ЛКТЭ], простореч. *мензурик* (последнее неоднократно встречается, в частности, на Интернет-форумах, ср., к примеру: "У ЛЕНИНГРАДА, я помню, даже была такая штука: маленький мензурик водки продавался вместе с альбомом. . ." [Форум]). Фиксация этих слов на территориях, где функционируют представленные в разделах 4 и 5 дериваты гнезда *мазур*-, говорит о том, что здесь могло сработать и притяжение к последним.

ранее, — одно из преимуществ “польской” версии происхождения *мазурика* перед другими.

♦ С точки зрения семантики данная версия тоже выглядит обоснованной. Смысловые линии, отмечаемые в связи со словом *Mazur* в языке-источнике, а также в соседних украинских и (особенно) белорусских говорах, проецируются на семантико-деривационное гнездо с вершиной *мазур* в русских диалектах. Перечислим основные из них. В изображении польского, украинского и белорусского языков мазур имеет “иномирный” физический облик, чертами которого являются слепота, черная глотка (небо), темное лицо, “короткоголовость”. Мазуру приписываются негативные интеллектуальные, психические и социальные качества: низкий интеллект и уровень образования, хитрость и жуликоватость, “дикость”, убожество и нищета, необузданность, злобность, драчливость, пьянство, похотливость, некрасивая речь; образ жизни и род занятий связываются с постоянным перемещением мазуров в пространстве, а также солдатчиной. В образе мазура представлена обобщенная негативная оценка, сходная с оценкой других инородцев и соседей — таких как жид, москаль, турок. Что касается русских говоров, то в семантико-деривационном гнезде с вершиной *мазур* представлены следующие смыслы, связанные главным образом с социальным поведением: разбой, мошенничество, обман, хитрость, озорство (особенно о детях и животных), шумное веселье, драчливость, пьянство, наглость, лень, безделье, неумелость, недружелюбие. Внешние признаки — маленький, некрасивый. Образ жизни и род занятий — матрос, бурлак, бродяга. Просматриваются обобщенная негативная оценка, а также семантика “чуждости”, роднящая мазуров с турками и прочими “басурманами”. Если сравнить эти два перечня черт, то можно увидеть, что первый портрет более подробен и конкретен, а второй портрет более “размыт” и экспрессивен. Это ожидаемо и даже неминуемо, если учесть, что носители русских говоров имели меньше прямых контактов с мазурами. Главное — основные черты обоих портретов прозрачно накладываются друг на друга, что обеспечивает обоснование версии о польских “корнях” *мазурика* в семантическом ключе.

♦ В плане лингвогеографии эта версия тоже имеет преференции, поскольку она позволяет объяснить ареальные характеристики лексических единиц из гнезда с вершиной *мазур*: слово *мазурик* ‘жулик’ пришло в литературное просторечие из говора Петербурга и его окрестностей, а также из арго петербургских мошенников, которые как раз назывались *мазуриками*. Что касается других слов изучаемого гнезда, то они распространены на севере, северо-западе и западе России, а также в некоторых центральных областях; при этом “пик активности” таких

слов фиксируется в псковских говорах, являющихся самыми подходящими “проводниками” для заимствований из польского языка. Как уже отмечалось, слово могло попасть в русский язык как непосредственно, так и через белорусское посредничество.

♦ С лингвогеографическим аспектом тесно связан социолингвистический. Слово *мазурик* и родственные ему в русском языке являются фактами народной речи (просторечия и диалектов), что согласуется с социолингвистическими характеристиками элементов семантико-деривационного гнезда *Mazur* в польском, а также с нашим предположением об устном характере заимствования.

Системный характер анализа материала помог авторам настоящей статьи предложить мотивационные решения для некоторых других слов, восходящих в конечном счете к польск. *Mazur*: польск. *tazur* ‘под-осиновик’, укр. *мазу́рок* ‘вид гриба’, рус. пск. *базу́рить*, пск., твер. *базу́рничать* ‘жить обманом, плутовать’, фолькл. *морзорушки* ‘матросы, бурлаки’ и др.

Примечателен и реконструированный в ходе исследования этнолингвистический портрет мазура. Воссозданный образ территориального и этнического соседа имеет этнокультурную значимость, особенно если думать о восточнославянской рецепции образа поляка. Дело в том, что “нарисовать” яркий портрет поляка восточнославянским языкам в некоторой степени “мешает” специфика собственно языкового материала — неразличение дериватов слов *поляк* и *поле* (ср., к примеру, фолькл. *польский* ‘связанный с войском, походами; воинский’ [СРНГ, 29: 184] и мн. др.)²². Слово *мазур* не создает такую проблему (хотя тоже обладает контаминационной активностью) и берет на себя в известной мере работу по формированию “общепольского” портрета.

Кроме того, образ мазура имеет типологическую значимость, поскольку в его создании принимают участие лексические единицы, имеющие номинативные дублиеты, которые образованы от обозначений других инородцев.

Наконец, контаминационная “судьба” части слов, на основе которых рисуется портрет, тоже весьма поучительна: она показывает, что негативная семантика ксенонимов и их экспрессивность (при нехватке объективно-нейтральной информации) обязательно ищет выход в скрещивании со словами иного происхождения (ср. хотя бы притяжение *мазур* ↔ *мурза*).

²² В некоторых случаях дериваты слов *поляк* и *поле* с суф. -ск- могут различаться ударением, но так происходит далеко не всегда.

Библиография

Аникин РЭС, 1–9

АНИКИН А. Е., *Русский этимологический словарь*, 1–9–, Москва, 2007–2015–.

Аркушин, 1–2

АРКУШИН Г. Л., *Словник західнополіських говірок*, 1–2, Луцьк, 2000.

БАРТМИНСКИЙ 2005

БАРТМИНСКИЙ Е., *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, С. М. Толстая, пер. с польск., сост. и отв. ред., Москва, 2005.

БАС₁, 1–17

Словарь современного русского литературного языка, 1–17, Москва, Ленинград, 1948–1965.

БАС₂, 1–24

Большой академический словарь русского языка, 1–24–, Москва, С.-Петербург, 2004–2015–.

Белова 2006

Белова О. В., “Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование)” (диссертация доктора филологических наук, Москва, 2006).

——— 2012

Белова О. В., “Черный цвет”, in: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, 5, Москва, 2012, 513–518.

БелФ, 1–2

ПАШКОЎ Г. П., гл. ред., *Беларускі фальклор. Энцыклапедыя*, 1–2, Мінск, 2006.

БЕРЕЗОВИЧ 2007

БЕРЕЗОВИЧ Е. Л., *Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования*, Москва, 2007.

БЕРЕЗОВИЧ, Кривошапова 2015

БЕРЕЗОВИЧ Е. Л., Кривошапова Ю. А., “Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков. Человек. Культура. Политика и экономика”, *Quaestio Rossica*, 1, 2015, 129–152, DOI: 10.15826/qr.2015.1.083.

БОНДАЛЕТОВ 2012

БОНДАЛЕТОВ В. Д., В. И. Даль и тайные языки в России, 3-е изд., Москва, 2012.

Бондаренко 2016

Бондаренко Е. Д., “Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциоллингвистический аспект” (диссертация кандидата филологических наук, Екатеринбург, 2016).

БСЖ

МОКИЕНКО В. М., НИКИТИНА Т. Г., *Большой словарь русского жаргона*, С.-Петербург, 2000.

БТСДК

Большой толковый словарь донского казачества, Москва, 2003.

ГАНЦОВСКАЯ 2015

ГАНЦОВСКАЯ Н. С., *Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи*, Кострома, Москва, 2015.

Герд 2004

Герд А. С., “Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (И, К, Л, М)”, in: ИДЕМ, отв. ред., *Севернорусские говоры*, 8, С.-Петербург, 2004.

Гринченко, 1–4

Гринченко Б. Д., *Словарь украинского языка*, 1–4, Київ, 1907–1909 [репринт: Київ, 1958–1959].

ГСБМ, 1–36

Булыка А. М., Жураўскі А. І., ред., *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, 1–36–, Мінск, 1982–2016–.

Гура 2012

Гура А. В., *Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика*, Москва, 2012.

Даль, 1–4

Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, 1–4, 3-е изд., С.-Петербург, Москва, 1903–1909.

ДО

Дополнения к Опыту областного великорусского словаря, С.-Петербург, 1858.

ДСБ

Дыялектны слоўнік Брэстчыны, Мінск, 1989.

ДЯОС, 1–2

Ховрина Т. К., науч. ред., *Ярославский областной словарь: дополнения*, 1–2, Ярославль, 2015.

ЕСУМ, 1–6

Мельничук О. С., ред., *Етимологічний словник української мови*, 1–6, Київ, 1982–2012.

ЖП

Дей О. І., Марченко М. Г., Гуменюк А. І., упор., *Жартівливі пісні. Родино-побутові*, Київ, 1967.

ЖС

Жывёльны свет. Тэматычны слоўнік, Мінск, 1999.

Киреевский, 1–10/1–3

Песни, собранные П. В. Киреевским, 1–10/1–3, Москва, 1860–1874.

Королева 2000

Королева Е. Е., *Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области)*, Daugavpils, 2000.

КСГРС

Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ

Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Малеча, 1–4

Малеча Н. М., *Словарь говоров уральских (яицких) казаков*, 1–4, Оренбург, 2002–2003.

Меркулова 1971

Меркулова В. А., "Заметки по истории и этимологии слов", in: О. Н. Трубачев, отв. ред., *Этимология 1968*, Москва, 1971, 79–91.

МифБ

Валодзіна Т., Санько С., навук. рэд., *Мифалогія беларусаў: Энцыклапедычны слоўнік*, Мінск, 2011.

Михайлова 2013

Михайлова Л. П., *Словарь экстенциональных лексических единиц в русских говорах*, Петрозаводск, Москва, 2013.

МИХЕЛЬСОН, 1–2

МИХЕЛЬСОН М. И., *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний*, 1–2, С.-Петербург, 1901–1902.

МОСКОВСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

БАРАНОВ Е. З., *Московские легенды, записанные Евгением Барановым*, Москва, 1993.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (электронный ресурс; режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>; последнее обращение: 22.05.2017).

НОМИС 1993

НОМИС М., уклад., ПАЗЯКА М. М., упоряд., приміт. та вступ. ст., *Українські приказки, прислів'я і таке інше*, Київ, 1993.

НОС

ЛЕВИЧКИН А. Н., МЫЗНИКОВ С. А., ред., *Новгородский областной словарь*, С.-Петербург, 2010.

НОСОВИЧ 1870

НОСОВИЧ И. И., *Словарь белорусского наречия*, 1–2, С.-Петербург, 1870.

ОПЫТ

ВОСТОКОВ А. Х., ред., *Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук*, С.-Петербург, 1852.

ПОС, 1–26

Псковский областной словарь с историческими данными, 1–26–, Ленинград, С.-Петербург, 1967–2016–.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, 1–3

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А., *Этимологический словарь русского языка*, 1–3, Москва, 1910–1914.

РАСС

Раслінны свет. Тэматычны слоўнік, Мінск, 2001.

РЖИЭС

ГРАЧЕВ М. А., МОКИЕНКО В. М., *Русский жаргон: историко-этимологический словарь*, Москва, 2009.

РИП

ЕМЕЛЬЯНОВА Л. И., сост., подг. текста и примеч., *Русская историческая песня: сборник*, Ленинград, 1987.

СБНП

ВАЛОДЗИНА Т. В., САЛАВЕЙ Л. М., уклад., *Слоўнік беларускіх народных параўнанняў*, Мінск, 2011.

СВГ, 1–12

ПАНИКАРОВСКАЯ Т. Г., ред., *Словарь вологодских говоров*, 1–12, Вологда, 1983–2007.

СГРС, 1–6

МАТВЕЕВ А. К. (1–5), РУТ М. Э. (6–), ред., *Словарь говоров Русского Севера*, Екатеринбург, 2001–2014–.

СДГВО

КУДРЯШОВА Р. И., ред., *Словарь донских говоров Волгоградской области*, Волгоград, 2011.

СЕЛИГЕР, 1–6

ГЕРД А. С., ред., *Селигер: Материалы по русской диалектологии: словарь*, 1–6–, С.-Петербург, 2003–2014–.

СИМОНОВИЋ 1959

СИМОНОВИЋ Д., *Ботанички речник: Имена биљака*, Београд, 1959.

СМЖ

Мальцева Р. И., *Словарь молодежного жаргона*, Краснодар, 1998.

СОБОЛЕВСКИЙ, 1–7

СОБОЛЕВСКИЙ А. И., *Великорусские народные песни, изданные проф. А. И. Соболевским*, 1–7, С.-Петербург, 1895–1907.

СОГ, 1–4

Словарь орловских говоров, 1–4, Ярославль, 1989–1991, 5–15–, Орел, 1992–2008–.

СОРОКИН 1965

СОРОКИН Ю. С., *Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е гг. XIX века*, Москва, Ленинград, 1965.

СПГ, 1–2

БОРИСОВА А. Н., ПРОКОШЕВА К. Н., ред., *Словарь пермских говоров*, 1–2, Пермь, 1999–2002.

СПЗБ, 1–5

Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, 1–5, Мінск, 1978–1986.

СРВС, 1–4

КОЗЛОВСКИЙ В., сост., *Собрание русских воровских словарей*, 1–4, Нью-Йорк, 1983.

СРГК, 1–6

ГЕРД А. С., гл. ред., *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*, 1–6, С.-Петербург, 1994–2005.

СРГМ, 1–2

Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия, 1–2, С.-Петербург, 2013.

СРГНП, 1–2

ИВАШКО Л. А., ред., *Словарь русских говоров Низовой Печоры*, 1–2, С.-Петербург, 2003–2005.

СРГО, 1–2

Словарь русских говоров Одесщины, 1–2, Одесса, 2000.

СРГС, 1–

ФЕДОРОВ А. И., ред., *Словарь русских говоров Сибири*, 1–5, Новосибирск, 1999–2006.

СРНГ, 1–48

ФИЛИН Ф. П. (1–22), СОРОКОЛЕТОВ Ф. П. (23–42), МЫЗНИКОВ С. А. (43–48–), гл. ред., *Словарь русских народных говоров*, Москва, Ленинград, С.-Петербург, 1965–2015–.

СРСГСП, 1–3

САДРЕТДИНОВА Г. А., ред., *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья*, 1–3, Томск, 1992–1993.

ССГ, 1–11

БОЯРИНОВА Л. З., ИВАНОВА А. И., отв. ред., *Словарь смоленских говоров*, 1–11, Смоленск, 1974–2005.

СТАВИЦЬКА 2005

СТАВИЦЬКА Л., *Український жаргон: Словник*, Київ, 2005.

СТАНКЕВИЧ

СТАНКЕВИЧ Я., *Белорусско-русский (великолитовско-русский) словарь*, New York, б/г.

СЦРБ

МЯЦЕЛЬСКАЯ Е. С. ET AL., уклад., *Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі*, 1, А–П, Мінск, 1990.

ТЕЛЛАЛОВА 1996

ТЕЛЛАЛОВА С., “Етноними с деетнонимни значения в българските говори (Мизия, Тракия и Македония)”, in: *Лингвистични студии за Македония*, София, 1996, 550–588.

ТОПОРОВ 1971

ТОПОРОВ В. Н., "Об одном иранизме в славянском: **bazuriti*", in: Е. В. ЧЕШКО, отв. ред., *Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия проф. С. Б. Бернштейна*, Москва, 1971, 450–458.

ТСБМ, 1–5

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы, 1–5, Мінск, 1977–1984.

ТТС, 1–5

КИРИЛЛОВА Т. В., НОВИКОВА Л. Н., ред., *Тематический словарь говоров Тверской области*, 1–5, Тверь, 2003–2006.

УНС

ИСТОМИН А. А. ET AL., ред., *Устьянский народный словарь*, Октябрьский, Вельск, 2012.

ФАСМЕР, ТРУБАЧЕВ, 1–4

ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*, 1–4, О. Н. ТРУБАЧЕВ, пер. с нем. и доп., Москва, 1964–1973.

ФОРУМ

Наш НеФормат: русский рок без форматных ограничений (удаленный ресурс; режим доступа: <http://www.nneformat.ru/>; последнее обращение: 22.05.2017)

ЧЕРНЫХ, 1–2

ЧЕРНЫХ П. Я., *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, 1–2, 3-е изд., стер., Москва, 1999.

ЧТС

Чалавек: Тэматычны слоўнік, Мінск, 2006.

ШАТЭРНИК 1929

ШАТЭРНИК М. В., *Краёвы слоўнік Чэрвенічыны*, М. Я. БАЙКОВ, Б. І. ЭПІМАХ-ШЫПЛА, рэд., Мінск, 1929.

ШИЛО 2008

ШИЛО Г. Ф., *Наддністрянський регіональний словник*, Львів, New York, 2008.

ЭСБМ, 1–13

ЦЫХУН Г. А., ред., *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, 1–13–, Мінск, 1978–2010–.

ЭССЯ, 1–39

ТРУБАЧЕВ О. Н. (1–31), ЖУРАВЛЕВ А. Ф. (32–39–), ред., *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*, Москва, 1974–2014–.

ЯОС, 1–10

МЕЛЬНИЧЕНКО Г. Г., науч. ред., *Ярославский областной словарь*, 1–10, Ярославль, 1981–1991.

AGM

KOWALSKA A., STRZYŻEWSKA-ZAREMBA A., *Atlas gwar mazowieckich*, 2/7, Wrocław et al., 1985.

BENEDYKTOWICZ 2000

BENEDYKTOWICZ Z., *Portrety "obcego": od stereotypu do symbolu*, Kraków, 2000.

BRÜCKNER 1914

BRÜCKNER A., "Miszellen," *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*, 46/3, 1914, 193–217.

——— 1957

BRÜCKNER A., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa, 1957.

BYSTROŃ 1935

BYSTROŃ J. ST., "Mazurzy w opinii sąsiedzkiej," in: J. ST. BYSTROŃ, *Megalomania narodowa*, Warszawa, 1935/1995, 131–151.

- KARŁOWICZ, 1–6
 KARŁOWICZ J., *Słownik gwar polskich*, 1–6, Kraków, 1900–1911.
- MACHEK 1968
 MACHEK V., *Etymologický slovník jazyka českého*, 2 oprav. a dop. vyd., Praha, 1968.
- MARCZYK 2003
 MARCZYK M., *Grzyby w kulturze ludowej*, Wrocław, 2003.
- NKPP, 1–4
 KRZYŻANOWSKI J., ŚWIRKO S., red., *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło S. Adalberga*, 1–4, Warszawa, 1969–1978.
- OREL, 1–3
 OREL V. E., *Russian Etymological Dictionary*, 1–3, Calgary, 2007–2008.
- RI
Reverse Index to the Dictionary of Russian Dialects. Preliminary Version, Urbana, Champaign, 1991.
- SGOWM, 1–5
Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur, 1–5, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1987–2006.
- SŁAWSKI 1976
 SŁAWSKI FR., “Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego (ciąg dalszy),” in: IDEM, red., *Słownik prasłowiański*, 2, Wrocław et al., 1976, 13–60.
- SW, 1–8
 KARŁOWICZ J., KRYŃSKI A., NIEDŹWIEDZKI W., *Słownik języka polskiego*, 1–8, Warszawa, 1900–1927.
- TYRPA 2006
 TYRPA A., “Losy etnonimu «Mazur»,” in: J. DUMY, red., *Onomastyka regionalna* (= Rozprawy i Materiały Ośrodka Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, 230), Olsztyn, 2006, 181–193.
- 2011
 TYRPA A., *Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich*, Kraków, 2011.

References

- Anikin A. E., *Russkii etimologicheskii slovar'*, 1–9–, Moscow, 2007–2015–.
- Arkushyn H. L., *Slovník zakhidnopolis'kykh hovirok*, 1–2, Lutsk, 2000.
- Baranov E. Z., *Moskovskie legendy, zapissannye Evgeniem Baranovym*, Moscow, 1993.
- Bartmiński J., *Iazykovoii obraz mira: ocherki po etnolingvistike*, transl. and ed. by S. M. Tolstaya, Moscow, 2005.
- Belova O. V., “Chernyi tsvet,” in: *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, 5, Moscow, 2012, 513–518.
- Benedyktowicz Z., *Portrety “obcego”: od stereotypu do symbolu*, Kraków, 2000.
- Berezovich E. L., *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniia*, Moscow, 2007.
- Berezovich E., Krivoshchapova Iu., “The Image of Moscow in the Mirror of the Russian and Foreign Languages: Man. Culture. Politics and Economy,” *Quaestio Rossica*, 1, 2015, 129–152, DOI: 10.15826/qr.2015.1.083
- Bondaletov V. D., *V. I. Dal' i tainye iazyki v Rossii*, 3rd ed., Moscow, 2012.
- Brückner A., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa, 1957.
- Bystroń J. St., “Mazurzy w opinii sąsiedzkiej,” in: J. St. Bystroń, *Megalomania narodowa*, Warszawa, 1935/1995, 131–151.
- Chernykh P. Ya., *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka*, 1–2, 3rd ed., Moscow, 1999.
- Gantsovskaya N. S., *Slovar' govovor Kostromskogo Zavolzh'a: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi*, Kostroma, Moscow, 2015.
- Gerd A. S., “Materialy dlia etimologicheskogo slovaria severnorusskikh govovor (I, K, L, M),” in:

- A. S. Gerd, ed., *Severnorusskie govory*, 8, St. Petersburg, 2004.
- Grachev M. A., Mokienko V. M., *Russkii zhargon: istoriko-etimologicheskii slovar'*, Moscow, 2009.
- Gura A. V., *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: Semantika i simbolika*, Moscow, 2012.
- Karłowicz J., *Słownik gwar polskich*, 1–6, Kraków, 1900–1911.
- Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W., *Słownik języka polskiego*, 1–8, Warszawa, 1900–1927.
- Koroļova Je., *Dialektnyi slovar' odnoi sem'i (Pytalovskii raion Pskovskoi oblasti)*, Daugavpils, 2000.
- Kowalska A., Strzyżewska-Zaremba A., *Atlas gwar mazowieckich*, 2/7, Wrocław et al., 1985.
- Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, 2 oprav. a dop. vyd., Praha, 1968.
- Malecha N. M., *Slovar' gorovor ural'skikh (iaitskikh) kazakov*, 1–4, Orenburg, 2002–2003.
- Mal'tseva R. I., *Slovar' molodezhnogo zhargona*, Krasnodar, 1998.
- Marczyk M., *Grzyby w kulturze ludowej*, Wrocław, 2003.
- Merkulova V. A., "Zametki po istorii i etimologii slov," in: O. N. Trubachev, ed., *Etimologiya 1968*, Moscow, 1971, 79–91.
- Mikhaylova L. P., *Slovar' ekstentsional'nykh leksicheskikh edinits v russkikh govorakh*, Petrozavodsk, Moscow, 2013.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G., *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona*, St. Petersburg, 2000.
- Orel V. E., *Russian Etymological Dictionary*, 1–3, Calgary, 2007–2008.
- Shylo H. F., *Naddnistrjans'kyi rehional'nyi slovnyk*, Lviv, New York, 2008.
- Simonović D., *Botanički rečnik: Imena biljaka*, Beograd, 1959.
- Sławski Fr., "Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego (ciąg dalszy)," in: Fr. Sławski, red., *Słownik prasłowiański*, 2, Wrocław et al., 1976, 13–30.
- Sorokin Yu. S., *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo iazyka v 30–90-e gg. XIX veka*, Moscow, Leningrad, 1965.
- Stavyts'ka L., *Ukraïns'kyi zharhon: Slovnyk*, Kyïv, 2005.
- Tellalova S., "Etnonimi s deetnonimni znachenia v búlgarskite govori (Miziia, Trakiia i Makedoniia)," in: *Lingvistični studii za Makedoniia*, Sofia, 1996, 550–588.
- Toporov V. N., "Ob odnom iranizme v slavianskom: *bazuriti," in: E. V. Cheshko, ed., *Issledovaniia po slavianskomu iazykoznaniiu*, Moscow, 1971, 450–458.
- Тырпа А., "Losy etnonimu «Mazur»," in: J. Dumy, red., *Onomastyka regionalna* (= Rozprawy i Materiały Ośrodka Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, 230), Olsztyn, 2006, 181–193.
- Тырпа А., *Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich*, Kraków, 2011.
- Vasmer M., *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, 1–4, transl. and add. by O. N. Trubachev, Moscow, 1964–1973.

Acknowledgements

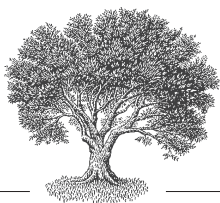
Russian Foundation for Basic Research. Project No. 17-18-01351.

член-корр. РАН Елена Львовна Березович, доктор филол. наук
Уральский федеральный университет, Департамент "Филологический факультет" Института гуманитарных наук и искусств,
профессор кафедры русского языка и общего языкознания
620000 Екатеринбург, просп. Ленина, д. 51, ком. 306
Россия/Russia
berezovich@yandex.ru

Валерия Станиславовна Кучко

Уральский федеральный университет, Департамент "Филологический факультет" Института гуманитарных наук и искусств,
аспирант кафедры русского языка и общего языкознания
620000 Екатеринбург, просп. Ленина, д. 51, ком. 306
Россия/Russia
kuchko@inbox.ru

Received July 23, 2016

К типологии инославянских переселенческих говоров в России

On the Typology of Immigrant Slavic Dialects in Russia

Сергей Сергеевич Скорвид

Российский государственный
гуманитарный университет;
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Sergey S. Skorvid

Russian State University for the
Humanities;
Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Цель настоящей статьи — представить опыт сравнительной типологии инославянских переселенческих говоров на территории Российской Федерации. Рассматриваются два чешских и два польских говора, локализующиеся на Северном Кавказе и в Сибири, а также западноукраинский говор сибирских голландцев. Автор выстраивает внутриязыковую типологию этих говоров с точки зрения их сравнительного структурного анализа. Все описываемые говоры демонстрируют хорошую сохранность первоначальных диалектных систем, и вместе с тем все они испытали значительное воздействие своего языкового окружения, прежде всего региональных разновидностей русского языка. На некоторых участках их систем, однако, наблюдается даже развитие определенных инноваций, что свидетельствует о довольно высокой жизнестойкости этих идиомов.

Ключевые слова

славянские переселенческие говоры в России, Северный Кавказ, Западная и Восточная Сибирь, диалектные системы, консерватизм и инновации, языковой контакт, межъязыковая интерференция, лингвистическая типология

Abstract

The purpose of this research is to introduce a typology of immigrant Slavic dialects spoken in the Russian Federation. The paper deals with two Czech and two Polish dialects located in the Northern Caucasus and in Siberia and with the West Ukrainian patois of Siberian Hollanders. The author outlines primarily the internal linguistic typology of those patois, including a comparative structural analysis. All of the dialects examined here show good preservation of their original dialectal systems and, at the same time, they have been strongly influenced by their language surroundings, first and foremost by regional varieties of Russian. In some aspects of their systems, however, certain developments indicate evidence of the relatively high vitality of these patois.

Keywords

Slavic immigrant dialects in Russia, Northern Caucasus, Western Siberia, Eastern Siberia, dialectal systems, conservatism and innovations, language contact, inter-language influence, linguistic typology

На протяжении ряда лет сотрудниками трех московских славистических центров — кафедры славянской филологии МГУ, кафедры славистики и центральноевропейских исследований РГГУ и Института славяноведения РАН — ведется работа по изучению различных инославянских переселенческих говоров в Российской Федерации. Автор настоящей статьи исходит из убеждения, что несмотря на генетически обусловленную специфику каждого из этих идиомов, безусловно требующую отдельного их рассмотрения (или с объединением в группы по принадлежности к диалектам того или иного языка), может быть создана также сравнительная типология их развития в “островной” ситуации, характеризующейся их непрерывным контактом с господствующим языком окружения. Опыт построения такой типологии будет представлен ниже применительно пока лишь к двум языковым уровням — фонетико-фонологическому и морфологическому.

Объектами внимания в данной работе будут:

1) северокавказские чешские говоры (СКЧ) в Краснодарском крае, выступающие в двух разновидностях, из которых одна сохраняется сейчас прежде всего в пос. Кирилловка, входящем в МО Новороссийск, и д. Варваровка в составе МО Анапа (далее СКЧн/а), а вторая в д. Анастасиевка Туапсинского р-на (далее СКЧт), всего ок. 50 говорящих в возрасте от 60 до 90 лет;

2) западносибирский, или среднеприиртышский, чешский говор (далее ЗСЧ) в дд. Репинка, Новоградка и Воскресенка, образующих Репинское сельское поселение Калачинского р-на Омской обл., ок. 25 говорящих в возрасте от 60 до 80 лет;

3) западносибирский польский, или мазурский, говор (далее ЗСП) в дд. Александровка Краснотуранского р-на Красноярского края и Знаменка Боградского р-на Республики Хакасия, всего ок. 60 говорящих в возрасте от 45 до 80 лет;

4) восточносибирский польский говор (далее ВСП) в д. Вершина и двух соседних населенных пунктах Боханского р-на Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской обл., ок. 200 говорящих среднего и старшего возраста — приблизительно две трети из 328 жителей деревни;

5) восточносибирский украинский говор голендров (далее ВСУГ) в дд. Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник Заларинского р-на Иркутской обл., ок. 150 говорящих среднего и старшего возраста.

1. Из истории возникновения говоров

СКЧ формировались с конца 60-х гг. XIX в. (после окончания Кавказской войны), когда земли на Черноморском побережье Кавказа и позже на Кубани осваивали, в числе других, чешские колонисты. В период с 1868 по 1900 г. возникло вначале несколько чешских хуторов близ Туапсе (а затем еще два недалеко от Майкопа, ныне столицы Адыгеи) и — постепенно — более десяти поселений в окрестностях Анапы, Новороссийска и Геленджика, чисто чешских или смешанных, в основном чешско-русских, при одном чешско-польском селе Текос под Геленджиком [Пукиш 2010: 8]. Записанные недавно образцы говора д. Анастасиевка, объединившей бывшие хутора под Туапсе, дают основания предполагать, что прибытие сюда чешских переселенцев — по-видимому, вообще первых чехов на Северном Кавказе — представляло собой часть большой волны чешской колонизации, двигавшейся из Восточной Чехии, которая охватила всю Украину, начавшись на Волыни и распространяясь далее в направлении на юг и юго-восток. Напротив, на территории между Анапой и Геленджиком поселились колонисты, происходившие в основном из Южной Чехии, на что указывают характерные черты говора их потомков.

ЗСЧ, в отличие от СКЧ, возник только в начале XX в. в результате вторичной миграции переселенцев (предки которых приехали из Восточной Чехии) преимущественно с юго-востока Украины, из поселения Чехоград (ныне Новгородковка — укр. Новгородківка) в Мелитопольском р-не Запорожской обл., а также, возможно, из его дочерней колонии Новоград в Бессарабии. Миграция этой группы чехов в Сибирь происходила в русле аграрной политики, проводившейся с 1906 г. правительством П. А. Столыпина. Согласно устным преданиям, бытующим среди потомков переселенцев того времени, первая чисто чешская деревня Новоград(ка) в Омской обл. была основана в 1911–1913 гг. [Харламова 2014: 18].

С 1910 г. ведет отсчет и история восточносибирской польской деревни Вершина в Иркутской обл., также обязанной своим появлением столыпинской реформе, хотя в этом случае речь шла о переселении группы колонистов непосредственно с их исторической родины — из района Домбровского угольного бассейна на границе Малопольши и Силезии и прилежащих к нему районов [GŁUSZKOWSKI 2012: 45; АНАНЬЕВА 2013а: 203]. Несколько ранее, уже в середине 90-х гг. XIX в., в результате вторичной миграции переселенцев с Волыни возникла польская — мазурская — деревня Кожуховка в Енисейской губернии (в наши дни Александровка в Красноярском крае), где и сформировался ЗСП. С 50-х гг. XX в. ее жители по экономическим причинам постепенно переезжали в д. Знаменка в 80 км от Абакана, ныне столицы Хакасии. Сообщая эти сведения, российско-польский историк С. Леончик довольно неожиданно связывает основание Кожуховки-Александровки с миграцией в Сибирь немецких колонистов, вопреки приводимому им же мнению местных уроженцев, что “основателями деревни были поляки из Малопольши, но позднее сюда переселились поляки-мазуры лютеранской веры”, а в конце своей публикации задается вопросом: “Кто такие эти мазуры? Действительно ли они прибыли на Волынь из района Мазурских озер на рубеже XVIII–XIX вв.? Или, может быть, это полонизированные немцы из Мазовшья?” [LEOŃCZYK 2013: 23–25]. Из бесед с жителями Александровки и Знаменки, записанных летом 2013 г., вырисовывается несколько иная картина. Во-первых, лишь изредка встречается утверждение, что *żatkov'e / to òn'i b'ili // spot Krakova p'rijeχali / p'rižež'li uot mojego tate* ‘дедушка с бабушкой, они из-под Кракова приехали, привезли моего папу’ (причем та же информантка вспоминает: *tata mužuujek // Prus'i to gže b'iuo?* ‘папа говорил, что вот Пруссия. . . это где было?’). Во-вторых, немцы только в отдельных случаях приезжали сюда в составе этнически смешанных семей (*mojej mam'i mama / to moja gruska / ona rodem z G'erm'an'iji¹ // i uot òn'i gžeš'ci tam še znalež'li / še poznacon'ili na tej Ukrajn'e / i uot tam òn'i še pozen'ili i pšejeχali i uot s'ud'ly* ‘моей мамы мама, моя бабушка, она родом из Германии, и вот они где-то там нашли друг друга, познакомились на этой Украине, там они поженились и переехали сюда’) или селились в одних и тех же деревнях вместе с поляками (мазурами); как правило же, они основывали свои поселения (*u nas r'adem z Aleks'androfko b'iuca dir'evn'a // Rak'itof Kluč še naz'ivača // tam b'ili poč'ti jedne N'emci* ‘у нас рядом с Александровкой была деревня, Ракитов Ключ называлась, там были почти одни немцы’). И хотя нельзя исключить, что в числе

¹ Место ударения обозначается знаком ^ˈ перед ударным гласным, в польских и чешских примерах здесь и далее — в основном в тех случаях, где оно отличается от регулярного в данном языке (на предпоследнем слоге в польском, на первом в чешском).

обосновавшихся в Кожуховке-Александровке переселенцев с Волыни были и “полонизированные немцы из Мазовшья”, не приходится сомневаться, что эта деревня с ее говором, в настоящее время более распространенным в Знаменке, с самого начала имела польский/мазурский характер.

Судьбу сибирских мазуров отчасти напоминает история переселения из районов вдоль Западного Буга в Сибирь — также в рамках столыпинской реформы — так наз. голендров, в чьих сохранившихся поныне деревнях в Иркутской области наша экспедиция побывала летом 2015 г. Их “материнские”, основанные в XVII в. колонии Нейдорф и Нейбров [Бютов 2011: 28], в Российской империи находившиеся в Гродненской губернии, часто называют немецкими, хотя в языковом отношении члены этого сообщества, будучи в той или иной мере полонизированными, в остальном давно перешли на говор/говоры своего западноукраинского окружения. Это отразили и названия их позднейших (по отношению к старым колониям) “выселков” в Волынской губернии *Zamust'eč'e* и *N'ovynu*, которые переселенцы перенесли на свои новые деревни в Сибири. Оба они, при официальных *Пихтинск* и *Средний Пихтинск*, до сих пор звучат в речи этой группы голендров. Что касается польского языка, он, естественно, был известен данной этнической группе в своей периферийной восточной разновидности, фонетические черты которой и сейчас заметны в выговоре пихтинских голендров, не только когда они читают в молитвенных собраниях польские лютеранские *ксэнжки*, привезенные их предками из колоний на Буге, но и в звучании бытующих в их говоре полонизмов: *z'is'* ‘сегодня’ (ср. в кириллической записи на транспаранте над входом в клуб во время свадьбы: “Гуляй *дись*. . .”), *z'en'k'uju* ‘спасибо’, *c'otka* ‘тетка’, *b'arc'a* (наряду с *b'arc'č'a*) ‘бабушка’ и т. п. При этом остается неясным, в какой мере польский язык, в среде бужских голендров воспринимавшийся, несомненно, как престижный идиом, использовался ими также в повседневном общении. Современные пихтинские голендры на вопрос, говорили ли их родители дома по-польски, давали такие ответы: *m'ama / moj'i huvur'yli šo von'y značit f_s'im'j'i huvur'yli bol'synstv'o na_p'olsk'ym // no 'eta bul'o / 'eta še kad'a bul'o. . . možut 'eta v dvač'atye tam kak'ie_ta ŗody*. Одна информантка вспомнила даже две звучавшие дома бытовые польские фразы: *Zamknij drzwi* ‘Закрой дверь’ и *Pies szczeka* ‘Собака лает’.

Как видно уже из краткого обзора истории исследуемых инославянских сообществ в России, почти во всех случаях речь шла о переселении крестьян в поисках новой земли. Исключение составляли основатели польской деревни Вершина в Восточной Сибири — потерявшие работу шахтеры из нескольких местечек Домбровского угольного бассейна

[Ананьева 2013Б: 468; MITRENGA-ULITINA 2015: 16], но и для них это была экономическая миграция, приведшая к образованию крестьянской общины. Тем самым на российской территории возникли “островные” крестьянские говоры соответствующих инославянских этноязыковых групп. Представители некоторых из них лишь поначалу поддерживали ограниченные — в том числе языковые — контакты с исторической родиной², однако в результате проводившейся с 1930-х гг. внутренней политики СССР они прекратились. Одновременно углублялась изоляция тех переселенческих сообществ, связи которых с прародиной с самого начала были слабее или отсутствовали. Ситуация стала изменяться только после распада Советского Союза. Следует, однако, признать, что возобновление контактов отдельных таких групп с Польшей и Чехией, включая изучение языка предков в его современной литературной форме в школе, как это имеет место в Вершине [MITRENGA-ULITINA 2015: 26], или в кружках, как в селах под Абаканом (польский), Новороссийском и Анапой (чешский), уже не повернет вспять процесс, затронувший в большей или меньшей степени все обсуждаемые сообщества. Процесс этот был обусловлен не только политикой советских властей, но и цивилизационными изменениями, происходившими в течение всего XX в. и происходящими поныне. Отход от патриархального деревенского уклада жизни, урбанизация и в новейшее время глобализация способствовали и продолжают способствовать ассимиляции потомков давних переселенцев.

В наши дни носителями исследуемых говоров являются люди пожилого и среднего возраста, родившиеся в период с 20-х до рубежа 50–60-х гг. XX в. Естественно, все эти говоры реализуются в устной форме, лишь в исключительных случаях получая также письменную фиксацию³. Условия существования данных идиомов в последние 100–150 лет предопределили их типологически во многом сходные особенности (по сравнению с традиционными говорами на коренной территории), наблюдаемые в наши дни.

Все описываемые переселенческие говоры демонстрируют, с одной стороны, хорошую сохранность систем исходных диалектов, сформировавшихся в ареале Центральной и Северо-Восточной Европы, а с

² Например, в действовавшие на Северном Кавказе в 10–20-е гг. XX в. чешские начальные школы учителя (по крайней мере частично) и учебные пособия после 1918 г. направлялись из Чехословацкой Республики.

³ В частности, чехи в Западной Сибири во второй половине XX в. переписывали отдельные тексты из католических книг, привезенных предками из Чехограда, средствами кириллицы (иногда с использованием чешской диакритики над русской буквой). В ряде случаев эти традиционные тексты содержат элементы говора, а некоторые из них снабжены диалектными ремарками — указаниями, когда или сколько раз следует их читать, также записанными кириллицей.

другой — “дрейф” в направлении сближения с системой русского языка в той или иной региональной разновидности, диалектной или общенародной (далее — русский язык окружения, РЯО). Помимо этого, западнославянские говоры, возникшие в результате вторичной миграции носителей с территории Украины, изначально испытывали определенное влияние украинских идиомов, с которыми предки современных западносибирских чехов и, вероятно, поляков (мазуров) контактировали еще в Чехограде и на Волыни. Также в Сибири соседями тех и других оказывались украинские переселенцы. На СКЧ, по всей видимости, влиял не собственно украинский, а смешанный украинско-русский идиом, известный под названием “балачка”, сложившийся на Кубани после ее заселения многочисленными выходцами с территории Украины.

2. Фонетико-фонологическая и просодическая система говоров Ударение в чешских переселенческих говорах, как и в большинстве диалектов на основной территории чешского языка, приходится на начальный слог. Данному правилу нередко подчиняются и русизмы, которые, однако, могут сохранять ударение на том же слоге, что в РЯО. При этом особенно сильное инициальное ударение выступает в ЗСЧ, что некоторые носители даже считают отличительным признаком их говора: *mi mluvíme už // jen 'udar'en'ije / slova ruskí a jen 'udar'en'ije stavíme p'o druhím / mi jak // v'obrus'efši* ‘мы говорим уже. . . только ударение — слова русские, и только ударение ставим по-другому. . . мы обрусевшие’. Случаи сохранения в русизмах ударения на том же месте, что и в РЯО, и наоборот, переноса его на первый слог, в ЗСЧ порой соседствуют, ср. *před r'evol'ucijej uslíšel že bude r'evol'ucija / bude r'oskuláčivan'ije* ‘перед революцией услышал, что будет революция, раскулачивание’. В последней, частично адаптированной, лексеме отражено довольно типичное продление ударного в РЯО гласного, сопутствующее инициализации ударения носителем говора. В СКЧ, где ударение на первом слоге несколько слабее, русизмы с этой точки зрения ведут себя аналогично, ср. примеры из СКЧн/а⁴: *po tej r'evol'uciji už potom komun'isti bili* ‘после революции уже потом коммунисты были’; *aš přišli kolχ'ozí / tak roskul'ačili* ‘когда пошли колхозы, тогда раскулачили’; *fšeko vzali do kolχ'ozu* ‘всё забрали в колхоз’, но и с чешским ударением: *neš přišli k'olχ'ozí* ‘пока не пошли колхозы’ и т. п. В то же время в исконных словах в СКЧн/а часто происходит специфический сдвиг ударения на слог вправо, напоминающий парокситоническое фразовое ударение в юго-западных чешских диалектах [Valnar 2005: 502], хотя в

⁴ Подробно различные особенности ударения в этой группе говоров описаны в [Скорвид 2016: 142–150].

описываемом говоре смещенное ударение не обязательно приходится на предпоследний слог: *d'edouška votě vodv'ezli // jemu bil rok* 'дедушку оттуда увезли — ему был год'; *vi ste se um'ořili tenkrát?* 'вы устали тогда?'; *vona bejvá že ne'usliši babička* 'бывает, что бабушка не услышит'; *jesli sme se ešče prov'in'ily* 'если мы еще провинились'; то же в адаптированном русизме: *fšexna mol'od'oš* 'вся молодежь' (ср. в ЗСЧ *m'olod'ož žádná neví české písmički* 'из молодежи никто не знает чешских песен'). Иногда ударение сдвигается с первого слога еще дальше и падает на последний слог многосложных слов или групп с энклитиками: *jak si jenom nepovit'al // fs'o* 'если только ты не поздоровался, то всё'; *to bilo takl'e / i sem šla t'akle střecha* 'это было вот так, и сюда вот так шла крыша'; *byly mal'inkí takoví / černí / potom vir'osli takovíd'l'e* 'они были маленькие такие, черные, а потом выросли вот такие'; *koledovali sm'e / jo* 'мы колядовали, да'; *rozedn'ilo s'e / a mlíko doma nemaj* 'рассвело, а молока дома нет'; *fstref'ili sme s'e / i šli sme potom sem* 'мы встречались, а потом шли сюда'; *přines sem pasport a vokázal mu h'o* 'он принес паспорт и показал ему его'; *nevidžel t'o / i umřel* 'не выдержал он этого и умер' и т. п. Источник этого явления неясен; не вполне точным его соответствием в собственно чешских диалектах можно было бы считать западночешский интонационный тип *plzeňské zpívání* (ср. *Dejte t'o na stůl!* 'Поставьте это на стол!' [ВАЛНАР 2005: 504]). Впрочем, пусть в меньшей степени, подобный сдвиг ударения фиксируется и в генетически восточночешском СКЧт: *i ůdruχ se prodáva tek ten domeček. . . i co / vi ste jen kouřili jed'en / χař'inku* 'и вдруг продается такой домик. . . и что, вы купили себе один — хатку'; *mi sme učiůy fšexni pravila a ůon'i. . . nevy'učeř pravila. . .* 'мы учили все правила, а они. . . не выучат правила. . .'; *ůon'i tadi se neuž'ily. . . i tó / ůon'i uřely / ne'přizili se* 'они здесь не ужились, и это, уехали, не прижились'; *ůo takl'en sme žily* 'вот так вот мы жили'. Sporadически сходное явление отмечается также в ЗСЧ: *von'i tadi jako pož'ili v Ůoskres'ence. . . a pot'om uřeli* 'они тут пожилы, в Воскресенке, а потом уехали' (под влиянием русского ударения?).

Польские переселенческие говоры сохраняют преимущественно парокситоническое ударение; отклонения от этого также наблюдаются прежде всего в русизмах. К примерам типа *b'abuška, l'etop'is*, которые приводит для ВСП [MITRENGA-ULITINA 2015: 40]⁵, можно добавить подобные им из ЗСП: *s'ud'y f S'ib'ir, sofχ'os, fs'o rav'n'o, po m'ojemu, tako k'epoč-k'e* 'такую кепочку' и т. д. С другой стороны, русизмы нередко адаптируются с точки зрения места ударения к исконным словам, ср. примеры из ЗСП *Aleks'androfka / Aleksandr'ofka* либо даже *Aleksandr'ufka, r'odn'a, ono n'e sofp'ada* (в последнем случае происходит также морфологическая

⁵ Далее примеры из этой работы цитируются только с указанием страниц при сокращенном обозначении фамилии автора (МУ).

адаптация). Иногда как в заимствованных, так и в своих словах в ЗСП выступает необычное ударение на первом слоге: *p'ašporty vežme* 'паспорта возьму'; *m'ozeta tam pšišon'č še / moz'eta tutaj* 'можете там присесть, можете тут' (влияние русского языка или эмфатическое ударение?); аналогично в ВСП: *z'arob'iu se* 'заработал себе'; *my tam n'e byli* 'мы там не были' и др.

Ударение в ВСУг — разноместное и подвижное. В речи информантов ввиду частого перехода с родного говора на РЯО и обратно место ударения колеблется в зависимости от выбранного в данный момент кода, ср. *vin' huv'oryt* 'он говорит'; *von'yu pu n'ašomu to n'ux't'o ne huv'oryt* 'они по-нашему-то никто не говорит' (с твердым *-t* в окончании) и *at'ec pryx'oit i gžvar'it* 'отец приходит и говорит'; *k'onu bul'i / ov'ečk'i bul'i* // *kar'ovy byl'i* 'лошади были, овечки были, коровы были', но *sčas huv'orymo / skat'ina* // *kuruv'y* 'сейчас мы говорим: скотина, коровы'.

Как показывают примеры из ВСУг, с сохранением русского ударения в лексемах, заимствуемых из РЯО, бывает связана редукция безударных гласных русского типа (в частности, аканье, как выше в *gžvar'it*, *kar'ovy*, в отличие от уканыя, присущего ВСУг). Подобная редукция в русизмах — включая в той или иной степени адаптированные — наблюдается также в исследуемых западнославянских говорах, хотя и нерегулярно. Ср. употребительную во всех говорах частицу *kan'ešna*⁶, в СКЧн/а *babuška mi pžmah'ala* 'бабушка ему помогала'; *vikopali z'eml'á-nžčku* 'выкопали земляночку' (с редукцией только в заударном слоге); в СКЧт *nu pžn'im'aly* 'ну понимали'; *přešly u pžvaslavnuju v'eru* 'перешли в православную веру'; *dvje tři s'im'ji* 'две-три семьи'; *von'i mn'ely ti / tak'i te. . . fil'ešk'i* 'у них были такие те. . . тележки'⁷; в ЗСЧ *požodili / požod'ili* // *nu a pat'om ek jak. . .* 'походили-походили, а потом как? . . .'; *a vesn'ice tahlecta polnžstju bila češka* 'а деревня эта полностью была чешская'; *mn'eli sme i ruční s'ipar'atori* 'были у нас и ручные сепараторы'; в ВСП *ap'ač ta čotka kšycum* 'опять эта тетка кричит'; *pokam'is' strojiću se* 'покамест строились'; *čikuška* 'чекушка' (МУ 178, 180, 183); в ЗСП *m'i b'ili u n'ego / u brata / patpask'i* 'мы были у него, у брата, подпаски'; *pos'ilno ja robžiuca. . . fkan'toře / fsel'sovete* 'посыльной я работала в конторе, в сельсовете'; *mužili mn'e cob'i ja uježauca c'if Krasnoj'arsk c'if Krasnžtur'ansk* 'мне говорили, чтобы я уехала в Красноярск или в Краснотуранск'. Последние

⁶ Впрочем, в СКЧт, в ЗСЧ и в ВСП она зафиксирована и с "половинчатой" редукцией либо даже без нее: *kan'ešno / kon'ešno*.

⁷ Безударные гласные в СКЧт нередко вообще редуцируются до нуля звука с сокращением числа слогов в словоформе. Это происходит как в русизмах, ср. *von'i parž'odama. . . jely d'o_desi* 'они пароходами ехали до Одессы', так и в исконно чешских словах: *ke mn'e se dostlo* 'ко мне попало' (< *dostalo*); *do semsátího roku* 'до семидесятого года' (< *sed'u/mdesátího*); *tlen* < *tenhleten* 'вот этот' и т. д.

два примера из ЗСП отражают относительно низкую частотность редукции безударных гласных во всех описываемых говорах: редукция здесь отсутствует в двух из трех нарицательных существительных, употребленных в пределах одной фразы (*pos'ilno, fsel'sovete*), и в одном из двух следующих друг за другом однотипных названий городов (*Krasnoj'arsk*)⁸.

В чешских говорах в некоторых русизмах ударение иногда перемещается на слог с тем редуцированным гласным, какой выступает в безударной позиции в РЯО: ср. в СКЧ у отдельных носителей *z'iml'ánka*; в ЗСЧ в речи одного и того же информанта *kolχos / potom s'auχos* наряду с *sauχ'os*, а также *d'o_sauχozu* и *do_sauχ'oza* (о реализации /v/ в виде [ɥ] см. ниже).

Спорадически редукция гласных в безударных слогах наблюдается также в исконных словах: например, в ЗСП в предлоге и приставке *pod: ras / i te šodzo p'rt tego kun'a* 'раз — и седло под лошадь'; *p'rdgan'al'im te ofce* 'мы подгоняли тех овец'⁹. В СКЧт зафиксирована редукция в приставке *po-* в глагольной словоформе, передающей ударение предыдущему местоимению: *j'á_přčítám že...* (семантическая калька рус. *я считаю, что...* — употребление чешского глагола *počítat* 'считать, вести счет' в значении 'считать, полагать'). В СКЧн/а заслуживает внимания аналогичная редукция гласного, ставшего безударным в результате сдвига ударения с первого слога далеко влево: *χod'il hledal kost'iv'al // po_r'usk'i on je ok'op-n'ik / a po_č'ešk'i kost'ev'al // i vot von p'řinášel ten k'rst'iv'al i z babičkoy von'i dělali lik'arstvo* 'ходил, искал костивал — по-русски он окопник, а по-чешски костивал, и вот он приносил этот костивал, и они с бабушкой делали лекарство' (о колебаниях в реализации фонемы /i/ см. ниже).

В о к а л и з м е чешских переселенческих говоров устойчивым различительным признаком гласных остается краткость /долгота¹⁰. Количественные оппозиции гласных используются также в словоизменении и словообразовании. Примеры из СКЧн/а: *kráva* 'корова' — *na kraváχ* 'на коровах', *deset kraf* 'десять коров' (но и с сохранением долготы вследствие

⁸ Следует заметить, что и в региональных устных разновидностях русского языка, с которыми напрямую контактируют изучаемые говоры, картина редукции безударных гласных может отличаться от ожидаемой в соответствии с состоянием в литературном русском языке. Например, в Сибири, как известно, достаточно распространено оканье, чему в речи носительницы ЗСЧ соответствовало бы произношение *pos'ilna* — но не *f'kantoře*. Разумеется, в рамках данной статьи нельзя учесть все нюансы русского регионального произношения; в любом случае, однако, обращает на себя внимание, что редукция безударных гласных в переселенческих говорах, испытывающих влияние РЯО, проявляется непоследовательно.

⁹ Другие примеры русского типа редукции безударных гласных в ЗСП — как в аффиксах, включая флексии, так и в корнях исконных слов — приводит STUPIŃSKI [2009: 199].

¹⁰ Для вокализма польских говоров в Сибири и ЗСУ/г/ краткость /долгота гласных в синхронном плане фонологически не релевантна.

выравнивания в парадигме: *krávama* ‘коровами’); *dvůr* ‘двор’ — *ze dvora* ‘со двора’; *zahrada* ‘сад’ — *zahrátka* ‘садик’; *list* ‘лист’ — *lístek* ‘листок’; *koza* ‘коза’ — *kůzлата* ‘козлята’; *namluvit* ‘помолвить’ — *námluvi* (мн. ч.) ‘помолвка’; *hodit* ‘бросить’ — *házet / hádět* ‘бросать’; *končit (se)* ‘кончить(ся)’ — *končívát (se)* ‘кончать(ся)’. Ситуация в других чешских говорах на Северном Кавказе и в Сибири в этом отношении аналогична.

Вместе с тем в речи носителей всех этих говоров может наступать сокращение долгих гласных, особенно *ū*, *ī* в окончаниях и в суффиксах. Чаще оно отмечается в СКЧт и в ЗСЧ, что согласуется с северо-восточнoчешскими корнями обоих идиомов, но и здесь далеко не последовательно. Ср. в ЗСЧ *u* и *ū* в окончании форм род. п. мн. ч.: *pjet klucu i štiri d'efčata, devjet lidú* ‘пять мальчиков и четыре девочки, девять человек (детей)’; сокращение *ī* в суффиксах: *taťinek* ‘папа’; *kmotřiček* ‘крёстный’; *s košíčkem* ‘с корзиной’; в корне *drif/dřiču* и *dřiču* ‘раньше’ и т. д. В определенных позициях, наоборот, в обоих вариантах СКЧ и в ЗСЧ происходит продление кратких гласных: *zéli* (< *zělí*) ‘капуста’; *pěři* ‘перья’ и др.

Результатом влияния восточнославянского языкового окружения, на сей раз уже не чисто русского, на вокализм СКЧн/а является частая здесь реализация фонемы /i/ в виде гласного [i], склонного к [e] (вплоть до совпадения с [e]), типа украинского [i], или — после губных согласных и [ɪ] — более заднего гласного [y], обычно отождествимого с рус. [ы]. Примеры: а) *diš, nemišli, ityn'ice* (чеш. лит. *když* [gdiš] ‘когда’, *nemysli* [nemisli] ‘не думай’, *jitrnice* [jitɲ'ice] ‘ливерная колбаса’); б) *babuška* ‘бабушка’, *byly* ‘были’ и т. п. В СКЧт эти черты отражаются ограниченно: так, сближение [i] с [e] отмечено один раз в префиксе *při-* (*nu tak přijíždě- / přívázejí* ‘ну приезжают, привозят’); напротив, реализация /i/ в виде [y] представлена практически регулярно, но исключительно после [ɪ] (*bily* ‘были’). Интересна колеблющаяся огласовка названия пончиков — *koblihy* — в СКЧ: под Новороссийском оно звучит как *koblehi* или *kobl'ychi* (со сдвигом ударения вправо), под Туапсе — как *koblyhi*. . . *jen s testa / slatki fisto* ‘только из теста, сладкое тесто’ Указанные колебания, вероятно, объясняются воздействием на СКЧ смешанной украинско-русской “балачки” (в данном смысле примечательно появление в приведенном примере из СКЧт украинизма *fisto*). На этом фоне довольно неожиданным выглядит почти полное отсутствие следов реализации /i/ в виде гласного, аналогичного укр. [i], в ЗСЧ, хотя исходный для него чехоградский говор должен был находиться в более непосредственном контакте с украинским языком. Правда, название главного из трех мест проживания чехов в Омской области в наши дни, деревни Репинка, закрепилось в их говоре в огласовке *Repenka*, однако это особый случай, не обязательно отражающий фонетическую реализацию /i/. При этом фонетике говора

не чужды гласные [y] и рус. [ы]: первый изредка выступает в исконно чешских словах после губных согласных: *mn'e se tadi líbyla tadita ves'nice* 'мне нравилась эта деревня' (ср. *mn'e se tadi nelybi* 'мне здесь не нравится' в СКЧт), а второй встречается в русизмах: *starší. . . se pytal mluvit* 'старший пытался говорить'.

В СКЧн/а в гласном типа укр. [i] может реализоваться и долгая /i/, например: *tam taki nepřijížděl* 'туда он тоже не приезжал'; *fšexno so ona mn'e říkala po česki* 'всё, что она мне говорила по-чешски'. Напротив, в аналогичных примерах из ЗСЧ *potom otčenaš proříkala* 'потом прочла «Отче наш»; *on říkál // oj / jak on řek?* 'он говорил, ой, как он сказал?' речь идет скорее о сокращенном [i], склоняющемся к [e] под влиянием форм базового глагола с корнем *řek-*.

В польских говорах Сибири и в ВСУг распределение гласных *i* и *y*, а в ВСУг также *y*^е (типа укр. *i*), фонологический статус которых может определяться различно, подчиняется закономерностям, действующим в каждом из этих идиомов. Сверх того, в речи носителей по причине частого переключения кодов помимо названных гласных в определенных случаях — преимущественно в русизмах — реализуется и рус. [ы]. Ср. в ВСП (из записей 2010 г.) *od uny^е byуу / te / a to 'u mn'e latym byl'i stud'enty / sfotograf'irovali še* 'вот они были эти. . . а то у меня летом были студенты, сфотографировались'; в ЗСП *masцо r'ызыкѡвѡje* 'масло рыжиковое'; в ВСУг *d'id'ы / b'apč'a z z'ed'un'em / to huvur'yli* 'деды, бабушка с дедушкой, говорили'; *b'idlo* 'скот' (наряду с *b'ydlo*)¹¹.

В консонантизме исследуемых чешских говоров заслуживает особого внимания двоякая реализация фонемы /v/. Наряду с губно-зубным [v] — в позициях оглушения также [f] — она нередко представлена губно-губным [u]¹². В ЗСЧ и в СКЧт этот вариант /v/ очень частотен во всех позициях, что согласуется с состоянием в исходном для обоих идиомов восточнечешском диалекте, ср. в ЗСЧ: *na křhou* 'на кладбище'; *u krau* 'у коров'; *postau* 'поставь'; *prun'í* 'первый'; *mladí d'eučátka* 'молодые девушки'; *se svíma d'uoyma d'efčatama* 'со своими двумя девочками'; *унички* 'внучки'; *poúidali* (и *poj dali*) 'говорили'; в СКЧт: *уот jakoу uona mn'ela fam'ilyju // tam Uodehnalouá / fčeraз bilá Vodehnaloua* 'вот какая у нее была фамилия, Водегналова там — вчера ты была Водегналова'; *je uelká* 'она

¹¹ Эта лексема, произносимая с [ы], практически совпадает по звучанию с рус. уничиж. *быдло*, ср. оценку носительницы ВСУг: *b'ydlo to / 'eto kohd'a uže pr'ozv'išče kak'oje nybut' // ну нарот / каг быдло!* Знаком *l* в транскрипциях латиницей здесь и далее передается твердый зубной согласный, тождественный рус. [л].

¹² С [u] как вариантом фонемы /v/ в СКЧ и ЗСЧ идентифицируется и вторая часть дифтонгического сочетания [ou] (из *ú*). Для ЗСЧ это красноречиво документируют записи чешских молитв кириллическими буквами, где данный дифтонгоид передается как *ов*: *одповциме* [отпоуščíме] 'отпускаем, прощаем' и т. д. Подробнее об этом см. [Скорвид 2014: 51–52].

большая'; *ušeχno* 'всё'. Напротив, в СКЧн/а [ɥ] выступает главным образом в конечнослоговой позиции, а также в начале слова перед гласным *o* (как протеза), реже перед согласным и только спорадически между гласными в середине слова, ср. *kerχof / kerχou* 'кладбище'; *mušim fštát / vir'óunat fšeχno* 'я должен встать, выпрямить всё'; *potom to uodejde* 'потом это отойдет'; *uřjedu* 'спереди'; *nepomluúym* 'не поговорю'; *rouidám* (наряду с *roám*) 'говорю'. Такая реализация этой фонемы, в целом не свойственная базовому для данного говора южночешскому диалекту, вероятнее всего, объясняется влиянием кубанской "балачки", где в результате смешения черт украинской и русской фонетики /v/ "может произноситься как [y] неслоговое, как губно-губное [v] и как [ф]" [БОРИСОВА 2005: 28]; примеры исследовательницы: *удвóх* и *вдвох* 'вдвоем', *дивчáта*, *трáвка* и *трáфка*, *фсĕ*).

Подобная же двоякая реализация /v/ характерна и для ВСУг, ср.: *my varym'o z burak'iu boršč* 'мы варим борщ из свеклы' и *pat'om zavel'i ind'uk'if še* 'потом завели еще индюков'; *svekr'ouka/sv'ikr'ofka* 'свекровь'; *uot narv'eš p'ujdeš ščauux'u* 'вот пойдешь нарвешь щавеля'; *ot tam u Zamust'eče* 'вот там в Замостече'; *u katχ'os* 'в колхоз' и *fP'iχtinsk'e* 'в Пихтинске'; *f safχ'os* 'в совхоз'; *d'ifč'eta* 'девушки'; *fč'ora* 'вчера'; *fs'ehod'a* 'всегда'; *da i fs'o* 'да и всё' и т. п. Варианты [v], [ɥ] и [f] в данном говоре может быть представлена также гласная фонема /u/ в начале слова перед согласным, например: *vže nadoj'ilo* 'уже надоело' и *von'yu uže n'e χt'ili* 'они уже не хотели'; *ukr'al'i* 'украли' и *fkr'ladeš* 'украдешь'. Помимо того в варианте [ɥ] реализуется согласная фонема /t/ в глагольных формах мужского рода ед. ч. исторических *l*-причастий: *buɥ* 'был' — *bu'ta* 'была' (ср. также *puɥn'eus'e* и с оглушением *puɥn'efs'e* 'поднялся'), но в корнях с давними сочетаниями *ТьТ/ТьТ лабиовеляризация *l* в ВСУг часто не отражается: *v'otna* 'овечья шерсть', *p'otna* 'полная', однако *ku(u)bas'a* 'колбаса' и *mofčit* 'молчит'. Впрочем, иногда — а у одной носительницы ВСУг 1955 г. р. достаточно последовательно — губно-губной [ɥ] выступает на месте любого твердого *t*, ср. *m'asɥo* 'масло', *soɥ'oma* 'солома', *v nas stoj'eɥo u'yško d'erev'anne* 'у нас стояла кровать деревянная' (и с мягким *l* перед гласным переднего ряда в другом варианте названия кровати в речи той же информантки: *liško*).

Аналогично в идиолекте одной носительницы ЗСЧ, на момент записи 75-летней, на месте старого твердого *t* нередко отмечается [ɥ], например: *žiuo se pjekn'e* 'жили (букв. жилось) хорошо'; *fs'u žis' sem se trud'iuα* 'я всю жизнь трудилась'; *tuiče se m'asɥo. . . mi sme d'riu. . . takle tloɥkli m'asɥo* 'толкут масло. . . мы раньше вот так толкли масло' и т. п. Очень частотна такая замена *t* у двоих носителей СКЧт (1929 и 1946 г. р.): *do šk'oɥy¹³ sem*

¹³ В ряде таких случаев звучит своего рода лабиовеляризованный *t^h*, предположительно представляющий стадию, предшествующую его изменению

šěu 'я в школу пошел'; *ve třetím křasu* 'в третьем классе'; *rozbombiuy teda / ta hermanska ta vojna / to rozmobili* 'разбомбили. . . вот германская война (была), тогда и разбомбили'; *fšeckí už vzrósuy tam biuy* 'все уже взрослые там были' (наряду с *bily* и *bili*); *ččovjek* 'человек'; *kucí* 'парни' (и вин. п. ед. ч. *kuka* 'парня' с поглощением *u* последующим гласным). В этом можно усматривать либо индивидуальные особенности произношения отдельных информантов, либо следы губно-губной реализации твердого *ʃ* в говоре их предков, прибывших из Северо-Восточной Чехии, где — на северных окраинах — данное явление фиксировалось еще в XX в. [Вёліч 1972: 25].

Регулярно [ɥ] на месте твердого *ʃ* выступает в польских говорах Сибири. В ЗСП такой [ɥ] может быть позиционно смягченным перед *i < y* (*a tedi za stou'i* 'а потом за столы', *cau'i žen'* 'целый день'. В некоторых русизмах и изредка в своих словах [ɥ] появляется также на месте *v*: *f sauřoz'e* 'в совхозе' (ЗСП), в результате диссимиляции с последующим [f] *šedym žeciu / fšysk'e ženate juš* 'семеро детей, все уже женатые' (ВСП), в обоих говорах *uot* наряду с *vot* (и *ot*) 'вот'. В этой и иных таких частицах колебания *v/u* наблюдаются и в РЯО. Хотя причины развития *v/u* перед начальным *o* здесь и в других сходных случаях не только в русском языке и в польских диалектах, но и в украинском языке и в чешских диалектах различны, часто этот элемент обобщенно определяется как "протетический *v*". В ЗСП он — в виде *u* — встречается спорадически и исключительно перед *o* (*on'i* 'они', *og'en* 'огонь', *odlečauo* 'отлетело'), а в ВСП представлен практически последовательно в начале слова как перед *o*, так и перед *u* (см. МУ 159, словарь).

Из других согласных не просто влияние системы РЯО, но сложное взаимодействие с ней во всех анализируемых идиомах демонстрируют шипящие. Аффриката /č/ в чешских говорах реализуется в виде палатализованного [č'] русского типа¹⁴. В польских говорах Сибири, характеризующихся мазурением (в ВСП им был охвачен только исконный č, изменившийся в *s*, а в ЗСП также исконные š, ž), выступает палатальная аффриката č', развившаяся в польском языке из палатализованного č. С ней совпадает и č в русизмах и иных лексемах, по той или иной причине не затронутых мазурением, причем для ВСП следует констатировать

в *u*. Разумеется, в словах, заимствуемых из РЯО, во всех говорах может сохраняться также русский твердый [л], который иногда реализуется даже там, где рус. [л] чередуется с [л'], распространяясь и на исконные лексемы (либо общие с РЯО, причем не обязательно с твердым [л]). Ср. в СКЧт: *u škole* 'в школе'; *učiu se nam leřko* 'учиться нам было легко'. В таком же звуковом облике *fškole* данная форма воспринятого из РЯО существительного зафиксирована и в наших записях ВСП из Вершины.

¹⁴ С другой стороны, фрикативные шипящие š, ž в чешских говорах под влиянием русской фонетики могут произноситься тверже.

субституцию рус. [č'] в заимствованиях польским [ć], а в ЗСП действует скорее обратная тенденция. Это связано с судьбой других шипящих в данном говоре. Утрата старых альвеолярных шипящих *ś, ź* в результате мазурения создала здесь простор для широкого варьирования при реализации новых, первоначально палатальных, шипящих *ś, ź*, возникших из давних *s', z'* и появляющихся после — или на месте — губных согласных в связи с так наз. асинхронной реализацией мягкости. В ЗСП такие шипящие колеблются в диапазоне от палатальных (мягких) до альвеолярных (твердых) согласных с наиболее частотной промежуточной реализацией в виде палато-альвеолярных *ś, ź*. Этот ряд пополняет аффриката *ć*, фонетически тождественная русской [č'], с которой может совпадать также *ć* из *t*. Именно она реализуется в заимствованиях из РЯО и в исконных лексемах, не охваченных мазурением: например, *vnučka* (это слово может быть как своим, сохранившим общепольский облик, так и воспринятым из РЯО), *rynčnik* 'полотенце' и др. Напротив, фрикативные шипящие в заимствованиях не только из РЯО адаптируются, реализуясь в виде *ś, ź*, ср. *šurek* 'парень' (из нем. *Schurke* 'негодник, плут' или от звукоподражательного польск. *susiać* 'мочиться'), русизмы *mašina*, *praža* и т. п.

Помимо непарного [č'] из РЯО в рассматриваемые говоры проникают также другие, изначально не свойственные им, мягкие согласные. В принципе ввиду полного двуязычия носителей этих идиомов в их диалектной речи, насыщенной как адаптированными, так и неадаптированными русизмами (вплоть до смешения кодов), могут реализоваться все мягкие согласные, существующие в РЯО, по крайней мере на уровне звуков. Это приводит к существенному расширению консонантизма, особенно в чешских говорах. Так, здесь появляются мягкие губные, заднеязычные согласные и переднеязычные [s'], [z'], [r'], [l']. Ср. в СКЧн/а: *v ľubí vr'em'a* 'в любое время'; *vona je m'ets'estra* 'она медсестра'; *roun'e n'ihde n'ilz'a bylo jít* 'прямо нигде нельзя было пройти'; *k'iz'il mam v ledn'ici* 'кизил у меня в холодильнике'; *já čtu / učím tam y'eoyr'af'iju i fs'o* 'я читаю, учу географию там и всё такое' и т. д. Некоторые из них могли бы претендовать и на фонемный статус: например, в СКЧн/а (*vn'im'an'i*) *udělá* 'уделяет' — *udělá* 'сделает', в ЗСЧ (*zarobotat*) *v'elik* 'велик (велосипед)' — *veliká herman'ika* 'большая гармонь'. Реализация таких фонем в конце слова ограничена, ср. в СКЧн/а *s'entábr, oktábr / a mi sme v oktábr'u jezdívali* 'сентябрь, октябрь, а мы в октябре ездили. . .', но также *bil tam láger' takovej* 'был там такой лагерь'; в ЗСЧ *S'ib'ir' je S'ib'ir'* 'Сибирь есть Сибирь'. Наиболее частотны они перед гласными переднего ряда, а так как сочетаемость названных гласных (/i/, /e/) с предшествующим мягким согласным обычна для РЯО, данная закономерность в

рассматриваемых чешских говорах начинает распространяться и на свои слова. Указанные смягченные согласные в этой позиции могут реализоваться в них в качестве вариантов соответствующих твердых фонем (а в случае губных — их сочетаний с *j* или *n*), ср. в СКЧн/а *mos p'eknej kluk* / *mos p'jeknej* 'очень хороший мальчик, очень хороший'; *z m'esta* 'из города'; *v jednom dom'e* 'в одном доме'; *bečku vod'veze* 'бочку отвезет'; (f) *padesát štyrtím nebo padesát s'ídmim* 'в 54-м или 56-м'; *rusk'íma aftama* 'русскими машинами'. Под влиянием комбинаторики РЯО расширяется и употребление исконно присущих чешской системе мягких (палатальных) согласных *n'*, *t'*, *d'*, которые в данных говорах иногда реализуются перед гласными переднего ряда там, где ожидалось бы твердые фонемы, ср. в СКЧн/а *h'de* 'где' (чеш. лит. *kde*, диал. *hde*); *do padesát šístího layer'u* 'в 56-й лагерь'; *proz' za náz za h'řišn'í* 'проси за нас, грешных' (перед *í* < *é* в адъективных окончаниях, а в форме императива *proz'* — редкий не в русизмах конечный мягкий свистящий, явно под влиянием русских форм типа *проси/брось*). Из РЯО распространяется также явление регрессивного смягчения в группах согласных: например, *róz'de* 'поздно' в СКЧт.

В польские говоры через заимствования из РЯО проникают отсутствующие в исконных словах мягкие согласные [s'], [z'], [t'], [d'], [r']: ср. в ВСП *S'ib'ir*, *z'emlanuška* 'земляночка', *tośsa* 'теща', *uob'ed'in'en'e* 'объединение', *dr'emući* 'дремучий', *r'adym* 'рядом' (МУ 54, 147 — словарь, 179–180 — тексты); в ЗСП *s'ud'y* 'сюда', *hoz'ajstvo* и *haz'ajstvo* 'хозяйство', *čut' li* 'чуть ли', *dir'evn'a* 'деревня', *fstr'ecali* 'встречали'. В ЗСП благодаря русизмам расширяется также употребление мягких губных согласных, которые ввиду асинхронной реализации их мягкости в этом идиоме (*p* > *pš*, *b* > *bž*, *v* > /*vž*, *m* > /*m'n*) в своих словах встречаются ограниченно; ср. в заимствованиях: *k'ip'itil'n'ik* 'кипятильник', вин. п. ед. ч. *m'ikr'ovnl'nof'k'e* 'микроволновку', *v B'ir'ab'iz'an'e* 'в Биробиджане', *prosv'ifer* 'пресвитер', *zv'ezd'e n'eli* 'звезду имели'. Впрочем, проявляются и признаки "сопротивления" системы ЗСП усвоению русских мягких согласных (не только губных): перед непередним гласным отверждение с йотацией: *χr'ist'a rospjal'i* 'Христа распяли'; перед гласными же переднего ряда иногда полное отверждение или сохранение только слабой палатализованности: *pesnop'en'ije* 'песнопение', *kreš'ćija še* 'крестилась', *χr'est'ijanska vera* 'христианская вера' (со смягченным *r'* или *r*, но твердым *v*) и т. д. Слабое позиционное смягчение согласных в этом говоре наблюдается и в своих словах: регулярно перед гласным [i], в который вследствие характерного для базового мазурского диалекта изменения переходит [y], спорадически и перед [e]. На реализацию таких позиционных "полумягких" вариантов твердых фонем могли дополнительно повлиять закономерности

русской сочетаемости согласных с гласными, ср.: *v esela?* // *nu pr'enzi n'is te v esele še nac'inauo...* *b'ijofšo tamoj r'ešono (r'ešono?)* 'свадьбы? ну прежде чем свадьба начиналась... там всё было решено'; *mi štir'i (štir'i?) lata tam s ħuoret pšez'ili* 'мы четыре года там с мужем прожили', но и *naz b'ijofštir'ux* 'нас было четверо' с непозиционно мягким *r* в словоформе исконной лексемы, что можно объяснить аналогией с формой *štir'i (štir'i)* при вероятной поддержке рус. *четырёх*. Помимо того в ЗСП отмечаются случаи замены такими "полумягкими", а иногда и твердыми (!) свистящими согласными палато-альвеолярных шипящих, ср. у одних и тех же говорящих в русизме *jajka krašili / jajka kras'ili* 'яйца красили' и в словоформах исконной лексемы *s'ud'a še šadajta...* *s'ud'a brak se sadać* 'сюда садитесь... сюда надо садиться' (в последнем случае речь идет о своего рода вторичном мазурении).

В ВСУг состав парных мягких согласных был с самого начала близок русскому; под влиянием РЯО, однако, здесь могут происходить некоторые изменения в их дистрибуции. Например, употребление мягких губных согласных в конце слова в РЯО (в том числе в русскоязычных высказываниях пихтинских голендров, ср. *я кончиў школу / восемь кла-соў*) создает возможность их появления в той же позиции в говоре: *po šis' s'im' lid vže pušl'i fkal'os* 'по шесть-семь лет — уже пошли в колхоз', но *jim bul'o / t'atovu v'us'im lit* 'им было... папе восемь лет'. Разумеется, подобные колебания не дают оснований для вывода о фонологизации мягких губных согласных в ВСУг. О "сопротивлении" ей системы говора, кроме прочего, свидетельствуют случаи адаптации в русских лексемах, выступающих как в русской, так и в собственно диалектной речи информантов; ср., с одной стороны, *врим'янки*, а с другой — *m'aju vr'em'e* 'имею время' с регулярной в ВСУг заменой 'а после мягких согласных на е.

3. Морфологическая система говоров

На уровне морфологии во всех исследуемых говорах также можно выделить участки системы, которые сходным образом восприимчивы к воздействию доминирующего языка окружения. Оказывается, однако, что вследствие такого воздействия практически никогда не происходит их полная перестройка по образцу этого языка.

В области именного словоизменения речь идет в первую очередь о выражении категории одушевленности существительных во множественном числе (а в польских говорах также категории персональности, или мужского лица, насколько последняя здесь может быть выделена).

В СКЧ и ЗСЧ сохраняются лишь лексикализованные реликты особых форм им. п. мн. ч. одушевленных существительных м. р. твердого

типа склонения с чередованием согласных перед окончанием *-i*: *Češi* (и *Šeši*), *hoši*, *kluci* (им. п. ед. ч. *hoch*, *kluk* 'парень'), чаще у существительных с суффиксом *-ák*: *vojáci* 'солдаты', *školáci* 'школьники' и т. п., также *bratři* 'братья' (им. п. ед. ч. *bratř*), *kamarádi* 'друзья', *sousedí* (и *sousedí*) 'соседи', названия животных *vřci* 'волки', *bejci* (и *bejki*) 'быки', *medvjedi*, русизм *barán*' и др. Та же основа с чередованием, однако, может выступать и в других падежах мн. ч.: ср. род. *v Omsku souz taki Češú hodn'e* 'в Омске тоже много чехов'; *pjet klucu* 'пять мальчиков' (ЗСЧ) // *deset pjeknejx klucí* 'десять хороших парней' (СКЧ); дат. *svím klucam* 'своим парням' (ЗСЧ) // *ke klucím* 'к ребятам' (СКЧ), твор. *mezi Češima* 'между чехами' // *samíma Češama* 'самими чехами' (СКЧ). В результате такой унификации основы во мн. ч. форма вин. п. этих одушевленных существительных совпадает с формой им. п.: например, в СКЧн/а *přepisovali fšexni Češi* 'переписывали всех чехов'; *sebírali fšexni ti mladí klucí* 'собирали всех этих молодых парней'; в СКЧт *mí bratři / mn'ela sem dva bratři / uon'i uš pomíraly* 'мои братья. . . у меня были (букв. я имела) два брата, они уже умерли'; в ЗСЧ *ja bila málinká a bejci dou / i uot ti bejci potatuju* 'я была маленькая, а быки идут, и вот этих быков я помню'. Тем самым во мн. ч. возникает то же соотношение вин. п. = им. п., что и у остальных одушевленных существительных, которые не имеют специальных форм им. п. мн. ч., например: им. п. *dva siní umřeli* 'двое сыновей умерли' = вин. п. *dva siní mn'el* 'двоих сыновей имел'; им. п. *sedí babički / d'edečki* 'сидят бабушки, дедушки' = вин. п. *d'edečki ja nepamatuju* 'дедушек я не помню' (ЗСЧ); им. п. *vnuki tak taki uš máloco rozumí* 'внуки тоже уже мало что понимают' = вин. п. *mn'eli sme malí vnuki* 'мы имели маленьких внуков'; *králikí souz // xčete uvid'et králikí?* 'кролики есть. . . вы хотите видеть кроликов?' (СКЧн/а).

Только в рамках склонения существительных мягкого типа в исследуемых чешских идиомах можно говорить о выражении одушевленности во мн. ч., показателем которой является окончание им. п. *-i* (*N'emci*, но *hřnce* 'горшки')¹⁵. При этом под влиянием соотношения вин. п. = им. п. во мн. ч. одушевленных существительных твердого типа то же окончание получают и формы вин. п., ср. в СКЧн/а *jak nalítli naše samol'oti ruskí / načali bombít ti N'emci* (вин. п.) / *N'emci* (им. п.) *gdo kam* 'как налетели наши русские самолеты, начали бомбить этих немцев — немцы кто

¹⁵ Впрочем, некоторые одушевленные существительные мягкого типа имеют в им. (а также вин.) п. мн. ч. окончание *-e*: *přátele* 'родственники' (ср. в СКЧн/а *mám ešče přátele f Kirílce / souz to Růžičkú / to souz moji přátele* 'я имею еще родственников в Кирилловке, это Ружички, они мои родственники'); *rodiče* наряду с *rodiči* 'родители'; (*tři*) *krále* 'короли, цари, волхвы' наряду с *mi tři králové deme k vám* 'мы, три волхва идем к вам' (при повторении — *králevé!*) в песне, записанной от носительницы СКЧт (форма на *-e* с окончанием изначально вин. п., видимо, извлечена из сочетания *na tři krále* 'на (день) трех волхвов'); *kon'e* 'кони'.

куда'; *tam bili samí Jevr'eji* (им. п.) . . . *tak ti Jevr'eji fšexni* (вин. п.) *N'emci* (им. п.) *potřileli* 'там были одни евреи, так всех этих евреев немцы расстреляли'; в ЗСЧ *bilo sokrasčen'í / učiteli* (вин. п.) *ubirali n'ákí // i vot učiteli* (им. п.) *museli n'ekam ujd'it* 'было сокращение, каких-то учителей увольняли, и вот учителя должны были куда-то уходить'. Крайне редко у одушевленных существительных обеих разновидностей это соотношение уступает место соотношению русского типа, т. е. вин. п. = род. п.: например, в СКЧн/а *náš Suv'orof. . . jak vihnal tex Tat'arú / tiž Turkú* 'наш Суворов. . . как выгнал этих татар, этих турок'; *brali tex lid'í ruskejx v armiju* 'брали в армию русских людей'; в СКЧт — с субстантивированным прилагательным: *i cizyx tam rořovávaji* 'и чужих там хоронят'. В высказываниях *a muzikantu sme mn'eli / jen jednoho češského muzikanta* 'а музыкантов мы имели. . . только одного чешского музыканта'; *kuci našitaji zaz živejx brapcu* 'парни наловят живых воробьев' (ЗСЧ) выступают формы род. п. мн. ч. с количественным значением, а в случаях типа *do armije našix Češú nebrali* 'в армию наших чехов не брали' (ЗСЧ); *N'emci nemn'eli rádi Jevr'ejeř* 'немцы не любили евреев' (СКЧн/а, с русским окончанием *-ev*) речь идет о копировании русских конструкций с родительным падежом отрицания. Совершенно исключительными выглядят два примера употребления во мн. ч. форм вин. п. = род. п. у существительных ж. и ср. р., обозначающих лиц женского пола: *mám pravnuček* 'имею правнучек' (СКЧн/а) и *jednu neđeli kluci nás šmřkustovali / đefčat* 'в одно воскресенье парни стегали прутиком нас, девушек' (ЗСЧ). В последнем высказывании толчок к такому употреблению могла дать предшествующая местоименная форма вин. п. = род. п. *nás*. Ср. в речи той же носительницы ЗСЧ формы вин. п. = род. п. мн. ч. других местоимений в одном ряду с формами вин. п. = им. п. существительных и местоимений, непосредственно с ними связанных: *kamsi to jix* (вин. п. = род. п.)¹⁶ *uhán'eli / naši Češi i N'emci* (вин. п. = им. п.) / *kerí* (вин. п. = им. п.) *z Volhi přihnali sem. . . i vot N'emci* (им. п.), *vot von'í. . . nás fšexnix* (вин. п. = род. п.) *mn'eli rádi* 'куда-то их угоняли, наших чехов и немцев, которых с Волги пригнали сюда, и вот немцы, вот они нас всех любили'.

В целом, таким образом, можно заключить, что утрата первоначального выражения одушевленности существительных в им. п. мн. ч. в рассматриваемых чешских говорах, бесспорно, наступившая под влиянием РЯО, где эта категория в указанных формах не проявляется, в вин. п. мн. ч. не привела к совпадению с состоянием в РЯО. Напротив,

¹⁶ Форма вин. п. = род. п. местоимения 3-го л. мн. ч. *jix*, встречающаяся в ЗСЧ и реже в СКЧ наряду с *je*, не выражает одушевленности, так как она может относиться и к неживым объектам, ср. *mi sme jih zrořna tađi umláfili a zrořna sme jix vozili na zavot / đáli z n'íx máslo* 'мы их тут мололи и возили их прямоком на завод, из них делали масло' (о семечках подсолнечника) и т. п.

здесь в разных вариантах представлен отличный от русского синкретизм вин. п. = им. п., находящий опору в собственно чешских диалектах, в особенности в северо-восточных, но встречающийся и в Южной Чехии [ВѢЛИЇ 1972: 152–153, 164; ВАЛНАР 2002: 248–254]. Если, однако, формы им.-вин. п. мн. ч. типа *kluci*, *hoši*, *kamarádi*, а также *N'emci* (ср. *pekaři* в [ВАЛНАР 2002: 249, карта 166] или, в группе названий животных, *králíki*) имеют корни в чешских диалектах, то совпадение форм им. и вин. п. мн. ч. типа *vnuki*, *dědečki* развилось в СКЧ и ЗСЧ вторично, в результате взаимодействия соответствующих звеньев русской и чешской систем. Заслуживает внимания, что неразличение форм вин. п. и им. п. мн. ч. одушевленных существительных наблюдается даже в русскоязычных или смешанных высказываниях информантов, например: *наш'ол в Маскв'е Кадерм'асови* 'Кадермасовых' (носитель ЗСЧ о своих однофамильцах или родственниках); *он люб'ил вом 'эму / керак / зв'ірата // там медв'јед'ї / туhleto / віш // ну ваанц'е зв'еру / зв'еру von mn'el rat* (СКЧн/а).

Отличие от чешских говоров, в ЗСП и ВСП на фоне наступившей, вероятно, еще в исходных диалектах утраты существительными морфологической категории мужского лица, которая не находит выражения в им. п. мн. ч. (ср. в ЗСП *srodne braty* 'родные братья'; *sonšady tak'ego n'e slyseli* 'соседи такого не слышали', в ВСП *jak'eš Polak'i barzo dužo strachu mužuwu* 'какие-то поляки много страха натерпелись' — МУ 120)¹⁷, под влиянием РЯО происходит расширение рамок категории одушевленности. С одной стороны, в ЗСП зафиксировано употребление архаичной формы вин. п. мн. ч. существительного м. р., обозначающего человека (хотя и незрелого), которая в силу утраты категории мужского лица совпала с формой им. п. мн. ч.: *tři vnuk'i tam* 'твоих внуков имею'. Чаше подобные — вполне ожидаемые — формы вин. п. мн. ч. получают в данном говоре названия животных м. р., например: *čelak'i tam'i* 'мы телят имеем', *una pasca kón'e* 'она пасла коней', а также существительные ж. р., обозначающие живые существа: *on'i krov'i dojo* 'они коров доят'; *štír'i lata pašlim te ofce* 'четыре года мы пасли этих овец'; *dva dočk'i ma* 'она двух дочек имеет'; *ja za n'ix prose / za svoje kamratk'i* 'я прошу за них, за своих подружек' и т. п. С другой стороны, обычной для всех названий лиц и животных как м., так и ж. р. является в ЗСП форма вин. п. мн. ч., совпадающая с формой род. п., например: *fšey zabrali / fšex žuopov*

¹⁷ В приводимых этой исследовательницей текстах, однако, встречается также форма *Polacy s Polsk'i* 'поляки из Польши', по-видимому, имеющая цитатный характер, и специфическая форма *moje dvojurodne bračo* 'мои двоюродные братья' / *šez bročo* 'шестеро братьев' (МУ 178, 180, 184) — впрочем, как показывает ее сочетаемость с адъективными словами, не выражающая категории мужского лица. При этом в записях ВСП 2010 г. зафиксирована и "лично-мужская" сочетаемость *fšyсу luže* 'все люди' (у информантки 1932 г. р.).

zabrali // i babov daže braĭi // i kobžetof / i χuopof / fšex pozabžerali ‘всех забрали, всех мужиков забрали, и баб даже брали, и женщин, и мужиков, всех позабিরали’; *dvuy žatkof stamtont pšížēžli* ‘двоих детей оттуда привезди’; *mauyy žecuf uc’iua* ‘маленьких детей учила’; *tam rasprovažal’i kto psof / kto. . .* ‘там разводили кто собак, кто. . .’; *vouali gynšakuf* ‘звали гусей’; *tam třimali i krovof pr’enzej / i kokosof třimali* ‘там раньше держали и коров, и кур держали’. Иногда формы вин. п. = им. п. и вин. п. = род. п. мн. ч. одних и тех же существительных — прежде всего ж. р. — в высказывании соседствуют: *posca krov’i dojić // f sofože dojiua krovuf* ‘пошла коров доить, в совхозе доила коров’. Подобное же состояние прослеживается в ВСП, ср. *pšyn’esua (urodzila) dvuy curkuf* ‘родила двух дочек’; *dvanašše lod m’ou, jak pas ov’ec* ‘с двенадцати лет пас овец’ — но также *čšymali my krovu, šv’iše, uofcy* ‘мы держали коров, свиной, овец’ (MU 119).

К. Дейна, характеризуя критерии выделения класса лично-мужских существительных, замечал, что в некоторых диалектах на территории Польши “совпадение форм асс. pl. и gen. pl. не может считаться решающим фактором, если в них наряду с типом *zebrat’ χtopof* встречаем также *mam tšex kotkof, oni maio dobryx psóf, ia vižat’ iix* (женщин) или *mát synu za ofčažof*” [DEJNA 1993: 232]. За исключением типа *ia vižat’ iix*, где речь идет о местоимении¹⁸, во всех этих примерах выступают существительные м. р. С учетом того, что названия животных *kotek* (по-видимому, не *kotka*) и *pies* в этих диалектах ведут себя так же, как названия лиц типа *χtop*, можно было бы говорить о выражаемой в вин. п. мн. ч. категории одушевленности в рамках существительных м. р. Переселенческие польские говоры в Сибири, как показал анализ материала, под влиянием РЯО идут в этом отношении еще дальше¹⁹.

В ВСУг колебания при выражении одушевленности в вин. п. мн. ч., аналогичные отмечаемым в ЗСП и ВСП, представлены у названий животных, прежде всего ж. и ср. р., что, с одной стороны, соответствует ситуации, наблюдающейся в (западно)украинских говорах, а с другой — соотносится с диалектным состоянием в РЯО²⁰. Примеры: вин. п. = род. п.

¹⁸ В рассматриваемых здесь польских переселенческих говорах эта форма местоимения 3-го л. может относиться не только к женщинам, но и к неживым объектам, тогда как формы вин. п. мн. ч. *je* ни в ВСП [MITRENGA-ULITINA 2015: 79], ни, по-видимому, в ЗСП вообще не существует.

¹⁹ Выражение категории одушевленности у существительных м. и ж. р. во мн. ч. — *v’ize tyj’ var, psuf* ‘вижу этих баб, псов’ — в числе черт, возникших вследствие контакта с восточнославянской диалектной средой, отмечается также в периферийной восточной разновидности польского языка [АНАНЬЕВА 1994: 107].

²⁰ В частности, Н. Н. Дурново, перечисляя морфологические “черты общемалорусские”, указывал: “асс. pl. от имен животных совпадает с ном. pl.: *воли, корови*”, но по говорам “известно и употребление gen. pl. в значении асс. pl. от имен лиц женского пола и от имен животных. Б.-р. в этом случае совпадает с м.-р. По-видимому, м.-р. и б.-р. в данном случае стоят лишь на более

у существительных м. р.²¹ *kon'ej korm'et* 'конец кормят', *pat'om zavel'i ind'uk'if_še* 'потом завели индюков еще'; ж. р. *uv'ec' ja sr'azu p'asla* 'вначале я овец пасла', но вин. п. = им. п. у лексем из РЯО *pč'ouу kup'yu* 'пчел купил', *tam von'a pryjm'aje t'yje t'olk'i* 'там она принимает этих тёлков'; собирает. и ж. р. *h'usy* trym'ali i 'utk'i trymali* 'гусей и уток держали'; ср. р. *tel'eta ma'lyje p'asli* 'телят маленьких пасли'. Смешанный случай: *kor'ovu trym'ajemo / try byč'ka* (русизм *три бычка*, но вин. п. = им. п.) *da i poros'etok / k'uroč'ki trym'ajemo* (у существительного ср. р. *poros'etko* 'поросенок' вин. п. = род. п., но у лексемы ж. р., заимствованной из РЯО, вин. п. = им. п.). Колебания в формах вин. п. мн. ч. у названий животных ж. р. фиксируются и в русскоязычных высказываниях носителей данного говора, ср.: и *кар'овой да'ила*, но *к'уры д'ержыш // 'яйца здай*.

В именном словоизменении исследуемых говоров наблюдается также поразительный параллелизм процессов обобщения ряда окончаний у существительных разных родов и типов склонения. Речь идет в особенности о следующих явлениях.

1) Неравномерное по говорам распространение окончания род. п. мн. ч., восходящего к *-овъ, у существительных ж. и ср. р. В ЗСП окончание *-of/-óf/-uf* преобладает у всех таких существительных: ж. р. *n'e b'ico cer' kvof* 'не было церквей' (им. п. ед. ч. *cer' kva*), *šiča ul'icuf* 'сколько улиц', *ze sfoix ryncuf* 'из своих рук' (им. п. мн. ч. *rynce*), но *pšin'c gynš* 'пять гусей' (наряду с *gynšuf*), *do pšen'cuх gožin* 'до пяти часов'; ср. р. *pšenič žedruf* 'пять ведер'; аналогично *pšyn'c žec'of* 'пятеро детей', *duzo lužof* 'много людей'. Это согласуется с состоянием в мазурских и в некоторых других польских говорах [URBAŃCZYK 1984: 45]; также в польских диалектных текстах из Силезии встретились примеры *mašyn'of n'e byco* 'машин не было', *do stodou'of* 'в сарай' [STIEVER 1956: 99]. Соответственно и в ВСП употребляются в качестве дублетных формы *krovuf/kruf* 'коров', *šv'in'uf/šv'in* 'свиней', *koš'uf/koš'ci* 'костей', *žec'uf/žeci* 'детей', *čelyn'čuf/čelyn'ci* 'телят' (МУ 68–70). Регулярно выступает окончание *-ú/-u* у существительных 'дети' и 'люди' в СКЧт (*modz d'etú* 'много детей', *pjet lyđu* 'пять человек') и ЗСЧ, где оно зафиксировано еще у одного существительного ср. р. (*hodn'e lidu* 'много людей', *tolik d'etu* 'столько детей', *kolik menú* 'сколько имен'), хотя в базовых для двух этих идиомов северо-восточных чешских диалектах подобная экспансия окончания *-ú/-u* не отмечается. В любом случае можно допустить, что распространение соответствующих

старой стадии развития, чем в.-р., прошедший ее раньше; до сих пор с.-в.-р. говоры Сибири сохраняют старую форму асс. pl. = ном. pl. от имен животных" [Дурново 1969: 188, 213].

²¹ Особое употребление одушевленного существительного м. р. во мн. ч. в форме вин. п. = им. п. находим в предложном сочетании с "превратительным" значением *nađah'al'is'ef cyh'anu* 'наряжались в цыган'.

окончаний во всех рассматриваемых идиомах было поддержано аналогичным развитием в восточнославянских (русских, а возможно, и украинских) говорах, с которыми они контактировали²². С этой точки зрения крайне показательно, что в смешанных в языковом отношении высказываниях пихтинских голендров часто трудно сделать однозначный вывод о принадлежности форм с таким окончанием их русской речи или родному говору²³. Ср.: *tut na l'ito_to do b'abou pr'ijiž'ajut z g'orada* 'сюда на лето к бабушкам приезжают из города (дети)'; *uot t'y'je uot šo utx'ody ostaj'e's'e. . . ut s'em'ičkou tyx i ut tyx konopl'iu* 'вот эти отходы, что остается от этих семечек и от конопли'; *pu dv'en'atced' b'ulok napek'u* 'по двенадцать булок напеку', но *i napeč'eš tak'iy buu'eč'iu* 'напечешь таких булочек'; *katl'etou nar'obyš* 'котлет наделаешь'; *r'an'še zn'aješ sk'oko m'užou but'o* 'раньше знаешь сколько мух было'; *ja 'etiχ fs'ak'ix sv'ck'ix p'esn'uf sk'il'ko vm'ital!* 'а сколько я всяких этих светских песен знала!'

2) Распространение окончания местн. п. ед. ч. *-u* у таких групп существительных м. и (реже) ср. р., для которых в коренных диалектах соответствующих языков оно необычно или невозможно. В СКЧн/а и в ЗСЧ это касается в основном лексем, воспринятых из РЯО, зачастую с русским мягким согласным в исходе основы: *v d'ekabr'u* (и с отвердением *v d'ekabru m'es'ici*), в СКЧ *fS'ib'ir'u, na lāyer'u* (и *v lāyer'e*), *v hosp'ital'u, na desátim etažu*, а также некоторых русизмов и исконных слов с твердым согласным: в СКЧ *v ohorodu* (и *v ohorođe*), *na barab'anu, f tom kr'eslu* (ср. р.), *na vozū, na jednom lystu* 'на одном листе', *po celím svjetu* 'по всему миру'; в ЗСЧ *na zavodu, f štabu, ve dvoru* 'во дворе' (и *na tímhle dvoře*), *ve sklepu* (и *ve sklepe*) 'в подвале', в обоих говорах *v lesu* и др. В ЗСП окончание *-u*, закономерное у имен с основой на функционально мягкий согласный, фиксируется и в заимствованиях из РЯО, в том числе в случаях типа *v okfabr'u*, а также в русизмах и в своих словах с основой на твердые согласные, прежде всего губные: *v raz'umu, f K'ujb iševu*, ср. р. *v d'ectvu, na dževu* 'на дереве'. В ВСП дублетные формы местн. п. ед. ч. собственно польских лексем типа *kotu* и *koće, psu* и *pše, švagrū* и *švagže* 'свекре' приводит (МУ 64). У отдельных существительных м. и ср. р. окончание *-u* отмечено и в ВСУг: *vot ты v l'isu spyv'al'i; f t'omu vedr'u* 'в этом ведре'.

²² Так, Н. Н. Дурново констатировал завершение процесса устранения родовых различий в склонении восточнославянских существительных во мн. ч. "образованием gen. pl. на *-ov* от имен женского и среднего рода, ср. даже в Москве — *местов, делов* и пр., диалект. в.-р. *бабов, звéздов*, укр. диалектические, не чуждые, однако, и литературному языку *ранів, землів* и пр. и вполне литературные *радоців, хитроців* и пр." [Дурново 1969: 135].

²³ В [Закревська 1988, карта 195] на территории вдоль Западного Буга, исходной для ВСУг, зафиксированы почти исключительно формы типа *bab'ij'/babij'* и sporadicheski *baboj'*.

Причины такой экспансии окончания *-и* в разных говорах, при всем их своеобразии в данном отношении, кажутся отчасти сходными. В ЗСП и в некоторых случаях в чешских говорах это окончание явно предпочитается во избежание нетривиального чередования согласных. Так, в ЗСП с асинхронной реализацией мягкости губных выбор окончания *-ě* предполагал бы такие изменения, как *m ~ n'*, *v ~ ž*, *tv ~ tš*; специфический случай — *f Krasnođařu* (!), когда диалектоносительница уже произвела замену *r ~ ř*, а затем, после функционально мягкого *ř*, выбрала окончание *-и*. Колебания могут быть связаны и просто с наличием в системе двух окончаний местн. п. ед. ч. Иногда несомненно прямое влияние русских форм типа *в лес'у, на воз'у*. Не столь очевидным, но допустимым представляется предположение о системном влиянии на указанный участок склонения существительных в данных говорах восточнославянских диалектных идиомов, с которыми они находились в контакте. В частности, южновеликорусское наречие, по Н. Н. Дурново, характеризует “распространением формы loc. sg. на *-и* на имена мужского рода с неподвижным ударением и частью на имена среднего рода: *на жениху, на концу, на коню, при отцу, на дявишнику, на столику, у полю* и т. п.” [Дурново 1969: 155]. Подобные формы известны также многим украинским диалектам; впрочем, особенно в западных говорах *-у* в местн. п. ед. ч. существительных мужского рода выступает наряду с более частотным окончанием исконно дат. п. ед. ч. **ŷ*-основ *-ови/-ов'и* [Залеский 2001: карта 28].

3) Окончания, восходящие к **-ovi*, в формах дат. и местн. (или только дат.) п. ед. ч. существительных м. и (реже) ср. р. выступают во всех исследуемых говорах, хотя их распространение в отдельных идиомах не совпадает. В СКЧн/а речь идет об окончании дат. и местн. п. *-ови* (с фонетическим вариантом *-ову*) как показателе одушевленности существительных м. р., например: *povídali d'edouškovi* ‘говорили дедушке’ (и *d'edouškovi*), *po tátovi bila Hrachú* ‘по отцу ее фамилия была Грах’, *neco dá storožovi* ‘что-то даст сторожу’, *nado Sašovi říct* ‘надо Саше сказать’, *bajzíkovi dám papat* ‘собаке дам поест’, *k tomu kon'ovi* ‘к тому коню’. Это же относится к окончанию *-oj* (с сохраняющимся переходным вариантом *-o'i*) в ЗСЧ: *d'edečkej říkali Antoš* ‘дедушку звали Антош’, *mladímu klukož* ‘молодому парню’, *jednomu Ukrajincej* ‘одному украинцу’, *k tátož* ‘к отцу’ и *po taťínko'i* ‘по отцу’. В дат. п. то же окончание *-oj* в СКЧт (*sinoj* ‘сыну’, *g d'edečkej* ‘к дедушке’), окончание *-ov'и* в ВСП (*žín'cov'и* ‘зятю’, *kun'ov'и* ‘коню’, *psov'и* ‘псу’, *čelýncov'и* ‘теленку’ наряду с *žín'cu* и т. д., МУ 64, 69), контаминированное *-ožu* < *-ov'и* + *-и* в ЗСП (*panožu bogu* ‘Господу Богу’, *ojcožu* ‘отцу’, *proskožu* ‘зазывале’, *kun'ožu* ‘коню’, *psožu* ‘псу’, *b'idužožu* ‘скоту’) и *-ову* в ВСУг (*t'atovy v'us'im lit* ‘папе /было/ 8 лет’), вероятно, присуще только одушевленным существительным м. р. и — по крайней мере в

польских говорах — некоторым названиям животных ср. р.²⁴ Иная ситуация в местн. п. ед. ч. Здесь окончания *-oj* в СКЧт и *-ову* в ВСУг распространились на все существительные м. и отчасти ср. р., например: *na Kaŭkázoj* ‘на Кавказе’, *v Novoros’ijskoj* ‘в Новороссийске’, *v Armav’iroj* ‘в Армавире’, *v M’inskoj* ‘в Минске’, *f tetom rokoj* ‘в этом году’, *v druhim domoj* ‘в другом доме’, *u kluboj* ‘в клубе’, *na házoi* ‘на газе’, *u másloj* ‘в масле’ (СКЧт); *na kun’ovu* ‘на коне’, *na tuk’ovu* ‘на току’, *f kutk’ovu* ‘в углу’, *na kum’irovu* и то же в русском соответствии данной лексемы *na varatnyčk’ovu* ‘на воротничке’, *pu řiliv’izorovu* ‘по телевизору’, *na s’alovy* ‘на сале’ (ВСУг). При этом если в ВСУг речь идет, несомненно, о продолжении западно-украинского развития²⁵, то в СКЧт указанное явление представляет собой независимую инновацию, которая не имеет опоры в северо-восточном чешском диалекте, хотя находит типологические параллели далеко за его пределами²⁶.

В глагольном словоизменении системное воздействие РЯО на чешские и польские переселенческие говоры привело к усилению действовавшей еще в исходных диалектах тенденции в области образования форм прошедшего времени и сослагательного наклонения. Речь идет об устранении форм вспомогательного глагола или производных от них личных показателей при употреблении личного местоимения в позиции подлежащего. В чешских говорах — особенно в СКЧн/а, реже в остальных идиомах — этот процесс затрагивает только формы 1-го л. ед. ч., в прошедшем времени — иногда также 1-го л. мн. ч. Ср. примеры (сохраняющиеся формы вспомогательного глагола подчеркнуты пунктиром):

а) прошедшее время — СКЧн/а, ед. ч. ***já tam n’ihdá nebil*** / *a videt řem je vid’el* ‘я там никогда не был, а видеть их видел’; ***já po n’emecki mluvil*** // *já řem mluvil n’emecki řiste* ‘я по-немецки говорил. . . я чисто говорил по-немецки’; *i vot já tam řod’il řsude* ‘и вот я там везде ходил’; ***já nevjed’el hdá řpát***, *hdá nespat* ‘я не знал, когда спать, когда не спать’; ***já tak se řtela***

²⁴ В северо-восточном чешском диалекте, с которым генетически связан СКЧт, также отмечаются редкие случаи употребления форм дат. п. ед. ч. с окончанием *-oj* у названий животных ср. р. типа *prasátkoj* ‘поросенку’ [ЛАМПРЕСНТ 1976: 89]. С другой стороны, носители ЗСП конструировали формы дат. п. ед. ч. с контаминированным окончанием *-oři* даже для существительных ср. р., обозначающих неживые объекты: *oknoři* ‘окну’, *ředroři* ‘ведру’. Подобные формы, впрочем, кажутся довольно искусственными.

²⁵ Ср., помимо [ЗАКРЕВСЬКА 1988: карта 181], примеры в одном из текстов на сайте издания “Над Бугом і Нарвою — Український часопис Підляшшя”: *хтось вирубав в пньови корито* ‘кто-то выдолбил в пне углубление’; *у 1945 рокови* ‘в 1945 году’ и др. [http://nadbuhom.pl/art_0149.html].

²⁶ Так, окончание *-oj* в дат. и местн. п. ед. ч. существительных всех (!) родов является одной из характерных морфологических особенностей восточнославяцкого земплинского говора, ср. местн. п. *na vozoi* ‘на возу’, *u domoi* ‘в доме’, *na drevoj* ‘на дереве’, *na okoј* ‘на глазу’, *o řestroј* ‘о сестре’ [ЃТОЛС 1994: 119].

podívat na ně 'я так хотела посмотреть на них'; *já už bila vdaná tadi* 'я уже была замужем тут'; *já dělala f sád'iku* 'я работала в детсаду'; *já na to vivalovala voči* 'я на это глаза выкатывала'; *mn'e dali les a s toho lesu já dělala dům svůj* 'мне дали лес, и я из этого леса строил свой дом'; *nu já zalezla* 'ну, я залезла'; *to už bila starší já* 'это я уже была старше'; мн. ч. *bil tam láger' takovej / Čeři bili zvlášč a mi bili zvlášč* 'там был такой лагерь, чехи были отдельно, и мы отдельно'; *a žili mi tadi nedaleko Borisofki / tam mn'eli dum* 'а жили мы недалеко от Борисовки, там имели дом'; ЗСЧ, ед. ч. *jak on řek // já už i zapomn'ela* 'как он сказал. . . я уже и забыла';

б) сослагательное наклонение — СКЧн/а *a já bi mox ešte jít* 'а я бы мог еще идти'; *nada bilo rači fkošili jít do tej vodi / já bi nebil pořezanej* 'надо было лучше в рубашке идти в воду, я бы не порезался'; *tak abi našla // abi já našla toho Frantíka* 'чтобы нашла, чтобы я нашла этого Франтика'; СКЧт *i zém choď bi já tam mn'eua* 'и землю хоть бы я там имела'; ЗСЧ *ti bi ses uoptala co na poli se delá a já bi ti řek* 'ты бы спросила, что в поле делают, я бы тебе сказала'; *uon bi duši za mn'e dal // nu / já bi / nad n'im nasmj'jalas* 'он бы душу за меня отдал. . . ну а я бы над ним посмеялась'.

Из этих форм в собственно чешских диалектах находят опору лишь формы прошедшего времени типа *já nevjedel. . . , mi bili. . .*, хотя некоторые из приведенных выше примеров показывают, что в плане сочетаемости (в том числе порядка слов) они в исследуемых говорах употребляются скорее по русскому образцу. Напротив, формы сослагательного наклонения типа *já bi řek* или *abi já našla* в придаточном предложении цели совершенно неизвестны диалектам в Чехии. Кроме форм 3-го л. ед. и мн. ч., форманту *bi* в них всегда сопутствуют личные показатели, производные от форм глагола 'быть', что, впрочем, в значительной степени сохраняется и в переселенческих говорах, ср. в СКЧн/а 1-е л. ед. ч. *χtela biχ českej slabikář* 'я бы хотела чешский букварь'; *χfel bise m si tadi votkrejt kafe nakí* 'я бы хотел тут открыть какое-нибудь кафе'; *dibisem mn'ela čas / dibisem vjedela že. . .* 'если бы я имела время, если бы я знала, что. . .'; *já bise m se rozeptala* 'я бы порасспросила'; 2-е л. ед. ч. *ted' bi si se zeptal* 'теперь бы ты спросил' и *ted' bis se ledasčeho / co zeptala* 'теперь бы ты о многом расспросила'; 1-е л. мн. ч. *bili bise m rád'i že sme votali živí* 'нам бы радоваться, что мы остались живы'; *mi do školi bise m to prodávali* 'мы бы это в школы продавали'; *jesli já χci / tak abise m přijeli* 'если я хочу, так чтобы мы приезжали'; 2-е л. мн. ч. *ted' biste si mohli k nám přijet* 'теперь вы могли бы к нам приехать'; *vot abiste takle ti d'eti drželi* 'вот чтобы вы так вот детей держали'; в СКЧт 1-е л. ед. ч. *χtela biχ / χtela* 'я хотела бы, хотела'; 2-е л. ед. ч. *jesli bi ti ses vzala za to* 'если бы ты взялась за это'; 1-е л. мн. ч. *mi bise m i psaly / mi bise m i mluvily pje kn'e* 'мы бы и писали, мы бы и говорили хорошо'; в ЗСЧ 1-е л. ед. и

мн. ч. *uot dibisem si vipila a bila bi tadi napárn'ice / mi bisme uám takovej išče koncert. . .* 'вот если бы я выпила и была тут напарница, мы мы вам еще такой концерт. . .'; 2-е л. мн. ч. *vot vi biste se u toho ešče uoptali* 'вот вы бы у него спросили'. Таким образом, формы 1-го л. ед. и мн. ч., в которых функцию личного показателя выполняет исключительно местоимение, возникли как кальки соответствующих русских форм. Интересно попытка носительницы ЗСЧ, исполнившей песню с двумя формами сослагательного наклонения, перевести ее на русский язык, причем вторую строчку она просто повторяет на родном говоре, но иначе, чем в песне: *Spíuála biḡ / neumím / plakat se mn'e neḡce / uāřila biḡ poliūku / nemám do n'i uējce. . .* Ну **нела бы** / не умею / а плакать мне не хочецца / **uāřila bi poliūku / nemám do n'i uējce** 'сварила бы суп, да нет для него яйца'. Влияние русской формы *нела бы* — даже без местоимения — на соседнюю чешскую *uāřila bi* не вызывает сомнений. Окационально по образцу русских форм сослагательного наклонения с опущенным местоимением в этом говоре появляются и другие формы с *bi* без личного показателя, например, 2-го л. ед. ч.: *vidiš / dalše dibis celoḡ písničku // ten smisl třeba bi to uḡit* 'видишь, если бы ты дальше всю песню. . . может, смысл бы и уловил'.

Аналогично в ЗСП и ВСП из распространенных здесь форм прошедшего времени и сослагательного наклонения без личных показателей, производных от глагола 'быть', от исходных польских диалектов могли быть унаследованы лишь формы 1-го л. ед. и мн. ч. С. Урбаньчик указывает, что на территории Польши существуют формы прошедшего времени типа *ja był* (а также *my byli*), но только *tyś był*, *vyśce byli*, в сослагательном же наклонении отмечает как возможный тип *ja by rob'ił*, во мн. ч. — *byliby my rob'ili* и т. п. [URBAŃCZYK 1984: 51–52]. Примеры таких форм из базового для ЗСП мазурского диалекта на его исходной территории: *ja še śnał* 'я смеялся'; *mibi ribóř ni neli* 'мы бы рыбы не имели'; *mi ḡcełi do Kotła* 'мы хотели в Котло'; *kebi tu klătka buḡa, to bi ja go uufičuu* 'если бы тут была клетка, то я бы его поймал' [NITSCH 1968: 293, 301, 325]. На этом фоне предложенные одной из носительниц ЗСП формы прошедшего времени глагола *pšuuć* 'полоть' *ja fcoraj pšuuća ogrut* 'я вчера полола огород', *mi fcoraj pšuući ogrut* 'мы вчера пололи огород' представляются продолжающими старое состояние. Инновацией, однако, следует признать формы 2-го л. ед. и мн. ч. с исключительно местоименными маркерами лица. Показателен ответ той же информантки на вопрос о форме 2-го л. мн. ч. прошедшего времени глагола *ḡz'íc* 'ходить': *uot m'ib'i mužili "v'i ḡz'ili?"* 'вот мы бы сказали "вы ходили?"'. Тем не менее, когда интервьюеры попросили ее построить фразу без местоимения, она образовала форму *ḡz'ilišta*. В ЗСП сохраняются также

другие формы прошедшего времени с реликтами вспомогательного глагола 'быть', ср. 1-е л. ед. ч. *koz'i dojić tros'k'e pšiv'ikuam* 'коз доить немного приучилась'; 2-е л. ед. ч. *coš'robžuu, jakeš'latau po guraχ* 'что ты делал, как бегал по горам'; 1-е л. мн. ч. *štiri lata pašlim te ofce* 'четыре года мы пасли этих овец' и т. п. Троякие формы сослагательного наклонения встретились в вариациях текста стихотворного приглашения на свадьбу, цитируемых разными жителями д. Знаменка: *ja vas prose na vesele, c'ob'išta // cob'iv'išta // cob'itak'e dobre b'ili / do nas jutro na vesele pšib'ili* 'я приглашаю вас на свадьбу, чтобы вы были так добры и прибыли к нам завтра на свадьбу'. Как видно из этого примера, в форме без глагольного личного показателя также и местоимение может быть опущено.

В ВСП формы прошедшего времени без глагольного показателя лица типа *jo plev'iu* 'я полол', *ty plev'iu* 'ты полол', *skošili vy šano* 'вы скосили сено', параллельные формам с показателями *-m* в 1-м л. ед. ч. и *-ś, -śće* или *-śše* во 2-м л. ед. и мн. ч., отмечают АНАНЬЕВА [2013а: 208] и Митренга-Улитина [MITRENGA-ULITINA 2015: 87–88]. Распространение форм первого типа обе исследовательницы связывают с влиянием РЯО, которое, впрочем, также и здесь могло лишь усилить тенденцию, начавшую действовать еще в исходных говорах. В пользу этого свидетельствовали бы и формы 1-го л. мн. ч. типа *pšyšli tu* 'мы пришли', явно старые, в которых показатель лица трудно однозначно идентифицировать как восходящий к форме глагола 'быть' или как местоимение (в более новых формах типа *tu zebraли* 'мы собрали' порядок слов диктует скорее вторую трактовку). То же относится к двояким формам сослагательного наклонения в ВСП: типы *jo bu χsou* (при *jo byt χsou*), *jagbytu žyli* (MU 83) могут быть исконными, но поддерживаемыми аналогией с рус. *я бы хотел, как бы мы жили*.

Так же, как в русском и польском языках, формант сослагательного наклонения 'бы', особенно в составе союза, вводящего придаточные предложения цели, в обоих островных польских говорах может сочетаться с инфинитивом: в ЗСП *pšij'eχali tutaj cob'i robžić* 'приехали сюда, чтобы работать', *čša byuo sob'e buduvać žimlanke žeby. . . to se na žime coš'vyryχtuvać* 'надо было строить себе землянку, чтобы. . . на зиму себе что-то приготовить' (MU 178) и т. п. Напротив, в чешских переселенческих говорах аналогичные конструкции представляют собой русизмы, не имеющие опоры в исходных диалектах; ср. в СКЧн/а *von dával taki zγno kon'ím / abi kγmit je* 'он и лошадям давал зерно, чтобы их кормить'; в СКЧт *tam bil ešče brát / abi se žen'it* 'там был еще и брат, чтобы жениться' (= собиравшийся жениться); в ЗСЧ *dedeček / ad'bi se na n'í žen'it / uon sm'en'il i v'eru* 'дедушка, чтобы на ней жениться, сменил и веру'. В последнем примере

из ЗСЧ несколько необычный союз цели содержит в первой части побудительную частицу *ať*.

В повелительном наклонении общей особенностью изучаемых говоров является утрата синтетических форм 1-го л. мн. ч., вытесняемых русского типа аналитическими формами с вспомогательным глаголом 'давать' во 2-м л. ед. или мн. ч. императива, например: ВСП *davaj pošukumu* 'давай поищем' (МУ 83); ЗСП *davajta še pomodl'im po nasymu* 'давайте помолимся по-нашему'; СКЧн/а *dávej babičku poprosíme* 'давай бабушку попросим'; ЗСЧ *dávejte uznáme něco* 'давайте что-то узнаем'. Специфическое употребление отмечено в СКЧт: *jeď domu i dávej buď doma* 'езжай домой и давай будь дома'.

Влияние РЯО во всех исследуемых говорах заметным образом сказывается также в функционировании категории способа глагольного действия и глагольного вида. При том что конкретные проявления этого влияния не везде совпадают, разные говоры — чешские, польские, а также ВСУг — демонстрируют в этом отношении поразительное сходство, причем в ряде случаев речь может идти об отражении особенностей непосредственно воздействующего на ту или иную группу говоров региолекта русского языка.

Так, значение начала действия или состояния в чешских говорах часто выражается префиксом *za-*²⁷, ср. в СКЧн/а *a tadi zastonal i umřel* 'а тут заболел и умер'; в СКЧт *a potom on tak zastonal* 'а потом он так заболел'; в ЗСЧ *vona zastonala / mn'ela takovou / bol'ezn'* 'она заболела, такая у нее была болезнь'; *druhej rás jak zaduje // celou nedeli* 'другой раз как задует — и всю неделю'. В соответствующих фазовых глаголах СВ и НСВ он, однако, был вытеснен префиксом *na-*, как в рус. *начать(ся) / начинать(ся)*, причем и возвратная частица употребляется в них так же, как *-ся* в русском языке. Интересно, что иногда такой глагол с префиксом *na-* выступает скорее эквивалентом рус. *стать / становиться*, ср. в СКЧн/а: *Češi načali rozjíždět se hdo kam* 'чехи начали/стали разъезжаться кто куда'; *diš já sem tam jela tenkrát / tak načala povídat* 'когда я в тот раз туда поехала, то начала/стала рассказывать'; *hdiš se vojna načala. . .* 'когда началась война. . .'; *tif tadi načal bejt* 'тут начался тиф'; *načalo to vrodě se vidět* 'вроде как стало видно'; в СКЧт: *a potom to načali se fšeckí strojit i načali fšechni druh druhu pomohat* 'а потом все начали строиться и стали друг другу помогать'; в ЗСЧ: *načali fšeckí jet / jet / ujíždět* 'все стали уезжать'; *tadi se načíná to kak ras cvíst* 'тут как раз начинает цвести'; *děti načali mín' i mín' bejt* 'детей становилось меньше и меньше'. В ЗСП соответствующие фазовые глаголы также получают

²⁷ Подробнее о калькировании русских приставочных глаголов СВ на материале СКЧн/а см. [Поляков 2014: 136].

префикс *na-*; при этом причастие на *-l*у глагола СВ образуется регулярно (*m'i tu nac'eli v Zn'am'ence z'ic' стали мы жить тут, в Знаменке*) или по образцу глаголов на *-non'c: fšistk'e nacneli. . . ujezzac' все стали уезжать* (подобное же образование зафиксировано в СКЧн/а: *i von'i nacnuli skompiju delat* 'и они начали заготавливать скумпию'). Вместе с тем в ЗСП под влиянием РЯО употребляется в качестве фазового также глагол *stač*, например: *on ujeħau s Polsk'i // fšistka nasa rožina staħa ujezzac'* 'он уехал из Польши, и вся наша семья стала уезжать'²⁸.

Антонимичный фазовый глагол СВ, обозначающий завершение действия, который тоже может быть возвратным, во всех исследуемых говорах под влиянием РЯО употребляется без префикса, ср. *taťinek muj jako končil ešče m'eščanku* 'папа мой окончил еще реальное училище'; *vojna ešče se nekončila* 'война еще не кончилась' (СКЧн/а); *končila sem školu / trošku sem pracovala* 'я окончила школу, немного поработала'; *a potom uš fs'o, roctvo se končilo* 'а потом уже всё, родство кончилось' (ЗСЧ); *a ona kon'c'ija škoce u mn'e i n'i nabraħa jeden baħ* 'а она у меня окончила школу и недобрала одного балла'; *ras ras i vn'et jus lato še kòn'c'i / i vn'et snova z'ima bynže* 'раз-раз — и уже лето кончится, уже снова зима будет' (ЗСП). С другой стороны, соответствующий глагол НСВ в обоих чешских говорах представляет собой новообразование с суффиксом *-va-*: в СКЧн/а *an'i se to ne. . . nekončivalo / furt to je. . . nekončívá se to* 'да это и не кончалось, всё время оно так, не кончается'; *a jak vaše učeník'i? von'i uš končívají / da?* 'а как ваши ученики? они уже заканчивают, да?'; в ЗСЧ и *mn'e je snoħa starší / vona // nu / po kul't'ur'e končivala* 'у меня старшая сноха, она по культуре заканчивала (институт)'. Здесь следует заметить, что функционирование этого и других глаголов НСВ часто

²⁸ Глаголы движения как в ЗСП, так и в ЗСЧ и СКЧт присоединяют заимствованный из русского языка префикс *u-*, выражающий пересечение границы отправного пункта, ср. в ЗСЧ *ujet* и *ujdit* (рус. *уехать*, *уйти*). В СКЧн/а в этом значении употребляется исконно чешский префикс (*v*)*od-*: *vodject, vodejít*; напротив, пересечение границы пункта назначения здесь достаточно последовательно выражает тот же префикс *za-*, какой выступает в этом значении — без дополнительных семантических оттенков — в южных областях территории распространения русского языка, например: *fšedesát vísmim zašli tanki naše* 'в шестьдесят восьмом вошли наши танки'; *diš sem Češi zajížd'eli / tak jim nařízli ze začátku zemn'e* 'когда чехи сюда приезжали, им сначала нарезали землю'; *a ten čas akorát fšecký i s Čex / i N'emci / fšeckí zasílali sem do Ruska delat* 'а как раз в то время всех из Чехии, и немцев — всех посылали сюда, в Россию, работать'; *diš N'emci už zastoupli / naše votstoupli* 'когда немцы уже вошли, наши отступили'. Впрочем, тот же префикс глаголы движения могут иметь и в ЗСЧ, например: *zajedeš tam / pustíš vajičko a ěono se pokatí aš semhle* 'выедешь вон туда,пустишь яичко — и оно докатится аж досюда'. Ср. в ВСУг: *jedn'aja muj'a zaľofka p'omerla. . . aja zašľa / ěl'iba napekľ'a* 'одна моя золовка умерла. . . а я пришла, хлеба напекла'; *zaj'izal'i s'ud'y / tre(ba) buľo k'inam'iy'an'ika vo ftoj ěup* 'приехали сюда — надо было кинемеханика вот в этот клуб'; *p'ef_š'ist' m'išk'i(ü). . . zanes'eš na ho'r'u i pust'avyš'* 'пять-шесть мешков отнесешь на чердак и поставишь'.

подчиняется закономерностям русского видоупотребления. В ряде случаев такой глагол, который ожидался бы в данном контексте в русском языке, образуется окказионально в речи носителей говора — естественно, на базе его собственных средств деривации, ср. в СКЧн/а: *tam druhí nevidr̥žuju* ‘другие там не выдерживают’.

Как в чешских, так и в польских говорах по русскому образцу распространилось нехарактерное для западнославянских языков употребление глаголов НСВ в так наз. общефактическом результативном значении. Часто это просто глаголы, заимствуемые из русского языка и адаптирующиеся в процессе освоения и образования пары НСВ к системе говора, в результате чего возникают новообразования гибридного характера. Ср. примеры: в СКЧн/а *a tadi zakrili hran'ici*. . . *a pak zas votkrejvali fkerím roku hran'ici?* ‘а тут закрыли границу, а потом опять — в каком году границу открывали?’ (в чеш. *otevřeli*, не *otevírali*); в ЗСЧ *projížděli tadi i proujeduvali mn'e / ja sem seděla na skam'ejce / uon'i mn'e proujeduvali*. . . *proujeduvat hodn'e proujeduji* ‘проезжали тут и проводывали меня, я сидела на скамейке, и они меня проводывали. . . проводывать меня часто проводывают’ (в чеш. *navštívili mě* ‘навестили’, не *navštěvovali* ‘навещали’, но *hodně mě navštěvují*); в ЗСП *uot tak'i ord'in / jigo v Moskve v'iz'ivali / un tam dostavau* ‘вот такой орден — его в Москву вызывали, он там получал’ (в польск. *wezwali, dostał* — не *wzywali, dostawał*); *po ukon'cen'u polsk'ej škoły ona postomp'ivać xcau f Polše* ‘по окончании польской школы она хотела поступать в Польшу’ (в польск. *wstąpić/zapisać się na studia*, не *wstępować/zapisywać się*, но *chciała zdawać egzaminu*) и т. д.

Под влиянием РЯО во всех переселенческих идиомах распространились глаголы с префиксом *po-*, относящиеся к делимитативному и дистрибутивному или дистрибутивно-кумулятивному способам действия. Хотя подобные глаголы известны также собственно чешским и в еще большей степени польским диалектам, в рассматриваемых говорах обе эти категории существенно пополнились новообразованиями, как это иллюстрируют избранные примеры ниже:

а) делимитативные глаголы в СКЧн/а *vona tam jeden s'ez'on po'učila* ‘она там один сезон поучила’; *drobet se pošlapu // i bóli / i bóli i bóli* ‘малость потопчусь — и болит. . .’; в СКЧт *trošku sme požili*. . . *i neužili sme se* ‘мы немного пожили (вместе) — и не сжились’; *tam maj co lydi pojíst / trošku uot uhosti* ‘там у людей есть что поесть, немного угостят’; в ЗСЧ *poxođili / poxođili // nu a pat'om ek jak*. . . ‘походили-походили, а потом как? . . .’; *vi tadi pobudete pár dn'i i budete po ruski mluvit* ‘вы тут побудете пару дней и будете по-русски говорить’ (чеш. *pobudete* имеет пердуративное значение ‘пробудете’);

б) дистрибутивные глаголы в СКЧн/а *na Ukrajinu je povisílali* ‘на Украину их повысылали’²⁹; *ono to poustýhalo* ‘оно повысыхало’³⁰; *já už sem to fšechno pozapomínala* ‘я уже всё позабывала’ (ср. в ЗСП *duzo co še pozabacauo* ‘многое позабывалось’, в отличие от чеш. *pozapomínat* и польск. *pozapominało/pozapomniało się* скорее с делимитативным значением); в СКЧт *potřilely druh druha* ‘поперестреляли друг друга’; *mn’ela sem dva bratři / цон’и ус poumíraly* ‘были у меня два брата, они уже поумирали’ (о двоих людях не вполне обычно); в ЗСЧ *z Záporožja popřijížděli* ‘из Запорожья поприезжали’; *fšecki poujížděli do Hermaňije* ‘все поуезжали в Германию’ — ср. в ВСП *tutej n’ikogo n’i ma / poujizžauy* ‘тут никого нет, поуезжали’ (МУ 111)³¹.

Подобные глаголы дистрибутивного СГД нередки в речи носителей ВСУг: *u m’amy bučo p’etero / p’eršy fs’i poumyr’ali* ‘у мамы было пятеро (детей), первые все поумирали’; *pat’om už’e. . . t’yi st’aršyji z’amuš povyχ’odyli* ‘потом уже старшие (сёстры) повыходили замуж’; *načel’i str’ojity / sus’t sub’i i toj sub’i. . . pustr’ojili dv’i χ’aty / tagže popereχ’odyli* ‘начали строить, сосед себе, и он себе. . . построили две хаты, так что попереходили (о двух семьях)’; *punaχ’odyli svuj’iχ r’octv’en’ikčf* ‘понаходили своих родственников’; *mn’yho lud’ej s’e puostav’alos’e* ‘много людей пооставалось’; *mn’yho tam poubyv’ali* ‘многих там поубивали’; *roskuu’ačili jix / puzabyr’ali fs’o* ‘раскулачили их, позабирали всё’.

Дистрибутивный префикс *po-* в большинстве случаев присоединяется к глаголу НСВ, изменяя его вид. Тем не менее встречаются также образования с префиксом *po-* от глагола СВ: например, в СКЧн/а *hodn’e jix pozemřelo* — букв. ‘много их поумерло’ (в современном чешском языке фиксируется редкий делимитатив *poumřelo* и дистрибутив *poumřeli*); в

²⁹ Аналогично в чешском говоре села Веселиновка Одесской обл. Украины: *popi kolik posoūd’ili tam, povisílali do tajy’i, tam to poumíralo* ‘попов сколько поосуждали там, повысылали в тайгу, там и поумирали’ [<http://www.ceskatelevize.cz/8080/ivysilani/1185258379-cesty-viry/206562215500015-obdarovani/titulky>]. При переводе примеров анализируемых здесь диалектных дистрибутивов условно используются их буквальные русские соответствия — безотносительно к употребительности/неупотребительности таких образований в литературном русском языке.

³⁰ Ср., однако, чеш. *Tři leta potom suchem i studně povysýchaly* ‘три года спустя от засухи даже колодцы повысыхали’ как архаичный регионализм в чешско-польском языковом пограничье [http://www.svkos.cz/data/xinha/docs/e_knihy/Polska_Ostrava_a_okolí.pdf].

³¹ Интересно, что соответствия глаголов, выступающих в примерах из СКЧн/а *von’i se porozjížděli* и ВСП *žečí teros porozjížžauy še* (МУ 111), которые напоминают кальки рус. *поразъезжались*, употребляются как в чешском языке (в ограниченной мере), так и в польском; между тем дистрибутивы, производные от однокоренных глаголов с префиксом *pří-/prz-*, если и существуют, то лишь в диалектах. Что касается дистрибутивов *poujížděli* (ЗСЧ), *poujizžauy* (Вершина), то префикс *и-* перед корнем выдает их русское происхождение (*поуезжали*).

ЗСП *zara ja tu pov'itše* 'сейчас я тут повытру/подотру' (с дистрибутивным либо также делимитативным значением); в ВСП *a ta možiš jak popšelyj-kuja še* 'а молодежь эта как поперепугалась' (МУ 111). В некоторых случаях дистрибутивный префикс *po-* усилен другим, кумулятивным префиксом *na-*³² либо даже удвоен, ср. в СКЧн/а *požili tam / ponasázei si co χteli* 'пожили там, понасажали что хотели'; *ponajíž'deli tam Armen'i* 'понаехали туда армяне' (при этом в чешском примере *pona-* присоединяется к корню префиксальных глаголов типа *přijíždět*, а не основного глагола); в ЗСП *kón'my san'i na gure vyvloko tud'y / a tedy še ponašadam'i p'euno i vn'is* 'на лошадях сани вытащат туда, наверх, и тогда мы понасядем(ся) в них до отказа — и вниз'; *a ot χto n'e muk n'ic robžic // guot / i popoun'erali* 'а вот кто не умел ничего делать, голод — и поумирали' (в польском диалектном образовании с удвоением *po-*).

Относя активизацию дистрибутивных образований с префиксом *po-* и тем более с двумя префиксами *pona-* и *poro-* в исследуемых переселенческих говорах за счет влияния РЯО, следует особо подчеркнуть, что высокая продуктивность таких моделей в русском языке представляет собой диалектное явление. Применительно к Сибири это отмечает, в частности, М. А. Харламова. Основываясь на материале как старо-, так и новожильческих говоров в Омской области, она приводит примеры глаголов, из которых лишь отдельные, типа *паубив'али*, достаточно широко функционируют в русском языке, большинство же относится к диалектизмам, например: *пов'ыползли* (от глагола СВ), *панав'аривают*, *понараскул'ачить*, *пополам'ать*, *попомер'еть* и т. д. [ХАРЛАМОВА 2014: 81–82, 86, 88–89]. Отсюда можно сделать вывод, что на активизацию этих образований в западнославянских переселенческих говорах Сибири, а также в ВСУг оказали влияние сибирские русские говоры как региональные варианты господствующего языка окружения.

4. Выводы

Подводя итоги, можно заключить, что динамика развития описываемых инославянских переселенческих говоров в России определялась и определяется значительной степенью открытости их систем по отношению к системе РЯО (в прошлом также других идиомов, с которыми они вступали в контакт), однако процесс этот нельзя назвать прямолинейным. Во всех этих говорах происходило и происходит постоянное "осциллирование" между усвоением элементов воздействующего языка и их адаптацией к своей системе. Это, как было показано во второй части статьи, затрудняет

³² Этот префикс может выражать кумулятивное значение и сам по себе, ср. в СКЧн/а: *yon'i tam potom nastrojili haraže* 'они там потом настроили гаражей'; в ЗСЧ: *já sem napouidala* 'я наговорила'.

синхронное описание фонологической системы таких говоров, порождая проблемы, многие из которых, по всей видимости, не имеют однозначного решения. Такова, в частности, трактовка статуса /v/ как звонкой шумной или сонорной фонемы в чешских говорах и в ВСУг или интерпретация колебаний в месте образования шипящих согласных при их возможном смешении с полумягкими и порой твердыми свистящими в ЗСП. В морфологии в результате частичного восприятия такими говорами исходящих от РЯО импульсов на некоторых участках системы может возникать своеобразное — притом хорошо сбалансированное — промежуточное состояние, которое не тождественно ни первоначальному в соответствующем говоре, ни состоянию в РЯО, что было продемонстрировано в третьей части статьи применительно к развитию категории одушевленности существительных. Иногда в переселенческих идиомах развиваются даже специфические инновации, например в распространении отдельных окончаний или в сфере суффиксальной деривации при выражении СГД.

Смешанный характер обследованных переселенческих говоров в России не подлежит сомнению — как и то, что говоры эти постепенно исчезают. Тем более факт сохранения и дальнейшего развития этих говоров в течение более века после переселения предков их современных носителей, притом в отнюдь не легких, а зачастую просто трагических обстоятельствах, заслуживает признания и увековечения.

Библиография

АНАНЬЕВА 1994

АНАНЬЕВА Н. Е., *История и диалектология польского языка*, Москва, 1994.

——— 2013а

АНАНЬЕВА Н. Е., “Морфология глагола в польском говоре деревни Вершина Боханского района Иркутской области”, in: Л. Э. Калнынь, ред., *Исследования по славянской диалектологии*, 16, Москва, 2013, 203–210.

——— 2013б

АНАНЬЕВА Н. Е., “Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом”, in: А. М. Молдован, С. М. Толстая, ред., *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации*, Москва, 2013, 467–478.

БОРИСОВА 2005

БОРИСОВА О. Г., *Кубанские говоры: материалы к словарю*, Краснодар, 2005.

БЮТОВ 2011

БЮТОВ Э., “100-летие Пихтинска в Восточной Сибири и реформы Столыпина”, in: Ю. Лыхин, ред., *История, этнография, архитектура переселенческих сел периода столыпинской реформы. Материалы научно-практической конференции 3 июля 2008 г., пос. Залари Иркутской области*, Иркутск, 2011, 28–56.

ДУРНОВО 1969

ДУРНОВО Н. Н., *Введение в историю русского языка*, Москва, 1969.

- ЗАКРЕВСЬКА 1988
ЗАКРЕВСЬКА Я. В., ред., *Атлас української мови*, 2, Київ, 1988.
- ЗАЛЕСЬКИЙ 2001
ЗАЛЕСЬКИЙ А. М., ред., *Атлас української мови*, 3/3, Київ, 2001.
- ПОЛЯКОВ 2014
ПОЛЯКОВ Д. К., "Интерференционные процессы и гибридизация в переселенческих говорах", in: Н. В. Злыднева, ред., *Гибридные формы в славянских культурах*, Москва, 2014, 132–147.
- ПУКИШ 2010
ПУКИШ В. С., *Чехи Северного Кавказа: годы и судьбы. 1868–2010*, Ростов-на-Дону, 2010.
- СКОРВИД 2014
СКОРВИД С. С., "Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири", *Славяноведение*, 1, 2014, 44–58.
- 2016
СКОРВИД С. С., "О некоторых просодических особенностях говора потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе", in: М. В. Ослон, ред., *Балто-славянская акцентология: Материалы VII международного семинара*, Москва, 2016, 142–158.
- ХАРЛАМОВА 2014
ХАРЛАМОВА М. А., *Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация*, Омск, 2014.
- VALHAR 2002
VALHAR J., red., *Český jazykový atlas*, 4, Praha, 2002.
- 2005
VALHAR J., red., *Český jazykový atlas*, 5, Praha, 2005.
- BĚLIČ 1972
BĚLIČ J., *Nástin české dialektologie*, Praha, 1972.
- DEJNA 1993
DEJNA K., *Dialekty polskie*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1993.
- GŁUSZKOWSKI 2012
GŁUSZKOWSKI M., "Bilingwizm z dyglosją w sytuacji wyspowej. Polska wieś Wierszyna na Syberii," in: M. KORYTKOWSKA ET AL., ed., *Z polskich studiów slawistycznych*, 12: *Językoznawstwo* (= Prace na XV Międzynarodowy Kongres Slawistów w Mińsku 2013), Warszawa, 2012, 45–51.
- LAMPRECHT 1976
LAMPRECHT A. ET AL., *České nářeční texty*, Praha, 1976.
- LEOŃCZYK 2013
LEOŃCZYK S., "Mazurskie wioski na południu Syberii. 120 lat osadnictwa," *Rodacy. Pismo syberyjskie Kongresu Polaków w Rosji*, 2 (60), 2013, 22–25.
- MITRENGA-ULITINA 2015
MITRENGA-ULITINA S., *Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii*, Lublin, 2015.
- NITSCH 1968
NITSCH K., *Wybór polskich tekstów gwarowych*, Warszawa, 1968.
- STIEBER 1956
STIEBER Z., *Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich z wyborem tekstów gwarowych*, Warszawa, 1956.
- STUPIŃSKI 2009
STUPIŃSKI E., "Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska," in: S. GALA ET AL., ed., *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*, 54, Łódź, 2009, 197–204.

ŠTOLC 1994

ŠTOLC J., *Slovenská dialektológia*, Bratislava, 1994.

URBAŃCZYK 1984

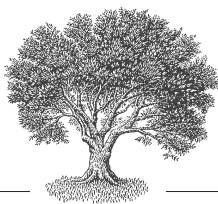
URBAŃCZYK S., *Zarys dialektologii polskiej*, Warszawa, 1984.

References

- Ananyeva N. E., *Istoriia i dialektologiiia pol'skogo iazyka*, Moscow, 1994.
- Ananyeva N. E., "Morfologiiia glagola v pol'skom govore derevni Verzhina Bokhanskogo raiona Irkutskoi oblasti," in: L. E. Kalnyn', ed., *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, 16, Moscow, 2013, 203–210.
- Ananyeva N. E., "Tipologiiia pol'skikh govorov Sibiri i rezul'taty ikh kontaktov s russkim idiomom," in: A. M. Moldovan, S. M. Tolstaya, eds., *Slavianskoe iazykoznanie. XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk, 2013 g. Doklady rossiiskoi delegatsii*, Moscow, 2013, 467–478.
- Balhar J., red., *Český jazykový atlas*, 4, Praha, 2002.
- Balhar J., red., *Český jazykový atlas*, 5, Praha, 2005.
- Bělič J., *Nástin české dialektologie*, Praha, 1972.
- Borisova O. G., *Kubanské govory: materialy k slovari*, Krasnodar, 2005.
- Byutov E., "100-letie Pikhhtinska v Vostochnoi Sibiri i reformy Stolypina," in: Yu. Lykhin, ed., *Istoriia, etnografiia, arkhitektura pereselencheskikh sel perioda stolypinskoi reformy*, Irkutsk, 2011, 28–56.
- Dejna K., *Dialekty polskie*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1993.
- Durnovo N. N., *Vvedenie v istoriiu russkogo iazyka*, Moscow, 1969.
- Głuszkowski M., "Bilingwizm z dyglosją w sytuacji wyspowej. Polska wieś Wierszyna na Syberii," in: M. Korytkowska et al., ed., *Z polskich studiów slawistycznych*, 12: *Językoznawstwo* (= Prace na XV Międzynarodowy Kongres Slawistów w Mińsku 2013), Warszawa, 2012, 45–51.
- Kharlamova M. A., *Konstanty narodnoi rechemysli i ikh leksikograficheskaia interpretatsiia*, Omsk, 2014.
- Lamprecht A. et al., *České nářeční texty*, Praha, 1976.
- Leończyk S., "Mazurskie wioski na południu Syberii. 120 lat osadnictwa," *Rodacy. Pismo syberyjskie Kongresu Polaków w Rosji*, 2 (60), 2013, 22–25.
- Mitrenga-Ulitiņa S., *Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii*, Lublin, 2015.
- Nitsch K., *Wybór polskich tekstów gwarowych*, Warszawa, 1968.
- Polyakov D. K., "Interferentsionnye protsessy i gibridizatsiia v pereselencheskikh govorakh," in: N. V. Zlydneva, ed., *Gibridnye formy v slavianskikh kul'turakh*, Moscow, 2014, 132–147.
- Pukish V. S., *Chekhi Severnogo Kavkaza: gody i sud'by. 1868–2010*, Rostov-na-Donu, 2010.
- Skorvid S. S., "Czech Migrant Dialects in the Northern Caucasus and in Western Siberia," *Slavianovedenie*, 1, 2014, 44–58.
- Skorvid S. S., "O nekotorykh prosodicheskikh osobennostiakh govora potomkov cheshskikh pereselentsev na Severnom Kavkaze," in: M. V. Oslon, ed., *Balto-slavianskaia aktsentologiiia: Materialy VII mezhdunarodnogo seminara*, Moscow, 2016, 142–158.
- Stieber Z., *Zarys dialektologii języków zachodniosłowiańskich z wyborem tekstów gwarowych*, Warszawa, 1956.
- Stupiński E., "Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska," in: S. Gala et al., ed., *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*, 54, Łódź, 2009, 197–204.
- Štolc J., *Slovenská dialektológia*, Bratislava, 1994.
- Urbańczyk S., *Zarys dialektologii polskiej*, Warszawa, 1984.
- Zakrevs'ka Ya. V., ed., *Atlas ukraïns'koï movy*, 2, Kiev, 1988.
- Zales'kyi A. M., ed., *Atlas ukraïns'koï movy*, 3/3, Kiev, 2001.

доц. Сергей Сергеевич Скорвид, канд. филол. наук
 Российский государственный гуманитарный университет,
 Институт филологии и истории, и. о. зав. кафедрой славистики
 и центральноевропейских исследований
 125047 Москва, ул. Чайнова, д. 15 к. 7
 Россия/Russia
 slavcenteur@gmail.com

Received August 2, 2016

Образ Византии
в романе
В. А. Каверина
“Перед зеркалом”

The Image
of Byzantium
in the Novel
In Front of the Mirror
by Veniamin Kaverin

Ася Вадимовна Кулакова

Национальный исследовательский
университет “Высшая школа
экономики”
Москва, Россия

Asia V. Kulakova

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

Резюме

Настоящая статья посвящена исследованию образа Византии в романе В. А. Каверина “Перед зеркалом”, в основу которого легла многолетняя переписка между советским математиком Павлом Безсоновым и художницей-эмигранткой Лидией Никаноровой. Отмечается близость христианской метафоричности и религиозной рефлексии, которые Каверин приписывает художнице 20-х годов, образному и идейному ряду, характерному для эпохи самого Каверина и его современников. Сама идея обращения к Византии Каверинным не выдумана: в действительности реальная Никанорова неоднократно возвращается к византийской теме в своих письмах, однако само представление о Византии и роль, отведенная ей, в реальной переписке кардинально отличается от того, что читатель находит в романе. Основываясь на сравнении комплекса идей и метафор, связанных с Византией в реальной переписке, сохранившейся в личном архиве Каверина, и в романе, а также на других источниках, которыми пользовался писатель, мы надеемся показать, что византийский мотив в романе не только не заимствован Каверинным из переписки, но почти полностью является продуктом авторской фантазии. В статье также показано, что абстрактный образ Византии хотя и обусловлен во многом идейными настроениями советской интеллигенции 60-х годов, тем не менее оказывается в первую очередь воплощением автобиографических ассоциаций.

Ключевые слова

образ Византии, прототип, русская советская литература, история идей, русская эмиграция, обращение к христианству

Abstract

Veniamin Kaverin's novel *In Front of the Mirror*, which was published in 1972, is based on the actual correspondence between the Soviet mathematician Pavel Bezsonov and the painter Lidia Nikanorova, which Bezsonov handed over to the writer. It is clear even from a superficial comparison that there is a large discrepancy between the source material and the text of the novel; moreover, it is evident upon a closer view that descriptive and ideological features that are connected with Christianity and Byzantium in the novel are close to the ideas and imagery that were typical for Kaverin's contemporaries. From the perspective of the comparison between the text of the correspondence and the novel's text, this paper attempts to show that the image of Byzantium in the novel is not similar to its image in the correspondence. Through an analysis of metaphors, images, and ideas connected with Byzantium in these texts, I intend to show that the image of Byzantium in the novel *In Front of the Mirror* is not only determined by the public sentiment of this period, specifically, by the second wave of the Soviet intelligentsia's conversion to Christianity, but that it is also extremely personal and based on autobiographical experience.

Keywords

image of Byzantium, prototype, Soviet Russian literature, history of ideas, Russian emigration, the conversion to Christianity

В архиве Вениамина Александровича Каверина хранится огромное количество материалов, собранных им для своих произведений: письма, воспоминания, протоколы, автобиографии. В "Очерке работы" Каверин сам отмечает за собой склонность к документальной работе: "В юности, занимаясь древней русской литературой, я проводил целые дни в архивах, и с тех пор чувство острого интереса к тайне неопубликованной рукописи не покидало меня" [КАВЕРИН 1999: 23]. В 1962 году математик Павел Безсонов передал Каверину свою переписку с художницей Лидией Никаноровой, эмигрировавшей сначала в Константинополь, а затем в Париж. Спустя год Каверин приступает к работе с этими письмами, которые потом лягут в основу романа "Перед зеркалом", опубликованного в 1972 г. В послесловии нарратор говорит, что дополнил письма только тем, что узнал о Никаноровой и Безсонове в процессе подготовки текста, и несколькими сценами, "пользуясь правом романиста" [ИДЕМ 1982: 307]. Однако в самом ли деле "право романиста" ограничилось несколькими сценами? Ниже мы сравним тот образ Византии, который встает на страницах книги, с тем, что существует в реальной переписке, попавшей в

руки Каверина, и, исходя из этого, попробуем понять, какое представление о Византии хотел Каверин создать у своего читателя.

Исследователи обращались к роману “Перед зеркалом” неоднократно. Так, Э. Я. Фесенко анализирует образ Лизы Тураевой как образ Художника и романтического персонажа, для которого важна идея двоемирия, выявляя в ее творческих взглядах отражение взглядов самого автора [ФЕСЕНКО 2006: 86]. Проблеме экфрасиса в романе посвящены несколько работ Е. А. Постниковой [2011А; ЕАДЕМ 2011Б], однако она не анализирует описания произведений византийского искусства, которым в романе отведена немаловажная роль. В. Н. Тумарь [2009] рассматривает персонажей романа, сопоставляя их с прототипами. С этой же целью обращаются к роману Б. Б. Попова и М. В. Ломовская, при этом в основном фокусе их исследования оказываются именно реальные исторические персонажи, а не герои романа [Попова 2009; Ломовская 2011]. М. В. Ломовская опубликовала часть писем Никаноровой к Безсонову, прокомментировав их [ЕАДЕМ 2016]. При том что исследователи, как правило, отмечают интерес Лизы (и ее прототипа) к византийскому искусству, никто не останавливался специально на изучении образа Византии у Лизы Тураевой или у Лидии Никаноровой. Нет и специальных работ, которые бы касались представлений о Византии как в русской эмиграции начала и середины XX века, так и у самого Каверина.

Роман “Перед зеркалом” написан в редком для XX века жанре эпистолярного романа и рассказывает о любви Лизы Тураевой и Кости Карновского. Познакомившись на гимназическом балу, герои за всю жизнь встречаются всего несколько раз, однако переписку ведут почти всю жизнь. В 1920 г. Лиза уезжает в Константинополь с надеждой попасть в Париж, где она оказывается только в 1923 г. Находясь в Константинополе, она много работает над эскизами византийских мозаик. Однако увлечение ее византийским искусством начинается еще до Константинополя: уже в Петрограде она читает книги по византийскому искусству, посещает лекции византиниста Ф. И. Успенского, увлекается иконописным началом в современной живописи. Интересно, что увлечение героини Византией — единственная черта, которая выделена Кавериным, когда он описывает свою работу над романом. Более того, он не только отмечает в ней эту черту, но еще и ассоциирует ее со своим личным опытом: “Я вспомнил, что образ Византии впервые возник передо мной очень давно, в начале двадцатых годов, когда я был студентом Ленинградского университета” [КАВЕРИН 1999: 25]. Учитывая, что, как замечает Э. Я. Фесенко, “автобиографизм и автопсихологизм — неотъемлемые качества поэтики В. Каверина” [ФЕСЕНКО 2006: 86], а особенно то, что Лиза — в первую очередь творческий человек, чьи взгляды

на искусство сближаются со взглядами автора, можно сделать вывод, что автор отводил Византии важную роль.

Значение Византии меняется для художницы в разные периоды ее жизни. Впервые образ Византии появляется в романе не в письмах, а в авторской ремарке [КАВЕРИН 1982: 68–69]: Лиза слушает лекцию профессора-византиниста Ф. И. Успенского [БАСАРГИНА 1995: 52] в Петроградском университете. Византия здесь — нечто очень неопределенное, размытое, построенное скорее на ощущениях, чем на конкретных образах.

Позднее с Византией героиня сравнивает и Ялту, попанную немцами; немцы сопоставляются с иноверцами, погубившими империю. В захваченной немцами Ялте Византия впервые станет для Лизы “вечным искусством”, “Источником Духа” и символом ухода от реальности [КАВЕРИН 1982: 111]. Большая часть размышлений о Византии приходится на пребывание Лизы в Константинополе. Общая черта немцев и турок состоит, по ее мнению, в том, что они не ценят искусство и находятся на низком культурном уровне: турки плохи тем, что изуродовали Святую Софию, превратив ее в мечеть, и тем, что не дают возможности художникам работать с византийскими мозаиками в мечетях.

Современная Турция противопоставлена былой Византии по уровню развития искусства и культуры: “мертвое, необыкновенное” [КАВЕРИН 1982: 115] искусство Византии противопоставлено полному отсутствию искусства турецкого; пестрота и суэта стамбульских рынков — вечным развалинам древнего Константинополя, скрытого за ними. Символ этого противостояния — Кахрие-Джами, византийская церковь Хора, где почти полностью сохранились мозаики XIV в. [UNDERWOOD 1967]; здесь властвуют тишина, строгость и глубина, тогда как пространство города связано с суестью, пестротой и поверхностными ощущениями.

Для главной героини Византия — уход, с одной стороны, и поиск — с другой. Своей противопоставленностью современности Византия заставляет Лизу отвлекаться от жуткой реальности, которая ее окружает. При этом уход в живопись осмысливается ею как религиозное служение и сопоставляется с подвижничеством: произведения византийского искусства становятся для героини способом совершенствовать свою изобразительную технику.

После переезда Лизы в Париж для нее снижается важность Византии как духовного символа, но резко увеличивается ее художественное значение.

Первое упоминание Византии в Лизиных письмах — это впечатление от глаз на иконах из книги французского византиниста Шарля Диля [WIRTH 1974]: Лизу поражают “широко открытые глаза, эти танцующие фигуры, эти дивные, как бы неловкие позы, эти ломающиеся складки

одежды на длинных телах” [КАВЕРИН 1982: 83]. Постепенно из этого конкретного визуального образа Византия становится абстрактным концептом, набором идей, которые оказываются частью внутренних исканий художницы. Даже когда Лиза обращается к византийскому искусству для того, чтобы найти в этой живописи нечто новое для себя, она никогда не имеет ввиду простое подражание технике или стилизации — но еще и духовное переосмысление искусства, в противоположность одному из своих возлюбленных — художнику Гордееву, который понимает обращение к византийским образцам как техническую имитацию [ibid.: 154].

В Париже Лиза заканчивает серию картин, связанных с Византией. С этого времени о Византии она говорит чаще всего в связи с ними и называет их “моя Византия” [КАВЕРИН 1982: 148, 150, 162, 218]. Теперь “ее Византия” окончательно отрывается от своей исторической реальности и становится исключительно совокупностью некоторых личных впечатлений героини, ее собственным опытом работы с византийским искусством и тем отпечатком, который оно оставило в ее работах. При этом Лиза сама до конца не знает, что стоит за этим образом. Так, например, она пишет Карновскому, что Матисс угадал в ее картинах на выставке следы Византии, хотя она до его замечания их там не видела [ibid.: 218]. Если собрать воедино понятия, которые связываются с этой субъективной “Византией”, то получится, что главные ее черты — это изломанность форм, неестественность изгибов и линий, отвлеченность от современности, одухотворенность (или религиозность), строгость, чистота и печаль. “Византия” — это нечто отвлеченное и абстрактное, однако облеченное в определенные визуальные образы. Цветовая гамма Византии в романе — это теплые цвета, связанные со светом и горящими свечами, самый часто упоминаемый из этих цветов — золотой. Основная характеристика красок византийских произведений искусства для Лизы — невозможность их определить, их оттеночность, неоднозначность, недаром автор пользуется эпитетом *мерцающий* для их описания.

||

В “Очерке работы” Каверин замечает, что профессор Р., то есть Безсонов, привез ему три подшивки писем художницы Лидии Андреевны Никаноровой, с которой он вел переписку. Позднее Безсонов однажды приехал к нему, так как Каверин просил его рассказать, что он знал о Никаноровой, а затем сам Каверин был у Безсонова, поскольку хотел посмотреть ее картины [КАВЕРИН 1999: 23]. Однако в фонде Каверина в Российском государственном архиве литературы и искусства (далее — РГАЛИ) нет писем Никаноровой 1914–1925 гг. — как раз того времени,

которое она провела в Ялте и Константинополе. Там, однако, хранятся письма Безсонова 1921–1928 гг., то есть они частично покрывают тот период, когда отсутствуют письма Никаноровой, а также письма 1920–1922 гг. к Безсонову драматурга С. А. Найденова¹, с которым художница поддерживала тесные отношения в Ялте [РГАЛИ-1]. Можно было бы предположить, что письма самой Никаноровой имелись у Каверина, а впоследствии были утеряны или уничтожены, но не меньше оснований подозревать, что Каверин в своем автобиографическом рассказе несколько исказил факты. Во-первых, поскольку писатель не упоминает о том, чтобы Безсонов передавал ему какие-то письма позднее, то очень вероятно, что три разные подшивки и есть письма трем разным адресатам: Безсонову, Найденову и Никаноровой. На письмах 1926–1935 гг. сохранился титульный лист, на котором написано: “Часть III” [РГАЛИ-2: 29]. Тем самым вполне логично предположить, что письма хранились в архиве Каверина в едином деле. Первая часть — письма Никаноровой до 1914 г., вторая часть — письма Безсонова к Никаноровой и, наконец, третья — письма Никаноровой с 1926 по 1935 г. При формировании фонда в РГАЛИ они были распределены по персоналиям: письма Никаноровой были помещены в одно дело, а письма Безсонова — в другое. Еще один аргумент в пользу этой гипотезы связан с тем, что та часть романа, которая охватывает период, не задокументированный письмами Никаноровой, отличается от всего остального текста: именно здесь письма Лизы Тураевой максимально полно отвечают на реальные письма Безсонова к Никаноровой. Каверин весьма последовательно идет за текстом реальных писем Безсонова, на их основе выстраивая возможные ответные письма Никаноровой, тогда как на протяжении всего остального романа автор очень вольно обходится с текстом писем. Вполне возможно, это связано с тем, что Каверин сам сочинял письма Лизы Тураевой, опираясь на ответы Безсонова, тогда как готовые письма требовали бы более трудоемкой работы по их переосмыслению и большего их редактирования для соответствия авторскому замыслу.

Обозначив круг архивных источников Каверина, можно перейти непосредственно к их анализу и сопоставлению с романом. Каверин писал, что во время работы над романом “Перед зеркалом” на его рабочем столе “появились книги, и в частности о византийском искусстве, которым занималась моя героиня” [КАВЕРИН 1999: 25]. В этом замечании стоит обратить внимание на две вещи. Во-первых, из всех увлечений Никаноровой искусством Каверин упоминает именно о Византии. Во-вторых, стоит остановиться на том, какие книги это могли быть: какие книги упоминает Никанорова в письмах, а какие — Каверин в романе.

¹ О нем см.: [КАЗАКОВА, ЛИТВИНОВА 1999].

Книга Диля о Византии, которую прочла Лиза и которая поразила ее репродукциями [КАВЕРИН 1982: 83], ни разу не упоминается в письмах Никаноровой. С другой стороны, сама она в письмах неоднократно упоминает историка европейского средневекового искусства П. П. Муратова: “Это, конечно, 15 лет тому назад написанное, но оно совершенно устарело. Он даст тебе полное понятие о школах” [РГАЛИ-2: 46]. Никаноровой важна та часть византийского искусства, которая находится в Италии, и вообще итальянское искусство, Каверину же интереснее связь Византии с Русью.

Положение Никаноровой в научной среде рисуется из ее переписки тоже совсем иным, чем у героини Каверина. Никанорова — часть французского ученого цеха. Так, французский византист Габриэль Милле неоднократно предлагает ей делать доклад в рамках курсов, посвященных Византии, которые он ведет в Сорбонне [РГАЛИ-2: 99]. Каверин лишает свою героиню этой части биографии, видимо, чтобы усилить ощущение ее одиночества и ненужности за границей.

Что реальная Никанорова думала и чувствовала в Стамбуле — нам не дано узнать. В сохранившейся части своей корреспонденции она впервые затрагивает византийскую тему, описывая выставку средневекового искусства в Париже [РГАЛИ-2: 32]. Упоминание об этой выставке есть и в книге, но там ей посвящен один небольшой абзац [КАВЕРИН 1982: 190–191], где не сказано ничего о том, что там были произведения византийского искусства, тогда как реальная Никанорова в своем письме дает довольно подробный отчет об этой выставке [РГАЛИ-2: 32–33], акцентируя внимание не на своих эмоциональных впечатлениях, а на деталях, важных с точки зрения искусствоведения. При этом средневековье для Никаноровой оказывается неким единым “церковно-рыцарск[им] средневековье[м]”, частью которого является Византия, а византийское искусство, в свою очередь, неотделимо для нее от античной традиции [ibid.: 32]. При этом если для Лизы “византийское искусство” представляет собой некоторое неделимое целое с набором постоянных характеристик, то Никанорова разбивает византийскую живопись на определенные периоды и каждый из них представляет по-разному. Периодизация материала — не единственное, в чем Никанорова демонстрирует научный, рассудочный подход к византийскому искусству. В одном из писем она последовательно излагает концепцию о трех расцветах византийского искусства и об их чередовании с периодами упадка. Именно эта концепция, согласно Муратову, в это время являлась общим местом в тогдашней византистике, и именно над ней среди прочего работали Милле и Диль [Муратов 2000: 170]. Подробно Никанорова останавливается только на первом периоде расцвета, для которого, по ее мнению,

характерны “утонченный вкус и сложная техника, богатство красок, заимствование у Востока” [РГАЛИ-2: 185]. Остальные периоды расцвета она не описывает, зато включает эту периодизацию в исторический контекст. Такой подход полностью противоположен тому, который мы видим у героини романа.

Когда Никанорова описывает еще одну византийскую выставку, проходящую в Париже, то мельком касается и отношения к Византии в обществе, и проблем ее изучения. Она пишет:

Археологические исследования все более подтверждают и освобождают от предрассудков, что это искусство не “мертвое”, повторяемое на протяжении тысячелетия. Теперь уже всем ясно, что это искусство имело свою жизнь, временами пышную и упадочную [РГАЛИ-2: 185].

Очевидно, что эта ровно та проблема, которая волнует Муратова в статье “Византийская живопись”: “Немудрено, что история византийской живописи была до сих пор всегда скорее теорией византийской живописи, менявшейся смотря по тем умозаключениям, для коих давало повод наличие известных ее памятников” [Муратов 2000: 155]. Никанорову волнуют не только проблемы современного византиноведения, но и общественное отношение к Византии. Так, в 1931 г. она отмечает, что интерес к Византии возрастает, а до этого она же сетует на то, что русских совсем не интересует изучение Византии [РГАЛИ-2: 185].

Иным оказывается и отношение Никаноровой к Турции. Она не испытывает отвращения ни к самим туркам, ни к турецкому как чему-то, что противостоит византийской культуре. Когда она думает об изменениях, произошедших в Турции вследствие преобразований Ататюрка, она даже сожалеет о том, что Константинополь потерял свой колоритный облик. Противопоставление обыденной современности и сакральной древности ей чуждо.

Что же касается важных для романа религиозных мотивов, то оказывается, что в письмах Никаноровой они очень редки, зато довольно много их в письмах Безсонова и Найденова, но нигде не просматривается их связи с Византией. Вместо христианских метафор, которых в романе очень много, в письмах оказываются античные сравнения и представление о судьбе как о роке (например: “У меня есть любимое дело, я люблю, любима, у меня есть прекрасная дружба [. . .] Нет, мне страшно! Боги завистливы” [РГАЛИ-2: 150]), что исключает ассоциации с Византией. Нет здесь и сравнений с образами святых. В романе Лиза может сравнивать реальных людей с иконописными ликами [КАВЕРИН 1982: 130, 138], но в письмах ничего подобного нет: все это оказывается изобретением Каверина.

В романе “Перед зеркалом” христианская эстетика выражена в описании богослужения (детское воспоминание Лизы [КАВЕРИН 1982: 72]) и в религиозной живописи, то есть именно в том, в чем, например, Безсонов отрицает ее:

В христианстве есть свой эстетизм. И конечно, это не тот эстетизм, который в пасхальную заутреню влечет в церковь смотреть на трогательно напряженные лица девушек, когда они освещены дрожащим светом свечи, глаза углубляются, а нежные тона одежд оттеняют цвет кожи. И это не тот, что дал величайшее создание христианских художников, по существу язычников [РГАЛИЗ: 98].

“Дрожащий свет”, внимание к цветам, акцент на глазах — все это сближает этот пассаж из письма с романном описанием службы, которую вспоминает Лиза, но только с одним отличием: с точки зрения Каверина и вопреки Безсонову, в этом и заключена сущность христианской эстетики.

Отсутствует в письмах и мотив ухода от реальности. В отличие от романа, где Лиза окружена страданием, единственными просветами в котором ей представляются Костя и живопись, письма Никаноровой не пропитаны страданием, даже наоборот — они в большинстве своем счастливые. В романе героиня осмысляет свой уход в живопись как подвижничество (мотив ухода от реальности Каверин заимствует из письма Безсонова к Никаноровой [РГАЛИ-3: 31]), но сама Никанорова в таких понятиях о себе не мыслит. Вообще церковная атрибутика в письмах никаким сакральным ореолом не обладает, так что описания ликов на иконах и сцены богослужения полностью придуманы самим Каверинным [1982: 72, 130, 138]. Для него образ монастыря связан с мудростью, строгостью, это образ возвышенный и важный [ibid.: 109], Никанорова же и Безсонов иногда позволяют себе иронизировать над религиозными атрибутами и чувствами. На примере эпизодов, которые Каверин очень близко к тексту переносит из писем в роман [ibid.: 166, 252], можно заметить, что писатель убирает иронию и комизм из изображения религиозных реалий. Один из таких эпизодов — это описание Лизой предпасхальной процессии на Корсике: Никанорова с комизмом описывает вид этой процессии в дневное время [РГАЛИ-2: 158], в романе же комичных черт в этой сцене вовсе нет.

Роль Византии в творчестве Никаноровой — исключительно техническая, а не метафизическая, как для Тураевой. Каверин представляет свою героиню ищущей что-то неуловимое, нечто, что нельзя передать словами, тогда как творческий поиск подлинной Никаноровой связан с техникой. Невнимание к технике в современных ей живописных течениях она воспринимает негативно [РГАЛИ-2: 61, 181].

География византийского мира для Никаноровой шире и подробней, чем для Тураевой. Для Лизы вся Византия сосредоточена в Константинополе, даже скорее в одном из его храмов — Кахрие-Джами (совсем редко она вспоминает и про Святую Софию [КАВЕРИН 1982: 121, 129], которую за все свое пребывание в городе, видимо, так и не посетила). Никанорова же не ограничивается Константинополем: не менее важные для нее памятники византийского искусства — Мистра [РГАЛИ-2: 182] и особенно Равенна [ibid.].

Италия вообще играет в письмах очень большую роль, тогда как в романе ее почти нет. Эта страна для Никаноровой оказывается не менее (если не более) важной, чем Франция. Из Константинополя она хочет уехать именно в Италию, но это у нее не выходит, и тогда она отправляется в Париж в надежде попасть в Италию оттуда. Идеи пути художницы, выстроенного в романе (из России в Париж через Константинополь), в письмах нет. Константинополь не является здесь ступенью между Россией и Парижем на пути в искусстве. Похожую, однако, схему предлагает Безсонов:

С. А. [Найденов] мне написал, что ты устремилась в Италию, а ты пишешь — в Париж. Первое значит увлечение классицизмом, самое большое — эпохой Возрождения, второе — светом французских просветителей. Конечно, м. б. самое мудрое через Италию в Париж [РГАЛИ-3: 1].

Эту идею аллегоризации творческого пути в непосредственном географическом выражении, предложенную Безсоновым, Каверин сделает в романе одной из смыслообразующих. Однако он характерным образом изменяет опорную точку: на месте Италии и эпохи Возрождения оказывается Константинополь как символ византийского искусства и вообще Византии. Кроме того, в письмах выстраивается и иная схема преемственности. Если в романе Каверин акцентирует внимание на том, что русское искусство наследует Византии, то Никанорова об этом ничего не пишет, зато отражение византийской традиции в западном искусстве для нее очень важно [РГАЛИ-2: 32, 33]. Привнесенная Каверинным идея о связи Византии и России призвана подчеркнуть ностальгию героини, которой совсем нет в письмах прототипа Тураевой: о сильной тоске по родине Никанорова впервые пишет Безсонову только в 1935 г., в одном из последних писем [ibid.: 205].

Взгляд Лидии Никаноровой на Византию — взгляд исследователя. Ей важен исторический контекст, периодизация византийского искусства, она включена в работу византинистов во Франции, Византия же в ее переписке с Безсоновым — это прежде всего период в истории искусства, исторический факт. Такой образ не отвечал художественным задачам

Каверина, такая Византия не могла быть “зеркалом”, отражающим творческие и религиозные искания главной героини. В романе мы видим совсем иной образ Византии, главной чертой которого становится противопоставленность повседневной жизни и сакральность. Этот образ тесно сопряжен с христианством и Россией.

Обращение Каверина к Византии, а также связь между Византией и христианством в романе можно объяснить настроениями советской интеллигенции во время его написания. Важность христианской образности, древней иконописной русской и византийской традиции встраивается в контекст возрастающего интереса к христианству в 1960–70-х гг. [Аверинцев 2002].

Наконец, Византия для Каверина — это еще и важный автобиографический образ. В романе Лиза впервые слышит о Византии на лекции Ф. И. Успенского. При этом в “Очерке работы” Каверин пишет, что и у него образ Византии впервые возник в Петроградском университете [Каверин 1999: 25]. Скорее всего, он сам бывал на лекциях Ф. И. Успенского, так как они одновременно находились в университете: Каверин закончил историко-филологический факультет в 1924 г., а Успенский преподавал там с 1922 до 1927 г. [Жебелев 1929: 3], тогда как Никанорова не могла слушать его лекций, поскольку к 1922 г. была уже в эмиграции. В итоге такой, какой мы видим Византию в книге Каверина: сакральной, одухотворенной, абстрактной, — она представлялась не только современникам Каверина, но и ему самому.

Библиография

Издания источников

КАВЕРИН 1982

КАВЕРИН В. А., “Перед зеркалом. Роман в письмах”, in: ИДЕМ, *Собрание сочинений*, 6, Москва, 1982, 5–258.

——— 1999

КАВЕРИН В. А., “Очерк работы”, in: ИДЕМ, *Очерк работы. Открытая книга. Литературные заметки. Избранные письма*, Москва, 1999, 5–30.

Архивные материалы

РГАЛИ-1

РГАЛИ, Ф. 1501, Оп. 2, Д. 466.

РГАЛИ-2

РГАЛИ, Ф. 1501, Оп. 2, Д. 467.

РГАЛИ-3

РГАЛИ, Ф. 1501, Оп. 2, Д. 464.

Литература

АВЕРИНЦЕВ 2002

АВЕРИНЦЕВ С. С., “Обращение к Богу советской интеллигенции в 60–70-е годы”, *Община XXI век*, 9 (21), сентябрь, 2002.

БАСАРГИНА 1995

БАСАРГИНА Е. Ю., “Ф. И. Успенский: обзор личного фонда”, in: И. П. МЕДВЕДЕВ, ред., *Архивы русских византинистов*, С.-Петербург, 1995, 45–57.

ЖЕБЕЛЕВ 1929

ЖЕБЕЛЕВ С. А., “Федор Иванович Успенский. I. Биографическая канва”, in: ИДЕМ, ред., *Памяти академика Федора Ивановича Успенского (1848–1928)*, Ленинград, 1929, 1–3.

КАЗАКОВА, ЛИТВИНОВА 1999

КАЗАКОВА Н. А., ЛИТВИНОВА Л. С., “Найдёнов”, in: П. А. НИКОЛАЕВ, ред., *Русские писатели (1800–1917): Биографический словарь*, 4: М–П, Москва, 1999, 222–225.

ЛОМОВСКАЯ 2011

ЛОМОВСКАЯ М. В., “Герои Каверина в романе и в жизни”, *Звезда*, 8, 2011, 124–155.

——— 2016

ЛОМОВСКАЯ М. В., подгот., коммент., “Это одно из «самого хорошего» в моей жизни. . . : Письма Лидии Никаноровой Павлу Безсонову из Франции в Россию (1925–1935)”, *Звезда*, 5, 2016, 151–209.

МУРАТОВ 2000

МУРАТОВ П. П., “Византийская живопись”, in: ИДЕМ, *Ночные мысли*, Москва, 2000, 152–173.

ПОПОВА 2009

ПОПОВА Б. Б., “«Подняться над этим счастьем»: Страница истории русского зарубежья”, *Русское искусство*, 4, 2009, 152–159.

ПОСТНОВА 2011А

ПОСТНИКОВА Е. А., “Пейзаж в романе В. Каверина «Перед зеркалом»”, *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, 1/1, 2011, 50–58.

——— 2011Б

ПОСТНОВА Е. А., “Портрет в романе В. Каверина «Перед зеркалом»”, *Вестник Вятского государственного университета*, 2-2, 2011, 109–113.

ТУМАРЬ 2009

ТУМАРЬ В. Н., “Прототипика героев романа В. Каверина «Перед зеркалом»”, in: *Центральная городская библиотека г. Нижнего Новгорода [официальный сайт]*, [2009] (<http://www.gorbibl.nnov.ru/kaverin>; последнее обращение: 25.08.2017).

ФЕСЕНКО 2006

ФЕСЕНКО Э. Я., *Художественная концепция личности в произведениях В. А. Каверина*, Москва, 2006.

UNDERWOOD 1967

UNDERWOOD P. A., *The Kariye Djami*, 3: *The Frescoes*, Bollingen, 1967.

WIRTH 1974

WIRTH P., “Diehl, Charles Michel,” in: *Biographisches Lexikon zur Geschichte Südosteuropas*, 1, München, 1974, 397–398.

References

Averintsev S. S., “Obrashchenie k Bogu sovetskoi intelligentsii v 60–70-e gody,” *Obshchina XXI Vek*, 9 (21), September, 2002.Basargina E. Yu., “F. I. Uspenskii: obzor lichnogo fonda,” in: I. P. Medvedev, ed., *Arkhivy russkikh vizantinistov*, St. Petersburg, 1995, 45–57.

Fesenko E. Ya., *Khudozhestvennaia kontsepsiia lichnosti v proizvedeniakh V. A. Kaverina*, Moscow, 2006.

Kazakova N. A., Litvinova L. S., "Naidenov," in: P. A. Nikolaev, ed., *Russkie pisateli (1800–1917): Biograficheskii slovar'*, 4, Moscow, 1999, 222–225.

Lomovskaya M. V., "Geroi Kaverina v romane i v zhizni," *Zvezda*, 8, 2011, 124–155.

Lomovskaya M. V., "Eto odno iz 'samogo khoroshego' v moei zhizni. . . : Pis'ma Lidii Nikanorovoi Pavlu Bezsonovu iz Frantsii v Rossiui (1925–1935)," *Zvezda*, 5, 2016, 151–209.

Muratov P. P., *Nochnye mysli*, Moscow, 2000.

Popova B. B., "'Podniat'sia nad etim schast'em': Stranitsa istorii russkogo zarubezh'ia," *Russkoe iskusstvo*, 4, 2009, 152–159.

Postnova E. A., "Landscape in the Novel by V. Kaverin *Before the Mirror*," *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 1/1, 2011, 50–58.

Postnova E. A., "Portrait in V. Kaverin's Novel *Before the Mirror*," *Herald of Vyatka State University of Humanities*, 2-2, 2011, 109–113.

Tumar' V. N., "Prototipika geroev romana V. Kaverina 'Pered zerkalom'," in: *Central City Library of Nizhny Novgorod [official website]*, [2009] (<http://www.gorbibl.nnov.ru/kaverin>; last access: 25.08.2017).

Underwood P. A., *The Kariye Djami*, 3: *The Frescoes*, Bollingen, 1967.

Wirth P., "Diehl, Charles Michel," in: *Biographisches Lexikon zur Geschichte Südosteuropas*, 1, München, 1974, 397–398.

Zhebelev S. A., "Fedor Ivanovich Uspenskii. I. Biograficheskaiia kanva," in: *Pamiaty akademika Fedora Ivanovicha Uspenskogo (1848–1928)*, Leningrad, 1929, 1–3.

Ася Вадимовна Кулакова, бакалавр филологии

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",

магистрант факультета гуманитарных наук

105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1

Россия/Russia

a.cula@mail.ru

Received September 29, 2016

Два благословения для посадника Остромира

Two Blessings for Ostromir the Posadnik

**Александр Львович
Лифшиц**

Национальный исследовательский
университет “Высшая школа экономики”
Москва, Россия

**Alexander L.
Lifshits**

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена комментированию двух благословений, которые дьякон Григорий, один из переписчиков знаменитой рукописи, призывает на заказчика кодекса — новгородского посадника Остромира. Показано, как благословение евангелистов оказывается связано с составом древнейшей русской датированной рукописной книги, а также как автор выходной записи строит сложную интеллектуальную игру, основываясь на свободном знании ветхозаветных текстов. Обыгрывается христианское имя свойственника великого князя, которое становится поводом для изысканного комплимента, с одной стороны, и для выражения надежд — с другой.

Ключевые слова

христианство в Домонгольской Руси, Остромирово Евангелие, запись переписчика, герменевтика, евангелие-апракос, Иосиф Прокрасный

Abstract

The article is devoted to a new interpretation of the well-known postscript in the so-called Ostromir Gospels—the earliest Russian manuscript, written in 1056/1057. In this afterword on fols. 294r and 294v, one of scribes (deacon Gregory by name) twice asked for a blessing for Ostromir the “Posadnik,” who had paid for the creation of this outstanding manuscript. The first blessing requested is

the blessing of the Holy Evangelists. Although it is perfectly appropriate for someone who ordered such an expensive Gospel book to ask for blessings from the evangelists, the names of the evangelists were listed in an unusual sequence. The order of names corresponds to the order in which selected fragments of the Gospels (Pericopes) are read in “*aprakos*” Gospels: John, Matthew, Luke, Mark. The second blessing is quite uncommon. Gregory asks the three biblical patriarchs—Abraham, Isaac, and Jacob—to bless Ostromir. The most reliable explanation of this request is the Christian name of Ostromir, which is mentioned in the scribe’s note—Joseph. In Old Rus’ people considered everyone named Joseph as a bearer of the name of Joseph the All-Comely (Genesis). So Gregory appears to flatter Ostromir implicitly by calling him the all-comely son of Jacob, grandson of Isaac, and great-grandson of Abraham. But to stress the desirable and hoped-for similarity, Deacon Gregory mentions Ostromir-Joseph twice as the first after the Great Duke of Kiev, just as the biblical Joseph was named the first after Pharaoh. This shows that in pre-Mongol Rus’ there was a thorough knowledge of the texts of the Old Testament and that there was a readiness to include these skills in a complicated intellectual game.

Keywords

Christianity in Pre-Mongol Rus’, Ostromir Gospels, note of the scribe, hermeneutics, *Aprakos Gospel*, Joseph the All-Comely

Пространная выходная запись писца, расположенная на листах 294 и 294 об. рукописи Остромирова Евангелия¹, — один из тех текстов, без которых не обходится, кажется, ни одна хрестоматия по истории русского языка. Из этой записи мы узнаем о новгородском посаднике Остромире, “стяжавшем” прекрасную рукописную книгу, о его свойстве с Киевским великим князем Изяславом Владимировичем, о его супруге Феофане, а также о том, как книжный язык южных славян начинает жить у славян восточных, адаптируясь к местным диалектам, — обо всем этом и о многом другом написано множество работ. Представляется, однако, что комментарии к записи дьякона Григория могут быть дополнены несколькими замечаниями, которые касаются благословений, призываемых переписчиком на заказчика роскошной рукописи.

Закончив посвящать потенциального читателя книги в обстоятельства ее появления, Григорий пишет (графико-орфографические подробности в данном случае не важны, поэтому позволяю себе их игнорировать): “Многа же лета даруй Бог стяжавшему Евангелие се на утешение

¹ Евангелие *aprakos* краткий “Остромирово”, 1056–1057 гг. (Российская национальная библиотека, С.-Петербург. Отдел рукописей. Основное собрание рукописных книг, Ф. п. I. 5). Описание: [Каталог 1984: 33–36]; фототипическое издание: [Остромирово 1988]. Отдельные листы в достаточно хорошем разрешении можно увидеть на сайте Российской национальной библиотеки: www.nlr.ru/exhib/Gospel/ostr/ill.html.

многам душам крестияньскам”. И продолжает: “Дай ему Господь Бог благословение святых евангелист Иоанна, Матфея, Луку, Марка”.

Нельзя не признать, что благословения святых евангелистов как нельзя более достоин тот, кто щедро — а написание такого кодекса, как Остромирово Евангелие, стоило, разумеется, весьма немало — оплачивает создание великолепной книги, предназначенной для того, чтобы весть о воплотившемся Слове достигла ушей просвещенного — в смысле приобщения к христианству — населения Русской земли. Но почему евангелисты перечислены именно в такой, а не в любой иной последовательности?

Ответ содержится в самом Остромировом Евангелии, которое, как и большинство рукописных евангелий древнейшего времени, представляет собой апракос — собрание евангельских чтений, расположенных по дням богослужебного года и начинающееся чтением первой главы Евангелия от Иоанна на литургии Пасхи (Ин 1:1–17).

Известно, что годовой круг евангельских чтений, которые дьякон или священник оглашает во время литургии, разделяется на несколько частей в соответствии с членением самого богослужебного года. Это чтения от Пасхи до Пятидесятницы, чтения от Пятидесятницы до Новолетия, от Новолетия до наступления Великого Поста и чтения шести недель Поста. Отдельно выделяются чтения Страстной седмицы [Жуковская 1976: 225].

Если в продолжении следующих за Пасхой семи недель читаются в основном фрагменты Евангелия от Иоанна, то недельные чтения следующего за Пятидесятницей цикла взяты преимущественно из Евангелия от Матфея. Цикл “Нового лета” по большей части содержит чтения из Евангелия от Луки. Чтения цикла Великого поста начинаются чтением, взятым из Евангелия от Марка.

Нетрудно заметить, что именно в этой последовательности заказчика апракосного Евангелия новгородского посадника Остромира и должны благословить евангелисты. А о возможности иной последовательности, вероятно, дьякон Григорий мог и не задумываться, поскольку звучащее Евангелие в это время — это именно апракос.

Следом за благословением евангелистов дьякон Григорий призывает на Остромира еще одно благословение: “. . . и святых праотец Авраама и Исаака, и Иакова. . .” Благословение ветхозаветных персонажей не выглядит столь же естественным, как благословение евангелистов, и уж точно не встречается слишком часто. Однако, как кажется, и это благословение имеет под собой твердое основание.

Библейские праотцы Авраам, Исаак и Иаков нередко присутствуют в иконографии Страшного Суда — они изображаются сидящими на

престоле и принимающими праведные души на “Лоно Авраамово”². Распространение такой иконографии в Византии относится к IX–X векам, и, как известно из “Повести временных лет”, изображение Страшного Суда на ткани, которое грек-философ показывает Владимиру Святославичу³, стало одним из аргументов в пользу принятия князем византийской версии христианства [Петрухин 2002: 87].

Иными словами, благословение ветхозаветных патриархов может пониматься как пожелание Остромиру пребывания на Лоне Авраамовом в Будущем Веке. Однако нет уверенности, что при видимой логичности такое построение не является чисто умозрительным. И уж во всяком случае благословение Авраама Исаака и Иакова может иметь более одной интерпретации.

На л. 294 в начале записи дьякон Григорий сообщает нам, для кого он переписал Евангелие: “Написах же еуангелие се рабу божию наречену сущу в святом крещении Иосиф, а мирьскы Остромир. . .” То, что из двух названных имен научная традиция выбирает второе имя, обусловлено, конечно, тем, что заказчика рукописи з в а л и Остромир, а имя Иосиф он н о с и л. Кроме того, славянское языческое двусоставное имя обладает гораздо большей индивидуальностью и потому привлекательностью для исследователя, подсознательно радующегося отличиям древнего времени от настоящего.

Но в избираемой дьяконом Григорием перспективе — для дискурса выходной записи в роскошной книге евангельских чтений — христианское имя посадника, несомненно, значимо куда больше, чем языческое. Семантические связи крестильного имени заказчика рукописи автор приписки и обыгрывает, обнажая не лежащие на поверхности смыслы.

Мы, разумеется, не знаем, в честь кого из святых Иосифов, чья память празднуется православной Церковью, был крещен новгородский посадник. Но чье бы имя он ни получил, тезоименитство его Иосифом Прекрасным — неотъемлемая часть смысла такого имянаречения. Ветхозаветный Иосиф — любимый сын Иакова, внук Исаака и правнук Авраама. Носитель этого имени в идеальной перспективе и должен быть сподоблен благословения ветхозаветных патриархов, поскольку каждый носитель имени до известной степени подражатель, проекция в настоящем времени освященного священной историей обладателя этого имени. Получается, что дьякон Григорий, призывая благословение библейских

² Подробнее см. [Квливидзе 2000: 154]. Такую композицию можно видеть, например, в Дмитриевском соборе во Владимире; см. [Пивоварова 1997: 128–145].

³ “. . . показа ему запону, на нейже бе написано судище Господне; показываше же ему одесную праведныа в веселии предъидуша в рай. . .” — заключительная часть статьи 6494 года.

праотцев Авраама Исаака и Иакова на Иосифа-Остромира, тонко льстит заказчику рукописи, по сути называя и его “прекрасным”.

Распространение благословения на супругу посадника, их детей и супруг и супругов их детей (“. . . самому ему и подружью его Феофане, и чадом ею, и подружием чад ею. . .”), очевидно, содержит внятную отсылку к благословию потомков Авраама, которые должны умножиться и населить землю⁴.

Но и этим, по-видимому, интеллектуальные игры дьякона Григория не заканчиваются. Как хорошо известно, библейский Иосиф — еще и второе лицо в государстве, поставленный фараоном верховным правителем над его землей⁵. Особенно же выразителен предыдущий стих Книги Бытия: “Ты будеши в дому моем, и уст твоих да послушают вси людие мои, разве престолом аз более тебе буду” (Быт 41:40).

Очевидно, пропустить такое совпадение дьякон Григорий не может и сначала указывает, что Изяслав “брата своего стол поручи правити” Остромиру, а затем вновь упоминает данное посаднику “поручение”, которое в контексте записи выглядит, как дополнительное указание на сопоставление Иосифа-Остромира с библейским Иосифом. Представляется несомненным, что перед нами косвенное и весьма изящно выраженное пожелание дьякона Григория, чтобы посадник Остромир был подобен своему ветхозаветному тезке и в том, что касается обеспечения процветания вверенной ему “власти”.

Но как бы ни было приятно разгадывание древнерусского ребуса, гораздо более важным представляется тот факт, что достаточно обыденное, с нашей точки зрения, событие имянаречения совершенно непринужденно и легко включается в сложный контекст взаимоотношения ветхозаветной истории с последующим существованием богоизбранного народа, частью которой начинает осмыслять себя Русская земля. Теперь ветхозаветные события оказываются прообразующими и для всего совершающегося на территории Восточно-Европейской равнины, в том числе и для частных событий жизни отдельного человека.

В этом смысле приписка дьякона Григория оказывается краткой, но вполне содержательной иллюстрацией к богословскому осмыслению русского христианства, которое чуть ранее, чем было написано евангелие для посадника Остромира, было предложено Киевским митрополитом Иларионом в его пространной проповеди “о законе и благодати”. А одновременно — свидетельством того, что к середине XI столетия подобный образ мысли стал на Руси для многих абсолютно естественным.

⁴ “И сотворю семья твое, яко песок земный” (Быт 13:16).

⁵ “Рече же фараон Иосифу: се, поставляю тя днесь над всею землею Египетскою. И снем фараон перстень с руки своея, возложи его на руку Иосифову, и облече его в ризу червлену, и возложи гривну злату на выю его” (Быт 41:41–42).

Библиография

Жуковская 1976

Жуковская Л. П., *Текстология и язык древнейших славянских памятников*, Москва, 1976.

КАТАЛОГ 1984

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв., Москва, 1984.

Квливидзе 2000

Квливидзе Н. В., “Авраам. Иконография”, in: *Православная энциклопедия*, 1, Москва, 2000, 153–154.

Остромирово 1988

Фотовоспроизведение кодекса: Остромирово Евангелие, 1056–1057, Ленинград, 1988.

ПЕТРУХИН 2002

Петрухин В. Я., “Христианство на Руси во второй половине X – первой половине XI в.”, in: *Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия*, Москва, 2002.

ПИВОВАРОВА 1997

Пивоварова Н. В., “«Страшный суд» в памятниках древнерусской монументальной живописи второй половины XII в.”, in: *Дмитриевский собор во Владимире: К 800-летию создания*, Москва, 1997.

References

Kvividze N. V., “Avraam. Ikonografiia,” in: *Pra-
voslavnaia entsiklopediia*, 1, Moscow, 2000, 153–154.

Petrukhin V. Ya., “Khrisianstvo na Rusi vo vto-
roi polovine X – pervoi polovine XI v.,” in: *Khri-
stianstvo v stranakh Vostochnoi, Iugo-Vostochnoi i
Tsentral’noi Evropy na poroge vtorogo tysiacheletia*,
Moscow, 2002.

Pivovarova N. V., “‘Strashnyi sud’ v pamiatnikakh
drevnerusskoi monumental’noi zhivopisi vtoroi po-
loviny XII v.,” in: *Dmitrievskii sobor vo Vladimire: K
800-letii sozdaniia*, Moscow, 1997.

Zhukovskaya L. P., *Tekstologiya i iazyk drevnei-
shikh slavianskikh pamiatnikov*, Moscow, 1976.

Александр Львович Лифшиц, канд. филол. наук

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”,

Факультет гуманитарных наук,

доцент Школы филологии,

старший научный сотрудник

Лаборатории лингвосемиотических исследований

105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4

Россия/Russia

alifshits@hse.ru

Received April 1, 2016

Церковнославянская
Повесть о грешной
матери (Синодик,
Патерик, Пролог,
Измарагд) и ее
греческий оригинал
(ВНГ 1449d)*

An Old Church
Slavonic Tale about
a Sinful Mother
(Sinodik, Patericon,
Synaxarion, Izmaragd)
and Its Greek Original
(ВНГ 1449d)

Сергей Юрьевич Темчин

Институт литовского языка,
Вильнюс, Литва

Sergejus Temčinas

Institute of Lithuanian Language,
Vilnius, Lithuania

Резюме

Статья посвящена отождествлению греческого оригинала церковнославянской повести, входящей в состав древнерусского Синодика и известной в списках начиная с XVI в. Ранее она предположительно считалась исконно принадлежащей латинской традиции и попавшей в восточнославянскую книжность при польском посредничестве. Предпринятые недавно попытки выявить ее греческий оригинал остались безрезультатными. В настоящей работе установлено, что эта повесть является церковнославянским переводом византийского душеполезного рассказа ВНГ 1449d, приписываемого Павлу, епископу Монемавасийскому (втор. пол. X в.). Одновременно продемонстрировано, что это произведение, по всей видимости, патерикового происхождения, присутствует также в иных церковнославянских сборниках: в некоторых редакциях Пролога простого и стихного, а также в одной из разновидностей Измарагда. Древнейшие из

* Искренне благодарю Ж. Л. Левшину за датировку рукописи Пог1383, а также Йоханана Петровского-Штерна (Северо-Западный университет, США) и Тадаса Темчинаса (Оксфордский университет) за помощь в работе с научной литературой, недоступной в Литве.

вновь выявленных списков этой переводной повести датируются первой третью XV в. Статью завершает публикация церковнославянского текста рассматриваемого произведения по одному из наиболее исправных списков, содержащемуся в рукописи Троице-Сергиевой лавры № 701 (Патерики азбучно-иерусалимский и сводный, 1469 г.), параллельно с оригиналом по существующему научному изданию рукописной версии греческого кодекса XIV в., созданного ок. 1330 г.

Ключевые слова

Повесть о грешной матери, Синодик, Патерик, Пролог, Измарагд, церковнославянские переводы с греческого, Павел Монемавасийский

Abstract

The paper aims to identify the Greek original of an Old Church Slavonic tale included in the Old Russian Sinodik and known in manuscript copies from the 16th c. Previously, the tale was provisionally ascribed to the Latin tradition and thought to have reached the Old Russian literature via a Polish milieu. Recent attempts to identify its Greek original remained unsuccessful. The author argues that the tale is an Old Church Slavonic translation of the Byzantine text BHG 1449d, a spiritually beneficial writing ascribed to Paul of Monemvasia (second half of the 10th c.). The same translation is presented in East Slavonic manuscript copies of the Patericon, the Plain and Versed Synaxarion, and the Izmaragd. The earliest of the newly identified manuscript copies is dated to the first half of the 15th c. The article also contains an edition of the Old Church Slavonic translation (according to the manuscript copy in Moscow, Russian State Library, Collection of the Trinity Lavra of St. Sergius, No. 701, Patericon, 1469) in parallel with the Greek original according to the scholarly edition of the manuscript version contained in a Greek codex of the 14th c. (ca 1330).

Keywords

Tale about a Sinful Mother, Sinodik, Patericon, Synaxarion, Izmaragd, Old Church Slavonic translations from Greek, Paul of Monemvasia

Недавно С. А. Иванов рассмотрел церковнославянский текст (инципит: “Инок некий поведѣ нам, глаголя, яко шедшу ми некогда ко святому Феодориту, патриарху Антиохийскому. . .”) и признал его неизвестной средневековой повестью о путешествии в ад, греческий оригинал которой не сохранился [Иванов 2014; Иванов 2015]. Исследователь сообщил, что древнейший список этого произведения, содержащегося в древнерусском Синодике и ранее неопределенно приписывавшегося латинской традиции (откуда оно могло попасть на Русь при польском посредничестве), сохранился в рукописи XVI в. *Погод* 1287, лл. 178 об. – 183. При этом он отметил, что “славянский текст представляет собой перевод с греческого, однако все попытки найти его прототип среди известных на сегодняшний день византийских собраний душеполезных историй не

дали никакого результата” [Иванов 2014: 25], а в тексте “под вывеской святоотеческого предания [. . .] выведено правило мусульманской жизни” [ibid.: 26] не есть левой рукой (поскольку так поступает Сатана). Основываясь на том, что в рассказе упоминается антиохийский патриарх Феодорит, “крайне малоизвестный иерарх конца VIII в.” [ibid.], российский византинист приписал несохранившийся в греческой традиции рассказ антиохийской среде, откуда он мог попасть на Русь с одним из посольств, приезжавших в Москву за милостыней, и заключил:

Трудно сказать, когда именно был создан греческий оригинал нашей повести. Не исключено, что она восходит к IX в., когда имя патриарха Феодорита, впоследствии совершенно забытое, еще было памятно антиохийцам. В таком случае перед нами уникальный пример выживания древнего христианского текста ближневосточной традиции, достигшего восточнославянских переводчиков, но оставшегося неизвестным в Византии [Иванов 2014: 27].

Окончательная (английская) версия статьи С. А. Иванова [IVANOV 2015] содержит также публикацию церковнославянского текста, некогда уже издававшегося по рукописи конца XVII в. *F.I.323* [Костомаров 1860: 99–101], по указанному погодинскому списку XVI в. как древнейшему из сохранившихся.

В действительности же этот текст, известный как “Повесть о грешной матери” [Соколова 1989], представлен за пределами Синодика¹ в целом ряде более ранних сборников, относящихся к XV и раннему XVI в.: *Волок437*, лл. 280–285 “Повесть полезна от патерика” [Иосиф 1882: 73–75, № 115]; *ВязьВ22302*, лл. 35–40 об. “Повесть полезна от Патерика” [Нестеров 2009]; *Тр186*, лл. 161 об. – 165 об. “Повесть полезна от патерика” [Иларию, Арсений 1878: 178–180; Турилов 1986: 225 (№ 2332)]; *Тр701*, лл. 444 об. – 448 “Повесть полезная иже во святых отца нашего Феодорита, патриарха антиохийского” [Иларию, Арсений 1879: 62–80]; *Тр770*, лл. 425–428 “Повесть полезна от Патерика” [Иларию, Арсений 1879: 187–189].

Эта повесть вошла также в несколько разновидностей славянского Пролога², где она выписывается под заглавием “Повесть (душе)полезна иже во святых отца нашего Феодорита, патриарха Антиохийского”:

а) Стишной пролог московской редакции болгарского перевода (на 1 июля): *Тр717*, лл. 104–107; *Тр718*, лл. 163–168;

¹ Специалисты по истории этой книги источником интересующего нас произведения считают гл. 909 сборника “Зерцало малое” (*Погод1383*, лл. 139 об. – 142 об.) [Дергачева 2011: 62 (прим. 2), 143 (№ 86)].

² Искренне благодарю М. В. Чистякову за информацию о распространенности данного текста в рукописной традиции Пролога, о которой в общем виде см. [Чистякова 2013: 7–41].

б) Стишной пролог киевской расширенной редакции болгарского перевода (на 26 января), куда текст попал из Простого пролога новгородской редакции (см. ниже): *F19-97*, лл. 362 об. – 366 об.;

в) Простой пролог новгородской редакции (на 26 января): *Тих520*, лл. 186 об. – 189; *Муз4102*, лл. 304–304 об., без начала; *F19-95*, л. 535–537 об.;

г) Простой пролог особой разновидности пространной редакции (под 23 ноября): *КДА178*, лл. 286 об. – 289 об.

Для полноты картины укажем, что рассматриваемая повесть читается, по всей видимости, также в позднем (даниловском) варианте 1-й (древнейшей) редакции Измарагда (самый ранний список 1630-х гг.) [Пудалов 2000: 91, № 18] (см. № 18: Слово от патерика душеполезно Феодорита патриарха Антиохийскаго. “Поведаше нам Феодорит патриарх. . .”).

Наиболее ранним из всех перечисленных выше является список ок. 1429 г. московской редакции Стишного пролога, созданный писцом Евстафием Шепелем [Турилов 2012: 548–549 (прим. 62), 642–643, 676–677].

Греческий оригинал рассматриваемой повести хорошо известен: он приписывается Павлу, епископу Монеувасийскому (втор. пол. X в.), отмечен в специальных справочниках (ВНГ 1449d) [НАЛКИН 1957: 207; ИДЕМ 1984: 354] и издан дипломатически по греческой рукописи XIV в. (Codex Vaticanus Graecus 579, fol. 81r–83v) с переводом на английский язык [CARROL 2004].

Церковнославянский список XVI в., опубликованный С. А. Ивановым как древнейший из сохранившихся, уступает по сохранности текста даже тому списку XVII в., который был опубликован Н. Костомаровым: здесь многие выражения перифразированы и значительно сокращены.

Поэтому ниже для сопоставления с греческой версией, заимствованной из указанной научной публикации, церковнославянский текст повести приводится не по древнейшему из известных мне списков (в составе Пролога, ок. 1429 г.), а по рукописи *Tr701*. Публикуемый ниже список содержит несколько вторичных чтений, но последние (не обязательно в тех же местах текста) в равной мере присутствуют и в иных известных мне рукописных источниках из числа наиболее исправных.

Выбор списка для сопоставления с греческой версией обусловлен, кроме высокой (хотя и не абсолютной) исправности текста, также и типом сборника (Патерик сводный), ср. [Ерьюмин 1927: 71], вероятно, первичным для рассматриваемого произведения: “Bibliotheca Hagio-graphica Graeca” указывает его в разделе “Patrum Vitae”. Неслучайно иные церковнославянские рукописные сборники XV в. называют данную повесть патериковой (“Повесть полезна от патерика”). В составе Пролога это поучение наверняка вторично и заимствовано из иного источника — патерика либо четьего сборника.

повѣсть полезнаа иже къ сѣхъ
 ѿца нашѣ ѳеѡрнта патрїарха
 антїхїнскаго

(Tr701, лл. 444 об. – 448)

Инокъ нѣкын повѣда намъ гл҃а. іако
 шѣшѡ ми ино҃га къ сѣмоу ѳеѡрнтоу
 патрїархѡ антїωхїнскомоу. и
 поноу҃жену ми на снѣдѣ. повѣдааше
 моемоу смѣренїю. іако прѣмалѣми
 днѣми. прїнде страненѣ зде
 нензмывенїемъ. и многымн власы и
 платїемъ власнымъ оукрашенѣ. и
 сего призвахъ іасти со мною.
 пришѣшоу же емоу и сѣдшоу. зрю его
 іадоуща лѣвою роукою. нѣво деснаа
 его бѣ ωбѣвнта прѣтомы до запастїа.
 гл҃ахъ оубо емоу. почто брате не іасти
 десною ти роукою. но лѣвою. нѣво
 великын васнлїе въ ωобычнѣ своѣ
 оу҃ченїихъ гл҃еть. деснаа оубо роука
 слоужитъ ѿ треслѣ до главы. лѣваа
 же ѿ треслѣ до долоу. ωн
 же гл҃а ми. прости ма сѣ҃нишіи вл҃ко.
 сѣ҃рѣтѣ ми нѣкаа есть. и сего рѣ не
 могоу. и много ноудивѣ его. и не
 хотаща зрю акы и ωбрадованна
 гл҃ка. похытивѣ портѣ еже на роуцѣ
 его. и на єдиноу страну вергѡ. даде
 прочее роука неоутѣшенѣ и лютѣ
 смрадѣ. іакоже всѣмъ держати своа

Παύλ(ου) τοῦ ὀσιωτ(ά)τ(ου) ἐν μο-
 ναχοῖς· καὶ ἐπίσκοπ(ου) γενομ(έν)ου
 μονεμβασίας τῆς πελοποννήσ(ου)
 διηγήματα διάφορα ὀσίων ἀνδρῶν
 πάνυ σύντομα καὶ ὠφέλιμα (цит. по:
 [CARROL 2004])

μοναχός τις διηγήσατο ἡμῖν λέγων, ὅτι
 παραβαλόντος μου ποτὲ τῷ ἁγίῳ
 θεοδωρίτῳ π(ατ)ριάρχη ἀντιοχείας·
 καὶ προτραπέντος μου παρ' αὐτοῦ εἰς
 ἐστίασιν, διηγήσατο τῇ ἐμῇ ταπεινώσει
 ταῦτα· ὅτι πρὸ ὀλίγων ἡμερῶν,
 παρεγένετό τις ξένος ἐνθάδε· ἀλουσία
 καὶ πολυτριχία· καὶ ῥάκεσι τριχίνοις
 κοσμούμενος· καὶ τοῦτον προσκαλεσά-
 μενος γεύσασθαι μετ' ἐμοῦ· ἐλθόντος
 αὐτοῦ καὶ συγκαθεσθέντος, βλέπω
 αὐτὸν ἐσθίοντα τῇ ἀριστερᾷ αὐτοῦ
 χειρὶ· ἡ γὰρ δεξιὰ ἦν ἐντετυλιγμένη
 ῥακίῳ ἕως τοῦ ἀστραγάλου· λέγω οὖν
 αὐτῷ· διατί ἀδελφε ἐὼς ἐσθίεις τῇ δεξιᾷ
 χειρὶ σου, ἀλλὰ τῇ εὐωνύμῳ· καὶ γὰρ ὁ
 μέγας βασιλεὺς ἐν τοῖς ἡθικοῖς αὐτοῦ
 διδάγμασι, λέγει· ἴνα ἡ μὲν δεξιὰ χεὶρ
 καθυπουργῇ τῷ σώματι ἀπὸ ὀσφύος
 ἕως κεφαλῆς· ἡ δὲ ἀριστερὰ, ἀπὸ
 ὀσφύος ὁμοίως ἕως κάτω· ὁ δὲ λέγει
 μοι· συγχώρησόν μοι ἁγιώτατε δέσπο-
 τα, πάθος τί ποτὲ μοι ἐστὶ, καὶ διατοῦτο
 οὐ δύναμαι· καὶ πολλὰ βιασάμενος
 εἶπεῖν αὐτὸν καὶ μὴ θέλοντα ἐωρακῶς,
 ὥσπερ χαριεντιζόμενος τῷ ἀν(θρώπ)ῳ,
 δραξάμενος τοῦ ῥακίου τοῦ ἐπὶ τῆς
 χειρὸς αὐτοῦ καὶ ἐπι ἐν μέρος ρίψας
 αὐτὸ, ἔδωκεν ἡ χεὶρ λοιπὸν ἀμύθητον
 καὶ δεινὴν δῦσωδιαν· ὥστε πάντας

НОЗДРН Н ѠБѢЖАТИ. ДОНДЕЖЕ ПАКЫ
 ѠНѢМЬ СЪТЪМЬ ПРЪТОМЬ. ѠБВН
 СМРАДНОЮЮ РОУКОУ ЕГО. И ТАКО ПРЕСТА
 ѠЛОУЧНЫИ. И ЛЮТЫИ ѠНѢ СМРАДЪ. АЗЪ
 ЖЕ РѢ. ОУДНВЛЪ СѦ Ѡ СѢ. НАЧѢ НОУАНТИ
 МОУЖА РЕЦИИ МИ. ЧТО ОУКО ЕСТЬ СЕ. ѠН
 ЖЕ ВЪЗДОХНОУКЪ ВЕЛМИ. НАЧАТЪ
 ПОВѢДАТИ ГЛА. АЗЪ СЪТЪНИШИ ВЛКО.
 НИѢАХЪ МАТЕРЬ БЛГОВИДНОУ СЪЛО. И
 СЪЛО ЮНА СОУЦИИ ѠКДОКЪ. МЕНЕ ТЪТЮ
 НИМОУЦИИ МИЛАДЕНЦА. СКОУЧАВШОУ ЖЕ СѦ
 МОЕМОУ ѠЦОУ ТАКОЖЕ РѢ СѦ. ВЪДАСТЪ
 СЕБЕ ПИЦИИ И ПІІАНСТВОУ И БЛОУДОУ.
 ТАКОЖЕ Ѡ БЛОУДА СВОЕГО СЪБРАТИ МНОГО
 СТАЖАНІА. МИѢ ЖЕ ЗАКОННОУ ВЪЗРАСТОУ
 БЫВШОУ. И ТОН ОУКОСНѢВШИ ВЪ СИЦЕВОН
 СКВЕРНѢ. СЪЛОУЧИ СѦ И ТОН СКОУЧАТИ
 СѦ. АЗ ЖЕ ВЪ ЧЮВСТВО ПРИШѢ. И
 ПОРАЗОУМІѢ ѠКОУДОУ СЕЛИКО БОГАТЪСТВО
 СЪБРА. ВЪДѢ СЕБЕ ПРОЧЕЕ ѠРЧЕНІЮ ЗЕМНѢ
 ВЕЩЕН. МИНОУМЬ СОУЦИИМЬ ѠТЪСКИМЬ
 И МТЪРНИМЬ СТАЖАНІЕМЬ. ПОЛОЖИ
 ВЪ СРЦІИ МОЕМЬ ГЛА. НЕВЪЗМОЖНО МИ
 ВЛКО ГИ БЖЕ. Ѡ НЕЧЕСТИВАГО И НЕЧИСТАГО
 СЕГО БѢТЪСТВА ПРІІАТИ. НО ВСѦ РАЗДАМЬ
 ЦРКВАМЬ. И НИЦИМЬ ЗА ДШЮ МОЕѦ
 МТРЕ. СИЦЕ СЪТВОРЪ ДАДѢ МОѦ ВСѦ. НЕ
 ѠСТАВЛЪ СЕБѢ НИЧТОЖЕ. КРОМѢ ТАЖЕ
 НОШѢ ѠДЕЖѦ. И СІѦ СЪТВОРЪ ЗА ДШЮ
 СВОЕѦ МИ МТЕРЕ. СЪ ВСѦКЫМЬ
 ИЗВОЛЕНІЕМЬ И ВЪРОЮ НЕСОУМЕННОЮ. И
 ГЛАХЪ ѠКОУДОУ ОУВѢМЬ И КТО МИ

κρατεῖν τὰς ἑαυτῶν ὀσφρήσεις καὶ
 ἀποφεύγειν· ἕως οὗ πάλιν τῷ ἀγίῳ
 ἐκείνῳ ῥακίῳ ἐνείληψε τὴν διψώδη
 χεῖρα αὐτοῦ· καὶ οὕτω κατέπαυσεν ἡ
 ἀφόρητος ἐκείνη καὶ δεινὴ δυσωδία·
 ἐγὼ δὲ φησὶν ἐκπλαγεῖς ἐπὶ τούτοις,
 ἡρξάμην βιάζεσθαι τὸν ἄνδρα, εἰπεῖν
 μοι τί ἂν εἴη τοῦτο· ὁ δὲ στενάξας μέγα,
 ἡρξάτο διηγεῖσθαι λέγων· ἐγὼ ἀγιώτα-
 τε πάπα, ἔσχον μ(ητέ)ρα εὐειδῆ πάνυ·
 καὶ σφόδρα νέα οὖσα, ἐχήρυσεν· ἐμὲ
 μόνον ἔχουσα νήπιον· τελευτήσαντος δὲ
 τοῦ ἐμοῦ π(ατ)ρ(ὸ)ς ὡς εἴρηται, ἐξέδω-
 κεν ἑαυτὴν τῇ σπατάλῃ καὶ μέτῃ καὶ
 ἄσωτία· ὥστε ἐκ τῆς πορνείας αὐτῆς,
 συνάξει πάμπολα χρήματα· ἐμοῦ δὲ
 τῆς ἐννόμου ἡλικίας ἤδη γεγονότος· καὶ
 αὐτῆς χρονισάσης τῇ τοιαύτῃ αἰσ-
 χρότῃτι, συνέβη καὶ αὐτ(ήν) τελευ-
 τῆσαι· ἐγὼ δὲ εἰς αἰσθησὶν ἐλθὼν· καὶ
 ἐννοήσας πόθεν ὁ τοσοῦτος πλοῦτος
 συνῆχται, ἐκδεδωκῶς ἑαυτὸν λοιπὸν τῇ
 ἀποταγῇ τῶν γηίνων πραγμάτων· πολ-
 λῶν ὄντων τῶν π(ατ)ρῶν καὶ μητρῶν
 μου χρήμάτων, ἐθέμην ἐν τῇ καρδίᾳ
 μου λέγων, μὴ γένοιτό μοι δέσποτα
 κ(ύρι)ε ὁ θ(εὸ)ς, ἐκ τοῦ ἀσεβοῦς τούτου
 καὶ ἀκαθάρτου πλοῦτου χρήσασθαι,
 ἀλλὰ πάντα διαδώσω ἐκκλησίαις καὶ
 πένησι, ὑπὲρ τῆς ψυχῆς τῆς ἐμῆς μ(ητ)-
 ρ(ὸ)ς· καὶ οὕτω ποιήσας, δίδωμι καὶ τὰ
 ἐμὰ πάντα, μὴ καταλείψας ἑμαυτῷ τί,
 πλὴν ὧν ἐφόρουσι ἱματίων· καὶ ταῦτα
 ποιήσας ὑπὲρ τῆς ψυχῆς τῆς ἐμῆς
 μ(ητ)ρ(ὸ)ς μετὰ πάσης προαιρέσεως·
 καὶ πίστεως ἀδισταχτοῦ, ἔλεγον· ἄρα
 πόθεν γνώσομαι, ἡτίς με πληροφορήσει,

ИЗВѢСТИТЬ ЯКО ПРІІАТЪ БѢ ДАНАА
НИШИМЪ. И ПАЧЕ ЯКО ѿ СКВЕРНѢ БЛ҃ГОУ
СЪБРАНАА ВИНЪ. ЯКО АЩЕ ПОЛОУЧИ
ѿ РАДОУ МѢИ МОЖА ИЛИ ПОЛСОУ ОУБО
КОУЮ. СН<ЦЕ>ВѢ РАДИ МНОГОСТЫНЪ ЖЕ
И ПРИНОШЕНІИ. ИДОХЪ ОУБО ВЛѢКО ВЪ
ІЕРУСАЛѢМЪ КЪ ПАТРІАРХУ. И СЛЫШАВЪ
СЛОУЧЫШАА СЯ ГЛА МН. ДОБРѢ ВСА
СЪТВОРИЛЪ ЕСИ Ѿ ЧАДО. ПОПЕК СЯ Ѿ
МАТРЬНИ СПѢСЕНІИ. СІА ОУБО ТВОРА СЕБѢ
БЛАГОДѢТСТВОУЕШИ. И СПѢСЕНІА
СПОДОБЛЕШИ СВОЮ ДІШУ. ОБАЧЕ НИКТОЖЕ
МОЖЕТЪ ѾПАСНО СВЕРШЕНОЕ ВЕЩИ
ОУВѢРИТИ. НО ИДИ ВЪ СКИТЪ И ВЪ
ФИНВАНДѢ. И ТАМО ОБРАЩЕШИ МОУЖА
БГОНОСНЫИ И ПРОЗОРАВЫ. < (сноска
на нижнем поле листа: И МОГОУ ТИ Ѿ
Ѿ МАТВОЮ ѿКРОВЕНІА) ИЗВѢСТИТИ. АБѢ
ОУБО ШЕДЪ ВЪ СКИТЪ И ВЪ ФИНВАНДОУ.
И СЛЫША ѿ ПРЕПДБНѢ ОНѢХЪ И
ПРИСНОХВАЛНѢ ѿЦѢ ГЛЮЩІИХЪ. ВСАКО
ѿ МНОЖЕСТВА СМѢРЕНІА. ЯКО НѢ ЧАДО
ВЪ НА ЯКОВАА ТЫ ИЩЕШИ И РАЗОУМЪ
ТВОИ. НО АЩЕ ХОЩЕШИ ПОСЛОУШАТИ
НАШЕГО СВѢТА. ВЪНИДИ В ОУТРЕНІЮ
ПОУСТЫНІЮ И ТАМО ОБРАЩЕШИ ГЛА
БЖІА СВЕРШЕНА. МОГОУЩА ТИ Ѿ ВСѢХЪ
ИЗВѢСТИТИ. ДА НЕ ОУБО ТРОУДА РѢ
ОБЛЕННИШИ СЯ Ѿ ЧАДО. НО НАДѢЮ СЯ
ИДИ ГБ С ТОБОЮ. ПРІЕМЪ ОУБО МЛТВОУ.
И ХЛѢБЪ И ВОДОУ. ПОУТЬ ШЕСТВОУА
ДНІИ ·Л· И ОБРѢТЪ ПЕЩЕРОУ МАЛОУ И

ὅτι προσεδέξατο ὁ θεὸς τὰ δοθέντα
τοῖς πένησι· καὶ μάλιστα ὅτι ἀπὸ αἰσ-
χρῶν ἦσαν συναχθέντα προφάσεων· καὶ
ὅτι ἔτυχεν ἀνέσεως ἡ μ(ήτη)ρ μου, ἡ
ὠφελείας οἰασοῦν, ἔνεκεν τῶν τοιούτων
ἐλεημοσυῶν τε καὶ προσφορῶν· ἀπλή-
θον οὖν δέσποτα εἰς ἱεροσόλυμα πρὸς
τὸν π(ατ)ριάρχην· ὅστις ἀκούσας τὰ
συμβάντα, λέγει μοι· καλῶς ἐποίησας
πάντα ὃ τέκνον, μεριμνήσας τὴν τῆς
μ(ητ)ρ(ό)ς σου σ(ωτ)ρίαν· ταῦτα γὰρ
ποιῶν, σαυτὸν εὐεργετεῖς καὶ σ(ωτ)-
ρίας ἀξιοῖς τὴν σὴν ψυχὴν· πλὴν οὐδεὶς
δύναται ἀκριβῶς τὸ τέλειον τοῦ πράγ-
ματος πιστώσασθαί σοι· ἀλλὰ πο-
ρεύθητι εἰς σκῆτιν καὶ εἰς θηβαῖδα·
κάκει εὐρήσεις ἄνδρας θεοφόρους καὶ
διορατικούς, οἳ δύνανται σοι περὶ τούτου
δι' εὐχῆς καὶ ἀποκαλύψεως πληροφο-
ρῆσαι· εὐθέως οὖν πορευθεὶς εἰς σκῆτιν
καὶ εἰς θηβαῖδα, ἤκουσα παρὰ τῶν
οἰσίων ἐκεῖνων καὶ αἰοδίμων π(ατέ)ρων·
λεγόντων πάντως ἐκ τῆς ἄγαν ταπεινώ-
σεως, ὅτι οὐκ ἔστι τέκνον ἐν ἡμῖν σήμε-
ρον, οἷον αὐτὸς ἐπιζητεῖ ὁ σκοπός σου·
ἀλλ' εἰ θέλεις ἀκοῦσαι τῆς ἡμ(ῶν)
συμβουλείας, εἴσελθε εἰς τὴν ἐσωτέραν
ἔρημον· κάκει εὐρήσεις ἀν(θρῶπ)ον τοῦ
θεοῦ τέλειον· δυνάμενόν σε περὶ
τούτων πληροφορῆσαι· μὴ οὖν τὸν
κόπον ἀκηδιάσης ὃ τέκνον· ἀλλὰ θαρ-
ρῶν πορεύου· ὁ κ(ύρι)ος μετα σοῦ·
λαβῶν οὖν ἄρτους καὶ εὐχὴν καὶ ὕδωρ,
ᾧδευσα ἡμέρ(ας) τριάκοντα· καὶ εὔρον
σπήλαιον μικρὸν· καὶ ὀλίγον ὕδωρ· καὶ
περὶ τὸ ὕδωρ, ἵχνη ἀν(θρῶπ)ου· καὶ
περιχαρῆς γενόμενος, ἔκρουσα κατὰ τὸ

мало воды. и при водѣ стопы члѣта. и обрадованъ бѣ и толкноѡ по обычаю и ѡвѣща вноутрь сѣын старецъ и изыде и бывшюу обычнюу нночьскомоу поклоненію и млтвѣ и сѣдохѡ. и глѣ ми рабѣ бѣжѣи. добрѣ пришелъ еси чадо. что толкнѣ троѡ до нѣ претерпѣлъ еси прѣити. рци ми. како христѣаньское колѣно живеть днѣ. како црїе. како вѣра оутвержена е. мнѣ же рекшоу. яко млтвами вашими прѣбъными равно аггломъ живоуциимъ вса блгочестивно и мирно надеже есмь оутверженїа соуть. но ѡ немже подвигѡ са блго. ѡ семь ма просвѣти молю са сѣымъ стопамъ твоимъ. томоу же рекшоу. и коа внна к намъ твоего прихода. и исповѣдавшюу ми вса. якоже рѣ са. и рекшоу. яже ѡ извѣщенїи блго прїати молю са ради кѣ бѡу дерзновенныа ти млтвы и блгопрїатныа. аще положити кою полсоу смѣреннаа ми мѣти. или ни. ѡвѣща истиннын бѣжѣи рабѣ. паче моеа силы и достоиньства таковое прошенїе. ѡбаче молимъ ѡба бѣ ѡ чадо. и еже хощеть и волить ѡкрыеть намъ. и сѣтвори ваннымъ сконмъ железомъ писма окроугло и постави ма вноутрь. заповѣда днѣи семь не сѣсти елико по силѣ ни части ни пити. но молити бѣ днѣ и ноцъ. яко да

εἶδος· ἀπεκρίθη δὲ ἔνδον ὁ ἅγιος γέρων· ἐξελθὼν οὖν καὶ γενομένης τῆς συνήθους τοῖς μοναχοῖς εὐχῆς, ἐκαθέσθημεν· καὶ λέγει μοι ὁ δοῦλος τοῦ θ(εο)ῦ· καλῶς ἐλήλυθας τέκνον· τί τασοῦτον κόπ(ον) ὑπέμεινας ἐλθεῖν ἕως ἡμῶν· εἰπέ μοι πῶς τὸ τῶν χριστιανῶν φῦλον πολιτεύεται σήμερον· πῶς οἱ βασιλεῖς· πῶς ἡ πίστις ἠδρασταί· [in margine: κ] ἐμοῦ δὲ φήσαντος· ὅτι εὐχαῖς ὑμῶν ὁσάις τῶν ἰσαγγέλως βιούντων, πάντα εὐσεβῶς καὶ εἰρηνικῶς τὰ καθημᾶς βεβαιοῦνται· ἀλλ' εἰς ὃ παρεγενομένην δέσποτα, εἰς τοῦτο με φώτισον δέομαι τοῖς ἀγίοις σου ἴχθεσιν· αὐτοῦ δὲ εἰπόντος· καὶ τίς ἡ αἰτία τῆς πρὸς ἡμᾶς ἀφίξεως· καὶ ἐξηγησαμένου μοι πάντα ὡς εἴρηται καὶ εἰπόντος, τὰ τῆς πληροφορίας ὧ δέσποτα λαβεῖν δέομαι, διὰ τῆς εἰς θ(εο)ν πεπαρρησιασμένης καὶ εὐπροσδέκτου σου δεήσεως, εἰ ἔτυχε τινὸς ὠφελείας ἢ ταπεινῆ μου μῆ(τη)ρ, ἢ οὐ, ὅπερ ἀπεύχομαι· ἀπεκρίθη δὲ ὁ ἀληθῆς δοῦλος τοῦ θ(εο)ῦ· ὑπὲρ τὴν ἐμὴν δύναμιν καὶ ἀξίαν ὧ τέκνον ἢ τοιαύτη αἴτησις· πλὴν παρακαλέσωμεν ἀμφοτέροι τὸν θ(εο)ν· καὶ ὃ θέλει καὶ βούλεται ἀποκαλύπτει ἡμῖν· καὶ ποιήσας τῇ βαίνῃ αὐτοῦ ῥάβδῳ ἕξωθεν τοῦ σπηλαίου γραμμὴν κυκλοειδῆ, ἔστησέ με μέσον· παραγγείλας, ἕως ἡμέρας ἕξ, μήτε καθεσθῆναι ὅσον εἰς δύναμιν, μήτε φαγεῖν μήτε πιεῖν, ἀλλὰ δέεσθαι τοῦ θ(εο)ῦ νυκτὸς καὶ ἡμέρας, ὅπως φανερώσῃ ἡμῖν τοῦ ζητουμένου τὴν ἀποκάλυψιν· καὶ γὰρ δὲ ἔνδον τοῦ σπηλαίου τὸ αὐτὸ ποιήσω· καὶ δυνατός

ѠБЫАВНТЬ НАМЪ ИСКОМОМОУ ѠКРОВЕНІЕ.
 И АЗЪ ЖЕ РѢ ВНОУТРЬ ПЕЩЕРЫ ТОЖЕ
 СЪТВОРЮ. И СИЛЕНЪ ЕСТЬ ИЖЕ И МЫСЛЕМЪ
 СОУДІА И ОУТРОБАМЪ И СРЪЦЕМЪ
 ИСПЫТАТЕЛЬ. ЕЖЕ ВЕЗМѢСТНЫМЪ ВѢДЕЦЪ.
 И ѠБЫАВНТЕЛЬ НЕВѢДОМЫМЪ. ѠКРЫЕТЬ
 НАМЪ НЕДОСТОННЫМЪ ПО КОЛѢ ЕГО. И
 СЪТВОРИ МЛТВОУ ПРИЛѢЖНОУ. И ПОСТАВИ
 МА ВНОУТРЬ ПИСМЕНЕ. И ИДЕ В ПЕЩЕРОУ
 СВОЮ. И СЪТВОРИШОУ МН ·Ѕ· ДНІИ. И ШЕСТЬ
 НОЦІИ. ЯКО ПРІИДЕ СЕДМАА НОЩЬ. И БѢ
 ЯКО ВЪ НСТОУПЛЕНІИ. И ЗРЮ НА ЛѢВОЮ
 СЪТРАНОУ. ЕЗЕРО ТИНАКО СМРАДА ИСПОЛНЕНО.
 И ГЛАВЫ НѢКЫИХЪ ВЪСХОДАЩІИ И
 <НИ>ЗЪХОДАЩІИ ВЪ ГЛОУБИНѢ ЕЗЕРА. И
 С НИМИ "МТРЬ МОЮ ВЪСХОДАЩОУ И
 НИЗЪХОДАЩОУ ДО ВЫА. И ПОЗНАВЪШИ
 МА. И ВЪЗЪПИ ЧАДО МОЕ ДОБРОЕ ПОМНЛОУИ
 МА. И ПАКЫ ПОНИКЪШИ ВЪ ГЛОУБИННОУ
 ТИНЫ. И ПАКЫ ВЪЗВЕДЪШИ ДО ПЕРСИН.
 И ВЪЗЪПИ СѢЛО. ЧАДО МОЕ ПОМОСИ МН.
 И ПАКЫ ЗАШѢШИ ВЪ ГЛОУБИННОУ. И ДО
 ТРЕТІЕЕ ВИДѢ ТОУ ВЪЗЪШѢШЮ. И ЕЩЕ
 МНОЖАЕ ВЪПІЮЩОУ СЪ ОУМИЛЕНІЕМЪ. И
 МНОГАМИ СЛЕСАМИ И РЫДАНІЕМЪ ЧАДО
 МОЕ ПОМОСИ МН. ЧАДО МОЕ ОУМИЛОСЕРДИ
 СА. ЧАДО НЕ ѠСТАВИ МЕНЕ ВЪ БѢДѢ СЕН.
 АЗЪ ЖЕ БѢДЫ ЯКОЖЕ ЗАБѢ. ПРОСТРѢ
 ДЕСНОЮ РОУКОУ И ПОХВАТІИ ВЛАСЫ ГЛАВЫ
 ЕА. ТОИЖЕ ВЪ ДОЛНАІА ПОГРΑΖЪШИ. И
 ѠМОУИ СА РОУКА МОА ВЪ ТИИѢ СМРАДА
 ѠНОГО ДО ЗАПАСТІА. СІИЮ ЖЕ ИСТОУРГЪ.

ἐστὶν ὁ τῶν ἐννοιῶν κριτῆς· καὶ τῶν
 νεφρῶν καὶ καρδιῶν ἐξεταστῆς ὁ τῶν
 ἀδελῶν γνώστης, καὶ φανερωτῆς τῶν
 ἀγνοουμένων ἀποκαλύψαι ἡμῖν τοῖς
 ἀναξίοις κατὰ τὸ θέλημα αὐτοῦ· καὶ
 ποιήσας εὐχὴν ἐκτενῆ, εἶασέ με ἔνδον
 τῆς γραμμῆς καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸ σπή-
 λαιον αὐτοῦ· καὶ ποιήσαντός μου τὰ ἐξ
 νυχθήμερα, ὡς ἦλθεν ἡ ἐβδόμη νύξ,
 γίνομαι ὡς ἐν ἐκστάσει· καὶ ὁρῶ κατὰ
 τὸ εὐώθυμον μέρος, λίμνην βορβορόδους
 δυσωδίας ἀμετρίτου· καὶ κεφαλὰς τινῶν
 ἀνιόντων καὶ κατιόντων ἐν τῷ βυθῷ τῆς
 λίμνης καὶ σὺν αὐτοῖς, τὴν μ(ητέ)ρα
 μου ἀνιοῦσαν καὶ κατιοῦσαν ἑωρακῶς
 ἕως τραχήλου, καὶ γνωρίσασάν με καὶ
 κράζουσάν· τέκνον μου καλὸν ἐλέησόν
 με· καὶ πάλιν καταδύσασαν ἐν τῷ βυθῷ
 τοῦ βορβόρου, καὶ πάλιν ἀνελθοῦσαν
 ἕως τοῦ στήθους· καὶ κράξασαν, τέκνον
 μου γλυκύτατον ἐλέησόν με· τέκνον
 μου βοήθει μοι· καὶ πάλιν βυθισθεῖσαν·
 καὶ τὸ τρίτον ἰδὼν αὐτὴν ἀνελθοῦσαν·
 καὶ ἔτι πλεῖον βοῶσαν μετὰ οἴκτου· καὶ
 πολλῶν δακρῶν καὶ οἰμωγῶν, τέκνον
 ἐμὸν, βοήθει· τέκνον μου σπλαγχνίσθη-
 τι· τέκνον μου μὴ καταλίπης με εἰς τὴν
 ἀνάγκην ταύτην· ἐγὼ δὲ τοῦ κινδύνου
 ὥσπερ ἐπιλαθόμενος, ἐκτείνας τὴν δε-
 ξιὰν χεῖρα· καὶ δραξάμενος τῆς κόμης
 τῆς κεφαλῆς αὐτῆς· αὐτῆς δὲ πάλιν εἰς
 τὰ κάτω βυθιούσης, ἐβάφη ἡ χεῖρ μου
 ἐν τῷ βορβόρῳ τῆς δυσωδίας ἐκείνης,
 ἕως τοῦ ἀστραγάλου· ταύτην δὲ ἀνα-
 σπάσας· καὶ εἰς τὰ δεξιὰ περιβλεψάμε-
 νος, ὁρῶ κολυμβήθραν ὑδατος καθαροῦ,
 καὶ διειδεστάτου καὶ εὐώδους· ἐκεῖ οὖν

И НА ДЕСНО ОВЪЗРѢВЪ ЗРЮ КОУПѢЛЬ
 ВОДЫ ЧИСТЫ И БЛГОВОННЫ И СЛѢКЫ. ТАМО
 ОУБО КЪВЕРГЪ ТОУ. ОМЫВЪ СМРАДНЫА
 ОНЫ ТИНЫ. СЪ ТАМО СОУЩІИМИ
 СВѢТЛЫИМИ ЛЮДИИ СЪВЪКОУПІИ.
 ХВАЛАЩЕ И СЛАВАЩЕ С НИМИ Х҃А Б҃А
 НАШЕГО. ДНЮ ЖЕ ПРОЧЕЕ КЫКШОУ. СЕН
 РАБЪ БЖІИ КЪПРАШААШЕ. ЧТО ОУБО ЕСИ
 ВИДѢЛЪ. МНѢ ЖЕ ПОВѢДОУЮЩЕ. ТЪИ
 ЗНАМЕНААШЕ ГЛ҃ЕМАА. ТАКОВАА БО ВАШЕ
 И САМЪ ТАКОЖЕ ГЛ҃АШЕ ЗРѢВЫИ. МНѢ
 ЖЕ РОУКОУ ИЗНОСАЩОУ И НЕИСЧЕТЕННАГО
 СМРАДА ГЛ҃АШЕ СТЫИ. О СЕМЪ НЕ ПЕЧАЛОУИ
 ТАКОЖЕ ПЕЧАТЬ ЕСТЬ ИСТИННЫИ. ЕЖЕ
 ВѢРОВАТИ НАМЪ И ВСѢМЪ СЛЫШАЩІИМЪ
 И ВИДАЩІИМЪ ТАКО ИСТИННО ЕСТЬ
 ВИДѢНІЕ. А НЕ ПРИВИДѢНІЕ НИИ МЕТТАНІЕ.
 ТАКО СИЛЕНЪ ЕСТЬ Б҃Ъ И ПО СЛ҃РТИ ТВОРИТИ
 МЛ҃ТЬ И ЩЕДРОТЫ. ИЖЕ ѿ ВСЕГО С҃ЦА
 ТВОРАЩІИМЪ ПРИНОШЕНІА И МИЛОСТЫНА
 ЗА ѿШЕШІИ И ТѢМЪ ПОДАТИ МИЛОСТЬ.
 ТАКО ЩЕДРОТЫ ЕГО НА ВСѢ ДѢЛѢХЪ ЕГО.
 ЕЛИКО ХОЩЕТЪ И МОЖЕТЪ. О РОУЦѢ ЖЕ
 ТВОЕИ И АЗЪ ИЗВѢЩОУ. МОЖАШЕ ОУБО
 Б҃Ъ ВСАЧЬСКИЙИ И ТОУ ТАКОВАГО
 ПРѢМѢНИТИ СМРАДА. НО ДА НЕ ТАКОЖЕ
 РѢ СА ДВОЕВѢРНО МНИТ СА БЫТИ. И
 НЕВѢРНА МИГОМЪ. СИЦЕ ТОУ БЛГОВОЛИ
 НИМЪТИ. СИЦЕ РЕКЪ МИ РАБЪ БЖІИ. И
 МАЛЫИ ПЛАТЬ СЕН ИЖЕ ЗРИШИ ѿ СТЫА
 ЕГО МАНТІА ѿРѢЗАВЪ. ОВѢВНТЪ МИ
 РОУКОУ. И АВІЕ ПРЕСТА ВЕСЬ СМРАДЪ.

ἐμβάλων αὐτήν· καὶ ἀποπλύνας τοῦ δυ-
 σώδους ἐκείνου βορβόρου, τοῖς ἐκεῖσε
 λευκοφοροῦσι καὶ λαμπροῖς λαοῖς, κα-
 τέμιξα· δοξάζουσαν καὶ αἰνοῦσαν σὺν
 αὐτοῖς χ(ριστὸ)ν τὸν θ(εὸ)ν ἡμῶν· ἡμέ-
 ρας δὲ λοιπὸν γενομένης, φωνήσας με ὁ
 δοῦλος τοῦ θ(εο)ῦ, ἐπυνθάνετο, τί ἂν
 εἶην ἐωρακῶς· ἐμοῦ δὲ διηγουμένου,
 αὐτὸς ἐπεσφράγιζε τὰ λεγόμενα· τὰ
 γὰρ αὐτὰ ἦν καὶ αὐτὸς ὡς ἔλεγε θεα-
 σάμενος· ἐμοῦ δὲ τὴν χειρὰ προβαλ-
 λομένου· καὶ τὴν ἄμετρον δῦσωδιαν μὴ
 ὑποφέροντος, ἔφη ὁ ἅγιος· περὶ τούτου
 μὴ σοι μελέτω· τοῦτο γὰρ σφραγίς ἐστὶ
 τῆς ἀληθείας, τοῦ πιστεῦειν ἡμᾶς, καὶ
 πάντας τοὺς ἀκούοντας καὶ ὁρῶντας,
 ὅτι ἀληθὴς ἡ ὀπτασία, καὶ οὐδε φάσμα,
 οὐδε φαντασία· καὶ ὅτι δυνατός ἐστὶν ὁ
 θ(εὸς), καὶ μετὰ θάνατον ποιεῖν ἔλεος
 καὶ οἰκτιρμοὺς, μετὰ τῶν ἐξ ὅλης καρ-
 δίας ποιούντων προσφορὰς καὶ ἐλεημο-
 σύνας, ὑπὲρ τῶν προέκδημησάντων,
 καὶ αὐτοῖς παρέχειν ἔλεος· ὅτι οἱ οἰκ-
 τιρμοὶ αὐτοῦ, ἐπὶ πάντα τὰ ἔργα αὐτοῦ·
 καὶ ὅσα θέλει, καὶ δύναται· περὶ δὲ τῆς
 χειρὸς σου ταύτης, ἐγὼ σοι πληροφορῶ,
 ἡδύνατο μὲν ὁ θ(εὸς) παντελῶς αὐτ(ήν)
 τῆς τοιαύτης ἀπαλλάξει δυσωδίας· ἀλλ’
 ἵνα μὴ ὡς εἴρηται δόσπιστον δόξη εἶναι
 καὶ ἀμφίβολον τοῖς πολλοῖς, οὕτω ταύ-
 την ἔχειν εὐδόκησεν· οὕτως οὖν εἰπὼν
 μοι ὁ δοῦλος τοῦ θ(εο)ῦ· καὶ μικρ(όν)
 ῥάκος τοῦτο ὅπερ ὄρας, ἐκ τοῦ ἀγίου
 αὐτοῦ παλλίου ἀποτεμών, περιέθηκέ
 μου τῇ χειρὶ· καὶ εὐθὺς κατέπαυσε
 πᾶσα ἡ δυσωδία· προσεγένετο δὲ μᾶλ-
 λον δι’ αὐτοῦ, εὐωδία· ἥτις καὶ ἐπιμένει

прїнде же пате его ради бл҃гоу҃ханїе. еже и пребываеѣтъ платоу належащюу. аще ли кто възметъ его ѣако же "ты нынѣ сътвори лъ еси. и никтоже стерпнѣтъ смрада неистѣтенное. по снх же гл҃а ми нже рабѣ бѣжїи во истинноу. се чадо толикѣ поутѣ шествовалъ еси сѣло оутроудив сѧ. и ѣаже на потребоу не имашн. что подобаеѣтъ створити ти. или како ѿндеши въ страну свою нетроудно. ѣако сїа гл҃аше ми. се дѣхноу вѣтрѣ въ югѣ. и облакѣ граденъ оуторже сѧ ѿ запада. сѣын же старецъ рече. тебѣ повелѣваю аг҃лоу нже облакы водащюмоу. и всѧ держащюмоу силноу дланїю ѡ имени х҃вѣ. нже облакы съставлящюмоу. прїимн брата сего облакомъ. и донеси его въ своѧ емоу. ѣако да всѣмъ скажете величїа бѣжїа. ѣако силенъ право несѣменно просащнмъ подавати прошенїа нхѣ. мл҃тынн ради и милостынѣ ѡ мртѣвѣх же и ѡ живѣх. и милость его въ рѣ и родѣ до вѣка. и щедроты его на вѣсѣ дѣлехъ его. прїемлѣ ма оубо облакѣ прѣстави ма домоу моемоу. ѣако авкакоума въ рѣвъ данїилѣвъ. и ннѣхъ хвалашїи и славащїи х҃а б҃а нашего въ всакомъ бл҃говѣрїи и чистотѣ. ѣако томоу подобаеѣтъ всака слава въ вѣкы вѣкѣѣ, аминь:~

τοῦ ῥάκκου ἐπιχειμένου· εἰ δὲ τις ἄρη αὐτὸ ὡς καὶ σὺ ἀρτίως ἐποίησας, οὐκ ἄν τις ὑποφέρει τῆς δυσωδίας τὸ ἄμετρον· μετὰ δὲ ταῦτα λέγει μοι ὁ ὄντως δοῦλος τοῦ θ(εο)ῦ ἐκεῖνος· ἰδοὺ τέκνον τοσαύτην ὁδὸν ὁδοιπορήσας, σφόδρα ἐχοπίασας· καὶ τὰ πρὸς δαπάνην οὐχ ὑπάρχει σοι· ἢ πῶς ἀπελεύσῃ ἐν τῇ χώρᾳ σου ἀκόπως· καὶ ὡς ταῦτα διελέγετό μοι, ἰδοὺ ἐπνευσεν ἄνεμος νότος· καὶ νεφέλῃ χαλάζης ἀνεσπάσθη ἐκ δὺσμῶν· ὁ δὲ ἅγιος γέρων ἔφη· σοὶ προστάσω τῷ ἀγγέλῳ τῷ τὴν νεφέλῃν ἐπέχοντι· ἐν ὀνόματι ἰ(ησο)ῦ χ(ριστο)ῦ τοῦ τὰς νεφέλας ἡνιοχοῦντος, καὶ τὰ πάντα οἰακίζοντος τῇ παντοδυνάμῳ παλάμῃ, λάβε τὸν ἀδελφὸν τοῦτον διὰ τῆς νεφέλης, καὶ ἀπόσωσον αὐτὸν εἰς τὰ ἴδια αὐτοῦ· ὅπως πᾶσι διηγεῖται τὰ μεγαλεῖα τοῦ θ(εο)ῦ· καὶ ὅτι δυνατός ἐστι τοῖς ὀρθῶς καὶ ἀδιστακτικῶς αἰτοῦσι, παρέχειν τὰ αἰτήματα αὐτῶν· διὰ τε προσφορῶν καὶ ἐλεημοσυνῶν, ὑπὲρ τε νεκρῶν καὶ ζώντων· ὅτι οἱ οἰκτιρμοὶ αὐτοῦ ἐπὶ πάντα τὰ ἔργα αὐτοῦ εἰς γενεὰν καὶ γενεὰν ἕως τοῦ αἰῶνος· ἄρασα οὖν με ἡ νεφέλ(η) παρέστησέ με τῷ οἴκῳ μου· ὡσπερ τὸν ἀββακοῦμ ἐν τῷ λάκκῳ τοῦ δανιήλ, καὶ ἐτέρους· δοξάζοντα καὶ αἰνοῦντα χ(ριστο)ν τὸν θ(εο)ν ἡμῶν, ἐν πάσῃ σωφροσύνῃ τε καὶ ἀγνείᾳ· ὅτι αὐτῷ πρέπει δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰῶνων· ἀμήν· παύλ(ου) τοῦ ὀσιωτ(ά)τ(ου) ἐν μοναχοῖς· καὶ ἐπισκόπ(ου) γενομ(έν)ου μονεμβασίας τῆς πελοποννήσου διηγήματα διάφορα ὀσίων ἀνδρῶν, πάνυ σύντομα καὶ ὠφέλιμα.

Сокращенные названия библиотек и древнехранилищ

ГПНТБ – Государственная публичная научно-техническая библиотека (Новосибирск)

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)

РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург)

Библиография

Рукописи

Вязн В22302

Вязниковский историко-художественный музей, В22302. ВРКМ 1039. КР-3, Сборник повестей, слов и житий, XV в.

Волок437

РГБ, ф. 113 (собрание Иосифо-Волоколамского монастыря), № 437, Слова Афанасия Александрийского с прибавлениями, 1488 г. (лл. 1–237) и посл. четв. XV в. (лл. 238–330).

КДА178

Киев, Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского, ф. 301 (собрание Церковно-археологического музея при Киевской Духовной академии), № 178, ч. 1: Пролог простой, сентябрь – февраль, ок. 1643 г.

Муз4102

РГБ, ф. 178 (Музейное собрание), № 4102, Пролог простой, сентябрь–февраль, 1-я четв. XVI в.

Погод1287

РНБ, ф. 583 (собрание М. П. Погодина), № 1287, Сборная рукопись, XVI в.

Погод1383

РНБ, ф. 593 (собрание М. П. Погодина), № 1383, “Зерцало малое”, втор. пол. XVII в.

Тих520

ГПНТБ, собрание М. Н. Тихомирова, № 520, Пролог простой, декабрь – февраль, нач. XVI в.

Тр186

РГБ, ф. 304.I (собрание Троице-Сергиевой лавры), № 186, Сочинения Григория Синаита и патериковые повести, втор. пол. XV в.

Тр701

РГБ, ф. 304.I (собрание Троице-Сергиевой лавры), № 701, Патерики азбучно-иерусалимский и сводный, 1469 г.

Тр717

РГБ, ф. 304.I (собрание Троице-Сергиевой лавры), № 717, Пролог стихной, июнь – октябрь, ок. 1429 г.

Тр718

РГБ, ф. 304.I (собрание Троице-Сергиевой лавры), № 718, Пролог стихной, июнь – октябрь, 1523–1529 гг.

Тр770

РГБ, ф. 304.I (собрание Троице-Сергиевой лавры), № 770, Сборник, нач. XVI в.

Ф.І.323

РНБ, Основное собрание (ф. 560), Ф.І.323, Синодик, 1695 – не позднее 29 января 1696 г.

Ф19-95

Вильнюс, Библиотека им. Врублевских Академии наук Литвы, F 19-95, Пролог простой, сентябрь – февраль, 1512 г.

F19-97

Вильнюс, Библиотека им. Врублевских Академии наук Литвы, F 19-97, Пролог стихной, декабрь – февраль, 1530 г.

Литература

ДЕРГАЧЕВА 2011

ДЕРГАЧЕВА И. В., *Древнерусский Синодик: исследования и тексты* (= Памятники древнерусской мысли. Исследования и тексты, 6), Москва, 2011.

СРЬОМІН 1927

СРЬОМІН І. П., «Сводный» Патерик у південно-слов'янських, українському та московському письменствах», in: *Записки історично-філологічного відділу Української Академії наук*, 12, Київ, 1927, 48–77.

ИВАНОВ 2014

ИВАНОВ С. А., «Неизвестная средневековая повесть о путешествии в Ад», in: О. А. АКИМОВА, ред., *Рассказы о путешествиях, паломничествах, миграциях в источниках Средних веков и раннего Нового времени: Материалы конференции* (= Славяне и их соседи. XXVII конференция памяти В. Д. Королюка), Москва, 2014, 25–27.

ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878

ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ, *Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры*, 1, Москва, 1878.

— 1879

ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ, *Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры*, 3, Москва, 1879.

Иосиф 1882

ИОСИФ, *Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в Библиотеку Московской Духовной академии*, Москва, 1882.

КОСТОМАРОВ 1860

КОСТОМАРОВ Н. И., ред., *Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко*, 1: *Сказания, легенды, повести, сказки и притчи*, С.-Петербург, 1860.

НЕСТЕРОВ 2009

НЕСТЕРОВ И. В., «Новые находки в Вязниковской коллекции рукописных книг. Научные описания», *Открытый текст. Электронное периодическое издание*, 15.10.2009 (удаленный ресурс; режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/>; последнее обращение: 05.06.2017).

ПУДАЛОВ 2000

ПУДАЛОВ Б. М., «Литературная история 1-й («древнейшей») редакции Измарагда», *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2000, 2 (2), 76–95.

СОКОЛОВА 1989

СОКОЛОВА Л. В., «Повесть о грешной матери», in: Д. С. ЛИХАЧЕВ, ред., *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2: *Вторая половина XIV–XVI вв.*, 2, Ленинград, 1989, 233–234.

ТУРИЛОВ 1986

ТУРИЛОВ А. А., *Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР)*, Москва, 1986.

— 2012

ТУРИЛОВ А. А., *Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики*, Москва, 2012.

ЧИСТЯКОВА 2013

ЧИСТЯКОВА М. В., *Предварительный сводный каталог церковнославянских проложных текстов*, 1: Сентябрь, Вильнюс, 2013.

CARROL 2004

CARROL A., "Paul of Monembasia, *Historia animae utilis*, BHG 1449d, Cod. Vat. Gr. 57," in: M. MULLETT, ed., *Metaphrastes, or Gained in Translation: Essays and Translations in Honour of Robert H. Jordan* (= Belfast Byzantine Texts and Translations, 9), Belfast, 2004, 185–193.

HALKIN 1957

HALKIN F., *Bibliotheca Hagiographica Graeca, troisième édition, 3: Supplément, Appendices et Tables* (= Subsidia Hagiographica, 8a), Bruxelles, 1957.

——— 1984

HALKIN F., *Novum Auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae* (= Subsidia Hagiographica, 65), Bruxelles, 1984.

IVANOV 2015

IVANOV S. A., "The Right Hand Fetid, the Left Unclean. An Unknown Byzantine Spiritually Beneficial Tale," *Analecta Bollandiana*, 133/2, 2015, 249–255.

References

Carrol A., "Paul of Monembasia, *Historia animae utilis*, BHG 1449d, Cod. Vat. Gr. 57," in: M. Mullett, ed., *Metaphrastes, or Gained in Translation: Essays and Translations in Honour of Robert H. Jordan* (= Belfast Byzantine Texts and Translations, 9), Belfast, 2004, 185–193.

Čistiakova M., *Preliminarus suvestinis bažnytinio slavų Sinaksaro tekstų katalogas*, 1, Vilnius, 2013.

Dergacheva I. V., *Drevnerusskii Sinodik: issledovaniia i teksty*, Moscow, 2011.

Halkin F., *Bibliotheca Hagiographica Graeca, troisième édition, 3: Supplément, Appendices et Tables* (= Subsidia Hagiographica, 8a), Bruxelles, 1957.

Halkin F., *Novum Auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae* (= Subsidia Hagiographica, 65), Bruxelles, 1984.

Ivanov S. A., "Neizvestnaia srednevekoviaia povest' o puteshestvii v Ad," in: O. A. Akimova, ed., *Rasskazy o puteshestviiakh, palomnichestvakh, migratsiakh v istochnikakh Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*, Moscow, 2014, 25–27.

Ivanov S. A., "The Right Hand Fetid, the Left Unclean. An Unknown Byzantine Spiritually Bene-

ficial Tale," *Analecta Bollandiana*, 133/2, 2015, 249–255.

Nesterov I. V., "Novye nakhodki v Viaznikovskoi kollektzii rukopisnykh knig. Nauchnye opisaniia," *Otkryti tekst*, 15.10.2009 (online: <http://www.opentextnn.ru/>).

Pudalov B. M., "Literaturnaia istoriia 1-i ('drevneishei') redaktsii Izmaragda," *Drevnyaya Rus–Voprosy Medievistiki*, 2000, 2 (2), 76–95.

Sokolova L. V., "Povest' o greshnoi materi," in: D. S. Likhachev, ed., *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/2, Leningrad, 1989, 233–234.

Turilov A. A., *Predvaritel'nyi spisok slavianskikh rukopisnykh knig XV v., khraniashchikhsia v SSSR*, Moscow, 1986.

Turilov A. A., *Mezslavianskie kul'turnye svyazi epokhi Srednevekov'ia i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavian: Etiudy i kharakteristiki*, Moscow, 2012.

Yeriomina I. P., "'Svodnyi' Pateryk u pivdenno-slovians'kykh, ukrains'komu ta moskovs'komu pys'menstvakh," in: *Zapysky istorychno-filolohichnoho vidilu Ukrains'koi Akademii nauk*, 12, Kiev, 1927, 48–77.

prof. habil. dr. **Sergejus Temčinas**

Lietuvių kalbos institutas, Raštijos paveldo tyrimų centras

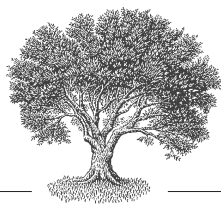
Centro vadovas, vyriausiasis mokslo darbuotojas

P. Vileišio g. 5, 10308 Vilnius

Lietuva/Lithuania

sergejus.temcinas@flf.vu.lt

Received May 10, 2016

Литературный текст
в традиционном
бытовании (“Сказка
о царе Салтане”
в Новгородской
области)*

The Folklore Life
of a Literary Text:
Narration of *The Tale
of Tsar Saltan* in
Traditional Discourse

Анастасия Игоревна Рыко

С.-Петербургский государственный
университет
С.-Петербург, Россия

Anastasia I. Ryko

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье рассматривается пересказ “Сказки о царе Салтане” Пушкина, записанный в конце XX в. от крестьянки из Новгородской области. Текст анализируется в двух аспектах: структурном (соотношение прозаического пересказа, стихотворных цитат и комментариев информантки) и лингвистическом (соотношение диалектных и литературных вариантов грамматических форм). Поскольку ориентация на вымысел, характерная для исходного текста, сменяется установкой на реальность происходящих событий, особое внимание уделено описанию трансформаций текста при пересказе, адаптации чужих элементов к знакомым информантке реалиям окружающей действительности и замене их своими. Так, в пушкинский сюжет вклиниваются рассказы из жизни повествователя, родственников (знакомых), а неизвестные рассказчице реалии

* На аналогичную тему и на этом же материале в 1999 г. А. С. Архиповой, Ф. Р. Минлосом и А. И. Рыко был подготовлен доклад, прочитанный на круглом столе, посвященном проблемам “наивной” литературы. Ряд положений этого доклада использованы в настоящей статье.

заменяются привычными. Аналогичные преобразования происходят и на лексическом уровне. Пересказ приобретает черты традиционного фольклорного текста. Сюжет становится прямолинейным, упрощается: сохраняются лишь основные, “событийные” элементы, подробные описания опускаются. Детальный анализ некоторых элементов пересказа показывает, что по сравнению с исходным текстом меняется точка зрения повествователя: если в тексте “Сказки” ее можно охарактеризовать как внешнюю по отношению к повествованию, то в пересказе она становится внутренней. Кроме того, ряд отличий пересказа от исходного текста связан с тем, что он приобретает черты, характерные для устной речи. Особого внимания заслуживают две версии пересказа — “мужская” и “женская” (записанные, соответственно, собирателями мужчиной и женщиной). Версии пересказа различаются на сюжетном уровне: в “мужской” рассказывается об освобождении царевны Лебеди, в “женской” — о мести Гвидона теткам-обидчицам. Таким образом, разные фольклорные сюжеты, объединенные в пушкинском тексте, в пересказе снова разводятся, фигурируя в разных версиях.

Ключевые слова

пересказ, вторичный текст, наивная лингвистика, фольклорный текст

Abstract

The article focuses on the retelling of Pushkin’s *The Tale of Tsar Saltan* by an 80-year-old local woman, recorded at the end of the 20th century in the Novgorod region (northwest Russia). The text is analyzed both in terms of its structural aspect (the correspondence of prose narration, poetic quotations from Pushkin’s text, and the narrator’s comments) and in terms of its linguistic aspect (the correspondence of dialect and literary variants of grammatical forms). In comparison with Pushkin’s original, in the retelling the author’s perspective has been changed from the fantastic to reality; consequently, the text has been transformed by the adaptation of elements alien to the familiar reality or by their replacement with familiar, but different, elements. Thus, the narrator included in the retelling several stories from her own life and the lives of her relatives (acquaintances), interiorizing the plot and filling it with personal and familiar realities, including transformations on the lexical level. The retelling retains features of a traditional folklore text. The plot becomes simplified; only the basic “event-related” points are kept, and detailed descriptions are excluded. The viewpoint of the narrator has also been changed from the external in *The Tale of Tsar Saltan* to internal in the retelling. In addition, some structural characteristics of the retelling, in comparison to Pushkin’s original, are typical of oral speech. The narrator produced two versions of the retelling, the “male” and the “female” version, told, respectively, to linguists of different genders. The versions are different at the level of the plot: the “male” version describes the liberation of the Swan Princess, and in the “female” one, the narrator focuses on the revenge of Guidon that is directed toward his aunts. Thus, in the retelling, two folk plots, combined in Pushkin’s original, are separated again and exist as two versions of the same text.

Keywords

retelling, secondary text, naive linguistics, folk text

В течение последних десятилетий лингвисты, фольклористы и этнографы, работающие в поле с носителями диалекта и фольклорной традиции, не только записывают материал, но и пытаются понять, какие особенности свойственны “наивному” сознанию. В настоящей статье мы предлагаем некоторые наблюдения над механизмами восприятия литературного текста “наивным” сознанием и над трансформациями, происходящими с этим текстом при бытовании в рамках традиционной культуры.

1. Материал

Материалом данной статьи послужил пересказ литературного текста (“Сказки о царе Салтане о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди” А. С. Пушкина), записанный от малограмотной деревенской жительницы Дарьи Николаевны Андреевой (в девичестве Волковой) (1913–1998), уроженки д. Овинное Холмского района Новгородской области в феврале 1996 г. (запись сделана в д. Борисово того же района, в момент записи информантке было 83 года). 1-я версия пересказа была записана собирателем-мужчиной (“мужская”, или “героическая”, версия), 2-я (через несколько дней) — собирателем-женщиной (“женская” версия, или “рассказ о мести”), 3-я версия (краткая) была приведена как дополнительный пример в разговоре о колдовстве. Все три версии текста представляют собой прозаический пересказ “Сказки” с вкраплением стихотворных цитат разной степени точности. Все версии снабжены отступлениями, вставными рассказами, так или иначе связанными с сюжетом “Сказки”.

2. Лингвистические особенности

Есть ряд лингвистических черт, которые противопоставляют текст пересказа остальному массиву текстов, записанных от Д. Н. Андреевой¹.

“Чужие” (литературные) формы свойственны в основном стихотворным фрагментам пересказа. “Чужие” формы, как правило, характерны и для песен (которые, так же как и “Сказка”, воспроизводятся, а не порождаются) и отчасти могут быть объяснены необходимостью соблюдения стихотворного размера (о соотношении языка фольклора и диалекта см., например, [Никитина 1993] с дальнейшими ссылками). Однако литературные формы распространяются также и на прозаические фрагменты пересказа. Заметим, что соблюдение размера не является жестким правилом и для стихотворных цитат, он может быть нарушен

¹ Некоторые тексты, записанные от Д. Н. Андреевой, были опубликованы с лингвистическим комментарием [Минлос, Рыко 2005]. История жизни Д. Н. Андреевой с большим количеством цитат из ее рассказов излагается в статье [АБРАМЕНКО 2001].

(напр., “я на весь кряшшóный мёр анна́, натка́ла бы палатна́” (1)), и стихотворный фрагмент легко может быть преобразован в прозаический.

2.1. *-сь* или *-ся* в возвратных глаголах (после гласной)

В речи Андреевой в этой позиции встречаются оба форманта, причем *-сь* несколько чаще. В песнях же (независимо от конкретного песенного жанра, т. е. одинаково для частушек и обрядовых текстов) употребляется преимущественно *-ся*. В пересказе “Сказки” тоже преобладает *-ся*: “реч паслénния чаму́, палюб́илася яму́” (версия 1, 2); “и зач́алася вайна́” (1); “и ана́ взмал́илася го́спадy Бóгу” (1); “разбяр́уся я с табóй” (1); “ну э́тым-та дву́м дастав́алася то́шна”, (2); “а ма́лыя са́мыя шшасл́иваи атказ́алася, аказ́алася” (2); *-сь* встретилось лишь дважды: “и аказ́алась э́та цар́ица, са свай́м ряб́енкам” (1); “я табé пригаж́усь, гавар́ить”. Необходимостью сохранить стихотворный размер цитаты можно объяснить только один из приведенных примеров (*палюб́илася*)².

2.2. Окончания *-ам* или *-ами* в instr. pl.

“Своей” в данном говоре является флексия *-ам*, в остальных текстах, записанных от Андреевой, *-ами* встречается только в песнях (напр., “Вáнюшка харóший, Вáнюшка пригóжий / рубáшка с цвятáми, жалéтка с часáми / валасá с кудря́ми, сапо́г са скры́пáми”). Любопытно, что в пересказе сказки формы на *-ми* употреблены не только в стихотворной строке (“са стагла́вами цы́рквáми, сь тиря́ма́ми и с садáми” (2)), но и в прозаическом фрагменте: “но́жками на до́нышка встал” (1), где употребление этой формы не мотивируется соблюдением стихотворного размера.

2.3. Ударение

Несвойственные говору ударения встречаются только в стихотворных цитатах: “я для ба́тюшки цар́я, радилá б ба́гатыря́” (1), “я на весь бы мёр анна́ натка́ла бы палатна́” (2) (примеры из текстов, записанных от Андреевой, с обычными для этого говора ударениями: “э́та ту́т гдé жыла́ я, рад́илась э́та та́м-та; э́та Да́ша сабе́ придáннаи ататка́ла; та́к и хаж́у, и натка́ла придáнава сибé”).

3. Общая структура текста: совпадение и расхождение версий

Очевидно, что кроме внутренних “пружин” изменения исходного текста необходимо учитывать и внешний фактор — приближенность или

² Более широкое распространение *-ся* в 2000-е годы по сравнению с 1940–50-ми (по материалам “Диалектологического атласа русского языка”), не совпадающее с литературным, а как бы, напротив, отдаляющее диалект от литературного языка, отмечалось в говорах ряда деревень Тверской области (материалы экспедиций СПбГУ 2007–2014 гг.).

удаленность того или иного фрагмента от начала текста. Если первые 14 строк “Сказки о царе Салтане” воспроизводятся Андреевой почти буквально (хотя и сопровождаются прозаическими связками и комментариями), то дальнейшее изложение является именно пересказом, в котором стихотворные цитаты встречаются лишь фрагментарно.

Из сопоставления двух основных (полных) версий текст пересказа можно разделить на две части: первая часть, которая заканчивается освобождением царицы и ребенка из бочки, совпадает в обеих версиях пересказа. То, что первая часть текста воспроизводится информанткой более устойчиво, видимо, объясняется тем, что она повторялась большее число раз. Таким образом, сюжет первой части оказывается не очень сильно связанным с сюжетом второй части (который выбирается по крайней мере из двух вариантов) и может рассматриваться как самостоятельный законченный текст.

Первая часть в обеих версиях имеет не только один и тот же сюжет, но и аналогичную структуру. Она состоит из трех пластов: собственно пересказа, стихотворных цитат и комментариев рассказчицы к сюжету. Стихотворные цитаты, как точные, так и искаженные, в первой части являются основной составляющей текста:

Три дьявицы пад акнѳм. . .
 Пряли пѳзна вичаркѳм. . . (версия 1 = версия 2)
 Мѳлвит трѳтия сястрица:
 “А кѳбы я бѳла царѳца,
 я для бѳтѳшки царѳя,
 радила б баѳатырѳ”.
 Рѳч паслѳнния чамѳ
 палюбилася ямѳ.
 Цѳрь в ѳтыт дѳм захѳдить
 и такѳю рѳч завѳдить:
 “Вот ты бѳдиш ткачѳха,
 а ты бѳдиш паварѳха,
 а ты бѳдь маѳй жанѳй,
 ка исхѳду синтябрѳ, принясѳ мнѳ баѳатырѳ” (версия 1)

А патѳм мѳлвить трѳтия сястрица:
 “А кѳбы я была царѳца,
 я б для бѳтѳшки б царѳя
 радила б баѳатырѳ”. . .
 Рѳчь паслѳнния чамѳ
 палюбилася ямѳ, аѳѳ.
 ѳт таѳдѳ ѳн к ѳй падхѳдить,

и такую рѣч заводитъ:
 “Ты будь маей жаной,
 ка исходу синтября
 приняси мне багатыря” (версия 2)

Сына, ей дал Бѣг в аршын,
 рѣстам ѣтат сын в аршын. . .
 и в суму яму пустую,
 сують грамоту другую:
 “Радила царевна в нѣч,
 ни то сына, ни то дѣч,
 ни мышѣнка, ни лягушку,
 нинавидиму звярюшку” (версия 1)

Шлють яму тудѣ ганца:
 “Радила царевна в нѣч
 ни то сына, ни то дѣч,
 ни мышѣнка, ни лягушку,
 нинавидиму звярюшку”. . .
 В суму ганцу ѣтаму у суму пустую
 и сують грамоту такую. . .
 “Сына дал вам Бѣг в аршын” (версия 2) и т. д.

Почти все комментарии рассказчицы (а также их место в тексте) совпадают в обеих версиях, т. е. они являются жестким элементом текста:

И каким судьбам судѣ вашѣл царь (версия 1)

Вѣт, я. . . забыла, што аткудава царь-та ѣтат взѣлся (версия 2)

А в книгах, сынѣк, всѣ написана быль, ѣта была, нас ишшо на свѣти нѣ была (версия 1)

ѣта давнѣшная, ѣта в книжки, ѣ-е-е, а написана всѣ быль, шо ѣта всѣ была (версия 2)

И зачалася вайна, дѣдушка мой шѣсь лѣт служыл, а на писталѣтах хтѣ был написан? Будѣнный, Будѣнный был палкавѣдцем, вѣт спѣмнила, Будѣнный, у дѣдушки мавѣ была трѣ мядѣли, и двѣ ѣтых писталѣта (версия 1)

Вѣт у минѣ был дѣдушка, маѣва тѣтиньки тѣтинька, он. . . шѣсь лѣт служыл в Будѣннава, вѣт как он писѣлся “стрѣлок Будѣннава”, у явѣ была принѣсин трѣ мядѣли, и двѣ писталѣта (версия 2)

Вторая часть не совпадает в двух версиях пересказа уже на сюжетном уровне: в 1-й (“мужской”) версии в качестве центрального выступает сюжет об избавлении царевны Лебеди, во 2-й (“женской”) — сюжет о

мести царя Гвидона своим обидчицам. В обеих версиях текст второй части в основном прозаический, с минимальным количеством стихотворных цитат и без комментариев.

4. Трансформации литературного текста в пересказе

Изменения, которые претерпевает пушкинский текст “Сказки о царе Салтане” в пересказе Андреевой, на наш взгляд, определяются двумя основными причинами: 1) ориентация текста на вымысел сменяется установкой на реальность описываемых событий, и, как следствие, происходит адаптация “чужих” элементов или замена их “своими”); 2) письменный текст становится устным, что влечет за собой и изменения в структуре текста.

4.1. Сказка => быль

4.1.1. В отличие от исходного текста сказки пересказ — повествование о происшествиях, имевших место в реальности, что декларируется самой рассказчицей: “Эта ня сказка, а быль, давнишная быль, о-о я тут, о-о-о, давнишная быль, эта книга напечатана, ну давно, многа гадоу прашло, многа”. Сама ситуация ознакомления информантки с текстом способствовала возникновению такой установки: “Сказка о царе Салтане” была не услышана (как это бывает с традиционными фольклорными жанрами), а прочитана в книге³. Информантка твердо убеждена, что в книгах пишут правду, и неоднократно это подчеркивает: “эта давнешняя, эта в книжки, а написана всё быль, што эта всё была” (версия 2); “а в книгах, сынок, всё написано быль, эта была. Но нас ишло на свети не была” (версия 1). Более того, она сообщает, что книга получена из авторитетного источника — от начальника лагеря: “а там мне начальник и дал книгу, я книгу чит. . . а я-та и ня гра. . . я ни. . . буквы знаю” (версия 2); “Ты читал такую книгу, ай не? А я вот када хадила па Жаркам-Баркам, мне начальник лагиря дал такую книгу” (версия 1).

Это сообщение повторяется в каждой из версий, т. е. является устойчивым элементом пересказа, важным для информантки. Таким образом, уже ситуация ознакомления информантки с данным текстом способствовала тому, чтобы она относилась к событиям, о которых рассказывает, как к реальным.

4.1.2. Кроме того, сюжет о царе Салтане тесно переплетается с рядом сюжетов из рассказов информантки о реальных событиях в ее жизни.

³ Слова “расказывали, старинныи люди была гаманили, таперь-та нет ничова, а раншы все гаварили. . . а вот такую сказку гаварили” в 1-й версии, видимо, спровоцированы повторяющейся просьбой собирателя “рассказать про старое, про то, что говорили старые люди”.

Одним из таких мотивов, представленных и в сказке, и в рассказах о жизни, является мотив разлучения влюбленных и мести. Самый частый сюжет в рассказах Д. Андреевой о жизни — это история некоторой пары (большая часть рассказов автобиографична), счастливому соединению которой помешало чье-то злое вмешательство (обычно не без колдовства). Очевидно, что наличие этого мотива в “Сказке о царе Салтане” является одной из причин внимания рассказчицы к этому сюжету. В пересказе близость событий текста и реальных историй подчеркивается:

вот сёстры сястра́м што жалáли, а э́та, доч, и в э́тай дярэ́вни бы́ла, кагда́ я сюда́ пришла́ (версия 2); как, вот э́тых три́ дья́йцы, вот аны́, вот аны́ што́ сде́лали ма́лай сястри́цы, а аны́, бьё́тся ва станка́ ткачи́ха, бьё́тся павари́ха, а ма́лая сястра́ ходитъ гаспажой́, аны́ и пазавидывали (версия 3).

Таким образом, пересказ “Сказки о царе Салтане” выглядит авторитетным (заимствованным из книг, в правдивости которых информантка не сомневается) примером, подтверждающим истинность жизненных историй.

4.1.3. Некоторые комментарии информантки, которые даются к событиям сказки по ходу ее пересказа, хорошо соотносятся с такими обычными рефренами рассказов о жизни, как высказывания по поводу насыщенности событиями, полноты жизни и веселья прежних времен, чего нет ныне, с одной стороны, и упоминания о тяжестях и невзгодах прожитой жизни — с другой. Например, в рассказах о жизни Андреевой⁴:

Тапе́рь не́т ни́где ни́чо́ва вэ́бальшна́ва — все́ тако́я, кой-како́я;

Пра́зник, пра́зник, и вясэ́лы бы́ли, а я́рманки-та ка́кии бы́ли, Бо́жы мо́й. . . а наро́душка-та ско́лька бы́ло;

А буа́ла сва́дьбы-та ка́кии, до́ч, а пе́сни-та ка́к паём, о-о-о. А тапе́рь. . . ю́, ни́чаво́ ни́где ни аста́лася;

Во́т та́к, во́т та́к, до́ч, пе́сни все́ пе́ли, а тапе́рь и. . . не́т ни́чо́ва ни́где ни́каки́х;

Ба́ба и па тю́рьмам хади́ла — забы́ла го́д, ай два́ вроди́, забы́ла. И по́сли вайны́ — где́ та́кие Жа́рки-Ба́рки-Ва́лну́шки — це́лый го́д ба́ба броди́ла, а бы́ло да́дин два́, ади́н ски́нула облы́сть, а ади́н броди́ла;

А да́рогу туда́ стро́или в За́йцы́, и мне́ пришло́ся и кана́вы капа́ть, и бичани́к, и пясо́к вази́ть, и пясо́к разрыва́ть, дры́твины равня́ть, все́ там пришло́ся де́лать, го́спади па́милай.

⁴ В статье [Абраменко 2001] анализируется оппозиция “прошлое — настоящее” на материале рассказов о жизни Д. Н. Андреевой. Эта оппозиция, характерная для традиционной культуры вообще, в рассказах информантки проявляется в разных аспектах (к противопоставлению прошлой жизни и нынешней добавляется противопоставление географическое — родная деревня и деревня, в которую она вышла замуж; идея перемены жизни в связи со сменой фамилии и т. д.), в результате чего “рисуеться картина полного исчезновения прежнего деревенского мира”, “история. . . предстает как переход от полноты к опустошенности, от жизни к смерти” [Абраменко 2001: 17].

В пересказе “Сказки о царе Салтане” с мотивом “раньше настоящая жизнь была” можно соотнести высказывание “Вот тут какйи дялá бѣли. Бальшѣи. Бальшѣи бѣли дялá, ꙗ́спади памѣлуй” (версия 2); с мотивом “раньше тяжелая жизнь была” — замечание “Ну э́тым-та двѣм дастава́лася то́шна, мно́х, а ма́лая са́мая, шшаслѣвая атказа́лася, аказа́лася, о-о-ой, Бо́жы мой” (версия 1).

4.2. Чужое => свое

В связи с ориентацией пересказа на “давнишнюю быль” исходный текст сказки преобразуется, приближаясь к реальности, знакомой рассказчику. Это “прояснение” текста происходит на различных уровнях.

4.2.1. Уровень реалий: замена непривычных реалий привычными

Малознакомые, непривычные для рассказчицы реалии трансформируются в более близкие разными способами в зависимости от степени необходимости их присутствия в тексте.

4.2.1.1. Волна

Пушкинское обращение ребенка к волне, продиктованное романтическим канонem (“А дитя волну торопит: / Ты волна моя, волна!”), устраняется, заменяясь на привычное обращение царицы к Богу (“а ана прѣсѣть ꙗ́спаду Бо́гу: «ꙗ́спади, ни губѣи ты на́шу дѣшу. . .»” (1); “И ана взмалѣлася ꙗ́спаду Бо́гу: «Ни губѣи, гаврѣть, ты на́шу дѣшу. . .»” (2)), что может быть связано с отсутствием мифологемы “волна” в славянской народной культуре⁵. Чуждо информантке и понятие “море” в целом: если у Пушкина море (и остров на море) фигурирует на протяжении всего текста, то у Андреевой упоминается лишь в данном эпизоде. Впоследствии о море забывается: Гвидон видит царевну Лебедь на речке (версия 1), пересечение моря при отправлении Гвидона к теткам опускается. Отметим также, что если у Пушкина слова обращения принадлежат ребенку, то у Андреевой их произносит царица, что логически более правдоподобно.

В тех случаях, когда незнакомая реалья не может быть легко удалена из текста, она подвергается отдельному осмыслению рассказчицей, что способствует “приспособлению” этой реалии к привычной для Андреевой картине мира.

4.2.1.2. Царь и война

С самого начала в рассказе появляется фигура царя, которая сразу вызывает сомнения у информантки. Появление в повествовании царя в обеих версиях выделяется рассказчицей особым комментарием: “э́та

⁵ Отметим, что в этнолингвистическом словаре [Славянские древности 1995] статья *Волна* отсутствует.

кни́га напеча́тана, ну давно́. . . я забы́ла, што атку́дава ца́рь-та э́тыт взя́лся, и пришо́л. Ца́рь э́тыт” (2); “э́та давне́шныя, э́та в кни́жки, а на-пи́сана все́ бы́ль, што э́та все́ бы́ла. А атку́дава бы́ли ца́ри?” (1). Война, на которую отправляется царь в “Сказке о царе Салтане”, ассоциируется у рассказчицы с определенным историческим событием: “Буде́нный был нача́льник, и пришла́ вайна́, ка́к о́т ярма́нец на на́с пришёл. . .” (2). Скорее всего, имеется в виду именно Первая мировая война, поскольку эти события Андреева не помнит непосредственно, т. е. они вполне могут выступать в роли “давнишней были”. Во второй версии рассказ о дедушке информантки, служившем под началом Буденного, прерывает пересказ сказки, причем вставляется он с некоторым опережением событий — не после сообщения об отправлении Салтана на войну, а до того. При возвращении к пересказу сказки образ Буденного становится уже частью ее сюжета: “и во́т на э́тыва ца́ря, о́т, Буде́нный был нача́льник” (2). В 1-й версии сюжет о дедушке и о Буденном оформляется не как развернутый вставной рассказ⁶, но эти персонажи упоминаются скорее как второстепенные герои самой сказки:

и зача́лася вайна́, де́душка мо́й, ше́сь ле́т служы́л, а на пистале́тах хто́ бы́л на́писан? Буде́нный, Буде́нный был палкаво́дцы́м, во́т спо́мнила, Буде́нный, у де́душки ма́во́ была́ тре́и мяда́ли, и два́ э́тых пистале́та, та́к, о́ го́спади, во́т та́кий во́т дя́ля, ну о́т, и во́т, атсе́дава пасыла́ють ганца́ (1).

В этой версии царь семантически сближается с фигурой военачальника, в результате чего оказывается возможной подстановка “Салтан — Буде́нный”: “прика́зывает э́такий Буде́нный ца́рь-гасуда́рь атту́дава” (1), что свидетельствует о полной ассимиляции этих персонажей.

4.2.2. Уровень лексики

П.: “не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку”

Д.: “ни мышо́нка, ни лягу́шку, нинави́диму звярю́шку” (в обеих версиях).

Определенно, в данном случае мы имеем дело с попыткой семантизации непонятого фрагмента текста (Андреевой незнакомо слово *неведомый*). Любопытно, что здесь не происходит замены “непонятого” на определенно “понятное” (т. е. на слово, присутствующее в словаре информантки). Неидентифицируемая последовательность здесь заменяется на “условно понятную” единицу, т. е. на несуществующее слово, но в отличие от

⁶ Вообще 2-я версия является более подробной по сравнению с 1-й. Такое же разветвление, что и тема Буденного (упоминание в 1-й версии — вставной рассказ во 2-й), претерпевает и тема неграмотности рассказчицы: от упоминания в 1-й версии (“а я-та нягра́матная, а та́кую кни́гу я до́лга чита́ла”) до самостоятельного сюжета о том, как Андреева тайком от родителей пошла учиться в школу, а отец ее оттуда забрал.

исходного обладающее потенциальным смыслом (по-видимому, от глагола *ненавидеть*)⁷. Таким образом, незнакомое Андреевой слово *неведомый* подвергается не полной семантизации, а частичной (потенциальной), что возможно, на наш взгляд, потому, что слово употребляется в контексте “чужого” текста (воспроизводимого, а не порожденного). То есть при замене *неведомый* на *ненавидимый* происходит лишь приближение “чужого” к “своему”, а не полная его адаптация.

4.3. Литературное => фольклорное

Ряд преобразований “Сказки о царе Салтане” связан с иной формой бытования текста: известно, что информантка неоднократно исполняла прочитанный текст на деревенских посиделках.

4.3.1. Уровень сюжета (упрощение)

Пушкинский сюжет заметно упрощается, остается лишь часть его: выбор невесты Салтаном, проявление несправедливости по отношению к царице и ее сыну (заточение в бочку) и восстановление справедливости (чудесное спасение) — для первой части обеих версий, месть Гвидона — для второй части 1-й версии, спасение царевны Лебеди — для второй части 2-й версии. При этом происходят следующие изменения.

4.3.1.1. Пропуск эпизодов

В пересказе Андреевой от исходного текста сохраняются лишь основные, “событийные” элементы, подробные описания даже в первой части текста, как правило, опускаются. Так, пропущены такие эпизоды, как свадьба Салтана и младшей сестры, заточение царицы и младенца в бочку, описание путешествия по морю и т. д.

4.3.1.2. Упрощение эпизодов

В обеих версиях упрощается эпизод с подложными письмами. Если у Пушкина подменяются два письма (одно Салтану: вместо сообщения о том, что “сына Бог им дал в аршин” адресат получает “родила царица в ночь не то сына, не то дочь”; второе от Салтана: вместо “ждать царёва возвращенья для законного решенья” — “времени не тратя даром, и царицу, и приплод тайно бросить в бездну вод”, то в тексте Андреевой только первое. В результате такого упрощения поведение Салтана лишается психологической мотивировки, которая оказывается просто ненужной для развития сюжета по линии “несправедливость — восстановление справедливости”.

⁷ Известны случаи, когда аналогичному преобразованию подлежат а) имена собственные, б) фрагменты сакрального текста. Примеры: а) слово *тропиканка* (из названия сериала “Секрет тропиканки”) в разных деревнях северо-запада России зафиксировано в виде *протыкánка* (по-видимому, от *протыкать*) или *пропекánка* (по-видимому, от *пропекать*); б) слова пасхального тропаря в этом же регионе *живот даровав* могут заменяться, например, на *и вондарвон*.

Таким образом, исходный сюжет становится более прямолинейным, лишается ненужных (с точки зрения развития этого сюжета) подробностей, все элементы текста подчиняются единому развитию действия, что противопоставляет текст пересказа его литературному прообразу, приближая к “натуральному” фольклорному тексту.

4.3.2. Закономерности построения текста. Точка зрения повествователя

4.3.2.1. Эпизод выбора невесты Салтаном

П.: “Три девицы под окном / Пряли поздно вечерком. Кабы я была царица, / [. . .] / Только вымолвить успела, / Дверь тихонько заскрипела, / И в светлицу входит царь, / Стороны той государь. / Во все время разговора / Он стоял позадь забора. . .”

Д.: “Три дьявицы пад акном, пряли позна вичарком, да, а вот тута пазабыла, и как, сюда папал царь. . .”

Три дьявицы пад акном, пряли позна вичарком, и каким судьбам судя вашол царь, а пряли там три дьявицы, три ронные сястрицы, а возли. . . этыва разгавора, царь стаял возли забора, как эти дьявицы. Гаварить старшыя дьявица: “Кабы я была царица, я для батюшки царя, радила б багатыря”, реч пасленния чаму, палюбила яму, царь в этыт дом заходит, и такую реч заводит. . . (1)

Я. . . забыла, што аткудава царь-та этат взялся при. . . и пришол. . . царь этат, и он увидал этих три дьявицы пад акном. . . пряли позна вичарком. . . так. . . а он-та к акошку и падашол, а да этыва у забора пастаял. . . та-а-ак. . . вот, видить што этих три дьявицы три сястрицы, три сястрицы. . . он. . . у дом зашол, к яму нямножка, пагаварил с им, спросил, а патом-та вот, он стайть и слышьть. Молвить старшыя сястрица. . . (2)

В пушкинском тексте повествование ведется с точки зрения рассказчика, находящегося в той же точке пространства, что и три девицы. При этом (как выясняется с появлением Салтана) рассказчику известно, что происходит в то же самое время в другой точке пространства (сообщение о том, что царь стоял около забора). Чтобы мотивировать речь Салтана, автору приходится объяснить читателю, откуда Салтану известно содержание разговора девиц, т. е. вернуть повествование к предшествующему моменту времени. Пересказу Андреевой, как и фольклорным сказкам, свойственно линейное развертывание повествования, в отличие от пушкинского текста, где описываются события, происходящие в одно и то же время в разных точках пространства, где возможно “перескакивание” в пространстве и времени; см. об этом, например: [Рыжих 2010: 110].

В пересказе Андреевой месторасположение царя во время разговора девиц четко не определено: в обеих версиях сначала сообщается, что он

входит, потом оказывается, что он стоит возле забора (или подходит к окошку). Это метание, сопровождаемое к тому же репликами сомнения (“а вót тўта пьзабыла, и как, сюда папáл цáрь” (1)) и паузами, объясняется, видимо, тем, что в процессе рассказывания возникает противоречие между законами фольклорного повествования, требующими, чтобы оно велось в один отрезок времени в одной точке пространства и развивалось во времени прямолинейно, и структурой исходного текста, построенного по другим, литературным законам. Пользуясь терминологией Б. А. Успенского, в исходном тексте “Сказки” авторская точка зрения является внешней по отношению к повествованию (“автор как бы смотрит со стороны на описываемые события (причем, естественно, он знает при этом то, чего не дано знать описываемым действующим лицам”), а в пересказе Андреевой точка зрения автора — внутренняя по отношению к повествованию (“автор как бы смотрит изнутри описываемой жизни (принимая при этом присущие персонажу ограничения в знании того, что будет дальше)”) [Успенский 1995: 92–93]. Таким образом, в пересказе (в обеих версиях) обозначается непосредственное присутствие Салтана при разговоре девиц (т. е. соблюдается как единство места, так и хронологическая последовательность, свойственные фольклорному тексту), а упоминание о его стоянии у забора выглядит как лишняя деталь, присутствующая как дань исходному, литературному тексту.

У Пушкина сообщение о том, что девицы под окном приходятся друг другу сестрами, появляется при реплике второй сестры (“говорит ее сестрица”). В пересказе это сообщается сразу, при введении персонажей: “три дьявїцы, три сястрицы” (2), “три дьявїцы, три ронныи сястрицы” (1). Если в пушкинском тексте читатель постепенно знакомится с ситуацией, вводится в курс событий (автор не выдает сразу всей информации о героях, интригуя читателя), то в пересказе при первом появлении “трех девиц” сообщается вся необходимая информация, важная для дальнейшего развития сюжета.

В пушкинском тексте при описании разговора сестриц используются сперва формы настоящего исторического, потом прошедшего времени, что демонстрирует сперва статическое (синхронное) описание ситуации, потом — переход к динамическому повествованию⁸. Таким образом, сообщение младшей сестрицы не только противопоставляет ее двум старшим, но дает толчок для дальнейшего развития сюжета: “Говорит одна девица [. . .] Говорит ее сестрица [. . .] Третья молвила сестрица”. В пересказе Андреевой вся ситуация описывается статично (только при помощи

⁸ См. о формах времени глагола у Б. А. Успенского: “настоящее время знаменует собой фиксацию точки зрения, с которой производится описание”; “глаголы в прошедшем времени отмечают переходы к каждому новому описанию с синхронной позиции” [Успенский 1995: 97].

форм настоящего исторического), речь третьей сестры в 1-й версии выделяется лексически (говорит — молвит), во 2-й не выделяется вовсе: “Гаварить старшыя дявица [. . .] Гаварить сренняя царица [. . .] Молвить третия сястрица” (1); “Молвить старшыя сястрица [. . .] втарая молвить сястрица [. . .] Молвить третия сястрица” (2).

4.3.2.2. Царевна Лебедь

П.: “Смотрит — видит дело лихо; / Бьется лебедь среди зыбей, / Коршун носится над ней . . .”

Д.: “А на речки и видить этакый сынок, што плавайт лебидь. Белый. И этакыва белава лебидя. . . а-а-ай. Лятайт коршун и клюёт. Пажалёл. Он и сделал стрялү. И вдарил этакыва коршуна. Коршун свалился в воду, в реку. А лебидь молвить яму руским языком: разбярүся я с табой патом. Я табé пригажүсь, гаварить. Вот. А ана, эта лебидь и гаварить гаспажү: «Ты, гаврить, ня лебидя избавил, а девицу в живых аставил» (1).

У Пушкина слово *лебедь* женского рода с самого первого момента появления персонажа, у Андреевой оно сперва мужского рода, потом женского. Это несовпадение тоже можно отнести к противопоставлению “внешней” и “внутренней” точек зрения автора по отношению к повествованию: если у Пушкина слово *лебедь* сразу используется как слово жен. рода (не только как дань народно-поэтической традиции, но и, возможно, потому, что “всезнающему” автору сразу известно, что на самом деле это не лебедь, а заколдованная царевна), то Андреева следует логике языка и использует слово *лебедь* как слово муж. рода (т. е. в том виде, в каком это слово присутствует в ее лексиконе), пока по сюжету не выясняется, что этот персонаж женского пола — тогда всплывает непривычная форма женского рода и информантка возвращается к цитированию исходного текста.

4.3.3. Традиционная иерархия

П.: “Говорит одна девица; Говорит её сестрица; Третья молвила сестрица”.

Д.: “Гаварить старшыя дявица; гаварить сренняя царица” (1);

Молвить старшыя сястрица; а малыя самыя шшасливай отказалася, аказалася; упился этай старшый тетки; а дальшы забыла, с серенний што сделал (2);

Вот этих три дявицы, вот аны, вот аны што сделали малай сястрицы; а малыя сястра ходить гаспажой (3).

У Пушкина нигде не упоминается, какая из сестер была старшей, какая средней, какая младшей. Словосочетание *третья сестрица* в первую очередь указывает на порядок реплик в разговоре. Для Андреевой же *третья сестрица* определенно означает ‘третья по возрасту’ (т. е. самая младшая из трех), по аналогии и другие сестры становятся “старшей” и

“средней” в порядке следования их реплик. Таким образом, в пересказе появляется традиционная триада “старший — средний — младший” (причем “младшая сестра” отличается от остальных и является героиней), которая в явном виде отсутствует в пушкинском тексте.

4.4. Письменный текст => устный текст

4.4.1. Замена союза

П.: “Кабы я была царица, — / Говорит одна девица, — / То на весь крещеный мир. . .”; “Кабы я была царица, — / Говорит ее сестрица, — / То на весь бы мир одна. . .”; “Кабы я была царица, — / Третья молвила сестрица, — / Я б для батюшки-царя. . .”

Д.: Гаварить старшыя дзвiца, кабы я была царiца, я на весь крешшоны́й мiр анна наткала бы палатна́; Гаварить срэнняя царiца, кабы я была дзвiца, я на весь крешшоны́й мiр пригатовила б пiр; Мiлвить трэ́тия сятрiца, кабы я была царiца, я для ба́тюшки б царя́ радiла б ба́гатырjá (1);

Мiлвить старшыя сятрiца, кабы я была царiца, я на весь бы мiр анна наткала бы палатна́; Втара́я мiлвить сятрiца, а кабы я была царiца, я на весь крешшоны́й мiр, пригатовила б я пiр; Мiлвить трэ́тия сятрiца, а кабы я была царiца, я для ба́тюшки б царя́ радiла б ба́гатырjá (2).

Трансформация исходного текста состоит в замене литературных элементов, не свойственных речи рассказчицы: опускается вторая часть составного союза *кабы. . . то*.

4.4.2. Перестановки

4.4.2.1. Во фрагменте, приведенном в п. 4.4.1, кроме замены союза, устраняется инверсия при передаче прямой речи (у Пушкина сперва прямая речь, потом слова автора), не характерная для устной речи.

4.4.2.2. Перестановка реплик

П.: “Кабы я была царица, — / говорит одна девица, — / То на весь крещеный мир / Приготовила б я пир”. / “Кабы я была царица, — / Говорит ее сестрица, — / То на весь бы мир одна / Наткала я полотна”. “Будь одна из вас ткачиха, // А другая повариха”.

Д.: Гаварить старшыя дзвiца. . . “я на весь крешшоны́й мiр, анна, наткала бы палатна́. . .” / гаварить срэнняя царiца. . . / “я на весь крешшоны́й мiр пригатовила б я пiр” (1); Мiлвить старшыя сятрiца. . . “я на весь бы мiр анна наткала бы палатна́. . .” втара́я мiлвить сятрiца. . . “я на весь крешшоны́й мiр, пригатовила б я пiр” (2); “Oт ты будиш ткачiха, а ты будиш паварiха” (1); “Ты́ будь ткачiха, ты́ будь паварiха” (2).

В пересказе Андреевой реплики “ткачихи” и “поварихи” меняются местами (у Пушкина первая сестра обещает приготовить пир, вторая — наткать полотна, у Андреевой — наоборот). Новая последовательность

реплик повторяет последовательность, заданную в реплике царя (“ткачиха — повариха”). Эта особенность косвенно связана с устной формой существования текста, а именно с необходимостью держать его в памяти, так как запомнить порядок слов легче, чем порядок следования однотипных реплик, тем более что последовательность “ткачиха — повариха” повторяется в тексте Пушкина неоднократно⁹.

4.4.3. Вставки

В тексте пересказа появляются “лишние” элементы, характерные для устной речи, которые употребляются с различными целями:

4.4.3.1. констатация забывчивости, объясняющей сюжетные “провалы”: “Ско́лька аны́ плы́ли, вот, я ня зна́ю, я там не́ была, доч” (2); “Вот, ня зна́ю, што́ бы́ла, а па́том от о́н” (2); “И каки́м судьба́м туда́ вашёл царь” (1);

4.4.3.2. обращения к собеседнику (*видишь, вишишь*), которые маркируют необычное, важное с точки зрения рассказчицы: “Ты будь маёй жаной, ка исходу синтября́ приняси́ мне бауатыря́. Виишь. . .”(2); “Я на весь кряшшо́ный ми́р пригатовила́ б я́ пи́р, видишь?” (1); “Радила́ царевна́ в но́ч ни то сы́на, ни то до́ч, видишь?” (2);

4.4.3.3. комментарии, проясняющие непонятные с точки зрения рассказчицы фрагменты: “шмёл, знаи́ш, така́я бука́шка” (2).

5. Версии пересказа: “мужская” и “женская”

Пересказ “Сказки” Андреевой интересен еще и тем, что мы имеем две его версии, не полностью совпадающие друг с другом. В 1-й версии по сравнению со 2-й несколько больше сбоев, путаницы, например:

Гавари́ть срённия́ ца́рица, ка́бы я́ была́ дявйца́; Две ма́лых ся́стры́ пи́рня́ть ганца́ вяля́ть (вместо “старших сестры”); И вот атсе́дава́ пасыла́ють ганца́ и сую́ть яму́ гра́мату́ такую́; “Радила́ ца́ревна́ в но́ч”. . . ни то́. Нет. “Радила́ ца́ревна́ сы́на ей́ дал Бо́х в арши́н”.

Это объясняется, видимо, тем, что “мужская” версия была рассказана первой хронологически — Андреева вспоминала текст на ходу. Вторая версия, записанная через несколько дней, более гладкая, поскольку рассказчица повторяла текст, который недавно уже вспоминался.

Но расхождения между версиями не ограничиваются этим, причем часто они определяются полом собеседника. Внешним признаком “мужской” и “женской” версий являются различные обращения к собеседнику (*сын, дочь* соответственно).

⁹ Однако у Пушкина на событийном уровне “первенство” у поварихи (а не ткачихи) сохраняется и в других эпизодах: повариха рассказывает о первом чуде (о белке) и первая страдает от Гвидона-комара.

Как было сказано выше, вторые части каждой из версий различаются своими сюжетами: если в 1-й версии рассказывается об освобождении царевны Лебеди (версия “героическая”), то во второй — о мести Гвидона своим теткам-обидчицам. “Героическая” версия рассказана юноше, версия об оклеветанной сестре и мести — девушке.

Как принято считать, в “Сказке” совмещены два не связанных друг с другом сказочных мотива: об “оклеветанной жене” (“чудесных детях”) и о “вещей деве” (она же Царевна Лебедь), которые хорошо представлены в западноевропейском фольклоре, см., например: [Азадовский 1936: 150–156; Медриш 1992: 48]. В пересказе Андреевой различные сюжеты, которые объединены Пушкиным в один текст, снова разводятся, фигурируя в разных версиях. Связи между сюжетами, которые вводит Пушкин, в пересказе Андреевой снова разрушаются: если у Пушкина превращение Гвидона в комара (муху, шмеля) — результат колдовства Царевны Лебеди, то у Андреевой — его самостоятельное действие.

5.1. Последовательность реплик в “мужской” и “женской” версиях

“Мужская”: Царь в э́тыт до́м захо́дит и таку́ю реч заво́дит. “О́т ты́ бу́диш ткачи́ха, а ты́ бу́диш павари́ха, а ты́ будь мае́й жаной́”.

“Женская”: О́т тагда́ о́т к ей́ падох́ит и таку́ю реч заво́дит. “Ты́ будь мае́й жаной́, ка исхо́ду синтя́бря приня́си мне ба́уаты́ря. Вйи́шь, э́й, а в́и ступа́йти, ты́ будь ткачи́ха, ты́ будь павари́ха”.

Если в “мужской” версии порядок “назначений” Салтана соответствует порядку реплик сестер (ткачиха — повариха — жена), то в “женской” на первое место выносится “назначение” третьей сестры, т. е. важной в этой версии становится тема удачного замужества и материнства, что подчеркивается и далее: “а ма́лыя са́мыя щчасли́вая отказа́лася, аказа́лася”. Если в “мужской” версии речь царя адресована всем сестрам (“в э́тыт до́м захо́дит и таку́ю реч заво́дит”) и Салтан обращается к сестрам в порядке их реплик, то в “женской” речь Салтана сразу обращена к третьей сестре (“к ей́ патхо́дит и таку́ю реч заво́дит”).

5.2. Мотив мести в “женской” версии

В “женской” версии основным мотивом становится мотив мести, наказание за клевету становится ее финалом, превращая все повествование в назидательную историю о справедливом возмездии. Назидательность и “жизненность” этого сюжета подтверждается не только комментариями, высказанными попутно (“во́т се́стры сястра́м, што́ жала́ли, э́та, а э́та, до́ч, о́т и в э́тый, и в э́тый дяре́вни бы́ла, ка́гда́ я сюда́ пришла́”), но и тем, что в разговоре о колдовстве информантка ссылается именно на этот сюжет, схематично пересказывая его еще раз (версия 3).

По сравнению с пушкинским текстом изменяется мотивировка отправления Гвидона в царство Салтана. Если у Пушкина он отправляется в путешествие, так как скучает по отцу (“Грусть-тоска меня съедает, / Одолела молодца: / Видеть я б хотел отца”), и наказывает теток из-за того, что они отговаривают Салтана от визита на остров (“Не хотят его пустить / Чудный остров навестить”), то в пересказе Андреевой мотивировка визита Гвидона к теткам определяется в зависимости от главной сюжетной линии — это необходимость осуществления мести (“ну и тут яму́ взашло́ на па́мь, далжо́н найтíть я́ свайх тéтак, и далжо́н я́ íх на-каза́ть”).

В пересказе Андреевой у Гвидона появляется новая черта — “смолоду был грозен он”. Несомненно, это связано с созвучием имен *Гвидон* и *Дадон* (“... царь Дадон, смолоду был грозен он” — “Сказка о Золотом петушке”), тем не менее характерно, что эта деталь появляется именно в той версии текста, где она наиболее уместна (где разрабатывается мотив мести).

Отметим также, что отсутствие мотива мести в тексте “Сказки” является новаторством Пушкина: если фольклорные сказки о “чудесных детях” заканчиваются расправой с клеветниками, то в пушкинском варианте сестры прощены; см. об этом: [Медриш 1992]. Хотя в пересказе Андреевой сюжет о “чудесных детях” представлен не полностью (о счастливом воссоединении царя Салтана с его женой не говорится), мотив мести “возвращается” в этот сюжет.

6. Некоторые выводы

Таким образом, изменения пушкинского текста “Сказки о царе Салтане” в пересказе Андреевой, во-первых, связаны с изменением жанра текста (рассказчицей он воспринимается не как сказка, а как “давнишняя быль”), в результате чего, с одной стороны, акцентируются ряд мотивов, актуальных для рассказчицы в бытовых текстах, с другой стороны — из исходного текста устраняется ряд приемов, характерных для художественного текста, имеющего прежде всего эстетическую функцию. Одновременно восприятие рассказчицей текста не как вымысла, а как истории, случившейся в отдаленном прошлом, способствует “приближению” мира “Сказки” к миру, окружающему информантку: чуждые этому миру элементы либо устраняются, либо переосмысляются как “свои”. Во-вторых, ряд изменений текста связан с “возвращением” его в фольклорную среду, что проявляется в том, что в пересказе Андреевой используются механизмы, характерные скорее для традиционных текстов, чем для литературных. При этом ряд изменений определяется устной формой бытования текста.

7. Пересказ “Сказки о царе Салтане”

Текст приводится в упрощенной транскрипции на базе кириллицы. Ассимиляции согласных по звонкости / глухости и твердости / мягкости не отмечаются, количественная редукция гласных не отмечается. Приводим все три версии: 1-я (“мужская”, или “героическая”, версия) была записана Ф. Р. Минлосом; 2-я (“женская” версия, или “рассказ о мести”) записана А. И. Рыко; 3-я версия (краткая) была приведена как дополнительный пример в разговоре о колдовстве.

1-я версия (“мужская”, “героическая”)

Ой, лиханька маё, от так ня вспомню, давно пели, всё позабыли, забыла, сыно́к. То́же и ска́зки позабы́ла, ай, рассказы́вали старинныи люди, была гамани́ли, тапе́рь-та не́т ничо́ва, а ра́ньши фсе́ гавари́ли. Во́т, я нагды́сь и вспомни́ла, ай, а во́т такую́ ска́зку гавари́ли, што́ во́т: “Три дяви́цы пад акно́м, пря́ли по́зна вичарко́м. . .”. Да́, а во́т ту́та позабы́ла, и ка́к сюда́ папа́л ца́рь. . . Вспомни́ш, рассказы́ вся́кии, хоть и тюре́мныи, не́. . . а тюре́мныи. . . И тюре́мныи, я зна́ю не́скалька, да я́ и зна́ю не́скалька, и пе́сню анну́ вро́ди гавари́ть, во́т, чу́тиньки по́мню. . .

[пара тюремных песен]

Ну сыно́к, мно́га ты све́дал? Ай, и ты што́-нибу́дь расска́жи, ты́ ж далжна́ по́мнить, ко́я-што́ мно́га. Ай-ай, а е́ту-та, сыно́к, я ни дагавари́ла, ты́ чита́л такую́ кни́гу, ай не́? А я́ во́т ка́да хади́ла па Жарка́м-Барка́м, мне́ нача́льник ла́гиря да́л такую́ кни́гу. Во́т три дяви́цы пад акно́м пря́ли по́зна вичарко́м, и ка́ким судьба́м суда́ вашо́л ца́рь. А пря́ли та́м три дяви́цы, три ро́нныи сястри́цы, а во́зли е́тыва разгаво́ра, ца́рь стая́л во́зли забора́. Ка́к э́ты дяви́цы, гавари́ть ста́ршыя дяви́ца: “Ка́бы я́ бы́ла ца́рица, я́ на ве́сь кряшшо́ный ми́р, адна́, на-тка́ла бы пала́тна, та́к. Ца́рь стайть и слу́шаить. Гавари́ть сре́нния ца́рица: “Ка́бы я́ бы́ла дяви́ца, я́ на ве́сь кряшшо́ный ми́р пригато́вила б я́ пи́р”. Ви́диш? А ца́рь стайть. Мо́лвить тре́тия сястри́ца: “А ка́бы я́ бы́ла ца́рица, я́ для ба́тюшки ца́ря ради́ла б ба́чатыря́”. Ре́ч пасле́нния чаму́, палюби́лася яму́, ца́рь в э́тыт до́м захо́дит и такую́ ре́ч заво́дит: “Во́т ты́ бу́диш ткачи́ха, а ты́ бу́диш павари́ха, а ты́ бу́дь маё́й жаной́, ка́ исхо́ду синтя́бря, приня́си мне́ ба́чатыря́”, о́. А в кни́гах, сыно́к, ве́сь написа́на бы́ль, е́та бы́ла, на́с ишшо́ на све́ти не́ была, ай бо́. . . А я́-та ня гра́матная, а такую́ кни́гу я́ до́лга чита́ла, та́к. Ну во́т, ка́ исхо́ду синтя́бря, е́такяя мла́чшыя сястра́ приня́сла ба́чатыря́. И зача́лася вайна́. Де́душка мо́й, ше́сть ле́т служы́л, а на пистале́тах хто́ бы́л написа́н? Буде́нный, Буде́нный бы́л палкаво́дцы́м, во́т [в]спомни́ла, Буде́нный. У де́душки маво́ была́ три мяда́ли. И два́ е́тых пистале́та, та́к, о́ го́спади, во́т та́кии вот дя́ла. Ну от, и во́т, атсе́дава пасыла́ють ганца́. И сую́ть яму́ гра́мату такую́: “Ради́ла ца́ре́вна в но́ч, ни то́. . . не́т, ради́ла ца́ре́вна ва́ша сы́на, ё́й да́л Бо́г, в арши́н, ро́стам э́тыт сын в арши́н”. А две́ ма́лых сястры́ пи́рянть ганца́ вяля́ть, аты́мутъ, гра́мату э́ту, и в пу́сту яму́. . . и в суму́ яму́

и. . . пришла вайна, как от ярманиц на нас пришол, так. И эта, и эта царевна радилá мальчи́ка, так. Шлють, а он где-та, госпади. . . Шлють яму туда ганца: “Радилá царевна в нóч ни тó сына, ни тó дóч, ни мышóнка, ни лягу́шку, нинавидиму звярю́шку”. Вот сестры сястрам што жалáли, эта, а эта, дóч, от и в этый, и в этый дярэвни бýла, кагда я сюда пришла, ага. О госпади, о госпади памíлай. Эта, в суму ганцу этаму, у суму пустую и сують гра́мату такую, э-эй, а взáбышнюю-та гра́мату, хтó там пасылáл, эга, “Сына дáл вам Бóг в аршин”. А тут этыкава царя, как он пóнил и приказáл: “Пасадить мáтку с сынам у бóчку залить и па мóрю атпáвить”. Так и сдéлали, вот так, так и сдéлали, ага. И вот растёт рябёнык там, ни па ньям, а па часáм. А цари́ца над рябёнкам, как арлица, гаврить, над арлénкам, ага. Вот так, скóлька аны плы́ли, уот, я ня зная, я там не была, дóч. И цари́ца. . . видить, солнушка, и ана прóсить госпаду Бóгу: “госпади, ни губи ты нáшу дýшу, вы́браси ты нас на сýшу”. И выплыла эта бóчичка на сýшу. А парнёк-та ужé бальшóй, на анно дóничка нóжкам встáл, а в другóи галóвкой впёрся, ано и вы́скачила, и аны увидили Бóжий свёт. . . [γ]óспди, и вот, и видють, как. . . Мэста тaкóби, врóди сáд. . . са стаглавыми царьквáми, с тирямáми и с сáдами. И пашóл сын с мáткой, эгэ, и пашóл сын с мáткой, гарáз харóшая мэста. . . И назвáли этыкыва сына царь Гвидон, с мóладу был грóзин он, от так, вот так. Ну и тут, яму взашло на пáмить, далжон найтить я свáих тётáк, и далжон я их наказáть. Вот он и захóдить. . . так. . . и видить, стáршая тётка. А он абарáтился шмялём, шмёл пту. . . знаиш, такáя букашка, от он упилсá этай стáршый тётки в прáвый глáz. Ана аммярлá и акривéла — наказáл эту тётку, эга, а забýла. . . а дáльше забýла, с серénний што сдéлал, а ня зная, о госпди памíлуй.

[вставной рассказ о попытке учиться в школе]

Патом от, ня зная што бýла, а патом от он, á-а-ай, э-э-э, как тута падкатил к яму карáбыль, к этыму мальчи́ку, и вот он царём стáл, ага, этакый мальчик. Назвáли яво царь Гвидон, тá-а-ак, он бальшим хазяинам патом бýл, патом бýл. А от ня помню, сдéлал тётки втарóй што, ай не. . . Штó-та сдéлал, и стáрай бáбы Бабарихи. . . Эта он сваей мáтки. . . што та. Аны и яво абидили, á-а-ай, и кагда он тётку-та укусил, и лятáить па акóшку, а кричáли: “Бей, дави, праклятыя ты мóшка”, рáз, а он в акóшка, и улятёл. . . э-э-эй. . . А он в акóшка и улятёл, дю дóч, от так, о госпади памíлай. . .

3-я версия (упоминание в разговоре о колдовстве)

Как вот этых трé дявiцы, вот аны, вот аны што сдéлали мáлай сястри́цы. А аны, бьётся ва станка ткачiха, бьётся павариха, а мáлыя сястра хóдить гаспажóй. Аны и пазавидывали, вот аны и пасылáли ганца к мýжу, к царю, о. Вот и писáли такую хуйню, што радилá царевна в нóч ни тó сына, ни тó дóч, видиш? Ана радилá мальчи́ка очинь харóшива, от. Пакá он, сiлы забрáл, é-ей, и он их нашóл, а яму падсказáла, явонная мáть, вот. Всé ей звáли бáба Бабариха, é-ой, тьфú, госпади памíлай, о-ой.

Библиография

АБРАМЕНКО 2001

АБРАМЕНКО О. А., “История глазами простого человека: деревенская эсхатология”, in: *Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах: история, теория, педагогическая практика. Материалы научной конференции 4–7 сентября 2000 года*, Петрозаводск, 2001, 11–17.

АЗАДОВСКИЙ 1936

АЗАДОВСКИЙ М. К., “Источник сказок Пушкина”, in: *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, 1, Москва, Ленинград, 1936, 134–163.

МЕДРИШ 1992

МЕДРИШ Д. Н., *Путешествие в Лукоморье. Сказки Пушкина и народная культура*, Волгоград, 1992.

МИНЛОС, РЫКО 2005

МИНЛОС Ф. Р., РЫКО А. И., *Русский диалектный текст*, in: Л. Э. КАЛНЫНЬ, Г. П. КЛЕПИКОВА, отв. ред., *Исследования по славянской диалектологии*, 6: Славянская диалектология и история языка, Москва, 2005, 327–332.

НИКИТИНА 1993

НИКИТИНА С. Е., *Устная народная культура и языковое сознание*, Москва, 1993.

РЫЖИХ 2010

РЫЖИХ М. В., “Сопоставительный анализ фольклорной и литературной сказки”, *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 596, 2010, 107–114.

СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ 1995

ТОЛСТОЙ Н. И., ред., *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, 1: А–Г, Москва, 1995.

УСПЕНСКИЙ 1995

УСПЕНСКИЙ Б. А., “Поэтика композиции”, in: *ibid.*, *Семиотика искусства*, Москва, 1995.

References

Abramenko O. A., “Istoriia glazami prostogo cheloveka: derevenskaia eskhatologiya,” in: *Obrazy Rossii v nauchnom, khudozhestvennom i politicheskom diskursakh: istoriia, teoriia, pedagogicheskaia praktika*, Petrozavodsk, 2001, 11–17.

Azadovskiy M. K., “Istochnik skazok Pushkina,” in: *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii*, 1, Moscow, Leningrad, 1936, 134–163.

Kalnyn' L. E., Klepikova G. P., eds., *Isslegovaniia po slavianskoi dialektologii*, 6: *Slavianskaia dialektologiya i istoriia iazyka*, Moscow, 2005.

Medrish D. N., *Puteshestvie v Lukomor'e. Skazki Pushkina i narodnaia kul'tura*, Volgograd, 1992.

Minlos Ph. R., Ryko A. I., “Russkii dialektnyi tekst,” in: L. E. Kalnyn', G. P. Klepikova, eds., *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, 6: *Slavianskaia dialektologiya i istoriia iazyka*, Moscow, 2005, 327–332.

Nikitina S. E., *Ustnaia narodnaia kul'tura i iazykovoe soznanie*, Moscow, 1993.

Ryzhykh M. V., “Comparative Analysis of Folklore and Literary Fairy-tales,” *Vestnik MGLU. Gumanitarniye Nauki / MSLU Bulletin: The Humanities*, 596, 2010, 107–114.

Tolstoj N. I., ed., *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, 1, Moscow, 1995.

Uspenskij B. A., *Semiotika iskusstva*, Moscow, 1995.

Анастасия Игоревна Рыко, канд. филол. наук

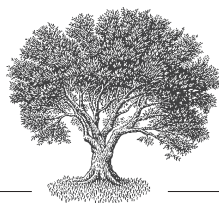
С.-Петербургский государственный университет, филологический факультет, старший преподаватель кафедры русского языка

199034 С.-Петербург, Университетская наб., д. 11

Россия/Russia

aryko@mail.ru

Received February 27, 2016

Законопроект
Временного
правительства
о “легализации”
в России третьей
Православной церкви —
Древлеправославной,
имеющей
Белокриницкую
иерархию*

The Provisional
Government’s Bill
regarding the
“Legalization”
of Russia’s Third
Orthodox
Church—
Old Orthodox
Belokrinitzskaya
Hierarchy

Михаил Анатольевич Бабкин

Российский государственный
гуманитарный университет;
Московский педагогический
государственный университет
Москва, Россия

Mikhail A. Babkin

Russian State University for the
Humanities;
Moscow State University of
Education
Moscow, Russia

Резюме

В статье водится в научный оборот законопроект Временного правительства о “легализации” третьей по счёту в России (после Российской и Грузинской) Православной церкви — Древле-Православной Белокриницкой иерархии, с 1988 г. ставшей называться Русской православной старообрядческой церковью.

* Работа выполнена в рамках исследовательского гранта РГНФ № 14-01-00363 (основной конкурс 2014 года; тип проекта “а”).

Законопроект, датированный 18 октября 1917 г., не был утверждён Временным правительством по причине смены власти — 25 числа того же месяца.

Ключевые слова

православные церкви России, старообрядчество, революция 1917 года, конфессиональная политика Временного правительства, законы и законопроекты

Abstract

The legislative acts of the Provisional Government regulating the functioning of religious organizations has not been sufficiently studied. The bills, which were created in the various ministries of the Provisional Government and failed to become law, are virtually unexplored. On the wave of political events in Russia in February and March 1917, the nondenominational Provisional Government came to power. There arose the need for a comprehensive reform of public administration in Russia and, in particular, church-state relations. In the bowels of the Ministry of Internal Affairs of the Provisional Government, there was created a structure that developed the draft laws on the status of various denominations: 1) the group on general religious issues; 2) the commission for the revision of the statutory provisions about the Roman Catholic Church in Russia; and 3) the group on issues relating to the Old Believers. This publication focuses on the activities of this final group. The main outcome of this group, working in close alliance with representatives of the Old Believers, was the creation of the draft law on the “legalization” of the third Orthodox Church in Russia (after the Russian and Georgian Orthodox Churches), that is, the Old Orthodox Belokrinitskaya Hierarchy, which, in 1988, became known as the Russian Orthodox Old Belief Church. The resulting bill, dated 18 October 1917, was submitted to the Provisional Government for approval. However, it was not approved because of the overthrow of the Provisional Government on 25 October of that same year. The present article introduces this 1917 bill to “legalize” the Russian Old Orthodox Belokrinitskaya Hierarchy into scholarly awareness.

Keywords

Orthodox Churches of Russia, the Old Believers, the Revolution of 1917, confessional policy of the Provisional Government, laws and bills

Старообрядчество возникло во второй половине XVII в. как протест против церковных реформ патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. При Алексее Михайловиче старообрядцы подвергались жестоким казням, ссылкам и заточениям за веру. Царь Пётр I запрещал всякое “оказательство” старообрядцам¹, рассматривая их как неблагонадёжный

¹ Хранители русской традиционной веры зачастую называют себя древлеправославными христианами, или староверами. Термин “старообрядцы” — компромиссный, введённый в употребление при императрице Екатерине II. Сами староверы не считают его исчерпывающим, поскольку вера не ограничивается одними обрядами. Видный иерарх Русской церкви первой трети XX в. епископ Уфимский Андрей (князь Ухтомский) в применении к старообрядцам настаивал на термине “староцерковники” [Ухтомский 2011: 255–257].

для государства элемент. Вплоть до второй четверти XIX в. старообрядцы были более или менее "терпимы". В царствование же Николая I для них вновь началось время гонений: правительство стремилось к полному искоренению старообрядчества. Старообрядцы были ограничены в своих правах: их общества не признавались законом, им воспрещалось приобретать и владеть недвижимым имуществом. В частности, старообрядцам запрещалось приобретать землю в Прибалтийском крае, постройка и ремонт храмов и моленных были запрещены, кресты, колокола и другие внешние отличия старообрядческих молитвенных зданий были удаляемы, колокольный звон — запрещён. Старообрядцы были ограничены в правах при занятии общественных должностей: они не могли записываться в иконописные цехи и купеческие гильдии, не могли получать свидетельств на право обучения детей, были ограничены в получении паспортов, не могли быть награждаемы знаками отличия и проч. Браки старообрядцев, заключённые по их вере, считались недействительными; дети, рождавшиеся от старообрядцев, должны были быть крещены в "господствующей" церкви и уже не считались старообрядцами.

При Александре II и Александре III старообрядцы получили некоторые льготы: в 1874 г. были признаны законными старообрядческие браки, в 1883 г. "раскольники" получили некоторую правоспособность. Старообрядцы уже не преследовались за свои мнения о вере, и их наставники могли исполнять для них духовные требы, не опасаясь за это преследования. Тем не менее их богослужение носило домашний, секретный характер, их наставники не признавались духовными лицами, приходы старообрядцев не пользовались никакими правами, проповедь старообрядчества оставалась, как и прежде, запрещённой.

Вплоть до 17 апреля 1905 г. старообрядцы, по законодательству Российской империи, именовались "раскольниками"² и приравнивались к сектантам³. Их делами ведал Департамент духовных дел иностранных исповеданий, который входил в структуру Министерства внутренних

² 17 апреля 1905 г. увидел свет высочайший указ "Об укреплении начал веротерпимости". В нём говорилось: "7) Присвоить наименование старообрядцев, взамен ныне употребляемого названия раскольников, всем последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы Церкви Православной, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют своё богослужение по старопечатным книгам" [ПСЗРИ-3, 25: 258–262=1905 г. Отд. 1. Ст. 26126].

³ Количество старообрядцев в Российской империи было неизвестно даже самим старообрядцам. На рубеже XIX–XX вв. они говорили, что их — от двух до двадцати миллионов. Государственные инстанции многократно занижали статистические данные о них. При этом "неофициально" звучали оценки, что старообрядцев — примерно 10% всего населения России, или шестая часть всех православных [Кириллов 1913: 3–12].

дел⁴. 17 октября 1906 г. были приняты особые правила, регулирующие деятельность старообрядческих общин. Эти правила предоставляли старообрядцам почти полную автономию в их внутренних делах. Правительство подчиняло своему контролю лишь внешнюю, формальную сторону их жизни⁵.

На волне общественно-политических событий февраля — марта 1917 г.⁶, в результате которых был свергнут Дом Романовых и к власти пришло внеконфессиональное Временное правительство⁷, возникла

⁴ Департамент духовных дел являлся центральным государственным учреждением для надзора и контроля за неправославными конфессиями и другими религиями, распространёнными на территории России и Царства Польского. К 1917 г. в составе Департамента находилось 7 отделений, из которых 4-е ведало старообрядческими делами.

⁵ В высочайшем указе “О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от Православия сектантов” от 17 октября 1906 г. содержались “Правила”, которые начинались разделом: “I. О порядке устройства последователями старообрядческих согласий общин, а также о правах обязанностях сих лиц” [ПСЗРИ-3, 26: 904–914=1906 г. Отд. 1. Ст. 28424].

Правила 17 октября 1906 г. не вошли в Свод законов, поскольку они были даны в порядке 87-й статьи Основных законов (т. е. приняты императором без рассмотрения Государственной думой). В Правилах не делалось различия между старообрядцами поповских и беспоповских согласий, т. е. 1) тех, кто приемлет священство, и 2) не имеющих или не приемлющих священство. К первой группе (“поповцев”) относились два согласия: старообрядцы, приемлющие священство Белокриницкой иерархии, и “беглопоповцы”, приемлющие священство от “господствующей” Православной церкви (в староверческой терминологии — “никопианской”, или “новообрядческой”). Вторую группу (“беспоповцев”) составляли те, кто не имел священства или не признавал его. С течением времени эта группа стала объединять многочисленные толки и согласия.

Правила 17 октября 1906 г. рассматривали старообрядчество не как род церквей или согласий, но как совокупность отдельных самоуправляемых общин, не возглавляемых и не объединяемых каким-либо центральными (административными) органами, но лишь объединяющихся на почве принадлежности к тому или иному старообрядческому толку или согласию. Т. е. Правила 17 октября 1906 г. не признавали старообрядческой иерархии и не усваивали ей степень публично-правового положения в государстве. Правила эти игнорировали иерархическую власть старообрядческих епископов, устраняли их от всякого участия в деле открытия старообрядческих церквей, монастырей и обителей и в деле назначения приходских (общинных) духовных лиц. Также Правила 17 октября 1906 г. игнорировали и Освященные соборы старообрядческих епископов.

Усвояя старообрядческим общинам права юридических лиц, Правила 17 октября 1906 г. не сообщали таких прав другим старообрядческим организациям — монастырям и обителям. Кроме того, Правила не признавали монашествовавшего духовенства старообрядцев и почти совсем игнорировали у них иноческое состояние.

⁶ О политической позиции старообрядцев в 1917 г. [Семеновко-Басин 2013: 484–517; Зонтиков 2015: 152–157]. О политической позиции в период февраля 1917 г. духовенства “господствующей” Православной церкви см.: [Бабкин 2008: 197–416].

⁷ О предпосылках и причинах революции 1917 г. см.: [Пыжиков 2013; Миронов 2013: 72–84; 106–115; Буланин 2015: 676–709].

необходимость комплексного реформирования системы государственного управления России и, как следствие, государственно-конфессиональных отношений [Редькина 1996; ЕАДЕМ 1998: 46–59; ЕАДЕМ 1998: 64–85; Фёдоров 2005: 510–514; Синельников 2013: 30–35; Соколов 2014: 154–166; Потапова 2015: 3–7].

В апреле 1917 г. Временным правительством при Министерстве внутренних дел, под председательством ординарного профессора Московского университета и Московского коммерческого института, комиссара Временного правительства по делам иностранных и иноверных исповеданий, товарища обер-прокурора Св. Синода С. А. Котляревского были образованы 1) особое Совещание по общим вероисповедным вопросам, 2) специальная Комиссия для пересмотра действующих законоположений о Римско-католической церкви в России и 3) Совещание по старообрядческим делам⁸. В порядке постепенности предполагено было образовывать такие же комиссии отдельно и по каждому из остальных инославных (включая особую комиссию по делам сектантства) и иноверных исповеданий [ГАРФ: Ф. 1779. Оп. 2. Д. 554. Л. 10, 48]. Этим структурам надлежало выработать соответствующие законопроекты. В их состав входили члены Государственной думы и Государственного совета, представители министерств (внутренних дел, военного, юстиции и народного просвещения), религиозных организаций, научных и образовательных учреждений, а также общественности. В некоторых случаях вопросы, касавшиеся инославных и иностранных исповеданий, выносились на рассмотрение Юридического совещания⁹ при Временном правительстве.

Особое Совещание по общим вероисповедным вопросам разработало законопроект о свободе совести, внесённый Министерством внутренних дел на "уважение" Временного правительства. В основу этого

⁸ Первым законодательным актом, изменившим положение конфессий в России, стало постановление Временного правительства "Об отмене вероисповедных и национальных ограничений" от 20 марта 1917 г. В нём объявлялось о равенстве всех религий перед законом. Отменялись все действовавшие ранее ограничения в правах в зависимости от вероисповедания и национальности: отменялся целый ряд статей "Свода законов Российской империи", ограничивавших социальные, имущественные и иные права граждан в зависимости от их принадлежности к тому или иному исповеданию или национальности [СУРП 1917, 70 (29 марта): 596–598=Отд. 1. Ст. 400; ВВП 1917, 15 (22 марта): 1; ЦВ 1917, 9–15: 64–66].

⁹ Юридическое совещание при Временном правительстве было учреждено 22 марта 1917 г. [СУРП 1917, 71 (30 марта): Отд. 1. Ст. 404]. Оно являлось консультативным органом для рассмотрения всех юридических вопросов, возникавших в законодательной деятельности правительства до открытия Учредительного собрания. Совещание рассматривало вопросы публичного права, связанные с введением нового государственного порядка, давало предварительные заключения по всем мероприятиям правительства, имевшим характер законодательных актов [Стародубова 2000].

законопроекта положены были начала полной вероисповедной свободы. В частности, узаконивалось вневероисповедное состояние¹⁰.

Комиссия для пересмотра действующих законоположений о Римско-католической церкви в России выработала законопроект об изменении действующих узаконений по делам Римско-католической церкви в России. Его основной идеей было полное освобождение Римско-католической церкви от какой-либо государственной опеки. Католики получали право учреждать епархии, устраивать братства, монашеские ордена, строить костёлы и т. д., лишь информируя об этом гражданские власти. При этом сохранялось содержание католического духовенства за счёт государственной казны. Эти положения распространялось на униатов и на армяно-католиков¹¹.

Остановимся на рассмотрении деятельности Совещания по старообрядческим делам. В его состав, помимо прочих лиц, были приглашены представители наиболее крупных старообрядческих согласий: Белокриницкого и приемлющих священство “господствующей” церкви (соответственно — поповцы и беглопоповцы), а также поморского и старопоморского (т. е. беспоповцы) [ГАРФ: Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1410. Л. 39об.–40; Д. 1424. Л. 6–6об.; Д. 1437. Л. 99–99об.]¹². На первое заседание названного Совещания, назначенное на 12 июня 1917 г., из старообрядцев прибыли лишь представители Белокриницкой иерархии¹³ во главе с епископом Петроградским и Тверским Геронтием (Лакомкиным)¹⁴. По причине

¹⁰ Постановление “О свободе совести” было принято Временным правительством 14 июля 1917 г. [СУРП 1917, 188 (10 августа): 1950–1951=Отд. 1. Ст. 1099; ВВП 1917, 109 (20 июля): 1; ЦВ 1917, 31: 247–248].

¹¹ Постановление “Об изменении действующих узаконений по делам Римско-католической церкви в России” было принято Временным правительством 26 июля 1917 г. [СУРП 1917, 204 (25 августа): 2217–2223=Отд. 1. Ст. 1287; ВВП 1917, 144 (26 июля): 1].

¹² О названных соглашениях см., напр.: [ВУРГАФТ, УШАКОВ 1996:41–42, 43–47, 229–230, 274, 287–289, 295–297].

¹³ Белокриницкая, или Австрийская иерархия старообрядцев была основана в 1840-х гг. в селении Белая Криница (урочище Вариница: северная Буковина, Австрия; ныне — в Глыбокском районе Черновицкой обл., Украина). В тот период Австрийская империя была единственной страной, где русским старообрядцам была предоставлена свобода вероисповедания. Первым старообрядческим митрополитом стал перешедший в 1846 г. в старообрядчество митрополит Константинопольского патриархата Амвросий (Паппа-Георгополи), бывший Босно-Сараевский. Первый архiereй для российских старообрядцев был поставлен в 1849 г. Им стал Софроний (Жиров): формально — епископ Симбирский, а фактически — архипастырь всех “древлеблагочестивых русских христиан”. За десять лет Белокриницкое согласие, ставшее называться также Древлеправославной Церковью Христовой, имело десять епархий, до двенадцати архiereев и множество священников практически по всей Российской империи.

¹⁴ См. о нём: [Зонтиков 2006; ИДЕМ 2015].

отсутствия соответствующего "кворума" Совещание ограничилось обменом мнений о положении при новом государственном строе лишь старообрядцев Белокриницкого согласия. Совещание высказалось за предоставление старообрядцам Белокриницкой иерархии права свободно устраивать монастыри и обители в порядке постановления Временного правительства о союзах и обществах от 12 апреля 1917 г. [ВВП 1917, 35 (20 апреля): 1; СУРП 1917, 98 (3 мая): 848–849=Отд. 1. Ст. 540]. Было заявлено и о необходимости предоставления старообрядцам широких прав и полной автономии. В основу этого полагался принцип о полной вероисповедной свободе и вытекающем из него равенстве всех религий и культов перед законом.

Проекты, выработанные Совещанием 12 июня, были распространены среди старообрядцев различных согласий и подвергнуты тщательному и всестороннему обсуждению.

Следующее заседание Совещания по старообрядческим делам состоялось 7 и 8 августа. На нём присутствовали члены законодательных палат, представители науки и ведомств, а от старообрядцев — старообрядцы Белокриницкой иерархии во главе с архиепископом Московским и всея Руси Мелетием (Картушиным), епископом Нижегородским и Костромским Иннокентием (Усовым) и епископом Петроградским и Тверским Геронтием (Лакомкиным), представители старообрядцев, приемлющих священство "господствующей" церкви, а также представители беспоповцев — поморского и старопоморского согласий. Был поднят вопрос о необходимости издания закона, общего для всех старообрядцев. В нём предполагалось сделать три раздела: 1) Положение о старообрядцах Белокриницкой иерархии; 2) Положение о старообрядцах, приемлющих священство, переходящее от "господствующей" церкви; 3) Положение о старообрядцах, не имеющих или не приемлющих священства. В преамбуле документа должно было звучать, что старообрядчество в своей совокупности есть нечто единое, связанное общим происхождением и сходством религиозно-бытового уклада.

Однако данное положение вызвало решительный протест со стороны беспоповцев. По их мнению, в случае принятия "общего" для всех старообрядцев документа среди старообрядцев поморского и старопоморского согласий могло возникнуть мнение, будто Временное правительство, помимо их воли и желания, стремится объединить беспоповцев с поповцами. А такое соединение с "иноверными" будет воспринято как "вопящее насилие" над религиозной совестью¹⁵. В итоге было

¹⁵ О непростых взаимоотношениях в 1917 г. старообрядцев Белокриницкой иерархии с единоверцами (т. е. старообрядцев юрисдикции "господствующей" Православной церкви) см., напр.: [Зеленогорский: 82–85, 213–218].

высказано требование, чтобы для каждого старообрядческого согласия были выработаны свои законопроекты, регулирующие публично-правовое положение в государстве каждого из названных согласий. Такая точка зрения была поддержана и старообрядцами, приемлющими священство от “господствующей” церкви. В результате работы Совещания на том заседании решено было ограничить выработкой положения о Белокриницкой иерархии. Аналогичного же рода положения о других старообрядческих согласиях предполагалось создать после получения соответствующих предложений и пожеланий от представителей тех согласий [ГАРФ: Ф. 1779. Оп. 1. Л. 40об.–41; Д. 1424. Л. 6об.–8; Д. 1437. Л. 99об.–101].

31 августа 1917 г. выработанный Совещанием проект изменения действующего законодательства по делам старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию, за № 4429 был представлен Министерством исповеданий¹⁶ Временному правительству¹⁷. Согласно тому законопроекту, в России фактически узаконивалась третья по счёту Православная

¹⁶ Министерство исповеданий было учреждено 5 августа 1917 г. Оно было создано путём объединения Канцелярии обер-прокурора Святейшего правительствующего синода (должность обер-прокурора Св. Синода при этом отменялась) и Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД. В составе нового министерства были Департамент по делам Православной церкви и Департамент по делам инославных и иноверческих исповеданий [СУРП 1917. 190 (10 августа): 1985–1986=Отд. 1. Ст. 1134; ВВП 1917, 127 (10 августа): 1; ЦВ 1917, 34: 280–281].

¹⁷ Один машинописный оригинал и два типографски напечатанных экземпляра этого “Представления” хранятся в [ГАРФ: Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1424. Л. 1–24; Д. 1437. Л. 1А–93 (оригинал), 94–117]. “Представление”, подписанное министром исповеданий А. В. Карташёвым и исполняющим делами директора Департамента по делам инославных и иностранных исповеданий Министерства исповеданий, вице-директором Г. Н. Тарановским, состоит из следующих разделов: “Изложение дела” (фактически — историко-юридической справкой, составленной в виде очерка), “Соображения” и “Заключение” [ГАРФ: Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1437. Л. 1А–79, 94–113]. (“Соображения”, составленные от лица Совещания по старообрядческим делам, в свою очередь, делились на части: “О признании старообрядческой Белокриницкой иерархии”, “О признании старообрядческого согласия Белокриницкой иерархии в качестве особой в государстве христианской церкви”, “О наименовании старообрядческой церкви Белокриницкой иерархии”, “О предоставлении Древле-православной церкви Белокриницкой иерархии права проповедания веры”, “Об освященном соборе Древле-православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию”, “О предоставлении епархиям Древле-православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, прав юридического лица”, “Об определении на места священно- и церковнослужителей в приходы Древле-православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию”, “О приходах Древле-православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию”, “О правах прихода как юридического лица”, “О составе прихода”, “О епархиальных и всероссийских съездах”, “Органы приходского управления”, “Общее собрание и Попечительство прихода”, “О ведении метрических книг”, “Об устройстве монастырей”, “О преподавании Закона Божия”, “О военных старообрядческих священниках”.) К “Представлению” в качестве его составной части прилагалось “Положение о Древле-православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию” [ГАРФ: Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1424. Л. 20об.–24; Д. 1437. Л. 80–93, 113–117].

церковь (после “господствующей” Российской¹⁸ и Грузинской¹⁹) — старообрядческая “Древле-Православная церковь, имеющая Белокриницкую иерархию”. 3 октября Временное правительство одобрило в целом законопроект²⁰, высказав пожелание, чтобы из него “исключена была статья 48, предусматривающая право названной церкви на получение материальной поддержки из казны”²¹. В результате документ был направлен

¹⁸ Одним из оснований для применения в законодательных актах Российской империи к Православной российской церкви термина “господствующая” было следующее обстоятельство. Вместе с ней и другие российские конфессии, находясь под императорским контролем, пользовались как защитой со стороны государства, так и рядом привилегий. После Православной российской церкви самой привилегированной в Российской империи была Евангелическо-лютеранская церковь, особенно там, где она являлась вероисповеданием большинства населения: в Великом княжестве Финляндском, в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях. Так что в определённом смысле государственными конфессиями могли считаться и другие привилегированные конфессии. Но господствующей была одна — Православная, к которой по официальной статистике принадлежало свыше двух третей населения Российской империи и в силу Основных законов — император [Цыпин 2006].

Статус “господствующей” *de jure* существовал у Православной церкви до 21 января 1918 г., т. е. до опубликования советского декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”. Однако *de facto* он был “утерян” после выхода постановлений Временного правительства “О свободе совести” от 14 июля 1917 г.

¹⁹ Грузинская православная церковь — одна из старейших ветвей вселенской Православной церкви: в V в. стала автокефальной (независимой). Возглавляется католикосом — патриархом всей Грузии. После вхождения Грузии в 1801 г. в состав России сан католикоса был упразднён, а глава грузинского духовенства, именуемый митрополитом Мцхетским и Карталинским, получил сан экзарха (титул главы самостоятельной православной церкви). В 1818 г. статус грузинского католикосата был изменён на грузинский экзархат, объединявший пять епархий: Грузинскую, Имеретинскую, Сухумскую, Гурийско-Мингрельскую и Владикавказскую.

На волне политических событий первых дней весны 1917 г., уже 12 марта, на состоявшемся в г. Мцхете церковном соборе часть епископов Грузинского экзархата, а также представители клириков и мирян в одностороннем порядке провозгласили о восстановлении автокефалии Грузинской церкви. 27 марта Временное правительство постановило признать автокефалию, но в качестве “национально-грузинской” Церкви, которой не должны были подчиняться негрузинские приходы [СУРП 1917, 77 (8 апреля): 657=Отд. 1. Ст. 440; ВВП 1917, 18 (28 марта): 1; ЦВ 1917, 9–15: 63–64]. Окончательное установление правового положения Грузинской православной церкви предоставлялось Учредительному собранию. Соответственно, в марте 1917 г. помимо “господствующей” Православной российской церкви в России появилась ещё одна православная церковь — Грузинская.

²⁰ В тот же день, 3 октября, на страницах правительственной газеты было опубликовано информационное сообщение, что Департаментом по делам инославных и иноверных исповеданий Министерства исповеданий разрабатываются законопроекты об изменении действующего законодательства по делам старообрядцев, приемлющих священство, переходящее от господствующей (Православной) церкви и об изменении действующего законодательства по делам старообрядцев поморского и старопоморского согласия [ВВП 1917, 167 (3 октября): 3].

²¹ Тот 48-й (последний) пункт проекта “Положения” гласил: “Древлеправославной Церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, предоставляется право на получение средств от Государства, наравне с другими христианскими церквами” [ГАРФ: Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1437. Л. 93, 117].

на доработку в Юридическое совещание [ГАРФ: Ф. 1779. Оп. 1. Д. 28. Л. 122–130об.; Додонов, Гринько 2004: 256]. В свою очередь, названная инстанция 18 октября рассмотрела документ, оставив пункт о государственных дотациях в неизменном виде. Законопроект был готов ко второму представлению Временному правительству. В нём констатировалось, что старожерцы “на общем основании” пользуются полной и неограниченной свободой исповедания и проповеди своей веры, что высшая власть их церковного управления принадлежит Освященному собору, состоящему из епископов, представителей клира и мирян, говорилось о признании государством трёхчинной (т. е. состоящей из епископов, священников и диаконов) старообрядческой Белокриницкой иерархии, констатировалось, что епархиям и приходам предоставляются права юридических лиц, что священно- и церковнослужители как белого, так и монашеского духовенства “пользуются правами и преимуществами, присвоенными по закону священно- и церковнослужителям всех христианских церквей”, и многое другое.

Однако свершившийся 25 октября Октябрьский переворот, в результате которого Временное правительство было свергнуто и несколько его министров в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. арестованы²², отсрочил “государственную регистрацию” Белокриницкого соглашения (с 1988 г. — Русская православная старообрядческая церковь (РПСЦ)²³) на несколько десятилетий.

Настоящей публикацией вводится в научный оборот упомянутый пакет документов, выработанный Министерством исповеданий и Юридическим совещанием. В него входит соответствующее “Представление” Юридического совещания Временному правительству (док. № 1), проект постановления Временного правительства “Об установлении положения о Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию” (док. № 2), а также являющийся приложением к нему проект “Положения о Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию” (приложение к док. № 2).

Три машинописных экземпляра публикуемого пакета документов выявлены в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в фонде “Юридическое совещание при Временном правительстве” (№ 1792), в 1-й описи. Один из них, хранящийся в деле № 23, — оригинал, подписанный председателем Юридического совещания Н. И. Лазаревским и заведующим делопроизводством этого Совещания Н. В. Мазаракием, а

²² См., например: [ИПСРСП 1917, 206 (25 октября): 1–2; ивд., 207 (26 октября): 1–5; ИВД., 208 (27 октября): 2–5].

²³ В настоящее время РПСЦ состоит из двух независимых друг от друга митрополий: Московской (центр в Москве на Рогожском кладбище) и Белокриницкой (центр в г. Брэила, Румыния). Об РПСЦ см. подробнее, напр.: [ХЭС, 1: 186–190; Крахмальников, Панкратов 2012; Юхименко 2012].

два других, находящихся в деле № 21, являются незаверенными копиями. Регистрационных сведений на всех экземплярах документа не значится.

Все три документа в источнике не датированы. По этой причине датировка сделана публикатором: её нижняя граница (18 октября) представлена по содержанию документа № 1, а верхняя (25 октября) — по последнему дню существования Временного правительства.²⁴

Текст документов приводится по правилам современного правописания, с сохранением стилистики оригиналов. Сокращения слов раскрыты в квадратных скобках. Все даты даются по старому (юлианскому) календарю.

№ 1

Представление Юридического совещания Временному правительству законопроекта Министерства исповеданий об изменении действующего законодательства по делам старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию

Не ранее 18 октября — не позднее 25 октября 1917 г.

Юридическое совещание, рассмотрев в заседании 18 октября 1917 года предположения Министерства исповеданий об изменении действующего законодательства по делам старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию, постановило представить на усмотрение Временного правительства прилагаемый при сем проект постановления.

Председатель *Н. Лазаревский*

Заведывающий²⁵ делопроизводством *Н. Мазаракий*

*Машинопись. Автографы. Оригинал [ГАРФ: Ф. 1792. Оп. 1. Д. 23. Л. 14];
Машинопись. 2-й и 3-й экз. Незаверенные копии [ИВид.: Д. 21. Л. 210, 244].*

²⁴ В делах ГАРФ выявлены два экземпляра представления Юридического совещания управляющему делами Временного правительства, в котором говорится о направлении Временному правительству, в составе двух других, законопроекта "Об изменении действующего законодательства по делам старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию". Документ оформлен по стандартной форме Юридического совещания: напечатанная типографским способом "шапка", к которой машинописью добавлены названия трёх законопроектов. В левом нижнем углу обоих экземпляров значатся регистрационный "№ 427" и дата: "15 ноября 1917 г." (номер, день и месяц проставлены чернильной ручкой, рукой неустановленного лица). Чьи-либо подписи под документом не значатся [ГАРФ: Ф. 1792. Оп. 1. Д. 21. Л. 202; Д. 23. Л. 13].

Однако верхняя датировка публикуемого пакета документов "15 ноября" представляется в данном случае не вполне корректной, поскольку может быть объяснима малым "интересом" советской власти ко "второстепенным" по важности учреждениям свергнутого 25 октября Временного правительства, чиновники которых некоторое время продолжали работать.

²⁵ Здесь и далее слово заведывающий (вместо современного заведующий) приводится в соответствии с источниками.

№ 2**Проект постановления Временного правительства “Об установлении положения о Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию”, представленный Юридическим совещанием Временному правительству**

Не ранее 18 октября — не позднее 25 октября 1917 г.

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

Об установлении положения о Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию

1. Присвоить старообрядческому согласию Белокриницкой иерархии официальное в законе наименование: “Древле-Православная Церковь, имеющая Белокриницкую иерархию”.

2. В изменение и дополнение подлежащих узаконений установить прилагаемое при сем Положение о Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию.

Председатель *Н. Лазаревский*

Заведывающий делопроизводством *Н. Мазаракий*

Машинопись. Автографы. Подлинник [ГАРФ: Ф. 1792. Оп. 1. Д. 23. Л. 15];

Машинопись. 2-й и 3-й экз. Незаверенные копии [ИВРД.: Д. 21. Л. 211, 245].

Приложение к № 2**Проект “Положения о Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию”**

Не ранее 18 октября — не позднее 25 октября 1917 г.

1. Действия настоящего положения распространяются на последователей Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию.

2. Последователи Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, пользуются на общем основании полною и неограниченною свободою исповедания и проповедания веры и, в частности, свободою отправления богослужения, устройства крестных ходов и других церковных шествий, постройки храмов и образования церковных приходов.

3. Высшее управление Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, принадлежит Освященному собору, созываемому и действующему по церковным правилам и состоящему из епископов и представителей клира и мирян.

4. Ведению Освященного собора подлежат все дела веры, богослужения, церковного управления и канонического суда, а также открытие новых епархий, переустройство существующих и замещение вдовствующих.

5. Об открытии новых епархий и переустройстве существующих, об определении епископов или временно заведывающих на епархии и об освобождении их от управления епархиями Освященный собор доводит до сведения

Министерства исповеданий чрез высшего иерарха Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию.

6. Иерархия Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, разделяется на три чина: епископов, священников и диаконов, с соответствующими каждому чину степенями.

7. Епархия Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, пользуется правами юридического лица, имуществом епархии ведает Епархиальный совет во главе с епископом, или его уполномоченным. Уполномочия устанавливаются письменными предписаниями епископа с приложением печати.

8. В состав Епархиального совета входят по своему званию епархиальный епископ и не менее пяти лиц, избранных епархиальным съездом сроком на три года из числа имеющих право голоса на приходских собраниях. О составе Епархиального совета доводится до сведения Министерства исповеданий.

9. Священно- и церковнослужители Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, как белого, так и монашеского духовенства, пользуются правами и преимуществами, присвоенными по закону священно- и церковнослужителям всех христианских церквей.

Примечание. Доказательством звания священно- и церковнослужителя служит ставленная²⁶ грамота или свидетельство, выданное епархиальным епископом.

10. Об определении на места, о перемещении и освобождении от должности священно- и церковнослужителей прихода епархиальный епископ сообщает местной гражданской власти.

11. Назначение на должности военных священников Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, совершается местною епархиальною властью по соглашению с Военным министерством.

12. Приходам Древле-Православной церкви, имеющим Белокриницкую иерархию, предоставляется, на основании общих гражданских законов, [право]²⁷ приобретать и отчуждать имущества, заключать договоры, вступать в обязательства, а также вчинять иски и отвечать на суды по делам прихода, с соблюдением правил, установленных для казённых учреждений.

13. Приходы Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, имеют право: 1) строить храмы, моленные, часовни и колокольни, и устраивать кладбища, 2) открывать и содержать благотворительные и просветительные учреждения, 3) устраивать всякого рода вспомогательные заведения по изготовлению предметов, потребных для осуществления целей прихода /типографии, свечные заводы и т. п./, и 4) образовывать капиталы и принимать пожертвования всякого рода.

²⁶ Так в тексте. В современной церковной практике грамоты называются "ставленническими".

²⁷ Слово, очевидно, пропущено в источнике.

Примечание. Постройка и ремонт храмов, часовен и моленных подчиняются общим правилам, причём не требуется никаких разрешений гражданской власти, кроме утверждения планов с технической стороны учреждением, осуществляющим в губернии техническо-строительный надзор.

14. По долгам прихода взыскание не может быть обращено на принадлежащие приходу Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, храмы, моленные, колокольни, другие здания, предназначенные для совершения богослужения и молитв, а равно святые иконы, священные и богослужебные книги и вообще все предметы, которые относятся к богослужению и молитвословию.

О приходах Древле-Православной церкви,
имеющей Белокриницкую иерархию²⁸:

15. Приход Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, есть церковное общество при храме или моленной, имеющее целью удовлетворение религиозно-нравственных, просветительных и благотворительных целей и находящееся в общении с местным епархиальным епископом.

16. Приходы Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, открываются с благословения местного епархиального епископа. Об открытии прихода попечительством доводится до сведения подлежащей гражданской власти, после чего приходы пользуются правами юридического лица.

Приходы могут объединяться как в епархиальные, так и всероссийские съезды с постоянными советами, также пользующиеся правами юридического лица.

Существующие старообрядческие общины переименовываются в приходы.

17. Членами прихода считаются лица обоюбого пола, записанные попечительством в особую приходскую книгу и признанные таковыми общим собранием прихода.

18. Делами прихода заведует общее собрание прихожан и, по его уполномочию, попечительство. Попечительство о своём избрании уведомляет гражданскую власть.

Общее собрание

19. Право голоса в общем собрании принадлежит членам данного прихода, достигшим двадцатилетнего возраста, кроме лиц, указанных в статье 14 Временного положения 21 мая 1917 года о волостном земском управлении [Собр. узак., ст. 655], а также лишённых общим собранием означенного права.

20. Ведению общего собрания прихода подлежат: 1) избрание кандидатов в священно- и церковнослужители прихода; 2) избрание членов попечительства прихода; 3) составление наказов попечительству прихода;

²⁸ В источниках отсутствуют как номер, так и название предыдущего (первого) раздела Проекта "Положения. . .".

4) рассмотрение приходских книг и признание вновь записанных в приходскую книгу лиц членами прихода; 5) лишение членов прихода права голоса в общих собраниях на определённый срок за проступки или предосудительное поведение; 6) рассмотрение вопросов об устройении и сооружении храмов, моленных, часовен и колоколен с церковным звоном, о ремонте храмов и всех сооружений прихода и об устройстве кладбищ; 7) основание благотворительных, просветительных и вспомогательных учреждений и издание для них в пределах закона правил внутреннего распорядка и инструкций; 8) утверждение на предстоящий год сметы доходов и расходов, если таковая установлена; 9) установление сборов с членов прихода и разрешение совершения займов от имени прихода; 10) составление капиталов и приём пожертвований с утверждением условий таковых; 11) установление общих условий, на основании коих попечительство в праве заключать от имени прихода договоры и вступать в обязательства; 12) разрешение вопросов о приобретении и отчуждении недвижимых имуществ; и 13) избрание членов Проверочной комиссии.

Примечание 1. В случае прекращения существования прихода, дальнейшее употребление имущества, за исключением имеющего определённое назначение, указывается общим собранием прихода, с согласия епархиального епископа. При несогласии епископа с решением общего собрания прихода, вопрос переносится на решение Освященного собора.

Примечание 2. Определение общего собрания об отчуждении и об отдаче в наём на срок более двенадцати лет недвижимого имущества прихода приводится в исполнение с согласия епархиального епископа.

21. Общие собрания прихода бывают обыкновенные и чрезвычайные, о созыве их объявляется не менее как за две недели до дня собрания, порядком, изложенным в статье 23 сего положения.

22. Общие собрания обыкновенные назначаются попечительством раз в год не позднее апреля месяца; чрезвычайные собрания созываются или по усмотрению попечительства, или по письменному требованию за подписью не менее одной десятой части всех членов прихода, имеющих право голоса, или по требованию Проверочной комиссии, или по предложению местного епископа. В этих случаях, при соответствующем требовании, указываются вопросы, вносимые на общее собрание, причём попечительство обязано созвать общее собрание в установленные статьёю 21 срок.

23. О времени, месте и предметах занятий общих собраний прихода вывешиваются на дверях храма или моленной, не менее как за две недели до назначенного дня собрания, объявление о его созыве.

24. Для действительности общего собрания прихода требуется присутствие в нём не менее одной трети членов прихода, имеющих право голоса. Если общее собрание не состоится, за отсутствием законного числа членов, то созывается вторичное собрание не ранее, как через семь дней, которое считается действительным при всяком числе прибывших членов прихода.

25. Все вопросы, за исключением указанных в следующей (26) статье, разрешаются общим собранием прихода простым большинством голосов законного состава сего собрания.

26. Для решения вопросов о лишении членов прихода права голоса на определённое время, о возмездном приобретении и об отчуждении недвижимого имущества и капиталов и о заключении займа от имени прихода, необходимо постановление решения²⁹ большинством двух третей присутствующих членов прихода.

27. Порядок и способ голосования по вопросам, относящимся к предметам ведения общего собрания прихода, определяется собранием по его усмотрению. Закрытое голосование в общем собрании прихода производится при разрешении вопросов о выборе должностных лиц прихода и о назначении им содержания или пособия. Во всех прочих случаях закрытое голосование производится по требованию не менее одной пятой части наличного состава собрания.

Примечание. Закрытым голосованием признаётся также подача записок.

28. Общие собрания прихода открываются председателем попечительства прихода, а в его отсутствии — его заместителем, после чего собрание избирает простым большинством из своей среды председателя собрания и секретарей.

29. На каждом общем собрании прихода избранными секретарями составляется запись постановлений, которая подписывается обязательно председателем и секретарями общего собрания, и не менее как тремя членами прихода из присутствующих на собрании. Пересмотр постановлений, принятых общим собранием, может быть произведён в новом общем собрании, созванном по предложению местного епископа.

Примечание. Члены прихода, в случае нарушения их гражданских прав действиями общих собраний, имеют право иска на общем основании [Св. зак. 1914:1].

Состав приходского попечительства и его обязанности

30. В состав попечительства прихода входят по своему званию священнослужители храма и не менее пяти лиц из членов прихода, избираемых сроком на три года из числа имеющих право голоса на общих собраниях.

31. Попечительство прихода из своей среды избирает на срок выбора попечительства председателя и по крайней мере одного заместителя председателя. За отсутствием председателя в попечительстве председательствует заместитель председателя.

32. На попечительство прихода возлагается: 1) представительство от лица прихода; 2) ежемесячная поверка и засвидетельствование метрических книг о родившихся, бракосочетавшихся и умерших; 3) приведение в исполнение постановлений общего собрания прихода; 4) составление сметы

²⁹ Так в тексте. Стилистика предложения сохранена.

расходов и приходов на предстоящий год, если таковая смета установлена; 5) содержание храмов, моленных, часовен, кладбищ, благотворительных, просветительных и иных учреждений прихода; 6) хранение принадлежащих приходу капиталов и имуществ, заведывание оными и вспомогательными заведениями, а также отчётность; 7) приём пожертвований и пособий, добровольно предоставленных храмам, моленным и благотворительным и просветительным заведениям, а также заведывание пожертвованиями; 8) совершение по постановлению общего собрания актов на приобретение имуществ и на отчуждение таковых; 9) избрание и уполномочие поверенных по делам прихода; и 10) сообщение подлежащему начальству уставов, основываемых при приходе³⁰ благотворительных и просветительных учреждений.

33. Поверочная комиссия избирается не менее как в числе трёх членов сроком на три года из числа лиц, имеющих право голоса на общих собраниях. Поверочная комиссия представляет доклады общему собранию прихода.

34. Приход имеет печать, отпечаток которой представляется гражданской властью для сведения.

О ведении метрических книг

35. Ведение метрических книг о родившихся, бракосочетавшихся и умерших возлагается на священнослужителей.

36. Записи родившихся скрепляются подписью восприемников или одною из них, о бракосочетавшихся — бракосочетавшимися супругами и свидетелями не менее двух, и об умерших — лицом, заявившим о смерти.

37. Выпис[к]и из метрических книг выдаются священнослужителями за подписями их и уполномоченного приходского попечительства с приложением печати.

38. Приходские попечительства обязаны ежемесячно проверять метрические книги.

39. Метрические книги заготавливаются по установленной Министерством исповеданий форме. Епархиальными советами³¹.

40. По окончании каждого года засвидетельствованные копии метрических книг представляются в Епархиальный совет.

41. Епархиальному совету принадлежит право ревизовать во всякое время ведение метрических книг в приходах.

Об устройстве монастырей

42. Последователям Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, предоставляется устраивать всякого рода монастыри с правами юридического лица. Об открываемом монастыре епископ доводит до сведения местной гражданской власти.

43. Монастыри имеют печать, отпечаток которой сообщается гражданской властью для сведения.

³⁰ Так в тексте.

³¹ Так в тексте: два предложения.

44. Монашествующие, принявшие пострижение, именуется принятым при постриге именем.

45. На монашествующих Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, распространяются права и ограничения, установленные для монашествующих Православной церкви.

О преподавании Закона Божия

46. Во всех учебных заведениях, где нет преподавания Закона Божия Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, может быть организовано родителями или опекунами учащихся преподавание Закона Божия.

47. Законоучители Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, определяются на места учебным начальством по соглашению с местным епископом.

Примечание. Требование образовательного ценза не распространяется на законоучителей Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию.

48. Право надзора за преподаванием Закона Божия Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, принадлежит епископу или его уполномоченному.

49. Древле-Православной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию, предоставляется, как и другим христианским церквям, право на получение средств от государства.

Председатель *Н. Лазаревский*
Заведывающий делопроизводством *Н. Мазаракый*

Машинопись. Автографы. Подлинник [ГАРФ: Ф. 1792. Оп. 1. Д. 23. Л. 16–24]; *Машинопись. 2-й и 3-й экз. Незаверенные копии* [ИВІД.: Д. 21. Л. 212–220, 246–254].

Библиография

Источники

ВВП 1917

Вестник Временного правительства, Петроград, 5 (18) марта — 24 октября (6 ноября) 1917 г.

ИПСРСРП 1917

Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Петроград, 1917.

ГАРФ

Документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (Москва).

ПСЗРИ-3, 1–33

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е, 1–33, С.-Петербург, 1881–1913.

СУРП 1917, 1–109

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате, 1–109, Петроград, 2 января – 25 ноября 1917 г.

ЦВ 1917

Церковные ведомости, Петроград, 1917.

ЛИТЕРАТУРА

ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ 2011

ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ [ГРИНБЕРГ] М. Л., *Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского)*, Москва, Иерусалим, 2011.

БАБКИН 2008

БАБКИН М. А., сост., предисл., коммент., *Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви*, Москва, 2008.

——— 2011

БАБКИН М. А., *Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.)*, Москва, 2011.

ВУРГАФТ, УШАКОВ 1996

ВУРГАФТ С. Г., УШАКОВ И. А., *Старообрядчество. Опыт энциклопедического словаря*, Москва, 1996.

ДОДОНОВ, ГРИНЬКО 2004

ДОДОНОВ Б. Ф., отв. ред., сост., ГРИНЬКО Е. Д., сост., *Журналы заседаний Временного правительства*, 4: *Сентябрь – октябрь 1917 г.* (= Архив новейшей истории России. Публикации, 7), Москва, 2004.

ЗОНТИКОВ 2006

ЗОНТИКОВ Н. А., "Геронтий", in: *Православная энциклопедия*, 11, Москва, 2006, 414–415.

——— 2015

ЗОНТИКОВ Н. А., *Старообрядческий епископ Геронтий (Лакомкин): крестный путь святителя*, Кострома, 2015.

КИРИЛЛОВ 1913

КИРИЛЛОВ И. А., *Статистика старообрядчества*, Москва, 1913.

КРАХМАЛЬНИКОВ, ПАНКРАТОВ 2012

КРАХМАЛЬНИКОВ А. П., ПАНКРАТОВ А. В., "Белокриницкая иерархия", in: *Православная энциклопедия*, 4, Москва, 2012, 542–556.

МИРОНОВ 2013А

МИРОНОВ Б. Н., "Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. Статья 1", *Общественные науки и современность*, 2, 2013, 72–84.

——— 2013Б

МИРОНОВ Б. Н., "Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. Статья 2", *Общественные науки и современность*, 3, 2013, 106–115.

——— 2015

МИРОНОВ Б. Н., *Российская империя: от традиции к модерну*, 3, С.-Петербург, 2015.

ПОТАПОВА 2015

ПОТАПОВА Н. В., "Вероисповедное законодательство Временного правительства и эволюция политико-правовых взглядов российских протестантов (февраль–октябрь 1917 года)", *История государства и права*, 8, 2015, 3–7.

ПЫЖИКОВ 2013

ПЫЖИКОВ А. В., *Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года*, Москва, 2013.

Редькина 1996

Редькина О. Ю., “Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль–октябрь 1917 года)” (автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук, Москва, 1996).

——— 1998а

Редькина О. Ю., “Политика Временного правительства (февраль–октябрь 1917 г.) в отношении инославных и иноверных исповеданий”, *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 5 (17), 1998, 64–85.

——— 1998б

Редькина О. Ю., “Февраль 1917 г. в России: рождение и становление светского государства”, *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 1–2 (13–14), 1998, 46–59.

Семененко-Басин 2013

Семененко-Басин И. В., “Вопрос о литургическом поминовении властей в 1917 году в старообрядческой Церкви”, in: Е. М. Юхименко, отв. ред., сост., *Старообрядчество в России (XVII–XX века)*, 5, Москва, 2013, 484–517.

Синельников 2013

Синельников С. П., “Конфессиональные постановления Временного правительства о судьбе церковно-приходских школ”, *История государства и права*, 21, 2013, 30–35.

Соколов 2014

Соколов А. В., “Министерство исповеданий Временного правительства и Православная церковь”, *Вопросы истории*, 2, 2014, 154–166.

Стародубова 2000

Стародубова А. Л., “Юридическое совещание 1917 г.: Основные направления деятельности” (автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук, Москва, 2000).

Фёдоров 2005

Фёдоров В. А., “Временное правительство и его вероисповедная политика”, in: *Православная энциклопедия*, 9, Москва, 2005, 510–514.

ХЭС, 1

Аверинцев С. С., гл. ред., *Христианство. Энциклопедический словарь*, 1, Москва, 1993.

Цыпин 2006

Владислав Цыпин, прот., “Господствующая церковь”, in: *Православная энциклопедия*, 12, Москва, 2006, 179.

Юхименко 2012

Юхименко Е. М., *Старообрядческий центр за Рогожской заставой*, Москва, 2012.

References

Babkin M. A., ed., *Materialy i arkhivnye dokumenty po istorii Russkoi pravoslavnoi tserkvi*, Moscow, 2008.

Babkin M. A., *Sviashchenstvo i Tsarstvo (Rossiia, nachalo XX v. – 1918 g.)*, Moscow, 2011.

Dodonov B. F., Grin'ko E. D., eds., *Zhurnaly zasedanii Vremennogo pravitel'stva*, 4, Moscow, 2004.

Fedorov V. A., “Vremennoe pravitel'stvo i ego veroisповедnaia politika,” in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 9, Moscow, 2005, 510–514.

Grinberg M. L., *Zhizn' i trudy arkhiepiskopa Andreia (kniazia Ukhtomskogo)*, Moscow, Jerusalem, 2011.

Krakhmal'nikov A. P., Pankratov A. V., “Belokrinitskaia ierarkhiia,” in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 4, Moscow, 2012, 542–556.

Mironov B. N., “The Russian Revolution of 1917 in the Context of the Theory of Revolution. Article 1.” *Social Sciences and Contemporary World*, 2, 2013, 72–84.

Mironov B. N., "The Russian Revolution of 1917 in the Context of the Theory of Revolution. Article 2," *Sciences and Contemporary World*, 3, 2013, 106–115.

Mironov B. N., *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*, 3, St. Petersburg, 2015.

Potapova N. V., "Confession Legislation of the Provisional Government and Evolution of Political-law Views of Russian Protestants (February–October, 1917)," *Istoriia gosudarstva i prava*, 8, 2015, 3–7.

Pyzhikov A. V., *Grani russkogo raskola. Zametki o nashei istorii ot XVII veka do 1917 goda*, Moscow, 2013.

Red'kina O. Yu., "Politika Vremennogo pravitel'stva (fevral'–oktiabr' 1917 g.) v otnoshenii inoslavnykh i inovernykh ispovedanii," *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 5 (17), 1998, 64–85.

Red'kina O. Yu., "Fevral' 1917 g. v Rossii: rozhdenie i stanovlenie svetskogo gosudarstva," *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 1–2 (13–14), 1998, 46–59.

Semenenko-Basin I. V., "Vopros o liturgicheskome pominovanii vlastei v 1917 godu v staroobriadcheskoi Tserkvi," in: E. M. Yukhimenko, ed., *Staroobriadchestvo v Rossii (XVII–XX veka)*, 5, Moscow, 2013, 484–517.

Sinel'nikov S. P., "Provisional Government in Respect of Church Schools," *Istoriia gosudarstva i prava*, 21, 2013, 30–35.

Sokolov A. V., "Ministerstvo ispovedanii Vremennogo pravitel'stva i Pravoslavnaiia tserkov'," *Voprosy istorii*, 2, 2014, 154–166.

Vladislav Tsypin, "Gospodstvuiushchaia tserkov'," in: *Pravoslavnaiia entsiklopediia*, 12, Moscow, 2006, 179.

Vurgaft S. G., Ushakov I. A., *Staroobriadchestvo. Opyt entsiklopedicheskogo slovaria*, Moscow, 1996.

Yukhimenko E. M., *Staroobriadcheskii tsentr za Rogozhskoi zastavoi*, Moscow, 2012.

Zontikov N. A., "Gerontii," in: *Pravoslavnaiia entsiklopediia*, 11, Moscow, 2006, 414–415.

Zontikov N. A., *Staroobriadcheskii episkop Gerontii (Lakomkin): krestnyi put' sviatitelia*, Kostroma, 2015.

Acknowledgements

Russian Foundation for the Humanities. Project No. 14-01-00363.

проф. **Михаил Анатольевич Бабкин**, доктор ист. наук
 Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт,
 профессор кафедры истории России новейшего времени
 Москва 103012, ул. Никольская, д. 15
 Россия/Russia
 babkin.mikhail@gmail.com

Received March 21, 2016

ĽUBOR KRÁLIK,
Stručný etymologický slovník slovenčiny

Bratislava, VEDA, 2015, 700 с.

Жанна Жановна Варбот

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Zhanna Zh. Varbot

Vinogradov Russian Language Institute,
Moscow, Russia

Славянская этимология обогатилась долгожданным трудом — “Кратким этимологическим словарем словацкого языка”, одного из двух славянских языков, не имевшего до сих пор собственного этимологического лексикографического обзора-исследования (второй такой язык — македонский). Этим достижением мы обязаны известному словацкому исследователю Любору Кралику (далее рецензируемый словарь обозначается SESS 2015).

Разумеется, нельзя отрицать наличие многочисленных исследований о происхождении словацкой лексики. Особенно существен в рассматриваемом отношении “Этимологический словарь чешского и словацкого языков” Вацлава Махека (особенно первое издание словаря [Маснек 1957]), в котором словацкая лексика рассматривалась не только параллельно, в связи с чешской, но также (при отсутствии чешских соответствий) и в качестве самостоятельных словарных позиций. Соответствующие статьи не вошли во второе издание словаря в ожидании самостоятельного словацкого этимологического словаря. Многочисленные статьи и даже циклы статей принадлежат известному словацкому ученому Ш. Ондрушу, который приступал к созданию этимологического словаря. Наконец, словацкая лексика (особенно в последние десятилетия в связи с публикацией диалектных и исторического словарей словацкого языка) широко привлекалась в этимологических исследованиях лексики других славянских языков и особенно праславянского.

Выбор типа словаря — краткого — не был принципиальным, а обусловлен обстоятельствами его создания — кадровыми и временными. Этот выбор влечет за собой ряд существенных особенностей структурного и содержательного плана. Словник SESS 2015 следует за “Кратким словарем словацкого языка” [KSS 2003],

так что в него включена только лексика литературного языка, не мотивированная с точки зрения современного языка, и некоторые устаревшие слова, являющиеся производящими основами для актуальной лексики. Ориентацией на KSS 2003 определена и многочисленность заимствований (в том числе и недавних, например *gulag, esemeska, plejbek*) в словнике этимологического словаря. Значения указываются только для слов, сопровождающихся в словаре литературного языка стилистическими пометами “устар.”.

Перейдем к характеристикам статей SESS 2015, наиболее существенным для этимологического словаря. Производные слова представлены отсылочными статьями и рассматриваются в статьях о производящих, не мотивированных с точки зрения современного языка, но в этих последних статьях не упоминаются все производные соответствующего гнезда. Есть, однако, отступления от этого принципа, так что в отсылочных статьях указывается корень слова или все толкование: см. *dej-* в *dejateľ*; иногда производящие помещаются в статьях с заглавными производными: см. *skorej* с отсылкой на *skorý*, которое рассматривается в статье *skorocel, a dielo* — в статье о *dielňa*. В конце словарных статей указывается дата первой фиксации слова (кроме слов с фиксацией в XX в.). Сообщается о формах и значениях слова в старшие периоды его истории, если они отличны от современных. В SESS 2015 не приводятся лексические соответствия словацким словам из других славянских языков, так что нет обоснования праславянской древности тех или иных слов, для которых указаны праславянские исходные формы, при том что этимологическое толкование праславянских по происхождению слов доводится до индоевропейского уровня с указанием родственных образований из индоевропейских языков. Очень глубоко, до этимологического первоисточника (а не ближайшего, последнего по времени), рассматривается происхождение заимствований (например, история *patizón* через французский и старопровансальский доведена до лат. *pasta*; *pohar* через венгерское *pohár* и старобаварское *pehhari* из средневекового латинского *bicarium* < *bacarium*). Словообразовательные модели производных слов праславянского происхождения указываются непоследовательно (например, отсутствует модель праслав. **dolnъ*, хотя указано морфологическое членение **dolto* < **dolbto*). Как правило, в SESS 2015 приводится одна, реже несколько (даже три) этимологических версии, наиболее обоснованных с точки зрения автора, излагается обоснование версий, но отсылки к научной литературе (то есть авторство предлагаемых этимологических версий) не даются, поэтому собственно авторские оригинальные толкования можно определить только из сопоставления со всем массивом словацкой этимологической литературы. Кстати, во “Введении”, в разделе “VIII. Literatura”, приведены перечни избранных трудов по общим вопросам этимологии (VIII.1) и использованных этимологических исследований, преимущественно этимологических словарей славянских языков и других языков (нельзя не отметить, что в первом списке удивляет отсутствие упоминаний трудов В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева). Основные моменты истории этимологических исследований словацкой лексики, теоретические и методические принципы SESS 2015, структура статей и характер этимологического толкования подробно описаны также во “Введении”.

Как уже было сказано, SESS 2015 следует в составе словника за KSS 2003, но ориентация на этимологическое исследование побуждает обратить внимание на

соотношение словника SESS 2015 с представлением словацкой лексики в первом издании этимологического словаря В. Махека. В SESS 2015 отсутствуют словацкие диалектные лексемы (если только они не нужны при этимологизации литературных слов). Разумеется, SESS 2015 отличается от словаря В. Махека множеством заимствований, причем не только новых (см. *hošťak* < средневерхненемецкое *Hofstat*), с авторскими этимологическими толкованиями (см. *ľahťicár* ‘безответственный, легкомысленный человек’ от латинского *lectus* ‘ложе, лежанка’). С другой стороны, в SESS 2015 отсутствует ряд заимствований, рассматриваемых В. Махеком (например, *gator*, *gráty*, *kavetla*, *kardoška*). Этимологические толкования заимствований в SESS 2015 часто отличается от словаря Махека (см. *lagan* ‘бездельник’ < *laban* < библейское имя *Lában*).

Весьма отлично от принятых В. Махеком представление исконно словацкой лексики, для которой в SESS 2015 словообразовательные модели, история и семантическое развитие прослеживаются более подробно (см. *hodlať* от **godlo*, которое восходит к праславянскому **goditi*; *chlipati* от ‘тяжело дышать’ к ‘сильно желать, жаждать’), и нередко этимологическое толкование в SESS 2015 отличается от предложенного В. Махеком (см. в SESS 2015 *gniaviť* от **gnoviti*, *liepať sa* ‘лезть’ от **ľepiti*, *škúľiti* ‘косить’ от **kuliti*). В этимологических толкованиях словацкой лексики, общей с другими славянскими языками и унаследованной из праславянского, предпочтения автора SESS 2015 также нередко отличаются от выбора В. Махека (см. *čudo* от *čuti*; *čaša* от **kesja*, восходящего к индоевропейскому **kes-* ‘скрести’; *pratati* от индоевропейского **sp(h)er-* / **sp(h)erə-* ‘дергать, копать’). При этом в SESS 2015 учитываются этимологические разработки лексики праславянского происхождения, предложенные относительно недавно (см. *orech* — от **rěšiti*; *paluba* — от **lubъ*; *pojít* ‘соединять’ — от **piti*; *nahrada* — обоснование семантического развития от *hrad* с участием синонимических отношений с *mesto*). Признавая авторское право на выбор наиболее убедительных версий, можно, однако, сожалеть об отсутствии упоминания некоторых последних по времени и весьма обоснованных толкований (например, относительно *pestovať* не упомянута версия производности от **pěstъ*; относительно *mysl’* — от **men-* ‘думать’; относительно *truzna* — исключение возможности варианта праславянского **trizna* с производностью от **tri*).

Этот общий и весьма неполный обзор содержания SESS 2015 обосновывает представление об этом словаре как очень актуальном, информативном и творческом вкладе в словацкую и славянскую этимологию.

Библиография

KSS 2003

KAČALA J., PISÁRČIKOVÁ M., POVAŽAJ M., red., *Krátky slovník slovenského jazyka*, 4. dopl. a upr. vyd., Bratislava, 2003.

МАШЕК 1957

МАШЕК V., *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha, 1957.

SESS 2015

KRÁLÍK L., *Stručný etymologický slovník slovenčiny*, Bratislava, 2015.

References

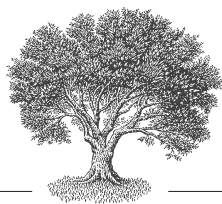
Kačala J., Pisárčiková M., Považaj M., eds.,
Krátky slovník slovenského jazyka, 4. dopl. a upr. vyd.,
Bratislava, 2003.

Králik L., *Stručný etymologický slovník slovenčiny*,
Bratislava, 2015.

Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého a
slovenského*, Praha, 1957.

проф. **Жанна Жановна Варбот**, доктор филол. наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, заведующая отделом
этимологии и ономастики
119019 Москва, Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
zhannavarbot@yandex.ru

Received December 19, 2016

Афанасьева Т. И., Козак В. В., Соболев А. Н.,
*Глаголическая письменность Западных Балкан X–
XVI веков. Учебно-методическое пособие*

С.-Петербург, Наука, 2016, 71 с.

**Татьяна Всеволодовна
Рождественская**

С.-Петербургский государственный
университет
С.-Петербург, Россия

Tatiana V. Rozhdestvenskaia

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

В российских вузовских курсах старославянского языка, истории древнеславянской письменности, истории славянских языков уделяется явно недостаточное внимание глаголической письменности, языку памятников, написанных на глаголице в разных ареалах средневековой Славии. Сложившаяся ситуация, естественно, отражает ситуацию в российской славистике в целом, когда на долгие десятилетия глаголическая письменность оказалась вне поля зрения исследователей. Можно с уверенностью сказать, что настоящее пособие является первой послереволюционной публикацией на русском языке, специально посвященной проблемам изучения глаголических текстов. Как известно, этот пласт славянских письменных источников обладает значительным историко-лингвистическим потенциалом для изучения не только ранних этапов становления славянского письма, но и для изучения языковой ситуации на Балканах начиная с X в. Нельзя также недооценивать роль глаголической письменности в истории церковнославянского языка на Руси, которая была весьма значительной для формирования переводческих техник библейских и литургических текстов, для складывания языковых норм книжного языка Средневековья.

Своеобразие хорватской глаголической традиции до сих пор недостаточно оценено специалистами. К концу XV в. в средневековой Европе, в славянском мире сложилась ситуация, при которой в католическом обряде на протяжении

столетий использовался славянский язык, а на письме бытовали одновременно три алфавита: глаголица, кириллица, латиница. В создавшемся анклав славянской языковой культуры памятники глаголической письменности, как показываю достижения палеославистики последних десятилетий, донесли до нас черты кирилло-мефодиевской традиции в большем объеме, чем кириллические тексты в их охридской или преславской редакциях. Поэтому рецензируемое учебно-методическое пособие, возрождающее в вузовской науке интерес к глаголической письменности, имеет пионерский характер.

Актуальность разработанного и апробированного авторами лекционного и практического курсов, которые ведутся на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета, не вызывает сомнений. Цель курса — ввести слушателей — студентов, магистрантов и аспирантов (филологов, историков, искусствоведов) — в проблематику фундаментальных вопросов кирилло-медиевистики, связанных с вопросами истории славянской письменности, ее жанрового своеобразия, исторической диалектологии южнославянских языков, историко-культурной и языковой ситуаций в эпоху Средневековья, а также славянской палеографии.

Новизна курса определяется не только во включении глаголических памятников в сферу вузовского славистического образования. Она состоит и в том, что благодаря знакомству слушателей с корпусом глаголических текстов и языковыми явлениями, отраженными в этих текстах, слушатель получает более полную и объемную картину о письменном и языковом ландшафте Балкан, о распространении глаголицы в других контактных зонах культурного взаимодействия. Как отмечается во введении (автор А. Н. Соболев), “курс в целом характеризует комплексная и уравновешенная историческая, филологическая, лингвистическая и литературоведческая ориентация” (с. 6). Пособие состоит из введения, 8-ми глав, списка иллюстраций. В нем удачно соединены теоретические положения и практические упражнения, задания и тексты разных жанров. Работа слушателей курса нацелена на их чтение и комментирование, опирающееся на навыки историко-лингвистического источниковедческого анализа.

В двух первых главах (автор Т. И. Афанасьева) сообщаются сведения о круглой (болгарской) и об угловатой (хорватской) глаголице, даются таблицы глаголического алфавита в сопоставлении с кириллицей, сведения об основных памятниках, их изданиях и основная научная литература; характеризуется хорватская редакция церковнославянского языка (язык и орфография памятников). Тем самым слушатели знакомятся с проблематикой курса, получают представление о его цели и задачах. Практическая часть состоит из заданий, нацеленных на лингвистический анализ конкретных текстов, предлагается освоить латинскую транслитерацию глаголического текста и обратное действие, а также отметить как старославянские формы, так и формы, отражающие особенности чакавского диалекта.

Представленные в пособии глаголические памятники датируются X–XVI вв. Выбор источников для анализа в пособии обусловлен стремлением авторов представить разные жанры или типы славянской глаголической письменности Западных Балкан — территории, на которой сосредоточены важнейшие памятники хорватского языка в его диалектных разновидностях. Их общий обзор представлен в третьей главе (автор В. В. Козак). Здесь перечисляются основные собрания

глаголических рукописей как на территории Хорватии, так и за ее пределами, из которых важнейшими являются собрание Хорватской академии наук и искусств в Загребе и собрание Ивана Берчича в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Перечисление жанров глаголической литературной традиции дает представление о многофункциональности глаголического алфавита на протяжении нескольких столетий: от лапидарных источников — надписей на плитах (например, ктиторских, надгробных и поминальных и т. д.), выделенных в отдельную главу 4 “Древнейшие глаголические надписи Западных Балкан” (автор А. Н. Соболев), до памятников светского и церковного права. В соответствии с жанрами глаголической письменности структурированы и соответствующие главы пособия — “Богослужбная христианская литература” (глава 5, автор Т. И. Афанасьева), “Внебогослужбная христианская литература” (глава 6, автор В. В. Козак), “Памятники светского права”, “Памятники церковного и канонического права” (главы 7 и 8, автор А. Н. Соболев). Особо выделен раздел “Палеографический и текстологический этапы изучения памятников”, в котором характеризуется методика источниковедческого и лингвистического анализа текстов, перечисляются методы их филологического изучения (с. 25–28). Каждая глава содержит общую краткую характеристику источников.

Все главы построены по единому принципу: сначала даются общие сведения о памятниках с указанием их публикаций и научной литературы, затем — фрагменты текста, в случае большого объема в латинской транскрипции, и задания к ним, нацеленные на анализ языковых явлений (фонетика, морфология, синтаксис, лексика), отраженных текстом. Успешное выполнение заданий требует использования перечисленных в пособии словарей и справочной литературы, в т. ч. электронных ресурсов, списки которых даются в конце каждой из глав.

Особого внимания заслуживает иллюстративный материал, тщательно подобранный и крайне необходимый в современной ситуации — прежде всего это касается карт, когда географические представления студентов, к сожалению, весьма размыты. Цветные вклейки четырех карт, снимки листов глаголических рукописей и старопечатных изданий и надписей выгодно отличают пособие от подобных учебно-методических пособий по старославянскому и другим языкам средневековой письменности. Отмечу и прекрасное полиграфическое воспроизведение источников, красочное оформление обложки, осуществленное издательством “Наука”.

Все сказанное позволяет высоко оценить как с содержательной, так и методической стороны рецензируемое пособие, не имеющее пока аналогов в российской вузовской практике. Оно будет полезно не только учащимся, но и широкому кругу специалистов — филологов, историков, интересующихся историей славянских языков и культур. Его авторы — высококвалифицированные специалисты в области славянской филологии в разных ее ипостасях, представившие в своем пособии глаголическую письменность славянского Средневековья как важнейшую составляющую палеославистики в целом.

Библиография

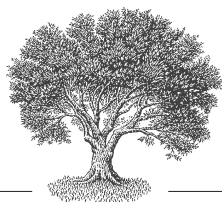
АФАНАСЬЕВА Т. И., КОЗАК В. В., СОБОЛЕВ А. Н., *Глаголическая письменность Западных Балкан X–XVI веков. Учебно-методическое пособие*, С.-Петербург, 2016.

References

Afanasyeva T. I., Kozak V. V., Sobolev A. N., *Glagolicheskaia pis'mennost' Zapadnykh Balkan X–XVI vekov. Uchebno-metodicheskoe posobie*, St. Petersburg, 2016.

проф. **Татьяна Всеволодовна Рождественская**, доктор филол. наук
С.-Петербургский государственный университет,
филологический факультет,
профессора кафедры русского языка
199034 С.-Петербург, Университетская наб., д. 11
Россия/Russia
t.rozhdestvenskaya@spbu.ru

Received December 25, 2016

*АМОСОВА С., отв. ред.,
Лепель: память о еврейском местечке*

Москва, Сэфер, 2015, 496 с.*

Борис Евгеньевич Рашковский

Всероссийская государственная
библиотека иностранной литературы
имени М. И. Рудомино
Москва, Россия

Boris Ye. Rashkovskiy

Margarita Rudomino All-Russia State
Library for Foreign Literature
Moscow, Russia

Новая книга центра “Сэфер” продолжает серию публикаций по истории материального и духовного наследия белорусского еврейства и памяти о еврейском населении, сохраняющейся и поныне среди жителей бывших еврейских городов и местечек. Первая в этой серии коллективная монография была посвящена описанию местечка Желудок [Копченова 2013], расположенного на территории современной Гродненской области Белоруссии. Рецензируемое издание переносит нас в восточно-белорусский городок Лепель — районный центр Витебской области.

Как и предшествующее издание в этой серии, оно представляет собой публикацию материалов летней полевой школы-экспедиции, организованной центром “Сэфер” в 2014 г. Авторы статей сборника — преподаватели и студенты, принимавшие участие в исследованиях еврейского прошлого Лепеля в рамках этнографического и эпиграфического направления работы школы.

Материал сборника делится на три части. Первая, подготовленная участниками этнографического потока, включает в себя исследования истории лепельской еврейской общины и представлений местных жителей о евреях и еврейском прошлом городка и его округи. Часть статей этого раздела написана на основе интервью с информантами. Преподаватели и студенты эпиграфического потока

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 15-18-00143 “Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: Славяне и евреи”.

подготовили публикацию каталога лепельского еврейского кладбища. Это вторая часть сборника. Третья часть состоит из публикаций архивных источников по истории лепельского еврейства.

Текст первой части сборника открывается статьями К. Карпекина [2015а; 2015б]. На материале опубликованных источников и архивных документов исследователь прослеживает историю общинных институций евреев Лепеля и судьбу синагог соседнего местечка Чашники. Особенно подробно автор останавливается на документах межвоенного периода, отражающих трагическую историю преследования еврейских религиозных организаций в 1920–30-е гг., наиболее интенсивного во время так называемой “безбожной пятилетки” 1929–1933 гг. Автор показывает, что ко времени начала нацистской оккупации и Холокоста были закрыты все синагоги в Лепеле и (за одним исключением) в Чашниках [Ibid.: 26, 33], а организованная религиозная жизнь местных евреев окончательно разгромлена.

Ряд статей сборника посвящен анализу этнокультурных стереотипов о евреях и еврейском прошлом города и окрестностей, распространенных в среде современного белорусского населения Лепельского района. Так, в статье А. Мороза «Еврейский Лепель глазами сельских жителей» [2015] отмечается бытование в современном Лепеле и окрестных деревнях известных еще со средневековья традиционных народных поверий, связанных с евреями, — таких как “кровавый навет”, вера в существование особого еврейского чёрта — “Хапуна”, объяснение отказа евреев от свиноядения тем, что свинья — это “жидовская тетка”, представление о реальном существовании особого “еврейского запаха”.

Эти традиционные, насыщенные бинарными оппозициями, представления народной культуры о чужаке-иноверце, сочетаются, по наблюдениям автора, с реальным опытом общения с евреями — опытом как собственным, так и известным в пересказе родственников, друзей и знакомых. Похожие стереотипы белорусского населения относительно евреев и до сих пор встречаются у местных жителей. Случаи уверенности в особой магической силе иудейских ритуальных предметов (свитков Торы и Тфилин) были зафиксированы А. Базаревич [2015] в другом местечке Лепельского района — Ушачах.

Две статьи сборника посвящены судьбам пожилых женщин-носительниц устной народной традиции (белорусской и еврейской) и устной истории Лепеля. Работа Н. Петрова [2015] представляет собой подробно прокомментированное, издание интервью с жительницей Лепеля М. К. Пшонко (род. 1935). Текст интервью интересен не только примерами многих распространенных стереотипов в отношении еврейского населения (вплоть до “кровавого навета”), но и любопытными свидетельствами о судьбе семьи Пшонко, трудностях быта в эвакуации и т. д. Публикация, подготовленная М. Коженевской [2015], наоборот, является пересказом беседы с С. М. Лынько (род. 1946) — одной из последних на момент экспедиции живых представительниц еврейской общины города. Здесь любопытны собранные исследователем свидетельства о еврейской жизни послевоенного Лепеля, функционировании подпольных молитвенных собраний (миньянов) на квартирах и в частных домах горожан.

В нескольких статьях сборника рассматриваются свидетельства исторической памяти белорусского населения об имеющих отношение к евреям местным

топонимам, достопримечательностям и историческим памятникам. Так, в статье В. Кухтиной и Н. Савиной [2015] “Неофициальная топонимия города Лепель” приводятся выдержки из интервью с информантами, содержащими до сих пор бытующие в городе объяснения названий тех или иных локусов, порой заметно отличающиеся от официальных. В своей статье исследовательницы публикуют подготовленную ими карту с нанесенными на нее неофициальными названиями районов Лепеля [ibid.: 54]. Есть там и еврейский район, локализуемый информантами в окрестностях улицы Володарского — традиционного центра поселения лепельских евреев.

Статья О. Беловой [2015], посвященная бытующим в городе фольклорным нарративам о еврейском кладбище, описывает непростую ситуацию вокруг существующих в городе массовых представлений о местном иудейском некрополе, а также поминальных и погребальных обрядах иудаизма. Как отмечает автор статьи, образ кладбища неизменно присутствует в рассказах обитателей города о его еврейском прошлом. И это при том, что далеко не все информанты сами когда-либо сами бывали на еврейском кладбище [ibid.: 92]. Однако, несмотря на это, в материалах, собранных и проанализированных О. Беловой, находят отражение некоторые реальные особенности исторического развития и топографии кладбища — такие как частичное затопление и разрушение многих захоронений вследствие эрозии, вызванной сооружением ГЭС, или хорошо заметные различия между старым и новым, послевоенным, участками кладбища. Эти особенности отмечают [Бахтадзе et al. 2015: 117–118] и авторы каталога надгробий.

Также в статье отмечаются некоторые новые явления в погребальной обрядности евреев Лепеля — такие как присутствие на надгробиях последних лет христианской символики и появление традиции хоронить нееврейских родственников на еврейском кладбище. Примеры такой практики представлены и в каталоге Бахтадзе et al. 2015: 304, № 334]. Информанты отмечают постепенное смягчение жесткой этно-конфессиональной дифференциации городских кладбищ на православное (русско-белорусское), польское (католическое) и иудейское в конце XX – начале XXI в., хотя часть из них по-прежнему воспринимает как уходящую традицию как норму [Белова 2015: 106].

Наконец, статья местного краеведа В. Тухто [2015] содержит весьма полезную информацию по истории еврейских кладбищ Лепельского района. Автор отмечает существование двух небольших иудейских некрополей в деревнях Камень и Пышно и кратко останавливается на судьбе памятников на месте массовых захоронений евреев, уничтоженных нацистами и их пособниками около деревень Камень и Черноручье. В Черноручье в братской могиле похоронено около двух тысяч человек, из которых примерно половина — узники Лепельского гетто. Интересно сопровождаемое фотографией описание памятника “жертвам фашизма” в деревне Камень. На нем шестиконечная звезда была целенаправленно заменена на пятиконечную, а в тексте надписи на памятники намеренно стерто слово “евреи”.

Кроме того, автор отмечает, что в ходе экспедиции 2014 г. не удалось подтвердить представленную в четвертом томе издания “Археалогія Беларусі” версию о существовании еврейского кладбища возле деревни Большие Таранковичи. Статья В. Тухто проиллюстрирована фотографиями нескольких сохранившихся

надгробий и охеля (напоминающего мавзолей надмогильного сооружения). К сожалению, это не профессиональные эпиграфические публикации, хотя на некоторых фото хорошо читаются даты — 1870 и 1870/1 гг. [Тухто 2015: 89].

Во второй части сборника публикуется каталог еврейского кладбища Лепеля, насчитывающий 403 номера. Самое раннее сохранившееся датированное надгробие относится к 1789 г., самое позднее было установлено в 2013 г. Публикацию текстов эпитафий предваряет вступительная статья [Бахтадзе et al. 2015: 117–120], содержащая краткую характеристику кладбища и изложение общих принципов публикации текстов эпитафий. Авторы каталога оговаривают единые требования к передаче текстов, которым стараются следовать при публикации надгробий.

Издание каждого памятника включает в себя фотографию его лицевой стороны, содержащей текст эпитафии, описание физических параметров (линейные размеры, материал и классификация по типу формы), расшифровку текстов эпитафии на языке оригинала (как правило, это иврит или русский, а в случае № 364 — идиш) и их переводы на русский (при необходимости) и английский языки. В случаях, если оригинальный текст эпитафии — русский, перевод на этот язык не приводится. Исключениями являются те надгробия, для которых оригинальными языками эпитафии являются и русский, и иврит (например, №№ 221, 344). Правда, в некоторых случаях, (например, для № 238) заметны отступления от этого правила. Также авторы не оговаривают различия в размерах кегля шрифта при публикации расшифровок части надгробий на новом участке кладбища.

Заглавная часть публикации каждого памятника включает в себя его номер и имя погребенного вместе с фамилией (при наличии), патронимом и годом смерти. Памятники без сохранившейся надписи опубликованы с указанием только типологии формы и физических параметров.

Фотографии выполнены весьма квалифицированно. Они отражают ориентацию памятников по сторонам света, и в большинстве случаев их размер и качество позволяют сверить текст эпитафии на камне с имеющейся в публикации расшифровкой. Единственным заметным недочетом, на который хотелось бы обратить внимание издателей, можно назвать расшифровку эпитафии № 344 (Мера Залмановна Фейгельман), где в издании исправлена “ошибка” в отчестве покойной, заметная по фотографии. На камне в русской части текста эпитафии выбито “Заумоновна”.

Как уже было отмечено выше, лепельское кладбище состоит из двух участков — старого (№№ 1–206) и современного (№№ 206–402). Большинство эпитафий нового участка выполнены на русском языке или содержат незначительное количество текста на иврите и почти лишены традиционных иудейских религиозных символов. Форма и типология памятников на новом участке, как правило, не отличается от аналогов, встречающихся на современных кладбищах позднесоветской и постсоветской эпохи. Нумерация памятников в каталоге отражает порядок номеров, присвоенных им в процессе работы экспедиции в поле. Географическое их расположение наглядно позволяет себе представить топографический план кладбища, опубликованный на внутренней части задней стороны обложки книги.

Очень полезны для работы с каталогом подготовленные исследователями индексы встречающихся в эпитафиях имен, дат, фамилий и географических названий. Также имеется указатель типологии встречающихся на кладбище форм надгробий. Особенно полезным для исследователей может оказаться указатель фамилий, отчасти пересекающийся с опубликованным в третьей части сборника списком евреев Лепеля. Последнее особенно существенно, в виду того что авторы каталога отмечают раннее (еще со второй половины XIX в.) и очень широкое распространение в Лепеле традиции указывать фамилию покойного в тексте эпитафии [Бахтадзе et al. 2015: 117].

Таким образом, несмотря на незначительные технические ошибки, каталог еврейского кладбища Лепеля обречен стать незаменимым пособием не только для местных краеведов, но и для широкого круга специалистов, интересующихся историей и культурой евреев Белоруссии.

Очень полезным для исследователей может оказаться третий раздел сборника, включающий в себя публикацию материалов по истории города и его еврейской общины. В него вошли публикации мемуаров еврейских жителей [Лифшиц 2015; Крылова 2015] и списки отдельных групп евреев Лепеля и Чашников. Среди них имеются один общий список евреев, проживавших в Лепеле в 1922 г. и несколько перечней отдельных групп еврейского населения: неграмотных, детей, членов религиозной общины и т. д. Большинство списков фиксируют данные о численном и демографическом составе еврейского населения Лепеля и его ближайших окрестностей в период 1921–1923 гг., вскоре после завершения Советско-польской войны и окончательного утверждения советской власти в Восточной Белоруссии. Правда, один из них (“Сведения о евреях г. Лепеля, составленные на основании запросов горожан, Лепельского уездного военкомата и справок, выданных отделом ЗАГС лепельского уисполкома”) не датирован. На сс. 485–492 опубликован устав Лепельского общества помощи бедным евреям. Оригиналы публикуемых в этом разделе документов хранятся в Государственном архиве Витебской области, Национальном историческом архиве Беларуси и в личных семейных архивах лепельских евреев. Публикации были подготовлены К. Карпкиным и М. Коженевской.

К сожалению, в этом разделе нельзя не заметить одну небольшую неточность, вероятно, возникшую вследствие недоразумений технического характера. В переводе статьи о Лепеле из пятого тома польского географического словаря 1880–1902 [SGKP 1884: 149–151] ошибочно указано, что город расположен под 54°53′ ю ж н о й ш и р о т ы [Амосова 2015: 351], что совершенно невозможно, учитывая его нахождение в северном полушарии, и не очень вяжется с характеристикой Лепеля в оригинальном тексте словаря: “Lepel, miasto powiat. gub. witebskiej, leży pod 46°52′ dłg. wsch. i 54°53′ szer. półn”.

В заключение стоит отметить, что сборник “Лепель. Память о еврейском местечке”, несомненно, достоин того, чтобы быть рекомендованным не только специалистам по истории и этнографии Белоруссии или исследователям славяно-иудаики, но и широкому кругу читателей.

Библиография

АМОСОВА 2015

АМОСОВА С., отв. ред., *Лепель: память о еврейском местечке*, Москва, 2015.

БАЗАРЕВИЧ 2015

БАЗАРЕВИЧ А., «Еврейское население в народной традиции г. Ушачи и окрестностей: этноконфессиональные стереотипы», in: [Амосова 2015: 84–87].

БАХТАДЗЕ ET AL. 2015

БАХТАДЗЕ Д., ВЕРХОЛЕВСКИЙ Ю., ГОРДОН М., ДИМЕНШТЕЙН Р., ДУБИНЧИНА Е., ДЯКИВА Е., КАРАСЁВА Е., КОТИК А., КРУМПЛЕВСКИЙ В., ЛЕНЬ Ю., МЕЛЬНИК Д., ОМОНОВ Н., СОЛОМАТИНА Т., ТОЛЕРЁНОК Е., «Каталог еврейского кладбища города Лепель», in: [Амосова 2015: 115–347].

БЕЛОВА 2015

БЕЛОВА О., «Еврейское кладбище в рассказах жителей Лепеля и окрестностей», in: [Амосова 2015: 92–114].

КАРПЕКИН 2015А

КАРПЕКИН К., «Они жили в этом городе. . .»: Очерки истории лепельских евреев в 1840-е–1930-е гг., in: [Амосова 2015: 15–28].

——— 2015Б

КАРПЕКИН К., «История чашникских синагог: 1920–1930-е гг.», in: [Амосова 2015: 29–34].

КОЖЕНЕВСКАЯ 2015

КОЖЕНЕВСКАЯ М., «В гостях у Серафимы Моисеевны», in: [Амосова 2015: 81–83].

КОПЧЕНОВА 2013

КОПЧЕНОВА И., отв. ред., *Желудок: память о еврейском местечке*, Москва, 2013.

КРЫЛОВА 2015

КРЫЛОВА А., «Мои лепельские корни», [Амосова 2015: 360–365].

КУХТИНА, САВИНА 2015

КУХТИНА В., САВИНА Н., «Неофициальная топонимия города Лепель», in: [Амосова 2015: 53–67].

ЛИФШИЦ 2015

ЛИФШИЦ В., «Главным в жизни для него была работа: Воспоминания об отце Моисее Лившице из местечка Камень Лепельского района», in: [Амосова 2015: 354–359].

МОРОЗ 2015

МОРОЗ А., «Еврейский Лепель глазами сельских жителей», in: [Амосова 2015: 35–52].

ПЕТРОВ 2015

ПЕТРОВ Н., ««На меня всё говорят: 'ты на яўрейку похожа!'»: Индивидуальное интервью в системе знаний о традиции», in: [Амосова 2015: 68–80].

ТУХТО 2015

ТУХТО В., «Еврейские кладбища Лепельского района», in: [Амосова 2015: 88–91].

SGKP 1884

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, 5, Warszawa, 1884.

References

Bazarevich A., "Ethno-confessional Stereotypes about Jews in the Popular Tradition of the Town of Ushachi and its Surroundings," in: S. Amosova, ed., *The Shtetl of Lepel in Contemporary Cultural Memory*, Moscow, 2015, 84–87.

Belova O., "The Jewish Cemetery in Narratives of Residents of Lepel and Surroundings," in: S. Amosova, ed., *The Shtetl of Lepel in Contemporary Cultural Memory*, Moscow, 2015, 92–114.

Karpekin K., "They Lived in This City: Essays on History of Lepel Jews in 1840s–1930s," in: S. Amosova, ed., *The Shtetl of Lepel in Contemporary Cultural Memory*, Moscow, 2015, 15–28.

Kopchenova I., ed., *The Shtetl of Zheludok in Contemporary Cultural Memory*, Moscow, 2013.

Kukhtina V., Savina N., "Unofficial Toponymy of the Town of Lepel," in: S. Amosova, ed., *The Shtetl of Lepel in Contemporary Cultural Memory*, Moscow, 2015, 53–67.

Moroz A., "Jewish Lepel in the Eyes of Countrymen," in: S. Amosova, ed., *The Shtetl of Lepel in Contemporary Cultural Memory*, Moscow, 2015, 35–52.

Tukhto V., "Jewish Cemeteries of Lepel District," in: S. Amosova, ed., *The Shtetl of Lepel in Contemporary Cultural Memory*, Moscow, 2015, 88–91.

Acknowledgements

Russian Science Foundation. Project No. 15-18-00143.

Борис Евгеньевич Рашковский, канд. ист. наук

Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени
М. И. Рудомино, старший научный сотрудник группы религиоведения

109189 Москва, ул. Николоямская, д. 1

Россия/Russia

borisevg@gmail.com

Received December 13, 2016

**Психолингвистические
аспекты славянской
фразеологии:
“Славофраз-2016”***

Валерий Михайлович Мокиенко

С.-Петербургский государственный
университет
С.-Петербург, Россия

**Psycholinguistic Aspects
of Slavic Phraseology:
“Slavofraz-2016”**

Valerij M. Mokienko

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Фразеология, как известно, имеет прямое отношение к психологии. Не случайно З. Фрейд при тестировании своих пациентов обильно использовал фразеологический и паремиологический материал. Слависты-фразеологи давно обратили внимание на эту сторону исследуемых ими языковых единиц и постоянно обращались и обращаются к этой актуальной проблематике. Вот почему, когда Институт славистики университета им. Карла-Франца в австрийском городе Грац (Karl-Franzens-Universität Graz) предложил свою научную площадку на тему “Фразеология и (наивная) психология” („Phraseologie und (naive) Psychologie“), на их призыв откликнулось 60 фразеологов из 15 стран.

Не случайно и меткое общее наименование этой конференции, состоявшейся в Граце с 7 по 10 апреля 2016 года, — “Славофраз-2016” (Slavofraz-2016). Ведь именно благодаря инициативе и усилиям профессора Грацкого университета Вольфганга Айсмана в бытность его директором института славистики в 90-е годы прошлого века была создана европейская ассоциация фразеологов — “Еврофраз”, которая сейчас задает тон мировой фразеологии и издает фундаментальные серии трудов по этой дисциплине. Проф. В. Айсман привлек к фразеологическим исследованиям своих сотрудников, которым и ранее была не чужда эта проблематика, — проф. П. Гржибека, проф. Х. Пфандля, проф. Ханзен-Жокоруш и других, тем самым

* Работа написана при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01062).

создав в Грацском университете признанный европейский центр славистической фразеологии. Им же в 1995 году в Граце была организована международная конференция “Еврофраз-1995”, которая привлекла как патриархов европейской фразеологии (В. Г. Гака, М. М. Копыленко, В. Н. Телия, Е. Эккерта, Й. Матешича и мн. других), так и фразеологическую молодежь, особенно славистическую. “Славофраз-2016” в каком-то смысле стал подведением итогов фразеологических исследований на славянском материале за последнее двадцатилетие. В то же время этот форум стал мощным стимулом развития этой все еще молодой лингвистической дисциплины в европейской славистике.

Сама тематика “Славофраз-2016” подчеркивает отличительную особенность фразеологии от других специализированных отраслей лингвистики. Фразеологизмы и паремии так тесно связаны с этнографией, фольклором, культурологией, социологией и другими экстралингвистическими дисциплинами, что не учитывать их при собственно лингвистическом анализе фактов невозможно. Междисциплинарность фразеологии и была продемонстрирована большинством докладчиков на конференции в Граце.

Инновативным стало само открытие конференции. После приветствия декана проф. Лукаса Маера (Lukas Meyer) и директора института славистики проф. Ренаты Ханзен-Кокоруш (Renate Hansen-Kokoruš) вместо пленарных докладов организаторами конференции (prof. Agnieszka Wędkowska-Korczyk, prof. Heinrich Pfandl) был предложен Открытый круглый стол, на котором были сделаны пятиминутные вводные доклады. Они стали “затравкой” для плодотворных дискуссий, в которые были вовлечены многие участники конференции, а не только приглашенные докладчики. Такое фразеологическое “Talk Show” (кстати, проведенное его инициатором и модератором проф. Петером Гржибеком на английском языке) позволило сразу же расставить доминантные акценты будущих секционных заседаний.

Проф. Агнешка Бендковска-Копчик (AGNIESZKA WĘDKOWSKA-KORCZYK) предложила для обсуждения многие аспекты лингвистических концепций трактовки эмоций в различной их терминологической огласовке — например, наивная психология (Ю. Д. Апресян), прототипические сценарии (Kövecses и Lakoff), культурные сценарии (A. Wierzbicka). Этот обзор был призван привлечь внимание к культурологической составляющей интерпретации эмоций на фразеологическом материале славянских языков. Проф. Н. Брагина предложила для дискуссии дилемму “Наивна ли наивная фразеология?”, продемонстрировав работу подсознания во фразеологическом преломлении. Аналитичность образной семантики фразеологизмов с компонентами *душа* и *сердце*, по ее мнению, по-разному запечатлевается языками разных систем, сохраняя в то же время некоторую универсальную “подсознательность”.

Проф. В. Айсман предложил ретроспективную интерпретацию терминов *национальная психология* (Völkerpsychologie), *народная психология* (Volkspsychologie), *психоанализ* (Psychoanalyse) и *фразеология* (Phraseologie), подчеркнув как общее, так и различное в их взаимодействии. Напомнив о значении, которое З. Фрейд придавал именно фразеологии в своих анализах подсознательного (где, возможно, переоценивался мифологический универсальный подтекст, не учитывающий конкретные языковые различия), докладчик отметил, что в этом направлении современная фразеология пока почти не продвинулась.

Проф. В. Мокиенко предложил для дискуссии несколько дихотомических тезисов: а) Существует ли "ненаивная" (resp. научная) психология, если перед ней не стоит в скобках определение *наивная*? б) "Наивно" ли или объективно противопоставление внутренней формы словосочетания с его переносным (resp. фразеологическим) значением? в) Возможно ли объективное, "строго научное" разграничение *научной этимологии* фразеологизмов и *наивной* (resp. *народной, ложной*)? г) Каково место "*научной этимологии*" — "*наивной этимологии*" в системе фразеологии?

Проф. А. Шмелев предложил для обсуждения материал русских метафор движения, обозначающих эмоции и детализированную классификацию эмоциональных состояний. Пространственная метафора эмоции зависит от того, к какому типу эмоций она относится, причем отнесенность эмоции к тому или иному типу может уточняться или модифицироваться посредством определения.

Выступившие в дискуссии развивали идеи, предложенные "затравщиками" Круглого стола, и делились собственным опытом анализа предложенных проблем. В дальнейшем работа была продолжена на секциях, организованных в форме компактных тематических блоков, интенсивно работавших с 8 по 10 апреля. Важно отметить, что доклады на секциях прозвучали практически на всех славянских языках, а также на английском, немецком и французском, что, между прочим, отражает мультилингвальность сотрудников института славистики Грацкого университета.

В **секции А** были прочитаны доклады, исследующие антропоморфный характер фразеологии разных славянских языков.

В докладе Н. Ф. Венжинович анализировались украинские фразеологические единицы (ФЕ), характеризующие межличностные отношения в виде оппозиций ("умный — глупый", "чувствительный — бессердечный", "эмоциональный — рациональный". Фразеология тем самым является языком наивной психологии, отражая психические состояния и процессы, которые переживает человек в разные периоды своей жизни.

Межличностные отношения стали и предметом доклада Марины Малнар Юришич и Петрины Вукша Наход (MARIJA MALNAR JURIŠIĆ, PERINA VUKŠA NAHOD). На материале хорватской диалектной фразеологии проанализированы такие оппозиции, как "согласие — несогласие", "понимание — непонимание", "любовь — ненависть".

Той же теме посвящен и доклад М. Гутовской "Русская и английская фразеологическая психология о межличностных отношениях субъектов спора". Сопоставление сходств и различий в "оязыковлении" спора стимулирует, по мысли докладчицы, использование фразеологии наивной психологии в обучении иностранному языку.

Межличностные отношения в инвективном языковом преломлении стали объектом исследования А. Архангельской, где анализировались различные магические зложелательные формулы — проклятия, заклятия и отсылания. Сопоставляя такие формулы в русском, украинском и чешском языках, автор выявляет предметно-тематический код, заложенный в их мифологической семантике.

Тематически близок к этой проблеме доклад Веры Смоле (VERA SMOLE) "Суеверие и колдовство во фраземах восточнодоленского шентруперского диалекта словенского языка (Vraževerje in čarovništvo v frazemih vzhodnodolenjskega šentruperskega

govora)”. На ярком материале показано “двоеверие”, сохраняемое в течение веков в этом регионе несмотря на то, что языческие представления (например, персонафикация нечистой силы) как защита против чумы уже давно исчезла из народной памяти.

Словенские народные издевки и дразнилки стали темой оригинального доклада Катарины Шримпф (KATARINA ŠRIMPF). Этот жанр фольклора распространен не только при оценке соседних народов, но и жителей соседних сел. Он является своеобразной языковой провокацией конфликтных межличностных отношений, в основе которой лежит универсальная социальная оппозиция “Свое — Чужое”.

Несколько необычным, но в то же время закономерным стало включение в названную серию доклада Х. Вальтера (HARRY WALTER) “Холодная собака и козлина колбаса в немецком языке и их славянские эквиваленты”. На первый взгляд, его тема далека от психологии межличностных отношений и мифологических представлений. Однако докладчик убедительно доказал, что и здесь, несмотря на “заземленность” характеризуемых соответствующими оборотами артефактов, действует тот же закон “наивной психологии”, что и в оценке духовных явлений — а именно, закон народно-этимологических ассоциаций.

Второй блок докладов, зачитанных в секции А, был сосредоточен преимущественно на роли соматизмов во фразеологии разных языков и ее психологической проекции.

В докладе “Наивная физиология и наивная психология через призму русских идиом” Е. Шмелева и А. Шмелев продемонстрировали лингвоспецифику соматической фразеологии, которая заключается в роли частей тела в человеческой деятельности, в частности, в психической жизни и влиянии на соотношение физиологических и психологических процессов. Особое внимание уделено роли крови, отражаемой в идиоматике.

Т. Гухуа (TAMAR GUCHUA) сопоставила структуру соматических фразеологических единиц, выражающих эмоции, в русском и грузинском языках. Несмотря на универсальность языковых образов, заданную экстралингвистическим параметром, фразеологизмы двух языков не тождественны. Автор выделяет три типа фразеологических параллелей: эквивалентные, частично эквивалентные и неэквивалентные. Они анализируются структурно, с помощью символов, квалифицирующих их грамматический статус.

В докладе А. Козеренко рассмотрены фразеологические единицы, характеризующие всевозможные симптомы эмоций, и сделана попытка определить, какие системы человеческого организма могут быть задействованы и какие нарушения их функционирования фиксируются фразеологией. Автор приводит любопытную статистику: из всех идиом русского языка чуть менее одной десятой составляют идиомы, описывающие эмоции (около 850 из примерно 10000 по данным Тезауруса русской идиоматики, 2007). Они характеризуют такие эмоции и чувства, как радость, горе, страх, недовольство и т. п., а также идиомы, описывающие неопределенное сильное переживание.

Эмоциональное возбуждение в славянских и германских языках стало объектом исследования Х. Пфандля (HEINRICH PFANDL) и А. Бендковской-Копчик

(AGNIESZKA WĘDKOWSKA-KORCZYK). Они представили результаты когнитивного анализа фразеологических единиц и словосочетаний, выражающих эмоциональное возбуждение, которые включают лексическую составляющую, связанную с физическим контактом. Они основаны на моделях тактильных-кинестетических действий, которые вызывают определенные телесные ощущения — такие, как боль или чувство прикосновения и под. Данные трех славянских языков (польского, русского и словенского) сопоставляются докладчиками с материалом немецкого и английского языков с попыткой дифференцировать универсальное от национально и культурологически маркированного.

Другие доклады секции А отличались разнообразием.

А. ГРНЯК (ANITA HRNJAK) в докладе с оригинальным названием "И мужчины плачут, разве не так?! (I muškarci plaču, zar ne?)" подвергла анализу стереотипные представления о том, что женщины внешне более эмоциональны, чем мужчины, которые отражены во фразеологии сопоставляемых ею языков (ср. хорв. *plakati kao baba, plakati kao žena*, — рус. *разреваться как баба*, хорв. *tuška suza* — рус. *скупая мужская слеза* или рус. *хохотать как русалка, ржать как кобыла, краснеть как красная девица* и под.).

О психотерапевтическом воздействии смеха и его отражении в чешской и хорватской фразеологии сообщила С. РИВАРОВА (SLAVOMIRA RIVAROVA). Опираясь на обильные материалы Чешского национального корпуса, автор продемонстрировала справедливость представлений о целебном воздействии смеха на психику человека и их универсальность.

Близкую тему в своем докладе "С радостью о словенской фразеологии (Z veseljem po slovenski frazeologiji)" осветили У. ВАЛЕНЧИЧ АРХ (URŠKA VALENČIČ ARH) и Н. ЯКОП (NATAŠA JAKOP). Парадоксально, что словари словенского языка, где слово *veselje* зафиксировано с XVI в. и активно употребляется, до недавнего времени не зарегистрировали ни одного устойчивого сочетания с этим компонентом. Используя богатые словарные материалы и данные национального корпуса, докладчицы выявили и проиллюстрировали активный коннотативный и фразеологический потенциал этого слова и понятия.

Фразеологический образ страха в языковой картине мира был проанализирован Т. АРХАНГЕЛЬСКОЙ на материале польского и чешского языков. Докладчицей определены экстралингвистические и лингвистические признаки именования страха как психофизиологического состояния человека и особенности языкового моделирования этого фрагмента аффективной сферы личности. Особое внимание уделено отраженным во фразеологии двух языков традиционным знаниям и представлениям, — особенно фактам наивного мифологического мышления как фрагментам архаичной картины мира.

Концептуализации страха в словенской фразеологии был посвящен доклад И. СТРАМЛИЧ БРЕЗНИК (IRENA STRAMLJIČ BREZNIK). Определяя страх как одно из неприятных чувств и подчеркивая трудности его собственно языковой дефиниции, докладчица продемонстрировала на богатом материале метафорическую детализацию фразеологических единиц, характеризующих как физиологические, так и психологические признаки соответствующих ощущений.

Концепты "Счастье — Несчастье" в хорватской и немецкой фразеологии были рассмотрены в докладе Ж. МАЦАН (ŽELJKA MACAN) и М. ТУРК (MARIJA TURK). Во

многом ощущения счастливого или несчастливого человека субъективны, что и отражается во фразеологии и иллюстрируется показательными примерами сопоставления двух языков, выявляющих разные типы фразеологических эквивалентов.

Б. БАРЧОТ (BRANKA BARČOT) интересовало взаимодействие компонентов слов со значением 'ревность' и 'зависть' с соответствующими фразеологизмами. Сопоставляя материал немецкого, хорватского и русского языков, докладчица выявила семантические и грамматические корреляции таких выражений (*blass (gelb, grün) vor Neid sein (werden); platzen vor Neid; vor Neid erblassen; ljubomorán kao pas (pseto); izjedati se od zavisti; pozelenjeti od zavisti; ревность не по разуму; белая зависть; черная зависть; завидовать белой завистью кому; завидовать черной завистью кому и под.*).

Концепт "Гнев" во фразеологическом преломлении стал темой доклада М. ОПАШИЧ (MAJA OPAŠIĆ) и Н. СПИЦИЯРИЧ ПАШКВАН (NINA SPICIJARIĆ PAŠKVAN). Анализ этого концепта был представлен также в сопоставительном ракурсе двух неродственных языков — хорватского и венгерского. Авторы показывают, как психологические и физиологические признаки "Гнева" метафорически мотивируют внутреннюю форму и значение фразем и определяют их различия в сопоставляемых языках.

Этот же концепт стал объектом доклада И. ВИДОВИЧ БОЛТ (IVANA VIĐOVIĆ BOLT). Ее оригинальное название — "Кто и почему гневается в хорватской и польской фразеологии? (Tko se i zašto ljuti u hrvatskoj i poljskoj frazeologiji? Frazeo-didaktički pristup kongruenciji odabranih frazeoloških jedinica)" — предполагало не только сопоставление "гневной" фразеологии двух языков, но и предлагало анализ культурных моделей, налагающих печать на типы межъязыковой эквивалентности. Описанная автором градация языковых обозначений состояния гнева используется им и в практике преподавания иностранных языков.

Секция В была представлена не меньшим числом докладов и тематически концентрировалась на характеристике ментальных, возрастных и соматических циклов, воплощенных во фразеологии разных языков.

Само название доклада Т. БОЧИНОЙ "Глупым счастье от безумья, умным горе от ума" свидетельствует, что речь идет о древнейшей семиотической оппозиции. Автор продемонстрировала особенности взаимодействия гедонистических и интеллектуально-познавательных ценностей и антиценностей в русских пословицах и поговорках, выделив различные логемы, основанные на пересечении оппозиции "Ум — Глупость".

На материале словенской паремиологии С. БАБИЧ (SAŠA BAVIČ) рассмотрела близкую семиологическую оппозицию — "Умный — глупый". Пословицы, хранимые в архиве Института словенской этнологии АН Словении, отражают эту оппозицию в русле наивной психологии, концептуализируя стереотипы разного уровня — от объективной оценки этих полюсов ментальности до суеверий и предрассудков.

Оппозиция "Ум" — "Глупость" в словенском языке стала предметом рассмотрения и в докладе М. ЕМЕЦ ТОМАЗИН (MATEJA JEMEC TOMAZIN). При этом автор подвергает анализу фразеологию в специальных юридических текстах, детально описывая языковые средства, которыми обозначаются полюса этой оппозиции. В профессиональных текстах, по наблюдению исследовательницы, возможны и

нейтральные обозначения данных ментальных особенностей, в то время как в живой и литературной речи они в основном оценочны.

Оппозиция "Рациональное — иррациональное" стала предметом анализа в докладе А. Кжижановской (ANNA KRZYŻANOWSKA). Эта оппозиция зиждется на противопоставлении человеческого поведения лиц, подверженных или не подверженных эмоциям. Опираясь на материалы польского и французского национальных корпусов, автор сопоставляет фразеологию соответствующих языков и обнаруживает в их системах как общие, так и дифференциальные характеристики.

Концепты "Равнодушие" и "Незаинтересованность" в зеркале хорватской фразеологии стали объектом исследования Ж. Финк (ŽEJKA FINK). Сопоставляя ее с аналогичным материалом других славянских и неславянских языков, автор отмечает эмоциональную насыщенность таких фразеологизмов и в то же время подчеркивает, что сама семантика этих концептов приводит к ситуациям, которые характеризуются более или менее нейтрально. В докладе многоаспектно анализируются около 20 фразем такого типа.

М. Басич (МАРТИНА ВАЏИЋ) предложила развернутый анализ концепта "Скука" в хорватской (геср. чакавской) речи. По ее мнению, необходимо различать два типа отношений, охватываемых данным концептом. С одной стороны, это эмоциональное состояние, в котором человек чувствует отсутствие интереса к текущей деятельности или чувство пустоты из-за отсутствия интересного содержания или событий. С другой стороны, это характеристика поведения, нарушающего психическое равновесие и провоцирующего скуку. Чакавские идиомы сопоставляются при этом с идиоматикой хорватского литературного языка.

Психологию здравого смысла О. Федосов (OLEG FEDOSZOV) анализировал на материале русских и чешских идиом со значением '(по своей оплошности или неосведомленности) очутиться в неприятном, неловком или невыгодном положении', которые, в силу своей экспрессивности, образуют активные синонимические ряды. Докладчик ставит и отвечает на несколько вопросов о специфике данной фразеологической номинации для сопоставляемых языков и о связи многообразия таких идиом и разнообразия их внутренних форм с отражением ими национально-культурной специфики. Допускается при этом, что универсальность ситуации делает языковые различия в принципе нерелевантными.

Такие важные свойства человеческого менталитета, как "Память" и "Забывчивость", стали объектом анализа М. Л. Фабчич (MELANIJA LARIŠA FAVČIČ). Сопоставляя фразеологию, характеризующую эти свойства в словенском и немецком языках, докладчица приходит к выводу о том, что они концептуализируются исключительно метафорически, причем в русле не только наивной, но и научной психологии, формируя модели мышления.

На материале конкретного анализа польского устойчивого сравнения *jak dziecko* 'как ребенок' в когнитивном ключе, Й. Шершунович (JOANNA SZERSZU- NOWICZ) предложила несколько замечаний о феномене наивной психологии. Ею был проведен опрос польских респондентов, которые по-разному, но именно в духе наивно-психологических представлений интерпретировали данное выражение.

Проблеме возрастных характеристик человека в русской и чешской фразеологической картинах мира был посвящен доклад Л. Степановой. Анализ проводится на материале составляемого автором и его коллегами русско-чешско-

польского идеографического словаря “Человек во фразеологической картине мира”. Докладчица предложила методику выявления сходств и различий в восприятии возраста носителями русского и чешского языков.

Близкая тема раскрывалась в докладе “Жизненный цикл во фразеологии” К. Вельяновской (KATERINA VEĽJANOVSKA). Различные фазы этого цикла, начиная рождением и детством и кончая старостью, отражены во фразеологии. Их дифференциацию докладчица продемонстрировала на македонском материале, особое внимание уделив идиоме, которая включает весь жизненный цикл — *od lulka do groba (dupka)* букв. ‘от колыбели до могилы’.

В докладе “Концептуализация эмоций в словацкой и сербской фразеологии” С. Паунович Родич (STEFANA PAUNOVIĆ RODIĆ) обратила внимание на тесную связь субъективных реакций человека на внешние и внутренние обстоятельства. Соматические реакции (физиологические процессы, состояние тела и т. д.) находят выражение во фразеологии на уровне интуитивной и научной информации. Тем самым подтверждается влияние культурных факторов на фразеологическую характеристику эмоций.

Взаимосвязь эмоций с физическим состоянием человека стала концептуальной осью доклада Б. Ковачевич (BARBARA KOVAČEVIĆ) и Э. Рамаданович (ERMINA RAMADANOVIĆ) “Выражение эмоций в хорватской фразеологии”. Опираясь на естественнонаучные авторитеты, начиная с учения Ч. Дарвина, и современные модели классификации эмоций, докладчица на основе корпуса хорватского языка анализирует соматическую фразеологию, выявляя те обороты, которые имеют эмоциональную мотивацию (например, *ljut (bijesan) kao ris (pas), srce je stalo komu <od straha>* или *srce je sišlo (silazi) u pete komu, srce se steže (steglo, stislo и под.) komu*).

“Выражение чувств и эмоций в болгарской фразеологии” — тема доклада Г. Петровой. Исходным моментом здесь стало разграничение понятий “Чувство” и “Эмоция”. Чувство характеризуется как длительное, относительно устойчивое и субъективное отношение к кому-л., чему-л., в то же время эмоция — это кратковременное, интенсивное и ситуативно мотивированное психическое возбуждение. Автор делает попытку показать это кардинальное различие на болгарском фразеологическом материале, сопоставляя его с соответствующими лексемами.

Доклад П. Дронова (подготовленный в соавторстве с А. Полян) был посвящен идиомам с компонентом *зуб*. На примере таких оборотов было показано, как этот соматизм связан с мыслительной деятельностью (рус. *ни в зуб ногой*), эмоциями (рус. *скрежет зубовный, иметь зуб на кого*, сербск./хорватск. *imati zub na koga*, англ. *gnash one's teeth* и т. п.), речевой деятельностью (англ. *to lie through one's teeth* ‘нагло лгать’, букв. ‘лгать сквозь зубы’, ирл. *labhairt gan fiacail a chur ann* ‘грубая речь’, букв. ‘речь, в которой не найти зубов’). Анализу подверглось варьирование идиом, изменение их значения и возможные контаминации метафорических моделей.

Т. Недашкина продемонстрировала роль фразеологизмов с компонентами *серце* и *око* в наивной картине мира украинцев. Ею проведен психолингвистический анализ 4900 реакций, полученных с помощью свободного ассоциативного эксперимента с 35 стимулами-фразеологизмами с целью реконструкции фрагмента наивной картины мира у носителей украинского языка.

Те же самые соматизмы в составе немецкой и русской фразеологии стали объектом доклада "Фразеологизмы со словом *Auge(n)* / *глаз(a)* в немецком и русском языках как отражение внутреннего мира человека" Л. НЕФЕДОВОЙ. Отталкиваясь от латинской пословицы *Vultus est index animi* (нем. *Das Auge ist des Herzens Zeuge*, рус. *Глаза — зеркало души*), докладчица констатирует универсализм фразеологизмов с этими соматизмами, не упуская из виду и национально-специфических характеристик, получивших в них отражение.

Компонент "Глаз" в составе русской фразеологии был проанализирован и Е. Селиверстовой в докладе "Фразеологизмы с компонентом *глаза* как проявление наивной психологии". Представленные во фразеологии разнообразные характеристики человеческого взгляда связаны со способностью глаз и посредством глаз указывать на физическое и/или душевное состояние личности (*хлопать глазами, вытаращить глаза, смотреть во все глаза, глаза на мокром месте*), выражать весьма широкий диапазон отношения к присутствующим, к собеседнику (*сверлить глазами, глаза прятать*). Устойчивые обороты с компонентом *глаз*, таким образом, указывают на чувства, состояния и отношение.

"Фразеологический портрет души как главного органа психического мира русского человека" — тема доклада И. ВЕПРЕВОЙ, которая перекликалась с проблемами, очерченными в пленарной дискуссионной "затравке" Н. Брагиной.

И. Яндль (INGEBORG JANDL) подвергла анализу антропологическую категорию эмоциональной речи на материале русского дискурса о любви. Интерпретируя избранные литературные тексты и письма с объяснениями в любви, докладчица пытается дефинировать типы дескриптивных отношений между телесным, душевным и пространным параметрами, характеризующимися соответствующей идиоматикой.

"Семиотика клише в масс-медиаальном дискурсе" — тема доклада Н. ШАРМАНОВОЙ. Рассматриваются стереотипные комбинации словесных знаков, которые являются материализованным выражением клише сознания. Автор стремится отграничить клише подобного рода от подобных языковых образований. В восприятии содержания информации СМИ языковое сознание рецепиента информации стремится ассоциировать заданные клишированные формы с давно известным содержанием.

Заключительный доклад секции В — "Религиозная деятельность субъекта и ее отражение в языковой картине мира" Т. Ицкович построила на материале русской фразеологии. Удельный вес соответствующих единиц в общей фразеологической системе русского языка весьма велик и имеет тенденцию к расширению.

Третья, общая, секция была посвящена стратегическим проблемам темы, вынесенной в название конференции, — "Фразеология и (наивная) психология". Ее название было довольно широким, ибо на таких заседаниях объединялись все участники конференции.

И. Шаронов в докладе "Наименования эмоциональных реакций в русском языке" обобщил достижения теории базовых (универсальных) эмоций и критически оценил их разные классификации. Докладчик выявил наиболее часто встречающиеся в русском языке наименования эмоций на основе анализа двух русских грамматических конструкций, описывающих эмоциональное состояние человека: V от N (gen); V в N (loc). Наиболее частотные коллокации, собранные

на основе национального корпуса русского языка, позволят, по мнению И. Шаронова, составить список русских номинаций эмоций и коллокаций — стереотипных способов их выражения.

П. Дюрчо (Peter Ďurčo) раскрыл в своем докладе коллокативные отношения эмоциональных существительных в немецком, словацком, русском и других языках. Коллокации, т. е. узусуализированные словосочетания, представляют собой гетерогенный набор различных языковых элементов. Автор сосредоточивает свой анализ на комбинаторике “эмоциональных” существительных, образующих коллокации. При этом ставятся следующие вопросы: 1) мотивированы ли коллокации такого рода спецификой одного языка либо диктуются межъязыковыми регулярностями? 2) если в сопоставляемых языках существуют сопологаемые коллокации, то какова их природа в других языках, где имеются параллели и различия, и соответственно — каковы предпочтения комбинаторики “эмоциональных” существительных? 3) можно ли приписывать соположенным эмоциональным коллокациям эквивалентные значения и функции, либо они различаются в зависимости от разных контекстных факторов? Докладчик подчеркивает и значимую роль прагматических факторов.

Девиантные психологические состояния в русских устойчивых сравнениях были рассмотрены в докладе Е. Николаевой. Их многочисленность и разнообразие делают эти единицы маркированными и детализированными обозначениями различных девиантных психологических состояний человека: *как бешеный, как сумасшедший, как ненормальный, как полоумный, как невменяемый, как безумный, как обезумевший, как шальной* и т. д. Их можно отнести к той же структурно-семантической модели, что и компаративы со сравнительной частью, выраженной лексемами, обозначающими физическое воздействие на человека: *как ошпаренный, как угорелый, как настеганный*. Анализ словарных дефиниций и контекстов употребления таких оборотов позволяет выявить различия в их семантике и вычленил набор признаков, который в народном сознании связывается с поведением психически больного человека, определить, нарушение каких социально-этических норм являлось девиацией с точки зрения наивной психологии.

Т. Валодзина предложила слушателям этнолингвистический комментарий хтонических образов сферы эмоций в славянских и немецких фразеологизмах. К ним относятся гнев, страх, раздражение, т. е. реальные эмоции, переживания, при мифологизации которых возникает необходимость в их персонификации в образе определенного существа. Восприятие эмоции в субъектных категориях и активное приписывание ей прежде всего зооморфных черт (например, червя) во многом определяет сценарий поведения человека и фразеологическую вербализацию этого поведения. Здесь действует универсальная для человеческого сознания и мифологии оппозиция “Свой — Чужой”.

В рамках этой общей оппозиции рассматривался и словенский материал Э. Кржишник в докладе “Самому себе чужой (Samemu sebi drugi)”. Речь шла о таких оборотах, как *biti (ves, čisto) iz sebe* ‘быть вне себя’, *biti pri sebi* ‘быть в себе’, *biti poln samega sebe* букв. ‘быть наполненным самим собой’. Эти фраземы в основном характеризуют исключительно интенсивные эмоции и экстремальные физические и эмоциональные состояния.

В докладе В. ВАСИЛЬЕВОЙ-БЕГУН "Жизнь на эмоциях без чувств?" представлен анализ предложно-падежной формы *на эмоциях*, употребляемой в русской современной речи в наречной функции (*говорить на эмоциях*) или в качестве категории состояния (*быть на эмоциях*). Данные ресурса Национального корпуса русского языка и актуальные материалы масс-медиа показывают распространение оборота *на эмоциях* в диффузном значении как с одобрительной, так и с негативной оценкой соответствующего состояния.

Тема доклада Н. Вулович (NATAŠA VULOVIĆ) — "Эмоции и психические состояния, выраженные фразеологическими единицами с религиозными компонентами в сербском языке". Такие лексемы с религиозной семантикой, как *душа*, *Бог*, *ђаво*, *црква*, *молишва* и др. образуют активные ряды фразеологизмов разной структуры и семантики — например, *волећи као Бога некога*, *мрзећи некога*, *нештио као ђаво крсти* и под. Семантическое описание таких языковых единиц охватывает ключевые концепты человеческих эмоций и состояний. Компонентный анализ с историко-этимологическим и лингвокультурологическим подходом позволяет выявить отражение христианского наследия в сербской фразеологии.

Взаимоотношение христианской культуры и фразеологии стало и предметом доклада Н. Райноховой (NATAČJA RAJNOŠOVÁ) "Реминисценция библейских фразеологизмов в наивном сознании современного человека". Исходя из тезиса о том, что семантика фразеологических единиц далеко не всегда зависит от семантики его компонентов, а обуславливается многими факторами (например, личностной и национальной картиной мира индивида, градацией ценностей определенного социума и т. д.), докладчица анализирует разные типы фразеологизмов библейского происхождения и показывает, как в них проявляется наивная психология говорящих.

Своеобразным итогом конференции стали три доклада **общей секции**, прозвучавшие в воскресенье, 10-го апреля.

П. ГРЖИБЕК (PETER GRZYBEK) в старую, как античный паремиологический мир, проблему "дефиниции пословицы" влил молодое вино проблематики, заданной организаторами нашей инновативной конференции. Им был поставлен острый вопрос: являются ли известные нам с древнейших времен определения *пословицы* и *поговорки* профессиональными (т. е. научно корректными) или же они остаются наивно-психологическими? Не разрешенная со времен Аристотеля, эта проблема продолжает волновать современных фразеологов и паремиологов, рождая бесконечные дискуссии. Докладчик предложил критический обзор многочисленных подходов к этой проблематике и призвал к аналитическому сопоставлению профессиональных и наивно-фольклористических дефиниций *пословицы*. При этом было отмечено, что к дефиниционной истине наиболее близко подошли исследователи англо-американского, германского, романского и славянского академического (т. е. профессионального) мира.

Диалектический симбиоз научной и окружающей участников конференции реальной действительности воплотился в докладе А. БАРАН (ANNELI BARAN) — "Пословицы о погоде как модель народной психологии". Действительно: апрельская погода, царившая в Граце во время конференции, располагала и к научным заседаниям, и к познавательным прогулкам по этому уютному университетскому городу, одному из центров австрийской славистики. Докладчица показала, как в

прогностической паремиологии отражаются самые разноречивые факторы предсказания погоды — от сугубо реалистических, навеянных многолетним крестьянским опытом, до заведомо наивных, мифологических, ирреальных. Отмечая определенный универсализм этих пословиц в немецком, русском и эстонском языках, докладчица вместе с тем продемонстрировала их национальную специфику, обусловленную как средством обитания соответствующих народов, так и языковой средой, которой они порождены.

М. МЕТЕРЦ (МАТЕЈ МЕТЕРС) представил в своем докладе результаты собственных психолингвистических разысканий, целью которых было установление известности/неизвестности (resp. употребительности/неупотребительности) словенских пословиц носителями языка. Данные известных словарей докладчик сопоставил с материалами национального корпуса словенского литературного языка, которые затем были проверены путем опроса носителей языка. Оказалось, что в реальном употреблении “нулевых” (т. е. кодифицированных лексикографически) вариантов паремий значительно меньше, чем их вариантов, бытующих в живой речи и достаточно репрезентативно отраженных в корпусе. Такие исследования несомненно станут перспективой дальнейшего изучения и лексикографического описания славянской паремиологии. Тем более что сайт доступен всем, кто такими проблемами заинтересуется: <http://www.slavofraz.uni-graz.at/>.

Нельзя не отметить образцовую организацию “Славофраза-2016”, научную и подлинно дружелюбную атмосферу его проведения. Поддержку конференции оказали городские власти, о чем свидетельствует и коллегияльный прием его участников бургомистром в старинной Ратуше. Объединительному духу, царившему на конференции, способствовала и познавательная поездка по Штирии, где участники смогли пообщаться с жителями и насладиться незабываемыми пейзажами. Словом, дилемма “научная или наивная психология” фразеологами-славистами как всегда была разрешена диалектично: славянская фразеология и ее носители и исследователи до научного наивны и до наивности научны, что и является неисчислимым ресурсом ее национального колорита и языковой экспрессивности.

Acknowledgements

Russian Science Foundation. Project No. 17-18-01062.

проф. **Валерий Михайлович Мокиенко**, доктор филол. наук
С.-Петербургский государственный университет,
филологический факультет,
профессор кафедры славянской филологии,
председатель фразеологической комиссии
при Международном Комитете славистов
199034 С.-Петербург, Университетская наб., д. 11
Россия/Russia
mokienko40@mail.ru

Received June 27, 2016

In memoriam

Ольга Викторовна
Лосева

Olga V. Loseva

(22.02.1971 – 18.03.2017)

**Ольга Николаевна
Афиногенова**

Церковно-научный центр
“Православная энциклопедия”
Москва, Россия

Olga N. Afinogenova

Church Research Center
“Orthodox Encyclopedia”
Moscow, Russia

18 марта 2017 года на 47-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни в Греции скончалась Ольга Викторовна Лосева, видный исследователь рукописного наследия Древней Руси, глубокий знаток истории и искусства Греции и Кипра. Долгое время Ольга Викторовна проработала ведущим научным сотрудником, а затем — заведующей редакцией агиографии Церковно-научного центра “Православная энциклопедия”. После ее отъезда в Грецию по месту жительства мужа она продолжала тесное сотрудничество с энциклопедией в качестве автора и внештатного редактора.

О. В. Лосева родилась в Москве, ее отец Виктор Иванович Лосев был крупным исследователем и издателем рукописного наследия М. А. Булгакова. В 1995 г. О. В. Лосева с отличием закончила исторический факультет МГУ. В кругу ее научных интересов особое место занимали исследования рукописных книг. Продолжительное время она была страшим научным сотрудником рукописного отдела Российской государственной библиотеки. В 1999 г. защитила диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук по теме “Месяцесловы древнерусских Евангелий XI–XII вв.”. В 2001 г. была опубликована монография “Русские месяцесловы XI–XIV вв.”, которая внесла важнейший вклад в исследование древнерусского рукописного наследия. Эта работа стала результатом десятилетнего труда; для создания монографии был привлечен весь комплекс сохранившихся рукописных источников, содержащих месяцесловы, и проведен анализ влияния

греческих протографов на русские месяцесловы. В 2003 г. эта работа была удостоена Молодежной премии Фонда митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова).

Начиная с 2001 г. более пятнадцати лет Ольга Викторовна проработала в ЦНЦ “Православная энциклопедия”, где, благодаря широким научным интересам, глубочайшей эрудиции и свободному владению новогреческим языком, вела несколько тематических направлений: византийская и новогреческая агиография, история Греции и Кипра в новейшее время, история Элладской Православной Церкви. Во всех этих направлениях она выступала и как высококвалифицированный редактор, и как плодотворный автор статей. Всего ее авторству принадлежат более 1000 статей в “Православной энциклопедии”.

Работа в энциклопедии шла параллельно с исследовательской деятельностью. О. В. Лосева участвовала в научных конференциях, посвященных византийскому и древнерусскому искусству и истории, опубликовала в научных периодических изданиях около 40 статей. В 2009 г. у О. В. Лосевой вышла вторая монография — “Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV в.”, которую она посвятила памяти своего наставника — Лидии Петровны Жуковской, выдающегося слависта и лингвиста. Как и первая монография, эта работа отличается невероятно широким охватом источников, что дало автору возможность воссоздания объективной картины становления и развития древнерусской агиографии.

Труд О. В. Лосевой был неоднократно отмечен церковными наградами: Медалью митр. Макария (2003), Медалью прп. Серафима Саровского (2005) и Патриаршей грамотой (2010).

История Церкви и агиография были для О. В. Лосевой не только областями науки, но и важной духовной составляющей ее жизни — жизни глубоко верующей православной христианки.

Уход из жизни О. В. Лосевой — это невосполнимая потеря для российской науки и тяжелая утрата для родных и близких. Все, кто знал О. В. Лосеву, помнят ее как человека с ярким, сильным характером, бесконечно преданного своему делу, которым она жила в буквальном смысле слова, и вместе с тем она оставалась искренним отзывчивым другом, готовым всегда помочь и разделить радость и горе. Она охотно делилась своим огромным опытом с молодыми коллегами, никому никогда не отказывала в содействии. Находясь в борьбе с тяжелой болезнью, О. В. Лосева работала над научными статьями до последних дней жизни.

Уникальный исследовательский подход О. В. Лосевой соединял в себе методичный подбор источников и глубокий их анализ с привлечением греческих прототипов. Ее труды являются важным вкладом в изучение древнерусской и византийской агиографии.

Основные труды О. В. Лосевой Монографии

ЛОСЕВА О. В., *Русские месяцесловы XI–XIV вв.*, Москва, 2001.

ЛОСЕВА О. В., *Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV в.*, Москва, 2009.

Научные статьи

- ЛОСЕВА О. В., “Месяцеслов Архангельского Евангелия 1092 г.”, in: *Архангельскому Евангелию 1092 года – 900 лет*, Москва, 1995, 46–54.
- ЛОСЕВА О. В., “О родстве месяцесловов Остромирова Евангелия и Охридского Апостола”, in: *Записки Отдела рукописей Российской государственной библиотеки*, 50, Москва, 1995, 324–329.
- ЛОСЕВА О. В., “Одна из загадок месяцеслова Остромирова Евангелия”, in: *Румянцевские чтения: Материалы научно-практической конференции*, 2, Москва, 1996, 56–60.
- ЛОСЕВА О. В., “Месяцеслов и именовслов в Древней Руси”, in: *Румянцевские чтения: Материалы научно-практической конференции*, 2, Москва, 1996, 63–71.
- ЛОСЕВА О. В., “О землетрясениях в греческих и древнерусских месяцесловах и об особенностях Холмского Евангелия XIII в.” in: *Записки Отдела рукописей Российской государственной библиотеки*, 51, Москва, 2000, 339–349.
- ЛОСЕВА О. В., “Периодизация древнерусских месяцесловов XI–XIV в.”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2 (4), 2001, 15–36.
- ЛОСЕВА О. В., “«Латиняне» в проложном сказании 9 мая”, in: *Византия и Запад: 950-летие схизмы христианской Церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами*, Москва, 2004, 112–116.
- ЛОСЕВА О. В., “Особенности состава древнерусского Пролога 1313 г. (ГИМ Син. 239)”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2 (16), 2004, 96–100.
- ЛОСЕВА О. В., “Молитва над болящим в составе требника РНБ, Q.п.I.24, XIV в.”, in: М. В. Грацианский, П. В. Кузенков, ред., *KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия И. С. Чичурова*, Москва, 2006, 280–303.
- ЛОСЕВА О. В., “«Слово от Жития святого Феодосия» в составе древнерусского Пролога”, in: *Проблемы источниковедения*, 1 (2), Москва, 2006, 38–40.
- ЛОСЕВА О. В., “География Византийской империи глазами переводчика древнерусского Пролога”, in: *Восточная Европа в древности и средневековье, 18: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII чтения памяти В. Т. Пашуто*, Москва, 2006, 114–117.
- ЛОСЕВА О. В., “Жития русских святых в составе первой редакции древнерусского Пролога”, in: *Религии мира. Истории и современность: 2005*, Москва, 2007, 92–94.
- ЛОСЕВА О. В., “Какой редакцией пролога пользовался Кирилл Туровский?”, in: Н. Н. Лисовой, ред., *История: Дар и долг: Юбилейный сборник в честь А. В. Назаренко*, Москва, С.Петербург, 2010, 137–151.
- ЛОСЕВА О. В., “Сказания об иконе Божией Матери Портаитиссы: предварительные наблюдения”, in: П. В. Кузенков, А. А. Войтенко, М. В. Грацианский, *ΘΕΟΛΟΓΙΑΣ: Сборник статей памяти проф. И. С. Чичурова*, Москва, 2012, 183–202.

Избранные публикации последнего времени

- ЛОСЕВА О. В., “Кипрская Православная Церковь: Распространение христианства; КПЦ в период британского правления; КПЦ в независимой республике Кипр”, in: *Православная энциклопедия*, 34, Москва, 2014, 9–21, 34–48, 48–58.
- ЛОСЕВА О. В., “Критская Православная Церковь”, in: *Православная энциклопедия*, 39, Москва, 2015, 22–29.
- ЛОСЕВА О. В., “Мария Магдалина: Мария Магдалина в византийской и новогреческой агрографической традиции; Мощи Марии Магдалины на православном Востоке”, in: *Православная энциклопедия*, 43, Москва, 2016, 569–572.

Ольга Николаевна Афиногенова, канд. ист. наук
Церковно-научный центр “Православная энциклопедия”, заведующая
научной редакцией “Агиография восточно-христианских Церквей”
105120 Москва, Нижняя Сыромятническая ул., д. 10а
Россия/Russia
helgaharen@mail.ru

Received May 9, 2017

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВѢНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 6. № 1

Московский педагогический
государственный университет, 2017

Подписано в печать 31 • VIII • 2017 г. Формат 70x100/16.
Объём 37 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119991, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А / Московский педагогический государственный
университет. 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.
Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001, Московская обл.,
г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.